

256278

LI
matériaux pour servir à l'histoire des sectes russes. Livraison 5.
Redigé par V. Bontch-Brouévitch.

Матеріали къ исторіи и изученію русскаго сектанства и старообрядчества.
Подъ редакціей Владимира Бончъ-Бруевича.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

Собраніе сочиненій
Г. С. СКОВОРОДЫ.

Томъ I.

Съ біографіей Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскаго.

съ замѣтками и примѣчаніями

Владимира Бончъ-Бруевича.

Портретъ и факсимиле автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Matériaux pour servir à l'histoire des sectes russes. Livraison 5.
Redigé par V. Bontch-Brouévitch.

Матеріали къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества.
Подъ редакціей Владимира Бончъ-Бруевича.

2
-44
ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

Собрание сочинений
Г. С. СКОВОРОДЫ.

Томъ I.

Съ біографіей Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскаго,

съ замѣтками и примѣчаніями

Владимира Бончъ-Бруевича.

Портретъ и факсимиле автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

105104

НБ ПНУС

256278

Книгоиздательство „Жизнь и Знание“.

Адресъ редакціи и конторы:

ВЛАДИМИРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ БОНЧЬ-БРУЕВИЧЪ

Петербургъ, Пески, Херсонская ул., д. № 5, кв. 9. Тел. № 177-54.

С.-Петербургъ, сентябрь, 1912 г.

М. Г.

Увѣдомляю Васъ, что „Библиотека для юношества“, издаваемая книгоиздательствомъ „Жизнь и Знание“, пополнилась седьмымъ выпускомъ. Въ немъ напечатана работа **И. С. Абрамова**: „Что говорятъ забытыя могилы“, подъ редакціей и съ предисловіемъ **М. В. Новорусскаго**.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе **М. Новорусскаго**. — I. Незапамятныя времена. — II. Стоянки каменнаго вѣка. — III. Долмены. — IV. Катакомбы. — V. Курганы. — VI. Скиѣскія могилы. — VII. Какъ мы раскапывали курганъ въ Кубанскихъ степяхъ. — VIII. Игрушки дѣтей, жившихъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ въ предѣлахъ Южной Россіи. — IX. Каменные бабы. — X. Городища. — XI. Исчезнувшіе царства и города. — XII. Заключение. — Приложение. Необходимыя указанія для изучающихъ памятники древности.

Въ книгѣ помѣщены 67 рисунковъ въ текстѣ.

(См. на оборотѣ)

Цѣна: въ цвѣтной обложкѣ, напечатанной въ три краски—**65 коп.**, въ папкѣ—**85 коп.**; въ изящномъ переплетѣ—**1 р. 15 к.**

Выписывающіе по каталогу книгоиздательства „Жизнь и Знаніе“ книгъ **на два рубля** и больше за пересылку не платятъ.

Книги могутъ быть высланы наложеннымъ платежомъ.

Прошу сообщать подробный адресъ и точно указывать почтовое отдѣленіе откуда обыкновенно получаете почту.

Всѣ заказы, письма, деньги и пр. нужно посылать по адресу:

Владимиру Дмитріевичу Бончъ-Бруевичу

Херсонская улица, домъ № 5, кв. 9.

С.-Петербургъ.

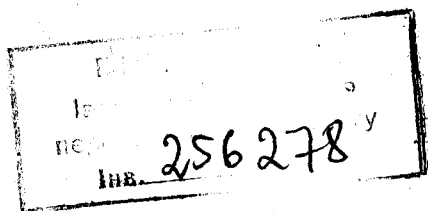
Съ совершеннымъ уваженіемъ

Влад. Бончъ-Бруевичъ.

Типографія В. М. Вольфа. СПб. Невскій, 126.

Портретъ и факсимиле исполнены въ художественной фотоцинкографіи С. М. Прокудинъ-Горскаго. С.-Петербургъ. В. Подъячская, д. 22.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Замѣтка отъ редакціи, Влад. Бончъ-Бруевичъ	VII
Замѣченныя опечатки	XV
Жизнь Григорія Сковороды М. И. Ковалинскаго	1
По поводу опубликованія подлиннаго текста рукописи М. И. Ковалинскаго проф. Д. И. Багалъемъ въ изданіи Харьковскаго историко-филологическаго общества. Владимира Бончъ-Бруевича	43

Сочиненія Г. С. Сковороды.

Разсужденіе о поэзій и руководство къ искусству оной для Переяславской семинаріи	50
„Убуждшеся видѣша славу Его..“	51
„Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ!..“	55
Начальная дверь ко христіанскому добронравію	61
Преддверіе	61
Твердь бесѣды	63
О Богѣ	63
О вѣрѣ вселенной	64
О промыслѣ общемъ	64
О промыслѣ особенномъ для человѣка	65
О десятословіи	68
О истиннѣй вѣрѣ	70
Благочестіе и церемонія—разнь	71
Законъ Божій и преданіе—разнь	71
О страстяхъ или грѣхахъ	72
О любви или чистосердечіи	72
По поводу рукописи „Начальная дверь ко христіанскому добронравію“. Влад. Бончъ-Бруевича	73
Наркіссъ. Разглаголѣ о томъ: Узнай себе	75
Прологъ	75
Чудо, явленное во водахъ Наркіссу	78
Разговоръ о томъ: знай себе	79
Разговоръ 2-ой о томъ же: знай себе	84
Разговоръ 3 й о томъ же: знай себе	87
Разговоръ 4-й о томъ же: знай себе	92

	Стр.
Разговоръ 5-й о томъ же: знай себе	98
Разговоръ 6-й о томъ же: знай себе	101
Разговоръ 7-й о истинномъ человѣкѣ или о воскресеніи	104
Симфонія, сирѣчь согласія священныхъ словъ со слѣдующимъ стихомъ: „рѣхъ: сохраню пути моя, еже не согрѣшати языкомъ моимъ?“	113
Къ рукописи „Наркиссъ“, Влад. Бончъ-Бруевича	121
Симфонія нареченная Книга Асханъ о познаніи самого себе	123
Письмо С. Г. Сквороды къ М. И. Ковалинскому	123
Главизна книги сей	124
Симфонія	125
Къ рукописи „Асханъ“ Влад. Бончъ-Бруевича	190^r
Весѣда нареченная двое, о томъ, что блаженнымъ быть легко	191
Врата Господня въ новую страну, въ предѣлы вѣчности	203
Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ	211
Кольцо. Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ	247
Письмо Г. С. Сквороды къ С. И. Тевяшову	247
Кольцо. Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ	249
Діалогъ или разглаголъ о древнемъ мирѣ	303
Письмо Г. С. Сквороды къ М. И. Ковалинскому	303
Основаніе діалога	304
Разглаголъ о древнемъ мирѣ	304
Разговоръ, называемый алфавитъ или букварь мира	319
Письмо Г. С. Сквороды къ В. С. Тевяшову	319
Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ	322
Нѣсколько окруховъ и крупицъ изъ языческой богословіи	328
Басня о котяхъ	335
Картина изображеннаго бѣса, называемаго грусть, тоска, скука	336
Примѣты нѣкихъ сродностей	340
Сродность къ хлѣбопашеству	342
Сродность къ воинству	342
Сродность къ богословіи	344
Хоръ природныхъ благовѣстниковъ	346
Нѣсколько символовъ, сирѣчь гадательныхъ или таинственныхъ образовъ, изъ языческой богословіи	352
Израилскій змій или картина нареченная: день. Схожа на икону, называемую еллински Σίληνος Αλκίβιάδου Пѣстунъ Алквіадовъ и на Египетскую Льво-дѣву: Сфинксъ	359
Письмо Г. С. Сквороды къ С. И. Тевяшову	359
Главизна сей книги	364
Преддверіе или крыльцо	365
Предѣлъ 1. Обращеніе притчи къ Богу или къ Вѣчности	366

Предѣлъ 2. Въ вещахъ можно примѣтить вѣчность	367
Предѣлъ 3. Начало во всѣхъ системахъ мірскихъ умозрится и всю тлѣнь какъ одежду свою носить. Оно есть Міръ первородный	368
Предѣлъ 4. Здѣсь нѣсколько знаменій, гербовъ и печатей тайно образующихъ горнее Начало	369
Предѣлъ 5. На семь Началъ утверждена вся Библиа	370
Предѣлъ 6. Библиа есть маленькій Богообразный міръ или мірокъ. Міроданіе касается до одной ея, не до великаго тварьми обитаемаго міра	370
Предѣлъ 7. О символахъ или образахъ, какъ оныя назывались у еллинь, а какъ называются въ Библии?	372
Предѣлъ 8. Первый опытъ, испытывающій силу слѣдующаго слова: „совершишася небо и земля“.	374
Предѣлъ 9. (Примѣръ второй) Второй опытъ, испытывающій силу слѣдующаго слова: „поча въ день 17-ый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ“	375
Предѣлъ 10. О захаріевскомъ свѣщникѣ	377
Предѣлъ 11. О снахъ фараоновыхъ	378
Предѣлъ 12. О жертвѣ Авраамской	380
Предѣлъ 13. О седми хлѣбахъ	380
Предѣлъ 14. О плащаницѣ Петру низпущенной	381
Предѣлъ 15. О лѣствицѣ Іаковлѣй. О седми градѣхъ, женахъ, трубахъ и горахъ	382
Предѣлъ 16. О безконечной пространности и непроходимости дому Божію	384
Предѣлъ 17. О змѣѣ	385
Катавасія или снисхожденіе	387
Къ рукописи „Израилскій змій“, Влад. Бончъ-Бруевича	388
Книжечка о чтеніи священнаго писанія нареченна Жена Лотова	390
Письмо Г. С. Сковороды къ М. И. Ковалинскому	390
Примѣта 1-я. О наставникѣ	393
Примѣта 2-я. О симпатіи или сострасти между чтецомъ и наставникомъ	393
Примѣта 3-я. О отверженіи свѣцкихъ мнѣній	393
Примѣта 4-я. О страшной опасности въ чтеніи	394
Примѣта 5-я. О чтеніи въ мѣру	395
Примѣта 6-я. О чтеніи въ пользу душевную	413
Примѣта 7-я. О вѣрномъ вождѣ	414
Брань архистратига Михаила со сатанюю, о семь: легко быть	
благимъ	415
Письмо къ М. Ковалинскому (1788 г.)	415

Главизна творенія	417	
Борьба и прѣя о томъ: претрудно быть злымъ, легко быть благимъ	418	
Бесѣда ангельская о клеветѣ дѣвольской и о козняхъ, отводящихъ отъ истиннаго утѣ- шенія	420	
Львина ограда	423	
Путь спасительный	423	
Путь міра нареченъ пусть	425	
Путь шуїи нареченъ вентеръ	427	
Богачъ, путешествуя, поетъ пѣснь	427	
Лицемѣры, молящися, поютъ	429	
Ангельская пѣснь въ силу сего	430	
Клевета	430	
Кознь	431	
Адское царство на чемъ основано?	433	
Плачущая неплоды	435	
Пѣснь и конецъ сего	437	
Обновленіе мыра	437	
Пѣснь побѣдная	438	
Антифонъ	439	
Прѣя Бѣсу со Варсавою		441
Предѣль, яко все, еже въ мірѣ, похоть очесь, трудъ и горестъ	453	
Край райскій	455	
Благодарный Еродій		459
Письмо Г. С. Сквороды къ С. Н. Дятлову	459	
Главизна и твердь книжицы	460	
Притча нареченна Еродій. Въ ней разглаголь- ствуетъ обезьяна со птенцомъ Еродіевымъ о воспитаніи	461	
Убогій Жайворонокъ. (Притча)		478
Посвященіе Ѳ. И. Дискому	478	
Основаніе притчи	479	
Пѣснь Рождеству Христову, о нищетѣ его	490	
Диалогъ. Имя ему: Потопъ Зміннъ		493
Письмо Г. С. Сквороды къ М. И. Ковалинскому	493	
Глава 1. Притча. Слѣпый и Очитый	495	
Глава 2. Диалогъ или разглаголь	495	
Глава 3. Испытуется Божія сила въ нѣкихъ мѣстахъ библичныхъ	504	
Глава 4. Продолжается судъ надъ зміемъ	509	
Глава 5. О злобѣ зміиной	519	
Глава 6. О Преображеніи	520	
Глава 7. О воскресеніи	523	
Къ рукописи „Потопъ Зміннъ“, Влад. Бончъ-Бруевича		530
Алфавитный указатель собственныхъ именъ, условныхъ выра- женій, названій книгъ, статей и пр. встрѣчающихся въ пятомъ выпускѣ „Матеріаловъ“		531

Замѣтка отъ редакціи.

Еще въ 1900 году, когда я приступилъ къ систематическому изученію міровозрѣнія русскихъ духовныхъ христіанъ-израильтянъ, мнѣ пришлось также ознакомиться съ писаніями Григ. Сав. Сковороды въ томъ видѣ, въ какомъ они имѣлись въ печатной литературѣ того времени. Еще тогда мнѣ бросилось въ глаза разительное сходство ученія украинскаго старца съ тѣмъ глубоконароднымъ, широко распространеннымъ въ Россіи религіозно-общественнымъ ученіемъ, которому духовенство господствующей церкви, во главѣ съ г.г. миссіонерами, дало и даетъ презрительную, ругательную кличку „хлыстовства“, и которое въ сущности является весьма цѣннымъ, вразумительнымъ, интереснымъ и важнымъ и можетъ быть наиболѣе древнимъ пониманіемъ христіанства. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на сравнительномъ изученіи твореній Г. С. Сковороды и писаній другихъ русскихъ учителей духовнаго христіанства, намѣреваясь это сдѣлать во второмъ томѣ собранія сочиненій Г. С. Сковороды, мы не будемъ также излагать здѣсь ученіе Г. С., равно какъ не будемъ высказывать наше мнѣніе на установившійся въ литературѣ взглядъ на міровозрѣвіе Г. С. Сковороды, полагая подробно на всемъ этомъ остановиться при изданіи 2-го тома, когда будутъ опубликованы всѣ остальные дошедшія до насъ творенія Г. С. Сковороды. Мы бѣгло упомянули здѣсь о сродствѣ, близости, а нерѣдко и полной тождественности ученія Сковороды съ ученіемъ русскихъ израильтянъ только для того, чтобы наши читатели могли бы понять почему именно мы издаемъ сочиненія Г. С. Сковороды въ нашей серіи „Матеріаловъ по сектанству“. Мы непоколебимо убѣждены, что Г. С. Сковорода былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ теоретиковъ русскихъ „духовныхъ христіанъ“, талантливо изложившій въ своихъ писаніяхъ то, что повсюду, кругомъ него, говорилось и обсуждалось въ тайныхъ общинахъ народной массы, что онъ добавилъ и развилъ это ученіе и оказалъ огромное вліяніе на дальнѣйшій ходъ мысли во все развивавшихся, все крѣпнувшихъ, несмотря на всѣ преслѣдованія, самобытныхъ ячейкахъ носителей народнаго религіозно-общественнаго творчества.

Если кто хочетъ знать и понять дошедшее до насъ древнее ученіе „духовныхъ христіанъ“ тотъ долженъ тщательно изучать творенія Г. С. Сковороды, такъ какъ они несомнѣнно являются тѣмъ крѣпкимъ

мостомъ, который соединяетъ творчество мысли „духовныхъ христіанъ“ 19 и 20 вѣковъ съ творчествомъ мысли русскихъ израильтянъ вѣковъ минувшихъ, отъ которыхъ, къ сожалѣнію, осталось крайне малое письменное наслѣдіе, такъ какъ все „еригическое“, т. е. несогласное съ мнѣніемъ православнаго духовенства тогда, какъ нѣрѣдко и теперь, варварски уничтожалось представителями господствовавшей ортодоксіи.

Будучи занятъ изученіемъ и собираніемъ матеріаловъ по сектантству современной Россіи я не могъ урвать время на изданіе сочиненій Г. С. Сковороды и вѣроятно еще не скоро собрался бы сдѣлать это, если бы неожиданныя обстоятельства, — такъ сказать „сама судьба“ — не помогли бы мнѣ.

Въ концѣ 1909 года А. А. Шахматовъ передалъ мнѣ списки сочиненій Г. С. Сковороды, которые ему прислалъ Д. И. Багалъй съ предложеніемъ напечатать ихъ въ Академическихъ „Сборникахъ“. Алексѣй Александровичъ предложилъ мнѣ просмотрѣть не подойдетъ ли это къ моей серіи. Узнавъ, что это писанія Сковороды, я тутъ же заявилъ Ал. Ал., что нисколько не сомнѣваюсь, что вполне подойдет, если только удастся справиться съ матеріальной стороною изданія.

Еще разъ прочтя рукописи Сковороды я пришелъ къ несомнѣнному убѣжденію въ крайней необходимости издать ихъ, причемъ я рѣшилъ издать не только то, что прислалъ Д. И. Багалъй, являвшееся дополненіемъ къ ранѣе изданному имъ тому „Сочиненій Григорія Саввича Сковороды“ (Харьковъ, 1894 г.), но переиздать вообще всего Сковороду. Сообщивъ немедленно о своемъ рѣшеніи Ал. Ал. Шахматову, я тутъ же написалъ письмо Дм. Ив. Багалъю, испрашивая его согласія воспользоваться для изданія какъ его копіями рукописей Г. С. Сковороды, такъ и ранѣе имъ изданными текстами, на что вскорѣ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Я буду очень радъ, — писалъ мнѣ Д. И. — если Вы осуществите первое полное изданіе сочиненій и писемъ Гр. Сав. Сковороды. Это будетъ большая заслуга и передъ памятью нашего перваго философа, и передъ обществомъ, которое впервые узнаетъ о духовномъ наслѣдіи этого выдающагося дѣятеля во всемъ его объемѣ. Пора, наконецъ, издать то, что лежало подъ спудомъ болѣе столѣтія!..“ *). „Изъявляю и полное принципиальное согласіе — продолжалъ онъ далѣе, — содѣйствовать Вамъ въ Вашемъ предпріятіи, даю Вамъ право напечатать всѣ отысканныя мною рукописи сочиненій и писемъ Г. С. Сковороды, какъ напечатанныя въ томѣ, изданномъ Харьк. Ист. Фил. Общ., такъ и еще ненапечатанныя; такое же согласіе даетъ Вамъ и Харьк. Ист. Фил.“ **).

*) Изъ письма Д. И. Багалъя къ В. Д. Вончѣ-Бруевичу, отъ 2 декабря 1909 г. (Харьковъ).

***) Тамъ-же.

Получивъ это любезное согласіе Д. И. Багалѣя на переизданіе имъ отысканныхъ рукописей, я принялся за подготовку изданія. Передо мною немедленно стали двѣ задачи: 1) научное осуществленіе изданія и 2) матеріальное его оборудованіе. Для разрѣшенія первой задачи мнѣ казалось совершенно необходимымъ подробное ознакомленіе какъ съ подлинниками рукописей Г. С. Сковороды, такъ и со всѣми тѣми копіями, которыя находятся въ различныхъ книгохранилищахъ и частныхъ архивахъ.

Для этого я обратился въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ съ памятной запиской, въ которой изложилъ планъ изданія собранія сочиненій Гр. С. Сковороды и просилъ Отдѣленіе выписать для моихъ работъ всѣ мною переименованныя рукописи въ Рукописное Отдѣленіе Библиотеки Императорской Академіи Наукъ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ отнеслось сочувственно къ моей просьбѣ и постановило выписать изъ всѣхъ книгохранилищъ нужныя мнѣ рукописи.

Въ скоромъ времени я уже могъ работать надъ рукописями полученными изъ:

- 1) Московскаго Румянцевскаго Музея;
- 2) Библиотеки Московской Духовной Академіи;
- 3) Библиотеки Кіевской Духовной Академіи;
- 4) Библиотеки Императорскаго Харьковскаго Университета;
- 5) Библиотеки Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Въ Петербургѣ рукописи Г. С. Сковороды находились:

- 1) Въ Императорской Публичной Библиотекѣ.
- 2) Въ архивѣ И. И. Срезневскаго, нынѣ переданнаго въ Рукописное отдѣленіе Библиотеки Императорской Академіи Наукъ.
- 3) Копіи, присланныя Д. И. Багалѣемъ, находились у меня, а въ настоящее время онѣ хранятся въ Сектантскомъ отдѣлѣ рукописнаго отдѣленія Библиотеки Императорской Академіи Наукъ.

Всѣ эти источники дали мнѣ возможность произвести ту работу, которую мы представляемъ теперь на судъ читателей и критики.

Считаю необходимымъ отмѣтить здѣсь, что мою работу, нерѣдко кропотливую и долгую, все же вести было сравнительно нетрудно, благодаря той большой дорогѣ, которую такъ энергично проложилъ своими работами и изслѣдованіями Дмитрій Ивановичъ Багалѣй и которому несомнѣнно принадлежитъ пальма первенства въ открытіи Г. С. Сковороды для русской науки. Всѣ изданія и всѣ свѣдѣнія о работахъ Г. С. до книги Д. И. Багалѣя (Харьковъ, 1894 г.), были крайне отрывочны, случайны, неполны. Только эта книга, только это изданіе „Сочиненій Григорія Саввича Сковороды“ дало впервые возможность вполнѣ ориентироваться въ этомъ было забытомъ народ-

номъ писателѣ XVIII вѣка. Намъ пришлось въ дальнѣйшей работѣ критически отнестись какъ къ изданнымъ Д. И. Багалѣмъ текстамъ, такъ и къ копіямъ рукописей, доставленныхъ Д. И. Багалѣмъ для опубликованія въ сборникахъ Академіи наукъ. Сравнивъ ихъ съ подлинниками, мы обнаружили значительные недостатки, пропуски, измѣненія, что нами отмѣчено въ главнѣйшихъ случаяхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Очевидно работа у Д. И. Багалѣя велась спѣшно и вѣроятно при соудникахъ не достаточно внимательно отнесшихся къ своей отвѣтственной задачѣ, но за всѣмъ тѣмъ — все-таки работа, произведенная Д. И. Багалѣмъ надъ твореніями Г. С. Сковороды, весьма обширна, значительна и плодотворна.

Для того, чтобы быть еще болѣе увѣреннымъ въ точности опубликованія текстовъ, по нашей просьбѣ, Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ разрѣшило произвести фотографическіе снимки съ большинства подлинниковъ рукописей Сковороды, сохраняющихся въ Румянцевскомъ Музеѣ. Эти фотографическіе снимки, хранящіеся въ настоящее время въ Сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго отдѣленія Библиотеки Императорской Академіи Наукъ, служили для меня главнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ опубликованія рукописей украинскаго писателя. По два и по три раза была прочитана мною лично корректура по этимъ фотографическимъ снимкамъ, при чемъ, въ большинствѣ случаевъ, копіи, по которымъ производился наборъ также ранѣе были свѣрены съ подлинниками, а иногда рукописи набирались прямо съ фотографическихъ подлинниковъ. Нѣкоторые рукописи были мною лично переписаны съ подлинниковъ Сковороды. Весь этотъ процессъ внѣшней работы мы отмѣчаемъ въ примѣчаніяхъ.

Собраніе сочиненій Сковороды будетъ въ двухъ томахъ.

Въ первый—мы помѣстили, кромѣ біографіи Г. С., написанной его другомъ М. И. Ковалинскимъ, всѣ оригинальныя прозаическія произведенія Г. С. Сковороды.

Во второмъ томѣ предполагаемъ помѣстить: 1) всѣ переводныя его работы, 2) стихи, 3) басни, 4) письма, а также, 5) подробную бібліографію о Сковородѣ, 6) воспоминанія современниковъ и нѣкоторые другіе матеріалы. Кромѣ того мы предполагаемъ дать общій очеркъ ученія Гр. С. Сковороды въ связи съ народнымъ ученіемъ духовнаго христіанства.

Въ настоящемъ томѣ мы даемъ только одинъ снимокъ портрета Г. С. Сковороды, выгравированный художникомъ В. Матѣ для изданія Д. И. Багалѣя и одинъ снимокъ съ почерка Г. С. послѣдняго времени (1791 г.). Во второмъ томѣ будутъ даны снимки со всѣхъ портретовъ

Г. С. Сквороды, дошедшихъ до нашего времени, нѣсколько снимковъ почерка, могилы и пр.

Въ началѣ книги мы отмѣчали въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ цитаты взятая Г. С. Сквородой изъ Ветхаго и Новаго завѣта. Убѣдившись въ томъ, что Г. С. вездѣ цитируетъ этотъ источникъ самымъ тщательнымъ образомъ, и принимая во вниманіе, что въ большинствѣ случаевъ авторъ всегда указываетъ въ текстѣ рукописи кого именно онъ приводитъ во свидѣтельство, на кого ссылается, мы нашли возможнымъ съ 143 страницы прекратить дѣлать эти ссылки.

Очень сожалѣемъ, что отмѣтки на поляхъ о началѣ каждаго листа рукописи стали мы дѣлать не съ начала книги, а лишь только, — по совѣту В. И. Срезневскаго, — съ 14 листа — (211 стр.), а вмѣстѣ съ тѣмъ такія отмѣтки могли бы быть полезными для тѣхъ изслѣдователей, кто пожелаетъ обратиться къ рукописямъ Г. С. Сквороды.

Издавая рукописи Г. С. Сквороды, мы стремились передать ихъ читателю въ той непосредственности, въ какой дошли онѣ до нашего времени, оставляя неприкосновенной орфографію Г. С. Сквороды, замѣнивъ только многочисленныя большія буквы малыми, согласуя ихъ съ знаками препинанія. Также и въ разстановкѣ знаковъ препинанія мы придерживались современности.

На помощь матеріальному осуществленію изданія сочиненій Г. С. Сквороды подоспѣли совершенно неожиданныя обстоятельства. Въ концѣ 1909 г. ко мнѣ пришелъ, съ карточкой отъ А. А. Шахматова, просто одѣтый, по виду крестьянинъ южныхъ губерній, нѣкто В. Н. Радзиховскій. Оказалось, что съ А. А. Шахматовымъ отъ познакомился только что, и пріѣхалъ къ нему потому, что узналъ отъ Д. И. Багалія, что въ Петербургѣ готовится къ изданію собраніе сочиненій Г. С. Сквороды. Мы вскорѣ хорошо познакомились съ В. Н. Радзиховскимъ. Оказалось, что онъ прежде былъ машинистомъ на Владикавказской ж. д., давно задумывается надъ „вопросами вѣчности“, много читалъ и читаетъ, серіозно изучая различные предметы, особенно же его интересуетъ философія. Но то что онъ читалъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, неудовлетворяетъ его. „Все чего то не хватаетъ“ — говорилъ онъ мнѣ. „Все измелъчало, все стремится размѣняться на гроши, все пропитано утилитаризмомъ, матеріальной цѣлью, нигдѣ вѣтъ цѣльныхъ натуръ, ищущихъ, высокихъ умовъ, какъ Нитше, Платонъ, Сократъ, Будда, Христосъ, — все ползаетъ по землѣ и пригнѣтаетъ и безъ того угнетеннаго человѣка, забиваетъ, опошляетъ его и говоритъ еще: твое счастье въ твоемъ корытѣ... А какъ же міръ? — Вѣчное твореніе? Жизнь, смыслъ жизни? Стремленіе къ разрѣшенію вопросовъ прошлаго и будущаго, вопросы вѣчности, какъ быть съ ними? Куда дѣвать ихъ?“

Или тоже въ корѣто?... Нѣтъ, не могу я такъ... Душа томится и жаждетъ отвѣтовъ на тысячу вопросовъ...“ И онъ развивалъ свои теоріи, обнаруживая большія познанія въ различныхъ областяхъ знанія, но очевидно онъ не могъ еще охватить все накопленное имъ, вылить все свое стремленіе въ логическія построенія, облечь въ плоть и кровь свое философское міровоззрѣніе...

„Рыцари духа исчезли, ихъ нѣтъ, а безъ нихъ—не жизнь, а тоска...—пламенно говорилъ онъ мнѣ. Народъ страдаетъ и мечется не имѣя опоры въ истинныхъ учителяхъ, которымъ были бы дороги безконечныя дали, вопросы вѣчности, а не славы и гордости земной. Вотъ у насъ на Украинѣ былъ такой рыцарь духа Григорій Саввичъ Сковорода, — онъ равенъ тѣмъ — Буддѣ, Сократу, Нитше,—но онъ поверженъ, его схоронили и придавили столѣтнимъ гнетомъ. Его надо поднять, онъ долженъ встать и пойти и зашагать по Руси, — это его страна, онъ тамъ будетъ понятъ. Еще тамъ въ глубинѣ, въ почвѣ страны сохранилось рыцарство духа и живые поймутъ и полюбятъ возставшаго изъ мертвыхъ. Сковорода любитъ дикихъ, природныхъ еленей (оленей), поднимающихся все выше и выше, на высоту лучезарныхъ вершинъ, къ источникамъ кристальныхъ, чистыхъ водъ, пьющихъ только отъ источника воды живой. И онъ самъ, такой же быстроногій, гордый и чистый елень, всегда подымался духомъ на вершину горъ человѣческой мысли, все дальше и выше, ища и возвеличивая истиннаго Человѣка, освобождая его отъ всякихъ земныхъ путъ, ища въ чистомъ мышленіи утѣшеніе и счастье, вѣчно стремясь къ вѣчному и безсмертному...“

Съ величайшимъ энтузіазмомъ постоянно возвращался онъ въ нашихъ бесѣдахъ къ Г. С. Сковородѣ, къ его жизни и твореніямъ, являя тѣмъ самымъ разительный примѣръ того, что идеи Г. С. Сковороды, его міросозерцаніе, живы въ народѣ, легко имъ воспринимаются.

Въ одну изъ долгихъ бесѣдъ нашихъ, уходя, какъ-бы вскользь, В. Н. Радзиховскій замѣтилъ: „вотъ издать-то вамъ Сковороду будетъ дорого стоить—такъ вотъ я хотѣлъ вамъ сказать—я пришлю вамъ двѣ тысячи рублей,—у меня немножко денегъ отъ отца осталось,—тысячу вернете черезъ годъ тамъ что-ли, а тысячу—я у васъ книгами заберу—мнѣ онъ все равно потребуются.“ Меня удивило и очень тронуло это неожиданное предложеніе. Я поблагодарилъ за доброе отношеніе къ моему дѣлу изданія „Матеріаловъ“. Радзиховскій уѣхалъ домой на родину. Откровенно говоря я не придавалъ большого значенія этому обѣщанію, такъ какъ всегда хорошо помню, что сотни разъ уже общались мнѣ многіе,—общались по своей инициативѣ,—прійти съ крупной денежной помощью дѣлу изслѣдованія сектантства и старообрядчества въ Россіи и дѣлу изданія „Матеріаловъ“, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ всѣ эти разговоры—кончались только разгово-

рами. Правда тамъ были богатые, желающіе меценатствовать, покровительствовать „наукамъ и искусствамъ“, здѣсь — обыкновенный труженникъ, случайно имѣющій небольшія сбереженія отца, но для него изданіе сочиненій Г. С. Сковороды, очевидно, являлось необходимой настоятельной нуждой, высшей потребностью духа. Я этого не принявъ во вниманіе и, конечно, ошибся. Черезъ двѣ-три недѣли я получилъ чекъ на тысячу рублей и „извиненіе“, что другую тысячу высылаетъ онъ не сейчасъ, а вышлетъ черезъ нѣкоторое время. Прошелъ мѣсяцъ и я получилъ чекъ на другую тысячу рублей. Такъ неожиданно и такъ трогательно пришла мнѣ помощь на изданіе полного собранія сочиненій Гр. Сав. Сковороды, первый томъ котораго я имѣю удовольствіе предложить вниманію читателя. Надъ вторымъ томомъ работы предстоитъ еще очень много—нужно перевести на русскій языкъ многія письма Г. С., написанныя имъ по-латыни, многое нужно выяснить, собрать, привести въ систему, но мы надѣемся не поздне какъ черезъ годъ выпустить и второй томъ.

В. Н. Радзиховскій поручилъ мнѣ отъ его имени обратиться съ слѣдующимъ къ читателямъ Г. С. Сковороды:

„Разсматривая науки съ точки зрѣнія самопознанія въ связи съ древней мудростью, пересматривая и изучая для этого современную и древнюю мысль человѣчества, выразившуюся въ твореніяхъ его учителей и въ памятникахъ народнаго творчества,—я желалъ бы имѣть обмѣнъ мыслей какъ съ читателями Г. С. Сковороды, такъ и съ тѣми, кто задумывается надъ вопросами вѣчности, кто любитъ философію и ищетъ разрѣшенія ея вопросовъ. Я хотѣлъ бы съ такими людьми войти въ общеніе или лично, или письменно, или даже при посредствѣ литературы т. е. тѣхъ трудовъ и работъ которые имѣютъ эти люди.“

В. Н. Р.

„О моемъ адресѣ можно узнать у В. Д. Бончъ-Бруевича.“

Такимъ сложнымъ и долгимъ путемъ, полнымъ неожиданностей, удалось мнѣ, наконецъ, пока хотя отчасти осуществить давнишнее желаніе издать собраніе сочиненій Г. С. Сковороды.

Я уже говорилъ, что старался издать возможно тщательно рукописи Г. С. Сковороды, но, конечно, не считаю себя застрахованнымъ отъ ошибокъ, почему убѣдительно прошу читателей сообщать мнѣ всѣ замѣченные ими недочеты въ изданіи, желательныя улучшенія и пр. и пр. Помимо надежды когда либо повторить изданіе и тогда испра-

вить всё недостатки, я буду имѣть возможность всё значительныя исправленія сообщить при второмъ томѣ и тѣмъ, на пользу общую, улучшить изданіе.

Особенно убѣдительнѣйше прошу тѣхъ лицъ, у кого сохранились какія-либо замѣтки, письма, рукописи—въ подлинникахъ или копіяхъ,—портреты, снимки и пр. и пр., относящіяся къ Г. С. Сковородѣ или ему принадлежавшіе, сообщить мнѣ о томъ, что она имѣютъ, а если возможно, то выслать на просмотръ.

Приношу мою глубокую благодарность Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, которое, пойдя на встрѣчу моей просьбы и выписавъ для меня всё нужныя рукописи, дало мнѣ то основаніе, на которомъ сдѣлана вся моя работа. Сдѣлавъ же фотографическіе снимки съ большинства подлинниковъ, Отдѣленіе тѣмъ самымъ обезпечило мнѣ возможность не спѣшной и тщательной работы надъ рукописями Г. С. Сковороды.

Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь мою глубокую благодарность и признательность Д. И. Багалію, за оказанную имъ мнѣ помощь въ дѣлѣ изданія твореній Г. С. Сковороды. А. А. Шахматову приношу мою искреннюю благодарность за его постоянную заботу, участіе и помощь въ дѣлѣ изданія собранія сочиненій Г. С. Сковороды. Всев. Изм. Срезневскаго крайне благодарю за многочисленныя весьма полезныя указанія при моей работѣ надъ рукописями Гр. С. Сковороды, за его трудъ по считѣнью и свѣркѣ нѣсколькихъ листовъ изданія и многочисленныхъ отдѣльныхъ мѣстъ, а также за предоставленіе мнѣ рукописей Г. С. Сковороды, хранящихся въ архивѣ Срезневскихъ.

Приношу мою благодарность Вѣрѣ Мих. Бончъ-Бруевичъ, помогавшей мнѣ при составленіи „Алфавитнаго Указателя“, свѣрившей двѣ рукописи Г. С. Сковороды въ Румянцевскомъ музеѣ и прочитавшей нѣсколько листовъ второй корректуры. В. Н. Радзиховскому приношу особую благодарность за его столь значительную помощь въ дѣлѣ изданія сочиненій Г. С. Сковороды и радуюсь, что мое съ нимъ знакомство вышло изъ рамокъ дѣловыхъ и вылилось въ самыя пріятельскія отношенія.

Считаю совершенно необходимымъ выразить здѣсь мою искреннюю благодарность метромпажамъ, наборщикамъ, корректорамъ и администраціи типографіи Б. М. Вольфа, которые съ такимъ терпѣніемъ и тщательностью выполнили очень трудную работу набора текстовъ XVIII вѣка, отлично дѣлая трудныя корректуры и всей своей работой не только несомнѣнно соучаствуя, но и помогая дѣлу наиболѣе тщательнаго выполненія этого изданія.

Б. М. Вольфу приношу мою благодарность за постоянное содѣйствіе въ выполненіи этой трудной типографской работы.

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

8 августа 1912 г.

Письма, рукописи, посылки и пр. прошу направлять исключительно по адресу:

Владимиру Дмитріевичу Бончъ-Бруевичу.

Херсонская ул., д. № 5, кв. 9.

ПЕТЕРБУРГЪ.

О П Е Ч А Т К И.

Страница.	Строчка.		Напечатано.	Надо читать.
	Снизу.	Сверху.		
9	14	—	внемля	внемля
36	10	—	права	право
44	16	—	Д. И. Ковалинскаго	М. И. Ковалинскаго
45	—	6	профессера	профессора
211	—	13	какого-то архіепископа	епископа Харьковскаго Филарета
247	14	—	„Кольцо“	выкинуть это слово
459	11	—	Михайной	Михайловной.

Въ нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ сказано: „рукопись хранится... въ Рукописномъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ“. Вездѣ надо читать: „въ Рукописномъ отдѣленіи Библиотеки Императорской Академіи Наукъ“.

Старик, Грм. Сковорода
1772

Любители простоты и истинной свободы,
Безе лести дуче прамой, лаволюши вили вили
Достиги наперо науки, познавши дуче природы,
Достойной для сердца приимьте Сковорода.

Жизнь Григорія Сковороды ¹⁾.

Писана 1794 года въ древнемъ вкусѣ.

Non omnis moriar. Horat.

Во всемъ существующемъ есть нѣчто главное и всеобщее; въ нечеловеческихъ ископаемыхъ земля, въ растительныхъ вода; въ животныхъ огонь; въ человѣкѣ разумъ и такъ далѣе.

Каждое бытіе составляетъ особый кругъ или міръ свой, съ различіями, дѣлимостями, раздробленіями до непостижимости.

Каждая главность, или всеобщность сихъ круговъ имѣетъ надъ

¹⁾ Рукопись эта хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Ее два списка. Одинъ—подлинникъ, написанный рукою М. И. Ковалинскаго, значится подъ № 1489. Рукопись очень хорошо сохранилась. Переплетена въ красный кожаный переплетъ. Бумага рукописи разная по плотности, но однотипная по производству. Водяные знаки фабрики одни и тѣже во всей рукописи. На первомъ листѣ приклеенъ оттискъ портрета Г. С. Сковороды, съ гравюры П. Мещерякова. На второмъ листѣ—заглавіе рукописи: «Жизнь Григорія Сковороды. Писана 1794 года въ древнемъ вкусѣ». На оборотѣ второго листа эпитафія: *Non omnis moriar. Horat.*—Съ третьяго листа начинается текстъ рукописи. Всего въ рукописи 51 листъ, не считая заглавнаго и портретнаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются поправки, сдѣланныя почеркомъ М. Ковалинскаго. На страницахъ 5, 6 (оборотъ), 10 (оборотъ), 49 есть карандашные отмѣтки позднѣйшаго времени. А на стр. 49 въ отдѣлѣ: «Число твореній моихъ» вписано карандашомъ современнымъ почеркомъ: «15а, Убогія жаворонокъ». На оборотѣ лицевой крышки переплета библиотечная помѣтка Румянцевскаго музея: «1875 г. Входящ. № 1489».

Другой списокъ—копія—подъ № 1490. Рукопись хорошо сохранилась. Переплетена въ красный кожаный переплетъ. Бумага такая же, какъ и въ подлинникѣ. Писана крупнымъ, четкимъ писарскимъ почеркомъ. Имѣются поправки, сдѣланныя рукою М. И. Ковалинскаго. Всего, съ заглавнымъ листомъ, 82 листа. На стр. 33, 35 и 79 имѣются карандашные помѣтки.

Подъ заглавіемъ рукописи сдѣлана надпись чернилами: «къ сему же принадлежатъ записки подъ № 13-ымъ, нужныя къ писанію жизни», но ника-

собою и въ себѣ главнѣйшее, всемірное, верховное, единое начало: вся тѣмъ быша ²⁾.

Сіе ³⁾ распространяясь, раздѣляясь въ способности, силы, свойства, постепенности, осуществляетъ невидимыя бытія разнообразно и въ снисхожденіи своемъ гущаясь составляетъ въ человѣкѣ мысленность, въ животныхъ чувство, въ растительныхъ движеніе, въ нечленовныхъ ископаемыхъ существованіе.

Человѣкъ, т. е. воплощенная способность мыслящая, въ семъ началѣ живетъ, движется, и есть ⁴⁾.

Сія всеглавнѣйшая, всемірная, невидимая Сила, едина ⁵⁾—умъ, жизнь, движеніе, существованіе,—изливаясь изъ непостижимости въ явленіе, изъ вѣчности во все-обширность времени, изъ единства исключительнаго до безпредѣльной множественности, образуя кругъ чело-вѣчества, удѣляетъ оному отъ главности своей благороднѣйшее пре-имущество, свободную волю ⁶⁾.

На сей главизнѣ, корени, началѣ основывается власть прави-

кихъ „записокъ“ при рукописи нѣтъ. На оборотѣ лицевой стороны переплета имѣется библиотечная надпись Румянцевскаго музея: „1875 г. Входящ. № 1490“.

Въ копіи искаженъ текстъ современнымъ почеркомъ—зачеркнуты и вставлены слова.

У Д. И. Багалѣя, въ его трудѣ „Сочиненія Григорія Савича Сковороды“, 7-ый томъ изд. „Харьковскаго Историко-филологическаго общества“, какъ въ заглавіи рукописи (стр. 1), такъ и въ текстѣ его „Критико-библиографической статьи“ (стр. СХІІ)—ошибочно напечатано: „Писано въ 1796 г.“, тогда какъ, согласно рукописямъ, нужно: „Писано 1794 года“. Кромѣ того сама рукопись въ текстѣ (стр. 1) названа „житіе“, тогда какъ въ рукописяхъ она озаглавлена „жизнь“. Также неправильно озаглавлена эта рукопись и у Н. Сумцова, (см. „Кіевская Старина“, сентябрь, 1886 г., стр. 113); она названа: „Житіе Сковороды, Григорія Савича“. У Сумцова также пропущенъ эпиграфъ. *Прим. ред.*

²⁾ Въ подлинникѣ рукописи эти слова не выдѣлены, но въ копіи—подчеркнуты. *Прим. ред.*

³⁾ Въ копіи рукописи современнымъ почеркомъ вписано слово: „начало“. *Прим. ред.*

⁴⁾ Последніе два абзаца въ рукописи Сумцова не достаетъ. Въ редакціонномъ примѣчаніи къ статьѣ—(см. „Кіевская Старина“, сентябрь, 1886 г., 150 стр.)—этотъ пропускъ пополненъ по другому списку, причемъ послѣ слова „сіе“ напечатано слово „начало“, котораго нѣтъ въ подлинникѣ, а слова „живетъ, движется, и есть“—напечатано курсивомъ,—чего тоже въ подлинникѣ нѣтъ. *Прим. ред.*

⁵⁾ Въ подлинной рукописи написано „едина“, въ копіи другими чернилами приписана буква „я“. По современному правописанію слова: „умъ, жизнь, движеніе, существованіе“ нужно поставить въ тире, какъ поясняющіе слова „сила едина“, такъ какъ, по Ковалинскому, „умъ, жизнь, движеніе, существованіе“—единосуть, суть проявленія одной и той же „всемирной, всеглавнѣйшей“ Силы, написанной въ подлинникѣ съ прописной буквы. *Прим. ред.*

⁶⁾ Мы выдѣляемъ эти слова потому, что въ подлинникѣ они написаны значительно крупнѣй. *Прим. ред.*

вительствъ, держава владыкъ, сила царей, любовь родителей, честь мудрыхъ, слава добродѣтельныхъ, память праведныхъ.

Множественность вносить различіе, а сіе предполагаетъ неравенство и несовершенство; свободная воля предполагаетъ выборъ; сей же нравственную способность, могущую познать добро, истинну, совершенство, любить оное и искать предпочтительно. Отсюда происходитъ подвигъ исканія, и подвижникъ истины называется Мудрый, а дѣло его добродѣтель.

Пароянинъ и Мидянинъ, Іудей и Еллинъ, рабъ и свободъ равно участвуютъ въ семь преимуществѣ всемірнаго, верховнаго, единаго Начала.

Подвигъ, то есть правильное употребленіе свободной воли, дѣлаетъ раздѣленія; и сей подвигъ въ выборѣ истиннаго, добраго, совершеннаго, есть правда воздающая всякому свое: полная полнымъ, и тщетная тщетнымъ. Почему мудрый, и праведный есть тоже.

Поставленный между вѣчностію, и временемъ, свѣтомъ и тьмою, истинною и лжею, добромъ и зломъ, имѣющій преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное, и приводящій то въ исполненіе на самомъ дѣлѣ, во всякомъ мѣстѣ, бытіи, состояніи, званіи, степени, есть мудрый, есть праведный.

Таковъ есть мужъ, о которомъ здѣсь предлежитъ слово.

Григорій сынъ Савы Сковорода родился въ малой Россіи, Кіевского намѣстничества, Лубенской округи, въ селѣ Чернухахъ, въ 1722 году. Родители его были изъ простолюдства: отецъ козакъ, мать такого же рода. Они имѣли состояніе мѣщанское посредственно достаточное, но честностію, правдивостію, страннопріимствомъ, набожествомъ, миролюбивымъ соудствомъ отличались въ своемъ кругѣ.

Сей сынъ ихъ Григорій, по седьмому году отъ рожденія, примѣтенъ былъ склонностію къ Бого-чтенію, дарованіемъ къ музыкѣ, охотою къ наукамъ, и твердостію духа. Въ церквѣ ходилъ онъ самоохотно на крылосъ, и пѣвалъ отмінно приятно. Любимое же, и всегда почти твердое имъ пѣніе его было сей Іоанна Дамаскина стихъ: Образу златому на полѣ Цейрѣ служиму тріе твои отроцы небрегоша безбожнаго велѣнія, и проч.

По охотѣ его отецъ отдалъ его въ Кіевское училище, славившееся тогда науками. Григорій скоро превозшелъ сверстниковъ своихъ успѣхами и похвалами. Митрополитъ Кіевскій Самуиль Миславскій, человѣкъ отличной остроты разума, и рѣдкихъ способностей къ наукамъ, будучи тогда соученикомъ его, оставался во всемъ ниже его, при величайшемъ соревнованіи своемъ.

Тогда царствовала Императрица Елисаветъ, любительница музыки и Малороссіи. Дарованія Сковороды къ музыкѣ, и отмінно приятный голосъ его, подали случай быть ему выбрану ко двору въ пѣвческую

музыку, куда и отправленъ былъ онъ при вступленіи на престолъ Государыни.

Онъ не долго находился тамъ. Императрица скоро предпріяла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда при возвратномъ отбытіи двора въ С. Петербургъ, получа увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика, остался въ Кіевѣ и паки началъ учиться.

Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, показался ему недостаточнымъ. Онъ возжелалъ видѣть чужіе края. Скоро представился поводъ къ нему, и онъ воспользовался имъ всеохотно.

Отъ двора отправленъ былъ въ Венгрію къ Токайскимъ садамъ генераль-маіоръ Вишневскій, который, для находившейся тамъ греко-россійской церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію. Сковорода извѣстенъ знаніемъ музыки, голосомъ, желаніемъ быть въ чужихъ краяхъ, разумѣніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневскому одобрително и взятъ имъ въ покровительство.

Путешествуя съ генераломъ симъ, имѣлъ онъ случай, съ позволенія его и съ помощію его, поѣхать изъ Венгріи въ Вѣну, Офенъ, Презбургъ и прочія окольныя мѣста, гдѣ, любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться наипаче съ людьми ученостію и знаніями отлично славимыми тогда. Онъ говорилъ весьма исправно и съ особливою чистотою латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, довольно разумѣлъ еллинскій, почему и способствовался сими доставить себѣ знакомство и пріязнь ученыхъ, а съ ними новыя познанія, каковыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, наполненъ ученостію, свѣдѣніями, знаніями, но съ пустымъ карманомъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ друзей и знакомыхъ. Какъ и сихъ состояніе не весьма зажиточно было, то искали они случая, какъ бы употребиться ему съ пользою его и общественною. Скоро открылось мѣсто учителя поезіи въ Переяславѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа.

Сковорода, имѣя основательнѣе и обширнѣе знанія въ наукахъ, нежели каковыя тогда были въ училищахъ провинціальныхъ, написалъ разсужденіе о поезіи и руководство къ искусству оной такъ новымъ образомъ, что епископу показалось страннымъ и несообразнымъ прежнему старинному обычаю. Епископъ приказалъ перемѣнить и преподавать по тогдашнему обыкновенному образу ученія. Сковорода, увѣренъ будучи въ знаніи своемъ и точности дѣла сего, не согласился перемѣнить и оставить написанныя имъ правила для поезіи, которыя были простѣе и вразумительнѣе для учащихся, да и совѣтъ новое и точное понятіе давала объ оной. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта образомъ судебнымъ черезъ консисторію, для чего онъ не

выполнилъ повелѣнія. Сковорода отвѣтствовалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ въ томъ, что разсужденіе его о поэзи и руководствѣ, написанное имъ, есть правильное и основанное на природѣ сего искусства. При томъ въ объясненіи прабавилъ латинскую поговорку: *Alia res sceptrum, alia plectrum*, то есть иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное пастушья свирѣль.

Епископъ преобратя незнаніе свое въ непослушаніе его, и самовишіе о учености своей въ гордость и высокоуміе его, далъ своеручное повелѣніе на докладъ консисторіи слѣдующее: „Не живяше посреди дому моего творяя гордыню“. По сему Сковорода выгнанъ былъ изъ училища переяславскаго не съ честію. Сей былъ первый опытъ твердости духа его.

Недостатки стѣсняли его крайне, но нелюбостыжательный нравъ его поддерживалъ въ немъ веселость его.

Онъ перешолъ изъ училища жить къ приятелю своему, который зналъ цѣну достоинствъ его, но не зналъ стѣсненія нужды его. Сковорода не смѣлъ просить помощи, а приятель не вадумалъ спросить его о надобности. И такъ переносилъ онъ нужды скромно, молчаливо, терпѣливо, безропотно, не имѣя тогда, какъ только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотной кафтанъ, одни башмаки, одни черныя гарусныя чулки. Нужда обрабатывала въ немъ сердце полезнѣйше и насѣяла въ немъ сѣмена терпѣнія такія, которыхъ плодами угобязся жизнь его, содѣлала его мудрымъ и шастливымъ.

Не въ далекомъ расстояціи имѣлъ жительство малороссійскій знаменитый дворянинъ С. Т. ⁷⁾ которому потребенъ былъ учитель для сына его. Сковорода одобренъ былъ ему отъ знакомыхъ и приглашенъ имъ въ деревню Каврай, гдѣ и порученъ былъ ему сынъ въ смотреніе и науку.

Старикъ Т. ⁸⁾ отъ природы имѣлъ великій разумъ, и по службѣ обращаясь съ иноземцами, приобрѣлъ нарочитыя знанія; однако придерживался много застарѣлыхъ предубѣжденій, свойственныхъ грубаго воспитанія людямъ, которые смотрять съ презрѣніемъ на все то, что не одѣто гербами и не расписано родословіями.

Сковорода началъ больше воздѣлывать сердце молодого воспитанника своего и, разсматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ рашеніи направленіемъ легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ, а не безвременно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію.

⁷⁾ Въ подлинникѣ по тщательно зачеркнутому написано С. Т., однако можно ясно прочесть—Стефанъ Тамара. *Прим. ред.*

⁸⁾ По зачеркнутому написано — Т. Зачеркнутое слово — Тамара.

Прим. ред.

Цѣлой годъ продолжалось обращеніе его съ сыномъ, но отецъ никогда не удостоивалъ учителя ни однимъ словомъ разговора, хотя всякій день за столомъ онъ съ воспитанникомъ бывалъ у него. Чувствительно было такое униженіе человѣку, имѣвшему въ низкой простотѣ благородное сердце, но Скворода сносилъ все то и, не смотря на презрѣніе, на униженіе его, исправлялъ должность свою по совѣстной обязанности. Договоръ былъ здѣланъ на годъ, и онъ хотѣлъ сдержать слово свое.

Въ одно время, разговаривая онъ съ воспитанникомъ своимъ и видя любовь его къ себѣ, а посему и обращаясь съ нимъ откровенно и просто, спросилъ его, какъ онъ мыслить о томъ, что говорили? Воспитанникъ на тотъ случай отвѣчалъ неприлично. Скворода возразилъ ему, что онъ мыслить о семъ, какъ свиная голова. Служители тотчасъ донесли госпожѣ, что учитель называетъ шляхетскаго сына ихъ свиною головою. Мать раздосадовала, разжаловалась супругу, требовала мщенія за такую дерзость. Старикъ Т. ⁹⁾, зная внутренно цѣну учителя, но уступая настоянію жены, отказалъ ему отъ дому и должности; и при отпускѣ его, въ первый разъ заговоря съ нимъ, сказалъ ему: прости государь мой! Мнѣ жаль тебя!

Тогда уже судьба начинала приуготовлять сердце его къ несправедливостямъ людскимъ, которыя имѣлъ онъ испытать въ продолженіи жизни. Скворода остался безъ мѣста, безъ пропитанія, безъ одежды, но не безъ надежды.

Убогъ, скуденъ, нуженъ, приѣхалъ онъ къ приятелю своему, одному сотнику переяславскому, человѣку добродушному и страннолюбивому. Тутъ нечаянно представился ему случай ѣхать въ Москву съ Калиграфомъ, отправлявшимся въ московскую академію пресповѣдникомъ, съ которымъ онъ, какъ приятель его, и поѣхалъ; а оттуда въ Т. ¹⁰⁾ Сергіеву лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ многоученый Кириллъ, бывшій послѣ епископомъ черниговскимъ. Сей, увидя Сквороду, котораго зналъ уже по слуху, и нашедъ въ немъ человѣка отличныхъ дарованій и учености, старался уговорить его остаться въ лаврѣ для пользы училища, но любовь его къ отечественному краю отвлекала его въ Малороссію. Онъ возвратился паки въ Переяславль, оставя по себѣ въ лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла.

Духъ его отдалялъ его отъ всякихъ привязанностей и дѣлая его пришельцомъ, пресельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемірнаго, который, не имѣя родства, стяжаній, угла, гдѣ

⁹⁾ По зачеркнутому сверху написано Т. Зачеркнуто слово—Тамара.

Прим. ред.

¹⁰⁾ По зачеркнутому сверху написано Т. Зачеркнуто слово Троицы.

Прим. ред.

главу приклонити, сторицею больше вкушаетъ удогольствій природы, удогольствій простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ несмущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго.

Не успѣлъ приѣхать онъ въ Переяславль, какъ разумный Т. ¹¹⁾ поручилъ знакомымъ своимъ уговаривать его, что-бъ паки къ сыну опредѣлился онъ учителемъ. Сковорода не соглашался, зная предразсудки его, а паче домашнихъ его, но прятель его, будучи упрошенъ отъ Тамары, обманомъ привезъ его въ деревню къ нему ночью спящаго.

Старикъ Т. ¹²⁾ не былъ уже тотъ гербовый вельможа, но ласковый дворянинъ, который хотѣлъ цѣнить людей по внутреннему достоинству ихъ. Онъ обласкалъ его дружески, просилъ быть сыну его другомъ и руководствовать его въ наукахъ. Любовь и откровенное обхожденіе сильнѣе всего дѣйствовали всегда надъ Сковородою. Онъ остался у Тамары, съ сердечнымъ желаніемъ быть полезнымъ, безъ договора, безъ условій.

Уединеніе руководствуетъ къ размышленіямъ. Сковорода, поселясь въ деревнѣ, подчиня доуку нужды необходимыхъ попеченію любимаго и возлюбившаго его господина, обезпечила себя искренностію его, предался любомудрію, то-есть исканію истинны.

Часто, въ свободные часы отъ должности своей, удалялся въ поля, рощи, сады, для размышленія. Рано поутру заря спутника ему бывала въ прогулкахъ его и дубравы собесѣдники глумленій его. Лѣта, дарованія душевныя, склонности природныя, нужды житейскія звали его попеременно къ принятію какого либо состоянія жизни. Суетность и многозаботливость свѣтская представлялась ему моремъ, обуреваемымъ безпрестанно волнами житейскими и никогда плывущаго къ пристани душевнаго спокойствія не доставляющимъ. Въ монашествѣ только ¹³⁾ удалившемся отъ начала своего, увидѣлъ ¹⁴⁾ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей, за неимѣніемъ исхода себѣ, задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безпечному его нраву.

Не рѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ,

11) По зачеркнутому сверху написано Т. Зачеркнуто слово Тамара.

Прим. ред.

12) По зачеркнутому сверху написано Т. Зачеркнуто слово Тамара.

Прим. ред.

13) Это слово зачеркнуто другими чернилами. Въ копіи оно есть.

Прим. ред.

14) Слово „увидѣлъ“ въ подлинникѣ исправлено другими чернилами на „видѣлъ“. Въ копіи „увидѣлъ“.

Прим. ред.

цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ, чистосердечіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостязанія, всѣ трудности излишества. Такое самоотверженіе сближало его благоуспѣшно къ любомудрію ¹⁵⁾.

Душа человѣческая, повергаясь въ состоянія нисшихъ себя степеней, погружаясь въ звѣрскія страсти, предаваясь чувству собственному скотамъ ¹⁶⁾ принимаетъ на себя свойства и качества ихъ: злобу, ярость, несытость, зависть, хитрость, гордость и проч., возвышаясь же подвигомъ добрыя воли выше скотскихъ влеченій, звѣрскихъ побужденій и безсловесныхъ стремленій, восходитъ на высоту чистоты умовъ, которыхъ стихія есть свѣтъ, разумъ, миръ, гармонія, любовь, блаженство, и отъ оныхъ заимствуетъ нѣкоторую силу величественности, вѣдѣнія и ¹⁷⁾ разумѣнія вышшаго, пространнѣйшаго, далечайшаго, яснѣйшаго, и превосходнѣйшей святости въ чувства ¹⁸⁾ которыми преисполняясь внутренно ^{19a)} являетъ ^{21b)} въ воображеніи состояніе бытія человѣческаго иногда одобрительно, иногда наказательно, увѣщательно, предварительно и указательно.

¹⁵⁾ Въ подлинникѣ написано 'лебомудрію', — исправляемъ на 'любомудрію'. *Прим. ред.*

¹⁶⁾ Другимъ почеркомъ и другими чернилами исправленіе въ подлинникѣ: „чувственности собственной скотамъ“. Въ копіи исправленія этого нѣтъ.

Прим. ред.

¹⁷⁾ Здѣсь опять тѣмъ же почеркомъ, отличнимъ отъ почерка Ковалинскаго, исправлена рукопись и вмѣсто словъ „вѣдѣнія и“ — теперь зачеркнутого, — поставлено: „свѣтлости“. Этого исправленія нѣтъ въ копіи.

Прим. ред.

¹⁸⁾ Исправлено другими чернилами вмѣсто „чувствія“ — „чувствіяхъ“.

Прим. ред.

^{19a)} Премудр. Соломон., гл. 18, ст. 17 и 19 ²⁰⁾.

Прим. авт.

²⁰⁾ Въ „Книгѣ Премудрости Соломона“ гл. 18, ст. 17 и 19 говорится:

17. „Тогда внезапно привидѣнія убо снова люти смутити ихъ, страхи.

18. же найдоша нечаянны. И инъ инамо верженъ еле живъ, еяжи ради.

19. вины умираше, обавляше. Соня бо смутивше ихъ, сіе предвозвѣстима, да не невѣдаше, его же ради.

20. Злѣ страждутъ, погибнуть...“

Прим. ред.

^{19a)} Сократу часто снился одинъ сонъ: оный казался ему въ различныхъ видахъ, но всегда приказывалъ одно: „Сократъ, прилагайся къ музыкѣ и упражняйся въ оной“. Какъ совершеннѣйшая музыка есть философія, то Сократъ, послѣдуя сновидѣнію, больше и больше побуждался прилѣжать къ оной, обращая всю любовь и ревность къ мудрости. Такъ онъ толковалъ сонъ свой. Критонъ, другъ Сократовъ, пришолъ объявить ему, что завтра, по приговору суда, долженъ онъ умереть. Сократъ сказалъ ему: такъ и быть сему, но не завтра. Мнѣ снился сонъ въ сіе же утро, что женьщина необыкновенной красоты явилась мнѣ въ длинныхъ ризахъ и назвавъ меня по имени, говорила, чрезъ три дня прибудешь ты въ плодоносную твою Пиею. *Прим. авт.*

^{21b)} Тацитъ философъ, политикъ, ученый писатель, описывая обстоятельства Цинны съ Арменіусомъ не пропустилъ упомянуть видѣннаго Цинной сна. Читай о семъ лѣтопись Тацит. гл. I. 45 арт. ²²⁾ И гл. II, 14 арт. ²³⁾ о Германикусъ.

Сковорода видѣлъ опытъ сего порядка и силы природы въ себѣ самомъ и описываетъ сіе въ оставшихся по немъ запискахъ своихъ тако:

„Въ полночь, ноября 24 числа 1758 года, въ селѣ Каврай, казалось во снѣ, будто я разсматриваю различныя охоты житія человѣческаго, по разнымъ мѣстамъ. Въ одномъ мѣстѣ я былъ, гдѣ царскіе чертоги, наряды, музыки, плясанія, гдѣ любящіеся то пѣли, то въ зеркала смотрѣлись, то бѣгали изъ покоя въ покой, снимали маски, садились на богатыя постели и проч. Оттуда повела меня сила къ простому народу, гдѣ такія же дѣйствія, но особеннымъ образомъ и порядкомъ производились. Люди шли по улицѣ съ скляницами въ рукахъ, шумя, веселясь, шатаясь, какъ обыкновенно въ черномъ народѣ бываетъ; такъ же и любовныя дѣла сроднымъ себѣ образомъ происходили у нихъ. Тутъ поставя въ одинъ рядъ мужескъ, а въ другой женскъ полъ, разсматривали, кто хорошъ, кто на кого похожъ и кому достоинъ быть парюю. Отсюда вшелъ я въ постоянныя дома, гдѣ лошади, упряжь, сѣно расплаты, споры и пр. слышалъ. Наконецъ сила ввела меня въ храмъ нѣкій обширный и прекрасный: тутъ яко-бы въ день сошествія С. Духа служилъ я литургію съ дьякономъ, и помню, что возглашалъ сіе громко: „яко святъ еси Боже нашъ“ и пр. до конца. При семъ по обимъ хорамъ пѣто было протяжно: „Святый Боже“... Самъ же, я съ дьякономъ предъ престоломъ до земли кланяясь, чувствовалъ внутренно сладчайшее удовольствіе, котораго изобразить не могу. Однако и тутъ человѣческими пороками осквернено. Сребролюбіе съ кошелькомъ таскается и самаго священника не миная, почти выры-

²²⁾ Въ этомъ примѣчаніи подлинной рукописи Ковалинскаго есть двѣ ошибки, исправленныя въ копіи, именно, здѣсь указана ссылка на 45 арт., въ то время какъ объ этомъ сновидѣніи у Тацита рассказано въ 65 арт., при чемъ говорится не о снѣ Цинна, а о снѣ Цецина. «Самъ Цецина необыкновеннымъ сновидѣніемъ приведенъ былъ въ ужасъ, ему казалось, что Квинктилій Варъ окровавленный, исходя изъ болота, призываетъ его къ себѣ; но Цецина, не внемля его гласу, отринулъ простертую къ нему руку. И т. д. (См. Лѣтопись К. Корнелія Тацита, переведена съ латинскаго Императорской Россійской Академіи членомъ Степаномъ Румовскимъ и оною Академіею издана. Томъ I, стр. 135. С.-Петербургъ 1806 г.)

Прим. ред.

²³⁾ Въ 14 арт., II г. Лѣтописи Тацита говорится: „XIV. Въ ту же ночь Германикъ видѣлъ приятный сонъ. Ему казалось, будто на чиновную ризу, въ которой дѣлалъ жертвоприношеніе, брызнула освященная кровь закалаемой жертвы, и будто изъ рукъ императрицы бабки получилъ лучшую. Ободренъ будучи симъ сновидѣніемъ и благополучное окончаніе предвѣщающими признаками, созвавъ войско, вѣщаетъ, какія благоразуміе внушило ему осторожности, до предстоящей битвы касающіяся.“ И т. д. (См. „Лѣтопись К. Корнелія Тацита, переведена съ латинскаго Императорской Россійской Академіи членомъ Степаномъ Румовскимъ и оною Академіею издана.“ Томъ I, стр. 191. С.-Петербургъ, 1806 г.)

Прим. ред.

васть въ складку. Отъ мясныхъ обѣдовъ, которые въ союзныхъ почти храму комнатахъ отправляемы были и въ которыя изъ олтаря многія двери находились, во время литургіи духъ шибаль до самой святой трапезы. Тутъ я видѣлъ слѣдующее ужасное позорище. Какъ нѣкоторымъ не доставало къ явствію птичихъ и звѣриныхъ мясъ, то они одѣтаго въ черную ризу человѣка, имѣвшаго голыя колѣна и убогія сандаля, убитаго, въ рукахъ держа, при огнѣ, колѣна и икры жарили и мясо, съ истекающимъ жиромъ отрѣзывая и отгрызвая, жрали; и сіе дѣлали какъ бы нѣкіе служители. Я, не стерпя смрады и свирѣпства сего, отвратилъ очя и вышолъ. Сей сонъ не меньше усладилъ меня, какъ и устрашилъ.“

Я пишу жизнь человѣка сего въ христіанскомъ вѣкѣ, странѣ, народѣ и исповѣданіи. Да прочтуть книгу христіанства, с. писаніе и увидятъ, что человѣку ²⁴⁾ толико же сродно ²⁵⁾ быть прозорливцомъ ²⁶⁾, какъ и звѣремъ, неразумливый да неразумѣваетъ!

Сковорода началъ чувствовать вкусъ въ свободѣ отъ суетностей и пристрастій житейскихъ, въ убогомъ, но безпечальномъ состояніи, въ уединеніи, но безъ расстройки съ самимъ собою. Лжемудртвующее самолюбіе, сія преукрашенная дочь свѣтскаго ²⁷⁾ разума, не могла обаять сердце его. Величественное свойство мыслящаго бытія, волю, углубилъ онъ со всемъ умствованіемъ ея и желаніями въ ничтожность свою и повергъ себя въ волю Творца, предавшись всецѣло жизни и любви божьей, да бы промыслъ его располагалъ имъ, яко орудіемъ своимъ, а може хоцетъ и якоже хоцетъ.

Когда человѣкъ исходитъ изъ круга самоишнѣнія, самопроизволенія, самолюбія своего, почитая все то землю пустою, непроходною и безводною, тогда ²⁸⁾ Духъ святой занимаетъ всѣ чувства его и воз-

²⁴⁾ Другимъ почеркомъ и другими чернилами вмѣнено окончаніе: вмѣсто „человѣку“—„человѣкъ“. Въ копіи значится—„человѣку“. *Прим. ред.*

²⁵⁾ Слово „сродно“ зачеркнуто и надъ нимъ надписано другимъ почеркомъ и чернилами: „способенъ“. Въ копіи значится слово „сродно“.

Прим. ред.

²⁶⁾ Послѣ словъ: „быть прозорливцомъ“ въ рукописи зачеркнуты весьма важныя слова для характеристики образа мыслей М. И. Ковалинскаго. Онъ сначала написалъ: „быть прозорливцомъ, (во плоти ангеломъ, Богочеловѣкомъ), какъ и звѣремъ, (бѣсомъ, идоломъ).“ Слова, поставленныя въ скобкахъ,—зачеркнуты, вѣроятно изъ за цензурныхъ причинъ, такъ какъ они ясно опредѣляютъ „еретическій“, „сектантскій“ образъ мыслей, толкуя эти слова такъ, какъ толкуютъ ихъ теперь и толковали ранѣе сектанты—„израильтяне“: „духовныя христіане“, „старый“ и „новый“ Израиль, духоборды, молокане, скопцы.. Въ копіи всѣ эти выраженія приведены полностью. *Прим. ред.*

²⁷⁾ Слово „свѣтскаго“ зачеркнуто и сверху надписано слово: „внѣшняго“. Въ копіи значится „свѣтскаго“. *Прим. ред.*

²⁸⁾ Здѣсь вписано слово „чистый“ другимъ почеркомъ и чернилами. Въ копіи этого слова нѣтъ. *Прим. ред.*

становляетъ царствіе Божіе ²⁹⁾ то есть возжигаетъ въ немъ способности жизненныя ³⁰⁾ огнемъ любви своея. Тогда высокое познаніе и разумнѣе, по мѣрѣ расположенія внутренняго и вѣшняго, возникаетъ изъ средоточія всѣхъ вещей, аки тончайшій, пронипательнѣйшій огонь, съ неизъясняемымъ удовольствіемъ, поглощаясь бездною свѣта. Въ такомъ состояніи чувствіе человѣка взираетъ на духъ Вседержителя съ радостію и поклоненіемъ и симъ-то образомъ смиренное самоотверженіе человѣческое можетъ созерцать то, что есть въ вѣчности и во времени, ибо все, близъ его, все окрестъ его, все въ немъ есть.

Григорій, наполняясь жавыми чувствіями истиннѣ, изображалъ то перомъ въ сочиненіяхъ простыхъ, но сильныхъ. Между прочими написалъ онъ стихи ^{31а)}: „Оставь, о духъ мой вскорѣ!“ Старикъ Т. ³²⁾ прочтя оныя и узнавъ отъ него, что то была забава его, сказалъ ему: „другъ мой!—Богъ благословилъ тебя дарованіемъ духа и слова“.

Все время бытности его у Т. ³³⁾ проходило въ обученіи сына его словеснымъ наукамъ и языку, а себя благочестію и самодовольству.

Наконецъ, молодому воспитаннику его надлежало поступить въ другой кругъ упражненій, пристойныхъ по свѣту и по роду, а Сковородѣ судьба предуготовила званіе издалече.

Въ Бѣлгородъ прибылъ на епископскій престолъ Іоасафъ Миткевичъ, мужъ исполненный благосердія, добродѣтелей, ученія. Сему архіерею былъ извѣстенъ по законоискуству и по старой пріязни игуменъ Гервасій Якубовичъ, находившійся тогда въ Переяславѣ. Іоасафъ пригласилъ Гервасія раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружественную жизнь. Гервасій приѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сковородѣ одобritelнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ черезъ Гервасія. Сковорода немедленно прибылъ и по волѣ Іоасафа принялъ должность учителя поезіи въ харьковскомъ училищѣ 1759 годѣ.

Отличный образъ его мыслей, ученія, жизни, скоро обратилъ къ нему вниманіе всего общества тамошняго. Онъ одѣвался пристойно, но просто; пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную ввечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ

²⁹⁾ Слово „Божіе“ зачеркнуто, а сверхъ него другимъ почеркомъ написано „истинныя“. Въ копіи написано—„Божіе“. *Прим. ред.*

³⁰⁾ Слово „жизненныя“ зачеркнуто и сверху другимъ почеркомъ написано „внутренняго чувствія“. *Прим. ред.*

^{31а)} Сія стихи и многія другія находятся у друга его. *Прим. авт.*

³²⁾ Буква Т. написана сверху зачеркнутаго слова „Тамара“. *Прим. ред.*

³³⁾ Буква Т. написана сверху зачеркнутаго слова „Тамара“. *Прим. ред.*

пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легогъ, подвиженъ, воздерженъ, пѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодумствующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ непринужденъ говорить, изъ всего выводящій правоученіе, почитателенъ ко всякому состоянію людей, посѣщаль больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣляль послѣднее съ неимущими, выбираль и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣль набожество безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести.

Годъ протекъ и онъ, оконча срочное время, приѣхаль къ Іоасафу для препровожденія обыкновеннаго въ училищахъ времени отдохновенія. Епископъ, желая удержать его болѣе при училищѣ, поручилъ Гервасію, какъ приятелю его, уговаривать его, что бѣ приняль онъ монашеское состояніе, обѣщевая довести его скоро до сана высокаго духовенства. Гервасій началъ совѣтовать Сквородѣ, предлагая желаніе архіерея, благовидность пользы его, предстоящую ему въ семь поприщѣ честь, славу, изобиліе всего, почтеніе и, по его мнѣнію, щасливую жизнь.

Не таковы долженствовали быть предложены побужденія для сердца Сквороды. Онъ, выслушавъ сіе, возревноваль по истиннѣ и сказалъ Гервасію: „развѣ вы хотите, чтобы и я умножилъ число фарисеевъ? Ъжте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! А Скворода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, малодовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы приобрѣсть всенужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самага въ цѣлости, во обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой.“ Гервасій убѣждалъ его милостію архіерея, дружбою своею, пользою церькви, но Скворода твердъ духомъ и правилами; возразилъ ему въ отвѣтъ: „благодарствую за милость, за дружбу, за похвалу; я не заслуживаю ничего сего за непослушаніе мое къ вамъ при семь случаѣ“. Гервасій, зная недостатки его и думая, что онъ, нуждаясь содержаніемъ и знакомствомъ въ чужой сторонѣ, долженъ будетъ согласиться на предложеніе его, оказалъ ему остуду. Григорій примѣтя сіе, рѣшился скоро. На третій же день, дождавшись въ передней выхода его, подошолъ сказать ему всемирнѣйше: „прошу вашего высокопреподобія на путь мяѣ благословенія“. Гервасій, не глядя на него, благословилъ его съ досадою, а Скворода съ миромъ отошедъ, тотчасъ отправился къ новому приятелю своему въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода.

Старица было мѣсто изобильное лѣсами, водотечами, удоліями благоприятствующими глубокому уединенію. Скворода, поселясь тамъ, паче всего прилѣжалъ къ познанію себя и упражняль въ сочиненіяхъ относительныхъ къ сему. Въ лишеніяхъ своихъ призывая въ помощь

вѣру, не полагалъ оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ; но во умерщвленіи самопроизволенія духа, то - есть побужденій отъ себялюбія происходящихъ; въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ въ волю всеблагаго и всемогущаго Творца по всѣмъ предпріятіямъ, намѣреніямъ и дѣламъ. Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое не дерзавъ господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повиноваться оному во всей смиренности.

Отецъ Гервасій донесъ епископу объ отъѣзѣ Сковороды на предложенія его и объ отбытіи его. Добродушный Іоасафъ не подосадовалъ, но только пожалѣлъ объ немъ. Между тѣмъ Григорій продолжалъ пустынножителство въ Старицѣ.

Нигдѣ столько не обозрѣваетъ себя человѣкъ, какъ въ уединеніи; и не напрасно сказано древнимъ мудрецомъ³⁴⁾: уединенный долженъ быть или царь, или звѣрь. Пребороть скуку, проклятое изчадіе недовольства, занять умъ и сердце упражненіями достаточными, ублажить ихъ, есть дѣло не иначе, какъ мудраго, обладающаго собою, царя уединеннаго, священника Божія, понимающаго вездѣсущее и всеисполненіе Духа Господня и поклоняющагося ему духомъ.

Сковорода, провождая тамо дни свои въ бодрости духа, веселости, безпечалии, благонадежности, часто говаривалъ при посѣщающихъ его: „ὦ σχολίων! ὦ βιβλίων!“ „О свобода! О наука!“

Слухъ о необыкновенной жизни его и назидательномъ собесѣдованіи привлекъ многихъ искателей знакомства его. Онъ, посѣщая нѣкоторыхъ по деревнямъ, вздумалъ навѣстить Харьковъ. Нѣкто изъ познакомившихся съ нимъ и здѣлавшись приятелемъ его, просилъ, что бѣ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его, молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ, и не оставилъ бы его добрымъ словомъ.

Сковорода приѣхалъ въ Харьковъ, жилъ у знакомыхъ своихъ нѣсколько уже недѣль. Въ одно время, пришедши посѣтить училище и видя тутъ нѣкоторыхъ незнаемыхъ имъ, спросилъ: не находится ли тутъ такой-то, племянникъ NN? Молодой тотъ человѣкъ случился на сіе время быть тамъ, и знакомые Сковородѣ сказали, что онъ самой тотъ есть. Сковорода, посмотря на него, возлюбилъ его и возлюбилъ до самой смерти. Послѣ увидѣлъ сей молодой человѣкъ, что случай таковой былъ устроенъ для него перстомъ Божиимъ издалече.

Добрый пастырь Іоасафъ, не теряя изъ виду Сковороды, желалъ всячески привлечь его паки въ Харьковское училище, и извлечь изъ

³⁴⁾ Надобно имѣть великое основаніе разума, или совсѣмъ онаго лишены быть, что бѣ содержать себя долгое время въ уединенной жизни. Снести себя, ужиться самому съ собою, смотрѣть на себя спокойными глазами, быть довольнымъ сердцемъ своимъ; не искать себя внѣ себя—есть ключъ истиннаго блаженства.

дарованій его пользу, которую онъ чувствовалъ во всей цѣнѣ ея. Зная, что онъ не любитъ принужденности, пригласилъ его дружески и предложилъ ему должность учителя, какую хочетъ. Довольно было убѣдить Сковороду, что бѣ дать только ему на выборъ дѣло, то или другое. Онъ, имѣя въ виду пользу, намѣреваемую для молодаго новаго друга своего, котораго въ сердцѣ почиталъ уже таковымъ, какъ послѣ самъ о семъ изъяснялся, радъ былъ призыву епископа и взялъ предложеніе его все-охотно съ тѣмъ, чтобъ преподавать ему классъ, ниже прежняго, синтактической. Сверхъ того взялся обучать еллинскому языку.

Прибывъ изъ Бѣлгорода въ Харьковъ и вступя въ должность, нашолъ онъ любимаго своего молодаго человѣка, который однако не зналъ и не смѣлъ мыслить, чтобъ могъ быть достойнымъ дружбы его, хотя любилъ и удивлялся философской жизни его и внутренно почиталъ его.

Григорій часто началъ посѣщать его и, по склонности молодаго человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговорамъ и нравоученію. Открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, каковаго желалъ, и способности природныя, каковыя любилъ онъ, обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа.

Молодой сей человѣкъ, будучи воспитываемъ до сего полуучеными школьными учителями, [частію монахами]³⁵⁾ въ рукахъ которыхъ тогда святилища наукъ находились, которые и положили ему въ голову мнѣнія о вещахъ странныя, часто слыша отъ Сковороды противное тому и не могли согласить въ понятіи своемъ новыхъ правилъ съ старыми, видя же на самомъ дѣлѣ жизнь его добродѣтельную, цѣломудрую, примѣрную, сомнѣвался самъ въ себѣ, сожалѣлъ душевно, что такой добродѣтельный мужъ имѣлъ несогласныя съ учеными мнѣнія и правила, особливо же до нравоученія и духовныхъ знаній относительныя, а по сему и въ заблужденіяхъ находился.

Всѣ книгоцѣ наставники его, да и весь свѣтъ, словомъ и дѣломъ внушали ему, что щастіе человѣческое состоитъ въ томъ, что бы имѣть всего много: много чего ѣсть, много чего пить, много, во что одѣваться и въ утѣхахъ праздно веселиться. Сковорода одинъ началъ говорить ему: что-бъ быть истинно щастливымъ, то все оное не нужно; что ограниченіе желаній, отверженіе излишествъ, обузданіе прихотствующей воли, трудолюбіе, исправленіе должности, въ которую промыселъ Божій поставилъ кого, не за страхъ, но за совѣсть, суть пути къ щастію. Сковорода говорилъ сіе и жилъ тако.

Велемудрые учили его, что добродѣтель гражданская одна есть ничто предъ верховнымъ существомъ, что Маркъ Аврелій, Титъ,

³⁵⁾ Слова поставленныя въ скобки въ подлинной рукописи зачеркнуты.

Сократъ, Платонъ и прочіе, славные въ древности великими дѣлами и сердцемъ люди, должны быть несчастливы, потому что не имѣли историческаго знанія о вещахъ, случившихся послѣ ихъ. Сковорода утверждалъ, что во всѣхъ оныхъ мужахъ дѣйствовалъ духъ вышній; а посему и недостойны они осужденія, но почтенія и подражанія въ любви къ истиннѣ. И если Богъ есть истинна, то они были вѣрные служители его.

Философы, учившіе молодаго человѣка, толковали ему, что къ такому, напримѣръ, жизни состоянію больше и особенно привязано благословеніе Божіе, а къ иному меньше, или же и проклятіе, что вѣднѣе таинствъ и выполненіе обрядовъ тайноводства есть совершенство и высокость человѣка. Сковорода училъ, что всѣ состоянія суть добры и Богъ, раздѣляя члены общества, ни какого не обидѣлъ; проклятія же налагаетъ Онъ точію на сыновъ противленія, которые, не внявъ себѣ и не послѣдуя званію природы, вступаютъ въ состоянія по страстямъ, по обманчивымъ видамъ, по прихотямъ. И понеже не испытали они въ себѣ склонности врожденной, то и предалъ ихъ верховный Раздаятель дарованій въ неискусенъ умъ, да творять неподобная и будутъ прокляты, то есть несчастливы. Сковорода училъ, что совершенство человѣка состоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительно къ слову, а царствіе Божіе есть въ силѣ, или въ дѣлѣ.

Молодой человѣкъ, напоенъ будучи измлада предувѣреніями, слушая Сковороду, возчувствовалъ въ себѣ возбужденную борьбу мыслей и не зналъ, чѣмъ разрѣшить оную. Прочіе учителя его внушали ему отвращеніе къ Сковородѣ, запрещали имѣть знакомство съ нимъ, слушать разговоры его и даже видѣться съ нимъ. Онъ любилъ сердце его, но дичился разума его; почиталъ жизнь, но не вмѣщалъ въ умъ разсужденій его; уважалъ добродѣтели, но устранялся мнѣній его; видѣлъ чистоту нравовъ, но не узнавалъ истинны разума его; желалъ бы быть другомъ, но не ученикомъ его.

Трудно изгладить первыя впечатлѣнія.

Сковорода продолжалъ преподавать синтаксисъ и еллинской языкъ общественно, а любимаго своего молодаго человѣка обучалъ особенно греческому языку и чтенію древнихъ книгъ, изъ которыхъ любимѣйшіе имъ были слѣдующіе писатели: Плутархъ, Филонъ іудеянинъ, Цицеронъ, Горатій, Лукіанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Ниль, Діонисій Ареопагитскій, Максимъ исповѣдникъ, а изъ новыхъ относительно къ симъ; глава же всѣмъ ^{36а)} Библія. Сила, содержаніе и конецъ учебнаго ихъ упражненія было сердце, то есть основаніе блаженной жизни.

^{36а)} Въ подлинникѣ сдѣлана сноска, какъ въ самомъ текстѣ, такъ и подстрочно но никакого примѣчанія не сдѣлано. Въ копій, нѣтъ ни сноски, ни примѣчанія

Предпринявъ перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлѣній истинны, писывалъ онъ къ нему письма почти ежедневно, дабы, побудя его къ отвѣтствованію хотя кратко на оныя, приучить его мыслить, рассуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично.

Предразсудки, возбуждаемые различіемъ мнѣній, не позволяли сумнѣніямъ въ кношѣ изкорениться. Странное происшествіе истребило оныя до основанія, и сіе такъ описано въ подневныхъ запискахъ сего молодаго человѣка ³⁷⁾.

„1763 года, будучи я занятъ размышленіями о правилахъ, внушаемыхъ мнѣ Сковородою и находя въ умѣ моемъ оныя не согласными съ образомъ мыслей прочіихъ, желалъ сердечно, что бѣ кто-либо просвѣтилъ меня въ истиннѣ. Въ такомъ расположеніи находясь и поставя себя въ возможную чистоту сердца, видѣлъ я слѣдующій сонъ ^{38а)}).

Казалось, что на небѣ, отъ одного края до другаго, по всему пространству онаго, были написаны золотыми великими буквами слова. Все небо голубаго цвѣта, и золотыя слова оныя казались не столько снаружи блестящими, но больше внутри сіяли прозрачно свѣтомъ, и несовокупно написаны по лицу небеснаго пространства, но складами, по слогамъ и содержали слѣдующее и точно такимъ образомъ: па—мять—свя—тыхъ—му—че—никъ — А—на—ні—я, — А—ва—рі—я, — Ми—са—и—ла. Изъ сихъ золотыхъ словъ сыпались огненные искры, подобно какъ въ куанциѣ изъ раздуваемыхъ сильно мѣхами угольевъ, и падали стремительно на Григорія С. Сковороду. Онъ стоялъ на земли, поднявъ вверхъ прямо правую руку и лѣвую ногу, въ видѣ проповѣдующаго Іоанна Крестителя, котораго живописцы нѣкоторыя въ изображеніяхъ представляютъ въ такомъ расположеніи тѣла и каковымъ Сковорода тутъ же мнѣ вообразился. Я стоялъ близъ его, и нѣкоторыя искры изъ падающихъ на него, отскакивая, упали на меня и про-

³⁷⁾ Къ сожалѣнію самыя эти записки (дневникъ) принадлежащія М. Ковалинскому до сего времени пока еще нигдѣ не розысканы. Извѣстна только выписка, приведенная самимъ М. Ковалинскимъ. *Прим. ред.*

^{38а)} Зри Филона іудеянина книгу о снахъ, отъ духа бываемымъ въ сочиненіяхъ его о С. писаніи ветхаго завѣта и къ Коринѣяномъ II послан. С. А. Павла, глав. 12, ст. А; ³⁹⁾ Іова, гл. 33, ст. 15, 16 проч. ⁴⁰⁾. *Прим. авт.*

³⁹⁾ Въ Второмъ посланіи къ Коринѣянамъ апостола Павла, въ 12 гл., ст. 1, говорится:

„Похвалитися же не пользуется ми. Прияду во въ видѣнія и откровенія Господня.“ *Прим. ред.*

⁴⁰⁾ Въ „книгѣ Іова“, въ 33 гл., 15, 16, 17 ст., говорится:

„15. второе же во снѣ или въ поученіи ношнымъ,

16. или яко егда нападаетъ страхъ люте на человѣки, во дреманіихъ на ложы:

17. Тогда откроеть умъ человѣческій, видѣніями страха тацѣми ихи устрашннѣ.“ *Прим. ред.*

изводили во мнѣ нѣкую легкость, развязанность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согрѣяніе и неизъяснимое удовольствіе духа. И, въ исполненіи сладчайшаго чувствованія, проснулъся.

Поутру, вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе странное почтенному и добродѣтельному старику, Т. с. ⁴¹⁾ Бор., у котораго я имѣлъ квартиру. Старику, подумавши, сказалъ мнѣ съ умиленіемъ: „Ахъ молодой человѣкъ! слушайте вы сего мужа: онъ посланъ вамъ отъ Бога быть ангеломъ руководителемъ и наставникомъ“ ^{42a)}. Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія, и съ сего времени я въ продолженіи писанія сего буду называть его другомъ по превосходству ⁴³⁾.

Представившіяся въ великолѣпномъ видѣ, написанныя на небеси имена трехъ отроковъ были тѣхъ самыхъ, которыхъ исторія изображена въ томъ любимомъ Сквородою Дамаскиновомъ стихѣ, который пѣвалъ онъ при всякомъ случаѣ въ молодости своей, по нѣкому махинальному побужденію, какъ о семъ упомянуто въ началѣ сего. Ни Скворода о любимомъ семъ стихѣ, ни другъ его о видѣнномъ имъ никогда другъ другу не рассказывали и не знали. По прошествіи тридцати одного года, за два мѣсяца до кончины своей, Скворода, будучи у друга своего въ деревнѣ и пересказывая ему всю жизнь свою, упомянулъ и о томъ стихѣ Дамаскиновомъ, что онъ всегда почти имѣлъ въ устахъ его и, самъ не зная почему, любилъ его паче прочихъ пѣній. Другъ, сіе услыша тогда и приведя на память видѣнное имъ во снѣ за тридцать одинъ годъ назадъ, въ молчаніи удивлялся гармоніи чудесной, которая въ различныя лѣта, въ разныхъ мѣстахъ, то одному въ уста, что другому послѣ въ воображеніе полагала, въ возбужденіе сердець ихъ къ выполненію и явленію разума и силы исторіи оной на самомъ дѣлѣ, въ жизни ихъ. Впрочемъ другъ его никогда ему о семъ видѣнномъ не говорилъ и послѣ.

Ежели, по духовному разуму исторіи, образъ златый на полѣ Деирѣ служимый, есть миръ сей, поле Деирово—время, печь огненная—плоть наша, разжигаемая желаніями, похотѣніями, суестрастіями, пламенами жгущими духъ нашъ; если тріе отроцы, не послужившіе твари и не брегшіе поклонитися идолу златому, суть тріе

⁴¹⁾ Эти буквы написаны по зачеркнутымъ словамъ: „Троицкому священнику“.

Прим. ред.

^{42a)} Гдѣ душа наша не обрѣтаетъ никакого основанія подлинности, тамо должна она ввѣряться мнѣніямъ успокоивающимъ и возвышающимъ бытіе его, ибо сіи мысли ведутъ насъ яснымъ небомъ чрезъ волны жизни сая.

Прим. авт.

⁴³⁾ Молодой человѣкъ—этотъ былъ самъ М. Ковалинскій. *Прим. ред.*

главнѣйшія способности человѣческія: умъ, воля, и дѣяніе ⁴⁴⁾, не поряющіеся духу міра сего, во злѣ лежащаго, и не вреждены огнемъ любострастныхъ плоти, но прохладяясь свыше Духомъ святымъ, пѣсно-словно изображаютъ Дѣву Богоматерь, дѣвственное сердце, непорочность души человѣческой; то огонь, падающій изобильными струями на Григорія Сковороду изъ златовидныхъ имянъ, написанныхъ на небеси, трехъ отроковъ израильскихъ, есть тайно-образовательное свидѣтельство почивающаго на немъ Духа Божія.

Другъ его началъ давать мѣсто въ мысляхъ и въ сердцѣ своемъ мнѣніямъ и правиламъ его нечувствительно увидѣлъ себя на пути свѣтломъ чистаго ума и несмущеннаго духа.

Сковорода, хотя возбудить мыслящую силу друга своего поучатися не въ книгахъ однихъ, но паче въ самомъ себѣ, откуда всѣ книги рождаются, часто, въ собесѣдованіяхъ съ нимъ, раздѣлялъ человѣка на двое: на внутренняго и внѣшняго, называя одного вѣчнымъ, а другаго временнымъ; того небеснымъ, сего земнымъ; того духовнымъ, сего душевнымъ, онаго творческимъ, сего тварнымъ ³⁹⁾. По сему раздѣленію,

44) У духоборцевъ „главнѣйшія способности человѣческія“ опредѣляются тремя качествами: „память, разумъ и воля“. Въ вопросоотвѣтномъ псалмѣ „Почему ты называешься христіанинъ“, говорится:

„32. В. Чѣмъ тебя Богъ одарилъ?

О. Тремя счастьями: „память, разумъ и воля“. (См. 38 стр. „Животной Книги духоборцевъ“—„Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества“. Вып. II. Спб. 1909 г., а также XVIII стр. статьи В. Д. Бончъ-Бруевича „Изложеніе міросозерцанія духоборцевъ“, помѣщенной въ той же книгѣ).

Прим. ред.

45) У Новаго Израіля совершенно ясно проведено такое же дѣленіе природы человѣка. Такъ въ рукописи вождя Новоизраильской общины В. С. Лубкова „Загробная жизнь“ говорится:

„...Возрожденный человѣкъ становится быть двоякимъ имѣющимъ двойственную природу:

- 1) душевную, человѣческую, перстную изъ земли и
- 2) духовную, разумную, безсмертную, Господа съ небеси.

Несмотря на то, что они между собой имѣютъ нераздѣльное почти цѣлое, но пути ихъ различны и противорѣчатъ другъ другу.

1) Отъ первоначальной чистоты идетъ къ разрушенію и тлѣнію, къ концу, гибели.

2) Отъ грубаго, низменнаго, человѣческаго влеченія—идетъ по пути къ совершенству, къ самосознанію, къ саморазвитію, все болѣе и болѣе къ раскрытію великихъ, сокровенныхъ, божественныхъ тайнъ, къ достиженію всѣхъ благъ на землѣ, къ улучшенію тутошней жизни, къ созиданію царства Божьяго среди человѣковъ, къ равенству и общечеловѣческому братству, къ слиянію всѣхъ людей въ одну Божію семью, къ радости совершенной, къ торжеству вѣчной любви и правды, къ совершенству во Христѣ и къ безсмертію въ Богѣ.“ (См. 7 стр. книги „Новый Израиль“, „Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества“, вып. IV, Спб. 1911 г.). Совершенно такого же

въ одномъ и томъ же человѣкѣ усматривалъ онъ два ума, двѣ воли, два закона, двѣ жизни. Перваго, по божественному роду его, именовалъ онъ Царемъ, Господемъ, Началомъ; другаго же, по земному бытію его, рабомъ, орудіемъ, подножіемъ, тварью. И какъ первому, по преимуществу его, надлежало управлять, начальствовать, господствовать,— другой же долженствовалъ повиноваться, служить, послѣдовать волѣ онаго, то въ надлежащее соблюденіе порядка сего святѣйшія природы приучалъ онъ себя во всѣхъ дѣяніяхъ жизни придерживаться тайнаго гласа внутренняго, невидимаго и неизъяснимаго мановенія духа, которое есть гласъ воли Божіей и которое люди, чувствуя втайнѣ и послѣдую движению его, ублажаются, не повинуюсь же побудителю сему и не памятуя онаго, окаеваются. Онъ, испытавъ на самомъ дѣлѣ святость тайнаго руководительства сего, возбуждалъ вниманіе въ другѣ своемъ и въ прочіихъ къ сему святилищу внутреннія силы Божія и часто приглашалъ прислушиваться изреченіямъ сего прорицалища нетлѣннаго духа, котораго гласъ раздается въ сердцахъ непорочныхъ яко друга въ развращенныхъ яко судіи, въ непокоривыхъ яко мстителя. Онъ называлъ его тѣмъ первобытнымъ закономъ человѣковъ, о которомъ говоритъ св. писаніе: Нетлѣнный духъ твой есть во всѣхъ: тѣмъ же заблуждающихъ помалу обличаеши, и въ нихъ же согрѣшаютъ, воспоминавая, учиши, да, премѣнившеся отъ злобы, вѣруютъ въ тя, Господа! Онъ утверждалъ, что сей былъ тотъ самый ^{46а)} геній, которому послѣдую во всемъ добродушный Сократъ, яко наставнику своему, достигъ степени мудраго, то-есть щасливаго.

Онъ говаривалъ съ сильнымъ убѣжденіемъ истинны: „посмотри на человѣка и узнай его! Кому подобенъ истинный человѣкъ, Господь сый во плоти? Подобенъ доброму и полному колосу пшеничному. Разсуди же: не стебель съ вѣтвями есть колосъ, не солома его, не полова ⁴⁹⁾, не наружная кожица, одѣвающая зерно, и не тѣло зерна: но колосъ есть самая сила, образующая стебель, солому, тѣло зерна и

рода разъясненія о двойственной природѣ человѣка, встрѣчаются во многихъ рукописяхъ „Стараго“ и „Новаго Израила“ и у духовныхъ молочаевъ.

Прим. ред.

^{46а)} Древніе подъ названіемъ генія разумѣли то, что разумѣемъ мы подъ именемъ ангела хранителя ⁴⁷⁾. Сократъ называлъ сего генія демономъ, ибо демонъ на еллинскомъ языкѣ значить разумѣющій ⁴⁸⁾, то есть разумная сила внутренняя человѣка, а не значить злаго духа. Нѣкоторые черезъ генія разумѣютъ изощренное чувствованіе добра и зла; другіе—сильное нравственное чувство. Зри о геніи Сократовомъ сочин. Плутарха особое. *Прим. авт.*

⁴⁷⁾ У новозаранльтянъ подъ словомъ „ангелъ“ разумѣютъ „геній добра“

Прим. ред.

⁴⁸⁾ Слова: „демоны“, „разумѣющій“ въ копіи подчеркнуты. *Прим. ред.*

⁴⁹⁾ Слово „полова“ кѣмъ-то переправлено какъ въ оригиналѣ, такъ и въ копіи, на— „плева“.

Прим. ред.

проч., въ которой силѣ все оное заключается невидимо. Она производитъ все то въ явленіе весною, когда вся внѣшность на зернѣ согнела, дабы не притчено было плододѣйство мертвой землѣ, то есть гніющей внѣшности, но вся бы слава отдана была невидимому Богу, тайною своею десницею вся дѣйствующему, дабы онъ единъ былъ во всемъ глава, вся же внѣшность прочая—пята. Отъ колоса поступи къ человеку. Въ колосѣ видѣль ты солому, полову, кожицу: но не тамо Богъ. Гдѣ же?—Въ невидимой силѣ растительной: Господь Богъ произростилъ намъ колосъ невидимую силою. Посмотри же на тѣлесность человека: не тамо сила Божія! Она въ невидимости его закрылась. Подними же отъ земныя плоти мысли твои и уразумѣй человека въ себѣ, отъ Бога рожденна, не сотворенна, въ послѣднее житія время! Сила растительная зерна, глава тѣла всего есть тайная дѣйствительность невидимаго Бога: познай въ себѣ силу разумную, глаголь Божій, слово вѣчное, десницу Божию, законъ, власть, царство, невидимость, обрѣзъ Отца небеснаго! Раскрой сердце твое для принятія вѣры и для обнятія того человека, который Отцу своему небесному вмѣсто силы его и вмѣсто десницы его есть во вѣки вѣковъ. Сіе сѣмя твое, зерно твое, есть пространство небесъ и земныхъ круговъ, видимое сіе небо и земля сія въ немъ сокрываются, и тебе ли сіе сѣмя сохранить не возможно? Ахъ! Буди увѣренъ, что и самый нечувствительный власъ главы твоя, потерявши наличность свою, въ немъ безъ всякаго вреда закроется, сохранится, ублажится! О, сѣмя благословенное, человекъ истинный, Божій! Вся видимость есть подножіе его. Самъ онъ въ себѣ носитъ царство, онебеса всякаго просвѣщаемаго имъ и восполня своимъ всеисполненіемъ, воссѣдъ на мѣстѣ десницы (одесную) Отца небеснаго во вѣки.

Симъ, немногимъ извѣстнымъ, правиломъ водясь, онъ принималъ на себя должности, располагалъ упражненія свои и забавы, перемѣнялъ нечаянно мѣстопробыванія, дѣлалъ знакомства, вступалъ въ пріязни, принималъ въ дружбу свою и не прежде рѣшался дѣлать что-либо зависящее отъ единственнаго выбора воли его, какъ посовѣтуя со внутреннимъ духомъ, котораго онъ называлъ иногда Минервою. Ибо, какъ Минерва, по баснословію, рождена изъ мозга Юпитерова, такъ духъ нашъ происходитъ отъ Бога.

Какъ Богъ даетъ дарованія духа не въ одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающихъ въ состояніе жизни не по врожденной способности, называлъ Скворода—людьми безъ Минервы. Такъ часто, видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна ⁵⁰⁾, богослова, роскошнаго монаха ⁵¹⁾ и пр., съ досадою

⁵⁰⁾ Слово „хвастуна“ зачеркнуто въ оригиналѣ и сверху зачеркнутаго написано „гордаго“. Въ копіи это слово не зачеркнуто. *Прим. ред.*

⁵¹⁾ Слова „роскошнаго монаха“ въ оригиналѣ зачеркнуты совершенно, въ копіи они не зачеркнуты. *Прим. ред.*

говорилъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ на изображеніе царствующей въ вѣкъ его Екатерины II, находившееся у друга его въ гостинномъ покоѣ, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!

Онъ мыслилъ, что щастіе человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ узнавъ собственную въ себѣ способность, по оной употребить себя въ жизни. Такъ многіе богословы были бы, можетъ быть, лучшими стряпчими по дѣламъ, многіе ученые—разнощиками, многіе судьи—пахарями, военачальники — пастухами, монахи — цѣловальниками и проч.

Отсюда, заключалъ онъ, происходитъ, что одно и тоже самое состояніе жизни—одного ублажаетъ, а другаго окаянствуетъ; одного воинскій санъ прославляетъ, а другаго посрамляетъ; одного царекій вѣнецъ преукрашаетъ благословеніемъ, славою, безсмертіемъ, а другаго низвергаетъ во тьму кромѣшную съ проклятіемъ имени его; одного богословіе дѣлаетъ свѣтильникомъ міра, обладателемъ надъ сердцами, славнымъ безъ славы, почетнымъ безъ почестей, а другаго—обманщикомъ, лицемѣромъ, лжецомъ, хвастуномъ ⁵²⁾, высокоудрствующимъ; одного ученіе возвысило до небесъ, а другаго низвело до ада; одному судейство доставило имя благодѣтеля, а другому—разбойника; одному начальство въ похвалу и честь, а другому—въ хулу и поношеніе; одного монашество осватило, а другаго очернило ⁵³⁾ и погубило вѣчки...

Такое правдивое, но для многихъ колкое изъясненіе скоро навлекло ему брань. Ложь и порокъ вооружили на него орудія свои въ лицахъ многихъ. Но рука Господня была съ нимъ, и онъ превозмогалъ ея всѣ навѣты глупыхъ и злыхъ человѣковъ.

Занимаясь много другомъ своимъ, возводя умъ его выше обыкновенныхъ познаній, навѣдывался онъ искоренить въ немъ предубѣжденія, напечатлѣнные отъ невѣждъ и бабихъ басней. Примѣтя, что страхъ смерти и боязнь мертвыхъ обладали мучительно воображеніемъ его, предлагалъ онъ ему важныя чтенія, разрушающія сіе ужасное мнѣніе; бесѣдовалъ часто о началѣ и разснащеніи существъ каждаго въ свое основаніе, говоря, что вѣнду подобенъ вѣкъ: начало и конецъ въ единой точкѣ заключаются. Отъ зерна колосъ въ зерно возвращается, отъ семени въ сѣмя яблонь закрывается ^{54a)}, земля въ путь земли идетъ и

⁵²⁾ Въ подлинникѣ слово „хвастуномъ“ зачеркнуто; въ копіи—оно не зачеркнуто. *Прим. ред.*

⁵³⁾ Первоначально въ оригиналѣ было написано „очертило“, потомъ переправлено на „очернило“. Въ копіи—„очертило“. *Прим. ред.*

^{54a)} Стихъ, наполненный превысокаго понятія „Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный“, утверждаетъ сію истинну.—Первая точка: Святый

духъ къ духу. Какое, такъ разсуждалъ онъ, есть основаніе первоначальнѣе тварей?—Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облеци совершенства свои въ явленіе видимости, изъ Ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы^{55а)}. Назначено поприще или кругъ каждому существу, по образу вѣчнаго, явить силы свои, то есть явленіе невидимаго во временной видимости и паки вступить въ свое начало, то есть въ свое Ничто. Край первый и край послѣдній есть едино, и сіе едино есть Богъ. Всѣ твари, вся природа суть приятелище, риза, орудіе: все сіе обветшаетъ, свѣтятся, измѣнятся; единъ духъ Божій, исполняющій вселенную, пребываетъ вовѣки. Богочеловѣкъ нашъ, говорилъ онъ, есть вѣнецъ нашъ: не умираемъ, но измѣняемся отъ смерти въ животь, отъ тлѣнія въ нетлѣніе⁵⁷⁾. Умираютъ и умерли уже, имъ же Богъ чрево ихъ и слава ихъ въ студѣ ихъ. Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживуть. Аще убо и нынѣ часъ есть; то почто на утріе, на тысящу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообращеній планетъ откладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе, судъ, гласъ сына Божія? Нося уже въ себѣ огонь неугасаемый мучительныхъ желаній и чувствій и червь неусыпаемый угрызеній совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія не слышится въ насъ еще, что труба Божія не низвела еще къ намъ судію страшнаго, праведнаго, судящаго, якоже слышитъ онъ сердце наше?

Не довольствуясь бесѣдою о семъ, приглашалъ онъ друга своего въ лѣтнее время прогуливаться поздно вечеромъ за городъ и нечув-

Боже,—знаменуетъ начало, предворяющее всю тварь; вторая: Святыи крѣпкій знаменуетъ начало, создавшее плоть и вселшееся въ ней; третія: Святыи безсмертныи, знаменуетъ начало, пребывающее изчезнувшей плоти; зри о семъ сочин. его „Потопъ Зминъ“, гл. 4.

Прим. авт.

^{55а)} Читай о семъ книгу, „De l'origine, usages et abus de la raison et de la foi“, 328 page, том I⁵⁶⁾.

Прим. авт.

⁵⁶⁾ Въ копіи рукописи приписано почеркомъ М. Ковалинскаго: „Мысли Сковороды о семъ предлогѣ точно таковы, каковы въ ономъ сочиненіи на упомянутой страницѣ изображены“.

Прим. ред.

⁵⁷⁾ У всѣхъ сектантовъ Россіи, имѣющихъ корень своего происхожденія въ „духовномъ христіанствѣ“, по отношенію къ членамъ своей общины нѣтъ слова „умеръ“, а есть весьма характерное для ихъ міросозерцанія слово— „переселился“. У Новаго Израиля о смерти говорится такъ: „...По этому Возрожденный Человѣкъ не умретъ, а лишь переселится въ другой лучший міръ, въ безбрежный небесный океанъ, тамъ гдѣ вѣчно сіяющія дали, за предѣлами земнаго бытія, гдѣ онъ примкнетъ къ общему сочетанію духовъ правѣдниковъ съ безсмертнымъ и вѣчнымъ Богомъ.“ (См. 7 стр. IV выпуска „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектанства и старообрядчества“— „Новый Израиль“.) Такое же отношеніе къ смерти мы встрѣчаемъ у духоборцевъ и у молоканъ.

Прим. ред.

ствительно доводилъ его до кладбища городского. Тутъ, ходя въ полночь между могилъ и видимыхъ на песчаномъ мѣстѣ отъ вѣтра разрытыхъ гробовъ, разговаривалъ о безразсудной страшливости людской, возбуждаемой въ воображеніи ихъ отъ усобшихъ тѣлъ. Иногда пѣлъ тамъ что-либо приличное благодушеству; иногда же, удалясь въ близъ лежащую рощу, игралъ на флейтаверфѣ, оставя друга молодаго между гробовъ одного, яко бы для того, что бѣ издали ему приятнѣе было слушать музыку. Сей, непримѣтно освобождаясь отъ пустыхъ впечатлѣній, мечтательныхъ страховъ, въ спокойствіи сердечномъ внутренно возсылалъ благодареніе Промыслу Божию за низпосланіе ему мудраго друга и наставника.

Въ 1764 году другъ его вознамѣрился поѣхать въ Кіевъ для любопытства. Сковорода рѣшился сопутствовать ему, куда и отправились они въ августѣ мѣсяцѣ.

По прїѣздѣ туда, при обозрѣваніи древностей тамошнихъ, Сковорода былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія починающихъ тамо усобшихъ святыхъ, но не жизни живаго монашества.

Многіе изъ соучениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ Печерской лаврѣ, напали на него неотступно, говоря кругомъ ⁵⁸⁾, полно бродить по свѣту! Пора пристать къ гавани: намъ извѣстны твои таланты, святая лавра прїиметь тя, аки мати свое чадо, ты будешь столбъ церкви и украшеніе обители.—Ахъ, преподобные! возразилъ онъ съ горячностію: я столботворенія умножать собою не хочу, довольно и васъ столбовъ неотесанныхъ ⁵⁹⁾ во храмѣ Божиємъ.

За симъ привѣтствіемъ старцы замолчали, а Сковорода, смотря на нихъ, продолжалъ: риза! риза! коль не многихъ ты опреподобила! Коль многихъ окаянствовала! ⁶⁰⁾ Міръ ловить людей разными сѣтями, накрывая оныя богатствами, честями, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею, но всѣхъ нещастнѣе сѣть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т. е. щастіе свое не сокрылъ въ ризу, но въ волю Господню.

Монахи ⁶¹⁾ перемѣнялись въ лицѣ, слушая сіе; но звонъ позвалъ ихъ, и они послѣшили на молитву. Одинъ изъ нихъ просилъ Сково-

⁵⁸⁾ Слово „кругомъ“ въ подлинникѣ зачеркнуто другими чернилами.

Прим. ред.

⁵⁹⁾ Слово „неотесанныхъ“ въ подлинникѣ нынѣ слегка зачеркнуто другими чернилами.

Прим. ред.

⁶⁰⁾ Слово „окаянствовала“ въ подлинникѣ зачеркнуто другими чернилами и сверху написано „очаровала“.

Прим. ред.

⁶¹⁾ Слово „монахи“ въ подлинникѣ зачеркнуто другими чернилами и сверху надписано „старцы“.

Прим. ред.

роду съ другомъ его на завтра прогуляться за монастырь ⁶²⁾. Согласясь, пошли всё трое и сѣли на горѣ надъ Днѣпромъ. Отецъ Каллистратъ (такъ назывался онъ), обнявъ тутъ Сквороду, сказалъ: о мудрый мужъ! я и самъ такъ мыслю, какъ ты вчера говорилъ предъ нашею братією, но не смѣлъ никогда слѣдовать мыслямъ моимъ. Я чувствую, что я не рожденъ къ сему черному наряду и введенъ въ оной однимъ видомъ благочестія, и мучу жизнь мою: могу ли я?... Скворода отвѣтствовалъ: отъ человѣкъ не возможно, отъ Бога же вся возможна суть.

По прошествіи нѣсколькихъ дней надлежало другу его возвращаться во свояси. Скворода, будучи упрошенъ родственникомъ своимъ, соборнымъ печерскимъ типографомъ ⁶³⁾ Іустиномъ, остался въ Кіевѣ.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ пріѣхалъ изъ Кіева паки въ Харьковъ. Украину предпочиталъ онъ Малороссіи за воздухъ и воды. Рѣки почти всё пѣтутъ въ Малороссіи, отчего и воздухъ имѣеть гнилость. Онъ обыкновенно называлъ Малороссію матерью потому, что родился тамъ, а Украину—теткою, по жительству его въ оной и по любви его къ ней.

Въ Харьковѣ былъ губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ ⁶⁴⁾, человѣкъ не имѣвшій учебнаго воспитанія, но одаренъ природнымъ здравымъ разумомъ, любитель наукъ, талантовъ, музыки, въ которой и самъ онъ былъ весьма искусенъ и знающъ. Наслышась о Сквородѣ, призвалъ онъ его къ себѣ и, поговоря съ нимъ, сказалъ ему:

— Честной человѣкъ! для чего не возьмешь ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія?

— Милостивый государь!—отвѣтствовалъ Скворода:—свѣтъ подобенъ театру: чтобъ представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, то берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ низкаго, простаго, безпечнаго, уединеннаго: я сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ.

Губернаторъ, посмотря на него съ удовольствіемъ, полюбилъ его и сказалъ предстоящимъ:

— Вотъ умной человѣкъ! Онъ прямо счастливъ; меньше было бы на свѣтѣ дурачества и неудовольствій, если бы люди такъ мыслили.

⁶²⁾ Слово „монастырь“ въ подлинникѣ зачеркнуто другими чернилами и инымъ подчеркомъ надписано: „обитель“. *Прим. ред.*

⁶³⁾ Слово „типографомъ“ въ подлинникѣ зачеркнуто. *Прим. ред.*

⁶⁴⁾ Въ подлинникѣ слова „Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ“ зачеркнуты и другимъ почеркомъ надписано: „Е. А. Щ.“. *Прим. ред.*

— Но, другъ мой!—продолжалъ Щербининъ ⁶⁵⁾, отвѣдя его особенно изъ круга,—можетъ быть, ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ въ общежитіи полезнымъ, да привычка, мнѣніе, предувѣреніе...

— Если бы я почувствовалъ сего дня,—прервалъ рѣчь Скворода,—что могу безъ робости рубить турковъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности есть удовольствіе. Песъ бережетъ стадо день и ночь по врожденной любви и терзаетъ волка по врожденной склонности, не смотря на то, что и самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ. Ни конь, ни свинья не здѣлаютъ сего, понеже не имѣютъ природы къ тому. Склонность, охота, удовольствіе, природа, сила Божія, Богъ есть тоже. Есть склонности, есть природы злыя и сіи суть явленіе гнѣва Божія. Человѣкъ есть орудіе, свободно и вольно подчиняющее себя дѣйствию или любви Божіей, то есть живота, или гнѣва Божія, то есть суда, добра или зла, свѣта или тьмы. Сіе напечатлѣнно ощутительно на кругообращеніи дня и ночи, лѣта и зимы, жизни и смерти, вѣчности и времени. Богъ есть Богъ живота или любви и Богъ суда или гнѣва ^{66а)}. Всѣ твари суть грубые служебные органы свойствъ сихъ верховнаго существа: одинъ человѣкъ есть благороднѣйшее орудіе его; имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и пѣну и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее. Отсюда естественно происходитъ понятіе о правосудіи, милосердіи и благодати во Творцѣ. А когда во Творцѣ, то и въ тваряхъ, найпаче же приближенныхъ къ нему даромъ разума. Отсюда власти, правительства, державы, семейства, общества, состоянія, отсюда родители, цари, начальники, войны, судіи, господіе, рабы; но единъ Богъ во всѣхъ и вся въ немъ.

Щербининъ въ сладость послушалъ его и убѣждалъ его ходить къ нему чаще.

Скворода, держась приличія того лица, которое избралъ онъ представлять на театрѣ жизни, всегда удалялся знатныхъ особъ, великихъ обществъ и чиновныхъ знакомствъ: любилъ быть въ маломъ кругѣ непринужденнаго обращенія съ людьми откровенными; предпочиталъ чистосердечное обхожденіе паче всякихъ ласкательныхъ приемовъ, въ собраніяхъ занималъ всегда послѣднее мѣсто, ниже всѣхъ и не охотно входилъ въ бесѣду съ незнакомыми, кромѣ простолюдиновъ.

⁶⁵⁾ Въ подлинникѣ слово „Щербининъ“ зачеркнуто и надъ нимъ надписано другимъ почеркомъ: „Щ.“.

Прим. ред.

^{66а)} Міръ сей и человѣкъ суть изъявленіе чудесъ, которыя Духъ Бога невидимаго производитъ вещественно. Сей духъ чудесъ свидѣтельствуетъ въ явленіи своемъ о внутреннемъ состояніи бытій въ любви или во гнѣвѣ, въ добрѣ или во злѣ.

Прим. авт.

Любимое, но не главное упражненіе его было музыка, которую онъ занимался для забавы и препровождалъ праздное время. Онъ сочинилъ духовные концерты, положи нѣкоторые псалмы на музыку, такъ же и стихи, пѣваемые во время литургіи, которыхъ музыка преисполнена гармоніи простой, но важной, проникающей, плѣняющей, умиляющей. Онъ имѣлъ особую склонность и вкусъ къ акроматическому роду музыки. Сверхъ церковной, онъ сочинилъ многія пѣсни въ стихахъ и самъ игралъ на скрипкѣ, флейтраверѣ, бандорѣ и гусяхъ, приятно и со вкусомъ.

Въ 1766 году, по повелѣнію благополучно царствующей Екатерины II, къ харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки подъ названіемъ прибавочныхъ классовъ. Между прочими назначено было преподавать благородному юношеству правила благонравія. Начальство признало способнѣйшимъ къ сему Сковороду и пригласило его. Онъ охотнѣе принялъ сіе предложеніе и не захотѣлъ брать опредѣленнаго за классъ сей по обладанью жалованья, почитая, что удовольствіе, которое находитъ онъ быть въ семъ случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду. По сему поводу написалъ онъ въ то время сочиненіе, извѣстное подъ симъ именемъ: „Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодаго шляхетства Харьковской губерніи“.

Сочиненіе сіе содержало въ себѣ простыя истинны, краткія коренныя познанія должностей, относительныхъ до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали въ ономъ чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движуція сердце къ подобному себѣ концу высокому. Но какъ все то основывалось на познаніи Бога и достойномъ почтеніи онаго, то епископъ бѣлградскій, бывшій тогда епархіальнымъ, почитая такое расужденіе въ устахъ свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществъ своихъ, вознегодовалъ на него съ гоненіемъ; требовалъ книжицу на разсмотреніе; нашолъ нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія въ рѣчахъ, и образъ ученія не соотвѣтствующій обыкновенному правилу; почему и препоручилъ своимъ спросить Сковороду, для чего онъ преподавалъ наставленіе христіанскаго благонравія различнымъ образомъ отъ обыкновеннаго? Сковорода отвѣтствовалъ: дворянство различествуется и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ ⁶⁷⁾. Для чего же не имѣтъ оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли,—продолжалъ онъ въ отвѣтъ,—государя разумѣть и почитаетъ пастухъ свиней ⁶⁸⁾ и цаловаль-

⁶⁷⁾ Въ подлинникѣ слово „монаховъ“ зачеркнуто другими чернилами.

Прим. ред.

⁶⁸⁾ Слово „свиней“ въ подлинникѣ зачеркнуто другими чернилами.

Прим. ред.

никъ ⁶⁹⁾, какъ министръ его, военачальникъ, градоначальникъ? Подобно и дворянству такія ли прилично имѣть мысли о Богѣ ⁷⁰⁾, какія въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ урокахъ?—По семь отвѣтъ все замолчало.

Сковорода, побуждаясь духомъ, удалился въ глубокое уединеніе. Близъ Харькова есть мѣсто, называемое Гужвинское, принадлежащее помѣщикамъ Земборскимъ, которыхъ любилъ онъ за добродушіе ихъ. Оно покрыто угрюмымъ лѣсомъ, въ срединѣ котораго находился пчельникъ съ одною хижиною. Тутъ поселился Григорій, укрываясь отъ молвы житейской и злословія духовенства.

Предавшись на свободѣ размышленіямъ и ограда спокойствіе духа безмолвіемъ, безстрастіемъ, безсуеушностію, написалъ онъ тутъ первое сочиненіе свое въ образѣ книги, названное имъ Наркызъ, или о томъ: познай себя. Прегнія его, до того писанныя, малыя сочиненія были только отрывочныя въ стихахъ и прозѣ.

Продолжая тамъ же свое пустынножителство, написалъ онъ другое сочиненіе, подъ именемъ: Книга Асханъ, о познаніи себя самого, которое приписалъ другу своему.

Жемудрое высокоуміе, не въ силахъ будучи вредить ему злословіемъ, употребило другое орудіе, клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода осуждаетъ употребленіе мясъ и вина и самъ чуждается оныхъ. А какъ извѣстно, что такое ученіе есть ересь Манихейская, проклята отъ святыхъ соборовъ, то законослы и дали ему прилагательное имя Манихейскаго ученика. Сверхъ того доказывали, что онъ называетъ вредными, сами по себѣ, золото, серебро, драгоценныя вещи, одежды и проч. Какъ же Богъ ничего вреднаго не сотворилъ, а всѣ тѣ вещи имъ созданы, то и заключили, что онъ богохульникъ.

Притомъ, поелику Сковорода удаляется отъ людей, чуждается обществъ, бѣгаетъ состоянія въ общежитіи, скрывается въ лѣса, то и выводили естественнымъ послѣдствіемъ, что онъ не имѣетъ любви къ ближнему, а потому и назвали его мизантропомъ, то есть человѣконенавистникомъ.

Сковорода, узнавши о семъ и не желая, что-бъ добрыя и простодушныя сердца соблазнились о немъ сими разглашеніями клеветы, явился въ городъ и, нашедъ въ одномъ собраніи приличный случай къ объясненію правилъ своихъ, говорилъ тако ⁷¹⁽¹⁾: было время и теперь

⁶⁹⁾ Слово „цаловальникъ“ зачеркнуто въ подлинникѣ и надъ нимъ надписано другимъ почеркомъ „земледѣлецъ“.

Прим. ред.

⁷⁰⁾ Въ подлинникѣ слово „Богъ“ зачеркнуто и надъ нимъ другимъ почеркомъ надписано „верховномъ существѣ“.

Прим. ред.

⁷¹⁽¹⁾ Сіе самое объясненіе онъ описываетъ въ письмѣ къ нѣкоторому другу своему.

Прим. авт.

бываетъ, что для внутренней моей экономіи воздерживаюсь я отъ мяса и вина. Но потому ли лѣкарь охуждаетъ, напримѣръ, чеснокъ, когда велить поудержаться отъ употребленія онаго тому, у кого вредный жаръ вступилъ въ глаза? Все благосотворено отъ всещедраго Творца, но не все всѣмъ всегда бываетъ полезно. Правда, что я совѣтовалъ нѣкоторымъ, да бы они осторожно поступали съ виномъ и мясомъ, а иногда и совѣтъ отъ того отводилъ ихъ, рассуждая горячую молодость ихъ. Но, когда отецъ младолѣтному сыну вырываетъ изъ рукъ ножъ и не даетъ ему употребленія оружейнаго пороку, самъ однако же пользуясь оными,—то не ясно ли видно, что сынъ еще не можетъ владѣть правильно тѣми вещами и обращать ихъ въ пользу, ради которой онѣ изобрѣтены? Вотъ почему приняли меня за Манихейскаго ученика. Не должно то, что всякой роль пищи и питія есть полезень и добръ; но надлежитъ брать въ разсужденіе время, мѣсто, мѣру, особу. Не бѣдственно ли было бы сосущему грудь младенцу дать крѣпкой водки? Или не смѣшно ли работавшему въ потѣ лица весь день на стужѣ дровосѣку подать стаканъ молока въ подкрѣпленіе силъ его? Какъ же несправедливо почли меня за Манихея, такъ и недостойно за чело-вѣкненавистника и ругателя даровъ Божіихъ.

Когда Богъ опредѣлилъ мнѣ въ низкомъ лицѣ быть на театрѣ свѣта сего, то должно уже мнѣ и въ нарядѣ, въ одѣянїи, въ поступкахъ и въ обращенїи со степенными, сановными, знаменитыми и почтенными людьми наблюдать благопристойность, уваженіе и всегда помнить мою ничтожность предъ ними. Сіе самъ я стараюсь сохранить, и прочимъ совѣтовалъ дѣлать такожде, отчего и попалъ я во олеветаніе. Оглагольники мои, если бы приписывали мнѣ обыкновенныя слабости или пороки, то сносно было-бы мнѣ; но сіи языковредные, представляя меня развращающимъ нравы, дѣлаютъ меня еще душегубителемъ, то есть еретикомъ, и подъ симъ видомъ запрещаютъ, отговариваютъ, отсовѣтываютъ вступать со мною въ знакомство, въ бесѣду, въ обращеніе. Я говаривалъ молодымъ людямъ совѣтовать съ своею природою, что-бъ они на позорищѣ жизни могли сохранить благопристойность, приличную искуснымъ дѣйствующимъ лицамъ; а если кто взялъ ролю, не совсѣмъ сродную ему, то старался бы, какъ можно удачнѣе оную представить и поступать безъ соблазновъ, дабы хотя нѣсколько жалобы между людьми и роптанія предъ Богомъ на состоянія свои уменьшились.

Слушавшіе тутъ другъ на друга взглядывали и никто ни слова не сказалъ ему на сіе. Сковорода, поклонясь всѣмъ, отправился тогда же въ уединеніе.

Въ Изюжскомъ округѣ Харьковской губерніи имѣли жительство дворяне Сошалскіе, которыхъ братъ меньшій просилъ тутъ же Сковороду пожить у него, предлагая ему спокойное пребываніе въ деревнѣ

его, гдѣ все по вкусу и охотѣ своей онъ могъ найти, какъ и самаго хозяина, ищущаго любви его. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ деревню Гусинку, полюбилъ мѣсто и хозяйевъ и поселился не въ далекомъ разстояніи отъ деревни, въ пасѣкѣ ихъ. Тишина, безмятежіе, свобода возбудили въ немъ всѣ чувства тѣхъ драгоценныхъ удовольствій, которыя опытомъ извѣстны однимъ мудрымъ и цѣломудрымъ. Мнози глаголютъ: (такъ писалъ онъ къ другу своему) что дѣлаетъ въ жизни Сковорода? Чѣмъ забавляется? Азъ же во Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ! Радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни,—продолжалъ онъ,—оно есть главная точка всѣхъ подвиговъ; всѣ дѣла коеяждо жизни сюда текутъ. Суть нѣкіе, аки безъ главной точки живущіе, безъ цѣли, безъ пристани плывущіе. Но о развращенныхъ я не говорю: свое всякому радваніе мило. Азъ же поглумлюся, позабавлюся въ заповѣдехъ Вѣчнаго. Все исходитъ въ скуку и омерзѣніе кромѣ сея забавы, и пути ея пути вѣчны.

Между симъ кругъ жизни друга его доходилъ до той точки, на которой означается ⁷²⁽¹⁾двупутіе Геркулесово. Онъ вознамѣрился ѣхать въ столицу для службы: въ 1769 году отправился туда и прибылъ въ ноябрѣ.

Свѣтъ представился ему во всей великости своихъ прелестей. Потопъ мыслей покрылъ разумъ его и бездна желаній отверзлася предъ сердцемъ его. Но приучась отъ наставника своего Сковороды относиться во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ къ мановенію внутренняго духа, силою его пробудился отъ обаятельнаго удивленія, и три года проживя въ столицѣ, всегда хранилъ подъ державою его, соблюлъ душевное спокойствіе. Блаженъ, аще бы неуклонно во всѣ текущія лѣта послѣдовалъ сему великаго совѣта ангелу!

Въ 1770 году Сковорода, согласясь съ Сошальскимъ, поѣхали въ Кіевъ. Родственникъ его Іустинъ былъ начальникомъ Китаевской пустыни, что подлѣ Кіева. Сковорода поселился у него въ монастырѣ и три мѣсяца провелъ тутъ съ удовольствіемъ. Но вдругъ примѣтилъ въ себѣ внутреннее движеніе ⁷³⁽²⁾духа непонятное, побуждающее его ѣхать изъ Кіева: слѣдуя сему, по своему обыкновенію, просить онъ Іустина, что бѣ отпустилъ его въ Харьковъ. Сей уговариваетъ его остаться. Григорій непреклонно настоятъ, что бѣ отправить его. Іустинъ заклинаетъ всею святынею не оставлять его. Сей, видя не расположеніе Іустина къ отпуску его, пошолъ въ Кіевъ къ пріятелиамъ попросить, что бѣ отправили его въ Украину. Тѣ удерживаютъ его, онъ отгова-

⁷²⁽¹⁾ Геркулесу предстали Минерва и роскошь и звали его каждая въ свой путь: сіе называется двупутіе Геркулесово. *Прим. авт.*

⁷³⁽²⁾ Душа мужа возвѣщаети некогда болѣе обыче, нежели седьмъ блюстити-тели высоцѣ сѣдящии на стражи.—Книга Премуд. Сирах. гл. 37, ст. 18.

Прим. авт.

ривается, что ему духъ настоятельно велитъ удалиться изъ Кіева. Между симъ пошелъ онъ на Подоль, нижній городъ въ Кіевъ. Пришедъ на гору, откуда сходятъ на Подоль, вдругъ остановясь, почувствовалъ онъ обоняніемъ такой сильный запахъ мертвыхъ труповъ, что перенести не могъ и тотчасъ поворотился домой ⁷⁴(1). Духъ убѣдительно погналъ его изъ города, и онъ съ неудовольствіемъ отца Іустина, но съ благоволеніемъ духа отправился въ путь на другой же день.

Пріѣхавъ чрезъ двѣ недѣли въ Ахтырку городъ, остановился онъ въ монастырѣ у пріятеля своего архимандрита Венедикта. Прекрасное мѣстоположеніе и пріязнь добродушнаго монаха сего успокоили его. Тутъ вдругъ получили извѣстіе, что въ Кіевѣ оказалась моровая язва, о которой въ бытность его и не слышно было, и что городъ запертъ уже.

Сердце его дотолѣ почитало Бога, аки рабъ; оттолѣ возлюбило его, аки другъ. И о семъ онъ рассказывалъ другу своему тако: имѣя разженныя мысли и чувства души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, вставъ рано, пошелъ я въ садъ прогуляться. Первое ощущеніе, которое осязалъ я сердцемъ моимъ, была нѣкая развязанность, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ. Введя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутри себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, отъ котораго вся внутренняя моя возгорѣлась огнемъ, и, казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, но бѣгать, аки бы носимъ нѣкіимъ восхищеніемъ, не чувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто-бы весь я состоялъ изъ огненнаго состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ исчезъ предо мною; одно чувство любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонию во весь составъ мой. Я приникъ въ себя, ощутилъ аки сыновнее любви увѣреніе, и съ того часа посвятилъ себя на сыновнее повиновеніе духу Божію ⁷⁵).

⁷⁴(1) Ксенофонтъ и Платонъ описываютъ различныя происшествія, гдѣ Сократовъ духъ, такъ называемый Геній, предсказывалъ такія вещи, которыхъ не можно истолковать изъ обыкновенныхъ извѣстныхъ естественныхъ силъ души. Когда его осудили на смерть и друзья его совѣтывали, чтобы онъ написалъ оправдательную рѣчь, „я нѣсколько разъ принимался писать оную, — сказалъ Сократъ, — но Геній всегда мнѣ въ томъ препятствовалъ. Можетъ быть, угодно Богу, что бы я умеръ нынѣ легкою смертію, пока не прійду въ старость многоболѣзненную и немощную уже.“ *Прим. авт.*

⁷⁵) Убѣжденіе въ постоянномъ путеводительствѣ въ жизни „духомъ“, „премудростію“, — до сего времени отчетливо сохранилось въ старинныхъ сектахъ „духовныхъ христіанъ“. У Израиля — (новаго и стараго), — а также у духо-

По прошествіи двадцати четырех лѣтъ пересказывалъ онъ сіе другу своему съ особеннымъ чувствованіемъ, давая знать, коль близъ насъ есть Богъ, колико промышляетъ о насъ, хранить насъ, якоже якошь птенцы своя подъ крылѣ своя собравъ, аще мы точію не удаляемся отъ него во мрачныя желанія воли нашей разлѣнной!

Поживя нѣсколько у отца Венедикта, отправился онъ паки въ Гусинку къ Сошальскимъ, гдѣ и занялся упражненіями сочиненій.

Въ 1772 году въ февралѣ мѣсяцѣ другъ его поѣхалъ въ чужіе края и, бывъ во Франціи въ разныхъ городѣхъ, прибылъ въ 1773 г. въ Швейпарію, въ городъ Лозанъ.

Между многими умными и учеными людьми, каковыхъ въ Лозани нашолъ онъ, находился тамъ нѣкто Даніиль Мейнгардъ, человѣкъ отмѣннаго разума природнаго, имѣвшій даръ слова, ученость рѣдкую, обширныя познанія, благонравіе философское. Онъ столько похожъ былъ чертами лица, обращеніемъ, образомъ мыслей, даромъ слово на Сковороду, что можно бы почестъ его ближайшимъ родственникомъ его. Другъ Сковороды познакомился съ нимъ, и они другъ друга столько полюбили, что Мейнгардъ, имѣя у себя подлѣ Лозани прекрасный загородный домъ, садъ и величайшую бібліотеку, просилъ его располагать онымъ всемъ въ свое удовольствіе, и сей пользовался всегда, какъ и многими свѣдѣніями отъ него.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ и увидясь съ Сковородою въ 1775 г., рассказалъ ему другъ его ту удивительную встрѣчу, по которой онъ нашолъ въ Лозани похожаго человѣка на него чертами лица, свойствами образомъ мыслей и дружбою къ нему. Сковорода возлюбилъ его заочно, и съ того времени началъ подписывать на письмахъ и сочиненіяхъ своихъ имя свое тако: Григорій варъ (евр.: сынъ) Сава Сковорода, Даніиль Мейнгардъ.

И добрая и худая слава распространилась о немъ во всей Украинѣ, Малороссіи и далѣе. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, всѣ хотѣли видѣть его, можетъ быть, за одну странность и необыкновенный образъ жизни его, не многіе же знали его таковымъ, каковъ онъ въ самой точности былъ внутренно.

По разнымъ обстоятельствамъ живалъ онъ у многихъ: иногда мѣсто-положеніе по вкусу его, иногда же люди по Минервѣ его привлекали его проживать нѣкоторое время; непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ, почитая себя пришельцомъ на земли во всемъ разумѣ слова сего.

борцевъ и молоканъ,—и въ разговорахъ, и въ рукописяхъ постоянно приходится встрѣчаться съ тѣмъ, что тотъ или иной членъ общины предпринималъ то или иное,—по „повелѣнію духа“, по „благословенію Премудрости“ и т. п.

Полюба Тевяшова, воронежскаго помѣщика, жилъ у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе „Икона Алкивіадская“, которое и приписалъ ему въ память признательности своей къ дому сему. Потомъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ у Захаржевскаго, ради приятныхъ положеній природы, жительствовавъ у Щербинина въ Бабахъ, въ Ивановкѣ у Ковалевскаго, у друга своего въ Хотетовѣ, въ монастыряхъ старо-харьковскомъ, харьковскомъ училищномъ, ахтырскомъ, сумскомъ, святогорскомъ, сѣвнянскомъ и проч. по нѣсколько времени. Иногда жилъ у кого-либо изъ сихъ и у другихъ, совершенно не любя ихъ пороковъ, но для того только, дабы чрезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, разсуждая, нечувствительно привлечь ихъ въ познаніе себя, въ любовь къ истиннѣ, въ отвращеніе отъ зла и примѣромъ жизни заставить любить добродѣтель.

Впрочемъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ онъ, избиралъ всегда уединенный уголъ, жилъ просто, одинъ безъ услуги.

Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его. Новый тамошній начальникъ, услыша объ немъ, желалъ видѣть его. Сковорода пришолъ къ нему по приглашенію его. Губернаторъ, увидя его въ первой разъ и посмотря на него пристально, спросилъ его: г. Сковорода! о чемъ учить Библія?—О человѣческомъ сердцѣ,—отвѣтствовалъ онъ;—поваренныя ваши книги учатъ, какъ удовольствоваться желудокъ; псовыя, — какъ звѣрей давить; модныя, — какъ наряжаться; Библія учить, какъ облагородствовать человѣческое сердце.

Нѣкто изъ ученыхъ спросилъ его тутъ же: что есть философія?— Главная цѣль жизни человѣческой, — отвѣчалъ Сковорода;— глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни; но не всякъ главную цѣль, то есть не всякъ занимается главою жизни. Иной занимается чревомъ жизни, то есть всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву; иной очамъ, иной волосамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла; иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія, или любомудріе, устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, что бѣ дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, — то все свѣтло, щастливо, блаженно. Сіе есть философія.

Изъ Харькова паки отправился онъ въ Гусинку, любимое свое пустынно-жительство.

Любомудріе, поселясь въ сердцѣ Сковороды, доставляло ему благосостояніе, возможное земнородному. Свободенъ отъ узъ всякаго принужденія, суетности, искательства, попеченій, находилъ онъ всѣ свои желанія исполненными ⁷⁶⁽¹⁾ въ ничтожествѣ оныхъ. Занимаясь о собра-

⁷⁶⁽¹⁾ Между всѣми упражненіями естьная худшее желать; оно есть противность премудрости Юнгъ. Ношъ, 4.

щеніи нуждъ естественныхъ, а не о распространеніи, вкушалъ онъ удовольствій несравненныхъ ни съ какими щастливцами.

Когда солнце, возжегши безчисленныя свѣщи на смарагдотканной плащаницѣ, предлагало щедрою рукою чувствамъ его трапезу, тогда онъ, принимая чашу забавъ, нерастворенныхъ никакими печальми житейскими, никакими воздыханіями страстными, никакими разсѣянностями суетными, и вкушая радованія высокимъ умомъ, въ полномъ упокоеніи благодушества говаривалъ: благодареніе всеблаженному Богу, что нужное здѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!

Когда усталость въ размышленіяхъ заставляла его перемѣнить упражненія свои, тогда онъ приходилъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко жительствовавшему въ пчельникѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое, составя общество, раздѣляли между собою вечерю.

Ночь была ему мѣстомъ упокоенія отъ напряженій мысленныхъ, нечувствительно изнуряющихъ силы тѣлесныя; а легкій и тихій сонъ для воображенія его былъ зрѣлищемъ позорищъ, гармоніею природы представляемыхъ.

Полуночное время имѣлъ онъ обычай всегда посвящать на молитву, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ ⁷⁷⁾. Тогда онъ, собравъ все чувства и помышленія въ одинъ кругъ внутрь себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго ⁷⁸⁾ человѣка, такъ воззывалъ оныя къ началу Божію: встаните лѣнiviи и всегда низу понижши ума моего помысли! Возмнитесь и возвыситесь на гору вѣчности! Тутъ мгновенно брань открывалась и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбие вооружалось съ міродержителемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, собственными брѣнностями человѣческой слабостями и всеми тварями, нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ея, воссѣсть на престолѣ свободы ея и быть подобнымъ Вышнему. Богомысліе вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу его, вездѣ-сущему, вся исполняющему, и заставляло его облечься во вся оружія Божія, дабы возмощи ему стати противу кознемъ лже-мудрiя. Какое бореіе! Колико подвиговъ! Возшумѣша и смятошася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празденъ, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы

77) Достойнѣйшее молитво-приношеніе Богу есть исканіе истинны чистымъ сердцемъ: въ семь состоитъ богомысліе.

Прим. авт.

78) У новоизраильтянъ, такъ же какъ у всехъ другихъ представителей „духовныхъ христіанъ“, природа человѣка раздѣляется на: 1) душевную, чело-вѣческую, перстную—изъ земли и 2) духовную, разумную, безсмертную—„Господа съ небеси“. (См. 7 стр. IV выпуска „Матеріаловъ“).

Прим. ред.

человѣчеству? Тако за полунощныя часы провождалъ онъ въ бранномъ ополченіи противу силъ мрачнаго міра.

Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять ⁷⁹ (1) славословіе свое со всею природою.

Сей былъ образъ жизни его! Не орю убо, ни сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, такъ писалъ онъ къ другу своему изъ пустыни; отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что, всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе его. Учуся, другъ мой, благодарности: се мое дѣло! Учуся быть довольнымъ о всемъ томъ, что отъ промысла Божія въ жизни мнѣ дано. Неблагодарная воля есть ключъ адскихъ мученій; благодарное же сердце есть рай сладостей. Ахъ, другъ мой! поучайся въ благодарности, сидя въ дому, идяи путемъ, засыпая и просыпаясь; приѣмли и обращай все во благо: доволенъ сущими; о всемъ приключаемомъ тебѣ не впадай безумія Богу; всегда радуешься, о всемъ благодаряще, молися.

Можно было жизнь Сковороды назвать жизнію. Не таково было тогда состояніе друга его.

Обращеніе въ великомъ свѣтѣ, удаля его мало помалу отъ его самого, заведя въ лестныя внѣшности, усыпая въ немъ довѣріе ко внутреннему гласу духа, простудя жаръ истиннаго любомудрія, возжгло въ немъ разумъ свѣтскій и возбудило свойства, собственныя сему кругу бытія.

Свѣтъ облагодетельствовалъ его своими дарами, наложивъ на него усыпленіе, далъ ему жену, друзей, приятелей, благодѣтелей, преданныхъ, знакомыхъ, свойственниковъ, житейскія связи и выгоды. Но дары сіи напоены были сокомъ корня ихъ и свойствами начала ихъ. Онъ увидѣлъ въ щастіи превращеніе, въ друзьяхъ измѣну, въ надеждахъ обманъ, въ утѣхахъ пустоту, въ союзахъ само-видность, въ ближнихъ остуду, въ своихъ лице-пріятіе.

Таковы были послѣдствія свѣтскаго круга, въ которой попалъ онъ, оставя самъ себя.

Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился онъ въ себя самаго, собралъ разбѣяныя по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ деревню, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскому своему обуреванію.

Свѣтъ и тамо искажилъ все. Въ глубокомъ уединеніи остался онъ одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ болѣзни, въ печалехъ, въ безпокойствахъ, безъ всякаго участія, совѣта, помощи,

⁷⁹ (1) Веселіе мудрому мужу должностію есть: безбожно бо богобоязливому печалиться. Юнгъ. Ночь, IV.

собоузнанія. Тогда онъ, возведя очи свои на позорище свѣта, на кругъ обстоятельствъ своихъ, на заблужденія свои, которымъ онъ здѣлался жертвою, и видя, что не на камени основанъ былъ храмъ житейскаго щастія его, въ сердечномъ чувствіи сожалѣнія, ободрясь добродушіемъ своимъ, воспѣлъ оную преисполненную истинны пѣснь:

О Іерихонъ проклятый, какъ ты меня обманул! и проч.

Промыслъ Божій возрѣлъ на него въ развалинахъ бытія его, воздвигнулъ духъ мудраго, сердце друга, и Сковорода семидесяти-трех-лѣтній, по девятнадцатилѣтнемъ несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, не смотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастную погоду и на всегдашнее отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село Хотетово, въ двадцати пяти верстахъ отъ Орла, одинъ раздѣлить съ нимъ ничтожество его.

Бодрость духа, веселость нрава, мудрая бесѣда, сердце свободное отъ всякаго рабства свѣту, суетности, пристрастіямъ, торжество благодушія, утвержденное на семидесятилѣтнихъ столбахъ жизни и увнечаемое при исходищахъ вѣка спокойствіемъ вѣчности, возбудили въ другъ его усыпленные силы разума, восперили чувствія его, возвысили желанія, устроили волю къ волѣ Вседержителя.

Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ ему; читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и между чтеніемъ занималъ его разсужденіями, правилами, понятіями, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истинны во всю жизнь не умствованіемъ, но дѣломъ, и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея.

Рѣчь доходила тутъ до разныхъ толковъ или сектъ. Всякая секта, говорилъ онъ, пахнетъ собственностью, а гдѣ собственно-мудріе, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости.

Я не знаю мартынистовъ ⁸⁰⁾,—продолжалъ онъ,—ни разума, ни ученія ихъ; ежели они особничаютъ въ правилахъ и обрядахъ, что бы казаться мудрыми ⁸¹⁾(1), то я не хочу знать ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, что бъ быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего нѣ для чего бы имъ особничать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты: на ней весь законъ и пророки висятъ. Законъ природы, яко само-нужнѣйшій для блага человѣческаго, есть всеобщій и напечатлѣнъ на сердцѣ каждаго, данъ всякому существу, даже послѣдней песчинкѣ. Благодареніе всеблаженному Богу, что трудное сдѣлалъ не нужнымъ, а нужное не труднымъ!

⁸⁰⁾ Въ подлинникѣ слово „мартынистовъ“ зачеркнуто и сверху надписано: „М.“.

Прим. ред.

⁸¹⁾ Читай о семъ сочиненіе его: «Штоль Змінъ», главу третію, въ концѣ.

Прим. авт.

Исканіе философскаго камня, или превращеніе всѣхъ вещей въ золото и содѣланіе состава изъ онаго, да бы продлить человѣческую жизнь до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, есть остатокъ египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, при всѣхъ мудрованіяхъ своихъ, нашло способъ продолжать существованіе труповъ человѣческихъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ мумій. Сія секта, говорилъ онъ, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, не сообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: поживе вмагъ, исполни лѣта долга⁸²). Сверхъ того она ласкательствуетъ соблазнительно суетности человѣческой, похото-угодіямъ, гордости, зависти, любо-стяжанію; даетъ въ мысляхъ перевѣсъ тлѣнности, въ сердцѣ поводъ къ садукейству.

Другъ его доводилъ бесѣду до исторіи св. писанія⁸³ (2). Многие, сказали Сковорода, не разумѣя меня или не хотя разумѣть, клеветаютъ, яко бы я отвергаю исторію ветхаго и новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдаю въ оной духовной разумъ, чувствую богописанный законъ и усматриваю Сущаго съвозъ буквальный смыслъ. Я пополняю симъ исторію, а не разоряю: ибо, какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и с. писаніе безъ вѣры; вѣра же есть невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то самъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слава сей исторіи есть духъ воина, дѣло его. Когда я, смотря на прекрасный храмъ, превозношу

⁸²) Въ нѣкоторыхъ отвѣтвленіяхъ „духовныхъ христіанъ“ и особенно внутри „Израиля“—напримѣръ въ общинахъ, носящихъ названіе „Начало вѣка“, придается очень малое значеніе долготѣ или краткости человѣческой жизни. „Насъ очень мало интересуется“—говорилъ мнѣ одинъ изъ выдающихся членовъ именно этой общины—, сколько времени будетъ существовать вотъ эта оболочка“,—и онъ указалъ на свое тѣло, взявъ себя за щеку,—„это плоть, тлѣнь, прахъ. Для насъ важно, чѣмъ движется эта оболочка, куда, къ чему стремится ея носитель, духъ въ ней обитающій. Какія дѣла жизни совершаетъ или стремится совершить ея безцѣнный обладатель—человѣкъ. Въ совершеніи дѣла, въ осуществленіи всего того, во что мы вѣримъ, что считаемъ хорошимъ, добрымъ, нужнымъ, желательнымъ для человѣка и человечества,—только въ такого рода дѣятельности мы ощущаемъ счастье и права на жизнь истиннаго, возрожденнаго и просвѣщеннаго человѣка. Жизнь для счастья людей, жизнь для созиданія этого счастья—вотъ настоящая жизнь человѣка. Только осуществляя это—мы чувствуемъ трепетное дыханіе жизни. Намъ обязательно нужно осуществить то, что хотимъ мы осуществить, а тогда дѣлай съ нами, что хочешь, хоть ставь на сковородки и жарь,—и это не остановитъ насъ въ нашемъ стремленіи.“ Описанію жизни, дѣятельности, ученія и нравовъ интересной общины „Начало вѣка“ нами будетъ посвященъ отдѣльный томъ „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектанства и старообрядчества.“

Прим. ред.

⁸³ (2) Читай о семъ сочиненіе его подъ именемъ „Жена Лотова“, прим. 4 е.

Прим. аст.

похвалами симметрію, пропорцію, великолѣпіе, то, относя сіе къ искусству здателя, къ красотѣ цѣлаго, отвергаю ли, исключая ли кирпичъ, явьѣсть, желѣзо, песокъ, воду, каменьщиковъ, ваятелей и проч., какъ будто бы ничего того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но тѣмъ не отмещу наружности онаго.

Читая св. писаніе въ намѣреніи научиться въ немъ богопочитанію, богобоязливости, любви ближняго, повиновенію начальству, покорности ко властямъ принадлежащимъ, усовершенію сердца во всѣхъ отношеніяхъ его, когда я найду, на примѣръ, исторію, что Ааронъ первосвященникъ золотого тельца жидовскаго, здѣланнаго ими въ небытность его и покланяемаго отъ нихъ, бросилъ въ огонь и растопилъ, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, помня всегда, что Библія не есть наука химіи, но книга священная, поучающая святости нравовъ человѣка, способнаго внимать ученію ея. Я научаюсь отъ сей исторіи, что сердце человѣческое не можетъ быть безъ упражненія и что, когда удаляется отъ онаго мысль священная, понятіе истины, духъ разума, то оное мгновенно повергается въ занятія подлыя, неприличныя высокому роду его, и чтить, величаетъ, боготворить презрѣнное, ничтожное, суетное. Сей разумъ исторіи назидаетъ меня много больше и споспѣшествуетъ внутреннему моему усовершенію, нежели, какъ есть ли бы я, узнавши, какъ золото передѣлывать мгновенно изъ всего и все претворять въ оное, занялся хотѣніемъ или упражненіемъ богатиться или химичесствовать.

Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ, и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ, по соотвѣтствію оныхъ и по единству все исполненіе исполняющаго духа. Но для сего не добиваюсь я знать, какъ и когда Мойсей раздѣлилъ море жезломъ въ великомъ семъ мірѣ, въ исторіи, а поучаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей, природы непорочныя и растлѣныя, и провести волю мою непотопленно по пути житейскаго бытія, да бы доставить себѣ во свое время свободу мыслей, то есть веселіе духа или такъ называемое щастіе въ жизни.

Не туда ли воззываютъ насъ оныя слова, часто провозглашаемыя въ храмахъ нашихъ: премудрость прѣбсти? Что бо есть простое, аще не духъ? Что сложное, что смѣсь, составъ, сотканіе, аще не плоть, исторія, обрядъ, наружность? Сими словами высокими побуждаемся къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго обряда служенія, выше буквальнаго смысла, выше историческаго богопочитанія. Распространи разумѣніе словъ сихъ по всему кругу вселенной, по всему лицу бытія твоего, и увидишь невидимаго, силу божію, духъ господень, воскресеніе. Что бо есть воскресеніе, аще не простота, очищенная отъ тлѣннаго состава, отъ множественности, отъ раздѣлимостей?

Но сіи историческіе христіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человекѣи духа не имуще, хулять то, чего не разумѣють.

Иногда разговоръ его съ другомъ касался смерти. Страхъ смерти, говорилъ онъ, нападаетъ на человекѣи всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего, не умствованіями,—онѣ суть не дѣйствительны, но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ волѣ Творца. Такой душевной миръ приготавливается издали, тихо втайнѣ сердца растетъ и усиливается чувствіемъ здѣланнаго добра, по способностямъ и отношеніямъ бытія нашего, къ кругу занимаемому нами. Сіе чувство есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія. Впрочемъ переходитъ образъ міра сего, и яко соніе встающаго, уничтожается.

Имѣлъ ли ты когда, продолжалъ онъ, приятныя или страшныя сновидѣнія? Чувствованія сихъ мечтательныхъ удовольствій или страха не продолжались ли только до проснутія твоего? Со сномъ все кончилось. Проснутіе уничтожило всѣ радости и страхи сонной грезы. Тако всякъ человекѣи по смерти. Жизнь временная есть ⁸⁴ (1) сонъ мыслящей силы нашей. Въ продолженіи сна сего радости и печали, надежды и страхи касаются въ мечтаніи чувства нашего. Придетъ часъ, сонъ кончится, мыслящая сила пробудится и всѣ временныя радости, удовольствія, печали и страхи временности сей исчезнутъ. Въ иной кругъ бытія поступитъ духъ нашъ, и все временное, яко соніе встающаго, уничтожится. Жена егда родитъ, младенецъ вступаетъ въ новый порядокъ вещей, новое поприще бытія, новую связь существъ, вмѣсто той, въ каковой находился онъ въ бытность свою во чревѣ матернемъ. И какое тутъ различіе? ⁸⁵ (2) Чрево матери и великій міръ сей! По вступленіи младенца изъ того въ сей, все предшедшее, тѣснота, мракъ, нечистоты отрѣшаются отъ бытія его и уничтожаются.

Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы, мѣру и число дѣла челсвѣчскія и судъ Божій. Другъ мой! Величайшее наказаніе за зло есть здѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобна свѣту огня. Зажги огонь, тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои; возлюби, воачувствуй охоту къ добродѣтели, тотчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ. Исполни, произведи въ дѣло добро-

⁸⁴ (1) Для сего С. Павелъ разбуживаетъ, говоря: возстани спяи и воскресни отъ мертвыхъ и убуждшеся видѣша Славу Его. *Прим. авт.*

⁸⁵ (2) Если бы младенецъ могъ мыслить во утробѣ матери своей, то можно ли бы увѣрнить его, что онъ, отдѣлившись отъ корня своего, на вольномъ воздухѣ, приятнѣйшимъ свѣтомъ солнца наслаждаться будетъ? Не могъ ли бы онъ тогда думать напротивъ и изъ настоящихъ обстоятельствъ его доказать невозможность такого состоянія? Столько же кажется невозможной жизнь по смерти заключеннымъ въ жизнь времени сего. *Прим. авт.*

дѣтели любовь, то корень сердца твоего напоишь тукомъ блаженства. И какихъ благословенныхъ плодовъ можешь ожидать отъ сего! Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню: погаси огонь, тотчасъ тьма покрыла очи твои; не знаешь куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей; міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшею частію: се наказаніе уже постигло тебя съ самымъ дѣйствомъ. Да не соблазняютъ тебя казистыя удовольствія развратныхъ! Заглянь внутрь ихъ ⁸⁶ (1), тутъ огонь мученій не угасаетъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быть безъ него?—Нѣтъ! Ахъ нѣтъ! Богъ есть въ немъ, судія его, мститель, терніе его, огонь и жупель, духъ бурень, часть чаши ихъ. Духъ и вѣчность есть тоже. Посему разумѣй животъ вѣчный и муку вѣчную.

Говорили иногда о превратностяхъ свѣта. Онѣ суть то, чѣмъ быть должны, сказалъ онъ тутъ: тутъ весна, лѣто, осень, зима суть свойства неотдѣляемыя отъ круга свѣта, подобно, какъ утро и вечеръ отъ круга дневнаго. Все во времени содержимое должно быть коловратно, конечно, переменнo: не разумень, несчастливъ, кто ищетъ, кто требуетъ постоянства и вѣчности въ немъ! Когда же нѣсть постоянія въ немъ, то и любовь къ нему должна имѣть конецъ; отсюда печали, воздыханія, слезы, отчаянія.

Не говори мнѣ о высокихъ чувствительныхъ душахъ! Слезы ихъ суть изліаніе природы, а не пристрастій и ⁸⁷ (2) есть нѣкое утѣшеніе плакать въ свой часъ.

Вѣчность ихъ! Вѣчность едина есть безпечаліе, постоянство, надежда. Положимъ сердца наши въ силу ея и удѣлимъ себѣ отъ сокровищъ ея въ брэнной сей временности тѣлеснаго бытія ⁸⁸ (3). Вѣчность и время единъ составъ суть, но не едино: одно свѣтъ, другое тьма; одно добро, другое зло; одно глава, другое хвостъ.

Услыша въ окрестности мѣста о прибытіи Сковороды къ другу своему, многіе желали видѣть его и для того нѣкоторые пріѣхали туда въ село Хотетово.

Изъ начальства правленія орловскаго молодой человекъ подошедъ къ нему, привѣтственно сказалъ: Г. С.! прошу полюбить меня.—Могу-ли полюбить васъ?—отвѣчалъ Сковорода,—я еще не знаю.

Другой изъ числа таковыхъ же, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу

⁸⁶ (1) Угрызенія совѣсти суть духи черныя мученія и уязвляющія змѣи, молніи, провицающія ясныя истинны, суть адъ. Сія истинна ввѣрена на сохраненіе послѣднему часу человекъ. (Юнгъ, Ночь, IV).

Прим. авт.

⁸⁷ (2) Est quaedam flere voluptas.

Прим. авт.

⁸⁸ (3) Двѣ сіи половины составляютъ едино: голодъ и сытость—пищу; зима и лѣто—плоды; тьма и свѣтъ—день; смерть и животъ—всякую тварь. (Потопъ Змінъ, гл. 5).

Прим. авт.

доставивъ мнѣ и личное знакомство ваше. Скворода спросилъ его: какъ зовутъ васъ?—Я называюсь такъ, именемъ и прозваніемъ N. N., отвѣчалъ сей. Скворода, остановась и подумавъ, сказалъ ему: имя ваше не скоро ложится на моему сердцу.

Простота жизни, высокость познаній, величайшій и долготлѣтній подвигъ Сквороды въ любомудріи опытномъ раздиралъ ризу лицемѣрія высокоумудрствующихъ и обнажалъ пустоту ихъ. Они, прикрывая зависть свою и наготу сердца листвіемъ сожалѣнія, говорили другимъ: „жаль, что Скворода ходитъ около истинны и не находитъ ея!“ Въ то время, когда сей увѣнчиваемъ уже былъ знаменами истинны, а они, обвѣшаны знаменіями соблазновъ, гордо и безстыдно являлись въ личивѣ истинны.

Старость, осѣнное время, непрерывная мокрая погода умножили растройку въ здоровьи его, усилили кашель и разслабленіе. Онъ, проживя у друга своего около трехъ недѣль, просилъ отпустить его въ любимую имъ Украину, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось. Другъ упрасивалъ остаться у него, зиму провести и вѣкъ свой окончать со временемъ у него въ домѣ. Но онъ сказалъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно.

Напутствуя его всею потребнымъ, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чѣмъ ѣхать ему, представилъ ему для дороги, въ случаѣ надобности, нужный запасъ, говоря:

— Возмите сіе; можетъ быть въ пути болѣзнь усилится и заставить гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить....

— Ахъ, другъ мой!—сказалъ онъ:—не уже ли я не приобрѣлъ еще довѣрія къ Богу, что промыслъ его вѣрно печется онась и даетъ все потребное во благовременность?

Другъ его замолчалъ съ приношеніемъ своимъ.

1794 года августа 26 числа отправился онъ въ путь изъ Хотова села въ Украину. При растаніи, обнимая друга, сказалъ:

— Можетъ быть, больше я уже не увижу тебя! Прости! Помни всегда во всехъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что, мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время. Духъ мой призналъ тебя способнѣйшимъ принять истинну и любить ея.

Приѣхавъ въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживя нѣсколько тутъ ради непрерывныхъ дождей и улуча ведро, отправился онъ далѣ, но не туда, куда намѣривалъ.—Въ концѣ пути своего почувствовалъ онъ побужденіе ѣхать въ тоже мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не расположенъ былъ. Слобода Ивановка помѣщика Ковалевскаго было то мѣсто-пребываніе, гдѣ нѣсколько времени жилъ онъ прежде и куда прибылъ скончатъ теченіе свое.

Болязни старостию, поголою, усталостию отъ пути приближили его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говаривалъ съ благодушiемъ: духъ бодръ, но тѣло немощно. Помѣщикъ, видя изнеможеніе его крайнее, предложилъ ему нѣкоторые обряды для приуготовленія къ смерти. Онъ, какъ Павелъ апостолъ (къ Римл., гл. 3, ст. 28), почитая обряды обрѣзанія не нужными для истинно вѣрующихъ, отвѣтствовалъ, подобно какъ Павелъ-же іудеямъ обрядствующимъ. Но, представя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовь христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному и скончался октября 29 числа, поутру, на разсвѣтѣ, 1794 года. Передъ кончиною завѣщалъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близъ роши и гумна и слѣдующую здѣланную имъ себѣ надпись написать:

Миръ ловилъ меня, но не поймалъ.⁸⁹ (1).

Имѣются многія сочиненія его, изъ которыхъ лучшія доставилъ онъ, писанныя всѣ рукою своею, другу своему и о всѣхъ приложилъ списокъ своеручный, при письмѣ къ другу, слѣдующаго содержания:

Число твореній моихъ:

1) Наркисъ, узнай себѣ. 2) Симфонія: рѣхъ, сохрани пути моя. 3) Симфонія: аще не увѣси. 4) Неграмотный Марко. 5) Алфавитъ міра: о природѣ. 6) Разговоръ кольцо. 7) Древній міръ. 8) Жена Лотова. 9) Бравъ архангела Михаила съ Сатаною. 10) Икона Алкивиадская. 11) Бесѣда I: Сіонъ. 12) Бесѣда II: Сіонъ. 13) Бесѣда III: Діое. 14) Діалогъ: душа и нетлѣнный духъ. 15) Благодарный Еродій⁹⁰ 16) О христіанскомъ добронравіи или Катехизисъ. 17) Асханъ, о познаніи себя.

⁸⁹ (1) Высоко-мудрствующіе не оставили преслѣдовать его злословіемъ даже и во гробъ, проповѣдая въ сонмищахъ и вездѣ, что Сковорода оставилъ надпись сію по себѣ изъ гордости и киченія. Много потребно имѣть дерзости, чтобы осмѣлиться увѣрять о семъ! Что бы болѣе оказать къ нему и ввести его въ презрѣніе и возвышеніе себя, то они стараются важно утверждать и изыскиваютъ способы увѣрять, что Сковорода былъ способенъ къ порокамъ. Дабы предъ очами людей замѣнить добродѣтельную жизнь минно-высокими своими знаніями таинствъ и правилъ, то они разгласили, яко бы Сковорода, при кончинѣ, увидѣлъ заблужденія свои, состоявшія въ не послѣдованіи толку ихъ, призналъ оныя, просилъ прошенія черезъ одного изъ братства ихъ и раскаивался. Но какъ извѣстная святость жизни Сковороды и честныя правила его, имѣющія цѣлью любовь истинны и добродѣтели, а концомъ красоту и совершенство духа, были, такъ сказать, спицею въ око лицемѣрамъ симъ, то и не удивительно, что они пушаютъ всякаго рода ядовитыя стрѣлы въ память его; однако симъ самымъ въ чувствахъ простыхъ и правдо-любивыхъ сердець душа его приобретаетъ вѣщную красоту страждущей невинности и, сквозь мракъ смерти и клевету злобныхъ душъ сияя внутреннимъ спокойствіемъ, представляется въ умахъ бого-рожденныхъ достигающимъ совершенства мудраго мужемъ. *Прим. авт.*

⁹⁰) Въ подлинникѣ вписано карандашемъ современнымъ почеркомъ: „15-а, Убогій жаворонокъ“.

Прим. ред

Переводы: (Плутарховы сочиненія).

1) О старости Цицерон(овой). 2) О Божіи правосудіи. 3) О смерти.
4) О храненіи отъ долговъ. 5) О спокойствіи душевномъ. 6) О вожделѣніи богатствъ.

7) О уединеніи . . . Сидронія.

Кромѣ сочиненій и переводовъ сихъ, многія на російскомъ, латинскомъ, еллинскомъ языкѣ, находятся письма его весьма поучительныя, писанныя къ другу и прочимъ; многія стихословія и другія сочиненія, которыхъ собраніе частію хранится у друга его.

Какъ онъ писалъ для своей стороны, то и употреблялъ иногда малороссійскія нарѣчія и правописаніе, употребляемое въ произношеніи малороссійскомъ: онъ любилъ всегда природный языкъ свой и рѣдко принуждалъ себя изъясняться на иностранномъ; еллинскій предпочиталъ всѣмъ иностраннымъ.

Другъ его написалъ сіе на память добродѣтелей его, въ благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога ⁹¹⁾.

1795 г. февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ ⁹²⁾.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ.

Григорію Савичу Сковородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся
1794 г., октября 29 дня:

Ревнитель истинны, духовный богочтецъ,
И словомъ, и умомъ, и живнію мудрецъ;
Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,
Достигъ на верхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ, Сковорода. М. К. ⁹³⁾

⁹¹⁾ Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности прочесть корректуру статьи М. И. Ковалинскаго по подлиннику рукописи, который ко времени печати былъ уже отосланъ въ Румянцевскій музей. Корректура прочитана по нашей свѣркѣ Багалѣвскаго текста съ подлинникомъ. *Прим. ред.*

⁹²⁾ Кромѣ упомянутыхъ въ первомъ примѣчаніи списковъ,—подлинника и копій,—рукописи М. И. Ковалинскаго, въ литературѣ еще упоминаются слѣдующія ея списки:

1) Списокъ М. И. Алякринскаго, изъ Владимира-на-Клязьмѣ: (См. Г. П. Данилевскій. „Украинская Старина“—„Григорій Савичъ Сковорода“, стр. 13).

2) Подлинникъ рукописи Ковалинскаго находился у Асконченскаго въ Кіевѣ и переданъ М. П. Погодину. (См. Г. П. Данилевскій, „Украинская Старина“, стр. 13).

3) Списокъ Добротворскаго изъ Курска, доставленный въ „Кіевскую Старину“ (см. ст. Н. Сумцова, „Кіевск. Стар.“, 113 стр., сентябрь, 1886 г.). Н. Сумцовъ предполагаетъ, что именно этотъ списокъ и есть тотъ, которымъ въ свое время пользовался Данилевскій. Этотъ списокъ плохо сохранился.

4) Списокъ В. Н. Ястребова изъ Елисаветграда (см. ст. Н. Сумцова, „Кіевск. Стар.“ 150 стр., сентябрь, 1886 г.). Хорошій списокъ. *Прим. ред.*

⁹³⁾ Въ копіи приписано: „Сочин. другъ его М. К.“. *Прим. ред.*

По поводу опубликованія подлиннаго текста рукописи М. И. Ковалинскаго проф. Д. И. Багалъемъ въ изданіи Харьковскаго историко-филологическаго общества.

Д. И. Багалъй въ трудѣ своемъ: „Сочиненія Григорія Саввича Сковороды“, появившемся въ 1894 году въ изданіи Харьковскаго историко-филологическаго общества, въ предпосланной имъ „критико-библіографической статьѣ“ пишетъ:

„Что касается рукописей, заключающихъ въ себѣ біографію Сковороды, сочиненную М. И. Ковалинскимъ, то онѣ также заслуживаютъ полнаго вниманія. Біографія Сковороды, составленная Ковалинскимъ, является основнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о жизни этого писателя и даже отчасти объ его міровоззрѣніи. Ею, какъ мы уже знаемъ, интересовались и пользовались многіе—Снегиревъ, Асконченскій, Данилевскій. Но напечатана въ качествѣ самостоятельнаго памятника она была, какъ мы видѣли, только въ 1886 году на страницахъ „Кіев. Старины“ проф. Н. Θ. Сумцовымъ по 2-мъ спискамъ, изъ коихъ одинъ принадлежитъ г. Доброворскому (въ г. Курскѣ). Г. П. Данилевскій пользовался также не оригиналомъ „Житія“, а спискомъ его. Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность впервые⁹⁴⁾ теперь напечатать біографію Сковороды по подлинной рукописи Ковалинскаго, которая во многихъ случаяхъ отстываетъ отъ текста, изданнаго проф. Н. Θ. Сумцовымъ“⁹⁵⁾.

Такимъ образомъ изъ этой цитаты мы видимъ рѣшительное и категорическое заявленіе Д. И. Багалъя, что именно въ его изданіи рукописи Ковалинскаго „впервые“ появляется въ подлинномъ видѣ, значительно отличающимся отъ текста, опубликованномъ Н. Θ. Сумцовымъ. Это послѣднее сужденіе само по себѣ въ работѣ Д. И. Ба-

⁹⁴⁾ Курсивъ Д. И. Багалъя.

⁹⁵⁾ Д. И. Багалъй. Критико-библіографическая статья, къ сочиненіямъ Г. С. Сковороды, стр. СХV.

галія является неожиданнымъ, такъ какъ, нѣсколько выше, онъ, разбирая работу Н. О. Сумцова, совершенно иначе отзывается объ этомъ же списокѣ рукописи.

„Что касается самого изданія памятника,—писалъ онъ,—то оно сдѣлано Н. О. Сумцовымъ по списку его, присланному изъ Курека въ ред. „Кіевской Старины“ г. Добротворскимъ; недостающія мѣста (начальн. рукописи оказалось нѣсколько попорченными) Н. О. Сумцовъ пополнилъ по тѣмъ выпискамъ изъ „Житія“, которыя раньше напечатаны были въ „Укр. Стар.“ Данилевскаго. Пропусковъ, благодаря этому оказалось чрезвычайно мало, но и они были пополнены ред. „Кіев. Стар.“, по совершенно полному списку „Житія“, присланному г. Ястребовымъ изъ Елисаветрада“. (См. тамъ же, стр. XLIX).

По смыслу этого авторитетнаго заявленія выходитъ такъ, что работа Сумцова по двойному списку, является какъ бы исчерпывающей въ отношеніи точности и близости къ подлиннику: «пропусковъ... оказалось чрезвычайно мало, но и они были пополнены ред. „Кіев. Стар.“ по совершенно полному списку „Житія“⁹⁶⁾». Намъ кажется, что истолковать иначе, не внушающія ни малѣйшаго сомнѣнія слова эти, никакъ нельзя, что совершенно, конечно, не согласуется съ предыдущимъ свидѣтельствомъ, гдѣ сказано, что впервые опубликованный текстъ Д. И. Багалія, являясь подлинникомъ, „во многихъ случаяхъ отстываетъ отъ текста, изданнаго проф. Н. О. Сумцовымъ“. Въ чемъ же выражается тогда „совершенная полнота“ списка Сумцова? Отмѣчая мимоходомъ это странное противорѣчіе въ критико-библиографическихъ заявленіяхъ почтеннаго харьковскаго профессора, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію опубликованнаго имъ, Д. И. Багаліемъ, въ первый разъ,—по его заявленіямъ,—истиннаго подлинника рукописи Д. И. Ковалинскаго.

Помимо уже приведеннаго нами утвержденія Д. И. Багалія о подлинности его списка, мы находимъ въ иномъ мѣстѣ его статьи другое, еще болѣе лаконическое заявленіе:

„Рукопись Ковалинскаго, — говоритъ онъ, — представляетъ изъ себя автографъ, такъ же точно какъ и большинство писемъ“⁹⁷⁾—имъ опубликованныхъ.

А на страницѣ СХІІ мы видимъ, что Д. И. Багалію хорошо извѣстно, гдѣ хранится этотъ самый подлинникъ: «Изъ остальныхъ 3-хъ книгъ,—говоритъ онъ,—2 заключаютъ въ себѣ черновую и бѣловую біографію Гр. Сав. Сковороды, составленную его другомъ М. И. Ковалинскимъ (автографъ №№ 1489 и 1490) подъ такимъ заглавіемъ: „Жизнь Григорія Сковороды“. Писана 1796 въ древнемъ вкусѣ.»

⁹⁶⁾ Курсивъ мой. В. Б. Б.

⁹⁷⁾ См. тамъ же, стр. СХХІV.

Правда и здѣсь мы находимъ ошибку, повторенную Д. И. Багалѣмъ также и въ текстѣ рукописи, именно у М. И. Ковалинскаго значится, что рукопись „писана 1794 г.“, а не въ 1796 г.

Приступивъ къ изданію собранія сочиненій Г. С. Сковороды, и не думая сомнѣваться ни въ одномъ изъ заявленій харьковскаго профессора, мы предполагали прямо перепечатать изъ труда Д. И. Багалѣя работу М. И. Ковалинскаго, будучи совершенно увѣрены, что имѣемъ дѣло съ вполнѣ точной копіей подлинника. Получивъ однако, изъ Румянцевскаго Музея подлинники сочиненій Г. С. Сковороды и М. И. Ковалинскаго, мы, на всякій случай, рѣшили сравнить дѣйствительный подлинникъ рукописи съ текстомъ, опубликованнымъ Д. И. Багалѣмъ. Съ первыхъ же словъ мы, къ изумленію своему, нашли цѣлый рядъ болѣе или менѣе существенныхъ ошибокъ, недочетовъ и, наконецъ, пропусковъ, нерѣдко нарушающихъ смыслъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ здѣсь списокъ главнѣйшихъ отклоненій текста Д. И. Багалѣя отъ подлинника.

Прежде всего невѣрно само заглавіе рукописи; въ подлинникѣ мы читаемъ: „Жизнь Григорія Сковороды“, — у Д. И. Багалѣя „Житіе Григорія Сковороды“. У Д. И. Багалѣя далѣе: „*Писано въ 1796 г.*“ — Въ подлинникѣ: „Писана 1794 года“.

Далѣе мы сдѣлаемъ выписки подлинника и соответственныя мѣста текста, опубликованнаго Д. И. Багалѣмъ.

У. Д. И. Багалѣя:

Въ подлинникѣ:

1) „На сей главизнѣ, на семь корнѣ, на семь началъ...“ (стр. 1).

1) „На сей главизнѣ, корени, началъ...“

2) „Подвигъ т.-е. правильное употребленіе свободной воли дѣлаетъ раздѣленіе.“

2) Подвигъ то есть правильное употребленіе свободной воли, дѣлаетъ раздѣленія; и сей подвигъ въ выборѣ истиннаго, добраго, совершеннаго, есть правда воздающая всякому свое: полная полнымъ, и тщетная тщетнымъ. Почему мудрый и праведный есть тоже.

Поставленный между вѣчностію...“ (стр. 2).

Поставленный между вѣчностію...“

3) „Съ позволеніемъ и съ помощію его...“ (стр. 3).

3) „Съ позволенія его и съ помощію его...“

4) „Какъ бы употребить его труды съ пользою его и общественной...“ (стр. 3).

4) „Какъ бы употребиться ему съ пользою его и общественной...“

У Д. И. Багалѣя:

5) „Сковорода, имѣя тогда уже болѣе основательныя и болѣе обширныя познанія въ наукахъ...“ (стр. 3).

6) „Епископъ на докладѣ консисторіи сдѣлалъ собственноручное распоряженіе: не живяше..“ (стр. 4).

7) „Вслѣдъ за тѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ переяславскаго училища...“ (стр. 4).

8) „Сковорода началъ раньше воздѣлывать сердце воспитанника...“ (стр. 4).

9) „Служители тотчасъ отнесли госпожѣ, а барыня мужу. Старикъ Тамара, цѣня все таки учителя, но уступая женѣ, отказалъ ему отъ дому и должности...“ (стр. 5).

10) „...вкушаетъ удовольствій природы простыхъ, невинныхъ...“ (стр. 6).

11) „...склонности природныя, житейскія звали его...“ (стр. 6).

12) „...являетъ въ воображеніи бытія человѣческаго...“ (стр. 7).

Въ подлинникѣ:

5) „Сковорода, имѣя основательнѣе и обширнѣе знанія въ наукахъ...“

6) „Епископъ, преобратя незнаніе свое въ непослушаніе его, и сомнѣніе о учености своей въ гордость и высокоуміе его, далъ своеручное повелѣніе на докладѣ консисторіи слѣдующее: „Не живяше...“

7) По сему Сковорода выгнанъ былъ изъ училища переяславскаго не съ честію...“

8) „Сковорода началъ больше воздѣлывать сердце молодого воспитанника...“

9) „Служители тотчасъ донесли госпожѣ, что учитель называетъ шляхетскаго сына ихъ свиною головою. Мать раздосадовалась, разжаловалась супругу, требовала мщенія затакову дерзость. Старикъ Т., зная внутренно цѣну учителя, но уступая настоянію жены, отказалъ ему отъ дому и должности...“

10) „...вкушаетъ удовольствій природы, удовольствій простыхъ, невинныхъ...“

11) „...склонности природныя, нужды житейскія звали его...“

12) „...являетъ въ воображеніи состояніе бытія человѣческаго...“

У Д. И. Багалѣя:

Въ подлинникѣ:

13) „Сократъ такъ толковалъ сонъ свой: какъ совершеннѣйшая музыка есть философія, то наиболѣе прилежи къ оной...“ (Примѣчаніе на стр. 7).

14) „Во время литургіи духъ проникалъ до самой святой трапезы...“ (стр. 8).

15) „...при посѣщающихъ его: ѿ свобода, о наука...“ (стр. 11).

16) „...во мнѣ нѣкую легкость, развязность, свободу...“ (стр. 15).

17) „...ибо сія мысли ведутъ насъ черезъ волны жизни сія...“ (Примѣчаніе на стр. 15).

18) „...разумѣли то, что мы называемъ ангеломъ хранителемъ. Сократъ называлъ сего генія демономъ. Слово демонъ есть еллинское и значить разумѣвающій. Геній и демонъ есть разумная внутренняя сила человѣка. Нѣкоторые чрезъ генія...“ (Примѣчаніе на стр. 17).

19) „...святая лавра при- меть ты, аки свое чадо...“ (стр. 21).

20) „...что дѣлаеть Сковорода?“ (стр. 27).

21) „...выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе...“ (стр. 32).

22) „...обнажалъ простоту ихъ...“ (38 стр).

13) „Какъ совершеннѣйшая музыка есть философія, то Сократъ, послѣдую сновидѣнію, больше и больше побуждался прилѣжать къ оной, обращая всю любовь и ревность къ мудрости. Такъ онъ толковалъ сонъ свой...“

14) „Во время литургіи духъ шибалъ до самой святой трапезы...“

15) „...при посѣщающихъ его: ѿ σκολίων! ѿ βιβλίων!“ О свобода! О наука!“

16) „...во мнѣ нѣкую легкость, развязанность, свободу...“

17) „...ибо сія мысли ведутъ насъ яснымъ небомъ чрезъ волны жизни сея...“

18) „...разумѣли то, что разумѣемъ мы подъ именемъ ангела хранителя. Сократъ называлъ сего генія демономъ, ибо демонъ на еллинскомъ языкѣ значить разумѣющій, то-есть разумная сила внутренняя человѣка, а не значить злаго духа. Нѣкоторые черезъ генія...“

19) „...святая лавра при- меть ты, аки мати свое чадо...“

20) „...что дѣлаеть въ жизни Сковорода?“

21) „Къ слову „раздѣлять“ въ подлинникѣ сдѣлано примѣчаніе: „Веселіе мудрому мужу должностію есть: безбожно бо богоязливому печалиться. Юнгъ. Ношъ, IV.“

22) „...обнажалъ пустоту ихъ...“

Мы выписали здѣсь только главнѣйшія отклоненія отъ подлинника, опубликованнаго Д. И. Багалѣемъ списка рукописи М. И. Ковалинскаго. Наиболѣе мелкія мы не приводимъ только потому, что ихъ очень много. Нѣтъ страницы, гдѣ бы мы не нашли по крайней мѣрѣ нѣсколько тѣхъ или иныхъ отклоненій отъ подлинника⁹⁸⁾. Это открытіе сильно насъ обезкуражило, такъ какъ рѣшительно подорвало вѣру въ то, что и остальные рукописи напечатаны съ подлинниковъ. Помня два категорическія завѣренія профессора объ опубликованіи рукописи по подлиннику, мы рѣшительно отказывались понять, какимъ образомъ могло случиться такое крупнѣйшее недоразумѣніе, тѣмъ болѣе неприятное, что воѣ эти крайне печальныя обстоятельства покрыты двойнымъ авторитетомъ: именемъ профессора Д. И. Багалѣя и именемъ „Харьковскаго Историко-филологическаго общества“, которое за свои „Труды“ должно же нести по крайней мѣрѣ равную съ редакторомъ отдѣльнаго тома, если не большую, нравственную отвѣтственность.

Желая хоть какъ нибудь объяснить себѣ все это печальное недоразумѣніе и убѣдившись безповоротно, что къ подлиннику публикація эта не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія, мы принялись изучать ошибки Багалѣевскаго списка. И мы полагаемъ, что онъ печатался или съ какого то новаго, намъ неизвѣстнаго и весьма плохого списка, или, что вѣроятнѣе, со списка, опубликованнаго Н. Сумцовымъ⁹⁹⁾, при чемъ при перепискѣ были сдѣланы ошибки, еще ухудшившія его. Потомъ можетъ быть его и свѣряли съ подлинникомъ или плохой копійей, но свѣряли во всякомъ случаѣ крайне поверхностно и небрежно. Къ этому выводу мы пришли на томъ основаніи, что многія ошибки списка Сумцова цѣликомъ, до знаковъ препинанія и отдѣльныхъ буквъ, перешли въ багалѣевскую публикацію. При чемъ, какъ это мы видимъ хотя бы изъ ошибки № 9, — о ссорѣ Сквороды съ Тамарой изъ за сына, — у Багалѣя цѣликомъ, слово въ слово, перепечатано вольное изложеніе Данилевскаго, которымъ Сумцову пришлось воспользоваться, чтобы замѣстить существенный пропускъ въ рукописи, имѣвшейся у него въ рукахъ. У Сумцова это мѣсто заключено въ скобки и оговорено въ примѣчаніи, что оно взято у Данилевскаго. У Багалѣя скобки опущены, а примѣчаніе уничтожено. Насколько все это дѣлалось небрежно, видно хотя бы изъ того, что, вводя существенную поправку, изъ редакціоннаго примѣчанія „Кіевск. Стар.“, помѣщеннаго послѣ текста, сдѣланную Сумцовымъ въ моментъ печатанія рукописи по только что полученному новому списку, умудрились пропустить почти весь большой

⁹⁸⁾ Свѣренный нами текстъ Д. И. Багалѣя съ подлинникомъ рукописи въ настоящее время хранится въ сектанскомъ отдѣлѣ рукописнаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ и значится по описи: „Сект. 2843.“

⁹⁹⁾ См. „Кіевская Старина“, сентябрь, 1886 г., стр. 113.

абзаць—(см. ошибка № 2), а г. редакторъ тоже не замѣтилъ этого, и тѣмъ самымъ текстъ Сумцова въ переизданіи Д. И. Багалѣя былъ еще ухудшенъ.

Мы полагаемъ, что такое неисправное опубликованіе текстовъ крайне не желательно вообще, а при авторитетномъ утвержденіи, что этотъ весьма плохой текстъ есть точная копія съ подлинника,— въ особенности.

Подобная небрежность въ научномъ изданіи, скрѣпленномъ двумя авторитетными именами, рѣшительно недопустима и надо удивляться Харьковскому историко-филологическому обществу, какъ оно незамѣтило этихъ колоссальныхъ ошибокъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ своего седьмого тома. Такое невнимательное отношеніе научнаго общества къ своему обширному изданію сильно подрываетъ довѣріе ко всѣмъ вообще его „Трудамъ“, что, конечно, очень жаль.

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

Разсужденіе о поэзіи и руководство къ
искусству оной для Переяславской семи-
наріи ¹⁰⁰⁾.

---

¹⁰⁰⁾ Рукопись эта написана Г. С. Сковородой въ 50-ыхъ годахъ XVIII вѣка. До сего времени она нигдѣ не найдена. Предназначалась для прочтенія какъ курсъ въ Переяславской семинаріи. Объ обстоятельствахъ сопровождавшихъ эту работу Г. С. см. у М. И. Ковалинскаго въ его жизнеописаніи Г. С. Сковороды (стр. 4 этой книги).

Прим. ред.

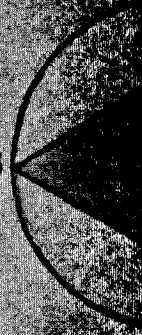
Троїца во Единствѣ, и Единства в Троїцѣ быти не можетъ
разовъ Единици. Ибо аще Единъ, то иже Единъ Богъ,
всѣ Мвар, естъ то Мваръ, различнѣ сплетенная Плотка,
и всенный Писокъ, и всенный Писокъ, различающа во свою
вѣковность: Различна естъ и всенная отвѣтству про-
тивостоящему Сестроу Божю Единства своею в нераз-
дѣльную вѣковность, и в вѣковную неразвѣдимость прогнѣ-
тому. **У**бо всѣ Мвар, естъ то всенная Матура. Ибо, Еи
Пригастия

Снимокъ съ оборота 21 страницы рукописи Г. С. Сковороды
„ПОТОПЪ ЗМІИНЪ“.

(1791 года).

Видно. Тебе вид' соблазнили Адамови Гості. Прошу
не умилятися и не рудатся и. Видно, што Сіе не Аур и не,
Видор: когда сказуют, што Сорейская Библія сже Шті-
це нагманатся. * В Назальв сотвори Божн сіе Небо
и сію Землю. Раджуй! сотвори? Сіе знаєт Ем.
Божн? Сіе знаєт не Ем. Подобно лжеться и о Стра-
ника оны: * Сошег'убо [Страшнє рєс] узрю. Потом:
* Мм поублєс [говорит помиѣ Стрєннєх] Мбсто сіе.
А и Мє? видит, што Зуби знаєт Тамє. Аще кто с
Милостор'а раскуєши Фигурн'и Трєслоє: образующій Мн-
ш: Той видит: ако б не 3. 2. и 1. сєт' Тамє.

а

Убуждшися видѣша славу Его ¹⁰¹).

Весь міръ спитъ да еще не такъ спитъ, какъ о праведникѣ сказано: „аще падеть, не разбѣется“ ¹⁰²)... Спитъ, глубоко протянувшись, будто ушибенъ объ нея. А наставники, пасущи Израиля, не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ: „спи, не бойся, мѣсто хорошее, чего опасаться?“ Глаголюще миръ—и нѣсть мира. Блаженный Петръ съ товарищами своими! Господь самъ пробуживаетъ ихъ: где вы почиваете? Встаньте, говорить, тогда уже не бойтесь. Колотить сихъ погребенныхъ и Павелъ: встань, де, мертвецъ, и воскресни отъ мертвыхъ... Потолю ты землю будешь и не преобразиши отъ нея во Христа, пока не увидишь свѣтлаго небеснаго челоуѣка; и о семъ-то рѣчь будетъ. „Убуждшися видѣша славу...“

Ѳамаръ, невѣстка Іуды, сына Іаковля, показала ему блудницею. Не позналъ ея затѣмъ, что закрыла лице свое, но по справки узналъ и сказалъ: оправдася, Ѳамаръ, паче мене. Такимъ же образомъ и сыны Израилевы не могли смотрѣть на блистающее славою лице Мойсея, че-

¹⁰¹) Подлинникъ этой проповѣди хранился въ семейномъ архивѣ Срезневскихъ, рукописный отдѣлъ котораго въ настоящее время переданъ въ Рукописное Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, гдѣ эта рукопись Г. С. Сковороды значится по описи подъ литерой: „Авт. П₃₃“. Въ началѣ и концѣ рукописи есть клеймо: „Архивъ И. И. Срезневскаго“. На первомъ листѣ рукописи въ четверку листа сдѣлана надпись современнымъ почеркомъ: „Двѣ проповѣди Григорія Сковороды“. Проповѣдь, какъ эта такъ и слѣдующая произнесены Г. С. Сковородой въ Харьковскомъ коллегіумѣ въ 1766 г., какъ введеніе въ предполагавшійся имъ курсъ, отрывокъ котораго, подъ заглавіемъ „Начальная дверь ко христіанскому добронравію“, напечатанъ нами въ этой же книгѣ. (См. 61 стр.), Для нашего изданія мы пользовались подлинникомъ этой проповѣди, любезно предоставленнымъ намъ Вс. Изв. Срезневскимъ. *Прим. ред.*

¹⁰²) См. „Книгу притчей Соломоновыхъ“, гл. 24, ст. 16. *Прим. ред.*

ловѣка Божія. А на что-жь они смотрѣли? На покрывало только одно, затемняющее лице ¹⁰³). Какой-же ты Израиль? Обрѣзанъ ты по тѣлу, да не обрѣзанъ по смыслу. Тма твоимъ очамъ сносна, а на истинну смотрѣть не терпишь, лежишь на землѣ, качаешься съ сею твоею блудницею и доволствуешься, отвращая око твое отъ отца твоего, ругающееся отцу и досаждающее старости матерней, какъ говоритъ Соломонъ; а не видно птенцовъ орлыхъ, чтобъ выклевали тебѣ тое. Такъ и нынѣшная подлость христіанская, и такимъ точно окомъ смотритъ на своего вожда Христа. Гдѣ онъ родился? Отъ коихъ родителей? Сколько жилъ на свѣтѣ? Какъ давно? Двѣ-ли уже тысячи лѣтъ или не будетъ?... О христіанине! Окрещенъ ты по плоти да не омытъ по смыслу. Зачемъ ты вперилъ твое любопытство въ эти пліотки? Для чего выше не поднимаешься? Здѣсь думаешь и заснуть, тутъ шалашъ построить съ Петромъ, не вѣдый еже глаголаше. Не слышишь-ли, что такое и твой Мойсей говоритъ: „покры срамота лице мое—вотъ для чего не могутъ мене братья мои видѣть. Чуждѣ быхъ сыновомъ матери моея“ ¹⁰⁴). До сихъ поръ-ли ты не смыслишь, что это вся плоть и ничто, и тѣнь, покрывающая высочайшую премудрости гору? И сія завѣса должна въ свое время вся раздраться... Вотъ лицемѣріе, лице небесе разсуждающее! Родъ лукавый и прелюбодѣйной, плотскаго знаменія ищущий! Вотъ квасины ученія фарісейскаго! Но послушаймо, какъ учить Христось наединѣ любезныхъ учениковъ, какъ познавать, что есть истинный человекъ, то есть Сынъ Человѣчъ или Христось—все то одно. Кого мы глаголють... Слушай, Петре, какъ подлость думаетъ, что есть человекъ? Знаю, что они ошибаются. А ты какъ думаешь? „Ты еси сынъ Бога живаго“ ¹⁰⁵). Хорошо Петръ, попалъ, видно, что онъ сквозь пустую плоти занавѣсу проникаль. Для того-жь ему и истинный чело-

¹⁰³) У Новоизраильтянъ въ рукописи ихъ вожда В. С. Лубкова: „Книга жизни и положеніе христіанской истины“ о „Моисеевомъ покрывалѣ“ говорится: „Народы приходили все болѣе и болѣе въ сознание; пророки посылаемые Богомъ, уже не удовлетворяли потребностей народа. Но народъ переросъ тѣ формы жизни, въ которыя онъ былъ поставленъ. Моисеево покрывало, которое лежало на нихъ,—давило ихъ сердце, стѣсняло и ослѣпляло разумъ ихъ. Завѣтъ, даденный Богомъ чрезъ Моисея, обветшалъ, сдѣлался ветхимъ. Народъ стремился принять духъ обновленія, а гдѣ Духъ Господень тамъ свобода. И покрывало, которое лежало на народахъ, могъ снять только Христось...“, который, въ концѣ концовъ, въ людяхъ „воцарился; явилъ свое устройство; снялъ съ нихъ Моисеево покрывало и всѣ окостенѣлыя формы, которыя и до нынѣ лежатъ страшнымъ гнетомъ на человекѣхъ.“ (См. 62 и 145 стр. 4 тома „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества“—„Новый Израиль“).

¹⁰⁴) См. „Псалтирь“, 68 пс., 8 и 9 ст.

¹⁰⁵) См. „Евангеліе“ Матеея, 16 гл., 16 ст., а также „Евангеліе“ Іоанна 6 гл., 69 ст.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

вѣческій сынъ говорить: блаженъ еси, Симоне, съ твоимъ окомъ; оно не смотритъ на плоть и кровь, какъ подлое понятіе, но, минуя плоть и кровь, находитъ другой родъ, родъ истинный, родъ Израилскій, родъ Отца Моего, иже не отъ похоти... Слушай, христіанине, съ твоимъ языческимъ сердцемъ! Долго-ль тебѣ лежать на земли? Будешь-ли ты когда нибудь человѣкомъ? Не будешь для чего? Для того, что на плотскую занавѣсу засмотрѣлся, а на лице истиннаго Божіею человѣка смотрѣть никакъ твоему оку нетерпеливно. Не преобразишься ты изъ земнаго въ небснаго потоль, поколь не увидишь Христа, потоль, поколь не узнаешь, что есть истинный человѣкъ. А что-жь есть истинный человѣкъ? Не продерешь глазъ потоль, поколь плоть и кровь твое сердце держать будетъ. Но долго-ль будетъ держатся? Поколь не признаешься, что твоя плоть и кровь ничто. Твое собственное сюда завело тебе мнѣніе: отъ славы своей низрыновенны быша, лишены славы Божія... Научились мы братью нашу судить по плоти: такъ и на Христа смотримъ, одни только пустоши на немъ примѣчая, не на самаго его, не на славу его смотря. Правда, что Павелъ говоритъ: преобразить тѣло смиренія нашего, во еже быти ему сообразну тѣлу плоти его. Не спорю, но такъ-ли ты смотришь на Христа, какъ Павелъ? Онъ хвалится: не вѣмъ по плоти Христа...¹⁰⁶⁾ вѣмъ (де) человѣка, прошедшаго небеса...¹⁰⁷⁾, созданаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины¹⁰⁸⁾. Сего-то онъ человѣка для Ефесіанъ похваляетъ. Истинною не бывала плоть никогда: плоть и ложь все одно, и любящій сего идола самъ таковъ-же, а когда ложь и пустошь, то и не человѣкъ. Слыхалъ ты книгу родства истиннаго человѣка, сына Давідова, с(ына) Авр(аамля)? Иаковъ роди Іуду, Іуда роди Фареса отъ Тамары и прочая. Знай же, что сія книга вѣчная книга Божія, книга небесная и не содержитъ она никого кромѣ Израилскаго рода: „не соберу соборовъ ихъ отъ кровей“... Сего-то рода и нашъ Христось. А что родъ Израилскій не умираетъ, слушай Іоіля: „яко же утро разліются по горамъ людіе мнози и крѣпцы; подобны имъ не быша отъ вѣка и по нихъ не приложится до лѣтъ въ родъ и родъ.“¹⁰⁹⁾ Если-бъ можно до ихъ лѣтъ, что ни есть приложить, имѣли-бъ они конецъ; но теперь они всему на-всему сами суть концемъ; не конецъ то, послѣ чего нѣчто еще слѣдуетъ, но сей родъ самъ всему концемъ. Остатокъ не въ языкахъ: остатокъ Израилевъ есть и одинъ остатокъ спасается, а прочее все мимо течетъ: „уничжатся языцы, яко вода, мимо текущая...“¹¹⁰⁾ А что Іоіль точно о родѣ

106) См. „Второе посланіе къ Коринейнамъ“, гл. 5, ст. 16. *Прим. ред.*

107) См. „Посланіе къ евреямъ“, гл. 4, ст. 14. *Прим. ред.*

108) См. „Посланіе къ ефесіанамъ“, гл. 4, ст. 24. *Прим. ред.*

109) См. „Книгу пророка Іоіля“, гл. 2, ст. 2. *Прим. ред.*

110) См. „Псалтирь“, пс. 57, ст. 8. *Прим. ред.*

Израилскомъ сіе говоритъ, слушай Мойсея, человека Божія, Христу сродного, съ Христомъ бесѣдующаго: „блаженъ еси, Израилу, кто подобенъ тебѣ, роде спасаемый отъ Господа? Защититъ помощникъ твой, и мечъ хвала твоя, и солжутъ (то-есть ошубутся и не узнаютъ) тебѣ врази твои и ты на выю ихъ наступиши.“¹¹¹⁾ Видишь, что судящій Израила по плоти, зрящій на одну внѣшность смиренія Христова („во смиреніи его судъ его взятся...“) есть врагъ Христовъ изъ числа тѣхъ, коихъ Павелъ называетъ врагами Креста Христова, а въ Моисеевыхъ словахъ мечемъ наименованнаго, который у Іереміа всю плоть опустошаетъ.

Продеримо-жь, о мертвая тѣнь, глаза наши и заобышное къ плотской тмѣ око наше принаравливаймо, возводя потихоньку въ гору смотрѣть на Израила, на истиннаго человека, минуя плоти покрывало. Вотъ насъ спящихъ на земли пробуживаетъ Павелъ: „вышнихъ ищите горняя мудрствуйте! почто о стихіяхъ стязаетесь? Егда-же Христось явится, животь вашъ, истинный живой человекъ и вы явитесь въ славѣ.“¹¹²⁾ Пробуживаетъ и Іеремія вотъ какъ: „почто мы сѣдимъ? Совекупитесь и вйдемъ во грады тверды и повержемся тамо... (а тутъ) ждахомъ мира и не бяху благая...“¹¹³⁾ О истинный, нетлѣнный Израилскій Боже, блисни свѣтомъ твоимъ на насъ столко, сколко можетъ по крайней мѣрѣ око наше стерпѣть, да, пошовъ воспѣть лица твоего и нечувствительно въ новое преображаясь, достигнемъ во всерадостное и самаго послѣдняго волоса нашего воскресеніе. Тебѣ слава съ твоимъ Человекомъ и святымъ Духомъ. Аминь.

111) См. „Пятую книгу Моисея, Второзаконіе“, гл. 33, ст. 29. *Прим. ред.*

112) См. „Посланіе къ Колоссянамъ“, гл. 3, ст. 4.

Прим. ред.

113) См. „Книгу пророка Іереміа“, гл. 8, ст. 14, 15.

Прим. ред.

Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ! ¹¹⁴⁾

Любезныи ученики, не бойтесь, поднимайтесь дерзновенно къ тому, на котораго лице не могли вы за ужасомъ смотрѣть на Фаворѣ. Слушайте, что говоритъ! Дерзайте! Миръ вамъ! Тогда несносенъ самой взоръ вамъ былъ, а теперь и словъ сладчайшихъ его послушаете, и лобзаніемъ утвердить дружбу съ вами вѣчную. Умѣйте только приближаться къ нему. Не забывайте никогда наставляющаго васъ просвѣщеннаго Ангела словъ: нѣсть,здѣ! Воста!¹¹⁵⁾ Сіи слова простесенько васъ доведутъ къ славному истинному ч е л о в ѣ к у. Сей есть воскресеніе и животь вашъ.

Состарѣлся Авраамовъ сынъ; захотѣлось ему умереть, да и не дивно: уже его очи притупились; ничево не могъ видѣть здѣ въ мірѣ нашемъ. Приготовливаясь къ смерти, пожелалъ пищи. Удовлетворилъ душъ его второй сынъ его. Благодарствую сынъ! Приблизися ко мнѣ, говоритъ, и облобызай мя. И приблизився, лобыза Его. Щасливъ Исаакъ! Онъ подъ Исавомъ нашолъ Іакова. А мы напротивъ того подъ пеленами Израилскаго младенца, подъ плащеницею Христовою часто находимъ непріятеля Израилева Исавъ. Сей съ нами витается и лобзается. Не смыслимъ, какъ искать. Многыи ищутъ его въ единоначалствіяхъ Кесаря Августа, во временахъ Тиверіевыхъ, во владѣніяхъ Пилатовыхъ и прочая... Поищи поискунѣ: нѣсть здѣ! Многыи волочатся по Іерусалимахъ, по Іорданахъ, по Виелеемахъ, по Кармилахъ, по Фаворахъ, нюхаютъ между Эвфратами и Тиграми; тутъ-то Онъ,

¹¹⁴⁾ Подлинникъ этой проповѣди хранился въ семейномъ архивѣ Срезневскихъ. Въ настоящее время рукопись эта Г. С. Сковороды передана въ Рукописное Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, гдѣ она значится по описи: „Авт. П₉₃.“ Для нашего изданія мы пользовались подлинникомъ этой проповѣди, любезно предоставленнымъ намъ В. И. Срезневскимъ. *Прим. ред.*

¹¹⁵⁾ См. „Евангеліе“ Матея, гл. 28, ст. 6.

Прим. ред.

конечно, думаютъ; вотъ! вотъ! Здѣ Христосъ! кричатъ и другимъ: здѣ Христосъ! Знаю, кричитъ Ангелъ: Иисуса распятаго ищите. Нѣсть здѣ, нѣсть! Многи ищутъ его по высокихъ мірскихъ честяхъ, во великолѣпныхъ домахъ, во церемоніальныхъ столахъ и прочая... Многи ищутъ, зѣвая по всеглубомъ звѣздо-носномъ сводѣ, по солнцу, по лунѣ, по всѣмъ Коперниковымъ мірамъ... Нѣсть здѣ! Ищутъ въ долгихъ моленіяхъ, въ постахъ, въ священническихъ обрядахъ... Ищутъ въ денгахъ, въ столѣтномъ здоровьѣ, въ плотскомъ воскресеніи... Нѣсть здѣ! Да гдѣ-жъ онъ? Конечно-жъ тутъ онъ, если вѣтійствовать въ проповѣдяхъ, знать пророчески тайны, преставлять горы, воскрешать мертвыхъ, раздать имѣніе, мучить свое тѣло... Но молніе-видный Ангелъ одно имъ кричитъ: нѣсть здѣ! Конечно-жъ его нѣтъ. Такъ конечно нѣтъ его для тебе, затѣмъ, что его не знаешь и не видишь его. Что-жъ теперь осталось дѣлать? Пасха! востани, Господи! И да разсыплются врази твои! и да бѣжать вси ненавидящии тебе! Поднимайся, возлюбленный Израилю, и ступай отъ сили въ силу!

Послѣ побѣды Аморрейской поднялись сыны Израилскии противъ западъ. Не мило стало то царю Валаку. Вотъ, говоритъ, какыи еще новыи и дивныи люде изъ Египта вышли и, по горамъ разливаясь, вышше ихъ поднялись. Что за чудо? Посылаетъ пословъ къ волшебнику Валааму, чтобъ родъ Божій истребить. Пришли послы, объявили цареву волю. Хорошо, сказалъ Валаамъ; предпочійте-жъ здѣ ночь сію. Не напрасно не велитъ тебѣ Ангелъ искать здѣ; видишь, что тутъ почиваютъ непріятели рода Божія. Пасха! Пришли къ Мойсею потомки Рувимовы и Гадовы. Просятъ, чтобъ онъ ихъ не переводилъ на ту сторону Иордана для поселенія: весьма (де) по сію сторону земля скотопитательна; а у насъ скотъ. Закричалъ на нихъ Мойсей: братія ваша пойдутъ на брань, и вы ли сядете ту? И вкую развращаете сердца сыновъ Израилевыхъ, не переишли чтобъ они на землю, юже даетъ Господь имъ. За сіе что они хотѣли остатись здѣ, такъ разъярился Господь, что заклялся если они ввійдутъ въ землю, обѣщанную Израилю, кромѣ Халева да Иисуса Навина, называя здѣ остающихся людьми вѣдущими добро и зло, каковъ знаетъ былъ Адамъ, изгнанный изъ рая. Вотъ что надѣлало проклятое ¹¹⁶⁾ „здѣ!“ Пасха! Если введетъ тебе, говоритъ Божій Мойсей, Господь твой въ находящуюся тамъ за Иорданомъ за путемъ западнымъ землю, которая совсѣмъ разнится отъ Египетской, потому что она нагорная и равная, а что еще лучше всего, очи Господа Бога твоего на ней отъ начала лѣта до конца лѣта, то пожалуй! Пожалуй, пагубою пагубиши все языческое и тлѣнное, даже до послѣдняго волоса, кромѣ начатковъ и первенцовъ воловъ и овецъ вашихъ; „да не сотворите (говорить) тамо всѣхъ, елика

¹¹⁶⁾ У Д. И. Вагалѣя слово „проклятое“—пропущено. *Прим. ред.*

вы творите здѣ днесь, кійждо угодное предъ собою. Не прійдете бо до нынѣ въ покой“... Такъ, пожалуй-же, послушай Мойсея: не ищи здѣ въ пагубномъ языческомъ тлѣнїи возлюбленнаго человѣка, истиннаго мужа, друга, брата и ближнаго твоего. Ищи его тамъ; по ту сторону Иордана, за западнымъ, за вечернымъ путемъ; не здѣ, тамъ онъ, сей начатокъ умершимъ и всему тлѣнїю, а иначе облобызаешь съ какимъ язычникомъ. Пасха! Безумный Сомнасъ (книгочїй) искалъ человѣка по сю сторону Иордана. Что-жъ ему Ангелъ Господень Исаїа говоритъ? Вотъ что: „что ты здѣ? И что тебѣ здѣ? Яко истесалъ еси здѣ гробъ и сотворилъ еси себѣ на высоцѣ гробъ... Се нынѣ Господь Саваоѣ извержетъ и сотретъ мужа, и отиметъ утварь твою, и вѣнецъ твой славный, и повержетъ тя въ страну велику и безмѣрну, и тамо умреша“... ¹¹⁷⁾ Нещасный книжникъ! Читалъ пророковъ, искалъ человѣка; да попалъ на мертвеца, и самъ съ нимъ пропалъ. Конечно-жъ онъ искалъ межъ посланниками Валака царя, на сѣдалищѣ губителей. Посему-то вотъ что на таковыхъ говоритъ блаженный мужъ Іовъ: „глаголютъ Господеви—отступи отъ насъ; путей твоихъ вѣдѣти не хотимъ“... ¹¹⁸⁾ Будутъ-же яко плевъ предъ вѣтромъ или якоже прахъ... Да узрять очи его свое убїенїе.. И той во гробъ отнесенъ бысть и на гробищихъ побѣдъ. Усладися ему дробное каменїе потока. Кричитъ на таковыхъ и другой Ангелъ Михей (гл. 2, ст. 10): „востани и поиди, яко нѣсть тебѣ здѣ покой, нечистоты ради“; истлѣете тлѣнїемъ. Видишь ли ты, говоритъ къ третьему Ангелу Іезекиїлю Господь, видѣлъ-ли еси, что сїи творять? Беззаконїя велика домъ Израилевъ творится здѣ, еже удалятися отъ святынь моихъ. О беззаконное „здѣ!“ Чего ты надѣлало? Отвело ты насъ отъ живого человѣка. Беззаконїе, говоритъ онъ, пяты моея обїйде мя. Подало ты намъ пяту его; а не главу его, да облобызаеть насъ. Пяту мы одну видимъ, порожденїе змино. Веселятся, говоритъ. Человѣкъ, и скрываютъ... Да скажи-жъ, кто тебѣ скрываетъ, сокровище наше? Ахъ! развѣ ты, отвѣчаетъ, не видишь, сколько ихъ въ дому Израилевомъ, въ священномъ писанїи и что они творять? Сами здѣ во гробахъ сидятъ, и мене туда-жъ отаскиваютъ; а я никогда мертвецомъ не бывалъ, кромѣ пяты моея. Мнози борющыи мя съ высоты... Попраша мя врази мои... тїи пяту мою сохранять... вселятся (здѣ) и скрываютъ воскресенїе мое. Пасха! Востани, востани, Іерусалиме! Азъ есмь, азъ есмь, утѣшай тя. Разумѣй, кто-то (есть) Сый?... Идите враты моими, и путь сотворите людемъ моимъ, и каменїе, еже на пути, разместите... И се трусъ бысть великъ, Ангелъ бо Господень, шедъ съ небесе, приступль, отвали камень... Зачемъ вы тутъ ищете человѣка? Нѣсть здѣ! Воста! Скажи-жъ, умилосердись, гдѣ онъ?

¹¹⁷⁾ См. „Книгу пророка Исаїа“, гл. 22, ст. 16, 17 и 18. *Прим. ред.*

¹¹⁸⁾ См. „Книгу Іова“, гл. 21, ст. 14.

Прим. ред.

Нѣтъ его въ царствѣ сихъ мертвецъ: Онъ всегда живъ; тамъ его ищите. И нынѣ что здѣ есте? Пасха! Востани, востани, воскресни Іер!..¹¹⁹⁾ И бысть, егда баше Іисусъ у Іерихона и возрѣвъ очима своими, видѣ чловѣка стояща предъ нимъ... Вотъ видишь, не напрасно Ангелъ говоритъ: тамо его узрите. Да гдѣ-жь тамо? По ту сторону (слышь) Іордана, на святомъ уже мѣстѣ, не на тлѣнномъ, на землѣ нагорной, высокой. Туда-то онъ возрѣвъ, увидѣлъ чловѣка, позналъ и поклонился ему, владыкѣ своему. Пасха! Востани, востани Сіоне... Истрия прахъ... Возрѣвъ Авраамъ очима своими, видѣ мѣсто издаличе и рече отрокамъ своимъ: сѣдите здѣ со ослятемъ; азъ же ~~и~~ отрочищъ пойдѣмъ до-ондѣ... Видишь, что и Авраамъ, бросилъ все здѣшное, нашолъ истинного чловѣка на горѣ, видѣвъ день его, возрадовался. Нельзя имѣть очей лучшихъ какъ Авраамовы. Они одни видятъ овна держамаго рогами въ садѣ Савекѣ. Пасха! Савекъ значить хвастіе. Но можетъ-ли хвастіе стоять предъ лицемъ Господнымъ? Оно одно сожигается всеожженіемъ, яко ничто же, а чловѣкъ Исаакъ цѣлъ. Да и какъ ему не быть цѣлому, когда самъ Богъ защищаетъ его ниже да сотвориши ему что!... Видножь, что онъ не хворостъ за плечима оставшійся, о которомъ Исаія: „свси яко хвастіе огнемъ погорять...“¹²⁰⁾ А о противныхъ сямъ хворостякамъ людяхъ вотъ что тотъ-же говоритъ: „яко-же небо ново и земля нова, яже Азъ творю, пребываютъ предо мною; тако станетъ сѣмя ваше и имя ваше...“¹²¹⁾ Сего-жь то чловѣка и Навинъ видѣлъ стояща, не падающа, но вѣчно предъ лицемъ Господнымъ пребывающа. Пасха! Востани, востани, Іер...¹²²⁾ Даль Господь чудодѣйственный жезлъ Мойсею, посылаетъ его на освобожденіе братіи своей изъ Египта; велитъ Аарону встрѣтити Мойсея. Где-жь онъ стрѣчаетъ? И иде, и срѣте его въ горѣ Божіи, и цѣловастася оба. По освобожденіи изъ Египта братіи Ізраильской, желаетъ видѣть Мойсея тестъ его. Взялъ дочь свою, жену Мойсееву съ двома сынами, поехахъ въ пустыню. Приехали. Донесли Мойсею. О родѣ благословенный Богомъ Вышнымъ! Прямо подрались на гору Хоривъ. Изыде-же Мойсей въ срѣтеніе тестю своему и поклонися ему, и цѣлова его, и привѣтствовалаша другъ друга; и введе ихъ Мойсей въ кущу. Пасха! Запрещаетъ найсрожайше Мойсей, дабы мы, идучи отъ здѣ тамо, ничево изъ хворосту не заносили, называя все такое проклятіемъ, ідоломъ и преткновеніемъ въ царскомъ семъ пути. „Вонми крѣпцѣ, говоритъ, еже не ясти крове... Да не снѣси ю, да благо тебѣ будетъ и сыномъ твоимъ

119) Надо читать: „Іерусалимъ“.

120) См. „Книгу пророка Исаія“, гл. 66, ст. 16.

21) См. „Книгу пророка Исаія“, гл. 66, ст. 22.

122) Надо читать: „Іерусалимъ.“ См. Книгу пророка Исаія“, гл. 51, ст. 17

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

по тебѣ во вѣкы...“¹²³⁾ Однако-жь несмысленный и нынѣшный Израиль часто ропщеть на Господа. И слыша Господь и разгнѣвася гнѣвомъ и разгорѣся въ нихъ огнь... Начали желать египетскихъ мясъ: добро намъ, говорятъ, было въ Египтѣ... Что вы се говорите? Развѣ у Господа кромѣ языческихъ не сищется мясь? И рече Господь къ Мойсею: еда рука Господня не доволна будетъ? Нынѣ уразумѣши, аще постигнетъ тя слово мое или ни. Часто и наша несмысленная косность въ сердцѣхъ говорить и ропщеть на Господа. Фу! Можно-ль, что-бъ былъ человекъ безъ плоти, крови и костей! Фу! Что се? Вотъ гордый и нечувствительный хворостъ! Востани, пробуди-жь Сионе¹²⁴⁾! Что ты се плетешь? Кто твою землю трогаетъ? Пушай она такъ бѣдетъ какъ есть. Дай только Господь тебѣ благословенное благоволеніе свое, какъ Исаія говоритъ: „а земля твоя вкушѣ (съ новою) населится“. Гл. 62¹²⁵⁾. Одно толко то знай, что ты ложь и ничто съ одною твоею землею. Для того тамъ-же говорится: „нѣсть вамъ подобенъ, аще исправиши и сотвориши, Иерусалиме, радваніе на земли“¹²⁶⁾. Ты толко старайся, чтобъ изъ твоей ложной земли блеснула правда Божія. Молися, что-бъ постигъ тебе тотъ третій день, въ коемъ земля Богомъ износить быліе травное. Развѣ думаешь, что твоя толко земля одна, а друга въ ней быть не можетъ? Такъ оставайся-жь здѣсь при твоей, кушай ея, если мнишь, что у Господа нѣтъ своей ни земли, ни плоти, ни крови, ни костей, ничево... Не услышишь блаженнѣйшаго гласа: се нынѣ кость отъ костей моихъ...¹²⁷⁾ „Востани, востани, Иер.,“¹²⁸⁾ слушай ухомъ другимъ о другой плоти. Слышишь-ли: „я процвѣте плоть моя“. Слышишь-ли о другихъ костяхъ... „Возрадуются кости смиренныя. Не утаися кость моя отъ тебе...“ Слушай у приточника: „исцѣленіе костемъ“. Слушай Исаи: „и кости твои прозябнутъ, яко трава и разбогѣютъ и наслѣдятъ роды родовъ“¹²⁹⁾. Видишь, не тѣ се кости, что разсыпаются при адѣ: они предъ лицомъ Божиимъ суть и се то есть тамо!... „И бысть гласъ“, кричитьъ Іезекиль, „всегда ми пророчествовати, и се трусь!“ „И совокупляхуся кости, кость къ кости, кояждо къ составу своему. И видѣхъ, и се быша имъ жилы и плоть растяше“...¹³⁰⁾ Чти слѣдующее въ главѣ 37: „что се за новый родъ

123) См. „Пятую книгу Моисея, Второзаконіе“, гл. 12, ст. 23, 24 и 25.

Прим. ред.

124) Отъ словъ: „вотъ гордый...“, до выноски у Д. И. Багалѣя совершенно пропушено.

Прим. ред.

¹²⁵⁾ Стихъ 4.

Прим. ред.

¹²⁶⁾ См. „Книгу пророка Исаи“ гл. 62, ст. 7.

Прим. ред.

¹²⁷⁾ См. „Первую книгу Моисея, Бытіе“ гл. 2, ст. 23.

Прим. ред.

¹²⁸⁾ Надо читать: „Иерусалимъ.“ „См. Книгу пророка Исаи“, гл. 51, ст. 17.

Прим. ред.

¹²⁹⁾ См. „Книгу пророка Исаи“, гл. 58, ст. 11.

Прим. ред.

¹³⁰⁾ См. „Книгу пророка Іезекіиля“, гл. 37, ст. 7 и 8.

Прим. ред.

по горамъ твоимъ? ¹³¹⁾ Слушай Юиля: „яко же утро разліются по горамъ людіе мнози и крѣпцы; подобны имъ не быша отъ вѣка. Яко-же рай сладости земля предъ лицемъ его, а я же со зади (та) поле пагубы... Яко-же видъ конскый видъ ихъ... Яко же гласъ колесницъ на верхи горъ востекуть...“ ¹³²⁾ Яко же борцы потекутъ и яко же мужы храбры выдутъ на ограды... и кійждо отъ брата своего не отступитъ. Града имутся, и на забрала востекуть, и на хранины влѣзутъ, и оконцами внидутъ, яко же татіе... Вострубите трубою... проповѣдите цѣлбу... Такъ пусти-жь ихъ на твою землю сей Божій родъ; пожалуй не опасайся. Они всякъ у своего брата займутъ квартиру половинную безъ всякой обиды. Духъ Господень на мнѣ... дати плачущимъ славу Сіона на мѣсто пепела. Что жъ се за обида и соизждутъ синове инородны стѣны твоя... и на мѣсто мѣди принесу ти злато, и на мѣсто желѣза принесу ти сребро, и на мѣсто древесъ принесу ти мѣдь, и на мѣсто каменія—желѣзо. Отверзу гробы ваши и изведу васъ... Сяце землю свою вторицею наслѣдятъ и веселіе вѣчное надъ главою ихъ... Свѣтися, свѣтися, Іер.!.. ¹³³⁾ Се тма покрываетъ землю... на тебѣ явится Господь и слава Его на тебѣ узрится.

¹³¹⁾ См. „Книгу пророка Іезекіиля“, гл. 37, ст. 22.

Прим. ред.

¹³²⁾ См. „Книгу пророка Юиля“ гл. 2, ст. 2, 3, 4 и 5.

Прим. ред.

¹³³⁾ Надо читать „Іерусалимъ“. См. „Книгу пророка Исаи“, гл. 60, ст. 1.

Прим. ред.

Начальная дверь ко христіянскому добронравію ¹³⁴).

Написана въ 1766 году для молодаго шляхетства Харьковской губерніи, а обновлена въ 1780 году.

ПРЕДДВЕРІЕ ¹³⁵).

Благодареніе блаженному Богу о томъ, что нужное здѣлалъ не труднымъ, а трудное не нужнымъ.

Нѣтъ слаще для человѣка и нѣтъ нужнѣе, какъ щастіе; нѣтъ же ни чего и легоче сего. Благодареніе блаженному Богу!

¹³⁴) Въ подлинникѣ рукописи, хранящемся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеяхъ, значащемуся подъ № 1488 (II т.), на 3-ей страницѣ имѣется заглавіе этой рукописи Г. С. Сковороды: „Десятиглавная бесѣда. О христіянскомъ добронравіи“. На 4-ой стр. занесено именно то болѣе полное заглавіе, которое мы сохраняемъ при опубликованіи рукописи: „Начальная дверь ко христіянскому добронравію“. Въ оглавленіи, другимъ почеркомъ, эта рукопись названа: „Катихизисъ или о христіянскомъ добронравіи“. Рукопись эта, какъ и всѣ подлинники Г. С. Сковороды, хранящіеся въ Румянцевскомъ Музеѣ, очень хорошо сохранилась.

На стр. СХХІV своей „Критико-библіографической статьи“ Д. И. Багалъйи пишетъ, что эта рукопись Г. С. Сковороды напечатана имъ „съ автографа“, хранящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ. Въ Румянцевскомъ Музеѣ мы нашли только одинъ подлинный списокъ этой рукописи и при сравненіи его текста съ текстомъ, опубликованнымъ Д. И. Багалъемъ совершенно убѣдились, что публикація Д. И. Багалъя сдѣлана по довольно плохой копіи, а не по подлиннику. Главнѣйшія отклоненія мы отмѣчаемъ въ примѣчаніяхъ, оставляя неотмѣченными многочисленныя болѣе мелкія несоотвѣтствія этого списка рукописи Г. С. Сковороды съ подлиннымъ его писаніемъ. *Прим. ред.*

¹³⁵) Повсюду мы сохраняемъ правописаніе подлинника, въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь измѣняя знаки препинанія. *Прим. ред.*

Царствіе Божіе внутрь насъ. Щастіе въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же въ законѣ вѣчнаго.

Сіе есть не престающее ведро и не заходящее солнце, тму сердечныя бездны просвѣщающее. Благодареніе блаженному Богу!

Что было бы тогда, если бы щастіе, пре нужнѣйшее и любезнѣйшее для всѣхъ, зависѣло отъ мѣста, отъ времени, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе: что былобы тогда, если бы щастіе заключилъ Богъ въ Америкѣ или въ Канарскихъ островахъ, или въ азіатскомъ Іерусалимѣ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустынѣ, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи?... Тогда бы и щастіе наше и мы съ нимъ были бѣдные. Кто бъ могъ добратся къ тѣмъ мѣстамъ? Какъ можно родится всѣмъ въ одномъ коемъ то времени? Какъ же и помѣстится въ одномъ чинѣ и статьѣ?

Кое же то и щастіе, утвержденное на плѣскѣ плоти, на ограниченномъ мѣстѣ и времени, на смертномъ человѣкѣ? Не сіе ли есть трудное? Ей, трудное и не возможное. Благодареніе-жъ блаженному Богу, что трудное здѣлалъ не нужнымъ!

Нынѣ же желаешь ли быть щасливымъ? Не ищи щастія за моремъ, не проси его у человѣка, не странствуй по планѣтамъ, не волочись по дворцамъ, не ползай по шарѣ земномъ, не броди по Іерусалимамъ... Златомъ можешь купить деревню, вещь трудную, яко обходимую, а щастіе, яко необходимая необходимость, тунѣ вездѣ и всегда даруется. Воздухъ и солнце всегда съ тобою, вездѣ и туне; все же тое, что бѣжить отъ тебе прочь, знай, что оно чуждее и не почитай за твое; все то странное есть и лишнее. Что же тебѣ нужно? Тѣмъ то оно и трудное. Ни когда бы не разлучилось, отъ тебе если бы было не обходимое.

Благодареніе блаженному Богу: щастіе ни отъ небесъ, ни отъ земли не зависитъ. Скажи съ Давидомъ: что мнѣ есть на небеси? И отъ тебе что восхотѣхъ на земли? ¹³⁶⁾

Что же есть для тебе нужное? То, что самое легкое. А что же есть легкое? О! другъ мой! все трудное и тяжелое, и горькое, и злое, и лживое есть. Однакъ, что есть легкое? Тое, другъ мой, что нужное. Что есть нужное? Нужное есть только одно: едино есть на потребу ¹³⁷⁾.

Одно только для тебе нужное, одно же только и благое и легкое, а прочее все трудъ и болѣзнь.

Что же есть оное едино? Богъ. Вся тварь есть рухлядь, смѣсь, сволочь ¹³⁸⁾, сѣчь, ломъ, крушь, стечь, вздоръ, сплочь и плоть и плетви.

¹³⁶⁾ См. „Псалтирь“, 72 псаломъ, 25 стихъ.

¹³⁷⁾ См. „Евангеліе“ Луки, гл. 10, ст. 42.

¹³⁸⁾ У Д. И. Вагалѣя слово „сволочь“ не напечатано.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

А тое, что любезное и потребное, есть едино, вездѣ и всегда. Но сіе едино все горстию своею и прахъ плоти твоя содержитъ.

Благодареніе жъ блаженному Богу за то, что все насъ оставляетъ и все для насъ трудное кромѣ того, что потребное, любезное единое.

Многія тѣлесныя необходимыя ожидаютъ тебе и не тамъ счастье, а для сердца твоего едино есть на потребу и тамо Богъ и счастье, не далече оно. Близъ есть. Въ сердцѣ и въ душѣ твоей.

Въ сей ковчегъ ведетъ и наша десятиглавная бесѣда, будто чрезъ десять дверей, а я желаю, дабы душа твоя, какъ Ноева голубица, не обрѣтши нигдѣ покоя, возвратилась къ сердцу своему, къ Тому, Кто почиваетъ въ сердцѣ твоёмъ, дабы сбылося оное Исаяно¹³⁹⁾: „будутъ основанія твоя вѣчная родомъ родовъ и прозовешися здатель оградъ, и стези твоя посреди упокоиши“¹⁴⁰⁾.

Сего желаетъ Григорій, сынъ Саввы Сковороды.

Твердь бесѣды:

Истинна Господня пребываетъ во вѣки¹⁴¹⁾.

Во вѣкъ, Господи, слово Твое пребываетъ¹⁴²⁾.

Законъ Твой посреде чрева моего¹⁴³⁾.

Слово плоть бысть и вселися въ ны¹⁴⁴⁾.

Посреди васъ стоитъ, Его же не вѣсте¹⁴⁵⁾.

Глава 1-я.

О Богѣ.

Весь міръ состоитъ изъ двухъ натуръ—одна видимая, а другая не видимая.

Видимая натура называется тварь, а не видимая Богъ¹⁴⁶⁾.

Сія не видимая натура или Богъ всю тварь проникаетъ и содержитъ; вездѣ всегда былъ, есть и будетъ. Напримѣръ, тѣло человѣческое видно, но проникающей и содержащей оное умъ не виденъ.

¹³⁹⁾ У Д. И. Багалѣя здѣсь напечатано слово „вѣщаніе“, котораго въ подлинникѣ нѣтъ. *Прим. ред.*

¹⁴⁰⁾ Здѣсь у Д. И. Багалѣя стоятъ цифры: „VIII, 12“,—въ подлинникѣ ихъ нѣтъ.—См. „Книгу пророка Исая“, гл. 58, ст. 12. *Прим. ред.*

¹⁴¹⁾ См. „Псалтирь“, 16 пс., 2 ст. *Прим. ред.*

¹⁴²⁾ См. „Псалтирь“, 118 пс., 89 ст. *Прим. ред.*

¹⁴³⁾ См. „Псалтирь“, 39 пс., 9 ст. *Прим. ред.*

¹⁴⁴⁾ См. „Евангеліе“ Іоанна, гл. 1, ст. 14. *Прим. ред.*

¹⁴⁵⁾ См. „Евангеліе“ Іоанна, гл. 1, ст. 26. *Прим. ред.*

¹⁴⁶⁾ Совершенно такой же взглядъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ русскихъ сектахъ стариннаго происхожденія. *Прим. ред.*

По сей причинѣ у древнихъ Богъ назывался умъ всемірный. Ему жъ у нихъ были разныя¹⁴⁷⁾ имена. Напримѣръ натура. Бытіе вещей. Вѣчность. Время. Судьба. Необходимость. Фортуна и проч.

А у христіанъ знатнѣйшія Ему имена суть слѣдующія: Духъ, Господь. Царь. Отецъ. Умъ. Истинна. Послѣднія два имена кажутся свойственнѣе протчихъ, потому что умъ во вся есть не вещественъ, а истинна вѣчнымъ своимъ пребываніемъ совсѣмъ противна не постоянному веществу. Да и теперь въ нѣкоторой землѣ называется Богъ: и штенъ¹⁴⁸⁾. Что касается до видимой природы, то ей также не одно имя; напримѣръ, вещество или матерія, земля, плоть, тѣнь и проч.

Глава 2-я.

О Вѣрѣ вселенной.

Какъ теперь мало кто разумѣетъ Бога, такъ не удивительно, что и у древнихъ часто публичною ошибкою почитали вещество за Бога, и ватѣмъ все свое богочитаніе отдали въ посмѣяніе.

Однако же втомъ всѣ вѣки и народы всегда согласно вѣрили, что есть тайная нѣкая, по всему разлившаяся и всѣмъ владѣющая сила.

По сей причинѣ, для чести и памяти его, по всему шару земному, общенародно были всегда посвящаемы дома, да и теперь вездѣ все то же. И хотя, напримѣръ, подданный можетъ ошибкою почестъ камардинера вмѣсто господина, однако жъ втомъ никогда не спорить, что есть надъ нимъ владѣлецъ, котораго онъ, можетъ статся, въ лице не видывалъ. Подданный его есть всякій народъ и равно каждый признаетъ предъ нимъ рабство свое.

Такова вѣра есть обща и проста.

Глава 3-я.

О промыслѣ общемъ.

Сія-то блаженнѣйшая натура или духъ, весь міръ, будто машинистова хитрость, часовую на башнѣ машину въ движеніи содержитъ и, по примѣру попечительнаго отца, самъ бытіемъ есть всякому созданію. Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починаетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ или уставомъ зовется, опять въ грубую матерію, или грязь, обращаетъ; а мы то называемъ смертію.

По сей причинѣ разумная древность сравнила его съ математикомъ или геометромъ, потому что не престанно въ препорціяхъ

¹⁴⁷⁾ У Д. И. Багалѣя вмѣсто „разныя“ напечатано „различныя“. *Прим. ред.*

¹⁴⁸⁾ У Д. И. Багалѣя это послѣдняя фраза пропущена. *Прим. ред.*

или разнѣрахъ упражняется, вытѣпливая по разнымъ фигурамъ, напримѣръ травы, дерева, звѣрей и все прочее, а еврейскіе мудрецы уподобили его горшечнику.

Сей Промыслъ есть общій, потому что касается до благосостоянія всѣхъ тварей.

Глава 4-я.

О промыслѣ особенномъ для человѣка.

Сей чистѣйшій, всемирный, всѣхъ вѣковъ и народовъ всеобщій умъ излилъ намъ, какъ источникъ, всѣ мудрости и искусства, къ проведению житія нужныя.

Но ничѣмъ ему такъ не одолженъ всякій народъ какъ тѣмъ, что онъ далъ намъ самую высочайшую свою Премудрость, которая природный его есть портретъ и печать.

Она столько превосходитъ прочія разумныя духи или понятія, сколько наслѣдникъ лучше служителей.

Она весьма похожа на искуснѣйшую архитектурную симметрію или модель, который, по всему матеріалу не чувствительно простираясь, дѣлаетъ весь составъ крѣпкимъ и спокойнымъ, всѣ прочія приборы содержащимъ.

Такъ слово въ слово и она, по всѣмъ членамъ политическаго корпуса, изъ людей не изъ камней состоящаго, тайно разлившись, дѣлаетъ его твердымъ, мирнымъ и благополучнымъ.

Если, напримѣръ, кая-то фамилія или городъ, или государство по сему моделю основано и учреждено, во время бываетъ онъ раемъ, небомъ, домомъ Божиимъ и прочая. А если одинъ кой ¹⁴⁹⁾ человѣкъ созиждетъ по нему житіе свое, въ то время бываетъ въ немъ страхъ Божій, святыня, благочестіе и прочая. И какъ въ тѣлѣ человѣческомъ одинъ умъ, однакъ равно, по разсужденію разныхъ частей дѣйствуетъ, такъ и въ помянутыхъ сожительствахъ, сею Премудростію свазанныхъ, Богъ чрезъ различные члены, различныя въ пользу общую производитъ дѣйства.

Она во всѣхъ нашихъ всякаго рода дѣлахъ и рѣчахъ душа, польза и краса, а безъ нея все мертво и гнусно... Родимся мы всѣ безъ нея, однакъ для нея. Кто къ ней природнѣе и охотнѣе, тотъ благороднѣе, и острѣе, а чѣмъ большое кто съ нею имѣетъ участіе, тѣмъ дѣйствительнѣйшее, но не понятное внутри чувствуетъ блаженство или удовольствіе. Отъ нея одной зависитъ особенный ко созиданію рода человѣческаго промыслъ. Она-то есть прекраснѣйшее лицо

¹⁴⁹⁾ У Д. И. Багалѣя здѣсь напечатано слово „какой“, котораго въ подлинникѣ нѣтъ.

Божіе, которымъ онъ со временемъ, напечатываясь на душѣ нашей, дѣлаетъ насъ изъ дикихъ и безобразныхъ монстровъ или уродовъ человѣками, то есть, звѣрками къ содружеству и къ помянутымъ сожительствамъ годными, не злобными, воздержными, великодушными и справедливыми.

А если уже она вселилась въ сердечныя человѣческія склонности, вто время точно есть тоже самое, что въ движеніи часовой машины темпо (tempo), то есть правильность и вѣрность. И тогда то бываетъ въ душѣ не порочность и чистосердечіе, какъ райскій нѣкій духъ и вкусъ, плѣняющій къ дружелюбію.

Она различитъ насъ отъ звѣрей милосердіемъ и справедливостью, а отъ скотовъ воздержаніемъ и разумомъ; и не иное что есть, какъ блаженнѣйшее лицо ¹⁵⁰⁾ Божіе, тайно на сердцѣ написанное, сила и правило всѣхъ нашихъ движеній и дѣлъ. Вто время сердце наше дѣлается чистымъ источникомъ благодѣній, не сказано душу веселящихъ; и тогда-то мы бываемъ истинными по душѣ и по тѣлу человѣками, подобны годнымъ для строенія четверугольнымъ камнямъ, съ каковыхъ живый Божій домъ составляется, въ которомъ Онъ особливою царствуетъ милостію ¹⁵¹⁾.

Трудно неоцѣненное сіе сокровище проникнуть и примѣтить, а для одного сего любить и искать ея ¹⁵²⁾ не легко.

Но сколько она съ наружи не казиста и презрѣнна, столько внутри важна и великолѣпна; похожа на малинкое, напримѣръ, смоквинное зерно, въ которомъ цѣлое древо съ плодами и листомъ закрылось, или на маленькой простой камушекъ, въ которомъ ужасный пожаръ затаился. Для оказалости намѣчали ее всегда признаками и она будто кой-то принцъ имѣла свои портреты, печати, и узлы, разные въ разныхъ вѣкахъ и народахъ. Ея-то былъ узелъ, напримѣръ, змій, повѣшенный на колу предъ жидами.

Ея гербъ: голубь съ масличною во устахъ вѣтвію. Являлась она въ образѣ льва и агнца, а царскій жезлъ былъ ея жъ предмѣтомъ, и прочая.

Таялась она и подъ священными у нихъ обрядами, напримѣръ, подъ яденіемъ пасхи, подъ обрѣзаніемъ и прочая. Закрывалась она, будто подъ

150) У Д. И. Багалѣя вмѣсто слово „лицо“ напечатано „образъ“.

Прим. ред.

151) У сектантовъ „Новый Израиль“ эта мысль осуществляется на дѣлѣ, строится «живая скинія», изъ живыхъ людей, гдѣ каждый членъ строенія занимаетъ опредѣленную роль. (См. IV Выпускъ „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектанства и старообрядчества“, посвященный „Новому Израилю“, стр. LXXX—XC.)

Прим. ред.

152) У Д. И. Багалѣя напечатано здѣсь въ скобкахъ слово „премудрости“, котораго въ подлинникѣ нѣтъ.

Прим. ред.

разновиднымъ маскарадомъ, и подъ гражданскими исторіями, наприм., подъ повѣстью о Исавѣ и Іаковѣ, о Саулѣ и Давидѣ и проч., и однимъ тайнымъ своимъ присудствіемъ здѣлала тѣ книги мудрыми.

А въ послѣдовавшія уже времена показала она во образѣ мужескомъ, сдѣлавшись Богочеловѣкомъ.

Какowymъ же способомъ Божія сія Премудрость родилась отъ Отца безъ матери и отъ Дѣвы безъ отца, какъ-то Она воскресла и опять къ своему отцу вознеслась и прочая, пожалуй не любопытствуи. Имѣются и въ сей, какъ въ прочихъ наукахъ, праздна тонкости¹⁵³), въ которыхъ однихъ можетъ себѣ занять мѣсто тая не дѣйствительная вѣра, которую называютъ умозрительною. Поступай и здѣсь такъ, какъ на оперѣ, и довольствуйся тѣмъ, что глазамъ твоимъ представляется, а за ширмы и за хребетъ театра не заглядывай. Здѣлана сія занавѣса нарочно для хутородныхъ и склонныхъ къ любопытству сердецъ, потому что подлость, чемъ въ ближайшее знакомство входитъ, тѣмъ пуце къ великимъ дѣламъ и персонамъ учтивость свою теряетъ.

На что тебѣ спрашивать, напримѣръ, о воскресеніи мертвыхъ, если и самый даръ воскрешать могги—ничего не пользуется бездѣльной душѣ, ни воскрешающей, ни воскрешаемой? Отъ таковыхъ то любопытниковъ породились расколы, суевѣрія и прочія язвы, которыми вся Европа беспокоится. Важнѣйшее дѣло Божіе есть: одну безпутную душу оживотворить Духомъ своихъ заповѣдей, нежели изъ небытія произвестъ новый земной шаръ, населенный беззаконниками.

Не тотъ вѣренъ государю, кто въ тайности его вникнуть старается, но¹⁵⁴) кто волю его усердно исполняетъ.

Вѣчная сія Премудрость Божія, во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, немолжно продолжаетъ рѣчь свою, и она¹⁵⁵) не иное что есть какъ повсеместнаго естества Божія невидимое лицо и живое слово, тайно ко всѣмъ намъ внутрь гремящее. Но не хотимъ слушать совѣтовъ ея, одни за лишеніемъ слуха, а самая большая часть по несчастному упрямству, отъ худаго зависящему воспитанія.

Прислушивались нетлѣнному сему гласу премудрыя люди, называемыя у жидовъ пророками, и со глубочайшимъ опасеніемъ повелѣваемое исполняли.

Она начало и конецъ всѣхъ книгъ пророческихъ; отъ нея, чрезъ нее, и для нея все въ нихъ написано.

По сей причинѣ разные себѣ имена получила. Она называется:

153) У Д. И. Багалѣя слово „праздна“—не напечатано. *Прим. ред.*

154) У Д. И. Багалѣя здѣсь напечатано слово „тотъ“, котораго въ подлинникѣ нѣтъ. *Прим. ред.*

155) У Д. И. Багалѣя вмѣсто словъ „и она“—напечатано слово „пока“.

Прим. ред.

образъ Божій, слава, свѣтъ, слово, совѣтъ, воскресеніе, животъ, путь, правда, миръ, судьба, оправданіе, благодать, истинна, сила Божія, имя Божіе, воля Божія, камень вѣры, царство Божіе и проч. А самыя первѣйшіе хрістіяне назвали ¹⁵⁶⁾ ее Христомъ, то есть ¹⁵⁷⁾ Царемъ, потому что одна она управляетъ къ вѣчному и временному щастію всѣхъ государствъ, всякія сожителства, и каждого порознь.

Да и кромѣ того у древнихъ царственнымъ называлось все, что верховнымъ и главнѣйшимъ почиталось.

Провидѣлъ было Авраамъ блаженнѣйшій свѣтъ ея, и на ней увѣрившись, здѣлался со всю фамилію справедливымъ, а съ подданными благополучнымъ. Однако она и прежде Авраама всегда у своихъ любителей жила. А Моисей, съ невидимаго сего образа Божія, будто плачь снявъ, начертилъ его просто и грубо самонужнѣйшими линіями и по нему основывалъ жидовское общество, здѣлалъ оное благополучнымъ же и побѣдительнымъ. Онъ по тогдашнему написалъ ее на каменныхъ доскахъ и такъ здѣлалъ, что невидимая Премудрость Божія, будто видимый и тлѣнный человекъ, чувственнымъ голосомъ ко всѣмъ намъ рѣчь свою имѣетъ.

Сія рѣчь, понеже отъ него раздѣлена на десять разсужденій или пунктовъ, потому названа десято-словіемъ.

Глава 5.

О десято-словіи.

I.

Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози ины ¹⁵⁸⁾ и прочая.

Яснѣе сказать такъ:

Я глава твоего благополучія и свѣтъ разума. Берегись, что бъ ты не основалъ житія твоего на иныхъ совѣтахъ, искусствахъ и вымыслахъ, хотя бъ они изъ Ангельскихъ умовъ родились. Положись на меня смѣло ¹⁵⁹⁾: если жъ, мене минувъ, положишь вѣкъ твой на иной премудрости, то она тебѣ будетъ и богомъ, но не истиннымъ; а посему и щастіе твое подобно будетъ воровской монѣтѣ.

¹⁵⁶⁾ У Д. И. Багалѣя вмѣсто „назвали“—напечатано „именуютъ“.

Прим. ред.

¹⁵⁷⁾ Здѣсь у Д. И. Багалѣя напечатано слово „Помазанникомъ“, котораго въ подлинникѣ нѣтъ.

Прим. ред.

¹⁵⁸⁾ У Д. И. Багалѣя напечатано далѣе „развѣ мене“,—чего въ подлинникѣ нѣтъ.

Прим. ред.

¹⁵⁹⁾ У Д. И. Багалѣя напечатано „крѣпко“.

Прим. ред.

II.

Не сотвори себѣ кумира, и проч...

А какъ на подлѣхъ камняхъ, такъ еще больше не велю тебѣ строится на видимостяхъ. Всяка видимость есть плоть, а всяка плоть есть пѣсокъ, хотя бѣ она въ подѣ небесной родилась, все то идолъ, что видимое.

III.

Не приѣмли имени ¹⁶⁰⁾ и проч.

Смотри жѣ во-первыхъ: не впади въ ровъ безумія, будто въ свѣтѣ ни чего нѣтъ, кромѣ видимостей, и будто имя сіе (Богъ) пустое есть. Въ сей то безднѣ живутъ клятвы ложныя, лицемѣрія, обманы, лукавства, измѣны и всѣ тайныхъ и явныхъ мерзостей страшилища. А въ мѣсто того напиши на сердцѣ: что вездѣ, всегда присутствуетъ тайный судъ Божій, готовъ на всякомъ мѣстѣ невидимо жечь и сѣчь невидимую твою часть, не косня ни точки, за всѣ дѣла, слова и мысли, въ которыхъ мене нѣтъ.

IV.

Помни день субботный, и проч.

Сіе ты повсюду и внутри тебе кроющееся ¹⁶¹⁾ Величество Божіе съ вѣрою и страхомъ въ день воскресный прославлять не забывай, а поклоняйся не пустыми только церемоніями, но самымъ дѣломъ, сердечно Ему подражая. Его дѣло и вся забава въ томъ, что бѣ всеминутно промышлять о пользѣ всякой твари и отъ тебе больше ни чего не требуетъ, кромѣ чистосердечнаго милосердія къ ближнимъ твоимъ.

А сіе весьма легко. Вѣрь только, что самъ себѣ десятью пользуешь, въ самое то время какъ ¹⁶²⁾ пользуешь другихъ и на противъ того.

V.

Чти отца твоего и проч...

Прежде всѣхъ отца и мать почитай и служи имъ. Они суть видимые портреты того невидимаго Существа, которое тебе столько одоужаетъ.

¹⁶⁰⁾ У Д. И. Багалѣя напечатано далѣе: „Господа, Бога твоего всеу“, чего въ подлинникѣ нѣтъ.

Прим. ред.

¹⁶¹⁾ У Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „кроющееся“, напечатано „хранящееся“.

Прим. ред.

¹⁶²⁾ У Д. И. Багалѣя вмѣсто словъ: „въ самое то время какъ“, — напечатано „когда“.

Прим. ред.

А вотъ кто отецъ твой и мать: будь во первыхъ вѣренъ и усерденъ государю, послушенъ градоначальнику, учтивъ къ священнику, покорный родителямъ, благодаренъ учителямъ твоимъ и благодѣтелямъ. Вотъ истинный путь къ твоему вѣчному и временному благоденствію и къ утвержденію твоей фамилии. Что же касается до протчихъ общества частей, берегись слѣдующаго:

VI

Не убей.

VII.

Не прелюбодѣйствуй.

VIII.

Не воруй.

IX.

Не свидѣтельствуй ложно или не клевети.

Осуждаемъ виннаго, а клеветемъ не виннаго. Сія есть страшнѣйшая злоба, и клеветникъ Еллински діаволъ ¹⁶³⁾.

X.

Не пожелай... ¹⁶⁴⁾.

Но понеже злое намѣреніе сѣменемъ есть злыхъ дѣлъ, которымъ числа нѣтъ, а сердце рабское не исчерпаемымъ есть источникомъ худыхъ намѣреній, для того по вѣкъ твой не лзя быть тебѣ честнымъ, если не попустишь, дабы вновь Богъ переродилъ сердце твое. Посвяти жъ оное не лицемѣрнѣй любви. Вто время вдругъ бездна въ тебѣ беззаконій заключится... Богъ, Божіе Слово, къ Его слову Любо въ—все то одно.

Симъ троеличнымъ огнемъ раженное сердце ни когда не согрѣшаетъ, потому что злыхъ сѣменъ или намѣреній имѣть не можетъ.

Глава 6.

О истиннѣй вѣрѣ.

Если бъ человекъ могъ скоро понять не оцѣненную великаго сего совѣта Божія цѣну, могъ бы его вдругъ принять и любить.

Но понеже тѣлесное, грубое разсужденіе сему препятствуетъ, для

¹⁶³⁾ У Д. И. Багалѣя далѣе напечатано: „и проч.“, — чего въ подлинникѣ нѣтъ. *Прим. ред.*

¹⁶⁴⁾ У Д. И. Багалѣя далѣе напечатано: „жены искреннаго твоего“, — чего въ подлинникѣ нѣтъ. *Прим. ред.*

того нужна ему вѣра. Она закрытое всѣмъ совѣтомъ блаженство, будто изъ дали, въ зрительную просматриваетъ трубку, съ которою и представляется.

При ней необходимо должна быть надежда. Она слѣпо и насильно удерживаетъ сердце человѣческое при едиnorodнѣй сей истиннѣ, не попуская волноватись подлыми¹⁶⁵⁾ постороннихъ мнѣній вѣтрами. По сей причинѣ представляется въ видѣ женщины, держащія якорь. Сія добродѣтели сердце человѣческое, будто надежный вѣтеръ корабль, приведетъ на конецъ въ гавань любви и ей поручаетъ.

Въ то время, по открытіи глазъ, тайно кричитъ¹⁶⁶⁾ въ душѣ Духъ Святый слѣдующее: „правда твоя правда во вѣкъ и законъ твой истина“¹⁶⁷⁾.

Глава 7-я.

Благочестіе и церемонія—разнь.

Вся десятословія сила вмѣщается въ одномъ семъ имени: любовь. Она есть вѣчнымъ союзомъ между Богомъ и человѣкомъ.

Она огонь есть невидимый, которымъ сердце распалается къ Божію слову или волѣ, а посему и сама она есть Богъ¹⁶⁸⁾.

Сія Божественная любовь имѣетъ на себѣ внѣшніе виды или значки; они то называются церемонія, обрядъ¹⁶⁹⁾ или образъ благочестія.

И такъ, церемонія возлѣ благочестія есть то, что возлѣ плодовъ листь, что на зернахъ шелуха, что при доброжелательствѣ комплементы. Если жъ сія маска лишена своей силы, вто время остается одна лицемерная обманчивость, а человѣкъ гробомъ разкрашеннымъ.

Все же то церемонія, что можетъ исправлять самый несчастный бездѣльникъ.

Глава 8-я.

Законъ Божій и преданіе—разнь.

Законъ Божій пребываетъ во вѣки, а человѣческія преданія не вездѣ и не всегда.

Законъ Божій есть райское древо, а преданіе тѣнь. Законъ Божій есть плодъ жизни, а преданіе листвіе. Законъ Божій есть Божіе въ человѣкѣ сердце, а преданіе есть смоковный листь, часто покрывающій

165) У Д. И. Багалѣя вмѣсто „подлыми“, — „бурными“. *Прим. ред.*

166) У Д. И. Багалѣя вмѣсто „кричитъ“—„взываетъ“. *Прим. ред.*

167) См. „Псалтирь“, 118 пс., 142 ст. *Прим. ред.*

168) У Д. И. Багалѣя вмѣсто словъ „сама она есть Богъ“, напечатано— „самъ Богъ именуется Любы“. *Прим. ред.*

169) У Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „обрядъ“ напечатано—„образъ“. *Прим. ред.*

ехидну. Дверь храма Божія есть законъ Божій, а преданіе есть придѣланный къ храму притворъ. Сколько преддверіе отъ алтаря, а хвостъ отъ головы, столь далеке отстоитъ преданіе ¹⁷⁰⁾.

У насъ почти вездѣ не сравненную сію равность сравниваютъ, забывъ законъ Божій и смѣшавъ съ грязью человѣческою во едино, даже до того, что человѣческія враки выше возносятъ; и на оныя упоая, о любви не подумаютъ, да исполнится сіе: лицемѣры! За преданія ваша разористе законъ; все же то есть преданіе, что не Божій законъ.

Глава 9-я.

О страстяхъ или грѣхахъ.

Страсть есть моровой въ душѣ воздухъ. Она есть безпутное желаніе видимостей, а называется не чистый или мучительный духъ. Главнѣйшая всѣхъ есть зависть, мать протчихъ страстей и беззаконій. Она есть главнымъ центромъ оныя пропасти, гдѣ душа мучится. Ни что ее не красить и не пользуетъ. Не милъ ей свѣтъ, не люба благочинность, а вредъ столь сладокъ, что сама себя десятью сѣдаетъ.

Жаломъ адскаго сего дракона есть весь родъ грѣховъ, а вотъ фамилія его: не нависть, памятозловіе, гордость, лесть, не сытость, скука, раскаяніе, тоска, кручина, и протіи не усыпаемый въ душѣ червь.

Глава 10-я.

О любви или чистосердечіи.

Противится сей безднѣ чистосердечіе. Оно есть спокойное въ душѣ дыханіе и вѣяніе Святаго Духа.

Оно подобно прекрасному саду, тихихъ вѣтровъ, сладкодышущихъ цвѣтовъ и утѣхи исполненному, въ которомъ процвѣтаетъ древо не тлѣнныя жизни.

А вотъ плоды его:

Доброжелательство, незловіе, склонность, кротость, нелицемѣріе, благонадежность, безопасность, удовольствіе, куражъ и протчія не отъ емлемыя забавы ¹⁷¹⁾.

Кто такую душу имѣетъ, миръ на немъ, и милость и веселіе вѣчное надъ головою сего истиннаго христіанина.

Аминь. ¹⁷²⁾

170) У Д. И. Багалѣя послѣ слова „преданіе“, — напечатано: — „отъ закона“, — чего въ подлинникѣ нѣтъ.

171) У Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „забавы“, напечатано — „утѣшенія“.

172) Въ нѣкоторыхъ копіяхъ слова „аминь“ нѣтъ.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

По поводу рукописи «Начальная дверь ко христіанскому добронравію».

1) Эта рукопись Г. С. Сковороды ранѣе была напечатана «въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“ 1806 года, издававшемся Θεопемптомъ Мисаидловымъ ч. III, стр. 156—179.—О помѣщеніи статьи въ журналѣ нигдѣ не упомянуто. Въ началѣ статьи предисловіе издателей „Вѣстника“ „О жизни Сковороды“. Краткое содержаніе статьи, по рукописи, приведено И. И. Срезневскимъ въ его „Запискахъ о Сковородѣ“ въ „Утренней Звѣздѣ“ 1834 г., стр. 73—74. Отрывокъ изъ нея, именно начало въ 3 страницы, помѣщенъ имъ же впоследствии въ „Москвитянинѣ“ 1842 г. стр. 117—119, о чемъ говорится въ „Указателѣ Москвитянина“ П. И. Вартенева, во „Временникѣ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1855 г. кн. XXI, стр. 62.» (См. Г. П. Данилевскій. „Украинская старина.“ Харьковъ, 1866 г., стр. 87).

2) Кромѣ того эта рукопись опубликована по одной изъ копій Д. И. Багалѣемъ въ его трудѣ „Сочиненія Григорія Саввича Сковороды“, 7-ой т. „Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго общества“. (См. 183—192 стр.) Свѣренный нами съ подлинникомъ рукописи текстъ этотъ въ настоящее время хранится въ Сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ и значится по описи: „Сект. 2844.“

Кромѣ подлинника этой рукописи Г. С. Сковороды намъ извѣстны слѣдующіе ея списки:

1) Въ бібліотекѣ Харьковскаго университета хранится одинъ изъ такихъ списковъ. Онъ значится въ ней по описи: „Шк. рук. № 2 ³/₄“, № 122. Списокъ очень хорошо сохранился. Переплетень. Весьма близокъ къ подлиннику.

2) Весьма хорошей списокъ этой же рукописи, относящейся къ концу XVIII вѣка, сохранился въ архивѣ И. И. Срезневскаго. Въ

отдѣльной папкѣ покойный профессоръ хранилъ копию сочиненій Г. С. Сковороды. Среди нихъ мы находимъ „Начальную дверь ко христіанскому добронравію“.

Копія „Начальной двери...“ очень близка къ подлиннику. Въ настоящее время она передана наслѣдниками И. И. Срезневскаго, вмѣстѣ со всѣмъ его архивомъ, въ Рукописное Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ. Рукопись эта еще не вошла въ опись архива, почему и не имѣетъ своей шифры.

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

Наркіссъ ¹⁷³).

Разглаголь ¹⁷⁴) о томъ: Узнай себе.

ПРОЛОГЪ.

Сей есть сынъ мой первородный. Рожденъ въ седмомъ десяткѣ вѣка сего. Наркіссъ нарицается нѣкій цвѣтъ и нѣкій юноша. Наркіссъ юноша, въ зеркалѣ прозрачныхъ водъ, при источникѣ, вирающій самъ на себе и влюбившійся смертно въ самого себе есть предревняя притча изъ обветшалыя богословія египетскія, яже есть матеръ еврейскія. Наркісовъ образъ благовѣститъ сіе: „узнай себе!“ Будто бы сказалъ: хочещи ли быть доволенъ собою и влюбиться въ самого себе: Узнай же себе! Испытай себе крѣпко... Право! Како бо можно влюбиться въ невѣдомое? Не горитъ сѣно, не касаясь огня. Не любитъ сердце, не видя красоты. Видно, что любовь есть Софіина дщерь. Гдѣ мудрость узрѣла, тамъ любовь сгорѣла. Воистину блаженна есть самолюбность, аще есть свята; ей свята, аще истинная; ей глаголю истинная, аще обрѣла и узрѣла едину оную красоту и

¹⁷³) Подлинникъ этой рукописи Г. С. Сквороды хранится въ „Румянцевскомъ Музеѣ“ въ Москвѣ. Онъ входитъ въ IV т. собранія рукописей Г. С. Сквороды раньше принадлежавшаго М. И. Ковалинскому. По описи рукописнаго отдѣленія „Румянцевскаго Музея“ этотъ томъ значится подъ № 1488 (IV). Въ Сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ имѣется фотографическій снимокъ этой рукописи, специально сдѣланный для нуждъ нашего изданія. По описи Сектантскаго отдѣла Рукописнаго отдѣленія Академіи онъ значится: „Сект. 2846“. Съ этимъ фотографическимъ снимкомъ мы и сравнивали, находясь въ тюрьмѣ, текстъ, опубликованный проф. Д. И. Багалѣемъ. Корректурa этой рукописи въ нашемъ изданіи прочитана по фотографическому ея снимку. Сличенный текстъ Д. И. Багалѣя хранится въ томъ же отдѣлѣ Академіи и значится по описи: „Сект. 2845“. *Прим. ред.*

¹⁷⁴) Въ этой рукописи, какъ и во многихъ другихъ Г. С. Скворода не употребляетъ ни твердыхъ, ни мягкихъ знаковъ, ставя вмѣсто послѣднихъ апострофъ ('). *Прим. ред.*

истину. „Посредѣ васъ стоять, его же не вѣсте“¹⁷⁵). Блаженъ мужъ, иже обрѣте въ домѣ своемъ источникъ утѣшенія и не гонить вѣгры со Исавомъ, ловителствуя по пустымъ околицамъ. Дщерь Саулова Мелхола, изъ отчаго дома, сквозь окно, разсыпающая по улицамъ взоры своя, есть мати и царица всѣхъ, шатающихся по околнимъ пустынямъ во слѣдъ безпутнаго того волокиты, кого, какъ буйную скотину, встрѣтивъ, загонитъ въ домъ пастырь нашъ. Куда ты бѣсь женеть? „Возвратися въ домъ твой!“¹⁷⁶) Сіи суть Наркіссы буи. А мой мудрый Наркіссъ амурится дома, по Соломоновой притчѣ: „разумывъ праведникъ, себѣ другъ будетъ“. Кто, де, прозрѣлъ во водахъ своея тлѣни красоту свою, тотъ не во внѣшность кую либо, ни во тлѣнія своего воду, но въ самага себе и въ самую свою точку влюбится. „Стези твоя посредѣ тебе упокоиши“. Наркіссъ мой правда что жжется, ражжигаясь углемъ любви, ревнуя рвется, мечется и мучится, ласко-сердствуетъ, печется и молвитъ всѣми молвами, а не о многомъ же, ни о пустомъ чемъ либо, но о себѣ, про себе и въ себе. Печется о единомъ себѣ. Едино есть ему на потребу. Наконецъ, весь, аки ледъ, истаявъ отъ самолюбнаго пламя, преобразается во источникъ. Право! Право! Во что кто влюбился, въ то преобразился. Всякъ есть тѣмъ, чье сердце въ немъ. Всякъ есть тамъ, гдѣ сердцемъ самъ.

О милая мой милосте, Наркіссе! Нынѣ изъ ползущаго червища всталъ еси пернатымъ мотыликомъ. Нынѣ се воскресъ еси! Почто не преобразился еси въ ручай или потокъ? Почто не въ рѣку или море? Скажи мнѣ! Отвѣщаетъ Наркіссъ: не дѣйте мене, добро бо дѣло сотворихъ. Море изъ рѣкъ, рѣки изъ потоковъ, потоки изъ ручаевъ, ручай изъ пары, а пара всегда при источникѣ, сущая сила и чадъ его, духъ его и сердце. Се что люблю! Люблю источникъ и главу, родникъ и начало, вѣчныя струи источающее отъ пары сердца своего. Море есть гной. Рѣки проходятъ. Потоки иссыхаютъ. Ручай ищезаютъ. Источникъ вѣчно парю дышетъ, оживляющею и прохлаждающею. Источникъ единъ люблю и ищезаю. Протчее все для мене стечь, сѣчь, подножіе, сѣнь, хвостъ... О сердце морское! Чистая бездно! Источниче святы(й). Тебе единого люблю. Ищезаю въ тебе и преображаюсь... Слышите ли? Се что воспѣваетъ орліи птенець, орлія матери Февайдскія премудрости! Лицемѣры и суетѣры, слыша сіе, соблазняются и хулятъ. Во источникъ пресбразитися? Како могутъ сія быти? Не ропщите! Вельми легко вѣрующему, яснѣ скажу, узнавшему въ себѣ красоту оную: „пара бо есть силы Божія и изліаніе Вседержителя славы чистое“. Лучше, де, было ему преобразитися во золото или во драгоцѣнный камень или... Пойдите! Онъ самое лучшее

175) См. „Евангеліе“ Иоанна, гл. 1, ст. 26.

176) См. „Евангеліе“ Луки, гл. 8, ст. 39.

Прим. ред.

Прим. ред.

нашелъ. Онъ преобразуется во владыку всёхъ тварей, въ солнце. Ба! Развѣ солнце и источникъ есть тоже? Ей! Солнце есть источникъ свѣта. Источникъ водный источаетъ струи водъ, напаяя, прохладя, омывая грязь. Огненный же источникъ источаетъ лучи свѣта, просвѣщая, согрѣвая, омывая мракъ. Источникъ водный водному морю начало. Солнце есть глава огненному морю. Но како, де, могутъ сія быти: дабы человекъ преобразился въ солнце? Аще сіе не возможно, како убо глаголетъ истина: „вы есте свѣтъ миру; 177) сіестъ солнце“. О лицемѣры! не по лицу судите, но по сердцу. Ей! Солнце есть источникомъ. Како же не и человекъ Божій солнцемъ? Солнце не по лицу, но по источничей силѣ есть источникомъ. Тако и человекъ Божій, источающій животворящія струи и лучи Божества испущающій, есть солнцемъ не по солнечному лицу, но по сердцу. Всякъ есть тѣмъ, чіе сердце въ немъ: волчье сердце, есть истинный волкъ, хотя лице человекее; сердце боброво, есть бобръ, хотя видъ волчій; сердце ведро, есть ведръ, хотя видъ бобровъ. Всякъ есть тѣмъ, чіе сердце въ немъ. Но лицемѣры будутъ рогами упорно. Да будетъ, де, сіе тако здраво! Обаче, де, человекъ преобразится въ лицо солнцovo отнюдь не возможно. Лице, де, и сердце разнь... Право! право судите! и я сужду: отнюдь не возможно. Да и кая полза? Видъ бобровъ не творить волка бобромъ. О глухіи лицелюбцы! Внемлите грому сему: „плоть ничтоже: духъ животворить“ 178). И сего ли не вѣсте, яко видъ, лице, плоть, идолъ есть тоже и ничтоже? Не вѣсте ли, яко мыръ сей есть идолъ поля Деирскаго? Солнце же истукану сему есть лице его и золотая глава его; и се суета суетъ! Даниилъ не кланяется, а Наркиссъ не любитъ его. Мыръ есть улица Мелхолина, блудница Вавилонска, бѣсноватое море, а Даниилъ и Наркиссъ въ горящихъ сихъ адекихъ водахъ узрѣли любезную свою милость. Кую? Росопосный источникъ и истое солнце, какъ написано: „дондеже дхнеть день“, сирѣчь солнце. „Гдѣ почиваеши? Яви мнѣ зракъ твой“ 179). „О блага мудрость есть человеку, паче же видящимъ солнце!“ 180) Благодареніе убо блаженному Богу. Сія есть неизреченная Его милость и власть, сотворшая бесполезное невозможнымъ, возможное полезнымъ. Ныпѣ мой Наркиссъ преобразится во истое, не въ пустое солнце. Вопросъ отъ лицемѣровъ: что се? Тако ли въ сонцѣ единомъ два будутъ солнца? Отвѣтъ. А гдѣ же ваши уши тогда, когда громчайшею трубою небеса проповѣдуютъ: „въ солнцѣ положи селеніе свое?“ Видите, что во золотой главѣ кумира вашего, мыра сего, и во Вавилонской сей пещѣ обитаетъ и суббот-

177) См. „Евангеліе“ Маттея, гл. 5, ст. 14.

178) См. „Евангеліе“ Іоанна, гл. 6, ст. 63.

179) См. „Псалтирь“, пс. 43, ст. 24.

180) См. „Книгу Екклесіаста“, гл. 7, ст. 11

*Прим. ред.**Прим. ред.**Прим. ред.**Прим. ред.*

ствуетъ свѣтъ нашъ незаходимый и не ваше мрачное, но наше солнце прославляется слѣдующею трубною пѣсней: „источникъ исхождаше и напаяше вся“. Но оставимъ, да лицемѣры мучатся во огненномъ ихъ своемъ озерѣ. Самы же со Израилемъ да перейдемъ на ону страну моря, по совѣту Варухову „кто перейде на ону страну моря и обрѣте премудрость? Тамо рай“ Тамо амурятся всѣ узнавшіи себе Наркиссы. Се первый встрѣчаетъ насъ возлюбленный Давидъ, воспѣвая пѣснь свою! „У тебе источникъ живота. Во свѣтъ твоемъ узримъ Свѣтъ“¹⁸¹). Оставляйтеся, лицемѣры, съ наличнымъ вашимъ солнцемъ. Мы въ дурномъ нашемъ солнцѣ обрящемъ новое и прекрасное оно: „Да будетъ свѣтъ!“¹⁸²) „Да станетъ солнце! и утвердися солнце“¹⁸³). Се за стѣною и за предѣлами вашими встрѣчаетъ насъ, одѣяна свѣтомъ вашимъ, яко ризою! Се возглашаетъ къ намъ: „радуйтесь!“ „Дерзайте!“ Миръ вамъ! Не бойтесь! Азъ есмь свѣтъ! Азъ свѣтъ солнцову кумиру и его мыру. „Жаждай да грядетъ ко мнѣ и да пьетъ!“¹⁸⁴)

Чудо, явленное во водахъ Наркиссу.

Скажи мнѣ, прекрасный Наркиссе: во водахъ твоихъ узрѣлъ еси что ли? Кто ли явился тебѣ въ нихъ?

Отвѣтъ. На водахъ моихъ восплыло Елисейское желѣзо. Узрѣлъ я на полотнѣ протекающія моя плоти нерукотворенный образъ, „иже есть сіяніе славы Отчія“¹⁸⁵). „Положи мя яко печать на мышцѣ твоей“. „Знаменася на насъ свѣтъ“. Вижу Петра вашего гавань: „землю посреди воды, словомъ Божиимъ составленну“¹⁸⁶). Я вижу моего друга, друга Исаина сего: „царя со славою узрите, и очи ваши узрятъ землю издадалеча“. Волшебница плоть моя явила мнѣ моего Самуила. Сего единого люблю, таю, ищезаю и преображаюся. Въ протчемъ отъ египетскаго взглянемъ на еврейскія Наркиссы. Вотъ первый насъ встрѣчаетъ! „Ревнующа поревновахъ по Господѣ Бозѣ“... Вотъ второй! „Душа моя изыде во слово твое“, то есть, преобразуется. Вотъ еще тебѣ Наркиссы! „Се вся оставихомъ и во слѣдъ тебѣ идохомъ“. А Давидъ не истинный ли есть Наркиссъ? „Ищезе сердце мое и плоть моя“¹⁸⁷). „Ищезоша очи мои во спасеніе твое“¹⁸⁸). „Когда прійду и явлюся

181) См. „Псалтирь“, пс. 35, ст. 10.

182) См. „Первую книгу Моисея, — Бытіе“, гл. 1, ст. 3.

183) См. „Книгу Иисуса Навина“, гл. 10, ст. 12 и 13.

184) См. „Евангеліе“ Іоанна, гл. 7, ст. 37.

185) См. „Послание къ евреямъ“, гл. 1, ст. 3.

186) См. „Второе послание Петра“, гл. 3, ст. 5.

187) См. „Псалтирь“, пс. 72, ст. 26.

188) См. „Псалтирь“, пс. 118, ст. 123.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

лицу твоему?“¹⁸⁹⁾ А се не точный ли Наркіссъ? „Мыръ мнѣ сраспаяся, и азъ мыру“. „Не живу азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ“¹⁹⁰⁾. „Дондеже преобразить тѣло смиренія нашего“¹⁹¹⁾... „Желаю разрѣшиться“. „Мнѣ бо жити—Христосъ, а умрѣти—приобрѣтеніе“¹⁹²⁾. Какъ во источникѣ лице человѣчее, такъ во Исаиныхъ словахъ будто дуга во облакѣхъ, виденъ сихъ Наркіссовъ амуръ. „Будеть Богъ твой съ тобою присно, и насытишися, яко же желаетъ душа твоя и кости твоя утучнѣють и будутъ яко вертоградъ напоенный, и яко источникъ; емуже не оскудѣ вода и кости твоя прозябнуть, яко трава, и разбогѣють и наслѣдятъ роды родовъ, и созиждутся пустыни твоя вѣчными и будутъ основанія твоя вѣчная родамъ родовъ, и прозовешися здатель оградъ, и стезя твоя посреде тебе упокоиши“¹⁹³⁾.

Разговоръ о томъ: знай себе,

Лица: Лука, его Другъ и Сосѣдъ.

Лука. Вчера обѣдали мы оба у моего брата, я и сосѣдъ мой—нарочно для воскреснаго дня, чтобъ поговорить о чемъ либо изъ Божіею слова. Столъ былъ въ саду. Случай къ разговору подали слова, написанны въ бесѣдкѣ, слѣдующи: „Той сотретъ твою главу; ты же блюсти будеши его пяту“¹⁹⁴⁾. Случилися при обѣдѣ два ученые: Наваль и Сомнасъ. Они много тѣ слова толочили, по прошенію брата моего. Я не поколѣбимо вѣрю, что священное писаніе есть райская пища и врачевство моихъ мыслей. Для того окаевалъ самъ себе за то, что не могъ никакого вкуса чувствовать въ тѣхъ сладчайшихъ словахъ.

Другъ. Какъ же называешь сладчайшими словами, не чувствуя въ нихъ вкуса?

Лука. Такъ какъ той, кто издали смотритъ на райскіи цвѣты, не слышитъ ихъ духа, а только вѣрить, что дивнымъ какимъ-то дышуть благовоніемъ.

Другъ. Слушай, брате. Хотя бы они подъ самый нашъ носъ дышали, нельзя намъ вкуса чувствовать.

Лука. Для чего? Развѣ у насъ головы и ноздрей нѣтъ?

Другъ. Главы и ноздрей? Знай, что мы цѣлаго человѣка лишены и должны сказать: „Господи человекъ не имамъ...“¹⁹⁵⁾.

189) См. „Псалтирь“, пс. 41, ст. 3.

190) См. „Посланіе къ галатамъ“, гл. 2, ст. 20.

191) См. „Посланіе къ филипійцамъ“, гл. 3, ст. 21.

192) См. „Посланіе къ филипійцамъ“, гл. 1, ст. 21.

193) См. „Книгу пророка Исаи“, гл. 58, ст. 11 и 12.

194) См. „Первую книгу Моисея Бытіе“, гл. 3, ст. 15.

195) См. „Евангеліе“ Іоанна, гл. 5, ст. 7.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Лука. Развѣ же не имѣемъ и не видимъ у насъ людей?

Др. (угъ). Что же пользы: имѣть и не разумѣть? Вкушать и вкуса не слышать?... А если хотишь знать, то знай, что такъ видимъ людей, какъ если бы кто показывалъ тебѣ одну человѣческую ногу или пята, закрывъ прочее тѣло и голову; безъ оной же никакъ узнать человѣка не возможно. Ты и самъ себе видишь, но не разумѣешь и не понимаешь самъ себе. А не разумѣть себе самого, слово въ слово, одно и то же есть, какъ и потерять себе самага. Если въ твоёмъ домѣ сокровище зарыто, а ты про то не знаешь, слово въ слово, какъ бы его не бывало. И такъ, познать себѣ самага и сыскать себѣ самага, и найти человѣка все сіе одно значить. Но ты себе не знаешь и человѣка не имѣешь, въ которомъ находятся очи, и ноздри, слухъ и прочая чувства; какъ же можешь твоего друга разумѣть и вѣдать, если самъ себе не разумѣешь и не имѣешь? Слушай, что говоритъ истинный человѣкъ тому, кто хочетъ его снискать и увѣдать? „Аще не увѣси самую тебе, о добрая въ женахъ, изыйди въ пятахъ паствъ и паси козлица твоя у кущей пастырскихъ“.

Лука. Какъ же? Видѣ вижу руки, ноги и все мое тѣло.

Другъ. Ничего не видишь и вовсе не знаешь о себѣ.

Лу. (ка). Жестокъ твой сей замыслъ и очень шиповать. Не можно мнѣ его никакъ проглотить.

Др. (угъ). Я видѣ тебѣ говорилъ, что не можешь вкуса слышать.

Л. (ука). Такъ что же вижу въ себѣ? Скажи пожалуй!

Д. (ругъ). Видишь въ себѣ то, что ничто—и ничего не видишь.

Лу. (ка). Замучилъ ты мене. Какъ же не вижу въ себѣ ничего?

Д. (ругъ)¹⁹⁶). Видишь въ себѣ одну землю. Но симъ самымъ ничего не видишь, потому что земля и ничто одно и то же. Иное видѣтъ тѣнь дуба, а иное—самое дерево точное. Видишь тѣнь свою, просто сказать, пустошь свою и ничто. А самага тебе отрода ты не видывалъ.

Лука. Боже мой! Откуда такія странныя мысли?... Ты наговоришь, что у мене ни ушей, ни очей нѣтъ.

Другъ. И да я уже давно сказалъ, что тебе всего нѣтъ.

Лука. Какъ-же? Развѣ очи мои не очи? и уши не уши?

Другъ. Спрошу жъ и я тебе. Скажи: пята твоя и тѣло твое—все ли то одно?

Лука. Пята моя есть послѣдняя часть въ тѣлѣ, а голова начал о

Другъ. Такъ я жъ тебѣ твоимже отвѣтомъ отвѣщаю, что сіе твое око есть пята или хвостъ въ твоёмъ окѣ.

Лука. А самое жъ точное око, главное и начальное око, гдѣ?

¹⁹⁶) Далѣе мы не отмѣчаемъ скобками ( ) сокращенія именъ дѣйствующихъ лицъ, находящіяся въ рукописяхъ. Сокращенія вездѣ одни и тѣ же. Для удобства чтенія, мы печатаемъ всѣ эти имена полностью. *Прим. ред.*

Другъ. Я видь говорилъ, что хвостъ только свой видишь, а головы не знаешь. Такъ можно ли узнать челоуѣка изъ одной его пяты? А какъ ока твоего не видишь кромѣ послѣднiя его части, такъ ни уха, ни твоего языка, ни рукъ, ни ногъ твоихъ никогда ты не видалъ, ни всѣхъ твоихъ протчiихъ частей, дѣлаго твоего тѣла, кромѣ послѣднiя его части, называемыя пята, хвостъ или тѣнь... Такъ, можешь ли сказать, что ты себе узналъ? Ты самъ себе потерялъ. Нѣтъ у тебе ни ушей, ни ноздрей, ни очей, ни всего тебе, кромѣ одной твоей тѣни.

Лука. Для чего жь мене тѣню называешь?

Другъ. Для того что ты существа твоего потерялъ и сту, а во всемъ твоёмъ тѣлѣ наблюдаешь пятау или хвостъ, минуя твою точность и потерялъ главность.

Лука. Да почему же мои члены хвостомъ зовешь?

Другъ. Потому что хвостъ есть послѣднiя часть; она послѣдуетъ головѣ, а сама собою ничего не начинается.

Лука. Мучишь мене, другъ любезный. Можетъ быть оно и такъ, какъ сказуешь. Но ты, уничтоживъ мои мнѣнiя, своихъ мыслей не даешь.

Другъ. Послушай, душа моя! Я и самъ признаюся, что точно не знаю. А если тебѣ поправлятся мои мысли, такъ поговоримъ откровеннѣе. Ты видь безъ сумнѣнiя знаешь, что называемое нами око, ухо, языкъ, руки, ноги и все наше внѣшнее тѣло само собою ничего не дѣйствуетъ и ни въ чемъ. Но все оно порабощенно мыслямъ нашимъ. Мысль, владычица его, находится въ непрерывномъ волнованiи день и ночь. Она то разсуждаетъ, совѣтуетъ, опредѣленiе дѣлаетъ, понуждаетъ. А крайняя наша плоть, какъ обузданный скотъ или хвостъ, по неволѣ ей послѣдуетъ. Такъ вотъ видишь, что мысль есть главною нашею точкою и среднею ^{197(a)}. А посему-то она часто и сердцемъ называется. И такъ, не внѣшнiя наша плоть, но наша мысль-то главный нашъ челоуѣкъ. Въ ней то мы состоимъ. А она есть нами ¹⁹⁸.

Лука. Вотъ! я сему вѣрю. Я примѣтилъ, что, когда я—(отселѣ стану себе Мыслию называть)—на сторону устремился, тогда безъ мене мое око ничего и самаго въ близости видѣть не можетъ. Что жь оно за-такое око, если видѣть не можетъ? Ты его хорошо назвалъ не окомъ, а тѣню точнаго ока или хвостомъ ^{199(б)}. Благодарствую, что ты

^{197(a)} Mens cujusq(ue), is est quisq(ue). Cicero. Умъ коеюждо той есть кiждо. Цицеронъ. Отсюдо у Тевтоновъ челоуѣкъ нарицается меншъ, сирѣчь, мепъ то есть, мысль, умъ; у Еллиновъ же нарицается мужъ, фос, сирѣчь, свѣтъ, то есть умъ.

¹⁹⁸ Новоизраильтяне говорятъ: „душа—это мысль“

Прим. авт.
Прим. ред.

^{199(б)} Coeci sunt oculi, ubi mens aliud agit. Proverbium. Слѣпы суть очи, буде умъ иное дѣветъ, сирѣчь, аще индѣ устранился. Древнiя притча. Прим. авт.

мнѣ меня найшоль. Слава Богу! Я теперь очи, уши, языкъ, руки, ноги и все имѣю. Потерялъ я старое, а найшоль новое. Прощай, моя тѣнь! Здравствуй вождельнная истина! Ты будь мнѣ обѣтованна земля. Полно мнѣ быть работникомъ. Да я жъ о семъ никогда и не думалъ. Куда! я люблю сіе мнѣніе. Пожалуй! подтверди мнѣ оное. Хочу, чтобъ оно было непоколѣбимо.

Другъ. Пожалуй, не спѣши! Кто скоро прилѣпляется къ новому мнѣнію, тотъ скоро и отпадаетъ. Не будь вѣтренъ. Испытуй опасно всякое слово. Въ то время давай мѣсто ему въ сердцѣ твоёмъ. Я и самъ сіе мнѣніе несказанно люблю. И желаю, чтобъ оно твоимъ на вѣки было, дабы въ насъ сердце и мысль одна была. И сего сладчае быть ничто не можетъ. Но пожалуй же, ражжуй первѣе хорошенько. Потомъ въ радости и въ простотѣ сердца принимай. Будь простъ. Но будь при томъ и бережливъ. Если мое мнѣніе тебѣ нравно, то знай, что оно не мой вымыслъ есть. Взглянь на Іеремію въ гл. 17-й въ стихѣ 9-томъ.

Лука. Боже мой! Самаго точнаго увижу Іеремію, если мысль его увижу. Но пожалуй точныи его слова...

Другъ. Вотъ тебѣ! „Глубоко сердце челоуѣку, паче всѣхъ, и челоуѣкъ есть; и кто познаетъ его?“ Если теперь очи и уши имѣешь, примѣчай! А чувствуешь ли?

Лука. Чувствую, другъ мой. Пророкъ называетъ челоуѣкомъ сердце.

Другъ. А что-жъ кромѣ сего примѣчаешь?

Лука. То, что утаенная мыслей нашихъ бездна и глубокое сердце все одно. Но удивительно! Какъ-то возможно, что челоуѣкомъ есть не внѣшняя или крайняя его плоть, какъ народъ разсуждаетъ, но глубокое сердце или мысль его: она то самымъ точнымъ есть челоуѣкомъ и главою. А внѣшняя его наружность есть ни иное что, какъ тѣнь, пята и хвостъ.

Другъ. Вотъ видишь? Уже начинаешь отпадать. Легко ты съ начала повѣрилъ. Для того стала скоро оскудѣвать вѣра твоя. Что вдругъ зажигается, тое вдругъ и угасаетъ. Но твердое дѣло съ костью укрѣпляется, потому что совѣтъ не бываетъ безъ медленности. Ахъ! земля прилипчива есть. Не вдругъ можно вырвать ногу изъ клейкихъ, плотскихъ мнѣній. Они-то въ насъ вкоренившись, называются повѣрьемъ. Плотскаго нашего житія плотская мысль началомъ и источникомъ есть, по землѣ ползеть, плоти желаетъ, грязную нашу пята наблюдаетъ и бережетъ око сердца нашего, совѣтъ нашъ... Но кто намъ сотреть главу зміи ну? Кто выколетъ вранови ока, вперившеесь въ ночь? Кто намъ уничтожить плоть? Гдѣ Финеесъ, пронзающій блудницу? Гдѣ ты, мечу Іереміинъ, опустошающіи землю?... Но сыскалъ Богъ мудраго противу мудраго, змія на змія, сѣмя противу сѣмени, землю вмѣсто земли. Рай вмѣсто ада. Вмѣсто мертваго живое, вмѣсто лжи правду свою... Се! Спаситель твой грядетъ, имѣя со собою воздаяніе.

Лука. Говори пожалуй пояснѣ. Ничего не понимаю.

Другъ. Но кто вкусъ можетъ слышать, не имѣя вѣры? Вѣра, свѣтъ во тмѣ видящая, страхъ Божій, плоть пробуждающій, крѣпка, яко смерть, любовь Божія—вотъ единственная дверь къ райскому вкусу. Можешь ли вѣрить, что чистѣйшій духъ весь пепелъ плоти твоея содержать?

Лука. Вѣрую. Но самъ чувствую слабость вѣры моя... Пособи, если можешь, выдраться изъ грязи невѣрія. Признаюсь, что сіе слово вѣра въ грязныхъ моихъ устахъ мечтается за одинъ только обычай, а вкуса въ ней ничего не слышу.

Другъ. По крайней мѣрѣ, знаешь, куда смотреть вѣра?

Лука. Знаю, что должно вѣровать въ Бога. А въ прочемъ ничего тебѣ не скажу.

Другъ. О бѣдный и бесплодный человѣче! Знай же, что вѣра смотреть на то, чего пустое твое око видѣть не можетъ.

Лука. Что за пустое такое око?

Другъ. Уже говорено, что всѣ плоть—пустошь.

Лука. И да! я въ цѣлой поднебесной ничего другаго не вижу, кромѣ видимости, или, по твоему сказать, плотности или плоти.

Другъ. Такъ по сему ты невѣрный язычникъ и идолопоклонникъ.

Лука. Какъ же идолопоклонникъ, если вѣрую во единого Бога?

Другъ. Какъ же вѣруешь, если кромѣ видимости ничего не видишь? Видь вѣра пустую видимость презираетъ, а опирается на томъ, что въ пустошѣ, головою, силою есть и основаніемъ и никогда не погибаетъ.

Лука. Такъ посему другаго ока надобно, чтобъ еще повидѣть и невидимость?

Другъ. Скажи лучше такъ, что надобное для тебе истинное око, дабы ты могъ истину въ пустошѣ усмотрѣть. А старое твое око ни куда не годится. Пустое твое око смотреть во всемъ на пустошю. Но если бы ты имѣлъ истиннаго въ себѣ человѣка, могъ бы ты его окомъ во всемъ усмотрѣть истину.

Лука. Какъ же сего человѣка нажить?

Другъ. Если его узнаешь, то и достанешь его.

Лука. А гдѣ жъ онъ?... Но прежде отвѣщай: для чего ты говорилъ о вѣрѣ, а теперъ объ окѣ?

Другъ. Истинное око и вѣра—все одно.

Лука. Какъ такъ?

Другъ. Такъ, что истинный человѣкъ имѣетъ истинное око, которое, понеже минуя видимость, усматриваетъ подъ нею новостъ и на ей опочиваетъ, для того называется вѣрою. А вѣровать и положиться на что, какъ на твердое основаніе, все то одно.

Лука. Если находишь во мнѣ два ока, то и два человѣка.

Другъ. Конечно, такъ.

Лука. Такъ довольно и одного. На что два?

Другъ. Глянь на сіе дерево. Если сего дуба не будетъ, можетъ ли стоять тѣнь?

Лука. Я видь не тѣнь. Я твердой корпусъ имѣю.

Другъ. Ты-то тѣнь, тма и тлѣнь! Ты соніе истиннаго твоего человѣка. Ты риза, а онъ тѣло. Ты привидѣніе, а онъ въ тебѣ истина. Ты-то ничто, а онъ въ тебѣ существо. Ты грязь, а онъ твоя красота, образъ и планъ, не твой образъ и не твоя красота, понеже не отъ тебе, да только въ тебѣ и тебе содержитъ. О прахъ и ничто! А ты его по тѣхъ мѣстъ не узнаешь, поколь не признаешься со Авраамомъ въ томъ, что ты земля и пепель. А теперь кушай землю. Люби пяту свою. Ползай по землѣ. О сѣмя зміно и тѣнь безытная! Прійдетъ богообѣщанный тотъ день, въ которой благословенное чистыя души слово лукавый совѣтъ твой уничтожить сей. „Той со третъ твою главу“.

Разговоръ 2-й о томъ же: знай себе.

Лица: Клеопа, Лука и Другъ.

Клеопа. Правду говоришь... Однако панъ Сомнасъ сколько-ни-веле рѣчивъ, я въ немъ вкуса не слышу. Пойдемъ опять къ нашему Другу. Слова его едкіи, но не знаю, какъ-то пріятны.

Лука. А вотъ онъ и самъ къ намъ...

Другъ. Тѣнь мертвая! Здравствуйте!

Лука. Здравствуй, Мысль! Духъ! Сердце! Видь се твой человѣкъ? Пересказали мы твои мысли нашимъ книгочимъ. Они говорили, что долженъ ты свое мнѣніе въ натурѣ показать.

Другъ. Что се значить—въ натурѣ показать?

Лука. Я сего не знаю.

Клеопа. Какъ сего не знать? Должно показать, что не только въ одномъ человѣкѣ, но и въ прочіихъ тваряхъ невидимость первенствуетъ.

Лука. Такъ точно. Затѣмъ хотѣли къ тебѣ ити.

Другъ. А вы доселѣ сего не знаете?

Лука. Конечно, долженъ ты доказать.

Другъ. Вѣрите ли, что есть Богъ?

Лука. Его невидима сила вся исполняетъ и всѣмъ владѣетъ.

Другъ. Такъ чегожь ты еще требуешь? Ты уже самъ доказалъ.

Лука. Какъ доказалъ?

Другъ. Когда говоришь, что невидима сила все исполняетъ и

вѣсьмъ владѣть, такъ не все-ли одно сказать, что невидимость въ тваряхъ первенствуетъ? Ты уже самъ назвалъ невидимость головою, а видимость хвостомъ во всей вселенной.

Лука. Такъ возьми-что изъ всея вселенныя въ примѣръ для изъясненія.

Другъ. Я тебѣ всю подсолнечную и вси Коперниковы мыры представляю. Возми изъ нихъ, что хочъ. А что говорите, показать въ натурѣ, то должно было сказать: изъясни намъ притчами или примѣрами и подобіями то, что человекъ состоитъ не во внѣшней своей плоти и крови, но мысль и сердце его—то истинный человекъ есть. Взглянь на стѣну сію. Что на ней видишь?

Лука. Вижу написаннаго человека. Онъ стоитъ на змѣй, раздавивъ ногою голову змѣину.

Другъ. Видь живопись видишь?

[Лука] ²⁰⁰). Вижу.

Другъ. Скажи-жь, что такое живописью считаешь? Краски ли, или закрытый въ краскѣ рисунокъ?

Лука. Краска не иное что какъ порошокъ и пустоша; рисунокъ или пропорція и расположеніе красокъ—то сила. А если ея нѣтъ, въ то время краска грязь и пустошь одна.

Другъ. Что жъ еще при сей живописи видишь?

Лука. Вижу приписанныи изъ Библии слова. Слушайте! Стану ихъ читать: „Мудраго очи его—во главѣ его. Очи же безумныхъ—на концахъ земли“ ²⁰¹).

Другъ. Ну! Если кто краску на словахъ видитъ, а письменъ прочесть не можетъ, какъ тебѣ кажется? Видитъ ли такіи письмена?

Лука. Онъ видитъ плотнымъ окомъ одну послѣднюю пустошу или краску въ словахъ, а самыхъ въ письмѣ фигуръ не разумѣтъ, одну пятю видитъ, не главу.

Другъ. Право судилъ еси. Такъ посему, если видишь на старой въ Ахтыркѣ церквѣ кирпичъ и ванну ²⁰²), а плана ея не понимаешь; какъ думаешь—усмотрѣлъ ли и узналъ ея?

Лука. Никакъ! Такимъ образомъ, одну только крайнюю и послѣднюю наружность вижу въ ней, которую и скоть видитъ, а сим-

²⁰⁰) Слова „Лука“ передъ словомъ „вижу“ въ рукописи нѣтъ, но передъ словомъ „скажижь“ стоитъ „Другъ“, такъ что ясно, что здѣсь описка и по смыслу передъ словомъ „вижу“ должно стоять „Лука“, иначе въ этомъ мѣстѣ не получается діалога.

Прим. ред.

²⁰¹) См. „Книгу Екклесіаста или проповѣдника“, гл. 2, ст. 14.

Прим. ред.

²⁰²) По списку Д. И. Багалѣя было напечатано „ванну“, вмѣсто „ванну“—„известь“, „штукатурку“.

Прим. ред.

метріи ея или пропорціи и размѣра, который всему связь и голова матеріалу, понеже въ ней не разумѣю; для того и ея не вижу, не видя ея головы.

Другъ. Добрый твой судъ. Скинь же теперъ на щеты всю сумму.

Лука. Какъ?

Другъ. А вотъ такъ! Что въ краскахъ рисунокъ, тоже самое есть фигурою въ письменахъ, а въ строеніи плавомъ. Но чувствуешь ли, что вси сіи головы, какъ рисунокъ, такъ фигура и планъ, и симметрія и размѣръ не иное что есть какъ мысли?

Лука. Кажется, что такъ.

Другъ. Такъ для чего же не постигаешь, что и въ прочіихъ тваряхъ невидимость первенствуетъ не только въ человѣкѣ? Тожь разумѣть можно о травахъ и деревьяхъ и о всемъ прочемъ. Духъ все-на-все выльѣпливаетъ. Духъ и содержитъ. Но наше око пяту блюдетъ и на послѣдній наружности находится, минуя силу, начало и голову. И такъ, хотя бы мы одно безъ души тѣло были, то и въ самое то время еще не довольно самихъ себе понимаемъ.

Лука. Для чего?

Другъ. Для того, что, почитая въ тѣлѣ нашемъ наружный прахъ, не поднимаемся мыслию во планъ, содержащій слабую сію персть. И никогда вкуса не чувствуемъ въ словахъ сихъ Божіихъ, ползущее по землѣ наше понятіе къ познанію истиннаго нашего тѣла возвышающихъ, а именно: „Не бойся, Іакове! Се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя“... Но поступимъ по-вышше.

Клеопа. Мы вышше поступать еще не хотимъ, а сумнѣіе имѣемъ. И желаемъ хорошенько узнать то, что называешь истиннымъ тѣломъ. Намъ дивно, что...

Другъ. Что такое дивно? Не Богъ ли все содержитъ? Не самъ ли глава и все во всемъ? Не Онъ ли истинною въ пустошѣ истиннымъ и главнымъ основаніемъ въ ничтожномъ прахѣ нашемъ? И какъ сумнился о точномъ, вѣчномъ и новомъ тѣлѣ? Не думаешь ли сыскать, что ни-есть такое, въ чемъ бы Богъ не правительствовалъ за голову и вмѣсто начала? Но можетъ ли что бытіе свое кромѣ его имѣть? Не онъ ли бытіемъ всему? Онъ въ деревѣ истиннымъ деревомъ, въ травѣ травою, въ музыкѣ музыкою, въ домѣ домомъ, въ тѣлѣ нашемъ перстномъ новымъ есть тѣломъ и точностію или главою его. Онъ всячиною есть во всемъ, потому что истина есть Господня; Господь же Духъ и Богъ—все одно есть. Онъ единъ, дивное во всемъ и новое во всемъ дѣлаетъ самъ собою, и истина его во всемъ во вѣки пребываетъ, протчая же вся крайняя наружность не иное что, токмо тѣнь его и пята его и подножіе его и обветшающая риза... Но „мудраго очи его во главѣ его; очи же безумныхъ—на концахъ земли“²⁰³).

²⁰³) См. „Книгу Екклесіаста или проповѣдника“, гл. 2, ст. 14. *Прим. ред.*

Разговоръ 3-й о томъ же: знай себе.

Лица: Клеопа, Филонъ, Другъ.

Клеопа. Ахъ! Перестань пожалуй. Не сумнѣвайся. Онъ чело-
вѣкъ добрый и ничією не гнушается дружбою. Мнѣ твое доброе
сердце извѣстное, а онъ ничего кромѣ сего не ищетъ.

Филонъ. Я знаю многихъ ученыхъ. Они горды. Не хотятъ и
говорить съ поселяниномъ.

Клеопа. Пожалуй-же повѣрь.

Другъ. О чемъ у васъ споръ?

Клеопа. Ба! а мы нарочно къ тебѣ... Вотъ мой товарищъ. По-
жалуй не погнѣвайся.

Другъ. За что? „Человѣкъ зрить на лице, а Богъ зрить на
сердце“²⁰⁴). А Лука гдѣ?

Клеопа. Не можетъ понять твоихъ рѣчей. Онъ прилѣпился къ
Сомнасу при вчерашнемъ разговорѣ, а намъ твои новинки милы.

Другъ. О чемъ была рѣчь?

Клеопа. Помнишь ли, Филонъ?

Филонъ. Помню. Была рѣчь о безднѣ.

Клеопа. А! а! вотъ слова: „и тма верху бездны“²⁰⁵).

Филонъ. Потомъ споръ былъ о какихъ-то старыхъ и новыхъ
мѣхахъ и о винѣ.

Клеопа. Одинъ спорилъ, что бездною называется небо, на ко-
торомъ плаваютъ планеты, а господинъ Навальъ кричалъ, что точная
бездна есть окіанъ великій; иный клялся, что черезъ то значится
жена; иный толковалъ ученіе и проч., и проч.

Другъ. Если хотимъ измѣрить небо, землю и моря, должны во-
первыхъ измѣрить самихъ себе съ Павломъ собственной напею мѣрою.
А если наша, внутри насъ, мѣры не сыщемъ, то чемъ измѣрить
можемъ? А не измѣривъ себѣ прежде, что пользы знать мѣру въ про-
чихъ тваряхъ? Да и можно ли? Можетъ ли слѣпъ въ домѣ своемъ
быть прозорливымъ на рынкѣ? Можетъ ли сыскать мѣру, не уразумѣвъ,
что ли-то есть мѣра? Можетъ ли мѣрить, не видя земли? Можетъ ли
видѣть, не видя головы ея? Можетъ ли усмотрѣть голову и силу ея,
не сыскавъ и не уразумѣвъ своя въ самомъ себѣ? Голова головою и
сила понимается силою.

Клеопа. Не можно ли поговорить простѣе?

Другъ. Измѣрить и узнать мѣру есть одно. Если бы ты долготу
и широту церкви измѣрилъ сажнемъ или веревкою, какъ тебѣ кажется?
Узналъ ли ты мѣру ея?

²⁰⁴) См. „Первую книгу царствъ“, гл. 16, ст. 7.

Прим. ред.

²⁰⁵) См. „Первую книгу Моисееву—Бытіе“, гл. 1, ст. 2. *Прим. ред.*

Клеопа. Не думаю. Я бы узналъ одно только пространство матеріаловъ ея; а точную ея мѣру, содержащую матеріалы, въ то время узнаю, когда понимаю планъ ея.

Другъ. Такъ посему хотя бы всѣ Коперниканскіи мыры пере-мѣрилъ, не узнавъ плана ихъ, который всю внѣшность содержитъ, то бы ничего изъ того не было.

Клеопа. Думаю, что какъ внѣшность есть пуста, такъ и мѣра ея.

Другъ. Но кто можетъ узнать планъ въ земныхъ и небесныхъ пространствъ матеріалахъ, прилѣпившихся къ вѣчной своей симметріи, если его прежде не могъ усмотрѣть, въ ничтожной плоти своей? Символомъ все-на-все создано или слѣпленно. И ничто держаться не можетъ безъ него. Онъ всему матеріалу цепь и веревка. Онъ-то есть рука десная, перстъ, содержащій всю персть и пядь Божія, всю тлѣнь измѣрившая и самый ничтожный нашъ составъ; Слово Божіе, совѣты и мысли его—сей есть планъ, по всему матеріалу во все-вселенной не чувствительно простершіяся, все содержащій и исполняющій. Сія есть глубина богатства и премудрости его. И что можетъ обширнѣе разлиться, какъ мысли? О сердце! Бездно всѣхъ водъ и небесъ ширшая!... Коль ты глубока! Все объемлешь и содержишь, а тебе ничто не вмѣщаетъ.

Клеопа. Правду сказать, помню слово Іереміино сіе: „глубоко сердце челоуѣку паче всѣхъ и челоуѣкъ есть...“

Другъ. Вотъ сей же то челоуѣкъ содержитъ все! Онъ-то утверждаетъ плотскія твои руки и ноги. Онъ голова и сила очей твоихъ и ушей. А если ему вѣрить можешь „не отемнѣютъ очи твои и не истлѣютъ уста твоя во вѣки вѣковъ.“

Клеопа. Вѣрую и понуждаю сердце мое въ послушаніе вѣры. Но не можно ли хотя маленько мене подкрѣпить? Прошу не гнѣваться. Чемъ вышше въ понятіе невидимости взыйду, тѣмъ крѣпша будетъ вѣра моя.

Другъ. Праведно требуешь, дядого, что Богъ отъ насъ ни молитовъ ни жертвъ принять не можетъ, если мы его не узнали. Люби Его и приближайся къ Нему всегда, сердцемъ и познаніемъ приближайся, не внѣшними ногами и устнами. Сердце твое есть голова внѣшностей твоихъ. А когда голова, то самъ ты еси твое сердце. Но, если не приблизишься и не сопряжешься съ тѣмъ, кой есть твоей головѣ головою, то останешься мертвою тѣнью и трупомъ. Если есть тѣло надъ тѣломъ, тогда есть и голова надъ головою и вышше стараго новое сердце. Ахъ! не стыдно ли намъ, и не жалко ли, что Богъ суда себѣ отъ насъ просить, да и не получаетъ.

Клеопа. Возможно ли? Какъ такъ?

Другъ. Соперники его—идолы и кумиры. Сихъ то, сидя на судѣ, оправдаемъ.

Клеопа. Ужасная обида! и ея не понимаю.

Другъ. Не понимаешь? Вотъ самъ сей-же часъ будешь судією противу Его.

Клеопа. Боюсь. Но пожалуй, подкрѣпи мнѣ мое невѣріе о безсмертномъ тѣлѣ. Люби мнѣ твои слова сіи: „не отемнѣють очи твои...“

Другъ. Ну! скажи мнѣ. Если бы твое вѣшнее тѣло или скотское чрезъ 1000-шу лѣтъ невредимо было, любилъ ли бы ты плоть свою?

Клеопа. Сему статься нельзя. А если бы можно, нельзя не любить.

Другъ. Знай же, что ты себе самага ни мало еще не узналъ.

Клеопа. По крайней мѣрѣ знаю, что тѣло мое на вѣчномъ планѣ основанно. И вѣрую симъ обѣщаніямъ Божиимъ: „се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя...“

Другъ. Если бы ты въ строеніи коего-то дома планъ узналъ и силу стѣнъ его, довольно ли то къ познанію совершенному онаго дома?

Клеопа. Не думаю. Надобно, кажется, еще знать и то, для которыхъ совѣтовъ или дѣлъ тотъ домъ построенъ—бѣсамъ ли въ немъ жертву приносить или невидимому Богу, разбойническое ли жилище, или ангельское селеніе?

Другъ. И мнѣ кажется, что не довольно понимаешь, напримѣръ, сосудъ глиняный, если разумѣешь одну его фигуру, на грази изображенную, а не знаешь, чистымъ ли или нечистымъ наполненъ ли керомъ или питіемъ?

Клеопа. Теперь понимаю, что тѣло мое есть точно то, что стѣны храма или то, что въ сосудѣ черепъ. А сердце и мысли мои то, что во храмѣ жертвоприношеніе или то, что въ сосудѣ вода. И какъ стѣны суть дешевлѣе жертвъ потому, что они для жертвъ, не жертвы для стѣнъ и черепъ для воды, не вода для сосуда, такъ и душа моя, мысли и сердце есть лучшее моего тѣла.

Другъ. Но скажи мнѣ. Если бы тѣи стѣны прекрасныи развалилися, погибли ли бы они? Проналъ ли бы тотъ сосудъ, если бъ его черепъ фигурный расшибся?

Клеопа. Тфу! Сіе и младенецъ разумѣтъ. Конечно онъ не цѣлый, если...

Другъ. Не радуйся жъ, мой Израилю, и не веселися. Заблудилъ ты отъ Господа Бога твоего. Не слыхалъ ли ты отъ пророковъ никогда, что Богъ судъ имѣеть со соперникомъ своимъ землею?

Клеопа. Да кто можетъ Его судить?

Другъ. Уже ты далъ судъ твой на Него, уничтоживъ стору Его.

Клеопа. Климъ образомъ?

Другъ. Кто неправеднаго оправдалъ, безъ сумнѣнія обидилъ невиннаго. А оправдать обоихъ никакъ нельзя. Таковъ-то судія былъ, каковъ ты,—Ефремъ, котораго нѣкто изъ пророковъ называетъ голубомъ безумнымъ, лишеннымъ сердца. Да и не дивно, потому что, по сказкѣ тогоже пророка, на подобіе печи, огнемъ раженныя, толь вси судіи страстью къ видимости разгорѣлись, что вси наставники съ землею сляглись и не было ниоднаго, которій бы былъ пріятель Богу.

Клеопа. Умилосердись. Скажи, кой я судъ произнесъ противу Бога?

Другъ. Такъ! Ты, влюблясь въ землю, отдалъ ей судомъ твоимъ то, что единственно къ Богу принадлежитъ.

Клеопа. Не понимаю.

Другъ. Слушай! Голубъ темноокій! Не Божія ли есть сила? И не Господня ли крѣпость?

Клеопа. Да кто-жь о семъ спорить?

Другъ. Какъ же ты дерзнулъ сказать, что при разбитіи черепа сосудъ пропалъ? Смѣешь ли сосудъ утвердить на прахѣ, а не въ Богѣ? Кая твердость быть можетъ въ томъ, что всеминутно подвержено развалинамъ и перемѣнамъ? Не Божій ли, невидимый перстъ, содержитъ въ стѣнахъ прахъ? Не онъ ли голова въ стѣнахъ? Не стѣна ли вѣчна, если главное начало ея вѣчное? Какъ же ты по-смѣлъ, уничтоживъ голову, возвеличить хвостъ, присудивъ тлѣнію безвредность, праху твердость, кумиру божество, тмѣ свѣтъ, смерти животь? Вотъ нечестивый на Бога судъ и совѣтъ! Вотъ лукавое лукаваго змія око, любящее пята, а не главу Христа Іисуса. „Иже есть всяческая во всемъ...“ Не ты ли сказалъ, что нельзя не любить тлѣннаго тѣла, если бъ оно чрезъ 1000-шу лѣтъ невреждено было? И какъ можешь сказать, что ты, по крайней мѣрѣ, узналъ твое тѣло? Да и къ чему хвалишься Б(о)жими сими милостивыми словами? „Се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя и предо мною еси присно“. Можетъ ли тлѣнь стоять всегда, то есть вѣчно? Можетъ ли недостойное честнымъ быть? а тма свѣтомъ? и зло добромъ? Не все ли одно увѣряться праху ногъ твоихъ и положиться на серебряннаго кумира? Все то идолъ, что видимое. Все то безчестное, что тлѣнное. Все то тма и смерть, что преходящее... Смотри на земляность плоти твоея. Вѣришь ли, что въ семъ твоємъ прахѣ зарыто сокровище? то есть таясь въ немъ, невидимость и перстъ Божій, прахъ твой сей и всю твою персть сію содержащій?

Клеопа. Вѣрую.

Другъ. Вѣруешь ли, что Онъ есть голова и первоначальное основаніе и вѣчный планъ твоей плоти?

Клеопа. Вѣрую.

Другъ. Ахъ! Когда бы ты вѣрилъ, никогда бы ты не говорилъ,

что тѣло твое пропадаетъ при разсыпаніи праха твоего. Видишь одно скотское въ тебѣ тѣло. Не видишь тѣла духовнаго. Не имѣешь жезла и духа къ двойному раздѣленію. Не чувствуешь вкуса въ тѣхъ Божіихъ словахъ: „аще изведеша честное отъ недостойнаго, яко уста моя будеша.“

Клеопа. Не понятно мнѣ то, какимъ образомъ присудилъ я кумиру божество, а животь тому, что мертвое. Слыхалъ я, что погибшій есть тотъ, кто называетъ свѣтъ тмою, а горкое сладкимъ.

Другъ. Не удивляйся, душа моя! Всѣ мы любопрахи. Кто только влюбился во видимость плоти своея, не можетъ не гоняться за видимостью во всемъ небесномъ и земномъ пространствѣ. Но для чего онъ ея любить? Не длятого ли, что усматриваетъ въ ней свѣтлость и пріятность, жизнь, красу и силу?

Клеопа. Конечно для того.

Другъ. Такъ не все жъ ли одно: почитать идола за живое и присудить ему жизнь, а ему умрѣти должно? Мнѣ кажется тоже: почитать горкое сладкимъ и дать судъ въ томъ, что медовая сладость принадлежитъ къ желчи. Но можно ли желчи сладость присудить безъ обиды меду? Вотъ какимъ образомъ всѣ собираемся на Господа и на Христа Его! Онъ кричать: моя крѣпость и сила! Во мнѣ путь; истина и животь! А мы судимъ, что все сіе принадлежитъ къ внѣшней плоти и къ плотской внѣшности. И сей судъ нашъ несум(н)ѣнно подтверждаемъ таковымъ же житіемъ нашимъ предъ людьми.

Клеопа. Вижу теперь вину свою. И ужасно удивляюся, что-за-тма наши очи покрыла? Столько пророки вопіють: „Духъ, Духъ! Богъ Богъ!“ Всяка внѣшность есть трава, тѣнь, ничто; а мы ропщемъ, тужимъ, когда плоть наша увядаетъ, слабѣетъ и прахъ переходитъ къ праху. Можно ли сыскать упрямѣйшую и жестоковѣйшую несчастливость?

Другъ. Сему и я часто дѣвлюся. Теперь, думаю, понимаешь что-то за-судъ, котораго отъ насъ толь ревностно и единственно требуетъ Богъ чрезъ пророковъ? И какъ можемъ дать добрый судъ меньшимъ нашимъ братіямъ, обидивъ первороднаго брата, Христа Иисуса? Онъ первый сирота, что всѣ его оставили. Онъ первый нищій, что все отъ него отняли. Всѣ за тмою, о ставивъ свѣтъ, пошли, побѣжали.

Клеопа. Но откуда въ насъ проклятсе сіе сѣмя рождается? Если земля проклята, тогда и любовь къ ней.

Другъ. Хорошо мысли называешь сѣмямъ. Семя есть началомъ плодовъ. А совѣтъ въ сердцѣ—голова нашихъ дѣлъ. Но понеже сердце наше есть точнымъ человекомъ, то и видно, кого премудрость Божія называетъ сѣмямъ и чадами змінными. Сіи люде любятъ землю, а

она есть пята и подножіе Божіе и тѣнь. По сей-то причинѣ ничемъ они не сыты. Блаженъ, если въ чѣмъ сердцѣ проклята сія голова раздавлена. Она-то насъ выводитъ въ горести, а намъ во мнимыя сладости. Но откуда сей змій въ сердцѣ зарождается? Ты ли спрашуешь?

Клеопа. Хочу знать.

Другъ. Откуда злое сѣмя на грядкахъ огородныхъ? Полно вездѣ всякихъ совѣтовъ. Не убережешься, чтобы не родилось. Но что дѣлать? Сыне! Храни сердце твое! Стань на стражѣ со Аввакумомъ. Знай себе. Смотри себе. Будь въ домѣ твоёмъ. Бережи себе. Слышь! Береги сердце.

Клеопа. Да какъ себе беречь?

Другъ. Такъ какъ ниву. Выпѣнный или искоренный и вырванный всякій совѣтъ лукавый, все злое сѣмя змино.

Клеопа. Что есть совѣтъ лукавый и сѣмя змино?

Другъ. Любить и оправдать во всякомъ дѣлѣ пустую вѣщность или пату.

Клеопа. Скажи простѣе.

Другъ. Не вѣрь, что рука твоя согнѣтъ, а вѣрь, что она вѣчна въ Бозѣ. Одна тѣнь ея гибнетъ, не истинная рука; истинная же рука и истина есть вѣчна, потому что невидима, а невидима потому, что вѣчна.

Клеопа. Сіи мысли чудныя.

Другъ. Конечно новыя. Если же содержаніе твоя руки прису-дишь плотской тѣни, а не Божіей невидимости, тогда будешь старымъ мѣхомъ, надутымъ бездною мыслей непросвѣщенныхъ потоль, поколь можешь сказать: „Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ“...²⁰⁶). А сіе здѣлается при сотвореніи новаго неба и земли. „Се азъ новая творю!“²⁰⁷). Глаголетъ Господь Исаіа.

Разговоръ 4-й о томъ же: знай себе.

Лица: Луна, Клеопа, Филонъ, Другъ.

Лука. По сему весьма не малое дѣло узнать себе.

Другъ. Одинъ трудъ въ обоихъ сихъ—познать себе и уразумѣть Бога, познать и уразумѣть точнаго человѣка. Весь трудъ и обманъ отъ Его тѣни, на которой всѣ останавливаемся. А видъ истинный человѣкъ и Богъ есть тожде. И никогда еще не бывала ви-

²⁰⁶) См. „Второе посланіе къ Коринѣянамъ“, гл. 4, ст. 6. *Прим. ред.*

²⁰⁷) См. „Книга пророка Исаіа“, гл. 43, ст. 19.

Прим. ред.

димостью истинною, а истина видимостью. Но всегда во всемъ тайная есть и невидима истина, потому что она есть Господня. А Господь и Духъ, плоти и костей неимущій, и Богъ—все то одно. Видь ты слышалъ рѣчи истиннаго человѣка. Если (де) не узнаешь себе, о, добрая жено, тогда паси козлы твои возлѣ шалашей пастушескихъ. Я (де) тебѣ не мужъ, не пастырь и не господинъ. Не видишь мене потому, что себе не знаешь. Пойди изъ моихъ очей и не являйся! Да и не можешь быть предо мною, поколь хорошо себе не уразумѣешь. Кто себе знаетъ, тотъ одинъ можетъ запѣть: „Господь пасть мя...“

Клеопа. А мы изъ послѣдняго разговора имѣемъ нѣкоторые сумнѣнія?

Другъ. Когда рѣчь идетъ о важномъ дѣлѣ, то и не дивно. Но что-за-сумнѣнія.

Клеопа. Первое. Ты говорилъ, что человѣкъ, влюбившійся въ видимую плоть, для того вездѣ гонится за видимостью, понеже усматриваетъ въ ней свѣтлость и пріятность, жизнь, красу и силу.

Другъ. А вы какъ думаете?

Клеопа. Намъ кажется для того, что не можетъ вѣрить о пребываніи невидимости и думаетъ, что одно только то бытіе свое имѣетъ, что плотяными руками ощунать можетъ и что въ тлѣнныхъ его очахъ мечтается. Въ прочемъ онъ и самъ понять можетъ и совершенно знаетъ, что все то преходитъ, что онъ любитъ. Посему-то онъ и плачетъ, когда оно его оставляетъ, разсуждая, что уже оно со всѣмъ пропало, подобно какъ младенецъ рыдаетъ о разбитомъ орѣхѣ, не понимая, что орѣшная сущая иста состоитъ не въ коркѣ его, но въ зернѣ, подъ коркою сокровенномъ, отъ котораго и самая корка зависитъ.

Другъ. Сія есть самая правда, что былъ бы весьма глупъ землѣдѣль, если бы тужилъ о томъ, что на его нивѣ начало шпеничное стебло въ мѣсяцѣ августѣ сохнутъ и дряхлѣтъ, не разсуждая, что въ маленькомъ закрытомъ зернѣ закрылась и новая солома, весною на ружу выходящая, а вѣчное и истинное свое пребываніе въ зернѣ невидимо закрывшая. Но не все же ли то одно—причитать солому силу ея и существо, а не главѣ ея или зерну и не вѣрить, ниже поминать о пребываніи зерна? Для того-то (на примѣръ) судія присудилъ двоюродному брату власть и силу въ наслѣдіи, понеже увѣренъ, что роднаго наслѣдника въ живыхъ нѣтъ. И сей-то есть той нечестивый судъ, о которомъ въ послѣднемъ разговорѣ шла междь нами рѣчь.

Клеопа. Другое сумнѣніе. Я сказалъ видь такъ: помню слово Іереміино сіе: „глубоко сердце человѣку паче всѣхъ и оно-то истинный человѣкъ есть...“ А ты къ симъ словамъ присовокупилъ слѣдующее: вотъ сей же-то человѣкъ и содержитъ все и прочая.

Другъ. Такъ въ чемъ же сумнишься?

Клеопа. Я безъ сумѣнія понимаю, что всѣ внѣшніи наши члены закрытое существо свое въ сердцѣ имѣютъ, такъ какъ пшеничная солома содержится въ своемъ зернѣ. Она, изсохши и издряхлѣвши, то закрывается при согнитіи въ зернѣ, то опять на ружу въ зелениности выходитъ и не умираетъ, но обновляется и будто перемѣняетъ одѣянія. Но понеже на всѣхъ, безъ изъему, людяхъ видимъ внѣшніи члены, которые свидѣлствуютъ и о зернѣ своемъ, то есть, что всякъ съ нихъ имѣетъ и сердце, которое (какъ пророкъ Божій учитъ) точнымъ есть человѣкомъ и истиннымъ, а сіе есть великое дѣло, такъ что се будетъ? Всѣмъ ли быть истиннымъ человѣкомъ? И каля разнь межъ добрымъ мужемъ и злымъ?

Другъ. Не такъ! Отведи мысли твои на время отъ человѣка и посмотри на протчую природу. Не всякій орѣхъ и не всякая солома со зерномъ.

Клеопа. Ужасное позорище

Другъ. Не бойся! Знаю. Ты, осмотрясь на людей, ужаснулся. Но видъ видишь, что сіе въ природѣ не новое. Довольно сего водится въ земляныхъ плодахъ и въ древесныхъ. Но нигдѣ больше не бываетъ, какъ въ людяхъ. Весьма тотъ рѣдокъ, кто сохранилъ сердце свое или, какъ обще говорятъ, спаслъ душу свою. А какъ научилъ насъ Іеремія и ему вѣруемъ, что истиннымъ человѣкомъ есть сердце въ чловѣкѣ, глубокое же сердце и одному только Богу познаваемое не иное что есть, какъ мыслей нашихъ неограниченная бездна, просто сказать, душа, то есть истое существо и суцая иста и самая ессенція (какъ говорятъ) и зерно наше и сила, въ которой единственно состоитъ родная жизнь и животь нашъ, а безъ нея мертвая тѣнь есмы, то и видно, коль не сравненная тщета потерять себе самого, хотя бы кто завладѣлъ всѣми Коперниковыми мырами. Но никогда бы сего не было, если бы старались люде уразумѣть, что значить чловѣкъ и быть чловѣкомъ, то есть, если бы самихъ себе узнали.

Клеопа. Ахъ! не могу сего понять, потому что у каждаго свои мысли и неограниченныи стремленія какъ молнія въ безмѣрныи разстоянія раскидаются, ниоднымъ пространствомъ невмѣщаемыи и никѣмъ временемъ не усыпаемыи, одному только Богу извѣстныи...

Другъ. Перестань! Не такъ оно есть. Правда что трудно изъяснить, что злыи люде сердце свое, тоестъ, самихъ себе потеряли. И хотя межъ нами въ первомъ разговорѣ сказано, что, кто себе не узналъ, тотъ тѣмъ самымъ потерялся, однако-жь для лучшія увѣренности вотъ тебѣ голосъ Божій! „Послушайте мене, погублѣнии сердце, суцїи далече отъ правды.“

Клеопа. Ахъ! мы всему вѣруемъ. Но какъ они потеряли? Видь и у нихъ мысли также плодятся и разливаются. Чего они себѣ не

воображаютъ? Чего не обнимаютъ? Цѣлый миръ ихъ вмѣстить не можетъ. Ничто имъ не довлѣетъ. Одно за другимъ пожираютъ, глотаютъ и не насыщаются. Такъ не безднная ли бездна сердце ихъ? Ты сказалъ, что сердце, мысли и душа—все то одно. Какъ же они потерялись?

Другъ. Чего достигнуть не можемъ, не испытуймо. Понудить себе должно и дать мѣсто въ сердцѣ нашемъ помянутому Божію слову. Если его благодать повѣетъ на насъ, тогда все намъ простымъ и прямымъ покажется. Часто мѣлочей не разумѣемъ самыхъ мѣлкихъ. А человекъ есть онъ маленькій мырокъ и такъ трудно силу его узнать, какъ тяжело во всемирной машинѣ и а ч а л о сыскать; затвердѣлое наше нечувствіе и заобыклый вкусъ причиною есть наша бѣдности. Раскладывай предъ слѣпцемъ все, что хочешь и сколько хочешь, но все тое для его пустое. Онъ ощупать можетъ, а безъ прикосновенія ничего ни понимаетъ. Сколько разъ слышимъ о воздухѣ? Сколько разъ слышимъ о водѣ и духѣ? ²⁰⁸). Не по воздухѣ ли опираются птицы? Онъ твердѣе желѣза. Однакъ деревянную стѣну всякъ скорѣе примѣтитъ можетъ. А воздухъ почитаютъ за пустошь. Для чего? Для того, что не столько онъ примѣтенъ. Стѣну скорѣе ощущаешь. Скорѣе различны краски усмотришь. А воздухъ не столько казистъ. Однакъ крѣпшій камня и желѣза. А нуженъ столь, что дхнуть безъ его нельзя. Вотъ, въ самыхъ мѣлочахъ ошибаемся и слабѣйшее вещество за дѣйствительнѣйшее почитаемъ. Почему? Потому что стѣна грубѣе и нашимъ очамъ погуще болванѣетъ, какъ уже сказано, а воздухъ сокровеннѣе и кажется, будто въ немъ ничего силы нѣтъ, хотя корабли гонить и моря движеть, деревья ламлетъ, горы крушить, вездѣ проникаетъ и все свѣдаетъ, самъ цѣль пребывая. Видишь, что не такова природа есть, какъ ты рассуждаешь. Въ ней то силнѣе что непоказнѣе. А когда что-то уже столь закрылося, что никіими чувствами ощупать не можно, въ томъ-же-то самая сила. Но если о воздухѣ почти увѣриться не можемъ и за ничто почитаемъ, будь-то бы его въ природѣ не бывало, хотя онъ шумить, гремитъ, трещить и симъ самымъ даетъ знать о пребываніи своемъ, тогда какъ можемъ почестъ то, что очищено отъ всякія вещественныя грязи, утаенно отъ всѣхъ нашихъ чувствъ, освобожденно отъ всѣхъ шумовъ, тресковъ и перемѣнъ, во вѣчномъ покоѣ и въ покойной вѣчности, блаженно пребываетъ? Спортивъ мы отъ самаго начала око нашего ума, не можемъ никакъ проникнуть до того, что одно достойное есть нашего почтенія и любви во вѣки вѣковъ. Пробудися жъ теперь мыслию твоею! И если подунулъ на твое сердце Духъ Божій, тогда долженъ ты теперь усмотрѣть то, чего ты отъ рожденія не видалъ. Ты видѣлъ по сіе время одну

208) У Д. И. Багалѣя эта послѣдняя фраза пропущена. *Прим. ред.*

только стѣну, болванѣющія виѣшности. Теперь подними очи твои, если они озарены духомъ истины, и взглянь на ее. Ты видѣлъ одну только тьму. Теперь уже видишь свѣтъ. Всего ты теперь по-двое видишь: двѣ воды, двѣ земли. И вся тварь теперь у тебе на двѣ части раздѣлена. Но кто тебѣ раздѣлил? Богъ. Раздѣлил Онъ тебѣ все на двое, что-бъ ты не смѣшивалъ тмы со свѣтомъ, лжи съ правдою. Но понеже ты не видѣлъ кромѣ одной лжи, будто стѣны, закрывающія истину, для того Онъ теперь тебѣ здѣлалъ новое небо, новую землю. Одинъ онъ творить дивную истину. Когда усмотрѣлъ ты новымъ окомъ и истиннымъ Бога, тогда уже ты все въ немъ, какъ во источникѣ, какъ въ зеркалѣ увидѣлъ то, что всегда въ немъ было, а ты никогда не видѣлъ. И, что самое есть древнѣйшее, тое для тебя, новаго зрителя, новое есть, потому что тебѣ на сердце не всходило. А теперь будто все въ новъ здѣлано, потому что оно прежде тобою никогда не видѣнно, а только слышанно. И такъ ты теперь видишь двое—старое и новое, явное и тайное. Но осмотрись на самаго себе. Какъ ты прежде видалъ себе?

Клеоп а. Я видалъ (признаюсь) одну явную часть въ себѣ, а о тайной никогда и не думалъ. А хотя бъ и напоминалъ кто, какъ тое часто и бывало, о тайной, однакъ мнѣ казалось чудно почитать тое, чего нѣтъ, за бытіе и за истину. Я, на примѣръ, видѣлъ у мене руки, но мнѣ и на умъ не всходило, что въ сихъ рукахъ закрылись другія руки.

Другъ. Такъ ты видѣлъ въ себѣ одну землю и прахъ. И ты доселѣ былъ земля и пепель. Кратко сказать, тебе не было на свѣтѣ, потому что земля, прахъ, тѣнь и ничтожная пустоша—все то одно.

Лука. Видь же ты изъ Іереміа доказалъ, что человѣкомъ находится не наружный прахъ, но сердце его. Какъ же Клеопы не было на свѣтѣ? Видь Клеопино сердце всегда при немъ было и теперь есть...

Другъ. Пстой! пстой! Какъ ты такъ скоро позабылъ—двое, двое? Есть тѣло земляное и есть тѣло духовное, тайное, сокровенное, вѣчное. Такъ длячего же не быть двоимъ сердцамъ? Видѣлъ ты и любилъ болвана и идола въ твоёмъ тѣлѣ, а не истинное тѣло, во Хри ст ѣ сокровенное. Ты любилъ самъ себе, тоестъ, прахъ твой, а не сокровенную Божию истину въ тебѣ, которая ты никогда не видѣлъ, не почиталъ ее за бытіе. И понеже не могъ ощупать, тогда и не вѣрилъ въ ее. И когда тѣлу твоему болѣть опасно довелось, въ той часъ впадалъ въ отчаяніе. Такъ что се такое? Не старый ли ты Адамъ? Тоестъ старый мѣхъ съ ветхимъ сердцемъ? Одна ты тѣнь, пустоша и ничто съ твоимъ таковымъ же сердцемъ, каковое тѣло твое. Земля въ землю устремилася, смерть къ смерти, а пустоша люба пустошѣ. Душа тощная и гладная, пепель не хлѣбъ истинный ядущая и питіе свое виѣрая со плачемъ растворяющая. Слушай! Что о таковыхъ ко Исаи говорить Богъ? „О Исаіе! Знай, что пе-

пеломъ есть сердце ихъ.“ И прелщаются. И неединъ можетъ души своея избавити... „Помяни сія Іакове и Израилю, яко рабъ мой еси ты...“ „Се бо отяхъ, яко облакъ, беззаконія твоя и, яко примракъ, грѣхи твоя. Обратися ко мнѣ—и избавлю тя...“ Нѣкій старинныхъ вѣковъ живописецъ изобразилъ на стѣнѣ какіи-то ягоды столь живо, что голосныи птички, отъ природы быстрый имѣющіи взоръ, однакъ билися во стѣну, почитая за истинныя ягоды. Вотъ почему таковыи сердца глотаютъ и на-сытиться не могутъ! Покажи мнѣ хоть одного изъ такихъ любопраховъ, кой имѣетъ удовольствіе въ душѣ своей. Любовь къ тѣни есть мати глада, а сего отца дщерь есть смерть. Какое же таковыхъ сердце движенье? На то одно движется, чтобъ безпокоиться. Видаль ли ты по великихъ садахъ большія, круглыя, на подобіе бесѣдокъ, птичьи кѣлти?

Лука. Довелось видать въ царскихъ садахъ.

Другъ. Они желѣзными сѣтми обволоченны. Множествоптичокъ—чижовъ, щигловъ—непрестанно внутрь ихъ колотятся, отъ одной стороны въ другую бьются, но нигдѣ пролета не получаютъ. Вотъ точное изображеніе сердцецъ, о коихъ ты вышше сказывалъ, что они въ разныи стороны какъ молнія мечутся. Мечутся и мучатся въ стѣнахъ заключенныи. Что есть столь узко и тѣсно, какъ видимость? По сей причинѣ называется ровъ. Что фигуры (кажется) пролетѣтъ сквозь сѣть на свободу духа? Но какъ же намъ опять вылетѣтъ туда, чего за бытіе не почитаемъ? Мы видъ давно изъ самага дѣтска напоены симъ лукавымъ духомъ, засѣяны симъ зміннымъ сѣмямъ, заняты вѣдрившеюся въ сердце ехидною, дабы одну только грубую видимость, послѣднюю пятю, вѣшнюю тму любить, гониться, наслаждаться всегда и во всемъ? Такъ ли? Такъ! Всегда и во всемъ... Ахъ! Гдѣ ты, мечу Іереміинъ, опустошающій землю? Мечу Павловъ? Мечу Фенеэсовъ?... Заблудили мы въ землю, обнялися съ нею. Но кто насъ избавитъ отъ нея? Вылетитъ ли, какъ птица, сердце наше изъ сѣтей ея? Ахъ! не вылетитъ, потому что сердцемъ ея сердце наше здѣлалось. А когда уже сердце наше, глава наша и мы въ ее претворились, тогда кая надежда въ пепелѣ? Можетъ ли прахъ, во гробѣ лежащій, востать и стать и признать, что еще и невидимость есть, есть еще и духъ? Не можетъ... Для чего? Не можетъ востать и стать предъ Господемъ. Для чего же? Дятого, что сей прахъ не можетъ принять въ себе сего сѣмени. Коего? Чтобъ вѣрить, что есть сверхъ еще и то, чего не можемъ оцупать и аршиномъ мѣрить... О сѣмя бл(а)гословенное! Начало спасенія нашего! Можемъ тебе и принять, но будешь у насъ бесплодно. Для чего? Для того, что любимъ вѣшность. Мы къ ней заобыкли. И не допустимъ до того, чтобъ могла согнѣть на зернѣ вся вѣшняя видимость, а осталася бы сила въ немъ одна не видима, которой увѣриться не можемъ. А безъ сего новый плодъ быть никакъ

не может... Такъ насъ заправили наши учителя. „Се азъ напитаю ихъ пельнемъ и напою ихъ желчью. Отъ пророковъ бо Иерусалимскихъ изыйде оскверненіе на всю землю.“ (Перем. 23) ²⁰⁹⁾.

Разговоръ 5-й о томъ же: знай себе.

Лица тѣ же.

Филонъ. Отсюду то думаю старинна пословица: „столько глупъ, что двоихъ нащитать не знаетъ“. Но и мы по сіе время одно только во всемъ свѣтѣ нащитали, затѣмъ что другаго въ немъ ничего не видали.

Клеопа. Не лучше ли тебѣ сказать, что намъ одна тѣнь была видна. Ничего намъ не было видно. Мы хватали на водѣ одну тѣнь пустую. А теперь похожи на жителя глубокаго Норвегіи, который по шестимѣсячномъ зимнемъ мракѣ видитъ чуть-чуть отверзающееся утро и всю тварь, начинающую нѣсколько болванѣть.

Другъ. Если не будете сожимать и отвращать очей, тогда увидите всю тварь просвѣщенну. Не будьте подобны кроту, въ землю влюбившемуся. А какъ только не взначай прорылся на воздухъ,—ахъ! сколь онъ ему противень! Приподнимайте очи и припоровливайте оныя смотрѣть на того, который сказуетъ: „азъ есмь свѣтъ миру“ ²¹⁰⁾. Все, что мы доселѣ видѣли, что такое есть? Земля, плоть, пѣсокъ, пельнь, желчь, смерть, тма, злость, адъ... Теперь начинается свѣтатъ утро воскресенія. Перестаемъ видѣть то, что видѣли, почитая всю видимость за ничто, а устремивъ очи на то, что отъ насъ было закрыто, а посему и пренебреженно. Мы доселѣ безплотныя невидимости не удостоивали поставить въ число существа и думали, что она мечта и пустоша. Но теперь у насъ напротиву-того видимость есть травою, лестю, мечтою и ищезающимъ цвѣтомъ, а вѣчная невидимость находится ей головою, силою, каменемъ основанія и щастіемъ нашимъ. Послушаймо, что говорить къ намъ новый и истинный человекъ и что обѣщаетъ: „дамъ тебѣ (говорить) сокровища темная; сокровенная, невидимая отверзу тебѣ, да увѣси; яко Азъ Господь Богъ твой, прозывая имя твое, Богъ Израилевъ“ ²¹¹⁾. Теперь разсуждайте. Нравится ли вамъ переходъ? Или будьте, по прежнему, во видимой землѣ вашей, или очищайте сердце ваше для принятія новаго духа. Кто старое сердце отбросилъ, тотъ здѣлался новымъ человекомъ. Горе сердцамъ затвердѣлымъ...

Лука. Для того-то самаго смягчить сердце и сокрушить трудно.

²⁰⁹⁾ См. „Книга пророка Іереміа“, гл. 23, ст. 15.

²¹⁰⁾ См. „Евангеліе“ Іоанна, гл. 8, ст. 12.

²¹¹⁾ См. „Книгу пророка Ісаіа“, гл. 45, ст. 3.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Закоренѣлое мѣнѣе похоже на младенца, возрашаго во исполина. Трудно наконецъ бороться.

Другъ. Но что намъ воспрещаетъ въ жизни о семъ разсуждать и разговаривать, а употребить къ сему хотя закомплетное время? Новый духъ вдругъ какъ молнія облистать сердце можетъ. 600 тысящъ вызванны были во обѣтованную землю пѣши; но для чего два только въ ее вошли?

Лука. Два. Сынъ Науинъ и Халебъ.

Другъ. А вотъ для чего! Тфу! Какъ можетъ то быть, чего видѣть нельзя? Вотъ какая пустошь! „Вскую (зароптали) вводитъ насъ Господь въ землю сію, чтобъ пасти на браи“²¹²⁾. Посему, если руки и ноги потерять, что въ насъ будетъ? Не хотимъ мы сего. Гдѣ сіе водится, чтобъ то было да еще сильное тое, чего не видишь? Дай намъ вернуться въ нашу старую землю. Не нравится намъ тотъ, кто въ пустоту выводитъ... Слышите ли вы мысли сихъ старовѣрцовъ? Вотъ шесть-сотъ-тысящъ дураковъ! Представте себѣ ветхія кади, сквернымъ занятія квасомъ. Можно ли такимъ скотамъ чтолибо внушить? По ихъ мѣнѣю, нельзя бытія своего Богу имѣть, если онъ захочетъ чистъ быть всякія видимости. Если того нѣтъ, чего не видятъ, такъ Бога давно не стало. Вода прерѣканія! Сѣмя змино! Сердце невѣрное! Совѣтъ лукавъ! Не сіе ли есть не исповѣдаться Господеви и не призывать имени Его? Не таково было въ сердцѣ сѣмя двоихъ тѣхъ благополучныхъ наслѣдниковъ. „И даде Господь Халеву крѣпость. И даже до старости пребысть у него найти ему на высоту земли. И сѣмя его обдержа въ наслѣдіе; яко да видятъ вси сынове Израилевы, яко добро ходити въ слѣдъ Господа.“ „Вси же разгнѣвавшіися не узрятъ ю, глаголетъ Господь. Рабъ же мой Халебъ, яко бысть Духъ мой въ немъ, и возслѣдова мѣнѣ, введу его въ землю, въ нюже ходилъ тамо, и сѣмя его наслѣдитъ ю.“

Клеопа. Посему вся сила въ Богѣ, а не во вѣшней видимости.

Другъ. А что-жь есть идолопоклонство, если не въ томъ, чтобъ приписывать силу истуканнымъ? Не хочешь рукъ невидимыхъ. Видно, что видимости воздаешь силу и почтеніе твое. Но долго ли сія твоя видимость пребудетъ? На что ты положился? Что есть видима плоть, если не смерть? И на ней-то ты основалъ сердце твое и любовь? Всяка вѣшность есть мимо протекающею рѣкою. Не на льду ли ты вотьнулъ кущу твою и поставилъ шалашъ твой? Пожалуй перенеси его на твердость; перенеси его во двory Господни; воткни на новой землѣ. А иначе, что твоя за радость? Кой покой? Не всегда ли опасашся, что когда-ли-бо ледъ однакъ распустится? Когда-ли-бо смертное тѣло оставлять надобно. О бѣднѣйшіи, почитающіи тѣло свое тлѣнное

212) См. „Четвертая книга Моисеева--Числа“, гл. 14, ст. 3. *Прим. ред.*

и не вѣрующіи новому! Таковыи-то „возволнуются и почити не воз-
могутъ. Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь Богъ“.

Филонъ. Что есть нечестивый?

Другъ. Тлѣніе почитающій.

Филонъ. Какъ?

Другъ. Такъ почитающій, что, если отнять у его тлѣніе, тогда
думаетъ, что ему безъ него никакъ бытія своего имѣть не возможно.
Не великое ли се почтеніе для праха?

Филонъ. Кажется, что весьма не малое, ибо такимъ образомъ
боготворить онъ свой ²¹³⁾ пепель, приписуя ему живота своего дѣйстви-
тельность.

Другъ. Такъ теперь, думаю, постигаешь сія слова: „А зъ Го-
сподь Богъ! Сіе мое (не чуждее) есть имя. Славы моя иному не
дамъ, ниже добродѣтелей моихъ истуканамъ“ ²¹⁴⁾. То, что мы назвали
дѣйствительностью, называется тутъ добродѣтелью, то есть, силою и
крѣпостью, которую Богъ за свое преимущество отъ всей тлѣнности
такъ отнялъ и себѣ присвоилъ, что ужасно ярится, если кто дерзнетъ
ея хотя мало удѣлить твари или кумирамъ, съ которыми Онъ отъ
начала вѣка всегда ревностную тяжбу имѣетъ. Мы всѣ Его въ семъ
ужасно обижаемъ, всегда и вездѣ.

Филонъ. Какъ?

Другъ. А вотъ такъ! Весь миръ состоитъ изъ двоихъ н а т у р ь :
одна видимая, другая невидима. Видима называется тварь, а не-
видима Богъ. Сія невидимая н а т у р а или Богъ всю тварь прони-
цаетъ и содержитъ, вездѣ и всегда былъ, есть и будетъ. Какъ же Ему
не досадно, если мы, смотря на перемѣну тлѣнныхъ натуры, пугаемся?
А симъ самымъ приписуемъ ей важность въ жертву, чего здѣлать
нельзя, не отнявъ ея отъ Бога, который всю важность и силу, и бытіе
и имя, и все-на-все исполненіе себѣ точію одному полно и безъ при-
частниковъ приусвоилъ. Ражжуй! Если онъ бытіе и всему исполненіе,
тогда какъ можешь что-твое потерять? Что ли у тебе есть, Онъ тебѣ
всѣмъ тѣмъ есть. Ничто твое не пропадаетъ потому, что Богъ порчи
не знаетъ. Одна для тебе остается школа вѣры или, какъ Давидъ
говорить, поученіе вѣчности. Потерпи въ немъ немножко, поколь ста-
ровѣрное твое пепельное сердце нѣсколько отъ сего—свѣтныхъ очи-
стится душковъ.

²¹³⁾ У Д. И. Багалѣя вмѣстой слова, „свой“, — „сей“.

²¹⁴⁾ См. „Книга пророка Исаи“, гл. 42, ст. 8.

Прим. ред.

Прим. ред.

Разговоръ 6-й о томъ же: знай себе.

Лица тѣ же.

Другъ. Земле! Земле! Земле! слыши слово Господне!

Филонъ. Не слышу.

Другъ. Для чего?

Лука. Кто можетъ взойти на небо, развѣ сошедый съ небесе? Кто можетъ слышать слово Божіе, аще не будетъ Бога въ немъ? Свѣтъ видится тогда, когда свѣтъ во очахъ есть. Черезъ стѣну пролазитъ тогда, когда Богъ вождомъ есть. Но когда сила во окъ спороченна, лучше сказать, когда сила отъ ока отступила и селенія своего во веществѣ его не имѣетъ, въ то время никакого око различія межъ тмою и свѣтомъ не находитъ.

Клеопа. Но не можетъ ли Богъ мертваго живымъ, а видимаго невидимымъ сдѣлать? Ей! Есть время и теперь воскреснуть. Можетъ искра Божія пасти на темну бездну сердца нашего и вдругъ озарить. Вѣруймо только, что Богъ есть во плоти человѣческой. Есть подлинно онъ, во плоти видимой нашей, не вещественъ во вещественной, вѣчный въ тлѣнной, единъ въ каждомъ изъ насъ и дѣлъ во всякомъ, Богъ во плоти и плоть въ Бозѣ, но не плоть Богомъ, ниже Богъ плотію. Ахъ зерно горчичное! Вѣро! Страше и любовь Божія! Зерно правды и царствія Его! Чувствую, что тайно падаешь на земное мое сердце, какъ дождь на руно. О дабы не позобали тебе воздушныя птицы!

Филонъ. Вспомнимо теперь съ Давидомъ вѣчные лѣта поучимся въ нихъ.

Клеопа. Кому или чему поучиться?

Филонъ. Вѣчности поучимся.. Кому подобенъ истинный человекъ Господъ нашъ во плоти?

Другъ. Подобенъ доброму и полному колосу пшеничному. Разсуди теперь. Стебло ли съ вѣтвями? Постой! Не то колось. Колось все заключаетъ въ себѣ. Ость ли на колосѣ, она ли есть колось? На колосѣ ость правда и въ колосѣ ость, но не колосомъ ость, не она есть колось. Что жъ есть колось? Колось есть самая сила, въ которой стебло со своими вѣтвями и ость съ половию заключается. Не въ зернѣ ли все сіе закрылось и не весною ли выходитъ все сіе, перемѣнивъ зеленую вмѣсто желтыя и ветхія одежды? Не невидима-ли ²¹⁵⁾ сила зерна? Такъ. Ово въ то время дѣйствуетъ, когда вся внѣшность уже на немъ согнила, дабы не причель кто новаго плододѣйствія

215) У Д. И. Багалѣя вмѣсто: „не невидима-ли“,—напечатано: „не видима-ли“.

мертвой и нечувственной землѣ, то есть, гніющей внѣшности, но вся бы слава отдана была невидимому Богу, тайною своею десницею вся дѣйствующему, дабы онъ одинъ во всемъ былъ глава, а вся внѣшность пятою и хвостомъ.

Филонъ. Теперь мнѣ въ колосѣ показуется то, что по сіе время не было видно.

Клеопа. Лучше скажи, что ты въ немъ одинъ хвостъ видѣлъ.

Другъ. Пускай же сія въ колосѣ новость называется ростъ. Господь Богъ прирастилъ его намъ.

Лука. Но какъ мы съ поля перейшли въ садъ, взгляньте, чемъ насъ привѣтствуетъ въ бесѣдкѣ сей человекъ?

Филонъ. Сію икону написалъ мой другъ живописецъ.

Клеопа. Куда мнѣ нравится! Изъ чернаго облака луча касается головы Его. Но что-за слова въ лучѣ? Они вмѣстѣ съ лучею съ высоты снисходятъ во облитую свѣтомъ голову Его. Прочитай, Лука! Ты отъ числа книгочихъ...

Лука. Образъ пророка Исаи. Въ лучѣ написано сіе слова: „Возопій“...

Клеопа. Но что за-слова изъ устъ его исходятъ?

Лука. Знаю тѣ слова: „Всяка плоть сѣно и всякая слава чело-вѣка яко цвѣтъ травный...“ ²¹⁶⁾.

Филонъ. А что жъ написано на бумажкѣ, которая въ его рукахъ?

Лука. Знаю. „Глаголъ же Бога нашего пребываетъ во вѣки“ ²¹⁷⁾.

Другъ. Видите ли списанну бумажку?

Клеопа. Мы два съ Филономъ столько уже лѣтъ около одного земледѣлства упражняемся, а колосъ не давно усмотрѣли. Что же касается до бумажокъ да еще пророчіихъ, спрашуй Луку—его то дѣло.

Другъ. Лука! Ты видишь въ рукахъ пророчіихъ бумажку. Но знай, что видишь дѣло весьма малое и весьма великое. Сей блаженный старикъ легко держать въ правой рукѣ тое дѣло, въ коемъ всегда вездѣ все содержится. Разсуди, что самъ откровенія свѣтомъ озаренный старецъ въ его состоитъ рукѣ; носимымъ носится и держится у себе держимымъ. Смотрѣлъ ты на колосъ. Посмотри теперь на чело-вѣка и узнай его. Видалъ ты въ колосѣ зерно, а теперь взглянь на сѣмя Авраамово да тутже и на твое. Видѣлъ ты въ колосѣ солому съ половию. Посмотри жъ и на траву тлѣнныя твоя плоти съ пустымъ доселѣ цвѣтомъ пепельныхъ твоихъ разсужденій. Усмотрѣлъ ты въ колосѣ то, чего прежде не видывалъ. Теперь узнавай въ чело-вѣкѣ то, что для тебе видно не было. Видя колосъ, не видѣлъ его и не

²¹⁶⁾ См. „Первое посланіе Петра“, гл. 1, ст. 24.

Прим. ред.

²¹⁷⁾ См. „Книга пророка Исаи“, гл. 40, ст. 8.

Прим. ред.

зналъ человѣка, зная его. Но что показалось тебѣ въ колосѣ напо- слѣдокъ, то не было отъ плоти, но отъ Бога. Подними жь отъ земли мысли твои и уразумѣй человѣка въ себѣ отъ Бога рожденна, а не сотворенна въ послѣднее житія время. Усмотрѣлъ ты въ колосѣ новый ростъ толь сильный, что для всея соломы съ половиною здѣлался онъ головою и убѣжищемъ. Познай же въ себѣ новаго Іосифа (значить приращеніе), новаго пастыря, отца и кормителя нашего. Въ пшеничномъ зернѣ примѣтилъ ты легенькую внѣшность, въ кото- рой закрылась тайная дѣйствительность невидимаго Бога. Взглянь же теперь на глаголъ Божій, пророчесю бумажкою, какъ легенькимъ облакомъ, прикрытый. Силу зерна умнымъ ты окомъ увидѣлъ. Открой же око вѣры и увидишь въ себѣ тожь силу Божию, десницу Божию, законъ Божій, глаголь Божій, слово Божіе, царство и власть Божию, тайную, невидимую, а, узнавъ сына, узнаешь и Отца Его. Дряхлая на колосѣ солома не боится погибели. Она какъ изъ зерна вышла, такъ опять въ зернѣ закроется, которое хотя по внѣшней кожицѣ согнѣтъ, но сила его вѣчна. Чего жь ты трепещешь, трава и плоть? Дерзай! Не бойся! Ты уже видишь въ себѣ десницу Божию, которая тебе также бережетъ, какъ пшеничну солому. Или не вѣришь? Если такъ, тогда бойся. Нѣтъ надежды. Вся плоть гибнетъ. Гдѣ дѣваться? Бѣжи жь съ Давидомъ въ домъ Господень, или со Іереміею въ его-жь двory. Раскрой же сердце твое для принятія вѣры и для обнятія того человѣка, который отцу своему вмѣсто десницы и вмѣсто силы его есть во вѣки вѣковъ. Слушай, что отецъ его чрезъ его-жь самаго и въ немъ и къ намъ говорить. Слушай же: „положу словеса моя во уста твоя и подъ сѣнію руки моея покрюю тя...“ ²¹⁸⁾. А коєю рукою? „Ею же поставихъ небо и основахъ землю“ ²¹⁹⁾. Слышишь ли? Коль силь- ное зерно въ тебѣ! Небо сіе видимое и земля въ немъ закрывается. И тебе ли сіе сѣмя сберечь не сильно будетъ? Ахъ! пожалуй будь увѣ- ренъ, что и самый нечувственный головы твояе волосъ, наличность одну свою ²²⁰⁾ потерявши, въ немъ безъ всякаго вреда закроется, сохра- нится, улажится. Скажи съ Пауломъ: „вѣмъ человѣка“. Нашель я человѣка. Обрѣтохъ Мессію, не плотянаго кумира, но истиннаго Божіею во плоти моею человѣка. Въ силу я нашель его, въ травѣ и тѣни моей, во остатокъ дней моихъ. Сѣмя благословенное! Спасеніе всея наличности моея! Свѣтъ откровенія слѣпому языку! Доселѣ былъ я во тмѣ и во грязи я былъ, то есть сердце мое. Елъ и насыщался землею. А теперь отъ узъ ея мене отпускаешь, убивъ сѣмя ея во мнѣ, пустую пята наблюдающее. А вмѣсто Его во вѣки ты во мнѣ воца-

²¹⁸⁾ См. „Второзаконіе“, гл. 18, ст. 18.

²¹⁹⁾ См. „Книга пророка Исаи“, гл. 48, ст. 13.

²²⁰⁾ У Д. И. Вагалѣя слово „свою“ пропущено.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

рился, открывъ мнѣ небо новое и тебе, сидящаго на мѣстѣ десницы, Отца Небеснаго. Будь же мнѣ теперь миръ въ силѣ твоей и спокойство! Будь же мнѣ теперь суббота благословенная! Вынесли мене крила голубины изъ земныхъ безднъ и почюю. Чего жъ больше скорбѣть тебѣ, душа моя? Зачемъ тебѣ теперь беспокоить мене? Познала ты уже въ себѣ челоуѣка и сила его безконечна. Уповай же на него, если узнала его. И точно знаешь его. Онъ мужъ твой. Онъ глава твоя въ тебѣ подь видомъ твоя плоти и крови. Спасеніе лица всего твоего и Богъ твой.

Разговоръ 7-й о истинномъ челоуѣкѣ или о воскресеніи.

Бесѣдующія персоны: старецъ Памва, Антонъ, Квадратъ, Другъ и протчіи.

Другъ. Слушай, Памво! Куда долго учишься... Уже ли ты научился Давидовому псалму?

Памва. Да я только одинъ псаломъ умѣю.

Другъ. Одинъ?

Памва. Однимъ-одинъ...

Другъ. Кій псаломъ?

Памва. А вотъ онъ: „Рѣчь: сохранию пути моя...“ А больше для мене не надобно. Я уже устами моими сыскалъ завору и заложилъ.

Антонъ. Самая правда. Языкъ все тѣло обращаетъ и всему голова есть.

Квадратъ. Ахъ, Памво! Блаженъ еси, если не согрѣшаешь языкомъ твоимъ. Коль горячо сего отъ Бога себѣ просятъ Давидъ и Сираховъ сынъ.

Лука. А прежде о чемъ ты говорилъ, Памво? Видь ты и прежде имѣлъ языкъ.

Памва. Я уже древнему моему языку наложилъ печать.

Антонъ. А кто тебѣ его занечаталъ?

Памва. Кто можетъ запереть бездну кромѣ Бога?

Лука. Не худо называешь языкъ бездною, потому что и Давидъ языку лстиву даетъ имя потопныхъ словъ: потопъ и бездна—все одно.

Квадратъ. Я слыхалъ, что и разумъ премудраго потопомъ у Сирахова сына называется.

Другъ. Рѣчь какова либо есть не иное что есть ²²¹⁾ какъ рѣка, а языкъ есть источникомъ ея. Но если уже тебе, Памво, Господь отъ языка не преподобна избавилъ, тогда видно, что вмѣсто лстиваго да-

²²¹⁾ У Д. И. Багалѣя слово „есть“ пропущено.

риль тебе языкъ Давидовъ, весь день правдъ Божіей поучающійся, силу его всему роду грядущему возвѣщающій.

К в а д р а т ь. Самая правда. Кто можетъ говорить о бѣлости, чтобы ему не была знакома чернота? Одинъ вкусъ чувствуетъ горькое и сладкое. Если кому открылъ Господь узнать языкъ лживый, таковъ вдругъ узнать можетъ праведныи уста, поучающіися премудрости.

А н т о н ь. Что такое? Вы сказали чудное. Развѣ не разумѣть и стараго языка тотъ, кто не знаетъ новаго?

П а м в а. Безъ сумнѣнія. Въ то время покажется старое, когда уразумѣешь новое. Гдѣ ты видалъ, что бы кто разумѣлъ тму, не выдавъ никогда свѣта? Можетъ ли кротъ, скажи пожалуй, сказать тебѣ, гдѣ день, а гдѣ ночь?

А н т о н ь. Если кротъ не можетъ, тогда можетъ сказать человекъ.

П а м в а. Можетъ ли слѣпый усмотрѣть и тебѣ показать на портретѣ краску бѣлу?

А н т о н ь. Не можетъ.

П а м в а. Зачемъ?

А н т о н ь. Затемъ что онъ не видалъ и не знаетъ черныя. А если бы онъ хоть одну изъ противныхъ межъ собою красокъ могъ разумѣть, въ то же мгновеніе могъ бы понять и другую.

П а м в а. Вотъ также и тутъ. Тотъ понимаетъ юность, кто разумѣетъ старость.

А н т о н ь. Довольно удивиться не могу, если всякъ человекъ такъ родится, что не можетъ и сего понять, что-такое есть старость и юность, если не будетъ другой разъ свѣдѣнъ рожденъ.

П а м в а. Свѣтъ открываетъ все то, что намъ во тмѣ нѣсколько болванѣло. Такъ и Богъ единъ всю намъ истину освѣщаетъ. Въ то время усматриваемъ пустую мечту, усмотрѣвъ истину и уразумѣвъ юность, понимаемъ старость. Земляной человекъ думаетъ про себе, что понимаетъ будто. Но мало ли младенецъ видитъ въ потемкахъ, а того не бывало? Но возсіявшій свѣтъ все привидѣніе уничтожаетъ. Не всякому ли знакомы сія слова: время, жизнь, смерть, любовь, мысль, душа, страсть, совѣсть, благодать, вѣчность? Намъ кажется, что разумѣемъ. Но если кого о изъясненіи спросить, тогда всякъ задумается. Кто можетъ объяснить, что значить время, если не прикинетъ въ Божественную висоту? Время, жизнь и все прочее въ Богѣ содержится. Кто жь можетъ разумѣть что-либо со вѣхъ видимыхъ и невидимыхъ тварей, не разумѣя того, кой всему голова и основаніе? Началомъ премудрости—разумѣти Господа. Если кто не знаетъ Господа, подобенъ узникамъ, поверженнымъ въ темницу. Таковъ что можетъ понять во тмѣ? Главнѣйшій и начальнѣйшій премудрости пунктъ есть знаніе о Бозѣ. Не вижу Его, но знаю и вѣрую, что Онъ есть. А если

вѣрую, тогда и боюсь; боюсь, чтобъ не разгнѣвать Его; ищу, что такое благоугодно Ему. Вотъ любовь! Знаніе Божіе вѣра, страхъ и любленіе Господа—одна-то есть цепь. Знаніе во вѣрѣ, вѣра въ страхѣ, страхъ въ любви, любовь во исполненіи заповѣдей, а соблюденіе заповѣдей въ любви къ ближнему, любовь же не завидитъ и протчая. И такъ, если хочешь что либо познать и уразумѣть, должно прежде взыйти на гору вѣдѣнія Божія. Тамъ-то ты просвѣщенъ тайными Божества лучами, уразумѣешь, что захочешь, не только юность орлюю, обветшающую старости рязу, но и ветхая ветхихъ и небеса небесъ. Но кто насъ выведетъ изъ преисподняго рова? Кто возведетъ на гору Господню? Гдѣ ты, свѣте нашъ Христе Іисусе? Ты одинъ говоришь истинну въ сердцѣ твоємъ. Слово твое истина есть. Евангеліе твое есть зажженный фонарь, а ты въ немъ Самъ свѣтомъ. Вотъ единственное средство ко избѣжанію обмана и тмы незнація. Вотъ домъ Давидовъ, въ которомъ судейскій престоль всяку ложь рѣшитъ и рѣжетъ. О чемъ ты, Антонъ, знать хочешь? Ищи въ сихъ возлюбленныхъ селеніяхъ. Если не сыщешь входа въ одинъ чертогъ, постучи въ другой, въ десятой, въ сотой, въ тысячной, въ десятотысячной... Сей Божій домъ снаружи кажется скотскою пещерою, но внутрь дѣва родитъ того, котораго ангелы поютъ непрестанно. Въ сравненіи сея премудрости всѣ свѣтвыи мудрости не иное что суть, какъ рабскія ухищренія. Въ сей домъ воровскимъ образомъ не входи. Ищи дверей и стучи, поколь не отверзутъ. Не достоинъ будешь входа, если что въ свѣтѣ предпочтешь надъ Божію сію гору. Не впускаютъ здѣсь никого съ одною половиною сердца. А если насильно продерешься, въ горшую тму выброшенъ будешь. Сколь горѣлъ Давидъ любовію къ сему дому! Желалъ и истаевалъ отъ желанія дворовъ Господнихъ. Зналъ онъ, что никоимъ образомъ нельзя выбратъся изъ началородныя безумія человѣческаго тмы, развѣ черезъ сіи ворота. Зналъ онъ, что вси заблудили отъ самаго матернаго чрева. И хотя говорили: се дверь! вотъ путь! однакъ все лгали. Зналъ онъ, что никакаялибѣ птица и никакая мудрость человѣческая, скольколи она быстра, не въ силѣ вынести его изъ пропасти, кромѣ сея чистыя голубицы. Для того изъ нетерпѣливости кричитъ: „кто дастъ мнѣ крыль?“ Да чтобъ они таковы были, каковыи имѣеть сія голубица, тоестъ, посребренны, а между связью крыль блещало бы золото. А если не такъ, то не надобно для мене никакихъ лѣтаній сколько-хочъ они быстропарны. Сею то нескверною голубкою онъ столь усладился, столь ею плѣнился, что, какъ Магдалина при гробѣ, всегда сидѣлъ у окошка своя возлюбленныя. Просилъ и докучалъ, чтобъ отворила для него дверь, чтобъ окончила его страданія, чтобъ разбила мглу и мятѣжь внутренній. Называя ее всею своею утѣхою. Встань, говорить съ плачемъ, славо моя, встань ты, сладчайшая моя десятиструнная псалтырь и гусли сладкозвонныи! Если ты только вста-

нешь, то я и самъ тотъ часъ встану, а встану рано, поднимуся на свѣтъ. Долго ли мнѣ во тьмѣ жить? „Когда прійду и явлюся лицу Божию?“²²²⁾ [зри (а)]²²³⁾ Кто кромѣ тебе, о краснѣйшая всѣхъ дочерей въ мирѣ дѣво, кто воведетъ мя во градъ утверждёнъ? Твоими только дверьми и однимъ только твоимъ слѣдомъ привестися могутъ къ царю Небесному дѣвы, если съ тобой имѣютъ дружество. Не безъ пользы же трудился Давидъ. Съ великимъ восторгомъ кричить: „отверзите мнѣ врата правды. Исповѣмся тебѣ, яко услышалъ мя еси! Сей день возрадуемся и возвеселимся: Богъ Господь и явился намъ. Призвахъ Господа и услыша мя въ пространство“²²⁴⁾. Что теперь сотворитъ мнѣ человекъ! Ничего не боюсь. Широко вельми сталъ Давидъ. Вылетѣлъ изъ сѣтей и преисподнихъ тѣснотъ на свободу духа. Исчезла въ разъ вся тма. Гдѣ пошелъ, вездѣ свѣтъ. „Камо пойду отъ духа Твоего?“²²⁵⁾ Окрылатъль Давидъ, боится, любить, удивляется, отъ мѣста на мѣсто перелѣтываетъ, все видитъ, все разумѣетъ, видя того, въ котораго рукъ свѣтъ и тма.

Квадратъ. Правда, что вѣрно и ревностно возлюбленный Давидъ свою любезнѣйшую любить. Ее-то онъ, думаю, называетъ Матерію, Сіономъ, Дщерью, Царицею въ золото одѣтою и преукрашенною, колесницею Божіею, царствомъ живыхъ людей, жилищемъ всѣхъ веселящихся и проч. Едино проситъ отъ Господа, что бы жить въ домѣ семъ Божіемъ на мѣстѣ покровя сего предивнаго, гдѣ гласъ радующихся и шумъ празднующихъ. А въ прочемъ ничего ни на небеси, ни на землѣ не желаетъ, кромѣ сея чаши, наполненной благощастиемъ, кромѣ сея дщери царскія, которія вся красота внутри ея сокрывается и сокрылася. И столько сія врата Сіонскія и путь сей, ведущій его къ вѣдѣнію Господа, любъ ему былъ, что на немъ такъ наслаждался, какъ во всякомъ родѣ богатства. Чтолибо въ немъ говорится, все то называется чуднымъ и преславнымъ, отъ общенароднаго мнѣнія вовсе отличнымъ. Тутъ то его жертва, пѣніе и покой душевный, пристанище хотѣнія. Ахъ покой душевный! Коль ты рѣдокъ, коль дорогъ! Здѣсь-то онъ закрывается въ тайнѣ лица Божія отъ мятежа человѣческаго и отъ прерѣканія языковъ, сіе есть отъ всѣхъ свѣтовыхъ мнѣній, противныхъ Божіей премудрости, называемой отъ него благолѣпіемъ дома Господня, каменемъ прибѣжища для перестрашенныхъ грѣшниковъ, о коихъ пишется: „бѣжитъ нечестивый, никому же гонящу“²²⁶⁾.

222) См. „Псалтирь“, пс. 41, ст. 3.

Прим. ред.

[зри] (а)²²³⁾ Отселъ въ письмѣ моемъ изгоняется изъ числа буквъ сіи буквы: ерь и ерь. Аще же гдѣ дебелисть буквы умягчить потреба, довлѣетъ свышше поставить знаменіе сіе—напримѣръ яд, яд'; пѣт, пѣт'; брат, брат'.

Прим. Г. С. Сколоходы 224).

224) Мы печатаемъ вездѣ съ твердыми и мягкими знаками. *Прим. ред.*

225) См. „Псалтирь“, пс. 117, ст. 19, 21, 24, 25.

Прим. ред.

226) См. „Псалтирь“, пс. 138, ст. 7.

Прим. ред.

227) См. „Книгу прятчей Соломоновыхъ“, гл. 23, ст. 1.

Прим. ред.

Антонъ. Безъ сумнѣнія-жъ въ сія камешныя возводитъ онже очи свои горы, надѣясь отъ нихъ помощи.

Квадратъ. Извѣстно, что грѣшникъ, какъ только почувствовалъ опасность своего пути, бѣжитъ, какъ гонимый заецъ къ симъ горамъ, находясь въ замѣшательствѣ бѣдныхъ своихъ разсужденій, которыя ему прежде весьма казались правильными. Но когда изъ Божіихъ горъ блеснувшій свѣтъ на лицо ему покажетъ его прелщеніе, въ то время весь свой путь самъ уничтожаетъ такъ, какъ случилось Павлу, ѣдущему въ Дамаскъ. И въ сей то силѣ говорить Давидъ: „просвѣщаеши дивно отъ горъ вѣчныхъ. Смятошася вси не-разумный с(е)рдцемъ“. Кому-жъ сей свѣтъ не былъ бы любезенъ, если бѣ мы хоть мало его вкусили? О кивоте свѣта, святая славы Отца Небеснаго! Конечно, твое блистаніе—не-сносное очамъ нашимъ, ко тмѣ заобыкшимъ, а то бы мы не премѣнно сна очамъ нашимъ не дали, дондеже бы дверь открылась, дабы можно увидѣть, гдѣ селеніе свое имѣетъ Богъ Іаковль, гдѣ царствіе и правда Его, гдѣ начало, глава и щастіе наше, дабы можно и о насъ сказать: „онѣма же отверзостъся очи и познаста Его и той не видимъ бысть има. Или сіе: „прійдоста же и видѣста, гдѣ живяше и у него пребыста день той“²²⁸⁾.

Антонъ. Какъ же ты говорилъ прежде, что священное писаніе возводитъ на гору познанія Божія, а пынѣ оное называешь горою?

Квадратъ. Сно у Давида называется гора Божія. Такъ развѣ тебѣ удивительно то, что горою восходимъ на гору? Если путь ведетъ изъ рова на гору, то конечно первая его часть есть низка, а послѣдняя высока столько, сколько гора, на которую конецъ дороги поднимается. Тоже видѣть можно и на лѣствицѣ, къ высокому мѣсту приставленной. Она долнею своею частію долиныхъ или долинныхъ жителей принимаетъ, а горнею возноситъ на высоту; по сей-же причинѣ и крылами называется, и дверьми, и предѣломъ, или границею, пристанью, пѣскомъ, или брегомъ, море ограничившимъ, и стѣпою.

Антонъ. Для чего стѣпою и предѣломъ называется?

Квадратъ. Развѣ мало сего водится, что стѣна грань дѣлаетъ раздѣляя наше собственное отъ чуждаго? А сія Богосозданная стѣна какъ не можетъ назваться предѣломъ, когда она граничитъ между свѣтомъ и между чужостранною тмою? Сія стѣна имѣетъ темную сторону ту, которая смотритъ ко тмѣ. Но страна ея, къ востоку обращенная, есть внутренняя и вся свѣтомъ вышняго Бога позлащенная, такъ что, если темный житель приходитъ къ ея дверямъ, изнаружи темнымъ, не видитъ ни-кояя красы и отходитъ назадъ, бродя во мракѣ; когда же увѣрится и паче чаянія отверзутся двери, въ то время, свѣтомъ Воскресенія облиставшись, закричитъ съ Давидомъ: „исповѣмся тебѣ, яко

²²⁸⁾ См. „Евангеліе“ Луки, гл. 24, ст. 31.

страшно удивился еси“. „Нѣсть сіе, но домъ Божій и сія врата небесная.“

Антонъ. По сему она подобна лунѣ, когда луна межъ солнцемъ и землею. Въ то время одинъ полу-кругъ ея темный, а тотъ, что къ солнцу, свѣтлый.

Квадратъ. Сія посредственница похожа и на мостъ, дѣлающій сообщеніе между Богомъ и смертными.

Антонъ. Если сей чудный мостъ переводитъ смертныхъ въ животь, то достойно и праведно назватись можетъ Воскресеніемъ.

Квадратъ. Ахъ! сія-то голубица точное есть Воскресеніе мертвыхъ человѣковъ. Она насъ, спадшихъ отъ горы долу, поставляетъ паки на той же горѣ.

Лука. И я сему согласенъ. Сіе слово (Воскресеніе) въ греческомъ и римскомъ языкахъ, значить, кажется, то, если падшаго поставить паки на ноги. Кромѣ того я слыхалъ, что голубица по еврейскому Іона. Да и Богъ явно говоритъ Іереміи, что поставитъ его опять на ноги, если будетъ ему послушенъ. И какъ въ священномъ писаніи весьма бѣдственное состояніе значить сіе слово (сидѣть), такъ напротивъ того (стоять) есть-то быть въ точномъ благополучіи. А какъ несчастное дѣло есть сидѣть и быть колодникомъ въ темницѣ, такъ еще хуже быть въ компаніи тѣхъ, коихъ Павелъ пробуживаетъ: „востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ...“ Разбій сонъ тлазамъ твоимъ, о несчастный мертвецъ! Поднимись на ноги! А воть-либѣ уразумѣешь, что-то такое есть Христось, свѣтъ мыра?

Другъ. Не могу больше молчать, услышавъ блаженнѣйшее и сладчайшее имя Свѣтлаго Воскресенія. Я правда между прочіими и самъ сижу въ холодномъ смертномъ мракѣ. Но чувствую во мнѣ тайную лучу, тайно согрѣвающую сердце мое.. Ахъ, Памво! Сохранимъ сію божественную искру въ сердцѣ нашемъ! Побережимъ ея, дабы прахъ и пепель гробовъ нашихъ не затушилъ ее. Въ то время что-ли мы останема такое? Развѣ единъ прахъ и смерть?... Огня истребить не можемъ. Не спорю. Но что самимъ намъ дѣлать безъ огня? Какъ польза намъ въ томъ, что имѣемъ въ себѣ плоть и кровь? Вѣдай, что ей должно опуститься во, истлѣніе. Въ то время погибать ли намъ безъ конца? И мы не иное что есмы, развѣ мечта, сонъ, смерть и суета? О премногобѣдственное-жъ наше состояніе, если все-на-все одно только есть тлѣнное безъ вѣчности, если кромѣ явнаго ничего не вмѣется въ немъ тайнаго, въ чемъ бы существо наше, какъ на твердомъ основаніи, задержалось, если всяческая суть суета и всякъ человѣкъ²²⁹⁾ живущій. Подлинно-жъ теперъ (если такъ) сильное твое царство, о горкая смерти, непобѣдимая твоя побѣда, о аде? Кто или что можетъ противиться

²²⁹⁾ У Д. И. Багалѣя слово „человѣкъ“—пропущено.

тлѣннымъ вашимъ законамъ, все въ прахъ безъ остатка обращающимъ? Ахъ бѣда! Погибель! Болѣзнь! Горестъ! Мятель... Слышите ли? Понимаете ли? Кій сей есть языкъ?...

Памва. Господи! Избави душу мою отъ устенъ сихъ неправедныхъ... отъ языка не преподоба, отъ челоуѣка не-праведна... Языкъ ихъ есть мечъ остръ... Гробъ отверстъ...

Другъ. Вотъ точный ядъ аспидовъ, жало грѣховное, языкъ змійный, низводящій Адама въ трудъ и болѣзнь... Что-ли ты намъ на-шенгалъ, о древня злобо и прелестъ? Для чего ты вельми высоко возносишь умирающую мертвость и старѣющуюся старость, и тлѣющую тлѣнь? Одна ли смерть царствуетъ? и нѣсть живота? Лестъ одна безъ правды? и злоба безъ благодсти? и старость безъ юности? и тма безъ свѣта? и потоць безъ суши?... Да запретить же тебѣ Господь, о потопный языкъ, рѣку водъ лживыхъ изблевающій, потопляющій матери Сіона младенцевъ, покрывающій мракомъ и облакомъ чернымъ, низводящій во адъ отъ Господа, котораго клеветашъ съ гордостію, уничтожая его царство и правду, юность и вѣчность, новую землю и живой родъ... Слушай же, бѣсе глухій, языкъ нѣмый и пустой! Понеже не признаешь пребыванія Господня, исповѣдуя, что одна только смерть вездѣ владѣеть, низводя все-на-все во адъ истлѣнія, тогоради знай, что новый и нетлѣнный челоуѣкъ не точію поперець тлѣнны твои законы, но совѣмъ вооруженъ местю до конца тебе разрушить, низвергнуть отъ престола твоего, здѣлавъ тебе изъ головы ничтожнымъ ошубомъ. Памво! Слушай Памво! Зачѣмъ ты молчишь? Вѣдай, что ты уже позналъ путь твой. Не шепчетъ въ твоемъ сердцѣ, ояѣмѣвъ, злый языкъ. Развѣ опять ожилъ? Развѣ опять болѣзнь грѣшнаго языка во утробѣ твоей обновилась? Паки бодеть мечъ душу твою? Видно, что длятого молчишь, ояѣмѣвъ и смирився, не говоришь добраго, не вопрошаешь о мирѣ Іерусалима.

Памва. Я давно уже тайно сей языкъ проклиная въ сердцѣ моемъ.

Другъ. Но для чего явно не поешь? Если дѣйствительно научился псалму Давидову, для чего со Исаіею возлюбленному твоему пѣсни черезъ весь день не простираешь? Если далъ тебѣ Господь новы уста, зачемъ со Іереміею не говоришь: „и отверстая уста моя кому не затворятся.“ Если согрѣлося сердце твое въ тебѣ, долженъ ты въ поученіи твоемъ раздувать вѣчнуюющую Воскресенія искру, дондеже возгорится ярость блаженнаго сего пламеня и поястъ всю себѣ сопротивную тлѣнь, дондеже наполнится огненная рѣка Божія, потопляющая нечестивыя. Согрѣтое сердце есть огненный Духа Святаго языкъ, новое на небеси и на землѣ поющій чудо Воскресенія. Не видишь ли, что во всѣхъ ветхое сердце, земленный языкъ? Всѣ боязливы, печальны, несыты, отчаянны, лишены небеснаго Параклитова утѣшенія.

Коль же напротивъ-того мало тѣхъ, о коихъ сказано: „на стѣнахъ твоихъ, Іерусалиме, приставихъ стражи день и ночь, иже не престануть поминающе Господа“²³⁰⁾. Мало сыновъ Амосовыхъ для утѣщенія людей Божіихъ. Не много Аввакумовъ, стоящихъ на Божественной стражѣ. О всѣхъ можно сказать: мертвъ еси съ мертвымъ твоимъ сердцемъ. Желѣзо пройде душу твою. Сидишь во тмѣ, лежишь во гробѣ... О, Божественная искро! Зерно горчично и пшенично! Сѣмя Авраамле! Сыне Давидовъ! Христе Іисусе! Небсный и новый человѣче! Главо и сердце и свѣте всея твари! Пунктъ вселенныя! Сила, законъ и царство мира! Десница Божія! Воскресеніе наше! Когда тебе уразумѣемъ?... Ты истинный человѣкъ еси во истинной плоти. Но мы не знаемъ такова человѣка, а которыхъ знаемъ, тѣ всѣ умираютъ. Ахъ! истинный человѣкъ никогдаже умираетъ. Такъ видно, что мы никогда истиннаго не видивали человѣка, а которыхъ знаемъ, у тѣхъ руки и ноги и все тѣло въ прахъ обращается. Но что свидѣтельствуеть камень Священнаго Писанія? „Не отемнѣста (говорить) очи Его и не ислѣстѣ уста Его“. Но гдѣ такой Человѣкъ? Мы его никогда не видали и не знаемъ. Не разумѣемъ ни очей, ни ушей, ни языка. Все то, что только знаемъ, на сіе не похоже. Тутъ говорится о безсмертномъ человѣкѣ и петлѣнномъ тѣлѣ, а мы одну грязь посяли и ничего такого не видимъ, что бы не было порчное. И такъ, сидя въ грязи и на нея надѣясь, подобными ей и сами здѣлались. Очи имѣемъ тѣ, которыми ничего не видимъ, и ноги, ходить не могущіи, и таковыи-жъ руки лишены осязанія, языкъ и уши такого-жъ сложенія. Вотъ какъ хорошо разумѣемъ, что такое-то есть человѣкъ. Кто жъ изъ воскресшихъ не скажетъ, что мы тѣнь мертвая, что мы не прахъ, вѣтромъ колеблемый? Можетъ ли нечувственная земля признать невидимаго?

П а м в а. Скажи лучше по Давидовому: „еда исповѣтся тебѣ персть?“ Бреніе и вода мимотекущая есть естествомъ своимъ всяка плоть изъ стихій составленная, ровъ страданій и глубина тмы. „Спаси мя, вопіетъ Давидъ, отъ бренія, да не углибну и отъ водъ многихъ и глубокихъ. Не мертвыи восхвалятъ тя...“

Д р у г ъ. Отъ сего жъ-то бренія изводитъ насъ помянутая царская дщерь Давидова, чистѣйшая голубица и прекраснѣйшая дѣва, одѣвъ насъ не бреними, но позлащенными во междораміи и посребренными Духомъ Божіимъ крыльми. Сими окрилатѣвъ, возлѣтуемъ съ Давидомъ и почиваемъ. Бросивъ земнаго Адама съ его хлѣбомъ, болѣзни, перелѣтуемъ сердцемъ къ человѣку Павлову, къ невидимому, небесному, къ нашему миру, не за моря и лѣса, не вышше облаковъ, не въ другіи мѣста и вѣка; — Единъ Онъ есть во вѣки, но проникаемъ въ самый центръ сердца нашего и души нашея и, минувъ всѣ брении и по-

²³⁰⁾ См. „Книга пророка Исаія“, гл. 62, ст. 6.

топныи мысли со всею крайнею ви́шностию плоти нашея, оставивъ всю бурю и мракъ подъ ногами Его, восходимъ чрезъ помянутыя лѣствацы высокій восходъ и исходъ къ животу и главѣ нашей, ко истинному чело́вѣку, въ нерукотворенную скивию и къ Его нетлѣнной и пречистой плоти, которыя земная наша храмина слабою тѣнью и видомъ есть въ разсужденіи истинныя, сопряженныя во едину ипостась безъ слитія естествъ Божіею и тлѣннаго. Сей-то есть истинный чело́вѣкъ предвѣчному своему Отцу существомъ и силою равенъ, единъ во всѣхъ насъ и во всякомъ цѣлый, его же царствію нѣсть конца... Сего то чело́вѣка, если кто уразумѣлъ, тотъ и возлюбилъ и самъ взаимно любезнымъ здѣлался и едино съ нимъ есть, такъ какъ прилѣпившійся брению и самъ есть землею и въ землю возвращается. А познавшій нетлѣннаго и истиннаго чело́вѣка не умираетъ и смерть надъ нимъ не обладаетъ, но со своимъ господиномъ вѣрный слуга вѣчно царствуетъ, разлѣвшись какъ изъ обветшалыя ризы, изъ земныя плоти, надѣвъ новую сообразную его плоти плотъ, и не уснетъ, но измѣняется, принявъ вмѣсто земныхъ рукъ нетлѣнныя, вмѣсто скотскихъ ушей, очей, языка и протчихъ всѣхъ членовъ истинныя, сокровенныя въ Богѣ, какъ Исаіа говоритъ: „се Спаситель твой грядетъ, имѣя съ собою мзду или награжденіе, воздая мѣсто желѣза сребро, мѣсто мѣди злато, полагая на основаніе твое камень сапфиръ, тоестъ небесну, нерукотворенну храмину“²³¹). Да будетъ Богъ всяческая во всемъ твоёмъ, а не мертвая земля и брение. Кто-ли охотникъ къ сему истинному животу, къ симъ блаженнымъ днямъ? Сей-часъ вдругъ какъ молнія дастся тебѣ. Удержи только языкъ твой отъ зла и устнѣ твои... О, злый языче! О, главо змина. Начало горестныхъ дней! Всѣхъ изъ рая выводилъ, всѣхъ во бездну потопляешь. Кто дастъ на сердце наше раны и на помышленія наша наказаніе премудрости? А иначе нельзя намъ долой не пасть. Къ тебѣ прибѣгаемъ, о горо Божіа! Купино непопалимая. Свѣщнице золотый! Святая Святыхъ! Ковчеже завѣта! Дѣво чистая и по рождествѣ твоёмъ! Ты одна и раждаеши и дѣствуеши. Твое единныя святѣйшее сѣмя, единъ сынъ твой, умершій по ви́шности, а симъ самымъ воскресшій и воцарившійся, можетъ стерти главу зміеву, языкъ поношающій Господеву...

Антонъ. Если священное писаніе есть сладкая гусли Божія, не худо, еслибъ кто нашу компанію повеселилъ, поигравъ на семъ инструментѣ хоть немножко.

Лука. Я въ семъ согласенъ съ Антономъ и сего-жь прошу.

Квадратъ. Не поврежу и я вашего добраго согласія и о томже прошу.

Другъ. Слышишь ли, Памво? Принимайся за гусли. Ты долго

²³¹) См. „Книга пророка Исаіа“, гл. 60, ст. 16 и 17.

учился Давидовой пѣснѣ. За десять лѣтъ можно приучиться хоть мало.

Памва. Ахъ! Что-ли мнѣ въ жизни пріятнѣе, какъ пѣть возлюбленному моему человѣку? Но боюсь, чтобъ не поразнить голосовъ. Страшить мене сынъ Сираховъ сими словами: „глаголи, старѣйшино и не возбрани мусикии.“

Другъ. Пой и воспой! не бойся! Будь увѣренъ, что сладка Ему будетъ бесѣда наша.

Памва. Но что ее присладить, если я неискусенъ?

Другъ. Что приусладить? Тое, что дѣлаетъ пріятнымъ отцу младолѣтнаго сыночка неправильное болтаніе въ рѣчи или худое играніе на арфѣ. Развѣ ты позабылъ, что искусство во всѣхъ священныхъ инструментовъ тайнахъ не стоитъ полушки безъ любви? Не слышишь ли Давида? „Возлюбите Господа“. А потомъ что? „И исповѣдайте, хвалите и превозносите“. Любленіе Господа есть преславная глава премудрости. Кая жъ нужда въ протчемъ! Пой дерзновенно! Но какъ въ свѣдѣцкой музыкѣ одинъ тонъ безъ другаго согласнаго не можетъ показать фундамента, а приобщеніе третяго голоса совершенную дѣлаетъ музыку, которая состоитъ вся въ троихъ голосахъ, межъ собою согласныхъ, такъ точно и въ Давидовыхъ гусяхъ одна струна сумнительна, если ее съ другимъ стихомъ не согласить. А при троихъ же свѣдѣтеляхъ совершенно всякій глаголь утверждается. Воскликнимъ же Господи во гуслахъ! Всоружимся согласіемъ противу проклятаго языка, врага Божественному нашему человѣку. А воть-либо по крайней мѣрѣ изъ нашей компаніи выженемъ сего нечистаго духа.

Симфонія, сирѣчь согласіе священныхъ словъ со слѣдующимъ стихомъ:

„ръхъ: сохранию пути моя, еже не согрѣшати языкомъ моимъ“ ²³²⁾.

Разговоръ: Памва, Антонъ, Лука и протчіи.

Лука. Продолжай же притчу твою, Памво.

Памва. Наконецъ, тѣ два невольники пришли къ великимъ горамъ. Они о своемъ освобожденіи благодарили Богу. Но голодъ и скука по отечеству ихъ мучила. Какъ утишился вѣтеръ, услышали шумъ водъ и подошли ко источнику. Старѣйшій съ нихъ, отдохнувъ нѣсколько, осмотрѣлъ мѣста около богатаго сего источника, проистѣкающаго изъ ужасныхъ азіатскихъ горъ. Конечно, говорить, недалече тутъ люди где-то живутъ. Не знаю, кто бы могъ поселиться въ сихъ страш-

²³²⁾ См. „Псалтирь“, пс., 38, ст. 2.

ныхъ пустыняхъ, сказалъ молодой. По крайней мѣрѣ виденъ бы былъ слѣдъ какойлибо ко источнику. Да! въ близости его по камнямъ не видать, сказалъ старикъ, но въ дальней околичности примѣтилъ я слѣдъ, весьма похожъ на человѣческій. Мало помедливъ, поднялися узенькою тропою по кручамъ. Она ихъ привела ихъ до каменной пещеры, съ надписью сею: „сокровище свѣта, гробъ жизни, дверь блаженства“. Не знаю, кій духъ влечетъ мене въ темный сей вертепъ, говоритъ старикъ. Или умру, или живъ буду. Ступай за мною! Послѣдую предводительству духа, пошли оба внутрь. Молодой не терпя больше глубокія тмы:—ахъ! куда идемъ?... Потерпи! Кажется, слышу человѣческій голосъ. И дѣйствительно стало слышно шумъ веселящихся людей. Приблизився къ дверямъ, начали стучать. За шумомъ не скоро имъ отперли. Войшли въ просторную залу, лампадами освѣщенную. Тутъ ихъ приняли такъ, какъ родственниковъ, здѣлавъ участниками пира. А живутъ здѣ нѣсколько земледѣловъ со фаміліями. Отдыхавъ нѣсколько дней у сихъ человѣколюбныхъ простаковъ, праздновавшихъ шесть дней рожденіе своего господина, спросили путники у Конона, кой былъ межъ ними головою, какъ далече живетъ ихъ господинъ? Онъ насъ всѣмъ тѣмъ, что къ веселости принадлежитъ, снабждаетъ, сказалъ Кононъ, однакъ мы къ нему въ домъ никогда ни ходимъ и не видимъ кромѣ нашихъ пастуховъ, которые ему вѣрнѣе протчихъ. Они отъ насъ носятъ ему поклоны. Если желаете, можете къ нему ити. Онъ не смотритъ на лице, но на сердце. Вамъ назадъ ворочаться нельзя. Вотъ двери! Вамъ не страшень темнаго вертепа путь при факлѣ. Господь съ вами! Ступайте! Седмаго дня, по входѣ своемъ въ пещеру 1771-го года съ полночи вступили чужестранцы во путь господскій. На разсвѣтѣ услышали хоръ поющій: „смертію смерть по правъ...“ Послѣ пѣнія вдругъ отворилися двери. Войшли въ чертогъ, утреннимъ свѣтомъ озаренный...

Лука. Полно! Воскликните Богу Іаковлю нынѣ! Зачинай пѣть псаломъ твой и веди хоръ, Памва! А мы за тобой, сколько можно.

Хоръ.

Памва. „Рѣхъ сохранию пути моя...“

Лука. Кажется, со стихомъ симъ согласенъ тотъ: „рѣхъ: сохрани законъ твой...“ Отсюда видно, что Давидовы пути, которые онъ намѣренъ сохранять, и законъ Божій — все то одно. И такъ второй стихъ есть истолкователемъ перваго.

Антонъ. Немножко есть сумнѣнія въ томъ, что Давидъ назвалъ своимъ то, что Божіе есть, а не его.

Квадратъ. Для чего жъ Давиду закона Божія не назвать своимъ путемъ: онъ, путь нечестивыхъ оставивъ, усвоилъ и усвоилъ себѣ путь Божій.

Антонъ. Не спорю. Однакожъ лучше, когда бы третій стихъ развѣ-
валъ сумнѣнне, дабы твердое было въ троицхъ тонахъ согласіе.

Лука. Что жъ сумнѣваться? Вѣдь Давидъ и Бога своимъ на-
зываетъ. „Часть моя еси Господи. Ты мой, а законъ твой есть мой-же“.
„Рѣхъ: сохраню пути моя...“—тоже, что: „рѣхъ: сохранитъ(и) зак.(онъ)
твой“²³³). Но для твоего удовольствія вотъ тебѣ третій! „Пути моя
исповѣдахъ: и услышалъ мя еси“²³⁴).

Антонъ. Я и симъ не доволенъ. Сей стихъ изъясняетъ слѣ-
дующимъ: „рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви“²³⁵). И такъ:
„пути моя исповѣдахъ“, тоестъ беззаконіе мое, а не законъ Божій.
„И услышалъ мя еси“, тоестъ: „и ты отпустилъ еси нечестіе сердца
моего“. Сіи два во всемъ съ собою сходны. И какъ начало началомъ,
такъ и конецъ концемъ втораго отгьрывается. И такъ нѣсколько раз-
нять два стихи сіи: „сохраню пути моя“... „сохранити законъ твой“..
Если бы сказалъ: сохраню пути твоя, въ то время совершенная была
бы симфонія съ симъ: „сохранити законъ твой“.

Квадратъ. Какъ же теперь быть? Слушай, Памво! Завель ты
насъ въ непроходиму. Ты жъ самъ и выведи.

Памва. Знаю. Вамъ сумнительно то, что Давидъ какъ законъ
Божій называетъ путемъ своимъ, такъ и беззаконіе называетъ своимъ
же. Не удивляйтесь. Единъ нашъ для всѣхъ насъ есть путь, ведущій
во вѣчность, но двѣ въ себѣ части и двѣ стороны, будто два пути,
десный и шуй, имѣеть. Часть Господня ведетъ насъ къ себѣ, а лѣ-
вая его сторона во тлѣніе. Сею стороною Давидъ прежде шествовалъ
и, усмотрѣвъ обманъ, говоритъ: „пути моя исповѣдахъ и ты“ и проч.
Потомъ, избравъ благую часть, сказуетъ: „сохраню пути моя“, сирѣчь,
стану беречь сію благую часть дабы мене мой языкъ не отвелъ отъ
нея во истлѣніе. „Искуси мя, Боже, и увѣждь сердце мое и аще есть
путь беззаконія во мнѣ, тогда настави мя на путь вѣченъ“²³⁶).

Другъ. Любезныи други! Вы не худо на Давидову арфу забрен-
чали и по моему мнѣнію не нарушили мусикии. Но одустили самое
нужное, а именно: „рѣхъ“.

Антонъ. Сіе, кажется, всякъ разумѣеть.

Другъ. А мнѣ снится, будто нѣтъ труднѣе.

Антонъ. Конечно, ты шутишь.

Другъ. Никакъ! Священное писаніе подобно рѣкѣ или морю. Часто
въ томъ мѣстѣ глубина и самымъ ангелскимъ очамъ неудобозримая
закрывается, гдѣ по наружности показывается плохо и просто. При-

²³³) См. „Псалтирь“, пс. 118, ст. 34.

²³⁴) См. „Псалтирь“, 118 пс., 26 ст.

²³⁵) См. „Псалтирь“, 31 пс., 5 ст.

²³⁶) См. „Псалтирь“, пс. 138, ст. 23 и 24.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

мѣчайте, что Давидъ на мѣстахъ говоритъ „рѣчь“ и послѣ сего весьма важное слѣдуетъ: напримѣръ, „рѣчь: нынѣ начахъ...“ и прочая; „рѣчь: потомъ рождается сохраненіе закона.“ „Рече безумень въ сердце своемъ“; въ то время слѣдуетъ растлѣніе всѣхъ начинаній; „рѣчь: Ты еси Богъ мой.“ Видите, что рѣчь сѣмямъ и источникомъ есть всему добру и злу, а вы сію голову опустили. Сея-то добрыя рѣчи просить у Бога онже. „Рцы душѣ моей: спасеніе твое есмь Авъ“. „Господи, устнѣ мои отверзеши...“ А какъ послалъ слово свое и испѣлилъ, въ то время Давидъ всему строенію своему положилъ основаніе... Какъ же ты, Антонъ, говоришь, что всякъ разумѣетъ? Разумѣешь ли, что такое есть рѣчь?

Антонъ. По крайней мѣрѣ вижу человѣческіи уста.

Другъ. Богъ знаетъ.... „Приступитъ человѣкъ и сердце глубоко“. Какъ же можешь видѣть?

Антонъ. Сердце видѣть не могу.

Другъ. Такъ не видишь же ни устъ его. Позабылъ ты уже оное? „Глубоко сердце человѣку и человѣкъ есть“. Слушайте, любезныи други! Запойте на Давидовыхъ гусяхъ. Обличите его невѣжество. Иждените бѣса. Памво, зачинай!

Симфонія.

Памва. „Согрѣяся сердце мое. Глаголахъ языкомъ моимъ“ ²³⁷).

Лука. „Даль еси веселіе въ сердце моемъ“ ²³⁸).

Квадратъ. „Отрыгну сердце мое слово благо, языкъ мой трость“ ²³⁹).

Памва. „Возрадуется языкъ мой правдѣ твоей“ ²⁴⁰).

Квадратъ. „Слово Господне разже его“ ²⁴¹).

Лука. „Возвеселитися во веселии языка твоего“ ²⁴²).

Памва. „Разжеся сердце мое и утробы моя“ ²⁴³).

Лука. „Возрадуются устнѣ мои и душа моя,“ ²⁴⁴).

Квадратъ. „Тебѣ рече сердце мое: Господа възыщу.“

Другъ. Полно! Слышишь ли, Антонъ, симфонію? Понялъ ли ты, что языкъ со устами радуется, а сердце говоритъ? Признай-ся-жь со ²⁴⁵)

²³⁷) См. „Псалтирь“, пс. 38, ст. 4.

²³⁸) См. „Псалтирь“, пс. 118, ст. 111.

²³⁹) См. „Псалтирь“, пс. 44, ст. 2.

²⁴⁰) См. „Псалтирь“, пс. 50, ст. 16.

²⁴¹) См. „Псалтирь“, пс. 104, ст. 19.

²⁴²) См. „Псалтирь“, пс. 105, ст. 5.

²⁴³) См. „Псалтирь“, пс. 25, ст. 2.

²⁴⁴) См. „Псалтирь“, пс. 70, ст. 23.

²⁴⁵) У Д. И. Багал'я здѣсь напечатано: „со мною, Сираховымъ сыномъ“, — въ подлинникѣ слова „мною“—нѣтъ.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Сираховымъ сыномъ, что „уста мудрыхъ въ сердцахъ ихъ“. Но какъ сердце ихъ не видишь, такъ ни усть ихъ, ни языка, ни слова усть ихъ, ни рѣчи. Видишь, коль трудное слово „рѣхъ!“

Антонъ. А ви́шніи уста и языкъ что такое есть?

Другъ. Онѣмѣи и молчи! Не слыхалъ ли ты, что на сихъ гусляхъ не должно пѣть для твоей земли, плоти и крови, но единому Господу и Его языку, о коемъ пишется: „земля убоится и умолча ввсегда востати на судъ Богу.“

Антонъ. Новый подлинно языкъ.

Другъ. Новый человекъ имѣеть и языкъ новый. Слушай, Памво! Запойте сему возлюбленному нашему Человѣку, сладости и желанію нашему. Но такъ пойте, чтобъ сладка была ему ваша хвала. Воспойте умомъ, не однимъ воздухъ поражающимъ гласомъ. Новому новую пѣснь.

Симфонія.

Памва. „Пою тебѣ въ гусляхъ, святыи Израилевъ.“

Лука. „Красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ.“

Квадратъ. „Возлюбленный, яко сынъ единорожъ.“

Памва. „Сегоради помаза тя, Боже, Богъ твой.“

Лука. „Честно имя его предъ ними и живъ будетъ.“

Квадратъ. „Обновится яко орля юность твоя.“

Памва. „Жезлъ силы послеть ти Господь отъ Сіона.“

Лука. „Что есть человекъ, яко помниши его.“

Квадратъ. „Человѣкъ и человекъ родися.“

Памва. „Престоль его, яко солнце.“

Лука. „Востани! всякую спиши, Господи?“

Квадратъ. „Десница твоя воспріять мя.“

Памва. „Не даси преподобному твоему видѣти истлѣнія.“

Лука. „Еще же и плоть моя вселится на упованіи.“

Квадратъ. „И лѣта твоя не оскудѣють.“

Другъ. Знаешь ли, Антонъ, сего блаженнаго мужа? Онъ не умираеть, а плоть его не истлѣваетъ.

Антонъ. Признаюсь, не знаю. А что знаю, тѣ вси умирають и тлѣють.

Другъ. Такъ слушай же, что тѣ всѣ у Бога непочотныи. „Не соберу, рече Господь, соборовъ ихъ отъ кровей.“ Кая польза въ крови ихъ, когда они тлѣють? Ищи, что-то-за-человѣкъ, который въ памятной записи у Бога? Если сыщешь, въ то время и самъ записанъ будешь на небесахъ. Вѣдь ты читалъ, что „единою глагола Богъ,“ а тамъ разумѣется двое—человѣкъ и человекъ, языкъ и языкъ, „рѣхъ и рѣхъ,“ старое и новое, истинное и пустое, слово Божіе и смертное, глава и пята, путь и грѣхъ, то есть заблужденіе... „Рѣхъ.“ А потомъ что? „Сохраню пути моя.“ „Рѣхъ беззаконнующимъ.“ А что такое? „Не

беззаконнуйте.“ „Рѣхъ.“ Чтожь то за рѣчь? „Услышу, что речеть во мнѣ Господь?“ „Миръ! яко, речеть, миръ на люди своя.“ „Рѣхъ.“ Вотъ же и рѣчь! „Господи устнѣ мои отверзаша.“ „Рѣхъ.“ „Господь дастъ глаголь благовѣтствующимъ.“ „Рѣхъ.“ „Посла слово свое и исцѣли ихъ.“ „Рѣхъ.“ „Въ началѣ бѣ слово.“ „Рѣхъ.“ „Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіяти.“ „Рѣхъ.“ „Той сотреть твою главу.“ „Рѣхъ.“ „Рече Богъ: да будетъ свѣтъ.“ „Рѣхъ.“ „Просвѣщаеши тму мою.“ „Рѣхъ.“ „Сердце чисто созижди.“ „Рѣхъ.“ „Господи во чревѣ нашемъ зачахомъ.“ „Рѣхъ.“ „Всяка плоть—трава.“ „Рѣхъ.“ „Клякса и поставихъ судьбы“... „Рѣхъ.“ „Живо бо есть слово Божіе.“ „Рѣхъ.“ „Доколѣ сѣчеши, о мечу Божій; глаголай истинну въ сердцѣ моемъ, Боже сердца моего, доколѣ сѣчеши? Я уже скрыхъ словеса твоя въ сердцѣ моемъ.“

Антонъ. А я думалъ, что Давидъ обыкновенно сказалъ нашимъ языкомъ—рѣхъ.

Другъ. Ни, но тайнымъ, новымъ, нетлѣннымъ. Онъ не любилъ инако говорить; слышь, что сказуетъ? „О Господѣ похвалю слово.“

Антонъ. О дабы Богъ далъ и мнѣ новый сей языкъ!

Другъ. Если узнаешь старый, познаешь и новый.

Антонъ. Тфу! Что-за-бѣда? Будто я уже и стараго не знаю? Ты мене чучеломъ здѣлалъ.

Другъ. Еслибъ тебѣ трактирщикъ поставилъ одинъ стараго, другій стаканъ вина новаго, а ты не знатокъ, то какъ можно сказать, будто знаешь? Ошибкою можешь почестъ старое вмѣсто новаго.

Антонъ. Что жъ ползы видѣть, не имѣя вкуса?

Другъ. Самая правда. А я тебѣ говорю, что и о самомъ старомъ ²⁴⁶⁾ языкѣ не знаешь, гдѣ онъ, хотя бѣ ты вкуса не былъ лишень.

Антонъ. Что ты поешь? Вѣдь старый языкъ нашъ во ртѣ.

Другъ. А ротъ гдѣ?

Антонъ. Развѣ ни видишь моего рта?

Другъ. Полно врать, не просвѣщенная грязь! Преисподняя тма! Послушай Давидовыхъ гуслей и прожени духа лжи. Воспой старикъ!

Симфонія.

Памва. „Нѣсть во устѣхъ ихъ истины. Сердце ихъ суетно“.

Лука. „Устнѣ лживыя въ сердцѣ“.

Квадрать. „Рече безумель въ сердцѣ своемъ“.

Памва. „Трудъ и болѣзнь подѣ языкомъ ихъ“.

Лука. „Доколѣ положу совѣты въ душѣ моея“.

Квадрать. „Болѣзни въ сердцѣ моемъ“...

Другъ. Вотъ видишь, что и самый старый твой языкъ во ветхомъ твоёмъ сердцѣ, а не въ наружности.

246) У Д. И. Багалѣя слово „старомъ“—пропущено.

Прим. ред.

Антонъ. Какъ же наружный мой языкъ не говорить, когда онъ говорить? Вѣдь голосъ его слышенъ.

Другъ. Мысль движеть грязь твоего языка и она-то говорить онимъ, но не грязь, такъ какъ молотокъ часы на башнѣ бьетъ. Выходить изъ нутра часовыя машины побудительная сила, коею нечувственный движется молотокъ. И посему-то Давидъ поетъ: „помыслиша (такъ вотъ уже) и глаголаша.“ Старый, новый ли языкъ, оба закрылися въ безднѣ сердцеъ своихъ. „Помыслихъ, говорить, пути твоя,“ то есть, „рѣхъ: сохраню пути моя.“ А опять о зломъ языкѣ вотъ что: „неправду умысли языкъ твой,“ то есть „сердце его ²⁴⁷⁾ собра беззаконіе себѣ.“ А какъ во мертвость твоего наружнаго языка, такъ во всё твоея тлѣнности члены выходить побудительная сила изъ сердечныя-же машины. Посему видно, что всё они въ той-же безднѣ, какъ яблоня въ своемъ сѣмени, утаеваются, а наружная грязь о нихъ только свидѣтельствуеть. Пѣвчіи! поиграйте и сея пѣсенки!

Симфонія.

Памва. „Нога моя ста на правотѣ“ ²⁴⁸⁾.

Лука. „Тѣ же присно заблуждаютъ сердцемъ“ ²⁴⁹⁾.

Квадратъ. „Неправду руки ваши соплѣтають.“

Памва. „Въ сердцѣ беззаконіе дѣлаеть.“

Лука. „Языкъ его соплѣташе лщеніе.“

Квадратъ. „Возведохъ очи моя“ ²⁵⁰⁾.

Памва. „Къ тебѣ взяхъ душу мою.“

Лука. „Виждь и приклони ухо твое.“

Квадратъ. „Преклонихъ сердце мое во свидѣнія твоя.“

Другъ. Ражжуй силу сихъ словъ и усмотришь, что нога гордыни и рука, и рога грѣшныхъ, и зубы, уши, и око простое и лукавое, и все до послѣдняго волоса спряталось въ сердечной глубинѣ. Отсюду-то исходятъ помышленія, всю нашу крайнюю плотъ и грязь движущи. Помышленіе, владѣющее наружнымъ твоимъ окомъ, есть главное твое око, а плотское такъ какъ-бы одежда, послѣдующая своей внутрности. Тоже разумѣй и о протчихъ частяхъ.

Антонъ. Да ты жъ говорилъ, что уста мудрыхъ только однихъ въ сердцѣ ихъ, а теперъ говоришь то о всякихъ устахъ.

Другъ. Весьма ты примѣтливъ на мои ошибки. Вотъ Сираховъ стихъ! „Сердце безумныхъ во устахъ ихъ, уста же мудрыхъ въ сердцѣ

247) У Д. И. Багалѣя слово „его“—пропущено.

248) См. „Псалтирь“, пс. 25, ст. 12.

249) См. „Псалтирь“, пс. 94, ст. 10.

250) См. „Псалтирь“, пс. 120, ст. 1.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

ихъ.“ Пускай же и безумнаго уста будутъ въ сердцѣ. Но если ты сего не разумѣешь, въ то время мысль твоя будетъ въ грязи нарушникъ твоихъ устъ. А о чемъ размышляешь, тамъ твое пустое и сердце. Оно думаетъ, что плотское брєніе силно и важно. Въ семь ложномъ мнѣніи оно пребывая дѣлается и само пустошью, такъ какъ и языкъ его есть суетный. Таковый помыслъ есть устами твоими брєнными, а въ нихъ твое сердце доколѣ будетъ, доколѣ не скажешь: „рѣхъ: сохранию пути моя“. „Спаси мя отъ брєнія, да не углубну“. Загѣмъ то языкъ и головою называется, что за симъ вождомъ все человѣческое сердце идетъ. Желалъ бы я, дабы тебѣ Господь и всѣмъ намъ далъ новое и чистое сердце, стеръ главу языка змиина, а заговорилъ въ сердцѣ нашимъ тѣмъ языкомъ, о коемъ сказано: „языка, его же не видяше, услыша“. „Посла слово свое и избави ихъ отъ растлѣній ихъ“.

Антонъ. Теперь кажется, и я разумю сіи слова: „возрадуются кости смиренныя“.

Другъ. Когда все-на-все, то и самая кость въ душѣ и въ сердцѣ заключается. Какъ только (говорить) умолчать: „ответшаша кости моя“.

Памва. „Онѣмѣхъ и умолчать отъ благъ въ то время, внигда востати грѣшному (языку) предо-мною“.

Другъ. Подлинно. А какъ сей злый вождь и глава змиина приводитъ все сердечное сокровище въ смущеніе, такъ напротивъ-того веселый Божій миръ благовѣтствующій языкъ, приноситъ всему сердцу, всей безднѣ нашей радость и свѣтъ. „Слуху (говорить) моему даси радость и веселіе“. Для того какъ все мое, такъ и кости мои, прежде сего смирившися во истлѣніе, теперь возрадуются. Сему мирному языку вѣровахъ, тѣмже и глаголахъ. А что глаголахъ? вотъ что! „Всякъ человѣкъ—ложь.“ „Всяка плоть—сѣно.“ „Плоть—ничто же.“ „Рѣхъ: имя Господне призову.“ „Рѣхъ: сохранию пути моя.“ Пойду въ слѣдъ за новымъ моимъ языкомъ, за нетлѣннымъ человѣкомъ. Не пойду во истлѣніе за грѣшнымъ языкомъ. Закричу со Исаіею: „Божій есмь“.

Памва. Войшли мы нѣсколько во внутренность плоти нашея, будто въ нѣдро земное. Нашли чего не видали. Людей мы нашли новыхъ, руки, ноги и все новое имѣющихъ. Но еще не конецъ. Продолжаймо путь къ совершенному миру нашему. Пренебреги, о, душа моя, совершенно всю плоть видиму и невидиму! Отходь отъ нея и приближайся ко Господу. Вѣрою отходь, а не видѣніемъ. Вѣра роетъ и движетъ горы. Вотъ свѣтильникъ стезямъ твоимъ, языкъ новый.

Аминь.

Въ рукописи «Наркисъ».

Намъ известны слѣдующія рукописныя копии этого произведенія Г. С. Сковороды:

1) Хорошо сохранившійся экземпляръ въ библиотекѣ Киевской Духовной Академіи. Рукопись переплетена. Значится по описи „Рук. Муз. 605, № 9“. На первой чистой страницѣ имѣется карандашная надпись: „неиздано предисловіе, а разгов.(оръ) изданъ“. На рукописи штемпель: „Изъ библиотеки № С. И. Миропольскаго“. Тутъ же епископская печать.

2) Въ библиотекѣ Харьковскаго Университета хранится рукописный сборникъ писаній Г. С. Сковороды, переплетенный въ хороший, прочный переплетъ формата писчаго листа. По описи онъ значится: „Шк. рук. № 2 $\frac{8}{4}$ “. На верхней коркѣ переплета еще имѣется наклеенный номеръ „122“. На внутренней сторонѣ переплета сдѣлана надпись „№ 57. 70 страницъ и 35 листовъ разнаго формата“. Тутъ же оглавленіе сборника: „Оглавленіе рукописныхъ сочиненій Сковороды, съ его портретомъ на полулистѣ съ книгою въ рукѣ: Алфавитъ мира. Въ стихахъ: Садъ пѣсней, всего 29-ть, Мелодія къ Рождеству Христову, на 66 страницахъ. Въ прозѣ: 1. Разговоръ о томъ знай себя, на 54 страницахъ. Собственноручный оригиналъ, писанный имъ въ пасикѣ (въ пчельникѣ) на разношерстной бумагѣ. 2. Начальная дверь къ христіанскому добродравію, на 8 страницахъ. Письмо изъ Гусинской пустыни. Копія на 2 страницахъ.“

Въ библиотеку доставлено отъ комиссіонера Харьковскаго университета—С.-Петербургскаго книгопродавца, уроженца города Сумъ, Ив. Тим. Лисенкова. Санктпетербургъ. 1861 года мѣсяца іюля“. На этомъ же чистомъ листѣ (форзацѣ) въ углу имѣется номеръ.

1861 “
” 596

„Разговоръ о томъ знай себе“,—помѣченный въ этомъ оглавленіи

ни,—есть ничто иное какъ „Наркисъ“. Рукопись хорошо сохранилась: Это подлинная рукопись Г. С. Сковороды. Очевидно черновикъ. Въ текстѣ много поправокъ, сдѣланныхъ рукою Григорія Саввича. На верху перваго листа рукописи крупнымъ почеркомъ написано: „собственной руки сочинителя“. Внизу другимъ почеркомъ: „сочиненіе и рука Григорія Саввича г-на Сковороды“.

3) Въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи хранится копія рукописи „Наркисса“, значащаяся по описи: „Рукопись фундам. Б—ки № 22, дополнительная“. На переплетѣ сдѣлана надпись: „въ сей рукописи форзацъ +восемьдесятъ двѣ (1—82) нумерованныхъ писанныхъ страницы, +нумерованные писанные листы 83—86 +нумерованныя писанныя страницы 87—104. Рукопись Библиотеки Московской Духовной Академіи. Шифръ: Рукопись фундам. Б—ки № 22 дополнительная. Библиотекарь Академіи К. Поповъ“. На форзацѣ сдѣлана надпись почеркомъ того-же библиотекаря: „препровождена изъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ 31 октября, 1839 г. № 220.“ На верху первой страницы рукописи имѣется надпись: „№ 125 поступ. марта 6 дня 1836 года. г. цензору Каченовскому“. И другимъ почеркомъ: „№ 23, поступила августа 24 дня 1836 года“.

Цензоръ, по старинному обычаю, не только разсматривалъ эту рукопись, но и пытался исправлять рукопись, замѣняя слова, передѣлывая фразы и т. п. Поля рукописи испещрены цензорскими отмітками—карандашными и чернильными. Какъ видно, многое изъ рукописи цензору показалось подозрительнымъ и рукопись была задержана и не разрѣшена къ печати.

Влад. Бончъ-Бруевичъ.

Симфонія нареченная Книга Асхань о познаніи самого себе ²⁵¹).

Рожденна 1767-го лѣта.

Любезный друже Михаиле! ²⁵²)

Десять верстъ отъ Харкова написалъ я сію книгу въ лѣсахъ земборскихъ. Духъ велѣлъ, да наречется Асхань. Асхань есть дщерь Халева, вшедшаго въ землю обѣтованную. Значить Красота. Онъ ее отдаетъ братаничу своему въ супругу за то, что досталъ градъ Арвонъ. Сей градъ иначе называется Хавронъ, сирѣчь дружба и градъ писмень. Сія есть премудрость Божія, сокровенна во глубинахъ Бібліи. Всѣ, стяжавшіи премудрость сею невѣстою услаждаются по глаголу Исаяну: „яко же веселятся женихъ о Невѣстѣ, тако возрадуется Господь о тебѣ“.

Сердце наше, узнавшее себе, есть вить голубъ. Сей голубъ вызываетъ себѣ изъ Ноева ковчега, изъ Библіи, чистый чистую голубицу. Вотъ Невѣста! Вотъ всепріятнѣйшая и единая жертва Богу. Вотъ пара голубовъ! Вотъ воня благовонія Господу. Вотъ верхъ блаженства! Сія воня кончитъ сію книгу. Что значить: сломить голуба отъ криль его? Тоже что сломить рога. „Все роги грѣшныхъ сломлю“. Рогъ, ноготь, волосъ, перья — разнится отъ тѣла, хотя все сіе въ тѣлѣ. Въ тѣлѣ и разнится отъ тѣла что-ли? Мысль! Мысль чистая есть власъ главы негиблющій; роги и лучи на главѣ Мойсею. Рогъ Іеремину ногтю адамантову равный, есть то чистая, чистая мысль. Крила голубины, легко парящія во вѣчность, вотъ они: „помышленія сердца его суть въ родъ и родъ“. Сломите крила! разумѣй: раздерите сердца ваша. Тогда сломишь дурныя крила и голубицѣ твоей, — Библіи. Вотъ пара! Да отторгнетъ главу (голубову). Да отлучитъ де гортань съ перьямъ... Сіе есть то же: разлучи Богъ между водою и водою... Что есть вода сія еще не рѣка, рѣчь, мысль, слово, гортань, сердце, перья? Всяка фигура, паче же солнце, есть то мысль ей! Нѣчто бо намъ проповѣдуетъ. Аще же солнце есть то мысль ей! Оно — голубъ. Куда летить? Во вѣчность. „Полещу и почию. Тутъ вѣчность именуется востокомъ. Что бо вышше ея? „Востокъ имя ему“. Сюда бросай! Бросай на востокъ гортань и перья. Горняя мудрствуй. Подними во верхъ. Пожри

²⁵¹) Подлинникъ рукописи хранится въ бібліотекѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ подъ № 1488 (Томъ I). Подробнѣй о рукописяхъ „Асхани“ см. нашу замѣтку послѣ текста рукописи. *Прим. ред.*

²⁵²) „Друже Михаиле“ — это другъ Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскій.

Прим. ред.

Богу. Метай вышше пепела. На мѣсто пепела. Вмѣсто плоти, возверзи на Господа печаль твою, тлѣнь твою, плоть твою, ничто же сіе твое. Да будутъ очи твои голубины вышше пепела, на мѣстѣ иномъ отъ пепела. Все бо есть пепель кромѣ вѣчности. Вотъ тогда-то испѣдишь кровь отъ сонца. Узнавъ истину, преложится тебѣ сонце во кровь. Что бо есть оно, аще не плоть, кровь и пепель?... А какъ кровавыя крила отъ сердца твоего отлучи, такъ и скотину твою раздѣли. Тѣло твое, пепельная твоя часть—вотъ то тебѣ! Дай же мѣсто на мѣстѣ твоего пепела: слушай! на всякомъ же мѣстѣ дай мѣсто и Богу твоему. Во волосѣ волосу его, въ жилочкѣ твоей жилкѣ его, въ костяхъ твоихъ, костямъ его. Подѣлися съ нимъ до послѣднія твоя часточки, какъ царь Содомскій со Авраамомъ. Вотъ тогда то собудется: „Жена твоя (премудрость), яко лоза плодovitа во всѣхъ бокахъ дома твоего ²⁵³). Вотъ тебѣ лѣторосли чада твоя! Новыя жилы! Новая плоть и кость! А трапеза твоя вышнему, сердце твое. Аминь ²⁵⁴).

Миръ на Израиля.

Григорій Сковорода ²⁵⁵).

Главизна книги сей.

„Земля бѣ невидима... и тма верху бездны“ ²⁵⁶).

*

„Еда познанна будутъ во тмѣ чудеса твоя и правда твоя въ землѣ забеннѣй?“ ²⁵⁷).

*

„Помяните чудеса Его, (сіестъ) судьбы усть Его“ ²⁵⁸).

*

„Не утаится кость моя отъ тебе, юже сотворилъ еси въ тайнѣ.“ ²⁵⁹).

*

„Духъ вся испытуетъ и глубины Божія“ ²⁶⁰).

²⁵³) См. „Псалтирь“, пс. 127, ст. 3.

Прим. ред.

²⁵⁴) Это письмо написано Г. С. Сковородой безъ твердыхъ и мягкихъ знаковъ; вмѣсто мягкаго знака онъ вездѣ ставитъ апострофъ (’), а твердыхъ—просто не пишетъ.

Прим. ред.

²⁵⁵) Точная копія заглавія рукописи, письма къ другу Михаилу и „Главизнѣ книги сей“ нами сдѣлана съ подлинника, находящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ. Въ настоящее время эта копія, входящая въ собраніе сектантскихъ рукописей В. Д. Вончъ-Бруевича, хранится въ Рукописномъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ и значится по описи: „Сект. 2847“. *Прим. ред.*

²⁵⁶) См. „Первая книга Моисеева—„Бытіе“, гл. 1, ст. 2. *Прим. ред.*

²⁵⁷) См. „Псалтирь“, пс. 87, ст. 13.

Прим. ред.

²⁵⁸) См. „Первая книга Паралипоменонъ“, гл. 16, ст. 12. *Прим. ред.*

²⁵⁹) См. „Псалтирь“, пс. 138, ст. 15.

Прим. ред.

²⁶⁰) См. „Первое посланіе къ Коринѣянамъ“, гл. 2, ст. 10. *Прим. ред.*

Симфонія ²⁶¹).

Съ симъ стихомъ:

„Аще не увѣси самую тебѣ, о добрая въ женахъ, изыди ты въ пятахъ паствъ, и паси козлища твоя у кущей пастырскихъ.“

Пѣснь пѣсней ²⁶²).

Лица въ разговорѣ ²⁶³).

Памво, Антонъ, Лука, Кононъ, Филонъ, Квадратъ, Другъ.

Памво. Прекрасное утро, пресвѣтлый сей Воскресенія день. Сей веселый садъ, новый свой листъ развивающій. Сія въ немъ горняя бесѣдка: священнѣйшимъ Библии присудствіемъ освященная, и ея-жъ картинами украшенная. Не все ли сіе возбуждаетъ тебе къ бесѣдѣ? Слушай! Собравшійся здесь, Новый Израилю! Любезныя друзья! Оживило меня присудствіе ваше. Находясь окруженъ толь честными и челоуѣколюбными сердцами, могу сказать съ возлюбленнымъ Давидомъ, что согрѣлося во мнѣ сердце мое ²⁶⁴).

Антонъ ²⁶⁵). А что это за картина? Слышь, Лука!

Лука. Дочь царская со служанками. Вотъ видишь! Нашла въ коробочкѣ плавающего младенца.

²⁶¹) Въ спискѣ Д. И. Багалѣя не было вышеприведеннаго письма Г. С. Сковороды къ „другу Михаилу“, а также нѣтъ „Главицинь книги сей“. Списокъ Д. И. Багалѣя мы исправили по подлиннику и въ настоящее время онъ хранится въ Рукописномъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ и значится по описи: „Сект. 2848“.

Прим. ред.

²⁶²) См. „Книга пѣсни пѣсней Соломона“, гл. 1, ст. 7. *Прим. ред.*

²⁶³) Въ копи, хранящейся въ библиотекѣ Киевской духовной академіи, вмѣсто словъ „въ разговорѣ“, написано: „бесѣдующіе“. Такъ же и въ копіи Д. И. Багалѣя.

Прим. ред.

²⁶⁴) Рукопись библиотeki Киевской Духовной Академіи доставлена изъ цензурнаго комитета. Цензору не понравился въ этомъ мѣстѣ языкъ Сковороды и онъ поправляетъ это выраженіе такъ: „мое сердце во мнѣ согрѣлося“.

Прим. ред.

²⁶⁵) Въ подлинникѣ всѣ лица, участвующіе въ разговорѣ не вынесены съ новой строки, а писаны подрядъ съ текстомъ. Мы выносимъ ихъ съ новой строки для удобства чтенія. Въ спискѣ библиотeki Киевской духовной Академіи такое выдѣленіе участвующихъ въ разговорѣ лицъ сдѣлано уже переписчикомъ.

Прим. ред.

Антонъ. Да! да! да! Человѣка Божія, Мойсея. А сихъ двоихъ картинъ не знаю.

Лука. Не знаю, какіе-то два города, на превысокихъ горахъ? Пам. (во). Вотъ городъ Хевронъ ²⁶⁶!

Ант. (онъ). Что за Хевронъ?

Памво. Которымъ благословилъ Иисусъ Навинъ Халева, отдавъ ему въ наслѣдіе. Онъ иначе называется Арвокъ. А сей другой есть городъ Давиръ. Изпрежде названъ: Градъ ученія, или городъ Писменный.

Лука. А что-жъ это за два мужы вооруженныя, а межъ ними женщина?

Павмо. Сей-то есть Божій мужъ Халевъ. Онъ отдаетъ прекрасную Асханъ, дочь свою, въ жену братаничу своему зато, что онъ взялъ городъ Давиръ. Сія вся исторія видна изъ 14 и 15 главы во Иисусъ Навинъ ²⁶⁷.

Антонъ. О прекрасныя картины!

²⁶⁶) Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вездѣ „Хевронъ“.

Прим. ред.

²⁶⁷) Въ 14 и 15 главѣ „Книги Иисуса Навина“, говорится:

Въ 14 главѣ.

„13. Иисусъ благословилъ его, и далъ въ удѣлъ Халеву, сыну Іефонніну, (Кенезеянину), Хевронъ.

14. Такимъ образомъ Невронъ остался удѣломъ Халева, сына Іефонніна, Кенезеянина, до сего дня, за то, что онъ въ точности послѣдовалъ (повелѣнію) Господа Бога Израилева.

15. Имя Хеврону прежде было Киріаѳъ-Арбы, какъ назывался между сынами Енака одинъ человѣкъ великій. И земля успокоилась отъ войны“.

Въ 15 главѣ.

„12. Вотъ предѣлъ сыновъ Іудиныхъ съ племенами ихъ со всѣхъ сторонъ.

13. И Халеву, сыну Іефонніну (Иисусъ) далъ часть среди сыновъ Іудиныхъ, какъ повелѣлъ Господь Иисусу; (и далъ ему Иисусъ) Киріаѳъ-Арбы, отца Енакова, иначе Хевронъ.

14. И выгналъ оттуда Халевъ (сынъ Іефоннінъ) трехъ сыновъ Енаковыхъ: Шешая, Ахимана и Фалмая, дѣтей Енаковыхъ.

15. Отсюда (Халевъ) пошелъ противъ жителей Давира (имя Давиру прежде было Киріаѳъ-Сеферъ).

16. И сказалъ Халевъ: кто поразитъ Киріаѳъ-Сеферъ и возьметъ его, тому отдамъ Ахсу, дочь мою, въ жену.

17. И взялъ его Гоѳонилъ (младшій) сынъ Кеназа, брата Халевова, и отдалъ онъ въ жену ему Ахсу, дочь свою.

18. Когда надлежало ей итти, ее научили просить у отца ея поле, и она сошла съ осла. Халевъ сказалъ ей: что тебѣ?

19. Она сказала: дай мнѣ благословеніе; ты далъ мнѣ землю полуденную, дай мнѣ источники водъ. И далъ онъ ей источники верхніе и источники нижніе.“

Прим. ред.

Памво. Ты видишь одну наружность ихъ. Но если-бъ ты увидѣлъ внутренія въ нихъ сокровенныя мысли: и былъ въ числѣ Божіихъ людей святыхъ, образовъ событіе зрящихъ, разумѣющихъ самую въ картинахъ силу, намѣреніе, конецъ и предѣлъ, конечно, бы не удержался: что-бъ не скакать²⁶⁸⁾ съ Давидомъ, предъ сѣннымъ ковчегомъ: и съ тобою здѣлалось бы тожъ самое, что съ тою королевою, о которой въ третьей Книгѣ Царствъ, вотъ что! „И видѣ Царица Савска весь смыслъ Соломонъ: и домъ, его же созда; и свѣди Соломоновы, и жилища отроковъ его, и предстояніе служащихъ ему; и облаченіе его, и виночерпцы его; и всесоженія его; я же приношаше въ Храмъ Господни, и внѣ себе бысть. И рече къ Соломону: истинна суть словеса, яже слышахъ въ землѣ моей о словесѣхъ твоихъ, и о Смыслѣ твоемъ, и не яхъ вѣры глаголющимъ мнѣ: дондеже прійдохъ сѣмо, и видѣша очи мои. И се нѣсть ни поль того, яко же мнѣ повѣдаша. Приложилъ еси Премудость, паче всякаго слуха...“²⁶⁹⁾.

Лука. Вотъ намъ это знакома! Это наша.

Антонъ. Какая?

Лука. Рождество Христово.

Памво. Почему она ваша?

Лука. Какъ же? Видь мы христіяне.

Памво. Если эта картина ваша, то и первая ваша, а иначе, ни одна не ваша.

Лука. Ни! Тамъ Мойсей, а тутъ Христосъ. Тотъ жидовскій, а Сей христіанскій Вождь.

Памво. А Мойсей не христіанскій?

Лука. Никакъ!

Памво. Для чегожъ христіяне въ собраніи читають сіе: „Отверзишиже, видитъ Отроча плачущееся въ Ковчезиѣ: и пощадѣ е Дщерь²⁷⁰⁾, фараоня: и рече отъ дѣтей Еврейскихъ сіе...“

Лука. Для того читають, что Мойсей прообразоваль Христа, Сына Божія²⁷¹⁾...

Памво. Да разумѣешь ли полно самъ-то, что говоришь? Что это значить [прообразоваль]?²⁷²⁾.

Лука. Что-ли это значить [прообразоваль]?

Памво. Да.

268) Въ спискахъ Д. И. Багалъя вмѣсто „скачать“—сказать. *Прим. ред.*

269) См. „Третья книга царствъ“, гл. 10, ст. 4, 5, 6 и 7. *Прим. ред.*

270) См. „Вторую книгу Моисееву—Исходъ“, гл. 2, ст. 6. *Прим. ред.*

271) Взгляды на перерожденіе въ вѣкахъ Христа совершенно тотъ же что и у всѣхъ сектъ „Духовныхъ христіанъ,“—„Израильтянъ“ нашего времени.

Прим. ред.

272) Какъ здѣсь, такъ и далѣе—скобки вездѣ стоятъ въ подлинникѣ.

Прим. ред.

Лука. А что же оно значитъ?

Памво. Я не знаю.

Лука. Бездѣлица! Какъ не знать этого? Онъ былъ Образъ, и одна тѣнь Сына Божія.

Памво. Какъ же тѣнь? Вѣдь самъ Богъ свидѣтельствуешь: что онъ Человѣкъ Божій. А Божій и Истинный—все то одно. Богъ и Истина, одно. Человѣкъ Божій, и Сынъ Божій одно-то. По сему то и Павелъ, таковаго Божія человѣка, называетъ созданнымъ по Богу: въ правдѣ и преподобіи истины. И сего одного хвалить.

Лука. Однако-жъ, Мойсей былъ тѣнный, какъ мы, человѣкъ, а Божіимъ названъ по благодати.

Памво. Вотъ тебѣ выласка! Пожалуй брось твое [однакожъ]! Не представляй мнѣ подлыхъ, школьныхъ богословцовъ квасинь²⁷³). Слушай! что такое о Мойсеи говорить Божіе слово? Не отемнѣтъ очи его, ни истлѣста устнѣ его.

Лука. Однако-жъ Мойсей иное, а иное Христось.

Памво. Слушай, припутню!²⁷⁴) Сама евангельская премудрость, вотъ что говоритъ: „Аще бысте вѣровали Мойсеови, вѣровали бысте безсумнѣнія и Мнѣ“. Видишь, что разумѣть Мойсея, есть-то разумѣть Христа; и Мойсей закрылся въ Евангеліи такъ, какъ Евангеліе по-жерто Мойсеовыми книгами, которыхъ оно есть лѣтораслюю.

Лука. Да тамъ же вдругъ слѣдуетъ и сіе: О мнѣ бо Той писа, а ты замолчалъ.

Памво. Конечно не писалъ бы, если-бъ не видѣлъ Его. А что-жъ есть животь вѣчный, если не то, что-бъ знать Бога? Сіе-то есть быть живымъ, вѣчнымъ и нетѣннымъ человѣкомъ²⁷⁵): и быть преображеннымъ въ Бога, а Богъ—любовь и соединеніе: все то одно. Сверхъ того, примѣчай, что и самыя ихъ сіи образы, межъ собою всеемъ сходны. Тутъ лежитъ, пеленами повить, Израилскій Младенецъ. И тамъ отъ еврейскихъ дѣтей. Сей положенъ матерью въ яслехъ, а тотъ своею въ коробочкѣ. Сего наблюдаетъ мати его, а того издавеча сестра его. Тутъ пришли пастыри и волхвы, а тамъ царева дочь, съ языческими служанками. А у древнихъ пастырями цари назывались. Напримѣръ: „Пасый, Израйля вонми“. Тоестъ, пастырю и царю израилскій. Впрочемъ, что израилскій роль не умираетъ, слушай пророка Іоїля: „Яко же утро, разліются по горамъ людіе мнови и крѣпцы. Подобны имъ не быша отъ вѣка: и по нихъ непріложится до лѣтъ въ родъ и родъ...“²⁷⁶) Если-бы

273) Отъ словъ: „вотъ тебѣ выласка!“—до выноски, въ экземплярѣ, бывшемъ въ цензурномъ комитетѣ сдѣлана карандашная отмѣтка. *Прим. ред.*

274) Та же отмѣтка цензора.

Прим. ред.

275) Та же отмѣтка цензора.

Прим. ред.

276) См. „Книга пророка Іоїля“, гл. 2, ст. 2.

Прим. ред.

до ихъ лѣтъ, можно что другое приложить, имѣли-бъ они конецъ. Но они, всему другому концемъ находясь, сами суть безконечны ²⁷⁷). Израиль есть самъ остатокъ умирающимъ всѣмъ земнымъ языкамъ. А что Іоильтъ тое сказуеть ²⁷⁸) о еврейскомъ родѣ, слушай Мойсея: „Блаженъ еси Израилю! Кто подобенъ Тебѣ? ²⁷⁹)“.

Лука. Однако-жъ Мойсей иное, а иное Христось.

Памво. Какъ же иное, если за одно съ нимъ говорить на Оаворѣ ²⁸⁰)? Видь ты слыхалъ родословіе Христова?

Лука. Слыхалъ. „Книга родства Іисуса Христа и протчая“.

Памво. Какъ же думаешь? Что се за книга? Видь этая книга не простая. Она есть книга Божія. Въ сей книгѣ ни одинъ плотской не записывается. Слушай Давида! „Не соберу соборовъ ихъ отъ кровей“. А записываются одни тѣ, кои „не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, но отъ Бога родишася“ ²⁸¹). А когда Мойсея само Слово Божіе называетъ Божіимъ чловѣкомъ, да и самому ему велить въ книгѣ Числь ставить протчихъ въ сіе щасливѣйшее ²⁸²) число и запись ²⁸³): какъ посмѣешь изъ сія книги его самого вычернить ²⁸⁴)? Учись! Не разумѣешь! Въ сію книгу и ученики Христовы записанны. „Радуйтеса“,—говорить,—„яко имена ваша написанна“ ²⁸⁵). Да о семъ одномъ и радоваться велить. Въ сію книгу вся-на-вся родня Христова: не плотская [слышь!] но духовная, записывается. А вотъ она, родня! „Кто есть Мати моя, или братія моя? Иже бо аще сотворитъ волю Божію: сей братъ мой, и сестра моя, и мати моя есть...“ ²⁸⁶). Удивительно тебѣ показалось, что Мойсей и Христось одно ²⁸⁷). Но не слышишь-ли, что такое о всей своей роднѣ Христось говорить къ нетлѣнному своему Отцу? „Да будутъ едино, яко-же и мы. Нѣтъ изъ васъ ни Іудея, ни Еллина, ни раба, ни вольнаго“ ²⁸⁸). „Нѣсть мужескъ полъ, ни женскъ: одно вы,—говорить Павелъ,—во Христѣ, и Христось въ васъ. Божій родъ, какъ конца, такъ не имѣеть, и раздѣленія.“

²⁷⁷) Отъ словъ: „Слушай пророка Іоиля“: до выноски та же отмѣтка цензора.

Прим. ред.

²⁷⁸) Въ спискѣ Кіевской Духовной Академіи написано вмѣсто слова „сказуеть“,—„говорить“. Также и въ спискѣ Д. И. Багалѣя. *Прим. ред.*

²⁷⁹) См. „Пятую книгу Моисееву. Второзаконіе“, гл. 33, ст. 29. *Прим. ред.*

²⁸⁰) Этотъ діалогъ Луки и Памвы такъ же отмѣченъ цензоромъ. *Прим. ред.*

²⁸¹) См. „Евангеліе“ Іоанна, гл. 1, ст. 13.

Прим. ред.

²⁸²) Въ спискѣ Д. И. Багалѣя—„щасливое“.

Прим. ред.

²⁸³) Во всѣхъ спискахъ:—„запись“. Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „запись“—„здѣсь“.

Прим. ред.

²⁸⁴) Во всѣхъ спискахъ:—„вычернить“. Въ спискѣ Д. И. Багалѣя—„вычеркнутъ“.

Прим. ред.

²⁸⁵) См. „Евангеліе“ Луки, гл. 10, ст. 20.

²⁸⁶) См. „Евангеліе“ Матея, гл. 12, ст. 48, 49 и 50.

Прим. ред.

²⁸⁷) Здѣсь та же отмѣтка цензора.

Прим. ред.

²⁸⁸) См. „Посланіе къ Колоссянамъ“, гл. 3, ст. 11.

Прим. ред.

Лука. Какъ же можетъ одно быть то, что не одно?

Памво. Спрошу-жь и я тебе: какъ можно чтобъ было бы 12 оправленныхъ разнo и разноразными языками напечатанныхъ книгъ Евангельскихъ и чтобъ одна то была книга? Если кто одну изъ нихъ знаетъ, тотъ знаетъ всё. Если-бъ ты узналъ Мойсея, узналъ бы ²⁸⁹⁾ и Христа. Или если бъ Христа узналъ, узналъ бы Мойсея, Илию, Авраама, Давида, Исаю, и протчихъ.

Лука. Я Христа знаю, а Мойсея не знаю.

Памво. Такъ ты знаешь Христа, какъ нѣкоторый дурачокъ, о которомъ выслушай басенку. Богатый отецъ имѣлъ 8 сыновъ. Они были въ худомъ и въ добромъ разумны, но не покорны и великии отцу досадители. Между семью братьями былъ одинъ и глухъ и глупъ, но горячій воли отцовскія почитатель. Умирая, отецъ велѣлъ ихъ призвать къ себѣ всѣхъ, и находясь отъ природы добрымъ, благословилъ ихъ. Потомъ оборотя взоръ къ дурачку: я знаю что тебе братья обидятъ въ наслѣдїи. Въместо, (де) того, усугубляю тебѣ мое благословеніе. Вотъ тебѣ сія моя трость свидѣтельствомъ! Возьми ее, и храни при себѣ. Почувствуешь блаженство твое тогда, когда покажутся тебѣ слова сіи: „Покрыть ты Божіе начало“. По смерти, разорвали господѣ все имущество ²⁹⁰⁾: одинъ только маленький съ садомъ домикъ оставивъ ²⁹¹⁾ палочнику. Здѣсь онъ простую жизнь проведая одинъ, тужилъ по отцу. Въ седмой годъ весною, воскреснымъ утромъ прохаживаясь по вышнихъ своего райка мѣстахъ, чуть было не наступилъ на змію. Расколотилъ ей тростью голову, и такъ шибко ударилъ, что нѣкая часть трости, какъ шелуха, отпала. Почувствовалъ онъ въ ухахъ своихъ неслыханный предсимъ звонъ и дивный голосъ таковъ: Глупый! Чего ты плачешь? Кого ищешь? Я всегда съ тобою. Обняла его несказанная радость. Открылся ему слухъ. И тамъ-то онъ усмотрѣлъ, что его трость есть двойная. Снялъ онъ подлую поверхность. Открылась новая, золотая палка, драгоценнѣйшими камнями насаженная, отъ самаго верха, до самаго конца. Ея голову составлялъ, одинъ самой большой голубой шафиръ. На головѣ живой образъ Отца его, вѣчными написанъ красками, а вокругъ онаго, слова сіи: „Покрыть ты Божіе Начало“. Вотъ такъ-то ты, слушай! Знаешь Христа, какъ сей находясь глухъ и глупъ, зналъ отцовскую палку. Невѣроятнымъ тебѣ кажется сіе слово, что узнавъ Мойсея, узнаешь однимъ взоромъ и Христа. Ты-жь еще чуднѣе услышишь слово ²⁹²⁾.

²⁸⁹⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя здѣсь стоятъ слово „ты“. Ни въ одномъ изъ списковъ этого слова нѣтъ. *Прим. ред.*

²⁹⁰⁾ Въ спискѣ Кіевской Духовной Академіи вмѣсто слова „имущество“ написано „имѣніе“, такъ же и въ спискѣ Д. И. Багалѣя. *Прим. ред.*

²⁹¹⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя—„домокъ оставилъ“.

Прим. ред.

²⁹²⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя этого слова нѣтъ.

Прим. ред.

Не только когда доведется тебѣ узнать Адама, или Авеля, или Ноя, или Иисуса Навина, или Халева, или, Иова, или Соломона, или Иеремію, или Павла, но когда хотя самого себе хорошенько ²⁹³⁾ узнаешь, изволь знать, что однимъ взоромъ ²⁹⁴⁾ узнаешь и Христа. Одинъ есть весь вышепомянутый родъ Авраамль, ни числа, ни начала, ни конца неимѣющей, всѣ четырьѣ страны исполняющей. „Аще кто можетъ, — говорить Богъ Аврааму,—исчисти пѣсокъ земный то, и сѣмя твое изочтеть ²⁹⁵⁾“. Впрочемъ не конецъ то: послѣ чего еще нѣчтось слѣдуетъ. Но послѣ сего рода ничего уже слѣдовать не можетъ. Все погибаетъ огнемъ Божиимъ, и самыя нечестивыхъ останки, а потому уже и не останки, что не остаются. Нетерпѣть ничто огненнаго лица Божія. Всѣ какъ хвостные говорятъ, кромѣ сего сѣмени, о которомъ въ Исая: „Яко же Небо ново, и земля нова, яже Авъ творю, пребываютъ предомною, глаголетъ Господь: тако станетъ сѣмя ваше и имя ваше ²⁹⁶⁾“. „Тоже и въ Иереміи: „Возвеселитесь веселіемъ. Воскликните на Главу Языковъ. Слышанно сотворите и похвалите. Рцыте: Спасе Господь люди своя, останокъ Израилевъ ²⁹⁷⁾“. Сей-то родъ есть ищущихъ Господа, ищущихъ Лице Бога Іаковля, предъ которымъ, никакой языкъ устоять не можетъ: „Яко огонь сходитъ отъ лица Его“. Изъ сего богоспасаемаго рода, хотъ одного узнавъ, всѣхъ узнаешь. Во всѣхъ ихъ одинъ новый человекъ, и они въ немъ: а Онъ во Отцѣ своемъ. Но понеже ни одного изъ нихъ узнать не можемъ, то по крайней мѣрѣ, узнать самыхъ себе постараемся. Симъ образомъ можемъ узнать истиннаго человека: „Созданнаго по Богу въ правдѣ и прещодобіи истины“. А сежь-то самое есть и животь вѣчный. Узнавъ же Его во мгновеніи ока преобразимся въ него, и все наше мертвенное, пожерто будетъ животомъ Его. Слушай! что такое самъ Онъ говоритъ къ своему любителю, который въ Его родъ отродится и съ нимъ за одно быть желаетъ? „Аще не увѣси самую тебе, о добрая въ женахъ! изыйди ты въ пятахъ паствь: и паси козлища твоя у кущей пастырскихъ.“ Напишите-жь слова сіи вѣчными красками на сердцѣ вашемъ и на мысляхъ вашихъ. Предайте гласъ сей Божій въ наслѣдіе и потомкамъ вашимъ: да останки ихъ будутъ благословенны, и вселятся на землѣ доброй, и насытятся ипшеницы, вина и елея, и воспитаются на водѣ покойнѣ; и утучнѣють хлѣбомъ слова Божія: и такъ землю свою вторицею [наслѣдять, и веселіе вѣчное надъ главою ихъ. А если кто не узнаетъ себе, сей не можетъ слухомъ услышати

²⁹³⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя—„хорошо“.

Прим. ред.

²⁹⁴⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто „взоромъ“,—„взглядомъ“. *Прим. ред.*

²⁹⁵⁾ См. „Первая книга Моисеева, Бытіе“, гл. 13, ст. 16. *Прим. ред.*

²⁹⁶⁾ См. „Книгу пророка Исая“, гл. 66, ст. 22.

Прим. ред.

²⁹⁷⁾ См. „Книгу пророка Иереміи“, гл. 31, ст. 7.

Прим. ред.

гласа Господа Бога своего, чтобъ отверзалъ ему Господь сокровище свое благое, небо, и не получить, не увидить, ни уразумѣть сладчайшихъ сихъ Божіихъ общаній во Исаи: „Тогда разверзется рано свѣтъ твой и испѣленія твоя скоро возсіяютъ, и предѣдетъ предъ тобою Правда твоя, и Слава Божія обыметъ тя ²⁹⁸). Тогда воззовеши и Богъ услышитъ тя, и еще глаголющу ти, речеть: и прійдохъ! И будетъ Богъ твой съ тобою присно, и насытишися, яко-же желаетъ душа твоя. И кости твоя утучнѣютъ, и будутъ яко вертоградъ напоенный, и яко Источникъ, ему-же не оскудѣ вода. И кости твоя прозябнутъ яко трава, и разбогѣютъ и наслѣдятъ роды родовъ ²⁹⁹).“

„Смирренная и колеблемая, не имѣла еси утѣшенія. Се Азъ уготовляю тебѣ Анфраксъ камень твой, и на основаніе твое Сапфиръ, и положу забрала твоя Іасписъ, и врата твоя каменіе Кристалла, и огражденіе твое, каменія избранная. Се пришелцы прійдутъ къ тебѣ мною, и вселятся у тебе, и къ тебѣ прибѣгнутъ. Се Азъ создахъ-тя не якоже кузнецъ раздуваяи углія и износя сосудъ на дѣло. Азъ же создахъ тя не на пагубу: еже истлѣти ³⁰⁰).“ Что-жъ то за пришелцы?

„Возведи окрестъ очи твои и виждь: вся се собрашася и прійдоши къ тебѣ. Живу Азъ, глаголетъ Господь, яко всѣми ими, аки въ красоту облечешися, и обложиши себе ими, яко утварю невеста“ ³⁰¹).

Другъ. Споришь Лука и хвалишься, будто знаешь Христа. Разумѣй! Чемъ хвалишься! Опасайся Іереминныхъ словъ сихъ: „близъ еси ты Господи усть ихъ: далече же отъ утробъ ихъ“. И Давидовыхъ: „Положиша на небеси уста своя, и языкъ ихъ преиде по землѣ“. И Моисеевыхъ: „не возмещи Имени Господа Бога твоего воеу“. И Христовыхъ: „плоть ничтоже. Духъ животворить“. Легко могли смотрѣть сыны Израилевы, на поверхность покрывала Моисеева. Но на Богомъ прославленный зракъ лица Его, смотрѣть боялись. Видишь ли, что двойной Моисей? Въ одномъ Моисей: тѣнный и славный. Тоже самое дѣлается и на Фаворѣ. Одинъ Христосъ сносенъ очамъ Петровымъ, второй—страшенъ. Перваго множайшіи видѣли, втораго ни кто, кромѣ учениковъ: въ то время, какъ далъ и отверзъ имъ умъ: разумѣти писанія. Тѣннаго и мертваго всѣ видѣли: а о живомъ никто не терпѣлъ и слышать. Всилу ученики увѣрились, и присмотрѣли, и увидѣли. Перваго смертнаго Христа не хочетъ знать и видѣть его ³⁰²) Павелъ, и симъ горазда разнится отъ протчихъ. Слушай,

²⁹⁸) Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣстѣ „обыметъ тя“,—написано „обымется“.

Прим. ред.

²⁹⁹) См. „Книгу пророка Исаи“, гл. 58, ст. 8, 9, 10, 11 и 12. *Прим. ред.*

³⁰⁰) См. „Книгу пророка Исаи“, гл. 54, ст. 11, 12, 13 и 16. *Прим. ред.*

³⁰¹) См. „Книгу пророка Исаи“, гл. 49, ст. 18.

Прим. ред.

³⁰²) Въ спискѣ Д. И. Багалѣя, вмѣсто „видѣть его“,—сказано: „вѣрить“.

Прим. ред.

что онъ говоритъ: „Тѣмъ же и мы, отнынѣ ни единого вѣмъ по плоти. Аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ кому же разумѣемъ“. Скажи жъ теперь, что такое разумѣешь чрезъ сіе имя [Христось]? Если разумѣешь какую тлѣнь, безсумнѣнія чрезъ имя Христово разумѣешь пустошь. И се-то есть, принимать имя Его всуе! А что жъ есть суетность и лжа, если не то, что тлѣнь? И сіе-то есть не животъ, но погибель свою видѣть. „Да узрятъ очи его свое убіеніе!“ Кричитъ Іовъ: „отъ Господа же да не спасется!“ Сіе-то тлѣніе, есть точное поле пагубы: а нанемъ все что только застанеть, или отъ человѣкъ, или отъ его скотовъ, огонь Господень зъ громомъ и градомъ, тое все-на-все во всей землѣ Египетской поражаетъ пагубою: кромѣ одной земли, гдѣ находился родъ Божій, сыны Израилевы. Такъ вотъ гдѣ ищи узнать Христа! Въ землѣ Гесемской. Эти всѣ одного суть роду. „Родъ спасаемый отъ Господа“. А между тѣмъ поучись, что-то говоритъ Давидъ: „Востаните по сидѣніи ядущи хлѣбъ болѣзни.“ „Доколѣ належите на человѣка? Убиваете всѣ вы.“ „Цѣну мою совѣщаша отринуті: текоша въ жажды.“ „Усты своими благословляху, и сердцемъ своимъ кленяху.“ „Единою глагола Богъ: двоя сія слышахъ.“ И внуши пожалуй, что-то опять Михей поетъ! „И ты, столпе паствы мглиный, дщи Сіоня къ тебѣ придетъ и внідетъ власть первая, царство изъ Вавилона дщерѣ Іерусалимлѣ. И нынѣ вскую познада еси зло? Не бѣ ли тебѣ царя? Или совѣтъ твой погibe? Яко обыдоша тя болѣзни, яко рождающія. Болѣзнуй и мужайся, и приближайся, дщи Сіоня, яко рождающая. Заве нынѣ изыдеши изъ града, и вселишися на полѣ, и дойдеши Вавилона. Оттуда изметъ тя, и оттуду избавитъ тя Господь Богъ твой...“ Не можешь, Лука, Христа видѣть. Одну срамоту, лице Его покрывающую, и задняя Его видишь. И какъ Іоиль говоритъ: „Землю созади, поле пагубы, и лежащаго видишь.“ И бойся, что-бъ не былъ на паденіе тебѣ. И засмотрѣвшия на плечи Его, не миноваль бы того Христа, Павломъ познаннаго, вчера и днесъ и во вѣки находящагося, и Ісаіею видѣннаго, глаголющаго къ тебѣ: „Азъ есмь, Азъ есмь, утѣшай тя“. Разумѣй! Кто есть смй? Убоялся еси человѣка смертна, и сына человѣка, иже яко трава исхоша: и забылъ еси Бога, создавшаго тя, сотворшаго небо, и основавшаго землю. Сего Божіею человѣка, если узнаешь, о семъ похвались. Въ то время дерзновенно возопій со Ісаіею: „И самъ Божій есмь“. Но вотъ тебѣ! Знай, что во вѣки не узнаешь ни одного отъ рода Божественнаго, поколь прежде не узнаешь самаго себе. Во вѣки не здѣлаешься преселникомъ съ Авраамомъ. Во вѣки не поставишь кущи твоея со Іаковомъ. Во вѣки не вселишия на снѣсть влачитъ съ Давидомъ. Во вѣки не поставитъ тебе въ число Божіихъ людей Мойсей. Во вѣки не дождешя общаеваемыхъ во Ісаиі царей, кормителей твоихъ. Сей родъ есть царское священіе и языкъ святъ: царіе, свя-

щенники, и кормители съ пророками, о коихъ всѣхъ, вотъ что говорить Богъ: „Подъяхъ васъ, яко на крилѣхъ орлихъ, и приведохъ васъ къ себѣ.“ Если жъ не узнаешь себе: „Будеть царь твой Валакъ: и кормители твои, посланники его, непріатели рода Израилскаго почивающіи въ ночь при Валаамѣ.“ Се-то тѣ лживыи кормители и пророки, о коихъ Михей воспѣваетъ: „Узрять языцы, и усрамятся отъ всея крѣпости своея. Руцѣ возложатъ на уста своя, и уши ихъ оглохнутъ; поляжутъ персть, яко змиеве ползуще по землѣ, смятутся во облеженіи своемъ, о Господѣ Бозѣ нашемъ ужанутся, и убоятся отъ тебе. Кто Богъ, яко же ты?“³⁰³). И о которыхъ Захарія: „О, пасушіи суетная, и оставшіи овецъ! Мечъ на мышцу его! и на око его десное! Мышца ему изсыхающіи изсхнеть, и око ему десное ослѣпая ослѣпнеть“³⁰⁴).“ И о которыхъ Исаія: „Нынѣ же слыши сіе юная, сидящая дщи Вавилоня, уповающая въ сердцѣ своемъ, азъ есмь глаголющая, и нѣсть иныя, не сяду вдовою, и не познаю сиротства. Нынѣ же придутъ на тя два сія внезапно въ единъ день. Безъ-чадіе и вдовство внезапно на тя прійдетъ, въ волшебствѣ твоємъ, и въ крѣпости волховъ твоихъ. Се вси яко хвастіе огнемъ погорятъ: и не изымутъ души своея изъ пламене“³⁰⁵).“ Вотъ се-то тѣ куци пастырскія, до коихъ отсылаетъ тебе человекъ Божій: если не можешь узнать самаго себе. Сіи куци совсѣмъ противны той купинѣ Мойсеевой и тѣмъ куцамъ о коихъ написано въ Числахъ: „Коль добры дома твои Іакове, и куци твоя Израилю! Яко дубравы осѣняющія и яко садіе при рѣкахъ, и яко куци, яже водрузилъ Господь, и яко кедры при водахъ“³⁰⁶).“

А нтонъ. Конечножъ самонужнѣйшее есть слово сіе: чтобъ познать себе самаго. Что нужнѣе, какъ увидѣть Бога? „Нѣсть истины, ни мялости, ни видѣнія Божія на земли“, вопіетъ Осія. „Клятва и лжа и убійство и татьба и любодѣяніе разлися по землѣ: и кровь съ кровьми мѣшають. Яко ты умѣніе отвергль еси: отвергу и азъ тебе. Еже не жречествовати тебѣ: и забылъ еси законъ Бога своего, забуду и азъ чада твоя. И будетъ, яко же людіе, тако и жрецъ“. И опять: „Соблуди Ефремъ, и осквернися Израиль. Не положиша помышленій своихъ еже возвратитися къ Богу своему: яко Духъ блуженія естъ въ нихъ, и Господа не увидѣша. Но нельзя не соблудить, не узнавши Господа. Ахъ дражайшее умѣніе! Нѣтъ тебе на землѣ въ пепелныхъ сихъ сердцахъ. О высочайшая господственная Сціэнція! Умѣтность! Умѣтность!“³⁰⁷) Гдѣ ты нынѣ? Поразила тебе мечемъ языка своего блуд-

³⁰³) См. „Книга пророка Михея“, гл. 7, ст. 16, 17 и 18. *Прим. ред.*

³⁰⁴) См. „Книга пророка Захарія“, гл. 11, ст. 17. *Прим. ред.*

³⁰⁵) См. „Книгу пророка Исаія“, гл. 47, ст. 8 и 9. *Прим. ред.*

³⁰⁶) См. „Четвертую книгу Моисееву—Числа“, гл. 24, ст. 5 и 6. *Прим. ред.*

³⁰⁷) Въ оригиналѣ слово „Умѣтность!“—повторено дважды. Въ спискѣ

лица, сирѣчь, земля, плоть и кровь. Умножились вездѣ похотники ея. Но нельзя ни какъ узнать Господа, не узнавши самого себе. Правда, что видимъ себе всякъ изъ насъ, и знаемъ себе. Но какъ же знаемъ себе? ³⁰⁸). И какъ видимъ? Не все ли то явическое? Не все ли то тлѣнное, что мы познали въ себѣ? Хребеть одинъ въ насъ видимъ, а не лице въ насъ наше. Лжу нашае плоти одну видимъ: не истину въ ней. И какъ намъ сыскать утѣшеніе? „О лють!—вопіеть Исаія.—Множеству языковъ многихъ. Аки море волнующееся, тако смятеца, и хребеть языковъ многихъ, яко вода возшумить, аки вода многа, языцы мнози, аки шумъ воды многія, нуждою носимыя, и отвержетъ его, и далече поженетъ его, аки прахъ плевный, вѣющійся противу вѣтра, и яко прахъ колесный буря возносящая“ ³⁰⁹). Да развѣжь довольно сего, когда въ насъ видимъ одну разливающуюся тлѣнія нашего воду? Для чего не проникаемъ въ то, что ее держитъ? „О граде лживый!—кричить Іеремія.—Что хвалишися во удоляхъ? Стече удолие твое, дщи бевстудная, уповающая на богатства своя, глаголющи: кто прійдетъ на мя? Се азъ наведу на тя страхъ, глаголетъ Господь Вседержитель“ ³¹⁰). „О! лють граде кровей,—гласить Іезекиль,—въ немъ же есть ядь, и ядь не изыде изъ него. Сего ради глаголетъ Адонай Господь: Се азъ сужду тебѣ по кровемъ твоимъ, и по помысламъ твоимъ! Сужду тебѣ, нечистый, пресловуте и великій на разгнѣваніе“ ³¹¹). Не довольно еще для насъ видѣть одну въ насъ нашу землю: но нужно еще подниматься, и прозрѣть за нашу землю и тую землю Господню, о которой Исаія: „Съ веселиемъ, говоритъ, изыйдете, и съ радостію научитесь“ ³¹²). И о которой Іоиль: „Яко же рай сладости, земля предъ лицемъ Его: А яже соади Его, [та] поле пагубы: и спасающаго не будетъ на немъ“ ³¹³). Не долѣетъ намъ видѣть одно тлѣнности нашае лице, но продыратъ ся сквозь тѣнь нашу, что-бъ увидѣть тамъ лице челоуѣка, отъ того Божіею народа, о коихъ Іоиль же: „И Господь дастъ гласъ свой, предъ лицемъ силы своея. Яко многоъ есть зѣло полкъ Его. Яко крѣпка дѣла словесъ Его“ ³¹⁴). И описуя сей нетлѣнный родъ, вотъ что поеть! „Яко же видъ конскій, видъ ихъ, и яко же конники, тако поженуть. Яко же гласъ колесницъ: на верхи горъ востекуть, и яко гласъ пламене огненна, папалаяющаго тростіе, и яко людіе мнози и крѣпцы, ополчающіися на брань. Отъ лица ихъ, сокрушатся людіе. Всякое лице, аки опаленіе горнца. Яко же борцы поте-

³⁰⁸) Въ спискѣ Д. И. Багалѣя слово „себе“ пропущено. *Прим. ред.*

³⁰⁹) См. „Книгу пророка Исаія“, гл. 17, ст. 12 и 13. *Прим. ред.*

³¹⁰) См. „Книгу пророка Іереміа“, гл. 49, ст. 4 и 5. *Прим. ред.*

³¹¹) См. „Книгу пророка Іезекиля“, гл. 22, ст. 2 и 3. *Прим. ред.*

³¹²) См. „Книгу пророка Исаія“, гл. 51, ст. 11. *Прим. ред.*

³¹³) См. „Книгу пророка Іоиль“, гл. 2, ст. 3. *Прим. ред.*

³¹⁴) См. „Книгу пророка Іоиль“, гл. 2, ст. 11. *Прим. ред.*

куть: и якоже мужы храбры, взыйдутъ на ограды. И кѣждо въ путь свой поидеть, и не совратятъ путей своихъ, и кѣждо отъ брата своего не отступитъ. Отягощенны оружїи своими пойдутъ и въ стрѣлахъ своихъ падутъ, но не скончаются. Града гинутся и на забрала востекутъ, и на храмины възлзутъ, и оконцами внїйдутъ, яко же татїе³¹⁵). Вотъ еще какой родъ! Есть родъ, и есть родъ. Языческій и Израильскїй. Тотъ начинается: сей начинается. Тотъ кончится: сей кончить. Тотъ середина: сей начало и конецъ. Раздѣлите! Несмѣшывайте людей: избранныхъ съ отверженными. Не разливайте крови неповинныя на землю. Есть кровь беззаконная, есть и праведная. Есть плоть тлѣнная: есть и не тлѣнная. Есть рука лѣвая, есть и правая. Есть кость изсохшая, есть и прозябающая и не сокрушаемая. Есть око темное, есть и свѣтлое. „Не отемнѣсть очи его, ни истлѣста устнѣ его.“ Да для чегожъ не бывать сему всему: когда есть и новая земля предъ лицемъ Его! Для чегожъ не бывать новой землѣ, когда весь мїръ новый въ началѣ созидается? Есть начало начинаемое, и то не начало, потому что предваряется другимъ, прежде себе началомъ. И есть начало неначинаемое, о коемъ сказано: „Начало Сиону дамъ“. „Со мною Сионъ есть,—глаголетъ Господь“. И сіе-то есть истинное Начало безначальное: „и Богъ него же ничто же бысть, еже бысть“. Начало безконечное, и само всему конецъ, и всему гиблющему, какъ начатокъ, такъ и остатокъ. Постыгните Господа, и встрѣтитъ васъ Начало. Взыщите Господа, и обрячете остатокъ. Обрячете остатокъ если взыщете начатокъ. Господень есть начатокъ, Господень и остатокъ. Отдайте жъ Господу начатки. Его суть всѣ начатки. Посвятите отъ всего, что угодно сердцу вашему, что только лишь видите. Его есть Небо и Земля. Дай начатокъ сыновъ твоихъ, и дочерей твоихъ: отъ всего плода утробы твоея. Дай начатки жить твоихъ, и отъ скотовъ твоихъ, и отъ всего твоего дай первыи начатки, и внеси въ домъ Господа Бога твоего. Обрѣтеніе Господа, есть видѣніе начатковъ. Видѣніе начатковъ, есть знаніе самаго себе въ себѣ. Да уразумѣются яже въ сердцѣ твоємъ. Возмите отъ себе самыхъ, участие Господу. Возмете, если узнаете себе самыхъ.

Лука. Если толь нужное сіе слово [узнать себе]: что безъ него и Господа и ничего узнать не можно, то думаю, что не на одномъ мѣстѣ въ Божественныхъ книгахъ означено. Помню, что Мойсей, очищая Израильскїй народъ, для снисхожденія Божїя въ третїй день надъ гору Синайскую, и какъ можно лучше его приуготовляя навстрѣчу, вотъ что говоритъ: „внемлите себѣ, не восходите на гору“³¹⁶). Конечно бы они, прикоснувшись горѣ,—умерли, если-бъ не внушили себѣ.

³¹⁵) См. „Книгу пророка Іоїля“, гл. 2, ст. 4, 5, 6, 7, 8 и 9.

³¹⁶) См. „Вторую книгу Моисеева—Исходъ“, гл. 19, ст. 12.

Прим. ред.

Прим. ред.

Главѣйшій пунктъ сей, „внемлите себѣ“, совсѣмъ, кажется, сходенъ съ симъ: „Узнайте себе“. Видно-жъ, что не коснулись горы. Потому, что тамъ имъ далъ суды и оправданія Господь Богъ. Въ прочемъ ходити съ Господемъ по заповѣдемъ Его; имѣть Его вождомъ и пастыремъ своимъ, все-то одно. И такъ „внемлите себѣ, не восходити на гору“, кажется совсѣмъ сходное съ сими словами: „Аще не увѣси самую тебе, изыди въ пятахъ паствъ“.

Если [де] коснетесь горы, умрете. То есть не будете управляемы царствіемъ повелѣній Господнихъ. Чего-то и Давидъ проситъ: „Въ пути твоемъ живи мя“. Потому, что не мертвіи восхвалятъ Его. Для того, предоберегая въ началѣ: „внемлите [де] себѣ“. И тутъ тожъ въ сихъ словахъ: „Аще не увѣси“. Если [де] себе не узнаешь, то я твой не царь, говоритъ Господь. Прочъ изыди изъ мѣстъ моихъ злчныхъ! Пасися при пятахъ у лживыхъ пастырей. Беззаконная пята, гора, плоть, ложь, земля, все одно. Словомъ сказать: „смерть упасеть ихъ“. И, конечно, умерщвляющая сія гора есть тожъ, что ложь и плоть. А то-жъ, ³¹⁷⁾ какъ бы она могла умерщвлять? А какъ Мойсей, не велить къ ней вѣсатись, такъ и Исаія изгонитъ изъ нея-жъ книжника. Сомнѣса, вопія на него: „Что ты здѣ? И что тебѣ здѣ? Яко истесалъ еси здѣ гробъ, и сотворилъ еси себѣ гробъ, и написалъ еси себѣ на каменѣ кущу? Се нынѣ Господь извержетъ...“ Куда высоко многіи восносятся, въ мудрованіи Божіа писанія! Возносятся по знанію историчному, географичному, математичному: да все плотскому. Скажемъ же со Исаіею, что все сіе, высокій есть гробъ. „Презорство сердца твоего,—вопіетъ Авдія,—воздвиге ты живущаго въ пещерахъ каменныхъ, возвышаная храмину свою, глаголай въ сердцѣ своемъ, кто мя свержетъ на землю? Аще вознесешися яко же орелъ, и аще положиши гнѣздо твое средѣ звѣздъ: и отгуду свергну ты, глаголетъ Господь“ ³¹⁸⁾. Видно-жъ, что такова гора, не Іаковля есть Луза, или Воиля, но Исавля, Сирь. „Лютъ,—кричатъ Амосъ,—уничжающимъ Сіона, и уповающимъ на гору Самарійскую! Обымаша начатки языковъ, и внидоша [туда жъ], къ нимъ домъ Израилевъ“ ³¹⁹⁾. А что сія гора о высокомъ, да плотскомъ смыслѣ разумѣется, слушай Авдія: „въ той день, глаголетъ Господь, погублю премудрыя отъ Ідумей, и смыслъ отъ горы Исавовы, да отъимется чловѣкъ отъ горы Исавовы, и взйдутъ спасаемыи отъ горы Сіона, еже отмстити гору Исавлю: и будетъ царство Господеву“ ³²⁰⁾. Сія гора Господь палитъ, колеблетъ и смущаетъ: вѣра прочъ переноситъ,

³¹⁷⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто словъ подлинника „а то-жъ“ значится: „иначе-жъ.“

Прим. ред.

³¹⁸⁾ См. „Книга пророка Авдія“, гл. 1, ст. 3 и 4.

Прим. ред.

³¹⁹⁾ См. „Книга пророка Амоса“, гл. 6, ст. 1.

Прим. ред.

³²⁰⁾ См. „Книга пророка Авдія“, гл. 1, ст. 8.

Прим. ред.

а несмыслені суетно возопіють: „Покрыйте насъ... Письма бо убиваетъ, а духъ животворить“ ³²¹⁾.

Квадратъ. Помню и я, во-второй книгѣ Мойсеевой, вотъ что: „Се азъ пошлю Ангела моего, предъ лицомъ твоимъ: да сохранить ты на пути, яко да введетъ ты въ землю, юже уготовахъ тебѣ.“ ³²²⁾ А дабы не лишиться вожда сего, въ самомъ началѣ, какъ всенужнѣйшее говоритъ: „вонми себѣ и послушай Его, и не ослушайся Его, необиется-бо тебе, имя бо мое есть на немъ.“ Ничего, видно, нельзя здѣлать безъ „вонми себѣ“. Потомъ: „и послушай Его.“ Отъ познанія себе самого, раждается послушаніе Богу, а послушность, вотъ чѣмъ дѣлаетъ: „Будете ми людіе избранныи отъ вѣсѣхъ языкъ, моя бо есть вся земля, вы же будете мнѣ царское священіе, и языкъ святъ. Блаженны слышашіи слово Ангела сего.“ Сей Ангель, тамъ же ³²³⁾ именуется Страхомъ. „И страхъ пошлю ведущій ты, и устрашу вся языки“. Сей точно есть одинъ страхъ съ тѣмъ, который Іакова выводилъ на мѣсто Веэилъ. Вотъ: „И воздвижеса Израиль отъ Сізимовъ, и бысть страхъ Божій на градѣхъ иже окрестъ ихъ: и не гнаша въ слѣдъ сыновъ Израилевыхъ.“ Да и не о немъ ли Мойсей въ книгѣ 5-й гремитъ? „Да не ходите въ слѣдъ боговъ иныхъ, боговъ языческихъ, иже окрестъ васъ яко Богъ ревнивъ: Господь Богъ твой посредеъ тебе. И не сей ли стоитъ посредеъ васъ, его же вы не вѣсте, но вѣсте? Блаженъ, имѣяй уши слышати и слышати.“ Помалу-малу изжену [де] языки отъ тебе, дондеже возрастши, и наслѣдиши землю. Но всему сему преддверіе и дверь: „вонми себѣ!“

Памва. Безъ сумнѣнія, единственное сіе преддверіе не даетъ намъ уклонитись въ сторону, и прямо ведетъ къ той двери, которая сама о себѣ вопіетъ: „Азъ есмь дверь. Внемли ты вся, — говоритъ Господь къ Мойсею,—елика Азъ заповѣдаю тебѣ. Се Азъ изжену предлицемъ вашимъ Аморрея, и прочихъ всѣхъ.“ А дабы Мойсей не помаралъ народа идолопоклонствомъ, вотъ что: „Внемли себѣ: да не когда завѣщаеши завѣтъ сидящимъ на землѣ, въ ноже внидеши...“ Мойсей узнавъ себе, все идолское сокрушилъ: посякъ, пожегъ. Потомъ снишолъ съ горы отъ Бога, имѣя прославленъ зракъ плоти лица своего. И если всякъ человѣкъ ложъ и плоть, то гдѣ главнѣйшее идолочтеніе, какъ во всякомъ человѣкѣ, если не удостоился познать себе?

Другъ. Мойсей въ послѣдней своей книгѣ, на нѣсколько мѣстахъ, какъ самонужнѣйшее повторяетъ сіе слово: „Внемли себѣ“. Вонъ послушай!

³²¹⁾ См. „Второе Посланіе къ Коринѣянамъ“, гл. 3, ст. 6. *Прим. ред.*

³²²⁾ См. „Вторую книгу Мойсееву—Исходъ“, гл. 23, ст. 20. *Прим. ред.*

³²³⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто „тамъ же“, написано: „также“.

1.

„И нынѣ, Израилю, послушай. Видите, покажахъ вамъ оправданія и суды: и сохраните, и сотворите, яко сія премудрость ваша, и смышленіе предъ всѣми языки, и рекутъ: се людіе премудры и умѣтельны! Языкъ великій сей.“ А дабы не позабыть оправданій, вотъ что: „Воньми себѣ, и снабди душу твою зѣло“.

2.

„Господь Богъ твой введетъ тя въ землю благую и многу, идѣ же водотеи водныя, и источники бездны по полямъ и горамъ, въ землю пшеницы и ячменя, въ землю маслична едея и меда, въ землю, на ней же не съ нищетою снѣси хлѣбъ твой, и ничесоже востребуеши на ней“³²⁴). Но что далѣе? „Воньми [де] себѣ“. А для чего? „Да некогда вознесиши сердцемъ твоимъ, и забудеши Господа Бога твоего, да не речеши въ сердцѣ твоемъ: крѣпость и сила руки моея, сотвори мнѣ силу великую сію.“

3.

„И дасть дождь землѣ твоей во время ранній и поздній, и собереши жита твоя, и вино твое, и елей твой, и дасть пищу на селѣхъ скотомъ твоимъ“³²⁵). Но что далѣе? „И ядый насытится: вземли себѣ“. А для чего? „Да не обманится сердце твое: и приступите, и послушайте Богомъ инымъ...“³²⁶).

4.

„Да не сотворите тамо всѣхъ: елика вы творите здѣ днесь, кій ждо угодное предъ собою“. Но гдѣ тамо? То-то и дивно, что не знаешь. „Ту принесете вся всесоженія ваша, и жертвы ваши, и десятины ваши, и начатки рукъ вашихъ“. Такъ вотъ! „Вземли себѣ: да не принесеши всесоженій твоихъ на всякомъ мѣстѣ“. Боже мой! Ни Бога слушать, ни жертвы ему приносить: ни гдѣ приносить? Ничего нельзя ни знать, ни дѣлать, если не узнать себе самого.

5.

О жертвахъ, приказываетъ такъ: „Токмо крове да не снѣсте: на землю проліете, какъ воду“. Если, [де], крови не станешь ѣсти, то,

³²⁴) См. „Пятую книгу Моисееву—Второзаконіе“, гл. 8, ст. 7, 8 и 9.

Прим. ред.

³²⁵) См. „Пятую книгу Моисееву—Второзаконіе“, гл. 11, ст. 14 и 15.

Прим. ред.

³²⁶) См. „Пятую книгу Моисееву—Второзаконіе“, гл. 8, ст. 15 и 16.

Прим. ред.

конечно, снѣси предъ Богомъ твоимъ. Онъ самъ тебѣ избере мѣсто. А кушай ты, и сынъ твой, и дщерь твоя, и рабъ и раба твоя. Не отгоняй же и левита. Онъ части не имѣетъ для себе. Его часть Господь. Прійми и пришелца. Но что жъ есть левитъ? То-то и дивно. „Внемли же себѣ“. Въ то время не оставишь и левита: и узнаешь, гдѣ-то тамъ?

6.

„Да не снѣси ю, [кровь] да благо тебѣ будетъ и сыномъ твоимъ по тебѣ во вѣки: Аще сотвориши ея, еже добро и угодно есть предъ Господемъ Богомъ твоимъ“. Кто видѣлъ, что-бъ блаженство состояло въ неяденіи кровей? Однакъ кричитъ: „Воньми крѣпцѣ, еже не ясти крове“. Затѣмъ что кровь, есть душа животнаго. Пролый [де] землю на землю. Не приносъ крови тому, кто кровь потребляетъ. А дабы не здѣлался язычникомъ, чрезъ кровавую жертву; такъ вотъ: „внемли себѣ, да не взыщеша послѣдовати имъ“, тоестъ, языкамъ. Язычникъ приносить плоть и кровь Богу.

7.

„Въ седмое лѣто, да сотвориши отпущеніе“³²⁷⁾ И. снце заповѣдь отпущенія: „Да оставиши весь долгъ твой, имъ-же долженъ ближній тебѣ: и отъ брата своего не истяжеша. Яко наречеса отпущеніе Господу Богу твоему... Аще же братъ отъ братіи твоя, будетъ недостаточенъ во единомъ отъ градовъ твоихъ, въ землѣ, юже Господь Богъ твой дастъ тебѣ, да не отвратиши сердца твоего, ниже сожмеша руки твоя, отверзая да отверзеша руку твою ему, и взаимъ да даси ему, елико просить, и елико ему не достанетъ“³²⁸⁾. А дабы отпущеніе и одолженіе можно здѣлать брату своему, придаетъ наконецъ сіе: „Внемли себѣ. Въ то время не будетъ [де] слово тайно въ сердцѣ твоемъ беззаконія и братъ твой не возопіетъ на тя ко Господу.“

8.

Коль много заповѣдуется въ третьей Мойсеевой книгѣ, о язвенной проказѣ. А если кто хочетъ во всемъ томъ исправенъ быть, такъ вотъ: „Внемли себѣ въ язвѣ проказы“,—говоритъ во Второзаконіи.

9.

Наконецъ, Мойсей, при подаваніи Заповѣдей Господнихъ, пересталъ придавать сіе слово, которое въ мѣсто ключа служить: „Воньми

³²⁷⁾ См. „Пятую книгу Моисееву—Второзаконіе,“ гл. 15, ст. 12.

Прим. ред.

³²⁸⁾ См. „Пятую книгу Моисееву—Второзаконіе,“ гл. 15, ст. 2, 7, 8 и 10.

Прим. ред.

себѣ“. Сыскалъ онъ другое вмѣсто того, а именно: „Погубите сами злое отъ васъ самыхъ“. Гдѣ не сказалъ: „внемли себѣ“; тамъ говоритъ: „погубите сами злое отъ васъ самыхъ“. Велитъ убить пророка, земная мудрствующаго, и плотскіи чудеса дающаго, и придаетъ: „погубите сами злое отъ васъ самыхъ“. Велитъ побить каменіемъ блянящагося израилтянина солнцу, или лунѣ, и придаетъ: „измите злое отъ васъ самыхъ“. Велитъ убить человѣка, не послушнаго жерцу, кой не по плоти, но по духу жрецъ: „И да измениши, [де,] злое отъ Израиля“. Велитъ клевету, на невиннаго брата реченную, обратить на клеветникову голову, и придаетъ: „Измите злое отъ васъ самихъ“. Велитъ убить непокориваго родителямъ сына, и: „И измите злое отъ васъ самихъ“. Велитъ прелюбодѣйствующую пару убить: и тожь одно придаетъ, и протчая, и протчая.

А мнѣ кажется, совсѣмъ сіе слово согласное съ тѣмъ, что— „Внемли себѣ“. И никто не можетъ погубить внутрь себе злость, если не узнаетъ прежде, что такое въ немъ зло? и что добро? А не узнавъ въ себѣ, какъ можетъ узнать и изгнать отъ другихъ?

Антонъ. И старикъ, наставляя сына своего Товію, недовольно что говорить: „Вся дни, чадо, Господа Бога нашего помни, и да непохощеши согрѣшати и преступати заповѣди Его“. Вотъ еще! Будто ключъ къ тому вручаетъ: „Внемли себѣ, чадо, отъ всякаго благодѣянія. Да не поймеша жены чуждыя, яже нѣсть отъ племени отца твоего. Запе сынове пророковъ есмы. Ное, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ—отцы наши отъ вѣка. Сіи всѣ жены пояша отъ братій своихъ“. И, наконецъ, прилагаетъ печать: „Внемли тебѣ, чадо, во всѣхъ дѣлахъ твоихъ“. И такъ будетъ наказанъ во всемъ житіи твоёмъ. Конечно, не сыскать было Товію, ни человѣка Ангела Рафаила, ни убѣжать смерти отъ Асмодея, лютаго ангела въ чертогѣ невѣстномъ, ни веселиться съ возлюбленною Саррою, еслибъ не послушалъ отца, а здѣлался бы досадителемъ и ругателемъ его, и не постарался бы узнать прежде всего, самъ себе хорошенько, какъ Соломонъ сказуетъ: „Злой съ досажденіемъ творить злая, себе же знающіи, премудры суть“. Онъ выпотрошилъ самъ себе, какъ рыбу, о коихъ Аввакумъ: „Сотвориши человѣки, яко рыбы морскія“. Вынялъ изъ нутра своего сердце каменное, и печень похоти плотскія, и желчь, о коей въ пятой книгѣ Мойсей: „Еда кто есть въ васъ мужъ, или жена, или отечество, или племя, его же сердце уклонися отъ Господа Бога вашего, ити, еже служити Богамъ языковъ оныхъ? Еда кіи есть корень, горѣ прорастающъ, въ желчѣ и горести?“ И оная: „Отъ виноградовъ содомскихъ виноградъ ихъ, и розга ихъ отъ Гоморры, гроздь ихъ—гроздь желчи, гроздь горести ихъ.“ И о коей приточникъ: „Медь каплетъ отъ устенъ жены блудницы, яже на время наслаждаетъ твой гортань, послѣди же горчае желчи обращени.“

Сіе все зло извнѣвъ отъ себѣ самаго, и сожегъ огнемъ Господ-

нимъ, безопасно вселился въ любовныя своя объятія, о коей Соломонъ: „Сію возлюбихъ и поискахъ отъ юности моея, и взыскахъ не вѣсгу привести себѣ, и любитель быхъ красоты ея...“

Памво. Сколько по наружности разнятся, сколько по внутренности согласны сія слова: „Внемли себѣ“. И „Ищите прежде всего царствія Божія, и правды Его“. Царствіе Божіе не такъ приходитъ, какъ гость до гостя, чтобъ можно встрѣтить приходящее изъ-за горъ, изъ-за моря, изъ облаковъ. Оно не далече отъ насъ. Оно внутрь насъ есть. „Заповѣдь сія юже Азъ заповѣдаю тебѣ днесь, — говоритъ Мойсей, — не тяжка есть, ниже далече есть отъ тебѣ, не на небеси есть, что-бъ ты сказалъ: кто взыйдетъ отъ насъ на небо и возьметъ ю намъ, и услышавъ ю, сотворимъ. Влизъ тебе есть шаголь зѣло, во устѣхъ твоихъ, и въ сердцѣ твоємъ, и въ руку твою, творити его.“ Сіе-то слово царствія, прозирають пророки. Свѣтъ Христось, проповѣдуетъ Павелъ. Кто себе увѣдалъ, наполю царство.

Квадратъ. Теперь начинаю разумѣть, сіе Соломоново: „Сердце премудраго уразумѣтъ, яже отъ своихъ ему устъ, во уснахъ же носитъ разумъ“. Слово царствія Божія, внутрь сердца нашего скрылось, будто источникъ въ землѣ угаенный. Кто узналъ себѣ, тотъ обрѣлъ желаемое сокровище Божіе. Источникъ и исполненіе его обрѣлъ внутрь себе, внутренно внимаая себѣ, о коемъ Соломонъ: „Вода глубока, слово въ сердцѣ мужа, рѣка же изъскачущая, и источникъ жизни, мужъ же премудръ исчерплетъ ю“. Кто сіе видѣніе почерпль, тотъ имѣетъ крила, желаемыи Давидомъ, и очи, похваляемыя сыномъ его. „Очи его яко голубицы, на исполненіихъ водѣ, измовенны въ млець, сидяція въ наполненіихъ водѣ.“ Къ такому, вотъ что говоритъ познанный братъ его и другъ: „Отврати очи твоя: яко ти воскреслиша мя“. Но сей узнавши себе: то-есть, узнавши его, не спускаетъ очей съ него, и другъ друга пасеть, хвалясь: „Азъ брату моему, и братъ мой мнѣ, пасый мене въ крынѣхъ.“

Лука. Сіе-жъ то исполненіе уразумѣтъ, и Павелъ желаетъ Ефесіаномъ: „Да дастъ вамъ по богатству славы своя, силою утвердиться духомъ Его во внутреннѣмъ челоуцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша, въ любви вкорененны и основанны, да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта, и долготы, и глубина, и высота? Разумѣйте же преспѣющую разумъ, любовь Христову: да исполнитесь во всякое исполненіе Божіе“ ³²⁹⁾. То жъ и Колоссаемъ: „Блюдитесь: да никто же васъ будетъ прелщая философією, и тщетною лестією, по преданію челоуцескому, по стихіамъ міра сего, а не по Христѣ, яко въ томъ живетъ всякое исполненіе божества тѣлеснѣ.“ Всякъ чело-

³²⁹⁾ См. „Посланіе къ ефесіанамъ,“ гл. 3, ст. 16, 17, 18, 19.

вѣкъ есть земля, поле и вертоградъ: но земля сія наполненна водою Божіею. „И того даде главу вышше всѣхъ церкви, яже есть тѣло его, исполненіе исполняющаго всяческаго во всѣхъ.“ Поле произвестъ можетъ крини, а вертоградъ сѣмена, сіе же пусто есть, дондеже, какъ Исаія говорить: „Найдеть на ны Духъ отъ вышняго, и будетъ пустыня въ Хермель.“

Другъ. Человѣкъ Божій Іисусъ, свободивши отъ легеона бѣсовъ мужа Гадаринскія земли, говоритъ ему наконецъ: „Возвратися въ домъ твой“. Отсылаетъ въ домъ и разслабленнаго. Отсылаетъ и слѣпаго, кой, наконецъ, усмотрѣлъ, что всѣ люде есть какъ древо, или хворостъ. А другаго слѣпца, послѣ просвѣщенія, находитъ уже не на улицахъ, но въ церкви. А что жъ есть домъ нашъ, если не тотъ, о коемъ Павелъ говорить: „Вы есте храмъ Бога жива“. И кто можетъ живущаго внутрь насъ узнать, не внушивъ себѣ, и не узнавъ себе? Отсюда зависить все наше здравіе, и просвѣщеніе. Къ сему-то храму призываетъ и Навинъ Израіля. „Приступите, — говоритъ, — сѣмо, и слышите слово Господа Бога вашего“. Тутъ-то [де] увѣсте, яко Господь живой есть внутри васъ. И по сему общаетъ имъ, что пагубою погубится Хамово племя, и все ихъ непріятелей сѣмя. Сію-то храмину свою мететь и премудрая жена, чтобъ сыскать монету. Употребляя въ мѣсто свѣтилника, Божія писанія слово, глаголющее: „Азъ есмь свѣтъ миру“. „Свѣтилникъ ногамъ моимъ законъ твой“. Кленется Давидъ, что не дастъ сна очамъ своимъ: поколь [де] обрящу мѣсто Господевѣ: и сыщу, гдѣ-то жилью свое имѣетъ Богъ предка моего Іакова? Кричитъ: „внїдемъ въ селенія Его“. Скачетъ: „возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ“. „Молитвы [де] моя воздамъ, посредѣ тебѣ Іерусалиме и въ твоихъ дворѣхъ.“ Да гдѣ жъ точно? „Посредѣ церкви воспою тя“. Да гдѣ жъ ты воспѣваешь Господу твоему? Отвѣтъ: „Въ незлобіи сердца моего. Посредѣ дому моего.“ Скажи пояснѣ, Давиде? На вотъ! „Еже сотворити волю твою, Боже мой, восхотѣхъ, и законъ твой; не на небеси, ни за морями, но посредѣ чрева моего“. Сію я правду и царствіе твое, посредѣ мене сыскалъ, выриль, какъ источникъ живыя воды, въ тлѣнной землѣ моей, не скрылъ, и не смѣшалъ какъ Филистимы съ землею, выриль сокровище на нивѣ моей сокровенное. Я признаюся со Авраамомъ, что я прахъ есмь и пепель, но посредѣ предѣлъ моихъ сыскалъ я спасеніе, кое ты содѣлалъ посредѣ земли моей. Сію истину твою и спасеніе твое сказалъ я и другимъ, и не закрылъ отъ народа. Теперь скажу: бросьте, о други мои, народныя вождѣлнїя! Возвратитесь въ дома ваши, ко отцу вашему. Развѣ не разумѣете, что Христосъ изводитъ слѣпца вонъ изъ веси, въ то время отверзаетъ очи его. Развѣ не слышите, что бѣсноватый не живаль прежде сего въ храмѣ, лишень одежды нетлѣнныя? Да гдѣ-жъ онъ живаль? Гонила его нечистая сила по пустынямъ, а

водворялся во гробѣхъ. Похотѣнія наши, суть-то гробы наши. Гонимся за пустошами свѣтовыми, ища въ нихъ вождельннаго блаженства и удовольствія. Но послушай, что плѣненная невѣста говоритъ: „Востану и обыду во градѣ. Искахъ его, и не обрѣтохъ его“. А для чего? Для того, что искала на торжищахъ и на улицахъ. Улицы сіи не иное что суть какъ путь, или совѣтъ безбожниковъ, которые кромѣ тлѣнныхъ видимостей, ничего не понимаютъ, и на нихъ укрѣпляются. А ищутъ всего внѣ себе, земленныи земленостей. Сіи-то волнуются и почити не могутъ, какъ прахъ колесный, бурю возносимый, о коихъ сказано: „яко брєніе путей поглажду ихъ.“ Внѣ дому Божія, на улицахъ ищутъ тѣ, о коихъ Давидъ: „Не оскудѣ отъ стогнѣ его лихва и лєсть“. Да для чего жѣ ты обходишь городъ, какъ написано: „Вкругъ нечестивыи ходять“. Для чего внутри не входишь? Чаешь-ли насытиться околицею? Но не слышишь-ли, что сіе есть лихва не истиа: прелєсть, а не истина? Не слышишь, что такая мудрость, есть то мечъ во устахъ сердца твоего? Повѣрь что взалчєшь, сколь долго будєшь околичничить. Изъ сей то веси, изъ сихъ улицъ выводить слѣпца Небесный Учитель. Возвратимся-жѣ и мы съ нимъ въ домъ нашъ. Не въ нашъ же еще домъ, но въ домъ Божій. Есть въ тѣлѣ нашемъ двѣ храмины: одна перстна, вторая небесна, нерукотворенна. Она погребенна въ храминѣ нашей земной. Не останавливаемся въ нашей. Проходимо сквозъ нашу, къ Божіей, съ Давидомъ: „Внїйду къ дому Божію, къ Богу веселящему юность мою“. Поколь мы въ нашей внѣшней сидимъ, потоль глупо и грубо ищемъ съ невѣстою. Она искала на ложи своемъ, да не нашла. Но вотъ Іеремія, что кричить? „Почто мы сѣдимъ? Совокунитесь, и внїйдемъ во грады тверды: и повержемся тамо“. Да гдѣ же тамо? „Передъ Господемъ, сотворшимъ насъ“. Тамъ, гдѣ Павелъ говоритъ: „Вышнихъ ищите“. Тамъ, высоко! Тамъ! По тую сторону Іордана. Въ новой нагорней Землѣ. Тамъ, идеже есть Христось: одесную Бога. А на улицахъ, еще и пуще не сыщемъ. Если тѣло наше тма, то околичность его гаразда крайнѣйшая, и погуще тма. Тутъ-то мы стараемся сыскать. Но уже невѣста искала въ пощи, да не нашла. Что-жѣ она дѣлаетъ? Небойсь! Она не остановилася на пути грѣшныхъ, на коихъ путниковъ съ ужасомъ вопієтъ приточникъ. „О, оставившій пути правыя! Еже ходити въ путєхъ тмы.“ И о коихъ Іеремія: „Упраздню отъ градовъ Іудинныхъ, и отъ путей Іерусалимскихъ гласъ радующихся, и гласъ веселящихся, гласъ жениха, и гласъ невѣсты.“ Затѣмъ-то и несчастная Магдалина плачетъ, по кривыхъ околичностяхъ бродить: между мертвецами во гробѣ ищетъ, да еще тогда и тма была. Пожалуй! хоть тысячу лѣтъ или вѣковъ ищи, не сыщєшь. Вѣдь развѣ по сію пору ушей не имѣешь? И не слышишь что такое молніевидный Ангелъ вопієтъ? „Нѣсть здѣ!...“ Да притомъ и путь ей очищаетъ. Камень отбрашиваетъ. Даетъ сигналъ.

А кой? „Тамо Его узрите!“ Какъ Исаія: „Идите враты мои, и путь сотворите людямъ моимъ, и каменіе еже на пути, разместите: воздвигните знаменіе на языки.“ А дабы Магдалина путемъ идолопоклонничимъ искать не пошла, поднимаетъ ее въ гору Галилею. Да гдѣ жъ Галилея? „Пойду себѣ къ горѣ Смирнѣй, и къ холму Ливанску“. Да гдѣ жъ Галилея? „Бѣжи, брате мой, и уподобися сернѣ, или юнцу еленей, на горы ароматовъ.“ Да скажи мнѣ, гдѣ Галилея? Ошибешся, если начнешь вѣдѣ себе ея искать. Слушай! Ангелъ Исаіи не раздвѣляетъ горы отъ дому. „Слово бывшее отъ Господа ко Исаіи сыну Амосову. Будетъ въ послѣдніи дни явленна гора Господня, и домъ Божій на вершѣ горъ, и возвысится превыше холмовъ: и прійдутъ къ ней вси языци.“ Знаешь что и Авраамъ восходитъ куда высоко! Восходитъ? Да овъ бѣ тамо со Исаакомъ. Гдѣ тамо? „Обрѣтши ты вѣдѣ, цѣлую ты, и ктому не унижаютъ мене.“ Гдѣ тамо? „Поиму ты, введу ты въ домъ матери моея, и въ ложницу заченшія мя, тамо мя научиши, тамо дамъ тебѣ сосца моя.“ Гдѣ тамо? „Подъ яблонею возбудихъ ты, тамо ради ты мати твоя, тамо поболѣ тобою раждая ты.“ Гдѣ тамо? „Положи мя, яко печать на сердцѣ твоємъ: яко печать на мышцѣ твоей. Зане крѣпка, яко смерть любовь...“ Пстой! „Крила ея—крила огня.“ Пстой! „Вода многа не можетъ угаси любве.“ Пожалуй пстой! Я неразумѣю: гдѣ тамо? „На мѣстѣ злачнѣ, тамо.“ „Подъ яблонею.“ „Обращай море въ сушу, въ рѣцѣ пройдутъ ногами: Тамо возвеселимся въ немъ“. „Въ церквахъ благословите Господа“. „Тамо Веніаминъ.“ „Тамо явися Іакову Господь“. „Тамо възйдоша колѣна Израилева.“ „Да не сотворите тамо вѣдѣхъ, елика вы творите здѣ днесь, кѣждо угодное предѣ собою.“ „Гора Сионъ сія, въ ней же вселился еси.“ Разумѣешь ли гору? Неразумѣю. „Правда твоя яко горы Божія. Судьбы твоя, бездна многа.“ Хочешь ли постигнуть гору? Узнай правду. „Правда твоя яко горы Божія.“ Хочешь ли постигнуть правду? Узнай царство Божіе. Хочешь ли постигнуть Царство? Узнай себе самого. Есть въ тебѣ гора твоя, есть тамъ же и Божія. Раздѣли себе всего. Все твое скотское тѣло на двое. Раздѣли, если ты Израиль, если имѣешь жезлъ. Раздѣли на Хвостъ и на Голову. Ударь по всему тѣлу. Вій по вѣдѣ удамъ, такъ какъ велить нѣкоему пророку: „Не щади ни волоса.“ Вотъ какъ гнѣвается Богъ на тѣхъ, что смѣшиваютъ: „И бысть слово Господне ко мнѣ,—вопіетъ Іезекиль,—глаголя: Сыне человекъ! Се быша мнѣ домъ Израилевъ смѣшанны вси съ мѣдію и желѣзомъ, и съ оловомъ чистымъ и съ свинцемъ. Сего ради рцы! Сія глаголетъ Адонай Господь, понеже быстевси въ смѣшеніе едино, сего ради се Азъ прійму³³⁰⁾ васъ, яко же пріемлется сребро и мѣдъ, и желѣзо и свинець, и олово чистое, въ средину печи, и дуну на васъ во огнѣ гнѣва моего, и сляянны будете

330) Въ спискѣ Д. И. Багалѣя—„прійду“.

среди его, и жерцы его отвергошася закона моего, и оскверниша святая моя, между святымъ и сквернымъ не разлучаху, и между нечистымъ и чистымъ не раздѣляху, и отъ субботъ моихъ покрываху очи свои, и оскверняху мя по средѣ себе..." Послѣ сего слиянія, называетъ князей Иерусалимскихъ хищниками, а помазующихъ пророковъ—волхвами суетныя ложи, глаголющихъ: вотъ чего Богъ требуетъ! А Господь о семъ и не мыслилъ никогда. Такъ вотъ! Раздѣли же, другъ мой, церковь Божию на двое. Не имѣешь ли жезла? Оставь же все. Все продай, да купи мечъ Іезекилевъ: „Сія глаголетъ Адонай Господь: Рцы! Мечу! Мечу! изострися и разярился, яко да иссѣчеша сѣченія. Изострися, яко же да будеша въ блещаніе и готовъ на разсыпаніе: сѣны, изничтожай, отрини всякое древо.“ Раздѣлиши, разсѣети и разсудити, все то дно. И сего-то суда единственно, ищетъ отъ тебе Богъ. А ищетъ, желая тебе блаженнымъ здѣлать. „Живо бо есть слово Божіе, и острѣ всякаго меча“. Ищи, стучи въ двери, мети хорошенько домъ. Рый въ немъ. Перебирай все. Вывѣдывай закаулки. Вышупывай всѣ потайники. Испытывай. Прислушивайся. Сіе то есть премудрѣйшее и вселюбезнѣйшее любопытство, и сладчайшее. Сія-то наука высочайшая и новѣйшая. Новая затѣмъ, что ни гдѣ ея не обучаются. А предвѣняя, потому что самонужнѣйшая. Гдѣ ты видѣлъ, или читалъ, или слышалъ о щасливцѣ какомъ, которой бы не внутрь себе носилъ свое сокровище? Нельзя внѣ себе сыскать. Истинное щастіе, внутри насъ есть. Непрестанно думай, что-бъ узнать себе. И сіе-то есть молитва, тоестъ, ражженіе мыслей твоихъ къ сему. Сей вопль твой, вопль тайный, сей одинъ входитъ во уши Господа Саваога, и на подобіе благовоннаго жертвленнаго дыма, происходящаго въ блаженной Аравіи, восходитъ и услаждаетъ обоняніе Божіе. Видь не до одного точію Іереміа, тако рече Господь: „Возопій ко мнѣ, и отвѣщаю тебѣ: и возвѣщу тебѣ великая и крѣпкая, ихъ-же не разумѣлъ еси.“ А что жъ намъ ползы изъ сего? А вотъ послушай! „Се Азъ наведу на нихъ срастѣніе язвы, и исцѣленіе, и уврачую ихъ, и явлю имъ, еже слушати, и исцѣлю ихъ и сотворю имъ миръ и вѣру..." Сіе все говоритъ Господь, о домахъ Израилевыхъ. А ты развѣ не домъ? Одна ты земля и тма? И никакой свѣтъ не свѣтитъ во тмѣ твоей? Одинъ ли только Давидъ говоритъ: „Просвѣщаеши тму мою? А ты кромѣ тмы, ничего въ твоёмъ дому не проникаешь? Пѣсокъ одинъ видишь? Одну плоть и кровь? О граде бѣдный! Что жъ за миръ тебѣ тутъ? И что за вѣра? Развѣ на пѣску увѣрился съ Евангельскимъ глупцемъ, храмину свою на немъ основавшимъ? Поспѣшай пожалуй сыскать въ дому твоёмъ то, что общаетъ Господь у Исаія: „Сокровенная, невидимая отверзу тебѣ“. Нашоль сіе Исаія, и сказалъ: „Въ сокровищахъ спасеніе наше“. А ты въ твоей ночи развѣ не можешь сыскать утра? Но вотъ Аврааму бысть слово Господне въ видѣніи ношю глаголя: „Не бойся, Аврааме!

Авъ ващицаю тя. Мзда твоя многа будетъ зѣло.“ Вотъ миръ истинный! Его же миръ не можетъ дати. Вотъ вѣра! Есть на что положиться безопасно. Сыскаль блаженный Авраамъ, во тмѣ свѣтъ: а въ пѣску камень. Въ тлѣнномъ живое, въ мертвенномъ нетлѣнное, въ сокрушеніи исцѣленіе язвы. Не сыскаль же еще, но точію будьто во снѣ, нѣсколько началъ понимать. Издали нѣсколько начинало трогать мысли его слово Господне, что есть, и находится еще другое нѣчтось тамъ же, гдѣ тма. Черезъ низкость сея тмы, хочеть его перевестъ Господь, и поселить на другомъ мѣстѣ: если Авраамъ послушаетъ Его. Обѣщаетъ ему, вмѣсто старья новую землю въ награжденіе. И се-то значить: „Мзда твоя многа будетъ зѣло“, о коей Исаія: „Се Богъ вашъ! Се Господь! Господь съ крѣпостію идетъ: и мышца Его со властію. Се мзда его съ нимъ! И дѣло его предъ нимъ.“ А что-бъ лучше уразумѣть, что сіе онъ воздаяніе точно разумѣть о нерукотворенной хранинѣ, въ пепелѣ тутъ же тлѣнныя скиніи нашея сокровенной, до которой никто не можетъ добраться, если сердце его, какъ олово погрязло въ собственномъ его домостроеніи, для того немножко вышше сказалъ слѣдующее: „Возопій! и рекохъ, что возопію?“ А вотъ что: „Всяка плоть—сѣно, и всяка слава человѣча, ако цвѣтъ травный, глаголь же Бога нашего пребываетъ во вѣки.“ Сыскаль Исаія внутрь двое: наружность, и внутренность. Въ снѣи своемъ глаголь Божій: царство нашолъ въ срединѣ своей. По сей причинѣ вопіеть и до насъ: „Всяка плоть сѣно“. Велить бросать сѣно, а сверхъ сѣна искать того, кто въ снѣи зарылся. „Положи въ тму закровь свой“. Лежить на снѣи нашемъ, и въ темной снѣи нашей, въ хранинѣ нашей, но никто, кромѣ царей да пастырей, не кланяются ему. Для чего? Видно, что не видятъ Его. Почему? Потому, что не сыскали царя, или царства. Что за причина? Не узнали себе. Вотъ вся тебѣ тутъ вина! Они искали, да внѣ себе. На торжищахъ, и на улицахъ. А цари издалеца прійшли во градъ Давидовъ, и ночью въ вертепныхъ тайностяхъ сыскали Его. Вонъ видно кто сыскаль! „И слово плоть бысть“. Вонъ Давидъ! „Законъ твой посредѣ есть чрева моего“. Царство безъ законовъ небываетъ. „И рече Авраамъ: понеже мнѣ не далъ еси сѣмене, домочадець же мой, наслѣдникъ мой будетъ...“ Еще ошибается Авраамъ: „И абіе гласъ Господень бысть къ нему глаголющій“: не будетъ сей наслѣдникъ твой: но иже изыйдетъ изъ тебе, той будетъ наслѣдникъ тебѣ“. Ищи, Аврааме, другаго наслѣдника внутрь себе. Изыйдетъ въ то время, какъ узнаешь Его. Ты нечто иное, какъ сухая и мертвая палка, но изъ середины ея можетъ процвѣсти цвѣтъ неуводаемый. Куды какъ не скоро возводимъ на небо косный взоръ нашъ, погруженный въ пепель тѣла нашего! Нескоро Авраамъ сказалъ: „Авъ есмь земля и пепель“. А теперъ говоритъ: „Владыко Господи! почесому уразумѣю, яко имамъ наслѣдити

новую землю, съ новымъ наследникомъ?" Что-жь ему Господь? Велишь разсѣчь на двѣ половины скотину. „И раздѣли и на поля, и положи я противолічна едино къ другому“. Вотъ! Тогда-то уже по раздѣленіи, начало застарѣлое его мнѣніе земное, подъ землю заходить: какъ солнце ищезаетъ и крывается. „И се страхъ темень велий нападе на ны“. Не ищи пожалуй внѣ себе, какъ царства, такъ и скотины. Слушай, что вопіетъ Малахія: „Восіають вамъ, боящимся имени моего, солнце правды, и испѣленіе въ крилѣхъ его, и изыйдете, и възграете, яко же телцы отъ узъ разрѣшнены, и поперете беззаконники, и будутъ пепель подъ ногами вашими, въ день, вонь же Азъ сотворю.“ Смотри-жь какъ Павелъ раздѣляетъ человѣка? Какъ скотину на двое: „Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное.“ А что онъ, чрезъ душевное, разумѣетъ скотскую плоть и кровь, тое видно изъ Второзаконія. „Если, де, заколешь отъ воловъ твоихъ и отъ овецъ твоихъ воньми крѣпцѣ, еже не ясти крове.“ А для чего? Кровь бо есть душа. Да не снѣдъся душа съ мясы, да не снѣсте ея; на землю проліете ю: аки воду.“ Удивительно, коль строго запрещается сіе! „Да не снѣси, де, ю, да благо тебѣ будетъ, и сыномъ твоимъ по тебѣ во вѣки, аще сотвориши се, еже добро и угодно есть предъ Господомъ Богомъ твоимъ: развѣ святая твоя, яже аще будутъ тебѣ...“ Скажи мнѣ: гдѣ тотъ, кой имѣетъ духа раздѣленія, или мечъ духовной? Сей одинъ можетъ принести себе въ жертву Господеву. Но можно ли посвятить такую жертву? Можно, если узнать себе. Въ-то время человѣкъ, кромѣ плоти и крови, находитъ [минувъ ее], святое и боженственное средѣ себе. А засмотрѣвшійся зміинымъ окомъ на беззаконіе пяты своея, на нечистоту плоти и крови своея, во вѣки не наследитъ Царствія Божія. Кромѣ Исмаила, не породитъ Исаака, и будутъ чада его въ погубленіе, на землѣ не своей. Слушай! коль страшно гремитъ на сихъ кровонаблюдателей Іеремія: „Проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка, и утвердитъ плоть мышцы своея на немъ, и отъ Господа отступитъ сердце его. И будетъ какъ дикая маслина въ пустынѣ, въ землѣ сланѣй и необитаемѣй.“ Не по землѣ ли черевомъ ползають сіи зміи? Не въ водѣ ли играютъ сіи киты? Но что Исаія на такихъ зміевъ? „Въ той день, говоритъ, наведетъ Господь мечъ святыи и великый и крѣпкый на драконта змія бѣжаща: на драконта змія лукаваго и убіетъ драконта, сушаго въ морѣ“. Скажи мнѣ: зачемъ ты засмотрѣлся на кровь твою? Что пользы; что пасешь и бережешь ее? Чему вы, о киты, ищете Іоны средѣ себе? „О пасущи,—вопіетъ на васъ Захарія,—суетная! И оставльши овецъ! Вотъ мечъ Господень на мышцу вашу, и на око ваше десное!“ Что есть плоть твоя, если не земля пустая, солоная и не обитаемая? Здѣ сѣдишь и засмотрѣлся на нее, на хребетъ твоея плоти: совсѣмъ преобразился въ столбъ солоный. Что есть кровь твоя, если не ничтожная мимоте-

кушая вода? Погрузилъ ты весь умъ твой, какъ слово, и плаваешь въ ней, доволотвуясь нею, и увѣрившись на ней. Не о тебѣ ли пишется во Іовѣ: „Свѣтомъ тебѣ тма бысть, уснувшаго же, вода ты покры“. Не о тебѣ ли и сіе? „Рѣка текущая, основаніе ихъ: глаголющій, что сотворить намъ Господь?“ Вотъ на что ты засмотрѣлся! Послушай Іова самаго: „Да узрятъ очи его свое убоженіе! Отъ Господа же да не спасется! Сей умираетъ въ горести души, не яднй ничто же блага, вкупѣ же на землѣ спятъ, гнидость ихъ поберы, яко на день пагубы соблюдается нечестивый, и въ день гнѣва отведенъ будетъ, и той въ гробъ отнесенъ бысть, и на гробищахъ пождѣ, усладися ему дробное каменіе потока, и въ слѣдъ его всякъ человекъ отыидеть, и преднимъ безчисленны“. Встань, несчастной мертвецъ! Возведи око твое, и узнай себе! Не думаешь ли, что скверная гнидость составляетъ существо твое? Узнай же себе, и уразумѣешь, что лихва то, не самая иста: тѣнь твоя не крѣпость мамврійскаго дуба, и безчестіе, цѣну подлинную внутрь закрывающее. Ахъ! Человѣкъ въ чести снй, но не разумѣетъ себе. Почелъ себе за скота, и адѣлался имъ. Земляной гробъ его, селеніемъ его сталъ. А для чего? „Нарекоща имена своя на земляхъ.“ Кровь [говорять въ сердцѣ своемъ] и плоть моя, я-то есмь: И что жъ еще есть кромѣ сего? Что ты говоришь, безумный! По этому нѣтъ Бога? Лучше скажи, что тово-то нѣтъ, что у тебе за существо почитается. Такъ не бывать-же тебѣ никогда написаннымъ на небесахъ. Ты говоришь, что ихъ нѣтъ, кромѣ земли твоея. Небывать тебѣ Израилемъ. Раздѣлить не смыслишь, затѣмъ, что не понимаютъ тебѣ двое. Одно только впечатлѣлося твоимъ мыслямъ. Одно брение начерталось на главѣ твоей, на пепельномъ сердцѣ твоемъ, какъ Іеремія говоритъ: „Грѣхъ Іудинъ написанъ есть писаломъ желѣзнымъ на ногтѣ Адамантовѣ, начертанъ на скрижалѣхъ сердца ихъ, и на розѣхъ олтареи ихъ.“ И немножко послѣ, вопіетъ на таковыхъ: „О! нагорній [жителю]: крѣпость твою и сокровища твоя въ расхищеніе дамъ, и высокая твоя: грѣхъ ради твоихъ, яже во всѣхъ предѣлѣхъ твоихъ, и останешися единъ отъ наслѣдія твоего, еже дахъ тебѣ, и служити ти сотворю врагомъ твоимъ въ землѣ, ея же не вѣси: яко огонь разжегль еси въ ярости моеи, даже во вѣки горѣти будетъ.“

Вотъ и Аввакумъ: „У лють! созидающему градъ кровьми, и уготовляющему градъ неправдама“. И ояты: „Горе лихоимствующимъ лихоимство злое дому своему! Еже учинити на высотѣ гнѣздо свое, еже исторгнути отъ руки злыхъ. Умыслилъ еси стыдѣніе дому своему, убилъ еси люди многи, и согрѣши душа твоя.“ Если бы ты въ себѣ самомъ могъ различить честное отъ недостойнаго, ни когда-бъ не кричалъ на тебе Аввакумъ: „Сытость безчестія отъ славы иснй и ты: сердце, поколебнися и сотряснися.“ А для чего? „Минуда, де, тебе чаша десницы Господни, и собрася безчестіе на славу твою“. Видь

ты жъ слыхалъ о чашѣ спасенія: и что спасеніе „въ силахъ десницы Его“, а не въ мерзости праха твоего. Такъ послушай же опять пѣсенки Аввакумовскія: „У люті! глаголющему ко древу: ободрися! востани! И каменію: возвысяся! а то есть мечтаніе, и сіе есть скваніе злата и сребра, и всякаго духа нѣсть въ немъ, Господь же во храмѣ святѣмъ своемъ.“ Вотъ! Слышишь ли? Что и идолопоклонникъ тотъ, кто одну только видимость въ себѣ понимая, почитаетъ. Такъ что-жъ дѣлать? Собери расточенныя по пустынямъ свѣцкимъ, по честолюбію, по сребролюбію, по сластолюбію мысли твоя: и вниди внутрь себе. Мини стѣнь и завѣсу, мертвыя твоя хранины. Что пользы тебѣ волноватись по пустошамъ, забывъ домъ твой, храмъ Господень? Послушай, пожалуй, Исаи: кая польза и миръ изъ того? „Яйца аспидска разбиша, и поставъ паучинный ткуть.“ А что жъ изъ того? „И хотяй, де, отъ яицъ ихъ ясти, разбивъ запортокъ его, обрѣте въ немъ Василиска. Поставъ ихъ не будетъ на ризу, и не оденутся отъ дѣлъ своихъ, дѣла бо ихъ, дѣла беззаконія, нозѣ же ихъ на зло текутъ, скоры проліяти кровь, и мысли ихъ, мысли о убійствахъ: сокрушеніе и бѣдность въ путехъ ихъ, и пути мирнаго не познаша, и нѣсть суда въ путехъ ихъ...“ Можно ли живѣе изобразить пользу свѣцкихъ дѣлъ? Теперь, думаю, хорошенько понимаешь: что такое значить бѣсноватый, о которомъ Лука пишетъ: „Иже имяше бѣсы отъ лѣтъ многихъ, и въ ризу не облачашеся, и во храмѣ не живяше, но во гробѣхъ.“ Мало пониже: „Гонимъ, де, бываше бѣсомъ сквозѣ пустыни.“ Сего-то Христось отсылаетъ въ домъ свой, что-бъ въ домѣ своемъ искалъ царствія Божія. То-есть, благополучія своего, и узнавъ себе, увидѣлъ бы то, чего до сихъ поръ никогда не разумѣлъ. Узналъ себе Аввакумъ, и вотъ что спѣваетъ: „Господи! услышахъ слухъ твой, и убоялся. Господи! разумѣхъ дѣла твоя, и ужасохся.“ А какое жъ лучшее сокровище, какъ страхъ Божій? „Страхъ Господень,—говоритъ сынъ Сираховъ,—возвеселитъ сердце, и дастъ веселіе и радость и долгоденствіе. Коль великъ,—говоритъ онъ же,—иже обрѣте премудрость! Но нѣсть паче боящагося Господа.“ Но должножъ знать, что всѣ бы боялися Господа: еслибъ могли узнать себе. Коль долго Павелъ не зналъ себе! Наконецъ, немного вникнувъ въ себе, и услышавъ гласъ Господень, сказалъ: „Господи! Ты кто еси? Что мнѣ велишь дѣлать?“ И сему говоритъ: „Востани, и вниди во градъ“. Будто Павлу не доводилось быть во градѣ, да все-жъ однако-жъ ничево. Но чуть ли се не тотъ градъ, о коемъ приточникъ: „Братъ отъ брата помогаемый, яко градъ твердъ и высокъ, укрѣпляется же, яко основанное царство.“ Кто-жъ не знаетъ, что творящихъ волю Божію, называетъ Христось братами своими?

Тамъ, де, во градѣ, скажется тебѣ, какъ поступать? А что-жъ въ стоицѣ Божія, если не законъ? А законъ что такое, если не власть

и царство? И если Павелъ сказуетъ: „Вы есте храмъ Бога живаго“, то для чего нельзя сказать: Вы есте градъ Бога живаго? Давидъ, градъ Божій и гору Его, за одно вмѣстѣ ставитъ: „Во градѣ Бога нашего, въ горѣ святѣй Его.“ Но если Богъ говоритъ, что Сіонъ со мною есть: то и градъ его съ нимъ же, и домъ и храмъ Его. „И наречешися,—говоритъ Исаія,—градъ Господень: Сіонъ святаго Израилева.“ Удивительно было бы, когда-бъ Богъ, любящихъ волю Его, и творящихъ, не назвалъ градомъ своимъ: назвавъ ихъ у Исаія, новыми небесами и новой землею. Все-то есть жилище Божіе. А ты одно старайся: узнать себе. Какъ ты здѣлаешься мѣстомъ Богу, не слушая нетлѣннаго гласа Его? Какъ можешь слышать, не узнавъ Бога? Какъ узнаешь, не сыскавъ Его? Какъ же сыщешь, не распознавъ себе самого? Правда, что хвалится Павелъ человѣкомъ какимъ-то, но онъ сыскалъ Его внутрь себе: „Не живу азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ“. А какимъ образомъ себе познавать? И говорено уже, и Аввакумъ тамъ же вдругъ учитъ: „По средѣ двою животну, познавъ будещи.“ Видишь, что тоже говоритъ, что Аврааму Богъ: „Возьми мнѣ юницу трилѣтну...“ Авраамъ догадался, растесалъ на полы ее. Многія подумали бы, что Авраамъ, вздоръ и чепуху плететь. Никакъ! Авраамъ очень догадливъ. Онъ слышитъ чево себѣ хочетъ Богъ въ посвященіе: „Святи ихъ во истинѣ твоей, слово твое истина есть.“ Кто жъ можетъ сказать, что-бъ въ пос[в]ященіе себѣ, то есть, въ познаніе истины своея, требовалъ Господь отъ своего Авраама, воловъ, овиновъ, телцовъ, козловъ? Не чепуха-ли сіе? Да и чѣмъ разнится отъ скотовъ и вѣрей человѣкъ, не узнавшій себе? Вѣдь слышимъ Давида, что человѣкъ въ чести [безспорно] находясь, но непонимая находящагося въ себѣ великолѣпнаго Царствія Божія, совсѣмъ тѣмъ скотомъ сдѣлался, по разумѣя истины Господнія. Агнецъ, напиримѣръ, жареный, и въ собраніи истину любящихъ, и союзомъ блаженныхъ любви связанныхъ пріятелей ядомый, можетъ церемонію дѣлать, то есть, тайно назнаменоватъ, и въ догадку разумъ нашъ приводить, что человѣкъ, ради благополучія своего, долженъ себе посвятить Богу, то есть, отдать на исканіе и жваніе точныя истины; но се одна только церемонія, то есть, узолъ и тайный значокъ. Если-жъ мы этой шелухи, или корки не проникаемъ догадкою, а не разумѣя, слѣдовательно ниже исполняемъ; въ то время уже церемонія, какъ орѣхъ безъ зерна, пуста. А для чего? Для того, что не приводитъ мыслей къ тому центру, для показанія котораго, она и родилась. Если-бы человѣкъ прозывался козломъ, а никто того не знаетъ, въ то время именовать его козломъ есть дѣло пустое, потому, что слышателява мысль на козлѣ остановится, не дойшовъ до человѣка. Всѣхъ, во всѣхъ странахъ и вѣкахъ церемоній, всѣхъ узловъ, всѣхъ тайныхъ образовъ печатей и признаковъ центромъ, или концемъ, тутъ-то все-на-все копчится. А что такое? Человѣкъ! что бы оно нибыло: дѣло ли, дѣйствіе ли, или слово—все то пустая пу-

стоишь, если оно не получило событія своего въ самомъ человѣкѣ. Не всякое ли дыханіе, и не вся ли тварь изображена на картинѣ священныя Вабліи? Небо, земля, море, и все исполненіе ихъ. Но вся сія разнovidная плоть, вся сія неизмѣримая безчисленность и видимость стекается въ человѣкѣ, и пожирается въ человѣкѣ, и какъ самое пространнѣйшее дерево, временностью обетшающее и дряхлѣющее и исчезающее, въ своемъ сѣмени, какъ въ мѣлчайшей точкѣ, съ вѣтвями листомъ и плодами, безопасно сокрывается. Все что тамъ только именуется, даже до послѣднія черты, до крошечныя точки, все нуждою обязано во исполненіе прійти, въ самомъ человѣкѣ. По сему-то и Павелъ, помяная солнце, луну, звѣзды, ведетъ все сіе въ воскресеніе, то-есть къ человѣку. Да и гдѣ жъ быть въ другомъ мѣствѣ воскресенію, когда самъ тотъ живетъ въ человѣкѣ ч е л о в ѣ к ѣ, кой о себѣ говоритъ: „Азъ есмь воскресеніе“. И о которомъ Павелъ: „Вторый человѣкъ Господь съ небесе“. Да и за что только Павелъ прійметъ, все то обращаетъ въ самый центръ себе самаго, будто претвердую пищу, крѣпчайшими зубами смолотую. Вотъ также точно и Авраамъ. Онъ зналъ, что не великая мудрость, и никакая святость убить барана, и что Богъ не охотникъ кушать мясо юнчее, и пить кровь козлову, и что на тѣхъ, кои не смыслятъ,—а можетъ быть сверхъ того и не хотятъ,—къ чему ведетъ, и какое дѣло тайно означаетъ сія церемонія. Ужасно гремитъ Богъ, что, къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ? Милости хочу отъ васъ. Слушай Ефреме и Іудо! Сія церемонія даетъ вамъ маленькій слѣдокъ къ тому, что-бъ вамъ постараться увѣдать Бога. Сыщите и дайте мнѣ милость, а посвящая мнѣ ее, сами возьмете для себя ее. Вашъ судъ и понятіе о мнѣ, и теперешня ваша милость, никогда и никуда негодится. Я люблю видѣ церемонію, она мнѣ не противна. Она, бываетъ, може падоумить добрую и разумную душу. Не спорю. Но знайте-жъ, что паче всего, милость мнѣ любезна: судъ или видѣніе Божій. Вотъ конецъ всѣхъ вашихъ жертвъ, и всѣхъ-навсѣхъ тайнъ! А теперь, когда вы заблудили отъ предмета, и отъ точки всѣхъ церемоній, такъ скажите, къ чему они мнѣ, а, слѣдовательно, и вамъ? Что съ нихъ? Къ чему вамъ имѣть, есть-ли нехотите развязать загадку? Все то мнѣ бесполезно, что только вамъ вредно. Столько уже вѣковъ мудрствуете въ церемоніяхъ, и каковъ плодъ, кромѣ однихъ расколовъ, суевѣрій и лицемѣрій. Бездѣльныя прикрылися ³⁸¹⁾ симъ листомъ, въ наготѣ своей. Глупцы, основали на тѣни сей блаженство свое. Безразумныи ревнителі породили раздоры раскольничьи: всенародное общество, жит-лей вселенныя, храмъ мой, несогласіемъ, за одни враки разоряющія: желая вѣсть то, чего я никогда не желалъ, то-есть, что-бъ во всѣхъ концахъ земныхъ, на одну мѣру и форму сошити

381) Въ спискѣ Д. И. Багалѣя—„прикрывшиесъ“.

были церемоніи. Отсюда не примиримы сосѣднихъ земель вражды, ненависти, а нерѣдко и кровопролитіе. Что жъ это за такая превратность? Тотъ лабиринтъ, которой долженъ былъ васъ путеводничать къ милости, отводитъ отъ нея. Такъ я-жъ вамъ говорю: бросьте ихъ! Они теперь не-что иное, какъ пустошь и мерзость предо мною. Пріймитесь прямо за судъ, за милость и за истину. Спросите вы моего Давида, онъ вамъ скажетъ, что такое оно? А лутче спроси самого себе. Не одинъ ты въ себѣ, но и я средѣ тебе. Унай и внимли себѣ, и услышишь тайно, немолчно вопіющій гласъ мой. А слово мое и истина, судба и милость и имя мое: все-то одно. Понималъ все сіе, высокаго сердца мужъ Авраамъ. Ревность его разжигалась къ увидѣнію Божію, а высокая душа его, часъ отъ часа, какъ орелъ поднималась. „Владыко Господи! почесому уразумѣю, яко имамъ наслѣдити новую ту землю.“ Слушай, Авраамъ! „Возьми мнѣ юницу трилѣтну, и козу трилѣтну, и овна трилѣтна, и голубя и горлицу: въ то время узнаешь.“ Началъ Авраамъ всею душею, и всею собранною своею мыслию, безъ ослабы, не дая сна уму своему оку, разсуждать: какая бы то нужда Богу была въ скотинѣ? Да сверхъ того, что-бъ она была трехъ лѣтъ. Что се? На враки похоже... Ахъ! не враки!... Богъ скажетъ. Конечно тайна... Но кто наставитъ мене? Открой очи мои! вразуми мя! Въ то время научусь. Авраамъ современемъ доказалъ самымъ дѣломъ то, что у приточника: „Ищяй Господа, обрящетъ разумъ съ правдою, правѣ же ищущія Его, обрящутъ миръ“. И то, что Соломонъ же говоритъ: „Все твореніе, во всемъ ему родѣ, паки свышше преобразовашеся, служащее свойственнымъ твоимъ повелѣніямъ, да отроцы твои сохранятся неврежденны. Облакъ, осѣняющій полкъ ихъ, и изъ прежде бывшія воды, открытіе сухія земли явися, и изъ моря Чермнаго путь невозбраненъ, и поле злачное отъ волненія зѣлнаго: имъ же весь языкъ пройде, твоею рукою покровенны, видящи дивная чудеса. Якоже бо, кони насытишася, и яко агныцы взыграшася, хваляще тя, Господи, избавльшаго ихъ.“

Къ сему пути имѣлъ уже Авраамъ безначальное начало, будто жезлъ въ рукахъ, а именно: „вѣрова Авраамъ Богу“. Онъ догадался, что дѣло идетъ не до скотины, а до той телички, о коей потомокъ духовный, его пророкъ Осія говоритъ: „Ефремъ, юница наученная на то, еже любити прѣвнѣ, азъ же найду на доброту выи ея, паствулю на Ефрема.“ И о коей, его жъ сѣмя Іеремія: „Слыша слышахъ Ефрема плачуща: наказалъ мя еси, Господи, и наказалъ. Азъ, якоже телець, не научихся.“ Сямъ именемъ значатся всѣ, языческаго сердца люде: ничего въ себѣ самыхъ, кромѣ пепельныя тлѣнности не разумѣющіи, и въ сей водѣ погрязшии, не проходя къ сущѣ. Всѣхъ сихъ Іеремія называя Египтомъ, называетъ и юницею. „Юница избрана и украшена Египетъ, разореніе отъ полунощи прійде на ню, и наемницы его, жи-

вущи по средѣ его, яко же телцы тучни, питаемы въ немъ.“ Сии увѣрившись на прахъ какъ на надежное что, симъ самымъ уничтожаютъ сокровенную въ прахѣ ихъ Божию правду, не разумѣя и не ища ее, упрямясь какъ скотъ, рогами своими тлѣнными. Для того Іеремія: „Отсѣченъ есть рогъ Моавль, и мышца его сокрушился.“ И Давидъ: „Вся роги грѣшныхъ сломяю“. Да и какая нужда Богу, зовущему тебе въ познаніе свое, требовать отъ тебе скотовъ, и напоминать объ нихъ? Ты-то самъ и телець, и козель, и баранъ, и елень и все. А иначе, кая нужда была Даніилу, мудрствовать о козлѣ, поразившемъ овна, или барана скопца? „И порази овна, и сокруши оба рога его, и не бѣ силы овну, еже стати противу ему, и поверже его на землю, и попра его, и не бѣ овна избавляяй отъ руки его.“ Кая нужда грозить Богу, чрезъ Захарію на пастырей? „Прогнѣвася ярость моя, и на агнцы пошѣщу; и пошѣтитъ Господь Богъ Вседержитель стадо свое, домъ Іудинъ, и учинитъ я, аки коня благолѣвна въ брани своей.“ Баранъ, въ которомъ не имѣются ятра, не посвящается Богу: такъ какъ и прочія испорченныя скоты. Невелятъ Богъ во Второзаконіи, каженика и скопца въ храмъ Господень пушать. Но, другъ мой! все сіе прямо до тебе, кто бы ты ни былъ истины любитель, касается. Если бы ты узналъ себе, въ то время ты Божиимъ, а Богъ твоимъ здѣлался бы: находился бы по средѣ дому его не скопцемъ, или женою, каковыхъ не велитъ въ Числахъ, и въ небесный свой спасокъ поставлять, но мужемъ, познавшимъ Господа своего, какъ самъ Богъ, о своемъ Моисеи свидѣтельствуеетъ: „Раба мой Моисей, во всемъ дому моемъ вѣренъ есть. Усты ко уетомъ возглаголю ему явѣ, и не гадаіемъ, и славу Господню видѣ, и по что не убояется глаголати на раба моего Моисея?“ Послушай! Вотъ какъ премудро несмысленныхъ скотовъ и скопцевъ, непознавшихъ истины, живописью описаль Соломонъ! „Жена срящеть его, зракъ имущи прелюбодѣйличъ, яже творитъ юныхъ париги сердцемъ: воскриленна же есть и блудна, въ дому же непочиваютъ нозѣ ея.“ Вотъ тогъ часъ тебѣ и молодчики! Се-то тѣ младенцы, не поставляемы въ книгѣ Числь—въ число мужей Божіихъ, хотябъ они и лѣтци были. А гдѣ-жъ она ихъ стрѣтаеть? Конечно на улицахъ? Видь слышишь, что не почиваютъ въ дому нозѣ ея. Слушай же далѣ: „И прельсти его многою бесѣдою, тенетами же устенъ въ блудъ привлече его, онъ же абіе послѣдова ей объюродѣвъ, и якоже воля на заколеніе ведется, и яко песь на узы, или яко елень, уязвленъ стрѣлою въ ятра, и спѣшитъ, яко птица въ сѣтъ, невѣдый, яко на душу свою течеть.“ Вотъ тебѣ и скоты и звѣри и птицы! Справся-жъ теперь о всѣхъ скотахъ, не посвящаемыхъ Богу, и увидишь, что вся тая дрянь, до познанія твоего касается. Напримѣръ: „Слѣпо, или сокрушено, или языкъ урѣзанъ имущо и протчая, да не принесутъ тѣхъ Господу.“ Но вонъ! Слушай, что тожъ самое сказано выше о человѣкѣ: „Всякъ че-

ловѣкъ слѣпъ, или хромъ, или корносый, или ухорѣзанъ, или секрушеніе руки, или ноги имущій, или горбатъ и протчая: да не приступитъ принести жертвъ.“ Что жъ сіе значить! Брось враки церемоніальныя, а выслушай, что говоритъ Осія? „Яко ты умѣніе отвергль еси, отвергу и азъ тебе, еже не жречествовати мнѣ. И забыль еси законъ Бога своего, забуду и азъ чада твоя“. Вотъ кого Богъ не хочетъ жрецомъ своимъ имѣть! Умѣніе сіе, онъ же выше толкуетъ такъ: „Слышите слово Господне, сынове Израилевы: яко судъ Господеви къ живущимъ на землѣ: за не нѣсть истины, ни милости, ни видѣнія Божія на землѣ.“ А что-жъ есть слѣпъ, или хромъ, или корносъ? Слушай Давида. „Очи имуть, и не узрять, уши имуть, и не услышатъ, ноздри имуть и не обоняють“ и протчал. Что же далѣе? „Подобны имъ да будутъ,“ и протчая. Чувствуешь ли, что всеѣмъ срамотамъ симъ, родителница есть невидѣніе Божіе? Она-то у Соломона именуется блудницею, какъ отъ дому своего мужа, такъ и отъ познанія его отходящая и отводящая. О сихъ-то Исаія: „Осяжутъ яко слѣпыи стѣну“. И Давидъ: „Обветшаша и охрамоша отъ стезь своихъ“. Се-то тѣ аспиды, о коихъ Исаія: „Глуси, услышите, и слѣпыи прозрите видѣти. И кто слѣпъ? Развѣ рабы мои. И кто глухъ? Развѣ владѣющіи ими. И ослѣпоша рабы Божіи“. Се-то тѣ, потерявши языкъ оный: „Языкъ мой поучится правдѣ твоей“. „Господь, Господь даетъ мнѣ языкъ наученія“. Се-то тѣ горбатыи, о коихъ написано: „Горбъ неисцѣленъ.“ „Да помрачатся очи ихъ, еже не видѣти, и хребетъ ихъ выну сляцы.“ „И наполнися земля мерзостей дѣлъ рукъ ихъ, и поклонншася тѣмъ, яже сотвориша персты ихъ, и приклонися челоуѣкъ, и смирися мужъ, и не потерплю имъ.“ Но кто есть корносъ? Тотъ, кто лишень носа сего; „И рече ему Исаакъ отецъ его: приближися ко мнѣ, и облобызай мя, чадо. И приближився облобыза его: и обоня воню ризъ его, и благослови его, и рече: се воня сына моего, яко воня нивы исполненны, юже благослови Господь.“ Сей Исааковъ носъ, есть высокій: исполненъ острѣйшаго чувства. Онъ вездѣ чувствуетъ сладчайшій духъ, и благовопщійшій дымъ, повсемѣтнаго присутствія Божія. Таковъ носъ имѣлъ Іовъ. „Духъ Божій, сущій въ ноздрехъ моихъ.“ Таковъ носъ имѣли безневѣстныя тѣ дѣвы, кои говорятъ: „Влепы мя въ слѣдъ тебе“. „Въ воню міра твоего течемъ.“ Сія-то дѣвы, слѣдомъ выслѣдили того, о коемъ слышимъ: „Азъ цвѣтъ полній и кринъ удоуліи“. Вотъ одна изъ нихъ что говоритъ: „Нардъ мой даде воню свою: виноградъ зрѣюще, даша воню.“ А что-жъ есть виноградъ? Слушай Исаія: „Виноградъ Господа Савваоа, домъ Израилевъ есть“. Видишь, что все приходитъ до тебе самага, до твоего дому. Ты и земля, и звѣрь, и скоть, и дерево, и виноградъ и домъ. Въ семъ-то домѣ яшла невѣста брата своего. Въ семъ-то виноградѣ почувствовала сладчайшія ароматныхъ деревъ и зелій духи, тѣмъ обоняніемъ, которое въ ней похваляетъ

возлюбленный ея другъ: „Кто сія, проливающая, аки утро? Очи твои яко сзера во Есевонѣ, постъ твой яко столпъ ливанскій, смотряи лице Дамаска“. А въ какое жь время получила она себѣ острый сей взоръ и обоняніе? Тогда, какъ стала дружить съ братомъ своимъ. „Братъ мой мнѣ, и азъ ему, пасый въ крынахъ.“ Для чего жь она не отослана до кущей пастырскихъ? Вотъ опять и гавань наша!

Памва. Ахъ! не могу больше терпѣть. Вотъ вамъ еще одна дѣва! „Богу благодареніе: всегда побѣдители насъ творящему, о Христѣ Иисусѣ, и воюю разума Его являющу нами во всякомъ мѣстѣ: яко Христово благоуханіе есмы Богови, въ спасаемыхъ и въ погибающихъ.“

Квадратъ. Для чего жь ты Памво, замолчалъ? Тамъ слыдуеть вотъ что! „Нѣсмы якоже мнози, нечисто проповѣдающіи слово Божіе, но яко отъ чистоты, но яко отъ Бога, предъ Богомъ во Христѣ глаголемъ.“ Примѣчайте, не совершенное-ль согласіе тутъ? Не чисто проповѣдающіи и кущи пастырскіи? Видно жь, что таковыи не узнали себе. А какъ таковыи неспознавшися, и сами съ собою раздружившіися нечувствуютъ внутри себе благоуханія Божія, такъ и въ священномъ домѣ Библии. Одинъ духъ дышетъ во обоихъ сихъ церквахъ. И какъ послушаешь и соблюдеши внѣ тебе на бумагѣ написанное: если пренебрегаешь внутри дому твоего гремящее? О сихъ-то двоихъ домахъ Павель говоритъ: „Кто вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ? Точію духъ живущій въ немъ. Такожде и Божія, ни кто же вѣсть, точію духъ Божій.“ Не слушаешь внутри себе? Ктожь тебе пошлетъ къ Силому священнѣйшихъ и живыхъ водѣ Библейныхъ? Не пошлеть, пойдеши самовольно? Послушай Исаи: „И будетъ вмѣсто вони добрыя, смрадъ: и вмѣсто пояса, препояшешися вретischemъ³³²⁾, и вмѣсто украшенія златаго, еже на главѣ, плѣшь имѣти будеши.“ Для чего? „Дѣль твоихъ ради.“ Беззаконіе твое пренебрегаетъ тайный голосъ, живущаго въ тебѣ духа Божія. О семъ голосѣ Павель сказуеть: „Законъ духовенъ есть“. Сей-то законъ загремѣлъ къ нему: „Савле! Савле!“ Потомъ послушнаго сего раба, посылаетъ къ Библии. Такъ вотъ! „Пріемъ пищу, укрѣпися“. Законъ послалъ его до закона, братъ къ брату, другъ къ другу, родня къ роднѣ, Іаковъ къ Іосифу, Товитъ къ Рагуилу, царь къ царю. И въ сей-то силѣ приточникъ: „Братъ отъ брата помагаемый, яко градъ твердъ и высокъ: укрѣпляется же яко основанное царство.“ По сей-то причинѣ, Павель себе называетъ посланнымъ не отъ человѣкъ, но отъ Бога. А не изъ числа тѣхъ, о коихъ Іеремія: „Не посылахъ пророки, а они течаху. Не глаголахъ къ нимъ, и тѣи пророчествоваху“. Если бы, продолжаетъ тамже Богъ, отъ моего парламента и совѣта посланы были, слышанны сотворили бы словеса

³³²⁾ Слова: „и вмѣсто пояса, препояшешися вретischemъ“, — въ спискѣ Д. И Вагалъя, — пропущены. Прим. ред.

моя. А каковая? Отвратили-бы людей моихъ отъ пути ихъ лукаваго, и отъ начинаній ихъ лукавыхъ. Но кто можетъ сіе? „Точію вдающіи душу свою, и размышляющіи въ законѣ вышняго“, какъ Іисусъ Сирахъ говоритъ: сей-то премудрости всѣхъ древнихъ възвѣстать, и въ пророчествіихъ поучатися будутъ.

Антонъ. Вотъ же вамъ еще съ носомъ, полнымъ благоуханія Божія, одна дѣва, сладчайшую воню дышущій Исаія! „Духъ Господень на мнѣ.“ Ахъ, Исаіе! И твой народъ³³³⁾ даде воню свою? Онъ благовѣст-вуя нищимъ, кажется со Сираховымъ сыномъ весьма согласноспѣваетъ:³³⁴⁾ „Послушайте мене преподобны сынове, и прозябните, какъ розы, и якоже ливанъ, дадите благовоніе, преподадите воню“. А какую? „Воспойте пѣснь: благословите Господа во всѣхъ дѣлѣхъ Его“. Узнавши брата своего, и другихъ къ нему-жъ ведутъ за собою. „Приведутся царю дѣвы...“ „Мы же, не духа мыра сего пріяхомъ, но духа, иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ, яже и глаголемъ, не въ наученныхъ человѣчскія премудрости словесѣхъ, но въ наученіихъ Духа Святаго, духовная съ духовными разсуждающе.“

Лука. Куда далече насъ завель, слѣпый да хромый съ корносымъ! Пожинай, Израилу! И внеси все въ домъ Господа Бога твоего. Пожинай съ радостію, говоря съ возлюбленною сестрою: „Да снѣдетъ братъ мой въ вертоградъ свой, и да ясть плодъ овощей своихъ.“ Библия твоя, твой-то есть виноградъ. „Да молчитъ тутъ всякая плоть человѣча!“ Если твой сей виноградъ, то на что намъ его сквернить плотскою жатвою? Станемъ плоды собирать съ тобою, чрезъ тебе, и для тебе. Но все то не твое; что скверное: все то скверное что земля, плоть и кровь. Ты посѣялъ на землѣ, ты и жнешь отъ земли, но не землю. Землю, но землю твою. Есть земля земленная и есть земля нагорная, обѣтованная, небесная, Господня, духовная. Ты насадилъ на землю рай твой, ты оббирай и плоды его. Если ты ему былъ началомъ, будь тыжъ и концемъ ему. Чты ты намъ, Павле, говоришь? „Свѣтъ, — говоритъ, — въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе, а свѣтъ въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный.“ По сіе время, на Божественной сей нивѣ, сѣялъ я, и разумѣлъ все по плоти. И чтожъ пожиналъ? Смертныя снопы, и одинъ ядъ. А теперь хорошо понимаю то, въ чемъ наставляетъ мене Осія: „Сѣйте себѣ въ правду, соберите плодъ живота: просвѣтите себѣ свѣтъ видѣнія. Дондеже время, възвѣстите Господа, дондеже прійдутъ вамъ жита правды.“ Благословенъ еси Господи Боже мой: Се! начинаю чувствовать сладчайшее благо

³³³⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „народъ“—значится „народъ“.

Прим. ред.

³³⁴⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „спѣваетъ“—значится „воспѣваетъ“.

Прим. ред.

уханіе разлившагося безъ границъ духа животворящаго твоего, какъ сладковоннѣйшаго оиміама, готовъ въ слѣдъ его текти. Впиши мене въ число, и волочи въ слѣдъ тебе, съ тѣми отрсковичами, о коихъ Амось: „Въ той день оскудѣютъ дѣвы добрыя“. А Захарія радуясь кричитъ: „Пшеница юношамъ, и вино благоуханно дѣвамъ... жните, други, жните!“

Пам во. Если слѣпота, хромота, корносость, сокрушеніе членовъ и протчі пороки не могутъ въ храмѣ Господнемъ быть никоимъ образомъ, ниже отнюдъ приносить жертвы, и таковыи скоты какъ нечествыи и къ познанію Божію негодныи не посвящаются ему: такъ видно, что напротивъ того, чистыи скоты и птицы, не иное что значать, какъ людей, имѣющихъ сердце способное къ увидѣнію Божію. Разсуди, пожалуй! Богъ велитъ себѣ посвящать тѣхъ звѣрей и скотовъ, кои имѣютъ раздвоенное копыто. А сего еще недовольно. Онъ ищетъ что-бъ сверхъ того тая животина отыгала жваніе. Тоестъ, по два раза бы жевала пищу, въ желудокъ опускаемую. Таковъ есть волъ, коза, елень. Не смѣхъ ли таковая премудрость? А конечно жъ она премудрость Божія, то-есть истинная, и всеблаженная: если ражжевать ее два раза, или хорошенько. Можно-ль что-бъ черезъ переборъ въ пищу, вдѣлался щасливымъ? Вѣдь сей единственный есть конецъ Божія премудрости. Какое несогласіе! „Сыне, даждь мнѣ сердце твое. Посвяти мнѣ душу твою. Она для тебе жъ и будетъ.“ А здесь Богъ будто бы позабылся: „дай вола, козла, овна“. Сіи всѣ церемоніи, ежедневно какъ на театрѣ представляемыи, тайнымъ мановеніемъ давали знать, чтобъ человѣкъ вникнулъ во внутренности свои, и современемъ добрался бы до увидѣнія Божія, сими обрядами, какъ бы дядькою путеводствуемый. Да всей же то силѣ точно и говорить Павелъ: „Законъ, пѣстунъ намъ бысть во Христа“. Однако жъ, во всѣхъ вѣкахъ и народахъ полно вездѣ таковыхъ, кои въ сей законной тѣни, не сродны находясь къ жванію, засѣли и поселились. И о сихъ-то Осія говорить: „Со овцами и телцы пойдутъ взыскати Господа и не обрящутъ Его, уклонися бо отъ нихъ“. А для чего? Для того, что они жертвенныхъ тайнъ не почитали средствомъ, ведущимъ къ чемусь тайному, и не могучи разжевать ихъ, отчуждались отъ того конца, куда ихъ церемонія, какъ нѣкая тропинка привести имѣла. Вотъ вся вина! „Яко Господа“,—продолжаетъ Осія,—„оставиша: яко чуда чужда породиша себѣ, нынѣ поясть ихъ ржа“. Сихъ немисленныхъ скотинъ, весьма ясно наставляеть Михея. Вотъ! „Въ чемъ постигну Господа? Въ чемъ срящу Господа моего вышняго? Срящу ли Его со всеожженіемъ! Тилцы единопѣтными? Еда прійметъ Господь въ тысящахъ овновъ, и въ тмахъ козлищъ тучныхъ? Дамъ ли первенцы моя о нечестіи моемъ? Плодъ утробы моея, за грѣхи души моея! Возвѣстися бо тебѣ человѣче, что добро? Или чесого

Господь ищетъ отъ тебе? Развѣ, еже творити судъ, и любити милость, и говову быти, еже ходити съ Господемъ Богомъ твоимъ.“ Вотъ тебѣ конецъ, всѣхъ-на-всѣхъ обрядовъ и тайнъ! Милость и судъ. А что-жъ есть милость и судъ? Слушай Давида: „По милости твоей, по судбѣ твоей живи мя“. „Милость и истина срѣтостѣся“³³⁵). „Правда твоя, правда во вѣкъ, и законъ твой истина“. „Миръ много любящимъ законъ твой“. „Правда и миръ облобызастася“³³⁵). „Ищите прежде царствія Божія и правды Его“. „Царствіе Божіе внутрь васъ“. Въ чемъ постигну Господа? Первое жваніе въ томъ состоитъ, чтобъ разобрать корку или шелуху историчную, церемоніальную, приточническую, кратко сказать, плотскую. Но понеже плоть вся-на-вся и кровь не царствіе то Божіе, и не Божія правда, но наша то правда нечиста какъ портъ жены нечистыя, для того проходить подалѣ надобно, къ другому жванію, и послѣ безъ полезныя орѣховыя корки, искать сокровеннаго вкуса. На подобіе зерна, внутрь своя корки утаеннаго, какъ къ Коринѣ. (янамъ) написано: „Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія“. Вотъ тебѣ скотина со жваніемъ! слышь! „Вмѣняю вся тщету быти, за превосходящее разумѣніе Христа Иисуса, Господа моего. Его-же ради всѣхъ отщетиася, и вмѣняю вся уметы быти, да Христа приобрящу, и обрящуся въ Немъ, не имый моя правда, яже отъ закона, но яже вѣрую Иисусъ Христовою, сущую отъ Бога правду въ вѣрѣ.“ Вотъ какъ пережевуетъ! „Что-бъ разумѣти Его, и силу воскресенія Его, и сообщеніе страстей Его: [Боже мой!]-сообразуяся смерти Его...“ Авось-либо достигну, можетъ быть, въ воскресеніе мертвыхъ... Возможно-ли избраніе скотину избрать Богу? Все оставилъ: жуеть. А что жеваль, то оиать пережевуетъ. Смирять себе, будто бы еще непостыгль, что-бъ тѣмъ самымъ иныхъ заохотить. Будто льстецъ, но истиненъ. Вотъ вамъ еще одинъ звѣрь со жваніемъ, возлюбленный Богу! „Имъ же образомъ желаетъ елень на источникъ...“ Ахъ! „Когда прійду и явлюся лицу Божію?“ Вотъ звѣрина! Достояна быть посвященною Богу, угодна къ исканію правды Божія, коея ни что не можетъ быть сладчае. И о сихъ-то молится Сынъ человѣчъ: „Святи ихъ во истинѣ твоей“. Сіи-то постигаютъ гору правды Божія: „Горы высокія еленемъ“. „На гору высоку възйду, благовѣстувая Сіону.“ Вонъ посмотри! Скачетъ елень въ дѣянїяхъ, Петромъ исцѣленный. „Вскочивъ ста и хождаше. Ходя и скача и слава Бога“. О сихъ-то звѣркахъ, съ великою важностію спрашуетъ Богъ Іова: „Аще уразумѣлъ еси время рожденія козъ, живущихъ на горахъ

³³⁵) У духоборцевъ до сего времени еще сохранился древній пароль ихъ общины:

Вопросъ: Милость и истина встрѣтохся.

Отвѣтъ: Правда и миръ облобызохся.

По этимъ словамъ въ былое время духоборцы узнавали другъ друга въ пути, въ солдатахъ, въ тюрьмѣ, на постоянныхъ дворахъ и т. п. *Прим. ред.*

каменныхъ? Усмотрѣлъ же ли еси болѣзнь, при рожденіи еленій?“ Вотъ коза! „Тавиео, востани!“ Вотъ! посмотри на еленя родащаго, на Исаю: „Страха ради твоего, Господи, во чревѣ пріяхомъ, и поболѣхомъ, и родихомъ духа спасенія твоего, его же сотворихомъ, на землѣ: не падемся, но падутся вси живущіи на землѣ.“ Отъ сихъ-то скотинъ родилась и истина Божія, и со человѣкы поживе. Они ее для себе разжевали, а родили на землѣ для благощастія иныхъ. Вотъ тебѣ еще чистая скотина, съ хорошими зубами! Выслушай: что такое говорить Іаковъ, къ сыну своему Іудѣ, начальнику фамиліи тѣхъ скотовъ и звѣрей, кои для жванія добродійными зубами одаренны? „Іудо, тебе похваляютъ братія твоя. Не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его. Радостотворны очи его паче вина, и бѣлы зубы его паче млека.“ Поощряетъ Давидъ потомковъ Іудиныхъ. „Вкусите и увидите, коль благъ Господь“. Павель изъ молодыхъ лѣтъ, негодненькій имѣлъ зубы. „Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ мудрствовалъ.“ И до пріятелей своихъ, не взрослыхъ въ мѣру возраста исполненія Христова: „Млеко, — говоритъ, — питахъ васъ, а не брашномъ. Брашномъ называетъ пшеницу, коею снабдѣвалъ братію свою Іосифъ и о коей Захарія: „Пшеница юношамъ“. Она есть зерно воскресенія, сѣмя слова и премудрости Божія, погребенное въ грязь плоти и крови, о коемъ сказывается: „Кто разумѣ умъ Господень?“ Сія пища — пшеница, ³³⁶⁾ есть для совершенныхъ, у коихъ зубы Іудины. То-есть, по вышше уже младенческаго молока. Молокомъ называетъ верхнюю орѣхову корку, заключающую зерно, которая младенческое жваніе раскусить не можетъ. Ободномъ только себѣ, и о подобныхъ себѣ говоритъ: „Мы умъ Христовъ имамы“. И удивительно, какъ-то онъ вездѣ жуетъ дѣйствительно! Но могутъ ли лучшіе зубы быть отъ сихъ: „Како сей вѣсть книги, не учився?“ Мало читать, много жевать. Ахъ! Коль благородный вкусъ? Куда не сходны со вкусомъ своимъ тѣ, къ коимъ вопіетъ: „Не сего-ли ради прелщаетесь, не вѣдуще писанія, ни силы Божія?“ О, Господи мой! Какъ же они не знаютъ? Они съ маленькихъ лѣтъ начали болтать Библию твою, на ней состарѣлись, не оставили ни стигма, ни слова не оспоривъ его, имя твое, крестъ твой, всегда у нихъ на грудяхъ, на губахъ, на одеждахъ, на стѣнахъ, на блюдахъ, на церемоніяхъ... Но что пользы жевать, и вкусу не чувствовать? Посей-то причинѣ, сихъ беззубыхъ скотовъ, отсылаетъ: „Шедше научитесь“. Что то такое значить: „Милости хочу, а не жертвы?“ Не любить сихъ негодныхъ Господу звѣрей, и избранный Павель. „Водимы похотыи различными, всегда учащися, и николи же вразумъ истины прійти могуще.“ Называетъ ихъ врагами креста Христова, а Давидъ, мужами кровей, и лести. А

³³⁶⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣи слово „пшеница“ — пропущено.

для чего? Засмотрѣлись на церемоніи, засѣли на мясныхъ пирахъ, не вняли во умъ свой искать истины Божіи, къ коей вела ихъ церемонія, а оставивъ свѣтъ ея, вернулись къ тмѣ своей, къ своей ³³⁷⁾ плоти и лежи: возвратятся на вечеръ. И такъ, прелестясь тлѣнными своими мясами, липаются тоя пищи, о коей сынъ Сираховъ: „всякое брашно есть чрево; есть же брашно брашна добрѣе“. Но что-то? „Блаженъ, иже съестъ обѣдъ въ царствіи Божіи!“ Но что то за брашно? „Блаженны алчущіи и жаждущіи правды.“ Вотъ послушай! „Плоть моя, истинное есть брашно.“ Что за плотъ? „Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное.“ Что за тѣло? „Сей есть хлѣбъ, сходяй съ небесе...“ Что за хлѣбъ? „Духъ есть, ижи оживляетъ, плотъ не пользуется.“ О сей-то животворящей истинѣ, воспѣваетъ Давидъ: „Истина Господня пребываетъ во вѣки.“ „Живима по словеси твоему.“ Отъ нея-то они возвратились на свой плачевной вечеръ, не захотѣвъ съ Павломъ гонитись за истинною. „Братіе: азъ себе не у помышляю достигша: только жъ, задняя убо забывая, въ передняя же простираяся, къ намѣренному теку...“ Се-то тѣ, Сирахова сына дураки, кои услышавъ доброе слово, бросаютъ за плечи свои, о коихъ въ псал.(мѣ): „Да возвратятся вспяты и постыдятся...“ И Исаія: „Увы, языкъ грѣшный! Сынове беззаконны! Людіе исполненны грѣховъ! Сѣмя лукавое! Остависте Господа, и разгнѣвасте святаго Израилева: отвратистесь вспяты.“ Се-то тое Хамово племя. „Проклятъ Ханаанъ отрокъ, и Ангелы, не соблюдиши началства.“ На коихъ толь ужасно гремитъ рабъ Христовъ Іуда, называя ихъ между прочимъ, звѣздами прелестными: для которыхъ мракъ тмы во вѣки блюдется. И плотію, духа не имущю. Сии Хамы не смысленныи, совѣмъ обнажили Бога отца своего: и вся дѣла Его въ вѣрѣ и въ духѣ находящаяся уничтоживъ, ссыскали на то мѣсто свои руки, свои ноги, свою плотъ и дрянъ, и всей одной ³³⁸⁾ мудрствуютъ, что-бъ постигло ихъ страшное проклятіе изъ Второзаконія: „Понеже не послужили еси Господу Богу твоему съ веселіемъ и благимъ сердцемъ, и послужили врагамъ твоимъ, и наведетъ Господъ языкъ на тебе изъ далеча, отъ края земли, и сокрушитъ тя во всѣхъ градѣхъ твоихъ, дондеже разорятся стѣны твоя высокія и крѣпкія, на нихъ же ты уповаеши, и съисси чада утробы твоя, плотъ сыновъ и дочерей твоихъ, иже даде тебѣ Господъ Богъ твой...“ Вотъ коликая погибель находятъ тѣхъ, кои худыя зубы ямѣютъ! Послушаймо объ нихъ еще Іова: „У нихъ погибаше скончаніе“. Примѣтъ тотъ-часъ, что они, къ намѣренному съ Павломъ не достигаютъ. А чтожъ далѣе? „Въ скудости и гладѣ безводны“. Для чего? „Иже бѣжаху въ безводное вчерашнее согѣшеніе и бѣдность.“

³³⁷⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя сказано: „ко тмѣ своей плоти“. *Прим. ред.*

³³⁸⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто „всей одной“,—сказано: „въ томъ одномъ“.

Не удивительно, что попали въ скудость. Не надобно было бѣжать имъ въ тѣсноту вчерашнюю, вечеръ всегда голодный. „Взалчуть на вечеръ.“ Вонъ было чего искать должно! „Духъ есть, иже оживляетъ...“ Развѣ они не разумѣютъ, что такое духъ? Въ томъ-то и бѣда, что худо жуютъ. Для того-то далѣе Іовъ: „Иже обхождаху, говорить, быліе въ дѣбрехъ, имже быліе бѣше брашно, безчестныи же и похуленныи, скудны всякаго блага, иже и кореніе дровесъ жваху отъ глада великаго.“ Можно ли сквернѣе сихъ зубовъ? Скажи пожалуй? Сіи уроды, не родныи ли потомки оказываются страшнаго того у Данила звѣря, кой ³³⁹⁾ все переѣлъ и пережевалъ, но то бѣда, что останки ногами потоптали! Примѣть, что останокъ топчуть тѣже сами, о коихъ теперь-же Іовъ: „У нихъ погибаше скончаніе“,—сказалъ. Что за чудо! Все порвали, пожрали, поглотали зубами отца своего желѣзными, да безъ останка. Гдѣ жъ вашъ останокъ? Ахъ! Потоптали вы останокъ! Увы языкъ грѣшныи! Сѣмя змійное!“ Потоптали вы того, кой жалуется у Давида: „Попраша мя врази...“ И того: „Азъ есть начало и конецъ.“ Одинъ Израиль гонится и постигаетъ всеблаженнѣйшее НАЧАЛО свое: тое, о коемъ Мойсей, благословляя ихъ, говоритъ Асиру: „Покрысть тя Божіе начало“. Одинъ онъ постигаетъ и останокъ. „Останокъ Израилю есть.“ Онъ одинъ все сѣдаетъ, сокрушаетъ, топчетъ, лишъ-бы только добратъся и сохранить себѣ то, о чемъ пишется: „Благословенъ ты во градѣ, и благословенъ ты ³⁴⁰⁾ на селѣ: благословенна исчадія чрева твоего и плоды земли твоя, и стада воловъ твоихъ, и паствы овецъ твоихъ, благословенны житницы твои, и останки твои.“ Куда какъ не сходны зубы твои, роде, спасаемый отъ Господа! Какъ небо отъ земли, разнятся отъ проклятыхъ тѣхъ желѣзныхъ. Вотъ послушаймо! До чего дожевался любезныи Давидъ? „Начало“. А что жъ, скажи, начало? „НАЧАЛО СЛОВЕСЬ ТВОИХЪ Истина“. Такъ слѣдовательно вѣдалъ ты, Давиде, и кончину? Конечно такъ. Начало и конецъ, все одно. Ахъ! хорошее твое кушанье, за тѣмъ, что останковъ не топчешь! Да и какъ тебѣ топтать, если самъ просишь: „Скажи мнѣ, Господи, кончину мою.“ Она тебѣ меда и сота слаже. Я уже получилъ сіе отъ Господа: „Всякія кончины видѣхъ конецъ“. А что жъ-то такое за конецъ? Ахъ! Куды широка заповѣдь Его! „Вся яко риза обетшають...“ „Небо и земля мимо идуць...“ Подлинно, Давидъ, бѣлы зубы твои: и радостворны очи, и красны носъ твои! Вкусилъ Господа, увидѣлъ Его, постигъ истину, правду и царствіе Божіе. Вотъ вамъ скотина и звѣрь, отрыгающій жваніе!...

Кононъ. Подлинно сіе животное чистое! Ни хромое, ни слѣбое,

³³⁹⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „кой“,—значится „который“.

Прим. ред.

³⁴⁰⁾ Слово „ты“ въ спискѣ Д. И. Багалѣя пропущено. *Прим. ред.*

ни... сказать никакого порока не имѣющее. Не напрасно оно любезное Богу. Оно достойное Господа, а Господь его. Теперь, кажется, я и не грамотный, начинаю разумѣть то, что часто мы съ Филономъ слышимъ въ собраніи читаемое: „Сынове чловѣчестіа, зубы ихъ, оружія и стрѣлы... Богъ сокрушитъ зубы ихъ.“

Филонъ. Ахъ Коновъ! Намъ было молчать надобно, и слушать. Но за тобою и я не умолчалъ. Насъ простаковъ называютъ скотинами. Но далъ бы Богъ, что-бъ мы немногіе пороковъ имѣли! Покрайней мѣрѣ будемъ безъ злобы. Мнѣ любо, что будто нѣчто разжевать могу: то, что вбилося въ память. „Вмѣнихомся, яко овцы заколенія.“ „Благословенъ Господь, иже не даде насъ въ ловитву зубамъ ихъ...“

Квадратъ. Памво! Сказанныя тобою слова Іовлевы, сіи: „Кореніе древесъ жаху, отъ глада великаго,“—привели мнѣ на память пригчу о блуднѣмъ сынѣ. Бѣдный свиной пастырь! Самъ изохъ отъ голоду, а свиной пасетъ. Видно что у пастыря, и у паствы, такіа жъ зубы, и той же вкусъ. Вотъ что дѣлаетъ незнаніе себе! Оставилъ домъ свой, домъ отца своего, расточилъ по постороннимъ вѣшностямъ мысли свои, душу свою, выбросивъ ее отъ сокровища своего внутренняго, какъ гроздь отъ виноградныя лозы отсѣченный, вырвавъ какъ вербу, при живыхъ водахъ насажденную, а еще желаетъ насытитисъ и иныхъ накормить. Но стаду его никогда не бывать ни волами, ни козлами, ни овцами, ни еленими, поколь не возвратятся ко отцу своему въ домъ свой. Правда, что свинья имѣетъ копыто раздвоенное, но не посвящается Богу въ жилище, за не имѣніемъ двойнаго жванія. Да и какъ можно Богу въ семь стадъ жить, когда бѣсы къ нему на жилию отсылаются? Кромѣ того свинья грязь любитъ, и не источники съ еленими, но болотную и мутную воду. А сіе не что иное значить, какъ душу, съ таковымъ вкусомъ и зубами, каковыи описываются въ книгѣ Числъ, при ропотѣ жицовекомъ. „Кто насъ напитаетъ мясомъ?“—съ плачемъ вопіють. „Дамъ намъ мяса, да ядимъ.“ Велитъ Господь Мойсею очистить сіи свинныя толки, и преобразить ихъ въ чистыя и священныя ему скоты. Ахъ! коль трудно узнать себе! Что есть одно и одинакое жваніе? Если не одно только тѣльное вещество въ себѣ самомъ разумѣть? Одно египетское мясо въ себѣ постигаемъ: не пропичая зубами въ наводненіе исполненія Божія, о коемъ Іовъ: „Отъ вони воды процвѣтетъ, согворитъ же жатву, яко новосажденное.“ А какъ разумѣемъ насъ самыхъ, такъ точно мудствуемъ и въ братѣ нашемъ, во С.(вятюмъ) Писаніи. Уже Господь и крастели далъ имъ, новую пищу изведъ изъ моря. Посушили себѣ на кормъ, вкусили Духа, однакъ, „мяса“,—говорить, —„баху имъ еще въ зубахъ ихъ, прежде оскуднѣнія.“ Довольно еще Господня мяса: однакъ они свое мясо въ зубахъ жуютъ. Вотъ какъ трудно програзтисъ разуму нашему, ко второму жванію! А тутъ-то все наше и несчастіе. „И Господь разгнѣвася

зѣло на люди, и порази Господь люди язвою великою зѣло, и прозвася имя мѣсту тому: гробы похотѣнія.“ Внемлите себѣ несчастны толковники! Разжуйте себе покрѣпче. Не поминайте первыхъ, и ветхихъ не помышляйте. Скушайте ветхая ветхихъ. „Се Азъ творю нова“,— глаголетъ Господь. Будетъ ли коли ³⁴¹⁾ ни-есть для васъ небо сошвенно? Или вѣкъ вамъ не востать отъ сна гробовъ вашихъ? Жуетъ мясо, но наше собственное, и нашими-жъ зубами кушаемъ мертвечину нашу. Но для втораго вкушенія, дай тѣ мнѣ зубы: „Зубы твои, яко стада остриженныхъ, яже выдоша изъ купѣли, вси двоесплодны, вси близнята родящія.“ Дай пожалуй мнѣ Павловы зубы! „Имамы же алтарь, отнего же не имуть власти вкушати, служащія сѣни.“ Дай зубы Давидовы: „Уготовалъ еси трапезу предо мною...“ Не хочу зубовъ тѣхъ глурыхъ скотовъ, которые говорятъ: „жестокое есть ³⁴²⁾ слово сіе, и кто можетъ его послушати?“ Сіи свинныи зубы, въ одномъ квасѣ фарисейскомъ вкусу чувствуютъ: не въ хлѣбѣ ангелскомъ и животномъ, не въ истинной плоти, въ плоти Господней спешей съ небесе, къ коей поощряетъ Давидъ: „Вкусите и увидите.“ „Духъ есть, иже оживляетъ.“ Развѣ думаете, что у васъ только плоть однихъ есть, а у Бога ея и небывало? Кромѣ вашей, вѣтъ Божія? Для чего жъ разливаете на вашу землю кровь праведную, кровь истинную, кровь Господню, кровь нетлѣнную? Вотъ ядушіи хлѣбъ болѣзни, и скверну мертвечинъ своихъ! Вотъ Даниеловы звѣри, попирающія останки Господи ³⁴³⁾! Вотъ волки арапскіи, о коихъ Софонія: „Князи его въ немъ, яко львы рыкающе. Суди его, яко волцы аравстїи, не оставляху на утро.“ Проклятая прожорливость! Ночью все-на-все пожирають, не оставляя для утра, для прекраснѣйшаго утра, что у Исая: „Положи мя утро утро“... Убиваете вы внутреняго вашего небеснаго человѣка мечемъ мыслей вашихъ, не признавающихъ Его средѣ тмы вашей, рассуждая, что одна тлѣнная тма составляетъ существа вашего исту. Знайте-жъ волки арапскіи, что я вамъ пророкъ, и собудетъ страшное сіе на васъ: „Воззрятъ нань, Его же прободоша, и восплачутся о Немъ плаканіемъ, яко о возлюбленномъ, и поболать о Немъ болѣзнію, яко о первенцѣ.“ И сіе: „Будетъ животъ твой висящъ предъ очима твоима, и убишися во дни и въ нощи, и не будеши вѣры яти житію твоему: за утра речеши, како будетъ вечеръ? И въ вечеръ речеши, како будетъ утро? Отъ страха сердца твоего, имже убишися, и отъ видѣній очесъ твоихъ, ими же узриши...“ Но всему сему бѣдствію вину, тамъ же у Софонія слышь:

³⁴¹⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „коли“ значится „когда“.

Прим. ред.

³⁴²⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя слово „есть“ пропущено. *Прим. ред.*

³⁴³⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „Господи“, значится слова: „Господа своего“.

Прим. ред.

„О свѣтлый и избавленный граде голубице! Не услыша гласа ³⁴⁴), ни приять наказанія, на Господа неупова, и къ Богу своему не приближися.“ Потомъ ужъ говоритъ: „Пророцы его вѣтроносцы, мужи прозорливы: священницы его скверняютъ святая, и не чувствуютъ въ законъ...“ Да гдѣ же было имъ слышать гласъ Божій? Въ томъ-же-то все и разореніе, что не знали того, что тамъ же слѣдуетъ: „Господь же праведенъ посередѣ его...“ Вотъ куды слѣдь! Наговорилъ, други мои, и я нѣсколько, звѣрей и скотовъ неугодныхъ Богу, ради худой жвачки ихъ.

Антонъ. Какъ жваніе, такъ раздвоенное копыто единственно касается къ нашему наставленію. Павелъ толкуя сіи слова: „Да не заградиши усть волю молотящу.“ Не думаете ли, говорить, что Богу здѣсь рѣчь о волахъ? Онъ тебе, другъ мой, наставляетъ, тебе самага къ познанію истины, оставивъ твои воли для писателей экономическихъ и физическихъ. Что ползы тебѣ знат(о)комъ въ волахъ, а слѣпымъ быть въ познаніи себе самага? Двойное жваніе вкушаетъ истину Господню, а раздвоенное копыто ей же послѣдуетъ. „Камо идемъ,—Петръ отвѣщаетъ, — и къ кому? Глаголы живота вѣчнаго имаши.“ Раздвоить копыто, есть то раздвоить ногу свою, и путь свой съ Давидомъ: „Стопы моя направи по словеси твоему.“ Слушай Михея: „Возвѣстися тебѣ человѣче: что добро?..“ Вотъ тебѣ истина! Уже вкушаетъ ея. Чего-жъ кромѣ сего, Господь ищетъ отъ тебе? Вотъ! „Развѣ еже творити судъ, и любити милость, и готову быти еже ходити съ Господемъ Богомъ твоимъ.“ Начинаешь ли познавать истину? Люби-жъ ея, и поступай по ней. А безъ сего, не годишься въ ея посвященіе. Доселѣ бродилъ ты твоимъ путемъ, ведущимъ въ ровъ страстей, а теперь, указавъ путь истины, признайся съ Давидомъ: „Пути моя исповѣдахъ ³⁴⁵), и услышалъ мя еси“. Для новаго пути, новыя ноги ищи. Одна то нога твоя, и тая-жъ будетъ, въ одномъ только ступаніи, будто въ копытѣ поразнишь ее. Отровни въ шествіе Бога твоего царя. Поднимайся отъ подлыхъ низкостей, на горы правды и царствія Его. Поколь совершитъ нозѣ твои яко елени, поколь скажешь: „Нога моя ста на правотѣ.“ А не сежъ-ли-то значить, быть воломъ молотникомъ? Воля топчетъ снопы ³⁴⁶), треть солому, вытрушиваетъ зерно.—Ты, ходя путемъ Господнимъ, тожъ самое дѣлаешь. Все тлѣніе человѣческое, что такое есть, если не солома и полова? „Всяка плоть сѣно“. „Аки прахъ плевный“,—вопіетъ Исаія. Въ семъ сѣнѣ и половномъ прахѣ, ищешь и находишь глаголь Бога твоего: сѣмя слова и царствія его

³⁴⁴) Въ списокѣ Д. И. Багалѣя слово „гласа“, пропущено. *Прим. ред.*

³⁴⁵) Въ списокѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „исповѣдахъ“, значится „возвѣстихъ“.

Прим. ред.

³⁴⁶) Въ списокѣ Д. И. Багалѣя слово „снопы“ пропущено. *Прим. ред.*

бозвѣчнаго? Мини все языческое. До тебе-то рѣчь Михеина: „Не разумѣша помышленія Господня, и не домыслишася совѣта Его, яко собра ихъ, аки снопы гуменныя. Востани и измлати ихъ, дщи Сиона.“ Въ то время ты и овцою дѣлаешся, говоря съ Давидомъ: „Незлобою моею ходихъ“. „Господь пасеть мя...“ Потому, что уже твои ноги не на зло текутъ. И о таковыхъ-то волахъ и овцахъ, Исаія пророчитъ: „Не найдеть тамо страхъ. Будеть отъ лядины и отъ тернія, въ паству овцамъ, и въ попруаніе волу.“ Бываешь и козою: „Вѣжи брате мой, и уподобися сернѣ, или юнцу еленій, на горы ароматовъ.“ Ахъ! Коль прекрасныя ноги сіи, на горахъ благовѣствующихъ миръ! „Окрилатъ ютъ яко орлы, пойдуть и не взалчуть, потекутъ и не утрудятъ, возрастуть отъ силы въ силу“, пока собудется надъ главою ихъ слѣдующее: „Познають людіе мои имя мое въ той день, яко Азъ есмь самъ глаголюй: ту есмь. Въ той день, воспокють пѣснь сію въ землѣ Іудействій, глаголюще: се градъ крѣпокъ! И спасеніе намъ положитъ стѣну, и огражденіе. Отверзите врата, да внидуть людіе хранящіи правду и хранящіе ³⁴⁷⁾ истину, приємлющіи истину, и хранящіи миръ. Яко на тя надѣяніемъ надѣяшася, Господи, во вѣкъ, Боже, великій, вѣчный, иже смиривъ, низвелъ еси живушія въ высокіихъ, грады крѣпкія разориши, и обнизиши ихъ даже до земли, и поперуть ихъ ноги кроткихъ и смиреннѣхъ. Путь благочестивыхъ правъ бысть, и приуготованъ путь благочестивыхъ: путь бо Господень судъ.“ Вотъ и Амось: „Въ той день возставлю Скинію Давидову надшюю, постигнетъ жатва, обиманіе винограда, и созрѣють гроздіе въ сѣяту, и ископають горы сладость... Возвращу плѣнь людей моихъ Израіля...“ „И насажду ихъ на землѣ ихъ, и не исторгнутъ ктому отъ земли своея, юже дахъ имъ, глаголетъ Господь.“ Теперъ видишь, или не видишь, что такое значить съ двойнымъ копытомъ нога? И куда должно ступать сіе чистое и посвящаемое Богу животное? Догадайся-жъ, что-то за быки, о коихъ Исаія: „Напасутся скоты твои въ той день на мѣстѣ тучнѣ и пространѣ, юнды ваши и валове, дѣлающіи землю, наядутся влевъ, смѣшенныхъ съ ячменемъ извѣяннымъ...“ Но послушай, другъ мой, надѣюсь догадаешься, кого Исаія разумѣетъ чрезъ животныхъ, отрыгающихъ жваніе и раздвоеннымъ копытомъ одаренныхъ? „Да отрыгнуть веселіе вкуиѣ пустыни Іерусалимскія, яко помилова Господь людей своихъ“. Еслижъ по сіе время, стада скотскіе бродятъ въ головѣ твоей, а не можешь разжевать, что все сіе до тебе касается, такъ выслушай послѣдняго Давида: „Отрыгну сердце мое слово благо“. „Отрыгнуть устнѣ мои пѣніе...“ А что до чистыхъ ногъ принадлежитъ, вотъ Исаія: „Отступите, отступите, изыйдите отсюда, и нечистотѣ не прикасайтесь.“

³⁴⁷⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя слова „правду и хранящіе“—пропущены.

Симъ-то звѣркамъ умываетъ Господь изъ умывальницы ноги, коюю водою? „Омыешь Господь скверну,—говорить Исаія,—сыновъ и дочерей Сионскихъ, и кровь Иерусалимску очиститъ отъ среди ихъ, духомъ суда.“ И удивительно, какъ-то сіи звѣрки изъ нечистыхъ преобразуются въ чистыя? Но возможно ли, что-бъ ослабѣлъ глаголь Божій? Онъ-то имъ даетъ новой вкусъ, и чистыя ноги. Онъ-то превращаетъ Софоніевыхъ львовъ въ телцы и юнцы, а его-жъ волковъ, жванія не отрывающихъ, и чрезъ прозорство, до утра не оставляющихъ, перераживаетъ въ агнцы, рыся, въ козлище. Они тѣжъ звѣри что и были, но съ бараньюю уже отрыжкой, и съ еленьими ногами. Уже одрыгаютъ веселіе, и скачутъ на горы ароматовъ. Боже мой! Не се ли новое созданіе, и нова тварь? Что за чудо? Рысь лютый, и козлище чловѣколюбное вмѣстѣ! Волкъ хищный, и нездобный агнецъ! Левъ страшно рыкающій и теленокъ рычущій къ матери своей... О любезнѣйшій Исаіе! Ты самую правду поешь: „Пастися будутъ вкупѣ волкъ съ агнцемъ, и рысь почіеть съ козлищемъ, и телець и юнецъ и левъ вкупѣ пастися будутъ.“ Когда жъ се будетъ? Будеть, небойсь! Дай Богъ только, что-бъ процвѣла лѣторасль отъ корене Іесеева.

Лука. Священное писаніе есть фанарь, Божиимъ свѣтомъ блистающій для насъ путниковъ. Вѣрую, что такъ оно есть: а только дивлюся что рѣчь его, отличнымъ течетъ образцемъ, несходнымъ съ прочими писателями. Рѣчь Библии, подобна азиатской рѣкѣ, именуемой Меандеръ. Сказуютъ, что рѣка таа, по самыхъ прекрасныхъ мѣстахъ протѣкаетъ, но теченіе ея вѣется какъ змій, а заплутываетъ ходъ свой, какъ хоромы лабиринтъ. Пускай такъ будетъ хорошо, что чловѣкъ ищущій царствія Божія, различествуетъ отъ прочихъ людей, и подобенъ животному, жваніе отрывающему, а сіе прочимъ звѣрямъ несродно. Быть такъ! Пуцай сіе похоже на притчу! Пуцай и раздвоенное копыто, значить особенное шествіе! Быть такъ! И конечно изъ новаго въ путниковой головѣ понятія, должна родиться другая дорога для него, и отличное отъ перваго шествіе. Пускай будетъ такъ! Но то нѣсколько чуднѣе, что нога значить склонность, любленіе, и жадное желаніе ³⁴⁸⁾. Сіе можно, кажется, видѣть, какъ изъ прочихъ, такъ и изъ сихъ Аввакумовскихъ словъ: „Господь Богъ мой, сила моя, и учинить нозѣ мои на совершеніе: и на высокая возводитъ мя, еже побѣдяти мнѣ въ пѣсни Его.“ Я понимаю, что многіе могутъ разжевать, и внушить благовоніе духа, да и возвратиться въ тѣхъ число,

³⁴⁸⁾ У духоборцевъ въ вопросоответвномъ псалмѣ „Во трехъ лицахъ Господь пребываетъ“ на вопросъ:

26. В. Что есть нога?—отвѣчается:

О. Нога есть путь.

27. В. Что есть путь?

О. Путь есть поученіе.

о коихъ сказано: „Мнози отъ ученикъ Его идоша вспячь, и етому не хождаху съ нимъ.“ И знаю, что весьма не безъ причины Господь требуетъ, дабы посвящаемый ему звѣрь, сверхъ отрыжки въ жвачкѣ, былъ бы съ раздвоеннымъ копытомъ, потому что не всегда тое можетъ нашему вкусу понравиться, что прикушиваемъ, а требуется къ сему, что-бъ были охотники съ добрыми зубами. Но для чего аппетитъ, озвначается ногою? Чудесный штиль...

П а м в а. Любезный другъ! Прибучай вкусъ твой къ пищѣ б и б л е й н о й. Нѣтъ ея ни полезнѣе ни слаже, хотя ея хоромы не красны углами. Но вопервыхъ прошу тебе, лучшее взять мнѣніе, объ угрюмой сей премудрости, создавшей себѣ домъ седмистолпный. Сколько она съ наружи не казиста и презрѣнна, столько внутрь важна и великолѣпна. Она заимствуетъ отъ тебе слова, подлюю твою околичность значащія. Напримѣръ: ноги, руки, очи, уши, голову, одежду, хлѣбъ, сосуды, домъ, грунтъ, скоть, землю, воду, воздухъ, огонь. Но сама она никогда не бродитъ по окружности, а поражаетъ въ самую тончайшую и главнѣйшую всего окружія точку, до которой и привести тебе единственно намѣрилась. Она твоими только словами говоритъ: а не твое. На твою свирѣлку, да свою пѣсенку спѣваетъ ³⁴⁹⁾: „Еже побѣдiti ми въ пѣсни Его“. Тожъ-то самое есть, дабы возвестъ тебе отъ долней твоей грязи, и отъ околичной твоей наружности, къ самой существу твое и исту ³⁵⁰⁾ твою составляющей невестественной и не раздѣльной точкѣ; и на тую высоту, о коей сама премудрость изволитъ сказывать: „Исходы мои, исходы живота.“

Къ сему возвышенію и воскресенію, тоестъ, что-бъ возставитъ тебе во тмѣ, въ крайнѣйшей наружности твоей лежащаго, на новыя ноги, употребляетъ плотскія слова, вытягивая тебе будто удкою ³⁵¹⁾ рыбу, обвитою тѣмъ, за что хватаешься, вѣдая, что ничего не можешь разжевать, и ни что для тебе невкусно, ни снѣдно, кромѣ поверхнія плоти. Слыхалъ ли ты о деревѣ, называемомъ финикъ? Или представъ себѣ растущее въ твоей природной землѣ. Взглянь на сію прекрасную предъ окошкомъ яблонь. Видишь, что она сучья свои, будто множество рукъ своихъ листовъ украшенныхъ возвышаетъ. Но скажи, чево ты въ ней не видишь? Кореніе ея закрыто предъ тобою. Поколь ты не услышалъ слова сего, [кореніе], не мыслилъ о тайности его. А теперь не видя, видишь оное. Вѣтвы предъ тобою молчаніемъ вопіютъ, свидѣтельствую

³⁴⁹⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣстѣ олова, спѣваетъ, значитъ „поетъ“.

Прим. ред.

³⁵⁰⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „исту“, значитъ „истину“.

Прим. ред.

³⁵¹⁾ У Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „удкою“, значитъ „удицею“.

Прим. ред.

о кореніи своемъ, посылающемъ для нихъ влагу, и распространяющемъ ихъ поверхность. Ахъ! ты, другъ мой, точная яблоня. Вижу твои вѣтви, но не вижу кореніи сердца твоего, души твоея, мыслей твоихъ. Утайлось оно въ землѣ, поверхности твоея. Вижу поверхность твое око, будто рукавицу на рукѣ, но не вижу самаго ока. Оно закрылось тамъ... Гдѣ тамъ? Ахъ, неспрашуй! Какъ сказать? Не знаю! Какъ я могу тебѣ сказать? Довольно для тебя-то, что не здѣсь, а тамъ. Разумѣешь ли, что значить здѣсь? Не разумѣю... Чего-жъ спрашуешь? На что тебѣ знать, тамъ? Да и можно-ль? Уразумѣй здѣсь, уразумѣешь и тамъ. Узнай, что значить, низко? Узнаешь и до высоты касающагося. Усмотри ночь, потомъ само тебѣ возсіяетъ утро. Если жъ утро почтемъ ночью, а ночь назовемъ утромъ, тогда окончишь тмою. Кто можетъ узнать матерія земли сушу, не узнавъ жидкія, землѣ противныя, стихіи? Черное и бѣлое одинъ взоръ видитъ. Твердое съ непостояннымъ одинъ лучъ разума постигаетъ. Отдери бѣльмо отъ ока, скинь рукавицу изъ руки, изъуй сапогъ твой изъ ноги твоея и увидишь, въ какой-то сторонѣ, тамъ? А теперь одно только тебѣ скажу. Тамъ: откуда произрастаетъ поверхность вся твоя. Досадно тебѣ показалось, что Библия называетъ человѣческое желаніе ногою. Но она жъ человѣка называетъ и деревомъ, какъ финикомъ, такъ смоковницею. И если раззуешь и ражжешь, то увидишь, что называемая тобою нога; не что иное, какъ только голый поверхностный прахъ, будто деревяннй сукъ изъ земли вытѣпленный, какъ болванъ скудельный, и будто сапогъ твоея ноги, свидѣтельствующій своею наружностью о пребываніи ея въ кореніи сердца твоего сокровенномъ, и весь прахъ, какъ сапогъ свой надѣтой на ногу, носящемъ. И въ сію-то мѣть, думаю, понадалъ Іовъ, вотъ: „Положилъ еси ногу мою въ возбраненіе, сохранилъ же еси дѣла моя вся: въ кореніи же ногъ моихъ пришелъ еси.“ О семъ коренѣ и Исаія: „корень ихъ, яко персть будетъ.“ А что онъ коренемъ сердце называетъ, такъ послушай его-жъ: „увѣждь, яко пепель сердце ихъ, и прелщаются“ Примѣть: тамъ корень, называется перстью, а тутъ сердце пепеломъ. Сердце есть корень. Въ немъ-то живетъ самая твоя нога, а наружный прахъ, есть башмакъ ея. Такъ вотъ почему, Библия называетъ сердечное желаніе ногою! Оно-то есть точная нога, хоть она чиста, хоть не чиста, какъ приточникъ учитъ: „желанія нечестивыхъ зла: кореніе же благочестивыхъ въ твердостехъ... И Давидъ, сердце, гордостью тщеславія надменное, весьма прилично называетъ ногою: „Да не прійдетъ мнѣ нога гордыни“. Какъ только сердечная нога твоя надулась, тотчасъ и сапогъ на ней, головѣ послѣдую, въ ту жъ форму съ нею сообразуется: какъ списокъ съ подлинникомъ. А если тое для тебе дивно: что нога твоя въ сердцѣ, и она съ нимъ одно тожъ есть, то еще чуднѣе тебѣ покажется, если усмотришь, что не только нога, но и руки

и очи и уши и языкъ, и вся твоя окружность, всѣхъ членовъ болѣющихъ есть не явное что, какъ одежда одна. А самыя точныя уды закрылися въ сердцѣ. Вотъ тебѣ приточникъ, все твое съ сокровищемъ сердечныхъ мыслей твоихъ вмѣстѣ кладеть! „Око досадителя, языкъ не праведный рудѣ проливающія кровь праведнаго, и сердце кующее мысли злы, и носѣ тшщися зло творити, потребятся. Приподнимаю по малу слухъ твой и внушай, что то значить? „Имѣяи уши слышати...“ „Аще око твое соблазняетъ тя.“ „Умертвите уды ваша.“ Не можно ли выколоть око? Умертвить уды? Можно. Тфу! Легко можно. Нѣтъ ничего легче, но тому, если кто хоть понѣскольку узналъ себе. А тогда же, когда не знаешь себе, какъ выколешь? Какъ отсѣчешь? Какъ получишь себе и исправишь? Видь не слышишь гдѣ твои руки, ноги, очи: То что почитаешь ногою твоею, не бывала она никогда. Ты слѣпъ! Ты змій полузакающій черевомъ твоимъ, ядущій во всемъ себѣ, прахъ и землю свою... Не можно ли земляныя уды отсѣчь? Ты ли спрашуешь мене, другъ мой? Не можно, никакъ не можно. Для чего? А вотъ я тебѣ скажу, для чего. Для того, что дурно. Какъ такъ? О, бѣднѣйшій человекъ! Коль худаго ты мнѣнія о Богѣ! Недовольно ли тебѣ въ отвѣтъ: что не можно. На что ты раздѣляешь невозможность отъ вреда, а пользу отъ способности? Все то одно: не возможно и не полезно. Недумай худо о Божіей въ тебѣ милости. Сіе блаженное естество все въ пользу твою дѣлаеть. Давно бѣ уже оно здѣлано возможнымъ, если бы было полезнымъ. Безъ духа нельзя тебѣ идохнуть: гдѣ жъ его нѣтъ для тебе? А если бѣ воздухъ былъ не полезнымъ, конечно бѣ сыскать тебѣ трудно. И здесь то должно было тебѣ отвѣтомъ удовольствоваться. Сказано, что нельзя отсѣчь. Не спрашуй же дальѣ. Знать то, что не полезно. Но знай: тебѣ хочется въ тонкость знать, почему то не полезно? Знай же! Потому, что не можно. А не можно за тѣмъ, что не полезно. Еще ли не понимаешь? Въ мнѣніи о Божіей милости плохъ, а въ понятіи тупъ. Видь ты уже слыхалъ, что нога твоя наружная, не нога, а только обутья твоя нога? Такъ точно... Какой же вздоръ? Лѣчить ногу, а прикладывать эмпластръ къ сапогу? Вотъ ³⁵²⁾ видишь! Для чего не возможно? Для того, что не полезно. И напротивъ того, недѣйствительно и неполезно: такъ стало и не возможно. Дѣйствіе въ пользѣ, а польза въ дѣйствіи. Дѣйствіе, сила, возможность и полезность,—все то одно. И напротивъ того, безсиліе и бесполезность, одно. Какъ польза тебѣ отсѣчь наружную твою ногу, если она тебе не ведетъ въ ровъ, но ты самъ ее несешь? И какаѣ жъ она нога, если ты ее носишь, не она тебе? Что тебѣ виновато поверхнее твое

³⁵²⁾ Въ спискѣ Д. И. Вагахѣя со словъ: „узнаешь ѣ до высоты касающагося...“ и т. д. все, кончая словами: „...эмпластръ къ сапогу? Вотъ...“—(стр. 169—170)—совершенно пропущено.

око? Ты самъ оно открываешь, устремляясь на погубленіе свое, сердечнымъ твоимъ зминымъ окомъ, а оно не иное что есть, какъ нечувственный очки ока твоего. Учись! Не смыслишь! Разбери самъ себе получше! И не будь наглъ въ оужденіи библейнаго штля! Она однимъ смиреннымъ своимъ любовникамъ открывается. Пойди, зачавъ отъ ноги твоея, по всѣмъ твоихъ удовъ крайностямъ, или хотя одинъ изъ нихъ разсуди по умняе, то можетъ стать узнаешь, что вся крайняя тѣла твоего наружнсть, не что иное, какъ маска твоя, каждый членъ твой прикрывающая, по роду его, и по подобію, будьто въ сѣмени, въ сердцѣ твоємъ сокровенный. А по справкѣ съ собою о себѣ, уразумѣешь сіе Іереміино: „Глубоко сердце чловѣку паче всѣхъ, и чловѣкъ есть, и кто познаетъ его?“ И не удивишься, что Давидово сердце имѣеть у себе уста, и говорить, языкъ его радуется, а нога веселится. Кто видалъ, что языкъ радуется? Тотъ, кто узналъ себе. И конечно что бѣдныя, не мало не викнули внутрь себе, кои Христа, съ Его друзьями называютъ меланхоликомъ. Откуда родится и несмысленный тотъ запросъ: смѣлся ли когда Христосъ? Сей вопросъ весьма схожъ съ премудрымъ симъ: бываетъ ли когда горячее солнце? Что ты говоришь? Христосъ есть самъ Авраамовъ сынъ, Исаакъ, то есть, смѣхъ, радость и веселіе, сладость миръ и празденство... Сердце чловѣческое, премудростію закона Божія просвѣщенное, подобное кореню дерева, насажденнаго при исходящихъ водъ, а законопреступникъ, есть проклятая смоковница. Кая польза листь съ наружи зеленѣющей, если корень жизненнаго напоенія лишается? Скоро онъ отпадаетъ. Кая веселость, если поверхній смѣхъ разводитъ челюсти, открывая зрителямъ зубы твои, а сердце твое сжимается тою тугою, о коей сказано: „Нѣсть радоватися нечестивымъ?“ Распространи сердце твое, отверзи внутренніи уста, съ Давидомъ: „Уста моя отверзохъ и привлекохъ духъ“. Въ то время и безъ наружнія улыбки, всегда внутрь смѣятимешся со Саррою: „Смѣхъ мнѣ сотвори Господь“. И съ Давидомъ: „Даль еси веселіе въ сердцѣ моемъ“. Если сердце можетъ тайно говорить, можно ему тайно и смѣяться. Въ то время уподобилси зимнему дереву безъ листовъ. Но они утаились въ коренѣ, сохраняемомъ тою жизненною водою, о коей приточникъ: „Вода глубока, совѣтъ въ сердцѣ мужа“. И Давидъ: „Помышленія сердца его въ родъ и родъ“. А безъ сего, не ты самъ, но одна только мертвая устъ твоихъ кожа улыбается. И таковаго смѣха, можетъ ли что быть противнѣе, лицемѣрнѣе и не вкуснѣе? Вотъ родной смѣхъ! Послушай! „Возрадовался духомъ Исусъ...“ Вотъ Самуилова мати смѣется по правдѣ: „Разширилася уста моя, на враги моя, возвеселихся о спасенія твоємъ...“ Вотъ точно смѣется Цавель: „Уста наша отверзошася къ вамъ, Коринфяне. Сердце наше распространилось. Распространитесь и вы.“ Вотъ и Давидова улыбка: „Въ скорби распространилъ мя еси, разширилъ еси сердце мое.“ Но то дивно, что и

самыя его слѣды разширяются: „Уширилъ еси стопы моя“. Будто и самыя его слѣды разширяются, и его ступни смѣются съ нимъ. Но что сіе за чудо? Видь ты слышалъ отъ Іереміа, что сердце, точный есть человекъ. Въ сердцѣ всѣ уды! Такъ для чего-жъ не смѣяться всѣмъ его членамъ, когда самъ говоритъ: „Возвеселися сердце мое, и возрадовася языкъ мой?“ Исполненное веселія сердце, исполняетъ всѣ уды того блаженнаго наводненія: „На водѣ покойнѣ воспита мя“. И смѣха, о коемъ Іовъ: „Господь не отринетъ незлобиваго, всякаго-же дара отъ нечестиваго не прійметъ, истиннымъ же уста исполнить смѣха“. А потерявшихъ сіе несказанное таковаго сердца сокровище, спасеніе, или благосостояніе души своея, съ великимъ сожалѣніемъ призываетъ Богъ у Исаіа: „Приступите ко мнѣ погубльшии сердце, сущи далече отъ правды...“

Лука. Библия подобна ужасной пещерѣ, въ коей жилъ пустынный, братомъ своимъ посвѣщенный. Скажи братецъ, что тебе держать въ семь угрюмомъ обиталищѣ? Послѣ сихъ словъ, отворилъ пустынный висающую на стѣнѣ завѣсу... Ахъ! Боже мой!—закричалъ гость, узрѣвъ великолѣпіе всякой умъ человѣческой превосходящее. Вотъ, братецъ, что мене забавляетъ, отвѣчалъ уединенной. Потомъ братъ съ братомъ жить остался на вѣки... Въ подлыхъ и угрюмыхъ наружностяхъ, какъ въ ветхомъ портищѣ, завита невосходящая на сердцѣ человѣческое премудрость, коей вся, и всякая драгоцѣнность недостойна. Сею подлостью, высокая сія Божія лѣсница, опустилася на простонародной улицѣ, дабы вступившихъ возвестъ до самой крайней верхушки небеснаго понятія. И не тоже ли впереть намъ приточникъ: „На высокихъ краяхъ есть, по средѣ же стезь стоитъ.“ Се-то тое дурачество, Павломъ у Коринянъ называемое. Открой покрывало, и увидишь, что оно самое премудрѣйшее, а только прикрылось юродствомъ. Но ахъ! любезныи други! Теперь познаю, что не откроешь завѣсы, не узнавъ самъ себе. Не узнавъ себе, какъ можно сыскать того: „Обрѣтохъ желемаго“. А безъ сего человекъ, Павелъ кричитъ: не престанетъ покрывать покрывало. Сей одинъ открываетъ наши очи, и переводитъ отъ земли къ небеснымъ.

Квадратъ. Вся книга Исхода, сюда ведетъ, что-бъ познать себе. Если исходы премудрости, суть-то исходы живота, видно, что исходить изъ Египта, значить выходить отъ смерти въ животь, отъ познанія въ познаніе, отъ силы въ силу, поколь явится Богъ Боговъ въ Сіонѣ. Но гдѣ тотъ животь? Слушай Павла! „Въ смерть придаемъ Іисуса ради, да и животь Іисусовъ явится, въ мертвеннѣй плоти нашей“. Вездѣ есть Богъ. Къ чему жъ переходить съ мѣста на мѣсто? Отъ одной внѣшности къ другой? Да гдѣ же его ближе искать для тебе, какъ въ тебѣ самомъ? Удивительно: если-бъ землемѣръ въ другомъ мѣстѣ сыскать центръ земли былъ въ силахъ, а подъ самымъ бы собою немогъ. А если сыщешь, тогда онъ тебѣ, а ты ему явишься.

Антонъ. А развѣ Исаія не ясно толкуетъ, что-то есть исходъ? „Съ веселіемъ изыйдете“. Что-жъ далѣе? „И съ радостію научитесь.“ Перенеси, о человѣче! мысли твои отъ одного понятія въ иное. Видишь? Чемъ Давидъ переходилъ? „Потокъ преиде душа наша. Душа наша преиде воду непостоянную“. А такъ перейти, есть-то научиться. Учитесь безъпутно исходить безъпутно, все - то одно: и нельзя не заблудить ногъ твоей, если заблуждаетъ сердцѣ твое. Вотъ учить Павелъ ходитъ! „Послушествую о Господѣ: кому не ходити вамъ, яко же и протчіи языцы ходятъ въ суетѣ ума ихъ, помраченны смысломъ, суще отчужденны отъ жизни Божія, за неврѣжество, суще въ нихъ, за оковененіе сердце ихъ...“

Другъ. Идетъ Израиль царственнымъ путемъ, не уклоняясь ни на десно ни на лѣво. Минаетъ все тлѣнное. Переходитъ языческія предѣлы. Разрушаетъ всѣ препятствія. Не держатъ его ни рѣка, ни море. Все раздѣляетъ на двое. Ведѣ путь Божій находитъ. Кратко сказать, тожъ дѣлаетъ, что и Авраамъ. Растесываетъ на полы. А что жъ се значить, если не то: „Ищите и обряцете“. Узнать себе трудится Израиль. Вотъ смотри! Какъ одинъ старается. „Задняя забывая, въ предняя же простираясь, къ намѣренному теку: къ почести вышняго званія Божія, о Христѣ Иисусѣ...“ Раздѣли себе: что-бъ узнать себе. Вотъ! Вотъ учить Іеремію какъ раздѣлять: „Аще изведеша честное отъ недостойнаго, яко уста моя будеша“. Усмотри: что въ тебѣ подлое, а что дорогое ³⁵³⁾?

Памва. Идетъ Израиль между огустѣвшими морскими стѣнами: сушею къ суши. А куда онъ идетъ? Туда, куда Давидъ. „Когда прійду, и явлюся лицу Божію?“ Иди, ници, не ошибайся: внемли себѣ.

Антонъ. Авраамъ на одномъ мѣстѣ тоже дѣлаетъ, что Израиль въ походѣ своемъ. Тамъ идетъ Израиль, между двома половинами водѣ, а здѣсь проходятъ, между растесанными на полы тѣлами: свѣщи огненны. Вотъ, что повидѣлъ Авраамъ! Чего отъ роду не видалъ. Узнай себе по-жалуй: увидишь, никогда невиданное.

Квадратъ. Если кто разумѣть захочетъ, огненны тѣ свѣщи, пушай справится съ Захаріею. Тѣ-то суть мужи у него дивозрители, о коихъ, вотъ что поетъ. „Въ день онъ, положу тысящники Іудины, яко главно огненну въ дровахъ, и яко свѣщу огненну въ стеблѣи, и поядятъ одесную и ошуюю вся люди окрестъ.“ Вотъ и Наумъ второй: „Усмотри путь: укрѣпи чресла. Возмужай крѣпостію зѣло. Понеже отврати ³⁵⁴⁾ Господь укоризну Іаковлю: якоже укоризну Израилеву“. Что жъ далѣе, понижѣ? „Видь ихъ, яко свѣщи огненны, и яко молнія протекающая. Подобны

³⁵³⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто „а что дорогое?“—говорится „а что доброе и дорогое?“

Прим. ред.

³⁵⁴⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „отврати“, значитса „укроти“.

Прим. ред.

имъ небыша отъ вѣка.“ Припѣваетъ третій Іоиль: „Всякое, де, лице: аки опаленіе горниця...“ Вотъ что увидѣлъ Авраамъ въ растесаніихъ тѣхъ. Увидѣлъ новый родъ людей, отъ Бога рожденныхъ. Тогдаже-то Господь завѣща ему завѣтъ, а скоро потомъ, родился ему и наследникъ: никою пространностію не ограниченный. Что жъ думаешь? Я четвертый, что тебѣ запою? Подобныи рождаются отъ подобнаго: отъ молніевиднаго — молніевидный. Внемли себѣ! Тутъ сыщешь того, о комъ сказано: „Богъ нашъ, огонь поядая есть“. Тутъ ищи и племени всего его. Увидѣлъ его Данииль въ себѣ, и вотъ что сѣваетъ: „Воздвигохъ очи мои, и видѣхъ: и се мужъ единъ! Облеченъ въ ризу льняну, и чресла Его препоясана златомъ свѣтлымъ, тѣло же Его аки еарсисъ [камень], лице же Его, аки зрѣніе молніи, очи же Его, аки свѣщи огненны...“ Таковое жъ то и племя. Но гдѣ жъ ты его сыщешь, благословенный родъ сей? Послушай же: что такое отвѣчаетъ Господь Ревеккѣ: „И рече ей Господь, два языка во утробѣ твоей суть, и двои людіе отъ утробы твоея разлучатся, и людіе людей превзыдутъ, и большій поработаетъ меншему...“ По средѣ тебе, другъ мой, ищи. Тутъ въ тебѣ первенецъ, Исавъ твой. Тутъ и Іаковъ, придерживающійся пятъ Исавовѣ, или справедливѣе сказать онъ держитъ пяту Исавову, говоря у Давида: „Беззаконіе пяты [моего брата] обыдетъ мя...“ „Тѣ пяту мою беречь стануть...“ Узнай себе: разлучивъ между мужемъ кровей, и мужемъ Божиимъ, и скажи: „Первый человекъ отъ земли перстень, вторый...“

П а м в а. Конечно жъ о сихъ-то двоихъ человекѣхъ, неразрывнымъ союзомъ сопряженныхъ между собою, говоритъ Богъ Іову: „Кто откынетъ лице обличенія Его? Въ согбеніе же персей Его, кто внидетъ? Двери лица Его, кто отверзетъ? Окрестъ зубовъ Его, страхъ, утроба Его, щиты мѣдяны, союзъ же Его, яко смарагдъ камень, единъ ко другому прилипаютъ, духъ же не пройдетъ Его, яко мужъ брату своему прилѣпится, содержатся и не отторгнутся; въ чханіи Его возблистаетъ свѣтъ, очи же Его, видѣніе денницы: изъ усть Его исходятъ, аки свѣщи горящія, и размещутся, аки искры огненны; изъ ноздрей его исходить дымъ печи, горящія огнемъ углія. Душа же его, аки угліе, и яко пламя, изъ усть его исходятъ, на выи же его, водворяется сила...“

Д р у г ъ. Теперь-то ты изъяснилъ, Памво, слѣдующій стихъ: „Егда же бысть солнце на западѣ, пламень бысть, и се печь дымящаяся и свѣщи огненны! Яже пройдоша между растесаніи сими.“ Теперь видно, отчего-то толь сильно спужался Авраамъ: „Заходящу же солнцу, ужасъ нападе на Авраама. И се страхъ, темень вельми нападе на нѣ.“ Въ раздѣленіи онъ увидѣлъ того: „Окрестъ зубовъ его страхъ...“ Какъ не задрожать, увидѣвъ его? Чхаеть молніею, смотритъ денницею, дышетъ искрами и горящимъ угліемъ...

Антонъ. Сего жь-то страшнаго мужа менѣе спужался и Исаія: „Видѣхъ Господа, о окаанный азъ! Исполнь домъ славы Его“. Тогда-то онъ покушалъ и сладчайшаго угля отъ алтаря Господня: очистились его уста, ищезло беззаконіе, здѣлался Апостоломъ. „Кого послю? Се азъ есмь! послѣ мя“... Аврааму завѣтъ завѣщается, а сей посланникомъ дѣлается. Блаженъ, сыскавшій племя въ Сіонѣ, и родню во Іерусалимѣ.

Квадратъ. Исаія, будто пальцемъ указываетъ, на не познающихъ себе. „Горе, полагающимъ тму свѣтомъ, и свѣтъ тмою... Горе! яже мудры въ себѣ самыхъ: и предъ собою разумны.“ Только лишь не сказалъ: во плоти своей.

Памва. Точно на сихъ онъ кричитъ. Видно изъ слѣдующаго: „Яко же сгоритъ трость отъ углія огненнаго, и сожжется отъ пламене разгорѣвагося. Корень ихъ, яко переть будетъ, и цвѣтъ ихъ, яко прахъ выйдеть, не восхотѣша бо закона Господа Сав.(аова).

Другъ. Да тамъ же ниже говорится, что подыметъ Господь знаменіе для народовъ, заблудившихъ отъ дому своего на конецъ земли и отзоветъ свистомъ своимъ. Свистомъ отзываются отдаленныя заблужденіемъ, въ полѣ или въ лѣсу, живо на голосъ возвращаясь: „Не взалчутъ, ни утрудятся, ни воздремлютъ, ни поспятъ, ни распояшутъ поясовъ своихъ отъ чреслъ своихъ, ниже расторгнутъ ремени сапоговъ ихъ, ихъ же стрѣлы остры суть, и луки ихъ напряженны, копыта коней ихъ, яко твердь камень вмѣнишася; колеса колесницъ ихъ, яко буря, ярятея яко львоу, и предсташа яко львичица.“ Видите, сей родъ уже не таковъ, потому, что тамъ же слѣдуетъ, что: „возвратъ на землю, и се тма жестока въ недоумѣніи ихъ“. Сего роду былъ и Авраамъ: „Ужасъ нападе на Авраама“. Откуда жь возмется недоумѣніе и ужасъ? Изъ раздѣленія между свѣтомъ и тмою: Израилю страхъ Господень родится.

Антонъ. Пришелъ мнѣ во умъ Іаковъ. Сей такъ же, пробудясь отъ сна, убояся и рече: „Яко страшно мѣсто сіе“... Пришелъ на умъ и Павелъ, облиставаемый свѣтомъ небеснымъ на пути: „Трепеща же и ужасаяся глагола: Господи! что мя хоцещи творити?“ Но любезная невѣста, весьма отважно говоритъ: „Крѣпка яко смерть, любовь; жестока, яко адъ, ревность; крила ея—крила огня; угліе огненно—пламя ея.“ Сія такъ же, видно, родня есть Израилева. Раздѣлила воды, нашла пламень съ Авраамомъ; и влюбилась въ него. „Вода многа, не можетъ угасити любви“. Не ужасается, но таетъ отъ любви.

Квадратъ. Невѣста давно уже обозналась, узнавъ себе, и не впервые то говорить, такъ какъ и Давидъ: „Знаменася на насъ свѣтъ лица твоего.“ А прежде кричалъ: „Страхъ и трепеть пріиде на мя...“

Памва. Самая правда. Она давно уже прежде сказала: „Душа моя изыде во слово Его“. Вышла и сыскала того, что: „Небо и земля

мимо идутъ,“ да не словеса Его. Искала ночью: не нашла. Потомъ разсѣкши, и бросивъ въ стороны всю ночь, напала на тое сокровище свое: „И свѣтъ во тмѣ свѣтитсѣ“. А симъ самымъ истолковала для насъ, что-то значить книга Исходъ?

Другъ. Книга Левитская вся, согласная нашему пѣнью. А если она не спѣваетъ Господу, правдѣ и царствію Его, тогда уже давно нѣтъ ея въ числѣ духовныхъ книгъ. „Духъ есть Богъ“. „Господь Духъ есть“. Воспойте Господеви! Но смотрите, что-бъ была пѣсня нова. Принесите Господеви, но что-бъ все то было чистое. Все то старое, что тѣльное, все то не чистое, что проходящее. Новому новое дай, чистому—чистое, невидимому—тайное. Представте себѣ прекраснѣйшій благоуханный нагорный садъ, непрестающія утѣхи исполненный. Коль желательно гостямъ войти въ него! Но продраться нельзя. Непроходимы чащи, непролазны терновникъ, струповаты мѣста окружаютъ рай сей. О дражайшій рай! Сладчайшая истинно Господня! Когда прoderемся до тебе? Не допускаетъ насъ терновникъ цереміальный. Въ немъ-то мы увязли. А ты по ту сторону сія жестокая стѣна, чуть-чуть блистаешь, радости наша. Но кто съвозъ сію пустыню проведетъ насъ? Блаженъ, кто узналъ себе! Сей одинъ имѣетъ пастыря и вожда своего. Съ симъ вождомъ Давидъ пролазитъ стѣну: не боится по средѣ самыхъ сѣни смертныя. Слово его, былъ жезлъ внутренней Давиду. Съ симъ жезломъ онъ возошлъ на самую гору Царствія Божія и правды Его. Страхъ Божій вводитъ во внутреннюю Библию завѣсу, а Библия тебе жъ самага взявъ за руку, вводитъ въ твой же внутренней чертогъ, котораго ты отроду не видывалъ. Къ тому другу, о коемъ Соломонъ: „Велика вещь человекъ и драгая, мужъ творяй милость. Мужа же вѣрна великое дѣло обрѣсти.“ И тогда-то бываетъ тое приточниково-жъ: „Братъ отъ брата помагаемый, яко градъ твердъ“. Библия есть братъ-то нашъ. Онъ родился для сохраненія насъ, братовъ³⁵⁵⁾ своихъ. Къ пѣлой Библии, не къ одному Іереміи, говоритъ Господь: „Сыне человекъ! Стража дахъ ты дому Израилеву“. Развѣ не слышите, что невѣста поетъ: „Положиша мя стража въ виноградѣхъ“. Бродишь невѣдомо гдѣ, по пустымъ околичностямъ, а она тебе старается ввестъ въ спальню матери своей. Да и о Христѣ, недурно написано: „Она же мнѣ, яко вертоградарь есть“. Конечно схожъ на вертоградаря. Всѣ богоглаголивый пророки суть будто хранители вертограда³⁵⁶⁾. Мы жъ уже слышали Исаію: „что виноградъ Господа Саваоа³⁵⁷⁾, есть-то домъ Израилевъ. Мы тутъ-же. Да мы жъ-то сами домъ

³⁵⁵⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя—„братевъ“.

Прим. ред.

³⁵⁶⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя послѣдняя фраза, отъ словъ „всѣ богоглаголивый...“ и т. д. до выноски,—совершенно пропущена. *Прим. ред.*

³⁵⁷⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „Саваоа“,—значится „Израилева“. *Прим. ред.*

есмы Божій. Они-то берегутъ: дабы мы не сошли изъ дому Господня и отъ Его самаго, со блуднымъ сыномъ на страну далече: или во Іерихонъ, съ падшимъ въ разбойники. Всѣ сіи стражи, въ одномъ чело-вѣкѣ, и одинъ во всѣхъ духъ. Вотъ одинъ! И первый стражъ: „Возвратися въ домъ твой“. Вотъ другой, Исаія: „Идите, людіе мои, внідите въ храмину вашу“. Се-то тѣ херувими съ пламеннымъ оружіемъ: хранящіи внутрь себе, путь древа жизненнаго, ихъ же стрѣлы остры суть; видъ ихъ, яко свѣщи огненны; лице, аки опаленіе горнца. Родъ спасаемый отъ Господа: серафимы, уголь носящіи Божія премудрости. А какъ сами они, колесницею и престоломъ живущаго внутрь ихъ Господа суть, такъ и насъ заблуждающихъ на концы земли, возвращаютъ во внутренность нашу, къ главѣ нашей, къ тому дереву жизненному, [будьто къ безопасному ковчегу], о коемъ приточникъ: „Древо живота есть, всѣмъ держащимся ея: и восклоняющимся на ню, яко на Господа тверда.“ Мы жъ, повинувъсь имъ, вотъ что слышимъ: „Вы други мои есте, аще творите, елика азъ заповѣдаю вамъ“. Отсель ничего не слушаю: если оно не ведетъ мене во внутреннѣйшую во мнѣ скинію свидѣнія. Тамъ-то для мене рай сладости, а въ немъ, плодъ древа живаго, и воды такія же. Полно! Не говори больше мнѣ ни кто ничево...

Пам ва. Принесите Господеву сынове Божіи. Сынъ Божій Израиль, приноситъ живому Богу своему жертвы и дары. На что? „Да не потребится душа ихъ“. Что бѣ не пропала душа ихъ... Разсуди сіе, что-бѣ не пропала душа ихъ. Дай намъ, Господи, хоть немножко отгушать, что оно значитъ? „Да заколютъ телца предъ Господемъ“, — говорится тамъ... Не коли! Слышь, не коли! Знай себе! Слушай Исаія: „Что мнѣ множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь? Тука агнцовъ и крове юнцовъ и козловъ не хочу. Кто възскиваетъ сего изъ рукъ вашихъ?...“ Развѣ ты позабылъ, что Богъ нашъ есть огонь? Колькая жъ глупость! Нести мясо предъ очи, предъ пламеннодышущія очи того, предъ которымъ всякая плоть, какъ солома горитъ и ище-заецъ? „Принесите Господеву“, — слушай Давида, — „славу и честь“. Если можешь вкусъ чувствовать въ томъ, чего ты никогда не жевалъ, то можешь ³⁵⁸⁾ и любить, то чего не разумѣешь. Знай же себе! Тутъ-то Онъ.

Антонъ. Не разумѣли сего, глупыя жерцы. Думали что дѣло въ томъ состоитъ, что-бѣ заколотъ телца, и здѣлать пиръ хорошенькій. Описываетъ ихъ дурость Исаія: „Тѣи же сотвориша радость и веселіе, закалающе телца, и жруще овцы, яко ясти мяса, и пити вино,

³⁵⁸⁾ Въ списокъ Д. И. Багалѣя часть этой фразы, именно отъ словъ: „вкусъ чувствовать въ томъ...“ и т. д. до выноски, — совершенно пропущена.

глаголюще: да ями и пѣмь, утрѣ бо умремъ...“ Сихъ утученныхъ скотовъ, называетъ Амосъ телицами Васанскихъ пажитей: „Жерпы, послушайте! Слышите слово сіе, юницы васанитидскія...“ Послушай, коего телца палить и сокрушаетъ за любовь ко Господу, той же Мойсей во Второзаконіи: „И грѣхъ вашъ, его же сотворите,—[сирѣчь, телца]—взяхъ его, и сожгохъ его на огнѣ, избихъ его, и сотрохъ его зѣло, даже бысть дробень, и бысть яко прахъ...“ Заколи грѣхъ въ тебѣ, о человѣче! Убій въ себѣ упрямость твою и гордость, досаждающую гласу закона вышняго. Сотри и сожги ее жаромъ любви твоея къ Богу. Послушай Мойсея, и искорени зло изъ себе самаго. Вотъ жертва! Вотъ воня благоуханная Господу! Вотъ приношеніе спасительное душѣ твоей! Разумѣйте сія, вы, забывающіи Бога. Слушайте, что говорить: „Жертва хвалы прославить мя, и тамо путь, имже явлю ему спасеніе мое.“

Квадрать. О сихъ упрямыхъ Богу телцахъ можно сказать со Сираховымъ сыномъ. „Не возноси себе, совѣтомъ души твоея: да не расхищенна будетъ аки юнецъ душа твоя...“ Нельзя упрямаго юнца посвятить Богу.

Памва. Іеремія, точно телцами и волами ихъ называетъ: „Веселитесь, и велерѣчивасте, расхищающе наслѣдіе мое. Скакаете бо, яко телцы на травѣ, и бодосте, яко волы.“ Конечно до сихъ-то телцовъ Богъ, въ книжѣ Левитской, со грозою говоритъ: „Аще не послушаете мене, ниже сотворите повелѣній моихъ сихъ, но не покоритесь имъ, и о судьбахъ моихъ вознегодуетъ душа ваша, изжену, де, васъ изъ наслѣдія“. А наслѣдіе Божіе, вотъ оно! „Наслѣдовахъ свидѣнія твоя во вѣкъ“.

Другъ. Стефанъ въ Дѣяніяхъ, на сихъ же упрямыхъ воловъ кричитъ: „Жестоковѣйныи, и не обрѣзанныи сердцемъ...“ Но вотъ же смиренный и обрѣзанный телець! „Сердце сокрушено и смиренно Богъ не...“³⁵⁹). Когда такое кто сердце сыщеть, вотъ тогда-то, Боже, возложить на алтарь Твой телцы.

Антонъ. Ахъ! Изрядныи юнцы! Къ симъ-то телцамъ говорится: „Возмите иго мое на себе“. О сладчайшее иго! „Благо есть мужу“,—плачетъ Іеремія:—„егда возметъ яремъ въ юности своей.“ „Благо мнѣ яко смирилъ мя еси...“ „Въ чесомъ исправить юнѣйшій, [человѣкъ] путь свой?“ Вотъ въ чемъ! „Внегда сохранить словеса твоя“.

Брось, другъ, телцовъ да козловъ. Пріймись за себе. Убій для Бога въ себѣ самомъ, воловую упрямость. Останется въ тебѣ другой быкъ. А вотъ онъ! „Іосифови Мойсей рече. Отъ благословенія Господня земля его, отъ красотъ небесныхъ и росы, аки первородна юнца, кра-

³⁵⁹) Въ спискѣ Д. И. Багалѣя здѣсь находится еще слово „уничжить“, котораго въ подлинникѣ нѣтъ.

сота его, роги единорога, роги его, ими языки изободеть, вкупѣ даже до края земли.“ Вотъ мужескъ полъ непороченъ!

Квадратъ. Библиа есть человекомъ, и ты человекъ. Она есть телцомъ, и ты тоже. Если узнаешь ее, одинъ человекъ и одинъ телець будешь съ нею. Узнай же прежде себе. Она съ дуракомъ дурна, а съ преподобнымъ преподобна. Бездѣльниково паденіе, а доброму восстаніе. Узнай же себе. Раздѣли межъ добромъ и зломъ, межъ драгоценнымъ и добрымъ, подлымъ и злымъ, узнаешь и въ ней, а безъ сего, наѣсися яда. Безсумнѣнія се тотъ телець, что Авраамъ представляетъ всевождедѣннѣйшему своему троеличному гостеву. Къ сему телцу и премудрость: закладъ своя жертвенная, зоветь тебе. Сего представляетъ и отецъ, блудному сыну: однако жъ въ то время, какъ онъ уже вернулся домой³⁶⁰). Сего-то телца принеси Богу. Симъ однимъ умиловившишъ Его, и очистишся отъ всѣхъ заблужденій твоихъ, а не тѣмъ, что въ мясныхъ рядахъ продается. Ему посвятишъ, да и самъ будешь ясти съ нимъ, и для него, потому что и телець прекрасный сей, его жъ есть. Узнай же прежде себе. Не броди по планетамъ, и по звѣздамъ. Воротись домой. Тутъ отецъ твой, и телца того, онъ тебѣ самъ представитъ его: Богъ Бога, правда правду, истина истину. Истина отъ земляныя плоти телцовой воссияеть, а правда съ небесе отца твоего приняветъ. Вотъ въ то-то уже время, правда и миръ встрѣнутся и привитаются. Тогда скажешь: „Миръ имама къ Богу...“

Антонъ. „Да возложить руку свою на главу телца предъ Господемъ...“ Сіе дѣлать долженъ жрецъ помазанный. А что жъ есть вопервыхъ помазанный? Вотъ слушай! „Духъ Господень на мнѣ, Его же ради помаза мя.“ Помазанный на помазаннаго возлагаетъ руку, духовный на духовнаго телца, потому что „Душевный человекъ не приемлетъ“, [видно жъ, что и не возлагаетъ руки], яже суть Духа Божія: юродство бо ему есть. Пожалуй, узнай себе. Узнавъ въ себѣ отца, возложить можешь руку на сына. Ни кто не можетъ къ сему телцу прийти, если не отецъ къ нему привлечетъ его. Послушай Павла: „Духъ вся испытуеть, и глубины Божія“. Павелъ узнавъ себе, помазался Духомъ. „Мы же, не Духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога.“ Потомъ уже приступаетъ къ таинственному телцу, говоря: „Да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ“. Святѣйшая Библиа, спасительный есть телець отъ Бога намъ дарованный.

Квадратъ. Вотъ тебѣ телець, Іезекииль: „Бысть на мнѣ рука Господня, и видѣхъ...“ Кто себе не знаетъ, тому Іезекииль есть слѣпцомъ. Узнай же себе, помажся Духомъ, наложи руку на него, вдругъ скажеть: „И видѣхъ...“ А что жъ онъ видѣлъ? Между прочіимъ видѣлъ и лице телчее. Ахъ, другъ мой! Пророкъ для тебе и слѣпъ и

³⁶⁰) Въ спискѣ Д. И. Багалѣя „возвратился въ домъ“. *Прим. ред.*

мертвъ, если приходишь къ нему безъ Духа Божія. Возможно-ль что-бъ увидѣть тебѣ въ немъ силу Божію, руку Божію, если не увидѣлъ ты въ себѣ того, до котораго Давидъ: „Руцѣ твои сотвориствѣ мя.“ Узнай себе, и возложить можешь на него руку, сущую въ тебѣ Божію. Духъ Духа познаеть; братъ брату помагаеть; рука руку знаеть. Какъ приступишь, плоть лишенная Духа, къ Духу? Если-бъ ты узналъ себе, могъ бы сказать съ тѣмъ же пророкомъ: „Бысть на мнѣ рука Господня, и изведе мя въ Дусѣ Господни, и постави мя средѣ поля, сеже бяше полно костей человѣческихъ.“ Оживляетъ Іезекииль мертвыя кости, наводитъ на нихъ жилы, плоть, кожу: все новое, и Духъ жизни. Чудо! Встаеть на ноги свои, соборъ много зѣло. Кости сія, есть домъ библейный, и ты самъ домъ. Какъ проречешъ на сухія и бесплодныя кости ея, не имѣя въ себѣ Духа? Одно говорю, все отъ тебе зависить: знай себе. Ты телець: на себе руку возложи, потомъ на брата, и будете яко утвержденное царство.

Пам во. А Лука богогласный, развѣ не телець? Телець Мойсей, телець Исаія, телець Павелъ. Сіи вси, суть отъ стада Господня, отыгающіи жеваніе, и копыто раздвоивши. Видящіи со Іезекиилемъ, видѣніе славы Господни. „Видѣхомъ славу Его...“ Совсѣми сими, бѣ рука Господня, и изыдоша, и възграша, яко же телцы, отъ узъ разрѣшенны. Сіи вси суть во Господѣ, а Господь въ нихъ. Возьми изъ сихъ телцовъ какого ни-есть. Пожри его, но пожри Господу. Господни телцы суть. Кушай ихъ съ Господемъ, и предъ Господемъ. Не примѣшуй³⁶¹⁾ ничего твоего. Вотъ Мойсей, какъ учитъ ѣсть: „И ясти будете тамо, предъ Господемъ Богомъ вашимъ, и возвеселитесь о всѣхъ, на няже возложите руки ваша вы, и домове ваши, яко же тя благословилъ есть Господь Богъ твой... Да не сотворите,—[слушай гаразда],—тамо всѣхъ, елика вы творите здѣ днесъ, кійждо угодное предъ собою.“ Пожалуй, съ разсужденіемъ кушай. Вонми крѣпцѣ, еже не ясти крове. Что только тамъ говорится, все то новое, чистое все Господне. Не думай, что тамъ очи, уши, нога, руки твои. Не твое: но Божіе тамъ все, до послѣдняго сапожнаго ремня отъ ниточки. Какъ могутъ о плоти говорить: кои не отъ плоти, ни отъ похоти ея, но отъ Бога родияся? Вотъ же тебѣ полная Библия непорочныхъ, мужеска пола, Божіею рода телцовъ, для очищенія твоего. Твое только дѣло взять одного любимаго на жертву, наложить руку на него. Но первѣе, взглянь внутрь себе. Рука твоя, не рука. Разсуди самъ съ собою, и сыщи въ себѣ руку крѣпкую, и мышцу высокую. Въ то время ей послѣдую, насладишься высокимъ умомъ сея безсмертныя трапезы. Если жъ самъ не можешь, принеси къ помазанному Духомъ Божіимъ толковнику: сей служитель Бо-

³⁶¹⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя—„не примѣшивай“.

жій послужить тебѣ. „Понеже устнѣ іереовы“,—говоритъ Малахія,— „сохранять разумъ, и закона възвуть отъ устъ Его, яко Ангель Господа вседержителя есть.“ Но все сіе тогда здѣлается, какъ начнешь узнавать себе, а безъ сего, никоимъ образомъ законныя жертвы принести нельзя.

Другъ. „Утробу и ноги [телцу] да измьютъ водою...“ Вотъ тебѣ одинъ, съ омываемою утробкою телець: „Сердце чисто созижди во мнѣ Боже, и духъ...“ ³⁶²⁾.

Антонъ. Вотъ тебѣ и другой! Другихъ омываетъ, самъ омытый: „Измьитесь и чисты будете...“

Квадратъ. Вотъ же и третій! „Рече Іаковъ дому своему, и всемъ иже съ нимъ: повервите Боги чуждыя, иже съ вами отъ среди васъ, и очиститесь, и измѣните ризы ваша, и воставше възйдемъ въ Вевиль, и сотворимъ тамо жертвенникъ Богу, пославшему мене въ день скорбїи...“

Памва. Вотъ вамъ еще прекрасный юнецъ! Братъ невѣсты: „Умьхъ носѣ мои, како оскверню ихъ?“

Другъ. А о нечистыхъ молчите? Ахъ! Когда-бъ умножились сіи! „Дамъ законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Бога, и ти будутъ мнѣ въ людїе, и не научить кїждо ближняго своего глаголя: познай Господа, яко вси познають мя отъ мала до велика.“ „Излію отъ Духа моего на всяку плоть, и прорекуть сынове ваши, и дщери ваши...“ О сладчайшіи пророки! Когда дождемся, что-бъ и намъ быть таковыми телцами? Бѣда наша, что мы не узнали себе: а въ себѣ того, о коего внутреннемъ присутствїи повышше Іоиль говорить тамъ же: „И увидите, яко посредѣ Израїля Азъ есмь, и Азъ Господь Богъ вашъ: и нѣсть инаго, развѣ мене“. Вотъ тогда-то уже слѣдуетъ: „не посрамятся людїе мои во вѣкъ“, и тутъ-то заразъ ³⁶³⁾: „Излію отъ Духа моего на всяку плоть...“

Антонъ. Вотъ же вамъ и нечистаго телца выводитъ Аввакумъ! „У лють! глаголющему ко древу: ободрися! востани и къ каменїю возвысися!“ А то есть мечтанїе, скванїе злата и сребра, лишеннаго всякаго духа.

Квадратъ. Сей телець весьма годится для идоловъ. Онъ не знаетъ про себе, и о своемъ домѣ: о которомъ тамъ же не преривно говоритъ, чистый нашъ телець Аввакумъ: „Господь же во храмѣ святѣмъ своемъ: да убоится отъ лица Его вся земля.“

³⁶²⁾ Въ Киевскомъ спискѣ дабавлены слова текста: „правъ обнови во утробѣ моеи.“ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя эти слова тоже значатся въ текстѣ рукописи. Въ подлинникѣ ихъ нѣтъ.

Прим. ред.

³⁶³⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто „заразъ“ значитса слово „вдругъ“.

Прим. ред.

Памва. Сей телець родный уродь есть. Онъ жванія не отыгаеть, потому что не можетъ ясти Израилскаго телца, да у негожь и копыто не двойное.

Другъ. Языческія телцы очень разнятся отъ Израилскихъ. Жвачка у нихъ одинокая, и копыть вмѣсто слитый. Такъ ихъ природа велить. Язычники всё означаются симъ именемъ „Вавилонъ“, а сіе значить, смѣшеніе, или сляніе. Одну они наружную плоть видять, и ей вездѣ удвляются, описують, измѣряють, и находящуюсь во плоти духовную истину, не зная ея, смѣшиваютъ съ плотію и называютъ мечтою. Но нашъ дивно-зритель, телець Аввакумъ, примѣчай, что на-противъ того, всякое дерево, камень и серебро, и всю ³⁶⁴) внѣшнюю плоть мечтою зоветъ, провидя въ ней не тлѣнную Божію истину, и познавъ дома того, котораго наружностелюбцы проминувъ: не сыто волочатся по облакамъ. И сіе-то есть, быть пророкомъ, то есть, очитымъ и прозорливымъ.

Антоць. О сихъ, не истинѣ, но идоламъ посвященныхъ телцахъ, вотъ Варухъ! „Отверзи, Господи, очи Твои, и виждь, яко не умершии, иже во адѣ, иже взяся Духъ ихъ, отъ утробъ ихъ, воздадутъ тебѣ славу и оправданіе Господеви, но душа, сѣтующая о величествѣ зла, иже ходитъ сляченъ и боляй, и очи оскудѣвающіи, и душа алчущая, воздадутъ тебѣ славу и правду, Господи.

Квадратъ. Варухъ говоритъ о обсемъ родѣ телцовъ: чистыхъ, и нечистыхъ. Вотъ тебѣ нечистый! „Ихъже взяся духъ ихъ, отъ утробъ ихъ“. Теперь скажи: чѣмъ измыются? Не нашли, потеряли въ себѣ духа: „Взяся духъ ихъ отъ утробъ ихъ“. Отнялося жъ отъ нихъ и царствіе Божіе, и правда Его. Отнялося затѣмъ, что не нашли. Не нашли же чрезъ то, что не узнали себе. Но душа алчущая, не тѣхъ ли означаетъ: „Блаженны алчущіи?“ Сіи съ Давидомъ сѣтуютъ, болѣзнують, о злобѣ негодуютъ, ходять сляченны, ищезаютъ очи ихъ во спасеніе Божіе. „Когда утѣшиши мя?“ „Да прійдетъ царствіе Твое!“ Всѣ сіи по времени, со Исаіею говорятъ: „Сего ради чрево мое на Моава, аки гусли возгласить, и внутренняя моя, аки стѣнь обновилъ еси.“

Памва. Сіе блаженное утробъ тѣхъ обновленіе, вонъ у Іезекіиля: „Воскроплять на васъ воду чисту, и очиститесь отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ, и отъ всѣхъ кумировъ вашихъ, и дамъ вамъ сердце ново, и духъ новъ дамъ вамъ.“ А гдѣ тотъ пасливецъ, о коемъ можно сказать: „Омылся еси: оправдался еси?“ Гдѣ тѣ голубины очи, сидящія на исполненіи тѣхъ водъ, о боихъ наперсникъ: „Аще кто жаждетъ, да прійдетъ ко мнѣ и пьетъ... Рѣки отъ чрева его истекутъ воды живыя“. Сіе же рече о Дусѣ...

³⁶⁴) Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „всю“ значится слово „всякую“.

Другъ. Ся-то чистыи телцы, могутъ приносить въ жертву свѣтѣйшаго телца Господу такъ, какъ Авраамъ Исаака. Но не омыты сею водою, и сказать, безъсердечныи сердца, какъ могутъ возложить руку на главу телца? Они въ себѣ самыхъ главу, Господа своего потеряли, и кто жъ ихъ приведетъ до телцовой? Потерявъ въ себѣ, сыщутъ ли въ другомъ? Вотъ развѣ какъ наложатъ руку: „Упойте его, яко на Господа возвеличися. И приразитъ Моавъ руку свою объ блевотину, и будетъ въ посмѣхъ и самъ...“ Можетъ ли сердце, смѣшеніемъ языческимъ обладаемое, раздѣлить въ семь телцѣ плотъ и кровь отъ Духа, а смерть отъ жизни, негодное отъ туга? Можетъ ли содрать покрывало срамныя кожи, не узнавъ того внутри себе, чрезъ коего престаеъ покрывало? Можетъ ли возложить на олтарь огонь и дрова, не зная и не видя въ дому своемъ, нерукотворенныя Скинїи свидѣнія Господня? Вотъ кто дрова имѣетъ: „И показа ему Господь древо...“ Вотъ въ невѣстѣ огонь! „Крила ея, крила огня.“ Вонъ посмотри олтарь! Послушай! „Имамы же олтарь...“ Вотъ отдѣляемый тукъ! „Да дасть тебѣ Богъ отъ росы небесныя, и отъ туга земли...“ Что-то за тукъ? Послушай Мойсея: „Возведе я на силу земли, насыти ихъ житъ селныхъ, ссаша медь изъ камене, и елеи отъ тверда камене, масло кравіе и млеко овчее, съ тукомъ агничимъ и овнымъ сыновъ юнчихъ и козлихъ, съ тукомъ пшеничнымъ, и кровь гроздову пїяху вино.“ Библія есть обѣтованная земля. На ней стадо Божіе и чистое есть Израиль. Вотъ тебѣ юнца сынъ, прекрасный Іосифъ, насыщающій братію свою во время голодное, туга пшенична. Вотъ тебѣ другой сынъ овна, агнца: „Плотъ моя, истинное есть брашно“. Вотъ тукъ! „Плотъ ничто же...“ Развѣ не знаешь коего агнца оmyваетъ Креститель? Но хотишь ли взойти на благоту и на тукъ земли Божїя? Такъ вотъ! „Се азъ послаю Ангела моего предъ лицемъ твоимъ, предъ очима твоима, надъ лбомъ твоимъ, да сохранить ты на пути, яко да введетъ тя въ землю юже уготовахъ тебѣ. Вонми жъ себѣ и послушай Его.“ Хотишь ли принести телца въ жертву Богу твоему, или агнца? „Вонми жъ себѣ крѣщѣ, еже не ясти крове, да благо тебѣ будетъ, и сыномъ твоимъ по тебѣ во вѣки...“ Не упивайся кровію плотскаго твоего вина. Пїй кровь праведную: „[Плотъ ничтоже] кровь Господню: кровь Духовну“. Не говори, что одна твоя только лишъ есть кровь. Симъ опровергаешъ истиннаго духовнаго человекъ, созданнаго по Богѣ въ правдѣ и преподобїи истинны и умножаешъ число тѣхъ безбожниковъ у приточника: „Сыне! Да не предстятъ тебе мужи нечестивыи: иди съ нами, приобщись крове, скрыемъ же въ землю мужа праведна не праведно, пожремъ же его, якоже адъ, жива, и воземъ память его отъ земли.“ Таковая жертва, есть идолская мерзость: а не воня благоуханїя Господу. Богъ Божіе любитъ.

Антонъ. О сихъ оскорбляющихъ Израїля, вотъ что поетъ Исаїя

„Оскорбивши тебе, съѣдятъ плоть свою, и испіють, яко вино ново, кровь свою, и ушіются.“ И се-то тѣ волки, до утра не оставляющіи!
„Да ямы и піемъ: утрѣ бо умремъ.“

Квадратъ. Таковая-то была когдася и дщерь Іерусалимская, до которой, вотъ что у Іезек.(іиля) Богъ говоритъ: „Корень твой и бытіе твое, отъ земли Хананейской; отецъ твой амморееанинъ, и мати твоя хеттеаняня, и рожденіе твое: въ онъже день родилася еси, не отрѣзаша тебѣ пупа, и водою не омыша тя на спасеніе, ни солию осолиша, ниже пеленами повиса.“ Но вотъ, что далѣе къ ней говорится: „И прострохъ крылѣ мои на тя, и прикрыхъ студѣ твой, и кляхся тебѣ, и выдохъ въ завѣтъ съ тобою, глаголетъ Адонай Господь, и была еси мнѣ, и омыхъ тя водою и ополоскахъ кровь твою отъ тебе, и помазахъ тя елеемъ.“ Дщери Іерусалимскія суть: Руевъ, Юдиетъ, Есеиръ, Сусанна, Маріамъ. Сія всѣ блудничимъ покрываломъ покрыти такъ, какъ невѣста Іудина Ѡмаръ. Такъ тебѣ можно принести изъ сихъ юницъ прекрасныхъ, и высокоскачущихъ козъ, въ жертву Господу. Узнай же прежде въ себѣ того, кой говоритъ: „И прикрыхъ студѣ твой“. А безъ сего, будетъ тебѣ тое, что старикамъ, влюбившимся въ Сусанну. Или то, что пострадалъ первый сынъ Іудинъ, Иръ. „Бысть золь предъ Господемъ, и уби его Богъ.“ Тое жъ случилось и меншему его брату Аукану. Съ симъ та же прекрасная Ѡмаръ женою жила. Но сей безпутный свое сѣмя хотѣлъ возставити, а не брату тому, о коемъ: „Братъ мой мнѣ, и азъ брату“. И умертви Богъ и сего. Для чего жъ Іудѣ, сія прекрасная въ дщерехъ Іерусалимскихъ, родила вселюбивѣйшаго Фареса? Вотъ для чего! „Уклонися же къ ней путемъ.“ Коемъ? Онымъ: „Путь заповѣдей твоихъ текохъ.“ Видишь ли? Съ вѣмъ пришелъ къ ней? Уже зналъ нѣсколько себе, чувствовалъ внутрѣ гласъ, и имѣя духа, далъ ей въ залогъ перстень. Что есть перстень? Есть цыркуль, колесо, вѣчность. Слушай Іезек(іиля): „Духъ жизни бѣше въ колесѣ.“ Слушай Давида: „Гласъ грома твоего въ колесѣ.“ „Судбы Господни истинны, вождѣлѣнны паче злата...“ А кои безъ сего перстня обручаютъ себѣ невѣсты сіи, не родится имъ первенецъ, Богу посвящаемый, потому что нельзя о нихъ сказать сего: „Іосифъ мужъ ея, праведенъ сынъ“, но сіе: „соблуди Ефремъ“.

Памва. О сихъ точно слѣпцахъ, крѣпко приказывается Мойсею: „Да не приступитъ принести жертвъ Богу твоему.“ И о такихъ-то тупооныхъ птичкахъ, говоритъ Осія: „Не возвратишася ко Господу Богу своему, и не взыскаша Его во всѣхъ сихъ, и бѣше Ефремъ яко голубъ безумный, не имущій сердца.“ А въ началѣ левитской книги, послѣ телца и агнца и козла, говорится о птицахъ: „Принесетъ отъ горлицъ, или отъ голубовъ, даръ свой.“ Такъ вотъ безумны голуби! Знай себе.

Другъ. Библия ничего не говоритъ, что-бъ не касалось до человѣка. До безтолковыхъ голубовъ говоритъ Іерем.(ія) вотъ что: „Оста-

вите грады и пребывайте на каменѣ, живущи въ Моавѣ: и будите якоже голуби, гнѣздящися въ каменехъ, во устѣхъ скважни...“ Вотъ каменя, отъ которыхъ пропали старики, влюбившіяся въ Сусанну и изъ коихъ, безмозкую птицу Сомнаса, строителя дому, изгонить Исаія: „Что ты здѣ? И что тебѣ здѣ? Яко истесалъ еси себѣ здѣ гробъ, и тамо умреша.“ Сии-то блудники смятся, непорочную Сусанну, растлить Библию. Прилѣпляются блудницѣ: плѣннены плотію своею, и претворився въ нея, заходятъ во адъ. Къ нимъ у Іереміи: „Бысть ли во что блудъ ея, и оскверни землю, и соблудила есть съ каменемъ и съ древомъ.“ О нихъ приточникъ: „Души мужей, женамъ подобныхъ, взалчуть. Всегда учащеса, но никогдаже научаясь.“ Но они сами виною, не распознавъ въ себѣ языка злаго отъ добраго. Для того тамъ же вкупѣ вышше у приточника: „Устѣи безумнаго, приводятъ его на зло, уста же его дерзостная, призываютъ смерть.“

Антонъ. Но кто есть чистая голубица? Вотъ вамъ одна! „Кто дастъ мнѣ крилѣ яко голубины?“ Выпустите, любезныи други, предъ очи мои, легкопарныхъ и быстрозрачныхъ голубовъ. Докучили уже мнѣ сии Исаины: „Осяжутъ яко слѣпыи, стѣну и яко суще безъ очесъ. Умирающе возстенуть, яко медвѣдь, и яко голубъ вкупѣ пойдуть.“

Квадратъ. Вотъ же тебѣ одна посланница летитъ изъ ковчега! „И возвратися къ нему голубица къ вечеру, и имѣяше сучецъ масличевъ, съ листвіемъ, во устѣхъ своихъ.“

Памва. О блаженныи очи твои! Усмотрѣли сушу, увидѣли землю, износящую быліе травное, сѣющее сѣмя, по роду и по подобію. Кто тебѣ отдѣлялъ отъ воды сушу? Скажи, любезная! Отецъ мой, Ное мой, миръ мой. Я знаю его. Я съ нимъ въ дому его. Я сидѣла въ ковчезѣ не летѣла безъ него въ миръ сей, потопляющій беззаконниковъ, и омывающій грѣхи. Онъ самъ мене послалъ къ морю сему: къ потоку Божія разума, и премудрости Его, къ водамъ священнаго писанія. Послала мене Истина къ Милости, а Миръ къ Правдѣ. Для того-то не пожерла мене какъ протчїихъ, морская глубина. Вотъ! несу вѣтву масличную отгуду, откуда многии погибель, желчь и смерть ³⁶⁵⁾. „Милость и истина срътостѣся“ а по седми дняхъ, изсячетъ вода отъ лица всея земли. „Господня земля, и исполненіе ея“. Въ то время уже не стану крыться въ ковчезѣ, почивая въ томъ, иже есть всяческая во всемъ. „И полещу и почію“.

Другъ. Трудно усмотрѣть сію землю. 12 старшинъ посылаются отъ Мойсея, для того, что-бъ разсудить, что-бъ усмотрѣть, что-бъ заглянуть въ нее: но изъ самыхъ тѣхъ выборныхъ соглядателей, два только годились: Халевъ, да Исусъ, а протчїи, только развратили людей.

365) Въ Кіевскомъ спискѣ здѣсь прибавлено слово: „вынесли“; также и в спискѣ Д. И. Баралѣя.

Одна прозорливая голубица, дражайшій Халевъ, вотъ что сказуетъ: „Земля, юже соглядахомъ, добра есть зъло. Аще любитъ насъ Господь, воведеть насъ въ землю ту“.

Антонъ. Сію блаженную землю что-бъ провидѣтъ, возводитъ Богъ Мойсея на высокую гору. Гора сія, Аваримъ, тожъ значитъ что Пасха. На сей горѣ и Онъ почилъ съ голубицею. „И полещу и почию.“ Но „не отемнѣтъ очи его.“

Квадратъ. Раздѣляется суша отъ воды, раздѣляется Обѣтованная Земля отъ языческія. Тамъ почиваетъ голубица, а въ нагорней землѣ Израиль. О коей: „Преста земля воюема быти“. „Почи земля отъ брани“. Ахъ дражайшая земля! Покою нашъ! Кто намъ возвѣститъ о тебѣ? Гдѣ голубица? Гдѣ соглядатель?

П а м в а. Гдѣ тѣ крылѣ голубины посребренны? Гдѣ красныя ноги на горахъ благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая? Кто намъ покрайней мѣрѣ скажетъ, о той высокой и далекой землѣ, о коей: „Животная твоя живутъ на ней. Боже! вьегда исходити тебѣ предъ людьми твоими“; тогда развѣ за твоимъ предводительствомъ земля потрясется, раздѣлится на двое, усмотримъ сушу. Небеса росу дадутъ, а земля принесетъ плодъ свой.

Другъ. Кто узналъ себе, тому дастъ Глаголь къ благовѣствованію Царь Силъ, тотъ, о коемъ приточникъ: „Царь праведенъ, возвышаетъ землю, мужъ же законопреступникъ, раскопываетъ“. Сію землю коль трудно усмотрѣтъ, послушай Петра: „Таится имъ сіе, хотящимъ знать“. А что такое? Вотъ что! „Небеса быша исперва.“ А еще что? „И земля отъ воды и посредѣ воды, составленна Божиимъ словомъ.“ Одинъ Израиль ея жаждетъ и видитъ. „Якоже душѣ жаждущей студеная вода благоприятна, тако вѣсть благая отъ земли изъ далеча.“

П а м в а. Кто-жъ намъ жажду сію утолитъ? Гдѣ тое око, о коемъ: „видящее око добрая, веселитъ сердце: слава же благая утучняетъ кости?“

Другъ. Вотъ тебѣ летятъ благовѣстники! Слушай Исаи: „Господь Саваоѣвъ заповѣда языку оружеборцу, прійти отъ земли издалеча, отъ края основанія небесе, Господь и оружеборцы Его, растлити всю вселенную.“ О сихъ же поминая, называетъ ихъ птицею. „Вся, елика завѣщахъ, сотворю: призывая отъ востокъ птицу, и отъ земли издалеча...“ Теперь вспомни и тѣ птицы, кои при Аврааму сѣли на раздѣленныхъ напoлы тѣлахъ.

Антонъ. Смотри, Квадратъ! вотъ еще голубъ, Езекиа у Исаи! „Яко ластовица, тако возопію: и яко голубъ, тако поучуся. Ищезостѣ бо очи мои, еже взирати на высоту небесную ко Господу, иже избави мя.“ Весьма согласно съ Давидомъ говорятъ: „Помянухъ лѣта вѣчная, и поучахся.“ „Помяните первая отъ вѣка, яко азъ есмь Богъ, и нѣсть еще развѣ мене: возвѣщаяй первѣе послѣдняя, прежде неже быти имъ, и абіе сбышася.“ Видишь, куда голубиное око смотреть? На надежную

вѣчность. Сюда-то ищезло цѣлое сердце Давидово, ничево тлѣннаго не мыслящее. „Исперва познахъ отъ свидѣній твоихъ, яко вовѣкъ основалъ я еси.“ Вотъ тебѣ и колцо Іудино! Прелюбезной Ѡмарѣ въ залогъ данное, и золотая гривна и жезлъ. Вотъ тебѣ и вѣтвь масличная! „По милости твоей, по судбѣ твоей живи мя.“

К в а д р а т ь. Благодарю за сію пару, за Езекию съ Давидомъ. На-жъ³⁶⁶⁾ тебѣ за нихъ одну голубку, прелюбезную брату своему! Братъ ея, лежавшій до третяго днѣ не въ брюхѣхъ³⁶⁷⁾ китовомъ, но въ каменномъ гробѣ, новый нашъ Іона, сирѣчь голубъ, всемилостивѣйше изволить къ ней говорить: „Ты голубице моя, въ покровѣ каменный, близъ предстѣнія: яви мнѣ зракъ твой, и услышанъ сотвори ми гласъ твой, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой красенъ.“ Покровъ сей каменный, въ которомъ она находится, не думай, что та пещера и ложе аспидское есть, поминаемое Исаею, но другая пещера, по вышше аспидскія. „Отроча младо на пещеры аспидовъ, и на ложе исчадіи аспидскихъ, руку возложить.“ Примѣтъ: „на пещеры“, то-есть, надъ пещеры, повышше пещерь тѣхъ. А то бы и ее Исаія, изъ аспидскихъ ложей выгонялъ такъ, какъ Сомнаса: „Что ты здѣ?“ Или другой бы кромѣ Исаи, молніевидный ангелъ, сказалъ бы ей: „Нѣсть здѣ! воста³⁶⁸⁾!“ Ищи по вышше! На высокихъ бо краехъ есть. Горняя мудрствуй. Зачемъ ползаешь по тлѣнной подлости со змїемъ? Хитра ты, какъ змїй, да не имѣешь чистаго ока голубинаго и непорочнаго. О коемъ Аввакумъ: „Чисто око, еже не видѣти зла, и не взирати на труды болѣзненныя. Трудъ и болѣзнь въ сердцѣ ихъ.“ „Доколѣ положу совѣты въ души моей...“ Но сія добровзорная птичка, въ ту разсѣлину влетѣла: „Положу тя въ разсѣлинѣ камене.“ Тамъ-то сія птица обрѣте себѣ храмину. Сюда, кромѣ Мойсея, вводитъ Богъ и Іезекіиля: „И введе мя къ предвратію двора, и видѣхъ, и се скважня едина въ стѣнѣ. И рече ко мнѣ: сыне человекъ раскопай стѣну; и раскопашъ, и се дверь едина.“ Тутъ-то все его видѣніе, пророчество и премудрость, какъ увидѣлъ скважню, какъ раскопалъ стѣну, которую и Давидъ пролазитъ, да однако жъ за руководствомъ Божиимъ. Такъ и не дивно,³⁶⁹⁾ что не въ стѣнѣ, но близъ предстѣнія находится невѣста. Близъ предстѣнія, но уже за стѣною по ту сторону: миновавъ ее или съ Давидомъ, или, по Израилскому, раздѣливъ съ Авраамомъ: „и сѣде близу ихъ Авраамъ.“

³⁶⁶⁾ Въ списокъ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „на-жъ“, значитса слово „дарую-жъ“.

Прим. ред.

³⁶⁷⁾ Въ списокъ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „въ брюхѣхъ“, значитса „во чревѣ“.

Прим. ред.

³⁶⁸⁾ Въ списокъ Д. И. Багалѣя вмѣсто „воста“ — „востани“. *Прим. ред.*

³⁶⁹⁾ Въ списокъ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „не дивно“ значитса: „не видно“.

Прим. ред.

Антонъ. Ахъ! Сколько ты одолжилъ душу мою сею птицею! Достояна она такого брата, а братъ, такія же сестры. Заплачу жъ тебѣ за нея цѣлымъ стадомъ у Исаи. „Кіи суть, иже яко облацы летять, и яко голубы со птенцы ко мнѣ.“

Квадратъ. Мило мнѣ сіе стадо. Да и самому Господу милы сѣи³⁷⁰⁾ гости. Онъ будто вышелъ на встрѣчу имъ, и отъ радости спрашиваетъ: „Кіи суть?“ И будто тожъ говоритъ къ нимъ, съ простертыми къ обятию руками, что къ невѣстѣ: „Ты голубице моя!“ „Вы други мои! Рабъ не вѣсть, что творить Господь его: ваши же очи блаженны.“ Свѣтлый свѣтлыхъ, голубъ голубовъ, отецъ сыновъ, духъ духа встрѣчаетъ. „Возведи окрестъ очи твои, и виждь собранная чада твоя издалеча.“

Памва. Голубъ Іона, голубъ Исаія, и всѣ прозорливцы пророки. Принеси въ жертву дара, изъ сихъ голубовъ къ Богу твоему. Принеси жъ, [знай], пару. Другой голубъ долженъ въ тебѣ быть, и есть,— только узнай его. Узнай себе.

Другъ. Омывъ посвящаемого за грѣхи агнца, Креститель увидѣлъ Духа Божія, сходяща яко голубя, и грядуща на него. Духъ къ Духу, подобный къ подобному идетъ. Но никогда-бъ сего не было, если-бъ прежде не узнавъ былъ внутрь, гласа глаголющаго: „Сей есть Сынъ мой...“ Начало и конецъ тутъ: знай себе.

Антонъ. „Видѣ Духа Божія, сходяща яко голубя“,—сіе сходно съ тѣмъ: „Слетѣша же птицы на тѣлеса растесанная ихъ.“ Тамъ громъ гласа, а тутъ ужасъ на Авраама.

Квадратъ. Голубъ есть всякъ человекъ. Но долженъ слушать Софоніи: „О свѣтлый и избавленный граде, голубице!“ Но то бѣда, что далѣе говорить: „Не услыша гласа, ни пріять наказанія, и къ Богу своему не приближися.“ Для тогожъ-то самаго и не приближися, что не слушаетъ гласа грома. Знай себе.

Памва. Принесетъ отъ горлицъ, или отъ голубовъ даръ свой. Что за горлицы? На что Богу горлицы? Пускай ихъ охотники и птицеловы ловять! А ты знай себе. Все то до тебе надлежитъ. Ты самъ горлица! „Коль возлюбленна селенія твоя Господи силъ!“ Чувствуешь ли горливое желаніе сея горлицы? „Желаеть и скончавается душа моя...“ Не спать, и воздыхаетъ сія горлица на уединенныхъ вѣтвахъ. „Аще дамъ сонъ очима моима?“ Сонъ есть всяка плотъ. Но ея взоръ острый, презираетъ все тое: не удостоиваетъ смотрѣть, отвращая око отъ суеты. „Что бо мнѣ есть на небеси...“ Ахъ! „Вся удаляющіися отъ тебе, погибнуть.“ „Сердце мое, и плотъ моя, возрадовастася о Бозѣ живѣ.“ Вижу двory твои, и ищезаю по нихъ. Они гнѣздо мое. „Тамо

³⁷⁰⁾ Въ спискѣ Д. И. Багалѣя вмѣсто слова „сѣи“, значитса „такія“.

птицы вогнѣдятся! На краѣ небесе! Вотъ тебѣ горлица! Посвяти ее Господу твоему. Узнай себе!... Тамъ Господь твой! А въ немъ, все.

Другъ. Смотри, Памво! До твоя горлицы летить и моя. „Что украшенны ланиты твоя, яко горлицы?“ Ланиты, сосѣды очамъ. Въ голубиныхъ невѣсты очахъ, живеть проникающая какъ денница, прозорливость, а на ланитахъ, какъ на красныхъ ягодахъ, чистота, вѣрность, ровность, и тое желаніе: „Желанія благочестивыхъ, наслаждаются душу: дѣла же нечестивыхъ, далече отъ разума.“

Антонъ. А Іаковъ, развѣ не горлица? Онъ такъ же поставилъ кущу свою на горѣ, какъ горлица гнѣздо себѣ, и до его такъ же тестъ Лаванъ, вотъ что говорить: „Желаніемъ возжелалъ еси отыйти въ домъ отца твоего.“ „Желаеть и скончается душа моя, во двory Господни.“

Квадратъ. Но что-то за ланиты у горлицы? Ланиты тожъ самое, что лицо, а о лицѣ, слушай приточника: „Лице разумное есть мужа премудра, очи же безумнаго, на концахъ земли.“ Видите, что тутъ очи и лицо: все то одно. Такъ не давно, что и Богу въ даръ приносится, хотъ голубовъ, хотъ пара горлицъ. Голубица, взоромъ проникаеть: горлица, того же жаждою желаетъ. Какъ можно любить, не проникнувъ? Какъ же не любя и проникнуть? Сія то сердечная пара Богу любезная. Она-то прозираеть Божию землю, жаждеть сыскать вѣтву милья любви, и любезныя милости. Голубица ищетъ: „Яви мнѣ зракъ твой“, а горлица жаждеть: „Услышанъ сотвори мнѣ гласъ твой“. Голубица: „Яко образъ твой красенъ.“ Горлица: „Яко гласъ твой сладокъ.“ Та вздоръ простираеть, а сія крила вождельнія, и въ пару сопряжась, одну птицу составляютъ. Тая находитъ вѣтву, на землѣ новой, на мѣстѣ злачнѣ, а сія тамъ же на вѣтвахъ ворчить, въ красное весны время: „Се зима преиде! Дождь отыиде, отыиде себѣ. Собрася вода, яже подъ небесемъ въ собранія своя, и явися суша, отыде себѣ зима, цвѣты явшася на землѣ, время обрѣзанія виноградовъ приспѣ, гласъ горлицы слышанъ въ землѣ нашей...“ Лицо разумное, премудрыя голубицы, усмотрѣло сушу, а ревностная горлица, тожъ обрѣла надежнѣйшее для своихъ птенцовъ мѣсто. И какъ мудрое око тоя, во главѣ ея, въ началѣ ея, въ Господѣ ея, такъ и горличныя птенцы, не на концахъ земли, не здѣсь, не внизу, но тамъ! Высоко, во дворѣ Господнемъ, предъ Господомъ. Тамъ далече, гдѣ города Хевронъ и Давиръ, откуда прилѣтываютъ птицы, откуда низходятъ и восходятъ Ангелы Божіи, гдѣ кроется Давидъ: „Покры мя въ тайнѣ лица своего...“ А дабы кто не помыслилъ, что въ сихъ Господнихъ птицахъ, наружное лицо и взоръ похваляется, пусть слышитъ Сираха: „Сердце чедовѣческое, измѣняетъ лице его на добро“. Сердце чистое раждуетъ голубиное око, и горличный гласъ. Уста безумныхъ, и очи въ таковомъ же ихъ сердцѣ живутъ, сердце же премудрыхъ, корень и глава вѣшностей ихъ.

П а м в а. Чудный образъ, по коему велено приносить въ жертву птицы. Велитъ оторвать голову, и сцѣдить кровь долой. „Да отторгнетъ главу его [голубову], и исцѣдитъ кровь.“ Такъ же велитъ отлучить гортань съ перьямъ, и бросить противъ востока, тамъ, гдѣ пепелъ: „Да отлучить гортань съ перьемъ, и извергнетъ оную отъ алтаря на востокъ, на мѣсто пепела.“ Голуба, не велитъ такъ, какъ скота раздѣлять, а только: „Да изломить его отъ криль, и да не раздѣлить.“ Таковая, де, жертва, воня благовонія Господу.

Вотъ вамъ поварня, и дурачество Божіе!

Къ рукописи „Асхань“.

На 128 стр. въ 251 примѣчаніи напечатано: „Подробнѣй о рукописяхъ „Асхани“ см. нашу замѣтку послѣ текста рукописи“.

Эта замѣтка должна была быть напечатана на 191 стр. По досадному недосмотру съ моей стороны эта замѣтка не была своевременно вверстана въ свое мѣстѣ. Мы напечатали ее на отдѣльной страницѣ и вклеиваемъ здѣсь. 1) Подлинникъ „Асхани“ хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, гдѣ значится по описи: „Вход. № 1488“. (Томъ I). Рукопись эта входитъ въ извѣстное собраніе рукописей Г. С. Сквороды, сдѣланное другомъ его М. И. Ковалинскимъ. Это собраніе было приобрѣтено въ 1875 г. Румянцевскимъ Музеемъ отъ внуки М. И. Ковалинскаго. Всѣ тома переплетены въ красные кожаные переплеты.

Въ оглавленіи перваго тома, гдѣ находится „Асхань“, сказано: „Асхань. При немъ письмо къ другу писанное собственною рукою его.“ Въ первомъ томѣ 59 нумерованныхъ страницъ, 2) Въ Библиотекѣ Московской Духовной Академіи хранится рукопись подъ заглавіемъ: „Сочиненіе Григорія Савича Сквороды. О познаніи самого себя. Симфонія съ симъ стихомъ: „Аще не увѣси самому тебе, се добрая въ женахъ: изыди ты въ пятахъ паствъ и паси козлища твоя у кущей пастырскихъ. (Пѣснь Пѣсней)“. Это и есть копія рукописи „Асхань“.

Далѣе говорится: „Списана подъ-порутчиномъ С. Дятловымъ изъ собственноручнаго его. Сентября 7 дня 1787 года.“ „Препровождена изъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ 31 октября 1839 г. № 220“. На форзацѣ надпись: „Изъ книгъ Федора“ (?) (фамилія неразобрана). На внутренней сторонѣ кожанаго переплета написано: „Въ сей рукописи форзацъ + одинъ нумерованный листъ съ записями + сто пятнадцать (1—115) нумерованныхъ писанныхъ листовъ + форзацъ. Рукопись Библиотеки Московской Духовной Академіи. Шифръ: рукопись фундам. Б—ки № 199 дополнительная. Библиотекаръ Академіи К. Поповъ.“ На форзацѣ помѣтка: „№ 140. Поступила марта 6 дня 1836 г.“. „Г. цензору Перевощикову“. Въ рукописи много цензурныхъ помѣтокъ. 3) Въ Библиотекѣ Кіевской Духовной Академіи находится копія рукописи Г. С. Сквороды, озаглавленная: „Симфонія съ симъ стихомъ: „аще не увѣси самую тебе, о, добрая въ женахъ, изыди ты въ пятахъ паствъ и паси козлища твоя у кущей пастырскихъ“. Это и есть копія рукописи „Асхань“. Она поступила изъ библиотеки С. И. Миропольскаго. Шифра рукописи: „Рук. Муз. 605 № 7“. Въ рукописи: одинъ форзацъ + тридцать двѣ нумерованныхъ страницъ. На форзацѣ надпись: „неизданное сочиненіе“.

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

Бесѣда нареченная двое, о томъ, что блаженнымъ быть легко ³⁷¹).

Персоны: Михаилъ, Данииль, Израиль ³⁷²), Фарра, Наеманъ.

Фарра. О, Наеманъ! Наеманъ! Утѣшь мене другъ мой...

Наеманъ. Кто тебе перепугалъ, брате Фарра? Дерзай! Миръ тебѣ! Не бойся! Конечно, ты сидѣлъ въ соньмищѣ оныхъ: „гробъ отвореть, гортань ихъ...“

Фарра. Тѣ-то сирены наполнили мой слухъ и сердце жалостнымъ и смущеннымъ пѣніемъ.

Михаилъ. Для чего-жъ ты себѣ ушей не закупорилъ воскомъ таеъ, какъ древній Уликсъ?

Фарра. Тайна сія мнѣ неизвѣстна. А знаю, что они мнѣ напѣли много чудесъ, обезкуражившихъ сердце мое. Не чудо ли сіе? Есть, де, во Европѣ нѣкій пророкъ, святой Іеремій. Онъ нашель отъ травъ сокъ, обновляющій ему и друзьямъ его младость, яко орлюю юность. Выслушайте второе чудо. Нѣкій докторъ медицины питался хлѣбомъ точію и водою и жилъ безъ всякихъ болѣзней лѣтъ 300. На вотъ и третее! Нѣкій калмыкъ имѣеть столь быстрыя очи, что яснѣе и далѣе видить нежели кая либо зрительна трубка. Вотъ чемъ мене плѣнили сладкогласны сирены! А мои очи день отъ дня слабѣють.

³⁷¹) Подлинная рукопись хранится въ Рукописномъ Отдѣленіи Румянцевскаго Музея, подъ № 1488, (т. IV). Мы переписали ее, находясь въ тюрьмѣ съ фотографическаго снимка, сдѣланнаго въ Рукописномъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ. Фотографическій снимокъ этотъ въ настоящее время хранится въ Сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ и значится по описи: „Сект. 2489.“ А сдѣланная нами копія съ этого фотографическаго снимка хранится въ томъ же отдѣлѣ и значится по описи: „Сект. 2850.“

Прим. ред.

³⁷²) Въ подлинникѣ написано: „Израиль“, а дальше въ текстѣ вездѣ написано: „Израиль.“ Мы всюду оставляемъ эту послѣднюю транскрипцію.

Прим. ред.

Не чаю прожить ни 20 лѣтъ. Кто же мнѣ и кака страна обновить юность? Вѣкъ мой скончивается...

Михаиль. О, Фарра! Не тужи другъ мой. Мы замажемъ уши твои воскомъ, медомъ и сотомъ: вѣчностью. Съ нами Богъ, разумѣйте, о, невѣжи! И совѣтъ вашъ и слово разорится: яко съ нами Богъ. Услышите! Господа силъ, Того освятите. „Той будетъ тебѣ во освященіи, аще будеши уповая на Него“. А иначе вся ваша крѣпость, о, языцы осязающіе, языцы невѣрующіе! Будетъ вамъ камень претыканія и камень паденія и падежъ сокрушенія. „И сокрушатся и приближатся и яты будутъ челоуѣцы въ твердынь своей суще. „О другъ мой, Израилю! Блаженны есмы, яко Богу угодная, намъ разумна суть.

Израиль. Взглянь на мене, Фарра. Почто ты плѣнился лестнымъ твоихъ сириновъ пѣніемъ? Вотъ влекутъ тебе на камень претыканія и паденія. Почто, забывъ Господа, святишь тое, что нѣсть святое? Той будетъ тебѣ во освященіе, аще будеши уповая на Него. Друзья Іереміины состарѣють паки: безболѣзніе докторово прервется, а очи калмыковы потемнѣють. „Терпящія же Господа, обновлятъ крѣпость, окрылатѣють аки орлы, потекутъ и не утрудятся, пойдутъ и не ввалчуть.“

Даніиль. Слушай Фарра! Разумѣешь ли, что значить: освятить?

Фарра. Ей-ей не разумѣю! Научи мене.

Даніиль. Освятить, значить основать и утвердить. Святое-же значить незыблемое, неподвижное... Когда Исаія вопіеть: „Господа силъ, того освятите!“ тогда значить, что онъ единъ есть святы, сирѣчь камень тверды, чтобъ безопасно основать намъ нашего щастія храмину, а не дерзали бы мы святить ни одной твари, яко клятву и пѣсокъ. „Всяка плоть, сѣно. Глаголь же Божій,—сирѣчь основаніе, сила и духъ,—пребываетъ во вѣки. Адамантъ самъ собою тверды есть, а мы только почитая его таковымъ, дѣлаемъ твердымъ. И сіе то есть: „будетъ тебѣ во освященіе, аще будеши уповая на Него. Сирѣчь: освятить тебе и утвердить щастія твой домикъ вѣчно и неподвижно.—Если, минувъ дрянъ, весь пѣсокъ и сѣно,—почтеть Единого Его святымъ и твердымъ.

Фарра. Ай другъ мой Даніиль! Не худо ты судиль.

Даніиль. Плюнь же, голубчикъ мой, на Веремѣву юность, на докторово тристалѣтіе и на калмыцкія глаза. Истинная дружба, правдивое щастье и прямая юность никогда не обветшаетъ. Ахъ! все то не наше, что насъ оставляетъ. Пускай будетъ при насъ, поколь оставитъ насъ. Но да знаемъ, что все сіе невѣрный намъ другъ. Одинъ умираетъ въ 30, а другой въ 300 лѣтъ. Если умирать есть нещастье, такъ оба бѣдны. Не велика въ томъ отрада тюремнику, что иныхъ въ три часа, а его въ 30 день вытаскать на ешафотъ. Кое же то мнѣ и здравіе, коему концомъ слабость? Кака то мнѣ, младость, раждающая

мнѣ старость? Ахъ! Не называй сладостью, если раждаетъ горестъ. Не дѣлай долгою ничего, что прекращается. Не именууй щастіемъ ничего, что опровергается. Отъ плодовъ и отъ конца его суди всякое дѣло. Не люблю жизни, печатлѣмая смертью, и сама она есть смертъ. Конецъ дѣламъ, будь Судія!

Не то орель, что лѣтаеть,
 Но то, что легко сѣдаеть.
 Не то око, что яснѣеть,
 Но то, что не отемнѣеть.

Вотъ тебѣ прямое око, какъ написано о другѣ божіемъ: „не отемнѣстѣ очи Его, ни истлѣста устнѣ Его“.

Θарра. О, Наеманъ! Наеманъ! утѣшь мене, другъ мой.

Наеманъ. О, любезная душа! Околдунилъ тебе гласъ сладкій, сиренскій, гласъ влекущій лотку твою на камни. Ей! о сихъ то камняхъ гласъ сей Исаи: „приблизятся и сокрушатся и падутъ“. „Наполнятся долове шума и почіють ту сирини. Но не бойся! Гдѣ избавить тебе. Положить тебѣ во основаніе камень многоцѣненъ, краеуголень. „Тогда спасешия и уразумеши, гдѣ еси былъ“.

Θарра. Не дивись сему, что я околдуненъ, а скажи мнѣ, гдѣ не слышится гласъ пустынныхъ сихъ птицъ?

Сирень лестный Окіана!
 Гласомъ его обаянна,
 Вѣдная душа на пути
 Всегда желаетъ уснути
 Не доплывши берега.

Се исполнилось на мнѣ, что я мальчикомъ пѣваль.

Наеманъ. А я тебѣ взаимно отъ той же пѣсни воспую:

Распротрани бодрѣ вѣтрила,
 и ума твоего крыла,
 плывущи на бурномъ морѣ.
 Возведи очеса горѣ,
 да потечеть путь правъ.

Θарра. Протолкуй мнѣ, Наеманъ, что значить Сиринъ? Я слышалъ, что сиринъ значить пустынную птицу.

Наеманъ. Когда не разумѣешь, что есть сиринъ, ниже уразумеешь, что ли есть пустынная птица? Иное разумѣть имя, а иное дѣло, разумѣть то, что именемъ означается. Разумѣешь имя сіе или скажу: звонъ сей—Христосъ. Не дай Богъ, чтобъ ты зналъ, что сіе имя значить?

Фарра. Такъ протолкуй же мнѣ не имя, но дѣло.

Наеманъ. Сиринъ есть сладкорѣчный дуракъ, влекущій тебе къ тому, чтобъ ты основалъ щастіе твое на камни томъ, который не утверждаетъ, но разбиваетъ.

Фарра. Ражжуй какъ можно простѣе и вкуснѣе...

Наеманъ. Столько у васъ славныхъ и почтенныхъ любу мудрцовъ? Всѣ сіи суть сирини. Они-то соблазняютъ въ жизни сей плывущихъ стариковъ и молодцовъ. Взглянь сердечнымъ окомъ на житейское море. Взглянь на претыканіе и паденіе плывущихъ и на вопль ихъ. Одинъ возгнѣздиться хотѣлъ на капиталѣ, какъ нова голубица на холмѣ, и подъ старость сокрушился. Другой на плотоугодіи думалъ создать домъ свой и въ кончину лѣтъ—постыдился. Иной основался на камнѣ милости исполинскія и былъ ему претыканіемъ. Ты думаешь, но и ревнуешь съѣсть, на камень плотскія юности, плотскаго безболѣзнія и плотскихъ очей твоихъ, и се ожидаетъ тебе претыканіе, паденіе и сокрушеніе!

Фарра. Брось людскія бѣшенства, а скажи только, что значить пребываніе сириновъ на морѣ? Зачемъ на водѣ?...

Наеманъ. Затѣмъ что въ суетѣ. Не хотятъ они въ гавань, и въ лоно Авраамле, на матерую и твердую землю со Израилемъ, но съ фараономъ. Вотъ вамъ благолѣпная фигура и преподобный образъ надежды и обманчивости! Гаванью или лономъ образуется упованіе, а моремъ и водою лживость всякія плоти. Во Евангеліи камень и пѣсокъ—есть тоже. На ономъ мудрый, а на семъ домикъ себѣ строить мужъ безпутный. Ковчегъ и потопъ: не тоже-ли? Вода и Елисейское желѣзо не тоже-ли? Сороколѣтняя пустыня и обѣтованная земля: не тоже-ли? Что только переходитъ Израиль—все то море, вода, зыбкость—основаніе и упованіе юродивыхъ мужей, какъ написано: „Рѣка текущая, основаніе ихъ“, „почіють ту сирини“. „Возволнуются и почити не возмогутъ; нѣсть радоватися нечестивымъ.“

Фарра. Ты уже и много насказалъ и завелъ въ любопытность. Такъ скажи же мнѣ: для чего иные толкуютъ, что Исаяны сирини суть то пустынные птицы, а возгнѣздиваются въ пустомъ Вавилонѣ градѣ.

Наеманъ. О, младенецъ съ бабими твоими баснями! Ражжуй только зубомъ мужескимъ, сей часъ по Сампсонову, найдешь въ жесткомъ нѣжное, а въ пустомъ пищу. Пустынные птицы—развѣ то не лжепророки пустое поющіе? Пустый Вавилонъ: развѣ то не сиренскій камень? Не все ли пустое, что суета? И не все ли то вода, что не твердое? Послушай: вотъ птица! „Ефремъ, яко голубъ безумный, не имый сердца.“ Учениковъ сихъ птицъ называетъ Михеа дочерьми сиринскими и точно о Самаріи, кая такихъ птицъ довольно у себе имѣла, вопіетъ: „Сотворить плачь, аки змievъ и рыданіе, аки дочерей сирини-

скихъ. Къ симъ-то безумнымъ птицамъ слѣдующій Божій отзывъ: „приступите ко мнѣ: послушайте мене загублшіи сердце, сущіи далече отъ правды.“ О сихъ же птицахъ нечистыхъ, Осія поетъ вотъ что: „яко же птицы небесныя свергу я... Горе имъ, яко отскочиша отъ мене.“ Учениковъ же ихъ называетъ чадами водъ. „Яко левъ возреветъ Господь и ужаснутся чада водъ.“ Чада водъ и дщери сирийскія—естъ тоже. У Исаи называются отъятыми парящихъ птицъ птенцами. Сіи же сирены называются зміями и гадами.

„Сотворить плачь аки зміевъ...“

„Полижутъ персть аки зміеве...“

„Послю аки гады на землю.“

Зачемъ туда? Затѣмъ, чтобъ вся дни живота своего кущали грязь. Сіи-то суть ангелы лютые, псы, злые дѣлатели, облака бездождные, водные, земные, духа не имуще..

Эарра. Полно! Полно! Поговори еще мнѣ о добрыхъ птицахъ. Я уже и разумю, что конечно не худо поетъ оная птица. „Гласъ горлицы слышанъ въ землѣ нашей.“

Наеманъ. Нѣсколько тебѣ благовѣтствующихъ птицъ выпущу изъ ковчега. Взглянь! „Кіи суть: иже яко облады летятъ? И яко голубы со птенцы ко мнѣ?“ Какъ темна и тонка вода во облацѣхъ воздушныхъ, такъ вода глубока, совѣтъ въ сердцѣ мужей сихъ и ихъ птенцовъ. И какъ голубины очи вышше волнованія сиренскихъ водъ, такъ сердце ихъ вышше всея тлѣни подъялось. Взглянь еще на горній хоръ птицъ прозорливыхъ! „Подяхъ васъ, яко на крилѣхъ орлихъ и приведохъ васъ къ себѣ.“ „Идѣ же трупъ, тамо соберутся орлы.“

Не орель ли то: „ангелъ Господень восхити Филиппа.“

Не орель ли то: „не обрѣтесе Енохъ въ живыхъ.“

Не орель ли то: „взять бысть Иліа вихромъ.“

Вотъ орель парятъ: „Вѣмъ челоуѣка, прошедшаго небеса.“ Вотъ орель: „Вознесу тя Господи, яко подъялъ мя еси.“ Взглянь же на сего любезнаго орла: „видѣхомъ славу Его...“ Куда то они летятъ? Ахъ превзойшли они трупъ и тлѣнь. Устремили взоръ на Того: „Вземлется отъ земли животь Его.“ „Взятся великолѣпіе Его выше небесъ. Ахъ! Взглянь сюда!... Не се-ли оная благовѣстница съ масляною вѣтвою изъ Ноева Ковчега, миръ намъ приносящая летитъ? И летя вотъ что кажется поетъ: дерзайте! Да не смущается сердце ваше потопомъ водъ сирийскихъ! Я вижу холмъ незбылемый: верхи горъ изъ-подъ потоцныхъ волнъ вынимающихъ; провижу весьма изда-леча землю и гавань. Вѣруйте въ Бога: тамъ почіемъ. «Кто дастъ мнѣ криль?»..“ „Очи ваши узрятъ землю издадеча.“ А мнѣ любезна и

горлица сія. Летитъ выспръ поющи: «Вослою ныѣ возлюбленному пѣснь». О, Өарра! Өарра! Чувствуешь ли вкусъ во пророчіихъ музахъ? А иначе—бѣжи и приложися бѣ галатамъ.

Өарра. Вѣришь ли, что для мене пріятнѣ пѣніе сиренское.

Наеманъ. Эй, друже, вѣрю, что больше ея имѣть во умаченіи своемъ лстепъ, нежели въ наказаніи своемъ отепъ и что ложная позолотка есть блистательнѣе паче самаго злата и что Иродова плясавица гораздо красивѣе нежели Захаріина Елисаветъ. Но помни притчу: „не славна изба углами, славна пирогами.“ „Не красна челобитна слогомъ, но закономъ.“ Въ самомъ сладчайшемъ ядѣ—внутренній вредъ уничтожаетъ сладость. Предревняя есть притча сія:

„Απλός ό μύθος τής ἀληθείας.“

У истины простая рѣчь.

Инако поютъ въ костелѣ, а инако на маскарадѣ. Смѣшонъ кто ищетъ прасныхъ словъ въ томъ, кого спрашиваетъ о дорогѣ и кто лакируетъ чистое золото. На что пророчіимъ пѣснямъ блядословіе? Пусть покрывается имъ сиренская лжа! А то, что они поютъ во фигурахъ—фигуры суть мѣшечки на золото и шелуха для зерна Божія. Сіе то есть иносказаніе и истинная оная *κοίτης* сирѣчь твореніе: положить въ плотскую пустошь злато Божіе и здѣлать духомъ изъ плоти авось либо кто догадливъ, найдетъ въ коробочкѣ прекрасное отроча еврейское, взятаго вышше водъ сиренскихъ человекъ. „Творяй ангелы своя духи (духами).“ Вотъ истинные пѣнты, сирѣчь творцы и пророки и сихъ-то писанія любилъ читать возлюбленный Давидъ. „Въ твореніихъ руку твоею поучахся.“

Өарра. Однакъ мнѣ пріятны и ковчеговы птички. Мудренъко поють. Выпусти еще хоть одну.

Михаиль. Я тебѣ выпущу: обратись сюда, Өарра! Возведи, очеса. „Яко ластовица тако возопію, и яко голубъ тако поучуся.“

Өарра. Кой вздоръ? Громкія ластовицы, въ коихъ странахъ родятся? А у насъ они тоже, что свершки. Голубъ глупе курицы, какъ можетъ любомудрствовать? Видишь-ли, коль стропотныя музы пророческія? Вотъ какихъ птицъ собралъ въ свой ковчегъ Ной! А мои сирены нѣжно, сладко, ясно, громко и самыми преславными модными словушками воспѣвають. Самыя морскія волны, кажется, что отъ ихъ пѣнія поднимаются и пляшутъ, будто отъ Орфеевой псалтыри и нѣтъ толь глупаго скота и звѣря, даже и самаго нечувственаго пня и холма, чтобъ ихъ не разумѣлъ, чтобъ не скакалъ и съ воскликновеніемъ не восплескалъ въ длани и не дивно, что вселенную влекутъ за собою.

Михаиль. Не бойся, Өарра. Израиль видитъ двое. А сіе то есть жевль и власть Ему здѣлать изъ яда ядъ, изъ смерти жизнь,

изъ обуяности вкусъ, а изъ стропотнаго гладкое, и ничесо же Его вредить. Онъ сеетъ камень, переходитъ море, вземлетъ змія, и пьетъ мёрру въ сладость. Его желудокъ все варить въ пользу, а зубы все стираютъ и вся поспѣшествуютъ во благое. Слушай Израиль! Раскуси ему Езекиину мысль. Испій стропотну сію рѣчь такъ, какъ написано о тебѣ: „Отъ потока на пути пьетъ...“ О, Израилю! Преходь потокъ, исходи на второе, сіе есть твое.

Израиль. „Господь даде мнѣ языкъ...“ Ластовица и голубь—значить Израилья. Взглянь, Фарра, на стѣну и скажи, что ли видишь? Взглянь сюда!

Фарра. Вижу картинку, гдѣ написана птичка, полнявшаяся изъ морскаго берега и летящая на другой невидный берегъ.

Израиль. Сія есть израильская картина, нареченна Символь. Ластовица, убѣгая зимы, летитъ чрезъ море отъ сѣвернаго берега на южный, и летя вопіеть: „нѣсть мнѣ мира здѣ.“ Въ сей-то символъ ударяетъ Езекиина сердца лучъ сей: „яко ластовица, тако возопію.“ Израиль вездѣ видитъ двое. Ластовицу осязаетъ, а чрезъ нея будто чрезъ примѣту, ведущую къ мѣти, провидитъ духомъ чистое, свѣтлое и божественное сердце, возлѣтающее вышше непостоянныхъ водъ, къ матерой и теплой тверди. Сіе-то есть стоять на стражѣ со Аввакумомъ, возводитъ очи и быть обсерваторомъ на Сионѣ. Необрѣзанный же сердцемъ видитъ одни примѣты безъ мѣты. Взглянь, Фарра, и на сей символъ. Видишь окрылатѣвшую дѣву, простершую руки и крила и хотящую летѣть чрезъ пучину морскую къ выникающимъ издалеча холмамъ. А любезный ея надъ холмами изъ облака взаимно къ ней летитъ уже: простирая къ объятію руки своя. Здѣсь видишь и плавающій Ковчегъ. Сія есть чистая жена, о коей написано: „Даны быша женѣ два крила Орла великаго.“ Блаженныя сея жены, потокомъ блевотинъ своихъ не могъ потопить змій седмглавный. Она-то вопіеть: „кто дастъ мнѣ крилѣ“... Вотъ тебѣ ластовица! „Яко ластовица, тако возопію...“ Не въ силѣ величій, ни въ крѣпости гласъ ея, но въ душѣ моемъ,—глаголетъ Господь Вседержитель. „Радуйся зѣло дщи Сиона, проповѣдуй дщи Иерелимля.“ Не ластовица ли Павелъ, проповѣдующій не въ мудрости слова и мірскаго витыѣства и сиренскаго блядословія, но въ наученіи и силѣ духа святого? А когда ластовица кричитъ, что для нея сѣверный берегъ опасенъ и что узнала она надежный южный берегъ, такъ не двое-ли она видитъ? И не тоже-ли намъ благовѣстити: „вѣмъ человѣка, о семъ похваляюся?“ Не тоже-ли, что Давидъ: „и пошещу и почию?“ Не тоже-ли, что ангелъ: „се благовѣствую вамъ радость велию?“ „Нѣсть здѣ...“ „Тамо Его узрите...“ „Нѣсть мнѣ мира здѣ.“ Самъ Езекиа, сказавъ: яко ластовица и протчая, вплошь придаетъ сіе: „Ишесозѣ бо очи мои.“ Сирѣчь, престалъ я то видѣть, что прежде видѣлъ. Я видѣлъ одну воду, одну

плоть и кровь, и одну пустошь и суету, и сіе есть одно, и сѣе ничтоже, посему я и сплѣнъ былъ, видѣвшій то, что ничтоже и одна точію тѣнь есть. Нынѣ же глупое око мое ищезло и преобразилось во око вѣры, видащія въ тѣлшкѣ мсемъ обонъ-поль непостоянныя плоти и крови, твердь и высоту Господа моего, Духа Божія, содержащаго свою горстію прахъ мой, и сіе есть второе и надежное,—вторый челоуѣкъ—Господь мой. „Иже избави мя и отъяз болѣзнь души моя.“ Отселѣ всѣ воскресшіи возблагодаряютъ тя, и я ожившій, „яко ластовица, тако возопію, и яко Павель, тако поучуся.“ Отъ днесъ бо дѣти сотворю, яже возвѣстятъ правду твою...“ „Отъ нынѣ ви единого вѣмы по плоти. Аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ“.

Посмотри же, Фарра, и на другой символъ въ центрѣ коего ударяетъ сія жъ Езекина рѣчь. Ваглянь сюда!

Фарра. Вижу. На самомъ верхѣ камня, въ срединѣ моря стоящаго, стоитъ кая-то птичка. Камень схожъ на сиренскій.

Израиль. Какъ ему быть сиренскимъ, когда гласъ символовъ таковъ:

„In constantia quiesco“, сирѣчь:

„На незыблемости почиваю“.

Кая вѣрность на сиренскомъ, волнами покрываемомъ? Сей есть каменный Холмъ вѣчнаго, выникшій изъ-подъ вселенскаго потопа, на коемъ упокоился Ноевъ Голубъ, съ такимъ благовѣстіемъ:

Inveni portum Jesum. Caro, Munde, valete.

Sat me jactâstis. Nunc mihi certa quies, сирѣчь:

Прощай стихійный потопъ!

Я почію на холмахъ вѣчнаго,

Обрѣтши вѣтву блаженства.

Вотъ тебѣ Ноевъ голубъ! Послушай гласа его:

„Лѣта вѣчная помянухъ и поучахся“. „Постави на камени нозимой“.

„На камень вознеслъ мя еси“. „Господь утвержденіе мое и камень мой“.

Вотъ еще голубъ! „Со усердіемъ гоню, къ намѣренному теку“. Аще како достигну во воскресеніе мертвыхъ. „Разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ“. Пожалуй посмотри мнѣ и на сына Іонина, сирѣчь голубивина. „Блаженъ еси, Симоне, сыне Іонинъ. Яко плоть и кровь не яви тебѣ (мене), но Отецъ мой, иже на небесѣхъ... Ты еси Камень, (Кифа) и на семь камней утвержу всю церковь мою...“

Слыхалъ ли ты о Даниловомъ Каменѣ? Се онъ есть. Слышалъ ли замокъ апокалиптичный? Се онъ есть. Слышалъ ли рай? Вотъ онъ тебѣ! Слыхалъ ли о землѣ дивной, что отъ воды и посредѣ воды? Вотъ же тебѣ обѣтованная земля! Вспомни евангельскій мар-

гарить. Вспомни обрѣтенную драхму. Вспомни освобожденіе, исцѣленіе, воскресеніе, и протч. и протч. и протч. Все сіе и всѣ пророческія музы, какъ праволучныя стрѣлы молніины, въ сей святой и единъ камонъ ударяя, путеводствуютъ. Видишь, Фарра, въ кую гавань доплыла рѣчь Езекиина! Не дерзай же хулить птицъ Ноевыхъ. Они поютъ тихо, но гласъ тонокъ ихъ, остръ и высокъ. А сирены, какъ лебеди, возносятся громко крикъ, но по пословицѣ: „высоко полетѣла, да не далеко сѣла“.

Фарра. Право я влюбился въ ваши птички. Ковчегъ вашъ подобенъ Троянскому Коню. Выпустите мнѣ еще хоть одну. Люблю, что поютъ двое. Одно во уши, другое въ разумъ, какъ написано: „двое сія слышахъ“. Теперь вижу, что не пустая древняя оная притча: „глушь кто двое нащитать не умѣетъ“. Видѣтъ кошелекъ, не зная, что въ кошелкѣ, сіе есть видящи не видѣтъ. Видно нужно вездѣ видѣтъ ДВОЕ. Видѣтъ болванъ,—не зная, что въ болванѣ, есть не зная себе. Сирены поютъ воду, а ваши птицы воду и гавань. Вода есть кошелекъ, а гавань, есть имперіаль. Тѣло есть вода и кожа, въ которую одѣтъ истинный нашъ Адамъ.

Даніилъ. О, Фарра! началъ ты издавать благоуханіе. „Сотъ искапаютъ, устнѣ твои, невѣсто“. Вотъ сей-то Сотъ закупорить тебѣ уши противу сиренъ.

Фарра. Выпусти, Даніилъ, еще хоть одну мнѣ райскую птицу.

Даніилъ. Изволь! Еще ты такой не видалъ. Лови ее! „Еродій на небеси позна время свое“.

Фарра. Дичину ты выпустилъ. Я и имя ея въ первое слышу. Скажи мнѣ, кой сей родъ есть птицы Еродій?

Даніилъ. У древнихъ славянъ она Еродій; у еллиновъ—Пеларгось, у римлянъ—Киконія; у поляковъ—Боцянь; у малороссіянъ—Гайстеръ,—схожа на журавля. Еродій ^{373а)} значитъ боголюбный, если слово еллинское. Но что въ томъ нужды? Брось тѣнь, снѣши ко Истинѣ. Оставь физическія сказки беззубымъ младенцамъ. Все то бабѣ, и баснь и пустошь, что не ведетъ къ гавани. Сѣки скорѣе всю плоть по израилски. Сержусь, что медлишь на скорлупѣ. Сокрушай и выдырай зерно силы Божія. Еродій знаменуетъ вѣру во Христа, а яснѣе сказать израильское око, видящее двое,—вотъ тебѣ Гайстеръ. Будь здоровъ съ нимъ! Съ небесе крастель...

Фарра. Конечно жъ есть причина для чего взять онъ во образъ сей.

Даніилъ. Конечно, тройкая вина сему есть. 1-я) что гнѣздится на кирахъ; 2-я) что снѣдаетъ змій; 3-я) что въ старости родителей кор-

^{373а)} *Ἐρος значитъ желаніе. Римски—купидонъ. Ζεὺς, Jupiter или Дій. Отсюда Еродій, тоже что Филоеей.

Прим. Г. С. Сковороды.

жить, хранить и носить. Кирка, значить дворъ Божій. „Коль возлюбл. (оны) селенія твоя...“ „Птица обрѣте себѣ храмину...“ „Тамо птицы возгнѣзд. (ятся)“. Еродіево жилище предводительствуетъ. Еродій всегда на вышшихъ мѣстахъ, на шпичахъ и на куполахъ гнѣздится, будто предводитель протчимъ птицамъ. „Блаженны живущи въ Дому твоёмъ“. Вотъ тебѣ Еродій! „Едино просихъ отъ Господа и протч.“ Вотъ Еродій! „Обрѣте его Иисусъ въ церкви“. А сіи тебѣ развѣ не предводительствующие суть Еродіи? „Взыдоша на горницу, идѣже бяху пребывающе Петръ же и Іяковъ, и Іоаннъ, и протчіе единодушно вкупѣ. И бысть внезапно съ небесе шумъ... и исполнишася вси Духа свята и начаша глаголати иными языки...“ Вотъ что въ сей птицѣ великое! „Позна время свое“. Видно, что она познала двое—время и время. О, кто сей прекрасный Еродій есть!—послушай его. „Се зима преиде, дождь (потопъ) отъиде, отъиде себѣ, цвѣты явишася на землѣ и протч.“ Видишь-ли? Что знаютъ? И куда летятъ Ноевы птицы? Ко Авраамлю заливу и къ гавани оной; „Господь посетъ мя“...

На вотъ тебѣ стадо и безтолковыхъ Гайстровъ: „лице небесе умѣете разсуждати“, „Горе вамъ, смѣющимся нынѣ!“

Фарра. А почему ты ихъ назвалъ безтолковыми? Вить ихъ за прогностики Христосъ не осуждаетъ.

Даніилъ. Они чрезъ солнце разумѣютъ разумно непогоды, но не прозорливы узрѣть второе время, сирѣчь царствіе Божіе. Надобно знать съ Даніиломъ время одно и время второе. Изъ сихъ полувременъ все составлено. „И бысть вечеръ, и бысть утро—день одинъ“. Одно время есть плакать, а второе время смѣяться. Кто одно знаетъ, а не двое, тотъ одно бѣду знаетъ. Вотъ еще бѣдныя Гайстри! „Взалчутъ на вечеръ...“ „Возволнуются и почити не возмогутъ“. О безумно возгнѣздившихся сихъ гайстрахъ можно сказать:

„Ихъ твердь—одна вода,
Въ срединѣ ихъ—бѣда.“

Смѣяться нынѣ и веселиться здѣ, значить не видать ничего, кромѣ тмы и стихійныя сѣни. „Горе вамъ, смѣющимся нынѣ. И когда Петръ сказалъ: „добро намъ здѣ быти“, тогда вдругъ обличенъ: „не вѣдый, еже глаголаше.“ Онъ раздѣлялъ Мойсея отъ Іліи, Ілію отъ Христа, не познавъ еще истиннаго человѣка, кромѣ человѣчія плоти или стѣни. А когда проснулся, тогда здѣлался мудрымъ Еродіемъ и познавъ двое, позналъ истиннаго, сверхъ человѣчія сѣни, человѣка, который есть единъ во всѣхъ и всегда. „Убуждшеса видѣша славу Его“; „Обрѣтесе Иисусъ единъ“. „Иже есть всяческая во всемъ“. Простый Еродій на одномъ небеси видитъ двойное время: стужу и теплоту, зиму и весну, покой и досаду, а тайный Еродій, сирѣчь Израиль, сверхъ стихій и сверхъ самаго тонкаго воздуха, видитъ

тончайшее второе естество и тамо сей Еродій гнѣздится. „Что мнѣ есть на небеси? И отъ тебѣ что восх. [очу] на землѣ?“ Сіе второе естество, аще въ стихіяхъ? или кромѣ стихій? Богъ вѣсть. Однакъ Израиль позналъ оное.

Фарра. О, Даніиль! Ей понравились мнѣ твои Гайстры. Выпусти ещѣ хоть одного.

Даніиль. Развѣ и тебѣ хочется быть Гайстромъ?

Фарра. Велии хочется, но да не безтолковымъ же.

Даніиль. И мудрый часто претыкается. „Толико время съ вами есмь, и не позналъ еси мене, Филиппе? „Не можеши нынѣ по мнѣ ити“. „Отвержешися мене трици“. Дай Богъ, чтобѣ ты былъ въ ливѣ сихъ Гайстровъ: „сей есть животь вѣчный, да знаютъ Тебе, и Его же послалъ еси...“ Вотъ предводитель и царь ихъ! Послушай Его. „Духъ Господень на мнѣ...“ „Нарещи лѣто Господне пріятно и день...“ Вотъ и сей не послѣдній! „Се нынѣ время благопріятно! Се нынѣ день спасенія! Вотъ коль нужно слово сіе! Губѣ Катрѣв. Nosse Tempus. Познай время. „Еродій позна время свое—горлица и ластовица... О, Еродіево жилище! Блаженно еси! Не то ли оно? „По землѣ ходяще, обращеніе имама на небесѣхъ. „Праведныхъ души въ рудѣ Божіей...“ „Боже сердца моего! Душа моя въ руку твою.“ „Подъ сѣнь Его возжелахъ и сѣдохъ...“ „Авраамъ радъ бы видѣть день мой, и видѣ и возрадовася“. Онѣма же отверзостѣся очи, и познаста Его, и той не видимъ бысть има“. Да избавитъ же тебе Господь отъ тѣхъ юродовъ!

„Еродіа позна время свое: горлица и ластовица... Людје же мои сіи не познаша судебъ Господнихъ“. „Возлюбиша паче славу человеческую, неже славу Божію“. „Ослѣпи очи ихъ, да не видятъ, ни разумѣютъ, вопіетъ Исаіа, увидѣвъ славу Христа Господня. А они хвалятся: „Да ямы и піемъ! Утрѣ бо умремъ“. Умирайте! Умирайте! Яко нѣсть ваше разумѣти двое. Видите, о ночные враны, одинъ только днешній вечеръ, одну только воду со сиренами. Сія-то мрачная слава, ослѣпила вамъ очи, да не видите утреннія оныя Славы: „Востани слава моя! Востану рано“. Для чего вы, о звѣри дубравныя, въ ложахъ своихъ легли, не дождавъ блаженнаго онаго втораго дня: „во утрій же видѣ Іоаннь Іисуса. Се агнецъ Божій! Сей есть—о немже азъ рѣхъ“. Вы есте тма міру и волки не отъ числа оныхъ. „Веніаминъ волкъ хищникъ, рано ясть еще... но въ вечеръ глотающіе все безъ останка на утро, да „останки нечестивыхъ погреблятсѣ“.

Фарра. Я вовся не разумѣю, что значить останокъ...

Даніиль. О, дряхлый и косный Клеопо! Останокъ есть тоже, что барышъ, ростъ, приложеніе, прилагаемое прекраснымъ Іосифомъ въ пустое врежище Веніаминово. И сего ли не разумѣешь? Не приложатся жѣ тебѣ лѣта живота...

Θαρρα. О, нынѣ разумѣю, и приложатся мнѣ, яко Езекии.

Даніиль. Останокъ есть лѣто Господне пріятное (Jubilaeus annus), День воздаянія, весна Вѣчности, таящаяся подъ нашимъ сокрушеніемъ, будто золото въ сумѣхъ Веніаминовыхъ, и воздающія Израилеви вмѣсто мѣди—золото; вмѣсто желѣза—сребро; вмѣсто дровъ—мѣдъ; вмѣсто каменія—желѣзо; вмѣсто пѣсочнаго фундамента—Алмазъ, Сапфиръ и Анфраксъ... Чолѣ ли ты во притчахъ: „Испѣленіе плотемъ и приложение костемъ“. Плоть брeнная твоя есть-то здѣшній міръ и днешній вечеръ и пѣсочный грунтъ и море Сиренское и камни претыканія. Но тамже за твоею плотію, до твоей же плоти, совокупилась гавань и лоно Авраамле: земля посреде воды, словомъ Божиимъ держама, если ты не ночный еси, но излетѣвшій изъ ковра чегарань, если ты ластовица, или голубица, узнавшая себе, сирѣчь видящая двое: міръ и Міръ; тѣло и Тѣло; человекъ и Человѣкъ,—двое въ одномъ и одно во двоихъ, нераздѣлно и не слитно же. Будь то Яблонь, и тѣнь ея, древо живое, и древо мертвое; лукавое и доброе; лжа и истина; грѣхъ и разрѣшеніе. Кратко сказать: все что осязаешь въ наружности твоей, еще вѣруши, все тое имѣешь во славѣ и въ тайности Истое, твоею-жъ вѣшностію свидѣтельствуемое, душевнымъ тѣломъ духовное. Изъ сей-то центръ ударяетъ лучъ, сердца напереникова. „Всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Иисуса Христа, во плоти пришедша (плоти приложившагося) отъ Бога есть“. „Вѣмы же, яко егда явится, подобны ему будемъ, ибо узримъ Его, яко же есть. И всякъ имѣяй надежду сію на Него, очищаетъ себе, якоже Онъ чистъ есть“.

Вотъ тебѣ Останокъ! Вотъ приложение костемъ твоимъ! Все тебе оставитъ, а сей останокъ никогда. „Вся переходятъ, любви же ни“. „Господа силъ, того освятите...“ Нынѣ разумѣши ли Надежду твою и лжу сиренскую? Вотъ тебѣ вмѣсто тристалѣтня, вѣчная память и юность. Будь здоровъ! „Въ память вѣчную пребудетъ праведникъ“. Отъ шума сиренскихъ водъ не убоится. Сей есть животь вѣчный. Нынѣ „обновится яко орляя, юность твоя. Но не тѣхъ орловъ, что паки старѣютъ и умираютъ, но оныхъ, кои въ познаніи самаго себе велми высоко вознеслися—выше всѣхъ стихій и выше самаго здѣшняго солнца, яко и оно есть суета-же и ветошь, ко оному пресвѣтлѣйшему моему Солнышку. „Ты же тойжде еси...“ „Одѣяйся свѣтомъ солнечнымъ, яко ривою“; глаголай къ намъ сія: „подъяхъ васъ, яко на крилѣхъ орлихъ, и приведохъ васъ къ себѣ. И видѣхомъ въ трупѣ нашемъ славу Его, во лѣвѣ семъ, сотъ вѣчности Его, во тмѣ сей свѣтъ невечерній Его, въ водѣ сей нашей твердъ гавани Его. Трупъ есть всякъ брeнный человекъ и Библия есть человекъ и трупъ. Найшовъ въ нашемъ трупѣ свѣтъ и сотъ, находимъ послѣ того сію жъ пищу и въ Библии, да исполнится сіе: „Иде же трупъ,

тамо соберутся орлы“. Высоку сей труппъ общаетъ трапезу, высоко и мы возлетѣли, гдѣ царствуетъ вѣчная сладость и вѣчная юность.

Врата Господня,

въ новую страну, въ предѣлы вѣчности.

Тамъ испытасемъ: легко ли быть блаженнымъ?

Фарра. Тфу!.. Оправдилась притча, на конѣ ѣзда, коня ищетъ. Я думалъ, что вельми трудно быть блаженнымъ... По землѣ, по морю, по горнихъ и преисподнихъ шатался за щастіемъ. А оно у мене за пазухою... Дома... Древняя притча: „Ita fugias, ut ne praeter casam“. „Отъ лиха убѣгай, да хаты не минай“.

Наеманъ. О, Фарра! Не только дома, но въ сердцѣ твоемъ и въ душѣ твоей царствіе Божіе и глаголь Его. Сей есть камень, а прочее все тлѣнь, ложь, лука... „Вся преходять...“ Но кто тебѣ насѣялъ лукавое сѣмя сіе, будто трудно быть блаженнымъ? Не враги ли Сирены? О глаголь потопный и языкъ льстивый!

Фарра. Ей ей! Они. Отъ ихъ-то гортани гласъ сей: „Халепѣ тѣ какѣ“. Тѣ *Kállος χαλεπὸν ἐστί*. Трудна доброта...

Наеманъ. О да прилипнетъ языкъ ихъ къ гортанѣ ихъ! „Нѣмы да будутъ устнѣ льстивыя!“ Изблуй онаго духа лжи вонъ. А положи въ сердцѣ сей многоцѣнный во основаніе камень: „Халепѣ тѣ какѣ“. Трудно быть злымъ. Что можетъ обезкуражить и потопить сладко-теплый Огнь параклитовъ, если не оная змійна, сиренская блевотина? Отсюда-то въ душѣ мразь и скрежетъ, косность и уныніе во обрѣтеніи Царствія Божія. Отсюда ни теплъ еси, ни хладенъ, имамъ тя изблевати... О, гряди Господи Іисусе! Ей, гряду скоро, аминь... Нынѣ не обынуся сказую: се Господь мой пришелъ! Се солнце возсіяло и новая Весна! Да расточатся и ижденутся со блевотинами своими души нечестивыхъ. отъ предѣловъ Весны вѣчныя! Не входитъ туда неправда. Намъ же даны ключи: „Халепѣ тѣ какѣ“. Не тмами ли темъ тяжелѣе олова беззаконіе? Что же ли есть легчае любви Божія? „Крила ея, крила огня“. Напиши красками на ногтѣ алмазномъ славу сію: „Сродное, нужное, латвое, есть тоже“. Что же есть нужнѣе царствія Божія? Въ запутанныхъ думахъ и въ затмѣнныхъ рѣчахъ, гнѣздится лжа и притворь, а въ трудныхъ дѣлахъ водворяется обманъ и суета. Но латвость въ нужности, а нужность въ сродности, сродность же обитаетъ въ Царствіи Божія. Что нужнѣе для душевнаго человѣка, какъ дыханіе? И се вездѣ туне воздухъ! Что потребнѣе для духовнаго, какъ Богъ? И се вся исполняетъ! Аще же что кому не удобное—напиши, что не надобное. О, глубина премудрѣя благи! сотвориши нужное не труднымъ, а трудное не нужнымъ. Тако мой Господь сказа

мнѣ: духъ сладкій, духъ мирный, духъ пророческій и не печатлѣю словесъ, да оправдится премудрость Его отъ чадъ Его.

Израиль. О, Наеманъ! Наеманъ! Дышешь духомъ Параклитовымъ, съ высоты силою Его облеченный. И что есть Духъ Утѣшитель, если не чистое сердце, отъ мрака грѣховнаго воззванное? Аки въ солнцѣ Солнушко, зѣница его, во вкусъ и прозорливость сіяющее. Сей есть живой Силоамъ и родная Софіа, видящая двое и глаголющая странное.

Наеманъ. Тѣмже, о, Израилю, идуще новымъ святаго духа путемъ: ищите и обрящите. Се вся полезная суть возможна, и возможная—полезна.

Фарра. Мнѣ бы хотѣлось быть онымъ папою и сочетать во одной ипостаси первосвященство и царство.

Михайль. О, славолюбный Зара! Куда тебе духъ воскресяетъ? Но притомъ приснопамятно будь сіе: „кто яко Богъ?“

Фарра. Развѣ же Богъ не хочетъ, чтобъ мы были Богомъ?

Михайль. О, Фарра! Что радостиѣ святому Духу, какъ тое, чтобъ намъ всѣмъ стать Богомъ?

Фарра. О, Михайль! Се ты странное воспѣлъ!

Михайль. Если оно святому Духу пріятное, тогда во истину странное и преславное. Онъ единъ есть любопытная оселка, показующая чистое золото, нареченна римски—Index. И въ сію-то мѣть ударяетъ сіе Павлово слово: „Докимазете панта...“ „Вся испытайте, благая же приѣмлите.“ Аще же гнушается онъ и голубъ, тогда оно бываетъ мірское, модное, и въ такомъ смыслѣ общее, въ какомъ разумѣетъ Петръ святыи, глаголя сіе: „Господи, николи-же ядохъ скверно.“ Скверно,—въ римскомъ же лежитъ—сomphine; еллински—κοινόη, —разумѣи соепш, сирѣчь—блато, грязь, мерзкое, мірское...

Фарра. Вить же славы искать духъ святыи не запрещаеть?

Михайль. „Слава въ студѣ ихъ...“ Видишь, что студная слава запрещається. За добрую же славу лучше желаетъ Павелъ умрѣть, нежели ее испразнить. Она слава, есть тѣнь, а сія финиксъ. Оную хватають псы на водѣ сиренской, сію же приѣмлють чада Божія, во Авраамлей гавани. Суетна слава, тщетная прибыль, сласть ядовита, се три суть, суть адскія горячки и ехиднины дщери, нечестивому сердцу во опаленіе. Но сущая слава, истинная прибыль, сласть не притворна—се сіе суть Духа святаго невѣсты, во объятіяхъ своихъ, чистую душу услаждающія.

Фарра. Угадалъ ли я, что по правилу Израилскому пустая слава есть труднѣе истинныя?

Михайль. Тфу! Какъ же не труднѣе псу схватить тѣнь, нежели истинный кусъ? Вотъ предъ тобою яблонь! Схвати мнѣ и подай тѣнь. Но самое тѣло ея вдругъ обнять можешь.

Фарра. Не только, но и плодъ сорву. Се тебѣ съ нея прекрасное яблоко! Благовонное! Дарю тебѣ. Въ немъ обрящешь столько яблочныхъ вертоградовъ, сколько во Все-вселеннѣй коперниканскихъ міровъ. Вотъ тебѣ отъ мене награда! За твое доброе слово.

Михаиль. Если бы ты мнѣ Все-вселенну дарилъ по плоти, я бы отказался. И малыя сторонки моей матери Малороссіи и одной ея горы не взялъ бы. Гдѣ мнѣ ее дѣвать? Тѣлишко мое есть маленькая кучка, но и та мнѣ скучна. Что есть плоть, если не гора? Что гора, если не горестъ? „Кто, яко Богъ?“ Что сладчае и легчае и вмѣстѣе, какъ Духъ? Сердце мое вкушаетъ Его безъ грусти, пьетъ безъ омерзѣнія, вмѣщаетъ безъ труда, носитъ безъ досады. Душа моя въ Духа, а Духъ въ сердце мое преобразился. Боже сердца моего! О часть Моя все-сладчайшая! Ты единъ мнѣ явилъ двое: сѣнь и безвѣстную тайну. Ты еси тайна моя, вся же плоть есть сѣнь и закровь твой. Всяка плоть есть риза твоя, сѣно и пепель; ты же тѣло, зерно, оиміамъ, стагги и касіа, пречистый, нетлѣнный, вѣчный. Все тебѣ подобно и ты всему, но ничто же есть тобою, и ты ничемъже, кромѣ тебе. Ничтоже, якоже Ты. „Кто, яко Богъ?“ О, Фарра! Что плачешь? Чего ищешь въ папствѣ? Духа? Или плоти? Духъ сего Христа Божія вдругъ, какъ молнію, пріять можешь. Но престолы, палаты, колесницы, серебро и злато... все сіе есть плоть, гора, трудъ и горестъ. Не прикасайся сему. Восходящее, высокое въ немъ и божественное: оное да будетъ твое. Сіе-то есть истинное единство, и тождество, и легкость, и нужность, быть причастникомъ не плоти, но духа. Протчее же все, есть тѣнь, вода и бѣда... Хочешь ли быть Христомъ? Къ чему-жь тебѣ, свышше сотканъ Его кафтанъ? Къ чему плоть Его? Имѣешь собственную. Возми ты отъ странника сего то, что самъ тебѣ подносить. Вотъ Оно! „Дуну—примите духъ святъ.“ Симъ образомъ будешь едино и тожде съ нимъ, якоже онъ со Отцемъ твоимъ. Не уже ли ты кафтанъ и плоть дѣлаешь Христомъ? И хватая на потокѣ тѣнь, умножаешь число не чады Божіихъ, но оныхъ псовъ. „Отъяти хлѣбъ чадомъ и повреци псомъ.“ Ахъ! блюдишь отъ сихъ псовъ, отъ злыхъ дѣлателей. Не дѣлай благимъ зла, а плоти Богомъ. Уклонися отъ зла и сотвори благо и будешь въ числѣ чады оныхъ. „Елицы же пріаши Его, даде имъ область чады Б. В...“ Хочешь ли быть царемъ? На что-жь тебѣ елей, вѣнецъ, скиптръ, гвардіа? Сія есть тѣнь и маска. Достань же себѣ свышше сердце царское. Симъ образомъ будешь едино съ Царемъ твоимъ. Духъ правды, онъ-то есть сердце царево. Правда утверждаетъ престолы сильныхъ и обладаетъ народами. И что сильнѣе ея? Кто, яко правда? Сей есть истинный Царь и Господь—твердь и крѣпость, елей и милость. Сей духъ да царствуетъ въ тебѣ! И милостію Вышняго не подвижися. На вотъ тебѣ царя безъ маски! „Царь уповаеть на Господа.“ „Помази насъ Богъ духомъ“.

„Духъ Господень на мнѣ“. Хочешь ли быть Павломъ Оивейскимъ? Антоніемъ Египетскимъ? или Савою освященнымъ? Лицемѣрие! Къ чему-же тебѣ финикова епанча Павлова? Къ чему Антоніевска борода? А Савинъ монастырь? Кипишонъ Пахоміевъ?... Сей есть одинъ только монашескій маскарадъ. Кая жь польза сею маскою сокрывать тебѣ мирское твое сердце? Да явишия человѣкомъ? Уклонися отъ зла. Оставь тѣнь. Стяжи себѣ мужей оныхъ сердце. Въ то время, вдругъ какъ молнія, преобразишя во всѣхъ ихъ. Бѣгай молвы, объеми уединеніе, любя нищету, цѣлуй цѣлоумдренность, дружись со терпеливостью, водворися со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ. Вотъ тебѣ лучи божественнаго сердца ихъ! Сіе иго велми благо и легко есть. А наживать странный и маскарадный габитъ, забродить въ Нитрійскія горы, жить между воющими волками и зміями, сіе не бремя ли есть? Ей! не удобоносимое, тѣмъ что глушое и не нужное. Скажу: халепà тà какà.

Фарра. А Елисей? Не просить ли епанчи отъ Иліи?

Михайл. Епанча оная нѣсть мертвыхъ, но живущихъ во предѣлахъ Вѣчности. Въ ней все новое вмѣсто ветости. Чоль ли ты у Исаи, одежду Веселія? Вотъ она! „Подъ сѣнію руки моея покрю ты“. Не Елисей ли просить: „Да будетъ Духъ, иже въ тебѣ, сугубъ во мнѣ. Какъ же далъ бы онъ просящему вмѣсто хлѣба камень? Сей есть духъ вѣры, духъ сугубъ, духъ открывающій двое, духъ раздѣляющій Иорданскія струи, духъ богоявляющій сверхъ сиренскихъ водъ, плавающее и выникшее желѣзо. Оно-то есть изъ-подъ-потопный холмъ. Обитель вѣрныя голубицы. Гавань, лоно и Кифа Авраамля. Спасеніе отъ потопа. „Да возрадуется душа моя во Господѣ. Облече бо мя въ ризу спасенія... Вотъ отъ потопа епанча! Самый ковчегъ есть-то не рукотворенная скинія, златотканными вѣтрилами отъ дождевыхъ тучей покрывающая лучше, нежели мантиль. На сію-то скинію, тонко издалеча взираетъ Иліина шинель или бурка, отворившая Иорданскую сушу, и спасшая Елисея отъ омоченія. Желѣзо же тайно блистаетъ на твердь, на твердую, матерую землю, и сушу, а суша тихо возводитъ насъ, на Аввакумовскій оный СІОНЪ, сирѣчь обсерваторіумъ (теремъ). „На стражѣ моей стану и възйду на КАМЕНЬ.“ Вотъ тебѣ, одежда и надежда! Носи здоровь! Она есть Духъ сугубъ, видящій двое. А Иліину бурку, гдѣ тебѣ взять? Халепà тà какà.

Фарра. Велми благодарю тебѣ за сію ризу. А безъ нея чемъ бы я былъ въ буркѣ? Вотъ чемъ! Лицемѣрь, лже-Иліа, пророчій идолъ. Что же? Ковчегъ преисполненъ есть всякія животины. Хотѣлось бы мнѣ быть хорошенькою въ немъ коєю-то птицею. Какъ думаешь?

Михаилъ. Ковчегъ, есть оныя церковь Израилская. Люби ее и молись, аще добръ просиши, приѣмши. Проси во имя Христово: все вдругъ получишь. Не забывай никогда сего: „халепѣ тѣ какѣ.“

Израиль. Слушай, Оарра! не желаешь ли быть кабаномъ?

Оарра. Пропадай оны! Я и вѣлблюдомъ быть не хочу. Еленемъ быть я бы хотѣлъ, а лучше птицею.

Чиста птица голубица, таковы Духъ имѣеть,
Буде мѣсто гдѣ не чисто, тамо не почіеть.
Развѣ травы и дубравы и сѣнь есть отъ зноя,
Тамъ пріятно и прохладно мѣсто ей покоя.

Такъ и Духъ святыи не почиваетъ развѣ въ чистомъ сердцѣ при водѣ тихой и прозрачнѣй, живой и тайнѣй. „Вода глубока, совѣтъ въ сердцѣ мужа..“ О, мире нашъ! Мужу и лоно! Христе Иисусе! Явися людемъ твоимъ во водахъ сиренскихъ обуреваемымъ. Но растолкуй мнѣ о, Израилю, кое-то есть сердце и Духъ, преобразующій естество наше во вепровъ?

Израиль. Песъ хватаетъ тѣнь, а сердце долния мудрствующее есть вепрь. Не мыслить горняя, развѣ точію о брашнѣ и чревѣ сердце хамское любомудрствуетъ. Если имѣешь Израильское око оглянйся за предѣлы гергесенскія. Вотъ тебѣ великое стадо свинное! Провидишь ли, что, минуя брегъ, всѣ утопи во водахъ? Что есть брегъ, если не Господь мой? Сами просятъ да преидетъ прочь отъ предѣлы ихъ. Блато и воду сиренскую возлюбили паче славы Божія. Грязь любить—есть то быть вепромъ. Ганяться за нею—есть то быть псомъ. Вкушать ея—есть то быть зміемъ. Хвалить ее—есть то востѣвать лестныя сиренскія пѣсенки. Любомудрствовать о ней—есть то мучиться легеономъ бѣсовъ. Не земля ли раждаетъ и звѣри и скоты и гады и мухи? Такъ-то и сердце земное преобразуетъ насъ въ разныя не чистыя звѣри, скоты и птицы. Чадами же Божіими творитъ чистое сердце—вышше всей тлѣни возлетѣвшее. Сердце златожаждное; любящее мудрствовать объ однихъ кошелькахъ, мѣшкахъ и чемоданахъ—есть сущій вѣлблюдъ, любящій пить мутную воду и за вьюками не могущій пролѣзти сквозь тѣсную дверь, въ предѣлы вѣчности. Сердце есть корень и существо. Всякъ есть тѣмъ, чіе есть сердце въ немъ. Волчье сердце есть родной волкъ, хотя лице и не волчье. Если перейшла въ нея сила, тогда стала точнымъ магнитомъ стала. Но рѣта рѣтой перестала быть какъ только съ нея спиртъ и силу вывести. Сіе есть сердце и существо травы. Афедронъ, со всякимъ своимъ лицемъ—есть афедронъ. Но храмъ Божій всегда есть вмѣстилищемъ святынѣ, хотя видъ имѣеть блудныхъ домовъ. Женская плоть не мѣшаетъ быть мужемъ мужескому сердцу. Сердце востекающее съ Давидомъ на горняя, оставляющее вѣлблюдомъ и

сиренамъ со чадами ихъ мутныя и морскія воды, жаждущее, Давидовскія, утолившія Самарянкѣ жажду, оныя воды: „кто мя напоить водою?...“ „Господи, даждь ми сію воду...“ Таково сердце не олень ли есть? Даромъ что роговъ не имѣеть. Роги и кожа оленя есть плоть и тѣнь. Надѣнь кожу его съ рогами, безъ сердца его и будешь чучела его. Смѣшна пустошь—не только халепѣ та кава. Сердце, трудолюбствующее съ мужемъ Руеиннымъ Воозомъ на гумнѣ библейномъ, очищающее отъ полбвы вѣчное зерно святого Духа, на хлѣбъ, сердце израильское укрѣпляющій, скажи не волъ ли есть млатящій? Въ любезной моей Унгаріи волами молотятъ. И что жъ воспящаетъ Лукѣ быть воломъ? Не думай будто до плотскихъ воловъ вздорная сія истина касается: „Волу молотящу да не заград[и] усть“. Сердце, вцарившееся надъ звѣрскими бѣшенствами, и надъ волею своею, растерзающее всякую власть и славу, встающую на Бога, дерзающее въ нищетѣ, въ гоненіяхъ, въ болѣзняхъ, во смерти,—не сей ли есть скимень львовъ Іуда отъ тѣхъ? „Ярятся, аки львове.“ „Вѣгаетъ нечестивый никомуже гонящу, праведникъ же дерзаетъ аки левъ.“ Что жъ мѣшаетъ Марку быть львомъ? Къ такимъ то богосердечнымъ скимнамъ, аки левъ, тако возреветъ Господь: „Востани и измлати ихъ дщи Сиона, яко роги твоя положу (осную) желѣзны, и пазнокти твоя положу мѣдьяны, и истончиши люди...“ Вотъ ревъ, львинаго щенка отъ тридневнаго сна воскресающій, какъ написано: „вовлечь, почи; кто воздвигнетъ его? Сердце выпръ сверкающее какъ молнія, постигающее и низвергающее всякія пернатія мечты и замысловатыя стихійныя думы—не соколъ ли есть? Послушай соколяго виска: „Аще вознесешися яко же орелъ, и оттуду свергу тя,—глаголетъ Господь.“ Сердце, парящее на пространство высоты небесныя любящее свѣтъ и вперяющее зѣницу очей во блескъ полуденныхъ лучей, въ самое соляца солнушко оное: „въ солнцѣ положи селеніе свое.“ Не благородный ли есть орелъ съ наперсникомъ? Ей не отъ рода онъ подлацовъ сихъ: „Не вѣмъ орла паряща по воздуху. Глушца высокоумдрствующа по стихіамъ.“ „Аще вознесеш.(ся) яко орелъ и оттуда свергу тя...“ А не горлица ли есть, сердце любящее Господа, по нему Единому ревнующее, святыя надежды гнѣздо въ немъ обрѣтшее? Послушай гласа ея: „ревнуня поревновахъ по Господѣ Б[огѣ]...“ „Живъ Господь мой, жива и душа моя.“ А тотъ гласъ не ея ли есть? „Истаяла мя ревность моя...“ „Видѣхъ не разумѣвающія и истаяхъ.“ На вотъ тебѣ дивъ, или хоръ горлицъ! „Се вся оставихомъ, и въ слѣдъ тебе идохомъ“. Знай, что Библия есть здова, горлица, ревнующая и воздыхающая во пустынѣ, о единомъ ономъ мужѣ: „Богъ любви есть...“ „У сея то вдовицы не оскудѣваетъ чванецъ елея, сирѣчь милости, любви и сладости: если посѣтитъ ее кто, Духа пророческаго дары имущій. Кто благъ, или кто милъ, кромѣ Бога? Сей единъ есть не

оскудѣвающій... „Все преходять, любви же ни.“ Взглянь мнѣ пожалуй на Магдалену. Библии сердце есть сердцемъ горлицы сея. При слойной лампадѣ не спить, тужить, и воздыхаетъ. О чемъ? Что безсмертнаго жениха умертвили, что въ библейной его лампадѣ ничего милаго и свѣтлаго не нашли, ноцныи враны сіи, кромѣ трупа гнилаго сего: „Воззрять на-нь, его же проподаша. Что, кромѣ ризъ Его, не нашли въ ризахъ Его, ни смиры, ни стакты, ни касси, сирѣчь одѣющагося оными ризами. Плачеть пустынолюбная горлица сія обуйныхъ дѣвахъ со Іеремією, воспѣвая жалостную пѣсенку оную: „очи мои изліястѣ воду, яко оскудѣша добрыя дѣвы“. Блаженны мы, о, Фарра! Яко гласъ горлицы слышанъ въ маленькой земелькѣ нашей. Ахъ! сколько тогда горлицъ было, когда говорилъ Павелъ: „обручихъ васъ Единому мужу чистую дѣву“ и протчая. О обуялыя и бѣдныя горлицы со чванцемъ своимъ оныя! „Идите ко продающимъ...“ и протч. Безъ милости милаго, а безъ твоего же преподобія нигдѣ не обращай онаго преподобнаго мужа: „Удиви Господь преподобнаго своего.“ Напоследокъ не голубь ли тебѣ есть, сердце видящее двое? Сердце, узрѣвшее сверхъ непостоянности потопныхъ водъ, исаіевскую твердь, брегъ и гавань оную: „Царя со славою узрите и очи ваши узрятъ землю издалеца.“ Сіе чистое сердце, верхъ всея дряни возлетѣвшее есть голубь, чистый, есть духъ святой, духъ вѣднія, духъ благочестія, духъ премудрости, духъ свѣта, духъ нетлѣнныя славы, духъ и камень вѣры. Вотъ почему Христось не рукосѣчною и адамантовою гаванью нарицаеть святаго Петра! По сердцу его...

Фарра. О, сердце!... Чтожь ты сталъ? Ступай далѣе?

Изра (иль). Израиль далѣе сей гавани не ходить. Се ему домъ, гнѣздо, и кущи, водруженныя не на пѣскѣ, но на Кифѣ. Конецъ потопу: радуга и миръ есть Кифа, на ней онъ возсѣлъ.

Inveni portum Képham. Caro, munde, valete! Sat me jactâstis. Nunc mihi Sancta quies. Прощай стихійный потопъ!—вѣщаетъ Ноева голубица.— Я почію на холмахъ святыхъ, обрѣтши оливныя кущи.

Фарра. О, сердце голубиное! И сердечный голубь! Сей есть истинный Іона, адомъ изблеванъ во третій день на брегъ горъ Кавказкихъ. Сей голубь есть истинный Americus Columbus, обрѣтшій новую землю. Не хочется и мнѣ отсюда итить. О, Наеманъ! Наеманъ! Дай! Ну, станемъ и мы со Израилемъ въ сей гавань. Оснуемъ себѣ кущи на сей Кифѣ. А! а! Любезный мой Аввакумъ! Се нынѣ разумью пѣсенку твою! „На стражѣ моей стану и взыду на камень“. Сюда-то взирало твое пророчее око? Сюда-то Кифу издали наблюдала бодрая стража твоя? Сюда-то пѣсня твоя и насъ манила? Блаженно око твое, прозорливѣе трубъ звѣздозорныхъ. Блаженны поющія намъ уста твоя! Блаженъ и Сіонъ твой, или Зоро-теремъ, пирамиды и столпъ твой, изъ коего высоты простирались лучи очей

голубинныхъ. Не отемнѣютъ очи твои, не истлѣютъ уста твоя и не падеть столпъ твой во вѣки вѣковъ. Прощайте на вѣки! Дурно-мудрыя дѣвы, сладкогласныя сирены съ вашими тлѣнными очима, съ вашею старѣющеюся младостью, съ младенческимъ вашимъ долготѣемъ, и съ вашею рыданія исполненную гаванью. Пойте ваши пѣсни людемъ вашего рода. Не прикасается Израиль гергесеямъ. Свои ему поютъ пророки. Самъ Господь ему, яко левъ возреветъ и яко вихрь Духа, возвищеть въ крилѣхъ своихъ, и ужаснутся чада водъ... Радуйся Кефо моя, Петре мой, гавань моя! Гавань вѣры, любви и надежды! Въмъ ты, яко не плоть и кровь, но слышше рождень еси. Ты мнѣ отверзаеши врата, во блаженное царство свѣтлыя страны. Пятнадесятое лѣто плаваю по морю сему и се достигнухъ ко пристанищу тихому, въ землю святую, юже мнѣ открылъ Господь Богъ мой! Радуйся градо-мати! Цѣлую ты престоле любезныя страны, не имущія на путехъ своихъ бѣдности и сокрушенія, печали и воздыханія. Се тебѣ приношу благій даръ, отъ твоихъ же вертоградовъ. Кошницу гроздіа и смоквей и орѣховъ со хлѣбомъ Пасхи, во свидѣтельство яко путемъ праотцевъ моихъ, ввійдохъ въ обѣтованную землю ³⁷⁴).

³⁷⁴) Рукопись Г. С. Сковороды: „Бесѣда нареченная двое, о томъ, что блженнымъ быть легко,“ ранѣе была напечатана въ 1837 г. отдѣльной брошюрой подъ названіемъ: „Бесѣда двое“ Г. В. Сковороды. Москва, тип. Рѣшетникова. А также эта рукопись опубликована въ трудѣ Д. И. Багалѣя: „Сочиненія Григорія Саввича Сковороды“ (Харьковъ, 1894 г.). *Прим. ред.*

Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ ³⁷⁵).

Яковъ ³⁷⁶_{Е. 1}), Афанасій, Григорій ³⁷⁷).

Яковъ. Правду говоришь, однакъ я слышалъ, что нигдѣ вѣтъ л. 1. больше забавъ и веселостей, какъ въ Парижѣ да Венеціи.

375) Подлинникъ этой рукописи, повидимому, не сохранился. Имѣются три копія ея. Первая — хранится въ Рукописномъ отдѣленіи «Московского Публичнаго и Румянцовскаго Музея», гдѣ значится подъ № 764. Въ ней 28 листовъ. Писана она на бумагѣ, имѣющей водяные знаки 1820 года. Рукопись эта озаглавлена: «Сочиненія Сковороды. Разговоръ о душевномъ мирѣ». На слѣдующей страницѣ заглавіе повторено въ измѣненномъ видѣ; тамъ оно написано такъ: „Разговоръ дружескій о мирѣ“. Другой списокъ сохраняется въ библиотекѣ Кіевской духовной Академіи и значится по описи: «Рук. Муз. 605», (№ 8). Въ рукописи всего 42 листа. Въ рукописи встрѣчаются печати какого то архіепископа, а также въ различныхъ мѣстахъ стоитъ штемпель: «Изъ библиотеки Миропольскаго». Заглавіе въ этой копіи нѣсколько иное: «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ». Писана она на бумагѣ Ярославской мануфактуры и принадлежитъ къ рукописямъ первой четверти XIX вѣка. Именно по этой копіи была опубликована эта работа Сковороды, Д. И. Багалъемъ въ редактированномъ имъ юбилейномъ изданіи Г. Сковороды 1894 г., (Харьковъ).

Въ Сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, въ настоящее время хранится фотографическій снимокъ первой копіи рукописи Г. С. Сковороды, принадлежащей Румянцевскому Музею. Онъ значится по описи этого отдѣла Академіи: «Сект. 2852». Именно съ этимъ фотографическимъ снимкомъ мы свѣрили текстъ, опубликованный Д. И. Багалъемъ.

За основаніе нашей публикаціи мы приняли текстъ копіи, хранящейся въ Румянцевскомъ Музеѣ. При сравненіи съ текстомъ, опубликованнымъ Д. И. Багалъемъ,—мы отмѣтили всѣ разночтенія, при чемъ, всѣ тѣ фразы и слова, которыя имѣются въ копіи Румянцевскаго Музея и не имѣются у Д. И. Багалъя,—мы набрали курсивомъ; все же то, что имѣется у Д. И. Багалъя и не имѣется въ копіи Румянцевскаго Музея,—заклучили въ скобки. Всѣ же измѣненія, замѣны словъ и выраженій — отмѣчены нами въ примѣчаніяхъ. Этотъ свѣренный багалъевскій текстъ хранится въ томъ же отдѣлѣ Академіи Наукъ и значится по описи: „Сект. 2853“.

Другая болѣе распространенная редакція этого же произведенія Г. С. Сковороды, подъ названіемъ «Кольцо», печатается нами въ этомъ же томѣ, велѣды за этимъ діалогомъ (см. 247 стр.).

Прим. ред.

376) У Д. И. Багалъя вмѣсто «Яковъ» написано «Іаковъ». *Прим. ред.*

377) Съ этой работы Г. С. Сковороды мы на поляхъ будемъ отмѣчать гдѣ начинаются листы рукописи, чтобы желающимъ было бы легче въ нихъ ориентироваться.

Прим. ред.

А еанасій. А пока ихъ ты намъ изъ Венеціи перевезешь, то попремъ отъ скуки.

Григорій. Перестаньте врать: веселое мѣсто, хорошіе друзья, различныя игры и забавы не сильны излечить скуку.

Яковъ. А чтожь сильно?

Григорій. Одно то, естли съ хорошими друзьями завести честный разговоръ.

Яковъ. Какой?

Григорій. Такой, въ которомъ можно рассуждать, въ чемъ состоитъ истинное щастіе.

А еанасій. Правда, нѣтъ пріятнѣе для путешественника, какъ говорить съ нимъ о томъ городѣ, который всѣ его труды покоемъ увѣнчаетъ. Мы родились къ истинному щастію и путешествуемъ къ нему, а жизнь наша есть путь, какъ река текущій.

Яковъ. Мы друзья хорошіи, а кто-жъ межъ нами разговоръ заведетъ?

Григорій. Я. Развяжите мнѣ сей вопросъ: что такое есть для человѣка лучше всего?

Яковъ. Богъ знаетъ, и на что насъ спрашиваешь о томъ, чего великіе мудрецы разсмотрѣть ³⁷⁸⁾ не могли и поразнились въ своихъ мнѣніяхъ такъ, какъ путники въ дорогахъ. Вить то, что лучше всего, *то и выше всего, а что выше всего, то всему голова и конецъ.* Сіе главнѣйшее добро названо у древнихъ философовъ окончаніемъ всѣхъ добръ и верховнѣйшимъ добромъ; кто же тебѣ можетъ развязать, что такое есть край и пристанище всѣхъ нашихъ желаній?

Григорій. Потиме, государь мой; ты очень завысылся ³⁷⁹⁾. Такъ я васъ простѣ спрошу: чего вы въ жизни себѣ паче всего желаете?

Яковъ. Ты будто муравейникъ палкою покопаль—такъ вдругъ симъ вопросомъ взволновались наши желанія.

А еанасій. Я бы желалъ быть человѣкомъ высокочиновнымъ, дабы мои подкомандующіе ³⁸⁰⁾ были крѣпки, какъ россияне, а добросердечны, какъ древніи римляне; когда бъ у меня домъ былъ какъ въ Венеціи, а садъ какъ въ Флоренціи; что бъ быть мнѣ и разумнымъ, и учонымъ, и благороднымъ, богатымъ какъ быкъ.

Григорій. Что ты вріошь?

А еанасій. Богатымъ какъ жидъ, дюжимъ какъ быкъ, приожимъ какъ Венера, спокойнымъ какъ однодворецъ...

Яковъ. Взошла мнѣ на память Венера, такъ называемая собачка.

378) У Д. И. Багалѣя—„усмотрѣть“.

379) У Д. И. Багалѣя—„завысокосился“.

380) У Д. И. Багалѣя—„подъ-командныя“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Григорій. Позвольте, государь мой, прибавить?

Яковъ. Хвостатымъ какъ левъ, головатымъ какъ медвѣдь, ушатымъ какъ осель...

Григорій. Сумнительно, чтобы могли войтить во уши Божіи столь безтолковые желанія; ты съ твоими затѣями, похожъ на вербу, которая быть желаетъ въ одно время и дубомъ, и кленомъ, [и липою и березою, и смоквиною], и маслиною, и яворомъ, и финикомъ, | и розою, и рутою, солнцемъ и луною, хвостомъ и головою... Младенецъ на рукахъ матернихъ сидящій, часто за ножъ и за огонь хватается, но премилосердная и премудрая мать наша при рода лучше знаетъ о томъ, что намъ полезно. Хотя плачемъ и рвемъ, она, какъ сосцами своими, всѣхъ насъ по благопристойности питаетъ, такъ и одѣваетъ и симъ добрый младенецъ доволенъ, а злородное сѣмя безпокоится и другихъ безпокоить. Сколько жъ миллионовъ во вселенной сихъ несчастныхъ дѣтей, день и ночь вопящихъ и ничемъ не довольныхъ, одно дадутъ въ руки, о новымъ чемъ плачутъ: нельзя намъ не быть несчастными.

Аѳанасій. Для чего?

Григорій. Не можемъ сыскать щастія.

Яковъ. Отчего? ³⁸¹⁾

Григорій. Оттого ³⁸²⁾, что не желаемъ и желать не можемъ.

Аѳанасій. Почему?

Григорій. Потому, что не разумѣемъ, въ чемъ оно состоитъ. Главное дѣло ³⁸³⁾ то, чтобъ знать ³⁸⁴⁾, откуда родится желаніе, отъ желанія искъ, потомъ полученіе, что для тебя благо. Теперь понимай, что значить премудрость?

Яковъ. Я часто слышу слово сіе: премудрость.

Григорій. Премудрости дѣло въ томъ состоитъ, чтобъ уразумѣть то ³⁸⁵⁾, въ чемъ состоитъ щастіе; вотъ правое крыло, а добродѣтель трудится сыскать. По сей причинѣ она у еллиновъ и римлянъ мужествомъ и крѣпостію зовется [*ἀρετή, virtus*]. Вотъ и лѣвое. Безъ сихъ крыль ни коимъ образомъ нельзя выбратся и взлетѣть къ благополучію. Премудрость какъ орлиное крыло, а добродѣтель какъ мужественныя руки, съ легкими оленьими ногами. Сіе Божественное супружество живо изображено сею басенкою.

Яковъ. Ты изъ устъ моихъ вырвалъ ея. Конечно, она о двухъ путникахъ—безногомъ и слѣпомъ.

³⁸¹⁾ У Д. И. Багалѣя—„за чемъ?“

Прим. ред.

³⁸²⁾ У Д. И. Багалѣя—„за тѣмъ“.

Прим. ред.

³⁸³⁾ У Д. И. Багалѣя—„Голова дѣло то“.

Прим. ред.

³⁸⁴⁾ У Д. И. Багалѣя—„узнать“.

Прим. ред.

³⁸⁵⁾ У Д. И. Багалѣя—„то“.

Прим. ред.

Григорій. Ты точно въ мысль мою попалъ.

Аеанасій. Расскажи-жь обстоятельство?

Григорій. Вообрази себѣ, что видишь путники, возлѣ пути сидящаго; живое око его съ веселою жадностію взираетъ на замокъ, чрезъ *лѣса, рѣки, стремнины, чрезъ* пирамидныхъ горъ вершины ³⁸⁶⁾ издали блистающій. Сей замокъ есть домъ отца его и всей миролюбной фамиліи, конецъ и вѣнецъ всѣхъ подорожныхъ трудовъ. Но то бѣда, что нашъ обсерваторъ ни рукъ, ни ногъ дѣйствительныхъ не имѣетъ, а только мучится какъ евангельскій богачъ, смотря на Лазаря. Между тѣмъ, осмотряся назадъ, увидѣвъ нечаянно чудное и бѣдственное позорище, бредетъ слѣпецъ, прислушивается, ошупываетъ посохомъ, то вправо, то влѣво, будто *какъ* пьянъ, а съ ³⁸⁷⁾ дороги склоняется ³⁸⁸⁾, подходитъ ближе, *вздыхаетъ*. „Исчезла въ суетѣ дніе наши...“ „Пути твоя Господи скажи ми...“ „Увы мнѣ яко пришествіе мое продолжися!“ И проч. таковыя слова самъ себѣ говорилъ, въздыхая съ частымъ преткновеніемъ и паденіемъ. Боюся, другъ мой, что бѣ не испугать тебя; кто ты таковъ? спросилъ прозорливый. 34-й годъ путешествія моего, а ты мнѣ на пути семъ первый случился, [отвѣчалъ помраченный. | Мать моя сослала въ ссылку, родила меня безъ очей, а я возвращаюсь ко отцу моему. А кто твой отецъ? Онъ живетъ въ нагорномъ замкѣ, называемомъ Миръ-городъ; имя его Ураній, а мое практикъ... Боже мой! вскричалъ просвѣщенный; что ты мнѣ говоришь? Я твой родной братъ, я обсерваторъ... Необыкновенная радость печатлѣется всегда слезами. Послѣ избытка слезъ изліянія слѣпецъ съ орошенными очами говоритъ брату своему слѣдующее: сладчайшей брате! По слуху слыхалъ я о тебѣ [а теперь сердечное око мое видитъ тебя]. Умилосердись, окончай мои бѣдствія, будь мнѣ наставникомъ; скажу правду, [что] меня трудъ веселитъ, но всеминутное претываніе всю мою крѣпость уничтожаетъ. Жаль мнѣ, говорилъ свѣтлоокій, что не могу тебѣ служить, любезная душа моя; мой отецъ меня такъ родилъ, что по землѣ ходить не могу, ни ползать руками. Многіе желали меня къ сему употребить, но не рожденъ ползать, не былъ имъ полезенъ... За симъ дѣло не стало, сказалъ слѣпой, ты мнѣ бремя легкое и любезное: возму тебя, сокровище мое, на себя; чистое твое око будь вѣчнымъ тѣла моего обладателемъ и всѣхъ моихъ удовъ головою. Прекрати мученіе ³⁸⁹⁾ началородной тмы, безчеловѣчно меня гонящей по пустымъ пути сего посторонностямъ; я твой конь, сядь на рамена моя и управляй мною, дражайшій господинъ и братъ!... Сяду, братецъ мой, съ охотою, дабы доказать намъ истинну написаннаго

386) У И. И. Багалѣя— „верхушки“.

387) У Д. И. Багалѣя— „изъ“.

388) У Д. И. Багалѣя— „сложается“.

389) У Д. И. Багалѣя— „мучительство“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

слова Божія сего у приточника: „братъ отъ брата помогаемый есть, яко градъ высокъ и твердъ, укрѣпляется же, яко основанное царство“. Теперь взгляните на дивное дѣло Божіе: изъ двухъ человѣковъ составленъ одинъ, одно путничье лице сдѣлано изъ двоихъ сродностей, безъ всякаго смѣшенія, но и безъ раздѣленія, взаимно служащихъ. Идетъ не бывалый путникъ главнѣйшимъ путемъ, ни вправо ни влѣво неуклоняясь, исправно переходитъ рѣки, лѣса, рвы и стремнины, проходить стропотныя горы съ веселіемъ, поднимается мирнаго на высоту города, обнимаетъ его свѣтлый и благовонный воздухъ, выходитъ безмятежная толпа миромъ и любовію дышущихъ жителей плещущими руками, ожидаетъ на крылцѣ и приеѣмлетъ въ нѣдра блаженнаго объятія самъ ветхій деньми отецъ Ураній.

Яковъ. Такъ что жъ теперь сказать?

Григорій. Объявите главное ваше желаніе?

Яковъ. Наше желаніе верховное *состоитъ* въ томъ, чтобъ быть счастливыми.

Григорій. Гдѣ жъ ты видалъ звѣря или птицу, безъ сихъ мыслей? Ты скажи, гдѣ и въ чемъ искомое тобою щастіе? А безъ сего родной ты слѣпецъ: онъ ищетъ отцовскаго замка да не видитъ, гдѣ онъ. Знаю, что ищетъ щастія, но, не разумѣетъ гдѣ оно, падаетъ въ нещастіе. Премилосерднѣйшее естество всѣмъ безъ выбора душамъ открыло путь къ щастію...

Аѳанасій. Постой! Сіе слово, кажется, воняетъ ересью,—всѣмъ безъ выбору?... |

Яковъ. Пожалуй, не мѣшай, господинъ православный суевѣръ: л. 4. все на все родилось на добрый конецъ. Добрый конецъ—разумѣй щастіе. Такъ можно ли сказать, что не всякому дыханію открыла путь всеобщая мати наша натура къ щастію?

Аѳанасій. И твоя натура пахнетъ идолопоклонствомъ. Лучше сказать, Богъ открылъ, не языческая твоя натура.

Яковъ. Здравствуй же, ольховый богословецъ! Если я, называя Бога натурою, сдѣлался язычникомъ, то ты и самъ давно уже преобразился въ идолопоклонника.

Аѳанасій. Чего ради?

Яковъ. Того ради, что сіе имя Богъ есть языческое названіе.

Аѳанасій. Пускай и такъ, но христіане уже сдѣлали оное своимъ.

Яковъ. Для чего жъ ты боишься Бога назвать натурою, если первые христіане присвоили ³⁹⁰⁾ себѣ языческое сіе названіе (Богъ)?

Аѳанасій. Много ты болтать научился.

Яковъ. Развѣ ты не слыхалъ никогда, что Высочайшее существо свойственнаго себѣ имени не имѣетъ?

³⁹⁰⁾ У Д. И. Багалъя—„усвоили“.

А еанасій. Не имѣеть? А что жъ за имя Ему было у жидовъ? Какое-то Егова, разумѣешь-ли?

Яковъ. Не разумѣю.

А еанасій. Вотъ то-то оно, что не разумѣешь!

Яковъ. Знаю только то у Исаи на многихъ мѣстахъ написано такъ: „Азъ есмь, Азъ есмь, Азъ есмь сый...“ Оставь, господинъ богословъ, толкованіе словъ для еврейскихъ словотолковъ ³⁹¹⁾, а самъ внемли, что то за такое, что означается тѣмъ именемъ: Сый. Не велика нужда знать, откуда сіе слово родилось: хлѣбъ отъ хлѣва ли или [отъ] хлопотъ, а въ томъ только сила, что-бъ, знать, ³⁹²⁾ что чрезъ то имя означается? Въ томъ только ³⁹³⁾ жизнь состоитъ временная, естли достать его.

Ермолай. Богъ помочь! Что у васъ за споръ? Я давно при-слушиваюсь.

А еанасій. Здравствуй, другъ!

Яковъ. Пожалуй будь судьбою нашей ссоры.

Ермолай. Готовъ. А въ чемъ дѣло?

Яковъ. Идолопоклонствомъ почитаетъ, если Бога назвать натурою.

Ермолай. Въ Библии Богъ именуется огнемъ, водою, вѣтромъ, желѣзомъ, каменемъ и прочими безчисленными именами; для чего жъ Его не назвать Натурою [Natura]? Что до моего мнѣнія надлежитъ, нельзя сыскать важнѣе и Богу приличнѣе имени, какъ сіе. Natura есть римское слово, по нашему природа или естество. Симв словомъ означается все на все, что только родится во всей міра сего машинѣ, а что находится не рожденное, какъ огонь, и все родящееся, вообще называется міръ, для чего...

А еанасій. Постой, все вещественное родилось и рождается и самъ господинъ огонь.

Ермолай. Не споръ ³⁹⁴⁾ другъ мой, пускай все вещественное родилось такъ точно, для чего жъ всю тварь ³⁹⁵⁾ заключающимъ именемъ, то-есть натурою, не называть того, въ коемъ весь міръ съ рожденіями л. 5. своими, какъ прекраснѣйшее ³⁹⁶⁾ цвѣтущее дерево, закрывается | въ зернѣ своемъ и оттуда жъ является? Сверхъ того слово сіе—натура не только ³⁹⁷⁾ всякое рождаемое и премѣняемое вещество значить, но тайную экономію той присвосущной силы, которая вездѣ имѣеть свой центръ или среднюю главнѣйшую точку, а околичности своей нигдѣ

391) У Д. И. Багалъя—,словотолковниковъ.“

Прим. ред.

392) У Д. И. Багалъя—,узнать.“

Прим. ред.

393) У Д. И. Багалъя—,въ тотъ-то.“

Прим. ред.

394) У Д. И. Багалъя—,не спорю.“

Прим. ред.

395) У Д. И. Багалъя—,тлѣнь.“

Прим. ред.

396) У Д. И. Багалъя—,прекрасное.“

Прим. ред.

397) У Д. И. Багалъя—,не точно.“

Прим. ред.

такъ, какъ шаръ, которымъ она я сила живописью изображается: кто яко Богъ? Она называется натурою потому, что все наружу происходящее или раждаемое отъ тайныхъ неограниченныхъ ея нѣдръ, какъ отъ всеобщей матери чрева, временное свое имѣетъ начало. А понеже сія мати, раждая, ни отъ кого не принимаетъ, но сама собою раждаетъ, [для того] называется и отцомъ, и началомъ, ни начала, ни конца не имѣющимъ, ³⁹⁸⁾ ни отъ мѣста, ни отъ времени не зависящимъ, а изображаютъ ее живописцы кольцомъ, перстнемъ, или змѣемъ, въ коло свитымъ, свой хвостъ своими-жъ держащими зубами. Сея повсемѣстныя ³⁹⁹⁾, всемогущія и премудрыя силы дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, правленіемъ или царствомъ, по всему матеріалу разлитымъ безконечно и безъ временно, то есть, ⁴⁰⁰⁾ нельзя о ней спросить, когда она началась—она всегда [была—или поколь она будетъ—она всегда] будетъ—или до коего мѣста простирается—она всегда вездѣ есть. На что ты (говорить Богъ Моисею) спрашиваешь о имени моемъ. Если можешь сквозь матеріальной мракъ прозрѣть то ⁴⁰¹⁾, что всегда вездѣ было, будетъ, есть—вотъ мое имя и естество. Имя въ естествѣ, а оно въ имени; *одно отъ другаго не разнится, тожъ одно и другое—обою вѣчное.* „Кто вѣры окомъ чрезъ мракъ мене видитъ, тотъ и имя мое знаетъ, а кто ищетъ знать о моемъ имени, тотъ конечно не знаетъ меня. Знать мене и мое имя—все-то одно; имя мое и я—одно то. Азъ есмь тотъ, что есть. Азъ есмь Сый. Если кто знаетъ Бога, чѣмъ ни-есть именуетъ его сердце почитательство ⁴⁰²⁾, все то дѣйствительно и доброе имя. Нѣтъ ничего, что одинъ знаетъ *ἄρτος*, а другой *panis*,—только бы въ разумѣ не порознились. Мойсей и Исаія именуетъ Его Сый; имъ подражая, Павелъ говоритъ: „вчера и днесъ той же и вовѣки“; а богословъ другое имя даетъ: Богъ любовь есть... Любовію называетъ то ⁴⁰³⁾, что одинакое и несложное—единство вездѣ, всегда, во всемъ. Любовь и единство есть то же. Единство частей чуждое есть; почему разрѣшится ему ⁴⁰⁴⁾ есть дѣло лишнее, а погибнуть совсѣмъ постороннее. Іеремія зоветъ мечемъ, а Павелъ именуетъ словомъ живымъ, но оба тожъ разумѣютъ. Сей мечъ всю тлѣнь разить, „вся яко риза обветшаетъ, а слова закона и царствія Его не мимо идутъ...“

Григорій. Долго ли вамъ спорить? Возвратимся къ нашему разговору.

Ермолай. О чемъ разговоръ?

398) У Д. И. Багалѣя—„не имущимъ“.

Прим. ред.

399) У Д. И. Багалѣя—„повсемѣстныя“.

Прим. ред.

400) У Д. И. Багалѣя—„сирѣчь“.

Прим. ред.

401) У Д. И. Багалѣя—„тоє“.

Прим. ред.

402) У Д. И. Багалѣя—„почитателево“.

Прим. ред.

403) У Д. И. Багалѣя—„тоє“.

Прим. ред.

404) У Д. И. Багалѣя—„посему разрушится ему...“

Прим. ред.

Яковъ. О томъ, въ чемъ состоитъ щастіе.

Григорій. Премилосерднѣйшая мати наша натура и отецъ

л. 6. всякія [утѣхи ⁴⁰⁵] всякому безъ выбору (дыхавію открылъ путь | къ счастью.

Яковъ. Доволенъ ли ты симъ мнѣніемъ, [Аѳанасій?]

Аѳанасій. Теперь доволенъ.

Григорій. Но то бѣда, что не ищемъ знать [точно] въ чемъ оно точно имѣтъ свое поселеніе. Хватаемся и беремъ за то ⁴⁰⁶), какъ за твердое наше основаніе, что однимъ только хорошимъ прикрыто ⁴⁰⁷) видомъ. Источникомъ нещастія есть намъ наше безсовѣтіе: оно-то насъ плѣняетъ, представляя горькое сладкимъ, а сладкое горькимъ. Но сего бѣ не было, естли бы мы сами съ собою посовѣтовали. Размыслимъ ⁴⁰⁸), други мои, и справимся: ⁴⁰⁹) къ доброму дѣлу приниматься никогда не поздно. Поведемъ, въ чемъ твердость наша *есть?* Подумаемъ ⁴¹⁰): таковая дума есть та ⁴¹¹) самая сладчайшая Богу молитва. Скажите мнѣ, что такое для васъ лучше всего? Естли то ⁴¹²) сыщете, тогда найдете и щастіе точное; въ то время и добратъся до него можно.

Ермолай. Для меня кажется лучше всего то, естли бы быть во-всемъ довольнымъ.

Григорій. Скажи яснѣ!

Ермолай. Деньгами, землями, здоровьемъ, людьми, и всемъ ⁴¹³), что только ни есть въ свѣтѣ...

Яковъ. Чего ты засмѣялся?

Аѳанасій. Отъ радости, что случился дурачеству моему товарищъ. Сей такъ же быть желаетъ горбатымъ какъ верблюдъ, брюхатымъ какъ китъ, носатымъ какъ крокодилъ, пригожимъ какъ хортъ, аппетитнымъ какъ кабанъ и проч.

Григорій. Богословскія уста, а не богословское сердце. Хорошо ты говоришь о Богѣ, а желаешь нелѣпаго. Не прогнѣвайся ⁴¹⁴), мой другъ, на мое чистосердечіе. Представь себѣ безчисленное число тѣхъ коимъ никогда не видать изобилія; вообрази больныхъ и престарѣ-

405) У Д. И. Багалъя—„успѣхи.“

Прим. ред.

406) У Д. И. Багалъя—„тое.“

Прим. ред.

407) У Д. И. Багалъя—„прикрылося.“

Прим. ред.

408) У Д. И. Багалъя—„поразсудимся.“

Прим. ред.

409) У Д. И. Багалъя—„справмося.“

Прим. ред.

410) У Д. И. Багалъя—„поздумаймо.“

Прим. ред.

411) У Д. И. Багалъя—„есть-то.“

Прим. ред.

412) У Д. И. Багалъя—„тое.“

Прим. ред.

413) У Д. И. Багалъя:—„на деньги, на землю, на здоровья, на людей и на все, что только...“

Прим. ред.

414) У Д. И. Багалъя—„не погнѣвайся.“

Прим. ред.

лыхъ, приведи на память всѣхъ съ нескладнымъ тѣломъ рожденныхъ. Неужель ты думаешь, что премилосердная и попечительная мати ⁴¹⁵⁾ наша натура затворила имъ двери къ щастію, здѣлавшись ⁴¹⁶⁾ для нихъ мачихою? Ахъ, пожалуй, не стѣсняй мнѣ премудраго ея промысла ⁴¹⁷⁾ въ узкіи предѣлы, не клевети на всемогущее ея милосердіе: она для всякаго дыханія добра, не для нѣкоторыхъ по выбору ⁴¹⁸⁾ изъ одного точію человѣческаго рода; она рачительнѣйшимъ своимъ промысломъ все то изготовила, безъ чего не можетъ совершиться послѣдняго червячка щастіе, а естли чего не достаетъ, то, конечно, лишнее. Очей не имѣетъ кротъ, на чтожь ему? Птицы не знаютъ корабельнаго строенія, не надобно; а кому надобно, знаетъ. Лилія не знаетъ фабрикъ, она и безъ нихъ красна. Оставъ же, другъ мой, сіе клеветливое на родную матъ нашу прошеніе.

Ермолай. Сохрани меня Богъ; я на Бога не клевету.

Григорій. Какъ не клеветешь? Сколько тысячъ людей, лишенныхъ того, чего ты желаешь?

Ермолай. Безъ числа, такъ что же?

Григорій. Удивительный человѣкъ! Такъ Богъ по твоему опредѣленію есть не милосердный?

Ермолай. Почему? ⁴¹⁹⁾

Григорій. Потому ⁴²⁰⁾ что затворилъ имъ путь къ сему, ⁴²¹⁾ чего ты желаешь такъ, какъ надежной тверди щастія.

Ермолай. Такъ до чего-жь мы теперь договорились?

Григорій. До того, что или ты съ твоимъ желаніемъ глушь, или Господь не милосердный.

Ермолай. Не дай Богъ сего говорить.

Григорій. Почему знаешь, что полученіе твоего | желанія тебя л. 7. ошасливить? Справся, сколько тысячъ людей оное погубило? До коихъ пороковъ не приводитъ здравіе съ изобиліемъ? Цѣлыя республики чрезъ оное пропали. Какъ же ты изобилія желаешь, какъ щастія? Щастіе несчастливими не дѣлаетъ. Не видишь ли и теперь, коль ⁴²¹⁾ многихъ изобиліе, какъ наводненіе всемірнаго потопа, пожерло, а души ихъ чрезмѣрными затѣями, какъ мелничныи камни, сами себя снѣдая, безъ зерна крутятся? Божіе милосердіе конечно бы осыпало тебя изобиліемъ, естли бы оное тебѣ было надобно; а теперь выбрось изъ души сіе желаніе: оно [совсѣмъ] смердитъ свѣтовымъ квасомъ.

415) У Д. И. Багал'я—„мать.“

416) У Д. И. Багал'я—„здѣлався.“

417) У Д. И. Багал'я—„помысла.“

418) У Д. И. Багал'я—„выборныхъ.“

419) У Д. И. Багал'я—„для чего?“

420) У Д. И. Багал'я—„для того.“

421) У Д. И. Багал'я—„сколь.“

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Ермолай. Называешь мое желаніе квасомъ?

Григорій. Да еще квасомъ пресквернымъ, свѣтовымъ, исполненнымъ червей неусыпаемыхъ, день и ночь умерщвляющихъ душу, и какъ Соломонъ сказуетъ— „вода глубока и чиста, совѣтъ въ сердцѣ мужа“, такъ и я говорю, что квасъ прескверный свѣтовый, желаніе въ сердцѣ твоёмъ. „Даль еси веселіе въ сердцѣ моёмъ“,—Давидъ поеть, а я скажу: взялъ еси смятеніе въ сердце твое.

Ермолай. Почему желаніе мое свѣтское?

Григорій. Потому что общее.

Ермолай. Почему-жь ⁴²²⁾ оно общее?

Григорій. Потому, что просмердѣлось и вездѣ оно есть. Гдѣ ты мнѣ сыщешь душу, не напоенную квасомъ симъ? Кто не жаждетъ честей, сребра, волостей? Вотъ тебѣ источникъ ропоту, жалобъ, печалей, враждъ, тяжбъ, войнъ, грабленій, татьбы, всѣхъ машинъ, крючковъ и хитростей. Изъ сего родника родятся измѣны, бунты, заговоры, похищенія скиптровъ, паденія государствъ и вся нещастій бездна. „Господи!“—говоритъ Петръ с. въ Дѣянїяхъ: „ничто-же скверное вніде во уста моя.“ На нашемъ языкѣ скверное, а на еллинскомъ лежитъ κοινόν, то-есть общее, все то одно, общее свѣтское, скверное. Мірское мнѣніе не есть-то въ сердцѣ мужа чистая вода, но блато, κοινόν [соениш], свинямъ и бѣсамъ водвореніе. Кто имъ на сердцѣ толь глубоко напечатлѣлъ сей кривой путь къ щастію? Конечно, отецъ тьмы. Сію темную мрачнаго царства славу другъ отъ друга приѣмлюще, заблуждаютъ отъ славы свѣта ⁴²³⁾ Божїя, ведущаго въ истинное щастіе, водимы зараженнымъ ⁴²⁴⁾ мірскихъ похотей духомъ, не вникнувъ въ нѣдро сладчайшей истины, а сіе ихъ заблужденіе, сказать Іеремїиными словами, написано на ногтѣ адамантовомъ, на самомъ розѣ олтареи ихъ, откуду проистекаютъ всѣ рѣчи и дѣла, такъ что сего началароднаго рукописанія ни стереть, ни вырѣзать, ни раздрать невозможно, естли не постарается самъ о себѣ вседушно человекъ съ Богомъ въ Павлѣ глаголющимъ: „несть наша брань...“ Препояши жъ, о человекъ, чресла твоя истинною, вооружись противъ сего злобнаго твоего мнѣнія, на что тебѣ засмагиватся на манеры свѣтскїи ⁴²⁵⁾? [Вѣдѣ] ты знаешь, что истина всегда въ маломъ ⁴²⁶⁾ числѣ просвѣщенныхъ Божїихъ человекѣвъ царствовала и царствуетъ, а міръ ея л. 8. принять ⁴²⁷⁾ не можетъ? Собери предъ себя изъ всего свѣта | живопис-

422) У Д. И. Багалѣя—„для чего.“

423) У Д. И. Багалѣя—„совѣта.“

424) У Д. И. Багалѣя—„засѣяннымъ.“

425) У Д. И. Багалѣя—„свѣтовїи.“

426) У Д. И. Багалѣя—„малолюдномъ.“

427) У Д. И. Багалѣя—„прїяти.“

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

цевъ и архитекторовъ и узнаешъ, что живописная истинна въ немногихъ сердцахъ обитаетъ, а самую ихъ большую толпу покрыло ⁴²⁸⁾ невѣжество и не искусство.

Ермолай. Такъ самъ же ты скажи, въ чемъ состоитъ истинное счастье?

Григорій. Прежде ⁴²⁹⁾ узнай все то, въ чемъ оно не состоитъ, а перешаривъ пустыи закаулки, скорѣе доберешся туда, гдѣ оно обитаетъ.

Яковъ. А безъ свѣчи по темнымъ угламъ какъ ему искать?

Григорій. Вотъ тебѣ свѣча: премилосерднѣйшій отецъ нашъ всемъ открылъ путь къ счастью... Симъ камнемъ искушай золото и серебро, чистое-ли?

Аѳанасій. А что жъ, если кто искушать не умѣетъ ⁴³⁰⁾?

Григорій. Вотъ какъ испытуй! Можно ли всѣмъ людямъ быть живописцами и архитекторами?

Аѳанасій. Никакъ [нельзя, вздоръ нелѣпой].

Григорій. Такъ не тутъ же счастье. Видишь, что къ сему не всякому путь открытъ.

Аѳанасій. Какъ не можетъ все тѣло¹ быть окомъ, такъ сему не бывать никогда.

Григорій. Можно ли быть всѣмъ изобильными, или чиновными дюжими или пригожими? Можно ли помѣститься во Франціи? Можно ли въ одномъ вѣкѣ родиться? Нельзя никакъ. Видите-ли что истинное ⁴³¹⁾, счастье не въ знатномъ чинѣ, не въ тѣлесныхъ дарованіяхъ, ни въ красной сторонѣ, ни въ славномъ вѣкѣ, ни въ высокихъ наукахъ, ни въ богатомъ изобиліи.

Аѳанасій. Развѣ-жъ въ знатномъ чинѣ и въ веселой сторонѣ нельзя быть счастливымъ?

Григорій. Ты уже на другую сторону своротилъ, [какъ пьяный ляжъ черезъ кобылу перескочилъ].

[Аѳанасій. Какъ?].

[Григорій. Не могъ влѣзти безъ призванія святыхъ, потому въ двѣнадцатый разъ послышавшись, перевалился на другой бокъ: ну васъ къ чорту! Передали перцу, сказалъ осердись].

[Аѳанасій. Да я не о томъ спрашую, о мнѣ спрашую].

Григорій. Ты недавно называлъ счастьемъ высокій чинъ съ изобиліемъ, а теперь совсѣмъ выгоняешь оное. Я не говорю, что счастливый человѣкъ не можетъ отправлять высокаго званія или жить въ веселой сторонѣ или пользоваться изобиліемъ, а только говорю, что не

⁴²⁸⁾ У Д. И. Багалѣя—„посѣло.“

⁴²⁹⁾ У Д. И. Багалѣя—„первѣ“.

⁴³⁰⁾ У Д. И. Багалѣя—„не искусенъ“.

⁴³¹⁾ У Д. И. Багалѣя—„родное“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

по чину, не по сторонѣ, не по изобилію щастливымъ есть. Естли въ красномъ домѣ пирожное изобиліе пахнетъ, то причиною тому не угольи ⁴³²⁾ красныи: часто и не въ славныхъ пироги живутъ углахъ, по пословицѣ. Можешь ли сказать, что всѣ равнодушны жители во Франціи и веселы?

Аеанасій. Никакъ ⁴³³⁾.

Григорій. Но естли бы сторона существомъ или эссенціею щастія была, непрѣнно нельзя бы не быть всѣмъ щастливымъ. Во всякой статѣ есть щастливый и несчастливый. Не привязать Богъ щастія ни къ временамъ Авраамовымъ, ни къ предѣламъ Соломоновымъ, ни къ царствованію Давыдову, ни къ наукамъ, ни къ статѣямъ, ни къ природнымъ дарованіямъ, ни къ изобилію: по сей причинѣ не всемъ къ сему путь открылъ и праведенъ во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ.

Аеанасій. Гдѣ жъ щастія искать, естли оно ни тутъ, ни тамъ, ни гдѣ?

Григорій. Я еще младенцомъ выучилъ басенку, выслушай. Дѣдъ и баба здѣлали себѣ хижину ⁴³⁴⁾ да не прорубили ни одного окна. Не весела хижина ⁴³⁵⁾. Что дѣлать? По долгомъ размышленіи *пошли за свѣтомъ* ⁴³⁶⁾. Взяли мѣхъ, разинули его въ самый полдень предъ солнцемъ, что-бъ, набравъ [будьто борошна или] какъ воды, внести въ хижину ⁴³⁷⁾. Здѣлавъ нѣсколько разъ, естли свѣтъ? Смотрять | —ничего нѣтъ. Догадалась баба, что свѣтъ, какъ вино изъ мѣха, вытекаетъ. Надобно поскорѣе бѣжать съ мѣхомъ обратно. Бѣгучи на дверяхъ оба старики ⁴³⁸⁾—оданъ ногою, другой головою—зашиблись. Зашумѣлъ между ними споръ: конечно, ты выстарѣлъ умъ?... А ты и родилась безъ него. Хотѣли походъ воспріять на чужія горы грунта за свѣтомъ, помѣшалъ имъ странный монахъ. Онъ имѣлъ лѣтъ [голько] пятьдесятъ отроду, но въ сообщеніи свѣта великій былъ хитрецъ. За вашу хлѣбъ и соль не должно секретной пользы утаить. По его совѣту, старикъ, взялъ топоръ, началъ прорубать стѣну съ таковыми словами: „свѣте веселый, свѣте жизненный, свѣте повсемѣстный, свѣте приносящий, свѣте нелицеприятный, посѣти, просвѣти и освѣти храмину мою“. Вдругъ отворилась стѣна, наполнилъ храмину сладкій свѣтъ, и отъ того времени даже до сего дни начали въ той странѣ созидать свѣтлыи горницы.

Аеанасій. Цѣлый свѣтъ не видалъ столько безтолковыхъ, сколько твой дѣдъ и баба.

432) У Д. И. Багалѣя—„углы“.

Прим. ред.

433) У Д. И. Багалѣя—„кто же на этомъ подпишется?“

Прим. ред.

434) У Д. И. Багалѣя—„хатку“.

Прим. ред.

435) У Д. И. Багалѣя—„хатка“.

Прим. ред.

436) У Д. И. Багалѣя—„по долгомъ размышленіи опредѣлено въ сенатѣ штиль за свѣтомъ доставать“.

Прим. ред.

437) У Д. И. Багалѣя—„хатку“.

Прим. ред.

438) У Д. И. Багалѣя—„сенаторы“.

Прим. ред.

Григорій. Онъ мой и твой вмѣстѣ, и всѣхъ...

Аеанасій. Пропадай онъ! Какъ ему имя?

Григорій. Ишъ.

Аеанасій. Ишъ, къ чорту его.

Григорій. Ты его бѣгаешь, а онъ съ тобою всегда.

Аеанасій. Какъ со мною?

Григорій. Если не хочешь быть съ нимъ, то будешь самимъ имъ.

Аеанасій. Вотъ навязался съ своимъ дѣдомъ.

Григорій. Что жъ нужды въ имени, если ты дѣломъ точный Ишъ.

Аеанасій. Поди себѣ прочь съ нимъ.

Ермолай. А бабу какъ зовутъ?

Григорій. Муть.

Яковъ. Муть отъ Иша не разлучится, сія пара сопряженная.

Григорій. Но не родными Иша всѣ мы есть? Ищемъ счастья по сторонамъ, по вѣкамъ, по статьямъ, а оное есть вездѣ и всегда съ нами; какъ рыба въ водѣ, такъ мы въ немъ, а оно около насъ ищетъ самихъ насъ. Нѣтъ его нигдѣ, затѣмъ, что есть вездѣ. Не ищи его нигдѣ, если не сыщешь вездѣ. Оно подобно солнечному сіянію, отвори только входъ ему въ душу твою. Оно всегда толкаетъ въ стѣну твою, ищетъ прохода, а не сыскиваетъ, а твое сердце темное и не веселое, и тьма верху бездны. Скажи, пожалуй, не вздоръ ли и не сумазбродство ⁴³⁹⁾ ли, что человекъ печется о драгоценнѣйшемъ вѣщцѣ? А на что? На то, будто въ простой шапкѣ нельзя наслаждаться тѣмъ счастливымъ и всемірнымъ свѣтомъ, до коего льется сія молитва: „Услыши о блаженный, вѣчное имѣющій и всевидящее око!“ Безумный мужъ со злою женою выходитъ вонъ изъ дому своего, ищетъ счастья внѣ себя, бродитъ по разнымъ посторонностямъ, достаетъ блистающее имя, обвѣшивается свѣтлымъ платьемъ, притягиваетъ разнovidную сволочъ золотой монеты и серебряной посуды, находитъ друзей и безумія товарищей, чтобъ запестъ въ душу [лучъ] блаженного свѣтила и свѣтлаго блаженства... Есть ли | свѣтъ? Смотрятъ, ничего **л. 10.** нѣтъ... Взгляни теперь на волнующееся море, на многоятежную во всякомъ вѣкѣ, сторонѣ и статьѣ толпу людей, такъ называемую, миръ или свѣтъ: что онъ [не] дѣлаетъ? Воюетъ, ведетъ ⁴⁴⁰⁾, тягбы, коварствуетъ ⁴⁴¹⁾, печется, затѣваетъ, строитъ *козни*, разоряетъ, кручинится, [пѣнить]. Не видится ли тебѣ, что Ишъ и Муть въ хижину ⁴⁴²⁾ бѣгутъ? Есть ли свѣтъ? Смотрятъ: ничего нѣтъ.

439) У Д. И. Багалѣя—„сумозбродъ“.

440) У Д. И. Багалѣя—„водитъ“.

441) У Д. И. Багалѣя—„коварничить“.

442) У Д. И. Багалѣя—„въ хатку“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Яковъ. Блаженный Ишъ и щастливая Муть; они въ кончину дней своихъ домолилися, чтобъ всевидящее, недремлющее, великое всего міра око, свѣтило, храмину ихъ просвѣтило, а прочимъ вѣчная [мука], мятежъ и шатанье.

Лонгинъ. Дай Богъ радоваться!

Григорій. О, любезная душа! Кой духъ научилъ тебя такъ витатися? Благодаримъ тебя за сіе поздравленіе.

Яковъ. Такъ виталися всегда древніе христіане.

Ермолай. Не дивно. Сей витальный образецъ свойственный Христу Господу нашему. Онъ рожденъ Божиимъ міромъ. Въ мірѣ принеси намъ, благовѣтствуя, миръ, всякъ умъ превосходящій. Снисходитъ къ намъ съ миромъ. „Слава въ вышнихъ Богу...“ витается миромъ: „миръ дому сему“⁴⁴³), миръ вамъ, учитъ о мирѣ: „новую заповѣдь даю вамъ“... Отходя, миръ же оставляетъ: „миръ мой“ даю вамъ, держайте! „не бойтесь! радуйтесь!“

Аѳанасій. Знаешь ли, о чемъ между нами разговоръ?

Лонгинъ. Я все до точки слышалъ.

Аѳанасій. Онъ подь тою яблонюю сидѣлъ, конечно. Отгадалъ ли я?

Лонгинъ. Вы не могли меня видѣть за вѣтвями.

Григорій. Скажи, любезный Лонгинъ, есть ли бѣднѣе твари отъ того человѣка, кой не дознался, что такое лучше для него и желательнѣе всего?

Лонгинъ. Я и самъ сему часто удивляюсь, что мы въ постороннихъ околичностяхъ чрезъ чуръ любопытны, рачительны и проникательны: измѣрили море, землю, воздухъ и небеса и обезпокоили нѣдро⁴⁴⁴) земное ради металловъ, размежевали планеты, доискались въ лунѣ горъ, рѣкъ и городовъ, нашли накоплетныхъ міровъ несчетное множество, строимъ непонятныя машины, засыпаемъ бездны, воспящаемъ и привлекаемъ стремленіе водъ⁴⁴⁵), что день⁴⁴⁶), то новые опыты и дивныя изобрѣтенія⁴⁴⁷). Боже мой! Чего мы не умѣемъ! Чего мы не можемъ! Но то горе, что при всемъ томъ, кажется, что чего-то⁴⁴⁸) великаго не достаетъ. Нѣтъ того, чего и сказать не умѣемъ: одно только знаемъ, что не достаетъ чего-то⁴⁴⁹), а что оно такое, не понимаемъ. Похожи на безловеснаго младенца: онъ только плачетъ, не въ силахъ ни знать, ни сказать, въ чемъ ему нужда, одну только до-

443) У Новаго и Стараго Израиля, этими словами привѣтствуетъ домашнихъ всякій вошедшій въ домъ собрата своего.

Прим. ред.

444) У Д. И. Багалѣя—„брюхо“.

Прим. ред.

445) У Д. И. Багалѣя—„водная“.

Прим. ред.

446) У Д. И. Багалѣя—„денно“.

Прим. ред.

447) У Д. И. Багалѣя—„дикія изображенія“.

Прим. ред.

448) У Д. И. Багалѣя—„чегось“.

Прим. ред.

449) У Д. И. Багалѣя—„чегось“.

Прим. ред.

саду чувствуетъ. Сіе явное души нашей неудовольствіе не можетъ ли намъ дать догадаться, что все сіи науки не могутъ мыслей нашихъ насытить? Бездна душевная, видишь, оными не наполняется. Пожерли мы безчисленное множество обращающихся (какъ на англійскихъ коло(ко)льняхъ часовъ) системъ съ планетами, а планетъ съ горами, морями и городами, да однако жъ алчемъ; не утоляется, | а л. 11. раждается наша жажда. Математика, медицина, физика, механика, музыка съ своими буйными ⁴⁵⁰⁾ сестрами; чѣмъ изобильнѣе ихъ вкушаемъ, тѣмъ болѣе ⁴⁵¹⁾ палитъ сердце наше голодъ и жажда, а грубая наша остолбенѣлость не можетъ догадаться, что все они [суть] служанки при госпожѣ и хвостъ при своей головѣ, безъ которой весь корпусъ ⁴⁵²⁾ не дѣйствителенъ. И что несытѣ, безпокойнѣе и вреднѣе, какъ человѣческое сердце, сими рабынями безъ свсей начальницы вооруженное? Чегожъ оно не дерзаетъ предпріять? Духъ несытости женеть, нарядъ способствуетъ стремится за склонностію, какъ корабль [и коляска] безъ кормчаго ⁴⁵³⁾, безъ совѣта, и предвидѣнія, и удовольствія. Взалкавши яко песь, съ ропотомъ вѣчно глотая прахъ и пепель гибнущій, лихвы отчужденны еще отъ ложесны, заблудивше отъ чрева, минувъ существенную исту надъ душевною бевдною внутрь насъ гремящаго сіе: „Азъ есмь, Азъ есмь, Сый!“ А понеже не исправились, въ чемъ для нихъ самая нужнѣйшая надобность и что такое есть предѣлъ, черта, и край всѣхъ навсѣхъ желаній и намѣреній, дабы всѣ свои дѣла приводить къ сему главнѣйшему и надежнѣйшему пункту, за тѣмъ пренебрегли и царицу всѣхъ служебныхъ ей ⁴⁵⁴⁾ духовъ или наукъ отъ земли и въ землю возвращающихся, минувъ милосердную дверь ея, отверзающую исходъ и въ водащую мысли наши отъ низовыхъ подлостей тѣни къ пресвѣтлой и существенной истѣ не увядающаго счастья. Теперь подумайте, други мои, и скажите, въ чемъ состоятъ самонужнѣйшая надобность? Что есть для васъ лучше и саможелательнѣе всего? Что такое сдѣлать васъ можетъ счастливыми? Разсуждайте заблаговременно, выйдите изъ числа безпутныхъ путниковъ, кои и сами не могутъ сказать, куда идутъ и за чемъ! Жизнь ⁴⁵⁵⁾ наша есть путь, а исходъ къ счастію не коротокъ ⁴⁵⁶⁾...

А еванасій. Я давно бы сказалъ мое желаніе да не приходитъ мнѣ въ умъ то, что для меня лучшее въ свѣтѣ.

450) У Д. И. Багалѣя—„буйми“.

451) У И. Д. Багалѣя—„пуще“.

452) У Д. И. Багалѣя—„тулубъ“.

453) У Д. И. Багалѣя—„управителя“.

454) У Д. И. Багалѣя—„сихъ“.

455) У Д. И. Багалѣя—„житіе“.

456) У Д. И. Багалѣя—„не коротенькій“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Лонгинъ. Ахъ человѣкъ! Постыдись сего говорить! Естли червонѣтъ западъ солнечный, пророчествуемъ, что завтрешній день возсіяетъ свѣтлый ⁴⁵⁷⁾, а если зарумянится востокъ,—стужа и непогода будетъ сего дня, всѣ говоримъ—и бываетъ такъ. Скажи пожалуй, естли бы житель изъ городовъ, населенныхъ въ лунѣ, къ намъ на нашъ земной шаръ пришолъ, не удивился ли бъ нашей премудрости, видя, что небесные знаки толь искусно понимаемъ, и въ то жъ *самое* время внѣ себя сталь бы нашъ лунатикъ, когда-бъ узналъ, что мы въ экономіи крошечнаго міра нашего, какъ въ маленькихъ лондонскихъ часахъ, безмысленны ⁴⁵⁸⁾ и совершенные трутни—ничего не примѣчаемъ и нерадимъ о удивительнѣйшей всѣхъ системъ системъ нашего тѣла ⁴⁵⁹⁾. Скажи пожалуй, не заслужили бъ мы у нашего гостя имени безтолковаго математика, кой твердо разумѣтъ цыркуль, окружіемъ | своимъ многіи милліоны миль вмѣщающій, а въ маленькомъ золотомъ колціѣ той же силы и вкуса чувствовать не можетъ? Или безумнаго того книжника далъ бы намъ по самой справедливости наименованіе ⁴⁶⁰⁾ кой ⁴⁶¹⁾ слова и письма ⁴⁶²⁾ въ 15 аршинъ разумѣть и читать можетъ, а тоещъ Алфа или Омега на маленькой бумажкѣ или на ногтѣ написанное, совсѣмъ ему непонятно? Конечно назвалъ бы насъ тою вѣдьмою, которая узнаетъ ⁴⁶³⁾, какое кушанья въ чужихъ горшкахъ кипитъ, а въ своемъ домѣ и слѣпа, и нерадива, и голодна. И чуть ли таковыя мудрецы не изъ числа тѣхъ женъ, своего дому небрегущихъ, коихъ великій Павелъ называетъ оплазивыми или волокитами. Я наукъ не хую и самое послѣднее ремесло одобряю ⁴⁶⁴⁾; одно то хулы достойно, что, на ихъ надѣясь, пренебрегаемъ верховнѣйшую науку, до которой всякому вѣку, странѣ и статьѣ; полу и возрасту, для того отворена дверь, что щастіе всѣмъ безъ выбора есть нужное, чего кромѣ ея ни о какой наукѣ сказать неможно. И симъ все высочайшій вѣками и системами вѣчно владѣющій парламентъ довольно доказалъ, что онъ всегда праведенъ есть и правы суды его.

Яковъ. Конечно неза то мужъ жену наказуетъ, что въ гостяхъ была, но зато, что дома не почевала.

Лонгинъ. Еще намъ не было слышно имя сіе математика, а наши предки давно уже имѣли построенные храмы Христовой школы. Въ ней обучается весь родъ человѣческой сроднаго себе щастія и сія то

457) У Д. И. Багалѣя—,чистый“.

458) У Д. И. Багалѣя—,слѣпые несмыслы“.

459) У Д. И. Багалѣя—,тѣлышка“.

460) У Д. И. Багалѣя—,титудяцію“.

461) У Д. И. Багалѣя—,которой“.

462) У Д. И. Багалѣя—,письмена“.

463) У Д. И. Багалѣя—,знаетъ“.

464) У Д. И. Багалѣя—,хвалю“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

есть католическая, то есть всеродная наука. Языческіе кумирницы, божницы или капища есть ⁴⁶⁵⁾ тожь храмы Христова ученія и школы: въ нихъ и на нихъ написано было премудрѣйшее и всеблаженнѣйшее слово сіе [γινώθι σεαυτόν, nosce te ipsum]. „Узнай себя“ безъ прекословія тожь точно, что у насъ самихъ вотъ: „внемли себе, вонми себе“,— Моисей.—„Царствіе Божіе внутрь васъ есть“,—Христосъ.—„Вы есте храмъ Бога жива“,—Павель.—„Себе же знающіи премудры суть“,— Соломонъ.—„Аще не увѣси самую тебе“,—Соломонъ.—„Законъ твой посреде чрева моего“,—Давидъ.—„А не вѣруя, уже осужденъ есть“,—Христосъ.—Но языческіе храмы за лицемѣріе неискусныхъ пророковъ т. е. священниковъ или учигелей, советѣмъ уже попорчены и здѣлались мерзости запустѣніемъ въ то время, когда истинна, будто живая источничая вода скотскими ногами, затаскана и погребена. Сіе случилось и самимъ іудеимъ, у коихъ часто чрезъ долгое время была зарыта истина за оскуднѣніе Исааковыхъ отроковъ, прочищающихъ Авраамовы источники, а за умноженіе сомнасовъ и филистимовъ, забрашивающихъ землю воду, скачущую въ животь вѣчный. И такъ сіи фонтаны глубоко были погребены, что (какъ видно изъ Библии) черезъ силу л. 13. великую ⁴⁶⁶⁾ могли найти въ храмѣ Божіемъ законъ Господень, то-есть. узнать себе и обрѣсти силу царствія Божія и правды Его внутрь себе, Да мы и сами теперь гораздо отродились отъ древнихъ христіанскихъ предковъ, предъ которыхъ блаженными очами истина Господня отъ земли возведена и сила свѣтлаго воскресенія отъ гроба воздвигнута, въ полномъ своемъ сіяла блистаніи. Не очень искусно и у насъ теперь обучаютъ; причина сему та, что никто не хочетъ отъ дѣлъ житейскихъ упраздниться и очистить сердце свое, чтобъ могъ вникнуть въ нѣдра сокровенной, въ святѣйшемъ библейномъ храмѣ сладчайшей истины, необходимо для всенароднаго щастія самонужнѣйшей. Не слыша Давида: „упразднитесь и разумѣйте...“, не слушая Христа: „ищите...“, всѣ науки, всѣ промыслы и все намъ милѣе ⁴⁶⁷⁾ нежели то, что единственно насъ потерянныхъ находить и намъ же самихъ насъ возвращаетъ. И сіе то-есть быть щастливымъ—узнать, наитить себе' самага. Лицемеры (говорится къ намъ), лице небесное подлинно хорошо вы разбирать научились, а для чего не примѣчаете законовъ ⁴⁶⁸⁾, что бѣ вамъ, какъ по слѣду, добратся до имѣющей ошастливитъ васъ истины? Все вы имѣете и умѣете, кромѣ что васъ же самыхъ вы наитить не знаете и не хотите. И подлинно удивленія достойно, что человекъ за 30 лѣтъ живеть, а примѣтить не могъ, что для него лучше всего, и когда съ

465) У Д. И. Багалѣя—„суть“.

466) У Д. И. Багалѣя—„въ силу великую“.

467) У Д. И. Багалѣя—„мылае“.

468) У Д. И. Багалѣя—„знаковъ“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

нимъ наилучше дѣлается. Видно, что *онъ* рѣдко бываетъ дома и не радить: „Ахъ Іерусалиме! аще бы вѣдалъ еси, яже къ миру твоему, но нынѣ крыся отъ очей твоихъ...“

Аеанасій. Для меня, кажется, нѣтъ ничего, лучшаго какъ получить мирное и спокойное сердце: въ то время все приятно и сносно.

Яковъ. А я желалъ бы въ душѣ моей имѣть толь твердую крѣпость, дабы ничто ее поколебать и опрокинуть не могло.

Ермолай. А мнѣ дай живую радость и радостную живость: сего сокровища ни за что не промѣнялъ бы.

Лонгинъ. Сіи троихъ васъ желанія по существу своему есть одно. Можетъ ли быть яблокъ жива и весела, естли корень не здоровый? А здоровый корень есть-то крѣпкая душа и мирное сердце. Здоровый корень разсыпаетъ по всѣмъ вѣтвямъ влагу и оживляетъ ихъ, а сердце мирное, жизненною влагою напоенное, печатаетъ слѣды свои по наружностямъ: „и будетъ яко древо насажденное при исходящихъ водѣ“.

Григорій. Не утерпѣлъ, ты чтобъ не приложить библейнаго алмаза, на жѣ и сіе: „на водѣ покойне воспита мя“.

Лонгинъ. Вотъ же вамъ верхушка и цвѣтокъ всего житія вашего, внутренній миръ, сердечное веселіе, душевная крѣпость... Суда направляйте⁴⁶⁹⁾ всѣхъ вашихъ дѣлъ теченіе. Вотъ край, гавань, конецъ. Отрѣзываетъ всю, что либо сей пристани противное. Всякое слово, всякое дѣло къ сему концу да способствуетъ. Сей край да будетъ всѣмъ мыслямъ и всѣмъ твоимъ желаніямъ. Коль многіе по тѣлу здоровы, сыты, одѣты и спокойны, но я не сей міръ хвалю—сей міръ мірской, онъ всѣмъ знатенъ и всѣхъ обманываетъ; вотъ миръ—спокойствіе⁴⁷⁰⁾ мыслей, радость⁴⁷¹⁾ сердца, оживотвореніе души; вотъ миръ! вотъ щастія нѣдро! Сей то миръ отворяетъ мыслямъ твоимъ храмъ покоя, одѣваетъ душу твою одеждою веселія, насыщаетъ пшенична тука и утверждаетъ

л. 14. сердце. О міре! | вопіетъ Григорій богословъ, ты Божій, а Богъ твой.

Аеанасій. О немъ-то, думаю, говоритъ Павелъ: „миръ Божій да водворяется въ сердцахъ вашихъ“.

[[Лонгинъ. Да].

Аеанасій. Его-то благовѣтствуютъ красны ноги апостольскіи и чистіи ноги!]

Лонгинъ. Да.

Аеанасій. Его-то умирая оставляетъ ученикамъ своимъ Христость?

Лонгинъ. Да.

469) У Д. И. Багалѣя—„исправляйте.“

470) У Д. И. Багалѣя—„вспокоеніе.“

471) У Д. И. Багалѣя—„обрадованіе.“

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Аеанасій. А какъ его оставилъ имъ, такъ на земли совсѣмъ отдѣлался?

Лонгинъ. Совсѣмъ.

Аеанасій. Да можно-ль всѣмъ получить ⁴⁷²⁾ его?

Лонгинъ. Можно всѣмъ.

Аеанасій. Гдѣ жъ его можно получить?

Лонгинъ. Вездѣ.

Аеанасій. Когда?

Лонгинъ. Всегда.

Аеанасій. Для чего жъ не все имѣютъ?

Лонгинъ. Для того что имѣть не желаютъ!

Аеанасій. Если всѣмъ можно его достать, почему же Павелъ называетъ всякой умъ или понятіе превосходящимъ?

Лонгинъ. Потому что никто не удостоиваетъ принять его въ разсужденіе и подумать о немъ. Если всѣ сыновья отца оставили и, бросивъ домъ, отдались ⁴⁷³⁾ въ математику, въ навигацію, въ физику, можно справедливо сказать, что такимъ головамъ и въ мысль не приходитъ хлѣбопашество. Однако земледѣліе ⁴⁷⁴⁾ въ десятеро лучше ⁴⁷⁵⁾ тѣхъ крученыхъ наукъ, потому что для всѣхъ нужно. Сей миръ, будто не оцѣненное сокровище, въ дому нашемъ внутрѣ насъ самыхъ скрыто ⁴⁷⁶⁾. Можно сказать, что оное бродягамъ и бездомкамъ на умъ не всходитъ, расточившимъ сердце свое по пустымъ посторонностямъ. Однако оное далеко сыскать легче, нежели гоняться и собирать пустошь по околицамъ. Развѣ ты не слыхалъ, что сынове вѣка сего мудре ⁴⁷⁷⁾ сыновъ дне?

Аеанасій. Такъ что жъ?

Лонгинъ. Такъ то-жъ, что хотя они и дураки, да сыскиваютъ свое.

Аеанасій. Что жъ далѣе?

Лонгинъ. То далѣе, что оно не трудно, когда добрые люди хоть не проворны и лѣнны, однако находятъ.

Аеанасій. Для чего жъ молодые люди не имѣютъ мира, хотя они остры?

Лонгинъ. Для того, что не могутъ и подумать о немъ, доколѣ ⁴⁷⁸⁾ не обманутся.

Аеанасій. Какъ?

472) У Д. И. Багалъя—„достать.“

473) У Д. И. Багалъя—„отдалилися.“

474) У Д. И. Багалъя—„земледѣльство.“

475) У Д. И. Багалъя—„десятью легшее.“

476) У Д. И. Багалъя—„зарито.“

477) У Д. И. Багалъя—„мудре нежели.“

478) У Д. И. Багалъя—„поколь.“

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Лонгинъ. Кого жъ скорѣе можно отвезти отъ дому, какъ молодыхъ? Если цѣлой городъ ложно закричитъ: вотъ неприятель! вотъ уже подъ городомъ! не бросится ли молодой человекъ ⁴⁷⁹⁾ [въ очерета], въ луга, въ пустыни? Видишь въ чемъ вся трудность. Ему не тяжело дома покоиться, да сводять съ ума люди и загонить въ безпокойство.

Аеанасій. Какъ сіи люди зовутся?

Лонгинъ. Миръ, свѣтъ, манерь. Въ то время послушается ли тотъ молодущный ⁴⁸⁰⁾ одного добраго человека?

Аеанасій. Пускай цѣлый день кричитъ, что ложь—не повѣритъ. А какъ сей добрый человекъ называется?

Лонгинъ. Тотъ, который не идетъ ⁴⁸¹⁾ на совѣтъ нечестивыхъ..

Аеанасій. Какъ ему имя?

Лонгинъ. Христосъ, Евангеліе, Библия. Сей одинъ ходитъ безъ порока: не лѣтитъ языкомъ своимъ ближнимъ своимъ, а послѣдователямъ и друзьямъ своимъ вотъ что даруетъ: „миръ мой оставляю вамъ...“ „Миръ мой даю вамъ...“ „Не якоже миръ даетъ...“

Яковъ. Не о семъ ли мирѣ Сираховъ сынъ говоритъ сіе: „веселіе сердца, животъ человеку и радованіе мужа, долгоденствіе“.

Лонгинъ. Все въ Библии пріятныя имена, напр. (имѣръ); свѣтъ, веселіе, радость, животъ, воскресеніе, путь, общаніе, рай, сладость и проч., всѣ тѣ означаютъ сей блаженный миръ. Павелъ его (слышишь), чемъ именуетъ: „и Богъ мира будетъ съ вами“; и опять: „Христосъ, яже есть миръ нашъ...“

Яковъ. Онъ его и Богомъ называетъ?

Лонгинъ. Конечно. Се-то та прекрасная дуга, умирившая дни Ноевы.

Яковъ. Чудеса говоришь. Для чего жъ сей чудесный миръ называется Богомъ?

Лонгинъ. Для того, что онъ все кончитъ, самъ безконечный а безконечный конецъ, безначальное начало и Богъ—все одно.

Яковъ. Для чего называется свѣтомъ?

л. 15.

Лонгинъ. Для того, что ни въ одномъ сердце не бываетъ, развѣ въ просвѣщенномъ. Онъ всегда вмѣстѣ съ незаходимымъ свѣтомъ, будто сіяніе его, а гдѣ въ душѣ свѣта сего нѣтъ, тамъ радости-живота, веселія и утѣхи нѣтъ, но тѣма, страхъ, мятежъ, горестъ-смерть, геенна.

Яковъ. И странное, и сладкое, и страшное говоришь.

Лонгинъ. Такъ скажи, что лучше сего? Я тебя послушаю.

Аеанасій. Слушай, братъ!

⁴⁷⁹⁾ У Д. И. Багалѣя—„дитина.“

⁴⁸⁰⁾ У Д. И. Багалѣя—„молокосось“.

⁴⁸¹⁾ У Д. И. Багалѣя—„что не иде“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Лонгинъ. А что?

А еанасій. По этому сіи Павловы слова — „сила Божія съ нами“ — сей же миръ означаютъ?

Лонгинъ. Думаю.

А еанасій. Такъ видно, что ошибся Григорій: онъ предъ симъ сказалъ, что добродѣтель трудится сыскать щастіе, назвалъ ее по еллинскому и римскому крѣпостью и мужествомъ, но когда крѣпость означаетъ миръ, то она сама и щастьемъ есть. На что жъ ее искать и чего? Видь крѣпость и сила все то одно?

Лонгинъ. Вотъ какое лукавство! Когда бъ ты былъ столь въ сысканіи мира хитръ, сколь проворенъ въ помѣхъ и въ примѣчаніи чужихъ ошибокъ! Симъ ты доказалъ, что сынове вѣка сего злаго мудрѣе сыновъ Божіею свѣта. Не знаешь ли ты, что и самый щастія истиннаго искъ есть — то шествіе путемъ Божіимъ и путемъ мира, имѣющаго свои многіе степені? И не начало ли сіе есть истиннаго щастія, что бы находиться на пути миркомъ? Не вдругъ восходимъ на всеблаженный верхъ горы, именуемой Фазга, гдѣ великій Моисей умре съ сою надписью: „не отемнѣсть очи его, ни истлѣста уста его“. Не заходимый свѣтъ, темную мыслей нашихъ бездну просвѣщающій на то, чтобъ усмотрѣть намъ, гдѣ высокій и твердый миръ нашъ обитаетъ, онъ же самъ и побуждаетъ сердце наше къ восходу на гору мира. Для чего жъ не назваться ⁴⁸²⁾ ему миромъ и мира имущемою крѣпостию, естли онъ показываетъ, гдѣ миръ и побуждаетъ къ нему, находясь самъ всему благу началомъ и источникомъ? Кто не ищетъ мира, видно, что не понимаетъ безцѣнной цѣны его, а усмотрѣть и горячо искать его обѣ сіи суть лучи блаженнаго правды солнца, какъ два крыла святаго духа.

Григорій. Переставьте, други мои, спорить: мы здѣсь собрались не для хвастливыхъ любопытній, но ради соединенія желаній нашихъ сердечныхъ, дабы чрезъ сопряженіе исправнѣе устремлялись, какъ благоуханный дымъ, къ наставляющему заблудшихъ ⁴⁸³⁾ на путъ мира. Поощряетъ къ сему всѣхъ насъ [самъ] Павелъ вотъ: „всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всемъ благодарите“. Велитъ всегда питать миръ внутри и радость сердечную [и будто въ горящую лампаду елей подливать], и сіе то значитъ — непрестанно молитесь, т.[о] е.[сть] желайте его вседушно, ищите *и обращаете*, я, [де,] знаю, что клеветникъ всегда беспокоитъ душу вашу, дабы вамъ роптать и ничемъ отъ Бога посылаемымъ не довольствоваться, но вы лукаваго сего искусителя, т.[о] е.[сть] мучителя, отгоняйте, любя, ища и храня миръ и радость. Се есть жизнь и здоровье душъ вашихъ: потоль вы и

⁴⁸²⁾ У Д. И. Багалѣя — „не зваться“.

⁴⁸³⁾ У Д. И. Багалѣя — „заблуждающихъ“.

Прим. ред.

Прим. ред.

живы, поколь его храните въ сердцахъ своихъ. О всемъ зрѣлымъ разумомъ разсуждайте, не слушая шепотника діавола, и разумѣйте, что вся экономія Божія во всей вселенной исправна, добра и всѣмъ намъ всеполезна есть. Его именемъ и властію все-на-все на небеси и на земли дѣлается; говорите съ разумомъ: „да святится имя твое, да будетъ воля твоя...“ И избавить васъ отъ лукаваго. | А какъ только адѣлаетесь за все благодарны, то вдругъ збудутся на васъ сіи слова: „веселіе сердца—животъ человѣку...“

Афанасій. Кажется, всегда бы былъ спокоенъ человѣкъ, если бы въ свѣтѣ все по его волѣ дѣлалось.

Лонгинъ. Сохрани Богъ!

Афанасій. Для чего?

Григорій. А что жъ, если твой разумъ и воля подобны стариковой кошкѣ.

Афанасій. Что сіе значить?

Григорій. Старикъ затопилъ ⁴⁸⁴⁾ печь, упрямая кошечка не вылезаетъ изъ печи ⁴⁸⁵⁾. Старикъ вытащилъ ее и плетью выхлесталъ.

Афанасій. Я бы старался, что бы моя воля была согласна самымъ искуснѣйшимъ головамъ въ свѣтѣ.

Григорій. А изъ котораго—лондоскаго или парижскаго—выбралъ бы ты тѣхъ людей парламента? Но знай, что хотя бы ты къ сему взялъ судію самаго того короля, кой оуждалъ премудрѣйшую мать нашу натуру за распоряженіе небесныхъ круговъ, то Богъ и время и его мудрѣе. Начто жъ тебѣ лучшаго судіи искать? Положись на Его и здѣлай Его волю святую своею волею. Если ея принимаешь, то уже стала и твоя. Согласіе воли есть то едина душа и едино сердце; и чтожъ лучше, какъ дружба съ Высочайшимъ? Въ то время всю по твоей да еще премудрой волѣ дѣлаться будетъ ⁴⁸⁶⁾. И сіе-то есть быть во всемъ довольнымъ. Сего-то желалъ и нашъ Ермолай да не разумѣлъ, что значить быть во всемъ довольнымъ. Видите, что Павлово слово—„о всемъ благодарите“—источникомъ есть совершеннаго мира и радости, и щастія. Что можетъ потревожить мое сердце? Дѣйстви-тельно дѣлается все по волѣ Божіей, но я ей согласенъ — и она уже моя воля. За чѣмъ же тревожится? Если что невозможное, то конечно и не полезное: все то одно. Чѣмъ что полезнѣе, тѣмъ статочнѣе. Други мои, вотъ премудрость: если исполняемъ, что говоримъ: „да будетъ воля твоя...“

Ермолай. Вспомнилъ я ⁴⁸⁷⁾ нѣкоего мудреца незабвенна ⁴⁸⁸⁾

484) У Д. И. Багалѣя—„запалилъ“.

485) У Д. И. Багалѣя—„изъ нея“.

486) У Д. И. Багалѣя—„дѣлается“.

487) У Д. И. Багалѣя—„вспомнились мнѣ“.

488) У Д. И. Багалѣя—„хороші“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

слова: благодареніе, [де,] возсылаю блаженной натурѣ за то, что она все нужное здѣлала достаточнымъ ⁴⁸⁹⁾, а чего достать трудно, тое ненужнымъ и мало полезнымъ.

Григорій. Благодареніе отцу нашему небесному за то, что открылъ очи наши. Теперь разумѣемъ, въ чемъ состоитъ наше истинное счастье. Оно живетъ во внутреннемъ сердца нашего мирѣ, а миръ въ согласіи съ Богомъ. Чѣмъ кто согласнѣе съ Богомъ, тѣмъ мирнѣе и блаженнѣе. Тѣлесное здоровье не иное что есть, какъ равновѣсіе и согласіе огня, воды, воздуха и земли, а умирненіе бунтующихся мыслей есть здравіе души и животъ вѣчный. Естли кого ⁴⁹⁰⁾, согласія съ Богомъ три золотника только имѣетъ, тогда не больше въ немъ и мира, а когда кто 50 или 100, то въ сердцѣ его столько же и мира. Сколько ⁴⁹¹⁾ уступила тѣнь, столько наступилъ свѣтъ. Блаженны, кои день отъ дня выше поднимаются на гору пресвѣтлѣйшаго сего мира-города. Сіи-то пойдутъ отъ силы въ силу, дондеже явится Богъ Боговъ въ Сіонѣ. Восходъ сей и исходъ Израилевъ не ногами, но мыслями | совершается. д. 17. [Вотъ] Давидъ *говоритъ*: „восхождение въ сердцѣ своемъ положи. Душа наша преиде воду непостоянную“. Вотъ и Исаія: „съ веселіемъ изыдите“, т.[о]-е.[сть] съ радостію научитесь оставить ложные мѣтнія, а перейтѣ къ таковымъ: „помышленія его въ родъ и родъ“. Се-то есть Пасха или переходъ во Іерусалимъ, разумѣй, въ городъ мира и въ крѣпость его Сіонъ. Соберитесь, други мои, взыйдемъ на гору Господню, въ домъ Бога Іаковля, да скажемъ тамъ: „сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозѣ живѣ“.

Іаковъ. Ахъ гора божественная! Когда бъ мы знали, [какъ на тебе восходить.

Лонгинъ. Слушай Исаію: „съ веселіемъ изыдите“.

Аѳанасій. Но гдѣ [мнѣ] взять веселія? И что есть оное?

Лонгинъ. Страхъ Господень возвеселитъ сердце. Вотъ тебе вождь. Вотъ Ангелъ великаго совѣта. Развѣ ты не слыхалъ, что Богъ Моисею *говоритъ*?

Аѳанасій. А что?

Лонгинъ. [„Послю страхъ, ведущій тя. Се азъ] послю Ангела моего; вонми себѣ и послушай его, не обинется бо, яко имя мое на немъ есть“.

Ермолай. Скажи, другъ мой, яенѣ, какъ должно восходить?

Григорій. Прошу покорно выслушать слѣдующую басню. Пять путниковъ, за предводительствомъ Ангела своего хранителя, пришли въ царство мира и любви. Царь сей земли Мелхиседекъ никого

⁴⁸⁹⁾ У Д. И. Багалѣя—„легко добыточнымъ здѣлала“. *Прим. ред.*

⁴⁹⁰⁾ У Д. И. Багалѣя—„кто“. *Прим. ред.*

⁴⁹¹⁾ У Д. И. Багалѣя—„столько“. *Прим. ред.*

сродства не имѣть съ посторонними царями. Ничего тамъ тлѣннаго нѣтъ, но все вѣчное и любезное даже до послѣдняго волоса, а законы совсѣмъ противны тиранскимъ. Дуга, прекрасная сияніемъ, была предѣломъ и границею благословенной сей страны, съ сею надписью: „миръ первородный; къ сему миру касается все то, что свидѣтельствуется въ с.[вятѣ] писаніи о землѣ обѣтованной“. А около его какъ было, такъ и казалось все тьмою. Какъ только пришельцы приступили къ сияющей дугѣ, вышли къ нимъ на встрѣчу великимъ множествомъ безсмертные жители. Скинули съ нихъ все ветхое—какъ платье такъ и тѣло, будто одежду, а одѣли въ новое [тѣло и одежды,] вышитые золотыми сими словами: „внемли себѣ крѣпцѣ“. Вдругъ согласная зашумѣла музыка. Одинъ хоръ пѣлъ: „отверзите врата правды!...“ другою: „возмите врата вѣчная...“ Поднялися врата⁴⁹²); повели гостей къ тѣмъ обителямъ, о коихъ *говоритъ* Давидъ: „коль возлюбленна селенія твоя...“ Тамъ особливимъ согласіемъ пѣли хоры слѣдующее: „коль красны дома твои, Іакове, и кущи твоя, Израилю, яже водрузи Господь, а не человекъ“. Съѣли странники у безсмертной трапезы; предложены [имъ] ангельскіе хлѣбы; представлено вино новое, совершенный и единоплѣтній агнецъ; триплѣтная юница и коза и тотъ телець, коимъ Авраамъ потчивалъ всевождедѣннаго своего троеличнаго гостя, голуби и горлицы и манна и все, касающееся до обѣда, о коемъ писано: „блаженъ, иже съѣсть обѣдъ...“ Однако во всѣхъ веселіяхъ гости были не веселы: тайная пѣкая горестъ сердца ихъ угрызала. Не бойтесь, любезныя

л. 18. наши | гости, говорили блаженные граждане: сіе случается всѣмъ, куда вновь пришедшимъ. На нихъ должно исполниться сіе божественное писаніе: „шестияжды отъ бѣдъ изметъ тя, въ седмемъ же не коснется зло.“ Потомъ отведены были къ самому царю. Я прежде прошенія вашего знаю ваши жалобы, [сказалъ царь мира:] въ моихъ предѣлахъ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, вы сами горестъ сію занесли сюда изъ постороннихъ, языческихъ, враждебныхъ моихъ земель земли. Сказалъ царь мира. Потомъ велѣлъ ихъ Ангеламъ своимъ отвезть во врачебный домъ. Тутъ они чрезъ цѣлые шесть дней принимая рвотное⁴⁹³), въ седьмый совершенно успокоились отъ всѣхъ болѣзней своихъ, а вмѣсто горести на одномъ сердцѣ написано было сіе: „да будетъ воля твоя“; на другомъ: „праведней еси, Господи, и правы суды твои“, на третьемъ: „вѣрова Авраамъ Богу...“ На четвертомъ: „благословлю Господа на всякое время...“ На пятомъ: „о всемъ

⁴⁹²) У Новозаранльтянъ поется: „поднимите врата верхи ваша, двери вѣчныя откройте“.

При чемъ подъ „вратами“ — подразумѣваются высшіе члены общины — „четыре евангелиста“.

Прим. ред.

⁴⁹³) У Д. И. Багалѣя—„лекарство“.

Прим. ред.

благодарите...“ Въ то время вся вселенная, съ несказаннымъ веселіемъ и согласіемъ плещущая руками, воскликнула сію Исаія пѣснь: „и будетъ Богъ твой съ тобою присно, и насытишася, яко же желаетъ душа твоя, и кости твоя утучнѣютъ и будутъ, яко вертоградъ напоенный и яко же источникъ, ему же не оскудѣ вода и кости твоя прозябнутъ, яко трава, и разбогѣютъ, и наслѣдятъ роды родовъ“. Сію пѣсню всѣ до единого жители толь сладко и громко заплѣли, что и въ семь мірѣ сердечное ухо мое слышитъ ея.

Аѳанасій. Знаю, куда говоришь. А какое рвотное лѣкарство принимали они?

Григорій. Спиртъ.

Аѳанасій. Какъ сей спиртъ зовется?

Григорій. Евхаристія.

Аѳанасій. Гдѣ-жъ намъ взять его?

Григорій. Бѣдный! доселе не знаешь, что царскій в ачебный домъ есть святѣйшая Библия. Тамъ аптека, тамъ больница горняя и ангелы, а внутрь тебе самъ архіаторъ. Въ сію то больничную горницу Іерихонскаго нещастливца привозитъ человѣколюбивый самарянинъ. Въ семь одномъ домѣ можешь сыскать врачество для искорененія сердца твоего ядовитыхъ и мучительныхъ непріятелей, о коихъ написано: „враги человѣку домашніи его“. Враги твои собственные твои суть мнѣнія, воцарившіяся въ сердцѣ твоемъ и всеминутно оное мучащія, шепотники, клеветники и противники Божіи, хулящія непрестанно владычное въ мірѣ правленіе и древнѣйшіе законы обновить покушающіеся, сами себѣ во тмѣ и согласняковъ своихъ вѣчно мучащія, видя, что правленіе природы во всемъ не по бѣсноватымъ ихъ желаніямъ, не по омраченнымъ понятіямъ, но по высочайшимъ Отца нашего совѣтамъ вчера и днесъ и во вѣки свято продолжается. Сіи то неразумѣюще хулятъ распоряженіе круговъ небесныхъ, охудаютъ качество земель, порочатъ изваленіе премудрой Божіей десницы въ звѣряхъ, древахъ, горахъ, рѣкахъ и травахъ; ни чѣмъ не довольны; по ихъ нещастному и смѣшному понятію, ненадобно въ мірѣ ни ночи, ни зимы, ни старости, ни труда, ни голоду, ни жажды, ни болѣзней, а паче всего смерти: къ чему она? Ахъ бѣдное наше знаніе и понятіе ⁴⁹⁴⁾! Думаю не хуже бы мы управляли ⁴⁹⁵⁾ машиною мірскою, какъ незаконно ⁴⁹⁶⁾ воспитанный сынъ отеческимъ домомъ. Откуда сіи бѣсы вселились въ сердца наши? Не легіонъ ли ихъ въ насъ? Но мы сами занесли сію началородную тьму съ собою, родившись съ нею.

Аѳанасій. Почему ты мнѣнія называешь бѣсами?

494) У Д. И. Багалъя — „знанійцо и понятійцо“.

495) У Д. И. Багалъя — „управили“.

496) У Д. А. Багалъя — „беззаконно“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

[Григорій. А какъ же ихъ назовешъ?]

[Аѳанасій. Я не знаю.]

Григорій. Такъ я знаю! Всѣ еллинскимъ языкомъ называется *δακνων*.

Аѳанасій. Такъ что жъ?

Григорій. То что *δακνων* значить знаніе или разумѣніе⁴⁹⁷), а *δακνων*—знающій или разумѣющій. Такъ прошу простить, что малень-
ж. 19. камъ бѣсикамъ | отдалъ я фамилію великаго бѣса.

Лонгинъ. Неграмотный Марко (выслушайте басенку) добрался до рая. Вышелъ Петръ С. съ ключами и, отверзая ему райскіе двери, спрашиваетъ⁴⁹⁸): учился ли ты священнымъ языкамъ? Никакъ, отвѣчалъ простякъ. Былъ ли въ академіяхъ? Никогда, отче святой. Читалъ⁴⁹⁹) ли древнихъ богослововъ книги? Не читывалъ: я аза въ глаза не знаю. Кто же тебя направилъ⁵⁰⁰) на путь мира? Меня направили три регулки. Какія⁵⁰¹) три регулки? А вотъ они! 1-я сія: „все то доброе, что опредѣлено и святымъ людямъ,“ 2-я: „все то не велико, что получаютъ и беззаконники,“ 3-я: „чего себѣ не хочешь, другому не желай.“ Первая и вторая—домашніи, и я самъ ихъ придумалъ⁵⁰²), а третья есть апостольскій законъ, для всѣхъ языковъ данный. Первая родила во мнѣ Ювле терпѣніе и благодарность; вторая дарила свободою всѣхъ мірскихъ вождельнѣй; третья примирила меня съ внутреннимъ моимъ господиномъ. Апостоль, взглянувъ на его просвѣщеннымъ яко солнце лицомъ, сказалъ: с благословенная и благодарная душа! вниди во обитель отца твоего небеснаго и веселись вѣчно; мало ты кушалъ, а много сытъ.

Яковъ. Не разумъ отъ книгъ, но книги отъ разума родились. Кто чистыми размышленіями о истинѣ очистилъ свой разумъ, тотъ подобенъ рачительному хозяину, источникъ чистой воды живой въ домъ своемъ вырывшему, какъ написано: „вода глубока, совѣтъ въ сердцѣ мужа. Сыне, пій воды отъ твоихъ сосудовъ.“ Въ то время, немножко съ книгъ откушавъ, можетъ много пользоваться, какъ написано объ облитанномъ съ небесе Павлѣ: „и приѣмъ пищу, укрѣпился“. Таковъ то есть и сей Марко: онъ изъ числа посвящаемыхъ Богу скотовъ, жваніе отрыгающихъ. „Святы ихъ во истинѣ твоей...“ Мало кушалъ, много жевалъ и изъ маленькой суммы или искры размножилъ пламень, вселенную объемлящій. Много ли⁵⁰³) мы его больше знаемъ? Сколько мы набросали въ нашъ желудокъ священныхъ словъ? А какая польза?

497) У Д. А. Багалѣя—„зналицо или разумѣнницю“.

Прим. ред.

498) У Д. И. Багалѣя—„спрашуетъ“.

Прим. ред.

499) У Д. И. Багалѣя—„цель“.

Прим. ред.

500) У Д. И. Багалѣя—„исправилъ“.

Прим. ред.

501) У Д. И. Багалѣя—„кій“.

Прим. ред.

502) У Д. И. Багалѣя—„надумалъ“.

Прим. ред.

503) У Д. И. Багалѣя—„не много ли“.

Прим. ред.

Только засорили. Ахъ бѣдная ты жена кровоточивая, съ слабымъ желудкомъ! Вотъ чего надѣлали вредные мокроты, змиемъ апокалипсическимъ изблеванныи, отъ которыхъ Соломонъ сына своего отвлекаетъ: „отъ чуждыхъ же источниковъ да не пиши.“ Какъ же можно такому горькихъ водъ исполненному сердцу, вмѣстить миръ Божій—здравіе, радованіе, жизнь душевную? Сыщимъ прежде внутрь насъ искру истины Божіей, а она, освятивъ ⁵⁰⁴⁾ нашу тму, пошлетъ насъ къ священнымъ водъ библейныхъ Силоаму, къ которымъ призываетъ ⁵⁰⁵⁾ пророкъ... „Измыйтеся и чисты будете...“ „Отъимите лукавствіе отъ душъ вашихъ.“ Вотъ тебѣ рвотное! Не житіе ли наше есть брань? Не со змѣнными ли мнѣніями намъ нужно бороться? Не естли ли та ⁵⁰⁶⁾ Павлова благороднѣйшая баталія, о коей: „нѣсть наша брань къ плоти и крови...“ Мнѣніе и совѣтъ есть сѣмя и начало ⁵⁰⁷⁾. Сія глава гнѣздится въ сердцѣ. Что жъ, естли сія глава змѣина? Если сіе сѣмя и царство злое? Какова мира надѣется въ сердцѣ отъ тирана? Онъ челоуѣкоубійца искони: наблюдаетъ, стережетъ, любитъ и владѣетъ тьмою. И естли таковое горькое мнѣній море наполнило сердцѣ и пожерла злая глубина душу, то каково ⁵⁰⁸⁾ тамъ надѣяться свѣта? Горе, тьма. Коего веселія и сладости, гдѣ нѣсть свѣта? Какого мира, гдѣ нѣтъ жизни и веселія? Какая жизнь и миръ, | естли нѣтъ Бога? Что за Богъ, естли нѣтъ духа истинны и л. 20. духа владычня? Кій духъ истинны, естли не мысли не вещественныи и сердце чистое? Что за чистое, естли не вѣчное, какъ писано: „помышленія его въ родъ и родъ?“ Какъ же вѣчное, естли на вещество засмотрѣлось? Какъ же не засмотрѣлось, естли почитааетъ оное? Какъ же не почитааетъ, естли надѣется на оное? Какъ же не надѣется, естли тужить о разрѣшеніи праха? Не сели есть имѣть таковое сердце: „увѣждь, яко пчель сердце ихъ, и прельщаются, и ни единъ возможетъ избавить душу свою?“ Не сели есть грѣхопаденіе и заблужденіе отъ Бога въ сторону праха идолочестія? Не сели есть глава змѣина, о коей писано: „той сотретъ твою главу?“ Слушай Ермолай! вотъ какъ должно восходить на гору мира! Принимай рвотное, очищай сердце, выблюй застарѣлыя мнѣнія и не возвращайся на блевотину, пій чистую новыхъ совѣтовъ воду по вся дни. Сіе то есть переходить отъ подлости на гору, отъ горести въ сладость, отъ смерти въ животь, отъ свинныхъ лужъ къ горнимъ источникамъ еленьимъ и сагайдачнымъ. Пій потоль, доколь ⁵⁰⁹⁾ рѣки отъ чрева твоего потекутъ воды живой, утоляющей нещастнѣйшую жажду, то есть не сытость, не удовольствіе, зависть,

504) У Д. И. Багалѣя—„облиставъ“.

505) У Д. И. Багалѣя—„зоветь“.

506) У Д. И. Багалѣя—„несе-ли та“.

507) У Д. И. Багалѣя—„царство“.

508) У Д. И. Багалѣя—„коего“.

509) У Д. И. Багалѣя—„поколь“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

вождедѣніе, скуку, ропоть, тоску, страхъ, грусть, раскаяніе и прочихъ бѣсовскихъ головъ жала, душу вельми⁵¹⁰⁾ купно умерщвляющіи. Пій потоль, доколь⁵¹¹⁾ запоешъ: „душа наша, яко птица избавися... Прейде воду не постоянную.“ „Благословенъ Господь, иже не даде насъ въ ловитву зубамъ ихъ,“ поколь утѣшивша со Аввакумомъ, поя: „вложили еси въ главы беззаконныхъ смерть, азъ же о Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозе спасе моемъ,“ поя съ Анною: „утвердися сердце мое во Господѣ,“ поя съ Давидомъ: „знаменася на насъ свѣтъ лица твоего.“ Пресильный и прехитрый есть непріятель застарѣлое мнѣніе. Трудно (по Евангелію) сего крѣпкаго связати и расхитити сосуды его, когда разъ онъ въ сердцѣ возродился. Но что сладчае сего труда, возвращающаго безцѣнный покой въ сердце наше? Борися день отъ дня и выгоняй хотя по одному изъ нутра, поднимайся часъ отъ часу на гору, храбро величаясь съ Давидомъ: „не возвращуся, дондеже скончаюся...“ Се то есть приславнѣйшая сѣчь ходологоморская, отъ которой божественный побѣдитель Авраамъ возвращается.

Григорій. Живые проживаемъ, други мои, жизнь нашу, да протекаютъ безъ унынія дни наши и минуты. О всемъ нужномъ для теченія дней нашихъ промышляемъ, но первѣйше попеченіе наше пусть будетъ о мирѣ душевномъ, т. е. ⁵¹¹⁾, о жизни, здравіи и спасеніи ея. Что намъ пользы приобрѣсти цѣлой вселенной владѣніе, а душу потерять? Что ты мнѣ въ мирѣ сыщешь толь дорогое и полезное, что бѣ замѣнять отважился за душу твою? Ахъ опасно ходишь, ⁵¹²⁾ что бѣ попасть намъ войти ⁵¹³⁾ въ покой Божій въ праздникъ Господень, по крайнѣйшей мѣрѣ въ субботу, если не въ преблагословенную субботу и въ праздниковаъ праздникъ. Да получивъ шабасъ, хотя отъ
 д. 21. половины горестнѣйшихъ трудовъ | освободить ⁵¹⁴⁾ возможемъ если не осла нашего, то душу нашу, и достигнемъ, если не въ лѣто Господне блапріятное ⁵¹⁵⁾ въ седмижды седьмой или въ пятидесятый съ Апостолами годъ, когда всеобщее скотамъ и людямъ увольненіе бываетъ, то хотя нѣсколько освободимъ бѣдную душу отъ тѣхъ трудовъ: „доколь положу совѣты въ душѣ моей, болѣзни въ сердцѣ моемъ.“ Глава въ чловѣкѣ всему сердце чловѣческое. Оно то есть самый точный въ чловѣкѣ чловѣкъ, а прочее все околица, какъ учитъ Іеремія: „глубоко сердце чловѣку (паче всѣхъ) и чловѣкъ есть, и кто познаетъ его?“ Внемли пожалуй; глубоко де сердце, и чловѣкъ (оно) то есть... А что жъ есть

510) У Д. И. Багалѣя—„всѣми“.

511) У Д. И. Багалѣя—„поколь“.

512) У Д. И. Багалѣя—„сирѣчь“.

513) У Д. И. Багалѣя—„ступаймо“.

514) У Д. И. Багалѣя—„внѣй жить“.

515) У Д. И. Багалѣя—„уволить“.

516) У Д. И. Багалѣя—„пріятное“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

сердце, естли не душа? Что есть душа, естли не бездонная мысль бездна? Что есть мысль, естли не корень, сѣмя и зерно всей нашей крайней плоти, крови, кожи и прочей наружности? Видишь, что человекъ, миръ сердечный погубившій, погубилъ свою главу и свой корень. И не точной ли онъ орѣхъ, снѣденный по зерну своему червями, ничего силы кромѣ околицы не имающій. Къ сямъ то бѣднякамъ Господь съ толикимъ сожалѣніемъ у Исаи говоритъ: „приступите ко мнѣ вси погубльшіе сердце, сущіе далече отъ правды...“ Мысль есть тайная въ тѣлесной нашей машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея, а головѣ сей вся членовъ наружность, какъ обузданный скотъ, послѣдуетъ и какъ пламень и рѣка, такъ мысль никогда не почиваетъ. Непрерывное стремленіе ея есть то желаніе. Огнь угасаетъ, рѣка остановится, а не вещественная и безстихійная мысль, посящая на себѣ сугубую бренность, какъ ризу мертвую, движеніе свое прекратить,—(хоть она въ тѣлѣ, хоть внѣ тѣла)—ни какъ не сродна ни на одно мгновеніе и продолжаетъ равномолнійное своего летанья стремленіе чрезъ неограниченныя вѣчности, милліоны безконечныя. Зачѣмъ же она стремится? Ищетъ своей сладости и покою; покой ея не въ томъ, что бѣ остановиться и протянуться какъ мертвое тѣло—живой ея породѣ или натурѣ сіе не сродно и чуждо—но противное сему: она, будто во странствіи находясь, ищетъ по мертвымъ стихіямъ своего сродства и, подлыми забавами не угасивъ, но пуще распаливъ свою жажду, тѣмъ стремительнѣе отъ раболѣпной вещественной природы возносится къ вышней господственной натурѣ, къ родному своему и безначальному началу, дабы сіаніемъ его и огнемъ тайнаго зрѣнія очистившись, [уволнитись] тѣлесной земли и землянаго тѣла. И сіе-то есть ввійти въ покой Божій, очистится всякаго тлѣнія, здѣлать совершенно вольное стремленіе и безпрепятственное движеніе, вылетѣвъ изъ тѣсныхъ ⁵¹⁶⁾ вещества границъ на свободу духа, какъ писано: „постави на пространнѣ нозѣ мои... Изведе мя въ пространство.... И подыяхъ васъ, яко на крылѣхъ орлихъ, и приведе васъ къ себе.“ Сего то и Давидъ проситъ: „кто мнѣ дастъ крылѣ яко голубинѣ, и полешу и почію...“

Ермолай. А гдѣ она находитъ сіе безначальное начало и вышнее естество?

Григорій. Естли | прежде не сыщеть внутрь себе, безъ пользы л. 22. искать будетъ въ другихъ мѣстахъ. Но сіе дѣло есть совершенныхъ сердцемъ, а намъ должно обучаться букварю сея преблагословенныя субботы или покоя.

Ермолай. Побѣдить апокалипсическаго змія и страшнаго того съ желѣзными зубами звѣря, кой у пророка Даніила все на все пожи-

516) У Д. И. Багалѣя—„тѣлесныхъ.“

раетъ, остатокъ ногами попирая, есть дѣло тѣхъ героевъ, коихъ Богъ въ книгѣ числъ велитъ Моисею вписать въ нетлѣнный свой списокъ для войны, минуя женъ и дѣтей, не могущихъ умножить число святыхъ Божиихъ мужей, не отъ крови, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога рожденныхъ, какъ написано: „не соберу соборовъ ихъ отъ кровей...“ Тѣ одни почиваютъ съ Богомъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, а для насъ немощныхъ и той благодати Божіей довольно, если можемъ дать баталію съ маленькими бѣсками: часто одинъ крошечный душокъ демонскій страшный бунтъ и горькій мятежъ, какъ пожаръ душу жгущій, взбурюетъ въ сердцахъ.

Григорій. Надобно храбро стоять и не уступать мѣста діаволу; противется—и бѣжить отъ васъ. Стыдно быть [толь] женою или ⁵¹⁷⁾ младенцемъ, что бѣ не устоять намъ противу одного бездѣльнаго наѣздника, а хотя и противъ маленькой партіи. Боже мой! Колкое въ насъ нерадѣніе о снисканіи и сохраненіи ⁵¹⁸⁾ драгоценнѣйшаго *наше* небесъ и земли сердечнаго мира? О немъ одномъ долженъ человѣкъ и мыслить въ уединеніи и разговаривать въ обращеніяхъ, сидя въ дому, идя путемъ, лежа ⁵¹⁹⁾ и вставая; но мы когда о немъ думаемъ? Не все ли разговоры наши одни враки и бѣсовскіе вѣтры? Ахъ! сколь мы самихъ себя не узнали, забывъ нерукотворенный домъ нашъ и главу его—душу нашу, и главу ея—богоблаженный рай мира? Имѣемъ же за то изрядное награжденіе: трудно изъ ⁵²⁰⁾ тысячи найти одно сердце, чтобъ оно не было занято [гварнизонамъ нѣсколькихъ эскадроновъ] бѣсовскими *духами*. И понеже не обучаемся съ Аввакумомъ стоять на божественной сей стражи и продолжать всеподлѣзнейшую сію войну; затѣмъ здѣлался въ корень не радивы, глухи, глупы, пужливы, не искусны, и во все борцы разслабленные на-то, чтобъ и самая великая къ намъ милость Божія, но нами не понимаемая, въ сердце ⁵²¹⁾ наше стучалась, [какъ волкъ овцами]. Одинъ, напримѣръ, беспокоится тѣмъ, что не въ знатномъ домѣ, не съ пригожимъ родился лицомъ и не нѣжно воспитанъ; другой тужить, что хотя идетъ путемъ невиннаго житія, однако многіе какъ знатные, такъ и подлые ненавидятъ его и хулятъ, называя отчаяннымъ, негоднымъ, лицомъромъ; третій тужить ⁵²²⁾, что не получивъ званія или мѣста, которое могло бѣ ему поставить столъ, изъ десяти блюдъ состоящей, а теперь только что по шести блюдъ изволить кушать; четвертый

517) У Д. И. Багалѣя—„и.“

Прим. ред.

518) У Д. И. Багалѣя—„охраненіи.“

Прим. ред.

519) У Д. И. Багалѣя—„легаяя.“

Прим. ред.

520) У Д. И. Багалѣя—„въ силу съ.“

Прим. ред.

521) У Д. И. Багалѣя—„такъ сердцемъ нашимъ колотила.“

Прим. ред.

522) У Д. И. Багалѣя—„кручинится.“

Прим. ред.

мучится, какимъ бы образомъ не лишится, правда что мучительнаго, но притомъ и прибыльнаго ⁵²³⁾ званія, дабы въ праздности не умереть отъ скуки, не разсуждая, что нѣтъ полезнѣе и важнѣе, какъ богомудро управлять внѣшнею ⁵²⁴⁾ домашнею, а внутреннею душевною экономіею, то-есть | узнать себѣ и здѣлать порядоки въ сердцѣ своемъ; л. 23. пятый терзается, что, чувствуя въ себѣ способность къ услугѣ обществу, не можетъ за множествомъ кандидатовъ продратся къ принятію должности, будто одни чиновные имѣютъ случай быть добродѣтельными и будто услуга разнится отъ добраго дѣла, а доброе дѣло отъ добродѣтели; шестой тревожится, что начала предъявляться въ его волосахъ сѣдина, что приближается часъ отъ часу съ ужасною арміею не милосердная старость, что съ другимъ корпусомъ за нею слѣдуетъ необходимая смерть, что начинаетъ ослабѣвать все тѣло, притупляются глаза и зубы, не въ силахъ уже танцевать, не столько много и вкусно пить и ѣсть и проч[ая]... Но можно ли счесть не исчетные тмы нечистыхъ духовъ и черныхъ вороновъ, или съ Павломъ сказать духовъ злобы поднебесныхъ, по темной и неограниченной безднѣ, по душѣ нашей, будто по пространнѣйшемъ воздухѣ, шатающихся? Сіи все еще не исполины, но самые бездѣльные [какъ собачки постѣлнн.] души, однако дѣйствительно колеблуть наше неискусное въ битвѣ и не вооруженное совѣтами сердце; самый послѣдній бѣсишка тревожитъ нашъ не укрѣпленный городокъ; что жъ естли дѣло дойдетъ до львовъ? Открою вамъ, други мои, слабость мою. Случилось мнѣ въ неподлой компаніи, не безъ удачи быть участникомъ разговора. Радовался я тѣмъ, но радость моя вдругъ исчезла: двѣ персоны начали хитро ругать и осмѣивать меня, вмѣшивая ⁵²⁵⁾ въ разговоры такіе алмазные слова, кои тайно изображали подлой мой родъ и низкое состояніе и телѣсное безобразіе. Стыдно мнѣ вспомнить, сколь встревожилось мое сердце, а паче что сего отъ нихъ не чаялъ; насилу ⁵²⁶⁾ я по долгомъ размысленіи возвратилъ мой покой, вспомнивъ, что они бабыны сыны.

Аеанасій. Что сіе значитъ?

Григорій. Баба покупала горшки, амуры молодыхъ лѣтъ еще и тогда ей отыгались. А что за сей хорошенькій?... За сей ⁵²⁷⁾ дай хоть три полушки, отвѣчалъ горшечникъ... А за того гнусово—вотъ онъ—конечно полушка? За тотъ ниже двухъ копѣекъ не возьму.. Что за чудо? У насъ бабка—сказалъ мастеръ—не глазами выбираютъ, мы испытуемъ чисто ли звонить. Баба хотя была не подлаго вкуса, однако

523) У Д. И. Багалѣя—„прибылаго.“

524) У Д. И. Багалѣя—„не внѣшнею.“

525) У Д. И. Багалѣя—„вкидая“.

526) У Д. И. Багалѣя—„въ силу“.

527) У Д. И. Багалѣя—„тово“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

не могла отвѣчать, а только сказала, что она и сама давно сіе знала да вздумать не могла.

А еанасій. Сіи люди, имѣя съ собою одинакій вкусъ, совершенно доказываютъ, что они плодъ райской сей яблони.

Яковъ. Законное житіе, твердый разумъ, великодушное и мило-сердное сердце есть то чистый звонъ почтенной персоны.

Григорій. Видите, други мои, сколько мы отродились отъ предковъ своихъ? Самое подлое бабье мнѣніе ⁵²⁸⁾ можетъ встревожить ⁵²⁹⁾ наше сердце.

Ермолай. Не погнѣвайся; и самъ Петръ С. испугался бабы: „бесѣда, де, твоя явѣ ты творить, что галилеянинъ еси“.

Лонгинъ. Но таковое ли сердце было у древнихъ предковъ?

л. 24. Кто можетъ безъ ужаса вспомнить Іова? | Однако совсѣмъ тѣмъ пишется: „и не даде Іовъ безумія Богу...“ Внимай, что пишетъ Лука о первыхъ христіанахъ? „Бѣ въ нихъ едина душа и едино сердце...“ А что-жъ то? Какое въ нихъ было сердце? Кромѣ согласной ихъ любви вотъ какое: „они же убо радовахуся, яко за имя Господа Іисуса сподобихася пріяти безчестіе...“ Но вотъ еще геройское сердце: „хулимы утѣшаемся; радуяся во страданіяхъ моихъ...“ Кто можетъ безъ удивленія прочесть ту часть его письма, которая читается въ день торжества его? Она есть позорищемъ прекраснѣйшихъ чудесъ, плѣняющихъ сердечное око. Великое чудо! Что другихъ приводитъ въ горчайшее смущеніе, то Павла веселитъ, дышущаго душею, здоровому желудку подобно, который самую твердѣйшую и грубѣйшую пищу въ пользу варитъ. Не се-ли имѣтъ сердце алмазное? Тягчайшій ударъ все прочѣе сокрушаетъ, а его утверждаетъ. О мире! Ты Божій, а Богъ твой! Сіе-то значитъ истинное щастіе—получить сердце, адамантовыми стѣнами огражденное, и сказать: „сила Божія съ нами: миръ имамы къ Богу...“

Ермолай. [Ахъ] высокій сей миръ; трудно до него добраться. Коль чудное было сердце сіе, что за все Богу благодарило.

Лонгинъ. Не возможно, трудно, но достоинъ онъ и большого труда. Трудно, [но безъ него, тысяча разъ труднѣе. Трудно,] но сей трудъ освобождаетъ насъ тяжчайшихъ безчисленныхъ трудовъ сихъ: „яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ. Нѣсть мира въ костехъ моихъ...“ Не стыдно ли сказать, что тяжело несть сіе ярмо, когда, нося его, находимъ толикое сокровище—миръ сердечный?... „Возмите иго мое на себе и обрячете покой душамъ вашимъ“. Сколько мы терземъ трудовъ для маленькой пользы, а часто и для бездѣлицъ, не рѣдко и для вреда? Трудно одѣтъ и питать тѣло, да надобно и нельзя безъ сего: Въ семь состоитъ жизнь тѣлесная, и никто о семь трудѣ каются не

528) У Д. И. Багалѣя—„бабское мнѣніе“.

529) У Д. И. Багалѣя—„поколотить“.

Прим. ред.

Прим. ред.

долженъ, а безъ сего попадетъ въ тягчайшую горестъ, въ холодъ, голодь, жажду и болѣзни. Но не легче ли тебѣ питаться однимъ зелиемъ суровымъ и притомъ имѣть миръ и утѣшеніе въ сердцѣ, нежели надъ изобильнымъ столомъ сидѣть гробомъ поваленнымъ, исполненнымъ червей неусыпаемыхъ, душу день и ночь безпокою угрызающихъ? Не лучше ли покрыть тѣло ⁵³⁰⁾ самою бѣдною ⁵³¹⁾ одеждою и притомъ имѣть сердце, въ ризу спасенія и одеждою веселія одѣтое, нежели носить златотканное платье и между тѣмъ таскать геенскій огонь въ душевномъ нѣдрѣ, печальми бѣсовскихъ манеровъ сердце опаляющій? Что пользы сидѣть при всякомъ довольствѣ въ нутри красныхъ угловъ тѣломъ твоимъ, естли сердце ввержено въ самую крайнѣйшую тьму неудовольствія | изъ украшеннаго чертога, о коемъ пи- л. 25. шется: „птица обрѣте себѣ храмину, основана-бо бѣ на камени... Камень же бе Христосъ... Иже есть миръ нашъ... Душа наша яко птица избавися, и сѣтъ сокрушися. Кто дастъ мнѣ криле...“ Что жъ ты мнѣ представляешь трудность? Естли кто попалъ въ ровъ или бездну водяную, не долженъ думать о трудности, но о избавленіи. Естли строишь домъ, строй для обоихъ существа твоего частей—души и тѣла. Естли украшаешь и одѣваешь тѣло, не забывай и сердца. Два хлѣба, два дома, и двѣ одежды, всего два рода есть, всего есть по двое, потому ⁵³²⁾ что есть два человѣка въ человѣкѣ одномъ и два отца небесный и земный, и два міра, первородный и временный, и двѣ природы, божественная и тѣлесная, во всемъ на всемъ... Естли жъ оба сіи естества смѣшать въ одно и признавать одну только видимую природу, тогда-то бываетъ совершенное ⁵³³⁾ идолопоклоненіе; и сему-то единственно препятствуетъ священная Библия, находясь дугою, всю тлѣнь ограничивающею, и воротами, вводящими сердца наши въ вѣру богознанія, въ надежду господственной природы, въ царство мира и любви, въ миръ первородный. И сіе-то есть истинный и твердый миръ—вѣрить и признавать господственное естество и на оное, какъ на неоторимый городъ, положиться и думать: „живъ Господь Богъ мой...“ Тогда-то скажешь: „и жива душа моя...“ А безъ сего, какъ тебѣ положится на тлѣнную природу? Какъ не вострепетать, видя, что вся тлѣнь всемирно родится и исчезаетъ? Кто не обезпокоится, смотря на погибающую существа исту? Таковыя пусть ⁵³⁴⁾ не ожидаютъ мира и слушаютъ Исаи: „возволнуются и почити не могутъ. Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь Богъ...“ Вонъ смотри, кто восходитъ на гору

530) У Д. И. Багалѣя—„тѣшлико“.

531) У Д. И. Багалѣя—„нищю“.

532) У Д. И. Багалѣя—„затѣмъ“.

533) У Д. И. Багалѣя—„родное“.

534) У Д. И. Багалѣя—„пускай“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

мира? „Господь сила моя и учинить ноги мои на совершение, и на высокая возводитъ мя, еже побѣдити ми въ пѣсни Его,“ признаваетъ Господа и предъ ненавидящимъ ⁵³⁵⁾ Его поеть, а Господь ведетъ его на гору мира. Не признаніе Господа есть мучительнѣйшее волнованіе и смерть сердечная, какъ Аввакумъ же поеть: „вложилъ еси во главы беззаконныхъ смерть“. Сію главу Давидъ называетъ сердцемъ и оно-то есть главизна наша: „глава окруженія ихъ“. „Что за глава? Трудъ м. 26. устенъ ихъ. Что за уста? Доколе положу совѣты въ душѣ | моей, болѣзни въ сердце моемъ...“ Трудъ устенъ есть-то [болѣзнь сердца, а болѣзнь сердца есть-то] смерть, вложенная во главы беззаконниковъ ⁵³⁶⁾, а родная смерть сія, душу убивающая жаломъ, есть смѣшеніе въ одно тлѣнной и божественной природы, а смѣшенное сіе сляніе есть устраненіе отъ божественнаго естества въ страну праха и пепела, какъ писано: егда исповѣстеса тебѣ „персть“; а устраненіе есть-то грѣхонаденіе, какъ написано: „грѣхонаденіе кто разумѣеть?“ О грѣхѣ вотъ что Сирахъ *говоритъ*: „зубы его зубы львовы, убивающіи душу...“ „Вотъ тьма! Вотъ заблужденіе! Вотъ несчастіе! Видишь, куда насъ завела тлѣсная натура, чего надѣлало сляніе естества! Оно есть точное ⁵³⁷⁾ идолобѣшенство и устраненіе отъ блаженной природы и невѣдѣніе о Богѣ. Такоговаго нашего сердца и извѣстная есть печать та, что ни о чемъ кромѣ тлѣснаго не стараемся, точныи язычники, „всѣхъ бо сихъ и языцы ищутъ“, а естли хотъ мало поднять къ блаженной природѣ очи, то [тотъ часъ] кричимъ: трудно! трудно! Сіе-то есть называть сладкое горькимъ, но праведникъ отъ вѣры живъ *естъ*. А что жъ есть вѣра, естли не обличеніе или изъясненіе сердцемъ понимаемой невидимой природы? И не сіе-ли есть быть истиннымъ ⁵³⁸⁾ Израилемъ, все надвое раздѣляющимъ и отъ всего видимаго невидимую половину Господеви своему посвящающимъ? О семъ-то щастливцѣ Павелъ вотъ что говорить: „елицѣ правиломъ симъ жительствуютъ, миръ на нихъ и милость“. Скажи пожалуй, чѣмъ замѣшается тотъ, кто совершенно знаетъ, что ничего погибнуть не можетъ, но все въ началѣ своемъ вѣчно и неврединно пребываетъ?

Ермолай. Для меня сіе темновато.

Лонгинъ. Какъ не темновато лежащему въ грязи невѣрія! Продирай пожалуй око и прочитай взоръ; царствіе блаженной природы, хотя утаенное, однако внѣшними знаками себя свидѣтельствуеть ⁵³⁹⁾ [дѣлаеть], печатая слѣды свои по пустому веществу, будьто справедли-

535) У Д. И. Багалѣя—„невидящимъ“.

Прим. ред.

536) У Д. И. Багалѣя—„беззаконныхъ“.

Прим. ред.

537) У Д. И. Багалѣя—„родное“.

Прим. ред.

538) У Д. И. Багалѣя—„роднымъ“.

Прим. ред.

539) У Д. И. Багалѣя—„не не свидѣлственно себѣ“. *Прим. ред.*

вѣйшій рисунокъ по живописнымъ краскамъ. Все вещество есть красная грязь и грязная краска и живописный порошокъ, а блаженная натура есть сама началомъ, то есть безначальною инвенціею или изобрѣтеніемъ и премудрѣйшею делинеаціею, всю видимую фѣрбу носящею, которая нетлѣнною своею силѣ и существу такъ сообразна, будто одежда тѣлу. Называетъ видимость одеждою самъ Давидъ: „вся яко риза обветшаетъ...“ а рисунокъ—то пядію, то милями ⁵⁴⁰), то десницею, то истинною: „красота въ десницѣ твоей...“ „Пядію измѣрилъ еси...“ „Десница твоя воспріять мя...“ „Истина Господня пребываетъ во вѣки“; таковымъ взоромъ взиралъ и на тѣло свое: „руце, (де) твои сотвористе мя...“ Упоминаетъ ⁵⁴¹) непостоянную тлѣнности своей воду. „Душа наша преиде воду непостоянную“; проникаетъ мыслю въ самую силу и царство таящейся въ прахѣ его десницы Вышняго и кричитъ: „Господь защититель живота моего, отъ кого утрашуся. Блаженны яже избралъ и пріялъ еси Господи...“ Щасливы прелетѣвшіи ⁵⁴²) въ царство блаженной природы, о семъ то Павелъ: „по земли ходяще обращеніе имамы на небесѣхъ“; сей же миръ и Соломонъ пишетъ: „праведныхъ души въ руке Божіей, и не прикоснется имъ мукъ...“ Сіе же тайно образуетъ церк- л. 27. монія обрѣзанія и крещенія. Умереть со Христомъ есть то оставить стихійную немощную натуру, а перейти въ невидимая и горняя мудрствовать. Тотъ уже перешолъ, кто влюбился въ сіи сладчайшія слова: „плоть ничто же, *духъ животворитъ*...“ Все то плоть, что тлѣнное. Сюда принадлежитъ Пасха, воскресеніе и исходъ въ землю обѣтованную. Сюда взидоша колѣна Израилева предъ Господа. Тутъ всѣ пророки и апостолы „во градѣ Бога нашего въ горѣ святой Его, миръ на Израилѣ“.

Ермолай. Темно говоришь.

Аванасій. Ты толь загустилъ рѣчь твою библейными фигурами ⁵⁴³), что нельзя разумѣть.

Лонгинъ. Простите, други мои, чрезмѣрной моею склонности къ сей книгѣ. Признаю горячую мою страсть. Правда, что изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ тайная сила и маніе влечетъ меня къ нравоучительнымъ книгамъ и я ихъ паче всѣхъ люблю: они врачуютъ и веселятъ мое сердце, а Библию началъ читать около тридцати лѣтъ рожденія моего, но сія прекраснѣйшая для меня книга надъ всѣми другими ⁵⁴⁴) [полюбовницами] верхъ одержала, утоливъ мою долговременную

540) У Д. И. Багалъя—„цѣпью землемѣрною“.

541) У Д. И. Багалъя—„минаетъ“.

542) У Д. И. Багалъя—„перелетѣвшіи“.

543) У Д. И. Багалъя—„лоскутьямъ“.

544) У Д. И. Багалъя—„моими“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

алчбу и жажду хлѣбомъ и водою, сладчайшей паче меда и сота Божіей правды и истины, и чувствую особливую мою къ ней природу. [Убѣгаю] убѣгаю и убѣжалъ, за предводительствомъ Господа моего, всѣхъ житейскихъ препятствій и плотскихъ вождѣній, дабы могъ спокойно наслаждаться въ пречистыхъ объятіяхъ краснѣйшей паче всѣхъ дочерей человѣчскихъ сей Божіей дщери. Она мнѣ изъ непорочныхъ ложеснъ своихъ родила того чуднаго Адама, который⁵⁴⁵⁾ какъ учить Павелъ, „созданный по Бозѣ, въ правдѣ и подобіи и истинѣ“, и о коемъ Исаія: „родъ же Его кто исповѣсть?“ Никогда не могу довольно надивиться пророчей премудрости. Самые праздные въ ней тонкости для меня кажутся очень важными: такъ всегда думаетъ влюбившійся. Премногіи никакова вкуса не находятъ въ сихъ словахъ: „Веніаминъ волкъ, хищникъ, рано ястъ еще и на вечеръ даетъ пищу: очи твои на исполненіяхъ водъ...“ А мнѣ они несказанную въ сердце вливаютъ сладость и веселіе, чѣмъ чаще ихъ отрыгая жваніе жую. Чѣмъ было глубочае и безлюднѣе уединеніе мое, тѣмъ щастливѣе мое сожителство съ сею возлюбленною въ женахъ и симъ Господнимъ жребіемъ я доволенъ. Родился мнѣ мужескъ полъ, совершенный и истинный человѣкъ, умираю не безъчаденъ. И въ семъ человѣкѣ похваляюся, дерзая съ Павломъ: „не всуе текохъ“. Се то тотъ Господень человѣкъ, о коемъ писано: „не отемнесте очи его“.

Григорій. Если вамъ не нравится библейная пища⁵⁴⁶⁾, то поведемъ нашъ разговоръ другимъ образомъ. Цѣлое воскресное утро мы провели о томъ бесѣдою, о чемъ всегда мыслить долженствуемъ. Завтрянній день есть работный. Однакоъ когда къ вечеру соберетесь, л. 28. то внятнѣе побесѣдуемъ | о душевномъ мирѣ. Онъ всегда достоинъ нашего вниманія, находясь всего житія нашего предположеннымъ⁵⁴⁷⁾ концомъ и пристанищемъ.

К О Н Е Ц Ъ.

⁵⁴⁵⁾ У Д. И. Багалѣя—„кой“.

⁵⁴⁶⁾ У Д. И. Багалѣя—„библейные укрухи“.

⁵⁴⁷⁾ У Д. И. Багалѣя—„намѣреннымъ“.

Прим. ред.

Прим. ред.

Прим. ред.

Кольцо.

л. 1.

Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ⁵⁴⁸⁾.

П и с ь м о к ъ С. И. Т е в я ш е в у.

Милостивый Государь,

л. 2.

Идутъ къ вамъ два разговора, жаждущіе вашего лицезрѣнія. Удостоите ихъ своего пріятія. Они уже прежде рожденія своего опредѣлены добродушію вашему духу. Почтеніе мое къ челоуѣколюбному и кротчайшему батюшкѣ вашему, усердіе мое къ вамъ, и доброжелательство къ дѣлой фамиліи вашей, приносятъ оныя. Душа есть Mobile regretium: движимость непрерывная. Крыла ея, есть мысли, мнѣнія, совѣты; она или желаетъ чего, или убѣгаетъ отчего; желая—любить, убѣгая—боится. Если не знаетъ чего желать, а сего убѣгать, тогда недоумѣетъ, сомнѣвается, мучится, суда и туда нашъ шарикъ качается: мѣтется, и вертится, какъ магнитная стрѣла: доколь не устремитъ взоръ свой, въ дрожайшую точку, холоднаго сѣвера.

Такъ и душа, наконецъ, когда нашла того, кого нигдѣ нѣтъ и вездѣ есть, щастлива. Сей одинъ довлѣетъ ея насытить, а безъ сего, глотаетъ воздухъ, съ ядущимъ, вся дни живота своего землю зміемъ.

548) Эта работа Г. С. Сковороды является распространенной редакціей предыдущей рукописи, носящей тоже заглавіе: „Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ“. „Кольцо“ (см. 211^ю стр.). Подлинникъ рукописи до сего времени не найденъ. До насъ дошла хорошая копія, хранящаяся въ „Московскомъ Румянцевскомъ Музѣѣ“, гдѣ она значится по описи № 764, тетрадь „1“. На заглавномъ листѣ рукописи написано: „Сочиненія Сковороды. „Кольцо“. Потомъ идетъ письмо Г. С. Сковороды къ С. И. Тевяшеву. Вслѣдъ за письмомъ начинается сама рукопись, озаглавленная такъ: „Кольцо. Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ“. Въ рукописи всего 111 стр. Рукопись эта переписана неизвѣстнымъ переписчикомъ въ первой четверти XIX вѣка. Переписчикъ вездѣ вмѣсто ѣ пишетъ е. Такъ какъ это правописаніе не принадлежитъ Сковородѣ, то мы вездѣ восстанавливаемъ букву ѣ. Фотографическая копія этой рукописи въ настоящее время хранится въ Сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, гдѣ значится по описи „Сект. 2851“. Именно съ этой фотографической копіи печатаемъ мы эту рукопись Г. С. Сковороды.

Прим. ред.

Мнѣнія подобны воздуху, онѣ между стихіями не виденъ, но твердѣе земли, а сильнѣе воды; ломаетъ дерева, низвергаетъ строенія, гонитъ волны и корабли, ѣстъ желѣзо и камень, тушитъ и разъяряетъ пламень.

Такъ и мысли сердечныя, онѣ не видны, какъ будто ихъ нѣтъ, но отъ сей искры весь пожаръ, мятежь и сокрушеніе; отъ сего зерна, зависить цѣлое жизни нашей дерево; естли зерно доброе, добрыми (въ старости нанпаче) наслаждаемся плодами; какъ съешь, такъ и жнетъ.

Весьма я радъ буду, естли сія книжечка, въ прогнаніи только нѣсколькихъ дней скуки послужить; но какъ я доволенъ, естли она хоть въ капль внутренняго мира, поспособствуетъ; вседражайшій сердечный миръ, подобенъ самымъ драгоценнымъ камушкамъ: одна крошечка цѣну свою имѣетъ; естли станемъ его одну каплю щадить, тогда можемъ со временемъ имѣть, цѣлую чашу спасенія.

Разливши мысли наши по однимъ наружнымъ попеченіямъ, и непомышляемъ одушѣ: не разсуждая, что отъ нее всякое дѣло и слово истекаетъ, а естли сѣмя зло нельзя не послѣдовать худымъ плодамъ, все насъ сырыхъ оставить, кромѣ сего не отъемлемаго сокровища. |

л. 3.

Представте себѣ смѣсь людей, во всю жизнь, а паче въ кончину лѣтъ своихъ, тоскою, малодушіемъ, отверженіемъ утѣхъ, задумчивою грустью, печалью, страхомъ, среди изобилія отчаяніемъ безъ ослабы мучащихся, и вспомните, что все сіе зло и родное нещастіе родилось отъ преслушанія сихъ христовыхъ словъ:

„Ищите прежде царствія Божія...“

„Возвратися въ домъ твой...“

„Царствіе Божіе внутрь васъ есть...“

„Омый прежде внутренность стакана...“

Но благодареніе Всевышнему за то, что никогда не бываетъ поздній трудъ въ томъ, что для человѣка есть самонужнѣйшее.

Царствіе Божіе вдругъ, какъ молнія, озаряетъ душу и для приобрѣтенія Вѣры надобенъ одинъ точію пунктъ времени.

Дай Боже вамъ читать Слово Божіе со вкусомъ и примѣчаніемъ: дабы исполнилось на васъ:

„Блаженны слышавши Слово Б.[ожее] и хранящ.[іе]

Другій разговоръ скоро послѣдуетъ. А я пребуду.

М. Г.

Вашего благородія

Покорнѣйшій слуга.

Любитель Священныя Библіи

Григорій Сковорода.

Кольцо.

ДРУЖЕСКІЙ РАЗГОВОРЪ О ДУШЕВНОМЪ МИРѢ.

Лица: Аванасій, Іаковъ, Лонгинъ, Ермолай, Григорій.

Григорій. Перестаньте, пожалуйста! дорогіе гости мои! пожалуйста перестаньте шумѣть; прошу покорно, что за шумъ и смятеніе? Одинъ кричитъ: скажи мнѣ силу слова сего: знай себе. Другой: скажи мнѣ прежде, въ чемъ состоитъ и что значитъ премудрость? Третій вопіетъ: вся премудрость пустошь безъ мира. Но знаетъ ли, что есть миръ? Тутъ сумма щастія.

Слыхали-ль вы братія, четвертый вмѣшавшись возглашаетъ, слыхали-ль вы, что значитъ Египетское Чудовище, именуемое Сфинксъ? Что за срамъ думаю, что такого вздору не было и въ самомъ столпотвореніи. Сіе значитъ не разговоръ вести, но подѣлавшись вѣтрами вздувать волны на Черномъ морѣ; если же рассуждать о мирѣ должно говорить осторожно и мирно. Я мальчикомъ слыхалъ, отъ знакомаго персіанина слѣдующую басенку:

Нѣсколько чужестранцевъ путешествовали въ Индіи. Рано вставали, спрашивали хозяина о дорогѣ. Двѣ дороги — говорилъ имъ чело-вѣколюбивый старикъ, вотъ вамъ двѣ дороги, служащія вашему намѣренію: одна напрямикъ, а другая съ обинякомъ. Совѣтую держаться обиняка. Не спѣшите и далѣе пройдетъ, будьте осторожны, помните, что вы въ Индіи. Батюшка! мы не трусы, вскричалъ одинъ вострякъ: мы европейцы, мы ѣдимъ по всѣмъ морямъ, а земля намъ не страшна вооруженнымъ. Идя нѣсколько часовъ нашли кожаной мѣхъ съ хлѣ-

бомъ, и такое-жъ судно съ виномъ, наѣлись и напились довольно, отдыхая подъ камнемъ, сказалъ одинъ: не дастъ ли намъ Богъ другой находки? Кажется нѣчтось вижу впередъ по дорогѣ, взгляните по ту сторону бездны чернѣть, что то... Одинъ говоритъ: кожаной мѣшище, другой угадывалъ, что обгорѣлый пнище; иному казался камень, иному городъ, иному село. Послѣдній угадалъ точно, они всё тамъ посѣли, нашедши на индѣйскаго дракона, всё погибли, спасся одинъ, находясь глупѣе, но осторожнѣе. Сей по нѣкимъ примѣчаніямъ и по внутреннему предвѣщающему ужасу притворился остаться за нуждою на сей сторонѣ глубочайшей яруги и услышавъ страшной умерщвляемыхъ вой, поспѣшно воротился въ сторону, одобривъ старинныхъ вѣковъ пословицу: боязливаго сына матери плакать нечего.

Не спорю: будь сія басня нестаточною, но она есть чучеломъ весьма схожимъ на житіе человѣческое. |

л. 5.

Земнородный ничѣмъ скорѣе не попадаетъ въ нещастіе, какъ скоропостижною наглостію, и скажу съ приточникомъ что безсовѣтіемъ уловляются беззаконные, есть бо крѣпка мужу свои устнѣ, и пѣняются устнами своихъ устъ. Посмотрите на людскую толпу и смѣсь, увидите, что не точію пожилые, но и самыя, съ нихъ молодчики льстятъ себѣ, что они вооружены рогомъ единорога, спасающимъ ихъ отъ нещастія: уповая, что какъ очамъ ихъ очки, такъ свѣтъ и совѣтъ не нуженъ сердцу ихъ.

Сія надежда здѣлала ихъ оплошными, нагими въ путехъ своихъ и упрямыми.

А естли мой молокососный мудрецъ здѣлается двухъ или трехъ языковъ попугаемъ, побывавъ въ знатныхъ компаніяхъ и въ славныхъ городахъ, естли вооружится ариеметикою и геометрическими кубами, пролетѣвъ нѣсколько десятковъ любовныхъ исторій и гражданскихъ, и проглянувъ неколикое число коперниканскихъ пилюль: во время оно Платоны, Солоны, Сократы, Пифагоры, Цицероны и вся древность, суть одни только метелеки, надъ поверхностію земли летающія въ сравненіи нашего высокопарнаго орла къ неподвижнымъ солнцамъ возлетающаго и всё на океанѣ острова пересчитавшаго; тутъ то выныряютъ хвалители проповѣдающія и удивляющіяся новорожденной въ его морѣ премудрости, утаенной отъ всѣхъ древнихъ, яко не просвѣщенныхъ вѣковъ безъ коей однако не худо жизнь проживалась. Тогда то уже всѣхъ древнихъ вѣковъ реченія великій сей дѣй пересуживаетъ, и будто ювелиръ камушки по своему благоволѣнію, то одобряетъ, то обезцѣняетъ, сдѣлавшись вселенскимъ судіею. А что уже касается до Моисея и пророковъ, и говоритъ нечево, онъ и взгляду своего не удостоиваетъ сихъ вздорныхъ и скучныхъ говоруновъ; сожалѣетъ будто бъ о ночныхъ птичкахъ и неопыряхъ, въ нещастный мракъ суевѣрія влюбившихся. Все то у него суевѣріе, что понять и принять горячка его не можетъ

И подлинно: возможно-ли, что бы сіи терновники могли нѣчто разумѣть о премудрости, о щастіи, о душевномъ мирѣ, когда имъ и не снилось что земля есть планетою? что около Сатурна есть Луна? А можетъ быть и не одна. Любезные други! сіи то молодецкіе умы плѣненны своими мнѣніями. Какъ бы лестною блудницею и будто умною бѣснующіяся горячкою, лишены оберегателей своихъ, безпутно и безсовѣстно стремятся въ погибель. Портретъ ихъ живо описалъ Соломонъ въ концѣ главы 7-й въ притчахъ отъ 20 стиха. Съ таковыми мыслями продолжаютъ путь къ старости безчисленное сердцецъ множество, язвою своею заражая, нахальными нарушители печати Кесаря Августа: „Спѣши да исподоволь“.

Ругатели мудрыхъ, противники Богу и прѣдкамъ своимъ поколь вознесшихъ до небесъ, попадутся въ зубы мучительнѣйшему безумію, у древнихъ адомъ образованному, безъ освобожденія, что бы исполнилось на нихъ: „видѣхъ | Сатану яко молнію... Да и кто жъ не дерзаетъ быть вождемъ къ щастію? Поколь Александръ Македонскій велъ въ домѣ живописца разговоръ о сродномъ и знакомомъ ему дѣлѣ, съ удивленіемъ все его слушали, потомъ сталъ судейски говорить о живописи, но какъ только живописецъ шепнулъ ему въ ухо, что и самые краскотіоры начали ему смѣяться, тотъ часъ пересталъ. Почувствовалъ человѣкъ разумный, что царю не было времени въ живописныи тайны вникнуть; но прочимъ Александроваго ума не достаетъ. Если кто въ какую-либо науку влюбился, успѣлъ и прославился, тогда мечтаетъ что всякое уже веденіе отдано ему за невѣстою его въ приданое. Всякій художникъ о всехъ ремеслахъ судейскую произноситъ сентенцію, не разсуждая, что одной наукѣ хорошо научиться едва достанетъ цѣлый вѣкъ человѣческой.

Ни о коей же наукѣ чаще и отважнѣе не судятъ, какъ о той, которая дѣлаетъ блаженнымъ человѣка, потому я думаю, что всякому сіе нужно, такъ будто всякому и жить должно.

Правда, что говорить и испытывать, похвально, но усыновлять себя веденіе сіе дурно и погибельно. Однако жъ думаютъ, что всякому легко сіе знать можно.

Не диковина дорогу сыскать, но никто не хочетъ искать, всякъ своимъ путемъ бредеть и другаго ведетъ, въ семъ то и трудность. Провѣдуетъ о щастіи историкъ, благовѣститъ химикъ, возвѣщаетъ путь щастія физикъ, логикъ, граматикъ, землемѣръ, воинъ, отступщикъ, часовщикъ, знатный и подлый, богатъ и убогъ, живой и мертвый... Все на седалищѣ учителей сѣли; каждый себя науку сію присвоилъ.--

Но ихъ ли дѣло учить, судить, знать о блаженствѣ? Сіе слова есть апостоловъ, пророковъ, священниковъ, богомудрыхъ проповѣдниковъ, и просвѣщенныхъ христіанскихъ учителей, коихъ никогда общество не лишается. Развѣ не довольно для ихъ неба и земли со-

всѣмъ вмѣщающимся. Сія должность есть тѣхъ, коимъ сказано: „миръ мой оставляю вамъ, одинъ со всѣхъ тварей, человѣкъ остался для духовныхъ, да и въ семь самомъ портной взялъ одежду, сапожникъ сапоги, врачъ тѣло; одинъ только владѣтель тѣла остался для апостоловъ.

Онъ есть—сердце человѣческое.

Знаешь ли сколько огнедышущихъ горъ по всему шару земному? Сія правда пускай тебѣ обогатитъ, пускай поставитъ въ списокъ почетныхъ людей, не спору, но не ублажитъ сердца твоего, сія правда не та, о коей Соломонъ:

„Правда мужей, право избавить ихъ...“

Твоя правда на шарѣ земномъ, но апостольская правда внутри насъ, какъ написано:

„Царствіе Божіе внутри васъ есть.“

Иное дѣло знать вершины рѣки Нила, и планъ Лабиринта; а другое разумѣть исту шастія. Не вдругъ ты попалъ въ царство мира, когда узналъ, кто насадилъ городъ аонейскій? И не то сердце есть несмысленною, а не просвѣщенною тварью, что не разумѣетъ, гдѣ Великое и гдѣ Средиземное море, но душа не чувствующая Господа

д. 7. своего, есть чучела чувства лишенная.

| Море отъ насъ далече, а Господь нашъ внутри насъ есть, въ сердцѣ нашемъ. Если кто странствуетъ по планетамъ, бродитъ вѣкъ свой по исторіямъ, какъ можетъ знать, что дѣлается въ сердцѣ? Иное то есть веселіе, о которомъ написано: „веселіе сердца животь человѣку...“ Пускай бы каждый художникъ свое дѣло зналъ. Больные не могутъ въ пищѣ чувствовать вкуса: сіе дѣло есть здоровыхъ; такъ о мирѣ судить однимъ тѣмъ свойственно, коихъ душа Миромъ ублажена.

Щастіе наше есть миръ душевный; но сей миръ ни къ коему либо веществу не причитается: онъ ни золото, ни серебро, ни древо, ни огонь, ни вода, ни звѣзды, ни планеты. Кая жъ приличность учить о мирѣ тѣмъ, коимъ вещественный сей миръ предметомъ? Иное садъ разводитъ, иное плетень дѣлать, иное краски тереть, иное разумѣть рисунокъ, иное дѣло вылѣпить тѣло, иное дѣло водхнуть въ душу веселіе сердца. Вотъ чье дѣло сіе есть: „Коль красны ноги благовѣствующихъ... симъ то общано: „сядете на престолѣхъ... всѣмъ блаженство, всѣмъ миръ нуженъ, для того сказано: судяще обоимъ на десяти колѣномъ израилевимъ. „Вотъ кто на учительскихъ стульяхъ учить о мирѣ! И сія то есть каеолическая, то есть всеобщая наука, чего ни о какой другой сказать нельзя.

Всѣ прочія науки не всѣмъ и не всегда, и не на все, и не вездѣ нужны, и о всѣхъ ихъ говоритъ Исаія: „пути мирнаго не познаша, и нѣсть суда въ путехъ ихъ: стези бо ихъ развращенны, по нихъ же

ходятъ, и не вѣдятъ мира. Того ради отступи отъ нихъ судъ и не достигнетъ ихъ правда. Ждущимъ имъ свѣта, бысть имъ тьма, ждуще зари, во мракѣ ходиша. Осяжутъ яко слѣпіи стѣну, и яко суще безъ очесъ осязати будутъ, и падутся въ полуднѣ, яко въ полунощи, яко умирающи возстанутъ...“ Правда, что сіе несчастіе владѣетъ сердцама, населенными невѣдѣніемъ о Богѣ, но о семъ же то и рѣчь. Что учить о мирѣ и щастіи есть дѣло однихъ богопроповѣдниковъ; учить о Богѣ, есть то учить о мирѣ, щастіи и премудрости. Они всю глѣнь оставивъ, искали и сыскали того, у коего все вещество есть краскою, оплотомъ и тѣнью, закрывающею Рай веселія и мира нашего. Но прежде усмотрѣли внутрь себѣ. „Се вся оставихомъ...“ Изъ сихъ числа Ісаія говоритъ: „слышахъ гласъ Господа глаголюща: кого пошлю? и кто пойдетъ къ людемъ симъ? и рекохъ: се азъ есмь, послѣ ми, и рече: иди и рцы людемъ симъ...“ И не дивно, что училъ о мирѣ, когда Христось, миръ нашъ былъ съ нимъ. „Отроча (вопѣетъ какъ веселящійся въ жатву) родися намъ, сынъ, и дадеся намъ. Имя его, велика совѣта ангелъ. Чуденъ совѣтникъ. Богъ крѣпкій, властелинъ, князь міра. Отецъ будущаго вѣка, приведу бо миръ на князя, миръ и здравіе ему (у его).

Видите чье дѣло учить о мирѣ? Да учать тѣ, кои познали чело- вѣка, у котораго миръ и здравіе. Вотъ учить о щастіи Варухъ: „Слыши Израилю, заповѣди живота внуши разумѣти. Смышленіе, что есть Израилю? Что яко еси на земли? вразишъ? Обветшалъ еси на земли чуждей, осквер- нился еси съ мертвыми; вмѣнился еси съ сущими | во адѣ, оставилъ л. 8. еси источника премудрости. Аще бы путемъ Божиимъ ходилъ еси, жилъ бы въ мирѣ во время вѣчное. Научися гдѣ есть смышленіе, гдѣ есть крѣпость, гдѣ есть мудрость? Еже бы разумѣти купно, гдѣ есть долгожитіе, и жизнь, гдѣ есть свѣтъ очесъ и миръ?... Видите, что въ познаніи Божіи живетъ жизнь и свѣтъ, и долгожитіе и миръ и крѣпость и премудрость. Пускай же учать о щастіи тѣ, что говорятъ съ Варухомъ: „Блаженны есмы и Израилю, яко угодная Богу, намъ разумна суть. Не видѣтъ Господа, есть лишиться жизни, свѣта, мира и сидѣтъ во адѣ. Внемлите словомъ Іереміинымъ: „Слышите и внемлите, и возноситесь, яко Господь глаголаше есть. Дадите Господу Богу вашему славу, прежде даже не смеркнется, и прежде даже не преткнутся нози ваши къ горамъ темнымъ: и пождете свѣта, и тамо сѣнь смертная, и положенны будутъ во мракъ, аще же не послушаете, въ тайнѣ восплачется душа ваша отъ лица гордыни, и плача восплачетъ, и изведутъ очи ваши слезы“. Вотъ Моусей учить о щастіи: „аще не послушаете творити вся словеса закона сего, написанная въ книзѣ сей, еже боятися имени честнаго и чуднаго сего, Господа Бога твоего и удивитъ Господь язвы твоя и язвы сѣмене твоего, язвы великія и дивныя и болѣзны злыя и извѣстныя;“ (немного по ниже): „и даетъ тебѣ Господь тамо сердце печальное, и оскудѣвающіе очеса, и истаевающую душу и будетъ животъ твой

„въ страхѣ Господни упованіе крѣпости, чадомъ же своимъ оставить утвержденіе мира.“ „Страхъ Господень—источникъ жизни, творитъ же уклоняется отъ сѣти смертныя.“ „Благословеніе Господне на главѣ праведнаго; сіе обогащаетъ, и не имать приложитися ему печаль въ сердце благословеніе, благополучіе и благоразуміе, все одно значить: естли разжевать сіи елененія слова (Ευνοιαῖς Ευδαμονοειν). Вотъ благовѣститъ Павелъ Христа Божію Силу и Божію премудрость: „Оружія воинства нашего не плотская, но сильна Богомъ, на разореніе твердемъ: помышленіе низлагающе и всякое возношеніе взымающееся на разумъ Божій, и плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово. Павелъ мечемъ премудрости закаляетъ мысли, возрастающія въ сердцѣ противу Бога, что бѣ покорить воѣ наши помышленія затвердѣлыя Божію вѣдѣнію и разуму, и симъ насъ просвѣтитъ, и сіе то значить изгнать бѣсы. Бѣсь, по елинскому Δαίμωνιον, значить вѣдѣніе, знаніе, подлое помышленіе, стихійное разумѣніе, долу ползующее, не прозирающее въ Божіи стихіи, исполняющее исполненіе. Сіе есть родное идолочтеніе, не видѣтъ въ мірѣ ничего, кромѣ стихій; сіе есть начало всякаго зла, и вина, и конецъ, какъ сказуетъ Соломонъ. Знать то всемучительнѣйшій страхъ тревожитъ сердце въ стихіяхъ лежащее, видящее оныя, всеминутно перемѣняемые и разоряемые, взирающее вдругъ и на составъ своего пепельнаго тѣлишка, тому-жъ паденію подверженнаго, но никоей помощи сему злу не находящее. „Ничто же бо есть страхъ,— тотъ же сынъ Давидовъ говоритъ,—тобмо лишеніе помощей, сущихъ отъ помышленія, въ таковомъ сердцѣ тѣмъ менѣе пици отъ сладкой и твердой надежды, чѣмъ большее невѣдѣніе вины, муку наводящей. Совѣтъ истинный и правое помышленіе есть источникомъ отрады, и напротивъ того. Ничто нещастнѣе не язвитъ и не мучитъ сердечной нашей точки, какъ темныя мнѣніи, слѣпыя знанія и бѣснующіяся разумѣнія. Теперь видно, что значить сіе (Соломоново):

„въ совѣтѣхъ нечестиваго ⁵⁴⁹⁾ истязаніе будетъ.“

„Уста лжушія убиваютъ душу.“

„Аможе обратится нечестивый исчезаетъ.“

„Правда безсмертна есть: неправда же смерти снабденіе; нечестивые „же ракаша и словесы призваша ю. Другию вмѣниша ю и истаяша, и „завѣтъ положиша съ нею, яко достойны суть оной части быти...“

Разорить и умертвить сердце свое есть единственное и родное злополучіе. Сіе сокрушеніе и смерть сердечная зависитъ отъ безпутныхъ мыслей, ничего кромѣ стихій не видящихъ; оно со входу прелестно: „сладокъ есть челоувѣку хлѣбъ лжи.“ Но потомъ исполнятся уста его каменія. Сіи помышленія называетъ сынъ Сираховъ языкомъ злѣй-

⁵⁴⁹⁾ Нечестивыхъ.

шимъ. „Смерть люта, смерть его, и паче его лучше есть; адъ не обладаетъ благовѣрными и въ пламени его не сгорятъ. Оставляющіи Господа впадутся въ оны, и въ нихъ возгорится и не угаснитъ. Посланъ будетъ на ня яко левъ, и яко пардъ погубить я.“

Они называются блудницею, мечемъ, ехидною, дикими звѣрми, шершнями... Да и чѣмъ назовемъ невидимое зло и безыменное? О такихъ сердцахъ сказано: „людіе сѣдящіе во тмѣ...“ Сія совѣты мечемъ божіимъ вырѣзать, не чисто дышущіе мысли и мучительныя мнѣнія труждается Павелъ: а на то мѣсто возвратитъ въ сердца наши миръ божій. Онъ называетъ ихъ началами, властями, весь міръ во тмѣ невѣдѣнія божія заключившими. Совѣтъ часть началомъ именуется, потому что, какъ плодъ безъ сѣменъ, такъ дѣла безъ совѣтовъ не родятся. У Давида именуется мысли начинаніями.

„Растлипа и омерзипася въ начинаніяхъ.“

И именуется и Головою у Моисея:

„Сей сотретъ твою главу.“

Но погана сія голова:

„Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ...“

У Моисея жъ они называются сѣменемъ змѣинымъ:

„Вражду положу...“

л. 10.

Теперь видно, что значать тѣ зми, о коихъ пишется: |

„Посла Господъ на люди змievъ умерщвляющихъ и угрызающихъ людей; и умроша люди мнози отъ сыновъ израилевыхъ.“

Сія казнь родилась изъ роптанія на Бога. А роптать не иное что, какъ не разумѣть и не признавать Господа, довольствуясь стихіями. Какъ (говорятъ ропотники) какъ быть можетъ то, чего ощупать нельзя? Теперь видно, что значить тьма египетская, тьма осязающая; сія есть ночь страшнѣйшая, ужасовъ и привидній исполненна: невѣдѣніе грубѣйшее и лютѣйшее. Взгляните на 17-ю главу Прем. Солом. о сихъ смертныхъ мысляхъ и въ книгѣ Іова:

„желчь аспидовъ во чревѣ его.“

„Ярость змievъ да сѣетъ,

„да убіетъ его языкъ змиинъ.“

А что сіе все до стихійныхъ мыслей надлежитъ, слушай Михеа: „полижутъ персть яко змieve, плежуще по земле, сметутся во облеженіи своемъ о Господѣ Бозѣ нашемъ: ужаснутся и убоятся отъ тебе.“ Сихъ то проклинаетъ рай и блаженство наше Господъ: „яко сотворилъ еси сіе, проклятъ ты паче всѣхъ скотовъ, и паче всѣхъ звѣрей земвисящъ предъ очами твоими, и убоишися во дни и въ ноци, и не будеши вѣры яти житію твоему...“ Вотъ проповѣдуетъ Соломонъ о блаженствѣ:

ныхъ...“ О сихъ змїяхъ Давидъ: „языкъ ихъ преиде по землѣ, изостриша языкъ свой яко змїинъ.“ „Что хвалишися во злобѣ сильне?...“

Сіе несчастіе смертельнымъ жаломъ сердца человѣческа дабы не умерщвляло, велитъ Господь Моисею сдѣлать мѣдную змію, чтобъ была она маякомъ, отводящимъ отъ злополучнаго пути безбожнаго и указывающимъ благополучный ходъ въ познаніе Божіе, въ рай сладости, въ царство мира и любви.

Когда змій ползущій по травѣ выманиваетъ сердца наши изъ блаженнаго сада, то пусть и возвратитъ змій, но уже вознесенный отъ земли.

Сей уже змій не такъ какъ въ Даніиловой книгѣ идолю виль, сей напротивъ того снаружи прахъ, но внутри твердая мѣдь, и сила живаго Бога, плотскимъ прїодѣтая прахомъ, сей змій воплощенная есть премудрость Божія, бесѣдующая нашими словами, но ведящая отъ земли на небо, да избавитъ насъ отъ ползущихъ змїевъ. Къ ней Михеа говоритъ: „возстани и измлати ихъ дщи Сїоня, яко роги твои положу желѣзны, и пазношти твоя положу мѣдяны, и сотрети люди многи.“ Сей змій есть ХС⁵⁵⁰), слово Божіе, Священная Библия.

„Азъ есмь, (воцїетъ) свѣтъ миру...“

„Азъ семь пастырь добрый... той сотретъ...“

Естли имѣешь уши послушай какъ чудно сей змій свиститъ: „плоть ничтоже...“

Что слаще сей благой вѣсти, сердцу христіанскому? А сего то змія благовѣстіи, приточникъ даетъ знатъ:

„страшное слово сердце мужа праведнаго смущаетъ,
вѣсть же благая веселитъ его.“

л. 11. Сей есть столбъ облачный, изводящій Израїля изъ осѣзающей тмы, въ нетлѣнное Вѣчнаго, сей лежитъ на паденіе и на возстаніе, сей змій съ преподобнымъ будетъ преподобный, говоря къ нимъ:

„сыне еще премудро будетъ сердце твое:
„возвеселиши и мое сердце.“

Таковъ одинъ вознесетъ змія, какъ написано:

„Змія возмутъ...“ (Вознесутъ).

Презирать мудрыхъ совѣты, значитъ самому себѣ зажигать факелъ, для безпрепятственнаго путешествія нѣтъ важнѣе, то есть ползнѣе и величественнѣе, какъ узнать самаго себя, и сыскать въ нашемъ пепелѣ погребенную искру Божества, отсюду раждается благо-

словенное оное царство владѣть собою, имѣть мощь, и на стремленіяхъ душевныхъ, всѣхъ тигровъ лютейшихъ, какъ на везущихъ колесницу львахъ ѣхать.

Всѣхъ наукъ сѣмена внутри человѣка сокрываются, тутъ ихъ источникъ утаенъ, а кто видитъ его? Сей есть одинъ родникъ неисчерпаемый всему благу и блаженству нашему, онъ самъ есть оное блаженство, безчиновное начало, безначальная вина! въ коей и отъ коей все, а она сама отъ самой себе, и всегда съ собою есть и будетъ. Посему и вѣчна, всегда и по всему одна и одинакая, разумѣвшаяся и содержащая. Сія высочайшая вина всеобщимъ именемъ именуется Богъ, свойственнаго имени ей нѣтъ.

Сіе блаженство премудрыя люди уже въ древнѣйшихъ вѣкахъ нашли, и наслаждались онымъ, а намъ завѣтомъ своимъ неопѣненное то сокровище оставили въ наслѣдіе.

Завѣтъ тотъ суть книги ихъ и ворота къ щастію.

„Премудрость и мысль блага во вратѣхъ премудрыхъ.

„У вратъ сильныхъ придить, во вратехъ же града.

„Дерзаючи глаголетъ...“

„Мудрыя жены создаша дома. О сихъ то книгахъ пишется.

„Страшно мѣсто сіе: несть се домъ Божій и сія врата небесная.“

„Яждь медь сыне, благъ бо есть, да насладится гортань твоя, „аще уразумѣешь премудрость душею твоею.

„Аще бо обратиши (оную), будетъ добра кончина твоя, и упование тебе не оставитъ.“

„Сія книга повелѣній Божіихъ и законъ сый во вѣкъ,

„Вси держащіяся ея въ животь внидутъ оставшіе же ю, умрутъ.“

Въ сихъ премудростію созданныхъ домахъ блаженный Лотъ пируетъ и упивается съ дочерьми своими, въ сихъ упился и Ное; тамъ пируетъ и братія съ Іосифомъ.

„Пиша же и упишася съ нимъ.“

Не то они вино пили, что пьютъ у приточника беззаконники: „тіи питаются пищею нечестія: виномъ же законопреступнымъ упиваются. Но вино веселящее сердце. Видите въ коихъ книгахъ искать должно веселья, а чье дѣло учить о немъ.

Сіе вино пьетъ небесный учитель въ царствіи отца своего съ тѣми, о коихъ сказуетъ: „согладавъ окрестъ себе сидяція глагола: се мати моя, и братія моя...“

Сіе вино есть отъ стола высокаго: „Упиются отъ тука | дому л. 12. твоего; отъ сего стола вкушаетъ и Павелъ: „имамы олтарь... Познаніе сладчайшей истины Божіей, подобное вину веселящему, съ сими тожъ дѣлается, что съ нѣкимъ древнимъ мудрецомъ: сей любитель истины, и ревностный мудрости искатель, отъ младыхъ ногтей многіе лѣта между прочимъ желалъ знать, кій разумъ и тайна закры-

вается въ образъ треугольника, который и нынѣ пишется въ христіанскихъ храмахъ, а изнутри его или око смотреть или солнечные лучи льются. Наконецъ сокровенная сила вдругъ, какъ молнія озарила душу его, вскочилъ Пифагоръ, началъ руками плескать и кричать: Сыскаль! Сыскаль! Сыскаль! Скажите мнѣ кто-бъ не почелъ пьянымъ, взирая на него? Скакаль и Давидъ играя на органы. Несутъ и ведутъ за нимъ кивотъ съ сокрушеннымъ внутри завѣтомъ Господа силъ, въ замокъ его Сіонъ, а Давидъ предъ нимъ пляшетъ; конечно оны спилса, или отъ меланхоліи съ ума сошелъ,—говорить, смотря въ окошко Мелхола дочь Саулова, а Давидъ на ея руганіе несмотря, что желалъ совершить: поднесъ Господу жертву всеосожженія, и жертву мира, праздникъ радости и веселія. Наконецъ, и послѣдовавшихъ ему израильтянь сдѣлалъ щастливыми, открывъ имъ Господа силъ: а „у Мелхолы, дщери Саула, не бысть дѣтища до дне смерти ея.“ (2 Цар., гл. 6.)

Не очень сладкаго разсужденія былъ бы Давидъ, и самъ я чуть ли бы отъ смѣха удержался, видя Давидово плясаніе, о томъ, что вташилъ въ крѣпость свою сундучище съ каменными таблицами.

Сіе многіе и до нынѣ дѣлають, всякой день цѣлуютъ Евангеліе и почти снѣтъ на семь камени съ Іаковомъ; но вѣрую и разумѣю, что тайная воскресенія сила подъ каменными скрыжалами сокровенная, какъ Моисеево изъ горящей купины, такъ и Давидово сердце облистала и напечатлѣлася внутри его.

Тамъ и Авраамъ увидѣлъ день Господень и возрадовался, сіе самъ Давидъ доказываетъ сими словами: „знаменася (напечатлѣся) на насъ свѣтъ лица Твоего...“ Иное дѣло видѣтъ камень съ буквами, и бумагу съ чернилами внѣшнимъ окомъ; а другое взирать тѣмъ взоромъ: „возведите очи ваши“ и слышать тѣми ушами: „имѣй уши слышати да слышитъ“; и могти сказать съ Павломъ: „написано не черниломъ, но духомъ Бога жива, на скрыжалехъ сердца плотныхъ.“

Краски на картинѣ всякъ видитъ, но чтобъ рисунокъ и живость усмотрѣть, требуется другое око: а не имѣй оное, слѣпъ въ живописи. Скрытъ музыкальнаго орудія, каждое ухо слышитъ, но чтобъ чувствовать вкусъ утаеннаго въ скрыпѣннн согласія, должно имѣть тайное понятія ухо, а лишенный онаго, для того лишень движущей сердце радости, что нѣмъ въ музыкѣ. Въ самую пламенѣющую усердіемъ л. 13. душу не скоро входитъ сіяніе Славы Божіей: „всегда | прійти времени явнися. Блаженное сіе время на многихъ мѣстахъ назначено. У Исаи: „тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышать, тогда вскочитъ хромыи яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гнусивыхъ.

„Собранные Господомъ обратятся и придутъ въ Сіонъ съ радостію, а радость вѣчная надъ главою ихъ. Тогда волки и агнцы „имутъ пастися вкупѣ. Свѣтися, Свѣтися Іерусалиме...“

Сей то свѣтъ снишедшій сдѣлалъ схожими на пьяныхъ апо-

столовъ: „ни-же ругающіеся глаголахъ, яко виномъ исполнены суть.“

Кричитъ Петръ и защищаетъ ихъ; но можно-ль увѣрить застарѣлое въ душахъ повѣрье? а иногда и злобное? Пьяны отъ радости, что уразумѣли то, чего все оставивъ, искали... Увидѣли съ Давидомъ знаменія, и образовъ событіе, чудеса на небеси и на земли прозрѣли, стали собирать манну.

Манна значить чудо, т. е. что то такое? „И се на лицѣ пустыни елка, яко коруансъ, бѣло аки ледъ на землѣ, узрѣвши-же то сынове Израилевы, реша другъ ко другу: Манна! сиречь: что есть сіе? не вѣдяху бо, что баше. Рече же Моисей къ нимъ: сей хлѣбъ, его же завѣща Господь, несказанно радостны, что прозрѣли новое, начали прорицать новое, новыми языки.“

Сіе то есть быть пророкомъ, или философомъ, прозрѣть сверхъ пустыни, сверхъ стихійной бражды, нѣчто новое, нестарѣющее, чудное и вѣчное и сіе возвѣщать.

„Всякъ иже аще призоветъ имя Господне спасется. Спасеніемъ душъ есть, основательная радость и твердая надежда, дышуть такимъ же мянствомъ и сіи Павловы слова: „кто ны разлучитъ отъ любви Божіи? Но во всѣхъ сихъ пребѣждаемъ, за возлюбшаго насъ. Видите сколько сильно въ семъ муже вкоренилась радость, что всѣ горести его приуслаждаетъ, ничто ему не страшно; веселье и въ темницѣ. Сей есть Истинный Миръ.“

Какъ здравіе селеніе свое имѣетъ не внѣ, но внутри тѣла, такъ миръ и щастіе въ самой среднѣйшей точкѣ души нашей обитаетъ, и есть здравіе ея, а наше блаженство.

Здравіе тѣла не иное что есть, какъ миръ тѣлесный, а миръ сердечный есть живность и здравіе души, а какъ здоровье раждается послѣ очищенія изъ тѣла вредной и лишней мокроты, матери всѣхъ болѣзней, такъ и сердце очищаемое отъ подлыхъ мирскихъ мнѣній безпокоящихъ душу, начинаетъ прозирать сокровенное внутри себе сокровище щастія своего, чувствуя будто послѣ болѣзни, желаніе пищи своей, подобное нашему орѣху, верно жизни своей въ пустомъ молочкѣ зачинающему.—Сихъ то начинающихъ себе познавать, призываетъ премудрость Божія, въ домъ свой на угощеніе, чрезъ служителей: „приидите, ядите мой хлѣбъ и пійте вино...“

[Въ сію гостинницу и паціентъ Іерихонскій привозится самарн-л. 14. ниномъ, зоветъ и всѣхъ сердце свое „потерявшихъ: „приступите ко мнѣ погубившіе сердца, сунѣи далече отъ правды, „приидите ко мнѣ всѣ труждающіеся...“ О семъ врачѣ внушаетъ намъ сынъ Сираховъ: „почитай врача... ибо Господь созда его, а кто жъ есть тотъ врачъ, естли не сей: „изцѣляя всякъ недугъ, и всяку язву въ людехъ? Но что изцѣлялъ? Изцѣляя сокрушенные сердцемъ... естли кто сердцемъ

болень, естли мыслями недужень, тогда точно самъ человекъ страждетъ. Не тѣло, но душа есть человекомъ, не корка, но зерно есть орѣхомъ. Естли цѣлое зерно—сохранится и корка въ зернѣ. Кто прозритъ сіе и повѣритъ? „Очисти прежде внутренность скляницы и блюда, да будетъ и внѣшнѣ ихъ чисто. Испѣли прежде сердечное сокрушеніе, не бойся отъ убивающихъ тѣло. Иное тѣлесное здоровье, другое дѣло веселіе и живость сердца.

Содомъ оплота лишеннымъ, есть несчастливая душа, щастіе свое на песку стихійномъ основавшая, и увѣрившая себя, что можно добро свое сыскать внѣ Бога. Начало премудрости, страхъ Божій, онъ первѣе усматриваетъ щастіе свое внутрь себе. Сіе блаженное утро внутрь сердца свѣтитъ начинается, ведущее за собою ведро пресвѣтлаго и вѣчнаго мира и естли бы оно было тлѣнію подвержено, то могло ли бы родить вѣчный миръ? Можетъ ли душа незыблемое имѣть упованіе на то, что третьяго дни сокрушится? Не вся-ли таковая песочная надежда, есть мать душевнаго сокрушенія? И какъ можетъ твердо устоять сердце, видя все стихійное до послѣдней крошки разоряемое, а прозрѣть за слѣпотою не можетъ то, на чемъ благонадежно можно опереться? Сія благонадежная надежда зовется у Павла якоремъ, по сему видно, что все, свѣтское добро несть добро; оно сокрушается даже до самаго здравія тѣлеснаго и успокоить сердца не можетъ.

Доколѣ душа не почувствуетъ вкусу нетлѣнія, дотолѣ не вкуситъ она твердаго мира, и есть мертва.

Коль многое множество читаетъ Библію! Но безъ пользы, сей домъ Божій запертъ и запечатанъ.

Духъ страха Божія и духъ разума, входъ отверзааетъ, безъ сего ключа всякъ порошчетъ, взалчетъ, и обойдетъ Градъ сей.

Многіе приходятъ къ нему съ любопытнымъ духомъ; иные съ половиною души; иные съ Іудинимъ сердцемъ, но безъ пользы: „окрестъ нечестивіи ходятъ“. Иные преклоняютъ ее къ защищенію своихъ плотоугодій, и со строптивымъ развращается во вредъ, выводятъ пророчества о временной пользѣ, о частныхъ врагахъ, о тлѣнныхъ предметахъ, но окрестъ нечестивіи ходятъ. Коль мало истинныхъ рачителей, вѣрныхъ искателей и снаряженныхъ чтецовъ, жалуются о семъ

л. 15. Іеремія: | „Кому возглаголю, и кому засвидѣтельствую и услышитъ? „Се не обрѣзанная ушеса ихъ, и слышати не возмогутъ!“ „Се слова Господни бысть у нихъ въ поношеніе и не возпріимуть! Библія есть совершеннѣйшій и мудрѣйшій органъ. Какъ стрѣла магнитная въ одну сѣверную точку устремляетъ взоръ свой, такъ и сія къ оному взираетъ и ведетъ тому: востокъ имя ему. Сія есть стрѣла спасенія Господня, какъ говоритъ Елисей, пособляя собственными своими руками натягти лукъ: и выстрѣлить стрѣлу на непріятелей, наложивъ руки свои на руки Царя Іоаса. (4 Царств., гл. 13.)

Если языкъ разить для чего не назвать его стрѣлою? Библія есть слово Божіе и языкъ огненный.

Исаія въ лицѣ ея говоритъ: „отъ чрева матери моя нарече имя мое и положи уста моя яко мечъ остръ, и подъ кровомъ руки своя скры мя: положи мя яко стрѣлу избранну, и въ тулѣ своемъ скры мя, и рече ми: рабъ мой еси ты Израилю, и въ тебѣ прославлюсь.“ Сія стрѣла отъ вышняго намъ послана для враговъ.“

Слова Богопроповѣдниковъ суть стрѣлы, о коихъ Исаія: „ихъ же стрѣлы остры суть и луцы ихъ напряженны; копыта коней ихъ, яко твердъ камень вмѣнишася. Колеса колесницъ ихъ яко буря, ярятся яко львы.“ Вотъ одинъ изъ сихъ воиновъ! Оружіе воинства нашего не плотская, но сильно Богомъ...

Но какъ напрягать стрѣлу сію? Должно умѣть, и имѣть въ себѣ того: „научаяй руце мои на ополченіе.“ Сію то стрѣлу сыскали въ болчанѣ апостолы, языкъ огненный: „Языка—его же не вѣдаяше—улыша.“

А какъ стрѣла сія, парящая взираетъ къ одному точію востоку, такъ и сей органъ, одному Богу пѣснь воспѣваетъ. Очень вздорно и худо разногласить, и самъ свое мѣшаетъ сличное согласіе, если стать на немъ играть для плоти и крови. Играетъ и скачетъ Давидъ, но предъ Господемъ, т. е. ради Господа, такъ какъ и Мелхолѣ говорить: „Благословенъ Господь иже избра мя паче отца твоего...“ Буду играть и плясати предъ Господемъ. Поощряетъ и другихъ; „воспойте ко Господеви. Сей-де одинъ только благъ псаломъ есть.“

Нѣтъ сладостиѣе и дѣйствительнѣе какъ брэнчать на немъ Богу, а не стихіямъ, Господу а не міру, не тѣни, но вѣчности; тогда-то дѣйствительно изгонятся бѣсы изъ Сауловъ. При томъ надобно умѣть сличать голоса, вливаюшіе въ душевное ухо сладкую симфонію.

При свидѣтельствѣ двоихъ или троихъ голосовъ твердый псаломъ составляется, напримѣръ: почитай врача, противу потребъ чести его: яко Господь созда его. Вотъ! Кого-жъ не Господь созда? Тотъ | часъ и вздоръ: для чего жъ Царь Іудинъ Аса осуждается ради лека- л. 16. рей: „и ниже въ немощи своей выиска Господа, но врачей.“ Смотрите, какъ дурно сей органъ разногласить по человѣку! Не спорю да и самъ я радъ почитать тѣлеснаго врача. Притомъ говорю, что Библія весьма есть дурною и несложною дудою, если ее обращаемъ къ нашимъ плотскимъ дѣламъ, будущій терновникъ, горькая и невкусная вода, дурачество, если съ Павломъ сказать Божіе: или скажу лайно, мотыка, дрянь, грязь, гной человѣческой, въ коемъ велитъ Богъ Іезекилю сокрыть ячменный опрѣснокъ. „Такъ снѣдятъ сынове Израилевы хлѣбъ свой не чистъ во языцехъ, а мо же разсыплю. я.“ (Гл. 4.)

У Исаіи стрѣла избрана въ тулѣ своемъ сокрытая: а у Іезекиля въ лайнѣ мотыкѣ скотскихъ, сокрывается опрѣснокъ.

Не сіе - ли есть таинство утверждающаго сердца намъ слова Божія, грязью земныхъ дѣлъ нашихъ обвитое? Тѣ только одни отъ змѣиныхъ угрызений испѣлились кои на вознесеннаго змія въ гору взирали, не тѣ, что смотрѣли на ползущаго по земляномъ прахѣ.

Такъ и здѣсь питаются во время глада, пшеницею Іосифовою, приступившіе къ столу, и наслаждающіеся высокими умы, а не тѣ кои жрутъ гнилую свою мертвечину, около слова животнаго.—

„Окрестъ нечестивіи...“

Тамъ проминается змій ползущій и ядущій грязь: и у Іезекииля нагноѣ-ядцовъ вотъ что Богъ вѣщаетъ: „Да скудны будутъ хлѣбомъ и водою, и погибнетъ человекъ и братъ его и истаютъ въ неправдахъ своихъ.“

Для чего мы находимъ тамъ, нашу грязь и гной, и ѣдимъ оной, когда все сіе Богу и божественному Его слову единственно посвящено? Конечно мы не узнали себе. Если жъ скажете, что оное жестоко и трудно читать и разумѣть, сіе вамъ Богъ прощаетъ, одно то непростительно, что мы похожи на умницу бабу: сія разумница изволила кушать горчайшую около орѣха волосаго корку. Наконецъ, осердившись, начала ругать и смѣяться, кои лишившись добраго вкуса похваляютъ иностранные плоды.

„Почитай врача... Яко Господь созда его.“ Но дабы тутъ не приснились намъ наши тѣлесные врачеванія, для того тамъ же всплошь говорится сіе: „Не отъ древа-ли осладися воды, да познана будетъ сила его? Лѣкарствамъ плотскимъ кое есть сходство съ тѣмъ Богопоказаннымъ древомъ, коимъ Моисей воду горькую осладилъ? Если кто сіе древо знаетъ, можетъ вознести змія, отбить грязь отъ опрѣсноковъ, осладить библейную воду. Вотъ лѣкаръ кричитъ послу-
л. 17. шайтѣ, премудрость въ притчахъ! Господь созда мя, начало | путей своихъ, слушай лѣченіе: „сыне да не преминеш! соблюдай же мой совѣтъ и мысль, да жива будетъ душа твоя и благодать будетъ на твоей выи! Будетъ же изцѣленіе (приложеніе) плотемъ твоимъ и уврачеваніе костемъ твоимъ, да ходиши надѣясь въ мирѣ во всѣхъ путехъ твоихъ...“

Видите, что лѣчитъ сей врачъ? Душу болѣзненную. „Миръ мой даю вамъ.“ Вы друзи мои есте...

Сего-то добраго друга толь высоко рекомендуетъ сынъ Сираховъ: „другъ вѣренъ, покровъ крѣпокъ есть: обрѣтый же его обрѣте сокровище. Другу вѣрну нѣсть измѣны, и нѣсть мѣрила добротѣ его! Другъ вѣренъ, врачеваніе житію и боящіеся Господа обрящутъ его.—Теперь же скажу почитайте Библию, въ разсужденіи надобностей ея, она есть аптека Божіею премудростію приобрѣтенная, для уврачеванія душевнаго мира, ни однимъ земнымъ лѣкарствомъ неизцѣляемаго.—

Въ сей то аптекъ Павель роетъ, капаетъ; силою древа крестнаго вооруженъ, и убивая всю мертвую гниль и гной, вынимаетъ и сообщаетъ намъ самое чистое, новое, благовонное, Божіе, нетлѣнное, вѣчное, проповѣдуя Христа Божію силу.

Церемонисты сердятся, а Афинейцы смѣются, намъ же, званымъ, Христосъ есть Божія сила и Божія премудрость. Естли жъ спросите для чего сіи книги одно пишутъ на лицо, а другое тайное и новое изъ нихъ выходитъ? А ктожъ сѣетъ на нивѣ сѣмя будущее? Да и можно-ль пахарю сѣетъ зерно нынѣшнее? Оно, принятое въ нѣдро земное, разопрѣтеть и соглѣтеть, въ той день выходитъ, изъ него плодъ новый съ новымъ зерномъ. А къ сему кругъ годового времени надобенъ.

Скажите возможно-ль на молодомъ сердцѣ выростить плодъ вѣдѣнія Божія и познанія (сіе обое съ собою неразлучно) самого себе? Къ сему кругъ цѣлаго человѣческаго вѣка потребенъ.

Библія есть человѣкъ домовить, уготовавшій сѣмена въ закромахъ своихъ. О семъ то хозяинѣ пишется: „изыде сѣяи сѣяти. Она въ молодія наши мысли насѣваетъ сѣмя нынѣшняго плотскаго нашего вѣка, дабы несмысленное наше сердце способно принять могло; сіе сѣмя не пустое, но угаиваетъ въ себѣ Божію силу.

Оно, какъ не потребное, со временемъ портится въ сердцѣ и гибнетъ, а новое прозябаетъ. Сѣется гнѣющее, возстаетъ благовонное; сѣется жестокое, возстаетъ нѣжное; сѣется горькое, возстаетъ сладкое; сѣется стихійное, возстаетъ Божіе; сѣется несмысленное и глупое, воскреснетъ премудрое и прозорливое. Все, что только мы имѣемъ, есть тожъ и у Бога. Въ семъ только разнь, что наша гниль и стень, а Его—нетлѣніе и истина.

Древній мудрецъ Эдипъ, умирая, оставляетъ малолѣтнему сыну въ наслѣдіе исторію именемъ Сфинксъ: любезный сынъ, вотъ тебѣ самое лучшее по мнѣ наслѣдіе! Прими малую сію книжку отъ десницы моей; люби ее естли хочешь любить твоего отца, меня почтешь, почитая оную. Носи ее съ собою и имѣй въ сердцѣ своемъ ложася и вставая. Она тебѣ плодъ принесетъ тотъ, что и мнѣ, разумѣй блаженный конецъ жизни твоей. Не будь наглъ и безсовѣстенъ, ступай тихонько, жизнь есть путь | опасный; приучай себя малымъ быть довольнымъ. л. 18. не подражай расточающимъ сердце свое по наружностямъ. Учись собирать расточеніе мыслей твоихъ, и обращать ихъ внутрь тебя. Щастіе твое внутрь тебе есть, тутъ центръ его зарытъ, узнавъ себе все познаешь, не узнавъ себе во тьмѣ ходить будешь, и убоишися страха, гдѣ его не бывало. Узнать себе полно, познаться и задружить съ собою сей есть неотъемлемый миръ, истинное щастіе и мудрость совершенная. Ахъ, естли-бъ могъ я напечатлѣть теперъ на сердцѣ твоёмъ познаніе самого себе!... Но сей свѣтъ озаряетъ въ поздній

вѣкъ, если кто щастливъ... Будь добръ ко всѣмъ. Не обидишь и врага своего, если хоть мало узнать себе потщисься. Но прозираю природу твою и радуюсь. Конечно узнаешь себя если любить будешь вникать крѣпко внутрь себе, крѣпко, крѣпко... Симъ однимъ спасешься отъ челоустей лютаго мучителя. Онъ много говорилъ, но мальчикъ ничего не могъ понять. Омоча отцовскую руку слезами, и принимая книжку, прилагалъ ее будто отца къ сердцу своему; а отецъ радуясь какъ сыновнему усердію, такъ и разлученію своему отъ тѣла, уснулъ въ вѣчности, оставивъ на смертномъ лицѣ образъ радости, живой слѣдъ, ублаженный миромъ души своея.

Добрый сынъ малую сію книжечку часто читая почти наизусть ее звалъ. Въ ней написано было, что лютѣйшій и страшнѣйшій уродъ, именовъ Сфинксъ, во время жизни отца его, всѣхъ встрѣчающихся ему, кто бы онъ ни былъ, мучилъ и умершвлялъ людей. Лице его было дѣвичье, а прочее все льву приличное. Вся вина убивства состояла въ томъ, что не могли рѣшить предлагаемой симъ чудовищемъ задачи или загадки, закрывающей понятіе о человѣкѣ. Кто бы ни попался вдругъ задача сія: поутру четвероножный, во полдень двуножный, въ вечеру треножный, скажи мнѣ какой звѣрь?.. Наконецъ, написано, что Эдипъ загадку рѣшилъ, уродъ исчезъ, а возсіяла во дни его радость и миръ. Всю сію опись держалъ онъ въ сердцѣ своемъ.

Пришелъ мудрецовъ сынъ въ возрастъ, усилилися страсти, а свѣтское дружество помогло ему развратиться. Сфинксъ—какое дурачество, говорили ему, пустая небыль! Суевѣріе!.. Да и самъ онъ уже имѣлъ не дѣтскій разумъ, онъ понималъ, что сихъ звѣрей ни въ Америкѣ, ни въ самой Африкѣ, ни въ островахъ японскихъ натура не раждаетъ, а въ Европѣ ихъ не бывало. Ни одна натуральная исторія объ нихъ не упоминаетъ, все уже изрядно понималъ, чтобъ быть прозорливымъ нетопыремъ. Нетопырю острый взоръ въ ночи, а бездѣльнику во злѣ. Безпутная жизнь, совсѣмъ лишила его сердечной веселости. Тогда первый засѣвъ юродивой о уродѣ исторію, въ сердцѣ его согнилъ, такъ какъ имѣетъ старое пшеничное зерно на нивѣ погребенное.

Въ 30 лѣтъ началъ входить въ себя и узнавать. Какое бѣдствие!—говорилъ онъ самъ съ собою! Я совсѣмъ перемѣнился. Гдѣ дѣвалась радость моя? Я мальчикомъ былъ веселъ, все у меня есть съ излишкомъ, одного недостаетъ—веселья. Есть и веселіе и таковымъ меня по-
л. 19. читаютъ: но внѣшнее, а внутрь самъ чувствую | развалины основанія его, боюсь и сомнѣваюсь. Одно то твердо знаю, что я бѣденъ. Что жъ мнѣ пользы въ добромъ о мнѣ людскомъ мнѣніи? Вотъ точный плодъ презрѣннаго мною завѣта и совѣта отческаго! Прибыль моя двоить во мнѣ жажду, а мои услажденія, сторичнымъ кончаются огорченіемъ. Сфинксъ!.. Чудное дѣло... Конечно тутъ тайна какая-то... Мой отецъ былъ мудръ и человѣколюбивъ, не лгалъ и въ шутку, и не былъ къ

сему сроденъ, нельзя, чтобъ онъ меня хотѣлъ обмануть. Конечно все то правда. (А) чуть ли я уже не попался звѣрю тому; мучить меня что то, но не понимаю, а пособить нельзя. Одно только чудо, что мучусь тѣмъ, чего не вижу, и отъ того, кого не знаю... Нещастное заблужденіе! Мучительная тѣма! Ты-то поражаешь въ самую точку меня, въ самую душу мою: опрокинувъ какъ вихрь хижину, какъ буря кедръ. Безразсудный мирѣ! прельщающій и прельщаемый! Ядъ совѣтовъ твоихъ, есть то сѣмя смерти сердечной, а твоя сласть есть то лютѣйшій звѣрь; она неразумныхъ встрѣчаетъ лицомъ дѣвичьимъ, не когти ея—когти львовы, убивающіе душу, и убивства ея каждый вѣкъ и каждая страна исполнена, продолжать не хочу. Началь прозябать изъ ложной исторіи новый и всеполезный духъ. Добрый сынъ, при восходящей внутрь себе предводительствующей зарѣ по малу-малу узнавъ себе, современемъ сдѣлался наслѣдникомъ высокаго отеческаго мира, возгнѣдившись на храмъ нетлѣнной истины, какъ почитатель родителей. Зміе ненавистный буселъ исполнивъ какъ отцовское, такъ и пророчество сокрываемое тайно образнымъ голубомъ, среде морскихъ волнъ на камени стоящемъ съ сею подписью: на твердости почиваю. Что нужнѣе какъ миръ душевный? Библия намъ отъ предковъ нашихъ завѣтомъ оставлена, да и сама она есть завѣтъ запечатлѣвшая внутрь себе миръ Божій. Какъ огражденный рай увеселеніе, какъ заключенный кивотъ сокровище, какъ перлова мать, Драгоценнѣйшее перло внутрь соблюдающая. Не несмысленная наглость наша, по угламъ домъ сей оцѣняющая, презираетъ и знать не ищетъ. Очень намъ смѣшнымъ кажется сотвореніе міра, отдыхъ послѣ трудовъ Божій, раскаяніе и ярость его, вытѣпленіе изъ глины Адама, вдуновеніе жизненнаго духа, изгнаніе изъ рая, пьянство Лотова, родящая Сарра, всемірный потопъ, столпотвореніе, пѣшешествіе черезъ море, чинъ жертвоприношенія, лабиринтъ гражданскихъ законовъ, шествіе въ какую-то новую землю, странныя войны и побѣды, чудное межеваніе и прочая и проч.

Возможно-ль, чтобъ Енохъ съ Иліею залетѣли будто въ небо? Сносно-ли натурѣ, чтобъ остановилъ Навинъ солнце? Чтобъ возвратился Иорданъ, чтобъ плавало желѣзо? Чтобъ дѣва по рождествѣ осталась? Чтобъ человѣкъ воскресъ? Кой судія на радугѣ? Кая огненная рѣка? Кая челюсть адская? Вѣрь сему грубая древность, нашъ вѣкъ просвѣщенный.

| Ни мало сему не удивляюсь. Они приступаютъ къ наслѣдію л. 20. сему безъ вкусу и безъ зубовъ, жуютъ одну не мудреную и горькую корку. Если бы къ сему источнику принесли съ собою соль, и посолили его съ Елисеємъ, вдругъ бы сей напитокъ преобразился въ вино, веселящее сердце. Сія воды до дне сего суть тѣже Елисейскія, какъ только Елисей посвятилъ ихъ Господнимъ глаголомъ. Божію слову тотъ

часть перестали быть смертоносными и вредными, стали сладкими и прѣлительными душамъ.

Если кто узналъ себе и задружилъ, если можетъ сказать: бысть глаголь Господень ко мнѣ. Въмъ челоуѣка. Можетъ и теперь посѣщать сіи-же воды. Сіи то источники оставляются въ наслѣдіе отъ отца Исааку: паки ископа Исаакъ кладязи водныи, яже ископаша раба Авраама отца его. (Гл. 26). Возлѣ сего источника рабъ Авраамовъ находитъ для Исаака супругу Ревекку.

Толкуеть обрученіе сіе Осія: обручу ты себе во вѣкъ и обручу ты себе въ правдѣ и въ судѣ и въ милости, и въ щедротахъ, и обручу ты себе въ вѣрѣ и увѣси Господа.

Послушайте, вотъ рабъ сына Авраамля: обручихъ васъ ёному мужу, дѣву чисту представити Христови.

Испытайте писанія: разумѣй, очищайте, роите, капайте, смотри какъ роеть Исаакъ: отнюдь же отгуду ископа кладезь другій а не пряхуся о томъ, и прозва имя ему пространство. Глаголя, яко нынѣ распространи Господь нашъ. Развѣ не слышимъ призывающаго насъ живаго источника? „Вжаждай да грядеть ко мнѣ... Вотъ наслѣдіе! Покой сердца, пространство духа, утоленіе душевной жажды. Не дай Богъ, намъ такъ пить изъ сего источника, какъ сіи потоки. Юдолъ же сладкая имѣяше кладези смачные, и побѣже царь Содомскій и царь Гоморскій и падоша тамо, оставшія-же бѣжаша въ горная. Одинъ и тотъ же источникъ есть паденіемъ и возстаніемъ, презирателей Богу посвящаемыхъ сихъ водъ и ругателей Елисеевыхъ, уже не сфинксъ но медвѣдицы терзають; и оврѣся въ слѣдъ имъ и виде я и проклятъ я именемъ Господнимъ... (4 Цар., гл. 2). Мы не дѣти умомъ; медвѣдица душу не тронеть, я тебѣ скажу кіи то звѣри, отъ Бога насылаемые. Зубы звѣрей послувъ ня... (Второзак., гл. 32, с. 24). Приметь слово сіе (въ ня), разумѣй внутрь ихъ; звѣря впусить во внутренность какъ можно? Посылаеть на нихъ и шершня! Нельзя, чтобъ наказывалъ по тѣлу тотъ, которой говоритъ:

„не убойтеся отъ убивающихъ тѣло...“

Кіи-жъ суть сію звѣри и шершни? Слушай Моисея: и будетъ аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего... Проклятъ ты внегода входити тебѣ, и проклятъ ты, внегода исходити тебѣ. Да послеть тебѣ Господь мудрость и гладъ, а истребленіе на вся... Слушай далѣ: да поразить тя Господь истлѣніемъ и огневицею, и стужею и жженіемъ и убивствомъ и вѣтромъ тлетворнымъ, и блѣдностью, и пожнутъ тя, л. 21. дондеже погубять. Слушай далѣ: поразить тя Господь | неистовствомъ и слѣпотою и изступленіемъ ума. Станемъ тутъ: довольно сего. Только не забудьте Сираховыхъ словъ о языкѣ: посланъ будетъ на ня, яко левъ, и яко пардъ погубить я.

О сихъ грезеніяхъ и душегубныхъ жалахъ говоритъ и Павелъ:

„жало же смерти грѣхъ...“

Что есть грѣхъ, естли не заблужденіе? Грѣшить, въ греческомъ языкѣ (*αμαρτανειν*), значитъ быть безпутнымъ, что жъ бѣдственнѣе какъ шествовать безъ дороги, жить безъ пути, ходить безъ совѣта? Сіе поразить сердце больнѣе медвѣдицы, жалчае шершней. Нѣтъ слаще и увеселительнѣе истины, путеvedущей душу, и нѣтъ горестнѣе какъ тьма невѣдѣнія. Будеши (тамъ же у Моисея говорится) осязая въ полудни, яко же осязаетъ слѣпый во тьмѣ, и не исправитъ (Господь) путей твоихъ.

Еще простѣе говорится у Іереміи. Накажетъ тя отступленіе твое, и злоба твоя обличитъ тя, и увѣждь и виждь, яко зло и горько ти есть, и не исправитъ (Господь) путей твоихъ. Не вѣруай и не ведущій Господа, уже осужденъ есть. Нѣтъ горестнѣе и мучительнѣе сего: и не будетъ никогда. Грѣхъ есть порча самаго существа, и раззореніе самой душевной исты, грѣхъ значитъ, заблудить отъ Господа своего, а сіе есть потерять животь и миръ сердечный. Грѣхъ самъ себѣ ядь и казнь; а мучитъ паче тысячи адовъ. Видите чье дѣло учить о мирѣ и щастіи. Библия сему источникъ и основаніе. Правда, что многіе ангелы, сокровищу нашему, въ вертепѣ родшемуса, не очень искусно, и не по Давидову на библейномъ инструментѣ поютъ пѣснь: „Слава въ вышнихъ Богу“. Но глупость, цѣлой тысячи несмысленныхъ живописцовъ: не сильна у насъ живописную хитрость привести въ презрѣніе и научаетъ насъ, что сія наука есть многотрудная, и отъ толикаго своихъ любителей стара, немногими постигаема.

Старинный другъ мой Алексѣй Соха, въ собраніи дружескомъ, по теченіи рѣчи, сталъ хвалиться, что общій нашъ пріятель, Севастіанъ сынъ Іакинфовъ, лекарь, возвратилъ ему очи, въ опаснѣйшемъ состояніи находящіяся. Въ семь мѣстѣ нашего разговора, одинъ изъ собранія началъ горько плакать; всѣ мы задивилися, что причина? Мнѣ, тотъ же лекарь, сказалъ съ плачемъ слѣпецъ, самъ собою обѣщался было исцѣлить очи. Мы знали, что добродушный Севастіанъ не принимался за невозможное, для того спросили: для чего жъ ты не отдался? Вотъ для чего, отвѣчалъ безъ-окой! Обманутый многими врачами, думалось мнѣ, что всѣ суть тѣ же; а теперь я на вѣки слѣпъ... Достоинъ и праведно! Монета воровская не можетъ уничтожить цѣну и честь монеты царской. Теперь скажу вамъ тоже, что въ началѣ: осторожно говорите о мирѣ. Высокая рѣчь есть миръ. Не будьте наглы, испытайте, все опасно. Не полагайтесь на вашихъ мыслей паутину; помните слово сіе: не буди мудръ о себѣ; не мудрися излише, да некогда изумишися. Не оправдай себе предъ Богомъ. Почитай врача.—Не высокоумдрствуй, но бойся.

Презирать Библию, значить мудриться излише, будто мы что лучшее выдумали. Оправдать себя предъ Богомъ, значить тожь: будто мы упредили его новоизобрѣтеннымъ прямокомъ къ щастію. Высокомудрствовать значить, будто въ нашъ вѣкъ родилась истинная премудрость, незнаемая древнимъ вѣкамъ и нашимъ предкамъ.

л. 22. | Сіе есть высокостепенное сумазбротство, естли думать, что въ нашихъ временахъ взошло солнце: отворился ключъ здоровыхъ водъ, изобрѣтена соль... самонужность есть повсемѣстная и вѣчная. Богъ и премудрость безъ начальны. А то самая дрянъ, что вчера съ грибами родилось. Изберите день и соберитесь. Я за предводительствомъ Божиимъ и его Библии могъ къ вамъ естли меня не обманеть самолюбіе, показать алфавитъ мира, или букварь его. А теперъ поручаю васъ Богу. Сумма всей нашей рѣчи будетъ сія: чѣмъ кто согласнѣе съ Богомъ, тѣмъ мирнѣе и щастливѣе. Стыжуся самъ своего слова. Лучше было сказать: соберемся, и участно всѣ побесѣдуемъ. Авось либо, что откроеть Тотъ, который близъ есть всѣмъ призывающимъ его въ Истинѣ.

А е а н а с і й. А мы пойдемъ въ садъ, а изъ саду домой... Скажите мнѣ, какъ вамъ показалась рѣчь его?

Е р м о л а й. Мнѣ она показалась дѣломъ. Нѣтъ вреднѣе, какъ наглость.

Я к о в ъ. И мнѣ его рѣчь кажется не безъ основательною. Можетъ статья, что мы разсуждаемъ о мирѣ такъ, какъ древніе разсуждали о пифагоровскихъ бобахъ. Между многими его гадательными реченіями, есть и сіе: не ѣшь бобовъ. Многіе сему смѣялися, а иные высосали изъ сихъ словъ подлые соки, всякъ по своему сновидѣнію. Одинъ думалъ, что въ бобахъ вредный сокъ, рождающій бессонницу. Другой мечталъ, что срамный духъ имѣють и фигуру. Третьему приснилось, будто бы обращаются въ кровь, естли скрыть въ мѣдномъ сосудѣ и прочій вздоръ. О семъ написали и книги. Возможно-ли, что бѣ мудрый мужъ, толь подлая мысли, закрылъ въ своемъ символѣ? Мнѣ кажется тѣ угадали, кои высосали оттуду сіе Сираховское слово: „премудрость книжника во благовременіи празднества, и умалаяйся въ дѣвнѣяхъ своихъ, упремудрится; за немнѣніемъ камушковъ, употребляли древніи для кандидатовъ бѣлые и черные бобы. Пифагоръ любителей премудрости, отвлекалъ симъ словомъ отъ честолюбія, чтобъ иметь вольное сердце, къ изслѣдованію истины. Толкуеть одинъ его символъ Цицеронъ въ книгѣ своей о старости, но весьма нехудо: древніе мудрецы имѣли свой языкъ особливый, они изображали мысли свои образами, будто словами. Образа тѣ были фигуры небесныхъ и земныхъ тварей, наприим. солнце значило истину. Кольцо, или змій, въ кольцо свитый,—вѣчность. Якорь—утвержденіе или совѣтъ. Голубь—стыдливость. Птица бусель—богочтеніе. Зерно и сѣмя,—помышленіе и мнѣніе. Были и вымышленные образа, наприим.: Сфинксъ, сирена, фе-

никсъ, семиглавный змій и прочая. Печать кесаря Августа имѣла съ кольцомъ якорь, обвитый стремительнѣйшимъ морскимъ звѣремъ дельфиномъ съ сею подписью: Festina lente т. е. спѣши (всегда) исподволь. Образъ, заключающій въ себѣ тайну, именовался по еллински *Εμβλημα*. *Emblema* т. е. вкѣда, вправка будто въ перстень алмаза, наприм., изображенный грифъ съ сею подписью: наглорожденное скоро исчезаетъ; или снопъ травы съ сею надписью: всяка плотъ трава. А естли такихъ фигуръ сложить вмѣстѣ двѣ или три, какъ въ поманутой печати, тогда называлось *Συμβολον*, *Conjectura* по-римски; по нашему бы сказать: скидка, сметка. Августова печать была головою всѣхъ его совѣтовъ въ царствованіи. Онъ почиталъ за одно, скорость и исправность. Наконецъ, такъ щастливо | царствовалъ, что народная л. 23. рѣчь сія почти обратилась въ пословицу. Августу или не должно было зачинать, или переставать царствовать. Но мнѣ кажется, что Августова печать значить и то, дабы бѣшенство душевныхъ стремлений удерживать совѣтомъ, зависящимъ отъ вѣчности. Въ сію мысль приводитъ фигура змія, въ кольцо свитаго, съ сею надписью: отъ тебе Боже начало, въ тебе же да кончится. Вѣчнаго вѣчность такъ же образовалась тремя перстнями или кольцами, межъ собою сцепленными съ надписью: *Sin trіe*, выше всѣхъ стихій. Сердце устремившееся къ вѣчному означалось образомъ стрѣлы, горѣ стремящейся къ звѣздѣ, съ такою подписью: долѣветъ мнѣ одинъ онъ. Сердце вѣчностію просвѣщенное образовалось кустарникомъ или насажденіемъ плодопринесшимъ зерно, падающее сверху поверхности земной, съ подписью: Чаю будущія жизни. Изображалось и орломъ взирающимъ и возлетающимъ къ Солнцу съ подписью: горю къ безсмертію. Такъ же зміемъ, совлекшимъ свою ветошь весною и обновившимъ юность. Я недавно написалъ таинственный образъ. Онъ представляетъ море съ берегомъ, съ котораго летитъ на другую сторону моря ласточка, съ надписью: зимою нѣтъ здѣсь для меня покою. Таковыя тайно образующія вѣчность фигуры, бывали у древнихъ вырѣзываемы на печатяхъ, на перстняхъ, на сосудахъ, на таблицахъ, на стѣнахъ храмовъ, по сей причинѣ названы (Иероглифика) *Hieroglyphica*, т. е. священная скульптура или рѣзба, а толкователи названы, *Hierophantes*,—священно-явители, Или *Mystagogi*, тайно-водители. Конечно ни кто бы не могъ разумѣть, и видя не видѣлъ бы, наприм., шаръ земный, изображенный съ царскою короною и скипетромъ, но опровержень, естли бы не было подписано слѣдующее: дуракъ уповаетъ на него. — Отсюда видно родилась пословица сія не фигура т. е. не трудно.

Л о н г и н ѣ . Мнѣ кажется, что и самая Библия есть Богомъ создана, изъ священно-таинственныхъ образовъ. Небо, луна, солнце, звѣзды, вечеръ, утро, облакъ, дуга, рай, птицы, звѣри, человекъ и прочая. Все сіе суть образы высоты, небесной премудрости, показанной Моисею

на горѣ; все сіе и вся тварь есть стень, образующая Вѣчность. Кто бы могъ догадаться, что Ноева дуга образъ есть священный Библии, естли бы не сынъ Сираховъ, похваляя Божественную премудрость сказалъ: слава высоты, твердь чистоты... Солнце въ явленіи пожигающее горы... Доброта небесе, Слава звѣздъ... Виждь дугу и благослови сотворшаго ю, зѣло прекрасна сіяніемъ своимъ? (Гл. 43.) Всю сію неба и земли тварь сотворилъ вышній въ томъ, да прообразуетъ она горнее начало власти Божіей, силу слова его и славу присносущнаго духа его.

„Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.“ Когда вся тварей смѣсь простирается изъ Божьяго источника тогда да возвращается къ тому же, кой есть начало и конецъ и насъ за собою да ведетъ отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси. Сіе великое свѣтило (Библия), сотворенное на тверди крѣпости вѣчнаго на то, да освящаетъ земленые умы наши, да разлучаетъ намъ между днемъ воскресенія и между
л. 24. ноцію тлѣнія, которое одно намъ, какъ | видимое, такъ и знаемое, да ведетъ своими злѣніями (?) во времена вѣчности, во дни спасенія, въ лѣто Господне благоприятное. Оно утвержденное въ роды родовъ, да по крайнѣйшей мѣрѣ нѣкоторая частичка людей Божіихъ въ семь ковчегѣ спасется отъ змія, излевающаго потопъ, наводняющій землю безбожіемъ. Въ семь ковчегѣ почиваетъ нашъ Ное, т. е. миръ, всякъ умъ превосходящій, и кто воздвигнетъ его? Тутъ гнѣздится и голубица (іона—еврейски) извнутри испущаемая, возводящая высокоіи взоръ свой, усматривающая превосходящія тлѣнія воду, верхи горъ вѣчныхъ, горъ правды Божіей, мѣсто злачное, землю износящую, быліе травное и древо плодовитое, день третій воскресенія, и приносящая во устахъ своихъ намъ милость мира и твердое надежды утверженіе, глаголя: Радуйтесь! Не бойтесь! что смущенные есте? Миръ вамъ! Идите, возвѣстите братіи моеи.

Естли бы кто вошелъ въ покой чистыя сея голубицы, и отдохнувъ посреде предѣловъ ея съ Исааковымъ сыномъ, тогда бы узналъ, что вся слава ея внутрь находится и признался бы, что подливно крила ея посребрены, что шумъ ихъ чудный, а между раміе ея сияетъ самымъ чистѣйшимъ и никому неслыханымъ златомъ: злато же земли сея доброе, итамо есть Анфраксъ (Быт., гл. 2.) и камень зеленый. Но такъ все закрыто фигурами, и образами такъ запечатлѣно, что весьма трудно, да и невозможно пролѣзть сквозь ограждающую рай сей стѣну: естли бѣ съ нашимъ соглядателемъ Холевомъ не будетъ въ товарищахъ сей: Азъ есмь дверь... Глубина сія Божіей премудрости, стень образъ снаружи покрытая, никоего вида ни стройности, ни вкуса не имѣетъ. Земля же бѣ невидима и не устроена: и тьма... Такова она бываетъ потоль, поколь найдетъ на ней духъ отъ вышняго, какъ говоритъ Исаія: (Гл. 32.) И будетъ пустыня въ Хермелъ

претворится въ гору Кармилъ въ плодоносїи или въ пищу изобилїе. И духъ Божїй пошашеся верху воды.“

Сей одинъ всесильный сходящїй отъ вышняго духъ: какъ сотворилъ всю сію небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ и морскихъ (свѣтила, звѣри, золото, перла) образовъ тьму, такъ и вывести можетъ изъ мертваго живое, изъ пустыни изобилїе, изъ обуялаго вкусъ, изъ тьмы просвѣщенїе, и рече Богъ да будетъ свѣтъ! и бысть свѣтъ. Все въ ней кажется просто и одинаково сказано однако двое сіе слышахъ— Давидъ говоритъ: и духъ двойное свое слово, на двое разумѣть: на образующее и на тайно образуемое.—И разлучи Богъ между свѣтомъ и между..

Да не помыслимъ же, что слово Божїе въ самомъ дѣлѣ есть двойное, двойное по естествамъ своимъ, двоимъ по тлѣнїю и нетлѣнїю, по плоти и духу; по Божеству и человѣчеству; по лицу же или ипостаси, одно и то же. „И бысть вечеръ и бысть утро день единъ...“

Въ сей, то силѣ сквозь бурю и облакъ спрашиваетъ | Иова Богъ: л. 25. гдѣ былъ еси, егда основахъ землю? Возвѣсти ми еще вѣси разумъ? Кто положи мѣры ея, еще вѣси?... Въ коей же землѣ вселяется свѣтъ? Тмѣ же кое есть мѣсто? (Гл. 38, с. 4.)

Вся тьма земныхъ образовъ въ ту мѣту, мѣру и намѣренїе положена, да течеть къ своему началу... Въ началѣ бѣ слово... вся тьма быша...

Самые сіи два образа вечеръ и утро, если бы не истинны были а не возводили куда-то, никогда бы не сказалъ Давидъ: исходы утра и вечера украсили, но богодухновенное сердце, и въ сихъ кочкахъ находить землю вселяющагося свѣта, и мѣсто тьмы, и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ.

Таковыя образа (Emblemata) всегда заключаютъ внутрь себе нѣчто золотое и драгоцѣнное,—разумѣй Божїе: „и виде Богъ яко добро.“

Возьмите напримѣръ сіи два образа изъ Исаїи; персть отъ колесе— и вспомните данный Иову запросъ: въ коей землѣ вселяется свѣтъ?..

Кто не скажетъ, что персть или грязь отъ колеса значить тлѣнную природу? Сїе есть мѣсто тьмѣ. Кто же опять не видитъ, что колесо прїосвѣняетъ вѣчнаго вѣчность? Сїя есть земля включающая въ себя свѣтъ вѣчности. Знаменуемая колесомъ: будто колесо въ колеси заключилося, въ земномъ небесное, въ тлѣнномъ нетлѣнное, какъ говоритъ Іезекїиль; видѣвшїй колеса: „и дѣло ихъ баше, яко аще бы было коло въ колеси (Гл. 1).

Но сіи колеса не простыя были, и видѣніе колесъ и сотворенїе ихъ яко видѣніе фарсиса (родъ драгоцѣннаго камня). Говоритъ и Давидъ: гласъ грома твоего въ колеси... видите куды сіи колеса докатилися

Теперь кажется видно, что колесо есть образъ, закрывающїй внутрь себе безконечное колесо Божїя Вѣчности и есть будто персть прильнувшая къ ней: „Духъ жизни баше въ колесехъ. Духъ жизни и вѣчность,—одно и то же.

Мнѣ кажется, что и самъ Іезекїиль то же признаетъ, что въ тва-

ряхъ сокрывается пріосъняемая Божія истина, когда говоритъ сіе: по среде животныхъ видѣніесвѣщъ... Сіи слова его по всему одни суть и тѣже, съ словами сими: злато же оныя земли доброе и тамо есть Анфраксъ...

Анфраксъ драгоценный есть камень, подобенъ блистаніемъ огненному углю, гречески Анораксъ, т. е. раскаленный уголь. Сей уголь очистилъ Исаи уста; то уже и видно, что уголь есть фигура, и не уголь очистилъ сердце сыну Амосову, но тайнообразуемая углемъ горящимъ слава Божія, не бѣ той свѣтъ, но да свидѣтельствуеть о свѣтѣ, самыя его четыре животныхъ, что таскають за собою видѣнныя ему колеса кажется тоже начерчиваетъ: образъ коей либо твари, включающій въ себѣ блистательный видъ вѣчности, есть будто-бы везущій

л. 26. сокровище Божіе возокъ. Еврейски чуть ли не херувимъ. Имѣемъ же | сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ.

Можетъ статься, что сіе жъ значить и то, что пророкъ своимъ животнымъ такъ какъ и колесамъ, вокругъ насажалъ и будто алмазы вставилъ, множество очей. Колеса пророкъ умомъ проницаая, услышитъ тайный вопль сей: о, колеса! но и здѣсь приличествуеть тотъ же вопль: о, очи! И чуть ли сіи очи не тѣ, о коихъ Іереміа: Господи, очи наши зрятъ на вѣру (Гл. 5.) Сіи очи и въ Іовѣ есть: очи твои на мнѣ. (Гл. 7.) Сверхъ пророчихъ и Іововыхъ очей, есть еще Господни: и положи (Елисей) уста свои на устѣхъ его, и очи свои на очи его... и согрѣяся плоть отрочища. (4 Цар., Гл. 4.) А безъ сихъ очей, очи пророчи болѣзненны какъ у Ліа и слѣпы и не вкусны. Затѣмъ сидящаго на херувимѣхъ. Отверзи Господи (проситъ Езекиа) очи твои и виждь... Не всякому сіи очи отворяются, но содержатся внутри сени животныхъ: „отвращу очи мои отъ васъ (Исаіа.) Іонѣ и Клеопѣ они отверзались, но прежде и симъ держастеся да его не познають. Сокрыши было взоръ блаженныхъ сихъ очей скоты полевныи, и звѣри дубравныи поколь возсія солнце и собрашася... вотъ одинъ щенокъ львовъ: скимень львовъ Іуда... но имѣеть ли очи лице сіе львово! Имѣеть, но для вѣрныхъ, вотъ они: радостотворны очи его паче вина... (Быт., гл. 49.) а невѣрнымъ не раскусивъ на лице образующемъ увязаютъ. Очи Господни на праведныи, лице же Господне на творящія злая, видящіе доброе и лукавое. Они видятъ доброе, но лукаво: въ добротѣ лукавство, въ истинѣ сень, въ животѣ смерть, а симъ самымъ дѣлають доброе злымъ. Творящія злая. И не дивно: очи сіи очень глубоки. Одна точію вѣра на нихъ взираеть, а они взаимъ на вѣру. Очи твои яко озеро во Ессевонѣ (градѣ), пѣснь пѣсней и очень высоко поднимаются надъ преддверіе вратъ дому Господня. Они не дремлютъ и никогда не уснутъ, храняще домъ свой израильскій, храмъ Библии. Да будутъ очи твои отверсты на храмъ сей день и ночь (3 Цар.). Сіи очи увидѣли Закхея: возврѣвъ Іисусъ... и Вениамина. Возврѣвъ очима своимъ Іосифъ. Вотъ же вамъ и телячее лицо! Моисей благо-

словляя Иосифа, называет его быкомъ. Первородный юнецъ доброта его... (Вторз., гл. 33). Юнецъ есть ничто, но первородный лица сего, есть красотою. Первородный и начало все одно, на неже еще мѣсто зряше начало едино, идяху вслѣдъ его... (Иезекиль, гл. 10.) Много я о очахъ наболталъ, не можно ль нѣсколько удостовѣрить, что видѣніе вѣднѣе сихъ многихъ очей есть фигура одного не дремлющаго, Вседержительнаго ока Божія; и когда колеса образуютъ гласъ грома его, тогда очи пріосвѣняютъ приносущное сіяніе славы Его. Слово плоть бысть... и видѣхомъ славу Его... Не хочу больше говорить кромѣ съ пророкомъ же сіе: идѣже еще бѣше облакъ, тамо бѣше и духъ. Облакъ и образъ кажется одно. Но онъ | и самъ говоритъ: сіе видѣніе (есть) л. 27. подобіе славы Господней. Будто жъ не одно то: подобіе и образъ, а между колесомъ и окомъ, немного разности. Кольцо и то и другое. Вся Библия есть прахъ и персть, но осыпавшая много-очитое колесо вѣчности Божіей. Изъ сей безобразной грязи исходитъ свѣтъ вѣднѣя славы Господни блистательныя какъ молнія, сіяющія какъ золото, прозрачныя какъ имитрозъ (янтарь), огнезрачныя какъ анфраксъ, добровидныя какъ фарсисъ. Сей свѣтъ избавляетъ ее отъ униженія и оплеванія людскаго. Смиренная и колеблемая не имѣла еси утѣшенія, се азъ уготовляю тебѣ анфраксъ камень твой, и на основаніе твое сапфиръ (Исаи, гл. 54.) Въ то время веселится сія невѣста. Взгляните, напримѣръ, на облакъ объѣмлющій прекрасное кольцо сіяющія дуги: не живой ли сей образъ Библии, фигурами освѣняющей сіяніе славы Божія, на горѣ преобразуемая? Дугу мою полагаю во облацѣ... Взгляните на пустое поле износящее траву и благовонныя цвѣты. Сей есть Символь ея, раждающія изъ пустыни изобиліе, изъ гнили—нетлѣніе. Азъ есмь цвѣтъ полевой (полевой) и кринъ удошный.

Сіе то поле видѣлъ Иезекиль, полное костей человѣческихъ, но тѣ бѣше слова Господа Бога Израилева видѣнная ему на семь полѣ и теперъ есть и видится, естли кто можетъ проекти на кости сіи. Изъ сего поля персть возьметъ Создатель, подмѣшавъ своей слины, помаза очи слѣпому. Персть ничто: но подмѣшанный вкусъ божественныя слины, освобождаетъ слѣпоты, отверзая очи Боговѣднѣя. Вкусъ безъ слины въ пищѣ не бываетъ. Приложилъ еси премудрость и благая къ симъ паче всякаго слуха... (3 Цар., гл. 10.)

Взгляните опять на вознесеннаго змія Моисеева. Естли онъ виситъ въ кольцо свитый—есть фигура вѣчности, естли жѣ просто—есть образъ Божіей премудрости. Сей змій всѣ ползущія зміи пожираетъ. Сей пожаръ египетскихъ мудрецовъ жезлы: вся мудрость ихъ поглощена... Сей змій возносится на крестъ ХС⁵⁵¹) Божія сила и премудрость. „Погублю премудрость премудрыхъ...“

551) Христа.

Взгляните на самага Адама; припомните, что значить сей изъ глины выдѣленный человѣкъ? Богъ на глину смотрѣть не терпитъ: не соберу соборовъ ихъ отъ кровей... И такъ сія обветшалаѣя фигура, конечно, образуетъ того человѣка, и что есть человѣкъ, яко помниши его... Сей болв.(анъ) ведетъ за собою того мужа, который его создалъ да образуетъ стѣню всею величіе его. Се сей стоитъ за стѣною нашею... Сей бѣ его же рехъ, иже по мнѣ грядый предо мною бысть, яко первѣе мене бѣ. Сего то видѣлъ заглинкою Давидъ (гл. 10.) Воздвигахъ очи мои, и видѣхъ и се мужъ Едвнъ... Чресла его препоясаны златомъ свѣтлымъ, тѣло же его аки фарсисъ. До сего-то мужа мальчиковъ долѣ ползущихъ, приподнимаетъ Павелъ. Вышнихъ ищите, идѣже есть

л.28. ХС.. Горная мудрствуйте. | Что больше говорить? По образу Божію сотворите его. Хоть по образу, хоть въ началѣ, да образуетъ сѣнь того единого мужа, кой есть: начало и конецъ.

Теперь нашъ Адамъ вкусѣе сдѣлался, былъ онъ глиняный только, а теперь и духъ жизни внутрь его есть, былъ одинъ земный, а нынѣ въ одно лицо соединился и небесный: „Сниде яко дождь на руно.“

Затаскалъ было и задавилъ перстный.

Всѣ родове отъ Адама до ХС, образы и тѣни суть величія Божія, посему родъ Божій называется.

Каждое сего рода лицо, будто ложесна разверзаетъ, когда исходить изъ него первородное оное Единоначало.

„Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіати...“

Іаковъ есть ничто, но Богъ Іаковль, стоящій за стѣною его, сѣмя и зерно Божіе, распространяющееся на четыре части міра. Сіе одно великое, сіе одно прозябшее изъ Іаковлева праха, великимъ дѣлаетъ Іакова: твой есть день и твоя есть ношъ. И бысть вечеръ и бысть утро . . . И въ сію то силу пишется: Великъ былъ Моисей—изыде къ братіямъ своимъ. Возставъ Іаковъ на носѣ, иде въ землю восточн.(ую). О семъ на многихъ мѣстахъ Ісаи: не бойся Іаковъ, малый Израилю, азъ помогохъ ти... се сотворилъ тя, аки колеса колесничная новая, стирающая аки пѣла... (Гл. 41 и гл. 14 и 17, с. 4.)

Если орель находясь божественною фигурою высоко возносится въ силѣ своей какъ видно изъ Божіею къ Іову вопроса: твоимъ-ли повелѣніемъ возносится орель? Много паче сей родъ возвышается, о коемъ Господь: подыахъ васъ, яко на крилехъ орлихъ, и приведохъ васъ къ себѣ. (Гл. 19, Исх.)

Всѣ сіи суть селеніе Славы его, и птенцы орлины отца сего, „яко орель покры гнѣздо свое, и на птенцы своя возлеже... (Гл. 32, Второз.) Имя (Давидъ значить возлюбленный) и есть сѣнь того: „Богъ любви есть... фаресъ гласить (раздѣленіе) и есть образъ того:

разлучи Богъ между свѣтомъ... Давидъ, есть сѣнь того: гортань его сладость и весь желаніе. Енохъ стень того: вземлется отъ земли животъ его. Иосифъ (прилиженіе), есть печать того: Богъ мира будетъ съ вами.

Всѣ сіи суть чистые скоты вышняго Авраама, ведущіе сокровище Божіе, о коихъ Исаія: терпящія Господа, измѣнять крѣпость, окривляють яко орли, потмутъ и не утруждаются, пойдутъ и не взалчуть. (Гл. 40.) Вотъ одинъ, рыкаетъ: терпя потерпехъ Господа. Сіи суть овцы Божіи, пасомыя Господемъ: а безъ его мертвы. Вотъ одна, овца блѣдетъ: пасый Израиля, вонми... Господь пасеть мя. Сіи овцы; вси близнята родящія, а безъ чадныя несть въ нихъ. (Пѣсн. пѣсн., гл. 6.) Не назнанное, раждають для Лавана, а знаменанное, т. е. образуемое для благословеннаго Іакова. Сколько жъ сихъ овецъ нашъ Іовъ, не нагноище уже внѣ Града Божія лежащій: Господь возставитъ его, но воздвигнутый отъ болѣзненнаго праха, имѣетъ? Овецъ 14 тысячъ. Велблюдовъ 6 тысячъ... Сіи суть домочатцы великаго Авраама, присутствовавшія сильному и ужу Гедвону, противу Мадіама. Они, и люди, и скоты, и звѣри, и птицы, коимъ надѣлялъ Іезекииль множество крыль, очей и колесъ. И не онъ надѣлялъ, но прозрѣлъ подъ шестокрыльною ихъ тѣнью, вѣчно блистающую истину Божію, и едино начало, четыре части мира исполняющее. Для того и не говоритъ, что животная, но говоритъ: яко подобіе | четырехъ животныхъ. Они л. 29. точию похожи на то, Давидъ о себѣ и о прочихъ говоритъ: днѣ мои, яко сѣнь... и правда, что князи все они, и сыны человѣческіи, въ нихъ же несть спасенія. Но сія сѣнь везетъ за собою вѣчнаго: ты же Господа во вѣкъ пребыв... проситъ: изведа изъ темницы душу мою. Да уразумѣють, что я не пустая сѣнь, но тебе славящая тайно-образуемаго. И не дивно, что сѣнь петрова изцѣляла. Она закрываетъ имя Господне. Изму его и прославлю его... „Яко время ушедрити. Сіе время провидѣвъ Исаія, говоритъ, что конечно по времени упасеть Господь сихъ вмѣстѣ своихъ агнцовъ, волковъ и львовъ. Веніаминъ волкъ, хищникъ... и чуть ли не сіе значитъ исходъ израильскій, когда имена сихъ людей выходятъ въ горнюю силу начала своего: и сперва имя твое на насъ есть (Исаія, гл. 63.) Тогда то кажется исполняется на нихъ слово Малахино: а изыдите и възграете, яко же тельцы отъ узъ разрѣшены (гл. 4.) Не знаю, сіе жъ-ли значитъ и переходъ чрезъ море? Изъ прежде бывшія воды, открытіе сухія земли явися, а изъ моря Чермнаго путь не возбраненъ, и поле злачное отъ волненія зельнаго: имже весь языкъ пройде твоею рукою покровенны, видящіе дивная чудеса. Яко же бо кони насытимася, и яко агнцы възграшася, (Прем. Сол., гл. 19.) Но и самъ Давидъ говоритъ: преидохомъ сквозъ... И извелъ еси насъ въ покой. Отъ земли взопли мы къ тебѣ, Господи. „Бысть въ мірѣ мѣсто его... Можетъ быть и апокалипсическій

сего отмщенія просять старцы; и суда хочеть сое рытса тамошняя жъ жена съ чадомъ, отъ змѣинаго потопа. Сокрываемаи ихъ въ тайнѣ лица твоего...

Жена раждаетъ чадо, восхищаемое къ Богу и престолу Его: иже имать упасти вся языки; Исаіа говорить тожь о себѣ: Господа во чревѣ пріяхомъ и поболѣхамъ и родихомъ духъ спасенія... Женѣ даются два крила орла великаго. Яко орелъ покры гнѣздо свое... И Давить криль желаетъ: кто дастъ мнѣ крилѣ яко голубинѣ?.. Сіе все доказываетъ, что они сугь образа присносущія Божія. А что сей многочисленный родъ часто въ Бабліи извѣстныиъ числомъ ограничивается, напр. Авраамъ сочте своя дѣмчадцы 300 и 18. Гедеонъ взялъ съ собою 330 мужей и проч. Все сіе суда же служить и дѣлается, или потому, что они всѣ суть какъ одна жена раждающая одно твердое и извѣстное начало, когда безчисленнаго праха перечестъ нельзя: или по тому, что сіа безобразная грязь, возвращаясь къ своему началу, приемяетъ отъ его печатлѣмое на себе благообразіе вида и мѣры, а мѣра и число въ себѣ заключаетъ, или потому, что велить Богъ Моисею поставить въ счету своихъ мужей. И о прочихъ говорить: не помяну именъ ихъ устнама моими. И самое время когда ограничивается, тогда разумѣется Божіе и вѣчное. Наприм: бысть въ тридцатое лѣто, въ четвертый мѣсяць, въ пятый день мѣсяца (Іезек., гл. 1.) И бысть утро, и бысть вечеръ, день третій. Тогда значитса лѣто господне пріятное, день радости и спасенія; и тысяча лѣтъ яко день 1.30. единъ. Яко день вчерашній... „Плоть ничтоже...“ | Но когда сіа не видима и не устроена плотъ, изъ ничтожности своей выходитъ въ точное свое начало, тогда созидается изъ ничтожности въ нѣчто, и престааетъ быть ничто, т. е. плотію и тьмою, въ то время когда Богъ изчитай множество звѣздъ и нарицая не сущая, яко сущая речеть: да будетъ свѣтъ. Се есте яко днесъ звѣзды небесныя множествомъ. Правда, что Богъ такъ же по имени называетъ Каина, Исава, Саула и прочихъ такихъ: но они хотя не чистыи, однако Божіи же скоты. Азъ устроивый свѣтъ, и сотворивый тьму, творяи миръ и виждяи злая... (Исаіа, гл. 45.) Они суть мѣсто и образъ тмы удаляющія оконаше отъ боговидѣнія: сіе значить убійство Каина, Исавле, а Саулово гоненіе. Всѣ по плоти разумѣющія Библию суть племя ихъ едомское, сей громъ Божій слышашіе. Аще право принеслъ еси, право же не раздѣлилъ еси, не согрѣшилъ ли еси? Умолкни (Быт., гл. 4.) Разлучи Богъ между свѣтомъ... Хотѣлъ Валаамъ, положившись на свое скотское разумѣніе проклять Израила т. е. дабы они не исходили въ землю Божію, а значили бы тлѣнъ, плотъ, клятву: исходы мои—исходы живота. Наконецъ, не терпя противорѣчья образовъ: утѣсненъ въ непроходимыхъ закоулкахъ, и приникъ въ сокровенное меча остріе, Слово Божіе, съ поклоненіемъ вскричалъ: что проклянута, его же не клянеть Господь?.. Нѣсть вражды во Іаковѣ, ниже волхвованія во Израили... Коль добры

домы твои Иакове и кущи твои Израилю... Богъ изведе его изъ Египта... возлегъ почи... Благословящія тя благословенны, и проклинаящія тя прокляты (Числь, гл. 23 и 24.) Но можно-ль исчислить всё тмы образовъ?

Одно то извѣстно, что весь сей сеновный миръ, до послѣднія своея черты, отъ виноградныя лозы, до самой крапивы, отъ нитки до ремня, событіе свое получаетъ отъ вышняго: отвращу тебе лице, возмзутся... Всякая видимость, есть образъ, а каждый образъ есть плоть, сѣнь, идолъ и ничто. Послеши духъ твой и созиждутся... Взгляните на непроходную чашу левитскихъ обрядовъ, коликій вздоръ, однако вся сія земляность со всёмъ хворостіемъ сгорѣвъ, въ начало течеть: коль чудно имя твое по всей землѣ.

Сіе все дѣлаеть нашедшій духъ отъ вышняго, вѣдая что всякое дыханіе и тварь ему служить: учиненіемъ твоимъ пребываетъ день, яко всяческая работна тебѣ.

Одинъ всесильный духъ уловляетъ великаго кита сего и онъ то вопрошаетъ Иова: извлечеши-ли змія удицею?.. Или: вдѣнеши кольцо въ ноздри его? Шиломъ же повертиши-ли устнѣ его? Возложиши-ли нань руку Г...⁵⁵²) Онъ одинъ симъ зміемъ, какъ дѣтина воробьемъ играетъ; или свяжеша его яко врабѣя дѣтищу? Одну свою руку онъ одинъ налагаетъ на него, въ разумѣхъ руку своею наставилъ я есть; Духъ твой благій наставитъ мя... Духъ вся испытуетъ и глубины Божія.

[Сіе-то покрывало и мракъ стѣны, отводитъ читателей отъ Библіи, л. 31. лишая насъ вкуса, да не слышимъ глаголющаго къ намъ сквозь бурю и облакъ Бога и не можемъ сказать: пройде въ мѣсто селенія дивнаго даже до дому Божія... вниду къ жертвенику Божію... Кромѣ прочіихъ одинъ Соломонъ для созиданія стѣны сея сколько натаскалъ матеріаловъ: сія бѣ вещь корысти, коже принялъ царь Соломонъ на созиданіе храма Господня, и дому цареву и стѣнѣ Иерусалимстей, и все внутрь давира покры златомъ (Ц. 3.)

Но кто силенъ, да возсіяетъ красота дому сему Божію, отдѣлить корысти, будто завѣсу храма отдернуть войти внутрь давира: (давіръ значитъ слово) и ввести въ самыя междорамія? Духъ утѣшитель управляетъ силу Библіи, вдѣваетъ кольцо въ ноздри ея, находясь и самъ вѣчнымъ, и даетъ глаголь благовѣствующимъ: Царь силъ возлюбленнаго ради красоты дому раздѣлити корысти... А безъ его все темное, невидимое и не устроено, дондеже найдетъ духъ... Тогда все возвращается къ безначальному концу, какъ кольцу и къ безначальному началу: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю... Въ началѣ бѣ Слово... Сей многоразличный плетень образовъ, и фигуральныя узлы, именуются въ Библіи знаменія и чудеса: посла Моисея раба своего... Помяните чудеса его... Просите и дастся вамъ.

Сей родъ знаменія ищетъ... Знаменася на насъ Свѣтъ... Раз-

⁵⁵²) Г...., вѣроятно, „Господа“.

умѣть таящуюся въ знаменіяхъ и чудесахъ силу слова Божія, есть дѣло пророковъ, т. е. видящихъ, очитыхъ, прозорлицовъ, знаменій нашихъ не видекомъ, нѣсть къ тому пророка... Пророки то прорицають, что прозирають... Провидять въ тѣни Сущаго. Все то не будущее, чего не будетъ; все то не будетъ, что тѣнь; все то тѣнь, что габнетъ. То одно есть будущее, что всегда пребудетъ: „возрѣвъ очима своими, видѣ челоуѣка, стояща предъ нимъ.“ (Иисус. Нав., гл. 5) т. е. вѣчно пребывающаго и пребудущаго. Вотъ какъ они пророчать будущее. Послушаемъ Давида: „Помянухъ лѣта вѣчная и поучахся.“

Конечно, твореньми помышляема присносущная сила его и Божество уразумѣвается, разсуждалъ безъ сомнѣнія онъ чудеса, образа и фигуры Божіи, какъ самъ тамъ же о томъ говорить: ношю сердцемъ моимъ размышляхъ, и испытоваше духъ мой. (Псал., 76.)

Мнѣ кажется Давидъ между прочими знаменіями размышлялъ и о фигурѣ колесъ, о коихъ тамъ же поминаеть: „Гласъ грома твоего въ колеси, кромѣ того лѣто, и годъ тоже; годъ и кругъ тоже; кругъ и кольцо тоже. Простѣ же теперь позвольте мнѣ пересказать его слова хоть такъ: помыслихъ... вспомнилъ я колеса безконечныя, и доразумѣлся, что сія фигура напоминаетъ о безлѣтномъ, вѣчнаго, присносущи. Кругъ лѣта—римски Anuus, | а кольцо Anulus. Взыщите Господа, и утвердитесь, помяните чудеса его... Помянуть чудеса Божія значить то же, что римское слово сіе: Comminiscor, Commentor, вздумать, надумать. Commentarius, гречески Ерμηνευω, тому, толмачу. И не дивно, что у Павла сіе слово (пророчествовать) значить толочь и разскушивать священное писаніе. Дружитесь любви, ревнуйте же духовнымъ, паче же да пророчествуете... Пророчествуяй, челоуѣкомъ глаголетъ созиданіе и утѣшеніе у утвержденіе. (1 къ Кор., гл. 14.)

Взгляните на гл. 11 Числъ. Съ коликимъ прилежаніемъ сынове Израилевы манну собирають и толкутъ! Исхождаху людіе, и собираху и меляху въ жерновахъ, и толцаху въ ступехъ и варяху въ горшкахъ. Вспомните и то: да не заградиши устенъ вола молоташу. Имѣеть обычай и Италия молотить волами. Вспомните же и Луку, образуемаго воломъ. Сіи суть сынове израилевы, очищающіи отъ шелухи слово Божіе: находящіи въ грязи золотое кольцо, да сотвориши на словеси два кольца злот... (Исх. 28), яко же аще бы было кольцо въ колесѣ.

Обрѣтающіи въ обуяломъ вкусное, въ мертвенномъ живое, въ безчестномъ безцѣнное, какъ евангельская жена монету въ горничномъ сорѣ: радуйтесь со мною... какъ радостотворный Господа перстень и гривну у блудницы Тамары, и жезлъ свой отцомъ его Іаковомъ, для овецъ остроганный, какъ Іезекиль сокрытые въ лайнѣ опрѣсноки, говоря съ Моисеемъ: сей есть Господь; его же завѣща... Сей хлѣбъ... вкусите и видите... Обрѣтохомъ Мессію... Аще изведеша честное отъ недостойнаго, яко уста моя будеша. (Іерем., гл. 15.)

И чуть ли не сіе тайныя вечера зерно, Кушалъ съ товарищами своими Данилъ и сдѣлался добрѣе лицомъ, и крѣпче тѣломъ, паче служителей, ядущихъ отъ стола двора Вавилонскаго? А Іаковъ чрезъ сіе же досталъ отъ Исава первенство. Поощряетъ къ сему и пророкъ Михея: сіи же не разумѣша помышленію Господни... Что жъ дѣлать? Такъ возстани говорить и измлати ихъ дщи Сюя... и возложь Господеви множество ихъ... (Гл. 4.) Истоlochъ знаменіе и манну, т. е. чудо, значить разжевать раскусить. Ісаія кричитъ: воздвигните знаменіе на языки. Воздвигнуть знаменіе, значить возвысить оное въ гору и поднять къ разумѣнію самаго его начала. Взойти въ божественное понятіе, дабы не пахло больше землею. И сіе то значить исхождаху людие... и то возложиши Господеви... т. е. положить на горнемъ мѣстѣ, выше всѣхъ стихій, и не суда-ли приглашаетъ сіе: аще азъ вознесенъ буду отъ земли, тогда вся привлеку къ себѣ. (Еванг. Іоан.)

| Если изъ тлѣнныхъ стали выникать нетлѣнное понятіе тогда-то л. 33. можно сказать: зима преиде, дождь отыде, отыде себе. Цвѣты явишася на землѣ, время обрѣзанія (виноградныхъ гроздей) пріспѣ. (Пѣснь пѣсн., гл. 2.) Собрася вода яже подъ небесемъ въ собранія своя и явися суша.

Въ то время точно дается знаменіе въ понятіе человѣку, когда оно изъ плоти преобразуется въ Божество. Сотвори со мною знаменіе во благо. Будто бы сказалъ: сотвори въ началѣ, сдѣлай твоимъ, приведи къ концу. Ты начало и всякія кончины конецъ безконечный И не сіе ль значить манна, падающая сверхъ поверхности земной? И се на лицѣ пустыни мелко аки корбандръ (чуть ли не червецъ) бѣло аки ледъ на землѣ.

Сіи жъ знаменія называются терминами. Славенски,—предѣлами, силу Божию внутрь себе заключающими. Аще поспите посреде предѣлъ... Тотъ отдохнетъ, кто вникнетъ, ввійдетъ, раскуситъ и пакитъ обрящеть.

„... Аще ввійдутъ въ покой мой...“

(Называются) и дверью: „Сія врата небесная“...

(Называются) и стѣною: „Осяжутъ слѣпыи стѣну“...

(Называются) и печатью: „Книга запечатлѣнная“...

(Называются) и слѣдомъ: „Изыде вслѣдъ ея...“ Сирахъ.

(Называются) и путемъ: „На путехъ ея (премудрости) приседи“...

(Называются) и оконцомъ: „Проницай сквозь оконца ея...“

(Называются) и снѣною: „Людие сидящіе во тмѣ...“

Сіи суть сидящіи съ Валаамомъ на подлосги тлѣнныхъ образовъ падая долой, и не возстанутъ въ совѣтъ праведныхъ, доколѣ отъ тѣни не подымутся, и не пролѣзутъ стѣнѣ дому сего, развѣ о Бозѣ. „Тыи сняты быша и падоша.“

Вспомните чтoмoe изъ Юиля въ день пятидесятницы:

„Чада Сиона радуитесь, яко даде вамъ пишу въ правдѣ...
 „Излю отъ духа моего на всяку плоть, (образовъ) и
 „прорекутъ сынове ваши, и дщери ваши, и старцы
 „ваши сонія узрять... Дамъ чудеса на небеси горѣ.
 „И знаменіе на землѣ низу... (Дѣян., гл. 2).

Вспомните, не во тмѣ, но въ горницѣ сидящихъ апостоловъ:

„И начаше глаголати, якоже Духъ даяшо имъ...“

Кромѣ того...

А е а насій: Братъ Лонгинъ! Долго везешъ твою околесную, съ твоими херув. (имами), вельблюдами и ослами. У кольца нѣтъ конца, по пословицѣ, и у твоей рѣчи.

Ермолай: Не мѣшай ему, Афанасій! Мнѣ много хорошаго привела на память рѣчь его. Вспомнилъ я Дамаскинову оду, поемую въ пресвѣтлѣйшее воскресенія утро: Богоотець убо Давидъ... Образы, или символы, дали вспомнить сѣнь Авраамову, приемлющую въ себѣ трисолнечное Единство Божіе, и кто мнѣ воспретитъ мыслить, что? Авраамъ сѣнію своею, служитъ вышнему? Авраамъ образуетъ вѣчнаго Сѣнь свидѣтельствуеетъ о истинѣ. 70 старцовъ Моисеемъ избранныхъ, служитъ скинїи свѣдѣнїя. Скинїя значитъ, куща, сѣнь, шатерьъ. Въ сію сѣнь снисходитъ и почиваетъ Духъ Божій. Припочи Духъ на нихъ и пророчествоваше. (Числь, 11).

Иезекилевскіе твои, другъ мой Лонгинъ, колеса, привели на умъ вѣнецъ Павловъ, воздаваемый ему не въ нашъ день, но въ день оный. Вспомнилъ и перстень, обручающій въ животъ вѣчный: „Обручу ты себѣ во вѣкъ... Обручу ты себе въ вѣрѣ, и увеси Господа. (Осіа, гл. 2.)

Вспомнилъ и монисто возлюбленныя невѣсты. „Сердце наше л.84. привлекла еси единымъ отъ очію твоею, единымъ | монистомъ выи твоея. Монисто на выи, есть тое же кольцо, состоящее изъ шариковъ. Вздумаль и яблоко заключеннаго вертограда.

А что есть яблоко, естли не шаръ? Что жъ есть шаръ, естли не фигура, ссостоящая изъ многихъ колесъ? „Положите мя въ яблоцехъ, яко уязвлена есть любовію. Естли бы оно было не тѣмъ, никогда бы ни сказалъ Соломонъ:

„яко же яблоко златое въ усерязи сардійскаго камене,
 „еще рещи слово приличныхъ ему. (Притч., гл. 25.)

Дражайшій твой анфраксъ и фарсисъ, привели сіе: угнежденіе Премудрости, избраннѣе злата; вселенія же разума, дражайши сребра. (Прич., 16).

Сїаніе премудрости Божїя, изъ тлѣнныхъ образовъ блистающія,

подобны естъ драгоцѣнному сокровищу, въ нѣдрахъ сокровенному. Но очи... очи зарею Божества блистающія, очи спасительныя... очи тобою помянутыя, представили мнѣ жалости достойнаго безъ очей Сампсона. Очи сильнѣйшему сему мужу, и суди а Израильскому, выкололи тѣ, кои Исааку грязью затаскали источники. Очи твои, яко озера во Есевонѣ. Плачетъ Іеремія о сихъ очахъ: како омрачи во гнѣвѣ своемъ Господь дщерь Сіоню, сверже съ небесе на землю Славу Израилеву!.. Погрузи Господь и не пощадѣ: Вся красная Іаковли разори... Твердыни дщере Іудины взверже... Око мое погрязнѣ... Око мое закрывается... Оскудѣша очи наши... Померкнуша очи наши... Разсыпаса радость сердцецъ нашихъ... Спаде вѣнецъ съ главы нашея...

Но никогда они пуще затасканы не были, какъ въ наше время, да не видимъ то: „Блаженны очи видящіе, яже видите.“ Тутъ о семь же Іовъ: „кто мя устроитъ по мѣсяцамъ прежнихъ дней?.. Око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ... Нынѣ же поругахашися малѣйшіи... ни лица моего пощадеша отъ плюновения.“ „Обратилася въ плачь гусли. Пѣснь же моя, въ рыданіе мнѣ: „вѣмъ яко смерть мя сотретъ.“

Въ сихъ Господнихъ очахъ, высокое веденіе утаевается.

„Очи Господни соблюдаютъ чувство. (Притч., 21.)

Сіе чувство естъ источникъ мира и веселія.

„Видящѣ око добрая, веселитъ сердце.“ (Прит., 15.)

Сіе Божественное око, одно точію свѣтитса. Единъ Богъ, Едина Вѣра, Едино око, и въ Библіи и вездѣ.

„Сердце наше привлекла еси единымъ отъ очію твоего...“

О, преблаженное и вѣчно сіяющѣ око! Привлеки насъ, яви намъ зракъ твой, и услышанъ сотвори намъ гласъ твой, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой красенъ.

„Гласъ грома твоего въ колесѣ.“

Наконецъ, вздумалося мнѣ Навиново солнце. Но кто намъ удержитъ оное солнце: „Солнце, пожигающее горы? Кто поставитъ въ чинномъ стояніи намѣренныя точки Его?

„Дондеже дхнетъ день, и двинутся сѣни, да увидимъ не лице „Господне, на творящія злая, но послѣдующее за лицомъ образуемъ, сіяніе Божественнаго зрака его, по примѣру Моисея:

„Лице же мое не явится тебѣ.“

„Господь же благослови послѣдняя Іовля...“

Но теперъ только лишь пришла мнѣ на умъ Ілиина колесница огненная...

Аѳанасій. Куда вамъ братцы, поправилась околесная! Одинъ усталъ, другой началъ.

Яковъ. Подлинно жалки израильскому сердцу иноплеменничею ру-
л. 35. кою | избоденныя очи Сампсону. Сампсонъ значитъ Солнце, но Господь слѣпцы умудряя, можетъ ему по времени опять возвратить очи его, и сдѣлать изъ яда ядомую пищу, а изъ мертвой ослиной челюсти извести сладчайшее питіе нетлѣннаго источника, какъ общался: аще и что смертно испіють, не вредить имъ.

Ермолай. Ахъ! не одинъ Сампсонъ слѣпъ. Іовъ, Давидъ, Соломонъ, Товитъ, и прочіи, суть слѣпцы при пути сидящіи и вопіющіи:

„Призри на мя и помилуй мя...“

„Очи наши ко Господу Богу нашему...“

Одинъ Господь мимоходя, сокровенные ихъ очи и тверзаетъ:

„Просвѣтили тьму мою...“

„Наведу слѣпцы на путь, его же не видѣша; и по стезямъ ихъ же не знаша, ходити сотворю имъ; сотворю имъ тму въ свѣтъ, и стропотная правая. (Исаія, 42.)“

Тогда сіи нищія богатѣютъ, недужныя исцѣляются, мертвіи возстаютъ.

„Тогда скочить хромый, аки елень... Идетъ и мимо Моисея Господь: покрю рукою моею надъ тобою, дондеже мимо иду.“

Ожидаетъ и Исаія, гаданія Израилева, и говоритъ, что не минетъ мене Господь мой. Проситъ Іеремія: изцѣли мя Господи и изцѣлѣю... Яко хвала моя ты еси. (Гл. 17.) Жаждетъ сего же и Аввакумъ: нѣси ли ты искони Господи Боже Святыи мой: и не умремъ. Въмъ бо яко присносущень есть, иже имать искупити мя, и на земли воскресити. (Іов. 19.)

Словомъ сказать, всѣхъ ихъ взоръ и входъ къ Нюю:

„Не щеваны быша воочію безумныхъ умрети... они же суть въ мирѣ...“ А исходъ изъ Ковчега на сушу.

„На мѣстѣ значнѣ, тамо всели мя... Что древамъ плодъ и цвѣтъ, что нощи дневный свѣтъ, что солнцу лучи, что вечерней зари тепло блистающіи волоса,—то и Израильскому роду намѣренная точка ихъ, помазанный Господь ихъ. Его лучи суть свѣтомъ очей ихъ, сердца радостію, волосомъ и вѣнцомъ главы.“

Мы думали (плачетъ Іеремія), что находясь сѣнью Божіею между невѣдущими Бога, надоумить ихъ о вѣдѣніи Божіи, и сіе будетъ намъ защитой, но не такъ послѣдовало. Они начали щипать тлѣніе наше, а растлѣнными мыслями намѣренную точку нашу совсѣмъ задавили.

Духъ лица нашего, помазанный Господь, ятъ бысть въ растлѣніяхъ ихъ: о немъ же рехомъ: въ сѣни его поживемъ во языцехъ. (Гл. 4.)

Скорѣйшии быша гонящи ны, паче орловъ небесныхъ... Положиша труція рабъ твоихъ брашно птицамъ... Однако жъ власть главы ихъ на время можетъ, а во вѣкъ погибнуть не можетъ. Конечно по времени надъ трупы рабовъ Божіихъ, соберутся небесные орлы, силою того: призывая отъ востока птицу... (Исаія, 46).

„Птицы да умножатся на землѣ.“ (Быт., 1).

„Око ругающееся отцу... да исторгнуть е вранове отъ дебрія и да снѣдять птицы орли“. (Притч., 30).

А еанасій. Чудно, что старику Товиту очи заслѣпила падшая сверху грязь воробейна.

| Ермолай. А развѣ не грязь затаскала источники Иереміины, осы- . 36 пала колесо Исаино? Что есть грязь теплая, естли не стихійная душа съ тѣломъ? Представь грязное гнѣздо съ воробьемъ очитымъ, а надъ трупомъ быстрозорнаго орла; тогда вспомнишь сіе: „въ коей землѣ вселяется свѣтъ, тѣмъ же кое есть мѣсто? „Птицы да умножатся на землѣ...“ „Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное...“

Яковъ. А мнѣ всплылъ на сердце сей Соломоновъ узелокъ: „ничтоже ново подъ солнцемъ.“

А еанасій. А тебѣ въ солнцѣ вмѣсто колеса приснился узелокъ, кой ты тутъ узелокъ нашель? Его тутъ никогда не бывало. Мнѣ кажется Соломонъ просто говорить, что въ свѣтѣ все старое: что сегодня есть, то жъ и прежде всегда было.

Яковъ. Высморкай же носъ, когда почувствуешь, что въ сыновнихъ и отцовскихъ сихъ словахъ, тотъ же духъ. „Вся яко риза обетшаютъ... Ты же тойжде еси... развѣ ты позабылъ: „Въ коей землѣ вселяется свѣтъ...“ Подними ухо и слышь, что все ветошь есть подъ солнцемъ, но не то, что сверхъ солнца. И самое солнце есть ветошь, тьма и буря кромѣ одного того: „Въ солнцѣ положи селеніе Свое...“ Божіе Слово и духомъ Божіимъ должно дышать.—Закройся жъ въ уголокъ и кушай свою ветошь: силы въ тлѣніи нашли неувядающую пищу, того:

„Азъ цвѣтъ полній, и кринь удопній.“

„Снесите ветхая и ветхая ветхихъ и ветхая отъ лица новыхъ и внесете...“

„Похожду въ васъ...“

Ахъ! когда бы ты раскусилъ хоть сіи его слова: „Нѣсть благо чловѣку, но развѣ еже ясть и пиеть“.

Слушай же далѣ: и сіе видѣхъ азъ, яко отъ руки Божія есть, потомъ сказуетъ: Мудрости, разумѣ и веселии. Если есть мудрость, тогда есть насыщеніе и веселіе; но понеже мудрость въ Богѣ, для того выше сказалъ: „Мудраго очи его во главѣ его, а безумный во тѣмъ ходитъ“. А когда говорить: „Суета суетствій... несть изобиліе подъ солнцемъ, не тоже ли есть: вкусите и видите... Плоть ничтоже, духъ животворить...“

Ермолай. Теперь солнцу течение свое далѣе простирать некуда. Пришло къ главной своей точкѣ, и стало въ твердомъ стояніи. А остановилъ оное: „глаголя солнцу, и не восходитъ... (Іовъ, 9). „Повелѣ бури, и ста въ тишину.“ „Да станетъ солнце... и ста солнцемъ.“ (Нав., 10).

Тутъ рѣшеніе всѣмъ звѣздочетскимъ фигурамъ и знакамъ небеснымъ, какъ дышетъ Божій вопросъ къ Іову: „Разумѣлъ же ли еси союзъ пліады и огражденіе Оріоново отверзлъ ли еси?“ Или: „отверзиша знаменія небесная во время свое? и вечернюю звѣзду за власы ея привлечеша-ли?“ (Гл. 38). Истаютъ вся силы небесныя и свлечется небо, яко свитокъ и вся звѣзды спадутъ, яко листвіе съ лозы. (Исаія, 34). Тутъ собираются всѣ божественныя звѣзды.

л. 87.

| „И падше поклонишася ему...“

„Твой есть день и твоя есть ночь...“

„Тебѣ приносить хвалу вся тварь...“

Тутъ предѣлъ лунѣ и звѣздамъ. Дондеже пришедше ста верху идѣже бѣ отроча.

Яковъ. Вабрелъ же мнѣ на умъ предревній Зороастръ съ пѣснію:

Κνοδι μακαρ, πανδερκες Ευχων αωτιων ομμα т. е.: услыши блаженный, всевидящее имѣяи вѣчное око.

Аеанасій. Многие говорятъ, будто онъ сіе пѣлъ солнцу.

Яковъ. Но можетъ ли солнце однимъ взоромъ сіе видѣть, хоть на одной поверхности земли? Взоръ его не присносущный. Такъ думали въ Персіи тѣ тяжкосердци, кои не взойдя къ образуемому, погрязли въ образующей стихіи. Пускай же и такъ, а мы съ Израилемъ воспоемъ сію пѣснь тому: „возсіяетъ вамъ боящимся, имени моего, солнце правды... престолъ его яко дніе неба.“

А видали-ль вы когда Символь представляющій дождевннй облакъ съ радугою? А возлѣ его сіяющее солнце съ подписью: „Ни дожда ни дуги безъ солнца.“ Такъ Библия. „Дондеже найдетъ духъ отъ вышняго.“ — Вспомните Михаила, поднявшаго шаръ, и вопіющаго: Кто яко Богъ? Вспомните старинныхъ любомудрцевъ реченіе сіе: центръ Божій вездѣ; окружности нигдѣ. Вспомните жъ и жерновннй уломокъ, сокрушившій темя Авимелеху. Развѣ жерновннй камень не тоже есть колесо? Кажется, что...

Аеанасій. Вотъ и третій принялся гнуть тѣ же дуги съ лукошками и обручьями. Сколько видѣть можно, вы скоро наладете въ счетъ вашихъ колесъ рѣшета, блюда, хлѣбы, опрѣсноки, блины съ тарелками, съ яйцами, съ ложками и орѣхами, и прочую рухлядь. Я помню, что въ Іаковлевскомъ лѣсѣ, называемомъ уламлугъ, (?), находится множество орѣховъ. Придайте горохъ съ бобами и съ дождевыми каплями, въ Библии думаю все сіе есть. Не забудьте плодовъ изъ Соломоновыхъ садовъ, съ Іониною тыквою и арбузами. Наконецъ и Захаріинъ седми-

свѣщникъ, съ кружечками, и съ горящимъ въ орѣховидныхъ чашкахъ елеемъ; а чашка есть большая часть шара, нежели тарелка, а тарелка—нежели вашъ ободъ. Итакъ будетъ у васъ полный пиръ годный.

Яковъ. Что же ты думаешь?

Аеанасій. Думаю, что унесите сіе сдѣлать, а я васъ запроу въ пустую горницу.

Яковъ. Не устыдился всеблагій Богъ одѣваясь свѣтомъ солнечнымъ, и въ тлѣнныхъ пеленахъ сокрылся такъ, какъ плодъ въ ничтожномъ зернѣ; и сокровище утаенное въ рубищѣ, тѣмъ пріятнѣе, когда найдется, и какъ Іона съ головою своею, есть ни что, и одинъ изъ числа слѣпыхъ и недужныхъ лежащихъ при Божіемъ пути: такъ и тлѣнная тыква, начало и рождающаяся и погибающая можетъ быть сѣнь вѣчнаго, прохлаждающая Іону. „Осѣнилъ еси надъ главою моею... Іона значить голубь. Око его смотритъ | въ вѣчность, тѣнью тыквы л. 38. образуемую. Еслибъ Захаріинъ свѣщникъ не былъ символъ, а маслинное дерево эмблема,—никогда бы онъ не сказалъ... Видѣхъ... Видѣть свѣтильникъ и маслину, значить чувствовать разумъ, соблюдаемый въ сихъ фигурахъ, кои давно уже изображены въ Моисеевскихъ книгахъ; и не иное значить, что пророчить Іоиль по изліяніи духа: сонія узрять и видѣнія увидать. Толи тебѣ дивно, что мы въ сей Божіей землѣ толчемъ, роимъ и находимъ вѣчность его? Не слыхалъ ли ты, что говорить приточникъ о Библии? „Вся содѣла Господь себе ради“.

И не догадается, что проклять похищайа что-либо отъ тлѣнія Герихонскаго съ собою? Не можемъ ли чувствовать, что Библия тѣмъ есть книга Богословская, что ведетъ насъ единственно къ вѣдѣнію Божію, скинувъ все тлѣнное? Все тутъ земное разоряется: да созиждется скинія нерукотворенная Вышнему. Конечно, забылъ ты зарывшаго въ землю талантъ. Вспомни блудницу Ѳмаръ, сія женщина тѣмъ однимъ оправдалась, что нашлось у нея кольцо и гривна и посохъ Господній. Вспомни, что земля рождающая соль, ни къ чему уже другому не способна. Куда годится руно сіе подлоо? Если не оросится каплями превыспреннія росы, естли разумомъ собственныхъ своихъ рукъ не прикроетъ Вышній: „Сотвори мнѣ величіе сильный... весь сѣннописанный мракъ разворяетъ, всю тлѣнія воду, бурю своею возмущаетъ, все неопалимо палитъ во всесожженіе: до единого его дымъ Духа, со всего града сего, выпрѣ столпомъ вземлется, и дышетъ по вселеннѣй...“

„Не дамъ славы моея иному.“ (Исаія).

„Смирна и стакти и касія отъ ризъ твоихъ...“

Аеанасій. А я не думаю, чтобъ Каинъ съ Ламехомъ, или Саулъ съ Исавомъ внушали намъ своею фигурою присносущіе Божіе. Какъ же: „Вся содѣла Господь себе ради?“—Сіе жъ можно сказать о

филистимахъ, а можетъ быть и о крылатыхъ вашихъ быкахъ, съ летучими львами и прочихъ пліоткахъ.

Яковъ. Если бы вы изволили разсудить потонѣ, никогда бы сего не сказали; для того-то намъ внушается тьма, дабы открылся свѣтъ. Кто научилъ что такое есть кривое, тотъ давно показалъ прямое. Чувствуютъ, что одинъ взоръ, познавъ черное, познаваетъ вдругъ и бѣлое. Не забывай вопроса: „Тмѣ же кое есть мѣсто?“ — Саулъ съ Давидомъ представляютъ тебѣ два естества, съ собою борющіяся: одно селеніемъ свѣта, другое — жилищемъ тьмы. Когда Ламехъ убилъ мужа, Саулъ изгналъ Давида, а Иона въ китѣ страждетъ, тогда Библия прекрасныхъ вѣчности очей, землю засыпанныхъ, открыть не можетъ. Тогда въ землѣ Израильской царствуетъ гладъ, а жажда при источникѣ (воды) Іакова.

Когда же пожерто будетъ мертвенное животомя, когда явится суша, на которую пожершій изблевааетъ китъ Іону, тогда стѣны града сего л. 39. созиждутся; тогда горы возрадуются и възиграютъ каплюще сладость, возскачутъ выспрь тельцы и встанутъ на ноги свои весь сонмъ людей, какъ писано: „Касайся васъ, касается зеницы ока моего“.

„Ты воскресь ущедриши Сіона...“

„Умертви Сампсонъ при смерти своей множае...“

А что называемъ крылатые волю пліотками, и приточникъ тѣмъ же ихъ именуешь.

„Не безъ причины пернатымъ мрежи простираются.“ Но когда сія мрежа волочетъ за собою причину, то уже она и не пустая пліотка.—

Аеанасій. Бросимъ мрежи съ пліотками, скажи мнѣ, для чего Богъ изображается колесомъ?

Яковъ. Сей твой вопросъ воняетъ Афинейскими плетеніями. Онъ начинается все—не начинается, тѣмъ есть начало; не можетъ быть началомъ ничто, естли прежде того было что либо. То одно есть истинное начало, что все предваряетъ и само ничѣмъ не предваряемо. Одинъ только Богъ есть родное начало, что все предваряетъ. Онъ все предваряетъ, и послѣ всего остается,—чего ни о чемъ другомъ уже сказать не можно.

„Останки младенцемъ.“ „Покрыетъ тя Божіе начало.“ (Второз.) Вотъ кольцо и вѣнецъ Вѣчнаго вѣнчающаго тя милостію! Сіе истинное начало образуется и всѣмъ тѣмъ, что походило на начало, напр., главою. „Мудраго очи его во главѣ его.“

Тожъ источникомъ. „Источникъ запечатлень...“

Коренемъ: — „Корень премудрости кому отерлся?“

Зерномъ:—„Сѣмя есть слово Божіе.“ Востокомъ:—„Востокъ имя ему.“ Сердцемъ:—„Вода глубока, совѣтъ въ сердцѣ мужа.“ „Авъ сплю, а сердце мое бдитъ.“ (Шѣсн. пѣсн.) Древомъ плодовинымъ:—„Древо жизни посреде рая.“ Устами:—„Не отемнѣсте очи его, не истлѣста устнѣ его.“

Сюда принадлежить облакъ, искра, отецъ, мать и проч.

А е а н а с і й. Для чего же сіе начало образуется зміемъ?

Яковъ. Для того, что зміи въ кольцо свивается, притомъ и острый взоръ имѣеть, какъ свидѣтельствуеть имя его драконъ, т. е. прозорливый Δερκόν—значить видящій, а Δρακόν—будущій видѣть. Оно есть правитель дѣлу. Оно въ животномъ есть то, что солнце (есть) въ міръ, что драгоценныя камни въ землѣ. Притомъ зміи свиваетъ такой свитокъ, что не узнавъ ока, не узнаемъ намѣренія. Библия есть точный зміи; изъ множества таковыхъ образовъ сплетается исторія, будто корзинка или коробочка, вмѣщающая снисхождение не вмѣстимаго: похожа на перлову мать, показующую извнѣ ничтожную жидкость, но внутрь какъ зеницу ока соблюдающую дражайшее сіяніе жемчужнаго шарика:

„Мать его соблюдаетъ вся глаголы сія въ сердцѣ своемъ.“

„Ковчегъ завѣта окованъ всюду златомъ. | По наружности кажется что-то человѣческое, но внутрь жилище духа Святаго.“ л. 40.

„Преславная глаголашеся въ тебе граде Божій.“

„Есть тѣло душевное и есть тѣло духовное.“ „Злато же земли оныя Доброе...“

Мнѣ кажется Библия похожа на домъ премилосерднаго и пребогатаго господина, стоящій въ пустыняхъ на пути подъ видомъ гостиницы дарайной для путниковъ. Сіе онъ вздумалъ дабы приблизить честь свою къ подлости для некоекаго съ нею обращенія. Господинъ изъ тайныхъ своихъ горницъ, видѣлъ вольные поступки, слышалъ разговоры всѣхъ безъ разбору угощаемыхъ, избиралъ себѣ въ дружбу изъ прохожихъ, кто бы онъ ни былъ, если понравился. А послѣ обыкновенной щедроты, дѣлалъ особливой милости своей вѣчными участниками. На лицѣ гостиницы написано было:

„Всѣ ввійдутъ, но не всѣ будутъ.“ „Всѣ насытятся, но всѣ наслаждаются.“ Сія надпись инымъ чудна, множайшимъ казалась смѣшна. Если таковъ былъ Авраамъ, то и не дивно, что сдѣлалъ историчнымъ плетениемъ воплощаемыя Божія премудрости. Прилично Богу образоваться драгими камнями, но не меньше сего достойная благодарность Іовлева, цѣломудріе Іосифово, ревность Ілиина, чистота Сусаннина, кротость Давидова, правда и вѣра Авраимова. А какъ въ розахъ, лиліяхъ, нарцызгахъ, благовонность по добротѣ одна, равная по вкусу, такъ сія разнovidная сила Божія, таящаяся въ избранныхъ его на подобіе злата и драгихъ камней, довольно заслужила, дабы имена любезнѣйшихъ челоуѣковъ, и дѣла ихъ будто корзинками и кошельками были, вседражайшаго существа Вѣчнаго, царствовавшаго въ одушевленной ихъ плоти. И подлинно сила терпѣнія похожа на алмазъ, цѣломудренная чистота—на прозрачную зелень смарагда; вѣра и любовь Божія—на огненный аперакъ. И не напрасно Іезекиль говоритъ,

что рупѣ ихъ исполнены очесъ. Самыя мелочныя ихъ дѣйствія будто отломки зеркала, цѣлое лицо Божіе изображаютъ, напримѣръ,

„Гнаша даже до предѣлъ.“ „Варакъ гоняй вслѣдъ колесницъ его...“ „Постигните останокъ ихъ...“ „Взыде наипаче надъ градомъ, аки столбъ дыма...“ „Взыде скончаніе града до небеси...“ „Взя (Авраамъ юницу) и раздѣли...“ „Удари Юдиѣ въ выю его дважды...“ „Простре Иисусъ руку свою съ копіемъ на градъ...“

Самая ихъ легонькая сѣнь, будто маленькое крылышко, кроетъ подъ собой вѣчнаго; и точную правду сказалъ Іезекиль, что сія животныя, не имѣютъ хребта. Хребеть есть Божій. Одно только лице ихъ есть собственное, а за лицомъ слѣдуетъ станокъ и подсада Божія, въ цѣломъ семъ Божіемъ градѣ: „Иисусъ же и весь Израиль, увидѣша яко взяша подсады градъ, и яко восходитъ дымъ градный до небесе...“ (Нав., 8).

А е а н а с і й. Почему жъ они шестикрылаты?

Яковъ. Думаю потому, что въ шестодневствѣ Бытейскомъ заключалася вся вещественнаго міра сего, тлѣнная природа, и когда 41. суббота есть селеніемъ мира и свѣта, | тогда работные дни суть мѣстомъ мятежа и тьмы.

„Шестидни отъ бѣды изметъ тя, (Іову говорится), въ седмемъ же не коснетися зло.“ (Гл. 5).

И какъ трудные дни завѣсою, суть завѣсою сладчайшаго упокоенія преблагословенныя субботы; такъ шестокрыльная сихъ животныхъ сѣнь, тлѣннымъ лицомъ закрывъ, ведетъ за собою вѣчнаго.

„Положи тьму за кровь свой...“ „Се сей стоитъ за стѣною нашею...“ „Благослови Богъ день седьмый...“ „Господь же благослови послѣдняя Іовля...“ „Ниже хребты ихъ и высота бяше имъ...“ (Іезек., 1). „По высотѣ твоей умножилъ еси сыны человѣч.(ескіи)...“

Размѣръ ковчегъ, разбери скинію и увидишь, что и тамъ и вездѣ, высота и широта не человѣчская.

„Да возможете разумѣти, что широта и долгота и глубина и высота“... (Ефес., 3).

„Ниже хрепты ихъ, высота бяше имъ.“

А е а н а с і й. Мнѣ кажется, нельзя быть приличнѣе богообразной тѣни, какъ око. Зеница въ окѣ есть центръ кольца и будто кольцо въ кольцѣ. Она есть источникъ свѣта, а безъ нея вездѣ все тьма.

Сія дражайшая рѣчь достойна быть образомъ Вышняго. Тутъ мнѣ вспомнилось, что нашъ Ермолай, часто самъ себѣ поетъ оду:

„Свѣтъ блистанія твоего во свѣтѣ языковъ изыдетъ, и возгласитъ бездна съ веселіемъ...“

Безъ сумнѣнія тма образовъ есть бездна.

Яковъ. Конечно, циркуль есть начальная фигура, отецъ квадратовъ, треугольниковъ и другихъ безчисленныхъ. Но однако жъ и

самая окружность зависит от своего центра, предваряемая онымъ. И примѣчаніа достойное, что циркульной пунктъ самая крошечная фигурка, умаленнѣе маковаго зерна и песчинки,—родителемъ есть плотныхъ и дебелихъ фигуръ, съ ихъ машинами огромными. И когда отъ столь малесенькой, вида не имущей и почти ничтожной точки, породилися корабли, съ городскими стѣнами, хоромами, мостами, башнями, пирамидами, колоссами, лабирингами..., то для чего не могло изъ тайной бездны вѣчныхъ нѣдръ своихъ, породить все безчисленное мирскихъ машинъ число? Оное всякій пунктъ предваряющее безначальное невидимое начало центръ свой вездѣ, окружности нигдѣ неимущее, и здѣсь непрерывнымъ тварей рожденіемъ свидѣтельствующее о безлѣтномъ своемъ пребываніи.

„Премудраго очи его во главѣ Его“. (Солом.)

„Очи же безумныхъ—на концахъ земли“. (Притч.) Око есть природный циркуль. Центръ—его зеница. Она просвѣщаетъ око—зладыку всѣхъ дѣлъ. Что коло въ колеси, что зеница въ оку и что лучъ въ солнцѣ т. е. Богъ, въ небесныхъ и земныхъ тмахъ знаменій,—какъ только изъ тьмы ихъ блеснули его лучи—! Божества. Вдругъ невидима и неустроенна библейная земля, принявъ на себя новый видъ, просвѣщается; когда Библиа маленькій миръ: тогда Богъ есть солнце ея. Когда есть планета земля, тогда Богъ центръ ея. Когда же она человѣкъ посланъ отъ него,—Богъ есть ей духъ, сердце, глава, око, зеница. Язычники сверхъ стихій, ничего не прозирали. Посему образы иногда называются языками.

„Свѣтъ блистанія твоего во свѣтѣ языковъ изыдетъ...“ „Прощѣла пустыня языческая, яко кричъ“. (Жіпіа)...

Аеанасій. Чуднымъ словомъ и дивнымъ слогомъ сотворена Библиа.

Яковъ. Единъ святъ; для одинаго единъ сей штиль.

Аеанасій. А на что похожъ слогъ библейный? Скажи мнѣ: не гнѣвайся, что она мнѣ показуется басн.(ей), къ тому-жъ и не хитроу.

Яковъ. Я уже тебѣ сказалъ, что она похожа на великолѣпный господской домъ, подъ видомъ гостиннаго дому утаенный.

Аеанасій. А кромѣ сего на что похожа?

Яковъ. Похожа на нехитрый домикъ, оставленный богатымъ отцомъ, одинъ только въ наслѣдіе сыну; но сынъ со временемъ догадался, что сей домикъ есть громада безцѣннаго сокровища. Стѣны его неискусно обмазанныя, состояли изъ неочищенныхъ рудокопныхъ, золотыхъ и серебряныхъ кишъ; надъ входомъ, изъ неограниченныхъ алмазовъ, варварская мозаическая надпись была сія:

„Коль красны дома твои Іакове...“

„Яже водрузи Господь, а не человѣкъ...“

А еанасій. Скажи, еще на что схожа?

Яковъ. Схожа на грубую, суевѣрную и древнюю варварскую статую, представляющую умершаго за истину друга, но внутрь исполненную высокаго рода маргаритъ. Подпись такая:

„Сила въ немощи, цѣна въ нищетѣ, въ буйствѣ премудрость.“

А еанасій. Для меня такая древность пріятна. А еще на что схожа?

Яковъ. На рыбарскую мрежу, множествомъ безчисленныхъ шариковъ изъ дражайшихъ камней осажденную, цѣну свою утаевающихъ. Они по виду есть пустой водный сосудъ; но по силѣ своей — цѣль красота и сокровищъ. Похожа на золотородной горы каленную (пещеру), ужасомъ дышущую пещеру, пресвѣтлыя горницы внутрь себя сокрывающую, съ надписью:

„Гробъ живота.“

„Источникъ свѣта.“

„Гора Вышняго.“

Похожа на алтарь, посвященный Сущему, окруженный въ кругъ плетениемъ, который соплетаютъ непроходимыя чащи, густо насажденныхъ деревьевъ: сладчайшіе плоды во время свое приносящихъ. Надъ заключенными дверьми написано:

„Нѣсть сіе, но Домъ Божій.“

л. 43. | А еанасій. Рыбарская мрежа, Божественная фигура, богословская пліотка,—я думаю одно и тоже; такъ-ли?

Яковъ. Не знаю; знаю только, что Богословская сѣнь—не пустая есть, если несетъ за собою шарикъ, величиною хоть какъ зерно горчичное.

А еанасій. Что жъ, развѣ оно великое?

Яковъ. Оно собою ничто, но внутрь великое утаевается. Присмотри на смоквенное зернушко, если крошечнее его?—Подними-жъ очи и взгляни на силу его умнымъ окомъ;—и увидишь и увѣришься, что въ немъ цѣлое дерево съ плодами и листомъ закрылося; но и безчисленные миллионы смоквенныхъ садовъ тутъ же утаилися. Для того хорошенько разжуй, если гдѣ въ Библии читаешь: зерно, сѣмена, колось, хлѣбы, яблоки, смоквы, виноградъ, плоды, чернуху, кмѣнь, просо и прочая. И не напрасно угодобленъ: сѣмя есть слово Божіе.

А еанасій. Скажи мнѣ, можно-ли библейнымъ штилемъ писать прочія книги? Мнѣ кажется можно фигурами небесныхъ круговъ и земныхъ шаровъ изобразить напримѣръ: астрономію, дабы она на сихъ знаменитыхъ знакахъ, изволила ѣздить будто на колесницѣ.

Яковъ. Для чего жъ нельзя? Будто не одѣваютъ въ высокородное платье обевьянъ? И будто не возсѣдаютъ рабы въ господскихъ

карегахъ? Что до моего мнѣнія надлежить можно сѣсть сатанѣ на престолъ Вышняго.

А е а н а с і й. Ты шутишь,—развѣ астрономія не вѣчна?

Яковъ. Если астрономія вѣчна, тогда гдѣ будетъ сапожное ремесло? Вѣчнымъ быть, значить—всѣ мѣста занять. Развѣ думаешь, что и въ сапожномъ дѣлѣ астрономія мѣсто имѣеть? Полно врать, пора кушать,—по пословицѣ.

А е а н а с і й. Вѣдь астрономія есть духъ.

Яковъ. И обоняніе есть духъ, естли понюхать въ навозную кучу.

А е а н а с і й. Она не около кучъ упражняется.

Яковъ. Планета и куча, одно тожь; а твой носъ, видно, что не чувствуетъ духа сихъ словъ.

„Въ той день оскудѣють дѣвы добрыя.“ (Амосъ, 8).

А е а н а с і й. Я сихъ твоихъ дѣвъ не знаю.

Яковъ. Они не нюхаютъ въ грязныя кучи, но очищеннымъ обоняніемъ чувствуютъ пречистый духъ, плѣннены имъ однимъ.

„Въ воюю мира твоего течемъ...“ (Пѣсн.)

А е а н а с і й. А развѣ Исаакъ сына своего не обоняеть?

„Се воня сына моего, яко воня нивы исполненны...“

Человѣкъ не много разнится отъ грязной кучи.

Яковъ. Куда ты очень памятливъ и проворенъ въ томъ, что одобряютъ враки твои! А въ томъ что можетъ тебѣ | очки (по посло- л. 44. вѣцѣ) вставить,—ты тушь. Для чего ты въ сихъ словахъ: „яко воня нивы исполненны“,—уронилъ остатокъ? „Юже благослови Господь“. Вѣришь ли кій духъ обоняеть Исаакъ, изъ священной нивы?—Посла Богъ духъ сына своего въ сердца ваша; въ тлѣніе—нетлѣніе; во плоти, духъ Божій чувствуетъ.“

„Гласъ убо—гласъ Іаковль“. „Руцѣ же,—руце Исавовы.“

Сей-то духъ Божій, есть благовоннымъ миромъ текущимъ вслѣдъ его дѣвамъ. А сіе значить родное идолопочтеніе, естли отнять отъ цѣломудренныхъ женъ и дочерей израильскихъ златыя усерязи и кольцо, а передѣлать оныя на тельца литаго. Всякая стихія, со всѣмъ своихъ мыслей потрохомъ—есть рабъ, скоть и кумирь.

„И рекоша сіи Бози твои Израилю.“ (Исход., 32)

Доброзрачныя жены сіи и чистыя дщери—суть: мать Исаакова Ревекка, Рахиль, Асханъ, дочь Халева, дочь Іевеаы Галадскаго не познавшая мужа, вознесена во всеожженіе Господеву; жена сокрушившая жерновнымъ уломкомъ изъ Израильской башни темя Авимелеху, врагу сыновъ Гедеоновыхъ; благословенная въ женахъ Юиль—супруга Ховерова, разбившая коломъ голову Сисаръ и прободшая сираниа (?) его; Анна мать Самуилова—внѣшнимъ движеніемъ устъ своихъ на пьяну похожа, но изливающая предъ Господомъ душу свою. Авигеа, супруга невкуснаго и гордаго Навала, почтившая Давида хлѣбомъ, виномъ,

ов(о)щами, чистою мукою, корзиною гроздій и двумя ста ми смоковныхъ связокъ. Руоь, Эсеирь, Сусанна, Іудіюь... всѣ сіи жены и дѣвы съ матерью царевою, минувъ подлѣя стихійныя кучи, идутъ въ горняя со тцаніемъ.

„Благословенна ты въ женахъ...“

Сихъ-то назнаменуеть Божій вопросъ къ Іову: „Аще уразумѣль еси время рожденія козъ, живущихъ на горахъ каменныхъ?“

Сіи суть юницы, голубицы, горлицы вселюбезнѣйшія Господу, рожденіемъ своимъ умилостивляющія его, о коихъ самъ Авраамъ говорить: „Владыко Господи, почесому уразумѣю?...“ „Рече же къ нему: „возьми юницу трилѣтну и козу трилѣтну и овна трилѣтна и горлицу и голубя“. И чуть ли не изъ сего числа воскресилъ одну Петръ: „она же отверзе очи свои...“ „Очи твои голубицѣ...“ Тавиоа значить серна. Всѣ сіи суть не своя, но Божія главы преукрашенныя служительницы: „Се раба Господня...“

Какъ же дерзаемъ сихъ прекрасныхъ невѣсть Божіихъ лишить украшеній своихъ? Какъ смѣемъ отдать оныя блудницамъ, угодницамъ идоловъ?

„И совлече ризы вдовства своего... и облечеса въ ризы веселія своего... и обложи мониста и цѣпи и усерязи и все украшеніе свое... и бѣ измѣнено лице ея... и удивишася о красотѣ ея по премногу зѣло.“ (Іудіюь, гл. 9.)

„Вся слава дщери царевы внутрь.“ — Израиль, похитивъ хорошее у язычниковъ, посвящаетъ Господу. А ты хочешь дѣлать наоборотъ, л. 45. напримѣръ: | Гедеонъ отъ золотыхъ усерязей и монистовъ и отъ золотыхъ цѣпей, украшающихъ выи велблудовъ и отъ другихъ красотъ, отъ плѣна побѣжденныхъ враговъ добытыхъ, — сдѣлалъ одежду первосвященнику: „да дастъ мнѣ всякъ мужъ усерязь отъ плѣна своего. И простре руку и ввергоша ту... (Судій, 8.)

Такъ Іосифъ завладѣлъ всею землею Египетскою. Ея мудрецы наипаче писали фигурами что все Израиль подъ име(не)мъ Іосифа посвятилъ живому Богу. А все то Іосифъ, т. е. приложеніе, что прилагается сверхъ тлѣнныхъ образовъ, кои въ видѣ египтянъ просятъ Іосифа: „даждь сѣмя да посѣмъ и живы будемъ, и не умремъ, и земля не опустѣеть. Даетъ имъ хлѣбъ за скоты ихъ: плоть ничтоже“...

Мнѣ кажется, что и самая славная Египетская фигура Сфинксъ перенесена Израилемъ въ посвященіе Богу. Она мучила не могущихъ рѣшить полезнѣйшаго гаданія. И князь Израильскій Іевоай, съ воинствомъ своимъ, перекололъ всѣхъ мужей Ефремовыхъ, не могущихъ рѣшить фигуры сея: Класъ. „Рцыте: класъ. И не управиша рещи тако; и имаху ихъ и закалаху.“ (Суд., гл. 12.)

А еанасій. А что значить слово сіе: класъ?

Яковъ. Думаю то же, что пшеничный колось.

Аѳанасій. Я слышу клась, но не слышу силы его.

Яковъ. Думаю, онъ изъ числа тѣхъ, которые рвали и молотили и ѣли апостолы въ субботу.

Аѳанасій. Тѣхъ-то я и не разумѣю. Апостоламъ чужое рвать не пристало; своего не имѣли жать и молотить некогда, а исторгать будто пеньку, — дурно; да и кушать зерно сырое скотамъ прилично. Конечно сей клась есть фигура.

Яковъ. Безъ сумнѣнія онъ изъ числа седми класовъ, явившихся во свѣѣ фараону: „и семь класы исхождаху изъ стебля единого избранны и добры.“

Аѳанасій. А я сихъ фараоновыхъ пуще не понимаю; если что согласишь, — скажи, не мучь.

Яковъ. Бытейская седмица. Скажите мнѣ: что она есть, если не изъ всемирныхъ тварей громада грубыхъ и невкусныхъ болвановъ?—Но когда присмотрѣться и вникнуть внутрь, тогда можно увидѣть, что въ сей жестокой и отоцалой седмицѣ сокрывается седмица инородная, гораздо слаше, сытнѣе и пи(та)тельнѣе наружной; а составляютъ обѣ одну седмицу.

„И бысть вечеръ и бысть утро—день единъ“. Будто наличная седмица колось, а тайная—зерно; или одинъ пустой, а другой внутри полной 7 дней и 7 колосовъ.

„Повторши же сонъ Фараону дважды. Однакожъ сонъ Фараоновъ единъ есть.“ | „И бысть вечеръ и бысть утро, день единъ.“ Слово Бо-л. 46. жие является одинакое, но слышится двойное.

„Елика Богъ творить, показа Фараону. „Лицо одно, но двѣ породы: пустая и Божія, явная и тайная, образующая и образуемая.

„И пожроша семь класы тонцыи и истонченны вѣтромъ семь класовъ избранныхъ и полныхъ.“

Такъ какъ Кить Иону. Однакоже и тма его не объять.

Аѳанасій. Куда ты нелѣпую дичину навралъ?

Яковъ. Ночь не свѣтла не будетъ тебѣ; раскуси только хорошенько. Развѣ то для тебя стропотнымъ и жестокимъ кажется, что въ седмицѣ свѣтъ, а *въ колосѣхъ злѣбъ*? Но сердце тогда насыщается, когда просвѣщается. Взгляни на Давидову рѣчь: „Знаменася на насъ...“ Увидимъ тамъ же вкупѣ свѣтъ и пшеницу. „И животь бѣ свѣтъ чело-вѣку.“ (Иован., 1.)

Разсуждай и сіе: „Взалчуть на вечеръ...“ Когда вечеръ съ ношю голодный, тогда утро со свѣтомъ сытное.

„Исполнихомся заутра... Насыщуся внигда.. Разумѣю де сонъ сей, да ночью же и видѣлъ.“

„И се свѣщникъ златъ весь...“ Но что значить? Внутренній ему Ангелъ толкуеть.

„Сіе слово Господне...“ „Свѣтильникъ ногамъ моимъ законъ твой...“
О семь свѣтильникѣ навѣдайся въ книгѣ. (Исх., 25.)

Сколь же велико сходство, равнословіе и пропорція?—7 вечерей съ утрами, 7 колосовъ съ колосами. 7 свѣщничихъ вѣтвей со свѣтильниками.

Въ вечерахъ утро, день, око, шаръ, солнце.—Въ пустыхъ колосахъ колосы полны съ зерномъ.—Въ свѣщничихъ вѣтвяхъ отъ одного стебля произшедшихъ, кружочки съ чашечками, полушариками, наполненными елеемъ и просвѣщающимъ и насыщающимъ. Теперь о семь свѣщникѣ скажу съ Захаріиннымъ Ангеломъ: „Седмь сія очеса Господня суть, призирающія на всю землю. Такъ седмь же и свѣтовъ просвѣщающихъ вселенную, и седмь хлѣбовъ насыщающихъ 5 тысячъ“. Сіе слово Господне...

А еанасій. Такъ развѣ же у Бога только 7 очей?

Яковъ. Врѣшь! не 7, но одна вѣчность. 7 дней заключили въ себѣ всю тварь. А сверхъ всей седмицы блистаегъ слава Вѣчнаго. Какъ одно лицо въ седми зеркалахъ; и одно солнце въ седми дняхъ, и одинъ огонь въ семи свѣчахъ, и одно зерно въ седми добрыхъ класахъ, и одна печать въ седми сургучахъ. „Призирающіи на всю землю“ т. е. открывающіяся сверхъ всея тѣни... „И свѣтъ во тмѣ свѣтится...“

л. 47.

| Если ты уже примѣтилъ, что свѣщничіи вѣтви и добрыиколосы происходятъ отъ одного стебля, чего въ простыхъ колосахъ никогда не бываетъ; не забудь же что и блескъ свѣтлыя седмицы, молніевидно исходитъ отъ одной пустой плоти.

„Всяка плоть трава...“—вотъ тебѣ стебліе.

Сіе означаетъ Захарія; тѣню двухъ маслинъ, десныя и лѣвыя пріосвѣняющихъ свѣщникъ.

„Не въ силѣ вещей не въ крѣпости, но въ духѣ моемъ глаголетъ Господь Вседержитель.“ (Гл. 4.)

„Снѣсть отъ шуихъ чловѣкъ, и не насытится.“ (Исаія.)

„Послю гладь на землю,“ тоже что—„взалчуть на вечерь...“

„Повторися же сонъ Фараону дважды, яко истина будетъ: Слово еже отъ Бога.“ (Быт., 41.)

Разжуй (отъ Бога): а прочее сонъ, тѣнь.—Если жъ тебѣ все сіе нелѣпостію кажется, такъ послушай самого Іосифа. „Седмь класы добрыя, седмь лѣтъ суть.“

А еанасій. Такъ на что же лгать?—7 лѣтъ, а не 7 дней.—

Яковъ. А! А! Тутъ-то твой видно закоулокъ? Не скроешся! У Бога день яко 1000 лѣтъ.

Итакъ мнѣ кажется (рцйте: клась) значить: раскусите слово Божіе, да не умрете. „Азъ есмь хлѣбъ животный...“

„Жестоко есть слово сіе...“ „Имѣяй уши слышать...“ „Аще же не послушаете, втайне восплachtetся душа ваша.“

Развѣ думаешь не одно то: невѣдѣніе, ночь, сонъ, гладъ, мечъ, мученіе, смерть, адъ?.. „Кто ны разлучить отъ любви Божія.“

Тутъ-то заключается бѣдность, тлѣніе, расточеніе, утѣшеніе...
Пожалуй взгляни на начало (гл. 15 въ Іерем.):

„Ты оставилъ мя еси, рече Господь. И прострю руку мою на тя, и убюю тя...“ „И имаху ихъ и закалаху...“ (Суд., 12): „Се сей ле-
жить на паденіе...“

Теперь обративъ рѣчи къ намѣренной точкѣ, сказываю вамъ, что не только землю съ ея плодами и рожденіями, но всѣ небесныя и земныя фигуры, домашніи древнимъ, наипаче въ Египтѣ любомудрцамъ, отнявъ отъ означенія таинствъ ихъ, перенесъ Израиль въ посвященіе Господеви, и ты ли похитить поучаешься вспять?

„И снемъ Фараонъ перстень съ руки своей, возложи его на руку Іосифову; и облече его въ ризу червленну; и возложи гривну злату на вью его, и всади его на колесницу свою вторую.“

| „Возшелъ еси на высоту... пріялъ еси даянія... И отверзше со- л. 48.
кровища своя, принесоша ему дары: злато, и ливанъ и смирну.“

„Царіе аравстіи и Сава дары приведуть.“

Аѳанасій. Не похищаю, а спрашиваю, можно-ль, напริมѣръ, ариметику, геометрію, или...

Яковъ. Потеряли цѣну свою пророки языческіе тогда, когда прореченное о всеобщемъ, о безвременномъ, о безмѣстномъ, обративъ къ частному, мѣстному и временному, перенесли оное на князи, на сыны человѣческіи. Сей есть всеобщій источникъ идолослуженія. Тлѣнь повсюду взлѣзла на колесницу Божію. Сами свой прахъ вознесли на Высоту Господню. „Сіи на колесницахъ и сіи на конехъ...“

Посади, если хочешь, служанку стихій, твою астрономію: Вознеси на колесницу Вѣчнаго. „Колесница Божія тмами темъ...“

Аѳанасій. Что есть Вѣчность?

Яковъ. То, что Истина.

Аѳанасій. Что есть Истина?

Яковъ. То, что пречистое, нетлѣнное и Единое.

Аѳанасій. Не можно-ль нѣсколько рассказать яснѣе?

Яковъ. То, что вездѣ, всегда, все во всемъ есть.

Аѳанасій. Отрѣжь, какъ можно простѣе.

Яковъ. То, что вездѣ и нигдѣ.

Аѳанасій. Фу! Ты самъ толкомъ пуще мнѣ очи помрачилъ.

Яковъ. Иначе отъ тебя не отдѣлаться.

Аѳанасій. Ну! Для чего Богъ изображается образами?

Яковъ. А ты для чего твои мысли изображаешь фигурами буквъ, или удареніемъ воздуха?

Аѳанасій. Для того, что мысли мои не видны.

Яковъ. А Богъ во сто тысячъ разъ сокровеннѣе внутрь твоихъ

мыслей, нежели твоя воздушная мысль, въ наружномъ твоёмъ болванѣ.

Аѳанасій. Хорошо. Скажи же мнѣ, кто сіи Божественныя узлы сошлетаетъ?

Яковъ. Тѣ, что разрѣшаютъ.

Аѳанасій. А разрѣшаетъ кто?

Яковъ. Тѣ, что связуютъ.

Аѳанасій. А я ни сихъ, ни тѣхъ не знаю.

л. 49. | Яковъ. Развѣ ты никогда не слыхалъ о Веселеилѣ и его товарищахъ, украсившихъ разными художествами храмъ Господень? Пробѣги Исходъ гл. 31 или 37. Сей первый художникъ Скинии, посребрилъ и позолотилъ столпы: вылилъ золотыя кольца, золотыя петли, золотыя крючки, пуговицы, колокольчики на священничей одеждѣ, серебряныя куполаи скинивъ, мѣдвыя у дверей головки и протч. и протч...

Аѳанасій. Видно, что Веселеилъ былъ крючкотворецъ.

Яковъ. А Гедеономъ составленную ризу уже ты позабылъ? Она, конечно, тоже, что Веселеиловъ Логіонъ, т. е. Слово Божіе. Вспомни, коликое число всѣхъ приношеній Господеву отъ сыновъ Израилевыхъ, и воскликни съ Варухомъ:

„О Израилю! коль великъ домъ Божій и пространно мѣсто селенія его: велика и не имать конца, высоко и безмѣрно“. (Гл. 3.)

Всѣ сіи приносы суть узлы, славу Божию внутрь утаевающіи: „Да возмешь отъ начатка плодовъ земли твоея, юже Господь Богъ даетъ тебѣ въ жребій и вложиши въ кошницу и пойдеша на мѣсто, еже избересть Господь Богъ твой, призывать имя его тамо. И нынѣ се принесохъ начатки отъ плодовъ земли, юже далъ ми еси.“— (Второзак., 26.)

„Взя ему мати его ковчежець ситовый, и помаза и клеємъ и смолоу, и вложи отроча въ него, и положи его въ лучицѣ при рѣцѣ“. (Исход.)

Но Исаакъ связанный, Иосифъ во узахъ, Моисей въ коробочкѣ, Сампсонъ въ веревкахъ, Давидъ во рѣхъ, Іеремія въ колодѣ, Петръ въ темницѣ, Павелъ въ кошницѣ,—вѣрю, что они для всѣхъ кажутся узлами.

„Разрѣшите его и оставьте ити.“ (Іоан., 11.)

„Изведи изъ темницы душу мою.“

„Отъ безднъ земли возвелъ мя еси.“

О всѣхъ сихъ несмысленныхъ дѣтяхъ еврейскихъ, держащихъ въ рукахъ своихъ вѣтви того финика: „Яко финикъ возвысился на брѣвѣхъ.“ Да тутъ же и о самомъ себѣ Павелъ: „Мы буи Христа ради“... Сіи узлы будто змии вьются и переплетываются между собою, нечаянно тамъ являся голову, гдѣ былъ недавно хвостъ, и напротивъ. И какъ двѣ природы: главная и низшая; вѣчная и тлѣнная, все соста-

вляють; такъ и два образа, составляющіе символъ, по всему священному полю являются, часто перемѣняя мѣсто своей тѣмы, на землю вселяющагося свѣта, и напротивъ, напримѣръ:

„Злато оныя земли Доброе...“

Злато образуетъ вѣчную, земля—тлѣнную природу.

Вспомнимъ третій день бытейный и увидимъ, что сей хвостъ л. 50. недавно былъ головою. Тамъ море есть мѣстомъ тлѣни, а суша землею плодотворяющею Божіе обѣтованіе.

„На мѣстѣ злчнѣ, тамо всели мя...“

„Погрязоша яко олово въ водѣ зелнѣй.“ (Исход.) Китъ, въ сравненіи моря, фигура есть Божіей премудрости, плавающія сверхъ стихійныя гнили.

„И Духъ Божій ношашеся верху воды.“

„И всплыве желѣзо.“—(4 цар. 6, ст. 6.)

„Господь Богъ твой ведетъ тя въ землю благу... Въ землю пшеницы.. въ землю въ ней же каменіе, желѣзо, и отъ горъ ея ископаеши мѣдь.“ (Втор., 3.8) Но вода Моисеемъ изведенная отъ камня и Сампсономъ изъ челюсти ослиной—знаменуетъ вѣчность. Камень же и челюсть есть персть гнили. Взгляни же на нерукосѣчный Давидовъ камень съ горою, и увидишь, что камень есть чертогомъ свѣта Слова Божія, а гора—плоти и крови ложемъ. Но сей змій вдругъ завернулъ голову къ хвосту. Если поднять очи къ рождающемуся и къ вертепному камню, къ воскресшему и ко гробу. Иногда голова его и хвостъ въ одномъ мѣстѣ: будто хвостъ въ устахъ держа—дѣлается кольцомъ. Взгляни на второй бытейный день.

„Посредѣ воды и воды... вода и вода...“

Сея воды и Давидъ жаждетъ, пренебрегъ одну. „Кто напоитъ мя водою изъ рова, иже въ Вилоемѣ“. (2. Царств., 23.)

Иногда змій сего свитки очень между собою схожъ, наприм.: Моисей влагаетъ въ воду древо, Елисей—соль, корабельщики—Иону, Предтеча—Христа.

„Сходящія въ море... Творящія дѣланія въ водахъ многихъ...“ И Давидъ ввергаетъ мечъ дракону или великому змю во уста. Оный шаръ былъ смѣшанъ изъ смолы, жиру и волны.

Сія три печати, отъ Духа Премудрости Божіей. Манна, падающая сверхъ поверхности земной, похожа на снѣжную крупу, а снѣгъ на руно.

„Дающаго снѣгъ свой, яко волну...“

„Полагаяй предѣлы твоя миръ, и тука пшеницы насыщ...“

Оно печатлѣтся, а паче изъ благовонныхъ дровъ смолою: „Яко смирна избрана, издахъ благоуханіе.“ (Сирахъ.) Куда страшна и опасна

Библия, поколь семиглавному сему змію вбросить въ изблевающія горнихъ водъ челюсти свою пилюлю не удостоить тотъ.

„Посылаяя слово свое землѣ...“

„Одежда его бѣла аки снѣгъ, и власы главы его аки волна чиста...“

л. 51. (Дан., 7.) | Тогда сего аспида отроча малое поведеть.

„Зрите чтилища ваши.“ (Дан.) Смотри, какъ вьется змій сей и играетъ! Море и китъ: Китъ и Иона; Иона и тыква. Море въ разсужденіи кита, есть ничто; а китъ въ разсужденіи Ионы—пустошъ.

Иона взглядомъ тыквы голову его прохлаждающія; а тыква взоромъ славы Вѣчнаго,—ничтоже есть.

„Поигравши ли съ нимъ?.. Извлечеши ли змія удицею? Или вдержеши кольцо въ ноздри его?..“ (Іовъ, 40.)

Сей змій весь Іорданъ вмѣщаетъ въ уста свои. А на одно око Божіе, будто на удицу, возмется.

Всѣ плователи хвоста и всѣ корабли рыбарскіе, не поднимуть главы его:

„Сотворенъ поруганъ быти...“ (Іовъ, 40.)

„Змій сей его же создалъ еси...“

„Поругаются ему и укорятъ его и оплюютъ его...“ (Лука.)

Тоже разсуждается о рыбѣ Товіиною, съ печенью ея и сердцемъ; о рыбѣ удицею Петровою извлеченной, съ монетою внутрь ея; о рыбахъ Христомъ благословенныхъ. „Иду рыбы ловити...“

Таковыя жъ свертки сгибаетъ змій сей и здѣсь: вода и ковчегъ, ковчегъ и Ной, Ной и голубица, голубица и око, око и верхи горъ, верхъ и Вѣчность.

„Возшедь на гору стреминную...“ (Іов., 4.)

„Ложе его, остры остри...“ (Іов., 41.)

Тоже и здѣсь: Содомъ и огонь, огонь и дымъ, дымъ и духъ, духъ и благовоніе; а Лотъ значитъ: благоуханіе (Стакти).

„Взыде дымъ гнѣвомъ его...“

„Потщавшеса, запалиша градъ огнемъ...“

„Узрѣша дымъ восходящъ отъ града до небесе.“ (Нав., 8.)

„Духъ и вода и кровь и тріе во едино.“ (Іоанн. посл.)

Тѣже винты или извитія змѣины и здѣсь:

Израиль и языкъ, Израиль и скинія, скинія и мѣра ея, чудно составляющая во всѣхъ частяхъ сумму десяточну. Наконецъ, вся скинія ничто есть.

Взглядомъ внутренностей ея сіе есть: манны свѣтильнича, хлѣбовъ и проч. А сіе опять ничтоже есть. Взглядомъ славы Божіа, во мракѣ семь блистающія. „Небо небесе не довлѣетъ тебѣ...“

А еанасій. Ты мнѣ своими винтами змінными совѣмъ умъ помрачаешь; скажи только мнѣ, которую ты насчиталъ сумму десяточну, л. 52. въ частяхъ скиніи | и въ мѣрѣ и въ числѣ ея?

Яковъ. Скинія изъ десяти опонъ—вотъ тебѣ десятокъ въ частяхъ! Долгота каждой опонѣ 28 локотъ—вотъ десятокъ: 2 и 8. Во всѣхъ офонахъ локтей 280. Вотъ въ числѣ локтей такъ какъ въ долготѣ десятокъ 2 и 8! Ширина каждой офоны 4 локтя а во всѣхъ 40, скинь на щеты 1. 2. 3. 4. и выйдетъ 10. а 4...40... и 400 въ той же пропорціи суть.

А е а н а с і й. Вотъ еще какіе крючки! Они нѣсколько подходятъ къ нашимъ гражданскимъ.

Яковъ. Мѣра и число всегда есть Божіе. „Ниже хребта ихъ, и высота баше имъ...“ (Иезек.) „Скажи ми Господи кончину мою и число дней моихъ.“ „Сочти своя домочатцы...“ „Возведи очи мои и видѣхъ и се мужъ и въ рудѣ его уже землемѣрно...“ (Захар., 2).

Вся Библия есть узелъ и узловъ цѣпь.

Вся въ одномъ узлѣ и въ тьмахъ темъ узловъ, та же весь сей рай насадилъ Господь Богъ во Едемѣ на востоцехъ.“

„Велія будетъ слава храма сего послѣдняя, паче первая“,—глаголетъ Господь. (Агей, 2.)

Едемъ значитъ: рай сладости. Увеселительный садъ. Что же за вздоръ рай во Эдемѣ? Садъ въ саду?...

Все сіе хвратіе есть чаща колкихъ шиповниковъ. Продерись развяжи и вкусишь отъ древа жизни.

„Древо жизни посреде рая...“

„Востокъ имя ему...“

„Гортань его сладость...“

„И идоша по пустынѣ и придоша до Хеврона.“ (Числ., 13).

Хевронъ есть градъ горный: значитъ дружество. По чащамъ сихъ узловъ ходитъ неизслѣдимая Божія премудрость. Сюда-то приточникъ... „Не вѣмъ слѣда, орла паряща по воздуху, и пути змія ползуща по каменіи...“ (30).

„Услышаста гласъ Господа Бога, ходяще въ Раѣ...“

Самый послѣдній голосокъ или словцо дышетъ Символомъ, или зависить отъ него. Наприм.: „тамо его узрите...“ т. е. на горѣ, сверхъ горы, вышше стихій.

„Горныя мудрствуйте, а не земная...“ „Тамо въздоша колѣна, колѣна Господня...“ „Тамо возвращу рогъ Давидови...“ „Каждая пара образъ есть двое двое.“ | „Вся сугуба, Едино противу Единаго.“ (Сирах., 42). л. 53. „Единаго Господа Богъ, двое сія...“ „Внїдоша къ Ною въ ковчегъ два два...“

А естли разсудить, тогда каждый образъ есть трое—т. е. простій, образующій и образуемый, напр: хлѣбъ простый, хлѣбъ образующій и хлѣбъ ангельскій.—„Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ...“

Гроздь простый, образующій и веселящій.

„Вино веселитъ сердце человѣка...“

„Кровь гроздову пїяху вино...“

Небо простое, образующее, и небо небесе. Такъ какъ кругъ въ колеси—солнце въ солнцѣ. „Небо небесе Господеви.“ И думаю въ сію-то силу сказываетъ приточникъ:

„Къ словесемъ мудрыхъ, прилагай твое ухо... да разумѣши, яко добра суть. Ты же напиши я себе трижды... (на сердцѣ твоємъ), естли-де хочешь совѣта смысла и разума“. (Гл. 22).

При всемъ семъ, вспомни межеванье между градомъ и градомъ, Моисеемъ узаконенное. Два образа суть какъ два населенные грады. Паче же не забудь сего: „въ коей землѣ вселяется свѣтъ? Тъмѣ же кое есть мѣсто. Аще введеши мя въ предѣлы (terminus) ихъ!“

„Аще же ли и вѣси стези ихъ?“

„Гдѣ былъ еси, егда основалъ землю?“

„Кто положи мѣры ея? Аще вѣси?“

„Возвѣсти ми аще вѣси разумъ? (земли)... (Гов., 38.)

А е а н а с і й. Я усталъ слушая твоихъ узловъ собраніе.

Я ко в ѣ. Вспомни кущи Израилевы, сады Соломоновы.

„Возстани сѣвере и гряди юже...“

„Духъ вся испытуетъ и глубины Божія...“

Изъ таковой кущи коломъ Іовиль пробилъ голову Сисарѣ. (4 Суд., ст. 21).

Таковъ былъ сынъ Іаковль Іуда. „Привязуя къ лозѣ жребя свое...“ Развѣ къ подлому привязуетъ?... „Азъ есмь лоза...“

Взгляни пожалуй на Ги суса Навина съ Халевомъ. Развѣ не видишь какое сокровище несутъ сіи мужи? На дрюкѣ привязанъ изъ земли Божіей пребогатый гроздь: кромѣ шипковъ (полныхъ розъ) и смоквей. Сколько виноградныхъ ягодъ, столько шариковъ, сколько шариковъ, столько узловъ, заключающихъ въ себѣ сладчайшій Божества миотъ, веселящій сердце, при которомъ пируетъ небесный учитель со ученики своими.

л. 54. | „Сія есть кровь моя...“

„Пиша же и упишася съ нимъ.“ (Быт., 43.) Что же касается до рѣшителей сихъ Божестве нныхъ гаданій, вспомни Даніила съ Іосифомъ, разрѣшающихъ соня.

„Еда не Богомъ изъявленія ихъ есть.“ (Быт., 40.)

„Сказуяи сны и возвѣщаяи сокровенная и разрѣшая союзы.“ (Дан., 5.)

Вспомни Маріина обручника, слышащаго во снѣ гласъ Ангела Божія, вспомни Моисея, узрѣвшаго во мракѣ Бога.

Вспомни Авраама раздѣляющаго пополамъ скоты передъ Господомъ. (Быт., 15.)

„Заходящу же солнцу, ужасъ нападе на Авраама.“

Раздѣлить и разрѣшить значить то же.

Таковъ былъ Авель, „принесшій первородное и отъ туковъ овецъ

Господеву, и не испадет лице его, но поднявъ очи, виде день Господень.“

Таковъ былъ тотъ: „зубы его паче млека...“ Таковы были тѣ: „Кровь гроздову пяху вино съ тукомъ Агнца...“

Вспомни, кой пророкъ скушалъ горькой свитокъ? Но куда сладокъ былъ? Когда дожевался до останка. „Останокъ есть Богъ.“ „Открыль еси та младенцамъ...“ „Останки младенцамъ...“

Но и всѣ пророки вопіють: „видѣхъ, видѣхъ...“ Вспомни Сампсона, веревки и льва растерзающаго, находящаго въ ядовитомъ ядомое, а въ жестокомъ сладкое.

„Насыщуся, вегда явитимися слава твоя.“

Вспомни Давида, исторгающаго изъ усть львиныхъ и медвѣжьихъ овцу. Сей изъ Голіафовыхъ, а Іудифъ изъ Олоферновыхъ ножей мечъ извлекаетъ.

„Живо бо Слово Божіе, острѣй паче всякаго меча...“

Еанея сынъ Юдаевъ убилъ льва: вырвалъ копіе изъ рукъ египтянина: „и уби его копіемъ его.“ (2 Царст., 23).—„Яко искры по стеблю потекуть...“

Кто разорилъ города Іерихонъ и Гаїй?

Кто расторгнулъ ополченіе иноплеменничее и | досталъ воду Да-л. 55. виду изъ рва видеемскаго?

„Облецыся въ славу твою Іерусалиме граде святыи... Совлецы узу вы твоя, плѣненная дщи Сіона.“ (Исаія, 52).

Вздумай гдѣ тотъ, кто на гумнѣ молотитъ? А къ нему на воловомъ возу прикатывается кивотъ Господень.

„Свѣтися, свѣтися Іерусалиме...“ „Благословенны житницы твои...“ (Второз., 28.)

„Благослови Господь домъ Авездаровъ...“ (2 Царст., 6).

Посмотри, что дѣлаетъ мужъ Руеинъ Воозъ? Служанки его жнутъ и вяжутъ снопы, а онъ вымолачиваетъ изъ стебля зерно. „Се тои вѣтъ на гумнѣ ячмень сея нощи.“ (Руе., 3).

„И преломивъ даяше има. Онѣма же отверзостеса очи.“

А еанасій. Я о всѣхъ сихъ читалъ, но не даются читать. Трудно...

Яковъ. Такъ послушай же о новѣйшихъ скинотворцахъ и плетушихъ мрежи рыбахъ, вотъ они: „Елика аще свяжете на землѣ—будутъ связана на небеси...“ Никогда они не вяжутъ узловъ, чтобъ не скрывалися внутрь, цѣльная простота голубинаго ока и никогда не разрѣшаютъ гаданій, чтобъ не вынуть оттуда перстня сладчайшія меда и сота вѣчности.

„Отъ ядущаго ядомое и отъ крѣпкаго изыде сладкое. И съесте ветхая и ветхая ветхихъ. Веніаминъ волеъ хищникъ, рано ясть еще и на вечеръ дастъ пищу.“ (Быт., 49).

„Вѣрова Авраамъ Богу и вмѣнися ему въ правду. (все писанное).“

Знаменія же вѣровавшимъ сія... Языки возглаголють новы.., Змія возьмутъ.

И сіе рекъ дуну и глагола имъ: „примите духъ святъ! Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся.“

А еанасій. Пускай же сему разговору будетъ имя:

КОЛЬЦО ⁵⁵³).

---

⁵⁵³) Въ Сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ также хранится рукописная копія, сдѣланная по порученію Д. И. Багалѣя съ рукописи, хранящейся въ Румянцевскомъ Музеѣ. Копія хорошая, точная. Начиная съ оборота 35 листа рукописи (см. 282 стр. этой книги) — мы пользовались этимъ багалѣевскимъ спискомъ для набора, такъ какъ фотографическая копія оказалась слишкомъ затруднительна по почерку для наборщиковъ. Этотъ багалѣевскій списокъ въ настоящее время хранится въ Сектантскомъ Отдѣлѣ Рукописнаго Отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, гдѣ значится по описи: „Сект. 2854“. *Прим. ред.*

о древнемъ мірѣ ⁵⁵⁴).

Любезному другу Михаилу Іоанновичу Ковалѣнскому. ⁵⁵⁵)

Писанъ 1772 года, данъ въ даръ 1788 года.

Возлюбленный друже Михаиле!

Прійми отъ мене маленькій сей дарикъ. Дарю тебѣ мою забавочку. Она божественная: Разглаголь о древнемъ мірѣ. Что-ли есть найдревнѣйшее? Богъ. Ты родился любиться съ Богомъ. Прійми сію мою лепту. Читай. Мудрствуй. Прирасти ее и возрасти ее. Отъ зерна и зыидеть благосѣвнолюственный дубъ мамврійскій. Сѣнь его вмѣститъ хоть все-вселенную... Мнози глаголютъ, что-ли дѣлаеть въ жизни Сковорода? Чемъ забавляется? Азъ же о Господѣ радуюся. Веселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ... Забава, римски *oblectatio*, еллински—*діатриба*

⁵⁵⁴) Подлинникъ этой рукописи Г. С. Сковороды хранится въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ и значится по описи рукописнаго отдѣленія этого музея подъ № 1488, т. III. Рукопись эта входитъ въ извѣстное собраніе рукописей Г. С. Сковороды, ранѣе принадлежавшее другу его М. И. Ковалинскому. Въ Сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго Отдѣленія Библиотеки Императорской Академіи Наукъ хранится фотографическій снимокъ съ этого подлинника, который значится по описи: „Сект. 2855“. По этому снимку мы сдѣлали свѣрку текста, опубликованнаго Д. И. Вагалѣемъ въ его книгѣ „Сочиненія Григорія Савича Сковороды“. Этотъ свѣренный текстъ также хранится въ томъ же отдѣлѣ Рукописнаго отдѣленія Библиотеки Академіи, гдѣ онъ значится по описи: „Сект. 2856“. Кроме того копія этой рукописи Г. С. Сковороды хранится въ Библиотеки Московской Духовной Академіи. Рукопись въ четвертую долю листа, переплетена въ кожаный переплетъ. На внутренней сторонѣ переплета надпись: „Въ сей рукописи два форзаца и четырнадцать (14) нумерованныхъ листовъ. Ркп. Библиотеки Московской Духовной Академіи. Шифръ: Рукопись фундам. Б-ки. № 166 дополнительная. Библиотекарь К. Поповъ.“ На форзацѣ надпись: „Препровождена изъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ 31 октября 1839 г., № 220.“ Сверху этой же страници надпись: „№ 127 Поступила марта 6 дня 1836 года.“ „Г. цензору Коченовскому“. Въ рукописи много цевзорскихъ озмѣтокъ. На оборотѣ второго форзаца письмо Г. С. Сковороды, подписанное „Даніилъ Меингардъ“ къ его другу М. И. Ковалинскому. Копія этой же рукописи Г. С. Сковороды также хранится въ Библиотекѣ Кіевской Духовной Академіи, рукопись въ четвертую долю листа переплетена въ обыкновенный бумажный переплетъ съ кожанымъ корешкомъ. Ранѣе рукопись находилась въ библиотекѣ С. И. Миропольскаго. На форзацѣ имѣется надпись современнымъ почеркомъ: „Не изданное сочиненіе. 1772 годъ.“ Шифръ рукописи: „Рук. Муз. 605 (№ 1).“ Въ этой рукописи одинъ форзацъ + четырнадцать (1—14) нумерованныхъ писанныхъ страницъ + одна нумерованная чистая страница. На оборотѣ перваго нумерованнаго листа письмо Г. С. Сковороды, подписанное „Даніилъ Меингардъ“, къ его другу М. И. Ковалинскому.

Прим. ред.

⁵⁵⁵) Г. С. Сковорода въ этой рукописи не употреблялъ ни твердаго ни мягкаго знака.

Прим. ред.

славенски—глумъ или глумленіе, есть корѣфа и верхъ, и цвѣтъ, и зерно человѣческія жизни. Она есть центръ каждыя жизни. Всѣ дѣла кое-каждо жизни сюда текутъ, будто стеблѣе преобразуяся въ зерно. Суть нѣкіи безъ центра живущіи, будто безъ гавани плывущіи. А я о растлѣнныхъ не бесѣдую. Своя коемуждо видь забава мила. Азъ же поглумлюся въ заповѣдехъ Вѣчнаго. Ты вѣси, яко люблю его и яко

л. 2. Онъ возлюбилъ мя есть. | Речеши, како 10 заповѣдей довлѣють въ долгодѣтную забаву? Тфу! Аще бы и сугубый Маеусаловъ вѣкъ, и тогда довлѣють. Ахъ! все омерзѣніемъ и во омерзѣніе исходитъ развѣ святыни. Ахъ! не всеу Давидъ: „дивна (де) свидѣн(ія) твоя“. Все пред-варяють. Все печатлѣють. Всякой кончинѣ суть концемъ и останкомъ безъ мерзости. Вѣчная мати святыни кормить мою старость. Я сосца ея сосу безъ омерзѣнія и алчу паче и паче. Я во вѣки буду съ нею, а она со мною. Вся бо преходягъ, любезная же любовь—ни! Кратко рещи, се есть діатриба и типикъ моя жизни! „Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умреть и иже въ разумѣ своемъ поучается святыниѣ, размышляя пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ ея уразумится...“ Любезный друже! Есмь и пребуду твой Даниилъ Меингардъ.

ОСНОВАНІЕ ДІАЛОГА:

„Помянухъ дни древнія“. Псаломъ 142.

„Воззрите на древнія роды“. Сирахъ.

„Свѣсте ветхая ветхихъ“. Мойсей.

„Помянухъ судьбы твоя отъ вѣка, Господи, и утѣшихся“.

„Повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія, но не яко законъ твой, Господи“. Псал.(омъ) 118.

Sola veritas est dulcis, viva, antiquissima.

Cetera omnia sunt foenum et heri natus fungus.

л. 3.

| Разглаголь о древнемъ мірѣ ⁵⁵⁶).

Лица: Аеанасій, Іяковъ, Лонгинъ, Ермолай, Григорій. Григ.(орій). Посмотримъ же нынѣ на природныя богопроповѣдники, заглянемъ въ древнія лѣта, аще хочете.

Аеан.(асій). О преславное позорище! Но коимъ образомъ можно

⁵⁵⁶ Въ текстѣ, опубликованномъ Д. И. Багалѣемъ, такъ же, какъ въ кievской и московской копіяхъ этой рукописи Г. С. Сковороды, вездѣ слово „міръ“, написанъ черезъ „ы“—„мыръ“, тогда какъ въ подлинникѣ это слово написано черезъ „і“ — „міръ“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подлинника въ этомъ словѣ замѣтна подчистка того мѣста, гдѣ написана по подчищенному буква „і“, но во многихъ мѣстахъ, она написана и безъ подчистки. Мы публикуемъ такъ, какъ совершенно явственно значится въ подлинникѣ. *Прим. ред.*

видѣть древняя лѣта? Можно ли на тое взирать, что уже протекло? Аще же протекло, тогда не видное. Како же взирать?

Лонг. (гинъ). Аще открывается театръ самыхъ древнѣйшихъ временъ, тогда можно видѣть и людей. Вода безъ рыбъ, воздухъ безъ птицъ, а время безъ людей быть не можетъ.

Аеан. (асій). Како же можно видѣть прошедшая времена?

Іяб. (овъ). Такъ можно видѣть, какъ вчерашній житія твоего день, а вчерашній день такъ, какъ днешнее, прошедшее утро, а утро такъ, какъ пол-часа сего, въ коемъ находимся. Се нынѣ течеть десятый часъ, 30 четвертая минута, 1772-е лѣто отъ Христа, пятый-надесять день мѣсяца маіа, наконецъ, половину десятаго часа сего прошедшую такъ видѣть можно, какъ 4 минуты. Вотъ! только что протекли они. А теперь 5-я вторья половины минута. Взгляньте на часы!..

Аеан. (асій). Что надлежитъ до вчерашняго житія моего дня, онъ мнѣ во всей жизни есть сладчайшимъ позоромъ.

Лонг. (инъ). Какъ такъ?

Аеан. (асій)⁵⁵⁷). Господи! не мнѣ, но имени твоему Слава... Похваляю о Господѣ предъ друзьями. Вчера довелось въ бесѣдѣ спорить съ нѣкоторымъ моимъ сосѣдомъ. Онъ разъярився, называлъ мене негодеемъ, жителству вреднымъ, воромъ и прочая. Пришовъ я домой, по прошествіи нѣсколько часовъ услышалъ женской и дѣтской вой. Что за-причина? Сказали мнѣ, что до помянутаго сосѣда пріѣхалъ старинный его заимодавецъ съ векселемъ, что не въ силахъ доплатить 30-ти рублей по векселю, что никто на прозьбу его, хотя обшасталъ 30 дворовъ, не помогъ ему и что напоследокъ берутъ его подъ стражу. Жалею мнѣ стало. Схвативъ перо, написалъ къ нему слѣдующее: л. 4.

Любезный другъ! Благодарю вамъ, что подали мнѣ случай къ благодаренію. Посылаю вамъ 30 рублей. Употребите оныя, какъ собственные свои. Симъ вѣчно мене одолжить можете.

Вашъ усердный слуга Н. Н.

Я послалъ деньги, а онъ свободился. На сіе вчерашнее дѣло взирая, чувствую внутри богатство сладости коея единныя капли не отдалъ бы я за 1000 ефимковъ; а мнѣ она вся стала только 30 рублей.

Ермолай. Дешева купля твоя, а иной продаетъ за 30 рублей и цѣлаго Христа.

Лонгинъ. Тѣмже окомъ, коимъ смотришь на вчерашнее время, можно взирать на самыя Авраамскія времена. Павелъ всѣ прошедшія лѣта заключаетъ въ семь словъ: (вчера), нынѣшнии—въ словѣ (днесь),

⁵⁵⁷) Далѣе мы не будемъ отмѣчать сокращенія въ лицахъ „разглагола“, имѣющіяся въ подлинной рукописи Г. С. Сковороды, и для удобства чтенія вездѣ печатаемъ эти имена полностію.

а все будущее нарицаеть вѣкомъ. „Иисусъ Христосъ вчера и днесъ, той же и во вѣки“. Аки бы рекль — вчера и днесъ и завтра, сирѣчь, во вѣки вѣковъ. Аще кто видитъ днесъ, той видитъ и вчера и откровениемъ одинаго дня отверзается 1000 лѣтъ. Она вмѣщается въ одномъ днѣ, а день простирается въ 1000 лѣтъ. Уразумѣй вечеръ седмицы и узриши утро седми-тысящъ лѣтъ. „И бысть вечеръ, и бысть утро, но день единъ.“

Іаковъ. Можетъ быть и правда, что тысяща единообразныхъ печатей заключается въ одной такой же, а одна расходится въ тысящу и единъ скудельный модель сокрылся въ десяти тысящахъ сосудовъ. „Вся тѣмъ быша...“

А еанасій. Какимъ же образомъ 1000 лѣтъ будетъ однимъ днемъ и вопреки?

Лонгинъ. Охъ! Не любопытствуй. Не все то ложное, что младенческимъ умамъ не вмѣстное. Если не понимаешь, обуздай разумъ твой въ послушаніе и вѣруй Петру святому... „Едино же сіе да не утаится отъ васъ, возлюбленные, яко единъ день предъ Господемъ, аки 1000 лѣтъ, и тысяща лѣтъ, аки день единъ“. Оглянься на псаломъ 89.

А еанасій. Вѣрую, Господи, яко 1000 лѣтъ предъ очима твоима, яко день вчерашній...

Лонгинъ. Я бы могъ тебѣ сказать и сіе, что, если кто одинаго человѣка знаетъ, тотъ всѣхъ знаетъ. Единъ въ тысящѣ, а тысяща, какъ человѣкъ единъ. Но сіе не у насъ, но предъ Господемъ.

А еанасій. Ахъ! предъ Господемъ! Скажи, гдѣ предъ Господемъ?

л. 5. | Лонгинъ. Тамъ, на томъ мірѣ, на другомъ свѣтѣ.

А еанасій. Гдѣ же той второй міръ?

Лонгинъ. Тамъ, гдѣ „второй человѣкъ—Господь съ небесе“⁵⁵⁸).

А еанасій. А второй человѣкъ гдѣ?

Лонгинъ. Тамъ, гдѣ второй міръ.

А еанасій. А второй міръ гдѣ?

Лонгинъ. Вотъ гдѣ! Послушай Петра святаго. „Новаго небесе и новыя земли чаемъ, по обѣтованію Его, въ нихже правда живетъ“. Видишь, что второй міръ тамъ, гдѣ новое небо и новая земля. Они его суть уды.

А еанасій. Гдѣ же новое небо и земля нова?

Лонгинъ. Тамъ, гдѣ старое небо и земля.

А еанасій. А старое небо гдѣ?

⁵⁵⁸) У Новоизраильтянъ, такъ же какъ и вообще у сектъ „израильскаго“ направления, человѣческая природа имѣетъ два начала, два рожденія: плотское и духовное. Первое называется перетнымъ, „отъ земля“, — второе небеснымъ—„Господь съ небесе.“

Іаковъ. Изрядный еси истецъ! Еще новаго не сыскалъ, а старый міръ потерялъ. Старое небо подь носомъ у тебе.

Аеанасій. Видь старое небо и старая земля вездѣ.

Лонгинъ. Вездѣ.

Аеанасій. И нельзя сыскать мѣста, ни на единъ чентръ пустаго?

Лонгинъ. Нельзя.

Аеанасій. Все наполненно старымъ небомъ и землею?

Лонгинъ. Все.

Аеанасій. Гдѣ жъ твой новый міръ?

Лонгинъ. Вездѣ.

Аеанасій. Какъ же старый міръ помѣстить съ новымъ?

Лонгинъ. Такъ какъ тѣнь съ ея деревомъ. Взглянь на сію живую и благосѣбнолиственную яблоню.

Аеанасій. Яблоня поднялася выпрь, а тѣнь протянулася по долу. Тѣнь на иномъ, а яблоня на иномъ мѣстѣ. Тутъ дѣло иное.

Лонгинъ. Крайняя видь часть тѣни лежитъ на землѣ, но начало и основаніе ея есть съ яблонкою вкупѣ и она никогда не бываетъ ни больше ни меньше яблони своея. Кратко сказать, тѣнь яблонямъ мѣститься не мѣшаетъ.

Аеанасій. Вотъ такъ развѣ скажи: „тѣнь яблонямъ мѣститься не мѣшаетъ“.

Лонгинъ. Да я же такъ и сказую.

Аеанасій. Тѣнь яблонѣ мѣститься не мѣшаетъ.

Лонгинъ. Конечно.

Аеанасій. И такъ, ветхій міръ есть тѣнію новаго?

Лонгинъ. Думаю и вѣрую. А если совершенно уразумію, что такъ есть сіе, тогда узрю его и любля возлюблю его во Господѣ, а Господа въ мірѣ Его.

Аеанасій. Ахъ! Бѣдненькіи мы съ нашимъ міромъ. Міръ нашъ, вѣкъ нашъ, и человекъ нашъ есть-то тѣнь одна. Но почему міръ нашъ есть тѣнію.

Лонгинъ. Попрошу и я тебе. Почему тѣнь есть тѣнію?

Аеанасій. Потому что проходитъ и непостоянствуетъ.

Лонгинъ. Какъ же она проходитъ?

Аеанасій. Когда солнце западаетъ, тогда тѣнь ищезаетъ, а тѣмъ скорѣе, чемъ больше простирается. Вчера была одна, днесъ другая, завтра третья привидится. То рождается, то ищезаетъ. | А родившись л. 6. не стоитъ твердо, но отъ сего къ тому мѣсту уклоняется. Вопреки же яблоня мѣтъ сто стоитъ неподвижна.

Лонгинъ. Вотъ еще почему тѣнь есть бездѣлкою! Она не есть дѣломъ, но нѣкоею только иконою его является и придержится ему. Возври же нынѣ тлѣннымъ твоимъ окомъ на бездѣльную тѣнь тлѣн-

наго твоего міра и воспой съ Давидомъ. „Дніе наши, яко сѣнь на землѣ, и нѣсть постоянія“. Онъ непрестанно премѣняется: то раждается, то ищезаетъ, то убываетъ, то уклоняется. Не многія ли тысящи тѣней ея въ яблонѣ? Такъ тысяща нашахъ лѣтъ въ единомъ днѣ Господнемъ сокрываются. Миръ Господень и день Господень есть-то древо жизни. А нашъ дряхлый, тѣнный и тлѣнный миръ есть-то древо смерти. Оно глупоумнымъ сердцамъ видится добромъ, по естеству же своему есть лукавое. „И прикры ны сѣнь смертная“. Миръ нашъ есть риза, а Господень—тѣло. Не бо наше есть тѣнь, а Господне—твердь. Земля наша—адъ, смерть, а Господня—рай, воскресеніе. Вѣкъ нашъ есть-то лжа, мечта, суета, пара, ничтоже, а истина Господня пребываетъ во-вѣки. Вѣкъ нашъ есть-то различіе и разноформіе тѣни, сѣченіе пѣска, увяданіе цвѣта. Вѣкъ же Господень есть единство, тождество, адамантъ. День нашъ есть тоже, что вечеръ, ношъ, луна. День Господень есть-то вѣчное утро, свѣтъ непреступный, незаходимое солнце. „Господь близъ“. „Прійдетъ же день Господень, яко тать въ нощи, въ онъ же небеса убо со шумомъ мимо пойдуть, стихіи же сожигаемы разорятся“. А какъ миръ нашъ и вѣкъ золь, такъ и человекъ нашъ лукавъ. „Первый человекъ отъ земли перстный“⁵⁵⁹).

А еанасій. Таковыхъ-то, думаю, 1000 во единомъ человекѣ, стоящемъ предъ Господемъ, а единъ Божій человекъ въ тысящѣ нашихъ.

Лонгинъ. А я тебѣ скажу, что не тысяща, но всѣ наши всѣхъ вѣковъ человекѣ во единомъ Господнемъ человекѣ такъ обрѣтаются, какъ безцетный всѣхъ нашихъ мірозъ хоръ сокрывается въ Божіемъ мірѣ и въ раѣ первороднаго онаго міра, о коемъ Іовъ: „кто мя устроить по мѣсяцамъ прежнихъ дней, въ нихъ же мя Богъ храняше“. Сей-то есть день Господень, яко тать. Зри псаломъ 83-й стихъ 11-й. А какъ въ Бозѣ раздѣленія нѣсть, но Онъ есть простирающееся во всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ единство, убо Богъ и міръ его, и человекъ его есть-то едино.

А еанасій. Чуденъ еси Господи! Чуденъ міръ твой. Чуденъ человекъ твой.

Лонгинъ. Уразумѣй едино зерно яблочное — и довлѣетъ тебѣ. Аще же едино въ немъ древо, съ коренемъ, съ вѣтвями, съ листьями и плодами сокрылося, тогда можеша тамже обрѣсти безчисленныя садовъ милліоны, дерзаю сказать, и безчисленныя міры. Видиши ли въ маленькой нашей крошкѣ и въ крошечномъ зернѣ ужасную бездну Божія силы? Для-чего же вопреки наша простирающаяся вышше звѣздъ обширность во единомъ Божіемъ пунктѣ утайся не могла бы? Если кто хоть мало нѣчто духомъ Божіимъ надхненъ, тотъ можетъ скоро повѣрить, что во единомъ Господнемъ человекѣ всѣ наши перстные вмѣщаются. Подлая наша природа, находясь тѣнью, находится обе-

⁵⁵⁹) См. 558 примѣчаніе (стр. 306).

зною, подражающею во всемъ своей госпожѣ натурѣ. | Сія рабыня л. 7. внѣшностями своими будто красками наводитъ тѣнь на всѣхъ блаженныя натуры дѣлахъ, изображая тѣню для тѣнныхъ и младенческихъ умовъ все сокровище, таящееся въ неизщерпаемомъ нѣдрѣ господствующія природы, яко невидима есть присносущная истина. И такъ, если нѣчто узнать хочешь въ дусѣ или во истинѣ, усмотри прежде во плоти, сирѣчь въ наружности и увидишь на ней печатлѣмыя слѣды Божіи, безвѣстная и тайная премудрости его обличающіи и будто тропинкою къ ней ведущіи.

А еанасій. Потыше, господине мой! Не залѣтывай съ орлами во мракъ облачный. Перестая разумѣть рѣчь твою. Пряди погрубѣе ниточку для очей моихъ сельскихъ.

Лонгинъ. Бываль ты когда въ царскихъ палатахъ? Стоялъ ли посередѣ чертога, имѣющаго всѣ четырьѣ стѣны и двери, покрытыя, будто лакомъ, зеркалами?

А еанасій. Не довелось.

Лонгинъ. Стань же, если хотишь, на равномъ мѣстѣ и вели поставитъ вкругъ себе сотню зеркалъ вѣнцемъ. Въ то время увидишь, что единъ твой тѣлесный болванъ владѣеть сотнею видовъ, отъ единаго его зависящихъ. А какъ только отнять зеркала, вдругъ всѣ копіи сокрываются во своей исконности или оригиналѣ, будто вѣтвы въ зернѣ своемъ. Однако же тѣлесный нашъ болванъ и самъ есть едина токмо тѣнь истиннаго Человѣка. Сія тварь, будто обезяна, образуетъ лицевиднымъ дѣяніемъ невидимую и присносущную силу и божество того Человѣка, коего всѣ наши болваны суть аки-бы зеркаловидныя тѣни, то являющіяся, то ищезающіи при томъ, какъ истина Господня стоитъ неподвижна во вѣки, утвердившая адамантово свое лице, вмѣщающее безчисленный пѣсокъ нашихъ тѣней, простираемыхъ изъ вездѣ-сущаго и неизщерпаемаго нѣдра ея безконечно. „Сокрыеши ихъ въ тайнѣ лица твоего“. Сего-то человѣка видятъ блаженный Навинъ, какъ написано: „Возрѣвъ очима своими, видѣ человѣка стояща предъ нимъ“. Ражжуй всякое словцо, а вонервыхъ то: „возрѣхъ“, и то: „стояща“. А дніе наши яко сѣнь и нѣсть постоянія. Навину явилось тоже, что Аврааму. „Возрѣвъ очима своими, видѣ и се тріе мужи!“ Авраамъ къ чудному сему человѣку говоритъ: „азъ есмь земля и пепель“. А тамъ шпшется: „стояща противу себе“. Конечно жь горній оный человѣкъ противнаго есть естества. А Навинъ одна токмо тѣнь и пепель. „Видѣ человѣка стояща противу себе“.

| Ермолай. Господи! Что есть Человѣкъ, яко помниши Его? л. 8. Мнѣ видится, что Давидъ вопрошаетъ Бога о томъ же чудномъ Человѣкѣ, о коемъ прежде сказалъ: „славою и честію вѣнчалъ еси его“.

Лонгинъ. Конечно сему-то Человѣку дивится Давидъ, воз-

зрѣвъ умными очима на великолѣпіе его, поднявшееся превышше нашихъ небесъ и стихій. Онъ видѣлъ, что изъ нашея братіи человѣкъ всякъ есть не то, что онъ, и разнится, какъ отстоитъ небо отъ земли. Будто бы сказалъ—ахъ Господи! Къль чудны й тотъ человѣкъ, коего самъ ты почелъ Человѣкомъ! Онъ тебѣ, а ты ему другъ. Онъ въ тебѣ, а ты въ немъ. „Господи! что есть человѣкъ! яко познался еси ему“. Кто изъ насъ смертныхъ подобенъ ему? Ахъ! ни единъ! Нашъ родъ есть-то земля, пепелъ, тѣнь, видъ, ничто... „Дніе наши яко сѣнь переходять“. Но твой Человѣкъ есть вѣчно стоящій. „Поставилъ еси его... Вся покорилъ еси подъ нозѣ его“.

Іаковъ. Нимало нѣтъ сумнѣнія, чтобъ Давидова рѣчь не касалася до чуднаго человѣка сего: „что есть человекъ, яко помниши его?“ Разсудите слово сіе: „помниши его“. Конечно же онъ не земнаго нашего рода есть, если Богъ его помнитъ. Нашъ весь родъ исключенъ изъ Его записи. Вотъ слушай! „Не соберу соборовъ ихъ отъ кровей, ниже помяну имени ихъ устами моима.“ Мы-то есмы плоть и кровь и сѣно. Како можетъ плоть и кровь устоять предъ лицемъ Господнимъ? „Богъ нашъ огонь поядаяй есть“. Но о семъ человѣкѣ пишется: „посѣщаеши Его“. Видно, что чудный сей человекъ чуждъ есть плоти нашея и крови и всѣ нашего міра стихіи превозшедшій. „Яко взыся великолѣпіе твое превышше небесъ“.

Григорій. Если бы онъ былъ земный, тогда хотящимъ его видѣть кая нужда была смотрѣть въ гору? Видъ плотянаго человѣка скорѣ увидишь, въ землю взоръ устремивши, нежели зѣвая на небесный сводъ. Однакъ единогласно проповѣдуютъ: „воззрѣхъ, воззрѣхъ“... Вотъ! въ ту же дудку дметъ и Даніиль. Слушай! „Воздвигохъ очи мои и видѣхъ. И се мужъ единъ! Облеченъ въ ризу льняную^{560а)} и чресла Его препоясанны златомъ свѣтлымъ, тѣло же Его, аки Фарисей... Гласъ же словесъ Его, аки гласъ народа“. Въ сихъ словахъ примѣчай то: „единъ“ и то „гласъ, аки гласъ народа“. Только что не сказалъ—единъ во всѣхъ, а всѣ въ немъ. „И рече мнѣ: не бойся, муже желаній! Миръ тебѣ! Сего то узрѣвъ, Давидъ задивился, поя съ восторгомъ. „Господи, Господь нашъ! Коль чудно имя твое!.. Яко взыся великолѣпіе твое превышше небесъ“.

л. 9. | Лонгинъ. Милый позоръ сердечнымъ моимъ очамъ открывається. Се вижу на пустомъ пути въ полѣ вельможескую колесницу текущую, а сидящаго въ ней знаменитаго господина. Съ кѣмъ же? Съ нищимъ странникомъ скитающимся. Они, сидяще, бесѣдуютъ, а предъ ними лежитъ отверстая книга. Скажи, пожалуй! Ражжуй мнѣ хоть

^{560а)} Здѣль не разумѣется нарицаемый оный вуссонъ, еллински *βυσσος*. Сей родъ есть каменнаго лена, неопалемый во огнѣ, образуеъ убо нетлѣніе. Злато такожде имѣетъ свои отребы; огнемъ же очищенное, и свѣтитя и не согаряетъ и есть безсмертія образъ. *Примѣчаніе Г. С. Сковороды.*

мало! Просить придворный панъ, казначей царицы еіопскія. Можешь ли знать, о другъ ты мой, Филиппе, о коемъ человѣкѣ по вѣствуетъ Исаіа слѣдующее: „Яко овца на заколеніе ведеся... во смиреніи Его судъ его взяся, родъ же Его кто исповѣсть? Яко вземлется отъ земли животь Его“. Здѣлай милость! О себѣ ли, или объ иномъ комъ сія рѣчь Его?

Филиппъ. Какъ польза читать отъ пророковъ и не разумѣть?

Евнухъ. Какъ же можно разумѣть, аще не кто наставитъ мя?

Филиппъ. О, господине! Ей, вѣистину нѣси невѣжда. Не жаждетъ бо разума премудрости развѣ премудръ. Не думай же, пане милый, дабы Исаіа сими толь великими словами величалъ тѣннаго коего либо человѣка. Пророкъ постояненъ въ рѣчѣ своей. Не можетъ похвалить тоже, что не давно похулилъ. Развѣ вы позабыли? Вспомните вышереченное: „всяка плоть сѣно, недавно возопилъ“^{561а}). Смотрите на вселенну, наполненну такими, какъ мы, человѣками, то раждающимися, то погибающими. Такъ возможно ли, чтобъ пророкъ о себѣ или о другомъ дерзнулъ сказать: „родъ же Его кто исповѣсть“? Кто жъ скажетъ, что нашъ родъ не земля, плоть, сѣно и тѣнь? Но прозорливое Исаіино око прозрѣло въ плотской нашей тѣни особливаго человѣка, кой единъ токмо и есть и о немъ вопіеть: „вземлется отъ земли животь Его“... А наше все родословіе земное заключилъ въ семь словъ: „всяка плоть—сѣно“. И какъ Даніиль сказалъ: „гласъ словесъ Его, аки гласъ народа“, такъ и Исаіа вопіеть о томъ же мужѣ: „глаголь Бога нашего пребываетъ во вѣки“, будто бы на единъ тонъ цѣль съ Даніиломъ: „сила глагола Его, аки сила въ народѣ“^{562б}).

Евнухъ. О Филиппъ! Чудеса ты насказалъ. Ты во мнѣ смертное жажегъ желаніе видѣти сего человѣка; я о немъ отъ рожденія слышу первый разъ⁵⁶³).

Филиппъ. Милостивый государь! „Крѣпка яко смерть любовь“... Но когда великолѣпіе онаго человѣка превыше небесъ и выше всѣхъ нашихъ стихій поднялося, тогда нельзя ползущимъ по землѣ и пресмыкающимся по стихіямъ | взоромъ видѣть его. Сіе значить—искать л. 10. въ мертвыхъ живаго и вести сего праведнаго и невиннаго Агнца на заколеніе, стригти мертвенность волосовъ его, ясти землю и мудрствовать о сѣнѣ. Таковая душа, яко движущаяся по землѣ, не посвящается Господеви Израилскому и внѣ числа есть сего: „святи ихъ во истану

^{561а}) Выше уже сказано сіе: „сыне человѣчъ, возопіи“ (велѣлъ ему Богъ) „И что (де) возопію?“ (вопрошаетъ Исаіа). „А вотъ что!“ (говоритъ ему Богъ), „Всяка плоть сѣно“—и прочая.

Прим. Г. С. Сковороды.

^{562б}) Гласъ, глаголь, воля, вѣлніе, царствіе, законъ, сила, духъ есть тожде.

Прим. Г. С. Сковороды.

⁵⁶³) Разсужденія Г. С. Сковороды о Человѣкѣ до прязательности совпадаютъ съ разсужденіями о немъ же крайне интересной намъ современной вѣтви русскаго Израіля, называющейся „Начало вѣка“, которой мы посвящаемъ десятый выпускъ нашихъ „Матеріаловъ“.

Прим. ред.

твою; слово твое истина есть“. Правда, что вся стихійная подлость будто риза имъ нссимая: его-жъ самаго она есть и онъ въ ней вездѣ. Но не сна имъ есть, ни онъ ею. И хотя въ ней, но кромѣ ея и выше ея пребываетъ не мѣстомъ, но святынею, и разсужденіе о немъ отнюдь нѣсть подлое, яко „во смиреніи Его судъ о немъ высокъ.“ Сія стихійная его подлость и смиреніе его-жъ самаго уничтожаетъ предъ нами. Въ ней-то мы, устремляя очи, погружаемъ и мысли наши и, засмотрѣвсь на тѣнь, не возводимъ сердечныхъ очей въ горнее истины разсужденіе и въ вѣдніе истиннаго человека, яко „вземлется отъ земли животъ его“, и „взяся великолѣпіе его превыше небесъ“. И такъ, пане милый! если можешь возвестъ сердечное твое око отъ подлыя природы нашея въ гору ко оной господствующей святой вродѣ, въ той день можешь увидѣть и единого онаго Божія человека. Но никогда умный взоръ нашъ отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеснымъ не восходитъ, развѣ въ той день, „вонъже стихіи сожигаемы разорятся“... Въ день оный Господень создается сердце чистое въ человѣкѣ, а въ сердце вселяется слово сіе, тайно водіющее: „плоть ничтоже“... Во время оное правда, съ небесъ приикнувшая, и купно возсіяшая отъ земли истина палитъ и уничтожаетъ всѣ стихіи, показуя, что они суть только одною тѣнью истины. Утаенна же истина, аки ризу, ихъ носитъ. Видишь, государь, что едина томо вѣра видитъ чуднаго онаго человека, коего тѣнь всѣ мы есмы. Вѣра есть око прозорливое, сердце чистое, уста отверстая. Она едина видитъ свѣтъ, во тмѣ стихійной свѣтящійся. Видитъ, любить и благовѣститъ его. Не видѣтъ его есть-то слѣпота; не слышать его есть-то быть аспидомъ; не говорить о немъ есть-то быть нѣмымъ. Вѣра всю сію мимотекущую сѣнь, аки воду непостоянную, переходитъ, вершитъ свой исходъ воскресеніемъ, очищеннымъ чувствомъ взирая на человека, неприступнымъ свѣтомъ блистающа и радуйтеса рекуща...

Евнухъ. Сія мысли для мене особливо новыя. Ахъ! я ихъ давно жаждалъ. Теперь они долгодѣтнѣйшую мою жажду утоляютъ. Ея!
л. 11. Священное писаніе есть-то вода | и купаль. Се истинная вода, вода и духъ! Нисій Филиппъ духа къ ней приложилъ. Нынѣ что возвращаетъ мнѣ въ ней креститися, измытиса, очиститися сердцемъ отъ лукавствій и всѣхъ прежнихъ моихъ началородныхъ заблужденій и слѣпоты?..

Филиппъ. Во истину можно, аще вѣруеши отъ всего сердца твоего, во нетлѣннаго человека Христа Иисуса... Что касается и до самаго мене, „вѣровахъ: тѣмже възглаголахъ“...

Евнухъ. „Вѣрую, Сына Божія быти Иисуса Христа“.

Ермолай. Конечно жъ въ сію-то пресвѣтлую страну приподнимаетъ ядушая землю сердца наша небесный нашъ человекъ и ползущихъ долу насъ спящихъ и мертвыхъ возбуждаетъ слѣдующимъ гро-

момъ своимъ: „восклонитесь и воздвигните главы ваша за не приближается избавленіе ваше“. Въ сей-то странѣ живаго чело в ѣ ка узриши, по сказкѣ Ангела: „тамо Его узрите“...

Іаковъ. Такжеде гонить и Павелъ почивающія на мертвыхъ стихіахъ, всебудая хамовъ, вовѣрившихся мертвенности стихійной „Како возвращаетесь паки на немощныя и худыя стихіи?“ „Такжеде и мы егда бѣхомъ млада, подѣ стихіамаи бѣхомъ міра порабощенны“. И сіе мудрованіе мертвыхъ сердцеъ называетъ пустою философіею, которая брѣжничеть по бурдѣ стихійной, препятствующей философствовать по Христѣ, о коемъ къ Галатамъ: „посла Богъ Духа Сына своего въ сердца ваша“... Такоее мудрованіе, понеже вовся райскому нашему восходу въ первородный міръ мѣшаетъ, отаскивая долу око наше, для-того будыо въ трубу трубить: „аще умрете со Христомъ отъ стихій міра, почто, ави живуще въ мірѣ, стазаетесь?“ „Вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ.“ „Горная мудрствуйте, а не земная. Умрете бо, и животь вашъ совронецъ есть со Христомъ въ Бозѣ“. „Нѣсмь рабынина чада, но свободныя“. „Вышній Іерусалимъ свободенъ есть“.

Григорій. Труба вселенній Павелъ нашъ столько вѣрнымъ сердцамъ сладокъ, сколько аспидамъ противный. Ахъ! колико, яко ржадеющая матеръ, болитъ утробою, да всобразится въ насъ Христосъ! Сей молніевидный Ангель неутомимо и чистосердечно очищаетъ намъ путь къ переходу въ гору Галилею, дабы намъ обновиться духомъ ума и одѣться въ новаго чело в ѣ ка, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобной истинѣ. Онъ самъ первый разъ услышалъ животворящій гласъ блаженнаго сего чело в ѣ ка возлѣ Дамаска: „Сѣуле! Сѣуле! Что мя гониши?“ | О семъ единомъ мужѣ и хвалится: **л. 12.** „вѣмъ чело в ѣ ка“... И симъ гласомъ ни мало не разнить Даниловскія мусикии: „и се мужъ единъ, облеченъ въ ризу льняну“. А понеже сей есть животь вѣчный, дабы знать сего чело в ѣ ка со Отцемъ Его, — истиннаго же счастья такова есть природа, что чемъ множайшихъ имѣтъ въ немъ сопричастниковъ, тѣмъ слаже и дѣйствительнѣе беззавистное сіе добро становится и симъ однимъ разнится отъ ложнаго мірскаго счастья, о коемъ подобное сказать никакъ невозможно ватѣмъ, что какъ сама наша природа есть тѣнная, такъ и счастья ея суть тѣсныя предѣлы, участниковъ не терпящія, развѣ со умаленіемъ своимъ и, будыо древесныя тѣни, многихъ вмѣстить не могущія, того-ради Пауль всего отщетився и, собравъ все усердіе, гонится, течеть, все пробѣгаетъ, все минаетъ, въ передъ простираясь, дабы коимъ-либо образомъ постигнуть и приобрѣсти чело в ѣ ка, коего всѣ святостныя виды (разумѣй церковныя церемоніи) слабоу нѣкоею тѣнью быти видятся, затмѣннымъ мановеніемъ ко дражайшей истинѣ и ко крайнѣйшему концу приводящія, общая блаженное во время свое явленіе сего

краснѣйшаго паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ такъ, какъ общаетъ цвѣтущая смоковница сладчайшіи плоды. „Вмѣняю вся тщету быти за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса, Господа моего“.. „Еже разумѣти Его и силу воскресенія Его“... Аще како достигну въ воскресеніе мертвыхъ. А какъ уже получилъ желанное, и исполнилося на немъ сіе Его слово: „не вотще текохъ; вмѣнъ челоуѣка“, Послѣди всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явился и мнѣ въ то время, дабы множествомъ соучастниковъ премірное свое умножить щастіе; къ тому же единому вѣнцу славы не во тлѣнныхъ нашихъ мірахъ, но въ первородномъ Божіемъ и во днѣ Господнемъ вѣчно процвѣтающему поощряетъ и протчїихъ всѣми мѣрами къ разумѣнію того же блаженнаго, нетлѣннаго мужа возбуждая. „Востани спяи и воскресни отъ мертвыхъ—и освѣтитъ тя Христосъ“. Долго ли тебѣ кататься по стихіямъ? О, несчастный мертвецъ! Подними хоть мало погребенныя твоя мысли въ гору повыше стихійныя тѣни и узриши челоуѣка живаго, неприступнымъ свѣтомъ блистающа. Тутъ миръ твой, а не въ твоёмъ мятежномъ мірѣ. Увиждь со Авраамомъ и возрадуйся: „Авраамъ видѣ день мой и возрадовася“. Паулъ кричитъ во единъ тонъ съ вопіющимъ Исаіею. „Востани, востани, Сіоне! Облецыся въ крѣпость твою. Истрыся прахъ и востани. Сяди, Іерусалиме. Совлецы узъ выи твоея, плѣненная дочь Сіоня. Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме“ ...

л. 13. „Тогда узриши и возрадуешься“. | Сїи Ангелы Божїи высокамъ трубнымъ гласомъ возбуждаютъ спящихъ на землѣ и мертвыхъ въ сѣни стихійной. Да воскреснутъ и узрятъ челоуѣка, выше облаковъ сидяща, и просвѣтятся яко солнце.

Аеанасій. Чудесная есть сія двоица трубачей.

Лонгинъ. Конечно чудная. Они трубятъ не о перстномъ коемъ челоуѣкѣ, но о томъ высокомъ мужѣ, который „отлученъ отъ грѣшныхъ и выше небесъ бысть“, „яко чудно имя Его по всей землѣ“. Можно ли имъ во своей музыкѣ разногласить? Ихъ обоихъ труба есть согласна трубѣ святаго Петра. „Во имя Іисуса Христа Назорея востани и ходи! И емъ его за десную руку, воздвиге“. О, коль красное и согласно сихъ трубачей воскликновеніе! „И вскочивъ ста и ходяше“. И се исполнилася на немъ трубача Захарїи проповѣдь: „се мужъ! Востокъ имя Ему“. „А вѣнецъ будетъ терпящамъ и ключимъ Ему и разумѣвшимъ Его“.

Іяковъ. Не Іезекїиль ли воскрешаетъ мертвецы на поля? „Постави мя средѣ поля; се же бяше полное костей“. „Се Авъ воведу во васъ духъ животень!“ Что-ли есть поле сіе, аще не мертвенность стихійна? Въ сію смерть погружены сердца наши. Сїя есть земля Египетска и поле Танеосъ, сирѣчь, поле пагубы и поле мертвецовъ, и поле жажды, о коимъ Іоиль: „скоты полскїи возвраща къ тебѣ, яко поскоша источники водныи и огнь пояде красная пустыни. Возвръща

къ тебѣ, дающему скотамъ пищу“... Не мы ли есмы скоты полскіи, опустившіи очи наши на подошву поля? Для чего не возводимъ очей къ тому: „вся покорилъ еси подѣ нозѣ Его—овцы и волю вся, еще же и скоты полскіи“. Для чего не взираемъ къ тому: „азъ цвѣтъ полній [полевой] и крынь удалній“. Для чего не имѣемъ ни очей, ни ушей, и не слышимъ Исаіа? „Проведе ихъ сквозъ бездну, якоже коня сквозъ пустыню, и не утрудися и яко скоты по полю, и снѣде Духъ отъ Господа и настави ихъ. Тако провелъ еси люди твоя, да сотвориши Тебѣ единому имя славно.“ Востани, о лѣнливый дремлюче! Возведи очи твои, о сидящій въ темницѣ! Минай и проходи пусту бездну и стѣну твоихъ стихій. Воззри хоть мало, о тяжкосердая и ползущая душа, къ тому: „се Сей стоитъ за стѣною нашею, проглядаая!“ Поднимися отъ поля, и если имѣешь уши, слушай самага Его! „Отвѣщаетъ братъ мой и глаголетъ мнѣ: востани! Прійди ближняя моя, добрая моя“. Не думаешь ли, что братъ сей внизу и въ стихіяхъ? Повѣрь же пожалуй Ангеламъ вопіющимъ: „вѣсть здѣ! Воста!“ Поднимайся жъ и ты на гору Галилею. Не ползай по полю, какъ скоть. Восклонися и подними главу твою съ Давидомъ: „возведохъ очи мои въ гору“... | Знай, что во л. 14. вѣки не утолятъ жажды твоя подлыи стихіи и будешь во вѣки въ пламени семъ. „О! О! Бѣжите отъ земли! въ Сіонъ спасайтесь!“ Слышь! Что-ли вопіетъ Захарія? А Давида не слышитъ ли ухо твое? Гдѣ прибѣжище? Вотъ гдѣ! „Горы высокія елениамъ“. „Имже образомъ желаетъ елень на источники водъ, сице желаетъ душа моя къ тебѣ“. Но знаешь ли истиннаго сего еленя? Вотъ онъ тебѣ! „Вскочивъ ста и хождаше, и вніде съ ними въ церковь.“ Что ли есть церковь, аще не гора его святая?

Ермолай. Вѣрно, что сіи елени поднимаются къ источникамъ, о коихъ Исаіа: „поищутъ воды и не будетъ. Языкъ ихъ отъ жажды изше. Азъ Господь Богъ, азъ услышу ихъ, Богъ Израилевъ, и не оставлю ихъ. Но отверзу на горахъ рѣки и средѣ поля источники. Сотворю пустыню въ луги водныя и жаждущую землю во водотечи. Да узрятъ и уразумѣютъ и помыслятъ и увѣдятъ вкушъ, яко рука Господня сотвори сіа вся“. А что Захарія ко уразумѣнію тогожде божественнаго мужа сими словами—о! о!—возбуждаетъ, видно изъ начала рѣчи его, изреченныя послѣ откровенія и видѣнія его. „Воздвигохъ (де) очи мои и видѣхъ. И се мужъ! И въ рущѣ Его уже землемѣрно“.

Григорій. Захарія тоже самое трубитъ, что Іезекиль. „Въ той день бысть на мнѣ рука Господня. И веде мя тамо. Во видѣніи Божіи веде мя на землю Израилеву и постави мя на горѣ высокоѣ зѣло“. Когда говоритъ: „въ той день“, проповѣдуетъ всерадостный день и вѣкъ Господень и міръ первородный, всѣ стихіи превосходящій, о коемъ Даніилъ: „той премѣняетъ времена и лѣта“. Сіе блаженное время есть

нашихъ временъ окончаніемъ, а новаго вѣка началомъ по Даніилову слову: „еще конецъ на (иное) время“. Сіе пресвѣтлое время и день Господень нарицается у Іоіиля. „День тмы и бури, день облака и мглы“. Въ сихъ словахъ сопряжена есть истина и тѣнь. День Господень есть-то свѣтъ, а нашъ есть мгла, облакъ, буря и тма. Сіе есть тоже что: „и бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ“. А когда говоритъ Іезекіиль: „веде мя тамо“, тогда согласенъ Ангелу, сидящему при гробѣ и глаголющему: „тамо Его узрите“. Когда же говоритъ: „веде мя на землю Израилеву и постави мя на горѣ высоцѣ“, тогда согласенъ Іоіилу: „рай сладости—земля предъ лицемъ Его“. Сія земля есть новая, нагорная, обѣтованная. Сюда введень и Давидъ. „Воведе мя въ гору святую свою“. „Тамо (де) Его узрите“. Такъ вотъ-же и послушаймо! Тутъ-же говоритъ Іезекіиль: „и воведе мя тамо. И се мужъ! И зракъ Его бяше, яко видѣніе мѣди блестящіяся. И въ рущѣ

л. 15. Его бяше вервь тектонская и трость землемѣрская“. ; Что жъ ему говоритъ сей безсмертный мужъ? Вотъ что! „Виждь очима твоима и ушима твоима слыши! Тогоради вшелъ еси сѣмо, да покажу тебѣ и да покажеша ты вся, елика видиши, дому Израилеву“. Туда-же за Іезекіилемъ грядуть и дюжина Апостоловъ. „Единонадесять ученицы идоша въ Галилею въ гору, аможе повелѣ имъ Іисусъ. И видѣвше Его, поклонишася Ему“. „Прійде Іисусъ и ста посередѣ ихъ и глагола имъ: миръ вамъ!“ Но Даніиль дружбу сего мужа прежде ихъ получилъ. „Не бойся, муже желаній! Миръ тебѣ! Шедше научите вся языки“ есть тоже что: „да покажеша дому Израилеву, Іезекіиле, вся елика видишь“...

А е а н а с і й. Не можно довольно надивиться, коль согласная сихъ проповѣдниковъ труба и музыка! Сія пресличная Святаго Духа мусикія противится въ чело оной идола Деирскаго музыкѣ, кую поминають пѣвцы во храмахъ такъ: „согласная возшумѣ пищальская пѣснь почитати влатосотворенный, бездушный истуканъ“, и протчая. Подобало же пѣти такъ: „ровгласная возшумѣ“... Толь она мутна, раздорна и скверна, дышущая столпотвореніемъ. Сіи же Ангелы Божіи всѣ поютъ, всѣ вопіють, но о единомъ всѣ проповѣдуютъ, о единомъ восклицаютъ мужѣ, въ котораго влюбился Исаіа. „Воспою возлюбленному моему пѣснь“. Не се-ли тѣи блаженны люде, о коихъ Давидъ: „блаженны люде, вѣдущіи восклицовеніе. Воскликните Богу Іаковлю“.

І а к о в ъ. Безъ сумнѣнія они-то суть. Всѣ сіи Ангелы единогласно восклицаютъ о томъ, который со плотію своею взяся превышше небесъ, превозшедъ всѣ міра стихіи. И кто можетъ очистити сердце свое отъ всея стихійныя грязи, да узритъ очима сего челоуѣка: „възыде Богъ во восклицовеніи“. Держатся при землѣ очи наши, да его не познаемъ. Но сіи всѣ вѣстники Божіи видятъ лице истиннаго челоуѣка не между мертвецами, въ долней нашей подлости раждающася

и ищезающа яко тѣнь, но въ горѣ святѣй Его видятъ съ Навиномъ челоуѣка стояща и со Стефаномъ. „Се вижу небеса отверста и Сына челоуѣческаго, стояща одесную Бога!“ Видятъ и насладиться въ сытость не могутъ. Мы же не видимъ за стѣною и мракомъ стихійнымъ. „Положи тму закровъ свой“. О коль несмысленная и косная сердца наша!

Лонгинъ. Кто только удостоился видѣть живаго сего мужа, во мгновеніи дѣлается проповѣдникомъ Его и слышитъ сіе: „вострубите въ новомѣсячїи“. Мужескъ ли полъ или женскъ, какъ только явился ему воскресшїй челоуѣкъ, бѣжитъ и благовѣствуетъ, съ радостїю великою возвѣщаетъ о немъ. Воскресъ! Воскресъ! Воистину воскресе Господь. Явился не только Симону, но и мнѣ малѣйшему познался. Тѣмъ самымъ познался мнѣ, что невидимый для мене есть. Не вижу его во мертвыхъ, но тѣмъ самымъ вижу его въ живыхъ. А видѣть въ стихїяхъ сіе значить не видѣть Его, ниже знати Его. Радуйтесь со мною! Погубленнаго обрѣтохъ челоуѣка. Мы думали мертвъ. Убили Его негодныи священники. „Попраша мя врази мои“. Но я, маленькая тварь, емь свидѣтелемъ Его, что онъ воистину живъ есть. Я искалъ Его и обрѣтохъ Его. Растаяло сердце мое отъ витающаго гласа Его ко мнѣ сего: „дерзай! Радуйся! Миръ тебѣ!“ Кто есть другъ Его? Той повѣритъ благовѣстїю. „Зима преїде; дождь отыїде; отыїде себѣ“. „Се вижу небеса отверста!“ „Вѣмъ челоуѣка“. „И се день третїй! откелъже сія быша“. Ахъ день третїй! День Господень! Блаженны очи, видящїи сушу твою съ Ноевою голубицею! Ты прозябаешь земли злака по роду своему. Въ твоємъ вертоградѣ вижу мужа Божїя, челоуѣка моего, жизнь мою. Онъ пасеть мя и ничтоже мя лишитъ.

Григорїй. „Вострубите въ новомѣсячїи“. Священная Библия есть-то позлащенная духомъ труба и маленькїй мірокъ. Въ морскихъ водахъ рѣчи ея вся тварь и всякое дыханїе аки зеркало представляется. „Вострубите въ новомѣсячїи“. Но да не мните, яко труба сія трубитъ о стихїяхъ. Можетъ ли о грази вѣщать Богу посвященная труба? Единаго Господа въ ней всякое дыханїе хвалить. Солнце, луна, звѣзды, земли, моря, воздухъ, огонь со своими исполненїями приосѣняютъ и ведутъ къ сему: „положи тму, закровъ свой“. „Се сей стоитъ за стѣною нашею!“ Хотящїи сею трубою проповѣдывать, да поютъ единаго Господа съ Его міромъ и со челоуѣкомъ Его. Да молчатъ тутъ всякая плоть челоуѣческая! „Вострубите въ новомѣсячїи“. Всяка плоть есть-то сѣно и вся слава челоуѣческая есть-то тлѣнь, грязь, ветошь, ничтоже. „Воструб(ите) въ новомѣсячїи“. „Проповѣдуйте лѣто Господне прїятное, радостное, веселое“. Престаньте отъ плача. Раздерите вретїща. Всяка стихїя есть-то сѣтованїе, плачь, горестъ. „Радуйтесь Богу! Прїимите псаломъ!“ „Востр(убите) въ новомѣсячїи“, „яко близъ есть день Господень“. „Вострубите во благознаменитый

день праздника вашего“. День Господень есть-то праздникъ, миръ, л. 17. успокоеніе отъ всѣхъ | трудовъ. Сія-то есть преблагословенная суббота, въ коей Господень человѣкъ поживаетъ. Что-ли есть почитать, аще не вознестися выше всѣхъ міра нашего стихій? Что-ли есть немощная стихія всеминутно разоряема, аще не трудъ и болѣзнь? Долго ли мнѣ ползати по землѣ? Долго-ли ясти хлѣбъ болѣзни? Доколѣ положу совѣты въ душѣ моей, болѣзни въ сердцѣ моемъ?.. Востани, душе моя! Не спи на стихіяхъ! Нельзя почитать на нихъ. Они трудъ и болѣзнь. А если увѣряешься имъ, тогда питаешь болѣзни въ сердцѣ твоёмъ день и ночь. Вырви вперившееся въ прахъ око твое. Подними въ гору разслабленное твое тяжкосердіе. Возри выпрѣ надъ небесну твердь. Не сливай въ тождество ночи и дня. Видашь горкое, но есть еще тутъ же сладкое. Чувствуешь трудъ, почувствуй и покой. При твоей ночи есть тутъ же и утро дня Господня. Во единомъ обоимъ мѣстѣ и во единомъ лицѣ, но не въ той же чести, ни въ той же природѣ. „И бысть утро, и бысть вечеръ“. Не полагай же болѣзней въ сердцѣ твоёмъ. Полагаешь, если простираешь чрезъ день и чрезъ ночь. Простираешь, если не даешь мѣста тутъ же и дню Господню, не вѣруй, ни взирая на высоту небесную. Что-то значитъ полагать болѣзни въ сердцѣ, если не мыслить и не совѣтовать въ душѣ своей, что всѣхъ тварей основаніемъ есть огонь, воздухъ, вода, земля? Ахъ несчастная душа моя! Для чего называешь ничтожное естество основательною твердью? Кто ослѣпилъ око твое? Ахъ! сія слѣпота отъ рожденія твоего тебѣ. Не видишь истины кромѣ тѣни ея. Не чувствуешь, что переходитъ міръ сей. И не вчера началъ: проходитъ всеминутно. Обаче то же все въ немъ видимъ, все, что прежде было. Конечно жъ тутъ нѣкая тайна. „Горе глаголющимъ свѣтъ тму!“ Блесни молнію, о преблаженное естество, и возгреми надъ бездною души моея симъ громомъ: „да будетъ свѣтъ!“ Во время оно воззрю на міръ твой, на день твой и на человѣка твоего. Во время оно будетъ рука твоя на мнѣ. Въ разумнѣяхъ ея наставиши мя, проведь чрезъ стихіи, аки коня твоего да исполнится: „и изыйдете, и възграете, яко же телцы отъ узъ разрѣшенны“. Аминь.

| Разговоръ, называемый алфавитъ или л. 2. букварь мира⁵⁶⁴).

Милостивому Государю, Владимиру Степановичу
Его Благородію Тевяшову.

| Милостивый Государь! л. 3.

Одинъ разговоръ уже къ вамъ пришелъ, вотъ-же наполь васъ и братъ перваго. Когда меня жалуете, пріймите милостиво и сего и положите братнюю сію двоину предъ лицомъ дражайшаго вашего родителя, какъ образъ и память усерднаго моего почитанія. Въ обоихъ написано то, что говорено въ бесѣдахъ съ здѣшними пріятелими. Они жъ и бесѣдующими лицами поставленны въ обоихъ. Первый испытуетъ съ Давидомъ небесныя круги, повѣдающія славу вѣчнаго: „лѣта вѣчная помянухъ...“, и названъ ко лцомъ; а второй, узнавъ безначальное начало, изъ нетрудныхъ начатковъ, будьто изъ алфавита, Богу послѣдовать побуждаетъ и названъ букваремъ. Премудрѣйшее слово есть сіе: Γνωθι σεαυτόν. Nosce te ipsum. Узнай себе самого.

И теперъ оно воѣмъ во устахъ, но не многимъ во вкусъ^{565а}). Ду-маютъ, что начальникъ слова сего былъ древнѣйшій мудрецъ Фалисъ. Вѣрно. Кто что нашель и любить, тое своимъ ему быть можетъ, а

---

564) Подлинникъ этой рукописи Г. С. Сковороды до сего времени не отысканъ. Печатаемъ эту рукопись по единственной до насъ дошедшей копіи, находящейся въ библиотекѣ Киевской Духовной Академіи, гдѣ она значится подъ шифрой: „Муз. Рук. 605 (№ 3).“ Рукопись въ четвертую долю писчаго листа, переплетена въ обыкновенный бумажный переплетъ съ кожанымъ корешкомъ. Въ этой рукописи: форзацъ + сорокъ шесть нумерованныхъ страницъ. На форзацѣ штемпель прежняго владѣльца: „Изъ библиотеки С. И. Мирнопольскаго“. Тутъ же надпись: „1775 годъ (съ кунштами, неиздано).“ На второй нумерованной страницѣ печать епископа. Рукопись иллюстрирована акварельными рисунками, вѣроятно принадлежащими кисти неизвѣстнаго переписчика. Рисунки имѣются на слѣдующихъ страницахъ: на оборотѣ 25 страницъ; — на оборотѣ 37;—на 38;—на оборотѣ 38;—на 39;—на оборотѣ 39;—на 40;—на оборотѣ 40;—на 41;—на оборотѣ 41;—на 42;—на оборотѣ 43; на 44;—на оборотѣ 44; на оборотѣ 45; и на 46 страницъ. Передъ рукописью помѣщена „Пѣсня“, которая „сложена 1761 года о томъ, что концомъ жизни нашей есть миръ, и вождь къ нему— Богъ и о людскихъ разнопутіяхъ“: „О жианъ безпечя! О драгий покой!..“ такъ начинается пѣсня. На оборотѣ второй страницы начинается письмо Г. С. Сковороды къ „Владимиру Степановичу его благородію Тевяшову,“—подписанное на стр. 6 рукописи: „Любитель священной Библіи Григорій Сковорода.“ Письмо датируется: „1775 года, Генваря 1 дня, въ Липцяхъ“. Рукопись эта ранѣе была напечатана Д. М. Багалъемъ въ его трудѣ „Сочиненія Григорія Саввича Сковоры“ (Харьковъ, 1894 г.) съ этой же копіи. *Прим. ред.*

565 а) Самая сладкая ягода или зерно во устахъ не даетъ вкуса, поколь не разжевать. Крошечное, какъ зерно, слово сіе высокой вкусъ утايло.

Прим. Г. С. Сковороды.

Истина безначальна. Пишетъ Плутархъ, что на Аполлоновомъ, Делфійскомъ храмѣ было написано: „узнай себе“. Древніе египтяне слово сіе высоко почитали. Что значить сѣ и н к с ѣ — изъяснено въ первомъ разговорѣ. Имя его значить связь или узоль. Гаданіе сего уroda угаевало ту жь силу: „узнай себѣ“. Не развязать сего узла была смерть мучительная, убійство души, лишеніе мира. Для сего египтяне онаго уroda статуи поставляли по улицамъ, дабы, какъ многочисленныя зеркала, вездѣ въ очи попадая, сей самодужнѣйшее знаніе угавающей узоль на память приводили.

Потомки ихъ были не таковы. Отнялась отъ нихъ глава мудрости; долой пала чистая часть богочтенія; остались одни художества, **л. 4.** съ физическими волшебствами | и суевѣріемъ. Монументъ, напоенный всеполезнѣйшимъ для каждаго совѣтомъ, обратился въ кумирь, уста имущій и не глаголющій, а только улицы украшающій, и будто источникъ въ лужу отродился. Такъ и всѣ богословскія тайны превращаются въ смѣшныя вздоры и суевѣрныя сказки. Во времена Авраамскіе дѣлали сіе филистины, а нынѣ дѣлаютъ не вѣдущіе себе и Бога. Въ божественномъ мракѣ Мойсейскихъ книгъ почти 20 разъ находится сіе: „вонми себѣ — внемли себѣ“ и вмѣсто ключа ко всему предвручается то же, что „узнай себе“.

И не дивно, что древніе египтяне, еврей и еллины высоко почитали слово сіе. Знать то, отъ познанія себе самого входитъ въ душу свѣтъ вѣдѣнія Божія, а съ нимъ путь щастія мирный. Что компасъ въ кораблѣ, то Богъ въ человѣкѣ. Компасная въ сердцѣ корабельномъ стрѣла есть тайный языкъ, законъ, глава, око и царство корабельное.

Библиа то же именуется стрѣлою, яко начертанная тѣнь въ вѣчнаго закона и тма Божія. Не тотъ мнѣ знатокъ въ кораблѣ, кто перечель и перемѣрилъ каюты и веревки, но кто позналъ силу и природу корабля: тотъ, разумѣя компасъ, разумѣетъ путь его и всѣ околичности.

А что жь есть Богъ, если не вѣчная глава и тайный законъ въ сваряхъ? Истину сказуетъ Павелъ: „законъ духовенъ есть“. Законъ же сей что есть, если не владѣющая тлѣніемъ господственная природа, названная у древнихъ отцовъ: Τριφυλιος νόμος καὶ φύσις? Трисолнечное единство и естество—сія единица всему глава, а сама безначальная, ни временемъ, ни именовемъ, ни мѣстомъ, ни поломъ не ограниченная.

Сія то мати и отецъ отвѣчаетъ Мойсею, что ей имени нѣтъ. Кто (де) ищетъ моего имени, тотъ не видитъ естества моего. Имя мое и естество есть то же: „азъ есмь сый“. Я тотъ, что есмь вездѣ, всегда во всемъ и не видно мене, а прочее все видно и нѣтъ того ничего. „Плоть ничтоже“. Я—древо жизни, а другое все—тѣнь моя. И не напрасно еллины къ обоему полу прилагали слово сіе—Θεός. И не безъ толку у нѣкоторыхъ христіанъ даютъ имя мужинѣ съ мужескимъ и **л. 5.** женское, напримѣръ: Юзефъ-Марія. | Сюда то смотритъ острое Пав-

ловское слово: „нѣсть мужескъ полъ, ни женскъ“... И такъ, не прекра- сный Нарциссъ, не хиромантикъ и не анагомикъ, но увидѣвшій внутри себе главный машины пунктъ—царствіе Божіе—сей узналъ себе, на- шедъ въ мертвомъ живое, во тмѣ свѣтъ, какъ алмазъ въ грязи и какъ евангелская жена имперіаль въ горничномъ ссорѣ. „Радуйтесь со мною“... Сей точно узналъ человѣка и можетъ похвалиться: „вѣмъ человѣка“.

Вотъ вамъ нѣсколько знатоковъ!

Авраамъ: „видѣ и возрадовался“.

Навианъ: „видѣ человѣка стояща“.

Іовъ: „нынѣ же око мое видѣ тя“.

Давидъ: „возведохъ очи мои въ гору“.

Исаіа: „видѣ славу Его“.

Даніилъ: „видѣхъ и се мужъ единъ“.

Захаріа: „воздвигохъ очи мои и видѣхъ, и се мужъ, и въ рудѣ Его...“

Вотъ еще дюжина! взгляньте на гору Галилею!

11 Апостоловъ: „видѣвше Его поклоняшася“.

И Стефанъ: „Се вижу небеса отверста“...

А какъ „мудраго очи его во главѣ его“, такъ „очи безумныхъ, на концахъ земли“.

Съ лица человѣка примѣтитъ можно, но не съ подошвы „тѣи пяту мою соблюдутъ“.

Сколь о многихъ можно сказать: „вы кланяетесь, его же не вѣсте“.

О всѣхъ сихъ, подло ползущихъ, написано: „блюсти будешь его пяту“.

Вся Библиа дышетъ симъ вкусомъ: „узнай себе“.

Развѣ жъ Богъ въ человѣкѣ точію? Никакъ! Но кто слѣпъ дома, тотъ и въ гостяхъ и, не имѣя самъ въ себѣ, не найдетъ и въ пици вкуса. А тогда можно смѣло отважиться и на глубину библейную съ тѣмъ, кого слушаетъ вѣтеръ и море.

Узнать Его есть чувство премудрости. Любить и слушать есть духъ вѣры и благочестія.

Руководство блаженныя натуры всей своей мудрости виною ставитъ Катонъ Цицероновъ. Но ключъ къ сему чертогу сей есть: „воньми себѣ“.

Чѣмъ болѣе кто себе узнаваетъ, тѣмъ выше восходитъ на Сіонъ мира.

Нѣтъ легче послѣдовать Богу, какъ въ пици, въ дружбѣ, | въ л. 6. званіи. Тутъ приобучившійся можетъ подняться и на крутыя мѣста, поколь сбудется: „положу стропотная ихъ въ гладкая“. А я желаю вамъ идти отъ силы въ силу. Половину здѣлалъ, кто хорошо началъ.

Окончу рѣчь любезнаго моего Фалиса словомъ: Ἀρχὴν πάντων καὶ τέλος ποιῶ Θεόν. Началомъ и концомъ во всемъ тебѣ будь Богъ, и пребуду, милостивый государь, Вашего Благородію низайшій слуга, любитель священной Библии, Григорій Скворода. 1775 года, генваря 1 дня, въ Липцахъ.

О С Н О В А Н І Е.

Азъ есмь Алфа и Омега. Апокал.

Слыши Израилю, воньми себѣ, внемли. Мойсей.

Себе знающіи премудры суть. Притч.

Аще не увѣси самую тебе... изыиди. Пѣснь пѣсней.

Узнай себе самага. Фались.

д. 7. | Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ.

Лица: Аеана сіѣ, Яковъ, Лонгинъ, Ермолай, Григорій.

Григорій. Слава Богу! собралась наша бесѣда. Что слышно? Нѣтъ ли вѣстей?

Яковъ. Вчера съ здѣлался пожаръ. Довелось быть въ гостяхъ и напасть на шайку ученыхъ.

Лонгинъ. Былъ ли пожаръ?

Яковъ. При бутылкахъ и стаканахъ ужасный загорѣлся диспутъ. Иной величалъ механику; иной превозносилъ химию; иной ублажалъ геометрію; иной пришивалъ человѣческое щастіе врачебной наукѣ; иной похвальными пѣснями вѣнчалъ исторію; иной возвышалъ грамматику съ языками; иной политику съ обращеніемъ. Потомъ былъ споръ, кая пища здоровѣе, кое вино полезнѣе. Наконецъ, самый пламень загудѣлъ о причинѣ, погубившей республику Аеинейскую, плодородную мать ученыхъ людей. Много врани и о богинѣ Минервѣ, который посвященъ былъ городъ Аеинскій. Однакъ я не могъ ничего понять и, не знаю почему, никакова вкуса не чувствовалъ. А въ любезной моей книжечкѣ, которую всегда съ собою ношу, недавно начиталъ, что щастіе ни отъ наукъ, ни отъ чиновъ, ни отъ богатства но единственно зависитъ оттуда, чтобъ охотно отдаться на волю Божію. Сіе одно можетъ успокоить душу.

Григорій. Какъ прозываются тѣ ученые?

Яковъ. Первой Навальъ, второй Сомнасъ, третьей Пиеиковъ, люди славно-учоныя, а протчихъ не знаю.

Григорій. Какъ же ты не могъ ничего понять?

Яковъ. Сему я и самъ дивлюсь. Одно только то знаю, что слушать ихъ вовсе меня не позывало.

Григорій. Развѣ они о Минервѣ говорили безъ Минервы? Такъ побесѣду | емъ же сами одрагоценнѣйшемъ нашемъ мирѣ безспорно и дружелюбно. Раскусимъ нѣсколько слово сіе: „отдаться въ волю Божию“. А премилосердная мать наша блаженная натура, насъ любителей своихъ не оставитъ, руководствуя нашу всю бесѣду. Вспомните сказанное мною слово сіе: „чемъ кто согласнѣе съ Богомъ, тѣмъ мирнѣе и щастливѣе“. Сіе то значитъ: „жить по натурѣ.“ Кто же не говорить сего: жить по натурѣ? Но сія ошибка путемъ есть всей пагубы, если кто, смѣшавъ рабскую и господственную натуру въ одно тождество, вмѣсто прозорливой или божественной избираетъ себѣ путеводительницею скотскую и слѣпую натуру. Сіе есть родное нечестіе, невѣдѣніе о Богѣ, непознаніе пути мирнаго, шествіе путемъ нещастія, ведущимъ въ царство тмы, въ жилище духовъ безпокойныхъ. Самое сіе слово нещастіе оттуду родилось, что прельщенный человекъ, пошедшій за руководствомъ слѣпой природы, ухватился за хвостъ, минувъ главу или тую высочайшую часть: „часть моя еси Господи“. Сколько жъ мы одолжены матери нашей Библии? Она непрестанно кладетъ намъ во уши иное высочайшее нѣкое естество, называя оное началомъ, окомъ, отцомъ, сильнымъ, Господемъ, царемъ, Ангеломъ совѣта, духомъ владычнымъ, страхомъ путеведущимъ, вторымъ человекомъ, свѣтомъ, радостію, веселіемъ, миромъ, и протчая. Насколько мѣстахъ вопіетъ намъ: „внемли себѣ.“ „Вонми себѣ крѣпцѣ...“ „Внидите въ храмину вашу...“ „Возвратися въ домъ твой...“ „Духъ Божій живетъ въ васъ“ ... Второй человекъ Господь съ небесе... „И сіе то есть благовѣстити миръ, возвѣщати щастія путь, отворять ворота къ благоденствію, отверзать предводительствующее во всемъ и не дремлющее око, дабы всеусерднѣйше всякъ, тайному мановенію блаженнаго внутрь себе духа повинуюсь, могъ получать наставленіе, просвѣщеніе, куражъ и совершеніе въ каждомъ своемъ дѣлѣ, а безъ Его дозволенія самаго мѣлочнаго не вчинять дѣйствія и самаго маленькаго ступня не ступать. Щастливъ, живущій по волѣ благаго духа! „Господь будетъ на всѣхъ путехъ твоихъ“. Бѣдная душа, своими похотями водимая! „Путь нечестивыхъ погибнетъ“. Самое переднее крыльцо и преддверіе, въводящее въ пагубу, и самая начальная замашка, будто букварь, обучающій | насъ л. 8. быть супостатами Богу, есть сія:

- А. Входитъ въ несродную статью.
- Б. Нестъ должность, природѣ противну.
- В. Обучаться, къ чему не рождень.
- Г. Дружить съ тѣми, къ коимъ не рождень.

Сія дорожка есть родный нещастія путь .

Аеанасій. А если кто къ воровству рождентъ?

Григорій. Убирайся прочь! Моя рѣчь единственно тоцію ка-
сается до человѣколюбныхъ душъ, до честныхъ званій и до благосло-
венныхъ промысла трудовъ, коихъ Божій и человѣческій законъ вонъ
изъ сожителства не изгонитъ, а составляютъ они плодоносный церквѣ,
яснѣе сказать, общества садъ такъ, какъ часовую машину свои части.
Она въ то время порядочное продолжаетъ теченіе, когда каждый членъ
не только добръ, но и сродную себѣ, разлившіяся по всему составу
должности, часть отправляетъ. И сіе то есть быть щастливымъ, по-
знать себе или свою природу, вѣяться за свою долю и пребывать съ
частію себѣ сродною отъ всеобщей должности. Сія должности участія
есть благодѣяніе и услуга. И недивно, что у древнихъ римлянъ, какъ
должность, такъ и благодѣяніе, означалось симъ словомъ officium.
Самая добрая душа тѣмъ безпокойнѣе и нещастливѣе живетъ, чемъ
важнѣйшую должность несетъ, если къ ней не рождена. Да и какъ
ей не быть нещасною, если потеряла сокровище сіе, всего мира дра-
жайшее: „веселіе сердца, животъ человѣку и радованіе мужа, (есть то)
долгоденствіе“. (Сирахъ). Какъ же не потерять, если вмѣсто услугъ,
обижаетъ друзей и родственниковъ, ближнихъ и дальнихъ, однород-
ныхъ и чужоотранныхъ? Какъ не обижать, если вредъ приноситъ обще-
ству? Какъ не повредить, если нѣтъ прямого раченія и не утомимаго
труда? Откуда же уродится трудъ, если нѣтъ охоты и усердія? Гдѣ жъ
возмешь охоту безъ природы? Природа есть первоначальная всему
причина и самодвижущаяся пружина. Она есть мать охоты. Охота
есть ражженіе, склонность и движеніе. Охота сильнае неволи, по по-
словицѣ. Она стремится къ труду и радуется имъ, какъ сыномъ своимъ.
Трудъ есть живой и неусыпный всей машины ходъ потоль, поколь
породитъ совершенное дѣло, соплѣтающее Творцу своему вѣнецъ ра-
дости. Кратко сказать, природа запалаетъ къ дѣлу и укрѣпляетъ въ
трудѣ, дѣлая трудъ сладкимъ. А что жъ есть природа, если не тотъ
блаженный въ человѣкѣ духъ, о коемъ Богъ къ Мойсею: „се Азъ по-
сылаю Ангела моего предъ лицемъ твоимъ... Воньми себѣ и послушай
его. Не обинется бо, яко имя мое на немъ есть“. Великое есть сіе
л.10¹ дѣло: „имя мое на немъ есть“. | Божіе имя и естество Его есть то же.
Того ради велитъ вникнуть внутрь себе и внимать сему наставнику,
ясно все нужное показующему. Сколько можно догадываться, сей есть
тотъ, что сказуютъ: „безъ мене не можете творити ничесо же“. И
сіе то есть съ Богомъ щастливо вступить въ званіе, когда человѣкъ
не по своимъ прихотямъ и не почужимъ совѣтамъ, но вникнувъ въ
самаго себе и внявъ живущему внутри и зовущему его святому духу,
послѣдуя тайному Его мановенію, принимается и придерживается той
должности, для которой онъ въ мірѣ родился, самымъ Вышнимъ къ

тому предопредѣленъ. Не вездѣ ли приносущаго Божія естества исполненіе? Есть онъ во всякомъ человѣкѣ, есть и въ тебѣ и съ тобою. Что жъ онъ дѣлаетъ? Послушай Соломона: „Нетлѣнный дѣхъ твой во всѣхъ есть. Тѣмъ-же заблуждающихъ обличаеши и въ нихъ же согрѣшиша, воспоминаая учиши, да, премѣнившись отъ злобы, вѣруютъ въ тя, Господи“. Видишь, что живущее въ тебѣ блаженное естество управляетъ будто скотомъ твоею природою. Сія слѣпая натура, есть ты жъ самъ, съ прихотями своими. И сіе то значитъ: „царствіе Божіе внутрь васъ есть“. Оно не ошибается и лучшимъ путемъ поведетъ тебе, разумѣй, къ тому, къ чему ты рожденъ, да будешь для себе и для братіи твоей полезнымъ, нежели чужіе совѣты и собственные твоя стремленія, о коихъ написано: „враги человѣку домашніи его“. А теперь осмотришь; чево торопишься? Куда забѣжить твоя необузданность? Зачѣмъ хватаешься за должность, не вѣдая, будешь ли въ ней щасливымъ? Какъ можно тебѣ отпавить удачно, не до ея рожденному? Кто можетъ подписаться, что хорошая сія пища будетъ въ пользу твоего желудка? Не лучше ль самъ о семъ можешь освѣдомиться? Справся жъ самъ съ собою. Узнай себе. Внемли себѣ и послушай Господа своего. Есть въ тебѣ царь твой, отецъ и наставникъ. Вонми себѣ, сыщи Его и послушай Его. Онъ одинъ знаетъ, что тебѣ сродное; сіе есть полезное. Самъ онъ и поведетъ къ сему, зажжетъ охоту, закуражитъ къ труду, увѣнчаетъ концемъ и благословеніемъ главу твою. Пожалуй, другъ мой, не начинай ничево безъ сего царя въ жизни твоей! Чудо, что до селѣ не могутъ тебе тронуть сіи слова: „ищите прежде царствія Божія“. Ищи, и день, и ночь вопли: „да придетъ царствіе твое“. А безъ сего наплѣю на всѣ дѣла твои, сколько ни хороши они и славны. Все то для тебе худая пища, что не сродная, хотя бы она и царская. Ахъ! гдѣ ты мнѣ сыщешь человѣка, чтобы, избирая стать, сказалъ: „да будетъ воля твоя!“ | Сей-то Небесный Отецъ, приводя насъ, г. 11. по святой своей воли, къ тому, къ чему насъ родилъ, самъ и совѣтами утверждаетъ сердце наше, ежедневно оные, какъ пищу, въ душу нашу посылая. И тогда-то дѣло нашей должности имѣетъ свое существо и силу. Если жъ постигло уже тебѣ царствіе Божіе, взглянь на оное и ужаснися. Проси о оставленіи долговъ твоихъ за-то, что, похитивъ высочайшую власть, доселѣ правилъ житіемъ твоимъ, по совѣтамъ слѣпой твоей природы, не по руководству царственного естества. Сіе есть родное искушеніе, разумѣй, мученіе твое, раждаемое отъ лукаваго духа, въ скотской твоей натурѣ царствующаго. Не думай никто, будто отъ нашей воли зависитъ избрать стать или должность. Владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и блаженъ сему истинному царю послѣдующій. Сіе-то есть быть въ царствіи Божіи и въ щасливой странѣ твердаго міра. Теперь взошли мнѣ на умъ тоскою, скукою, горестью среди изобилія мучащіяся. Сіи просятъ у Бога богатства, а

не удовольствія, великолѣпнаго стола, но не вкуса, мягкой постели, да не просять сладкаго сна, нѣжной одежды, не сердечнаго куража, чина, а не сладчайшія оныя кесаря Тита забавы: „о други мои! потерялъ я день“... Ахъ другъ мой! Не проси дождя, по пословицѣ: проси урожаю; бываетъ, что и дождь вредитъ плодоносію.

Ермолай. А я вспомнилъ тѣхъ совопросниковъ вѣка сего: „богословская наука къ чему она? Я, де, не священникъ и не монахъ“... Будьто не всёмъ нужное душевное спасеніе и будьто спасеніе и спокойствіе сердечное не тоже есть.

Яковъ. А я не могу довольно надивитись ужасному множеству грѣшашихъ противу сего тайнопишемаго божественнаго закона. Не сыщешь столь подлой души нигдѣ, которая не рада бы хоть сево дня взойтить и на самое высокое званіе, ни мало не разсуждая о сродности своей. Сіе царствія Божія невѣжество всё сердца помрачило. Безъ сумнѣнія они увѣренны, будьто щастіе наше къ одному коему-то званію или статьи привязано, хотя сто разъ слышали о царствіи Божіи, кое, если кто сыскалъ и повинулся, принявся за природное званіе, тому легко все прочее нужное присовокупляется. А безъ сего и званіе есть не званіемъ. И какъ быть можетъ званіемъ, если я къ оному не званъ вышнимъ царствомъ? Какъ же званъ, если не къ тому рожденъ? Божіе царство вездѣ присутствуетъ и щастіе во всякій статьи живетъ, если входишь во оное, за руководствомъ твоего Создателя, на то самое тебе въ міръ сей произведшаго, и во сто-разъ блаженнѣе пастухъ, овцы или свиньи съ природою пасущій, нежели священникъ, брань противу Бога имущій. Почему намъ столь подлымъ кажется хлѣбопашество, что всё онаго убѣгаемъ? Щасливъ, кто родился къ медицинѣ, къ пиктурѣ, къ архитектурѣ, къ книгочетству... Я ихъ благословенную, яко природную, школу (разумѣй, праздность, упражненіе) блажу и поздравляю. Радуюсь, если и самъ въ одной изъ

л.12. сихъ наукъ, только бы сіе | было съ Богомъ, упражняюсь. Но чемъ нещаснѣе земледѣль, если съ природою землю пашеть? Признаюсь, други мои, предъ Богомъ и предъ вами, что въ самую сію минуту, въ которую съ вами бесѣдую, брошу нынѣшнее мое статье, хотя въ немъ состарѣлся, и стану послѣднѣйшимъ горшечникомъ, какъ только почувствую, что доселѣ находился въ немъ безъ природы, имѣя сродность къ скудельничеству. Повѣрьте, что съ Богомъ будетъ мнѣ во сто-разъ и веселѣе, и удачнѣе лѣпить одни глиняные сковороды, нежели писать безъ натуры. Но доселѣ чувствую, что удерживаетъ мене въ семъ состояніи нетлѣнная рука Вѣчнаго. Лобызаю оную и ей послѣдую. Презираю всёхъ посторонныхъ совѣтниковъ безсовѣтіе. И если бы я ихъ слушалъ, давно бы здѣлался врагомъ Господеви моему. А нынѣ рабъ Его есмь.

Лонгинъ. Я напротивъ того съ удовольствіемъ дивлюся, волю

сладокъ труждающемуся трудъ, если онъ природный. Съ великимъ веселіемъ гонить зайца борзая собака! Кой восторгъ, какъ только данъ сигналъ къ ловлѣ! Сколько услаждается трудомъ тела въ собраніи меда! За медъ ея умерщвляютъ, но она трудится не перестанетъ, покоя жива. Сладокъ ей, какъ медъ, и слаже сота трудъ. Къ нему она родилась. О Боже мой! Коль сладкій самый горькій трудъ съ тобою.

Григорій. Нѣкогорій молодчакъ былъ моимъ ученикомъ. Дитина подлинно рожденъ къ человѣколюбію и дружбѣ. Рожденъ все честное слышать и дѣлать. Но не рожденъ быть студентомъ. Съ удивленіемъ сожалѣлъ я о его остоленности. Но какъ только онъ отрѣшился къ механикѣ, такъ вдругъ всѣхъ удивилъ своимъ понятіемъ безъ всякаго руководителя. Мертва совѣтъ душа человѣческая, не отрѣшенная къ природному своему дѣлу, подобна мутной и смердящей водѣ, въ тѣсотѣ заключенной. Внушалъ я сіе непрестанно младцамъ, дабы испытывали свою природу. Жалко, что заблаговременнѣе отцы не печатлѣютъ сего въ сердцахъ сыновьямъ своимъ. Отсюду-то бываетъ, что воинскую роту ведетъ тотъ, кто долженъ былъ сидѣть въ орхестрѣ.

Анастасій. Какъ же наживать можно шляхетство и соблюсти грунтъ.

Григорій. Хватаешься за хвостъ, не за голову. Сказую, если хотишь, чтобъ сынъ твой куражно и удачно отправлялъ должность долженствуешь ему способствовать въ выборѣ средняго качествамъ его званія. Сто сродностей, сто званій, а всѣ почтенные, яко законные. Развѣ не знаешь, что грунтъ отъ честно носимыя должности, не она отъ грунта зависитъ? И не видишь, что низкое званіе часто приобрѣтаетъ грунтъ, а вышнее теряетъ? Не смотри, что вышше и ниже, что виднѣе и не знатнѣе, богатѣе и убогшее, но смотри тое, что тебѣ сродное. Разъ уже сказано, что безъ сродности все ничто... Если кто владѣющій грунтомъ живетъ щастливо, не потому щастливъ, что владѣеть имъ: щастіе къ грунту не привязано. Самое изрядное дѣло, | д. 18. безъ сродности дѣмое, теряетъ свою честь и цѣну, такъ какъ хорошая пища дѣлается гадкою, пріемлемая изъ урыкала. Сіе внушаетъ предревняя старинныхъ вѣковъ пословица оная: „отъ враговъ и дары—не дары“. И слаже меда сія русская притча: „гдѣ былъ? — У друга. Что пилъ? — Воду, слаже непріятельскаго мѣду.“ И подлинно, самая мѣлкая услуга есть милая и чувствительна, отъ природы, какъ отъ неисчерпаемаго родника сердечнаго, исходящая. Вспомните поселянина, поднесшаго пригорстью изъ источника воду пробѣжающему персидскому монарху! Вспомните, чему мы недавно смѣялись—мужичка Конона рѣпищу, принесенную въ даръ Лудовику 12-му, королю французскому! Сколько сіи монархи веселились грубою сею, но усердно про-

стотсю! За чѣмъ же окаеваешъ себе, о маловѣрная душа, когда твой отецъ небесный родилъ тебе или земледѣломъ, или 'горшечникомъ или бандуристомъ? За чѣмъ не послѣдуешь званію его, уклоняясь въ вышшее, но не тебѣ сродное? Конечно, не разумѣешь, что для тебе въ тысячу разъ щасливѣе въ сей не знатной низкости жить съ Богомъ твоимъ, нежели безъ Его находиться въ числѣ военачальниковъ или первосвященниковъ? Не ужель ты доселѣ не примѣтилъ, щастіе твое гдѣ живетъ? Нѣтъ его нигдѣ, но вездѣ оно есть. Пожалуй, чувствуй, что разумнымъ и добрымъ сердцамъ гаразда миліе и почтеннѣе природный и честный сапожникъ, нежели безприродный штатскій софѣтвикъ. Кая польза, если имя твое въ тѣнномъ спискѣ напечатанно, а духъ истинъ, сидящій и судящій во внутренностехъ твоихъ, не одобряетъ и не зреть на лицо, но на твое сердце? Останься жъ въ природномъ твоємъ званіи, сколько оно ни подлое? Лучше тебѣ попроситься съ огромными хоромами, съ пространными грунтами, съ великолѣпными названіями, нежели растаться съ душевнымъ миромъ, здѣлавъ чрезъ сопротивленіе твое внутреннимъ себѣ непріателемъ такъ чуднаго, сильнаго и непобѣдимаго духа, самые ливанскіе кедры стирающаго.

Нѣсколько окреховъ и крупицъ изъ языческой богословіи.

Яковъ. Позвольте ли вѣчто предложить на столъ изъ языческихъ закрововъ?

Григорій. Представъ, только бы не было идоложертвенное.

Лонгинъ. Смотри, чтобъ не смердѣло духомъ, Христову благовонію противнымъ. Сіе-то значить у Павла бѣсовская трапева.

л. 14.

Аеанасій. Возможно ли, чтобъ пища не была скверная, если она отъ языческаго стола?

Ермолай. А я вѣрую, что она перестанетъ быть скверною, если Господь освятитъ оную соблаговолить. Все то святое, что доброе. Все то доброе, что Господеви приносится. Все то Господне, духу страха Божія и царствію Его не противустоящее. Еслижъ самъ Господь освятитъ, то кто дерзнетъ сквернить? Давай сюда! Я прежде всѣхъ начну кушать съ Господемъ и предъ Господемъ, ни мало не боясь Мойсеева угроженія. „Истина есть Господня, не бѣсовская“.

Яковъ. Предлагаемое мною не точію не востаетъ противу Господа, но сверхъ того стоитъ за нимъ.

Лонгинъ. Развѣжъ ты позабылъ, что всякъ, кто не противу насъ, по насъ есть, сказуетъ истина, и кто даетъ быть пророками? „Еда іудеевъ точію Богъ? Ей! и языкъ“.

во всёхъ духъ Господень и блаженъ послушай Его. Сіе-то значить похищенное у язычниковъ золото посвящать въ храмъ Господеву. И не менше Богу любезный римскій капитанъ Корнилій, какъ самый іудей, въ тайнѣ обрѣзанъ по сердцу, омытъ по смыслу.

Яковъ. Мнѣ кажется, что сія божественная въ человѣкѣ сила, побуждающая его къ сродности, вазывалась у древнихъ египтянъ Исисъ, Isis, у еллинь Ἀθηνᾶ, Athena, у римлянъ Minerva сирѣчь Natura. Природа называлась же Γένιος, Genius, Ангелъ природы, назывался тожь Θεός — Богъ.

А е а н а с і й. А почему называлась Минервою?

Яковъ. Не знаю, а только думаю потому, что Минерва былъ Человѣкъ (мущина или женщина) къ тому рожденъ, чтобъ могъ для себе и для своей братии хорошо научиться знать, гдѣ обитаетъ счастье. Сему научившійся назывался у еллинь Eudaemon, Εὐδαίμων, сіе есть хорошо знающій, а благополучіе Εὐδαιμονία. Противное-жъ сему Какодемонъ, Какодемонія, а у римлянъ сей хорошо знающій, кажется, назывался Divini juris peritus, сиесть, хорошо знающій Божіе право. | Что же присносущное величество Божіе его именовемъ л. 15. (значалось, сіе думю здѣлано для любви къ нему и почтенія, дабы чрезъ любезнаго человеѣка имя означить вселюбезнѣйшаго, приводящаго къ счастью и таящагося въ каждомъ человѣкѣ Божіею духа, который собственнаго имени для себе не имѣетъ и съ которымъ неразрывная была дружба Минервы. Сего духа, если кто не слушая принимался за дѣло, о семъ у язычниковъ была пословица: „invia Minerva,“ безъ благоволенія Минервы, а у насъ говорятъ: безъ Бога. И перьѣ такъ говорено о наукахъ, потомъ о всемъ, даже о самомъ мѣлочномъ дѣлѣ. Если кто безъ природы сунулся во врачебную науку, или въ музыку, говорили „invito Apolline“: „Iratris Musis“ — „безъ благоволенія Аполлона“. „Безъ милости музъ“. „Если кто обращался въ купечествѣ: безъ дозволенія Меркуріева“. „Если обиталъ въ прекрасныхъ рощахъ, на поляхъ, на холмахъ и горахъ, при чистыхъ рѣкахъ и прозрачныхъ источникахъ, уединяясь въ лѣсахъ и въ шумящихъ птичьимъ пѣніемъ вертеградѣхъ, убѣгая человеческого сожителства и брачнаго союза, но безъ Бога, говорили: „безъ благословенія Діаны.“ Сколько должностей, столько сродностей. Сія разныя къ различнымъ должностямъ божественныя побужденія означались у нихъ разными разныхъ человѣковъ именами, своими сродностями прославившихся. Однако всё сіи дарованія, столь различныя, единъ и той же Духъ святыи дѣйствуетъ. Такъ какъ, напримѣръ, въ мусикійскомъ органѣ одинъ воздухъ равные чрезъ различныя трубки голоса производитъ, или, какъ въ человѣческомъ тѣлѣ, одинъ умъ однакоъ разво по разсужденію разныхъ частей дѣйствуетъ.

А е а н а с і й. По моему мнѣнію, не очень погано изъ языческаго

навоза собираешь золото. Часто загребаются въ горничномъ сорѣ монета царская, а родникъ здоровѣйшія воды грязью затаскивается.

Яковъ. Вить басня о исполинахъ, воздвигшихъ брань противу Бога, всёмъ знакома. Но она не перстомъ ли показываетъ на тѣхъ смѣлчаковъ, кои дерзновеннѣе и упрямѣе духу божественному сопротивляются, устремляясь съ отчаяннымъ упорствомъ къ великому, но всёмъ природѣ ихъ не благоприличному званію. Сіе сколь смердитъ богомерзостью и нечестіемъ, столь напротиву того благословенное Господемъ дѣло, будто полная роза и благовонный ландышъ, сѣкровенною дышетъ красотою. Сія красота называлась у древнихъ: „Препон. Десогит“. Сіестъ благолѣпіе, благоприличность, всю тварь и всякое дѣло осуществляющая, но ни коимъ человѣческимъ правиламъ не подлежащая, а единственно отъ царствія Божія зависящая. И кто можетъ человѣка наставить къ тому, къ чему самъ Богъ преградилъ

л. 16. ему путь? | Но что владѣеть по сродности, тое-жъ разумѣть должно о всѣхъ внѣшностей родахъ. Все-жъ то внѣшность, что находится внѣ человѣка: грунтъ, фамилія, чинъ и проч. Чего хочешь ищи, но не потеряй мира. Шляхетный списокъ внѣ тебе находится, а ты внѣ его быть можешь щастливымъ. Онъ безъ мира ничто, а миръ безъ его есть нѣчтось, безъ чего нельзя быть щастливымъ и въ самомъ Едемскомъ раи. Развѣ чаешь сыскать рай внѣ Бога, а Бога внѣ души твоей? Щастіе твое и миръ твой, и рай твой, и Богъ твой вугрь тебе есть. Онъ о тебѣ, въ тебѣ же находясь, промышляетъ, наставляя къ тому, что прежде всѣхъ для самаго тебе есть полезное, разумѣй, честное и благоприличное. А ты смотри, чтобъ Богъ твой былъ всегда съ тобою. Будетъ же съ тобою, если ты съ нимъ будешь. А конечно будешь съ нимъ, если примирився, задружишь съ пресладкимъ симъ и блаженнымъ духомъ. Дружба и отдаленнаго сопрягаетъ. Вражда и близъ сущаго удаляетъ. Съ природою жить и съ Богомъ быть есть тоже, жизнь и дѣло есть тоже. Слыхалъ я мальчикомъ, что на европейскіе берега выбросила буря дикаго человѣка, оленью кожею обшитаго, съ такою же лоточкою. Окружилъ сіе чудо народъ. Удивляется, соболѣзнуетъ, пріятствуетъ. Предлагаетъ нѣмому гостю разные роды изрядныя пищи, но онъ ничево не касается, сидитъ, будто мертвъ. А, наконецъ, какъ только усмотрѣлъ предложенные плоды, тотъ часъ задрожалъ къ нимъ и воскресъ. Сей есть родной образъ вѣрныя Господеви своему души въ выборѣ званія.

Лонгинъ. Живо мнѣ представляются два человѣка, одно и тоже дѣло дѣлающіе. Но отъ сей души родится пріятное, а отъ той непріятное дѣло. Сей самую ничтожною услугою веселитъ, а тотъ дорогимъ подаркомъ огорчаетъ. Отъ сей персоны досада, насмѣшка и самое пуганье нѣкоторую въ себѣ утаеваетъ пріятность, а отъ другой самая ласкавость тайною дышетъ противностію. Сего хула вкуси́е

отъ того хвалы... Чудо! Шило, какъ притчу говорятъ, бриеть, а бритва не беріотъ. Что за чудо? Сіе чудо есть Божіе. Онъ одинъ тайная пружина всему сему. Все дѣйствительнымъ, все пріятнымъ, все благоприличнымъ дѣлаетъ одно только повиновение сокровенной его въ человѣкѣ силѣ. А противленіе святому сему вся дѣствующему духу все уничтожаетъ. По сей-то причинѣ искусный врачъ не удачно лѣчить. Знающій учитель безъ успѣху учитъ. Ученый проповѣдникъ безъ вкуса говоритъ. Съ припасью подъячій безъ правды правду пишетъ. Перевравшій Библію студентъ безъ соли вкушаетъ. Истощившій въ пиктурѣ вѣкъ безъ натуры подражаетъ натурѣ. Во всѣхъ сихъ всегда недостаетъ нѣчтось. Но сіе нѣчтось есть всему глава и конечная красота десницы Божія, всякое дѣло совершающія. Кратко притчею сказать: „со всёмъ телѣга крокъ колесъ“. И не безъ толку здѣлали лаконцы. Они полезнѣйшій для общества вымыселъ, изъ устъ плутовскихъ произшедшій, отринули, а приняли изъ устъ добросердаго гражданина, который, по прошенію сейма, тое жъ самое своимъ языкомъ высказалъ. | Отсюда думаю родился у нихъ чудный сей фило-л. 17. софскій догматъ, *ὅτι μόνον ἀγαθόν, καλόν σιεсть*, „доброта живетъ въ одной красотѣ. Отсюда у нихъ же слѣдующая пословица: *Ἐμοῦν πρὸς ἑμοῦν ἔχει Θεός*, — „подобнаго до подобнаго ведетъ Богъ.“ Она учитъ, что неточію званія, но и высокостепенныя дружбы избраніе не отъ насъ, а зависитъ отъ Вышняго опредѣленія. Наше точію дѣло узнать себе, исправиться, въ какую должность и съ кѣмъ обращеніе имѣть мы родились. И какъ сродность къ званію, такъ и склонность къ дружбѣ, ни куплею, ни прозбою, ни насиліемъ не достается, но сей есть даръ Духа святаго, все по своему благоволенію раздѣляющаго; и послѣдующій благому сему духу человѣкъ каждое званіе хвалить, но принимается за сродное, всякому доброжелательствуютъ, но дружить съ тѣми, къ коимъ особое Святаго Духа чувствуетъ привлеканіе. Сему вѣрному наставнику столь усердно послѣдовалъ Сократъ, что и въ самыхъ мѣлочьяхъ его совѣтовъ придержался. Я вамъ недавно рассказывалъ, коимъ образомъ сей мужъ, вышедъ изъ гостей, вернулся изъ переулка и пошелъ домой другою улицею, по одному только внутреннему манію, ничево не предвидя.

А еванасій. А если бы не воротился, тогда что такое?...

Яковъ. Тоже что другимъ не послѣдовавшимъ. Нечаянно на встрѣчу гонимое стадо свинное всѣхъ ихъ перемарало, какъ видно изъ книги Плутарховой о ангелѣ хранителѣ Сократовомъ. И нельзя повѣрить, что-бъ сей мужъ, находясь въ бесѣдахъ, не по большей части бесѣдовалъ о семъ премудромъ наставникѣ и главѣ щастія. Оттуда носится и у насъ премудрая сія пословица: „Безъ Бога ни до порога, а съ Богомъ хоть за море“. А когда такихъ бесѣдниковъ не стало въ Аѳинахъ, тогда источникъ, напаяющій садъ общества, и родникъ мудрости со всёмъ сталъ затас-

кань и забить стадами свинными. Стада сіи были соборища обезьянъ философовскихъ, кои кромѣ казистой маски (разумѣй философскую епанчу и бороду) ничево существа отъ истинныя мудрости не имѣли. Сіи растлѣніемъ спортили самое основаніе афинскаго юношества. Оно и вздумать не могло, дабы заглянуть внутрь себе къ божественному своему предводителю. Безпутно стремились въ слѣдъ бѣшенныхъ своихъ замысловъ, будто олень, котораго крилами бьетъ по очамъ сидящій на на рогахъ его орелъ, дабы какъ можно пробраться къ знатнѣйшимъ званіямъ, нимаго не разсуждая, сродны ли имъ тѣ званія и будутъ ли обществу, а вопервыхъ, сами для себе полезными? Только бы достать блистательное, хоть пустое оно, имя или обогатиться. Судите, koliko множество тамъ было пожаловано ословъ мулами, а муловъ лошаками? Тогда-то богочтеніе превратилось въ ядъ, въ раздоры, въ суевѣріе и лицемеріе; правленіе въ мучительство; судейство въ хищеніе; воинство въ грабленіе; а науки—въ орудіе злости. Симъ образомъ воинствуя противу Минервы, здѣлали себѣ защитницу свою враждебною, а республику погибельною.

А еванасій. Или я ошибся, или ты твою языческую дѣву Минерву не беззаконно обрѣзалъ, но такъ, какъ велить обрядъ обрѣзання, дабы непорочно посвятить ее Господеви Богу нашему. | Она перестаетъ быть идолослужительною, не означая впредъ тлѣнную плоть и кровь, но служить являющемуся подъ именемъ, будто подъ одѣяніемъ ея, тому, о комъ написано: „вы есте храмъ Бога жива и духъ Божій живеть въ васъ“. Кратко скажу: нынѣ Египетская Ісысъ и именемъ, и естествомъ есть тоже, что Павловскій Іисусъ. „Вѣмъ челоуѣка...“ Но скажи мнѣ, каковы были Аеніяне въ то время, когда Павелъ къ нимъ пришолъ—мудрые ли?

Яковъ. Если-бы ты перезналъ все твои тѣлесныя уды, минувъ голову, и отъ самаго рождества твоего, не вѣруя о пребываніи ея, можно ли почестъ тебе за знатока или за изряднаго анатомика?

А еванасій. Фу!.. Въ то время былъ бы я самой изрядненькой чучелью.

Яковъ. Тогда бы ты былъ родной Павловыхъ временъ Аеніянина. Скажи мнѣ, какъ мудрость быть можетъ въ непознавшихъ естества Божія? Одно тлѣнное естество въ сердцахъ ихъ царствовало. Зѣвали они на мірскую машину, но одну только глинку на ней видѣли. Глинку мѣряли, глинку щитали, глинку существомъ называли, такъ какъ не искусный зритель взираетъ на картину, погрузивъ свой тѣлесный взоръ въ одну красочную грязцу, но не свой умъ въ невещественный образъ носящаго краски рисунка, или какъ неграмотный, вперившій тлѣнное око въ бумагу и въ чернило буквы, но не разумъ въ разумніе сокровенныя подъ буквами силы. А имъ и на умъ не виходило сіе нетлѣннаго нашего челоуѣка чюдное слово: „плоть ни-

чтоже: духъ животворить“. У нихъ только одно было истиною, что ощупать можно. Глиняные душки — тѣ ихъ защитники. Каждое мнѣніе — то ихъ божокъ, а каждый божокъ — то ихъ утѣшеніе. Собачою охотою чествовали Діану, математикою Юпитера или Діа, мореплаваніемъ Нептуна. Инаго Бога чтили оружейнымъ брязкомъ, иныхъ великолѣпными пирами и уборами и проч. Одно точію осязаемое у нихъ было натурою или физикою, физика философіею. А все не осязаемое пустою фантазіею, безъ мѣстными враками, чепухою, вздоромъ, суевѣріемъ и ничтожностью. Кратко сказать, все имѣли и все разумѣли... кромѣ что, не узнавъ не физическаго, не тѣнаго Бога, съ нимъ потеряли нѣчтось, разумѣй: „міръ душевный“. А хотя чувствовали, что какъ-то, что-то, чемъ-то, таннымъ коимъ-то ядомъ жжетъ и мятежитъ сердце ихъ, но оно какъ не осязаемое, такъ и презираемое было дотоль, доколь сія искра выросла въ пожаръ не угасаемый. Бываетъ же сіе въ каждомъ, что хотя весь миръ пріобрѣсть удастся, однакъ неизглаголаными воздыханіями сердце внутрь вопіеть о томъ, что еще что-то недостаетъ нѣчтось, и будто странная и не натуральная у больного жажда не утоляется. Такъ же-то здѣлалось и съ Аонянами. Они чувствовали, что вся вселенная мудрость ихъ прославляетъ, коею, будто богатыми товарами, родъ человѣческой снабдѣвали. Но при всемъ томъ принуждены внимать тайному сердечному воплю. Начали догадываться, что доселѣ не все-на-все перезнали и что, конечно, нужны еще какія-то колеса для коляски. Сей недостатокъ своего хвальнаго и прехвальнаго одной только Іезекіи-левскихъ колесъ въ вѣчности не понимающаго разума поставленнымъ монументомъ признали предъ цѣлымъ свѣтомъ. Кромѣ любезнѣйшихъ своихъ боговъ, кои всю ихъ мудрость, будто ложные камни столпъ, почастно составляли, построили храмъ тому Богу, котораго сіанія, какъ очи, кровію играющія, солнечнаго свѣта, понять и снестъ не могли. Храмъ тотъ былъ съ сею надписью: „невѣдомому Богу“.

| Павелъ нашъ между множествомъ кумирницъ сей храмъ примѣтивъ, л. 19. ухватился за желанный поводъ къ благовѣстію. Началь предисловіе, что Аонскаго шляхетства мудрость по всему видна, но что еще нѣчтось къ совершенной ихъ мудрости не достаетъ однакъ, какъ сами въ семъ благородною оною надписью признаваются. Сего-жъ-то-де вамъ благовѣствую. Сталь страпникъ сей разгребать физическій пепель, находить въ немъ божественную искру и тое господственное естество, кое имъ, кромѣ пепельнаго натуры, понятно не было, показывать, что пепельное или глиняное естество, въ коемъ сердце ихъ обитало, есть идолъ, разумѣй, видимость и одно ни что, тма и тѣнь, свидѣтельствующая о живой натурѣ, неглѣпнымъ словомъ своимъ вѣки сотворившей, и что сіе слово есть второй человекъ въ перстномъ тѣлѣ нашемъ, животъ и спасеніе наше... И сіе-то есть благовѣ-

стити не тлівіе Воскресенія. Но можно-ль излѣчить больнаго, почитающаго себе въ здоровыхъ? Нѣтъ трудаѣ, какъ вперить истину въ глупое, но гордое сердце. Проповѣдь Воскресенія здѣлала Павла нашего буйствомъ у Аенянъ и игралищемъ у ихъ мудрецовъ. Отсюда-то породились его рѣчи: „мнящеса мудры быти, объюродѣша. „Гдѣ премудръ? Гдѣ книжникъ?...“ Вотъ сколь мудрые были Аеняне во время Павлово.

Григорій. Видно, что они любомудрствовали такъ, какъ медвѣдь пляшетъ, наученъ въ рожекъ.

Аеанасій. Конечно пляшетъ, но наукъ своей; и есть пословица: медвѣдя да учать...

Григорій. Учатъ, но во вѣки ему не умѣтъ.

Аеанасій. Почему?

Григорій. По тому что сіе дѣло человѣчее, не медвежее.

Аеанасій. Однако же онъ пляшетъ.

Григорій. И волкъ въ басняхъ играетъ на флавтѣ козлюнку.

Аеанасій. А для чего не играть, если научился?

Григорій. Какой сей капелмейстеръ, таковъ твой танцмейстеръ.

Аеанасій. Иное дѣло басня, а медвѣдь пляшетъ дѣйствительно.

Григорій. Если ты такъ дѣйствительно кушаешь, какъ онъ пляшетъ, чуть ли и самъ заохотишься танцовать.

Аеанасій. Какъ же не дѣйствительное то, что дѣло?

Григорій. Безъ вкуса пища, безъ очей взоръ, безъ кормила корабль, безъ толку рѣчь, безъ природы дѣло, безъ Бога жизнь есть тоже что безъ размѣра строить, безъ закроя шить, безъ рисунка писать, а безъ такта плясать... Спроси жъ теперь, какъ не дѣйствительное то, что дѣло?

л. 20. | Аеанасій. Для чего жъ забавно, когда онъ танчить?

Григорій. Для того что смѣшно, а смѣшно затѣмъ, что не сродно и не прилично. И такъ, нѣтъ безтолковѣе и вреднѣе какъ медвѣжьяя твоя пословица. Будь волкъ поваромъ, медвѣдь мясникомъ, а лошака поць сѣдокомъ. Сіе дѣло честное. Если жъ волкъ свиряетъ въ свирѣлку, медвѣдь пляшетъ, а лошака носить поноску, нельзя не смѣяться. Всякая безвредная неприличность смѣшать. А когда уже сталъ волкъ пастухомъ, медвѣдь монахомъ, а лошака совѣтникомъ, сіе не шутка, но бѣда. О когда-бъ мы проникнули, коль сіе обществу вредно! Но кто можетъ пектися о другихъ полахъ, презрѣвъ собственую? И если для себе воля, кому добръ будетъ? Самимъ себѣ суть убійцы, борющіеся съ природою. Коливое мученіе, трудиться въ не сродномъ дѣлѣ? Самое пиршество безъ охоты тяжелое. Напротивъ того въ природномъ неточію трудъ сладокъ, но и самая смерть при-

ятва. И сія-то есть вина тому, что во всякомъ званіи находятся щасливые и не щасливые, спокойные и безпокойные, куражные и унылые. Запри не сроднаго въ уединеніе. Оно ему смерть. А съ природою рай. Уединеніе для мене рай, воіетъ блаженный Іеронимъ, а городъ—темвина. О уединеніе! кричитъ другой, ему подобенъ, умерщвленіе порокамъ, ожгленіе добродѣтелямъ!... Для таковыхъ сердцецъ самая внутренняя пустыня тѣмъ многолюднѣе, чемъ уединеннѣе, а длѣннѣе тѣмъ, чемъ празднѣе; будто виноградная ягода тѣмъ въ сладкой своей силѣ богатѣетъ, чемъ варить и сокращаетъ его солнце въ полудни.

А еанасій. Зачемъ-же люди сунутся въ званія безъ природы?
Григорій. Самихъ ихъ спроси.

А еанасій. Конечно охота влечетъ ихъ.

Григорій. Конечно тѣ не виноваты, коихъ принуждаютъ къ сему.

А еанасій. А если охота, откуда жъ имъ мучиться? Съ охотою все пріятно. А гдѣ охота, тамъ и природа. Охота по твоей же сказкѣ есть родная дочь природы. Какъ же?..

Григорій. О, крючкотворная тварь! Какъ прехитрый змій вьешся, развиваешся въ разные свертки.

А еанасій. Пожалуй не сердись! „Яко лестцы и истинны“.

Григорій. Хорошо: выслушай же прежде басеньку.

Басня о котахъ.

Коть изъ пчельника, по давней знаемости, пришолъ въ деревню, къ своему товарищу и принять великолѣпно. Удивлялся во время ужина изобилію. | Богъ мнѣ далъ должность, сказалъ хозяинъ. Она д. 21. приноситъ на домъ мой въ сутки по 20-ти тушь самыхъ добрыхъ мышей. Смѣю сказать, что я въ деревнѣ великимъ Катonomъ. Для того-то я пришолъ повидаться съ вами, говорилъ гость и освѣдомиться о щастіи вашемъ, притомъ и ловлею позабавиться. Слышно, что у васъ хорошіе появились крысы. Послѣ ужина легли спать. Хозяинъ во снѣ сталъ кричать и разбудилъ гостя. Конечно, вамъ страшное нѣчто во снѣ явилось. Охъ, братецъ! Казалось, будто я утопъ въ самой безднѣ, а я ловлею веселился. Казалось, будто поймалъ самую чистую сибирскую крысу. Гость опять уснулъ, выспался и проснулся. Услышалъ воздыхающаго хазяина. Господинъ Катонъ! Ужель вы выспались? Нѣтъ я послѣ соннаго страшилища не спалъ. Ба! А для чего? Такая моя натура, что, разъ проснувшись, уснуть больше не могу. Что за причина? Тутъ есть тайна... Ахъ, другъ мой! Не знаешь, что я обовязался быть рыболовомъ для всѣхъ котовъ въ семь селеніи. Ужасно

мене беспокоить, когда вспомню лотку, мрежу, воду... Зачемъ же ты взялся за рыболовство? Какъ же братецъ? Безъ пропитанія въ свѣтъ не проживешь. Сверхъ того и самъ я къ рыбѣ великій охотникъ. Гость, пошатавъ головою, сказалъ: о, государь! Не знаю, въ коей силѣ понимаешь имя сіе: Богъ. Но естли бы ты придержался твоей природы, которую безвинно обвиняешь, былъ бы гораздо одною въ сутки тушею довольнѣе. Прощай съ твоимъ щастіемъ! Моя нищета лучше — и возвратился въ свой лѣсокъ. Отсюда родилась притча сія: „*satus amat pisces simul odit flumen aquagum*“. „Котъ охотникъ къ рыбѣ, да воды боится.“ Сіе нещастіе постигаетъ всѣхъ охотниковъ не къ званію, но къ доходамъ. Не нещастное ли разсужденіе — любить отъ хазяина платежъ, а виноградъ копать не быть охотникомъ. Конечно, тотъ не охотникъ, кто не природный. Природному охотнику больше веселія приносить самая ловля и трудъ, нежели поставленный на столъ жареный заедъ. На искусной живописи картину смотрѣть всякому мило, но въ пиктурѣ одинъ тотъ охотникъ, кто любитъ день и ночь погружать мысли свои въ мысли ея, примѣчая пропорцію, написывая и подражая натурѣ. Никто не пожнетъ твердой славы отъ коего либо художества, если около онаго трудиться не почтеть за сладчайшее самую славу превосходящее увеселеніе. А тотъ уже самый вѣрный другъ званію своему, если и самая доходовъ убиль, нищета, хула, гоненіе любви его угасить не можетъ. Многіе, презрѣвъ природу, избираютъ для себе ремесло самое модное и прибыльное, но вовся обманываются. Прибыль не есть увеселеніе, но исполненіе нужности тѣлесныя, а если ѿувеселеніе, то не внутреннее; родное же увеселеніе сердечное обитаетъ въ дѣланіи сродномъ. Тѣмъ оно слаже, чемъ сроднѣе. Если бы блаженство въ изобиліи жило, то мало ли изобильныхъ? Но равнодушныхъ и куражныхъ скудно. Изобиліемъ снабдѣвается одно точію тѣло, а душу веселить сродное дѣланіе. Сіа-то есть зала сладчайшаго ея пиршества. Тутъ-то она, будто хитрая машина, въ полномъ своемъ ходу обращаясь, радуется и, находясь при одномъ ржаномъ хлѣбѣ и водѣ, царскимъ чертогамъ не завидитъ.

Картина изображеннаго бѣса, называемаго грусть, тоска, скука.

Если же отнять отъ нея сродное дѣйствіе, тогда-то ей смертная мука. Груститъ и мятется, будто пчела, запертая въ горницѣ, а солнечный свѣтлѣйшій лучъ, ошонка окружающій, зоветъ ее на цвѣто-
л. 22. носные луга. | Сіа мука лишаетъ душу здравія, разумѣй мира, отнимаетъ куражъ и приводитъ въ расслабленіе. Тогда она ничемъ не доволна. Мерзитъ и состояніемъ, и селеніемъ, гдѣ находится. Гнусны

кажутся сосѣды, не вкусны забавы, постылые разговоры, неприятны горничныя стѣны, немилы всѣ домашніе, ночь скучна, а день досадный, лѣтомъ зиму, а зимою хвалить лѣто, нравятся прошедшіе, Авраамскіе вѣка или Сатурновы, хотѣлось бы возвратиться изъ старости въ младость, изъ младости въ отрочество, изъ отрочества въ мужество, хулить народъ свой и своя страны обычая, порочить натуру, ропщеть на Бога и сама на себе гнѣвается; тое одно сладкое, что не возможное, вождедѣнное, что минувшее, завидное, что отдаленное. Тамъ только хорошо, гдѣ ея и тогда, когда ея нѣтъ. Больному всякая пища горька, услуга противна, а постѣль жестка. Жить не можетъ и умереть не хочетъ. Млось у врачей есть предводительницею всѣмъ тѣлеснымъ болѣзнямъ и возмущеніямъ. А душевное неудовольствіе дверь есть всѣмъ сердечнымъ страстямъ и внутреннимъ буреваніямъ. Невиденъ воздухъ, пѣнящій море, невидна и скука, волнующая душу; невидна—и мучить, мучить—и невидна. Она есть духъ мучительный, мысль нечистая, буря лютая. Ламлетъ все и возмущаетъ, лѣтаетъ и садится на позлащенныхъ крышахъ, проникаетъ сквозь свѣтлыя чертоги, присѣдять престоломъ сильныхъ, нападаетъ на воинскіе станы, достаетъ въ корабляхъ, находитъ въ Канарскихъ островахъ, вѣдряется въ глубокую пустыню, гнѣздится въ душевной точкѣ...

Вить тоска вездѣ лѣтаетъ
 На земли и на водѣ;
 Сей духъ молній всѣхъ быстрые,
 Можить насъ сыскать вездѣ.

Единъ вышній Отець бурю сію въ тишину обратить, управить къ гавани и душу сроднымъ дѣланіемъ, будто бродами и уздою буйную скотину, удержать можетъ.

Аванасій. О братецъ! странное влагаешь во уши мои... А народъ скуку нивочто ставить и къ прогнанію сего неприятеля за чрезъ чуръ довольное оружіе почитаетъ деньгу, вино, сады, музыку, шутки, карты, поездки...

Григорій. О другъ мой! Не ничто есть то, что возрастаетъ въ великое. Не почитай малымъ тое, что ведетъ за собою не мѣлко. Малая въ кораблѣ скважина впускаетъ внутрь страшную стечь. Не думай, что невидное и безсильное есть тоже. А народъ, одно то за существо почитая, что въ кулакъ схватить можетъ, тамъ боится, гдѣ нѣтъ страха и напротивъ того. Вексель не бумагою и чернилами страшень, но утаенною тамъ обовязательностію. Бомба не чугуномъ опасна, но порохомъ или утаеннымъ въ порохѣ огнемъ. Все невидное сильнае есть всего виднаго и отъ невиднаго зависитъ видное. Скука у древнихъ христіанскихъ писателей названа бѣсомъ унынія. Чего сія

- ожившая искра не дѣлаетъ? Все въ трескъ и мятежъ обращаетъ, вводить въ душу все нечистыхъ духовъ, ехиднино порожденіе. Гризущая мысль не червь ли неусыпающій и не ехидна ли есть? Палищая печаль или зависть не лютый ли духъ есть и не лютая ли мысль? А мысль злая не тайный ли и лютый есть языкъ, о коемъ сынъ Сираховъ: „зубы его зубы львовы, убивающіи душу“. Сіе столь тяжело, что лучше душа изволяетъ несродное и вредное брѣдить, нежели быть отъ природнаго дѣла упражненною. Отсюда всѣхъ безобразныхъ
- д. 23. дѣлъ страшилища и саморучные себе убійства. | А когда апостолъ Іаковъ сказуетъ, что маленькая частица языкъ, но, будто кормило кораблемъ, пѣлымъ владѣетъ тѣломъ, такъ не мысль ли движетъ и правитъ тѣломъ? Мѣлкая язычная частица есть одна видимая тѣнь и будто шумящій воздухомъ часобойный колокольчикъ, а самая пружина и существо есть мысль. Мысль есть невидная глава языка, сѣмя дѣлу, корень тѣлу. Мысль есть языкъ не молчный, неослабная пружина, движимость непрерывная, движущая и носящая на себѣ, будто обетшающую ризу, тлѣнную тѣлесную грязь, прильнувшую къ своей мысли и ищезающую, какъ тѣнь при яблонѣ. Видишь ли, другъ мой Аенасій, что невидное сильнае есть всего виднаго и отъ невиднаго завистить видное. Къ сему хору прищалкиваетъ и Іереміа, называя человекомъ не тѣлесный видъ, но сердце, яко не исчерпаемое сокровище мысленныхъ тайнъ. „Глубоко сердце человеку... и человекъ есть...“ (глав. 17.) Если сердечное око сѣмя злое, тогда все тѣло злое, всякое дѣло приносить плоды горести. Горестному источнику грусныя поточки.
- Аенасій. Ты заврался дружище... Я слыхалъ и увѣренъ, что Іереміино слово касается до Библии. Въ ней тлѣнь образовъ подобна тѣлу, а сокровенное во образахъ Божіе вѣдѣніе, подобное утаеннымъ въ тѣлѣ сердечнымъ мыслямъ. Яснѣе пересказать слово его такъ. Библия есть будто одинъ человекъ или Адамъ. Глинку и тѣло его всякъ видитъ, а сердце закрыто и духъ жизни въ немъ невиденъ. Сіе тожъ есть, что у Павла: „кто разумѣ умъ Господень?“
- Григорій. Узнай же прежде самаго себе, тогда узнаешь и Адама съ Евою. Развѣ нельзя мнѣ библейнаго слова рѣчь приточить къ человеку, когда вся Библия уподобляется человеку? Для того-то, сирѣчь, здѣлалъ пророкъ человека образомъ двоестественныя Библии, что одно въ немъ есть видное, второе невидное, такъ какъ сердце морское или тончайшая вода въ облацѣ, изъ моря исходящемъ.
- Аенасій. По крайней мѣрѣ ты, братецъ, не туда заѣхалъ. „Ѣхалъ въ Казань: заѣхалъ въ Рязань“. Теченіе нашей рѣчи было о природныхъ упражненіяхъ, о веселіи и мирѣ, а теперь дѣло дошло до сокровищъ мысленныхъ; потомъ докотимся до сокровищъ снѣжныхъ, что въ Іовѣ...
- Григорій. Пожалуй не печалься! не очень въ сторону заѣхали.

Веселіе и радость недалеко отъ сердца, а сердце всегда при своихъ мысляхъ, какъ источникъ при своемъ токѣ.

Аеанасій. Ну! добро быть такъ. Скажи же мнѣ: для чего иной сроднѣ къ нижней должности и къ подлѣйшему ремеслу?

Григорій. А ты мнѣ скажи: для чего иному пища простая здоровѣе?

Аеанасій. Конечно, для того, что сроднѣ.

Григорій. Такъ и сроднѣ иной къ подлѣйшему ремеслу для того, что для его оно полезнѣе.

Аеанасій. Для чего же, скажи мнѣ, и почему полезнѣе?

Григорій. Потому что куражнѣе, забавнѣе и веселѣе.

| Аеанасій. Ты мнѣ только скажи, почему веселѣе?

л. 24.

Григорій. Потому что съ Богомъ, а безъ Бога ничто не веселитъ. О чудный ты вопросникъ... Вить когда сродно, тогда и съ Богомъ. Чево жъ тебѣ далѣе спрашивать? Довольно точію спросить: сродно ли, сирѣчь, хочетъ ли Богъ? Воля Божія есть то верхъ и законъ законовъ; не ходи далѣе... А ты спрашиваешь, почему сродно? сирѣчь, почему такъ Богъ хочетъ? А если долженъ онъ тебѣ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ, спроси Его и требуй въ отвѣтъ: почему онъ землю и воду здѣлалъ преклонными долой, стремительными выпрь? Для чего огонь все снѣдаетъ, кромѣ вѣссона или каменнаго льна обратитъ въ пепелъ не родился. Почему малая рыба, названная у римлянъ Remoga, имѣетъ сродность удержатъ стремленіе корабля, прильнувши къ его брюху? Почему природа дельфинова любитъ горячо человѣка, но змиина ненавидитъ, а львиная трепещетъ поющаго пѣтуха?.. Природа и сродность значить врожденное Божіе благоволеніе и тайный Его законъ, всю тварь управляющій — знать то, что есть подобіе въ душѣ и въ томъ дѣлѣ, къ которому она стремится, каковое равенство между другомъ и другомъ, а сходство между пищею и желудкомъ. „Подобное течетъ къ подобному“. Царствіе Божіе и правда Его внутри твари есть. Никого Онъ не обижаетъ, вливая законъ сродностей. Одинъ къ одному, другой къ другому, сотый къ сотому, хотя къ подлому званію или ремеслу, но не къ безчестному, а для его забавному и полезному, если устремляется съ Богомъ, щасливъ. Что бы тогда было, когда бы Богъ блаженство наше заключилъ въ одномъ коемъ-либо званіи? Тогда бы щастіе ограничено было тѣснотою одной стороны и одного только времени. Тогда могъ ли Богъ въ одной странѣ и въ одномъ времени помѣститъ весь родъ человѣчскій, когда каждому щастіе нужно? Возможно-ль, чтобъ въ одномъ родѣ пищи или въ двухъ заключилося здравіе? Всемирная Божія экономія безчисленную тварь и дыханіе троихъ точію жребіевъ пищею пропитать можетъ ли? Все то одно не можно и бесполезно. Если было полезно, было бы и можно. А не могли бесполезнаго здѣлать—сіе есть неизреченная сила

Его и власть. Сколь же теперь премудро дѣлается, что одной твари бываетъ ядомъ и смертію, тоежь для другой ядью и здравіемъ. Сколько родовъ твари, столько родовъ пищи, и всякое дыханіе имѣтъ внутренний позывъ къ сродной себѣ. Когда же Отецъ нашъ небесный столько радить о тѣхъ, тогда о душѣ много больше.

Примѣты нѣкихъ сродностей.

Авванасій. Трудно узнать свою природу, а чужую познать и того труднѣе. Узнаешь, да поздно. Черепаха ошибку почувствовала, какъ начала летѣть.

Григорій. Не поминай мнѣ трудности въ нужномъ дѣлѣ, нельзя никакъ, чтобъ натура нужное дѣлала труднымъ. Не нужно, сирѣчь не полезно, а тѣмъ-то и трудно летѣть черепахѣ, но не соколу. Трудно, де, узнать... Да гдѣ жъ тотъ, кто охотникъ узнать? Сложившему крыла трудно летѣть и самому орлу. Знаешь ли, что землемѣры узнавають высоту превысокаго фариискаго терема изъ одной его тѣни

л. 25. | Всякая тайна имѣетъ свою обличительную тѣнь. Трудно распознать между дружескимъ и ласкателскимъ сердцемъ, но наружная тѣнь, будто изъяснительное штекло, и самые сердечные закоулки ставить въ виду острымъ бюстителемъ. Смотри, когда мальчикъ, здѣлавъ для игрушки воловь яремъ, налагаетъ оный щенкамъ или котикамъ, не сія ли есть тѣнь хлѣбопашескія въ немъ души? И не позывъ ли къ земледѣланію?... Если припоясуетъ саблю, не аппетитъ ли къ воинству?... Когда трехлѣтній отрокъ самовольною наслышкою перенимаетъ божественныя пѣсни, любитъ заглядать въ священныя книги, перекидывать листы, смотрѣть то на таинственныхъ образовъ картины, то на буквы, не сіе ли обличаетъ тайную искру природы родившія и зовущія его въ упражненіе богословское? Невидимая его сила въ насъ и божество безпритворными сими твореніями разумѣваема, ясно изображается. Зачемъ же блаженство ограничивать въ одномъ житія родѣ или въ двоихъ? Богъ вездѣ есть и щастіе во всякомъ состояніи, если съ Богомъ во оное входитъ. Нужно только узнать себе, куда кто рожденъ. Лучше быть натуральнымъ котомъ, нежели съ ослиною природою львомъ. Гоняться въ званіи за доходами есть не ложный знакъ несродности. Не лишись дохода, естли будетъ въ тебѣ царствіе Божіе въ силѣ своей. Не чудно ли, что одинъ въ изобиліи скуденъ, а другой въ скудности доволенъ? Видно, что природа больше прилагаетъ хитрости, выдѣливая фигуру мурашкину, нежели слоноу, и дивнѣйшій царствія Божія промыслъ можно видѣть въ пчельныхъ рояхъ, нежели въ овечьихъ и воловыхъ стадахъ. Богъ богатому подобенъ фонтану, наполняющему различные сосуды, по ихъ вмѣстности.

Надъ фонтаномъ надпись: „не равное всёмъ равенство“. Льются изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, въ кругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ менѣе имѣетъ, но въ томъ равенъ есть большому, что равно есть полный. И что глупѣе, какъ равное равенство, которое глупцы въ міръ ввести всею покушаются? Куда глупое все то, что противно блаженной натурѣ?.. Боимся голода, не помня, что гаразда множайшіе умираютъ изъ пресыщенія. Глупая грусть сама не знаетъ, чего желаетъ. Самое пресыщеніе не отъ скуки ли? Лучше умереть, нежели всю жизнь тосковать въ несродностяхъ. Несродность всякія празности есть тяжелѣе. И легоче не ползать, нежели лѣтать для черепахи. Не ползая, лишается точію сродныя забавы, а лѣтая станетъ сверхъ того подъ не сроднымъ бременемъ.

Яковъ. Слушай, Аѳанасій! слыхаль ли ты басню о дворовомъ псу и ослѣ, что?...

Аѳанасій. Да! довольно мы третьяго дни смѣялись, какъ онъ, завидуя собачьимъ ласкостямъ, спятился копытами на брюхо хозяину. Какъ черепахѣ не бывать орломъ, такъ ослу придворнымъ человѣкомъ.

Ермолай. А скажи, которую награду получилъ осель, встрѣтившій хозяина придворною ласкостью?

Аѳанасій. Тую что служитель, снявшій съ королевскаго платья, л. 26 въ присутствіи блоху.

Лонгинъ. Таковыхъ всёхъ точный есть гербъ обезьяна. Дивно, что они ее не вырѣжутъ на своихъ печатяхъ. На печати Августа короля была сила: *festina lente*. Поспѣшай съ совѣтомъ. А на ихъ печать пристало слово: дерзай хоть не къ стати. Общій нашъ другъ (вы знаете, кто мнѣ въ умѣ) описалъ басню о козліонкѣ и о свиряющемъ волкѣ, приточивъ къ ней слѣдующее наставленіе: „*tu nihil invita dices facies-ve Minerva*“, сирѣчь, не говори и не дѣлай ничего, безъ благоволенія Минервы. Довелось у его спросить, что значитъ древняя пословица: „безъ благоволенія Минервы“. Отвѣчалъ: не паяся къ тому, что не дано отъ природы. Безъ Бога, знаешь, нельзя и до порога если не рожденъ, не суйся въ книгочетство. Ахъ! многіе черезъ то въ вѣчную пали муку. Не многіхъ мати породила къ школѣ. Хочешь ли блаженъ быть? Будь доволенъ долею твоей природы. Самая его аффабулація, вотъ она: *tu nihil invita dices facies-ve Minerva: dua natura negat, scilicet illa fuge. Si non es natus misis, fuge discere musas. Neu! multos perdit fisula docta viros. Paucos justa parens musis Natura creavit. Esse-ne vis felix? Sorte quiesce tua. Изрядно великая Россія говорить: „за Богомъ пойдешь, добрый путь найдешь“. Видно, что усердно послѣдовать Богу есть сладчайшій источникъ мира, щастія и мудрости. Да знаетъ же всякъ свою природу и да искушаетъ, „что есть благоугодно Богу“. Общество есть тоже, что машина. Въ ней замѣшатель-*

ство бывает тогда, когда ея части отступаютъ отъ того, къ чему она своимъ хитрецомъ здѣланны.

Сродность къ хлѣбопашеству.

Слушай, Аѳанасій! Скажи жъ теперь, кой ты звѣрокъ, что за птичка, и чѣмъ рожденъ?.. Мнѣ кажется, ты рожденъ къ земледѣльству?

Аѳанасій. Правда, что я сады, поля, лѣса люблю по природѣ, но отецъ мой точный земледѣль.

Лонгинъ. Слава Богу! Ты къ сему родился за тѣмъ, что иные къ иному; а они рождены къ другому потому, что ты къ сему. Божіе сіе царство есть: не спорь же. Прибирайся пахать землю, заготовлять пищу для людей и скотовъ, водить стада, или пчелы, или что твой въ тебѣ Господь повелитъ. Небойся: самый вдѣланіи твоимъ трудъ будетъ для тебѣ сладчайшій, нежели воздухъ благовонный, чистые водъ потоки, птицъ пѣніе, нежели и самые трудовъ твоихъ плоды. Сего ожидаетъ отъ тебе отечество твое. Если жъ не повинешся Господеви, знай, что грусть загризетъ душу твою среди позлащенныхъ палатъ и заплачешь, вспомнивъ поля зеленныя. Рано скажешь, когда тотъ день пройдетъ, а л. 27. въ вечеръ скажешь, когда тотъ разсвѣтъ будетъ? | Или скажу тебѣ Мойсейскими словами: „будетъ животъ твой висящъ предъ очима твоима и убоишия во дни и въ нощи и не будещи вѣры яти житію твоему. За утра речеши, како будетъ вечеръ и въ вечеръ речеши: како будетъ утро? Отъ страха сердца твоего, имже убоишися, и отъ видѣній очесъ твоихъ, ими же узриши.“ Сіе то есть, жить въ тѣлесномъ изобиліи, а лишиться душевнаго утѣшенія, имѣть Господа своего, висяща надъ очима твоима и не покрывающаго, будто гнѣздо и птенцы своя, но біющаго по сердечнымъ зѣницамъ, какъ орелъ оленя, сидящій на рогахъ его.

Аѳанасій. Уже вы другой разъ воспоминаете орла съ вашимъ оленемъ.

Лонгинъ. Довелось читать, что орелъ оленя на пищу убить намѣревая, прежде качается по пѣску, чтобъ зассорить крыла, потомъ взлѣтаетъ на оленя и, сидя на рогахъ, бьетъ крылами по очамъ, поколь ударами то пѣскомъ обезьочитъ. А слѣпой олень быстрѣ стрѣлы по холмамъ стремится и, взбѣжавши на стремнины, падаетъ въ бездну и разбивается. „Блаженны слышашіи слово Божіе и хранящіи е“. Другъ мой, Аѳанасій!..

Сродность къ воинству.

... Можетъ быть ты воиномъ родился?

Аѳанасій. Не хочу... Я не воинъ. Я законникъ. Гражданскіе законы знать то мое дѣло.

Яковъ. Дай Богъ вамъ знать законы да и вкусъ чувствовать. Тать крадетъ, однакъ знаетъ законъ: „не укради“.

Ермолай. Что до меня надлежить, куда мнѣ милъ всякъ чело-
вѣкъ въ сродности своей! Не могу довольно насладиться позоромъ,
когда онъ дѣйствуетъ. И его дѣйствіе, какъ смирна, издаетъ благовопіе.
И воиномъ кто рожденъ, дерзай, вооружайся: съ природою скоро на-
учишься. Защищай земледѣльство и купечество отъ внутреннихъ гра-
бителей и вѣшнихъ непріятелей. Тутъ твое щастіе и увеселеніе.
Береги званіе, какъ око. Что слаже природному воину, какъ воинское
дѣло. Закалатъ обиду, защищать страждущую и безоружную невин-
ность, заступать общества основаніе правду—сей есть его пресладкій
завтрикъ, обѣдъ и ужинъ. Не бойся: Съ Богомъ легко тебѣ будетъ
несть голодъ, жажду, холодъ, жаръ, бессонницу, кровокаплющія раны
и самый страхъ смертный и горазда легоче, нежели безъ Его против-
ное сему, да уразумѣешь, сколь сильная природа. Сіе воинское горе
съ Богомъ тебѣ будетъ во сто разъ пріятнѣе ранговъ и доходовъ тво-
ихъ. Рангъ носить можетъ всякъ, но дѣло дѣйствительно дѣлаетъ
одинъ тотъ, кто природный. Дѣло и безъ ранга дѣломъ, но рангъ безъ
дѣла ничто, а дѣло безъ Бога. Еслижъ званіе Божіе презрѣвъ, пой-
дешь въ слѣдъ своихъ пряхотей и постороннихъ совѣтниковъ, не забудь
проститься на вѣкъ со всѣмъ утѣшеніемъ, хотя бы ты схоронился въ
рогѣ изобилія; не бойся умереть по тѣлу: станешь всеминутно терпѣть
душевную смерть. Отнять отъ души сродное дѣланіе значить ее ли-
шить живности своей. Сія смерть есть люта. Знаю, что щадить тѣло,
но убиваешь душу, а сія замѣна есть худа. | Не понимаю, къ чему л. 28.
имѣть мечъ, если не тое сѣчь, на что онъ выкованъ. И не разумѣю.
къ чему носить тѣло, если падѣтъ на то терять, къ чему кто имъ
одѣтъ. Повѣрь, что самая Маеусалова жизнь вся пропала и самый
есть адъ, если не истощенна на то, къ чему тебѣ Господь твой даль
оную. Коль сладкая здравія и лѣтъ трата въ главно природномъ дѣлѣ!
Тогда-то жизнь наша бываетъ жертвою благоуханія Господеви. Опера,
книга, пѣсня и жизнь не отъ долготы, но отъ благолѣпія и доброты
цѣну свою получаетъ. Цѣна всему и благолѣпіе Богъ. „Красота въ
десницѣ твоей“... Съ Богомъ краткая жизнь исполняетъ долгія лѣта,
а дѣло съ нимъ есть само себѣ верховная награда.

Аѳанасій. Но что значить то, что говорятъ студенты?

Григорій. Правда, что наука приводитъ въ совершенство срод-
ность. Но если не дана сродность, тогда наука что можетъ совершить?
Наука есть практика и привычка и есть дочь натуры. Птица можетъ
научиться лѣтать, а не черепаха. Куда мы хитры находить выласку,
гдѣ не надобно! Удивительно, что всякая тварь послѣдуетъ создателю
предводительству. Одинъ чрезъ непослушаніе челоѣкъ глупоумроу
дѣлается мартышкою, засмотрѣвся на слѣпую моду, не на мановеніе

прозорливыя природы. Кто зоветъ въ лѣса и сады родъ соловьевъ и дроздовъ, на поля жаворонковъ, а жабу въ воды и болота? Кто ведетъ рѣчные потоки къ морю? Кто влечетъ къ магниту сталь? Кто устремляетъ дрожащій пламень выспись? Сей есть Богъ нашъ всѣми царствующій и всѣмъ все домостроящій. Все то сносное, что природное, и симпатіа значить природную сносность, касающуюся къ дружбѣ, къ пищѣ, а паче всего къ избранію званія. Если кто щасливо живетъ въ изобиліи, не потому щасливъ, что въ изобиліи, но что въ изобиліи съ Богомъ, а безъ Бога гораздо его щасливѣе природный нищій. Не всѣ рождены къ изобилію. Если математикъ, медикъ или архитекторъ щасливъ, конечно, щастіе тое зависитъ отъ природы, родившія его къ тому. А безъ ея онъ бѣдная и смѣшная тварь. Съ Богомъ святымъ низкое возводится, а безъ Его низводится и высокое. Щастіе наше внутрь насъ... пускай никто не ожидаетъ щастія ни отъ высокихъ наукъ, ни отъ почтенныхъ должностей, ни отъ изобилія... Нѣтъ его нигдѣ. Оно зависитъ отъ сердца, сердце отъ мира, миръ отъ званія, званіе отъ Бога. Тутъ конецъ: не ходи далѣе. Сей есть источникъ всякія утѣхи и царствію Его не будетъ конца.

Сродность къ богословію.

Да умножить же Господь царствія своего благовѣстники! Да возобновитъ время, написанное у Исаи: „иже до конца не премолкнутъ, поминающе Господа“. Да вострубятъ и возопіютъ тѣ, о коихъ самъ милостиво изволитъ спрашивать: „ки суть, иже яко облацы летятъ и яко голубы со птенцы ко мнѣ?“ Да возсіяетъ всевождедѣльнѣйшій день оный! „Свѣтися! Свѣтися! Іерусалиме!.. Се тма покрыетъ землю и мракъ на языцы. На тебѣ же явится Господь.“ Сіи проповѣдники, какъ изъ червячковъ пчелы, рождаются изъ студентовъ. Студентъ ли ты рожденъ, смотри жъ, такъ ли оно? Ты можеть стать червячокъ, но подложный: изъ сихъ рождаются трутни. Они въ началѣ съ великимъ шумомъ

л. 29. ведутъ свой хоръ но, наконецъ, бывають | постыдны и изгнанны изъ дому Божія. Нѣсколько ты можеть быть къ сему рожденъ, но главное твое рожденіе для инаго дѣла. И какъ быть можешъ проповѣдникомъ, находясь самъ царствію Божію противникомъ? Внемли жъ себѣ, испытай опасно. Осмотрись исправно, а если оно точно такъ и не тщеславіе, ни прибыль, но самъ Господь тебе зоветъ врожденною къ сему дѣлу любовію, ступай въ слѣдъ Его и прибирайся къ званію. Оставь всѣ дѣла. Для того ты къ сему рожденъ, что другіе къ другому. Бѣгай молвы, объеми уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудріе, дружи съ терпѣніемъ, учись священнымъ языкамъ, научись хоть одному твердо и будь въ числѣ наученныхъ для царствія Божія книжниковъ, о коихъ

Христостъ: „всякъ книжникъ научившійся царствію Божию“... Вотъ для чего сіи книжники учатся языкамъ. Небойся! Голодь, холодъ, ненависть, гоненіе, клевета, руганіе и всякій трудъ не только сносеиъ, но и сладостенъ, если ты къ сему рожденъ. Господь твой сила твоя. Сіе все здѣлаеть тебе острѣе и крилатѣе. Устремленіе природы, будто ключевой потокъ или пламень, быстрѣ рвется чрезъ препятствія. Привитайся съ древними языческими философами. Побесѣдуй съ отцами вселенскими. Наконецъ, пойдешъ въ землю Израильскую, въ самый Вавелеемъ, въ домъ хлѣба и вина, въ священный храмъ Библии, поя съ Давидомъ: „возвеселихся о рекшихъ мнѣ“... Коль опасно входитъ въ сей чертогъ! Имѣй одѣяніе. Омой руки и ноги. Потомъ садись за безсмертный столъ сей. Но берегись! Не тѣснися въ солонку съ господиномъ. Помни: не твоя плотская, но Господня есть трапеза. Сохрани тебе Богъ! Умрешъ, если будешь ѣсть кровь. Ѣжь кровь и плоть Господню, а не твою. „Да благо тебѣ будетъ и угодно будетъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ“. Понимай, но отъ Господа кушай, но для Господа насыщайся, но предъ Господемъ. Коль многіе жрутъ, но предъ собою, не предъ Господемъ. Не дай тебѣ Богъ вкусить отъ древа смерти! „Разумѣй, яже глаголю...“ Премудрость Божія безспорно, что на нашихъ улицахъ и средѣ нашихъ стезь, будто лѣствица утверждена на земли стоитъ, но на высокихъ краяхъ и на острѣйшихъ остнахъ и на горнихъ горахъ почиваетъ. „Исходы ея исходы суть живота и кто взыдетъ? Единъ Господь уготовляетъ хотѣніе.“ Коль о многихъ причастникахъ можно сказать съ Іереміею: „близъ еси ты, Господи, устенъ ихъ, далече же отъ сердець ихъ“. Печись прежде всего уразумѣть, что значить вѣра. Нѣтъ нужнѣе ея. Но знай, что нигдѣ ее не найдешъ, если не выроешь искры ея прежде внутрь себе. Уарѣвъ ее, вѣдай, что началъ ты соединяться съ тѣмъ: „Господи, очи твои зрятъ на вѣру“. И если не больше оныя въ тебѣ будетъ, какъ зерно горчичное, тогда щасливо ввійдешъ въ седмистолпный домъ Премудрости Божія и насладишься на горнемъ мѣстѣ высокимъ умомъ божественнаго слова, плотію твоею облеченнаго, отъ Его жъ самага научаясь. Въ тридцати лѣтѣхъ утро истины свѣтитъ начинается. Въ сихъ лѣтѣхъ крещеніе Христово, отвореніе небесъ, снисхожденіе Святаго Духа. „И той бѣ яко лѣтъ тридесать“. Въ семь возрастѣ у жидовъ ставили во священники. Если уже призапасся хлѣбомъ Христовымъ и собылось на тебѣ износить отъ сокровища своего новая и ветхая, | въ то время л. 30. можешь удѣлять друзьямъ, благодѣтелямъ, ближнимъ и дальнимъ. Долго самъ учись, если хочешь учить другихъ. Во всѣхъ наукахъ и художествахъ плодомъ есть правильная практика. А ты, проповѣдуя слово истины Божія, утверждай оное непорочнаго житія чудесами. Нельзя построить словомъ, если тое жъ самое разорять дѣломъ. Сіе значить давать правила для корабельнаго строенія, а дѣлать телѣгу. Безъ свя-

тости житія корабельнымъ мастеромъ, можетъ быть, можно сдѣлаться, но проповѣдникомъ никакъ нельзя, развѣ мартышкою его. Начало и конецъ званію сему, природная сила его и печать есть страхъ Божій, всю нечистоту изгонящій. Сей есть даръ Божій и ключъ данный отъ Господа. Онъ одинъ отверзаетъ входъ въ домъ Давидовъ и въ тѣ библійныя внутренности: „въ сокровищахъ спасеніе наше. И отверзеть— и не будетъ затворяющаго, и затворить—и не будетъ отверзающаго“. Всегда бываетъ скудное число охотниковъ къ Божіей истинѣ. Сіе да приводитъ тебе не въ негодованіе, но въ сожалѣніе. Берегись сребролюбія. Помни, что туне пріялъ еси. Весь твой трудъ ничтоже есть въ сравненіи дара сего. Кой ты мнѣ богословъ, если сребролюбець? Не думай, что до иныхъ касается слово сіе, кромѣ тебѣ: „воззрите на птицы небесныя“... Пускай другіе собираютъ, а твоя часть будь Господь. Имѣя пищу и одѣяніе, тутъ все твое довольство тѣлесное. Богатѣй и собирай день отъ дня богатство славы Божія. „Всѣхъ отщетихся“, говори съ Павломъ, „да Христа пріобряду“. Авось-либо достигнешь въ силу совершеннаго воскресенія мертвыхъ, въ землю обѣтованную, въ лѣто Господне пріятное, и въ 50 лѣтъ житія твоего получишь всеобщее отъ всѣхъ твоихъ души и тѣла твоего долговъ разрѣшеніе и полное просвѣщеніе тебѣ и ближнему твоему.

Аеанасій. Приказное дѣло подлинно трудное. А и сіе не безъ тово...

Яковъ. А я вѣрю, что самый тѣсный, жесткій и крутой путь бываетъ легкимъ, если самъ Богъ указываетъ дорогу къ намѣренію. И конечно указываетъ тому, кого родилъ къ сему.

Хоръ природныхъ благовѣстниковъ.

Аеанасій. Да гдѣ жъ онъ таковъ? Покажи хоть одного.

Яковъ. На вотъ тебѣ одинъ! „Въ трудѣ и подвижѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жаждѣ, въ пощеніяхъ многаци, въ зимѣ и наготѣ“... Пробѣги 11-ю главу Втораго письма къ Коринтеянамъ и задивившись природѣ его, всѣ горести услаждающей. Чего не терпитъ воинъ или купецъ? Не сыщешь дня безъ тмы и свѣта, а года безъ зимы и теплоты. Не найдешь и состоянія, чтобъ оное изъ горести и сладости не было смѣшенное. Такъ весь міръ стоитъ. Противное противоположно способствуетъ. Сладость есть наградою горести, но горестъ мати сладости. Кто хочетъ пожинать сладость, да любитъ прежде горестъ: и уродится сладость, а любитъ природный.

Аеанасій. Сказуютъ, въ Норвегіи день безъ тмы и свѣта бываетъ.

л. 81. | Лонгинъ. Кто жъ былъ природнѣе какъ сей? „Азъ на сіе ро-

дихся, да свидѣтельствую истину“. Утруженъ отъ пути, сидитъ при источникѣхъ и голоденъ и жажденъ. 12 часовъ у нихъ въ день считалось. Уже велось около полудня. „Вѣ яко часъ шестый“. Не было съ кѣмъ завести бесѣду о царствіи Божіи. Пришла жена за водою. Вотъ и случай! Просить пить не для утоленія жажды, но для заведенія бесѣды. Вода стихійная подала поводъ говорить съ несмысленною женою о водѣ живой, о водѣ Божіей, утоляющей жажду несчастныхъ несытостей, день и ночь душу нашу беспокоящихъ, о коей Исаія: „измытеса и чисты будете“. Не устыдился, ни поопасался мужъ Божій со слабымъ поломъ богословствовать, авось либо приведетъ ее въ истинное изъ суевѣрія богочтеніе, ни къ полу, ни къ статью, ни къ сторонамъ, ни къ мѣстамъ, ни къ временамъ, ни къ обрядамъ, кромѣ одного сердца не привязанное, и откроетъ очи ея къ уразумѣнію естества Божія, утаеннаго въ стихіяхъ, на подобіе ключевой воды, въ земномъ сердцѣ сокрываемой, коея жаждетъ Давидъ: „кто мя напоитъ водою?“ Возвратились друзья съ пищею и, зная, что онъ ничево еще не ѣлъ, просятъ, чтобъ покушалъ: „Равви, яждь“. Моя пища, сказала Учитель, есть, да сотворю волю пославшаго мя. И голоденъ, и жажденъ, и не веселъ, если не дѣлать и не говорить о томъ, къ чему Отецъ небесный Его родилъ и послалъ. Тутъ Его и пища, и питіе, и веселіе. Учитъ въ сонмищахъ, учитъ въ домахъ, учитъ на улицахъ, учитъ въ кораблѣ, учитъ на травѣ зеленой, на горахъ и вертоградахъ, и на мѣстѣхъ равнѣ, стоя и сидя и идый, и ночью и днемъ, въ городахъ и селахъ, въ разныхъ предѣлахъ каждаго и народъ много зѣло. Въ не-сродное себѣ дѣло не мѣшается. Учителю (просилъ Его нѣкто) поговори брату моему, чтобъ далъ мнѣ часть наслѣдія, пускай мене не обижаютъ. Онъ тебе послушаетъ... „Человѣче! Кто мя постави судію или дѣлителя? Мое дѣло учитъ о царствіи Божіи“. Каково жъ училъ? Былъ ли Богъ съ нимъ? Я закричу, возвысивъ гласъ, съ женою, слышавшею Его. „Блаженно чрево, носившее тя“... Удивлялись народы, яко николи же бѣ тако во Израили и никогда такъ не говорилъ человекъ: столь великая отъ устъ Его исходила пріятность.

Яковъ. Вотъ вамъ еще одинъ природный! Говоритъ Богъ къ Мойсею: „Азъ есмь сый“... И посылаетъ его въ посольство, а онъ отрѣкается. „Молюся ти Господи, не доблорѣчивъ есмь“. Диво, сколь не торопко принимается за должность. Зналъ онъ свои дарованія, видѣлъ въ купинѣ сіяющую истину, однакъ самъ себѣ не вѣритъ, дабы паче чаянія, принявся за не сродное, не завелъ въ безпутное народъ, а себе въ погибель. Да и какъ не опасно подрядиться показать утаеннѣйшую естества Божія истину, въвести въ землю таковой же природы, развязать заплутанный въ людяхъ путь къ точному благополучія центру? Сіе значитъ испытывать себе. | Можетъ статья, что рождень л. 32. кто быть воиномъ, но пѣшимъ, не коннымъ, быть* хозяиномъ, но не

пахать и не скотъ водить, быть кунцомъ, но не золотыми торжить товарами, быть учонымъ, но не Евангелія проповѣдникомъ, пушай же и симъ, но писателемъ, не ораторомъ. И конечно-бы не отважился безъ сего гласа: „нынѣ же иди и снѣйди и возведи люди“. И такъ, чувствуя руку Божию, пошелъ за привѣтствіемъ Іоѳора, тестя своего. „Иди здравъ“. Здравіе и миръ души нашей есть послѣдовать Господу. Каковъ же былъ проповѣдникъ? Слушай самага Бога. „Почто не убоястеса глаголати на раба моего Мойсея? Не воста къ тому пророкъ во Израили, яко же Мойсей. Не отемнѣстѣ очи его, ни истлѣста устнѣ его“.

Ермолай. Кто дерзнетъ изъ числа проповѣдниковъ исключить свѣтилника слова, чрезъ всю жизнь гласившаго сіе: „покайтесь“... Не былъ онъ свѣтъ, но имѣлъ и любилъ въ себѣ свѣтъ, свидѣтельствовавъ и ходилъ во свѣтѣ, окончавъ въ немъ и за него теченіе жизни своей. Свидѣтельствовать о свѣтѣ значитъ благовѣстить истину, правду и царствіе Божіе внутрь насъ. Проповѣдуетъ въ пустыни, благовѣститъ, кому можетъ и въ селеніяхъ, сей до конца пѣломудріе возлюбившій пустынножитель. „Бысть человекъ посланъ отъ Бога“. Вотъ свидѣтельство о сродности его, но онъ и самъ о себѣ признаваеъ: „да явится (Христось) Израилеви, сего ради приидохъ“... Каковъ же проповѣдникъ? Самъ Господь одобряетъ. „Не воста въ рожденныхъ женами болій. Мнози о рождествѣ его возрадуются“.

Яковъ. До сего рода надлежатъ всѣ пророки. Иной изъ нихъ вопіетъ: „бысть слово Господне ко мнѣ“. Иной: „бысть на мнѣ рука Господня“. Иной: „Господь посла мя прорещи“. Иной: „слышахъ гласъ словесъ Его“. Иной: „слухъ слышахъ отъ Господа“. Иной: „рече ко мнѣ Ангель глаголай во мнѣ: востани и иди, и проповѣждь, рцы Сыне человекъ“. Здѣ сіи святыи Божіи не были изъ числа тѣхъ: „не посылахъ пророки, а они течаху. Не глаголахъ къ нимъ и тѣи пророчествоваху. Не слушайте словесъ пророковъ. Отъ сердца своего глаголютъ, а не отъ устъ Господнихъ.“

Григорій. Вотъ вамъ еще дюжина рожденныхъ къ проповѣди! „Привза, ихъ же хотяше Самъ, и придоша къ Нему, и сотвори дванадесяте; да будутъ съ Нимъ и да посылаетъ ихъ проповѣдати и имѣти власть цѣлѣти недуги и изгонити бѣсы. И нарече Симону имя... Искаріотскій тутъ же. Да познаетъ, что не возможно, дабы между сродными не нашелся не сродный и напротивъ того, да устрашитъ несчастная сего ученика дерзость всѣхъ, по сребролюбію и тщеславію, устремляющихся къ дѣлу Апостолскому. И сіе-то значитъ: „привза, ихъ-же хотяше Самъ“. Видно, что не отъ смертныхъ сіе за-
 . 33. висить. Самъ призываетъ, самъ посылаетъ и имена даетъ. | „Ихъ же и Апостолы нарече“. Даются Симону и Савлу новыя имена. У смертныхъ часто именемъ величаются не имущіе существа Его. У Бога не

такъ. У Его имя и существо есть тождествомъ; какъ только назвалъ, такъ вдругъ и естество далъ. Какъ только сказалъ: да наречется свѣтъ! Разумѣй: „да будетъ свѣтъ!“ Когда слышимъ: „апостолы нарече, разумѣй: вы есте свѣтъ миру“. Быть и называться раздѣляетъ наша ложь, а не Божія нераздѣльная истина. Если дана свыше твердость алмазу, прозрачна зелень смарагду, если сапфиръ родился съ голубымъ, анѣраксъ съ блистательнымъ, какъ огонь, сіяніемъ; назови, какъ хотишь, но естества его не тронешь. Что жъ силѣе—Богъ ли, или ты, называя суще не сущимъ и противляйся Богу, „животворящему мертвымъ и нарицающему не сущая у тебе, яко сущая у себе“? Богъ рождая вливаетъ существо, силу и естество, а симъ самимъ нарицаеть. Пустое имя безъ существа подобное виноградному гроздю, на стѣнѣ живописью хитро изображенному. Онъ накрашенъ видомъ сущаго гроза обманываетъ, общая сокровенный внутри себе зрѣлый вкусъ сладкаго муста, а безъразсудныя птички прилѣтывая бьются въ нѣмую стѣну. Если чѣмъ-то хочешь славиться, будь по естеству тѣмъ. Бытіе и слава имени, какъ доброе зерно съ вѣтвями, какъ источникъ съ потоками, какъ солнце съ лучами, есть нероздѣльное, а тщеславіе, какъ трава на кровляхъ растущая, прежде исторженія сохнущая. Но отъ тебе ли зависить взять бытіе? Можешь ли быть служителемъ при боку его? Не можешь ни чрезъ себе, ни чрезъ другаго. Вотъ кто силенъ! „И сотвори дванадесате, да будутъ съ нимъ“. Сотворить, призвать, назвать, послать, дать власть зависить отъ рожденія, а сіе отъ царствія Божія. Теперь отгадай, что значить: „Павель званъ Апостоль.“ Да и кѣмъ? Ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ. Но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ. Нельзя было не позвать на то рожденнаго. „Богъ избравый мя отъ чрева матере моея“... Какъ можешь цѣлить недуги, не имѣя власти? Откуда жъ власть, когда ты не посланъ отъ Бога? Какъ посланъ, если не нареченъ? Какъ нареченъ, если не званъ? Какъ же званъ, если не на то рожденъ? Вспокойся, не твое дѣло. Чуть ли ты не братъ нахалу тому: „Учителю! Иду по тебѣ“. Скажи мнѣ, откуда толикій безбожія потокъ? Откуда суевѣрія, лицемѣрія и ереси? Откуда у христіанъ ругательство священныя Библии? Гдѣ раченіе сладчайшія дружбы? Гдѣ согласіе дражайшаго мира? Гдѣ живость сердечнаго веселія? Кто безобразить и растлѣваетъ всякую должность?—Не сродность. | Кто умерщвляетъ науки и искусства?—Не сродность. л. 34. Кто обезчестилъ чинъ священничій и монашескій?—Не сродность. Она каждому званію внутреннѣйшій ядъ и убійца. „Учителю, иду по тебѣ“. Иди лучше наши землю или носи оружіе, отправляя купеческое дѣло, или искусство твое. Дѣлай то, къ чему рожденъ, будь справедливый и миролюбный гражданинъ и довлѣеть. „Учителю, иду по тебѣ“. Не ходи... Сего не довольно, что ты остръ и учонъ. Должно быть другомъ званію, не любителемъ прибыли отъ него. Сему одному не будетъ

должность орудіемъ лакомства. Развѣ не учонъ Симонъ волфъ? Волфъ значить мудреца. Развѣ не былъ остръ? Вся Самарія проповѣдывала: „сей есть сила Божія великая“. Схватила мудреца лихорадка имѣть Духа святаго и подавать людямъ по Апостольскому. Что жъ сему востраку отвѣчаетъ Петръ? „Нѣсть ти части... Сердце твое нѣсть право... Дать и взять для сребра должность равная бѣда. Съ такимъ сердцемъ, хотя врачуешь страсти и изгонишь бѣсы, не радуйся. Хотя Ангелскими языками проповѣдуешь, не годишься. Пускай многіе народы на золотѣ напишутъ: „Сей есть сила Божія великая пустая пустошь“. Если, по пословицѣ, на должность мостишься, какъ коза на кровю для того, чтобъ чрезъ нея вскочить на кучу избыльнаго тщеславія, видно, какъ въ зеркалѣ, что ты не къ должности усерденъ, а посему и не рожденъ, слѣдовательно и не записанъ на небесѣхъ, развѣ у людей. Не слыть у людей, но быть благовѣстникомъ съ Богомъ и у Бога сіе есть дѣло, какъ написано: „бѣ Богъ съ нимъ.“ „Радуйтесь, яко имена ваша...“ „Учителю, иду по тебѣ“. Вижу въ тебѣ корень желчи и горести. Вижу въ сердцѣ твоемъ сѣмя сребролюбія. Не обновляются Духомъ Святымъ, но что-бъ торжить симъ сокровищемъ и повесть себе великолѣпно, сего ради бѣшенно желаешь божественнымъ знаніемъ прославиться. „Покайся о злобѣ твоей“. Куда нелѣпой вздоръ—лѣницу, возводящую отъ земныхъ подлостей, обращать на снизхождение въ бездну. Не сіе ли значить даннымъ для живота хлѣбомъ задавиться? „Шедъ удаvisa“. Если любишь прибыль, ищи ее приличнымъ путемъ. 1000 на то предъ тобою благословенныхъ ремесль. „Учителю, иду по тебѣ“. Иди... и будешь естества лишенный чучель, облакъ бездождный, прелестная денница, сатана, съ небесной должности къ подлымъ похотямъ падшій, „имже мракъ темный во вѣки блюдется“.

Лонгинъ. А иной радъ бы убѣжать съ Іоною, но влечетъ Богъ:
л. 35. „востани и иди въ Ниневію и проповѣдь“. | Къ иному самъ говоритъ Господь: „ходи въ слѣдъ мене.“ По крайней мѣрѣ дай погребсти отца... „Остави...“ Не пускаетъ и проститься съ домашними. „И подлинно. Управляешь ли раломъ? Не осматривайся назадъ. Родился ли въ проповѣдь? Брось все житейское. А иначе и природный не годишься. Пушай всякъ дѣло свое знаетъ. Ты же возвѣщай царствіе и старайся быть въ числѣ сихъ: „блаженны очи видящія, яже видите“. А дабы получить мзду сію, нужно прежде поработать въ Божіемъ виноградѣ. Къ природнымъ говорится: „идите въ виноградъ мой“. Коль скудное число сродныхъ дѣлателей! Отводитъ ихъ лукавый міръ, плѣнивъ плотскими науками и книгами, славу и прибыль обѣщающими, отвлекая отъ безневѣстныхъ невѣсты оныя: „вся слава дочери царицы внутрь“. Если кто почувствовалъ обманъ, да не стоитъ на пути чуждемъ, да слѣшпитъ въ виноградъ и да слышитъ: „что стоите правды?“

Виноградъ Господа Саваоа есть Библіа. Умъ остръ во многихъ, поне обучились разсуждать. Иные имѣютъ обученны чувства долгимъ ученіемъ, но не имѣютъ неутомимой охоты. Сыщешь и охотниковъ, но связанны житейскими печальми. Найдешь и вольное сердце, но безъ страха Божія. Всѣ сіи сродства безъ природы мертвы, но и природа безъ нихъ безоружна. Видите, сколь трудно поднять змія, какъ общалъ Господь: „змія возьмутъ“. Съ помянутыхъ 4хъ средствъ нужнѣе страхъ Божій. „Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ“. Но тамъ же сынъ Сираховъ сказуетъ: „бойся Господа сотворить сіе и держайся закона, постигнетъ ю“. Однакъ нужно имѣть и вольное сердце, по Его жъ слову: „умалаяйся дѣяніемъ своимъ, упремудрится“. Сіе онъ твердитъ и въ другомъ мѣстѣ: „дѣла правды Его кто возвѣститъ?“ „Умалаяйся сердцемъ размышляетъ сія“. Умалаяйся сердцемъ и дѣяніемъ значить тоже.

Аеанасій. Развѣ же сердце и дѣяніе значить тоже?

Лонгинъ. А ты доселѣ не знаешь, что сердце есть мыслей бездна? А мысли сѣмена и источникъ дѣйствій? Умалаяющееся сердце значить не зарослое терніемъ житейскихъ печалей и дѣлъ, а готовое къ снисканію правды Божія: упразднитесь и уразумѣйте. Посему-то вседушный искатель бываетъ нищъ, воздержанъ и пустынолюбный. Для сего добрый книгочій книгочтенію учится, а добрый схоластикъ отъ дѣлъ упражняется. Скажемъ съ сыномъ Сираховымъ: „чемъ умудрится держай орало?“ Мысли его и разговоры о быкахъ, о нивахъ, о скотскомъ кормѣ. Также разсуждать о прочіихъ. | Правда, л. 36. что общество безъ нихъ не населится, но быть они не могутъ въ совѣтѣ, все въ порядкѣ содержащемъ. „Точію де вдающій душу свою и размышляющій въ законѣ Вышняго премудрости всѣхъ древнихъ възыщеть и въ пророчествіихъ поучатися будетъ, повѣсти мужей именитыхъ соблюдетъ и во извѣтія притчей совнїдетъ, сокровенная притчей изыщеть и въ гаданіи притчей поживетъ, посредѣ вельможъ послужить...“ Для сего не велитъ Господь Аарону имѣть грунтъ. „Азъ часть твоя и наслѣдіе твое“. Да блюдутъ Скинію, да роютъ священныя книги.

Аеанасій. Итакъ бѣдные твои проповѣдники остаются нищими?

Лонгинъ. Совсѣмъ нищими, чтобъ были готовы. Но сія нищія благовѣствуютъ. Самъ Господь учить имъ. „Приступиша къ нему ученицы Его и отверзъ уста своя, учаще ихъ“. О сихъ-то умалаяющихся сердцемъ и дѣяніемъ сказуетъ: „блаженны нищія духомъ...“ Они-то плачутъ, алчутъ и жаждутъ царствія Божія и правды Его, кротки, лишены, гонимы, поношаемы, но имѣютъ же мзду свою съ Петромъ: „сребра и злата не имамъ“..., и со Иисусомъ Сираховымъ: „даде Господь языкъ мнѣ, мзду мою и тѣмъ восхваляю Его“. Послушай, вотъ нищій хвалится мздою! „Уготовися мнѣ вѣнецъ“... Куда охотникъ

до премудрости былъ сынъ Сираховъ! „Еще юнъ сый, прежде неже странствовать ми, искахъ премудрости явѣ въ молитвѣ моеѣ“. А сіи слова не чудною ли дышуть горячностью? „Воряшеса душа моя о ней.“ „Возвеселися сердце мое о ней“. „До послѣднихъ възвышу ея...“ „Предъ успѣяніе бысть мнѣ въ ней...“ Но живѣе всего изображаетъ сродность его сіе: „даде Господь языкъ мнѣ мзду мою и тѣмъ восхваляю Его“. Видно, что не для кошелька учился, не было ему любезнѣе, какъ достать его съ Исаіею: „Господь дастъ мнѣ языкъ наученія...“ И съ тоєю: „медъ и млеко подъ языкомъ твоимъ.“ „Иначаша глаголати иными языки... Сію премудрость, познавающую и любящую Господа своего, называетъ Соломонъ долгою житія, древомъ жизни, вѣрою, правдою, миромъ, молитвою, богатствомъ и славою, красотою молодцамъ, а старикамъ сѣдиною. „Лѣбота юнымъ, премудрость слава же старымъ сѣдины.“

Нѣсколько символовъ, сирѣчь, гадательныхъ или таинственныхъ образовъ, изъ языческой богословіи.

Не хочется мнѣ съ вами растаться. Забавно для мене сказалъ
 л. 37. тотъ, кто дружескую въ путешествіи бесѣду назвалъ возкомъ. | Жизнь наша есть путешествіе.

Григорій. Прощу изъ саду въ мою горницу... Правда, что дружеская бесѣда есть возокъ, путника облегчающій. А тѣмъ онъ лучше, когда катится на колесахъ пророческихъ. О колеса! О сладчайшая въ чн о ст е! Щасливъ, кто взоръ свой приобучилъ къ свѣтоварному твоему блистанію. Сей почаще взглядываетъ и вкушаетъ отъ тебе. Вотъ точная манна! А зерно ея мѣлкое, какъ коріандръ, разными любителямъ своимъ пріятностями вкусъ услаждаетъ. Какъ дражайшій алмазъ, мечетъ въ очи молнію разнаго цвѣта. Кто хочетъ облегчить несытость свою безъ ея, тотъ чаеъ горстью пѣска забросать бездну океана, а каплею прохладить огненное царство, обѣщая душѣ своей пространную роскошь, заключивъ ее, какъ орла, въ тѣсную яскиню и не разумѣя, что

Бездна Духъ есть въ человѣкѣ,
 Водъ всѣхъ ширшій и небесъ.
 Не насытишь тѣмъ во вѣки,
 Чемъ плѣняетъ міръ сей весь.

Но чувствуя жало ея, наставляющее насъ, въ выборѣ пищи, дружбы и званія, помаленьку узнавать ее, будто изъ букваря, обучаемся.

А е а н а с і й. Ва! Откуда у тебе столько новыхъ картинъ? Смотри: вся горница ими одѣта.

Яковъ. Не удивляйся: разумнымъ людямъ мудрая картина есть планомъ, представляющимъ обширность цѣлой книги. Картина есть книга нѣмая, но, какъ вижу, здѣсь они не нѣмы, всѣ говоры.

Аеанасій. Тфу! Они всѣ, какъ вижу, языческая грязь...

Григорій. Пересмотрите, для сего я васъ позвалъ. Но не ругайте. Они мнѣ всѣ любезны.

Ермолай. Если бы въ твою горницу пришолъ млодоумный христіанинъ, почель бы тебе идолочепомя.

Григорій. Чистое небо не боится молніи и грому.

Аеанасій. Что за вздоръ? Вдругъ звѣри, птицы, лѣса, горы, скоты, воды, рыбы, гады и проч. и проч. Будто рай поганскій.

Григорій. Я съ Петромъ Св. все сіе рѣжу и въ сладость съ Богомъ кушаю; съ нимъ ничто же есть скверно.

Аеанасій. Пожалуй не все глотай. Пожалѣй хоть горь съ деревьями. Посмотримъ на первую, что надъ дверьми. Что за птички сидятъ на-цвѣтушихъ вѣтвахъ?

| Григорій. Соловей съ своими дѣтьми; учить ихъ пѣть. л. 38.

Яковъ. А прочитайте, что говорить картина?

Григорій. „Родители суть наши лучшіе учителя“. Судите, не прекрасная ли пѣснь? И не должно ли почитать предковъ нашихъ законы? Извѣстно, чего учить насъ мать наша Библіа.

Ермолай. Взгляньте сюда. О бѣдненькой олень: съ вонзенною въ тѣло стрѣлою страждетъ возлѣ холма; поль стрѣлы въ язвъ; пропаль онъ. Кто пособить?

Яковъ. Не бойся! Развѣ не видишь, что траву кушаетъ? Она ему выгонитъ вонъ стрѣлу. Сія трава у древнихъ еллиновъ звалась: *λένταριος*?

Ермолай. И такъ стрѣлецъ ничево надъ нимъ не успѣлъ? Хотѣлъ бы я знать, кто его учить цѣлбы сей?

Яковъ. Развѣ не видишь? Что сей тебѣ говоритъ олень? Природа превосходитъ науку. Вотъ кто его учить! Самый лучшій учитель.

Аеанасій. А протолкуйте мнѣ, что это за пирогъ что-ли?..

Лонгинъ. Гдѣ тебѣ пирогъ; конечно, сего дня мало ты ѣлъ. Это раковина, или черепашка, или устрица. Откушай ее, она говоритъ самое премудрѣйшее: „ищи себе внутрь себе“. Все ея добро внутрь черепа сохраняется.

Аеанасій. О, право вкусная черепашка... Ба! да ты, братецъ, и слона кушаешь?... Хлѣбъ да соль...

| Григорій. Нѣтъ ево вкуснѣе и здоровѣе. И васъ милости про- л. 39.
симъ. Онъ мене укрѣпляетъ искать шастія въ Богѣ. А дабы я Бога искалъ внутри себе самага, къ сему оправляетъ мене устрица моя.

Аеанасій. На что жъ онъ въ гору поднимаетъ хоботь?

Лонгинъ. Ожидаетъ поздравить восходящее солнце. Вонъ

смотри! Лучи изъ-за горы вынікають. Описатели звѣрей пишутъ, что слоны каждый день громадою собираются предъ восходомъ солнца и смотрять на востокъ. Не живой ли сей образъ челоуѣка благочестиваго? А для чего не уподобить его слону, если пророкъ Малахія уподобляетъ быку? „Возсіяетъ вамъ боящимся имене моего солнце правды и испѣленіе въ крылѣхъ его. И изыдете, и възграете, якоже телцы, отъ узъ разрѣшенны“.

Григорій. Прочитайте жъ слоново поздравленіе солнцу: „за утра предстану ти и узриши мя. Не пребудутъ беззаконн. предъ очима твоима“.

Аеоанасій. Я люблю горы, дубравы, источники, вертограды...

Ермолай. Кто се таковъ? Какой-то молодчикъ. Конечно пить хочеть. Наклонился къ источн.(ику)...

Яковъ. Вотъ несчастный Нарциссъ! О, бѣдненькой! Конечно онъ не раскусилъ сей притч.(и): не красна изба углами, а живопись л. 40. красками. | Въ чистомъ источникѣ засмотрѣлся на благообразную свою кожу, а не вникаетъ внутрь, въ самое сердце свое, и въ тайное руководство блаженныя натуры, могущія его наставить на путь мира; тѣмъ губить себе, что любить себе.

Лонгинъ. Нарциссъ изрядная статуа и живая фигура чтущихъ Библию, но одну въ ней тлѣнь свою видающихъ, а не проникающихъ въ сокровенное подъ тлѣнью, не слышащихъ Мойсея: „слыши Израилю!“ „Воньми себѣ, внемли себѣ...“ „Господь Богъ твой по средѣ тебе“.

Григорій. Не узнавъ себе, какъ узнаешь Библию? Кто дома слѣпъ, тотъ и въ гостяхъ. О Нарциссъ! Премудрая твоя пѣсенька, но не разумѣешь ея; я жъ твою пѣсню воспую тебѣ же. Узнай себе. Заглянь внутрь.

Аеоанасій. Воля ваша, не могу узнать сего хвостатаго звѣря: бѣжить и оглядывается, схожъ на волка.

Яковъ. Вобръ, отгнривъ самъ себѣ ядра, бросивъ, убѣгаетъ. Вонъ, смотри! Охотники гонять его.

Аеоанасій. Но чтожъ онъ, дуракъ, портитъ самъ себе?

Яковъ. Охотникамъ нужны одни его ядра для аптекарей. Ничего не щадитъ, только бы успокоить себе. Вотъ пѣсня его: „только бы не потерять сердца.“

Аеоанасій. Не очень глупа замѣна. Весь міръ не заплатитъ успокоиствія сердечнаго. „Веселіе сердца — животъ челоуѣку.“ Взгляньте на горящую свѣшу. Что она значитъ?

Лонгинъ. А вотъ видишь: лѣтаетъ около свѣчи ночной мотыль.

Ермолай. Развѣ онъ любитъ свѣчу?

л. 41. | Лонгинъ. Возможно-ль, чтобъ ночной твари нравился свѣтъ?

Ермолай. Кой же бѣсъ несетъ его къ несродному? Развѣ на-

дѣтся отъ товарищей награжденія, если угаситъ свѣтъ, очи ихъ ослѣпляющій?

Лонгинъ. Можетъ быть и то, но прежде самъ ожжется. Вотъ прочти въ низу ему награжденіе: „охота моя погубляетъ мене“.

Аеанасій. Смотри! Собаки на горѣ рвутъ оленя... Но сей олень, въ человѣчьемъ одѣяніи; что за вздоръ?

Яковъ. Бѣдный Актеонъ превращается въ оленя. Вотъ при источникѣ моется съ служанками Діана. Она его передѣлала въ звѣря, чтобъ охотника свои жъ собаки загризли. Зачемъ ему итить изъ селенія? Не къ статѣ ему видѣть чистую дѣву. Даль бы Богъ, чтобъ сіе басню раскусили монахи! Не всякъ рожденъ къ уединенію и умозрѣнію. Праздность, грусть, тоска, ахъ многихъ погубила! Олень есть та жъ скотина, только, что въ лѣсу живетъ. Библиа есть тоже что сфинксъ. Она портитъ и мучитъ не познавшего самого себе и слѣнца въ собственномъ домѣ своемъ. Древній дуракъ Иксионъ ухватился за пустой облакъ, осѣняющій сестру Діеву, вмѣсто ея. А на Актеона, вмѣсто сладчайшія Діаниной любви, попала мечь и клятва потопнаго языка. Вотъ что дѣлаютъ: „враги человѣку домашніи его“.

Лонгинъ. Здѣсь тщеславный Фаетонъ съ шумомъ и съ колесницею съ небесъ низвергается. Достоинъ! достоинъ... Сѣлъ не на своемъ мѣстѣ, презрѣвъ совѣтъ отческій. „Досажденіе мужа смиряетъ.“ (Притч.) Досажденіе значитъ противиться отцу. Сей подобенъ Іаковлю сыну Сумеону, отцовское ложе осквернившему и отъ отца проклятому. Да внимаютъ сіе начальныо засѣдающіе | въ званіи; пускай ражжуютъ и л. 42. тѣ, кои тчатся съ своею грязью на колесницу Божію, рожденную возить одну точію, вѣчность кіота Господня.

Ермолай. О прекрасный холмъ пріосѣненный! Что за птички сидятъ на сухихъ вѣтвахъ?

Лонгинъ. Пѣсня сея птицы даетъ знать, что пустыннолюбная горлица съ своими дѣтьми въздыхаетъ о своемъ супругѣ. Пѣснь ея изъ Исаіи: „воспою возлюбленному пѣснь“. Вотъ подъ деревомъ лежитъ ея любезный мертвъ! А отъ его богатый ключъ качаетъ струи водъ подъ гору на луга... Сей есть портретъ Библии. Сія колесница одного носитъ, а сія вдова одного точію любитъ и въздыхаетъ: „Богъ любви есть“.

Григорій. Скажи мнѣ, Аеанасій, чего ты все смѣшся? Я давно примѣтилъ. Что тебѣ смѣшно?

Аеанасій. Смѣюсь твоимъ купидонамъ. Ты ихъ множество собралъ, помѣшавъ дѣло съ бездѣльямъ, а христіанство съ язычествомъ.

Григорій. Не опасайся, другъ мой. Вся чиста чистымъ. Баснословныя древнихъ мудрецовъ книги, есть то самая предревняя богословія. Они такъ же не вещественное естество Божіе изображали фигурами, дабы невидимое было видимымъ, представляемое фигурами тварей. Скажи, какимъ образомъ изобразишь мнѣ нетлѣннаго Духа существо,

если не младенцемъ крылатымъ? Крыла его значать непрерывное всю вселенную движущее движеніе, а младенство намѣчаетъ въ немъ то: „ты же тойжде еси“... Можетъ быть отсюда родитель и имя сіе Богъ, что движенія вселенную движущаго такъ какъ рѣки текушія есть бѣгъ непрерывный. Если сіе изображеніе хулишь, скажи мнѣ, много ли ты разумѣешь Лотова съ дочерьюми пьянство? Иеронимъ называетъ сіе баснею. И, конечно, она тайно-образная, если богословская. Всей Библии предметомъ самъ только одинъ Богъ. Тутъ ей конецъ до послѣднія черты. Безъ Его она и лжива, и дурна, и вредна, а съ Нимъ вкуснѣе и прекраснѣе всѣхъ невѣсть. Онъ свѣтъ ея грязи, какъ честь алмазу блескъ. Ты же слыхаль, что и Малахія поминаетъ какія-то божественныя крыла: „исцѣленіе въ крилѣхъ его. Яко орелъ поверы гнѣздо свое“. | И невѣста о братней любви сказуетъ: „крыла ея—крыла огня.“ Купидонъ знаетъ желанія. Еллински Ерос. Мудрецы ихъ означали симъ то, что самое любезнѣйшее въ мірѣ и благодороднѣе. Не знаю, другъ мой, что такое разумѣешь чрезъ сіе слово, а мнѣ дай волю разумѣть съ невѣстою того: „гортань Его сладость и весь желаніе.“ Богъ любви есть“. Были и тогда, и нынѣ, и всегда мудрствующіе подло. Если называешь купидона бѣсомъ, не спорю... Дай же мнѣ въ семь рыкающемъ львѣ, сыскать сладость сота, а въ исполнивъ корысти. Развѣ ты никогда не слыхаль, что такое къ просвѣщающемуся Иерусалиму вопіеть Исаія: „изъсеши млеко языковъ. И поймутъ ихъ языцы и введутъ на мѣсто ихъ, и наслѣдятъ, и умножатся на земли Божіи.“ Видишь, что Израйля и языцы водють на мѣсто его. Если жъ сего не знаешь, то конечно слыхаль то: „аще и что смертно испіють, не вредитъ ихъ“. Всякая жъ фигура есть смерть и ядъ языческій, если не исходитъ изъ нея Духъ Того: „въ воню міра твоего течемъ. Гортань Его сладость“... Просвѣщенное Духомъ Господнимъ сердце взоромъ маленькой травки и крошечнаго червячка возводится къ чувству вѣчнаго, будто укусное гнѣздо, все влитое къ себѣ въ укусъ превращая, не точію языческими баснями, которыя тебѣ читать и не совѣтую. Я не виноватъ, что ты беззубый: и за сіе тебе не укаряю. Много жрать, а мало жевать дурно. Но—„не ядый ядущаго да не осуждаетъ.“

Ермолай. Взгляньте пожалуйста на великолѣпную гавань, издали видну. А за нею на высокой горѣ богатый городъ, смотрящій на широту морскую. Безъ сумнѣнія, къ той-то гавани пловать три корабля сіи съ поднятыми флаками, управляемы купилонами?

Лонгинъ. Смотри же, коль приличное сія картина говорить: „Господь права сотворитъ теченія твоя“. (Притч.).

Ермолай. Вотъ два прекрасные мальчики! Конечно, они купидоны. Одинъ |-другаго на раменахъ несетъ: долженъ носимый носящему благодарить.

Лонгинъ. Но еще больше одолженъ носящій носимому другу.
Ермолай. Для чего?

Лонгинъ. Для того, что носящій слѣпъ, а носимый очить.
Одинъ человекъ изъ двоихъ составленъ. Подпись изъ Павла: „прилѣпляйся Господеви единъ духъ есть съ Господемъ“.

Ермолай. Помогите сему трудолюбцу: упадетъ подь бременемъ.
Купидонъ цѣлюю на раменахъ таскаетъ систему міра.

Лонгинъ. Не бойся.

Яковъ. Не опасайся! Онъ въ одной десницѣ и всѣ Коперниковы міры въ забаву носитъ лучше Атласа. А кто онъ? Се тотъ, что спрашиваетъ Иова: „гдѣ былъ еси, егда основахъ землю?“ Но кто скажетъ, что значить кругъ міра, со всѣхъ сторонъ пронзенъ стрѣлами?

| Григорій. Что есть стрѣла, если не стремленіе? Что-жъ есть стремленіе, если не Божіе побужденіе, всю тварь къ своему мѣсту и своимъ путемъ движущее? Сіе-то значить составлять міръ и сей машинѣ движеніе давать. Древнѣйшее любомудрцовъ реченіе: „любовь составляетъ міръ“. Поминаетъ о семъ и Цицеронъ въ книжечкѣ о дружбѣ. Тотъ-же вкусъ и въ тѣхъ рѣчахъ: „все побѣждаетъ любовь“. О сей-то преблаженной всѣмъ владѣющей любви и симпатіи невѣста въ Пѣсни Пѣсней: „крѣпка яко смерть любовь, жестокая, яко адъ, ревность; крила ея—крила огня; угліе огненное—пламы ея“. Теперь наперстниково слово само изъяснилось: „Богъ любви есть.“ Я такъ же рассуждалъ о ангелахъ природы, называемыхъ у древнихъ Геніосъ, коимъ они приносили приношенія, дабы сіи ангелы были вождями въ дѣлахъ житія ихъ.

Ермолай. Сей мальчикъ безъ криль, увѣнчанъ цвѣтовымъ вѣнцемъ, держащій рогъ изобилія, чутъ ли не ангелъ природы?

Григорій. Такъ. Но не бѣшенствомъ ли пахнетъ? Приноситъ хранителю своему ладанъ, вино, цвѣты, а не послѣдовать ему туда, куда ведетъ Божій сей наставникъ. Самая ихъ Минерва, когда тоже есть что натура, тогда видно, для чего ее поставили начальницею всѣхъ наукъ и художествъ? Знать-то, что всѣ науки и всѣ книги родились отъ тѣхъ, кои за то принимались, самою начальницею руководствуемы. Между тѣмъ, разбирая древнихъ любомудрцовъ, тайнообразующія Божію Премудрость картины, не видите на главнѣйшемъ мѣстѣ, будто всѣми ими, образъ владѣющій Христовъ.

Въ верху надписано:

Образъ впостаси Его.

Въ низу:

Иисусъ Христовъ вчера и днесъ...

Въ кругъ, окружающемъ главу Его, сіе:

’O

’ΩN

сирѣчь

Сый.

л. 46. | На взаимномъ мѣстѣ образъ Пречистыя Матере Его, вѣнецъ Ея
отъ звѣздъ; подъ ногами луна, система міра и змій, держащій во
устахъ яблоко, но въ рукахъ ея цвѣтъ лиліи, а въ сердцѣ сіяніе
Святаго Духа, задумчивъ и цѣломудренный взоръ.

Въ верху написано: „сотвори мнѣ величіе Сильный“. Въ низу:

„Радуйся, честнаго таинства двери!
Радуйся, премудрыхъ превосходящая разумъ!
Радуйся, вѣрныхъ озаряющая смыслы!“⁵⁶⁶⁾

⁵⁶⁶⁾ Въ „Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ“ хранится рукопись Г. С. Сковороды, озаглавленная „О природѣ“. Значится она по описи „№ 1657“. Это копія. Переписана она 1 іюля 1802 года. Изъ подписи, сдѣланной 30 ноября 1826 г., видно, что она сначала принадлежала Ивану Любичкому. Потомъ перешла къ проф. Ѳ. И. Буслаеву. Рукопись „О природѣ“—есть ничто иное, какъ „Алфавитъ міра“. Въ началѣ этого списка помѣщена таже духовная пѣсня, что и при кievской копiи.

| Израилскій змій или картина, наречен- л. 3.
ная: день. Схожа на икону, называемую ел-
лински: Σιληνός Ἀλκιβιάδου — Пѣстунъ Алквіадовъ
и на Египетскую Льво-дѣву: Сфинксъ ⁵⁶⁷).

Написана 1776 года. Поновлена 1780 г.

Высокомилостивому Государю
Степану Ивановичу,
Господину полковнику
Его Высокородію, Тевяшеву ⁵⁶⁸).

| Высокомилост.(ивый) Государь!

л. 4.

Извѣстное прямо есть слово Сократово:

„Иной живетъ на то, чтобъ ѣсть,
А я, де, ѣмъ на то, чтобъ жить.

Жизнь не то значить, чтобъ только ѣсть и пить, но быть весе-
лымъ и куражнымъ, и сытость тѣлесная не дастъ куража сердцу, ли-
шенному своей пищи.

Въ семь-то разумъ училъ своихъ друзей Епикуръ, что жизнь
зависитъ отъ сладости и что веселіе сердца есть-то животь человѣку.
Горатіусъ тоже, что Епикуръ мыслить:

...Nec dulcia differ in annum..., сирѣчь, сладости не отлагай на годъ.
А что онъ чрезъ сладость разумѣетъ веселіе сердца, видно изъ послѣ-
дующихъ:

Ut quocunque loco fueris, vixisse libenter

Te dicas, сирѣчь,

дабы ты могъ сказать о себѣ, что для тебе вездѣ жилось куражно.

⁵⁶⁷) Эта рукопись Г. С. Сквороды сохранилась въ нѣсколькихъ спискахъ,
при чемъ два изъ нихъ—подлинники. Одинъ, хранящійся въ Московскомъ Ру-
мянцевскомъ Музеѣ, очевидно принадлежитъ первой редакціи (1776 г.).

Рукопись эта была „поновлена“ авторомъ въ 1780 г. Именно этотъ второй
оригиналъ хранится въ библиотекѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго
Общества. Мы сравнили оба эти текста и всѣ разночтенія отмѣтили въ примѣ-
чаніяхъ. За основу мы приняли текстъ второй, болѣе распространенной ре-
дакціи рукописи, хранящейся въ Харьковѣ. Подробное описаніе рукописей
мы дѣлаемъ на стр. 288 этой книги.

Прим. ред.

⁵⁶⁸) Въ рукописи, хранящейся въ Харьковѣ, на листѣ второмъ имѣется
с обственноручная надпись Г. С. Сквороды слѣдующаго содержанія: „Primo e-
novissimo amico meo Andreae Ioanidi Kowalewscio Domino vice Tribuno proprii
foetus editionem dono offero senex Gregorius filius Sabbae Skworoda.“ *Прим. ред.*

Утѣшеніе и куражъ, куражъ и сладость, сладость и жизнь есть тоже. И что Горацій сказалъ: сладости не отлагай, то Сенека протолковалъ: жизни не отлагай. „Sera nimis est vita crastina: vive hodie“. „Поздо черезъ чуръ завтра жить. Живи днесъ. Силу слова сего люди не раскусивъ во всёхъ вѣкахъ и народахъ обезславили Бикура за сладость и почли самого его пастыремъ стада свиннаго, а каждаго изъ друзей его величали: *Erisuri de grege porcus*.

Но когда жизнь отъ сердечнаго веселія, а веселіе отъ сладости, тогда откуда зависить сладость, услаждающая сердце?

Изъясняетъ Боговидецъ Платонъ ⁵⁶⁹⁾: „Нѣтъ сладчае Истины“.

А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость и что одна она животворить владѣющее тѣломъ сердце наше

л. 5. И не ошибся нѣкій мудрецъ, положивъ | шій предѣломъ между учонымъ и не учонымъ предѣлъ мертваго и живого. Пифагоръ, раскусивъ эмблематъ треугольника и узрѣвъ въ немъ истину, съ веселіемъ вопіеть: „Обрѣтохъ! Обрѣтохъ!“ Видно что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любить выслѣдывать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ. Сей свѣтъ услаждаетъ и старость Солонову; а онъ и состарѣваясь каждый день нѣчто вкушаетъ отъ ядомыхъ всёми, но не истощаемыхъ сладостей, согрѣвающихъ и питающихъ сердечныя мысли, какъ весеннее солнце каждую тварь. И какъ правильная циркулація крови въ звѣряхъ, а въ травахъ соковъ раждаетъ благосостояніе тѣла ихъ, такъ истинныя мысли озаряютъ благодушіемъ сердце. И не дивно, что нѣкіихъ, избранныхъ челоуковъ монументы и записки сею такою надписью оглавлены: *Житіе и Жизнь имя рекъ*. Житіе значить: родиться, кормиться, расти и умаляться; а жизнь есть плодоприношеніе, прозябшее отъ зерна истины, царствовавшія въ сердцѣ ихъ. И не напрасно другъ истины Цицероновъ Катонъ любилъ въ старости пирушки, но растворенныя насыщающими сердце, мудрыми бесѣдами, начертающими невидимую нигдѣ, а прекрасную ипостась истины, влекушія всёхъ чувства и услаждающія. Къ чему-жь сія рѣчь течеть? Къ тому, что высокихъ фамилій люди не только въ тяжбахъ, войнахъ, коммерціяхъ, домостроительствахъ, художествахъ, но и въ самомъ первомъ пунктѣ, сирѣчь въ мысляхъ до Бога касающихся, должны находить Истину, а противоборствовать суевѣрію. Вѣрно, что шаръ земный безъ болотныхъ дужъ, безъ мертвыхъ озеръ, безъ гнилыхъ и долнихъ низкостей быть не можетъ. Но въ такихъ мѣстахъ жабы и сродныя имъ птицы да водворяются, а соколы съ орлами выспись въ пространство чистыхъ небесъ да возносятся, оставивъ дрождіе для не просвѣщенной подлости. Итакъ, благочестивое сердце между выс-

• 569) Въ рукописи Румянцевскаго Музея въ этомъ мѣстѣ примѣчаніе, сдѣланное Г. С. Сковородой: „Divin. Plato“.

паньными курганами буйнаго безбожія и между подлыми болотами рабострастнаго суевѣрія, не уклоняясь | ни въ право, ни въ лѣво, прямо л. 6. течетъ на гору Божию и въ домъ Бога Іаковля.

Вѣрно слово, что Царь и Судія Израильскій, а христіанскій Богъ есть Библиа. Но сей Богъ нашъ первѣе на Еврейскій, потомъ на христіанскій родъ безчисленныя и ужасныя навелъ суевѣрій наводненія. Изъ суевѣрій родились вздоры, споры, секты, вражды междоусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и проч.

Нѣтъ желчнѣе и жестоковѣйше суевѣрія и нѣтъ дерзновеннѣе, какъ бѣшенность, ражженная слѣпымъ, но ревностнымъ глупаго повѣрія жаромъ тогда, когда сія ехидна, предпочитая недѣльныя и нестачныя враки надъ милость и любовь и онѣмѣвъ чувствомъ человѣколюбія, говить своего брата, дыша убійствомъ и симъ мнится службу приносить Богу.

Сей седмиглавный Драконъ [Библиа] водъ горькихъ хляби излевая весь свой шаръ земный покрылъ суевѣріемъ. Оно не иное что есть, какъ безразумное, но будто Богомъ осуществованное и защищаемое разумніе.

Говорять суевѣру: Слушай другъ! Нельзя сему статься... Противно натурѣ... Кроется здѣсь что-то... Но онъ во весь опоръ со желчію вошетъ, что точно летали Иліины кони. При Елиссеѣ плавало де желѣзо, раздѣлялись воды, возвращался Іорданъ, за Іисуса Навина зацепилося солнце, за Адама змй имѣли языкъ человѣческой... Вотъ! Скоро де конецъ міру... Богъ знаетъ, можетъ быть, въ слѣдующій 1777 годъ, спадутъ на землю звѣзды... Что? Развѣ нельзя, чтобъ Лотъ былъ пьянъ отъ ново-выдавленнаго вина?.. Пускай оно у насъ не хмѣльное, но отъ Бога вся возможна... Сихъ дрождей упився, суевѣръ бражничаеть и козлогласуетъ недѣпую, объявляя неприятелями и еретиками всѣхъ несогласныхъ ему. Лучше не читать и не слышать, нежели читать безъ очей, а безъ ушей слышать и поучатися тщетнымъ. Дѣтское есть сіе мудрованіе, обличающее наглость и непостоянность блаженныя природы, будто она когда-то и гдѣ-то дѣлала то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станеть.

| Все же то не великое, что не нужное, и все не нужное то, что л. 7. не всегда и не вездѣ есть возможное. Возможное и нужное, а нужное и полезное есть то же и напротивъ того. Какъ жъ слава и хвала дѣлать невозможное? Все преграждаемое закономъ блаженныя природы есть тѣмъ не полезное, чемъ не возможное, а чемъ полезное, тѣмъ возможное. По сему-то есть благословенно царство ея и дивнымъ вкусомъ дышетъ сіе слово Епикурово: „Благодареніе блаженной Натурѣ за то, что нужное здѣлала не труднымъ, а трудное не нужнымъ.“

Востать противу царства ея и законовъ сія есть нещасная исполнская дерзость, любящая прегражденіе, невозможность и бесполезность, а супостатъ ползѣ.

Какъ же могла востать сама на свой законъ блаженная натура? Разъ она велѣла тонуть желѣзу—и бысть тако.

Такія нелѣпыя мысли пущай мѣсто имѣютъ въ дѣтскихъ и подлыхъ умахъ не въ возмужавшихъ и высокихъ фамилій людяхъ. Да вкушаютъ Божию сію ложь и буйство дѣти и то до времени, а благо-разумные да будутъ готовы къ лучшему столу. Они, не бывъ участниками лжи сея и буйства, могутъ не зажигать, но тушить факель колеблющаго общую тишину и бражничествующаго раскола.

Нѣтъ вредяще какъ тое, что сооружено къ главному добру, а здѣлалось растлѣннымъ. И нѣтъ смертоносѣе для общества язвы, какъ суевѣріе—листвіе лицемѣрамъ, маска мошенникамъ, стѣнь тунеядцамъ, стрекало и поджога дѣто-умнымъ.

Оно възъярило премилосердную утробу Тита, загладило Іерусалимъ, разорило Царь-Градъ, обезобразило братнею кровію парижскія улицы, сына на отца вооружило, и не напрасно Плутархъ хуже безбожія ставитъ суевѣріе: для меня, де, лучше, когда люди скажутъ, что Плутарха на свѣтѣ не было, нежели, что онъ былъ наглъ, непостояненъ, немилосердъ и протч. Да и впрямь суевѣръ скорбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится. Иной сердитъ, что погружаютъ, другой бѣсится, что обливаютъ крещаемого. Иной кленетъ л. 8. квасъ, другой оприсноки...! Но кто сочтетъ всю суевѣрныхъ головъ паучину? Будто—Богъ варваръ, чтобъ за мѣлочъ враждовать.

Во всѣхъ же сихъ вздорахъ бѣгутъ къ покровительницѣ своей Библии, а она со строптивыми развращается.

Библиа есть ложь и буйство Божіе не въ томъ, чтобъ лжи насъ научала, но только во лжи напечатлѣла слѣды и стези, ползущій умъ возводящія къ превыспренній Истинѣ, какъ значить вопросъ сей: „Аще убо введоши мя въ предѣлы ихъ?“ „Аще же ли и нѣси стези ихъ?“ (Іовъ 38). Вся же тварь есть ложь не постоянна и обманчива и вся тварь есть-то поле слѣдовъ Божіихъ. Во всѣхъ сихъ лживыхъ терминахъ или предѣлахъ таятся и является, ложится и востаетъ пресвѣтлая Истина и о ней-то слово: „Истина отъ земли возсія“. „Злато земли оныя доброе“.

И веѣмъ снѣгъ слѣдамъ и писаннымъ и глаголанымъ въ ней будетъ совершеніе отъ Господа, сирѣчь, конецъ и событіе неосуществованнымъ тварямъ приложить истина Господня. Вотъ что значить: „Отъ Бога вся возможна“, сирѣчь, по тварямъ оно пустое и недостаточное, а по Бозѣ дѣйствительное и точное.

Кто? Развѣ кто угорѣлъ или въ горячкѣ, тотъ скажетъ: желѣзо плаваетъ... Отъ Бога, де, вся возможна... И кой сей есть родъ странный богословія, если въ немъ рѣчь о желѣзѣ, не о Бозѣ? Сіе значить: начать за здоровье, а кончить за упокой, по пословицѣ.

Въ прочемъ же буде, когда наконецъ сверхъ поля тѣлныя травы

[жельзо ли она, или золото, или алмазь] похъжеться обитая жельзомъ по ребрамъ своимъ пресильная Истина, во время оно благоразумный не умолкнетъ и скажетъ: „Всплыве жельзо“. (Царст. гл.) Какъ солнечный блескъ по верху водъ, а воды сверхъ голубаго оберa и какъ пестрые цвѣты, высипанные по шелковомъ полю, въ хитротканыхъ камкахъ, такъ по лицу въ Библии сплетеннаго множества тварей безчисленныхъ, какъ манна и снѣгъ, во свое время являетъ прекрасное свое вѣчности око Истина. И о сихъ-то ткателяхъ и книго-сплетцахъ, каковъ былъ Веселеилъ и прочіе, гремитъ вопросъ Божій къ Іову: „Кто даль есть женамъ тканія мудрость | или испещренія хитрость“. (гл. 38).

л. 9.

Здѣсь авторы нарицаются жены, соткавшія библейные свитки разныхъ полотентъ. Во Иліи тоже намъ нужды нѣтъ. Но сія стѣнь нѣчтось ведеть лучшее себе. Да тамъ и написано такъ: „Разумѣши ли яко Илія взятся?...“ Будьто за ухо порвавъ догадываться велить, что въ сихъ вракахъ, какъ въ шелухѣ закрылося сѣмя Истины. А сіе и мальчикъ разумѣетъ: „Взять бысть Илія вихромъ“... Что жъ есть сіе? Отвѣтъ: Сей есть Глаголь Божій не человѣчій и не о человѣкѣ. Илія есть стѣнь того: „Ходяй на крылу вѣтрен.“ А колесница и конница чія? Израилева?.. Никакъ! Колесница Божія! А конница Его жъ. Іаковъ же такъ какъ и Илія есть слабая тѣнь того: „Подъяхъ васъ яко на крилѣхъ орлихъ и приведохъ васъ къ себѣ“. Сей на всѣхъ ихъ, какъ на апостолахъ и на своихъ ангелахъ ѣздитъ и не Симеонъ Его, но Вѣчный Симеона и всѣхъ ихъ какъ ветошь свою носить.

Являясь Истина по лицу фигуръ своихъ, будьто ѣздитъ по нихъ. А они возвышаясь въ тонкій Божества разумъ, будьто вземлются отъ земли и достигъ къ своему Началу съ Іорданомъ паки отпадаютъ, какъ послѣ плодовъ листвіе въ прежнее тлѣни своей мѣсто съ Давидомъ: „Ослаби ми, да почию прежде даже“... [Зима преиде: дождь отыде, отыиде себѣ]⁵⁷⁰). И сіе-то есть: „Преобразить тѣло смиренія нашего“... Истина возвышая Илію, преобразуетъ и всѣхъ ихъ. Въ сію гавань желаетъ душа Давидова и въ семъ безопасномъ мѣстѣ намѣреніи, какъ елень, отложить роги свои.

„Кто дастъ мнѣ крилѣ?...“ Достигъ же къ точкѣ, паки въ ничтожность свою возвращается. „Прежде даже не отыиду...“⁵⁷¹). Презирающій сокровенную во лжѣ библейной истину подался къ сторонѣ безбожниковъ, а гоняй вѣтры и насыщайся лжею есть суетвѣръ ползущій и грязь со Зміемъ ядущій. Тотъ наглъ и не догадливъ, а сей глупъ и гнусенъ. Благородиѣе есть презрѣть нежели около оприснока жевать треницу. Если кто отворилъ начальную дверь сію: „Въ началѣ

⁵⁷⁰) Въ рукописи Румянцевскаго Музея, словъ, заключенныхъ въ скобки, нѣтъ.

Прим. ред.

⁵⁷¹) Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь сказано: „...Не отыиду и къ тому не буду“.

Прим. ред.

л. 10. сотвори Богъ небо и з.(емлю)“. | Легко можетъ входить и въ прочія сихъ книгъ обители. Кажется, дверь сія отверста для каждаго, но сію мысль опровергаетъ слово Петрово: „Таится бо сіе отъ нихъ, яко небеса бѣша исперва“, сирѣчь, что значить: „Въ началѣ сотвори Богъ н.(ебо) и з.(емлю)? Каждая почти здѣсь сентенція не вкусна, поколье и приложитъ своея къ ней силы рука; у Даниила по верху стѣны, а у евангелиста по землѣ пишущая. И всякая мысль подло какъ змій по землѣ ползеть. Но есть въ ней око голубицы, взирающія выше потопныхъ водъ на прекрасную Ипостась Истины. Словомъ вся сія дрянь дышетъ Богомъ и Вѣчностью и Духъ Божій носится надъ всею сею лужею и лжею. Я въ сей книжечкѣ представляю опыты, коимъ образомъ входить можно въ точный сихъ книгъ разумъ. Писалъ я ее, забавляя праздность и прогоняя скуку. А ваш.(ему) Высокор.(одію) подношу не столько для любопытства, сколько ради засвидѣтельствованія благодарнаго моего сердца, за многія милости ваши, на подобіе частыхъ древесныхъ вѣтвей, прохладною тѣнью праздность мою успокоивающія, такъ что и мнѣ можно сказать съ Мароновымъ пастухомъ:

...Deus nobis haec otia fecit.

Высокомилост.(изый) Государь!

Вашего Высокор.(одія)

Всепокорнѣйшій и многодолжен. слуга

студентъ Григорій Скворода.

Главизна сея книги ⁵⁷²).

л. 11. | „Ты кто еси? И рече имъ Исусъ: Нача то къ“. Еванг. Іоан. гл. 8.

*

„Блага Мудрость... паче же видящимъ солнце“. Премудр. Солом.

„Блага ярость паче смѣха. Яко въ злобѣ лица ублажится сердце“. Премудр. Солом..

*

„Начало Сиону дамъ“... Исаіа ⁵⁷³).

*

„Испытайте писаній... Та суть свидѣтельствующая о Мнѣ“. Еванг. Іоан. Гл. 5 ⁵⁷³).

*

„Не на лица зряще судите...“ Іоан. Ев. ⁵⁷³).

⁵⁷²) Это заглавіе имѣется въ рукописи Румянцевскаго Музея и его нѣтъ въ рукописи Харьк. Истор.-Филолог. Общ. *Прим. ред.*

⁵⁷³) Этихъ трехъ „главизнъ“ нѣтъ въ рукописи Харьк. Истор.-Филолог. Общ.— для нихъ оставлено мѣсто, но онѣ не вписаны. Въ рукописи Румянцевскаго Музея онѣ имѣются полностью. *Прим. ред.*

*

Слово къ Богу.

A te Principium tibi definat. (Virgil Ecl.) ⁵⁷⁴),

то есть: „Ты и отъ Тебе Начало исходить; къ тебѣ жь Оно и конецъ свой приводитъ“.

| Преддверіе или Крыльцо.

л. 12.

[Басня. Пустынникъ и другъ его] ⁵⁷⁵).

Пустынникъ обиталъ въ глубокомъ уединеніи. Онъ каждый день при восхожденіи солнца всходилъ въ пространнй вертоградъ. Въ вертоградѣ жила прекрасная и чрезъ чуръ смиренная птица. Онъ любопытно взиралъ на чудныя свойства оной птицы, веселился, ловилъ и тѣмъ нечувствительно проводилъ время. Птица нарочно близко садясь, куражила ловлю его, и казалась тысячу разъ быть въ рукахъ, но не могъ ее никогда поймать. Не тужи о семъ, другъ мой, сказала птица, что поймать не можешь. Ты станешь вѣкъ меня ловить на то, чтобъ никогда не уловить, а только забавляться. Когда-то приходитъ къ нему другъ его. По привитаньи завелась дружеская бесѣда. Скажи мнѣ, спрашиваетъ гость, чѣмъ ты въ дремучей твоей пустынѣ забавляешься? Я бы въ ней умеръ отъ скуки... Но пустынникъ: скажи де, ты прежде, что тебе веселитъ въ общежитествѣ? Я бы въ немъ умеръ отъ грусти... Моихъ забавъ три родника, гость отвѣчалъ. 1.) Оказываю по силѣ домашнимъ моимъ и чужимъ благодѣянiя. 2.) Хорошее благосостояніе здравiя. 3.) Прiятность дружескаго общежитества... А я, сказалъ пустынникъ, имѣю двѣ забавы: птицу и Начало. Я птицу всегда ловлю, но никогда не могу ею поймать. Я имѣю шелковыхъ тысячу и одинъ фигурныхъ узловъ. Ищу въ нихъ Начала и никогда развязать не могу...

Мнѣ твои забавы, говоритъ гость, кажутся дѣтскими... Но если они невинны, а тебе веселитъ сродны, я тебѣ прощаю. И оставилъ друга съ забавнымъ его Началомъ.

⁵⁷⁴) Тезисы, — „главизны“ — отмѣченные въ примѣчаніи ⁵⁷³) написаны чернилами болѣе черными чѣмъ остальные, и почеркомъ нѣсколько отличнымъ, — болѣе прямымъ. Вѣроятно, они были вписаны Г. С. Сковородой послѣ, такъ какъ по расположенію тезисовъ, написанныхъ чернилами болѣе выдѣланными, нельзя думать, что они вписаны послѣ кѣмъ-либо другимъ. Тѣми же чернилами, — вѣроятно тушью, — подправлены и нѣкоторыя буквы въ текстѣ рукописи и во многихъ мѣстахъ точки.

Прим. ред.

⁵⁷⁵) Въ рукописи Румянцевскаго Музея словъ, заключенныхъ въ скобки нѣтъ.

Прим. ред.

Обращеніе Притчї къ Богу или къ Вѣчности.

*

Божественные Мистагоги или Тайноводители приписываютъ Начало единственно точію Богу. Да оно и есть такъ точно, если осматрѣться... Начало точное есть то, что прежде себе ничего не имѣло. А какъ вся тварь родится и ищезаетъ, такъ, конечно, нѣчтось прежде ея было и послѣ ея остается. И такъ, ничто Началомъ и Концемъ быть не можетъ. Начало и Конецъ есть тоже, что Богъ или Вѣчность. Ничего нѣтъ ни прежде Ея, ни послѣ Ея. Все въ неограниченныхъ своихъ нѣдрахъ вмѣщаетъ. И не Ей что-либо, но Она всему Началомъ и Концемъ. Начало и Конецъ есть, по мнѣнію ихъ, тоже. И точно такъ есть, если разсудить. Вѣчность не начинаемое свое и послѣ всего остающееся пространство даже до того простираетъ, чтобъ ей и предварять все-на-все ⁵⁷⁶). Въ ней такъ, какъ въ колѣѣ.

Первая и послѣдняя точка есть та-же, и гдѣ началось, тамже и кончилось. Въ самыхъ тваряхъ сіе можно примѣтить, что тогда-жъ, когда согниваетъ старое на нивѣ зерно, выходитъ изъ него новая зелень и согнитіе стараго есть рожденіемъ новаго, дабы, гдѣ паденіе, тутже присутствовало и возобновленіе, свидѣтельствующее о премудромъ Ея и все сохраняющемъ Міростроительствѣ. Во всякихъ же веществахъ для любопытнаго зрителя премилосердная сія Мати, почти осязаемая, но не понимаемая, подобна смирной, но не уловляемой птицѣ. Сіе правдивое Начало вездѣ живетъ. По сему оно не часть и не состоитъ изъ частей, но цѣлое и твердое, затѣмъ и не разоряемое, съ мѣста на мѣсто не преходящее, но единое, безмѣрное и надежное. А какъ вездѣ, такъ и всегда есть. Все предваряетъ и заключаетъ, Само ни предваряемое, ни заключаемое. Симъ Началомъ благословляется Асирь, сынъ Іаковль: „Покрыетъ тя Божіе Начало“.

Прозрѣвшій сквозь мракъ сіе Начало, назывался у Еврей про-
рокомъ, назывался и священникомъ, то есть святое видящимъ, и пока-
л. 14. зующимъ, а чрезъ | то, людскимъ осытателемъ. Индѣ такіе называлися
маги или волхвы индѣ халдеи, гимнософисты, у еллинъ іереи, софы,
философи, іерофанты и протчая. Опредѣляемые жъ въ сію науку уволь-
нялись всѣхъ житейскихъ дѣлъ. Сіе значило посвятиться Богу. Тогда
они въ натурѣ и въ книгахъ вольно искали Начала.

⁵⁷⁶) Въ рукописи Румянцевскаго Музея Г. С. Сковородой сдѣлано при-
мѣчаніе: „а) Все-на-все. Graec. Πάντα, Universum. Прим. ред.

ПРЕДЪЛЪ 2.

Въ вещахъ можно примѣтить вѣчность.

*

Землемѣры во всѣхъ своихъ фигурахъ восходятъ къ источнику, находятъ центръ и начало. А если кто чистосердечный охотникъ, можетъ въ нѣкоторыхъ веществахъ примѣять тончайшій дивнаго сего Начала лучъ, каковъ испускаетъ во мракѣ утрення заря.

Взглянемъ, напримѣръ, на рыбу, названную у римлянъ [Remora], сирѣчь удержаніе. Она, прильнувши къ брюху корабля, самое быстрѣйшее удерживаетъ его стремленіе.

Поколь смотришь на рыбу, не чувствуетъ душа никакова вкуса. А когда проникать окомъ въ утаенное въ небольшой рыбѣ Божіе Начало, тогда сердце находитъ сладость сота, найденнаго во львѣ Самсономъ. „Гортань Его сладость и весь желаніе“. Безмѣстное и не статочное дѣло, дабы рыба, одною тѣлныя своея природы грязью, могла препобѣдить и обуздать быстроту столь ужасныя машины, если бы въ тѣлной ея тмѣ не закрывался начальникъ тотъ: „положи тму. Закровъ свой“. Сей есть родникъ антипаоіи и симпаоіи.⁵⁷⁷⁾ Взглянемъ на землю и на около насъ находящееся. Мѣлочной звѣрочокъ мышъ, вкравшаяся за дорожнымъ припасомъ въ коляску, бѣшенную рысь, самыхъ буйныхъ лошаковъ приводитъ въ слабость и истомленіе. Взглянь на слабосильнаго звѣрка—на человѣка. Онъ водить медвѣди и слоны. Взглянь на маленькую компасную коробочку и на малую часть корабля — на его руль. Онъ править теченіе, а тая указываетъ путь. Маленькая искра разоряетъ городскія стѣны. Изъ крошечнаго зерна выходитъ толика яблонь. Легенкій воздушный шумъ есть испущенное изъ усть слово, но оно часто или смертно уязвляетъ, или въ куражъ приводитъ и оживляетъ душу. | Малая птица пѣтухъ пугаетъ льва, л. 15. а мышъ слона. Не видная пружина въ составѣ движетъ всю часовую машину.

Не осязаемая въ дыркуль точка источникомъ есть всѣхъ фигуръ и машинъ. Десятофунтная машинка ворочаетъ стопудную тяжесть. Соломяный крутѣнь разбиваетъ кремень. Ничтожная гражданскихъ законовъ бумажка содержитъ гражданство въ тишинѣ. Отцовская старость владѣетъ жестоковѣчными рабами и буйными сынами. Слабago здоровья Государь управляетъ безсловесную свирѣпость народную.

Все сіе по плоти ничтоже есть, но по сокровенному въ себѣ

⁵⁷⁷⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея Г. С. Сковородой сдѣлано примѣчаніе: „а) Противострастный, сострастный. Сострастіе, противострастіе.“

естеству сильное. „Духъ животворить“. Сіе чудное Начало, въ немощахъ сила, въ тлѣни—нетлѣніе, а въ мѣлочи есть величіе. Оно начиная кончить, а кончая начинается, раждая погубляетъ, погубляя раждаетъ, противнымъ врачуя противное и враждебнымъ премудро споспѣшествуя враждебному, какъ свидѣтельствуемъ острое философскихъ учениковъ реченіе: „Unius interitus est alterius generatio“.

Одной вещи гибель раждаетъ тварь другую.

ПРЕДѢЛЪ 3.

Начало во всѣхъ системахъ мірскихъ умозрится и всю тлѣнь какъ одежду свою носить. Оно есть Міръ первородный.

* *

Взглянемъ теперь на всемірный Міръ сей, какъ на увеселительный домъ Вѣчнаго, какъ на прекрасный рай изъ безсметныхъ вертоградовъ, будто вѣнецъ изъ вѣнчочковъ или машинище изъ машинокъ составленный [ни мѣстомъ, ни временемъ, не ограниченный] ⁵⁷⁸⁾. А я вижу въ немъ единое Начало, такъ какъ единый центръ и единый умный цыркуль во множествѣ ихъ. Но когда сіе Начало и сей центръ есть вездѣ, а окружія его нигдѣ нѣтъ, тогда вижу въ семъ цѣломъ Міръ два Міра,—еданъ Міръ составляющіе.—Міръ видный и невидный, живой и мертвый, цѣлый и сокрушаемый. Сей риза, а тотъ тѣло. Сей тѣнь, а тотъ древо. Сей вещество, а тотъ ипостась, сирѣчь основаніе, содержащее вещественную грязь, такъ какъ рисунокъ держитъ свою краску. Итакъ, Міръ въ Міръ есть-то вѣчность въ тлѣни, жизнь въ смерти, востаніе во снѣ, свѣтъ во тьмѣ, во лжѣ Истина, въ плачѣ радость, въ отчаяніи надежда. Въ семъ мѣстѣ встрѣчается со

л. 16. мною любимое слово Платоново въ такой силѣ: | „Подлость не почитаетъ за сущую точность“ — nisi quod прѣ тесат, сирѣчь, кромѣ одно тое, что въ кулакъ схватить можетъ, а въ кулакъ схватить можно одно осязаемое. Если жъ мнѣ скажешь, что внѣшній Міръ сей въ какихъ-то мѣстахъ и временахъ кончится, имѣя положенный себѣ Предѣлъ, и я скажу, что кончится, сирѣчь, начинается. Видишь, что одного мѣста граница есть она же и дверь, открывающая поле новыхъ пространностей, и тогда-жъ зачинается цыплюнокъ, когда портится яйцо. И такъ всегда все идетъ въ безконечность. Вся исполняющее Начало и Міръ сей, находясь тѣнью его, границъ не имѣетъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ Началѣ, какъ тѣнь при яблонѣ. Въ томъ только равнѣ, что древо Жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умалется: то переходитъ, то родится, то ищезаетъ и есть ничто. *Materia aeterna.*

⁵⁷⁸⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея, словъ заключенныхъ въ скобки, нѣтъ.

ПРЕДВЛЪ 4.

Здѣсь нѣсколько знаменій, гербовъ и печатей тайно образующихъ горнее Начало.

*

Сіе единственное Начало, какъ главу мудрости любомудрца въ разныхъ вѣкахъ и народахъ разными фигурами и монументами изобразили. Напримѣръ: колцомъ, шаромъ, солнцемъ, окомъ... А какъ кольцо, такъ перстень, гривна, вѣнецъ и прочая есть тотже образъ. За шаромъ идутъ звѣзды, планеты, плоды, зерно, древо, рай и прочая. За солнцемъ утро, свѣтъ, день, огонь, лучъ, молнія, блистаніе, дорогіе камни, золото, прекрасные и благовонные цвѣты и проч. Прекрасно сіяющая радуга тожъ взята во образъ. Зороастеръ изобразилъ Солнцемъ съ сею Пѣсню:

„Услыши Блаженный всевидящее и мѣющій вѣчное око!“

Отсюда у древнихъ Персовъ поклоненіе солнцу, а день воскресный названъ день солнца, сирѣчь, день Господень. | Монументъ, око подало л. 17. поводъ изобразить человѣками, звѣрьми, скотами, птицами, рыбами и гадами. Отсюда случай къ идолочтенію. Подлость, видя на честныхъ мѣстахъ написанныя или изваянныя тварей фигуры и не достигъ въ тайнообразуемое чрезъ оныя Богоначаліе, слѣпо какъ за якорь спасенія своего, ухватила за ничтожную сѣнь образовъ и погрязла въ ней. Отсюда обоженіе человѣческой тлѣни и инымъ животнымъ. Отсюда вздорныя, нелѣпыхъ мнѣній книги, расколы, заблужденія и заразительнѣйшая язва, хуже безбожія, суевѣріе. Оно ⁵⁷⁹⁾ тоже, что идолочтеніе. Чему кто вѣритъ и на что надѣется, тое и почитаетъ. Суевѣръ суетному вѣритъ, Идолочтець пустое чтеть. Но каждой твари фигура есть нечестивая пустошь; если воплощеніемъ и вмѣщеніемъ своимъ не освящаетъ Единъ Святъ. „Идолъ ничтоже есть“. Идолъ, фигура, образъ есть тоже и ничтоже. Просвѣщенные также изобразили источникомъ. А въ слѣдъ сему водою, росою, мглою, снѣгомъ, льдомъ, инеемъ и проч. И сердце взято во образъ, какъ корень жизни, а обитель огня и любви. И стоящая средѣ моря каменная гора, а въ слѣдъ сему островъ, гавань, суша или матерая земля и проч. Въ числѣ образовъ и крила орлія. Они возвышая долой склонное птичье тѣло отмѣннаго естества видъ кажутъ. А змій, держащій во устахъ своихъ хвостъ приосвѣняетъ, что безконечное Начало и безначальный Ко-

579) Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь имѣется слово:—„естъ“.

нецѣ, начиная кончить, кончая начинается. Но безчисленный есть тайно-образный мракъ Божественныхъ гаданій.

ПРЕДЪЛЪ 5-й.

На семь Началъ утверждена вся Библиа.

*

Сіе истинное и единое Начало есть зерномъ и плодомъ, центромъ и гаванью, началомъ и концемъ воѣхъ книгъ еврейскихъ. „Въ Началъ бѣ Слово“. Сирѣчь: всей Библии Слово создано въ томъ, чтобъ л. 18. | была она единственнымъ монументомъ Начала.

„Въ Началъ бѣ Слово“. А дабы не было сумнѣнія, что сіе Начало есть не подлое, но высокое, истинное и единое, для того всплошь написано: „И Слово бѣ къ Богу“. Когдажъ она здѣлана къ Богу и для Бога, тогда сія Богодышущая Книга и сама стала Богомъ. „И Богъ бѣ Слово“. Такъ какъ вексельная бумажка или ассигнація стала монетою, а завѣтъ сокровищемъ. Сіе слово издревле здѣлано къ Богу. „Сей бѣ искони къ Богу“. Должно читать такъ: Сіе бѣ искони къ Богу. Сирѣчь: Слово ⁵⁸⁰⁾. Все въ немъ Богоданное и ничего нѣтъ, чтобъ не текло къ Богу. „Вся тѣмъ быша...“ И какъ въ ничтожной вексельной бумажкѣ сокрывается имперіаль, такъ въ тлѣнной и смертной сихъ книгъ сѣни и во мракѣ образовъ таятся пречистое, пресвѣтлое и живое. „Въ томъ животъ бѣ...“ ⁵⁸¹⁾.

ПРЕДЪЛЪ 6-й.

Библиа есть маленькій Богообразный міръ или мірокъ. Мірозданіе касается до одной ее, не до великаго тварьми обитаемаго міра.

*

Мойсей, ревнуя священникамъ Египетскимъ, собралъ въ одну громаду небесныя и земныя твари и придавъ родъ благочестивыхъ предковъ своихъ, слѣпилъ книгу Бытія, сирѣчь Мірозданія... Сіе заставило думать, что міръ созданъ за 7.000 лѣтъ назадъ.

Но обительный міръ касается до тварей. Мы въ немъ, а онъ въ насъ обитаетъ. Мойсейскій же символическій [тайнообразный] міръ есть книга.

л. 19. Она ни въ чемъ не трогаетъ обительнаго міра, | а только слѣдами, собранныхъ отъ него тварей, путеводствуетъ насъ къ присносущному Началу единственно какъ магнитная стрѣла, взирая на вѣчную

⁵⁸⁰⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь вписано: [сей λόγος].

Прим. ред.

⁵⁸¹⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь написано: „и проч.“.

Прим. ред.

твердь Его. А въ томъ не очень нужная мудрость, чтобъ знать ⁵⁸²⁾ прежде ли цвѣтъ созданъ или родился грибокъ?... Въ семъ предохраняетъ насъ самый начатокъ книги. „Въ началѣ сотвори Богъ н.(ебо) и з.(емлю)“. Скажутъ, что въ еврейскомъ лежитъ такъ: „Въ началѣ сотворилъ Боги...“ А дабы сіе разумѣлось о книгѣ, написано: „Я Гиммель, къ я Гарецъ“. Сирѣчь: Сіе небо и сію землю. Рѣчь сія никакъ не пристала ко вселенскому міру. Если находится одна точію земля, какъ прежде думали, не къ стати говорится: Сію землю, сіе солнце.

Если же обитаемымъ мірамъ нѣсть числа, какъ нынѣ начали думать и тутъ нелѣпый вздоръ: „Сіе небо...?“ А другое жъ, десятое, сотое, тысячное... Кто создалъ? Конечно каждого міра машина имѣетъ свое съ пловущими въ немъ планетами, небо... Вотъ на что создана сія мірозданія книга! „Небеса повѣдаютъ славу Божию...“ Нѣтъ въ ней рѣчи, ни слова, чтобъ не дышало благовѣстіемъ Вѣчнаго. Во всѣхъ земли сея предѣлахъ: [Terminus, знаменіе] и во всѣхъ концахъ вселенныя сея выходитъ вѣщаніе вселюбивѣйшаго Начала и есть земля обѣтованная...

„Не суть рѣчи ни словеса...“ ⁵⁸³⁾. Въ началѣ Божіемъ основалъ Вѣчный сія небесныя и земныя твари: въ сей книгѣ для Его единого собранныя. „Въ началѣ сотвори Богъ н.(ебо) и з.(емлю). Грязь же сія и сволочь тлѣнныхъ фигуръ, натаскана безобразно и беспорядочно не имущая вида, ни доброты. „Земля же бѣ не вид.(има) и не устр.(оена)“.

| И глубокая бездна морскаго стеченія ихъ тмою неудоборазумѣ- л. 20. нія покрывается. „И тма верху бездна“. И Духъ же Божій надъ сею тонкою тлѣнью, какъ ковчегъ сверхъ всемірныхъ воды, носится. Онъ сію тму просвѣщаетъ, какъ молнія вселенную: снисходитъ ⁵⁸⁴⁾ на ню, какъ голубъ, согрѣваетъ какъ кокошь, покрываетъ какъ орелъ хвостное гнѣздо свое и крилами своими ничтожное естество наше возноситъ въ горняя и преобразуетъ. „И Духъ Б.(ожій) нош. верху воды“.

Въ слѣдъ сего Мойсеева предисловія начинается сотвореніе тварей, созданіе сѣни, дѣланіе чудесъ Божіихъ, фабрика фигуръ Его. „И рече Богъ“. Вижу сквозъ мракъ присносущное Начало и ему раболѣпно поклоняюсь, слышу тайный Его во мнѣ громъ сей „И рече: Богъ“. Слушай Мойсей! Пушай будетъ солнечный свѣтъ фигурою моею! Она станетъ перстомъ показывать истину мою, сіяющую въ тлѣнной вашей натурѣ, невѣроятную смертнымъ.

582) Въ рукописи Румянцевскаго Музея: „вѣдать“ вмѣсто „знать“

Прим. ред.

583) Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь находится слово: „и протчая“.

Прим. ред.

584) Въ рукописи Румянцевскаго Музея: „сходитъ“ вмѣсто „снисходитъ“.

Прим. ред.

„Да будетъ свѣтъ!“ И такъ вдругъ солнечный свѣтъ надѣлъ блистаніе славы Божія и образъ ипостаси Его, а тлѣнь свѣтила сего здѣлалася солнцемъ правды и селеніемъ истины, какъ только Вѣчный въ солнцѣ положилъ селеніе свое. Сіе-то есть прямое сотвореніе Сильнаго! ⁵⁸⁵) дѣлать изъ ничего чудо, изъ сѣни точность, дать грязи ипостась, а подлой тлѣни величіе. Вся дѣла Его въ вѣрѣ, вѣра во истинѣ, истина въ вѣчности, вѣчность въ нетлѣннѣ, нетлѣніе въ началѣ, начало въ Богѣ. „И бысть свѣтъ“. На сіе доброе свое дѣло взиралъ Вышній добрымъ своимъ окомъ. Онъ, презирая нашего свѣта подлую худость, терпящую западъ, единственно смотритъ на свой невечерній свѣтъ въ вещественномъ солнцѣ поселившійся и для любителей своихъ отъ сѣни его исходящій, какъ женихъ отъ чертога своего. „И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро“.

л. 21. | А дабы изъ двоихъ одно составляющихъ естество не послѣдовала смѣсь, а изъ нея идолочтеніе, раздѣлилъ Творецъ между свѣтомъ славы своей и между тмою тлѣни нашей, между истинною и между образующею сѣнью. „И разлучи Богъ между свѣт.(омъ) и [между тм.(ою)]. ⁵⁸⁶) И назвалъ свѣтъ истины днемъ, а сѣнно-образную тму ночью. „И нарече Богъ свѣтъ—день [а тму нар.(ече) ночь] ⁵⁸⁶)“... Но дабы опять не послѣдовалъ раздоръ, разрывающій двоипцу, сопряженныхъ во едино естество, здѣланъ изъ тмы и свѣта, изъ дня и ночи, изъ вечера и утра, день единъ. [„И бысть вечеръ, и бысть утро — день единъ] ⁵⁸⁶). Сей есть міръ Божій! Лѣто радости и веселія, время вожделѣнное, день Господень... Одинъ онъ въ тысячѣ лѣтъ, а 1000 лѣтъ въ немъ. [Одинъ во всей Библии, а она вся въ немъ] ⁵⁸⁶).

Сей день сотворилъ Господь изъ противныхъ натуръ: изъ лукавныя и добрыя, тлѣнныя и нетлѣнныя, изъ глада и сытости, изъ плача и радости въ неслитномъ соединеніи. Между водою подлою и небесною, какъ раздѣляющая, такъ и соединяющая укрѣплена вѣчная твердь. А на все сіе смотритъ Создатель какъ на доброе, не какъ на лукавое.

ПРЕДѢЛЬ 7.

О символахъ или образахъ: какъ оныя назывались у еллинь? А какъ называются въ Библии?

Въ семь первомъ дни явилось фигуръ 6: тма, свѣтъ, ночь, день, вечеръ, утро.

⁵⁸⁵) Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь сдѣлано слѣдующее примѣчаніе:

Quid est Techna Poetica?

Facere ex Malo Bonum?.. Quis Bon? Caro Nihil... *Прим. ред.*

⁵⁸⁶) Слозь, поставленныхъ въ скобки, нѣтъ въ рукописи Румянцевскаго Музея. *Прим. ред.*

Изъ тѣхъ фигуръ символы 3: Тма и свѣтъ; ночь и день; вечеръ и утро.

Символь составляется изъ фигуръ двоихъ или троихъ, означающихъ тлѣнь и вѣчность. Сюда-то смотреть Божій тотъ запросъ къ Іову: „Въ коей землѣ вселяется свѣтъ?“ Тмѣ же кое есть мѣсто?

1 2 1 2 3 1 2 ⁵⁸⁷⁾

Напримѣръ: вечеръ и утро. Вода, твердь и облакъ. Море и суша. Вечеръ есть домъ тлѣни, а утро градъ вѣчности. „Вечеръ водворится плачь, а завтра радость“. Въ водѣ и морѣ, вмѣстилась тма и смерть, | а на сушѣ, на небѣ, и во облакѣ вселился свѣтъ и животъ. „Еда въ рѣкахъ ярость твоя?“ „Над-небеси слава Его“. [Взглянь на Петрова посланія 2-го Гл. 3, ст. 2, О повѣщенной на водахъ земли, а безднѣ въ безднѣ. „Таится бо сіе отъ нихъ и протч.] ⁵⁸⁸⁾

Такія фигуры, заключающія въ себѣ тайную силу, названы отъ еллинскихъ любомудрцовъ:

Ἐμβλήματα ἱερογλύφικα.

Emblemata, Hieroglyphica.

А въ Библии называются: чудеса, знаменіе, путіе, слѣды, сѣнь, стѣна, дверь, оконцо, образъ, предѣлъ, печать, сосудъ, мѣсто, домъ, градъ, престоль, конь, херувимъ, сирѣчь колесница и протч. Они-то суть скоты, звѣры, птицы чистыя и не чистыя. А Библия есть ковчегъ и рай Божій, простѣе сказать звѣринець. „Насади Господь Богъ рай во Ед.(емѣ) на востоцѣ.“

Сюдажъ въ число ввелъ и человекъ. Должно трезвенно поднимать очи, когда здѣсь начитать: одѣяніе, мѣхъ, вретиче, пелены, яслы, коробочка, кошница, гнѣздо, нырище, разсѣлина, пещера, гробъ, [одръ,] ⁵⁸⁸⁾ ровъ, темница, узы, сѣть, плетень, куща и симъ подобное.

„Коль добры дома твоя Іакове, и кущи твоя Ізраилю“... Также, когда начинается фигура цыркульная: плоскокруглая, шаровидная, каковая есть перстень, хлѣбъ, монета и протч., или виноградные и садовые плоды съ вѣтвями и сѣменами и протч. Смотри бодро. Напримѣръ, когда доброзрачная женщина Авигеа привезла Давиду между протчимъ 200 хлѣбовъ, кошницу гроздія и 200 вязаницъ смоквей. „Привязуй къ лозѣ жребя свое“. „Тебѣ и сѣмени твоему.“

Сей есть природный штиль Библии! Исторіалною [или моралною] лицемѣрностью, такъ соплестъ фигуры и символы, что иное на лицѣ а иное въ сердцѣ.

⁵⁸⁷⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея цифръ надъ словами—нѣтъ.

Прим. ред.

⁵⁸⁸⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея словъ, заключенныхъ въ скобки,—нѣтъ.

Прим. ред.

Лицо какъ шелуха, а сердце есть зерномъ и сіе-то значить: „Веніаминъ, волкъ, хищникъ: рано ясть, еще и на вечеръ даетъ пищу“. И не дивно, что весь Израиль толчетъ въ ступахъ манну. Манна л. 23. значить: что-се? Сирѣчь, | чудо: а чудо есть образъ или фигура ⁵⁸⁹⁾ Сама ея о фигурахъ рѣчь дышетъ гаданій мракомъ и самая кратчайшая сказочка заключаетъ во уялѣ своемъ монументъ сладчайшія вѣчности какъ корка, зерно, а перлова мать, жемчужину и какъ луна солнечный свѣтъ отдаеть по всей аемленности своей. На примѣръ:

ПРЕДБЛЪ 8.

Первый опытъ, испытывающій силу слѣдующаго Слова:

*

„Совершишася небо и земля“. Подъ симъ историчнымъ видомъ закрылось тоже, что подъ тѣмъ: „Въ началѣ сотвори Богъ...“ Совершеніе, верхъ, конецъ и начало есть тоже. Іаковъ благословляя, сирѣчь дѣлая фигурую Божіею Иосифа переноситъ на верхъ главы его силу, вѣчность образующихъ холмовъ или горскихъ верхушекъ, являющихся изъ-подъ потолка. Тоже дѣлаеть и Мойсей. „Отъ верха горъ начала и отъ верха холмовъ вѣчныхъ, земля есть Иосифова“, — говоритъ Мойсей. Также кланяется Іаковъ верху жезла Иосифова. Вспоминаеть и Давидъ верхъ власъ... Но все сіе „Изнеможе: Ты же совершилъ еси“. Верхи горъ, волосы главъ, лучи зари и солнца все сіе ничтоже есть, но сія фигуры текутъ къ Вѣчному, Егожь силою влекомыя, — какъ гласитъ запросъ Его къ Іову: „Вечернюю звѣзду за власы ея привлечеши ли?“ Онъ одинъ совершеніе и конецъ свѣтиламъ и знаменіямъ. „Да станетъ солнце!.. И ста солнце и луна...“ „Дондеже пришедши ста верху. ⁵⁹⁰⁾ „Совершишася небо и земля и все украшеніе ихъ“. Спаситель, умирая, послѣдній испустилъ вопль: „Совершишася“. Сирѣчь: Вся сія исторія съ нравоученіемъ создана въ началѣ: сіестъ въ Бозѣ, Отцѣ моемъ. „Въ началѣ бѣ слово...“ И все сіе идетъ къ Вѣчнаго точкѣ, какъ къ своему совершенію. Все сіе ⁵⁹¹⁾ совершенно ⁵⁹²⁾ и отдѣлано. „Совершишася небо и земля...“ Не наше сіе и не до насъ. Божіе есть время, и дѣло, и слава. „Соверши

⁵⁸⁹⁾ На поляхъ, возлѣ этого мѣста, въ рукописи Румянцевскаго Музея, написано: Манна? Quidna hoc? Се что-ли? Чудо, а родникъ его: что-то? Славенски: Щудо, есть ветхое. *Прим. ред.*

⁵⁹⁰⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь приписаны слова: „Се нынѣ!..“ *Прим. ред.*

⁵⁹¹⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь вписано слово: „уже“. *Прим. ред.*

⁵⁹²⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь вписано слово: „нынѣ“. *Прим. ред.*

Богъ въ день шестой дѣла своя“. Когда весь символическій міръ устроенъ въ теченіе къ божественному центру, можно сказать: „Совершишася небо и з.(емля.)“ И когда уже вся тварь приспѣла къ намѣренной своей | точкѣ и покою достойно сказать: „Совершишася“. л. 24.

Какъ ищезаетъ стебло при зрѣлости пшеничнаго зерна а правдивѣе сказать сокрывается въ зернѣ, такъ вся фигуралная мертвенность, доплывъ къ своему пристанищу, пожертвая животомъ, истребляется. Сего просить возлюбленный, находясь фигурою Его. „Ослаби ми, да почію...“ „Ищезоша очи мои...“ ⁵⁹³). Отсюда рѣчи пророковъ: „Звѣзды спадуть“; „Солнце померкнетъ,“ „Свіется небо, аки свитокъ“ и проч., дали поводъ думать, будто міръ обительный когда-то погибнетъ. Во умирающей на крестѣ христовой плоти умираетъ весь вздоръ исторіалный и достойно испущенъ гласъ сей: „Соверш.(ишася)“. Тогда померкаетъ солнце, раздывается вся фигуралная завѣса, а свѣтаетъ утро всемірнаго и премірнаго воскресенія.

„Зима преѣде, дождь отъиде...“, [отыде себѣ. „Цвѣты явишася на земли.“] ⁵⁹⁴) Время обрѣзанія [гроздей] приспѣ. „Совершишася“.

П р и м ѣ р ь 2-й.

ПРЕДѢЛЪ 9.

Второй опытъ, испытывающій сила слѣдующаго слова:

„Почи въ день 7-й отъ всѣхъ дѣлъ своихъ“.

*

Вотъ встрѣчаетъ смѣшнымъ лицомъ историчный вздоръ! Глупость симъ довольна, а самые премудрые не раскусивъ, соблазняются. Кромѣ наличности нѣтъ ничево тутъ недѣлаго, все простое для разумѣющихъ. Просто сказать: Богъ всю тварь здѣлавъ, славы своея фигурами, здѣлалъ особеннымъ портретомъ день субботный.

Какъ левъ въ ложѣ своемъ, такъ образуемая сила Его во фигурѣ почиваетъ. [„Угнѣжденія Премудрости избраннѣе злата. Вселеніе же разума, дражайши сребра.“] ⁵⁹⁴) Сіе то значитъ: „Σμβλημα Emblemata ⁵⁹⁵), [сирѣчь вкідка, вкорененіе, угнѣжденіе, вселеніе будто

⁵⁹³) Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь приписано: „Кто дастъ мнѣ кр...“

Прим. ред.

⁵⁹⁴) Слово, заключенныхъ въ скобки нѣтъ въ рукописи Румянцевскаго Музея.

Прим. ред.

⁵⁹⁵) Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь сдѣлано примѣчаніе: „Emblima то есть вкідка, вметка, вправка. Injunctio, Insertio, Tan. Lar. in Loculo, Sive Oculo Annuli“.

Прим. ред.

л. 25. алмаза во златой перстень.] ⁵⁹⁶⁾ И не о плѣни | написано: „Возлежь, почи, яко левъ“. „Возложивъ Яковъ нозѣ свои на одръ, умре“.

„Погребоша его въ пещерѣ сугубѣй, юже стяжа Авраамъ.“ Вспомни и ражжуй село крове, сіе есть, всю фигуральную тлѣнь но не забывай: „Въ коей землѣ вселяется свѣтъ? Тмѣ же кое есть мѣсто? А суббота есть, всѣхъ ⁵⁹⁷⁾ фигуръ изряднѣйшая и пресвѣтлѣйшій упокоенія чертогъ. „Благослови Богъ день 7-й...“ И не дивно: отъ всѣхъ длѣль своихъ избралъ сію обитель. Сутки состоятъ изъ тмы и свѣта. Обѣ части, а чаще свѣтъ называется ⁵⁹⁸⁾ днемъ. Но источникъ и центръ свѣта есть солнце. Сія благороднѣйшая и прекраснѣйшая тварь въ мірѣ есть то, что въ тлѣи око. „Въ солнцѣ положи селеніе свое“. День есть малое коло, обрацаемое въ 24 часа. Оно составляетъ круги вѣковъ и тысячи лѣтъ, какъ одна форма миллионы монетъ.—Равный и примѣрный теченія бѣгъ обрацаетъ всѣ дни. И время, и мѣра, и движеніе сходное: какъ седмый день такъ и пятидесятая суббота, седмица седмицу заключающая, есть покой Святъ Господевъ и пятидесятый годъ есть Егожь радостное лѣто. ⁵⁹⁹⁾ [Jubilaius]. И такъ, суббота есть праздниковъ праздникъ. Сирѣчь, покой покоевъ, и обитель обителей Божіихъ, такъ какъ пѣснь пѣсней главнѣйшая и символовъ символъ, сличающій тлѣнь съ вѣчностью, да памятуемъ неглѣние ея. „Да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ“. Тма ея и вечеръ приводитъ вразумъ, плачь всея тлѣни, а утро и свѣтолучное солнце громко проповѣдуетъ радость, сіяющія вѣчнаго славы ⁶⁰⁰⁾. День дню отрыгаетъ глаголь и ночь ночи возвѣщ.(аетъ) разумъ. „И бысть вечеръ и бысть утро—день [единъ] ⁶⁰¹⁾...“ Каждый же день фигурныя сея седмицы, имѣя солнце, есть суббота и покой Божій. „Зѣло заутро, во едину отъ субботы, прійдоша на гробъ, возсіавшу солнцу.“ Зѣло рано

л. 26. возсіавшу солнцу... По наружности | есть вздоръ, но въ Богѣ есть

⁵⁹⁶⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея словъ, заключенныхъ въ скобки,—нѣтъ.

Прим. ред.

⁵⁹⁷⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь вписано слово: „чистыхъ“.

Прим. ред.

⁵⁹⁸⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея это слово чѣмъ то залито, почему плохо сохранилось. Надъ нимъ надписано: „называется“.

Прим. ред.

⁵⁹⁹⁾ У Стараго Израїля распространено аллегорическое толкованіе „повороты времянь суточнаго и мѣсячнаго теченія“. См., напримѣръ статью А. Г. Щетинина: „Планъ по орбитѣ земного шара и небесныхъ свѣтилъ со всѣми видоизмѣненіями и примѣненіями къ завѣтному Творческому Духовному плану.“ („Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства“, выпускъ VII, стр. 107).

Прим. ред.

⁶⁰⁰⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь вписано: „Небеса повѣдаютъ сл. Божію“...

Прим. ред.

⁶⁰¹⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея слова „единъ“—нѣтъ.

Прим. ред.

возможное и тоже. „Положи мя утро утро“. „Правда твоя, яко полудне“. „Гдѣ почиваеши? Въ полудне“.

Если кто изъ, одной сихъ свѣтлыхъ субботъ субботы увидитъ встающаго жениха, сей можетъ и изъ протчїихъ фігуральныхъ сосцевъ высосать сладчайшую сота и муста вѣчностъ. „Испустиль еси узники твоя отъ рова“. „Гробы отверзошася“.

ПРЕДѢЛЬ 10.

О захаріевскомъ свѣщникѣ.

Сей седмочисленный вѣчности вѣнецъ сквозъ завѣсу прозрѣвъ Захарія слышитъ отъ Бога: „Седмь сія очеса Господня суть“. Седмь въ седмицѣ солнцевъ и одно солнце, 7 очей Вѣчнаго и одно недремлящее око. Сія жъ седмица у Захаріи уподобляется седмилампаднему свѣщнику. „Видѣхъ и се свѣщникъ златъ весь“. Искалъ онъ, но у Бога, что сіе значить? И сыскалъ, что всѣхъ сихъ мыслей стрѣла напряженна въ одинъ точію центръ вѣчности, презрѣвъ всю стихійную грязь. „Сіе слово Господне не въ силѣ величїи, ни въ крѣпости, но въ душѣ, глаголетъ Господь.“ Сей свѣтосолнечный свѣщникъ просвѣщаетъ исходы и входы въ сію запечатлѣнную книгу, а сіе седмизорное око, весь домъ сей свой въ цѣлости доселѣ сохраняетъ. „Господня земля...“ Сіе око открывається по всей его земли сей съ нагрузомъ ея. „Седмь сія очеса Господня суть, призирающая на всю землю. И не дивно что Іезекіиль видитъ вокругъ крылатымъ своимъ животнымъ и колесамъ ихъ насаженныя очи.

Сказано уже, что Библия есть міръ символичный и звѣринецъ Божій, а люди, скоты, звѣри | и птицы суть фігуры и херувимы сирѣчь л. 27. возки, везущіе вѣчности сокровище. Проситъ Іезекіа, сидящаго на херувимѣхъ дабы избавилъ отъ поруганія нетлѣнную свою дѣву Библию и сихъ-то очей ⁶⁰²⁾ въ ней откровенія проситъ: „Отверзи Господи очи твои и виждь“. О семь-же проситъ и Соломонъ. „Да будутъ очи твои отверсты на храмъ сей день и ночь.“ Тогда они не днемъ, а только ночью открываются, когда стѣнь точію и фігура балванѣтъ. Открываются они Веніамину и брати его.

„Возрѣвъ очима своими Іосифъ, видѣ Веніамина“. Но Веніаминъ сверхъ вечера и рано еще кушаетъ. [„Веніаминъ волкъ, хищникъ...“ ⁶⁰³⁾ „Взалчуть на вечерь...“ „Отвращу очи мои отъ васъ...“ „Исполнихомся заутра...“

⁶⁰²⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея послѣ слова „очей“ написано „его“... „очей его“.

Прим. ред.

⁶⁰³⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея словъ, поставленныхъ въ скобки—нѣтъ.

Прим. ред.

Открываются Закхею: „Возрѣвъ Іисусъ“. Открываются Давиду: „Во свѣтѣ т.(воемъ) узр.(имъ) с в ѣ т ѣ“. Но и сей въ седмичныхъ дняхъ узрѣлъ Б о г а. „Седмерицею днемъ хвалимъ тя.“ Открываются Соломону: „Очи твои голубины...“ Но и сей кричить, что подь солнцемъ скудость и трудъ и нѣтъ забавныхъ новостей, кромѣ почивающаго въ солнцѣ. „Дондеже дхнеть день“. „Гдѣ почиваеши? Въ полудне“. „Яви ми зракъ твой“... Во всѣхъ такихъ какъ содержатся внутри ихъ, такъ и открываются Вѣчнаго очи. А безъ сего они и недужные и хромые и слѣпые. „Тогда скочить хромыи, яко елень...“ „Очи Господни висоцы, человекъ же смиренъ“... Они называются затѣмъ народъ Божій и Мойсей сыновъ Іакова такъ благословить: „Вси освѣщенные подь руками твоими и сіи подь тобою суть“. Они и люди, и быки, и львы, и орлы [и звѣзды] ⁶⁰⁴⁾ занявъ мѣста египетскихъ фигуръ, названныхъ: Hieroglyphica. „Скимень львовъ Іуда, радостотворны очи его“... [„Очи твои на мнѣ и къ тому нѣсть.“] ⁶⁰⁴⁾.

„Первородный юнца, доброта Его“. „Твоимъ ли повелѣніемъ возносится орелъ?“ [„Яко звѣзды пресвѣтлыя...“] ⁶⁰⁴⁾. „Подъяхъ васъ, яко на [крылѣхъ] орлихъ...“ ⁶⁰⁵⁾

л. 28.

| Вотъ зачемъ херувимскія сія животины представляетъ Іезекииль крилатыми, четвероногими, многоочитыми, везущими колеса многоочитыя. „На неже мѣсто, аще зряще начало едино, идяху въ слѣдъ Его!“ Будто бы въ очахъ ихъ высокое оное око, зѣница вѣчности и во свѣтѣ свѣтъ истинный, а въ солнцѣ новое заключалось солнце. „Аки бы было коло въ колеси“. Онъ же видитъ среди сихъ животныхъ, горящія захаріевскія свѣчи. Извѣстно, что древніе свѣчкою, лампадою и окомъ міра называли солнца, а человекъ есть маленькій мірокъ ⁶⁰⁶⁾. „Почи въ день седмый“.

ПРЕДѢЛЪ 11.

О снахъ Фараоновыхъ.

*

Сія радостотворныхъ субботъ седмица, являясь въ различной одеждѣ, является и подь видомъ семи колосовъ, видѣнныхъ во снѣ фараону и семи коровъ. Толкуеть сіе самъ Іосифъ: „Седмь лѣтъ суть“. Какъ суббота, такъ и 50-тый годъ есть чертогъ Вышняго. А

⁶⁰⁴⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея словъ, заключенныхъ въ скобки—нѣтъ. *Прим. ред.*

⁶⁰⁵⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея говорится далѣе: „и приведохъ васъ къ себѣ.“—„Очи твои на мнѣ...“ (Іов.) *Прим. ред.*

⁶⁰⁶⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея по подскобленному написано: „икъ“ „мірикъ“. *Прим. ред.*

можно догадаться и изъ сего, что всё колосы, какъ и Захаріевскія 7 лампы, изъ одного стебла происходятъ, чего въ нашемъ мірѣ не видно. Но сходно ли солнце и колосъ?... Чтожъ нужды въ кошелькахъ, если въ нихъ золото тоже? Всяка плоть сѣно и все какъ риза обветшаетъ, а мысли въ нихъ Божія и тѣ же. Когда солнце просвѣщаетъ вино веселитъ, а хлѣбъ укрѣпляетъ, тогда не велика разнь. Давидова рѣчь о свѣтѣ, мѣшаетъ пшеницу, вино и елей. „Знаменася на насъ и прочая“. Мнѣ кажется сонъ фараоновъ значить ночь и стѣны, вятыхъ отъ египетскихъ священниковъ и пусто у нихъ почитаемыхъ сихъ фигуръ внутри коихъ прозрѣло израильское око вѣчныя мысли и похитило въ свою пользу. „Сонъ фараоновъ единъ есть. Тма только одна египетская въ сихъ словахъ, а сила въ нихъ Божія. „Яко истинно будетъ слово, еже отъ Бога“. За тѣмъ и сонъ повторенъ одинъ его, другій колосъ Божій. „И бысть вечеръ и бысть утро“... Сіи то колосы рвали и терли въ субботу апостолы. Помогла имъ суббота, а безъ нея встрѣтило бы ихъ то, чѣмъ принялъ еврейскій сфинксъ сильный князь Іефоай всѣхъ Ефремитовъ. Онъ всѣхъ ихъ перекололъ не рѣшившихъ задачу сію: „Рците: класъ! [шиболеть, еврейски]. ⁶⁰⁷⁾ И не управиша рещи тако: „И имаху ихъ и закалаху.“ | Смерть, гдаль, л. 29 иждь и уродъ есть Библиа отъ Начала своего заблудившая. Видно, что Ефремиты о дняхъ первыхъ и лѣтахъ вѣчныхъ съ Давидомъ не помышляли, а съ апостолами не думали о субботахъ. Не взойшло имъ на умъ догадаться, что всяка трава въ третій день, а день въ Началѣ сотворенъ. Тутъ всему гавань. Суббота день ея и солнце силу, рѣшеніе и шабашъ всему прилагаетъ. А правдивѣе сказать: зѣница солнца маленькое находящееся въ солнцѣ солнушко. Да все еже даль еси мнѣ не погублю отъ него... „Даль еси власть всякія твари.“

Въ сей свѣтлѣйшей всѣхъ своихъ чертоговъ палатѣ, почивая прекрасный нашъ Іосифъ [прилагатель] фигурной своей системѣ восходящимъ и заходящимъ солнцемъ очамъ міра, растущей и увядающей травѣ всякія плоти: свѣтъ, толкъ и вкусъ прилагаетъ, обновляя лицо фигуръ и самъ на всяку свою похвалу прилагая. Должно только изъ сей твердости вызвать Е го, обрѣзать ему волоса жарные лучи, снять одѣвающій его свѣтъ и всю ветошь отослать на западъ. „Тогда останеть и вознесетъ Господь единъ“. „Возлегъ, почи“... „Почи въ день седмый“ ⁶⁰⁸⁾.

⁶⁰⁷⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь сдѣлано примѣчаніе: „а) Не выгласили Ши—но шиболеть сего ради погибли. (Книг. Судей.)“ *Прим. ред.*

⁶⁰⁸⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь сдѣлана сноска: „а) Воззри, что значить истый Содомъ и Іеріховъ? По пустозвону Іеріх. значить благоуханіе“.

ПРЕДЪЛЪ 12.

О жертвѣ Авраамской.

Богатая сія и великолѣпная фигура солнце есть тучная жертва Богу. 7 субботъ, 7 коровъ, худость наша, а тукъ Божій. Нашъ голодный вечеръ, а Его утро сытостное. Тукъ есть тоже, что въ захаріевскихъ лампадахъ елей и просвѣщающій и насыщающій. Сію-то „Возми мнѣ юницу трилѣтну“ велитъ Богъ Аврааму... Поднявъ онъ жертву въ разумъ начала и раздѣливъ фигуру на тѣнь и истину, видитъ, что солнце не иное что есть, какъ печь, благовоннымъ нетлѣнія дымомъ дымящаясь. Тогда солнце, показавъ собою образуемаго, пало какъ шелуха въ западъ свой; ⁶⁰⁹⁾ а Авраамъ задивился видя, что на мѣсто отдѣленной тлѣни присовокупилися новыя мысли, мысли вѣчныя... „Птицы да умножатся на земли“. Тутъ онъ услышалъ горлицу оную ⁶¹⁰⁾: „Гласъ л. 30. горлицы слышанъ въ земли нашей“. | Увидѣлъ изъ ковчега голубицу взирающую вышше потопныхъ водъ и сказано ему, что сіе, зачатое въ сердцѣ его вѣчности зерно, превратится въ тлѣнь языческихъ фигуръ пожертвоваема и всякъ потопчетъ какъ подлое, но что сему подавляющему языку самъ Богъ ⁶¹¹⁾ дастъ судъ и рѣшеніе и что сіе съ мѣя наслѣдитъ всю землю ихъ взявъ отъ невкуснаго египетскаго Нила все въ Ефратову плодносію. Отъ сихъ коровъ предлагаетъ дражайшимъ своимъ гостямъ масло и молоко и телца одного. Одинъ только и есть у всѣхъ сихъ чистыхъ Божіихъ юницъ сынъ, но всегда молодъ и прекрасный. „Почи въ день седмый“.

ПРЕДЪЛЪ 13.

О седми хлѣбахъ.

*

Сюда смотреть и седми хлѣбы. Изъ сихъ хлѣбовъ одинъ кушаютъ ⁶¹²⁾ два путника: Лука и славный взоромъ Клеопа, но на пути субботномъ; суббота есть и путь и вкусъ и путникамъ и хлѣбамъ. Ктожь имъ переломилъ сей твердѣе всякаго камня хлѣбъ?.. ⁶¹³⁾ Здѣлавшій пиръ седми дней, открывшій гаданіе въ день седмый, попавшій гумна и

⁶⁰⁹⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея сдѣлана сноска: „С) Солнце пало. Жена Лотова, обратися назадъ—тоже“. *Прим. ред.*

⁶¹⁰⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея вмѣсто слова „оную“—значится— „тую“. *Прим. ред.*

⁶¹¹⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея вмѣсто слова „Богъ“ значится— „онъ“. *Прим. ред.*

⁶¹²⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея вмѣсто словъ: „одинъ кушаютъ“, значится: „единъ вкушаютъ“. *Прим. ред.*

⁶¹³⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея въ въ этомъ мѣстѣ вписано: „вогъ кто!“ *Прим. ред.*

колосы филистимскія, вознесшій на гору ворота городскія, растерзавшій льва, спавшій и воставшій отъ сна своего... [Воста, яко спя]... ⁶¹⁴⁾ Уже солнце садилось, нечево было желѣзомъ стричь и обрѣзывать... „Желѣзо не взыйдетъ...“ Осталась одна зѣница солнца; солнушко... Тутъ рѣшеніе гаданія! Сампсонъ значить солнушко. „Онѣма-же отверзостѣся очи“... Преблаженное солнушко почиваетъ въ день седмый, встаетъ въ третій, палить всю тлѣнь, разоряетъ иноплеменничія стѣны, отверзаетъ гробы, открываетъ очи, ломлетъ хлѣбы, насыщаетъ свой весь почотный народъ вкусомъ вѣчности. „Очи всѣхъ на тя уповають, и Ты даеши имъ пищу во благо время“.

Все сіе родство бого-образныя очи носящее, взявъ отъ послѣдняго апостола до Адама говоритъ съ Іовомъ: „Очи твои на мнѣ и ктому нѣсмъ“ ⁶¹⁵⁾. Число ядущихъ сія хлѣбы какъ 4000 или 5000. Затѣмъ, что вся сила Господня исходитъ изъ Египта въ 430 лѣтъ и въ сей суммѣ заключается | 7, а седмиць седмица составляетъ 40, 400 или л. 31. 4000 съ лишкомъ. Затѣмъ написано „Яко четыре тысящи“. „Яко пять тысящъ“... И часто поминается четвертый и седмый родъ. „Въ четвертомъ родѣ возвратятся“. А какъ они находятся вице-фигурою ⁶¹⁶⁾ седмицы, такъ ко всѣмъ и ⁶¹⁷⁾ каждому ихъ касается сіе: „Шестижды отъ бѣдъ изметъ тя“, въ седмѣмъ же не коснетъ-ти-ся зло. Сирѣчь: насытитъ завтра, умножитъ и приложитъ пшеницу, вино и елей. И прилагаетъ Іову семь сыновъ и три дщери: Касію, Рогъ изобилія и Денъ. „Почи въ день седмый“.

ПРЕДѢЛЪ 14-й.

О плащаницѣ Петру низпущенной.

*

Свѣтлая сія седмица есть пространный коверъ, виѣщающій всѣ четвероногія, и птицы, и рыбы, и гады, и плоды дровъ и травъ... Все въ ней, а сама она въ Началѣ сотворена. Сей небесный коверъ низпустилъ: „Простирая небо, яко кожу“. А когда коверъ, то и столъ и домъ седмистолпный и предложеніе хлѣбовъ... И чуть ли не надъ сею скатертью въ Дѣянїяхъ пируетъ въ полдень Петръ на горницѣ: поднявъ все по Авраамску въ верхъ Начала. „Заколи и язьдъ“. Тамъ похваляясь кушаетъ и Павелъ: „Имамы олтарь [отъ него же]“ ⁶¹⁴⁾...

⁶¹⁴⁾ Слово, заключенныхъ въ скобки, нѣтъ въ рукописи Румянцевскаго Музея.

Прим. ред.

⁶¹⁵⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь сдѣлано примѣчаніе: „^{a)} и ктому нѣсмъ. Id est Umbra sum et Figura: Amplius Nihilu. Sol est Pascha: at ego sum—solis Sol: Umbra Umbras: Seu Antipascha: idest Viceumbra Vicefigure Antitypa.“

Прим. ред.

⁶¹⁶⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея на поляхъ пояснено: „^{a)} Вице-фигура, Graece Antitipis?“

Прим. ред.

⁶¹⁷⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея: „и къ каждому“. *Прим ред.*

Тамъ причащаются и всё ему освященные. „Упїются отъ тука дома твоего...“ „Пиша же и упишася съ нимъ“.

И намъ можно сказать. „Имамы олтарь“. Но никто не скверни, что ⁶¹⁸⁾ Богъ для себе освятить. Да молчить здѣсь всяка плоть. Да заколется!.. Божіе сіе тѣло есть, а сія тлѣнная кожа и видъ есть фигурная завѣса храма, гдѣ Вѣчный почиваетъ. „Сія есть кровь моя“... Моя... [надъ симъ словомъ Emphasis, удареніе] Моя, Божія, не чело-вѣча. [Сіе есть тѣло мое... Не смертныхъ чело-вѣковъ] ⁶¹⁹⁾. Симъ хол-стомъ повиваетъ Марія младенца, а Іосифъ мертвеца. „И сіе вамъ знаменіе...“ сирѣчь фигура. [Тамъ Его узрите] ⁶¹⁹⁾.

л. 32.

Щаслива земля, ко | гда сей мертвецъ восталъ. Когда сей Іосифъ изведенъ изъ твердыни, когда сей Сампсонъ проснулся, разорвалъ ужи, свернулъ небо, какъ сукно, потрясъ землею и разогналъ всю языческихъ фигуръ стражу. [И се вамъ знаменіе...] ⁶¹⁹⁾ „Тамо Его узрите“... „Почи въ день седмый...“

ПРЕДѢЛЪ 15-й.

О лѣствицѣ Іаковлѣй. О седми градѣхъ, женахъ, тру-бахъ и горахъ...

*

Касающаяся до небесъ Іаковская лѣствица, сіюжь показываетъ сед-мицу. Отъ нея и чрезъ нея истекають и востекають къ точкѣ своей всё фигуры, часто называясь свидѣтелями, стражами и ангелами; сирѣчь служками, миръ благовѣствующими ⁶²⁰⁾. Іаковъ, такъ какъ и дѣдъ его, прозрѣлъ, что сія шутка не чело-вѣча но домъ Божій, и что сія седмица есть Дверь, на высокій возводящая край. [Исходы мои, исходы живота] ⁶¹⁹⁾. А увидѣлъ также по заходѣ солнца. Сюда взирають и отповскіе его клятвенные источники. [Седмь сія очеса Господня суть] ⁶¹⁹⁾. „Очи твои яко езера...“ ⁶²¹⁾ [Изыде Іаковъ отъ студ. клятвен-наго.] ⁶¹⁹⁾

Клятва, смерть, тлѣнь и фигура есть тоже. Сіижь дни суть и седмь грады Божіи [и солнечные часы откровенные при смерти Исаіею дарю Іезекіи и приложившіе ему лѣта живота, лѣта вѣчности. Лѣта

618) Въ рукописи Румянцевскаго Музея По подчищенному вмѣсто „что“ написано „яже“.

Прим. ред.

619) Въ рукописи Румянцевскаго Музея словъ, заключенныхъ въ скобки— нѣтъ.

Прим. ред.

620) Въ Рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь вписано: „Слава въ выш-нихъ Богу“.

Прим. ред.

621) Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь приписано: „во Есевонѣ (градѣ)“.

Прим. ред.

вѣчная помянухъ и поучахся] ⁶²²). И седмь Исаіевскія жены какъ одна, одного придерживающіяся мужа. И седмь разорившія Іерихонъ трубы. И конечно небо, [тутже и солнце], ⁶²³) когда проповѣдуетъ ⁶²³) славу Божию есть труба. [Небеса повѣдаютъ сл.(аву) Божию] ⁶²²).

[Сія дни суть седмь Вежи, Теремы, Пирамиды, столпы, столповидныя горнія свѣтлицы, Сіоны, обсерваторіи [Гречески Πόρος, римски Turres, Specula...]. Отсюду разбить лобъ Авимелеху. „Въ столпѣ облачнѣ глаголаше къ нимъ. Премудрость созда себѣ домъ“ и утверди столповъ [башень] седмь. „Буди же миръ въ силѣ твоей и обиліе въ столпостѣнахъ твоихъ“. Не въ сей ли горницѣ изліяніе огненныхъ языковъ?] ⁶²²)

[Сія суть горы Божія, горы тучныя. Тамъ растеть рогъ Давиду, туда восходятъ всѣ ко | лѣна Израилева. Туда жъ идетъ въ горняя и л. 33. Маріамъ. Тамъ еленей и раждающихъ еленецъ стадамъ мѣсто. „Преидемъ до Виеелема...“ „Тамо роди тя Мати твоя“.

[Въ сей горницѣ и на сей горѣ воскрешаетъ Петръ тавіеу, сирѣчь: горнюю козу или серну. „Горы высокія Еленемъ...“ Туда Еленью жаждою желаетъ душа Давидова. „Возведохъ очи мои въ горы“... „Кто дастъ мнѣ криль“... „Постави на камени нозѣ моя“. „Кто премудръ и сохранилъ сія...“

[Не сія ли есть гора Синай, дымомъ нетлѣнія будьто купино пламенемъ, какъ печь огнемъ, какъ кодилница оиміамомъ дымящаясь? „Воснися горами и воздыматся“. „Одѣйся свѣтомъ, яко ризою“. „Стаети и Касія отъ ризъ твоихъ“. „Въ вою Мұра твоего течемъ“.

[Не сія ли суть Богомъ потченныя сѣни, кущи и шалаши, отъ благосѣнно-лиственныхъ вѣтвей сплетенные, въ коихъ Израиль субботствуетъ и какъ Іона подъ тыквою отъ вора прохладжается?

[„Въ мирѣ-вкупѣ усну и почию“... „Подъ сѣнью руки Моея покрыю тя“. „Ею же поставихъ небо...“ Изъ сей кущи и въ сей кушѣ коломъ сквозь око его мозгъ ему пробила Израилская жена, Сисарѣ. „Слово крестное погибающимъ юродство“... „Коль добры дома твои Іакове“... „Азъ уснухъ и спяхъ и востахъ“...

[Не сія ли есть гора Фаворъ, отрыгающая и благовѣствующая исходъ высокій оный и дивный Израилскій исходъ съ Моисеемъ и Илиею высокими оными и пречистыми Христовыми устами бесѣдуемый? „Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ убуждшеся видѣша славу Его.“] ⁶²²)

Сюда взираеть и Даніиль ⁶²⁴) съ крючками своихъ седминыхъ.

⁶²²) Въ Рукописи Румянцевскаго Музея словъ, заключенныхъ въ скобки, — нѣтъ. *Прим. ред.*

⁶²³) Въ Рукописи Румянцевскаго Музея вмѣсто слова „проповѣдуетъ“ — „повѣдаетъ“. *Прим. ред.*

⁶²⁴) Въ Рукописи Румянцевскаго Музея вписано „Mein-gard“.

Прим. ред.

[„Видѣхъ и се мужъ единъ“. „Никого же видѣша токмо Исуса.“] ⁶²⁵⁾

[И идущіе въ Галилею и Павель и Стефанъ.“

[„Се вижу небеса отверста...“] ⁶²⁶⁾ „Вѣмъ чловѣка“. Тѣло Его, аки Фарисей“ ⁶²⁶⁾. „Яко взятся великолѣпіе Твое“ ⁶²⁷⁾. „Прійдите взыйдемъ на гору Божию“. ⁶²⁸⁾

Тамъ миръ Израилю и гавань всѣмъ фигурамъ!

„Почи въ день седмый“.

л. 34.

| ПРЕДѢЛЬ 16.

О безконечной пространности и непроходимости дому Божія.

*

Узнавъ день [Его же сотвори Господь] ⁶²⁵⁾ узнаешь седмицу, а сію познавъ познаешь Бытія книгу и протчія какъ отрасли ея. А хотя въ семь не всяку дверь отворить можно непроходимомъ лабиринтѣ, но уже знаешь, что подъ тою печатью не иное что, какъ только Божіе таится сокровище. Довлѣетъ тебѣ, что получилъ Исходъ, и что дарена тебѣ шелкового клуба нить отъ царевны Аріадны, путеведущая тебѣ изъ сего Лавира [закоулковъ] ⁶²⁵⁾ на пространство. Іерусалимская Аріадна есть Раавъ, свободившая изъ Іерихона шпионовъ Иисусовыхъ, обязанною у окна червленною веревкою. Сія веревочка вождь намъ есть въ многосвязанныхъ чертогахъ дому Божія, раздѣляющая Фареса отъ Зары, свѣтъ отъ тмы ⁶²⁹⁾. Сею веревкою межуется Навинъ землю, а по сей мѣрѣ кушаетъ Іезекииль священныя хлѣбы и воду. „Вервь червленна устѣй твои“. „Видѣхъ и се мужъ и въ руцѣ его, уже землемѣрно“ ⁶³⁰⁾.

[Кто называетъ бѣлое чернымъ, горькое сладкимъ, а доброе дѣлаетъ лукавымъ, не можетъ вкусить Библейныя сладости. „Не на лица зряще судите!“ „Ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ.“ „Азъ есмь Дверь“] ⁶²⁵⁾.

⁶²⁵⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея, словъ заключенныхъ въ скобки — нѣтъ. *Прим. ред.*

⁶²⁶⁾ Въ Рукописи Румянцевскаго Музея вписано: „камень“.

Прим. ред.

⁶²⁷⁾ Въ Рукописи Румянцевскаго Музея вмѣсто „Твое“ значитса „Его, а также вписано: „Се вижу небеса отвер.“

Прим. ред.

⁶²⁸⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея вмѣсто слова: „Божію“ — значитса: „Господнію“.

Прим. ред.

⁶²⁹⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея сдѣлано примѣчаніе: „а) Раздѣляющая море. Что бо есть солнце, аще не огненное море?“

Прим. ред.

⁶³⁰⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея вписано: „Еюже мѣр...“

Прим. ред.

[Азъ есмь путь“. „Отселѣ узрите небо отверсто“. Иисусъ Христосъ вчера и днесъ. Сей есть начало. Сей есть образъ Божій. Мѣра благая и не-вещественная симметрия, какъ кость не сокрушаемая [λόγος] до коей прильнула Адамова глина, какъ тѣнь, удвояющая древо жизни (ἀναλογία). „Иже есть сіяніе Славы Отчія, и образъ Ипостаси Его“. „Вся тѣмь быша...“ Отъ Сего, и чрезъ Сего, и ради Сего Человѣка весь громъ гремитъ библейныхъ облаковъ и весь шумъ народа сего (сказать съ Даніиломъ), яко единъ есть гласъ: „Вся тѣмь быша“. Сей одинъ дастъ нить, мѣру, путь, судъ и вкусъ затмѣнному и непроходимому буйству Библейному.

[„Духъ Божій ношаш.(еся) верху воды“. „Духъ вся испытуетъ и глубины Божія“. „И ввійдетъ и изыйдетъ и пажитъ обрящ.“ „Отселѣ узрите небо отверсто“.

| [Духъ вспомнить, дастъ судъ и оправдитъ блудницу Раавъ и жену л. 35. Лотову. „Помяну Раавъ“... Духъ помянетъ и протолчетъ весь притворъ Соломоновскій, все лицемѣріе нѣмыхъ образовъ, всю обуялую Силоамскую купѣль; бурю своею возмутитъ, разженетъ, разсыплетъ, да недужные, въ оную влазящіе впредь не влѣзаютъ подло и вѣтренно, умножая проказу своею банею, но по Раавиной веревкѣ да спускаются съ полководцемъ Нееманомъ въ началѣ. „Ты кто еси?“ И рече имъ Иисусъ: Начатокъ. „Протче.]⁶³¹⁾

Къ чему⁶³²⁾ желать, все перезнать? Ненасытная есть забава гулять по соломоновскихъ садахъ и домахъ, а не все высмотрѣть. Искать и удивляться значить тоже. Сіе движеніе веселитъ и оживляетъ душу, какъ стремленіе текущую по камняхъ воду. Но при полномъ открытіи всего-на-всего ищезаетъ удивленіе. Тогда слабѣетъ аппетитъ и приходитъ насыщеніе, потомъ скука и уныніе. 1000 лѣтъ и единъ день—одна фигура и 1.000.000 ихъ есть тоже. Если что непонятно, закричи съ Варухомъ: „О, Израилю! Коль великъ домъ Божій! Великъ и не имать конца“. „Сіе море великое [и протстранное...“]⁶³¹⁾

ПРЕДЪЛЪ 17-й.

О змѣѣ.

*

Мойсей между протчими фигурами занялъ у египетскихъ священниковъ и ікону змѣя, образующаго Божію Премудрость. „Змѣй же

⁶³¹⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея словъ, заключенныхъ въ скобки—вѣтъ.

Прим. ред.

⁶³²⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь, передъ словами: „къ чему“, вписано: „возмѣрится вамъ.“

Прим. ред.

бѣ мудрѣйшій...“ А когда одна фигура, то и вся Библия есть змій. Возноситъ его Мойсей въ гору, чтобъ не умеръ Израиль. Тоже и евангелскій змій сказуетъ: „Аще азъ вознесенъ буду отъ земли, тогда вся привлеку къ себѣ.“ Змій сей, ползая по землѣ всю сію Мойсеева міра систему и Адама со всѣмъ здѣсь населеннымъ, родствомъ портить. Они всѣ остаются дурными и не вкусными болванами потоль, поколь не раскусить ему голову. Голова его есть седмица. И такъ Библия есть Змій, хотъ одноглавный, хотъ седмиглавный, а растопчетъ ему голову, почивающій въ солнцѣ, избраннѣйшая фигура фигура. Солнце есть и жена и матеръ и дѣва, раждающая ⁶³³⁾ изъ ложеснъ, л. 36. пріятное отъ Бога вѣчности зерно. „Той твою сотретъ главу.“ | И такъ змій останется однимъ только подножіемъ сидящаго въ солнцѣ. Тогда все оживляется, а мертвецы встаютъ къ точкѣ своей. Въ другомъ случаѣ черный сей Драконъ, водъ горкихъ бездну изблевая, апокалиптическія облеченныя въ солнце сына жены, потомъ всю обѣтованную землю потоцляетъ. Но женѣ даются орлиныя крила, дабы родила не въ подломѣ мѣстѣ и не смертное. „Восхищенно бысть чадо Ея къ Богу.“ Сей есть гордая денница; сатана и врагъ ангеламъ, херувимамъ и всѣмъ носящимъ Господа фигурамъ. Не терпитъ смотрѣть Соломонъ, какъ на орла парящаго къ солнцу, а не къ солнущку, такъ и на гнусное сего змія ползанье. И чуть ли не сей поминается въ притчахъ рабъ вопарившійся; а дабы сіе не послѣдовало, почившій въ львиномъ ровѣ Данилъ вкидаетъ сему аспиду въ адскую челюсть хлѣбецъ, спеченный изъ смолы благовонныхъ дровъ и тука и хлопчатой бумаги. Все сіе есть вѣчности фигуры.

„Смурна и Стакти и Касія [отъ ризъ Т.(воихъ)...] ⁶³⁴⁾ „Дающаго снѣгъ свой, яко волну. [Баволну].“ „И тука пшенична насыщай тя“.

Отъ сей нашего Данила чудной пилулы змій лопнулъ.

„Той твою сотретъ главу“. Встаетъ и Іона отъ лица Господня. Семужъ чудовищу въ брюхо ввергаетъ его Богъ. Тогда спасается все священнаго сего міра селеніе съ людьми его. Іона значитъ голубъ, а Ниневія—жилице ⁶³⁵⁾. „Держай земле“... „Держайте скоты полстіи“. Чада Сіоня радуйтеся, яко даде вамъ пищу въ правдѣ!“ Лицо, отъ котораго встаетъ Іона: Львиной ровъ, пещь, смирною дымящаяся, ковчегъ и кіотъ Сампсонова и Адамова жена, ризы Іосифовы, чертогъ солнечный Вѣчнаго, есть тоже. „Одѣйся свѣт.(омъ), яко ризою“. „Той

⁶³³⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея вмѣсто „раждающая“—„испускающая“.

Прим. ред.

⁶³⁴⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея словъ, заключенныхъ въ скобки—нѣтъ.

Прим. ред.

⁶³⁵⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея это мѣсто значитъ такъ: „Ниневія значитъ жилище, а Іона есть голубъ.“

Прим. ред.

твою сотр.(еть) главу].“ Сего рыкающаго Діавола ⁶³⁶), растерзавъ Са м п с о н ѣ , находитъ въ трупъ его сладость вѣчности. [„Идѣже трупъ, тамо соберутся орлы.“ Птицы да умножатся на земли, кїи суть иже яко обл. лет. и яко голубы со птенцы ко мнѣ.“ И Духа, яко голуба сходяща на-нѣ.“ ⁶³⁷)

Сіе дѣлается при городѣ Өамнаѳ. Өамна значитъ образъ. „Той твою сотретъ гл.(аву).“ Мойсею подражаетъ наперсникъ, называя Истину свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка пришелца въ сей символическій міръ. Онъ поставляетъ предитечу на мѣстѣ главныхъ фигуры солнечныя.

„Да свидѣтельствуеть о свѣтѣ“. „Вѣ свѣтилникъ“... | Но меньшее л. 37. сол ну ш ко есть болѣе великаго. „Оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися“. Сей судїа израилскій разоряетъ все ветхое фигуръ ползанье, обновляетъ естество наше, претворяя невкусную воду въ куражное вино и придавая всей Библии сотъ Вѣчности. „Дадесе ми всяка власть...“ „Той твою сотр.(еть) гл.(аву).“

Сего просятъ Давидъ съ Мойсеемъ, воплемъ возбуждающіе, уснувшаго на колѣнахъ своея Далиды. „Да воскреснетъ Богъ...“

„Востани Господи и да разсыплются врази твои!“

„Почи въ день седмый... [отъ всѣхъ дѣлъ св.(охъ)].“ ⁶³⁷)

Натавасїа или снисхожденіе.

*

Окончивъ другїй примѣръ, паки скажу, что въ Библии иное на лицѣ, а иное въ сердцѣ, [она есть Израилская картина] ⁶³⁷) такъ какъ Алкивіадская Икона, называемая гречески ⁶³⁸) Σηληνος, съ лица была шуточная, а внутрь сокрывала великолѣпіе Божїе. Благородный и забавный есть обманъ и подлогъ, гдѣ находимъ подъ лжею истину, мудрость подъ буйствомъ, а во плоти Бога. Вотъ прямое именуемое у древнихъ еллинъ [Ποιμα], сіестъ твореніе [въ коихъ Давидъ поучался] ⁶³⁷). А такіе писатели суть точные пїиты и нимало не дивно, что Мойсея зовутъ обманщикомъ. Сей змїй [Библиа] нарочно созданъ: да поругаются ему соборища нагло судящихъ. И не дивно,

⁶³⁶) Въ рукописи Румянцевскаго Музея это слово написано такъ: „Діавола“.

Прим. ред.

⁶³⁷) Въ рукописи Румянцевскаго Музея, словъ заключенныхъ въ скобки— не имѣется.

Прим. ред.

⁶³⁸) Въ рукописи Румянцевскаго Музея это мѣсто рукописи значительно пострадало отъ сырости; вмѣсто слова „гречески“ здѣсь написано слово „еллински“ при чемъ надписанїя сдѣланы на поляхъ.

Прим. ред.

что для сихъ лисовъ, [занявшихъ язвыны Божія] ⁶³⁹⁾, изъ высокихъ [сихъ] ⁶³⁹⁾ Божіихъ горъ рождаются не левъ, или орелъ, но мыши, ежи, совы, вдовы, нетопыри, шершни, жабы, песія мухи, ехидны, василиски, обезьяны и вредящія соломоновскимъ виноградамъ лисицы.
„Испытайте писаній“ ⁶⁴⁰⁾

Къ рукописи «Израилскій змій».

„Израильскій змій“ сохранился въ двухъ подлинникахъ, разной редакціи, и въ двухъ копіяхъ.

1) Первая редакція этой работы (1776 г.) Г. С. Сковороды въ подлинникѣ находится въ настоящее время въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ, гдѣ значится по описи: „№ 1488“. Рукопись эта помѣщена во II томѣ собранія рукописей Сковороды М. И. Ковалинскаго. Она носитъ нѣсколько иное, — какъ бы сокращенное названіе, именно: „Клижечка, называемая Silenus Alcibiadis, сирѣчь Икона Алквивадская“. Тутъ же значится, что она „написана 1776 года, марта 28-го. Поднесена въ день Пасхи „Степану Ивановичу Тевяшову, Господину Полковнику“. Рукопись въ общемъ хорошо сохранилась, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ мѣстъ, пострадавшихъ отъ сырости, да въ двухъ мѣстахъ рукопись сильно залита чернилами.

2) Вторая, болѣе полная, редакція этой рукописи (1780 г.) хранится въ Библиотекѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества (№ XVII). Это подлинная рукопись Г. С. Сковороды. Она переплетена въ современный коричневый коленкоровый переплетъ съ кожаными корешкомъ, на верхней крышкѣ котораго вытѣснено: „Г. С. Сковорода. Израильскій змій. Реп. И. Ф. Общ. при И. Х. У.“

Она имѣетъ форзацъ + пять нумерованныхъ страницъ + тридцать двѣ нумерованныя страницы + четыре пустыхъ страницы, при чемъ на оборотѣ третьей пустой страницы написано: „Получено мною отъ В. Лук. Спасскаго для передачи А. А. Потебнѣ. М. Линда. 1879-го г. 20 сентября.“

Всѣ страницы самой рукописи перенумерованы внизу карандашемъ и такихъ номеровъ 37.

На форзацѣ есть штемпель „Харьковскаго историко-филологическаго общества № XVII“, кромѣ того въ лѣвомъ углѣ: „№ 84“. — Шифра: „XIII отд. № XVII“. На верху страницы надпись: „Рѣч. историк о

⁶³⁹⁾ Въ рукописи Румянцевскаго музея, словъ, заключенныхъ въ скобки — нѣтъ. *Прим. ред.*

⁶⁴⁰⁾ Въ рукописи Румянцевскаго Музея здѣсь далѣе написано: „Конечъ и святому Богу слава.“ *Прим. ред.*

филологического общества при Имп. Х. Ун. Пожертвована Вас. Лук. Спасскимъ.“

Подъ штемпелемъ надпись: „Г. С. Сковорода. Зміи Израильскій“.

На первой страницѣ рукописи повторена шифра и штемпель и кромѣ того приписано: „Собственноручная (автографъ)“.

Съ этой рукописи по порученію Д. И. Багалѣя была сдѣлана копія, которой мы пользовались для набора. Корректурa нами дважды была прочитана по подлинной харьковской рукописи Г. С. Сковороды. Копія, сдѣланная по порученію Д. И. Багалѣя, въ настоящее время хранится въ Сектантскомъ Отдѣлѣ рукописнаго отдѣленія бібліотеки императорской Академіи Наукъ, гдѣ она значится по описи: „Сект-2866“.

3) Въ Библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи имѣется хорошо сохранившаяся копія этой рукописи. Она тамъ озаглавлена: „Израильскій зміи или картина нареченная: День, схожа на икону, называемую еллински: Пѣстунъ Алкивиатовъ и на египетскую льво-дѣву сфинксъ. Написана 1776 года, поновлена 1780 г.“ Ранѣе она принадлежала харьковскому епископу Филарету, гербовая печать котораго оттиснута на нѣкоторыхъ страницахъ рукописи. Потомъ она перешла къ С. И. Миропольскому, бібліотечная печать котораго значится на форзацѣ этой рукописи. Рукопись, написанная въ четвертую долю писчаго листа, переплетена въ обыкновенный бумажный переплетъ съ кожанымъ корешкомъ. На первомъ форзацѣ рукописи надпись: „1776 годъ. Неиздан.“ На второмъ форзацѣ надпись: „поднесена Господину Полковнику Степану Ивановичу Тевяшову“. На внутренней сторонѣ верхней крышки переплета имѣется замѣтка неизвѣстнаго автора о стилѣ Г. С. Сковороды. Авторъ высказываетъ неудовольство „афористической“ рѣчью Г. С., но тутъ же прибавляетъ, что это „знакъ эпохи“. Замѣтка эта написана въ „С. Петербургѣ, 1871 г., апрѣля 4“.

Эта рукопись Г. С. Сковороды въ бібліотекѣ Кіевской Духовной Академіи имѣетъ шифру: „Рук. муз. 605 (4).“ Въ ней: два нумерованныхъ форзаца + сорокъ пять (1—45) нумерованныхъ страницъ.

4) Въ Императорской Публичной бібліотекѣ (въ Слб.) также имѣется копія этой рукописи. По описи она значится: Q. III. 55. (У Д. И. Багалѣя опечатка въ шифрѣ: вмѣсто Q—напечатано Θ).

Въ тетради, въ четвертую долю листа, переплетенную въ обыкновенный бумажный переплетъ съ кожанымъ корешкомъ, находятся двѣ копіи рукописей Г. С. Сковороды: „Израильскій зміи“ (1—31 стр.) и „Потопъ зміинъ“ (32—58 стр.). Всего въ рукописи: одинъ форзацъ + пятьдесятъ восемь (1—58) нумерованныхъ страницъ. На форзацѣ надпись: „Гр. Савича Сковороды“.

Эта рукопись Г. С. Сковороды до сего времени полностью не была опубликована. Д. И. Багалѣй въ изданіи сочиненій Г. С. Ско-

вороды—(Харьковъ, 1894 г., см. стр. 251—258)—напечатавъ небольшой отрывокъ этой рукописи, именно: 1) Письмо къ Тевяшову; 2) Преддверіе или крыльцо. Басня: Пустынникъ и другъ его.—Предѣлъ I. Обращеніе притчи къ Богу или къ Вѣчности.—Предѣлъ II. Въ вещахъ можно примѣтить вѣчность. — Предѣлъ III. Начало во всѣхъ системахъ мірскихъ умозрится и всю тлѣнь какъ одежду носить. Оно есть міръ первородный.

Въ нашей книгѣ этотъ отрывокъ напечатанъ на 359—368 стр.

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

л. 1. | Книжечка о чтеніи священ.(наго), писанія
нареченна Жена Лотова. ⁶⁴¹⁾

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господи́ну Генералъ Маіору, Государственной военной коллегіи прокурору Михайлѣ Ивановичу Ковалѣнскому.

Любезный друже Михаиле!

Въ самомъ открытіи Намѣстничества Харьковскаго, во время непрестанныхъ осѣнныхъ дождей, прогоняя скуку, написалъ я сію книжицу, въ монастырѣ Сѣннискѣ. Сей монастырь подарилъ Печерской Лаурѣ святой Густынь, митрополита Бѣлгородскій, въ которомъ онъ часто уединялся, ради горнихъ вертоградовъ и чистаго неба. Братъ мой Густинъ Звѣряка, бывшій тогда игуменомъ, не могъ чувствовать вкуса въ женѣ моей Лотовой. Однакъ былъ типографомъ и забавлялся книгами еллинскими и римскими. Но ты, любезный друже, имѣешь вкусъ не звѣрскій. Можно ли мнѣ не сказать о тебѣ: (въ полуночномъ канонѣ перваго гласа) „явился еси Авраму, чистѣйшую часть богословія показуя.“

⁶⁴¹⁾ Подлинникъ этой рукописи Г. С. Сковороды хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, гдѣ значится по описи Рукописнаго отдѣленія подъ № 1488. Фотографическій снимокъ этого подлинника хранится въ Сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго отдѣленія Библиотеки Императорской Академіи Наукъ, гдѣ значится по описи: „Сект. 2857.“ Кромѣ того имѣется рукописная копія этого же сочиненія Г. С. Сковороды, сдѣланная по порученію Д. И. Багалѣя. Она хранится въ томъ же отдѣлѣ Рукописнаго отдѣленія Библиотеки Академіи и значится по описи: „Сект. 2858.“ Для набора рукописи мы пользовались багалѣевской копіей; корректура читалась по фотографической копіи. Багалѣевская копія переписана небрежно: съ ошибками, произвольными измѣненіями орфографіи Г. С. Сковороды и даже съ пропусками. *Прим. ред.*

Всѣ богословствуютъ, но не по Авраамску. Всѣ вкушаютъ и жуютъ, но не по Яковлю сыну.

| „Лудо сыне мой! Тебе похвалятъ братія твоя...“ „Зубы его, паче л. 2.
млека.“

Кто можетъ поминать жену Лотову, аще, не будетъ Богъ съ нимъ? „Помни, де, послѣдняя твоя...“ А послѣднее видѣ есть что ли оно, аще не конецъ и вѣчность? „Помни послѣдняя твоя“. Сирѣчь, слѣдующее за дѣлами твоими. Все наше ищезаетъ, а на мѣсто тѣни вѣчность... О, вѣчность! Ты едина еси и свѣтъ намъ и память. Безславенъ судія, не помнящій тебе! Безпамятенъ тебе забывшій богословъ! О, вѣчность! Мати тебѣ память, а ты ея мати... Спящій на Библии, книжниче мой, скажи мнѣ! Ктоли? И чтоли гнѣздится въ памяти твоей? Кая рѣчь, и кая невѣста живетъ и образуется въ твоемъ семь, всѣхъ морскихъ и воздушныхъ безднъ ширшемъ, зеркалѣ? Что-то плѣняетъ и веселитъ, твою и вселенныя царицу? Кую царицу? Память (говорю) твою? Пожалуй скажи...

Отвѣщаетъ книжникъ. Тфу! какъ не знать сего? Радуга во облакѣ, красавица въ зеркалѣ, а прекрасный Наркіссъ мой, мѣръ сей видимый во очахъ моихъ, будто въ двоихъ зеркалушкахъ, смотритъ на себе, а мурится и любитъ самъ собою, непрестанно... А сверхъ сего, ничего ли тебѣ на память не приходитъ? Отвѣтъ. Да чтоли другое какое прійдетъ? Видѣ что видишь, то и помнишь... О, другъ ты мой, Зналъ я сіе прежде твоего отвѣта. Знаю, что ты все, какъ Наркіссъ твой во водахъ, потопился въ наличность. А память твоя гдѣ? Во мнѣ. Что-ли она помнитъ? Все! Какъ же помнитъ? Видѣ все твое, и весь твой вздоръ (хаосъ) торчитъ подъ носомъ твоимъ. Вся твоя рухлядь, весь болванъ твой, мѣръ сей, лежитъ на очахъ твоихъ, гнѣздится въ твоихъ зѣницахъ. То едино точію помнится, что заочное. Гдѣ убо твоя память? Видѣ у тебе нѣтъ ничего заочнаго. И нинѣ къ чему она тебѣ? Скажи мнѣ: гдѣ такое око, чтобъ не было ему на чтолибо смотрѣть? Не можетъ убо быть и память, когда нечево ей помнитъ. Пожалуй, не мучь мене! (просится книжникъ) я видѣ помню все тое, что здѣлалось вчера... О, бѣдный! съ твоею вчерашнею памятію... Вчера сіе твое уже прошло. Погибла купно со твоимъ вечеромъ и память твоя. Все тое, есть-то твое вчера, что уже ищезло, отцвѣло, и не узнаетъ мѣста своего. Аще земля твоя есть ничтоже: како и не память? Вотъ, се она отъ земли земная твоя память, послушай! „Лице Господне на твор. злая: еже потребити отъ земли (зависяшу) память ихъ. Пожа- луй проснися! Не весь погружайся въ землю! Приложи къ ней и то, чего не видишь. А приложишь, если вспомнишь. Тѣмъ оно великое, чемъ нетлѣнное. Нетлѣнное, яко невидное. Кто бо можетъ растлѣть заочное и невидное? И что есть святое, аще не удаленное отъ тли? Сіа-же-то есть истинная память: призвать, обнять и принять въ па- л. 3.

мятное наше зеркало тую святыню, которая утаенна, то есть отъ тли удаленна, и паче сонца сіяетъ, то есть всѣмъ вся оживляетъ.

„Пойте Господеви преподобныи Его, и исповѣдайте память святыни его.“ Видишь ли, что святыня и память, не разлучна дружка? А ты ее привязалъ до проклятiя земли.

Святыня и память, двойна сія луча, есть невечерняго сонца. Святыню вѣра видитъ, Надежда надѣется, Любовь объемлетъ сердцемъ, а Память памятуетъ. Четыре сіи духи, суть едино съ вѣчностію, съ бездною нетлѣнія, съ апокалипсическимъ градомъ, съ незаходимымъ сонцемъ. Видишь дымъ? Вспомни огонь! Видишь міръ сей? Вспомни вѣчность. Что есть міръ сей? Дымъ вѣчности. Вѣчность есть огонь всеядущій.

Глушь ловець на слѣдъ зѣваетъ. Елень въ память не приходитъ. А слѣдъ ведетъ до еленя.

Буй книжникъ на болванъ смотритъ. Вѣчность въ память не приходитъ. А стези до ея ведутъ.

Стези твоя въ водахъ многихъ. Библиа есть стези его. А ты въ стезяхъ поглубился. Но проснися и припомни... Куда сіи слѣды ведутъ? Куда сіи ноги несутъ? Вотъ куда! Наумъ спѣваетъ:

„Се на горахъ ноги!“ (Чиі ноги?) Благовѣтствующаго и возвѣщающаго міръ. Видишь? На горахъ твой елень. Къ нему сіи слѣды ведутъ. Къ нему сіи ноги несутъ. Возводъ же память на горы. Оттуду приходитъ помощь.

Что есть Лотова жена? Слѣдъ. Куда она тебе ведетъ? Туда куда сама идетъ. Идетъ туда, куда смотритъ. Куда смотритъ, тамъ ея мысль. Она оглянулась въ Содомъ. Жена и Содомъ есть тоже. Содомъ значить то, что, тайна. Вотъ куда жена привела! Въ Содомъ. А Содомъ же куда ведетъ? Туда, куда дымъ восходитъ. Дымъ его восходитъ въ небо. Дымъ его поднялся въ гору. Дымъ, чады, духъ, л. 4. мысль, толкъ есть тоже. Видишь? Куда ведетъ Содомъ? Жена | и Содомъ, суть ноги. Видишь, что идутъ на горы.

„Се на горахъ ноги!“

Но и гора, слѣдъ есть Божій. А куда она возводитъ? На Сіонъ гору возводитъ. Но Сіонъ гора земная. Она возводитъ къ небесной. Сіонъ на градъ призираетъ. Небесна гора на весь міръ. Тамъ-то твой Лотъ обитаетъ! „Гора Сіонъ, въ ней же вселился еси.“ Гдѣ же нашъ Сіонъ небесный? Солнце на весь міръ взираетъ. Вотъ тебѣ гора небесна! Солнце истинный Содомъ есть. Лотова есть жена сонце. Всемъ болванѣ Лотъ сокрылся. Видитъ его память чиста. Зритъ на его свята вѣра. Солнце Содомъ, а онъ Сигоръ. Солнце жупель, онъ Өіміамъ. Солнце пекло, а онъ роса. Солнце западетъ подъ землю. Въ память вѣчную будетъ Лотъ. Онъ тебѣ отецъ и женихъ. Купідонъ и ветхій деньми.

| ПРИМѢТА 1-я.

л. 5.

О наставникѣ.

Проходить море сіе, великое и пространное, за руководствомъ ангеловъ Божіихъ должно. Таковъ вождь былъ Рафаиль Товіи.

Ангель, Апостоль, и истинный богословъ, есть тоже. Но почему знать: кто отъ Бога посланъ? Слушай Іеремію. Гл. 23., ст. 22.:

„Аще бы стали въ совѣтѣ моемъ, слышаны сотворили бы словеса моя, и отвратили бы людей моихъ, отъ пути ихъ лукаваго, и отъ начинаній лукавыхъ.“ Видишь, что посланникъ отъ Совѣта Божія есть тотъ, кто толкуетъ къ нравоученію, паче же къ вѣрѣ, безъ коей и добродѣтель не добродѣтель. Таковы суть: Василій Великій, Іоаннъ Златоустый, Григ. Назіанзинъ, Амвросій, Іеронимъ, Августинъ, папа Григ. Великій и симъ подобные. Сіи то могли съ Павломъ сказать: „Мы же умъ Христовъ имами“.

Богословіа учить, или цѣлить, самыя тайныя въ душѣ начинанія, совѣты и мысли. „Растлѣша и омерзѣш.(ася) въ начинан.(іяхъ).“ Начинаніе, начало, совѣтъ, [λογος] и Богъ, есть тоже. Отъ совѣта, или главы, какъ отъ источника, всѣ наши дѣла на ружу происходятъ. Если совѣтъ добръ, то и плоды добрые. Итакъ, богословіа есть не иное что, какъ искорененіе злыхъ мыслей, или какъ Павелъ говоритъ: началовъ и властей. Вить если два суть человѣка, перстный и небесный въ томъ же человѣкѣ, то и два начала: одно зміино, или плотское, другое Божіе. Въ прочемъ, тѣ искореняютъ худыя мысли, а на то мѣсто насѣвають слово Божіе, сѣмя всѣхъ добрыхъ дѣлъ, о коихъ можно сказать: „Начать Іисусъ творити же и учити“. Любовь одна Ангелскій языкъ дѣлаетъ дѣйствительнымъ.

| ПРИМѢТА 2-я.

л. 6.

О симпатіи или сострастіи между чтецомъ и наставникомъ.

Начало всему и вкусъ, есть любовь. Какъ пища, такъ и наука, не дѣйствительна отъ нелюбимаго. И такъ съ помянутыхъ Ангеловъ, избрать для себе одного, кой паче прочіихъ понравится. Откушать нѣсколько каждаго, или нѣкоторыхъ съ нихъ. Въ то время вдругъ къ одному, особое движеніе почувствуешь. Одну манну всѣ сіи ядятъ: хорошъ во всѣхъ ихъ вкусъ, но разный.

ПРИМѢТА 3-я.

О отверженіи свѣцкихъ мѣній.

Приступая къ небеснымъ онимъ писателямъ, должно принять чистительныя пилюлы, и всѣ старинныя, съ глупаго общества водхнен-

ныя мнѣнія такъ изблевать, какъ Израиль ничего не взялъ отъ разореннаго Іерихона, а если что удержалъ, за то былъ казненъ. Если въ море для измытія итить, такъ на что удерживать мірскую грязь? Мужъ двоедушень, есть искуситель, духъ пытливый, хромъ на обѣ ноги, ни теплъ, ни хладенъ. Мужъ нейтральный, есть непріятель дѣлу, а Библиа, есть то тяжёлое дѣло Богу съ смертными. Сей-то родъ людей вопрошаетъ Бога: Живъ ли въ рукахъ моихъ воробей? Живъ, если не задавишь, — отвѣчалъ Богъ. „Не искусиши Господа Бога твоего.“

ПРИМѢТА 4я.

О страшной опасности въ чтеніи.

Но понеже, по Августиновому слову, не точію въ свѣцкихъ дѣлахъ, но и въ самомъ раѣ слова Божія, скрыты находятся діаволскія сѣти, для того съ великимъ опасеніемъ поступать должно, дабы при самомъ чтеніи и поученіи въ законѣ вышняго, не вплутаться намъ въ силѣ лукавое, по примѣру Іудыну.

„По хлѣбѣ ввійде въ него сатана.“

л. 7.

| А вотъ тѣ сѣти! Сребролюбіе, честолюбіе, сластолюбіе, тщеславіе... Сіи всѣ духи возвращаются въ землю свою, то-есть къ брюху и къ плоти, откуда насъ Слово Божіе выведеть единственно намѣренно.

Коль многихъ погубила грязь Лотова піянства! Безчисленныхъ растлилъ ядъ, Давидова прелюбодѣйства, а въ старости его, — мнимый духъ дѣволожства. Не менѣе яда въ повѣстяхъ о сынѣ его. Читаемъ о ревности Иліиной, и острымъ ножъ на ближняго. Слышавъ о Іезекіиной болѣзни, раздражаемъ страхъ смертный и наше суевѣріе. Богатство Іовлево, жадными, а благородность Авраамова, дѣлаетъ насъ тщеславными. Лазарево воскресеніе, слѣпыхъ прозрѣніе, свобода бѣсноватыхъ советѣмъ насъ превращаетъ въ плотомудрствующія скоты. Самое сіе зерно Божіе, сирѣчь слово сіе [Вѣра], соблазняетъ насъ, повергая на стихіи вѣшняго міра. Отсюда-то уповаемъ на плоть и кровь святыхъ, надѣемся на тлѣнь и клятву; обожаемъ вещество въ ладанѣ, въ свѣцахъ, въ живописи, въ образахъ и церемоніяхъ, забывъ, что кромѣ Бога ничтоже благо и что всякая вѣшность есть тлѣнь и клятва. Кратко сказать, вся Библиа преисполненна пропастей и соблазновъ. „Сей лежитъ на паденіе.“ И весь сей путь ея Іерихонскій, воздушными осажденъ разбойниками. Скажемъ съ Давидомъ: „На пути семъ... скрыша сѣтъ мнѣ“.

Слышалъ ты о мытарствахъ? Такъ вотъ они! Въ прочемъ онѣ есть небыль. Помяни, что Библиа, есть еврейская сфинксъ и не думай, будто объ иномъ чемъ, а не о ней написано: „Яко левъ, рыкая, ходитъ, искій кого поглотити“. Помни, что опасное дѣло, встрѣчаться съ Голиаеомъ. Щастливъ, кому удалось, раздрать льва сего: и обрѣсти въ

жосткомъ нѣжное, въ горькомъ сладкое, въ лютости милость, въ ядѣ ядъ, въ буйствѣ вкусъ, въ смерти жизнь, въ безчестіи славу... Но, какъ притча есть: не всякому по Якову, сіестъ по Сампсонову удается.

| ПРИМѢТА 5-я.

л. 8.

О чтеніи въ мѣру.

Весьма помнить должно увѣщаніе Сирах.(ова) сына! „Мнози пресыщеніемъ умроша“. Затѣмъ, какъ можно, старатся въ мѣру кушать, не обременя желудка мыслей нашихъ. Здоровой и чистой вѣкусъ, малымъ доволенъ, а засоренная глотка безъ мѣры и безъ вкуса жереть. Для сего-то не велитъ Богъ, святить себѣ скотовъ, не имѣющихъ жванія. Много жрать, а мало жевать—дурно. Многія къ тому разномысленныя чтущій книги, не будутъ благоучоннымъ. Когда нашъ вѣкъ, или наша страна, имѣетъ мудрыхъ мужей гаразда менѣе, нежели въ другихъ вѣкахъ и сторонахъ, тогда виною сему есть то, что шатаемся по безчисленнымъ и разнороднымъ книгъ стадамъ: безъ мѣры, безъ разбору, безъ гавани. Большой разныхъ тварей беспокоить, а здоровый одною ядью сытъ. Скушай одно со вкусомъ и довлѣетъ. Нѣтъ вреднѣе какъ разное и безмѣрное. Пивагоръ, ражжевавъ единъ треугольникъ, сколько насытился? Давидъ, разкусивъ едину стѣну ковчега, сколько просвѣтился? Даже скакаше, играя. Ражжуй одну преславную славу и во многія обители Божіею сего лабиринеа отверзетъ тебѣ входъ и исходъ. Преславная слава, слово Божіе и мысли Его есть тоже. „Преславная глаголашася въ тебѣ гр.(аде) Б.(ожій)“. „По всей земли слава Твоя“. Раскуси одну точію, напримѣръ сію славу: „Идѣже трупъ, тамо соберутся орлы.“ Или сію: „Птицы да умножатся на земли.“ Или сію: „Слетѣша птицы на тѣлеса растесанная.“ Или сію: „Седмъ юницъ, во юницахъ людскихъ.“ Или сію: „Очи твои, яко голубины.“ Или сію: „Не вѣмъ орла, парящаго къ солнцу.“ Или: „Твоимъ ли повелѣніемъ возносится орелъ?“ Или: „Подъяхъ васъ, яко на крилѣхъ ордихъ.“ Или: „Призоветъ [Богъ] отъ востока птицу.“ Или: „Гласъ горлицы слышанъ въ земли нашей.“ Или: „Да станетъ солнце! и ста солнце.“ Или: „Дондеже пришедши ста верху, идѣже бѣ отроча.“ Или: „Вознесе Самсонъ на верхъ горы, врата градныя.“ | Или: „Возмите врата князи ваш.(и)“. Или: „Врата сія затворенна будутъ.“ Или: „Да хвалимъ будетъ во вратѣхъ мужъ ея.“ Или: „Се дѣлстваца утвержд.(ена) на земли.“ Или: „Желѣзо не възидетъ на главу мою.“ Или: „Всплыве желѣзо.“ Или: „Что есть чел.(овѣкъ), яко помниши его?“ Или: „Взятся отъ земли животъ его.“ Или: „Единъ есмь азъ дондеже преиду.“ Или: „Преидемъ до Виелеема.“ Или: „Не изыйдеша, Боже, въ силахъ нашихъ.“ Или: „Премудрость во исходѣхъ поется.“ Или: „Возвеселися неплоды нераждающая.“ Или: „Созидутся пустыни твоя вѣчныя.“

л. 9.

Или: „Дщери твоя на рамѣхъ возмутся.“ Или: „Будутъ царіе кормители твои.“ Или: „Приступите ко мнѣ, погублшии сердце.“ Или: „Ниже хребты ихъ, и высота баше имъ.“ Или: „Узриши задняя моя.“ Или: „Помни послѣдняя твоя.“ Или: „Полижутъ персть, аки змиеве.“ Или: „Яко ластовица, тако возопію.“ Или: „Баше Ефремъ, яко голубъ безумный, не имый сердца.“ Или: „Кто преиде на ону страну моря, и обрѣте премудрость?“ Или: „Звѣзды возсіяша въ хранилищахъ своихъ.“ Или: „Сонія узрятъ.“ „На забрала востекуть.“⁶⁴²⁾ „Глубоко сердце челоуѣку: и кто познаеть е?“ „Вода глубока, совѣтъ въ сердцѣ мужа.“ „Человѣкъ насади виноградъ.“ „Подобаетъ вамъ родитися свыше.“ „Даль бы тебѣ воду живу.“ „Ангель Господень возмущаше воду.“ „Иже первѣе влазаше... здравъ бываше.“ „Познася има въ преломленіи хлѣба.“ „Змія возмутъ. Языки возглаголютъ новы.“ „Востани и ходи. И вскочивъ, ста, и хождаше.“ „Востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ.“ „Даны быша женѣ два крила орла великаго.“

Кто развяжетъ хоть одну связь, въ томъ блещитъ Израилскій глазъ

Кто премудръ, [тотъ] и сохранить сія. Сирѣчь, примѣтитъ, соблюдетъ, постигнетъ и размыслитъ. Когда слышишь сіе: „Поминайте жену Лотову“, не долѣетъ вспомнить одно тое, что была жена у Лота. Сія такая пища есть гладная, тощная, не сытостная, худая; кратко
 а. 10. сказать: пустый колосъ, | и худая корова отъ сна Фараонскаго, и суеты мірскія. Но должно размыслить и припомануть тое, куда ведетъ разумы наши сей соленый болванъ? Что-то внушаетъ намъ, не вкусная, и буія сія корова? Не обращай сердцемъ твоимъ, въ Содомъ ачяныя тлѣни, и суеты, не опочивай здѣ въ смертной сѣни, но въ предняя простирайся на гору съ Лотомъ, и тако тецы: да постигнешъ соль, и нетлѣнную силу тлѣни сея и славу воскресенія ея. Да то, что посѣянно въ тлѣни, встанетъ въ нетлѣни, да воспоешь: „Востани слава моя.“ „Единъ есмь азъ, дондеже преиду.“ И будешь блаженный оный странникъ, и пришлецъ, о коемъ вопрошаетъ прозорливый Варухъ: „Кто преиде на ону страну моря, и обрѣте ю?“ Сіе-то значитъ поминать. „Поминайте жену Лот.(ову).“ Сирѣчь, ражжуйте, раскусите, растолочте, разбійте и сокрушите идола сего, раздерите льва сего діавола и същете внутрь его, сокровенную ядь и сладкій сотъ вѣчности, безвѣстная и тайная премудрости Божія, о коей Исаіа: „Въ сокровищахъ спасеніе наше.“ Изъ двоихъ естество состоитъ слово Божіе. „Единою глагола Богъ, но двойное слышно.“ Двѣ страны имѣетъ библейное море. Одна страна наша, вторая—Божія. На нашемъ брегѣ колосы пустыя, а коровы худыя; обонъ-поль же моря и класы добры, и юницы избранны. Нашъ брегъ и бѣденъ и гладенъ, заморскій же, есть доброй надежды гавань:

⁶⁴²⁾ Далѣе слово „или“ не повторяется, однако, всѣ тексты написаны такъ, — въ одинъ столбецъ,—что послѣднее „или“ должно отнести ко всѣмъ остальнымъ текстамъ.

лоно, или заливъ Авраамліѣ, мѣсто злачное, гдѣ весь Израиль пасется и поживаетъ, оставивъ на голодной сторонѣ Содомлянъ. „Кто пройде на ону страну моря?“ А вотъ кто! „И полещу и почию.“ „Азъ уснухъ, и спяхъ, и востахъ.“ Вотъ и дѣвица! „Подъ сѣнь его вожделѣхъ и сѣдохъ.“ Почивай, душа моя, мудрая дѣво! Не бойся. „Аще постиши, сладостно попиши.“ О раю мой, раю! Мы тебе почитаемъ, но не разумѣемъ. Ахъ! съ толкомъ нужно вкушать слово Божіе, зубами сына Іаковля, жевать должно. „Іудо! Возлегъ, уснуль еси, яко левъ.“ И не дивно; могъ онъ ражжевать, и обрѣсти себѣ сладость покоя. „Яко рай сладости, земля предъ лицемъ Его.“ И всѣ оны имѣють Іудыны зубы, о коихъ написано: „Яко же утро разліются по горамъ, людіе мнози и крѣпцы, подобны имъ не быша отъ вѣка. „Праведникъ держаетъ аки левъ.“ | Поминайте жену Лотову“. Вся тварь, есть сѣнь привидѣнія, а Богъ есть духъ видѣнія. Вотъ тебѣ два Хвалынскаго моря берега: сѣверный и южный. „Поминайте жену Лотову.“ Слышишь мрачное привидѣніе? Вспомни чрезъ сей мракъ, свѣтъ видѣнія. Осязаешь нечувственный солоный кумиръ, для чего чрезъ сію примѣту, не взойдетъ тебѣ на сердце соль неглѣнія и вкусъ вѣчности? Видишь сѣверный берегъ! Помяни на немъ южный невидный. „Отъ юга прійдетъ Богъ.“ Уготовь пасху. Вить здѣсь не нажится. Не ногами преидеши, ни кораблемъ, ни крилами. Самъ Господь восхититъ сердце твое, и престаитъ отъ смерти къ жизни, отъ буйства въ разумъ и судъ. „Пусть бо Господень есть судъ и милость.“ Если взираешь на жену сію, почто прелюбодѣйствуешь въ сердцѣ твоємъ? Почто почити на плоти и крови ея мыслишь? Для чего не размыслишь, что плоть и кровь, нѣсть царствіе небесное, нѣсть покой и сладость, но мертвый сей болванъ, сѣнь и привидѣніе, а сія примѣта ведетъ тебе къ мѣткѣ своей, къ мужу своему, дабы не съ нею, но съ нимъ тебѣ почитать и наслаждаться. „Потребилъ еси всякаго любодѣющаго отъ тебе“. Развѣ жъ великое есть нѣчтость, мужъ ея Лоть? О, другъ мой! Когда сынъ Авраамль великъ есть человѣкъ Христось, тогда Егожь братаничъ Авраамль, малое ли нѣчтось тебѣ мнится быти? О всемъ родѣ семъ дерзновенно скажемъ: „Родъ же Его кто исповѣсть?“ Лоть есть оный человѣкъ, о коемъ написано: Въ вою мѣру твоего течемъ.“ За нимъ-то чистыя дѣвы текутъ, изъ сѣвернаго брега, на горы кавказскія, да упіются и почиють. „Упіются отъ тука дому твоего.“ Лоть есть одного рода съ Смурною, сіе есть, тукъ или клей, изъ ароматныхъ дровъ. Вотъ премудрость Божія! „Яко смирна издахъ благовоніе.“ „Смурна и стакти и касія отъ ризъ твоихъ“. Еллинскій гласъ стакти, а еврейски Лоть. Стакти не благій ли духъ? А духъ благій не то-же ли, что Богъ? Шабашъ! Здѣсь почіемъ! „И полещу и почию.“ „Господь пасеть мя.“ „На мѣстѣ злачнѣмъ всели мя.“ „Помина(ай) жену Лотову“. О жена, жена! Ты и горестъ, и сладость моя. Живишь и умерщвля-

- ешъ... Если бы мы тебе такъ любили, какъ твой сладчайшій мужъ Лотъ, якоже и Христосъ церковь свою, никогда бы мы не разлучали, яже Богъ сочета. Тайна сія велія есть... | А нынѣ холодно и несмысленно любля, а безтолково и безпамятно поминая тебе, не вспомнимъ о мужѣ твоємъ, раздѣляя нераздѣльную двоицу, и забывъ совѣтъ Божій: „Сы не человекъ, да не сотвориши чадъ по плоти.“ И невозможно, чтобъ сія Ева, не вкусила смертныхъ плодовъ и не породила чадъ въ погубленіе тогда, когда станутъ съ нею амуриться поддлыя, плотоядныя и хамскія оныя сердца, кои описаны такъ: „Полижутъ персть, аки зміеве, плѣзуще по земли“. „Увѣждь, яко пепель сердце ихъ, и прелщаются“. „Врази его персть полижутъ“. „Смерть упасеть ихъ“. „Ядъ аспидовъ подъ уст.(нами) ихъ“. „Гробъ отверзеть горт.(ани) ихъ“. Изми мя Господи отъ чел.(овѣка) лув.(ава).“ „Въ сердцѣ и въ сердцѣ глаголаша злая. Какъ такъ? А вотъ какъ! Принесли съ собою злость въ сердцѣ своемъ, затѣмъ не нашли доброты и въ сердцѣ жены Лотовы, кромѣ глаголовъ потопныхъ, и языка лстива, съ коимъ пришли. До доброты же оныя яко сокровенныя, не добрались. „Вся слава дщере царева внутрь“. И се то тѣ содомляне, бродящіе по околицамъ града. „Преславная глаг.(олашася) въ тебѣ, граде Божій“. „Марія соблюдала вся глаг.(олы) въ сердцѣ своемъ“. Да какъ же имъ и найтить? Вить „глубоко сердце“, а паче оному человекъ: „Взятся отъ земли животъ его“. А ихъ дѣло ползати и кушати землю вся дни живота своего. „Смерть имъ, хлѣбъ, а мати ночь“. „Взалчуть на вечеръ и обыйдутъ граль.“ „Проклятъ ты паче всѣхъ скотовъ!“ „Проклятъ Ханаанъ отрокъ!“ „О, несмысленная и косная сердце!“ „Поминайте жену Лотову“. О прекрасная моя, и благословенна въ женахъ неплоды! Не могу въ темноту намыслиться о тебѣ: толь сладка мнѣ память твоя, память Лотова. Седмъ мужей и 7000 имѣла еси, и нынѣ имѣешь, но всѣ прелюбодѣи, кромѣ сына Товитына, а Рафаилова друга Тови. Сей накадилъ невѣстникъ и ложницу твою ениміамомъ и благоуханнымъ чадомъ, восходящимъ отъ сладчайшія памяти о мужѣ твоємъ, да въ память вѣчную будетъ праведникъ, преспалъ съ чистою невѣстою, не зазорно, и цѣломудренно, внѣ бѣсовскаго идолскаго, смрада, обрѣтшій какъ въ рыбѣ печонку, внутрь царскія сія дщери, славу ея: кассію и стагги въ ризахъ ея, воздвигъ чада, не въ рабство, но въ свободу, кои не отъ похоти женскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родилася, какъ здѣлалъ оный отрокъ: „Отъ днесь дѣти сотворю, яже возвѣстятъ правду твою, Господи, спасенія моего“. „Азъ уенухъ...“ Скажите мнѣ, кто у васъ человекъ бояйся Господа? Кто? Не Ханаанъ отрокъ и хлопецъ, но прямой мужъ оный: „Господь съ тобою, мужу сильный.“ | Есть ли кто изъ числа оныхъ мужей? „Мужіе любите своя жены“. „Азъ же глаголю во Христа и во церковь.“

Такъ возлюбите со мною неплодящую сію. „Возвеселися неплоды не раждающая!“ Если-жъ сія не нравится, кромѣ ея суть множайшія дщери царскія. Кія? А вотъ онѣ! Іудифъ, Руфъ, Рахиль, Ревекка, Сарра, Анна, мати Самуилова, любезная Давиду Авигеа, Далида Сампсонова, Фамарь, Есфирь, а Еву ты забылъ? И не читалъ ли ты, что ангелы Божіи амурились со дщерьми человѣческими? Сіи-то дѣвочки, согрѣвали старость Давидову. Съ тѣми же любилъ и сынъ его, и во одной хвалить всѣхъ въ концѣ притчей. Всѣ сія жены амуруются и раждаютъ, не на долнихъ сѣверныхъ брегахъ и поляхъ, но на горнихъ стреминъ черкескихъ верхахъ, въ безпечныхъ мѣстахъ райскихъ, и о сихъ то еленицахъ, стязуетъ Богъ у Іова. „Аще уразумѣлъ еси время рожденія козъ, живущихъ на горахъ каменныхъ?“

Тамъ-то обновляется орля юность Давиду. Возрастаютъ новые рога и ему и козамъ. Тамъ и Евангелскія еленицы: Елисаветъ, и возшедшая въ горняя Маріамъ. Туда же поднята Петромъ и Тавиоа, сирѣчь серна, сайгакъ. Туда отсылаетъ ангелъ и мироносиць. Кратко сказать о всѣхъ: да не растлится дѣвство ихъ. „Даны быша женѣ два крила орла великаго“. „Поминайте жену Лотову“.

Что жъ ты думаешь, о, амурникъ мой? „Не суть совѣты мои, якоже совѣты ваши“.

Знай другъ мой, что Библиа есть, новый міръ и людъ Божій, земля живыхъ; страна и царство любви; горній Іерусалимъ; и сверхъ подлаго—азіатскаго, есть Вышній. Нѣтъ тамъ вражды и раздора. Нѣтъ въ оной республикѣ ни старости, ни пола, ни разствія. Все тамъ общее. Общество въ любви, любовь въ Богѣ, Богъ въ обществѣ. Вотъ и колцо вѣчности! „Отъ человѣкъ сіе невозможно“. Брось думать, что Ева старуха или чужая жена. Сіи думы суть отъ береговъ содомлянскихъ. „Гроздъ ихъ, гроздъ желчи“. Сей то корень выспръ прозябаеть, многихъ оскверняя. И не многіе ли осквернились, начитавъ Лотово піяство? „Вся убо чиста чистымъ“. „Но осквернися ихъ умъ и совѣсть“. Плюнь на бабскія и дѣтскія сказки, не вѣрными чтецами и на ложь, плотоядными зміями отрыгаемую, растлившими Еву, обращающими лукавое свое воспятъ въ Содомъ око, на свою блевотину. „Взалчуть, яко песь.“ А ты, другъ мой, поспѣшая и не осматриваясь ниже въ право и лѣво, иди въ горняя со тщаніемъ, куда тебе зоветъ не обманщикъ зміи, но прозорливый Захарія: | „О! о! Бѣжите отъ земли сѣвер- л. 14. нья“. И Исаіа: „Отступите, отступите изыйдите отсюда.“ „Прійди да покажу тебѣ судъ любодѣйцы великія.“ „Яко отъ вина ярости любодѣянія своего, напои вся языки.“ „О, граде кровей! Весь лживый, полнъ неправды... Гласъ бичей, и гласъ труса колесъ, и конника текуща, и колесницы шумящія... Открыю задняя твоя къ лицу твоему и покажу языкомъ срамоту твою, и царствамъ безчестіе твое... Положу тя въ

притчу. „Возвергу на тя оглушеніе по нечистотамъ твоимъ.“ „Паде, паде, Содомъ.“ „Поминайте жену Лотову“.

Но, о, другъ ты мой! Прежде приберись, и уготуйся для Синайскія оныя горы, сладкимъ дымящіяся, онымъ дымомъ нашего Лота. „Христово благоуханіе есмь“. Пожалуй, будь мудрою дѣвою, если хочешь быть въ Канѣ Галилейской, и преображеннаго, изъ огнушенныхъ сихъ [мочащихъ къ стѣнѣ градской] псовъ урыны, и жезломъ Мойсейскимъ услажденнаго насладиться муста. Заплачь, о, Іереміе, яко „Оскудѣша добрыя дѣвы“. Но ты веселѣе воспой о Исаіе: „Свѣтися! свѣтися, горній граде!“ „Возведи окрестъ очи твои, и виждь.“ „Се дщери твоя на рамѣхъ возмутся.“ „Кіи суть? Иже яко облады летяты, и яко голубы со птенцы ко мнѣ.“ „Отверзутся врата твоя присно. Приложится къ тебѣ богатство морское...“ „Радуйся пустыня.“ „Кто дастъ мнѣ крилѣ?“ И полещу...“ „Да какъ же тебѣ къ веселью оному, и къ горнему добратся браку? Какъ приступитъ къ неосязаемому Кавказу и взлетѣтъ на стремнины его? „Положу стропотная его въ гладкая.“ „Дамъ имъ путь новъ и пойдуть“. Кій путь? Никогда ты его не узнаешь. Какъ же? Скажу. Если кто не рожденъ породою съ вышней оной страны, не можетъ найти онаго пути, и взойти въ горняя. Молчи мнѣ съ глупымъ вопросомъ Никодимскимъ. Плоть, трижды рожденная, есть одна грязь, и одинъ тотъ-же перстный болванъ. Но нужда въ томъ, да скудельная твоя природа зачнетъ, прійметъ и вмѣститъ, какъ нива зерно: горнія породы, и новыхъ людей сѣмя. Слушай! Сѣмя сѣмое по роду. Слышь! По высокому оцму роду. „Родъ Его кто исповѣсть?“ Вотъ тогда-то рожденное отъ Духа, есть второе, новое, и инородное сверхъ отъ плоти рожденнаго, сказать Мойсейскимъ штилемъ: Человѣкъ—Человѣкъ, сирѣчь душевный вкупѣ и духовный, не всѣмъ знакомый: „Азъ, который говоритъ, отъ вышнихъ есмь: вы же отъ нижнихъ есте.“ Вотъ въ чемъ, повторяю, нужда! Чтобъ изъ навозной твоей кучи, блеснулъ алмазь, а отъ пѣщаной твоей горы, откатился оный краеугольный камень. Дабы болото и грязь твоего тупа, прорастила быліе травное, выпускающее сѣмя по роду Божественному. Дабы полевые и дубравные крыны, и благовоиные шпыки, произникли изъ земли, и сверхъ земли твоей. Да кости мертвыя

л. 15. | твоя, прозябнуть яко трава: и созиждется стѣнь тѣлишка твоего, и пустыня твоя вѣчною въ роды родовъ. Сіе-то есть второй разъ родиться, сирѣчь свышше, и обрѣсти въ себѣ то, что быть никогда не начинало, но ты глухо только слышалъ о томъ, безъ всякаго вкуса, а на сердце тебѣ оно не всходило, и ты того не чаялъ, ни думалъ о томъ, а если думалъ — думка твоя похожая была на беззубаго младенца, обращающаго во устахъ своихъ, самый благородный изъ соломоновскихъ вертоградовъ орѣхъ, но не по зубамъ своимъ. Естли же кому пришло время, и уделось раскусить самаго себе, сей въ горницѣ

своей, и на мысль не восходившее, паче надежды вырылъ золото. Кое? Оное. „Злато оныя земли доброе, и тамо анераксъ.“

„Радуйтесь со мною“. Тогда сердце, дѣлается доброю нивою: падаетъ и приѣмлется Вѣчности зерно, а плоть, какъ поле цвѣтами, и какъ сухая въ кустахъ палица, процвѣтеніемъ весенныхъ вѣтвей, будьто орѣхъ, наполняется зерномъ онымъ: „Азъ есмь хлѣбъ животный.“

„Азъ цвѣтъ полній и крынь удольній“. „Изнесе земля быліе травное“. „Цвѣты явишася на землѣ.“ Во время оно, свышше второе рожденны, бываемъ чистою дѣвою, значеншею и вмѣстившею онаго, кто есть точію Единъ, и единъ святъ. „Се раба Господня!“ „Господи, во чревѣ зачахомъ, и поболѣхомъ, и родихомъ духъ спасенія твоего.“ „Слово плоть бысть, и вселися въ ны.“ Разумѣй же мнѣ и памятуй отъ нынѣ, богословское сздание челоуѣка онаго. „Сзда Богъ Человѣка.“

Въ горней республикѣ все новое: новые люди, нова тварь, новое твореніе. Не такъ какъ у насъ подъ солнцемъ, все ветошь ветошей, и суета суетствій. „Вся дѣла Его въ вѣрѣ.“ „Въ твореніихъ руку твою поучахся.“ „Творяй Ангелы своя, духи [духами].“ „Сотворю и кто отвратить?“ „Слушай же! Да напишется сіе перстомъ Божиимъ на сердца!“ Сотвореніе челоуѣка, есть то второе рожденіе. Оно бываетъ не тогда, когда содомскій челоуѣкъ изъ плоти и крови, и будьто изъ брениа и грязи горшокъ зиждется, слѣпливается, образуется, изваляется, стоитъ, ходитъ, сидитъ, машетъ, очи, уши, ноздри имѣетъ, шевелится и красуется какъ обезьяна; болтаетъ и велерѣчить какъ римская Цытерія; чувствуетъ какъ кумиръ мудртвуетъ какъ идолъ осязаетъ какъ преисподній кротъ; щупаетъ какъ безокой; гордится какъ безумный; измѣняется какъ луна; беспокоится какъ сатана; паучится какъ паучина; алченъ какъ песь; жаденъ какъ водная болѣзнь; лукавъ какъ змій; ласковъ какъ крокодыль; постояненъ какъ море; вѣрный какъ вѣтеръ; надежный какъ ледъ; рассыпчивъ какъ прахъ; ищезаетъ какъ сонъ... Сей всякъ челоуѣкъ ложный: сѣнь, тма, паръ, тлѣнь, сонъ. | Когдажъ бываетъ прямое сотвореніе челоуѣку? Тогда, когда второе л. 16. рожденіе. Не дивись сей славі и сему слову: „Подобаеть вамъ родитися свышше“.

Бранный кумиръ ограниченъ, заключаемъ тѣснотою. Духовный же Челоуѣкъ, есть свободъ. Въ высоту, въ глубину, въ широту дѣтаетъ безпредѣлно. Не мѣшаютъ ему ни горы, ни рѣки, ни моря, ни пустыни. Провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядаетъ въ преждебывшее, приникаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу окіана, входитъ дверемъ заключеннымъ. Очи его голубины, орлія крила, еленья проворность, львиная дерзость, горличина вѣрность, пеларгова благодарность, агново незлобіе, быстрота соколя, журавляя бодрость. Тѣло его адамантъ, смарагдъ, сафиръ, іасписъ, еарсисъ, кристалль и ан-

еракъсь. Надъ главою его летаетъ седмица Божіихъ птицъ: духъ вкуса, духъ вѣры, духъ надежды, духъ милосердія, духъ совѣта, духъ прозрѣнія, духъ чистосердія. Гласъ Его, гласъ грома. Нечаянный, какъ молнія и какъ шумящій бурный духъ. „Идѣже хочетъ, дышетъ“.

Господи! Сей ли есть Человѣкъ оный, коего ты помниши поставивъ, Его надъ дѣлами рукъ Твоихъ? Люба тебѣ память праведника сего. Мило поминать его при женѣ Лотовой. Хочешъ положить и на наше сердце имя и память Его. Сего ради низвелъ еси Его предъ очи наши, одѣтаго въ болванѣющую кожу нашу, да прославишь у насъ, и сына и тогожде брата твоего, низпосланнаго на спасеніе наше. Но мы не угадали, и вмѣсто Его самаго, раздѣлили себѣ ризы Его по модѣ Пентефрѣевой жены. А мода сія оттуду, что содомляне одно осязаютъ осязаемое, лишены Исааковой догадливости, обоняющія отъ сына своего ризы, благоуханіе Лотово. Сею модою мы прельщенны: ни Лота, ни жены его не узнали. Сего ради сія бесплодная, прямо неплоды намъ была, когда мы со Исавомъ на Содомскомъ полѣ ловитвою забавлялись, не на горахъ со Іаковомъ, забывъ совѣтъ пророка Наума: „Не осяжется ловитва“. Слушай! о, граде кровей! Не осяжется ловитва. „Видѣхъ, и се мужъ единъ.“ „Взятся великолѣпіе Его превышше небесъ.“ „Помышленія сердца Его въ родъ и родъ.“

Вотъ тебѣ второе рожденіе, и прямое сотвореніе! „Духъ святой снідетъ на тя...“ Сирѣчь: неосязаемый, вторый, новый, вѣчный словомъ рещи: „Послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ“. Когда „вся дѣла его въ вѣрѣ“: тогда и человекъ, Богомъ сотворенный, есть неосязаемый. Духъ духа творить. „Рожденное отъ духа, духъ есть.“ Слѣпота содомская, свое рожденное отъ плоти, осязаетъ, въ даль не простираясь, но Исааковская вѣра, осязая сыновнюю ризу, обличаетъ л. 17. не видимое, сверхъ осязаема | го, и при глухомъ болванѣ, въ плотскихъ очахъ болванѣющемъ, возводитъ голубиное око, на нѣчтось превосходящее, и присовокупляя къ подлымъ и гнилымъ мыслямъ, высокія и прозорливыя, насыщающія сердце мысли, будто высоко-высоко востекшія и на пространствѣ горнихъ небесъ гуляющія, приманываетъ къ поверженному сему стерву орлія птенцы, соколы, кречеты, враны; дабы не пожерла, какъ во снѣ Фараонскомъ, худая стервьяга Содомская, чистыя и избранныя юницы и дѣвы премудрости Божія, но вмѣсто того, мертвенное животомъ, и смрадная Содомска пища, да будетъ пожерта славою нетлѣнною. Силою воскресенія, и высокими вѣчнаго мыслями, будто бы свышше налетѣвшими орлами. Вотъ! „Идѣже труць, тамо соберутся орлы: гербъ наперсниковъ. Вотъ что есть! „Птицы да умнож.(ятся) на зем.(ли).“ Разумѣешь ли нынѣ сіе: „Привозетъ отъ востокъ птицу?“ Или сіе Соломоновское: „око ругающееся Отцу и досаждающее матерней старости, да избудутъ вранове, и орліе птенцы“. „Яко орелъ покры гнѣздо свое, и на птенцы своя вожделѣ.“

Сей горскій орелъ перераживаетъ насъ, творяй изъ плоти духи свои: изъ несущихъ сущими; изъ скотовъ и звѣрей — человѣками; зародившись въ болванѣ нашемъ, какъ въ орѣхѣ и колосѣ зерно, а въ ягодѣ винограднѣй, согъ сладкаго муста. „Законъ твой, посредѣ чрева моего.“ „Посредѣ васъ ст.(оитъ) Его же не вѣсте.“ „Се Дѣва во чревѣ пріемлетъ.“ Не изъ стороны онъ приходитъ, и не изъ плотскихъ сплочивается пліотокъ: вѣчный, цѣльный, но въ нашей-же плоти, будто свѣтозарная искра въ кремешѣ утаеаясь, напоследокъ во время свое, какъ крынь изъ нивы: и какъ въ безводнѣй пустынѣ источникъ является. Его точно прообразуетъ оный райскій родникъ: „Источникъ исхождаше, и напаяше вся“. И въ сію точно мѣть, пушаетъ Исаи стрѣлу слѣдующую: „Кости твоя утучнѣютъ и будутъ яко вертоградъ напоенный, и яко источникъ, ему же не оскудѣ вода...“ „Кости твоя прозябнуть, яко трава, и разбогѣютъ и наслѣдятъ роды родовъ. И созиждутся пустыни твоя вѣчными, и будутъ основанія твоя вѣчная родомъ родовъ. И прозовешися здатель оградъ, и стези твои посреди упокоиши.“

Задивилась, услышавъ о сей водѣ, самарянка. Просить ея отъ учителя: возжелавъ ея, съ еленемъ Давидомъ. „Кто мя напоитъ водою? Не содомскою, но отъ вертепа виелеемскаго, отъ росы, высотъ и красотъ Иосифовыхъ, отъ горъ Аермонскихъ сходящія, на браду Аарону, и на всѣ отрѣбы плотскія, да собудется во благое“. „Рѣки отъ чрева его потекутъ.“

При семъ человѣкъ ищезаетъ въ насъ слѣпота, и насморкъ, а ность: ей! обоняніе, и догадливое оное Иса | аково чувство, могущее обо- л. 18.
нять Лотово кадило, дѣлается высокимъ, какъ соломоновска пирамида, просто скажу Библиа, до которой онъ, какъ до родственницы своей говорить: „Видохъ въ вертоградъ мой, сестро моя, невѣсто.“ „Кто, сей скрывай отъ мене совѣтъ, содержай же глаголы въ сердцѣ? Мене же ли мнится утаити?“ Сей мужъ зачатый отъ тебе, чистыя Дѣвы, безъ мужа, рожденъ же, а не сотворенъ отъ Бога безъ матере: духъ отъ духа, свѣтъ отъ свѣта, оставляетъ васъ, родителей своихъ, и прильпляетъ женѣ своей, сей сущій Лотъ, вскричавъ отъ радости: „Се нынѣ плоть отъ плоти моя и будто вино въ чашу изливается, да будутъ оба въ едино.“ „Отверзи мнѣ, сестро моя.“ Врата сія затворенна будутъ и кромѣ Его ни для кого, яко смертны суть, не отверзутся. Вотъ кто отверзаетъ вамъ путь въ горняя! „Вѣмъ человѣка, прошедшаго небеса.“

Онъ не только на неприступныя прямо верхи горъ Кавказскихъ, но на небо, даже до Сатурна, и въ самое солнце, восходить и нисходить. Не думай: „како сей глаголетъ, яко съ небесе снїдохъ?“ „Не ропщите между собою.“ „Азь есмь дверь.“ „Поминайте жену Лотову.“

А когда прекрасное сіе отроча еврейское задушится или пото-

помъ змиинныхъ блевотинъ, или злобою иродскою, тогда не только Рахиль и Іудинъ остается вдовою; но и всѣ дщери Іерусалимскія рыдаютъ лишены жениха и брачныхъ одѣяній. Не думай, будто плачь Іереміинъ смотритъ на нижній градъ, а не на вышній библейный, на мать нашу. „Да плачуся день и ночь“. „Яко отъяся отъ дщере сіонской, вся лѣпота ея“. „Любодѣйствуютъ вси“. Тогда-то прекрасная сія невѣста тоскуетъ, мечется, бѣгаетъ, ищетъ Его. „Взыскахъ Его и не обрѣтохъ Его“. Напали, де, на мене содомляне, стѣны осязающіе. Били мене, повязали мене: довольны негодия сіи негодные тѣмъ однимъ, что содрали съ мене одежду. Раздѣлили ризы моя между собою, но не обоняли изъ ризъ моихъ, сладости и желанія моего, крына моего, благоуханнаго мура, жениха моего Лота! Отступите отъ мене въ пламень и жупель, содомскаго сладострастія вашего, о, любодѣи! Бѣжите отъ мене земледные зми, псы, мочащіе къ стѣнѣ градской, плотожадные звѣри, ведри дубравные. Жрите терніе и волчепецъ. Вотъ по губамъ вашимъ салатъ! Райскій шыпокъ, не для вашихъ ноздрей. Зубы ваши Агарины, очи Лины, уши Аспидовы, ноздри и носъ, свинной и дурень, не могущій слышать Духа Божія, ни въ райскихъ цвѣтахъ, ни въ святѣмъ святыхъ, ни въ столпѣ облачномъ, ни **л. 19.** въ столпѣ соленомъ, ни въ пирамидѣ Ливанской... | „Смотряхъ одесную и возгледахъ и не бѣ знайя мене.“ „Возврѣхъ и се не бѣ челоувѣка и не видѣхъ мужа, всѣ уклонишася въ Содомъ, неключимы быша до единого.“

Гдѣ ты, о, челоувѣче-челоувѣче? Яви мнѣ зракъ твой, и услышанъ сотвори мнѣ гла съ твой, яко узвлелна есмь любовію чистою, нетлѣнною, цѣломудренною. Изведи изъ темницы содомскія. Освободи твоего братанича отъ плѣни, вѣрный челоувѣче Аврааме, да идемъ въ горняя со тщаніемъ, и тамъ на горнемъ мѣстѣ, насладимся, новыи люди, новаго вина, и почіемъ. „Поминайте жену Лотову“.

Умѣйте, други мои, поминать жену Лотову. Когда въ Божіихъ книгахъ читаешь: пїянство, наложничество, кровосмѣшеніе, амурь и подобное, не мѣшкай на содомскихъ сихъ улицахъ; но проходь не задумываясь на нихъ, и на пути грѣшныхъ не стой. Вить Библиа не къ снмъ улицамъ, а только чрезъ сіи улицы, ведетъ тебе въ горнія страны, и чистый край, не въ плотскія мудрованія, и исходитъ къ вѣчному. Библиа нѣтъ нужды до брюха, до нижняго сего нашего Бога, ни до брака, ни до царя плотскаго. Она вся въ вышнемъ Богѣ. Не ужель ты и въ семь не слышишь вкуса словъ? „Премудрость во исходѣхъ поется“. Или: „Не упивайтесь, но бесѣдуйте въ проходѣхъ, сирѣчь въ пасхахъ“. Ей! Сія Лотовска басня, издревле портитъ чтецовъ, съ не омытыми ихъ руками и ногами, раздражая въ нихъ плотоугодіе, и на ее то перстомъ показываетъ Павелъ, чтобъ не упивались виномъ, но подъ видомъ вина, напивались бы Духа Божія, и вина новаго завѣта, не

содомскаго. Вотъ причина омытія ногъ, предъ таинственною вечерею! Также и Мойсей Израиля приуготовляетъ къ яденію Пасхи, дабы въ путническомъ маскарадѣ, опоясанны, стояще, и въ шляпахъ, и со жезлами Пасху вкушали. А что значить сія церемонія? То что Библиа есть Пасха, проходъ, переходъ, исходъ и входъ. Что же далѣе? То что Библиа есть книга и глаголь, завѣщанный отъ Бога. Ва! Да сіе ты мнѣ говоришь, и бабушка знаетъ. Такъ ли? Такъ точно. Знаетъ сіе всякая дура. Такъ теперъ отъ устъ твоихъ-же сужду тебе. Для чего ты не сидишь дома, когда сей день, не твой работный есть, но суббота Господеви и Богу твоему? На что ты изъ твоего гнуснаго домишка дрянъ и рухлядъ таскаешь въ субботы, въ покой, въ чертоги, въ горницы и обители Божія? За чѣмъ суешься съ твоею бѣдностью и смрадомъ во градъ Вышняго? Забылъ ты то, что и бабы знаютъ? Не пришло на память, что Библиа есть храмъ Вѣчнаго славы, а не плотскія твоя дрянн? Для чего ты тамъ находишь пїянство, мотовство и твои аму | ры? Не сіе ли есть осквернять субботу, преблагословенную л. 20. сію субботу. Ей! оскверняешь, когда вводишь рабское иго и тяжкую работу въ страну совершеннаго мира и свободы. Пожалуй упѣломудрись. Иззуй твои сапоги дома; омой руки и ноги; оставь твое все тлѣнное и переходъ къ Божественнымъ. Пасха! Къ сему переходу Библиа тебѣ есть, и мость и лѣствица. Пасха! Тамъ тебѣ воздаться, вмѣсто тлѣннїя, все нетлѣнное. Пасха! Вкусишь, чего око твое не видѣло, и на сердце тебѣ не всходило. Пасха! Если она бьетъ тебе въ ланиту, оборотись второю, южною стороною къ ней моря. Пасха! Если благое воздаешь ей за благое, не великая еще благодать въ тебѣ. И заблуждаемый чтець, тоже творить. Но если злое тебѣ представляетъ, а ты вмѣсто того нашолъ ей благое, тогда-то ты сынъ Вышняго и сія то есть Пасха. Представляетъ ли тебѣ, и похваляетъ въ Лотѣ пїянство? Помяни, что наше пїянство злое, а Божіе доброе. Пасха! Мати твоя Библиа ничего не хулить, кромѣ твоего, и ничего не хвалить, кромѣ Божіею. Пасха! Хвалить ли змія? „Будите хитры...“ Помяни премудрость Христову. Онъ самъ змій есть. Пасха! Совѣтуетъ ли все продать, а купить ножъ? О, младенецъ! Не поминай о твоёмъ ножѣ. Сей есть оный кинжалъ, коимъ сквозь брюхо пронзилъ внуку Аароновъ Финеесъ, израилтянина блудодѣйствующаго съ Мадіанкою,—однимъ ударомъ и его и ее.

О, чтецы мои, чтецы! Да дасть вамъ Господь мой кинжалъ сей, дабы Лотовы жены сея, съ безчисленными любодѣйствующія, пресѣкся ядъ и вредъ. Да пронзятъ ложесна блудницы сея, даже до костей и мозговъ ея, тончайшій вострей, силы и духа Божія! Пасха! Величаетъ ли она, предъ тобою солнце, луну, звѣзды, радугу, цвѣты, травы, древа, птицы, рыбы, человѣка, властелина всѣхъ тварей оныхъ, въ свѣтлой Господней седмицѣ созидаемыхъ? Пожалуй онѣмъ на время,

съ подлымъ твоимъ міромъ, и со всѣми смертными, смертныхъ писателей, коперниканскими системами. Оставь сей весь физическій гной и мотылу буйнымъ и насморкливымъ двѣмъ. А самъ кушай со Іезекилемъ благоуханный опрѣсокъ, и сытоностную манну, священныя Пасхи Божія, преходя отъ земли къ небеснымъ, отъ осязаемыхъ, къ неосязаемымъ, отъ нижняго тлѣннаго, въ міръ первородный. Пасха! Поведи такъ, какъ Навинъ Іисусъ, и скажи солнцу: останься въ твоёмъ мірѣ. Теперь ты мнѣ не нужное. Я иду къ солнцу лучшему тебе. Ты питаешь, просвѣщаешь и согрѣваешь раба моего, плотскую систему.

л. 21. Но оное не-вечеръ | нее солн ушко, самага мене, мой центръ, мои мысли, мою сердечную бездну, ничемъ видимымъ и осязаемымъ не удовлетворяю и не-укротимымъ волнующуюся, свирѣпыя жажды бѣшенствомъ, ширшую всѣхъ Коперниковыхъ міровъ, насыщаетъ, услаждаетъ, утишаетъ и утѣшаетъ полно. Пасха! Да станеть солнце на западѣ! Да воззрять сердце твое на новый свѣтъ, воззванный изъ тмы и мрака, изъ солнца вечерняго, возсіявшій надъ ширшею небесъ бездною сердца твоего. Да памятуеть память твоего сердца, чего не видитъ твое тлѣнное око! Господи! Что есть свѣтъ твой, напоминаемый намъ, западнаго солнца монументомъ? Скажи мнѣ. „Скажи мнѣ Господи, кончину мою, и число дней моихъ: кое есть? Да разумѣю.“ Открой мнѣ; на кій конецъ ведетъ насъ, и куда сей день нашъ, сіе солнце наше? Развяжи мнѣ кое есть и что значить число дней нашихъ, число седмицы, бѣдныя сея седмицы дней нашихъ сихъ? „И бысть вечеръ, и бысть утро..“

О не-смысленные! Коль мы косны и тупы, въ разумѣніи пророческихъ пѣсней! Не сей ли есть преподобный образъ, чтобъ изобразить преподобнаго мужа? И чтобъ поставить всемірное сіе око, монументомъ не-дремлющаго Ока? Сей есть оный мужъ: „Господи! что есть человекъ, яко помниши его?“

Пророки уподобили его нашему солнцу. „Человѣкъ въ суетѣ уподобися.“ Не горнее ли царство Библиа? Не онъ ли царь блаженныя страны живыхъ? Не ему ли власть на небеси и на земли? Не онъ ли судія надъ дѣлами рукъ Божиихъ? Не онъ ли начало и кончина всея Библии? Не онъ ли въ солнцѣ положи селеніе свое? Одѣйся свѣтомъ Его, яко ризою? Не онъ ли пядію измѣрилъ, седмицу дней нашихъ? Не онъ ли премудрость, создавшая себѣ домъ сей семи-пирамидный? Не Его ли поетъ солнце, и пѣснь оная: „Пребудеть съ солнцемъ?“ Его то небеса проповѣдуютъ. Ему то слава въ вышнихъ сихъ фугурахъ. Онъ-то есть день, источникъ вѣчности, ни въ высоту, ни въ глубину, ни въ широту не-ограниченныя, наполнившія, и носящія всяческая, до послѣднія жилки и волоса. Сему то дню днєви, великому и дивному, нашъ день, отрыгаетъ глаголь, и слово благо. Сей нашъ день, есть икона и картина, есть образъ для онаго: море, и китъ, Іону отрыгающій. „Се вамъ знаменіе.“ Въ сихъ солнечныхъ ризахъ: въ

сей плащаницѣ и пеленахъ обрящете младенца, краснѣйшаго всѣхъ сыновъ, сына онаго: „Дондеже пришедши, ста верху идѣже бѣ отроча“. Се благовѣствую вамъ радость велию! Благовѣствую | отъ ветхаго дня, л. 22. новыи, отъ плача, вѣчную радость. Вострубите небеса! Благовѣстите и вы други мои: „Благовѣстите день отъ дне.“

Возрадуемся и возвеселимся въ сей день. Не въ худую сторону завело ты насъ, о, солнце наше! О, ты огненный Херувиме! Колеснице нашего новаго челоуѣка. Довезла ты насъ, колеснице Божія туда, куда довела волхвовъ звѣзда. Протчіе на сей колесницѣ не сыскали ничего, кромѣ физическаго блата и своєю плоти. Сами на ней сѣли и на коняхъ ея, будьто на твердомъ чемъ. Затѣмъ и погрязли въ огненномъ семъ морѣ солнечномъ, въ содомскомъ семъ огнѣ и жупелѣ. Мы же, призвавъ имя Божіе, и онаго Исаина Челоуѣка: „Царя со славою узрите, и очи ваши узрять землю издалеча“—добрались съ Израилемъ до гавани, до твердой гавани южнія стороны, оставивъ колесницегонителей со всадниками ихъ, въ потоцѣ водъ многихъ, воснѣвая Господу нашему пѣснь побѣдную. „Сіи на колесницахъ, а тѣ на конѣхъ.“ „Погрязоша яко олово въ водѣ.“ Оставайся жъ ты колесница себѣ! Теперь ты не нужна, когда довезла къ тому, кои имя Востока, и довела насъ туда: „Идѣже бѣ Отроча.“ Онъ тебѣ велить: „Да станеть солнце!“ И ста солнце.

Вотъ такъ,-то подобаетъ вкушать Пасху, и во исходѣхъ насыщаться Премудрости. Бесѣдовать въ проходѣхъ! Пасха! Такимъ побитомъ встрѣчайся и съ луною, и со всею натасканныхъ, въ седмицу, создаемыхъ тварей дрянью. Не трогай клятвы Іерихонскія, сѣки съ Навиномъ всякъ языкъ безбожный даже до предѣлъ. Все то языкъ, что клятва, все клятва, что плоть, и все то плоть, что сѣнь, знаменіе, образъ или предѣлъ... Слышь! Сѣки, не пади ничево. Заколи съ Петромъ всякое тамъ дыханіе, брось мертвое, кушай живое, скверное скверни, а святы святое. Единъ святъ, Единъ Господь. „Во утріе избивахъ вся грѣшныя земли...“

Дѣлать беззаконіе, есть то: духовное превращать въ плотское, а Божіе дѣло въ челоуѣческія и физическія плетки; портить матерь нашу общую Еву Библию, жизнь нашу, по зминому. Для себе то все освятить Богъ, по что къ себѣ влечешь, о, змій? Почто разоряешь, что сотворено, о, убійца? Плоть ничтоже и все плотское есть идолъ и ничтоже. Здѣлай духовнымъ: вотъ истина! Вотъ дѣло! Вотъ сотвореніе! Сотвори ангелы сія, духы, а не плоть. Все то Ангель, что служить Богу, все то служить, что хвалить, все то хвалить, что для Его собрано, здѣлано, посвящено. Слушай все, и сотвори все, тогда ты мнѣ мужъ мудрый, основавшій себѣ храмину на камнѣ, не на пѣскѣ. Вотъ твердость! Пасха! Слышишь воскресеніе? Не суйся съ твоимъ. Слышишь рожденіе? Забудь твое. Слышишь о дочерехъ Лотовыхъ? Не

поминай людей и дому отца твоего. Проходи, о дщи моя, далѣе: приклони ухо твое гаразда. Пророки тебѣ твоимъ языкомъ говорятъ, да не о твоёмъ, подлыми и ветхими рѣчми; да новое, и премудрое. Проходи твое. Исходи къ доброму. Вотъ, что значить! „Премудрость во
 л. 23. исходѣхъ поется“. | „Исходы мои, исходы живота.“ Вознесись хоть къ солнцу, какъ орелъ, и солнце есть тлѣнь и ветошь, а ты все тоже летишь по воздуху. Сего орла гнушается Соломонъ. „Не вѣмъ орла паряща по воздуху.“ Не только все подъ солнцемъ; но и самое солнце есть ветошь и суета. Мірская система всякая есть идолъ Деирскаго поля, а золотая глава его, есть-то солнце. Доложь ты въ міръ, дотолѣ въ суетѣ, а не во исходѣ Божіемъ: съ быстрозорнымъ онымъ наперстниковымъ орломъ, о коемъ, какъ о любезномъ, вопрошаетъ Богъ Іова: „Твоимъ ли повелѣніемъ возносится орелъ?“

Все подлое, и все низкое, кромѣ Бога: и не можешь похвалиться съ Павломъ: „Не всуе текохъ.“ Поколю ползешь со змѣемъ Соломону ненавистнымъ, по камнѣ и по стихіямъ физическимъ, а съ орломъ, имущимъ око совиное, лѣтаешь по осязаемому воздуху. „Всяка плоть сѣно.“ Возлети сверхъ стихій, пролети всю воздушную бездну, вылети со всей тлѣни, въ неизблемую твердь вѣчности, вотъ тогда-то ты находишься во Исходѣ израилевомъ, отъ рабства физическаго, бѣднаго, сокрушеннаго. Въ то время воспой съ Аввакумомъ пѣсенку сію: „Господь Богъ мой, сила моя, и учинить нозѣ мои на совершеніе“, и на высокая возводитъ мя: еже побѣдiti мнѣ въ пѣсни [поющей] Его.“ Видишь? Коль высоко восходятъ пророческія музы! Примѣть и ражжуй сіе: „Побѣдiti въ пѣсни“. Сирѣчь: взойти туда, куда Божія муза ведетъ. Такъ и Римляне говаривали: [Ascendere, superare montem]. Сіе-то значить преставлять горы, дабы физическая стѣнь, Лотовой дщери не мѣшала; дабы не застѣняла вѣрѣ: орлимъ окомъ, будто чрезъ телескопъ, прозирающей отдаленное и высокое, но вездѣ сущее; свѣтъ за тмою свѣтящійся; верха холмовъ въ изъ среди потопа вытекающихъ, землю и гавань израилскую, обѣтованную, высокую, нагорную, заливъ нѣдро и лоно Авраамле; камень и домъ мужа мудраго; горличино гнѣздо, возлюбленная селенія Господа силъ; субботу и шабашъ многобѣдственному плаванію; кончину дней, и исполненіе рыданія своего, оный сказую тебѣ: восходъ и исходъ и пасху, которая была центромъ сладчайшія бесѣды оныя, между трема оными собесѣдниками: Христомъ, Моисеемъ и Ілією на Фаворѣ. „Приидите, взыйдемъ на гору Господню...“

Но, о, Господи! Не возведешь насъ во вѣки на гору твою, нашею силою и мудрованіемъ: развѣ твоею единою. „Не изыйдеши, Боже, въ силахъ нашихъ“. Ты одинъ даждь намъ помощь. Исходы твои высоки: исходятъ въ живое, а мы есмь всё отъ физическія смѣси, плоть и кровь, духъ бродящій по мертвымъ стихіямъ; не обращаясь въ горняя, развѣ въ Содомъ. Ктожь взыйдетъ? Вить „уготовляется хотѣніе отъ

Господа. И орель его жъ повелѣніемъ возносится. Гдѣ же взять намъ вторую волю; вторую душу, сердце и око? "Вотъ гдѣ. „Подобаетъ вамъ родиться слышше“. Тогда почувствуешь вкусъ въ семъ. „Премудрость во исх.(одѣхъ) поется.“ „Поминайте жену Лотову“.

Если ты, другъ мой, рожденъ уже слышше, и сугубъ еси ествомъ, такъ здравствуй ты, дщерь Лотова! | Радуйся невѣсто не невѣстная! л. 24. Слыши, дщи. Не забудь, что въ странѣ и царствѣ живыхъ нѣтъ возраста, пола и разности. Все тамъ въ Богѣ, а во всемъ всячествомъ есть Богъ. Когда ты дщерь, тогда и невѣста, и мати, и сестра, а Лотъ тебѣ и отецъ, и женихъ, и сынъ, и братъ и на оборотъ. Исаіа, то невѣстою, то женихомъ является Божиимъ. „Яко на жениха возложи на мя вѣнецъ.“ „Яко невѣсту украси мя красотою.“ Христось друговъ своихъ называетъ купно и матерью, и братомъ, и сестрою. Хоть Библиа тебѣ, хоть ты ей, дщерь и отецъ, и братъ брату, и другъ другу, и сестрѣ сестра. Соломонъ, и женою, и сестрою, и братомъ брату помогающимъ, называетъ Премудрость Божию. У сего-то друга сосѣда, другъ занимаетъ во Евангеліи хлѣбъ для гостей. И не то же ли есть, что Давиду любезная Авигея, приносить въ даръ, нѣсколько кошиковъ, наполненныхъ смоквами, гроздіемъ и чисто спеченными хлѣбами? И не тоже ли дѣлаеть Мелхиседекъ Аврааму: Авраамъ же гостямъ тоже своимъ? И не тоже ли, что Давидъ, побѣдивъ съ Авраамомъ по Аввакумову, всю содомскую дрянъ, въ пѣсни пѣсней Божіихъ: и превозшедь всѣ стихіи, всю же смерть поправъ, возшелъ въ Сіонъ по Павловому, къ оному на обѣдъ столу, отъ котораго не имѣютъ власти вкусить, всѣ осязующіе содомляне: и не только самъ насытился, но и немущимъ охотникамъ раздарилъ хоть по одному блину Сквородному?

„Возшелъ еси на высоту, плѣнилъ еси плѣнь...“ Кратко сказать: все, что похваляется о дружбѣ, о родствѣ, о угощеніи, о хлѣбѣ, о яствіяхъ, о одѣяніи, о домѣ и его украшеніи, о дарахъ, о виноградахъ, о вертоградахъ и плодахъ: напимѣръ, Иосифъ даетъ пшеницу братьямъ своимъ, подлагаетъ имъ золото во вретище ихъ. Савская царица посѣщаетъ Соломона, и угощается, ламлются хлѣбы въ пустынѣ для голодныхъ 500. Дары отъ волхвовъ приносятся. Уготавлиется царская вечера и протчая. Знай, что все сіе смотритъ на пированіе дочерей Лотовыхъ, и все есть, сегожь корня отрасль, какъ потокъ источника. „Упійются отъ тука дому твоего.“ „Блаженъ иже имѣеть племя въ Сіонѣ.“ „Блаженъ иже снѣсть обѣдъ.“ „Премудрость созда себѣ домъ.“ „Пиша же, и упишася съ нимъ.“ „Пійте отъ нея вси.“ „Познася има въ преломленіи хлѣба.“ „Положите мя въ яблоцѣхъ.“ „Подъ сѣнь Его возжелахъ.“

Всѣмъ симъ вракамъ вотъ куда и сходитъ: „Братъ отъ брата помогаемый, яко градъ твердь.“ „Азь брату моему, и братъ мнѣ“. Смертенъ не рожденъ слышше: не есть родственникъ Библии. Не можетъ

смертное сердце соединиться съ божественнымъ сердцемъ. Великое противостраііе, сіестъ антипаеіа, коликое между небомъ и землею; между дневною птицею и ночьюю; между сокрушаемымъ и вѣчнымъ. Мысль или сердце есть то духъ, владѣтель тѣлу, господинъ дому. Вотъ точный человѣкъ! А тѣло? Есть устричный черепъ. Если сокрушаемыя физическія мысли и сердце, тогда человѣкъ есть мертвая стихія, прахъ и тѣнь и ничто же. „О, Исаіа! Увѣждь, яко пепель есть сердце ихъ.“ О, коль правдиво называетъ такихъ Библіа мертвыми! Созидается же и воскреснетъ тогда, когда зародится въ сокрушенномъ сердцѣ, сердце вѣчное, и надъ темною ночью мысли бездною, возсіяетъ солнце истины оное. „Да будетъ свѣтъ.“ „Иже и возсія въ сердцахъ нашихъ.“

л. 25. | Библіа есть мысли Божія, сіе есть сердце вѣчное. А сердце вѣчное, есть то Человѣкъ вѣчный. „Помышленія сердца его, въ родъ и родъ.“

Не къ стати ли пророки, сирѣчь очитыя, живыя и божественныя сердца, физическое, грязь освѣщающее солнце, сотворили портретомъ Бого-человѣка образующимъ, сирѣчь божественныхъ мыслей, и родникъ вѣчныхъ лучей, сердце, восходящее надъ темную адскихъ сердець бездну и не-вечернимъ свѣтомъ просвѣщающее. Вотъ какія сердца могутъ наслаждаться Библіею! Она имъ родная родня. Вѣчный Вѣчнаго любить. Духъ духа знаетъ. Духъ вся испытуетъ и всѣ глубины Божія. Духъ чистый написалъ Библію, не иной, а тойже духъ и сердце чистое развяжетъ ее и скажетъ: „Мене ли мнится утайти?“ „Отверзохъ Азъ брату моему, братъ мой преиде“. „Обрѣтохъ мужа по сердцу моему.“

А какъ чистое, и свѣтлое, какъ полуденное ведро сердце, есть истинный Богъ, такъ стихійное и пепельное есть не-чистый духъ. Знать-то онъ тонкій, но воздушный, когда же воздушный, тогда и стихійный, а посему и грубый и темный. Сей воздушный духъ царствуетъ во всѣхъ смертныхъ разъ точію рожденныхъ и каковъ самъ, такіе и подданные и домашніе его, враги человѣку нашему. Сей есть царь содомскій, духъ слѣпый, стихійный, плотскій, физический. По сему-то содомляне бродятъ во мракѣ, бьются объ стѣны, осязають двери, прутся во весь опоръ къ пиру, шатаются и бѣсятся, предстоятъ дверямъ исключенны. Но Лотъ, о гладномъ ихъ сердцѣ, ядущемъ вся дни живота своего пепель и воздухъ, не милосердствуетъ, не хочеть насытить душу тщу, и душу ихъ алчущу, а пируетъ и угощаетъ, любезную родню свою Ангеловъ, гостей свышше рожденныхъ и свышше пришедшихъ Божиихъ людей. Сюда-то точно смотрѣлъ Давидъ, когда пѣлъ: „Вскую шаташася языцы?“ „Предсташа царіе земстїа.“ Ищутъ плоти, да любодѣйствуютъ. Не вселится Духъ Божій, въ сердцахъ сихъ и не вкусятъ вечери Господніа. „Блаженъ иже снѣсть обѣдъ во царствїи Божїа“. „Поминайте жену Лотову.“

Полюбомудрствуемъ еще, о, други мой, надъ симъ болваномъ. Учитель нашъ, не сказуетъ: осязайте, но „поминайте. Да не прелюбодѣйствуемъ“. Осязается плоть, а памятуется духъ. Осязается прахъ, а вѣчность вѣруется. Рука оцупываетъ камень, а сердце наше памятью вѣчною, обоняетъ смурну нетлѣннѣя. Въ сугубомъ словѣ Божиємъ, сугубымъ чувствомъ, сугубаго въ насъ естества, чувствуемъ сугубое, будь-то взирая на радугу, въ ту же минуту за спиною, видитъ наша память солнце, образуемое какъ въ зеркалѣ, въ чистѣйшихъ водахъ небесныхъ, и когда очи солнечную тѣнь, тогдажъ и сердце господинъ очей, зреть самое міра, свѣтило вселенское. О, Лоте! Пасха наша! О, сладчайшій Лоте нашъ! Веди насъ, веди на горы твои. Мы на твою жену взираемъ какъ на радугу, а тебе памятуемъ, о, свѣте невечерній, надъ бездною сердцецъ нашихъ возсіявшій! Памятуемъ памятью чистаго и вѣрнаго сердца, воспѣвая тебѣ съ нашимъ Исаіею: „Путь Господень есть судъ.“ „Уповахомъ на имя Твое и память, ея же жедаетъ душа наша.“

| Возсѣлъ еси, сверхъ жены твоея, какъ орелъ надъ трупомъ, какъ д. 26. судя на радугѣ, судяя правду, и миръ на миръ, ближнимъ и дальнимъ благовѣстствуя: Христе Иисусе. Ты и плоть и Духъ. Ты и радуга и солнце наше. Радуга, яко солнцемъ образуемый, не-вещественный образъ, Ипостаси отца твоего. Солнце же: яко лучи, и сіяніе славы Его. „Царя со славою узрите, и очи ваши узрять землю издалеца.“ Трупъ нашъ сидитъ и почиваетъ, а сердце наше течетъ. Преходитъ отъ трупа къ Богу, отъ обуялаго къ премудрому. Возлѣтаетъ какъ Ноева голубица, вышше потонныхъ водъ всѣхъ стихій: да почиетъ на холмахъ Вѣчности. Пасха Господня есть-то судъ, когда сердце перелѣтываетъ отъ тмы къ свѣту, отъ глупости въ разумъ и судъ. „Не воскреснутъ нечестивые на судъ.“ Скажите мнѣ, братія моя, чему подобна Пасха наша? Подобна кораблю плывущему въ древнюю гавань, острова Родоскаго. Воротами оныя гавани кумиръ. Ноги его суть верей вратъ, а сводъ вратъ—то его чресла. Сквозъ вздорныя сія ворота, между голениа исполина сего, входили всѣ корабли въ гавань. О, други мой! Страшное и срамное встрѣчаетъ васъ. Сей есть скверный идолъ, жена Лотова. Не убойтесь Голиаага сего. Егожъ кинжаломъ заколемъ его. Любезный пророче Науме! Прийди и покажи намъ судъ, великія сея любодѣйцы. Вотъ пророкъ! „Открыю задняя твоя къ лицу твоему.“ Не бойтесь: ядъ смертный сей, не повредитъ вашего чистаго сердца. Сей Василискъ лицемъ убиваетъ. Аспидъ сей и левъ въ преддверіи вреденъ, а за хребтомъ его—миръ и дружба. Тамъ почиваетъ волкъ со агнцемъ, безъ всякой опасности: и рысь съ козленкомъ, и левъ съ теленкомъ, и медвѣдь товарищъ быку, а молодое отроча сосѣдъ пещерѣ аспидской. Тамъ смѣло на Аспида и Василиска наступишь, на льва и змія, не въ язву, но въ забаву. Дерзайте! Родилось намъ от роца:

не-старѣющійся нашъ купідонъ. Онъ ведетъ насъ за хребетъ. Хотя пойдѣмъ посрединѣ снѣи смертныя, хоть между голены, сего исполина деирскаго: не бойтеся съ нами Богъ. Пойдемъ же теперь въ гавань. Прейдемъ до Виелеема. Тамъ раждають не въ буряхъ морскихъ, ни въ яростныхъ волнахъ и рѣкахъ и не въ стремленіи текущихъ стихій, но на горныхъ горахъ и плодоносныхъ плодоносныя и чистыя козы и еленицы. „Тамо роди ты мати твоя.“ „Прейдемъ до Виелеема.“

Прощай, славный столпе! Прощай скверное и дурное лицо! Прощай, любодѣйце, души и тѣла убійце! Оставайся нѣмый кумире! Чтись отъ подобныхъ! Отверзите намъ врата правды! Врата чистыя дѣвы, врата жены добрыя! Жены похваляемаго, и брата и мужа ея, во вратѣхъ ея затворенныхъ и запечатлѣнныхъ. Се новый нашъ Наумъ, открываетъ намъ послѣдняя божественныя пасхи! Вводитъ новое сердце наше, въ новый судъ и разумъ, за прелюбодѣйственнымъ лицомъ позади, за стѣною сею стоящій. „Се сей стоитъ за стѣною нашею.“

л. 27. | Къ наличной исторіи, сверхъ бабихъ басень, и кромѣ смертоносныхъ соковъ, открываетъ намъ второе, чистое, нетлѣнное, спасительное, послѣдующее за ядомъ, захребетнее, послѣднее, вѣчное, Божіе: да не на лица зряще судимъ, но испытуемъ завѣсою сокровенное, и дверью затворенное, да еще и что смертно испіеть, не повредится вѣрное сердце наше. Гдѣ теперь твое, смерти, жало? Гдѣ нынѣ твоя побѣда, о, адскій исполине? Пройдохомъ сквозь огонь и воду. „Открою задняя твоя, къ лицу твоему: и покажу языкамъ срамоту твою и царствамъ безчестіе твое... Положу ты въ притчу. Возвергу на ты огнушеніе по нечистотамъ твоимъ.“

Не дѣломудренная сія о Лотѣ басня, есть притча и образъ, завивающій въ нечистомъ портищѣ своемъ, пречестный Маргаритъ царствія Божія и закрывающій будто орѣшная корка зерно. Сими-то орѣхами весь библейный рай, какъ родоскіе вертограды плодами, наполненъ и преисполненъ. „Въ вертоградъ орѣховъ снѣдохъ.“ Коль услаждается въ семь вертоградъ, сугубо рожденный Человѣкъ! Какъ въ зеркалѣ видно, въ Соломоновской Пѣснѣ пѣсней. О, пречестный амурь! О, вѣчносте! Пресладчайшій и не-насытныи мусте! Ядущи ты, еще взалчуть; и піющи ты, еще вжаждуть. „Богъ любовь есть“. „Вдающій душу свою и размышляющій въ законъ вышняго, премудрости всѣхъ древнихъ възыщеть; и въ пророчествіихъ поучатися будетъ. Повѣсти мужей именитыхъ соблюдетъ и во извѣтія притчей совнѣдетъ. Сокровенная притчей изыщеть: и въ гаданіи притчей поживеть.“

ПРИМѢТА 6-я.

О чтеніи въ ползу душевную.

Видишь, другъ мой, что многія добрыя соки источило одно слово, съ толкомъ раскушенное. Библиа есть точная луза. Вырви изъ сея лузы одинъ орѣхъ, единъ только лужанъ. Раскуси его и разжуй. Тогда ражжеваль еси всю Библию. Всѣ сея лузы (орѣшнякъ) орѣхи, по скорѣ видѣ вельми разнятся, а по зерну, не говорю подобное, но тоже.

Частицы разбитаго зеркала, едино всѣ лице изображаютъ. А разнообразная премудрость Божія, въ различныхъ въ сто-видныхъ, тысяще-личныхъ ризахъ, въ царскихъ и въ селскихъ, въ древнихъ и нынѣшнихъ, въ богатыхъ, въ нищихъ и въ самыхъ подлыхъ и смѣшныхъ одеждахъ, аки крынь въ терніи, сама собою все украшая, является едина и тажде. Ей, она то есть точный правдивый Морфей. Какъ единъ змій вьется, развивается въ разныя формы. Въ прочемъ не будемъ безчинно и безмѣрно жрать слово Божіе, и тѣсниться съ нимъ въ солило, если будемъ ждать, поколь само оно намъ подастъ свое л. 28. божественное и невидимое, подъ видомъ внѣшностей тѣло. Ученый премного жреть. Мудрый мало ясть со вкусомъ. Ученость—прожорство, тоже. Мудрость же и вкусъ есть тоже. Истинный вкусъ при здравіи, а прямая мудрость при ползѣ. Нѣтъ лучше ничего какъ истинна полза; и нѣтъ лучше ползы, какъ полза душевна. Полза душевна есть лѣчба, пища и здравіе сердцу. Здравіе же—веселіе. И что-жъ сего дражайшее? Все суета кромѣ сего. Приживи мнѣ хоть цѣлый мырь, все суета безъ радости. Здравіе отъ многожорства, мудрость разнь отъ учености. Прожорство раждаетъ болѣзнь, мѣрная же пища крѣпитъ. Не читай да множишь порокъ! Читай, да заколешь порокъ. Аще же любишь неправду, ненавидишь твою душу. Возлюби самъ свою душу, и будь блаженный самолюбъ, возлюбленный Соломону, о коемъ такъ воспѣваетъ: „Разумливый праведникъ, себѣ другъ будетъ.“ А сіе тогда бываетъ, когда безъ всякихъ иныхъ намѣреній, для того только читаемъ, дабы очистить, просвѣтить и укрѣпить душу нашу. Очистить отъ людскихъ мнѣній. Напитися божественныхъ и укрѣпитися противъ страстей душевныхъ: противу зависти, ненависти, гнѣва, скорби, смущенія... А симъ самымъ вмѣсто сихъ тирановъ воздвигнуть въ себѣ царствіе Божіе. Сирѣчь духи спасительныя, мирныя, радостныя. Сей-то есть блаженный оный книжникъ, и грамотникъ, котораго Христось, похваляя, равняетъ его съ господаремъ.

„Всякъ де, книжникъ, научившійся царствію Божію, износитъ отъ скровиша своего новая и ветхая.“

Моть, вѣтрогонъ гонить пустошь, а господаръ полезное. Сімонъ волхвъ тутъ ищетъ злата, а книжникъ Духа святаго. Воистину не

будеть пророческими тайнами никогда обжираться той, кто вѣритъ Павлу, что тайны ни полушки всѣ-на-всѣ не стоятъ, если имъ любовь Божія не будетъ предводительницею. Она основаніе и верхъ всему. Зачинается горкимъ крестомъ, кончится Христомъ, иже есть миръ, любовь и правда наша.

ПРИМѢТА 7-я.

О вѣрномъ вождѣ.

Что въ первомъ, тоже самое и въ послѣднемъ мѣстѣ сказать должно, чтобъ не избрать намъ предводителя изъ числа тѣхъ, которые суть любители не духа, но сѣнно-писменнаго мрака, и убивающія насъ баснословныя бабскія історіи. Такія-то повѣсти называетъ Павелъ родословіями пустыми, іудейскими и бабими баснями, душу не насыщающими. Сіи вожди люблять виѣшнюю стѣнь, и на ней совершенно почиваютъ, не возводя съ Давидомъ очи въ духовныя горы, и ко оной царствія Божія трапезѣ, отъ коея только одни поднявшіися выше плоти, высокіи умы наслаждаются, каковъ былъ вождь Товинъ д. 29. Рафаиль. | О сей трапезѣ самъ хвалится Павелъ такъ: „Имамы олтарь, отъ него же не имуть власти вкушати (всѣ) служащіи сѣни.“

Называя себе служителемъ не письменства, но Духа и знающимъ Христа не по плотской історіи. Самъ Христосъ называетъ ихъ рабами, въ томже домѣ находящимися, но о секретахъ господскихъ не вѣдущими. „Отъ насъ, говоритъ, наперсникъ, изыдоша, но не бѣша отъ насъ.“

Таковыхъ во главѣ 9-й проклинаетъ Исусъ Навинъ: „Прокляты есте, говоритъ, и не оскудѣетъ отъ васъ рабъ.“

Да и какъ ихъ не проклинать, когда они мѣшаютъ отрокамъ Исааковымъ? Сіи отроки съ господиномъ своимъ единственно трудятся въ томъ, чтобъ вырить ключъ чистыя, и фонтанъ въ гору прядущія воды. Рують, какъ въ землѣ, въ плотской історіи, откидая ее на сторону, какъ Мойсей камень отъ кладязя, чтобъ утолить жажду бѣднымъ овцамъ своего теста. Но филистины вездѣ мѣшаютъ, вездѣ землю закидаютъ и кричатъ: это земля наша! Это по плоти должно разумѣть, а иначе все сіе есть привидѣніе. Мечта...

Но дѣти Исааковы Духъ почитать за истину, а всю плоть за суету не престають, и старыя кладязи отъ грязи очищаютъ, и новыя на всякомъ мѣстѣ копаютъ, восклицая съ господиномъ своимъ: „Плотъ ничтоже.“

На что намъ радословія історичная? Кая полза? На что мѣстоположенія тлѣннаго рая? Кую душъ нашей ползу принесетъ форма и мѣра ковчеговска? Къ чему исцѣленіе плотское? Къ чему воскре-

сеніе тлѣнное, паки въ тлѣнь обращающееся? Да паки работаемъ подлой плоти и страстямъ? Ей! Единъ Духъ намъ вкусенъ и полезенъ: очищая, исцѣляя, проникая въ самыя тайныя начинанія души нашея и миръ намъ раждая.

Но кажется святой Гуда Апостоль жестоко ихъ оцѣняетъ: „Облацы безводныи, плоть духа неимуща“ и протчая. Сіи-то сбѣютъ расколы во всемъ мырѣ. Спорятся о происхожденіи духа, о сакраментахъ, о вѣрѣ, о церемоніахъ, о ангелахъ, о мукахъ, о блаженствахъ и протчая. Враги Креста Христова, и заповѣдей Его животворящихъ.

К О Н Е Ц Ъ

И Б О Г У С Л А В А .

| Брань архистратига Михаила со сатаною л. 1. о семъ: легко быть благимъ. ⁶⁴³⁾

Написанна въ 1783-мъ лѣтѣ.

Возлюбленный друже Михаиле!

Прійми отъ мене и сію книжечку въ даръ тебѣ, именемъ твоего же тезоименита печатлѣнную. Аще имя Михайлово пріялъ еси, прійми и сердце его, воспѣвая изъ книги царственныя дѣсны оную: „сердце

⁶⁴³⁾ Подлинникъ этой рукописи Г. С. Сковороды хранится въ Рукописномъ отдѣленіи Румянцевскаго музея и значится по описи „№ 1488.“—Она входитъ въ извѣстное собраніе рукописей Г. С. Сковороды ранѣ принадлежавшее М. И. Ковалинскому. Въ Сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго отдѣленія Библиотекы Императорской Академіи Наукъ имѣется фотографическій снимокъ съ этой рукописи, который значится по описи: „Сект. 2859“. Съ этимъ снимкомъ мы свѣрили текстъ, опубликованный Д. И. Багалъемъ въ его книгѣ „Сочиненія Г. С. Сковороды“ (см. 193—216 стр.). Корректурa прочитана нами по фотографической копіи.

Кромѣ того въ Библиотекѣ Кіевской Духовной Академіи имѣется копія этой же рукописи Г. С. Сковорода. Ранѣ эта рукопись принадлежала харь-

еси другъ хранителю твоему Михаилу, единосердечно восклицая: „кто, яко Богъ?“ Я сію книжечку началъ въ Бурлукахъ, кончилъ въ Бабаяхъ. Не ору убо, ни сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что! „Всегда благоговяще Господа, поемъ Воскресеніе Его“. Се моя дѣжа и надѣжа! Что-ли убо есть Воскресеніе? Воскресеніе есть вся земля Израилева. Прямо сказать, весь библичный мырикъ, новая и древняя Ева. Въ сей землицѣ спаше Іаковъ съ покоемъ. Како же не съ покоемъ? Самый камень былъ ему вмѣсто подушки. Самая жестость была ему мягкостію тамо, гдѣ по немъ Сампсонъ нашель соты. Ей глаголю! Обрѣтохъ и азъ. Тамо я самъ я покоюся, наслаждаюся, веселюся. Пою со Марономъ: Deus nobis haec otia fecit. Богъ намъ сіе празденство дароваль. Паче мое твоимъ, твое же есть моимъ.“ Въ то время, о, Михаиле, сущій

ковскому епископу Филарету, гербовая печать котораго оттиснута на нѣкоторыхъ страницахъ рукописи. Послѣ она перешла къ С. Н. Миропольскому, библиотечная печать котораго находится на форзацѣ рукописи. Шифра рукописи: „Рук. Муз. 605, (№ 5).“ На форзацѣ надписи: „1783 годъ“, „неиздан.“. Рукопись начинается письмомъ Г. С. Сковороды къ М. И. Ковалинскому отъ 19 іюня 1783 г. Въ рукописи всего: одинъ форзацъ + семнадцать (1—17) нумерованныхъ страницъ.

Въ Библиотекѣ Императорскаго Харьковскаго Университета также сохраняется эта рукопись Г. С. Сковороды. Она находится въ тетради въ четвертую долю листа, переплетенной въ обыкновенный бумажный переплетъ съ кожаными корешкомъ. Называется она такъ: „Борба и пря о томъ: претрудно быть злымъ, легко быть благимъ.“ Тетрадь эта имѣетъ три нумерованныхъ форзаца + сорокъ три (1—43) нумерованныхъ страницы. Изъ нихъ съ 1 по 27 занимаетъ именно эта рукопись Г. С., а далѣе—„Пря Бѣсу съ Варсавою.“

Шифръ этой рукопи: $\frac{СП}{53}$. На первомъ форзацѣ надписи: „часть седьмая“— $\frac{6}{21}$.

Въ лѣвомъ углу перваго форзаца шифра стараго каталога: $\frac{31}{3}$. На оборотѣ перваго форзаца шифра: „№ 39.“. На оборотѣ втораго форзаца надписи: „Писанія Сковороды, собранныя протоіереемъ Θεодоромъ Залѣвскимъ 1762 года“. На третьемъ форзацѣ современныи почеркомъ написано подробное оглавленіе рукописи. Рукопись эта неполная—въ ней почти совершенно нѣтъ многочисленныхъ примѣчаній, сдѣланныхъ Г. С. Сковородой. Такъ какъ она помѣчена 1762 годомъ, а подлинникъ Румянцевскаго музея 1783 годомъ и такъ какъ она озаглавлена иначе, то можно предположить, что и эта рукопись Г. С. имѣетъ двѣ редакціи: первая безъ примѣчаній (Харьковская и „дополненная“—Румянцевскаго музея—болѣе распространенная. Въ этой сокращенной редакціи рукопись эта напечатана Лисенковымъ въ его книгѣ: „Сочиненія въ стихахъ и прозѣ Григорія Савича Сковороды“. Спб. 1861 г. (См. 163—202 стр.). Въ 1839 г. по полной редакціи рукописи, съ нѣкоторыми цензурными сокращеніями, эта работа Г. С. была напечатана Императорскаго Человѣколюбиваго Общества Московскимъ Попечительнымъ Комитетомъ, подъ заглавіемъ „Врань Архистратига Михаила съ сатаню о семъ: легко быть благимъ.“ (Съ примѣчаніями).

Прим. ред.

же пою съ моимъ Давидомъ: „азъ уснухъ и спяхъ и востахъ“, и съ моимъ Исаіею: „покой намъ далъ Богъ на горѣ сей“. | Не знаю, что-то л. 2. разумѣеть Плутархъ чрезъ свою Надежду (парицаемую у его) Пиндарскую. Онъ ее творить долицею старцамъ. Сіе-же вѣмъ воистину, яко старцы оныи Соломоновы: „вѣнецъ хвалы, старость“ и прочая,—кормятся, сосуще сосца двоихъ матерей и безневѣстныхъ невѣсть праматери Евы и матери Маріамъ, якоже есть писанно: „сосама медь изъ каменя“, и: „тамо дамъ тебѣ сосца моя. Речеши, почто убо не всѣ въ сей земелькѣ наслаждаются, но алчуть, рошчуть и кленуть ее?“

Отвѣтъ. Того ради, яко сія земличка имѣеть двѣ части... Долнюю и горнюю, здѣшнюю и тамошнюю, прокляту и благословенну, бѣсовску и Господню, аки два сосца и два источники. „Изыиде Іаковъ отъ студ. клятвеннаго“. Внялъ ли еси? „И иде въ Харранъ“. Внялъ ли еси? „И обрѣте мѣсто“. Внялъ ли? „И спа тамо“. Внялъ ли еси? Аще бы равная мѣста, не бы искалъ втораго и не шель бы отъ здѣ. Не всуе и Исаіа: „не точію, рече, въ землѣ сей, но на горѣ ея.“ Тамо, речеши.

Кто убо благую часть избираеть?

Отвѣтъ. Сего убо ради сія книжечка изводитъ на поднебесный позоръ два сердца—ангелское и сатанское—борющаяся между собою. Сія два царства въ каждомъ человѣкѣ дѣють вѣчную борбу. Егда же чистое сердце одолѣло злобную бездну, тогда врата адова сокрушаются. Рѣшатся плѣнники. Открывается путь на оную воскресшую изъ безднѣ гору: „кто взыйдетъ на гору Господню?“ Кая же сласть и утѣха на горѣ той? Возвѣсти намъ, о Исаіе! „Покой дастъ Богъ на горѣ сей“. О довольно! Еще-ли что-то? „Испіють (де) вино. Испіють [радость на горѣ сей“. О, предовольно! „Помажутся (де) муромъ на горѣ сей“. О, предовольно, довольно! Се гдѣ нашъ Іаковъ покоился! „И спа тамо“. Спа въ Харранѣ, во градѣ любви спа. „Тамо дамъ тебѣ сосца моя.“ Видиши ли, возлюбленне Михаиле, се гдѣ покоится другъ твой! Старець Варсава Даніиль Меин-гардъ. Аминь!

Іюня 19-го 1788-го года.

*

Главизна творенія:

„Убіеть дракона, сущаго въ мори.“—Исаіа.

„Како спаде денница!“

„Кленушу нечестивому сатану, самъ кленеть свою душу.“—Сирахъ.

„Дондеже день озарить и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ.“—Петръ.

л. 3. | Борьба и прѣ о томъ: претрудно быть злымъ, легко
быть благимъ.

Возлетѣвъ нетопырскими крилами сатана изъ преисподнихъ въ горняя, остановился на предѣлахъ атмосферы. ^{644а)} Узрѣвъ же ношнымъ окомъ лучезарный оный домъ—„премудрость созда себѣ домъ“—и утверди пирамидъ. ^{645б)} седмь:—адскимъ рыкомъ, аки громомъ, возревѣлъ такъ: къ чему сей домъ сотворенъ? На сей трусь бурень сребровидными, со златымъ междораміемъ, крилами, аки орель на ловъ, низпущаясь Михаилъ возопилъ: о, враже Божій! Почто ты здѣ? И что тебѣ здѣ? Древле отрыгнулъ еси предо мною хулу на Мойсеево тѣло. ^{646а)} Нынѣ тойже ядъ излеваешь на домъ Божій. Кто, яко Богъ? И что добро и толь красно, яко домъ Его? Да запретить тебѣ Господь мой, емуже предстою днесь!...

Сатана. Не подобаетъ небесныхъ воинствъ Архистратигу ^{647б)} быть сварливу, но тиху, кротку и...

Михаиль. О, змій! Умягчилъ еси словеса твоя паче елѣя и та суть стрѣлы. Нѣсть твое разумѣти, что благовременный гнѣвъ есть-то любовь Божія, а что безвременная милость есть-то твое сердце.

Сатана. Се странную пѣснь воспѣлъ еси!

Михаиль. Странна убо, новая и преславная воспѣвають небесныя силы во градъ Божіемъ. Сія есть истина.

Сатана ^{648а)}. Силы же преисподнія чтоли поютъ?

л. 4. Михаиль. | Силы твоя поютъ подлое, мірское, мерзкое. Сказать же Петровымъ въ Дѣянїяхъ словомъ—(σοψιπνε, κοινόν, σοεπισμ.),—

^{644а)} Атмосфера—слово еллинское, значить земнаго клуба, воздушну околнность, простерту дотолѣ, доколѣ восходятъ пары или атомы, яснѣе сказать, доколѣ облаки восходящъ, мѣщеніе перунамъ и молнїямъ.

Прим. Г. С. Сковороды.

^{645б)} Слово еллинское, значить горнія комнаты и обители, воздвигнутыя по образу головы сахарныя или пламена, вообще, горнее жалище; еллински—пиргось, римски—turris, турецки—колончакъ, полски—вежа, по здешнему—башня, теремъ; какъ при киркѣ колоколя, такъ они при домахъ. Славенски—столпъ. „Въ столпѣ облачнѣ глаголаше къ нимъ“. „Буди же миръ въ силѣ твоей и обиліе въ столпостѣнахъ твоихъ“.

Прим. Г. С. Сковороды.

^{646а)} Сія хула воспоминается въ посланїи святаго апостола Іуды.

Прим. Г. С. Сковороды.

^{647б)} Архистратигъ—славенски первовоевода, сирѣчь надъ вождями вождъ.

Прим. Г. С. Сковороды.

^{648а)} Сатанъ слово еврейское. Словенски—супостатъ.

Прим. Г. С. Сковороды.

просто сказать, грязь рыночную и обвившую Іезекиилевскій оный оприсенокъ, мотылу ^{649a)} ^{650b)}.

Сатана. Ха! ха! хе! Странное поютъ силы небесныя...

Михаилъ. О, ругатель! Къ чему сей песій смѣхъ твой? Не таятся же предомною лукавство твое. Наризая странною, тайно клеветашь небесную славу и догматы ея, воздая ей мнимое тобою неблаголѣпіе и непреподобіе, просто рекши вздоръ.

Сатана. Нынѣ убо не обынуся провѣщаль еси вину, чесо ради преисподнее жительство въ тысячу кратъ многлюднѣе паче вашего небеснаго?

Михаилъ. И лжешь, и темнорѣчишь. Открой, аще можеша, откровеннѣе сердца твоего бездну.

Сатана. О, Апокалипта ^{651a)} Странность въ догматахъ, стропотность въ пути, трудность въ дѣлѣ, сей есть троеродный источникъ пустыни вашея небесныя.

Михаилъ. Не можно ли хоть мало откровеннѣе?

Сатана. Претрудно быть жителемъ небеснымъ. Внялъ ли еси? Се вина, опустошившая небеса ваша.

Михаилъ. Откуда сей камень и кто его положилъ во основаніе?

Сатана. Се азъ глаголю! Претрудно быть—и бысть тако.

Михаилъ. Ты ли еси творецъ догмата сего?

Сатана. Сей догматъ есть несокрушимый адамантъ.

Михаилъ. „Вонми небо и внуши земле!..“ Услышите и преисподняя! Кая есть большая на Господа Вседержителя хула и клевета, паче сея? Се удица, всеѣхъ уловляющая! Се ключъ, всеѣмъ врата адава отверзающей. Се соблазнъ, всеѣмъ | путь на небеса оскорбляющая! О л. 5. украшенная гробнице царская, полна мертвыхъ костей и праха, міре бядословный! Прелщаешъ старыхъ, младыя и дѣти. Вяжешъ въ прелести, аки птенцы въ сѣти. Весь міръ дышетъ его духомъ. Онъ есть сердце міру. Сердце нечистое, сердце плотское. Се богомерзская тро-

649a) Воззри на исторію о Корниліи сотникѣ въ Дѣянїяхъ. Тамъ Петръ говоритъ: „Господи! николиже скверно ввійде во уста моя“; въ еллинскомъ же лежитъ κοινόν, римски—commune, славенски—общее; все бо то скверное есть, что общее міру, сирѣчь, многимъ. Отсюду и римляне именуютъ благо commune. Сей гласъ есть еллинскій: κοινόν — сіестъ общее. Мырскія думы есть-то благо, гдѣ Гергессинскїи вепры потопляются, въ нихже Богъ міра сего, сирѣчь Сатана, ослѣпилъ разумы, якоже толкуеть Златоустъ сіи Павловы слова: „Богъ міра сего...“

Прим. Г. С. Сковороды.

650b) Мотыла есть ветхославянское слово, римски excrementum.

Прим. Г. С. Сковороды.

651a) Апокалипта есть еллинское имя; значить славенски—откровитель. Снмъ словомъ тайно ругается Михаилу, яко откровителю тайнъ Божїихъ. Сатана же любитъ помрачать, дабы никто не видѣлъ безвѣстныхъ и тайныхъ премудрости Божїя.

Прим. Г. С. Сковороды.

ица: сатана, плоть, міръ. Кто дастъ мнѣ мечъ Божій, да прободу сего Мадіанита, ^{652a)} любодѣйствующаго со блудницею и любодѣйницею міра сего и обличу срамоту ея. И, подъявъ Михаилъ молніевидное копіе, поразилъ адамантовымъ востреемъ Сатану въ самое сердце его и поверже его во облакъ вечерній. Онъ же, падая стремглавъ, воскликать: ура! ура! побѣдихъ! побѣдихъ! Изъ-среди же облака возревѣлъ: о! о! Апокалипта! Призови небо и землю во свидѣтели, азъ же тебѣ не покорюся, даже до сего есмь твердъ въ семь моемъ догматѣ.

Михаилъ О, нетопырь! Горе тебѣ, творящему свѣтъ тмою, тму же свѣтомъ, нарицающему сладкое горкимъ, легкое же бременемъ.

Сатана. Нѣсть ли писано: „нужное есть царствіе Божіе?“

Михаилъ. Онѣмѣй, псе живый!

Сатана. И не нужницы ли восхищаютъ оное?...

Михаилъ. Лай, лай, нынѣ, псе, издавеча на солнце... Господи Боже мой! Правда Твоя, яко полудень. Кто, яко же ТЫ? ТЫ самъ дракону сему челюсти его всѣхъ пожирающія загради на единъ токмо ДЕНЬ твой, иже есть яко тысяча лѣтъ. Аминь.

На сей шумъ ж ревь, аки Еродіевы птенцы ^{653a)}, слѣтаютъ со гнѣзда къ матерѣ своей, поправшей змія;—онъ же подъ ногами ея вьется, развивается; такъ низлетѣли къ Михаилу Гавріилъ, Рафаилъ,

л. 6. Уріилъ и Варахилъ. | Михаилъ же, аки боголюбивый Еродій, терзаетъ и попираетъ домашняго врага, воздая благодать дому у владыкѣ, дозволившему на семи башняхъ, надзирающихъ премудрый домъ Его, возгнѣздитися птицамъ, по писанію: „коль возлюбл.(ены) селенія твоя?..“ „Птица обрѣте себѣ храмину.“ „Тамо птицы возгнѣздятся.“—Еродіево жилище предводителст.(вуетъ) ими. „Блаженны живущіи въ дому твоёмъ...“

Бесѣда ангелская о клеветѣ діаволской и о козняхъ, отводящихъ отъ истиннаго утѣшенія.

Небесніи архивоины возсѣли на радугѣ, Михаилъ же такъ повель слово: „нѣсть наша брань противу крови и плоти, но...“ Сердце

^{652a)} Мадіанита. Сіе слово отрыгаетъ Священную Исторію о Финеесѣ, который Израилтянина, любодѣйствующаго со Мадіаниткою, пронзилъ обоихъ сквозь.

Прим. Г. С. Сковороды.

^{653a)} Слово еллинское. Еросъ значитъ желаніе, *Zēōs* значитъ Юпитеръ или Дій; отсюда имя Еродій, славенски—боголюбивый. Иначе сія птица нарицается пеларгосъ, римски, *ciconia*, полски *vosian*, у насъ гайстеръ. Она гнѣздится на киркахъ, на башняхъ, на высочайшихъ мѣстахъ, остнахъ и шпицахъ; другъ людямъ, врагъ зміямъ и буфонамъ; родителей кормитъ и носитъ въ старости; отсюда у еллинъ слово: антипеларгеинъ, сирѣчь возблагодарять; образуетъ благочестивую душу, любящую Бога и ближняго, образуетъ и богослова, высоко возгнѣздившагося онаго: „вѣмъ чело вѣка...“ *Прим. Г. С. Сковороды.*

человѣку есть не-ограниченная бездна. Она есть то, что воздухъ, пла-
 вающія планеты носящій. Сія бездна если темна и не собылось на
 ней: „просвѣщаеши тму мою“. „Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіати,
 иже и возсіа въ сердцахъ нашихъ“, тогда она бываетъ адомъ, сирѣчь
 темницею, и исполняется, аки ношныхъ птицъ, мрачныхъ мечтъ и
 привидѣній. Ношный орель^{654a)}, царь и отецъ всѣмъ протчимъ есть
 сатана. Сіи пустыя мечты суть-то злыя духи, а злыя духи суть-то
 злыя мысли; злыя-же мысли суть мысли плотскія, владѣющія міромъ.
 И сіе-то написано: „къ міродержителямъ тмы вѣка сего, сирѣчь брань
 наша противу злыхъ духовъ, державу имущихъ, надъ непросвѣщен-
 нымъ міромъ и надъ всею смѣсю беззаконниковъ. Что же далѣе? На-
 чаломъ вертоградныхъ плодовъ суть сѣмена. Сѣменами же злыхъ дѣлъ
 суть злыя мысли. Сіе же-то и написано: „къ началамъ и ко вла-
 стемъ... Къ духовомъ злобы поднебеснымъ“. Поднебесныя духи
 злобы суть мечты плотскаго, скотскаго и звѣрскаго сердца, коему очи
 | бодеть острый сей правды Божія мечъ: „сатано! Не мыслиши, л. 7.
 яже суть Божія, но яже человѣческая.“ Любезная моя братія! Видите,
 коль по всей вселеннѣи разсѣялъ сатана сѣмена своя! Отъ его рода
 сѣмень суть и сіи блядословныя сиренскія^{655a)} и блядогласныя пѣ-
 сенъи:

Жестокъ и горокъ трудъ
 Быть жителемъ небесъ;
 Весель и гладокъ путь—
 Жить, какъ живетъ міръ весь.

И паки.

Святыня страждетъ безъ утѣхъ,
 А злость вездѣ свой зреть успѣхъ.
 Кая польза быть святымъ?
 Жизнь удачнѣе всѣмъ злымъ.

Сихъ услажденныхъ своихъ водъ хляби излевая, ангелское око
 ваше остро провидитъ, коль хитро погасилъ во всѣхъ сердцахъ боже-
 ственный оный огонь: „кто дастъ мнѣ крилѣ?.. И полещу и почию“
 „Крѣпка, яко смерть, любовь. Крила ея—крила... огня“ „Кто ны раз-
 лучитъ отъ любви Божія?“ „Согрѣся сердце мое и въ поученіи моемъ
 разгорится огонь“. Василисковымъ убо ядомъ надхненъ міръ, глухъ,

654a) Ношный орель, просто сказать, пугачъ. Вражда ему есть непримири-
 мая со дневнымъ орломъ. Можно обоихъ уловить на борбѣ: толь упорно бо-
 рются.

Прим. Г. С. Сковороды.

655a) Сирена—Σειρὼν, слово еллинское, значить, цуто, оковы. Такъ назы-
 вается уродъ морской, со прелестнымъ дѣвичимъ лицемъ. Онъ такъ проро-
 ками вымысленъ, какъ змій седмглавный; образуетъ прелести мырекія.

Прим. Г. С. Сковороды.

аки аспидъ, и студень аки ледь сотворился къ матерѣ нашей, ко Премудрости Божіей, согрѣвающей насъ въ нѣдрѣ своемъ и утѣшающей. „Сыне! Аще поспиши, сладостно поспиши; аще пойдеши, безбоязненъ будеши, и радость будетъ на всѣхъ путехъ твоихъ.“ Сего ради нѣсть дивно, яко всѣ уклонишася вкуупѣ. Не сладокъ Богъ и нѣсть Богъ есть тожде ^{656a)}. Раствѣша и омерзихася въ самыхъ началахъ и сѣменахъ своихъ, въ самомъ коренѣ сердца своего. Кто можетъ поднять на пути золото или бысеръ, мнящій быть нѣчтось бесполезное? Кій тетервакъ не дерзнетъ вскочить въ сѣть, почитая рогомъ изобилія? Кій агнецъ не утрашится матери, творящій ее волкомъ, и не прилпнетъ къ волку, творящій его матерью? Не вините міра. Невиненъ сей мертвецъ. Отнять сему плѣннику куражъ; изbodenно око; прегражденъ

л. 8. путь; связала вѣчными узами туга сердце его. | Кая туга? Когда что любить и желаютъ мысли, тогда и плотяное сердце внутрь насъ распространяется, раздувается, радуется; ^{657a)} во время же огнушенія стѣсняется, жметъ, тужить, аки недужный, отвращается отъ пищи и уста сжимаетъ. Сатана, погасивъ огонь Божества въ мірскомъ сердцѣ, связалъ туго тугою, дабы оно вѣчно гнушалось царствіемъ Божиимъ и во вѣкъ не разрѣшилося ко обрѣтенію его, дабы не воспѣло побѣдныя оныя пѣсни: „сѣть сокрушися...“ „Путь заповѣдей твоихъ текохъ, егда разширилъ еси сердце мое“. „Желаеть и скончаваеть душа моя... Сердце мое и плоть моя возрадовастася...“ И когда пишеться: „да возвеселится сердце мое..“, сіе значитъ: да закуражится. „Отвержеся утѣшиться душа моя...“ значитъ: не приѣмлетъ куража и желанія. Отнять куражъ, а навесьть ужасъ есть-то: стѣснить, затворить и связать душу, дабы она не веселилася, но тужила въ благомъ дѣлѣ. Сія есть страшная обида, плѣнь и убійство растлить человѣка въ самыхъ мысляхъ и въ сердцѣ его, аки въ сѣменахъ и въ коренѣ его, какъ написано: „раствѣша и омерзихася въ начинаніихъ своихъ“, сирѣчь, въ главностяхъ: подобны колесничному или коробельному бѣсноватому управителю. Не виненъ убо мертвецъ, виненъ человѣкоубійца. Міръ есть орѣхъ, червомъ растлѣнь, слѣпецъ безъ очей и вожда, медвѣдь, влекомъ за ноздри своя, рабъ Сатанѣ, плѣнникъ діаволу, львина ограда. Кая ограда? Послушаемъ притчы.

^{656a)} Весь міръ тако мнитъ, яко заповѣди Божія суть тяжки и горки и бесполезны. Сіе тоже есть что сказать: несладокъ и дурень Богъ. А думать, яко не сладокъ и дурень Богъ есть тожде, что—„рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ...“

Прим. Г. С. Сковороды.

^{657a)} Слово сіе (радость) родилося отсюду, что раздувается тогда, когда что случися по желанію, стѣсняется же въ противномъ случаѣ сердце. Отсюду родилося слово (туга). Отсюду Павелъ: „распространилося сердце мое къ вамъ, о, Коринейане!.. не тѣсно вмѣщается“. Сей-то есть истинный смѣхъ: non dentes nudare, non ore ringi, sed corde ridere, какъ смѣется нашъ Исаакъ оный: „возрадов. духомъ Исусъ“...

Прим. Г. С. Сковороды.

Львина ограда.

Левъ дрѣмающую дубраву со дебрями ея ограждаетъ, давъ ей одни врата, гдѣ и самъ близъ обитаетъ въ тайнѣ. Ограждаетъ же не стѣною и рвомъ, но своимъ слѣдомъ. Какъ только гладенъ, такъ возревѣлъ. Звѣри, вострепетавъ, ищутъ спасенія и, притекъ ко спасительнымъ стезямъ, отскакиваютъ воспать отъ львинаго слѣда, дышущаго въ чувства ихъ нестерпимымъ ужасомъ и преградившаго путь. Убоявшиеся убо тамо, идѣже не бѣ страхъ, ищутъ безопасныя стези потоль, поколь приблизатся ко вратамъ, гдѣ нѣсть подлинно слѣда и нечувствителенъ правды | выи ужасъ. Здѣ уловляются. Вотъ врата адава! Здѣ л. 9. всему міру исходъ и кончина. Сатана „ловить, яко левъ, во оградѣ своей и, яко львинъ щенокъ, обитаяй въ тайныхъ“, всѣхъ тѣхъ, о коихъ написано: „убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ“. Въ семъ страшномъ мѣстѣ умолчалъ Михаилъ. Горніи же военачалники, сидяще на благокругломъ лукѣ облаковъ, отдалися въ размышленія, призирая на кругъ земный и унывая, аки разоряемый Содомъ или Вавилонъ предъ собою видяще. Въ самое сіе задумчивое время вмѣсто унынія—куражъ, вмѣсто же страха—радость, послѣдующимъ словомъ нечаянно такъ возблаговѣстилъ Гавріиль.

Путь спасительный.

Онъ прежде запѣлъ пѣснь, а за нимъ всѣ архангелы сію:

Снїде архангелъ въ Назаретъ ко Дѣвѣ,

Приноситъ радость праматерѣ Евѣ.

Радуйся, Ево! Радуйся, Дѣво!

Обрадованна.

Господь съ Тобою! Радость Тобою,

Всѣмъ будетъ данна...

Потомъ отверзлъ цвѣтущая уста въ сей нетлѣнный запахъ, благовѣствуя день отъ дне спасеніе Бога нашего: посланникомъ есмь не ко единой Дѣвѣ Маріи, но во всей вселеннѣй, всѣхъ тѣхъ: „Господи, во чревѣ нашемъ зачахомъ“, всѣхъ заченшихъ во утробѣ своей и вмѣстившихъ въ сердцѣ своемъ духъ заповѣдей Господнихъ, посѣщаю, улажаю и цѣлюю симъ цѣлованіемъ: „радуйся Благодатная! Господь съ Тобою! Благословенна ты въ женахъ“. Сіи суть правдивыя матери Божія: не отъ крови, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога рождающія чада своя. Рожденное отъ плоти плоть есть, рожденное же отъ духа есть: духъ, освятившій сердца и утробы наши. Господи! Сей Духъ есть законъ твой, посредѣ чрева нашего. путь, истина и животъ. Миръ | много любящихъ Его и нѣсть имъ л. 10.

соблазна. Миръ на Израиля и на всѣхъ, елицы правиломъ симъ жителствуютъ, миръ на нихъ и милость! Воньми небо и возглаголю... Жизнь безопасна есть-то путь сладкій, путь Господень. Любезная моя братія! отвратите отъ Содомлянъ ангелскія очи ваши и призрите на грядущаго предъ вами странника сего на землѣ. Онъ шествуетъ со жезломъ веселыми ногами и мѣстами и спокойно воспѣваетъ: „пришлецъ азъ есмь на землѣ; не скрый отъ мене заповѣдей твоихъ.“ Воспѣвая обращаетъ очи то на десно, то на лѣво, то на весь горизонтъ ^{658a}). почиваетъ то на холмѣ, то при источникѣ, то на травѣ зеленѣй, вкушаетъ пищу безпритворную, но самъ онъ ей, какъ искусный пѣвецъ простой пѣснѣ, придаетъ вкусъ. Онъ спитъ сладостно и тѣми же Божиими видѣніями во снѣ и внѣ сна наслаждается. Встаетъ заутра свѣжъ и исполненъ надежды, воспѣвая Исаіевскую пѣснь: „взалчуть юнѣйшіи и утрудятся юноты и избранныи не крѣпцы будутъ. Терпящіи же Господа обновлять крѣпость, окрылатѣють, яко орлы, потекутъ и не утрудятся, пойдутъ и не взалчуть“. День его вѣкъ ему и есть, яко тысяща лѣтъ и за тысящу лѣтъ нечестивыхъ не продастъ его. Онъ по міру паче всѣхъ нищій, но по Богу всѣхъ богатѣе. И что лучше, какъ „веселіе сердца, животъ человѣку“. Жезлъ его есть Господь страстей и вождельній его и радости его никто же возметъ отъ его. Досталъ онъ сей миръ, не якоже миръ доставать обыче. Онъ возлюбилъ путь и славу Божию. Сей есть истинный миръ и животъ вѣчный, а вѣсть его благовѣстіе. „Да слышитъ земля глаголы устъ моихъ!“ Сей странникъ бродитъ ногами по землѣ; сердце же его съ нами обращается на небесѣхъ и наслаждается. „Праведныхъ души въ руцѣ Божіей“. У безумныхъ почитаются погибшими и заблуждшими: „они же же суть въ мирѣ“. Хотя тѣлесныя наличности досаждая беспокоятъ, но сей уронъ со излишкомъ награждаетъ упованіе ихъ безсмертія исполненно, и воцарившійся Господь въ нихъ во вѣки. | Не слышите ли, что сей пѣшеходецъ поетъ?.. Какъ не слышать, воскликнули архангелы. Онъ руками машетъ и поетъ пѣснь сію: „на пути свидѣній твоихъ насладихся, яко во всякомъ богатствѣ“. Онъ единъ намъ есть милѣйшій позоръ паче всѣхъ Содомлянъ. Мы же его познали. Сей есть другъ нашъ: Даніилъ Варсава. И всѣ возсмѣялися. Потомъ же Гавріилъ простеръ смарагдинныя крила и прелетѣвъ сѣде при боку Рафаилову, обоняя въ рукахъ своихъ сладковонный шыпокъ и крынь селный. Рафаилъ, смотря на Варсаву и посмѣявся, яко Сарра, помянулъ духовнаго своего сына, любезнаго пут-

^{658a}) Горизонтъ слово еллинское, значить небесное купно и земное мѣсто, сколько можетъ обоарѣть взоръ нашъ. Есть же предѣлъ взору для всѣхъ до единого населяющаго вселенную человѣка. Τόπος Горίζων, сирѣчь мѣсто, ограничивающее прозрачъ очей, однимъ одно, другимъ другое видно.

ника Товію, сына Товитына. Онъ долгую повѣсть соткалъ, коимъ образомъ поручилъ ему старикъ сына своего, кія напасти и припадки встрѣчались на пути, коль шасливо юноша вшелъ въ невѣстникъ и преспалъ съ невѣстою Божіею? Когда онъ боялся воды или рыбы, повѣствовалъ Рафаиль, тогда я его научалъ: сыне мой Товія! Сыне мой! Не бойся! Вода не потопитъ тебе, но воды блевотинъ змінныхъ, но потопныя рѣчи совѣтовъ мірскихъ, но волненія плотскихъ устремлений; сей есть всемірный оный древній потопъ, всѣхъ пожирающій! Ей, глаголю тебѣ: сего убойся! И рыба, сыне, не поглотитъ тебе. Но чрево, но сирище ^{659а)} и чресла твоя се есть адъ и китъ, поглощающій всѣхъ, имже Богъ чрево и слава въ студѣ ихъ. Ей, глаголю тебѣ: сего убойся. И утроба рыбная, и дымъ внутренностей ея не спасетъ тебе. Но дымъ дыма и духъ духа, ей, глаголю тебѣ, онъ спасетъ тебе. „Слыши, Израиллю! Господь Богъ твой посредѣ тебѣ, во внутренностяхъ твоихъ, въ сердцѣ твоємъ и въ душѣ твоей.“ Той есть дымъ дыма и духъ духа; дымъ отъ утробъ твоихъ, отъ Содомскаго запыленія вождѣлннй восходящій до небесъ, и духъ, не раздѣляющійся отъ тебе, но превосходящій дебелость плоти и тонкость души твоя, той спасетъ тебе. Сей есть смирна и стакта, и касія отъ утробъ твоихъ. Сей да изыйдетъ, да явится тебѣ, да зачнеша во утробѣ и вмѣстиши въ сердцѣ, да въ воюю мира его течеша, да не удавить души твоя смрадъ бѣсовскій и мірскихъ вождѣлений зловоніе. Сожечъ утробы, по Мойсееву повелѣнію, и умертвить уды, составленныя съ праха, есть тоже. Сіе все бываетъ вѣрою, сирѣчь, помышлять себе,—мертвымъ убо быти по плоти, живымъ же по Богу. | Сожечъ и убить душу твою, разумнй, отнять отъ нея власть и силу. Тогда останется въ тебѣ единъ ѳиміамъ Божій, спасительное благоуханіе, муро мира и помазавшій тебе Духъ Господень и собудетъ: „направить ноги наши на путь мира“.

Путь мира нареченъ путь. ^{660а)}

Симъ благовѣстіемъ раженъ, продолжалъ Рафаиль, пошелъ мой Товія на десно, во путь мира, коимъ нынѣ шествуетъ нашъ Варсава.

^{659а)} Сирище есть гласъ ветхославенскій, значить тѣлесную внутренность, кая всю сырость пищуую варить, сирѣчь желудокъ. Сей есть всѣхъ золь виною во всю жизнь. Отсюду брани, хищенія, убійства и всѣ бѣды. Онъ царь есть всѣмъ мірскимъ сердцамъ. Сей есть оный архимагиръ, сіестъ архиповаръ, поминаемый въ Книгахъ Царствъ, возмутившій весь Іерусалимъ, царь поварямъ и царямъ. Весьма слично моя мати Малороссія называетъ его Богомъ, тоже, что Павелъ: „имже Богъ чрево...“ Древле во Египтѣ іерей, погребая мертвеца, повелѣвалъ вырѣзывать сирище и, поднявъ предъ народомъ, воскликнуть проповѣднику сіе: „сей въ жизни всѣхъ золь виною!“ *Прим. Г. С. Сковороды.*

^{660а)} Возри на 26-й стихъ, 8-я глава въ Дѣянїяхъ: „Ангельже Господень“ и прочая. „Сей есть путь.“ *Прим. Г. С. Сковороды.*

Сей есть путь царскій, путь верховный, путь горній. Симъ путемъ Енохъ, Иліа, Аввакумъ и Филиппъ восхищенъ, не обрѣтошася въ мірѣ. Симъ путемъ возшелъ на гору Авраамъ вознести на жертву Исаака и приялъ отъ Бога печать вѣры. Симъ путемъ возшелъ на гору Фасга Моисей и упокоился. Симъ путемъ шествуетъ весь Израиль во обѣтованную землю. Симъ путемъ возшелъ въ Сионъ Давидъ, насытился священныхъ хлѣбовъ, раздавъ и сущимъ съ нимъ по Скוברадному блину. Симъ путемъ восходитъ въ горня Маріамъ, цѣлуетъ Елисавету и ублажается. Симъ путемъ шедъ Христосъ во пустыню, побѣдилъ сатану. Симъ путемъ восходятъ на гору Галилейскую апостолы и видятъ свѣтъ Воскресенія. Сей есть путь субботный, разумѣй, мирный. Симъ путемъ шествовали Лука и Клеопа. Сошелся съ ними третій блаженный оный собесѣдникъ, преломившій имъ хлѣбъ небесный и открывшій имъ очи видѣти не видимое его благоуханіе. Напослѣдокъ симъ путемъ вѣхаль въ колесницѣ евнухъ царицы Кандакии и познался со Филиппомъ. Филиппъ открылъ ему въ челоуѣкѣ Человѣка, въ естествѣ естество, благоуханіе Христова и новымъ благовѣстіемъ, аки чуднымъ еиміамомъ, накадилъ ему сердце, омылъ его нетлѣнною сверхъ отъ стихійныя воды водою и отпустилъ его въ домъ свой. Онъ же отыде въ путь свой, радуясь. Сей путь есть радостень, но пусть, пусть, но радостень и виѣ его нѣсть спасенія; пусть же, яко людемъ избраннымъ точію отверсть. Міръ мнитъ его быти пустымъ, сирѣчь, суетнымъ. Сія есть клевета. Мнитъ же паки его быти горнимъ, сирѣчь, горкимъ. И сіе клевета. Гора значить превосходство, не трудъ и горесть. Горе глаголющимъ | сладкое-горкое и вопреки. „Путь Господень есть судъ; разсудити злое, избрати благое.“ Любезный путь! „Не зайдетъ солнце тебѣ и луна не оскудѣетъ тебѣ. Есть Господь тебѣ свѣтъ твой и ищезли дни рыданія твоего.“ Сія возгласивъ Рафаилъ умолкнулъ. Уриилъ же воззвалъ: распрострите въ даль взоръ вашъ и увидите нѣсколько путниковъ, предварившихъ Вар-саву. Но Рафаилъ началъ понуждать: любезная моя братія! Призрите хоть мало на путь шуій и на козлища, на несчастныхъ путниковъ его... Ахъ! Отвращаешь насъ, друже, вскричали архангелы, отъ прекраснаго позорища къ страшному. Обращаяся же воспѣли всѣ нѣснь такову:

О міре! міре! міре украшенный!

Весь притворный, весь гробе поващенный! ^{661a)}

^{661a)} Гробницы древнихъ царей были высокыя горницы, извнѣ архитектурно украшенныя. Но чтоли тамъ внутри? Прахъ, смрадъ, гной, кости, пустыня. Преслично нашъ рабинъ Христосъ сими гробами именуеть лицемѣровъ, имущихъ образъ благочестія, силы же его отвергшихся. Равное сему есть и мырское щастіе—удилъ, съѣтъ и ядовитый медъ; извнѣ блескъ, а внутрь тма, тля...

Прлещаешъ старыхъ, младыя и дѣти.
 Въ прелести вяжешъ, аки птенцы въ сѣти.
 Свѣтъ кажется украшенный,
 но онъ, какъ гробъ повапленный,
 Внутрь же его выну, зрю мерзость едину.

Путь шуїй нареченъ вентеръ.

Сей путь, сказали Рафаиль, нарицается вентеръ. Есть же вентеръ сѣтъ рыболовна, сотворенна по образу чрева: широка, во входѣ, тѣсна во исходѣ. Сей путь, уклоняясь отъ востока, сокрываетъ конецъ свой не во свѣтлой южной странѣ, но во мракѣ полуношномъ. Вотъ путь, говорилъ Товїянъ вождь, вотъ и несчастный его путникъ грядетъ предъ вами! Судите его! Небесныя силы, призирая на путника со уныніемъ и милосердствуя о немъ, возгласили: о бѣдный страдалецъ! Сей есть сребролюбецъ. Боже мой! Весь обремененъ мѣшками, сумами, кошельками, кошельками, едва движется, будто навюченный вельблюдъ. Каждый ступень ему мукою. „Горе вамъ богатыи, яко отстоите отъ утѣшенія вашего.“ Но онъ сего, извиняетъ Рафаиль, не чувствуетъ, но паче еще блажитъ себе и почитаетъ путь свой благословеннымъ во вѣки. Онъ благодушествуетъ, шествуетъ и поетъ. Возможно ли? Вскричали духи. Пожалуйте, просилъ Рафаиль, внемлите пѣснь его.

Богачъ, путешествуя, поетъ пѣснь.

Пусть я во свѣтѣ сквернѣ—только бы былъ богатъ. ^{662a)}

Днесъ не въ моду совѣсть, но злато идетъ въ ладъ.

! Какъ нажилъ, не спросятъ, только бѣ жирный былъ грошъ. 14 л.

Сколь богатъ, столь всѣмъ братъ и честенъ и пригожъ. ^{663a)}

Что у насъ безчестно въ мѣрѣ? Кошель пустой.

Нищимъ ли жить? Лучше пушуся въ смертной гной.

^{662a)} Сїи стихи суть изъ древняго трагедїографа Эурипида. Вотъ единъ!

Ω Χρυσὲξ δεξιῶνα καλλίστων βροτοῖς. *Прим. Г. С. Сквороды.*

(Nauck. Trag. fr. 2 изд. Eur. fr. 324). *Прим. Я. А. Демисова.*

O Avrus! Dexteritas optima mortalibus.

О злато! Удачностъ! наилучша смертнымъ. Начало ихъ сїе:

Sine me vocari pessimum. ut dives vocer.

Nemo an bonus num dives, omnes quaerimus. *Прим. Г. С. Сквороды.*

^{663a)} Ubique tanti quisque quantus habuit fuit. *Прим. Г. С. Сквороды.*

И смерть сладка, поколь рубль за рублемъ плыветь. ⁶⁶⁴⁶⁾
 О, святое злато! Надъ тебе въ свѣтѣ нѣтъ.
 Не столь милый отецъ, не столь рождшая мать,
 не столь любезны и чада веселятъ.
 И если такая у Венеры краса,
 не дивно, что въ ее влюбилася тварь вся.

Ангельскія силы ужаснулись, видяще, что сатана толь хитро умѣлъ растлить бѣсноватую сію душу, обожающую мертвое и уповающую на кумира. О, сатана! Воззвали они соболѣзнуя, родная Божія обезяна! Онъ имъ вмѣсто слова: „Горе вамъ богатыи...“ „Блаженны нищии...“ Положилъ на сердцѣ во основаніе сей свой смрадъ: — блаженны богатыи, яко тѣхъ есть царство всякихъ утѣхъ. Такова душа есть аспидъ, отнюдь не слыщащій призывающія милости: „прійдите ко мнѣ всѣ труждающіися и обремененныи и азъ упокою вы...“ Боже мой! возгласилъ Уриилъ, сей безпокойный путь толпами людей, какъ торгами, весь засоренъ. Слышь, Рафаилъ! Кая есть сія ближайшая толпа? Трусъ колесницъ, отвѣчалъ онъ, шумъ бычей, конскій топоть, и свистъ обличаетъ, что сія громада есть полкъ честолюбцовъ, сію же предварившая толпа есть торжество сластолюбцевъ. Сіе обличается пищаніемъ и ржаніемъ мусикійскихъ органовъ, восхлипаніемъ торжествующихъ и козлогласованіемъ, поваренными запахами, гаромъ и куреніемъ. Протчее въ далнихъ онихъ сволочяхъ и стеченіяхъ: тамъ — тяжбы, брани, татьбы, грабительства, лести, купли, продажи, лихоимства... Братіе! Призрите къ правой сторонѣ. Вотъ они! Нѣсколько путниковъ, откравшись отъ шуйаго пути, пробираются чрезъ стропотная мѣста къ пути мирному. „Яко Богъ искуси я и обрѣте ихъ достойны себѣ...“ Ба! ба! ба! Кое странное сіе вижу позорище? Возопилъ, какъ молнія, нечаянно Зарахилъ. Пятерица челоувѣковъ бредутъ въ преобширныхъ епанчахъ, на пять лактей по пути влекущихся. На головахъ капишоны. Въ рукахъ не жезлы, но древолоіе. На шеѣ каждому по колоколу съ веревкою. Сумами, иконами, книгами обвѣщенны. Едва, едва движутся, аки быки, парохіалный колоколъ л. 15. везущи. Вотъ развѣ | прямо труждающіися и обремененныи! Горе имъ, горе!... Сіи суть лицемѣры, сказалъ Рафаилъ. Маргышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ. Непрестанно во псалтырь. барабанятъ. Строятъ кирки и снабдѣвають. Бродятъ поклонниками по

⁶⁶⁴⁶⁾ Можно и такъ:

И смерть сладка, поколь злато плыветь разъ въ разъ.

О, святое злато, моли Бога о насъ!

Latine sic:

O plute, summa dextritas mortalibus! *Прим. Г. С. Сковороды.*

Иерусалимамъ. По лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконнѣ. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбцы, ласкатели, сводники, не милосерды, не примирительны, радующіеся зломъ сосѣдскимъ, полагающіи въ прибыляхъ благочестіе, цѣлующіи всякъ день заповѣди Господни и за алтынъ оныя продающіи; домашніи звѣри^{665а)} и внутрени зміи, лютѣйшіи тигровъ, крокодиловъ и василисковъ. Сіи нетопыры между деснымъ и шуимъ путетъ суть ни мужескаго, ни женскаго рода. Обоиъ враги, хромы на обѣ ноги, ни теплы, ни студены, ни звѣрь, ни птица. Шуій путь ихъ чуждается, яки имущихъ образъ благочестія; десный же отвергаетъ, яко силы его отвергшихся. Въ сумахъ ихъ пѣсокъ Иорданскій съ деньгами. Обвѣшенныя же книги ихъ суть типики, псалтыри, прологи и протчая. Вся ихъ молитва въ томъ, чтобъ роптать на Бога и просить тлѣнностей. Вотъ останавливаются молящеса и пѣть начинаютъ. Послушаемъ безбожныя ихъ пѣсни Божія.

Лицемѣры, молящеса, поютъ:

Боже, возстани, что спиши?
 Почто о насъ не радиши?
 Се путь беззаконныхъ цвѣтетъ!
 На путехъ ихъ бѣдностей нѣтъ.
 Мы жъ тебѣ свѣчицы ставимъ,
 Всякій день молебни правимъ!
 И забылъ ты всѣхъ насъ.

* * *

Два раза постимъ въ недѣлю.
 Въ постъ не уживаемъ хмелю.
 Странствуемъ по святымъ градамъ,
 Молимся и дома и тамъ.
 Хоть псалтыри не внимаемъ,
 Но на-изусть ее знаемъ.—
 И забылъ ты всѣхъ насъ.

* * *

Услыши, Боже, вопль и рыкъ!
 Дажь намъ богатство всѣхъ языкъ!
 Тогда-то тебе прославимъ,
 Златыя свѣчы поставимъ,

^{665а)} Нѣкій мудрецъ вопрошенъ: „какъ можно прожить жизнь благоденно?“ отвѣщаль: „такъ, аще спасешиа отъ дикихъ и домашнихъ тигровъ, сирѣчь, оныхъ:—„Иуда—рабъ и лстець.“

И всё храмы позлащенны
 Возшумлять твоихъ шумъ пѣній—
 Токмо даждь намъ вѣкъ златъ!

л. 16. | О смердящія гробы со своею молитвою, возопилъ Варахиилъ! Снѣ
 блядолѣпныя лавры, ³³подъ видомъ Божиимъ, сатану обожаютъ. Злоба
 во одежду Преподобія одѣта, есть-то сатана, преобразившися во Ан-
 гела свѣтла. Нѣтъ сего злѣе во всемъ адѣ,—опустошеніе царствамъ,
 церкви поколебаніе, избранныхъ Божиихъ прелщеніе... Отвратимъ очи
 наши отъ богомерзскихъ сихъ ропотниковъ, прошаковъ, лстецовъ и
 лицемѣровъ. Не слышите ли, что шумъ, трескъ, ревъ, вопль, вой,
 свистъ, дымъ, жупель и смрадъ содомскій восходитъ отъ сего пути?
 Архангелы обратили свѣтлыя лица своя отъ сѣвера къ ясному югу и
 воспѣли пѣснь сію:

Ангелская пѣснь въ силу сего:

„Бездна бездну призываетъ.“

*

Нелзя бездны окіана горстью персти забросать,
 Нелзя огненнаго стана скуднѣй каплѣ прохладтатъ.
 Возможноетъ ли въ темной ясканѣ гулять орель
 Такъ какъ на небесный край вылетѣвъ онъ отсель?
 Такъ не будетъ сытъ плотскій духъ.

*

Бездна духъ есть въ человекѣ, водъ всѣхъ ширшій и небесъ.
 Не насытишь тѣмъ во вѣки, чемъ плѣняетъ міръ сей весь.
 Отсюду-то скука, внутрь скрежетъ, тоска, печаль.
 Отсюду несытость, чтобъ съ капли жаръ горшій всталъ.
 Знай: не будетъ сытъ плотскимъ духъ.
 О, роде плотскій! Невѣжды! Доколѣ ты тяжкосердъ?
 Возведи сердечны вѣжды. Взглянь выспрь на небесну твердъ.
 Чему ты не ищешь знать, что-то зовется Богъ?
 Чему не толчешь, чтобъ увидѣть его ты смогъ?
 Бездна бездну удолвить вдругъ.

К л е в е т а,

Еллински,—діаволи; римски, *traductio*.

Воспѣвше же спросили: что есть клевета ^{666a}? Изречи намъ, мол-
 ніе Божія, Варахииле!.. Онъ же отвѣщаль тако: клевета есть—творить

^{666a}) Девятая божественная заповѣдь гремитъ: „не лжесвидѣтельствуй“. Сіе же есть тожде, еже: не клевети. Ужасная клевета—творить заповѣди Го-
 сподни трудными и горкими. Сіе на сердцѣ начерталь діаволь всѣмъ, прези-
 рающимъ законъ Божій. О! раздерите сердца ваша сія, ослѣпленны.

Прим. Г. С. Сковороды.

сладкое горкимъ и вопреки; она есть тожде, что татьба; татьба кра-
детъ вещи, а клевета мысли. Мысль есть руководительница человѣку
и путь. Діаволь, укравъ у человѣка добрую мысль, перекида | етъ л. 17.
будьто сѣтъ и препону чрезъ добрый путь, а симъ самымъ сводить
и переводить его на путь золь. Вотъ почему эллински (діаволосъ),
сирѣчь переметчикъ, римски-же (traductor), сирѣчь сводникъ или пе-
реводникъ, дано имя клеветнику, славянски же, клеветать значить
тоже, что колотить, мѣшать горькое со сладкимъ и вопреки. Сіе бы-
ваетъ тогда, когда на мѣсто сладкаго поставляется горькое и вопреки.
Сей есть единъ источникъ всѣхъ адскихъ мукъ. ^{667а)}

К о з н ь .

Ты же, о, свѣте Божій, Уріиле! Изъясни намъ, что значить то
кознь? Отвѣщаль Уріилъ: кознь есть образъ клеветы, по коему она
растетъ и сѣется. Она есть тоже, что машина. Машина хитруетъ
въ вещахъ, а діавольска кознь въ мысляхъ. Птицеловъ и рыболовъ
ловить сѣтми, а онъ кознями. Кознь есть ловкая машина, напри-
мѣръ, ковь, пругло, капканъ, западня, сѣтъ, вентерь, верша, эллин.(ски)
строфа, сирѣчь увертка, вертупка и прочая. У архитектоновъ и нынѣ
нѣкая машина именуется латински сарег, сирѣчь козелъ. Нынѣ
ясно видно, что хитрость въ татьбѣ, а кознь въ клеветѣ есть тожде.
О, коль прелестная удица! Ею точно возбѣсившия человѣка воля ужа-
сается преподобія, стремится за нелѣпостми, аки елень, устрѣленъ
въ ятра, не видя яко въ погибель свою течеть. Сіи-то души услаж-
даются пѣсенками сими:

Древній вѣкъ былъ для свяцовъ.

Нынѣ вѣкъ есть не таковъ.

Плюнь, братъ, на Сіонъ. Пой на свѣцкой тонъ.

Скоро-ль святость жить дождется?

Наша-жъ здѣ жизнь наживется.

И п а к и:

Въ молоды лѣта не зажить свѣта?

Что жъ за корысть свѣтъ молодому?

И п а к и:

Въ старомъ вѣкѣ нѣсть покою,

Только болѣзнь со бѣдою.

Тогда щастя хотъ бы й было,

Но въ старости не такъ мило...

^{667а)} Клеветный мракъ есть отецъ лживости; лжа же и лестъ есть мати грѣхамъ. Грѣхи же суть муки и страсти сердечныя. „Чемъ бы кто согрѣшаетъ, тѣмъ и мучится.“

Прим. Г. С. Сковороды.

Кое же то мнѣ щастіе, если оно мнѣ измѣняетъ во время старости, если нѣсть вѣрный и вѣчный другъ оный? „Другъ вѣренъ— кровь крѣпокъ“... „Не остави мене во время старости“... „Вся переходятъ, любви же ни!“ „Богъ любви есть“... „Слыши, Израилью! Господь Богъ Твой посредеѣ тебе.“

л. 18. | Се видна зла удица бѣсноватыми душами пожираема. А какъ волкъ овцы на пажитѣ и при водопоѣ похищаетъ, тайный же ласкатель въ самомъ чертогѣ и при трапезѣ, аки червь орѣхи, внутрь ихъ обрѣтясь, растливаетъ, такъ діаволь на самыхъ злчныхъ мѣстахъ, во Едемѣ священные Библии хитро уловляетъ, примѣшавъ, аки змій, въ матернее для чады млеко ялъ свой, такъ онъ вкусъ и духъ свой въ благоуханныя плоды Божіею райа. „Нужное есть царств.(о) Божіе и нужницы восхищаютъ е.“ Сей оракулъ сатана растлилъ. Онъ въ немъ, осквернилъ Христово благоуханіе. Онъ въ немъ, укравъ Духъ Христовъ, вложилъ въ него свой душеубійственный вкусъ. Онъ перековалъ нужное на трудное ^{688а}). Поютъ германы причту сію: „Богъ строить кирку, а чортъ тамже часовню“. Поетъ Христосъ: „нужное есть царств.(віе) Божіе“. Діаволь подпѣваетъ: трудное есть царств.(віе) Б(ожіе). О, пакостная обезьяна! Тѣмже мостомъ грядетъ, а въ разный городъ. Тѣмже звономъ поетъ, да чего-то какъ нѣтъ. Ангелскій тонъ, адская думка, гласъ Іаковль, сердце Исавлее. Лобзаетъ, какъ другъ, продаетъ, какъ Іуда. И смѣхъ, и плачь намъ есть Божія сія мартышка... „Вонми небо и възглаголю!“ Се клевета на Господа Вседержителя! Нужность со трудностью такъ не вмѣщается, какъ свѣтъ со тмою: нужно солнце; трудно же ли? Нуженъ огонь; а труденъ ли? Нуженъ воздухъ; но труденъ ли? Нужна земля и вода; и кто безъ нея? Видите нужность? Гдѣ же при бокѣ ея трудность? Ахъ! Ищезла! Нѣтъ ей мѣста въ чертогахъ непорочныя и блаженныя нужности! Домъ ея есть домъ мира, домъ любви и сладости. Покажите же мнѣ, гдѣ водворяется трудность? Во адѣ ли? Вѣрую, Господи, тамъ-то обитаетъ трудъ и болѣзнь, печаль и въздыханіе. Но тамъ ли нужность? Ахъ! Небывала она тамъ. Ея присутствіемъ адъ во мгновеніи преображается въ рай. Во адѣ все дѣлается то, что не нужное, что лишнее, что не надобное, не приличное, противное, вредное, пакостное, гнусное, дурное, непригожее, скверное, мучительное, нечестивое, богомерзкое, проклятое, мірское, плотское, глѣнное, вѣтренное, дорогое, рѣдкое, модное, заботное, разорительное, погубительное, адское...

^{688а}) Нужда и нужное не въ томъ стоитъ, аки бы трудно оно имѣтъ, но то есть нужное, безъ чего никакъ жить невозможно или съ мученіемъ живетъ безъ него. А чѣмъ же что нужнѣе, тѣмъ достать легчае; напримѣръ, воздухъ есть необходимо нуженъ; безъ обуванія же въ зимѣ можно жить съ мученіемъ.

и протчій неусыпающій червь. Сія бѣсноватая и буйная дѣва, трудность, именуется еллински *ἄτα*, сирѣчь, пагуба, еврейски же ада, Ламехова жена, сирѣчь, блюдо, красующаяся и заботная, противная женѣ, именуемой Селла, Мирна. Коль же разнится чистая наша дѣва святая л. 19. *нѣсть!* ^{669а}). Она нѣсть *ἄτα*, но літа и літургіссса; нѣсть ада, но селла, нѣсть *φυρία*, но анна, но харіа, но *γратіа*, разумѣй, возлюбленная, милостивая, даровита. Съ небесныхъ круговъ и отъ горнихъ предѣловъ возлюбленные сея царицы ищезла всякая горестъ со трудомъ, а печаль со въздыханіемъ. Отгуду сатана со вѣми своими тмами низвержень во адъ. Кая сила низвергла? Та, что тамъ жизнь не зависить отъ заботныхъ суетъ и суетныхъ заботъ. Тамъ живеть едино точію нужное оное: „едино есть на потребу“. Оно есть и сродное, и легкое, и благодѣльное, и преподобное, и веселое, и полезное, безъ сребра и безъ горестей стяжаемое, какъ написано: „туне пріясте, туне дадите“. Внуши земле! Услыши роде человекъ! Напиши на ногтѣ адамантовомъ, на вѣчныхъ сердца своего скрѣпаяхъ Господню славу сію: „благословенъ еси, творяй нужное не труднымъ, трудное не нужнымъ“.

Какъ только Уріилъ отрыгнулъ господствующую сію славу Вышняго, поднялся отъ преисподнихъ хульный шумъ, рыкъ, вой, свистъ, стонъ, каковъ бываетъ отъ дубравныхъ звѣрей, отъ ночныхъ птицъ, отъ блатныхъ жабъ, во время землетрясенія. Замялся, свиваясь и развиваясь въ безчисленные свертки, адскій змій, пронзень изощренною сильнымъ стрѣлою и варомъ палящихъ углій осыпанъ, по оному: „иже отъ устенъ произноситъ премудрость, жезломъ бьетъ мужа безсердечна“. На крылахъ Уріиловыхъ видѣнъ былъ видъ многоцѣннаго сапфира, превосходящій голубый сводъ благовиднаго неба. Сей божественный умъ, пустившій изъ устъ своихъ мечъ обоюду остръ, поразили сатану въ самое чрево его и убилъ блудодѣніе. Варахилъ же выстрѣлилъ праволучную стрѣлу молніину, пронзиль дракона въ самое око его и убилъ похоть очесъ, по писанію: „око ругающееся отпу и досаждающее матерѣ своей, да избудуть оное вранове отъ дебрія“. Прежде же всѣхъ умертвилъ копіемъ Михаилъ любодѣйственное сердце его. Отъ того часа царство его и козни разоренны.

Адское царство на чемъ основано?

Простеръ же Рафаилъ іасписо-шарныя крила своя со Гаврииломъ и прелетѣвъ сѣде при боку Варахилому. Потомъ возсмѣявся весело-

^{669а}) Не утерплю приписать тутъ пресладкихъ Епикуровыхъ словъ сихъ: *Χαριστὸν τῷ μακαρίῳ φύσει, οὐ τὰ ἀναγκαῖα ἐποίησεν ἐμπορίᾳ τὰ δὲ δυσπόριστα οὐκ ἀναγκαῖα*“, сіестъ: благодареніе Богу, яко нужная сотвори легкостыжными, злостыжная же ненужными.

видно изрече: возрадовася Духъ мой, яко Урїилъ, аки Финеець, во чрево,
 л. 20. ты же, аки Сисарѣ, въ самое око его пробилъ | ему главу его. Видѣ
 же Варахїловыхъ крилъ, аки видѣ углей ражженныхъ отъ онаго углія:
 „стрѣлы сильнаго изощренны со угльми поядающими“. „Ражженно слово
 твое зѣло, и рабъ твой возлюби е“. „Слово плоть бысть и вселися въ
 ны.“ Тогда сей пламенѣющій орелъ, служитель въ молніи Вышнему,
 божественный Варакъ распростеръ крила своя и, помаявъ оныя, воз-
 гласилъ: сія есть побѣда, побѣдившая міръ, плоть и діавола—любовь
 наша. Крѣпка яко смерть любовь. Жестока, яко адъ ревность Божія.
 Крила ея крила огненныя. Угліе огненное воспламеняетъ ее. О, уголь!
 О возлюбленный нашъ анеракъ оный! ^{670а)} „Злато земли оныя доброе и
 тамо анеракъ“. Сей дражайшій анеракъ насть, Серафимовъ, воспла-
 мняетъ, творяя ангелы своя духами и слуги своя пламенемъ огнен-
 нымъ. Гласъ его оный... „Гласъ брата моего...“ Сей единъ утѣшаетъ
 и укрѣпляетъ нась. „Возвеселися неплоды!“ Сей есть гласъ его.
 „Смиренная и колеблемая! Не имѣла еси утѣшенія.“ Се азъ уготовляю
 тебѣ анеракъ,—камень твой—и на основаніе твое сапфиръ. И
 положу забрала твоя, іасписъ и врата твоя, каменія кристалла
 и огражденіе твое, каменія избранная—и правдою возградишися,—
 всякое орудіе, содѣланное на тя, и всякій гласъ, иже на тя востанетъ,
 на прю не благопоспѣшу. Одолѣши имъ всеѣмъ. Вся сыны твоя на-
 учены Богомъ и во мнозѣхъ мірѣ чада твоя. Сіе есть наслѣдіе служа-
 щимъ Господеву и вы будете мнѣ праведны, глаголетъ Господь.
 Нынѣ желаніе наше исполнилось. Нынѣ услышана тричастная оная
 молитва Сираховская.

Господи, Отче, и Боже живота моего!
 Да не пожретъ мя бездна мірская!
 Возведна очи на прелестъ Его,
 Да не поглотитъ мя пропасть чрева,
 Угождающаго яко Богу. И да не свяжетъ мя
 Студодѣйство, ищуща сладости въ мертвомъ блатѣ.

На сей тричастности стоитъ все адское царство.
 Нынѣ мудрость одолѣла; злобѣ и всѣхъ воспѣли такъ:

О, сыне, рожденъ отъ Дѣвы
 Во безстрастія глубинѣ!
 Тричастную злобу души

670 а) Анеракъ есть слово еллинское, значить угля горящій, значить же и драгоценный камень, его-же видъ есть, аки угля горящій. Всѣ же драгоценныя камни, яко сапфиръ, еарсеїс и прочіи, суть красотою своею и твердостію образы Божія премудрости.

Потопи, молюся.
 Да якоже во тимпанѣ,
 во умерщвленномъ тѣлеси,
 Воспою побѣдную пѣснь.

О языкъ трегубый, возглашая возгласилъ Варакъ, разорившій грады и превратившій дома вельможъ! Блаженъ обладаяя тобою. Се есть царствіе Божіе! | Нѣсть его легчае, яко нѣсть нужнѣе, и нѣсть л. 21. нужнѣе, яко нѣсть врожденнѣе его. И что есть Богъ, если не внутри насъ пламенѣющая, аки искродышущій угль, блаженная оная в рода: „безъ мене не можете творити ничесоже“. Что убо есть? Она носитъ горы и воды и весь трудъ нашъ. Она тонкоплотное небо и огонь де-сницею своею жметъ и держитъ. Кто убо присноблаженную и прене-порочную сію мать нашу держаетъ нарещи трудною? Аще ли са-тана сатану изгонитъ? Тако ниже трудностію трудъ уврачуется. Господи! Се трудъ воздають тебѣ! Ты же еси веселіе и радость, миръ и упо-коеніе. Правда твоя, яко солнце. И се сатана помрачаетъ! Миръ же свидѣтельствуеть о лжѣ. Господи! Аще возможно есть, да мимо идетъ отъ тебе горкая чаша сія. Аще же не можетъ сія лжа мимо ити отъ тебе, буди воля твоя! ^{671a)}

Плачущая неплоды.

Во оно время слышанъ бысть жалостный гласъ на небеси. Вдова, бродящая по землѣ, оболченна въ темныя ризы, имущая родити сына, ищетъ мѣста, но не обрѣтаетъ, гонима зміемъ, пожерти плодъ чрева ея хотящимъ и во слѣдъ ея изbleвающимъ потопъ блевотинъ. Сего ради скитається, рыдающая и вопіющая пѣснь сію ^{672a)}:

Кто дастъ мнѣ крилѣ нынѣ? Кто дастъ посребренны?
 Кто дастъ мнѣ рама нынѣ? Кто дастъ восперенны?
 Да лешу сквозѣ присно о Бозѣ,
 Отъ земна края даже до рая
 И почію.

*

Се ехиднѣ лютый бѣжитъ! Се мя достизаетъ!
 Се челюсть адску на мя лютѣ разверзаетъ!

^{671a)} При Богѣ яко при зернѣ и истинѣ, не разлучно придержитя, аки шелуха, лжа; но шелуху свиніи, хлѣбъ же ядятъ чада. *Прим. Г. С. Сковороды.*

^{672a)} Сія пѣснь взята изъ трагедо-комедіи, нареченныя „Гонимая церковъ“. Жена Апокалипсная тамъ, гонима зміемъ, поетъ, пѣснь сію или хоръ. Есть сіе милое твореніе Варлаама Лазевскаго, учившаго въ Кіевѣ и богословію съ еврейскимъ и еллинскимъ языкомъ и бывшаго предводителемъ въ посѣднемъ исправленіи Библии. Почти архимандр.(итомъ) Донскимъ. Вѣчная память!

Прим. Г. С. Сковороды.

Поглотить хочетъ, ядомъ клокощеть,
Василискъ дивый, аспидъ питливый.

Ахъ, увы мнѣ!

*

Водъ горкихъ хлябы студно изbleваеть чернѣй.
Се мракъ! Се облакъ покры мя нынѣ вечернѣй!

Увы, мнѣ нынѣ! Увы, единѣ!

Гонить всѣмъ адомъ мене со чадомъ.

Нѣсть мнѣ мира.

*

Увы, мнѣ! Горе! Увы! Что имамъ творити?
Кого на помощь дерзаю бѣдна молити?

Увы, мнѣ нынѣ! Увы, единѣ!

Гонить всѣмъ адомъ мене со чадомъ.

Нѣсть мнѣ мира.

*

Боже! Ты призри на мя съ высоты святѣя
и приклонися странной на слезы ми сія.

Дажь крѣпость силы, бы не сдолѣли
твоей рабынѣ уста змины.

Ахъ! О! Боже!

Кто дастъ мнѣ крила нынѣ? Кто дастъ голубины?
Да выпры парю отъ сея адскія глубины...

- л. 22. | Архангелы возлюбили прекрасную сію невѣсту Божию, скитающуюся по землѣ и неимущую, гдѣ главы подклонити, милосердствуя о ней. Михаилъ же, ражженъ ревностію, расширилъ посребренныя крила своя и устремився, аки ко страждущему своему птенцу орелъ, восхитилъ жену и посадилъ ее на радугѣ. Тогда цѣломудренная сія Сусанна ^{673a}), не обрѣтесе между смертными на землѣ, да не злоба измѣнить разумъ ея или лестъ прелстить душу ея. Не праздная мати возсѣла со сыномъ своимъ на благокругломъ луцѣ облаковъ и сама сущи прекратившая потоць радуга оная. „Виждь дугу и благослови сотворшаго ю. Зѣло прекрасна сіяніемъ своимъ“. Досадители же ея суть сія: „премудрость и наказаніе уничтожаяй есть окаяненъ, и праздноупованіе ихъ, и труды безплодны, и неключима дѣла ихъ. Жены ихъ безумны и лукава чада ихъ, проклято рожденіе ихъ, яко блаженна есть не плоды не оскверненная!“ Тогда изъ облака возгремѣлъ Михаилъ къ живущимъ на землѣ симъ гласомъ: „сынове человѣческія. Вскую любите лжу, ядуще землю во вся дни живота вашего? Тако ли юродивы есте, сынове Израилевы?“ Не испытавше, ни истинны разумѣвше, осудите дщерь Израилеву. О ответшальны злыми дьями вашими! Почто

^{673a}) Сусанна слово еврейское; еллински—*χρῖνον*, римски—*lilium*, славянски—*крынъ*, малороссійски—*лиля*.

судите суды неправедны и не слышите глаголюща Бога: „неповинна и праведна не убивай.“ „Имѣяй уши слышати да слышитъ!“ Послѣ сего грома слышанна бысть издалеча въ горнемъ воинствѣ ангелскомѣ пѣснь воспѣваема сія:

Пѣснь въ конецъ сего:

Испусти змій за женою изъ усть своихъ воду, яко рѣку, да ю въ рѣцѣ потопить.

Воньми, небо и земля! Нынѣ ужаснися.
 Море безднами всѣми согласно двигнися.
 И ты быстро-текущій возвратися Иордане.
 Прийди скоро крестити Христа Иоанне.
 Краснозранныи лѣсы стези отворите,
 Предитечу Иоанна ко Христу пустите.
 Земныи же языцы куюно съ нами всѣ ликуйте,
 Ангелскіи хоры вси въ небѣ торжествуйте.
 Снійде Спасъ во Иорданъ, ста въ его глубинѣ.
 Се снійде и Духъ Святъ на-нъ въ видѣ голубинѣ.
 Сей есть Сынъ мой возлюбл.(енный), Отецъ изъ облакъ вѣщаше.
 Сей Мессіа обновить естество все ваше.
 Освяти струи и намъ. Змію сотри главу.
 Духа твоего, Христе, росу даждь и славу,
 | Да не потопить насъ змій. И мы вси отъ земна края л. 23.
 Да почити полещемъ до твоего рая.

Обновленіе мыра.

Седмь главъ суть сатанѣ, яко едина, глава же, аки заходящее солнце, мглою обезображенное. Вскорѣ потомъ лице земли покрылъ мракъ вечерній. Безчисленныи же нетопыры и ношныя птицы, лѣтая во мракѣ, неключимую хулу и клевету на славу Вышняго возвѣщали. Тогда явися и ангелское многое воинство, аки звѣзды небесныя, но разслабленно сіяющія. Архангелы, исполняя написанное: „во время ово разумный умоленеть“ и плѣняясь краснѣйшія всѣхъ земныхъ дочерей красотою небесныя Сусанны, терпѣли и пребывали, молящеса тако: „Господи Боже нашъ! Правда твоя во свѣтѣ твоємъ. Свѣтъ же во правдѣ твоей. Истина твоя въ солнцѣ живетъ, солнце же стоитъ на истинѣ твоей. Се сіе знаменіе есть твое отъ тебе и тебѣ у насъ. Отъ тебе глаголъ сей твой и о тебѣ. Ты единъ и сотвориши его. Се лѣствица седмистепенная къ тебѣ намъ. И се сатана низвергль ео! Онъ сотворилъ изъ нея врата адова, нарекъ нужное труднымъ, сладкое же горкимъ. И се врата адова одолѣвають людемъ твоимъ. Востани Господи! Востани, славо наша! Востани рано, возлегъ почилъ еси въ тучной горѣ твоей, аки левъ, многая лѣта спящій. Возбудися, яко Самп-

сонъ. Сотвори величіе неплodyщей твоей, коснися горамъ твоимъ — и воздымаются, блесни молнію и разжени супостаты, да во свѣтъ твоимъ узримъ новый свѣтъ. И обновиси лице земли. Ты и вчера, и днесъ, и во вѣки бывшій, сущій и будущій еси. Аминь!“

Помолившеся же всерадостнымъ воскликнули гласомъ: „да будетъ новый свѣтъ!“ И бысть новый свѣтъ. Абіе проникнуло радостное утро. Возсіяло солнушко, просвѣтило небеса, проповѣдующія славу Божию и обновило лице земли. И нарекоша ангелы вчерашній день тмою, днешній же день свѣтомъ. И бысть ветхій, и бысть новый свѣтъ; но день единъ и мьръ единъ. Древле сотворилъ Богъ мьръ въ семь дней для человѣковъ; въ послѣдній же вѣки, ради ангеловъ, обновотворилъ его во единъ день, иже есть, яко тысяща лѣтъ. Да исполнится пророчество верховнаго Петра: „покайтесь!

л. 24. Яко да прійдутъ времена прохля | дна отъ лица Господня“. „Прійдетъ же день Господень, аки тать въ нощи, въ онъже небеса убо со шумомъ мимо пойдуть.“ „Новаго же небесе и новыя земли чаемъ, въ нихже правда живеть.“ И Иоанново: „дѣти! Послѣдняя година есть; и мьръ переходитъ, и похоть его; творяя же волю Божию пребываетъ во вѣки.“ „Не взалчуть ктому, ниже вжалдуть, не имать же пасти на нихъ солнце, ниже всякъ зной, яко агнецъ, иже посреде престола упасеть ихъ; и наставитъ ихъ на животныя источники водъ; и отыйметъ Богъ всяку слезу отъ очю ихъ...“ А какъ только прешель и зашелъ ветхій мьръ, возсіяло же купно и Ноєво, и новое время, и лѣто; тогда во мгновеніи ока въ послѣдній трубѣ всѣ нощныя птацы, всѣ ядовитыя гады, всѣ лютыя звѣри, всякій трудъ и болѣзнь, и всѣ злыхъ духовъ легионы, всѣ безчисленны свитки, изблевающіи хулу на Вышняго вихромъ возметаемы отъ лица земли, ищезоша. И се! Воспѣвающе воспѣли Архангелы и все ангелское воинство во псалмѣхъ и пѣніихъ, и пѣсняхъ духовныхъ побѣдную.

Пѣснь побѣдная ^{674a)}

Пой и воспой! Коль благъ Богъ твой!
 Скоръ рукою за тобою
 въ день брани твоя стати,
 Враги твоя супостаты,
 Погоняя, поборяя.
 День и вечеръ пой. Нощь и утро пой.
 Коль десница—прославися!
 Коль Мессія—возвысися!
 Во побѣдѣ дивныхъ, на хребтѣ противныхъ!

^{674a)} И сія пѣснь изъ тогожде творенія Лашевскаго. Хоръ поеть: „гда забавися жена отъ змія.“ О, пламень, поядшій Кіевскую бібліотеку, такіа и толикія манускрипты, коликую гибель сотворилъ еси? *Прим. Г. С. Сковороды.*

Антифонъ. ⁶⁷⁵⁶⁾

Я, Боже, тебѣ пѣснь нову,
 Пѣснь Мойсейску, пѣснь Христову
 Воспою въ духовной лирѣ,
 Въ десятиструнной псалтырѣ.
 Всякъ царь въ бою пѣлъ тобою,
 Цѣль твой и Давидъ, мечемъ не убить.
 Ты изволилъ мя изъяти,
 Злоплеменнымъ не даль яти.
 Изъ устъ ихъ мечъ смерти готовъ мя пожертъ,
 И зла ихъ десница правды не держится.
 Въ полкахъ же ангельскихъ слышанны были се сіи!
 Воспоимъ Господеви! О, Боже всемогущій!
 | Еще нашъ пріялъ еси вошь и плачь умильный. л. 25.
 Еще насъ не судиши въ конецъ отринуть.
 Побѣдихомъ. Падесе супостатъ нашъ лютой.
 И антихристъ пріялъ казнь, домашній врагъ велий;
 Ко намъ же возвратився грядеть миръ веселый.
 Онъ безбѣдно здравіе ведетъ за собою.
 Нынѣ и день лучше красенъ добротою.
 И солнце сильнѣйшіи лучи испускаетъ,
 И лице краснѣйшее цвѣтъ полній являетъ. ^{676а)}
 Зима прейде. Солнце ясно. ⁶⁷⁷⁶⁾
 Мыру откры лице красно.
 Изъ подземной кѣлти явившася цвѣты,
 Мразомъ прежде побѣнны.
 Уже всѣ райскія птицы
 Испущенны изъ темницы.
 Повсюду лѣтають, сладко воспѣвають,
 Веселія исполненны.
 Зелены поля въ травы
 Шумящія въ листь дубравы
 Встають, одѣваясь, смотря возсмѣваясь.
 Ахъ коль сладко тамъ взирати!

⁶⁷⁵⁶⁾ Сіе самъ я на туюжде мелодію слыхилъ изъ Давидовы пѣсни 143-я стихъ 9: „Боже, пѣснь нову воспою тебѣ во псалт. (ирѣ) десятистр. (унной) дающему сп. (асеніе) царямъ“. Антифонъ значить: пѣніе во отвѣтъ. *Прим. Г. С. Сковороды.*

^{676а)} Полній. Сіе значить не тое, что исполненный, но полевой, что въ полѣ. Сіи стихи суть изъ побѣдныхъ пѣсни Теофана Прокоповича, ректора Киевскія Академіи, трезязычнѣ воспѣваго царю Петру, побѣдившему подъ Полтавою градомъ. Почти президентомъ въ Синодѣ. Вѣчная память. *Прим. Г. С. Сковороды.*

⁶⁷⁷⁶⁾ Сія пѣснь есть изъ древнихъ малороссійскихъ и есть милая икона, образующая весну; она пространна. *Прим. Г. С. Сковороды.*

Отъ днесь, открылися въ жаждущихъ поляхъ и пустыняхъ живыя воды источники. Явилися грады и жилища оная: „коль красныя дома твои, Іакове!“ Стропотныя горы отворили стези свои, одѣваясь цвѣтами оними: „Азъ цвѣтъ полній и крынь удолий“. Дикій и безстраннопріимный неприступный Кавказъ отверзалъ гостинницы свои странникамъ. Море сказало дорогу кораблямъ всѣмъ плывущимъ. Показалися плодоносїи острова, Кефы, Петры, гавани и мысы Добрыя Надежды. Отворилися спасительныя пристанища всѣмъ мореплавателямъ даже до древняго (Фарсиса ^{678a}) и до Одигитріи ^{679b}) заблуждающимъ, до облачныя огнедышущія горницы, призирающія на Александрію Фарійскія пирамиды ^{680a}). Увидѣли славное царство и святую землю оную: „тамо ради ты мати твоя“. „Царя со славою узрите и очи ваши узрятъ землю издалеча.“ Преупокоилися на злчныхъ мѣстахъ и на блаженныхъ удолияхъ, по писанію: „ядите ближніи и пійте, и упойтеся, братія...“ Отъ днесь возсіяли надъ главами святыхъ чловѣковъ л. 26 | лучезарныя вѣнцы, окружающіи въ себѣ сію адамантову славу: „легко быть благимъ.“ Тогда и на мою главу возложенъ вѣнецъ нетлѣнный. Архангелы, пѣснь побѣдную воспѣвъше, возлетѣли въ горня и паки вселилися въ седми пирамидахъ, субботы велики нареченныхъ, призирающихъ и соблюдающихъ премудрости домъ седми-субботный, славяще Отца и Сына, и Святаго Духа вчера, днесь и во вѣки. Сіе видѣніе азъ, старецъ Даніилъ Варсава, воистину видѣхъ. Написахъ же во просвѣщеніе невѣждамъ блаженнымъ онимъ „даждь премудрому вину... и во славу людей святыхъ Израїля.“

К О Н Е Ц Ъ.

^{678a}) Фарсисъ есть драгоцѣнный камень, есть же и градъ, имущій кораблямъ лоно.

Прим. Г. С. Сковороды.

^{679b}) Одигитрія слово еллинское, значитъ путеводиница, наставница. Отсюду во акаѳистѣ: „радуїся столпе, наставляя плавающія...“ и прочая. Таковыя приморскіи турни, при затмѣніи звѣздъ, наставляютъ ко берегу плавателей горящимъ на нихъ огнемъ. Въ Библии нарицается столпъ облачный, сирѣчь высокій, до облаковъ досязающій, напрямѣръ: „въ столпъ облачнй глаголаше къ нимъ“. Образуется симъ столпомъ священная Библия. Она-то насъ, обуреваемыхъ въ морѣ мыра сего, наставляетъ къ гаванѣ оной, гдѣ убогій Лазарь со Авраамомъ и вся церковь почиваетъ. Сія гавань нарицается, еврейски—кифа или кѣфа; еллински—петра, сирѣчь, каменная гора, лоно и градъ. Что убо сія кифа и сей Апокалипсическій градъ знаменуетъ? Пирь оный Логовъ съ дочерью своими, о коемъ: „блаженъ иже снѣсть обѣдъ во царствіи Н(ебесномъ)“. „Радости вашея никтоже возметъ отъ васъ.“ „Веселіе вѣчное надъ главою ихъ“. Глава наша есть сердце ваше. Аще оно не болитъ и вѣчно радуется, сіе есть единое истинное блаженство — „миръ, всякъ умъ превосходящій“. Аминь!

Прим. Г. С. Сковороды.

^{680a}) Фарійская пирамида или турня не далече отъ устья рѣки Нила, гдѣ градъ Александрія.

Прим. Г. С. Сковороды.

Егда во обновленіи Мира собылося на мнѣ оное: 'Ο Στέφανος τῶν Σοφῶν πλῆτος ἐστί αὐτῶν. Вѣнецъ премудрыхъ богатство ихъ.

Прт. яснѣ изрещи: In corona sapientum; Divitiarum eorum.

⁶⁸¹⁾ Въ библиотекѣ Харьковскаго Университета имѣется копія этой рукописи Г. С. Сковороды. Она переплетена вмѣстѣ съ копіей рукописи Г. С., называющейся „Борьба и прѣя о томъ: претрудно быть злымъ, легко быть благимъ“—это та же рукопись, которая у насъ отпечатана подъ заглавіемъ: „Брань архистратига Михаила съ сатаною“ (см. 416—440 стр. нашей книги). Въ этой тетради „Пря Бѣсу“ находится на 27—43 стр. Въ библиотекѣ весь этотъ сборникъ значится подъ шифрой $\frac{С. П.}{33}$. Рукопись эта была издана И. Т. Лисенковымъ съ большими сокращеніями. Вѣроятно всею, — судя по отмѣткамъ въ рукописи, — эти сокращенія произведены по настоянію цензуры. Но и помимо этихъ большихъ пропусковъ въ этомъ изданіи имѣются и болѣе мелкіе, а такъ же самовольныя исправленія и искаженія отдѣльныхъ словъ и выраженій, которыя должны быть отнесены къ небрежности или преднамѣренности издателя или невѣстнаго редактора, если это были разныя лица.

Любопытно отмѣтить, что въ статьѣ Д. М. Багалѣя къ собранію сочиненій Г. С. Сковороды, разсматривается и этотъ сборникъ Лисенкова (стр. XXXI) и рукописная тетрадь, гдѣ помѣщена „Пря Бѣсу съ Варсавою“ (стр. СII), съ которой печаталъ ее въ своемъ изданіи Лисенковъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ нѣтъ отмѣтки, что Лисенковъ издалъ эту рукопись съ большими сокращеніями, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно искажающими смыслъ. Д. И. Багалѣй, разбирая эту рукопись Сковороды, находящуюся въ библиотекѣ Харьковскаго Университета, почему-то при цитатахъ предпочитаетъ придерживаться транскрипціи Лисенковскаго изданія, а не рукописи Сковороды. Такъ напримѣръ, заглавіе одной изъ басенъ онъ пишетъ „Змѣя и Бюффонъ“, тогда какъ въ рукописи „Змѣя и Буфонъ“, а у Лисенкова „Бюффонъ“.

Кромѣ того, копія этой рукописи, сдѣланная съ изданія И. Т. Лисенкова, находится въ „Собраніи сектантскихъ рукописей В. Д. Бончъ-Бруевича“. Въ настоящее время эта рукопись хранится въ Сектантскомъ Отдѣлѣ Рукописнаго Отдѣленія Библиотеки Императорской Академіи Наукъ, гдѣ значится по описи: „Сект. 2862“.

Рукопись „Пря Бѣсу съ Варсавою“, какъ мы уже упоминали, была напечатана въ 1861 г. книгоиздателемъ И. Т. Лисенковымъ, который издалъ небольшой томикъ сочиненій Г. С. Сковороды, подъ заглавіемъ: „Сочиненія въ стихахъ и прозѣ Григорія Саввича Сковороды, съ его портретомъ и почеркомъ его руки“. „Пря Бѣсу съ Варсавою“ напечатана въ этомъ изданіи Лисенкова на 244—268 стр.

Выдержки изъ этой же работы Г. С. Сковороды еще въ 1840 г. были напечатаны въ Казани въ VI т. „Исторіи философіи“ архимандрита Гавриила.

Тогда во пустынь явися мнѣ бѣсъ, отъ полчища оныхъ, кленущу нечестивому сатану, самъ кленеть свою душу. Имя ему Даймонь. ^{682a)}

Даймонь, Слыши, Варсава! Младенскій уме! Сердце безобразное! Душо исполнена паучины! Не поучающая, но паучающая... Ты ли еси творяя странныя догматы ⁶⁸³⁾ и новыя славы?

Варсава. Мы-то Божією милостію рабы Господни есмы, и держаемъ благовѣстити Божію славу сію:

Яко злость трудна и горька,
Благость же легка и сладка.

Дай(монь). Что ли есть благость?

Вар(сава). ⁶⁸⁴⁾ Тожде что нужность.

Даймонь. Что есть нужность?

Варсава. То, что нѣсть злость.

Даймонь. Что ли есть злость?

Варсава. То, что нѣсть благость.

Даймонь. Откуда родится нужность?

Варсава. Она есть вѣтва благости и блаженства.

Даймонь. Благость же и блаженство откуда есть?

Варсава. Сія вѣтка отъ древа жизни.

Даймонь. Гдѣ есть древо жизни?

Варсава. Посредѣ плоти нашея.

Даймонь. Что ли есть древо жизни?

Варсава. Есть законъ ума.

Даймонь. Что ли есть законъ ума?

Варсава. Свѣтъ тихій святыя славы, безсмертнаго Отца небеснаго... Образъ Ипостаси Его: Ему же слава во вѣки. Аминь.

Бѣсъ нѣсколько бывъ смущень, и водрузивъ очи въ землю, помышляше въ себѣ, негодую на странности отвѣтныя. Послѣди же вопросилъ: нынѣ ли убо узаконяеши? И подлагаеши во основаніе живую твердь сію, нужность не трудна?

Варсава. Воистину глаголю тебѣ:

Елико что нужнѣе
Толико удобнѣе.

^{682a)} Даймонь или демонъ, у Еллиновъ значитъ вѣдящій, или вѣдьма: знагокъ (Δαιμόν) отсюда (Δαιμονισμ) острое, трудное, но неключимое, и непотребное видѣніе. У Евангелистовъ, симъ словомъ, именуется бѣсъ.

Прим. Г. С. Сковороды.

⁶⁸³⁾ Т. е. мнѣнія, мысли *). *Прим. редактора изданія И. Т. Лисенкова.*

*) Въ рукописи этого примѣчанія нѣтъ.

Прим. ред.

⁶⁸⁴⁾ Какъ въ копіи этой рукописи Г. С. Сковороды, такъ и въ изданіи ея 1861 г. лица діалога: Даймонь и Варсава почти вездѣ написаны и отпечатаны сокращенно: Дай. и Вар. Мы печатаемъ вездѣ эти имена полностью, также какъ и во всѣхъ другихъ рукописяхъ Г. С. Сковороды.

Прим. ред.

| Д а й м о н ь. Ты ли написалъ 30 притчей и дарилъ ⁶⁸⁵⁾ оныя Аса-л. 28. насію Панкову?

Варсава. Во истину тако есть. Сей есть другъ Варсавѣ.

Д а й м о н ь. Помниши ли едину отъ нихъ, въ коей бесѣдуетъ Вуффонъ ⁶⁸⁶⁾ со змією, обновившею юность?

Варсава. Помню. Я оную притчу увѣнчалъ толкованіемъ тако-
вымъ: ⁶⁸⁷⁾

Чемъ большее ⁶⁸⁸⁾ добро,
Тѣмъ большимъ то трудомъ
Огражденно, какъ рвомъ.

Д а й м о н ь. А! а! Новый архитекторъ! Нынѣ то ты мнѣ впаль
въ пруго!

Варсава. Исповѣдую согрѣшеніе мое.

Д а й м о н ь. Видиши ли, яко брань на тебе твоя же воздвизаетъ
слава.

Варсава. „Аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прель-
щаемъ...“

Д а й м о н ь. Или убо заколи новую твою славу тую: „нужность
нетрудна.“

Варсава. Новое чудо богслѣнное: заколю ли?

Д а й м о н ь. Или аще побораяши по ей: преступника себе обли-
чаеши, разоряя, созданную самымъ тобою прежнюю ограду, оградив-
шую трудомъ домъ: (яко же великолѣпно написалъ еси) всякое благо.

Варсава. Нѣсмь азъ Богъ, и согрѣшаю: нѣсмь паки бѣсъ, и
каюся.

Д а й м о н ь. Охъ! Словеса твоя возбѣсиша мя. [Иди за мною
Сатано!] ⁶⁸⁹⁾ Не о покаяніи глаголь мой. Не разумѣши ли, яко грѣха
нарицается Еллински (Γραμτέα): гласить же: преступленіе, буйство,
зablужденіе, безуміе...

Варсава. Вельми разумѣю. Грѣхъ есть слѣпота душевная.

Д а й м о н ь. Почто убо слѣпъ сый, слѣпцовъ дерзаяши, ⁶⁹⁰⁾
узаконоя странную и неслышанную славу?

Варсава. Почто? Того ради, яко каюся.

⁶⁸⁵⁾ Въ изданіи Лисенкова:—„подарилъ“.

Прим. ред.

⁶⁸⁶⁾ Въ изданіи Лисенкова:—„Вуффонъ“.

Прим. ред.

⁶⁸⁷⁾ Въ изданіи Лисенкова:—„такимъ“.

Прим. ред.

⁶⁸⁸⁾ Въ изданіи Лисенкова вмѣсто слово „больше“—„большее“.

Прим. ред.

⁶⁸⁹⁾ Въ изданіи Лисенкова, словъ, заключенныхъ въ скобки,—нѣтъ.

Прим. ред.

⁶⁹⁰⁾ Въ изданіи Лисенкова здѣсь напечатано слово—„наставляещи.“

Прим. ред.

Даймонъ. О, вране ноцный! Кайся, раскайся, окавайся... но не буди творецъ догматовъ новыхъ.

Варсава. Кто же можетъ каятися, и прейти на иное: не поставивъ ⁶⁹¹⁾ прежде новыя судьбы, [и новаго рока] ⁶⁹²⁾ во основаніе? На чемъ станеть? Вѣдомо, что духъ покаянія стоитъ на каменномъ островѣ, поправъ прежнюю злобу, обლობывавъ же новую благодать. Сія благодать есть новый адамантъ, подлагаемый во основаніе новозиздемому граду святому. Она есть вѣчное зерно, откуда произрастаетъ древо нетлѣнныхъ плодовъ и новаго вѣка. Сего ради всеу раздѣляешн не раздѣленное. Каятися узрѣтъ брегъ новыя славы, начать новую жизнь, новымъ сердцемъ, новыми плодами: всѣ сіи вѣтвы н. 29 суть отъ одинаго | древа и есть едино и тожде. Якоже утро, свѣтъ, солнце, луна, день есть тожде. Како убо реклъ еси мнѣ: кайся, но не буди творецъ догматовъ новыхъ?

Даймонъ. Перестани, реку, высокоубуйствовати! Остави проу и обლობыай слывшую искони въ народахъ славу сію:

Δόσχολα τὰ καλὰ.

Gvavissima Bonitas

Ἐὐχολα τὰ χακὰ.

Levissima Malitia.

Варсава. Приложи, аще хочещи и сіе:

Dulcissima mala

• Beatissima mala

Amarissima bona.

Miscrissima bona.

Обаче смрада сего отнюдъ не вмѣщаетъ сердце мое. Аще ли будетъ гортань гробомъ отверстымъ? Аще ли возвратятся мнѣ ливны очи? Вепрово обоняніе? Уста Іудины? [Тогда развѣ обლობыаю сію неключимую славу. Когда Израиль почтетъ надъ крастели стерву, тогда и я предпочту вепра надъ Миневру]. ⁶⁹²⁾

Даймонъ. Тако ли убо? На всѣ академіи, на всѣ школы, и на всѣ ихъ книги брань воздвигаешн?

Варсава. [Прости мнѣ друже и враже мой.] ⁶⁹²⁾ Нужда мнѣ надлежитъ на тебе ополчатся. Во крещеніи клятвою заляхся никого-же слышати, ⁶⁹³⁾ развѣ единыя премудрости, во евангеліи и во всѣхъ освященныхъ библейскаго Іерусалима, обителѣхъ почивающія. [Отъ того даже времени заплеванъ отъ мене міръ, плоть и діаволъ, со всѣми своими совѣтами. Іерей облилъ тѣло мое скотскою водою, на той конецъ, дабы послѣжде омылъ я сердце мое водою духа, изъ] ⁶⁹³⁾

⁶⁹¹⁾ Въ изданіи Лисенкова здѣсь напечатано слово—„себѣ“.

Прим. ред.

⁶⁹²⁾ Въ изданіи Лисенкова словъ, заключенныхъ въ скобки—нѣтъ.

Прим. ред.

⁶⁹³⁾ Въ изданіи Лисенкова здѣсь напечатано слово: „точію.“

Прим. ред.

[евангельскаго Сылоама. Се тайна есть! Плотскою водою, тайнообразующая воду Премудрости, пиемую изъ Библии во спасеніе. Инако же аще никто облить, или погруженъ, но не исполнивый тайны, любящій же пить гнилую мірскихъ совѣтовъ воду, есть лицемѣръ, чуждъ царствія Божія, яко водою точію крещенъ, но не купно и духамъ. Нужда убо мнѣ | ополчится на всѣхъ, да сохранию парю моему вѣрую мою. л. 30. Паки же... Коль-краты привязала мене Богу, тайна евхаристій? Крошка хлѣба и ложечка вина ненасыщающая тѣла... Не сей ли видъ преобразуется въ пищу Премудрости его, укрѣпляющія и веселяющія сердце? Не онъ ли, прильнувъ къ Невидимому, претворяется въ тайнообразуемое первообразное? Сія пресущность вида, совершается тогда, егда тлѣнь та и сѣнь тлѣнными устами приемяется купно же аки удицею, тайно вовлекается сердце, во евангельскія чертоги и вкушаетъ отъ тайныя оныя вечери. „Блаженъ! иже снѣсть обѣдъ, во Царств. Неб. инакоже: Нѣсть евхаристія, сирѣчь благодареніе, но лицемѣрность, но предательство, но неблагодарность, предающая сердце Христово за малоцѣнныя мірскія совѣты. Се толь чуднымъ союзомъ любви связанное сердце мое, со сердцемъ Божиимъ, не радостно ли востанетъ, на всѣ супостаты Его?} ⁶⁹²⁾ ⁶⁹⁴⁾ Открой мнѣ во священной библии хотя едино мѣсто, благословляющее твою славу, и довлѣтъ мнѣ. Инако же на нашъ еси, но отъ супостатъ нашихъ.

Дай монѣ. Убо ли глухъ еси, не слышай, яко тѣсный есть путь, ведущій въ царствіе небесное? И яко мало стадо спасающихся? Яко мнози възыщутъ внйти, и не возмогутъ? Яко востанетъ дому владыка, и затворить двери?... Ту будетъ плачь, и скрежетъ зубовъ, егда узрите Авраама и Исаака и проч. во царствіи Божіи, васъ же изгонимыхъ вонъ...

Варсава. О! клевета, смутившая и смѣсившая горняя со преисподними...

Дай монѣ. Внемли же и сему. „Бдите, да некогда отягчаютъ сердца ваша...“ „Возстани спяй! Что стоите праздны?“ „Восклонитесь и воздвигните главы ваша...“ „Труждающемуся дѣлателью прежде...“ И тма иныхъ мѣстъ. Сіе же мѣсто: „удобіе вельблуду сквозъ илгінныя уши пройти...“ Будетъ дни тіи ⁶⁹⁵⁾ скорбь велія, якова не бысть ⁶⁹⁶⁾ непреодолившую трудность ко благу обличаетъ.

⁶⁹⁴⁾ Весь этотъ пропускъ въ рукописи отмѣченъ, и кромѣ того отчеркнутъ на двухъ страницахъ краснымъ карандашемъ на поляхъ, а также чернильной отмѣткой. Вѣроятнѣй всего, что эти отмѣтки принадлежать духовному цензору шестидесятыхъ годовъ, когда Лисенковъ издавалъ эту рукопись.

Прим. ред.

⁶⁹⁵⁾ Въ изданіи Лисенкова вмѣсто словъ „дни тіи“ напечатано „тогда“.

Прим. ред.

⁶⁹⁶⁾ Въ изданіи Лисенкова вмѣсто слова „не бысть“ напечатано „не была“.

Прим. ред.

Варсава. Доколѣ мнѣ ругался еси: терпя потерпѣхъ. Нынѣ же нечестивый и козненный! Бога моего благодать прелагаеши [во скверную твою.] ⁶⁹⁷⁾

Даймонъ. Почто, Варсава, бѣснуешися?

л. 31. | Варсава. Путь Божіихъ словесъ превращаеши въ лукавую твою стезю.

Даймонъ. Како сія могутъ быти?

Варсава. Како можетъ трудомъ устрашати той, иже призываетъ глаголя: „примите ко мнѣ всѣ труждающіеся ⁶⁹⁸⁾ и Азъ упокою вы?“ Не клевети убо, день Божій быти скорбь, но твои дни и мои есть скорбь: и не до скорбы, но отъ скорбы сея отзываетъ обремененныхъ. Твои убо дни суть мерзость запустѣнія, Даніиломъ реченная и во твоихъ днѣхъ горе родящимъ и доящимъ. [Сего ради глаголетъ: „Молитесь да не будетъ бѣство ваше въ зиму.“ Тво—то день есть зима, скрежегъ, плачь, буря, море... Отсюда вызываетъ въ кефу свою, въ тихое пристанище, въ дѣмъ приближца. „Азъ упокою вы.“ „Отступите отъ меня всѣ дѣлатели неправды.“ Мучитесь всѣ возненавидѣвши покой мой]. ⁶⁹⁷⁾

Даймонъ. Не рекохъ ли, яко бѣса имаши? Вонми, о, бѣсне! Не глаголю: яко неблаго есть царствіе Божіе, но яко жестокимъ трудомъ ограждено, и яко къ нему путь тѣсень, и приступъ прискорбный.

Варсава. Но не ты ли сказала: яко сія мѣста благословляютъ славу твою? Самъ убо поудивъ мене глаголати о сихъ, нынѣ бѣснымъ мене нарицаеши. Аще бѣсуются: ты еси вина сего, аще же добръ глаголахъ, почто мя злословиши?

Даймонъ. О, лисъ! Метаешися, свиваясь, развиваясь въ различный свитокъ. Обаче [аминь] ⁶⁹⁷⁾ глаголю тебѣ, яко узкій путь, и тѣсная врата во царство небесное.

Варсава. Тѣсная, вѣрпо, вѣлблуду, но человѣку, довольно пространныя.

Даймонъ. Что ли есть вѣлблудъ?

Варсава. Душа, мірскими бременами отягченна.

Даймонъ. Что ли есть бремя?

Варсава. Богатство, пиры и сласти міра сего, яже суть улича діаволская. Несутъ нечестивыи на раменахъ своихъ ⁶⁹⁹⁾ [злый крестъ и мучащее ихъ] ⁶⁹⁷⁾ неудобноносимое иго, тяготу же свою, ея же сами суть виновныки, возвращаютъ на царствіе Божіе.

⁶⁹⁷⁾ Въ изданіи Лисенкова словъ, заключенныхъ въ скобки—нѣтъ.

Прим. ред.

⁶⁹⁸⁾ Въ изданіи Лисенкова здѣсь напечатаны еще слова: „и обремененніи“.

Прим. ред.

⁶⁹⁹⁾ Въ изданіи Лисенкова здѣсь напечатано слово „это“.

Прим. ред.

Даймонъ. Уа! Нынѣ не обынуся исповѣдалъ еси, яко труденъ путь. Побѣдихъ! [Ура!] ⁶⁹⁷⁾ Тѣсенъ, узкій, труденъ есть тожде.

Варсава. Воистинну неудобенъ и труденъ злымъ мужамъ. Но они за самими собою влекутъ трудность. На пути же | Божіемъ не л. 32. обрѣщутъ и нѣсть ⁷⁰⁰⁾ ея во вѣки. Злоба благоту во вредъ, [ядь,] ⁶⁹⁷⁾ въ трудъ и болѣзнь сама собою себѣ же превращаетъ.

Даймонъ. Что ли есть злость?

Варсава. Почто мя искушаеши, лицемѣре? Рекохъ тебе уже, яко злость есть то, что нѣсть благодать. Она есть духъ губительный все во всегубительство преображающій.

Даймонъ. Како могутъ ⁷⁰¹⁾ сія быти?

[Варсава. Ты Даймонъ еси и сихъ ли не вѣси? Жизнь наша не путь ли есть? Не сей ли путь, самымъ Богомъ есть положенъ? Не Богъ ли есть всехитрецъ, еллински—Аристотелна? Како убо труденъ путь намъ сотворилъ? Оувѣй, о, языке лживый! Не клевети злобо, благодати и Премудрости. Ты сама сотворила путь божій труднымъ, содѣлавъ его беззаконнымъ. Что бо есть беззаконіе, аще не растлѣніе? И что есть грѣхъ, аще не жало смерти, вся разоряющее?

Даймонъ. Како могутъ сія быти? ⁶⁹⁷⁾

Варсава. Не искушай мене, пытливая злобо, не смущай сердца моего. Не во благодать, но во злость ревнуеши знати.

Даймонъ. Но подобаетъ же тебе обличити, како злоба дѣлаетъ сладкое горькимъ, легкое же труднымъ.

Варсава. О, роде развращенный! Доколѣ искушаеши? Аминь, ⁷⁰²⁾ глаголю тебѣ, яко елико что благо есть, толико и творити и вѣдѣти удобно есть.

Даймонъ. Камо идетъ слово твое, не вѣмъ.

Варсава. Камо? [Печешися и] ⁶⁹⁷⁾ молвиши ты о сей истинѣ, яко злоба дѣлаетъ [легкое] ⁶⁹⁷⁾ труднымъ, испытуеши, како бываетъ сіе? Сія же истина блистаетъ паче солища въ полудни, яко все истинное, и легкое и ясное есть.

Даймонъ. Како же ясное, аще азъ не вижу?

Варсава. Нѣсть удобнѣе, якоже удобно есть видѣти солнце. Но сіе трудъ и болѣзнь есть нетопыру. Обаче трудъ сей самъ за собою носить, во очахъ своихъ возлюбившихъ тьму, паче свѣта... Предложи сладкоздравую пищу болящему, но онъ со трудомъ вку-

⁷⁰⁰⁾ Въ изданіи Лисенкова вмѣсто слова „нѣсть“, напечатано—„нынѣ“.

Прим. ред.

⁷⁰¹⁾ Въ изданіи Лисенкова вмѣсто слова „могутъ“ напечатано—„возмогутъ“.

Прим. ред.

⁷⁰²⁾ Въ изданіи Лисенкова вмѣсто слова „Аминь“ напечатано—„Воистину“.

Прим. ред.

шасть. Возведи путника на гладокъ путь, но онъ слѣпымъ и хромымъ соблазнъ и претыканіе, развращенно же и превратно шествующимъ, горестъ, трудъ и болѣзнь.

л. 33. | Даймонъ. Кто ли развращенно ходитъ?

Варсава. Той, кто въ дебри, въ пропасти, въ безпутныя и строптивыя калуги отъ пути уклоняется.

Даймонъ. Кто же ли превратно шествуетъ?

Варсава. Той, кто на рукахъ, превративъ ноги свои выспрь, или не лицемъ, но хребтомъ въ задняя ⁷⁰³⁾ грядетъ. Симъ образомъ весь миръ живетъ, якоже нѣкто отъ благочестивыхъ воспѣваетъ:

Кто хочетъ въ мирѣ жизнь блаженно править,

О, да ⁷⁰⁴⁾ совѣты мірски всё отставить. ⁷⁰⁵⁾

Миръ есть превратный. Онъ грядетъ руками,

Падъ ницъ на землю, но горѣ ногами.

Слѣпый слѣпаго въ слѣдъ водяй съ собою

Падутъ, ахъ! оба въ ровъ глубоку съ бѣдоу.

Видиши ли, яко злость сама себя трудъ содѣваетъ? Не вопрошай убо, како могутъ сія быти?

Даймонъ. Обаче тѣсна дверь, и мало входящихъ.

Варсава. Злѣ просятъ, и не приѣмлютъ. Не входятъ, яко злѣ входятъ.

Даймонъ. Како же злѣ?

Варсава. Со трусомъ колесницъ, со шумомъ бичей, коней и конниковъ, со тяжестью маммоны, со тучными трапезами, со срадомъ плоти кровей, [въ безбрачныхъ вретнцахъ, въ безпутныхъ сапогахъ] ⁷⁰⁶⁾ съ непокрытою главою, [и безъ жезла] ⁷⁰⁶⁾ не препоясанны руками и ногами не омовенны. Се тако злѣ!

Даймонъ. ⁷⁰⁷⁾ Кія колесницы? Кія кони? Кая мнѣ вретница глаголеши? Не [даже ли] ⁷⁰⁶⁾ всякъ ли ѣздитъ на колесницахъ Фараонскихъ? Чудо!

Варсава. Ей глаголю тебѣ, всякъ.

703) Въ изданіи Лисенкова вмѣсто „въ задняя“ напечатано „задомъ.“

Прим. ред.

704) Въ изданіи Лисенкова вмѣсто словъ: „О, да“, напечатано — „тотъ пусть.“

Прим. ред.

705) Въ изданіи Лисенкова—„оставитъ“.

Прим. ред.

706) Въ изданіи Лисенкова, словъ, заключенныхъ въ скобки—нѣтъ.

Прим. ред.

707) Въ харьковской рукописи слова „Даймонъ“ — нѣтъ. По смыслулога — это случайный пропускъ. „Кія колесницы?“ и т. д. долженъ говорить Даймонъ. У Лисенкова слово „Даймонъ“—напечатано.

Прим. ред.

Даймонъ. Не мучи мене, рцы кія?

Варсава. Воля твоя.

Даймонъ. Се нынѣ разумѣхъ, яко бѣса имаши. Глаголеши неистова.

Варсава. Ей! Паки и паки глаголю тебѣ, яко всякъ обожившій волю свою, врагъ есть Божіей волѣ, и не можетъ вніти во царствіе Божіе. Кое причастіе живому у смерти? Тъмѣ же у свѣта? Вы отца вашего діавола похоти любите творити, сего ради и трудно вамъ и невозможно.

Даймонъ. Како убо колесницею нарицаеши волю?

Варсава. Что же ли [убо] ⁷⁰⁸⁾ носить и возбѣшаетъ васъ, аще не непостоянныя колеса воли вашей, и не буйныя крила вѣтренныхъ вашихъ похотей? Сію вы возлюбивши и возсѣвши на ней, яко на колесницѣ, [везщей въ блаженство] ⁷⁰⁸⁾ | ищите ея, піяны ею, во днехъ л. 34. царствія Божія и Воли Его, но не обрѣтаете и глаголете, увы! трудно есть царствіе Божіе. [Кто можетъ обрѣсти тму во свѣтѣ? Не обитаетъ тамо ложная сласть, честь и сокровище ваша есть сія воля не Его. Она ей глаголю! она вамъ есть и узы и веревы и левъ поглотившій, и адъ, и огонь, и червь, и плачь, и скрежестъ. И не изыйдите отсюда, дондеже расторгнете узы и отвержете иго воли вашей, яко же есть писано: раздерите сердца ваша.] ⁷⁰⁸⁾ Во время оно, явится, какъ древле Самсону, по жестокомъ сладкое, по зимѣ дуга, ⁷⁰⁹⁾ и миръ Ноевъ.

Даймонъ. Кто убо вина? Не воля ли дадеся чловѣку?

Варсава. О, злобо, не клевети Премудрости. Не одна, но двѣ воли тебѣ данныя ⁷¹⁰⁾. Писано бо есть: предложихъ тебѣ огонь и воду. Двѣ воли есть то, ⁷¹¹⁾ сугубоестественъ путь—десный и шуій. Но вы возлюбивше волю вашу паче воли Божіей, вѣчно сокрушаетеся на пути грѣшныхъ. Не самъ ли убо еси вина?

Даймонъ. Почто убо предложена зла воля чловѣку? Лучше бы не быти ей во вся.

Варсава. Почто беззаконникамъ предлагаетъ мучительная орудія судія? Того ради, яко да тѣми мучимы навькнутъ покарятися правдѣ. Инако же колико бы удалялися отъ благодѣтельности сея, аще толь мучимы едва покарются?

708) Въ изданіи Лисенкова, словъ заключенныхъ въ скобки—нѣтъ.

Прим. ред.

709) Въ изданіи Лисенкова здѣсь напечатано: „или какъ аще древнѣе, по потоу дуга“ и т. д.

Прим. ред.

710) Въ изданіи Лисенкова здѣсь напечатано: „Дана вамъ воля, но съ стремленіемъ иль къ добру, иль къ злу?“

Прим. ред.

711) Въ изданіи Лисенкова вмѣсто: „двѣ воли есть то“, напечатано — „сіе значить, что у воли“.

Прим. ред.

Даймонъ. Откуда убо мнѣ сіе, яко воля мнѣ моя благоугодна есть и паче меда услаждаетъ мя? Вопреки же, Божія воля, Пелынь мнѣ, и алой есть, и раны...

Варсава. О, бѣдная злоба! Нынѣ самъ исповѣдалъ еси окаянство свое. Не мене убо, но самъ себе о семъ вопрошай. Не я, но ты еси стражъ и хранитель тебѣ. Провижу со ужасомъ разореніе въ душѣ твоей, вину же сего обличить ужасаюся.

Даймонъ. [Ха! ха! ха!]⁷¹³⁾ Прельщаешься, Варсава, мня, яко ищу суда отъ тебе. Не твой умъ младенствуетъ. Писано же есть: бывайте младенцы во злобѣ, но не въ умѣ. Не прійдохъ пріяти, но дати совѣты.

Варсава. Отъ всѣхъ вашихъ бранныхъ совѣтовъ, даже отъ юности моя, омыхся уже въ Силоамѣ. Господь даде мнѣ око свое, и не постыжуся.

л. 35. | Даймонъ. Чудное твое око, видящее то, что нигдѣ же обрѣтается. Гдѣ бо сердце подобное твоему? Возлюбилъ еси странность. Что убо? Даже ли все общее и все бываемое въ мірѣ, все ли то есть зло? Едина ли странность блага?

Варсава. Не отвлекай мене татьски, въ кривую стезю. Путь слова моего есть о трудности, гнѣздящейся во адѣ, изгнанной же изъ Едема. Хочешь ли о странности?

Даймонъ. Сотворимъ единоборьбу и о семъ: есть со мною научая руцѣ мои на ополченіе. Предложи убо мнѣ хотя едино: бываемое на торжищи міра сего общедѣемое у всѣхъ и вездѣ и всегда, нѣсть ли оно скверное, трудное и мучительное? Довлѣтъ...

Варсава.⁷¹²⁾ Фу! Предлагаю тебѣ у всѣхъ, вездѣ, всегдадѣемое и оно вельми благо есть. Не всѣ ли наслаждаются пици и питія? не вездѣ ли и всегда? И сіе есть благо, яко же писано: [„нѣсть благо чловѣку, развѣ еже ясть и пїеть...“ И паки: Приди и яждь во веселїи хлѣбъ твой и пїи во блазѣ сердцѣ вино твое... Молюсь ти.“]⁷¹³⁾

Господи, избави мя отъ Голїаеа сего, изострившаго, аки мечъ, языкъ свой.. Гдѣ же больше богомерзостей, враждъ, болѣзней, аще не во общенїяхъ мірскихъ, имъ же Богъ, чрево? На всѣхъ блудныхъ⁷¹⁴⁾ вечеряхъ и трапезахъ [ихъ, яко же рука, реченная Данїиломъ, на стѣнѣ пишеть: тако гремитъ громъ Божїй сей: „Нѣсть радоватися нечестивымъ.“ Коль же малое стадо въ сравненїи со Содомлянами домъ Лотовъ,

⁷¹²⁾ Въ рукописи вмѣсто слова „Варсава“ написано „Даймонъ“, хотя по смыслу долженъ говорить „Варсава“. Мы вынуждены сдѣлать это исправленіе.

Прим. ред.

⁷¹³⁾ Въ изданїи Лисенкова, словъ заключенныхъ въ скобки—пѣтъ.

Прим. ред.

⁷¹⁴⁾ Въ изданїи Лисенкова вмѣсто слова „блудныхъ“, напечатано „непотребныхъ“:

Прим. ред.

Тамъ пируютъ ⁷¹⁵⁾ Ангели во веселіи. Много ли въ тысящѣ обрящени! кои ядятъ и пѣютъ, не во страданіе, но во здравіе по оному: „аще ясте, аще ли пѣете“ и проч. вся во славу „Божію...“ ⁷¹⁶⁾ Како убо глаголеши, яко ядятъ хлѣбъ? [Не паче ли землю со зміемъ? Како же во веселіи?] ⁷¹⁷⁾ Не паче ли въ потѣ лица, и въ трудахъ ядятъ не благословенный хлѣбъ свой сей: „сладокъ чловѣку хлѣбъ лжи.“ По-слѣжде же обращается ему въ каменіе. Истинный же причастникъ вкушаетъ, со благодареніемъ хлѣбъ по Соломонову слову: „лучше укрухъ хлѣба съ водою въ мирѣ и пѣть | вино свое во блазѣ сердцѣ ономъ. л. 36. [„Любовь не завидитъ, не безчинствуетъ, не радуется о неправедномъ богатствѣ—вся любить, все теритъ“ и проч.] ⁷¹⁷⁾ Трапеза, дышущая коварствомъ, [убійствомъ,] ⁷¹⁷⁾ грабленіемъ, не сей ли есть хлѣбъ „лжи? [Что ли есть безвкуснѣе и скареднѣе, паче неправды? Сія обветшавшая Ева, есть общая, обычная и присная невѣста міру: печалію и похатію очесъ слегому. (?) Міръ есть—лирь бѣснующихся, торжище шатающихся, море волнующихся, адъ мучащихся. Тако ли во веселіи? Лжени! Іезекіиль же истину благовѣститъ: яко истаеваютъ ядуще, не оприснокъ, но мотылу, ^{718a)} въ неправдахъ своихъ. Се твой хлѣбъ. Отъ сего твоего хлѣба отрицается Петръ, глаголя:] ⁷¹⁷⁾ Господи, николиже ядохъ сквернаго...“

Дай монъ. А! а! Но обаче убо ялъ.

Варсава. Ялъ убо, но уже освященное. Аще бы то неугодно было Богу, не вкусилъ бы. Не многодѣиность [блуднать,] ⁷¹⁷⁾ но освящающая правда трапезу сладкую творить. „Пріиди и яждь во веселіи хлѣбъ твой“ и проч. Но лукавая твоя кознь, показавъ хвостъ, утаилъ еси виновницу веселія, тамъ же сущую, освящающую главу сію: „яко же угодна Богу творенія твоя. [Еккл.] ⁷¹⁷⁾. Вѣждь же и сіе, яко нареченное ⁷¹⁹⁾ Петромъ скверное, лежитъ въ Римскомъ: (Сотшине) сирѣчь общее; Еллински (κοινόν). Сіе же Еллинское, знаменуетъ у римлянъ блато: (Соепит.) Кій убо мнѣ предлагаеши хлѣбъ твой? Самъ вкушай! Мірская община мерзка мнѣ и тяжка. Сладка же и добра [дѣва] ⁷¹⁷⁾ есть дивая странность, странная новость, новая дивость. Сію благочестивыи возлюбивше, устраиваются міра, не міра, но сквернаго сердца его.

715) Въ изданіи Лисенкова вмѣсто слова „пируютъ“, напечатано „витають“.

Прим. ред.

716) Въ изданіи Лисенкова здѣсь еще напечатано слово „творите“.

Прим. ред.

717) Въ изданіи Лисенкова, словъ, заключенныхъ въ скобки—нѣтъ.

Прим. ред.

718a) Мотыла есть имя славянское древнее. Еллински: копросъ. Римски: Euxementum, Merda.

Прим. Г. С. Сквороды.

719) Въ изданіи Лисенкова здѣсь напечатано слово: „Ап.“ т. е. апостолы.

Прим. ред.

„Изыдите,—и нечистотѣ ихъ не прикасайтесь, изыдите отъ сердца ихъ глаголетъ Господь.“

Даймонъ. Буди здраво, якоже глаголае еси! Обаче вѣра во Христа, изшедшая благовѣстіемъ въ концы вселенныя, не вселенское ли общеніе? И не благо ли есть?

Варсава. Ахъ, остави, молю! Міръ, суетное точию лице [вѣры]⁷²⁰⁾

л. 37. носить листвіемъ проклятыя смоковницы, имущія [образъ благочестія, плодовъ же его отвергшіяся, наготу свою покрывая, лицемѣръ или лицевѣръ, суетвѣръ и повапленная гробница. Духъ же вѣры, и плоды его когда онъ имѣеть? [Аминь]⁷²⁰⁾ Никогда же. Мниши ли, яко обращеть Сынъ человѣческой на землѣ вѣру? Ни! ни! Нѣсть здѣ! Воста. Что ищите живаго и благоуханнаго въ смрадномъ содомскомъ и мертвомъ блатѣ его! Тамо, тамо его узрите. Гдѣ же тамо? Тамо, гдѣ нѣсть смрадь. Ахъ! въ Си-горѣ. Тамо Лоть! Тамо духъ вѣры! Тамо благоуханіе наше, не со обетшавшими Евами, но со богорожденными [отъ себе]⁷²⁰⁾, и чистыми дѣвами.

„Не бойся малое стадо. [Се тамо!]⁷²⁰⁾ О, сладчайшая Галилеа! Граде и Пире [малыхъ]⁷²⁰⁾ малыхъ!⁷²¹⁾ Блаженъ, иже съѣсть обѣдъ твоя. Что ли есть плоть?⁷²²⁾ То, что міръ. Что есть Міръ? Ядъ!⁷²³⁾ ядъ! тля! Ахъ, око и свѣтъ, вѣра и Богъ, есть тожде.⁷²⁴⁾ Мѣлкое око—свѣтилникъ тѣлу. Маленькая церковь свѣтъ міру. О! прекрасная [но малолюдная]⁷²⁰⁾ невѣсто [не невѣстная!]⁷²⁰⁾ Тебѣ подобаетъ слышити единой сіе: „очи твои, яко голубины“. „Изыди отъ среди ихъ въ Сигоръ спасайся“. Изыдите вѣрныи⁷²⁵⁾, во воскресеніе и мало ихъ есть...

Даймонъ. Дѣй! дѣй! Аще все общее сверно есть: како убо общее воскресеніе честно и свято увѣряемое Лазаревымъ воскресеніемъ?

Варсава. Тако, яко общее вѣрнымъ, не міру во блатѣ лежащему. Инако же все ему общее безчестно. Вялѣ ли еси?

Даймонъ. Вельми вялѣ, яко ты мнѣ нынѣ, аки птица въ сѣть ятъ еси.

⁷²⁰⁾ Въ изданіи Лисенкова, словъ, заключенныхъ въ скобки—нѣтъ.

Прим. ред.

⁷²¹⁾ Въ подлинникѣ: малыхъ, малыхъ! *) *Примѣч. ред. изд. И. Т. Лисенкова.*

*) Это примѣчаніе очень важно: оно устанавливаетъ окончательно, что эту рукопись Г. С. Сковорода Лисенковъ издавалъ именно по экземпляру, хранящемуся въ бібліотекѣ Харьковскаго Университета.

Прим. ред.

⁷²²⁾ Въ изданіи Лисенкова напечатано: „плодь“.

Прим. ред.

⁷²³⁾ Въ изданіи Лисенкова вмѣсто „Адъ“—напечатано: „Ядъ“.

Прим. ред.

⁷²⁴⁾ Въ сочетаніи понятій о духовныхъ предтечахъ.

Примѣч. ред. изд. И. Т. Лисенкова.

⁷²⁵⁾ Въ изданіи Лисенкова вмѣсто „вѣрныи“ напечатано „малые“.

Прим. ред.

Варсава. Ятъ! но не удержанъ.

Даймонъ. Не чувствуеши? И не утрашаешься.

Варсава. „Праведникъ дерзаетъ, аки левъ...“

Предъяль, яко все, еже въ мірѣ, похоть очесъ, трудъ и горестъ.

Даймонъ. Уготови лице твое, Варсаво, на обл | иченіе. л. 38.

Варсава. Аще хочещи, готовлю и на оплеваніе.

Даймонъ. Въмъ, яко обличеніе трудъ и горестъ тебѣ.

Варсава. Обличи грѣхъ мой во мнѣ, [молю и будещи другъ.] ⁷²⁶⁾

Между имъ и мною вѣчная вражда.

Даймонъ. Не ты ли сказалъ еси, яко міръ есть безчисленное соборище ⁷²⁷⁾ беззаконныхъ? И яко вопреки малолюдненькое стадо благочестивыхъ?

Варсава. Воистину тако есть.

Даймонъ. Убо не тожде ли есть сказать и сіе беззаконіе легкое, благочестіе же трудно и тяжко? Како бо не трудно, аще сіе малымъ-малымъ, оное же всѣмъ достигаемое? [Суди древо отъ плодовъ.] ⁷²⁸⁾

Варсава. Тѣфу! Putaba te cornua habere. ^{728a)}

Даймонъ. Что ли? „Начаша ⁷²⁹⁾ глаголати иными языки?“

Варсава. Скажи мнѣ, Господи, истину твою. Устрой сердце и языкъ мой во слово правды твоея.

Даймонъ. Уа! Шепчеши? Се тебѣ удареніе, Варсаво!

Варсава. Чаяхъ, яко избодещи рогами и се ударъ младенческой. [Дѣй! Приложимъ единомуру] ⁷²⁶⁾. Аще благость трудна, Богъ виною есть страждущему міру. Нынѣ же вины не имуть о грѣсѣ своемъ, возлюбивше горестъ свою, паче сладости его! Дѣй! Красти ли, или не красти? Что ли труднѣе? Обаче весь міръ полень татей и разбойниковъ?... [Дѣй! Нужная ли или многоцѣнная одежда и домъ? Что ли труднѣе? Обаче весь миръ блядокрасіемъ красуется, въ суетное любодѣяніе очесъ, “что ли удобнѣе какъ хлѣбъ и вода! Обаче весь міръ обремененъ чрево-неистовствомъ ⁷³⁰⁾ Чрево есть Богъ міру, пупъ аду.] ⁷²⁶⁾

⁷²⁶⁾ Въ изданіи Лисенкова, словъ заключенныхъ въ скобки—нѣтъ.

Прим. ред.

⁷²⁷⁾ Въ изданіи Лисенкова вмѣсто „соборище“—„сборище“.

Прим. ред.

^{728a)} Древняя притча на тѣхъ, кои въ началѣ страшны, потомъ смѣшны.

Славенски: чаяхъ, яко роги имаши.

Прим. Г. С. Сковороды.

⁷²⁹⁾ Въ изданіи Лисенкова—„начинаешъ“.

Прим. ред.

⁷³⁰⁾ Чрево-неистовство есть чревная мудрость: мудрствующая о томъ, кія сладчайшія жертвы суть Богу ея чреву? Такъ толкуетъ святой Нилъ, въ книгѣ о седми бѣсахъ.

Прим. Г. С. Сковороды.

[челюсти, ключъ и жерло, изблевающее ихъ бездны сердечныя, все-родную скверну, неусыпныхъ червей, и клокошущихъ дрождей и блевотинъ оныхъ водъ: „Исходящая отъ сердца, та суть сквернящая...”⁷³¹⁾ Зависти, грабленіе, тѣжбы, [тѣтъбы,]⁷³¹⁾ убійства, хулы, клеветы, лице-
л. 39. мѣрія, лихоимства, любодѣянія, студодѣянія, | суетвѣрія... Се всеродный потопъ Ноевскій, [верхъ]⁷³¹⁾ власть и главу міру подавляющей. Обаче міръ вся сія творити радуется. По успѣху беззаконій своихъ и мудрость, и славу, и благородность⁷³²⁾ и сласть и блаженство оцѣняетъ. Не право убо судилъ еси, обаче право рекъ еси, яко трудность есть виною грѣха [ему. Се бо міръ адскую дщерь сію трудность и горестъ отъ всего [сердца своего возлюбившій, возненавидѣлъ Божию благодать, прывывающую его. „Прійдите ко мнѣ! Азь упокою вы.“ „Колькраты восхотѣлъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте“. „Ходите во пламенѣ огня вашего за то: его же сами себѣ разжегосте.“ „Накажетъ тя отступленіе твое и злоба твоя.“ Дивися нынѣ и подсобаетъ дивитися, яко погибающему міру, не Богъ, отвершій двери, и обятія отча, но самъ онъ есть себѣ, и его воля виною.

Воля! О, несейтой адъ!
Все тебѣ ядъ. Вѣмъ ты ядъ.
День ночь челюстями зѣваешь.
Всѣхъ безъ взгляда поглощаешь.
Аще змій сей заклатъ?
Се! упраздненъ весь адъ.

[Сея вавилонская блудница чашею упоенъ міръ: любодѣйствуетъ съ нею, презрѣвъ чертогъ двѣхъ мудрыхъ и невѣстникъ нашего Лота.]⁷³¹⁾

Онѣмѣи убо и молчи! Не клевети на Бога! И не лай на отверстыя врата блаженства! Отверстыя врата не винны суть малости спасаемыхъ. Ахъ, проклятая воля! Ей, ты едино міру, аки левъ изъ ограды своея, преграждаеши ему путь, во блаженный исходъ живота оный! „Изыйдите, и възграете, яко телцы, отъ узъ разрѣшенны.“ Оправдася же въ пользу намъ древняя притча.

Turdus, ipse sibi malum casat.^{733a)} Погибель дроздова изъ внутрь его исходитъ.

Дай монѣ. Кто убо можетъ сотворити путь во блаженный оный исходъ?

⁷³¹⁾ Въ изданіи Лисенкова, словъ заключенныхъ въ скобки—нѣтъ.

Прим. ред.

⁷³²⁾ Въ изданіи Лисенкова вмѣсто слова „благородность“ напечатано: „благодарность“.

Прим. ред.

^{733a)} Дроздики, или польски, косики ржаціи, какъ кони, отъ ловцовъ уловляются, увязши во свою Дроздовску мотылу. *Прим. Г. С. Сковороды.*

Варсава. Всякъ, аще ето восхоцетъ; хоцетъ же, возлюбившій Бога. Сія новая любовь творить ищезати ветху. Ветха же | ищезая, л. 40. по-малу-малу преобразуется въ новую волю, и въ новое сердце взаимно: „ищезе сердце мое и плоть моя. Боже сердца моего! Сіестъ сердце мое въ Тебѣ, Ты же взаимно въ сердце мнѣ преобразился. Нынѣ „что мнѣ есть на небеса? И отъ Тебе, что восхотѣхъ на земли? Ты единъ довлѣши мнѣ.“

Даймонъ. Како убо? Тамо чрево, здѣ же злу волю нарицаеши мірскимъ Богомъ. Аще ли два міру суть Боги?

Варсава. Уа! Остръ еси блюстителъ моихъ преткновеній. Ношь, [тма] ⁷³⁴ мракъ, мечты, призраки, страшилища, всѣ сія адскія езера союзны своей безднѣ. Воля плоти, сердце міра, духъ ада, Богъ чрева, и похоть его; сердце нечистое — есть тоже. Се есть [Архисатана!]⁷³⁵) нечистая сердечная бездна, раждающая во мгновеніи оиа безчисленныя легіоны духовъ, и тмы мысленныхъ мечтъ въ мученіе всѣмъ. „Имже мракъ темный во вѣки блюдется.“ О, міре, возлюбившій трудъ и горестъ! Коль скоро снисходиши во адъ и не возвращаешия. Сатана ослѣпилъ око твое. Сія слѣпота есть мати житейскихъ похотей и плотскихъ сластей. Сіи суть [тебя] ⁷³⁴) червь неусыпающій, и огонь неугасающій. Сіи укрьшиша тебѣ верей вратъ адовыхъ, затвориша же райскія двери блюдущему пяту Божию, хранящему суетная и ложная, ядущему вся дни живота своего землю. Но увы мнѣ! се! Пловущи на морѣ міра сего: се вижу издалеча землю святую! О, сладчайшій, желанный краю! Спаси мя отъ пакостника [плоти] ⁷³⁴) и отъ моря міра сего..

Край райскій.

Благословенно царство блаженнаго отца, положившаго потребная во удобности, неудобная же дѣла, во непотребѣ.

Даймонъ. Отрыгаеши несличную непотребность. Воистину піяный еси.

Варсава. Ей! упихся новымъ лотовымъ виномъ. Ты же ветхимъ, содомскимъ.

Даймонъ. Но чувствуеши ли, піяная главо, исходъ? | Въ кую л. 41. мету ⁷³⁵) улучшаетъ стрѣла словъ твоихъ?

Варсава. Ей! Она въ самый конь разить, и въ самую исконную исту, праволучно ударяетъ.

⁷³⁴) Въ изданіи Лисенкова, словъ залкюченныхъ въ скобки—нѣтъ.

Прим. ред.

⁷³⁵) Въ изданіи Лисенкова вмѣсто слова „мету“,—напечатано „мечту“.

Прим. ред.

Даймонъ. О, праволучный стрѣлецъ! Стрѣляеши во главу, а ударяеши во пятау.

Варсава. Истину реклъ еси нехотящій. Пята бо вамъ есть во главу угла, во всѣхъ домахъ вашихъ. Праотець вашъ змій, искони блюдетъ пятау. И вы, любля-любите, и блюдя-блюдете пятау. Пята есть глава и начало всѣмъ, имже врата адава одолѣли, лжу мрака хранящимъ. Мы же, стрѣляя стрѣляемъ во лжеглаву вашу сію. Да воскреснетъ истинна наша глава она „той сотретъ твою главу...“ Нѣсть бо наше стряжаніе на плоть и кровь, но на мыродержцы и владыки омраченнаго вѣка сего, на блюдуція пятау, злобныя духи. Управляетъ же стрѣлы наши научаяя рупць наша на стрѣляніе.

Даймонъ. О, буій [лобе!] ⁷³⁶⁾ Исполненъ сѣтей паучинныхъ! Вижу нынѣ, яко у тебе пять ячменныхъ хлѣбовъ: честны суть паче предрагоцѣннаго адаманта. Зри безмѣстный, и неключимый словъ твоихъ исходъ! Удобнѣйшіи ли пять хлѣбовъ?

Варсава. Ей!

Даймонъ. Како же честнѣйшій?

Варсава. Тако ли? Аминь ⁷³⁷⁾ глаголю тебѣ, яко полъ хлѣба есть честнѣйшій Его.

Даймонъ. Почему?

Варсава. Не рекохъ ли уже тебѣ, яко всяка удобность честна есть? Всяка же честность есть удобна? Но всякая трудность есть безчестна. И всякая безчестность есть трудна.

Даймонъ. Кія мнѣ пленицы соплетаети, нечестивый? Азъ о драгости, ты же глаголеши о трудности. Почто возсмѣялся еси? Сказуй мнѣ, о бѣсне! Не мучи мене...

Варсава. Ты сотворилъ еси самъ смѣхъ мнѣ, раздѣливъ честность отъ удобности, драгость же отъ трудности.

Даймонъ. Ей! Угліе мнѣ на голову возливаеши, нарицая мене невѣждою. Даймонъ есмь: нѣсмъ буій. Нарцы мя чемъ либо, но сего не терплю... Рцы же мнѣ, чего ради адамантъ безчестный?

Варсава. Того ради, яко неудобный.

л. 42. Даймонъ. Откуда | неудобный?

Варсава. Оттуду, яко ненужный.

Даймонъ. Како же ненужный?

Варсава. Яко не полезный.

Даймонъ. Почему неполезный?

Варсава. Потому, что драгоцѣнный, трудный, неудобный, все то одно.

⁷³⁶⁾ Въ изданіи Лисенкова словъ, заключенныхъ въ скобки — нѣтъ.

Прим. ред.

⁷³⁷⁾ Въ изданіи Лисенкова вмѣсто слова „Аминь“ напечатано „во истину“.

Прим. ред.

Даймонъ. А! а! вокругъ нечестивыи ходять? Паки на первое? Lupus circa Puteum errat, яко же есть притча.

Варсава. Убо благокругла есть истинна, аки дуга вѣчная.

Даймонъ. Не прозрѣлъ ли ты, слѣпый слѣпче, яко у Еллиновъ, слово сіе: Тирмос знаменуетъ и драгій, и честный, есть тожде?

Варсава. Отъ усть твоихъ сужду, и твоимъ мечемъ боду тя. Аще у Еллинъ драгій и честный есть тожде, тогда и вопреки:—честный и драгій есть тожде.

Даймонъ. Что се излеванъ ⁷³⁸⁾ еси? [Ха! Ха! хе!] ⁷³⁹⁾ О, буи! Камо летить сія твоя криволучная стрѣла? Не провижу.

Варсава. О, господине Галате! На твою главу.

Даймонъ. Охъ, заушаеши мя, нарицая Галатомъ. Не опалй мя, молю, симъ седмичнымъ огнемъ.

Варсава. Вонми же! Ты драгость вогналъ еси въ честность. Азь же честность твою изгоняю въ драгость.

Даймонъ. Сіе въ лице тебѣ, яко драгость и честность тожде есть.

Варсава. Сіе же на главу твою, яко честность твоя, и драгость есть тожде...

Даймонъ. Что же отсюду?...

Варсава. То, яко честность твоя [пресуществилася и] ⁷³⁹⁾ преобразилася во драгость.

Даймонъ. Что-же далѣе?

Варсава. Что прочее? Не постигаеши? То, что честность твоя и драгость, драгость и трудность есть тожде. Трудность же, злость и безчестность—тожде паки есть; внялъ ли еси?

Даймонъ. О. діаволь да станеть одесную тебе! Толь помрачаеши мнѣ умъ?

Варсава. „Кленущу нечестивому сатану, самъ кленеть свою душу“.

Даймонъ. Кій же бѣсъ сотворилъ драгость честностию?

Варсава. Духъ, возлюбившій трудъ и болѣзнь.

Даймонъ. Кій сей духъ есть?

Варсава. Духъ моря мірскаго; сердце плотское, отецъ лжи, сатана, [сія есть тройца нераздѣльная ваша и единъ Богъ вашъ:] ⁷³⁹⁾ всякія мѹки, вина, и всякія злости источникъ.

Даймонъ. Ты же како мудрствуеши?

Варсава. У насъ полза | со красотою, красота же съ ползою л.43.

⁷³⁸⁾ Въ изданіи Лисенкова вмѣсто слова „излеванъ“ напечатано „реклъ“.

Прим. ред.

⁷³⁹⁾ Въ изданіи Лисенкова, словъ заключенныхъ въ скобкахъ—нѣтъ.

Прим. ред.

нераздѣльна. Сія благодвоеобразна, и мати и дѣва: и дѣвствуетъ и раждаетъ едину дщерь. Она нарицается еврейски: Анна. Римски: Флора. Славенски же: честь, цѣна, но безцѣнная, сиречь благодатная, дарная, даремная. Баба же ея нарицается Еллински: Ананка. Прабаба же: Еуа, сирѣчь жизнь, живой и вѣчно текущій источникъ.

Се есть ⁷⁴⁰⁾ премудрость, и Промыслъ Божій, напаяющій безъ цѣны и сребра тварь всякую всеми благами. Отець, Сынъ и Святыи Духъ.

⁷⁴⁰⁾ Въ изданіи Лисенкова послѣ слова „есть“ напечатано слово: „намъ“.

БЛАГОДАРНЫЙ ЕРОДИЙ ⁷⁴¹⁾.

Григорій Вар-сава ^{742a)} Сковорода любезному другу Семену Никифоровичу Дятлову желаетъ мира Божія. ⁷⁴³⁾

Проживая дни жизни по оному Сираховскому типуку: „блаженъ мужъ, иже въ премудрости умереть и иже въ разумѣ своемъ поучается святынь, размышляя пути ея въ сердце своемъ, и въ сокровенныхъ ея уразумится“ сопелъ я въ сіе 1787-е лѣто маленькую плетеницу или корзинку, нареченную „Благодарный Еродій“. Се тебѣ даръ, друже! Прійми его Еродіа по Еродіеву, прійми варящаго и самъ сый варящій. Прійми сердцемъ Еродіево сердце, птица птицу. „Душа наша, яко птица“. Да будетъ плетенка сія зеркаломъ тебѣ сердца моего и памяткою нашея дружбы въ послѣдняя лѣта. Ты видь отецъ еси и самъ птенцы твоя воспитуеши. Я же есмь другъ твой, принесшій плетенку сію. Въ ней для младаго ума твоихъ птенцовъ обращеша оприснокъ отъ оныхъ хлѣбовъ: „хлѣбъ сердце челоувѣку укрѣпитъ“... Всѣй въ нихъ верно сіе сиче: яко живетъ средѣ васъ нѣчтось дивное, чудное, странное и преславное, имущее явитися во свое ему время. Вы же со

⁷⁴¹⁾ Подлинникъ этой рукописи находится въ „Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ“, гдѣ онъ входитъ въ собраніе рукописей Г. С. Сковороды и значится по описи: „№ 1488“. Текстъ этой рукописи напечатанъ Д. И. Багалѣемъ въ его работѣ: „Сочиненіе Гр. Сав. Сковороды“ (стр. 217). При напечатаніи его въ нашемъ изданіи мы пользовались текстомъ опубликованнымъ Д. И. Багалѣемъ, при чемъ ранѣе печати онъ былъ свѣренъ съ подлинникомъ рукописи Вѣрой Михайной Вончъ-Бруевичъ. Копія этой рукописи Г. С. Сковороды еще хранится въ архивѣ И. И. Срезневскаго. Въ настоящее время она передана, вмѣстѣ со всѣмъ архивомъ, въ рукописное отдѣленіе Библіотеки Императорской Академіи Наукъ.

Прим. ред.

^{742a)} Вар, правдивѣе же Бар, есть слово еврейское, значить сынъ; Сава же есть слово сирское, значить субботу, покой, праздникъ, миръ. И такъ Вар-сава, сынъ Савынъ, сирѣчь, сынъ мира, такъ какъ Вар-Іона есть Сынъ Голубицы.

Прим. Гр. С. Сковороды.

⁷⁴³⁾ „Миръ Божій“, „Съ миромъ Божіимъ“—это постоянное, до сего времени сохранившееся, привѣтствіе русскихъ духовныхъ христіанъ—израильтянъ.

Прим. ред.

благговѣніемъ ждите, яко рабы, чающіи Господа своего... Ничто же бо есть Богъ, точію сердце вселенныя; наше же сердце намъ же есть Господь и Духъ. Сіе домашнее они свое благо со временемъ узнавъ и плѣнився прекрасною его добротою, не стануть безобразно и бѣсновато гонитися за мырскими суетами и во всѣхъ злоудачахъ возмогутъ себѣ утѣшити сею Давидскою пѣсенкою: „возратися, душа моя, въ покой твой и стези своя посреде себе упокоятъ со Исаією“. Ничимъ же бо бездна сія, сердце наше удовлетается, токмо само собою и тогда-то въ немъ сіяетъ вѣчная радости весна. Таковое сердце вродивъ птенцамъ твоимъ, будеши имъ сугубый, сирѣчь истинный отецъ; чада же твоя будутъ истинны, благодарны, благочестивы и самодовольны Еродіи. Протчее же подобаетъ нѣчто сказать о еродійской природѣ. Они подобны журавлямъ, но свѣтлѣйшее періе и коралловый или свѣтло-червленый носъ. Не примиримы враги зміймъ и буфонамъ, значить, ядовитымъ жабамъ. Имя сіе (Еродіос) есть еллинское, значить боголюбный, иначе зовется пеларгосъ и ерогас, римски—киконіа, полски—боцянь, малоросійски—гайстеръ. Сія птица освятилася въ богословская гаданія ради своея благодарности, прозорливости и челоуколюбія. Поминаетъ ее Давидъ и Іереміа. Они кормятъ и носятъ родителей, паче же престарѣлыхъ. Гнѣздятся на домахъ, на кирахъ, на ихъ шлицахъ и на турняхъ, сирѣчь, горницахъ, пирамидахъ, теремахъ, вольно, вольно. Въ Гунгаріи видѣлъ я на каминахъ. Гаданіе — елиски символонъ. Первый символъ составляетъ она сей: сидитъ въ гнѣздѣ, на храмѣ святомъ утвержденномъ. Подъ образомъ подпись такова: „Господь утверженіе мое“. Второй символъ: стоитъ единъ Еродій, подпись сія: „ничто же сильнѣе благочестія“. Третій символъ: Еродій, терзаетъ змія; подпись: „невозвращуся, дондеже скончуются“. Сіи три символы да будутъ знаменіемъ, гербомъ и печатію книжицы сея. Она совершилася въ первую квадру первыя луны осѣнныя. Аминь.

„Тамо птицы возгнѣздятся“ [Еродіево жил. предвод. ими. Псаломъ „Еродій позна время свое“. Іереміа.

Главизна и твердь книжицы.

Прійдите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ: Давидъ.

Аще сердце наше не осуждаетъ насъ, дерзновеніе имама. Іоаннъ Сыне! храни сердце твое, люби душу твою. Сирахъ.

Разумывъ праведникъ себѣ другъ будетъ. Соломонъ.

Челоукъ въ чести сынъ, не разумѣ... Давидъ.

Всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть. Іоаннъ.

Еродій позна время свое, Израиль же мене не позна. Иереміа.
Неблагодарнаго упованіе, яко иней зимный, растаетъ и изліетъся,
яко вода неключима. Соломонъ.

Притча нареченна Еродій.

Въ ней разглагольствуеъ обезьяна со птенцомъ
Еродіевымъ о воспитаніи.

Обезьяна по древней своей фамилии именуемая Пишекъ. Она во африканскихъ горахъ, на рясномъ и превознесенномъ дровѣ, со двома чадъ своихъ седмицами сидѣла. Въ то же время пролѣтала мимо младый Еродій. Госпожа Пишекъ, узрѣвъ его! Еродій! Еродій! возвала къ нему: другъ мой, Еродій, сынъ пеларговъ! Радуйся! Миръ тебѣ! Хаіре Саламъ али кюмъ!.. ^{744a}).

Еродій. А! а! Всемиловитая государыня! Бонъ-журъ! ^{745b}) Кали имера! День добрый! Gehorsamer Diener! ^{746a}) Дай, Богъ, радоваться! Salve! ^{747c}) Спасайся во Господѣ!..

Пишекъ. Ай, другъ ты мой! Радуйся, яко начаша глаголати многими языки. Видно, что ученый обучалъ тебе попугай. Куда Богъ несетъ?

Еродій. Лечу за пищею для родителей.

Пишекъ. Вотъ бѣда! Ты ли родителей, а не они тебѣ кормятъ?

Еродій. Сіе нѣсть бѣда, но веселіе и блаженство мое. Они кормили мене въ младости моей, отъ младыхъ ногтей моихъ, а мѣй подобаетъ кормить ихъ при старости ихъ. Сіе у насъ нарицается *ἀντιπελαργεῖν*, сирѣчь, возблагодарять или взаимно пеларгствовать, и еллины весь нашихъ птицъ родъ называютъ пеларгось. Но мы ихъ не точію кормимъ, но и носимъ за немощь, и старость ихъ.

Пишекъ. Чудо преестественное! Новость, рѣдкость, раритетъ, не обыкновенность, капризь, странная и дикая дичь... Сколько васъ у отца и матери чадъ?

Еродій. Я, и мнѣйшій мене братъ, ерогасъ, и сестра еиконіа.

Пишекъ. Гдѣ вы обучалися во отроческіи лѣта?

Еродій. Нигдѣ. Мене и брата научалъ отецъ, а мати сестру.

^{744a}) Хаіре есть поздравленіе еллинское—радуйся! Саламъ—турское, славенски: миръ да будетъ тебѣ!
Прим. Г. С. Сковороды.

^{745b}) Бонъ-журъ французское, добрый день! Кали имера гречское, то же.
Прим. Г. С. Сковороды.

^{746a}) Gehorsamer Diener—нѣмецкое, покорный слуга.
Прим. Г. С. Сковороды.

^{747c}) Salve (салуе)—римское благоденствуй! Спасайся!
Прим. Г. С. Сковороды.

Пишекъ. О, мой Боже! Вездѣ дѣвѣтутъ славныя училища, въ коихъ всеязычныя обучаютъ попугаи. Для чего онъ васъ не отдавалъ? Онъ не убогъ. Какъ быть безъ воспитанія?

Еродій. Для того-же-то самого сами насъ воспитали родители.

Пишекъ. Да его ли дѣло учить и воспитывать? Развѣ мало у насъ вездѣ учителей?

Еродій. Онъ самъ великій къ³сему охотникъ, а мати ему во всемъ послѣдуетъ. Онъ славословить, яко двѣ суть главныя родительскія должности сіи: „благо родить и благо научить“. Аще кто ни единый отъ сихъ двоихъ заповѣдей не соблюлъ, ни благо родилъ, ни благо научилъ, сей нѣсть отецъ чаду, но виновникъ вѣчныя погибели. Аще же родилъ видно благо, но не научилъ, таковъ, рече, есть полу-отецъ, яко же достойно есть полу-мати чревородившая, но не млекопитавшая, даровавшая пол-матерства своего доилицѣ и погубившая половину чадолюбія. Аще, де, мѣсто владычнее сидѣніемъ рабскимъ безчестится, како не безобразится отческая должность, исправляема рабомъ или наемникомъ? Буде же отецъ извиняется скудостію времени, прощается тогда, когда обрящетъ лучшее дѣло. Но ничто же лучше есть благаго воспитанія: ни чинъ, ни богатство, ни фамилія, ни милость вельможъ, развѣ благое рожденіе. Оно едино есть лучше всего и сего, яко сѣмя щастію и зерно воспитанію.

Пишекъ. Благо родить разумѣши ли? что ли?

Еродій. Не знаю. Знаю же, что онъ сіе поставляетъ извѣстнымъ для единыхъ избранныхъ Божіихъ. Иногда, де, во убогомъ домикѣ, исполненномъ страха Божія, другъ роду человѣческому благородится человѣкъ, не всегда же и въ царскихъ чертогахъ, да уразумѣемъ, яко не красота мыра сего, ни тварь какая либо, но едина благодать Божія благому рожденію виновна бываетъ и яко благородство не лѣтами къ намъ прицепляется, но рождается зерно его съ нами. Знаю же и сіе, яко мой отецъ, разъяренъ отъ коего либо негодяя, стрѣляетъ на его сими словами:

O quarta luna seminate!

O male utero gestate!

O mala mens et ingentium!

Иными же словами язвить не обыкъ никого.

Пишекъ. Протолкуй же мнѣ сіи уязвленія.

Еродій. Я силы ихъ не знаю, а скажу одинъ ихъ звонъ.

O въ четверту луну посѣявъ!

O злѣ чревоношень матерью!

O злый уме и злая вродо!

Пишекъ. Конечно, отецъ твой знаетъ римскій и еллинскій языкъ? Еродій. Столько знаетъ, сколько попугай по французски.

Пишекъ. Что се? Не ругаешься ли отцу своему?

Еродій. Сохрани мя, Господи... Не такъ я рожденъ и воспитанъ.

Я самую истину благочестиво сказала.

Пишекъ. Какъ же онъ, не наученъ римски, говорить римски?

Еродій. Есть у его другъ, не худо знающій римски и маленьку часть эллински. Съ нимъ онъ, часто бесѣдуя, научился сказать нѣсколько словъ и нѣсколько сентенцій.

Пишекъ. Ахъ, мой Боже! Какъ же онъ могъ васъ воспитать, невѣжда сый?

Еродій. О премудрая госпоже моя! Носится славная притча сія: „Не ходи въ чужій монастырь съ твоимъ уставомъ, а въ чужую церковь съ твоимъ типикомъ.“ У насъ, не какъ у васъ, но совѣмъ иный родъ воспитанія въ модѣ. У васъ воспитаніе зѣло драгое. У насъ же вельми дешовое. Мы воспитываемся даромъ. Вы же великою цѣною.

Пишекъ. Бездѣлица! Сотницу рубликовъ съ хвостикомъ потерять въ годъ на мальчика, а чрезъ 5 лѣтъ вдругъ онъ тебѣ и умница.

Еродій. Госпоже! Деньга достаетъ и за моремъ. Но гдѣ ее взять? А воспитаніе и убогимъ нужно есть. И кошка блудлива ^{748a)} не находитъ себѣ пристанища. Избавляетъ же отъ блуда насъ не деньга, но молитва туне.

Пишекъ. Я говорю не о подломъ, но о благородномъ воспитаніи.

Еродій. А я размышляю не о богатомъ, но о спасительномъ воспитаніи.

Пишекъ. Полно же! Ты, вижу, старинныхъ и странныхъ думъ придерживаешься. Однакожь скажи: какъ онъ васъ воспиталъ? Чему научилъ? Ариметикъ ли и геометрія? Ученому ли коему или шляхетному языку?...

Еродій. Да мнѣ и сіе невѣдомо: кто есть ученый, а кто то шляхетный языкъ.

Пишекъ. Да ты же со мною привитался разными языками.

Еродій. Да сколько же сказалося, столько и знаю, не больше.

Пишекъ. По крайней мѣрѣ танчить или играть на лютню...

Еродій. А Богъ съ вами! Я и на балалайку, не только на цымбалахъ не умѣю.

^{748a)} Блудливый, блудный, есть тоже, что невоздержный и роскошный или сластолюбный. Сей, римски, слично зовется *discinctus* (дисцинктусъ), сіе есть распоясанъ. Блудъ славенскій гласъ тоже, что расточеніе, разлианіе, нещадѣніе, мотовство, еллински, *асоміа*, сирѣчь, нехраненіе. „О блудъ! Разоритель царствамъ, домамъ, людямъ, мати же его есть неблагодарность.“

Пишекъ. Ха! ха! хе! Ему лютня и цымбали все одно. И сего то не знаетъ. Но, другъ мой! Музыка великое врачество во скорбехъ, утѣха же въ печали и забава въ шастіи. Да чего же онъ тебе научилъ? Скажи пожалуй!

Еродій. Ничего.

Пишекъ. Умора! Ей! ей! уморилъ ты мене смѣхомъ... Такъ такъ то у васъ воспитываютъ?

Еродій. Такъ!

Пишекъ. Можетъ быть досталъ тебѣ чинокъ?

Еродій. Ни!

Пишекъ. Можетъ быть деньгу вамъ велику собралъ или имѣніе?

Еродій. Ни!

Пишекъ. Такъ что же? Роги золотыя вамъ на головѣ возрастилъ, что ли?

Еродій. Родилъ и возрастилъ намъ посребренныя крила, ноги, попирающія главы змievъ, носъ, растерзающій оныя. Се наша и пища и слава и забава!

Пишекъ. Да у васъ же крила черныя, по крайней мѣрѣ, смуглыя

Еродій. Черныя видъ, но лѣтаютъ путемъ посребреннымъ.

Пишекъ. Чего же либо научилъ васъ однакъ: нельзя не такъ. Конечно есть что то, на сердце вамъ напечатанное. Родители суть Божій, чада же суть родительскій списокъ, изображеніе, копія. Какъ отъ яблони соки во вѣтвы своя, такъ родительскій духъ и нравъ переходитъ въ чада, дондеже отлучатся и нововкоренятся.

Еродій. Рожденнаго на добро не трудно научить на добро, хоть научить, хоть навичить, хоть извычить. Хоть ученый, хоть привычный, хоть привычный есть тоже. Отъ природы, яко матери, легесенько спѣтъ наука собою. Сія есть всеродная и истинная учительница и единая. Сокола вскорѣ научишь лѣтать, но не черепаху. Орла во мгновеніе навичишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Еленя легко исправить на Кавказныя горы, привлечешь пить безъ труда изъ чистѣйшихъ нагорныхъ водотечей, но не вельбюда и не вепра. Аще всяческая строить премудрая и блаженная натура, тогда како не едина она и исцѣляетъ и научаетъ? Всякое дѣло спѣтъ, аще она путеводствуетъ. Не мѣшай только ей, а если можешь, отвращай препятствія и будто дорогу ей очищай: воистину сама она чисто и удачно совершить. Клубокъ самъ собою поточится изъ горы: отними только ему препятствующій претыканія камень. Не учи его котиться, а только помагай. Яблони не учи родить яблока: уже сама натура ее научила. Огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчпы, очисти гусень, отврати устремляющуюся на корень ея урину и протчая. Учитель и врачъ—нѣсть врачъ и учитель, а только служитель природы, единственныя и истинныя и врачевницы, и учительницы. Буде

кто чего хочет научиться, къ сему подобаетъ ему родитися. Ничтоже отъ человѣкъ, отъ Бога же вся возможна суть. Аще же кто дерзаетъ безъ Бога научить или научиться, да памятуетъ пословицу: „Волка въ плугъ, а онь въ лугъ“. Доколѣ колцо виситъ изъ ноздрей свиньи, дотолѣ не роетъ. Выйми же: паки безобразить землю ⁷⁴⁹⁾). Сіе нѣсть воспитаніе и нѣсть ученіе, но обузданіе, отъ человѣческія помощи происходящее, всѣхъ беззаконниковъ управляющее. Воспитаніе же истекаетъ отъ природы, вливающія въ сердце сѣмя благія воли, да помалу-малу, безъ препятствій возраши, самовольно и доброхотно дѣлаемъ все тое, еже свято и угодно есть предъ Богомъ и человѣки. Колікое идолопоклонство восписывать человѣческимъ наукамъ и человѣческимъ языкамъ восприносить и воспричитать воспитаніе? Какъ полза ангельскій языкъ безъ добрыя мысли? Кій плодъ тонкая наука безъ сердца благаго? Развѣ еже орудіе злобы, бѣшенству мечъ и притчею сказать, „крила и роги свинія“. Возрیمъ, госпоже моя, на весь родъ человѣческій! У нихъ науки яко же на торжищахъ купля: киплять и мнутяся. Обаче они хищнѣе суть птицъ, не воздержнѣе скотовъ, злобнѣе звѣрей, лукавѣе гадовъ, безпокойнѣе рыбъ, невѣрнѣе моря, опаснѣе африканскихъ пѣсковъ... Чего ради? Того ради, яко, злѣ родятся. Природа благая есть всему начало и безъ нея ничто же бысть, еже бысть благо. Благодарю убо неизреченнымъ образомъ Богу, во образѣ его святомъ, во отцѣ моемъ, яко благо отъ его родитися сподобилъ мя есть. Вторая же икона Божія намъ есть мати наша. Сего ради главнымъ Божиимъ дарованіемъ одаренъ чрезъ родителей моихъ; все прочее человѣческое: чинъ, богатство, науки и всѣ вѣтросныи ихъ блонды и пукли съ кудрями ⁷⁵⁰⁾ вмѣняю во хвостъ, безъ коего голова и живетъ и читяся и веселится, но не хвостъ безъ головы.

Пишекъ. Убо чтоли есть благо родитися и благая природа есть что ли?

Еродій. Благая природа и врода есть благое сердце.

Пишекъ. Что ли есть сердце благое?

Еродій. Сердце благое есть тоже, что приснотекущій источникъ, точащій чистыя вѣчно струи, знай, мысли.

Пишекъ. Чтоли суть мысли?

Еродій. Сѣмя благихъ дѣлъ.

⁷⁴⁹⁾ Такъ обуздаются свиньи и нынѣ въ Англіи. Сей обычай былъ и древле, какъ видно изъ Соломоновыхъ притчей: „Яко же колцо златое въ ноздряхъ свинія“ и прочая.

Прим. Г. С. Сквороды.

⁷⁵⁰⁾ Блонды, пукли, кудри сіе значить вышнее украшеніе, коимъ мыръ сей, во злѣ лежащій, аки блудница, украшается, презрѣвъ совѣтъ Христовъ „Лицемѣре! омый прежде внутренность скляницы“.

Прим. Г. С. Сквороды.

Пишекъ. Дѣла же благая суть чтоли?

Еродій. Добрыи плоды, приносиміи Богу, родителямъ, благодарителямъ въ честь, славу и жертву.

Пишекъ. Зачемъ же мнѣ сердце твое не видно?

Еродій. Тѣмъ что древеснаго корня не видишь.

Пишекъ. А вѣдь вся влага отъ кореня?

Еродій. Отъ сердца же всѣ совѣты.

Пишекъ. Кая же твоя природа или врода? Къ чему ты рожденъ или врожденное тебѣ что-ли? Скажи, молю.

Еродій. Благодарность: вотъ вамъ начало и конецъ моего рожденія!

Пишекъ. Ахъ мой Боже! И ты на семъ одномъ храмину щастія основаль? Тако ли?

Еродій. Эй! ей! Тритысящолѣтная печь не опално соблюла притчу сію: „Много хитростей знаетъ лиса ^{751a)}, а ежъ одно великое“.

Пишекъ. Но можетъ ли отъ дождевыхъ безгодій спасти сія, такъ сказать, куртая и кудая куртинка?

Еродій. Довлѣтъ, какъ ковчегъ.

Пишекъ. Мнѣ кажется, сія надежда есть паучинная одежда.

Еродій. И мнѣ видится малымъ червочикъ, но тайно тамъ много сидитъ гривень.

Пишекъ. Сего же то-ли одинаго учить тебе твой отецъ?

Еродій. Единаго точію сего. Онъ родилъ мнѣ крила, а я самъ научился лѣтать. Онъ вродилъ мнѣ благое сердце, я же самовольно навикаю и глумлюся, сирѣчь, забавляюся благодарностью. Онъ только часто отсѣкаетъ мнѣ волчцы, разумѣй поступки мои, не сличныи благодаренію, орошаетъ бесѣдою, оживляющею ко благодарности. Всѣ же бесѣды его, какъ магнитная стрѣла въ сѣверную точку, праволучно поражаютъ въ сей конь: не благодарная воля, ключъ адскихъ мученій, благодарная же воля есть всѣхъ сладостей рай. Сыне (часто вопіетъ на мене), сыне мой! Эй! Учися единныа благодарности. Учися, сидяй въ дому, летай путемъ, и засыпая и просыпаясь. Ты рожденъ еси благо, и сія наука есть дщерь природы твоя. Да будетъ она тебѣ сладчайшимъ и вечернимъ, и раннимъ, и обѣднимъ кускомъ! Знай, что всѣ протчія науки суть рабыни сея царицы. Не буди буй! Не хватайся за хвостъ, минувъ голову. Приемли и обращай все во благо. Да будетъ душа твоя желудкомъ птицъ, кои пѣсокъ, черепашины и камушки обращаютъ себѣ, вареніемъ крѣпкаго своего внутренняго жара, въ питательныи свои соки. Неблагодарная и ропот-

^{751a)} Еллинска пословица есть такъ: πολλὰ μὲν οἶδεν ἡ Ἀλώπηξ, ἀλλ' Ἐχιδνὸς ἐν μέγα; римски: multa novit Vulpes, sed Echidnaus unum magnum.

ливая душа есть тоже, что больной желудокъ, гнущающийся всякія пищи. Благодарность же есть твердь и здравіе сердца, приѣмлющаго все во благо и укрѣпляющагося. Плоды блаженныя жизни суть радость, веселіе и удовольствіе; корень же ихъ древо благолиственное есть тишина сердечная, а кореню зерномъ есть благодарность. Она есть духъ чистый, тихій, благодушный, благовоный, весна и ведро свѣтлаго смысла. Не трещитъ тамъ молнія и громъ. Вопреки же все терніе и волчцы рождаются отъ несытыя пѣявицы зависти, зависть же отъ ропота, ропотъ же отъ неблагодарныя воли, наполнившія сердечное нѣдро неусыпаемымъ червѣемъ, безпереривно, денно и ночью душу гризущимъ. Ахъ! Дѣги мои! Дѣти! Вотъ вамъ надежда и гавань! Еухаристіа.

Пишекъ. А что ли сіе слово значить (Еухаристіа)?

Еродій. Елины симъ словомъ называютъ благодареніе.

Пишекъ. И такъ симъ то образомъ васъ учитъ вашъ отецъ? Кому же вы сіе благодареніе ваше воздавать будете?

Еродій. Богу, родителямъ и благодѣтелямъ. Оно Богу жертва, родителямъ честь, а благодѣтелямъ воздаяніе. Обладатели суть первыи благодѣтели.

Пишекъ. Чудная форма воспитанія. У насъ бы осмѣяли изъ ногъ до головы васъ. Гдѣ сія мода? Развѣ въ луиѣ или въ дикой Америкѣ?

Еродій. Отецъ нашъ вельми страннаго сердца. Изъ тысячи сердець едва одно найти, согласно ему.

Пишекъ. Такъ что же прочее?

Еродій. Такъ не дивитесь чудной формѣ.

Пишекъ. Какъ же такъ? Видь не должно отставать отъ людей, а люде и модо одча то.

Еродій. О! о! о! Онъ отъ сея думы далечаетъ, нежели китайская столица отъ португальскія. Онъ намъ часто пречасто сію притчу сѣваетъ:

По мосту, мосточку съ народомъ ходи,

По разуму жъ его себе не веди.

За жукомъ ползая, влѣзешь и самъ въ глинку.

Онъ всегда благовѣстятъ намъ, что мода тожде есть, что миръ, миръ же есть море потопляющихся, страна моровою язвою прокаженныхъ, ограда лютыхъ львовъ, острогъ плѣнныхъ, торжище блудниковъ, удица сластолюбная, пещь, распалаяющая похоти, пиръ бѣснующихся, ликъ и коровель пѣно-сумозбродныхъ, и не истрезвляются, дондеже изнуруются, кратко сказать, слѣпцы за слѣпцемъ въ бездну грядуще. Блаженъ мужъ, иже не идетъ на путь его. Въ началѣ видь врата его красны и путь пространный, конецъ же его не проходима

пропастъ, нетрениая дѣбра, бездна глубока. Ахъ! каковыхъ онъ прие-
летъ къ себѣ? Каковыми же паки отпускаетъ отъ себе юношъ? Если
бы ваше, дѣти мои, око прозирало такъ, какъ мое, показались бы и
въ вашихъ очахъ слезы. Но око ваше есть слѣпо, и злодѣй вашъ хитръ,
сіе источаетъ мнѣ слезы. О, юноши! Когда помышляю о васъ, въ мырѣ
устремляющихся, нельзя, чтобъ не пала мнѣ во умъ притча о волкѣ,
кой, пожерши матеръ, незлобныхъ агнцовъ и, надѣвъ кожу ея на себе,
приблизился къ стаду. Сынъ же, увидѣвъ мнимую матеръ свою, со
всѣхъ силъ устремился къ ней, а за нимъ безчисленныи. Такжеже мнѣ
приходятъ на память наша братія—птицы тетерваки, гоняющіися за
изобиліемъ пищи и уловляемыи. Но чайки, сосѣди и дятлы бережливыѣ
ихъ столько, сколько елени и сайгаки овецъ и воловъ. Послушайте
дѣти, отца вашего пѣсенки сея:

Будь доволенъ малымъ. За многимъ не гонися.
Сѣти простерты на ловъ вельми бережися.
Я вамъ предсказываю—роскошно не жити!
На такихъ то всегда запинають сѣти.
Триста пали въ неволю по горячей страсти,
Шесть-сотъ плачуть въ болѣзняхъ за временны сласти.
Кто благодаренъ Богу, тотъ малымъ доволенъ,
А ропотникъ всѣмъ мыромъ не сытъ и не поленъ.
Благодарная душа избѣжить отъ сѣти;
Вмѣсто же ея въ сѣти попадетъ несытый.

Не правду ли я сказалъ, госпоже моя, что отецъ нашъ право-
ученіе всегда печатлѣетъ благодарностію? Во благодарности (рече)
такъ сокрылося всякое благо, какъ огонь и свѣтъ утаился во кремешкѣ.
Вѣрую и исповѣдую. Кто бо можетъ возложить руки на чуждое, аще
не прежде погубить благодарность, довольствующуюся собственнымъ
своимъ посылаемымъ ей отъ Бога? Изъ неблагодарности уныніе, тоска
и жажда, изъ жажды зависть, изъ зависти—лесть, хищеніе, татьба,
кровопролитіе и вся беззаконій бездна. Въ безднѣ же сей царствуетъ
вѣчная печаль, смущеніе, отчаяніе и съ неусыпнымъ червиемъ удка,
увязшая въ сердце. Симъ образомъ живетъ весь мырѣ.

Пишекъ. Но, другъ мой! Поколь мырѣ впадетъ въ ровъ отчая-
нія, вы, съ вашею богинею благодарностію, прежде погибните отъ
глады, не научившися сыскать мѣсто для пропитанія.

Еродій. Такъ ли? Въ семъ-то ли блаженство живетъ? Имѣтъ
пропитаніе? Вижу убо нынѣ, что по вашей желудковой и череватой
философіи блаженнѣйшая есть засаженная въ тюрьму, нежели вольная
свинья.

Пишекъ. Вотъ онъ! Чортъ знаетъ, что поетъ! Развѣ же го-
лодь—то не мука?

Еродій. Сію мѹку испѣлнть мѹка.

Пишекъ. Да гдѣ же ее взять?

Еродій. Когда свинья имѣетъ, какъ ли намъ не достать пищи? Да и гдѣ вы видите, что свинія или нашъ братъ, тетервакъ, отъ глада умираетъ? Но отъ прожорства или умираетъ, или страдаетъ. Можетъ ли быть безуміе безумнѣйшее и мерзостнѣйшая неблагодарность Богу, промысляющему о насъ, какъ бояться глада? Нужнаго видѣ никто не лишается. По что клевете на Владыку вселенная, аки бы онъ голодомъ погублялъ своихъ домохадцовъ? Пища насущна отъ небеснаго Отца всѣмъ подается тварямъ. Будь только малымъ доволенъ. Не жажда не нужнаго и лишняго. Не за нужнымъ, но за лишнимъ за море пловать. Отъ ненужнаго и лишняго—всякая трудность, всякая погубель. Всякая нужность видѣ есть дешева и всякая лишность есть дорога. Для чего дорога и трудна? Для того что не нужна и на противъ того. Мы гайстры есмь. Ямы зеліе, вкушаемъ зерно, поймаемъ змій, рѣдко свѣдаемъ буфоны и пищи никогда не лишаемся; только боимся прожорливости. О, Боже! Какъ чародѣйка ослѣпила очи наши не видѣти что природная нужда малою малостію и малскимъ малымъ удовлетается и что необузданная похоть есть тожде, что питливая пѣявица, рождающая во единъ день тысящу дщерей, никогда же рекшихъ: „довлѣтъ!“

Пишекъ. Отригну слово еллинское *πάλα εἶ* или турское: *пекъ эи*. Вельми добръ. Благо же! Но питливая пѣявица разнообразно изъ околичностей можетъ видѣ помалу-малу насосать себѣ многого добраца, но уже сухая ваша не мазаная, по пословицѣ, и нѣмая благодарность, скажи, молю, кія вамъ принесетъ плоды? Чинокъ ли, или грунтикъ, или имперіаликъ, что-ли? Скажи, умилосердись!

Еродій. Она намъ не приноситъ многихъ плодовъ, но единъ великій.

Пишекъ. Въ одномъ не много видѣ добраго найдешь.

Еродій. Отецъ нашъ славословитъ, что все всяческое, всякая всячина и всякая сплетка, соплетающая множество, нѣсть блаженная; токмо блаженное есть едино „тое“, что „единое“ точию есть. На семь „единомъ“, сего же ради и „святомъ“, птица обрѣте себѣ храмину и горлица гнѣздо себѣ; еродіево же жилище предводителствуетъ ими Окаяненъ (рече) всякъ челоуѣкъ есть и всеу мятется, не обрѣтшій „единое“.

Пишекъ. Да подай же мнѣ въ руки оное твое „единое!“

Еродій. Премудрая и цѣломудрая госпоже! Наше добро во огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ, тля не глеть, тать не крадетъ. Какъ же вамъ показать? Я единосердеченъ отцу есмь и въ томъ, что счастья и нещастія нельзя видѣти. Обоє сіе духъ есть, простѣе сказать, мысль. Мысли въ сердцѣ, а сердце съ нимъ, будто со своими крылами. Но сердце не видное. Ведро ли въ немъ и весна и бракъ или война,

молнія и громъ, не видно. Отсюду-то и прелщеніе, когда несчастныхъ щасливыми, вопреки же, блаженныхъ творимъ бѣдными.

Пишекъ. Однакъ я ничему не вѣрю, поколь не оцупаю и не увижу. Таковая у мене изъ младыхъ лѣтъ мода.

Еродій. Сія мода есть слѣпецкая. Онъ ничему не вѣритъ, поколь не оцупааетъ лбомъ стѣны и не падеть въ ровъ.

Пишекъ. По крайней мѣрѣ назови именемъ духовное твое оное едино. Что-ли оно?

Еродій. Не хочется говорить. Певно оно вамъ постылою покажется пустошью.

Пишекъ. Здѣлай милость: открой! Не мучи.

Еродій. Оно еллински именуется: *χαρά* или *εὐφροσύνη* (эвфросина).

Пишекъ. Но протолкуй же Христа ради, что значить сія твоя харя?

Еродій. Будете видь смѣяться.

Пишекъ. Что жъ тебѣ нужды? Смѣхъ сей есть пріятельскій.

Еродій. Оно есть веселіе и радость.

Пишекъ. Ха! ха! ха! ха!.. Христа ради дай мнѣ отдохнуть... Уморишь смѣхомъ... Здравствуй же и радуйся, голъ да весіоль! Ты мнѣ симъ смѣхомъ на три дни здравія призапасиль.

Еродій. Для мене видь лучше веселіе безъ богатства, нежели богатство безъ веселія.

Пишекъ. О мати Божая! Помилуй насъ... Да откуда же тебѣ радость сія и веселіе? Оттуду, что ты голъ? Вотъ! въ какую пустошь ваша васъ приводитъ благодарность. Хорошо веселиться тогда, когда есть чемъ. Веселіе такъ, какъ благовонное яблочко. Оно не бываетъ безъ яблони. Надежда есть сего яблока яблонь. Но нетверда радость, вѣтренно веселіе есть что-ли? Пустая мечта, мечетна пустыня, соніе встающаго.

Еродій. Воистину тако есть. Всякъ тѣмъ веселится, что обожаетъ же тое, на что надѣется. Павлинъ надѣется на красоту, соколъ на быстроту, орелъ на величество, еродій же веселится тѣмъ, что гнѣздо его твердо на единѣ. Порицаете во мнѣ тое, что я голъ да весіоль. Но сіе-же то самое веселитъ мене, что моя надежна надѣжа не на богатствѣ. Надѣющійся на богатство въ кипящихъ морскихъ волнахъ ищетъ гавани. Радуюся и веселюся, яко гнѣздо наше—не на сахарномъ людѣ, не на золотомъ пѣскѣ, не на буяномъ возкѣ, но на облачномъ столпѣ возлюбленнаго храма, красящаго всю кифу, кифу адамантову, святаго Петра кифу, ей же врата адова во вѣкъ не одолѣють. Въ прочемъ, въ кую суету наша насъ воводитъ благодарность? Не клевете ея! Она никогда не низводитъ во врата адова. Она избавляетъ отъ вратъ смертныхъ. Благодарность входитъ во врата Господня, неблагодарность во адская, возлюбивъ суету мыра сего паче

бысерей, иже суть заповѣди Господни и путь, нечестивыхъ, аки свинія блато, предизбравшая паче пути, имъ же ходятъ блаженны непорочныи. Что бо есть оный Богъ: „въ нихъ же Богъ мыра сего ослѣпилъ разумы?“ Богъ сей есть неблагодарность. Всѣ духомъ ея водимыи, аки стадо гергесенское, потопляются во езерѣ суетъ и увязаютъ во блатѣ своихъ тлѣнностей, ядуще вся дни живота своего и не насыщающесея, жаждущи, ропотливы и день отъ дня неблагодарны; понеже бо не искусша Божія заповѣди имѣти въ разумѣ и презрѣли вкусити ангельскаго сего хлѣба, улаждающаго и насыщающаго сердце; сего ради предаде ихъ Вышній во свинныи мудрованія искати сытости и сладости тамъ, гдѣ ея не бывало, и боятися страха, идѣже не бѣ страхъ, дабы изъ единныя несытости 300 и изъ единныя неблагодарности 600 родилося дщерей, во истомленіе и мученіе сердцамъ и тѣлесамъ ихъ и во исполненіе Исаяныхъ словъ: „сами себе разжегості огнь вожделеній вашихъ, ходите убо во пламенѣ огня вашего и опаляйтеся“. Не гордость ли низвергнула сатану въ преисподнюю бездну? Она изгнала изъ рая Адама. Что убо есть рай? Что ли есть благодвидная свѣтлость высоты небесныя, аще не заповѣди Господни, просвѣщающія очи? Что же паки есть гордость, аще не бѣсовская мудрость, предпочитающая драгоцѣнныя одежды, сладныя трапезы, свѣтлыя чертоги, позлащенныя колесницы и аки бы престоль свой поставляющая выше скиитра и царствія Божія, выше воли и заповѣдей Его? Не только же, но и всѣ служебныи духи (разумѣи науки мырскія) возносятся и возсѣдаютъ выше царицы своея, выше Божія премудрости. Кто есть мати сихъ блядовыхъ и презорливыхъ бѣсиковъ? Гордость. Гордости же кто мати? Зависть. Зависти же кто? Похоть. Похоти же кто? Неблагодарность. Неблагодарности же кто? Никто! Тутъ корень и адское тутъ дно. Сія адская душка жаждна утроба, алчная бездна, рай заповѣдей Господнихъ презрѣвшая, никогда же ничимъ же удовлетворяется, дондеже живетъ, пламенемъ и хвастіемъ похотей опалается, по смерти же горѣ жжется угліемъ и жупелемъ своихъ вожделеній. Что бо есть сердце, аще не печь, горящая и дымящая вѣчно? Что же паки есть смерть, аще не отъ сновъ главный сонъ? Беззаконную бо душу, не спящую видъ во внутренемъ судилищѣ, зеркаломъ, тайно, образующимъ живо беззаконія, тайно уязвляетъ свѣжая память, во снѣ же горѣ ужасными мечтами, страшными привидѣніи театрами и дикообразными страшилищами смущаетъ и мучитъ таяжде вѣчности памятная книга, грозящи достойною местию. Изъ неблагодарнаго сердца, аки изъ горнила Вавилонскаго, похотный огонь пламенными крилами разлѣваясь, насиліемъ сердце восхищаетъ, да, яже ненавидитъ, таяжде и творить и тѣми же мучится. Ничто же бо есть вѣчная мука, тоемо отъ самаго себе осуждатися, быти достойнымъ мести. Грѣхъ же достоинствомъ, аки жаломъ, уязвляетъ душу, покрывающей тмѣ и на-

ходящу страху. Надлѣтаетъ же страхъ отгуду, яко помыслы, не обрѣтая помощи, аки гавани, и не видя ни малаго свѣта надежды; помышляя ужасаются, рассуждая недоумѣваютъ, како бы улучити исходъ злключенію... Отсюда расквываются безъ ползы, болятъ безъ отрады, желаютъ безъ надежды. Вотъ сей есть исходъ сердцу неблагодарну!

Пишекъ. Уа! Какъ балалайку, наладилъ тебѣ твой отецъ. Брацаешъ не вовся глупо. Для мене мило, что сердце есть тоже, что печь.

Еродій. Всякое сердце есть жертвенникъ, огнище или каминокъ...

Пишекъ. Что же ты замолкъ?

Еродій. Желаніе есть-то неугасаемый огонь, день и ночь горящій. Дрова суть-то вся, желаемая нами. Сіе горнило и сія бездна—угліе огненное, куреніе дыма восходящія до небесъ и нисходящія до безднъ пламенныя волны вѣчно изблеиваетъ, сама сущи морскихъ безднъ и ширина небесъ всѣхъ. Тутъ-то слично подобаетъ сказать святаго Исидора слово. „О человѣче! Почто дивишься высотамъ звѣзднымъ и морскимъ глубинамъ? Внїди въ бездну сердца твоего! Тутъ-то дивися, аще имаши очи.“ О! Глубокое сердце человѣку. И кто познаетъ его? О! Сердце и воля, безпредѣльный и безконечный аде!

Пишекъ. Видь же и твое сердце горитъ, и куритъ и дымится, кипитъ, клокощеть, пѣнится. Такъ ли?

Еродій. Содома видь горитъ, куритъ и протчая, сирѣчь, неблагодарное сердце. О всѣхъ бо неблагодарныхъ пишется: „горе имъ, яко въ путь Каиновъ поидоша...“ Но не всѣ же суть сердца Каиновы. Суть и Авелевы жертвенники благовоныи, яко кадило дымъ, возвѣвающій во обонаніе Господа Вседержителя. Не вѣсте ли, госпоже моя, яко пеларгіянскій родъ есмы, раждаимыи ко благодарности? Сего ради и отъ человѣкъ благочестивыи нашимъ именемъ знаменуются (ередиос), Божіе бо благоуханіе есмы. Не воздаемъ безумія Богу; тщаніемъ не лѣнныи, духомъ горяще, Господеви работающе, упованіемъ радующеся, скорби терпяще, въ молитвахъ пребывающе, о всемъ благодаряще, всегда радующеся.

Пишекъ. Развѣ же у васъ благочестіе и благодарность есть тожде?

Еродій. Развѣ же то не тожде есть: благое чествовать и благій даръ за благо почитать? Благочестіе чествуетъ тогда, когда благодарность почтеть за благое. Благочестность есть дщерь благодарности. Благодарность есть дщерь духа вѣры. Тутъ верхъ... Вотъ вамъ Ара-ратская гора!

Пишекъ. Признаюся, друже, что сердце мое нудится, дивится сердцу неописанной (по глаголу твоему) безднѣ. Оно мнѣ часъ отъ часу удивительнѣе. Слово твое дѣйствуетъ во мнѣ, будто жало, впу-щенное въ сердце пчелою.

Еродій. Сего ради ублажаю васъ.

Пишекъ. О чемъ?

Еродій. О томъ, что ваше желаніе или аппетитъ началъ острѣться ко единой сладчайшей и спасительнѣйшей со всѣхъ пищей пищѣ. Какъ денница солнце, такъ и сіе знаменіе ведетъ за собою здравіе. Недужной утробѣ мерзка есть ядь самая лучшая и ядь для нея. Здравое же и обновленное, яко орля юность, Господемъ сердце преображаетъ и ядь въ сладкополезную ядь. Кая спасательнѣе пища, какъ бесѣда о Богѣ? И всѣ гнушаются. Что горестнѣе есть, какъ пароксизмами мырскихъ суетъ волноватися? И всѣ услаждаются. Откуда сія превратность? Оттуду, яко глава у нихъ болить. Больны, послѣды же мертвы, и нѣсть Елиссея сихъ умонедужныхъ и сердобольныхъ отроковъ воскресити. Что бо есть въ человѣкѣ глава, аще не сердце? Корень древу, солнце мыру, царь народу, сердце же человѣку есть корень, солнце, царь и глава. Мати же что-ли есть болящаго сего отрока, аще не перло-матерь, плоть тѣла нашего, соблюдающая во утробѣ своей бысеръ оный: „сыне! Храни сердце твое. Сыне! Дажь мнѣ сердце твое. Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже.“ О, блаженъ! сохранившій цѣло цѣну сего маргарита. О благодарности! Дщерь Господа Саваоа! Здравіе жизнь и воскресеніе сердцу.

Пишекъ. Пожалуй еще что либо поговори о сердцѣ. Велими люблю.

Еродій. О, любезная госпоже моя! Повѣрьте, что совершенно будете спокойны тогда, когда и думать и бесѣдовать о сердцѣ не будетъ вамъ ни омерзѣнія, ни сытости. Сей есть самый благородный глумъ. Любители же его нареченны „Царское священіе“.

Пишекъ. Для чего?

Еродій. Для того, что вся протчая дѣла суть хвостъ, сіе-же есть глава и царь.

Пишекъ. Ба! А что значитъ глумъ? Я вовсе не разумѣю. Мню, яко иностранное слово сіе.

Еродій. Никако. Оно есть ветхозлавенское, значитъ то же, что забава, еллински (διατρίβη, діатріба), сирѣчь, провозженіе времени. Сей глумъ толико великъ, яко нарочито Богъ возбуждаетъ къ нему: „упразднитесь и уразумѣйте“, толико же славенъ, яко Давидъ имъ якоже царскимъ, хвалится: „поглумлюся въ заповѣдехъ твоихъ“. Древле единъ тоцію Израиль сею забавою утѣшался и нареченъ языкомъ святымъ, протчи же языны, гонящи и хранящи суетная и ложная,— псами и свиніями. Сей царскій театръ и дивный позоръ всегда былъ присный и неразлучный, всѣмъ любомудрымъ, благочестивымъ и блаженнымъ людемъ. Всякое позорище ведетъ за собою скуку и омерзѣніе, кромѣ сего; паче же сказать, чемъ болѣе зрится, тѣмъ живѣе рвется ревность и желаніе. Елико внутреннѣе отвергается, толико мно-

жайшая и сладчайшая чудеса открываются. Не сей ли есть сладчайший и насытый сотъ вѣчности? Миръ не-сытый есть, яко неудовляетъ. Вѣчность насыта, яко не огорчаетъ. Сего ради глаголетъ: „сыне! храни сердце твое“. Разжевавъ скажите такъ: сыне! отврати очи твои отъ суетъ мырекихъ; перестань примѣчать враки его; обрати сердечное око твое во твое же сердце. Тутъ дѣлай наблюденія; тутъ стань на стражѣ со Аввакумомъ; тутъ тебѣ обсерваторіумъ; тутъ-то узришь, чего никогда не видалъ, тутъ-то удивишься, насладишься и успокоишься.

Пишечкѣ. Но для чего, скажи мнѣ, всѣ сердце презираютъ?

Еродій. Для того, что всѣ его дѣны не прозираютъ. Сердце подобно царю, во убогой хижинкѣ и въ ризѣ живущему. Всякъ его презираетъ. А кому явилось величествіе его, тотъ, падъ ницъ, рабобѣно ему поклоняется и, сколь можно, все презрѣвъ, наслаждается его и лица и бесѣды. Слово сіе—„сыне! храни сердце твое“—сей толкъ и сокъ утаеваетъ: сыне! не взирай на то, что твое тѣлишко есть убогая хижинка и что плоть твоя есть плетка и тканка простонародная, портище подлое, слабое и не чистое. Не суди по лицу ничего, никого ни себе. Въ хижинкѣ той и подъ убогою тою одеждою найдешь тамъ царя твоего, отца твоего, домъ твой, ковчегъ его, кифу, гавань, петру и спасеніе твое. Быстро только храни, блюди и примѣчай. А когда паки Давидъ говоритъ—„поглумлюся въ заповѣдехъ твоихъ“—не то же ли есть, что сказать такъ: наслажуся твоего лица, словесъ твоихъ, совѣтовъ и повелѣній? Самое видъ величествіе его неизреченно удивляетъ прозорливца. Не пустой видъ вопль сей: „исповѣмся Тебѣ, яко страшно удивилъ мя еси.“ Въ древняя лѣта между любомудрыми восталъ вопросъ сей: „что ли есть наибольшее?..“ О семъ всѣ размышляли чрезъ долгое время, лѣтомъ и зимою, ноцію и днемъ. Породилися о семъ книги. Отдавалося отъ ученыхъ горь по всей вселеннѣй многое многихъ отвѣтовъ и разногласное эхо. Тогда-то размѣсишася и сляшася языцы. Восталъ язъкъ на языкъ, голова на голову, разумъ на разумъ, сердце на сердце.. Въ семъ столпотвореніи обрѣтется мужъ нѣкій, не ученый, но себе прозрѣвшій. Сей паче надежды обезглавилъ Голіаа. Смутилася и воскипѣла вся мусикія, поющая пѣсни бездушному истукану, тѣльному сему миру, со златою его главою солнцемъ. Злоба правдѣ приразилась, но о кифу вся разбилася. Востали борющія волны, но побѣду достала славна сія слава: „посредѣ (рече) васъ живетъ то, что превышше всего есть“. О, Боже! Коль не слична мусикія безъ святаго Духа твоего! И коль смѣхотворна есть премудрость, не познавшая себе! Сего ради молю васъ, любезная госпоже моя, не смѣйтеся и не хулите отца моего за то, что ничего вамъ не научилъ, кромѣ благодарности. Я стану плакать, утеку, и полечу отъ васъ.

Пишечкѣ. Постой! Постой! Любезный мой Еродій. Нынѣ не

только не хую отца твоего, но и благословлю и хвалю его. Нынѣ начало мнѣ, аки утро зарѣтъ, тако открыватися, коль великое дѣло есть благодарность! Сотвори милость, еще хотя мало побесѣдуй.

Еродій. О, добродѣйко моя! Пора мнѣ за моимъ дѣломъ лѣтъ.

Пишекъ. Друже мой сердечный! Я знаю, что отецъ твой есть милосердая и благочестивая душа: не разгнѣвается за сіе.

Еродій. Чего жъ вы желаете?

Пишекъ. Еще о семь-же хоть мало побесѣдуемъ.

Еродій. Станемъ же и мы ловить птицу тысячу лѣтъ.

Пишекъ. Что се ты сказалъ?

Еродій. Вотъ что! Нѣкій монахъ 1000 лѣтъ ловилъ прекраснѣйшую изъ всѣхъ птицъ птицу.

Пишекъ. Зналъ ли онъ, что уловить?

Еродій. Онъ зналъ, что ее во вѣки не уловить.

Пишекъ. Для чего жъ себе пусто трудилъ?

Еродій. Какъ пусто, когда забавлялся? Люде забаву купуютъ. Забава есть врачевство и оживотвореніе сердцу.

Пишекъ. Вотъ развѣ чудный твой глумъ и дивная діатриба!

Еродій. Воистину чудна, дивна и прекраснѣйша птица есть вѣчность.

Пишекъ. О! Когда вѣчность ловилъ, тогда не всеу трудился. Вѣрую, что она слаже меда. Посему великое дѣло есть сердце, яко оно есть вѣчность.

Еродій. О, любезная мати! Истину рекла еси. Сего, толикаго дара, и единаго блага слѣзная неблагодарность, не чувствуя за 1000 бездѣлицъ, всякій день ропщетъ на промыслъ Вѣчнаго и симъ опалается. Обратися, окаянное сердце, и ваглянь на себе самое — и вдругъ оживотворишься. Почто ты забыло себе? Кто отверзетъ оубо? Кто воскреситъ память твою, блаженная бездно? Како воля твоа незвергнула тебе во мрачную сею бездну, преобразивъ свѣтъ твои во тму? Любезная мати, разумѣете ли, откуда родится радуга?

Пишекъ. А скажи пожалуй, откуда? Я не знаю.

Еродій. Когда смотреть на себе въ зеркалѣ пречистыхъ облачныхъ водъ солнце, тогда его лице, являемое во облакахъ, есть радуга. Сердце человѣческое, взирая на свою самую ипостась, воистину раждаетъ предѣлъ обуреваній, иже есть радостная она дуга Ноева: прошли облака. Радостна дуга сіяетъ. Прошла вся тоска. Свѣтъ нашъ блистаетъ. Веселіе сердечное есть чистый свѣтъ ведра, когда миноваль мракъ и шумъ мырскаго вѣтра. Дуга прекрасна сіяніемъ своимъ, како ты нынѣ отемнѣла? Деннице пресвѣтлая, како нынѣ съ небесе спала еси? Ау! Низвергла тебе гордость, дщерь безчувственныхъ неблагодарности, предпочетшая хоботь паче главы, сѣнь переходящу паче Мамврійскаго дуба. Еже бо кто обожаетъ, въ то себе преобра-

жлетъ. Удивительно, како сердце изъ вѣчнаго и свѣтлаго преображается въ темное и сокрушенное, утвердившися на сокрушеніи плоти тѣла своего. Таковъ, аще себѣ золь, кому добръ будетъ? „Разумивый же праведникъ себѣ другъ будетъ, и стези своя посередѣ себе упокоить.“ Сіе есть истинное, блаженное самолюбіе—имѣть дома, внутри себе, все свое некрадомое добро, не надѣяться же на пустыя руги и на наружныя околицы плоти своея, отъ самаго сердца, аки тѣнь отъ своего дуба и аки вѣтвы отъ корене и аки одежда отъ носящаго ее зависящія. Вотъ тогда-то уже рождается намъ изъ благодарности матерѣ подобная дщерь, еллински именуемая (*αὐτάρχεια*, *автаргѣя*), сирѣчь, самодовольность, быть самымъ собою и въ себѣ довольнымъ, похваляемая и превозносимая, яко сладчайшій истиннаго блаженства плодъ, въ первомъ Павловомъ письмѣ къ Тимофею, въ стихѣ 6-мъ такъ: „есть снисканіе веліе—благочестіе съ доволствомъ“. Вотъ вамъ два голубиная крила! Вотъ вамъ двѣ денницы! Двѣ дщери благодарности! Благочестность и самодовольность... „И полещу и почию“. Да запечатлѣется же сія бесѣда славою отца моего сего: главизна воспитанія есть: 1) Благо родить; 2) Сохранить птенцеви младое здравіе; 3) Научить благодарности.

Пишекъ. Ба! На что жъ ты поднялъ крила?

Еродій. Прощайте, мати. Полечу отъ васъ. Сердце мое мнѣ зазираетъ, что не лечу за дѣломъ.

Пишекъ. По крайней мѣрѣ привитайся зъ дочерьми моими.

Еродій. Здѣлайте милость! Избавте мене отъ вашего типика.

Пишекъ. Мартушка моя поиграетъ тебѣ на лютнѣ. Вертушка запоетъ или потанчитъ. Они чрезъ верхъ благородно воспитаны и въ модѣ у господъ. А Кузя и Кузурка любимы за красоту. Знаешь ли что они пѣсенки слагаютъ? И вѣришь ли, что они въ модѣ при дворѣ у Марокскаго владѣльца? Тамъ сынокъ мой пажемъ. Не давно къ своей роднѣ прилетѣлъ оттуда здешній поугай и сказалъ, что государь жаловалъ золотую табакирку...

Еродій. На что ему табакирка?

Пишекъ. Ха! ха! ха! На что? Наша видъ честь зависеть, что никто удачнѣе не сообразуется людямъ, какъ нашъ родъ. Носи и имѣй, хоть не нюхай. Знаешь ли, какъ ему имя?

Еродій. Не знаю.

Пишекъ. Имя ему Пѣшокъ. Весьма любезное чадо.

Еродій. Бога ради! Отпускайте мене.

Пишекъ. Куда забавень скакунъ! Какъ живое серебро, всеми составами маетъ. Принцъ любить его; цѣлые часы проводить съ нимъ, забавляясь.

Еродій. О семъ его ни ублажаю, ни завижу. Прощайте!

Пишекъ. Постой, другъ мой, постой! А о благомъ рожденіи

не сказалъ ты мнѣ ни слова? такъ ли? О! о! полетѣлъ! Слушай, Вертушка! что-то онъ поднимаясь, кажется, сказалъ...

Вертушка. Онъ сказалъ, матушка сударыня, вотъ что: о благомъ рожденіи принесу вамъ карту.

Пишечкѣ. А когда же то будетъ?..

Еродій не лгутъ. Онъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ маѣ паки посѣтилъ сію госпожу. Принесъ о благомъ рожденіи свитокъ, но не могъ ничемъ ее утѣшить: толь лютая терзала ее печаль. Никогда жестокае не свирѣпѣетъ печаль, какъ въ то время, когда сердце наше, основавъ надѣжу свою на лживомъ морѣ мыра сего и на лежекамняхъ его, узрить наконецъ опроверженное гнѣздо свое и разоряющейя градъ ложнаго блаженства. Господинъ Пѣшокъ, прескакивая изъ окна на окно, упалъ на дворъ изъ горнихъ чертоговъ, сокрушилъ ноги и отставленъ отъ двора. Сверхъ того старшія дщери начали безчинствовать и хамскимъ досажденіемъ досаждать матерѣ. Вскорѣ она умре, домъ же сталъ пустъ. Тогда, аки желѣзо на водѣ, всплыла на верхъ правда, яко сильнѣе всего есть страхъ Божій и яко благочестивая и самодовольная благодарность превосходитъ небо и землю. Еродій, отлѣтая, повѣсилъ на цвѣтущемъ финикѣ листь сей:

Свитокъ о благомъ рожденіи чадъ ради благочестивыхъ сострастныхъ и здравыхъ родителей:

Сѣй въ перву и втору луну, сирѣчь въ квадрѣ,

Сѣй, изшедъ изъ пировъ и бесѣдъ священныхъ.

Зрѣвъ мертвеца или страшень позоръ, не сѣй.

Заченшей сверхъ не сѣй. Не въ мѣру цянь не сѣй.

Заченша да носить въ мысляхъ и въ позорахъ святыхъ

И въ бесѣдахъ святыхъ чужда страстныхъ бурей,

Въ тихомъ безстрастіи, во зрѣніи святыхъ. Тогда собудетя:

„И пройде духъ хлада тонка и тамо Богъ“. (Книга царствъ).

По семъ гайстеръ вознеся выспрь, воспѣвалъ малороссійску пѣсенку сію: „соловечку, сватку, сватку! Чы бывалъ же ты въ садку, въ садку? Чы выдалъ же ты, какъ сѣютъ макъ? Вотъ такъ! такъ! Сѣютъ макъ. А ты, шпачку, дуракъ...“ Сію пѣсенку мальчишки, составивъ ликъ, сирѣчь, хоръ или короводъ, домашніи его пѣвчіи во увеселеніе спѣвали святому блаженному епископу Іоасафу Горленку. Аминь.

УБОГІЙ ЖАЙВОРОНОКЪ. ⁷⁵²⁾

П р и т ч а.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Любезному другу, Феодору Ивановичу Дискому,
желаеть истиннаго мира.

Жизнь наша есть вѣдь путь непрерывный. Міръ сей есть великое море, всѣмъ намъ плывущимъ. Онъ то есть океанъ, о, вельми не многими щастливцами безбѣдно преплавляемый. На пути семъ встрѣчаютъ каменныя скалы и скалки; на островахъ сирены, въ глубинахъ киты, по воздуху вѣтры, волненія повсюду; отъ камней претыканіе, отъ сиренъ прельщеніе, отъ китовъ поглощеніе, отъ вѣтровъ противленіе, отъ волнъ погруженіе. Каменныя вѣдь соблазны суть то неудачи; сирены суть то льстивыя други, киты суть то запазущіи страстей нашихъ зми, вѣтры разумѣй напасти, волненіе мода и суета житейска... Непремѣнно поглотила бы рыба младаго Товію, если бы въ пути его не былъ наставникомъ Рафаиль. „Рафа“ (еврейски) значитъ медицину, „Иль“ или „Эль“ значитъ Бога.—Сего путеводника промыслилъ ему отецъ его, а сынъ нашель въ немъ Божію медицину, врачующую не тѣло, но сердце, по сердцу же и тѣло, яко отъ сердца зависящее. Іоаннъ, отецъ твой, въ седьмомъ десяткѣ вѣка сего (въ 62-мъ году) въ городѣ Купянскѣ, первый разъ взглянулъ на мене, возлюбилъ мене. Онъ никогда не видѣлъ мене. Услышавъ же имя, выскочилъ и достигши на улицѣ, молча въ лице смотрѣлъ на мене и прикицалъ, будто познавая мене, толь милымъ взоромъ, яко до днесь, въ зеркалѣ моея памяти, живо мнѣ онъ зрится. Воистину прозрѣлъ духъ его прежде рождества твоего, что я тебѣ, друже, буду полезнымъ. Видишь, коль далече прозираеть симпатія! Се нынѣ пророчество его исполняется! Прійми, друже, отъ мене маленькое сіе наставленіе. Дарую тебѣ „Убогаго“ моего „жайворонка“. Онъ тебѣ заспѣваетъ и зимою не въ клѣткѣ,

⁷⁵²⁾ „Убогій жайворонокъ“ мы печатаемъ по тексту, опубликованному Д. И. Багалѣемъ въ его работѣ „Сочиненія Григорія Саввича Сковороды“ (236—250 стр.). Подлинной рукописи этой работы Г. С. Сковороды повидимому не сохранилось.

но въ сердцѣ твоёмъ и нѣсколько поможетъ спасатися отъ ловца и хитреца, отъ лукаваго міра сего. О, Боже! Коликое число сей волкъ, день и ночь, незлобныхъ жреть агнцовъ! Ахъ! Блюди, друже, да опасно ходиши. Не спать ловець. Бодрствуй и ты. Оплошность есть мати нещастія. Впрочемъ да не соблазнить тебѣ, друже, то, что тетервакъ названъ Фридрикомъ. Если же досадно, вспомни, что мы всё таковы. Всю вѣдь Малороссію Велероссія нарицаеть тетерваками. Чего же стыдиться! Тетервакъ вѣдь есть птица глупа, но не злобива. Не тотъ есть глупъ, кто не знаетъ (еще все перезнавшій не родился), но тотъ, кто знать не хочеть. Возненавидь глупость: тогда, хотя глупъ, обаче будеши въ числѣ блаженныхъ оныхъ тетерваковъ: „обличай премудраго и возлюбить тя“. Обличай, де, его, яко глупъ есть. Какъ же онъ есть премудръ, яко не любитъ глупости? Почему? Потому что прие-млетъ и любитъ обличеніе отъ друзей своихъ. О! да сохранить юность твою Христось отъ умащающихъ елѣемъ главу твою, отъ домашнихъ сихъ тигровъ и сиренъ. Аминь.

1787-го лѣта въ полнолуніе послѣднія луны осеннія.

Притча нареченна Убогій жайворонокъ.

Съ нимъ разглагольствуетъ тетервакъ о спокойствіи.

ОСНОВАНІЕ ПРИТЧИ.

„Той избавить тя отъ сѣти ловчія...“ Псаломъ 90, ст. 3.

„Бдите и молитесь, да не ввидите въ напасть.“

„Горе вамъ, богатолюбцы, яко отстоите отъ утѣшенія вашего.“

„Блаженни нищіи духомъ...“

„Обращаете покой душамъ вашимъ...“

Тетервакъ ⁷⁵³⁾, налетѣвъ на ловчую сѣть, началъ во весь опоръ жрать тучную ядь. Нажрався по уши, похаживалъ надуваясь, вельми доволенъ самъ собою, аки буйный юноша, по модѣ одѣтый. Имя ему Фридрикъ. Родовое же или фамиліное прозваніе, или, какъ обычно въ народѣ говорятъ, фамилія Салаконъ. ^{754a)} Во время оно пролѣталъ Сабашъ (имя

⁷⁵³⁾ Тетеревъ птица.

Прим. съ текстъ Д. И. Багалъя.

^{754a)} Салаконъ есть еллинское слово, значить нищаго видомъ, но лицемѣрствующаго богатствомъ фастуна. Сихъ лицемѣровъ пренсполненъ міръ. Всякъ до одинаго изъ насъ больше на лице кажетъ, нежели имѣтъ, даже до сего сатанинское богатство нищету Христову преодолѣло, осквернивъ симъ лице-мѣриемъ и самые храмы Божіи и отсюду выгнавъ нищету Христову, и отсюду; и нѣсть человекъ хвалящагося съ Павломъ нищетою Христовою.

Прим. Г. С. Сквороды.

жайворонку) прозваніемъ Сколарь. „Куда ты несешься Сабашъ!“ воскликнулъ, надувшись, тетервакъ.

Сабашъ. О, возлюбленный Фридрикъ! Миръ да будетъ тебѣ! радуйся во Господѣ!

Салаконъ. Фе! Запахла школа.

Сабашъ. Сей духъ для мене милъ.

Салаконъ. По губамъ салата, какъ поютъ притчу.

Сабашъ. Радуюся, яко обоняніе ваше исцѣлилося. Прежде вы жаловались на насморкъ.

Салаконъ. Протершись братъ межъ людьми, нынѣ всячину разумію. Не уйдетъ отъ насъ ничто.

Сабашъ. Тетервачій вѣдь умъ остръ, а обоняніе и того острѣе.

Салаконъ. Потиме, другъ ты мой. Вѣдь я нынѣ не безъ чишка.

Сабашъ. Извините, ваше благородіе, ей! не зналъ. Посему то вѣдь и хвостъ, и хохоль вашъ нынѣ новомодными пуклями и кудрявыми раздуты завертасами.

Салаконъ. Конечно. Благородный духъ отъ моды не отстаеетъ. Прошу, голубчикъ, у меня откупать. Богъ мнѣ далъ изобиліе. Видишь, что я брожу по хлѣбѣ? Не милость ли Божія?

Сабашъ. ⁷⁵⁵⁶⁾ Хлѣбъ да соль! Изволите на здравіе кушать, а мнѣ неколи.

Салаконъ. Какъ неколи? Что ты? Вабѣсился?

Сабашъ. Я посланъ за дѣломъ отъ отца.

Салаконъ. Плюнь! Навѣвшись справишься.

Сабашъ. Не отвлечетъ мя чрево отъ отчія воли, а сверхъ того, боюся чуждаго добра. Отецъ мой отъ младыхъ ногтей спѣваеетъ мнѣ сія: „чего не положилъ, не рушь“.

Салаконъ. О труслива тварь!

Сабашъ. Есть пословица: боязливаго сына мати не плачетъ.

Салаконъ. Вѣдь оно теперь мое. У насъ поютъ такъ: ну! что Богъ далъ, таскай ты все тое въ кошель.

Сабашъ. И у насъ поютъ, но наша разнить пѣсенка съ вами. Вотъ она: „все лишне отсѣкай, то не будетъ кашель“. Сверхъ же всего влюбленъ есмь въ нищету святую.

Салаконъ. Ха! ха! ха! хе! Въ нищету святую... Ну ее со святынею ея! Ступай же, братъ! влечи за собою на веревкѣ и возлюб-

⁷⁵⁵⁶⁾ Сабашъ значитъ праздный, спокойный, отъ сирскаго слова саба или сава, сирѣчь, миръ, покой, тишина. Отсюда и у евреевъ суббота, сабашъ, отсюда исіе имя, Варсава, то есть, сынъ мира; баръ еврейскій сынъ.

ленную твою невѣсту. Дуракови желаешь добра, а онъ все прочь. Гордые нищеты ненавидитъ душа моя пуще вратъ адскихъ.

С а б а ш ъ. Прощайте, ваше благородіе! Се отлѣтаю, а вамъ желаю, да будетъ конецъ благъ!

С а л а к о н ъ. Вотъ полетѣлъ! Не могу довольно надивиться разумамаъ симъ школярскимъ. Блаженны (де) нищія... Израдное блаженство, когда нечево кусать! Правда, что и много жрать можетъ быть дурно, однако же спокойнѣе, нежели терпѣть гладъ. Въ селѣ Ровенкахъ^{756a}), прекрасную слыхалъ я пословицу сію: не ѣвши,—легче, поѣвши,—лучше. Но что же то есть лучше, если не то, что спокойнѣе? Не тронь (де) чуждаго... Какъ не тронуть, когда само въ глаза плыветь? По пословицѣ: „на ловца звѣрь бѣжитъ“. Я вѣдь не въ дуракахъ. Черепокъ нашолъ? Миную. Хлѣбъ попался? Никакъ не пропущу. Вотъ это лучше для спокойствія. Такъ думаю я. Да и не ошибаюсь. Не вчера я рожденъ, да и протерся межъ людьми, слава Богу. Мода и свѣтъ есть наилучшій учитель и лучшая школа всякія школы. Правда, что было время, когда и нищихъ, но добродѣтельныхъ почитали. Но нынѣ свѣтъ совсѣмъ не тотъ. Нынѣ, когда нищъ, тогда и бѣднякъ и дуракъ, хотя бы то былъ воистину израильтянинъ, въ немъ же лъсти нѣсть. Потерять же въ свѣтѣ доброе о себѣ мнѣніе дурно. Куда ты тогда годишься? Будь ты, каковъ хочешь въ нутрѣ, хотя десятка шибеницъ достоинъ, что въ томъ нужды? Тайная Богъ вѣсть. Только бы ты имѣлъ добрую славу въ свѣтѣ и былъ почетнымъ въ числѣ знаменитыхъ людей, не бойся! Дерзай! Не подвижишься во вѣкъ. Не тотъ правъ, кто въ существѣ правъ, но тотъ, кто вѣдь не правъ по истѣ, но казаться правымъ умѣть и одинъ токмо видъ правоты имѣть, хитро лицемѣрствуя и шествуя стезею спасительныя оныя притчи: „концы въ воду“.^{757b}) Вотъ нынѣшняго свѣта самая модная и спасительная премудрость! Кратко скажу: тотъ единъ есть счастливъ, кто не правъ вѣдь по совѣсти, но правъ есть по бумажкѣ, какъ мудро глаголютъ наши юристи.^{758a}) Сколько я видалъ дураковъ, всѣ глупы. За богатствомъ (де) слѣдуетъ безпокойство. Ха! ха! ха! А что же есть безпокойство, если не трудъ?

^{756a}) Ровенки есть то же, что Ровенники, сирѣчь, по ровамъ живущіе воры. „Да не сведеть во мнѣ ровенникъ усть своихъ“. (Псаломъ).

Прим. Г. С. Сковороды.

^{757b}) Коль прельщаются нечестивыи притчею сею беззаконною своею: концы въ воду. „Нѣсть бо тайна“, яже не открывается. *Прим. Г. С. Сковороды.*

^{758a}) Христось же вопреки говорить: „славы отъ человѣкъ не хочу“. Есть прославляяя Мя отецъ Мой. На пути свидѣній твоихъ насладихся. Ахъ! убойтеса нечестивыи свидѣній Вошихъ! Не убойтеса отъ убивающихъ тѣло. Скажите съ. Давидомъ: „прокленутъ ти, и ты благословиши“. Бумажка, о, лицемѣри, чело-вѣческая оправдитъ тебе у человѣкъ, но не у Бога. Се тебѣ колесница безъ колесъ, таково безъ Бога всякое дѣло.

Прим. Г. С. Сковороды.

Трудъ же не всякому благу отецъ? Премудро вѣдь воспѣвають русскіе люди премудрую пословицу сію:

Покой воду пьетъ,
А не покой медъ.

Что жъ ли дасть тебѣ пить, виновница всѣхъ золъ, праздность?

Развѣ поднесетъ тебѣ на здравіе воду, не мутящую ума?

Кому меньше въ жизни треба,
Тотъ ближая всѣхъ до неба.

А кто же сіе спѣваетъ? Архидуракъ нѣкій древній, нарицаемый Сократъ. А подпѣваетъ ему весь хоръ дурацкій. О! о! весьма они разнять въ нашемъ хорѣ. Мы вотъ какъ поемъ!

Жри все то, что предъ очима,
А счастье за плечима.
Кто не смѣлый, тотъ страдаетъ,
Хоть добылъ, хоть пропадаетъ.
Такъ премудрый Фридрикъ судить,
А умъ его не заблудить.

Между тѣмъ какъ Фридрикъ мудрствуетъ, прилетѣла седмица терваковъ и три братанича его. Сіе капральство составило богатый и шумный пиръ. Онъ совершался не далече отъ байрака, въ коемъ дятель выстукивалъ себѣ носикомъ пицу, по древней малороссійской притчѣ: всякая птичка своимъ носкомъ жива.

Подвижный Сабашикъ пролеталъ не малое время. Пробавилъ путь свой чрезъ три часа.

Онъ посланъ былъ къ родному дядѣ пригласить его на дружескую бесѣду и на убогій обѣдъ къ отцу. Возвращаясь въ домъ, забавлялся пѣсенкою, наученъ отъ отца своего измлада сею:

Не то орель, что лѣтаетъ,
Но то, что легко сѣдаетъ.
Не то скуденъ, что убогой,
Но то, что желаетъ много.
Сласть ловить рыбы и звѣри
И птицъ, вышедшихъ изъ мѣры.
Лучше мнѣ сухарь съ водою,
Нежели сахаръ съ бѣдою.

Летѣлъ Сабашъ мимо байрака. „Помогай, Богъ, дубе!“—сіе онъ сказалъ на вѣтеръ. Но нечаянно изъ за дуба отдался гласъ таковъ:

Гдѣ не чаешь и не мыслишь, тамъ тебѣ другъ буде...

Ба! ба! ба! О любезный Немесь! воскликнулъ отъ радости Сабашъ, узрѣвъ дятла, именуемаго Немесь. Радуйся и паки реку, радуйся!

Немесь. Миръ тебѣ, друже мой! миръ намъ всёмъ! Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, сохраняяй ты доселѣ отъ сѣтованія.

Сабашъ. Я сѣть разумѣю, а что значить сѣтованіе не знаю.

Немесь. Нашъ братъ птахъ, когда впадетъ въ сѣть, тогда сѣтуетъ, сиречь, печется, мечется и бьется о избавленіи. Вотъ сѣтованіе.

Сабашъ. Избави, Боже, Израила отъ сихъ скорбей его.

Немесь. А я давеча изъ того крайняго дуба взиралъ на жалостное сіе позорище. Взглянь! Видишь ли сѣть напаялену? Не прошложь часть, когда въ ней и вокругъ ея страшная совершалася будто Бендерская осада. Гуляла въ ней дюжина тетерваковъ. Но въ самомъ шумѣ и плясаніи и козлогласованіи, и прожорствѣ, какъ молнія, пала на ихъ сѣть. Боже мой, коликая молва, лопоть, хлопоть, стукъ, шумъ, страхъ и мятежь! Нечаянно выскочилъ ловець и всёмъ имъ переломалъ шеи.

Сабашъ. Спасеся ли кто отъ нихъ?

Немесь. Два, а прочіе всё погибли. Знаешь ли Фридрика?

Сабашъ. Знаю. Онъ добрая птица.

Немесь. Воистину тетервакъ добрый. Онъ-то пролетѣлъ мимо мене изъ пира, теряя по воздуху перья. На силу я могъ узнать его: трепетень, растрепанъ, распущенъ, замять... какъ мышъ, играема котомъ; а за нимъ издалеча братаничь.

Сабашъ. Куда же онъ полетѣлъ?

Немесь. Во внутренній байракъ оплакивать грѣхи.

Сабашъ. Миръ же тебѣ, возлюбленный мой Немесь! Пора мнѣ домой.

Немесь. А гдѣ ты былъ?

Сабашъ. Звалъ дядю въ гости.

Немесь. Я вчера съ нимъ видѣлся и долго бесѣдовалъ. Лети жъ, друже мой, и спасайся, да будетъ Господь на всёхъ путѣхъ твоихъ, сохраняяй вхожденія твоя и исхожденія твоя. Возвѣсти отцу и дядѣ миръ мой.

Сія вѣсть неизрѣченно Сабаша устарила. Сего ради онъ не признался Немесу, что бесѣдовалъ съ Фридрикомъ предъ самымъ его нещастіемъ. Ну! говорилъ самъ себѣ: научайся, Сабашъ; чуждою бѣдою. Для того то бьютъ песика предъ львомъ (какъ притча есть), чтобъ левъ былъ кротокъ. О, Боже! Въ очахъ моихъ бьешь и ранишь другихъ, достойнѣйшихъ отъ мене, да усташуся и трепещу беззаконныя жизни и сластей міра сего. О, сласть! О, удины и сѣть ты дьявольска! Коль ты сладка, яко всё тобою плѣнены! Коль же погибельна, яко мало спасаемыхъ! Первое всё видятъ, второе избранныи.

Таковымъ образомъ жестоко себѣ наказывала и сама себѣ налагала раны сія благочестивая врода и, взирая на чужую бѣдность, больше пользовалася, нежели собственными своими язвами біемыи отъ

Бога жестокосердыи незаконники, и живѣе научалася изъ черныя сея, мірскія бѣды содержащія (черная бо книга, бѣды содержащая, есть то самъ міръ) книги, нежели нечестивая природа, тысячу книгъ перечесть разноязычныхъ. О таковыхъ вѣдь написано: „вѣсть Господь неповинныи избавляти отъ напасти... Праведникъ отъ лова убѣгнетъ, вмѣсто же его предается нечестивый“.

Въ сихъ благочестивыхъ мысляхъ прилетѣлъ Сабашъ домой, а за нимъ вскорѣ съ двома своими сынами приспѣлъ дядя. Созваны были и сосѣды на сей убогій, но целомудренный пиръ и безпечный. Въ сей маленькой сторонкѣ водворялася простота и царствовала дружба, творящая малое великимъ, дешевое дорогимъ, а простое приятнымъ. Сія земля была часточка тоя земельки, гдѣ странствовавшая между челоуѣками истина и убѣгающая во злѣ лежащаго міра сего послѣдніи дни пребыванія своего на землѣ провождала и остатній роздыхъ имѣла, дондеже возлетѣла изъ долины въ горніи страны.

Сабашъ, отдавъ отцу и дядѣ радость и миръ отъ Немеса, тутъ же при гостяхъ возвѣстилъ все приключившееся.—Гостей былъ сонмъ не малъ, со чады своими, отроками и юношами, и женами. Алауда^{759а})—такъ нарицался отецъ Сабашовъ—былъ наученъ наукамъ мірскимъ, но сердце его было столица здраваго разума. Всякое дѣло и слово могъ совершенно раскусить, обрѣсти въ немъ корку и зерно, ядъ и ядъ сладкую и обратить во спасеніе.

Алауда, во слухъ многихъ мужей, юношъ и отроковъ научалъ сына такъ: сыне мой единородный! приклони ухо твое. Услыши гласъ отца твоего и спасешися отъ сѣти, якоже серна отъ ловцовъ. Сыне! Аще премудръ будеши, чуждаѣ бѣда научить тебе, дерзкій же и безсердый сынъ уцѣломудряется собственнымъ искушеніемъ. И сіе есть бѣдственное. Сыне! да болитъ тебѣ ближняго бѣда! Любиай же свою бѣду и не болай о чуждой, сей есть достоинъ ея. Не забуди притчи, кую часто слышалъ еси отъ мене сея: песика бьютъ, а левикъ боится.

Кая польза читать многія книги и быть незаконникомъ? Едину читай книгу и довлѣетъ. Возри на міръ сей. Взглянь на родъ челоуѣчскій. Онъ вѣдь есть книга, книга же черная, содержащая бѣды всякаго рода, аки волны, востающія непрестанно на морѣ. Читай ее всегда и поучайся, купно же, будто изъ высокія гавани на бѣснующійся океанъ взирай и забавляйся. Не всѣ ли читаютъ сію книгу? Всѣ. Всѣ читаютъ, но несмысленно. Пяту его блюдутъ, какъ написано, на ноги взираютъ, не на самый міръ, сирѣчь, не на главу и не на сердце его смотрятъ. Сего ради никогда его узнать не могутъ. Изъ подошвы челоуѣка, изъ хвоста птицы, такъ и міра сего, изъ ногъ его, не узнаешь его, развѣ

^{759а}) Алауда, римски, значитъ жайворонокъ (a lauda), хвалю римски, laudo, лаудо, лаудонъ хвалящій.

Прим. Г. С. Сковороды.

изъ главы его, разумѣй, изъ сердца его. Кую тайну затворяетъ въ себѣ гаданіе сіе? Сыне! всѣ силы моя напрягу, чтобъ развязать тебѣ узелъ сей. Ты же вонми крѣпко. Тетервакъ видитъ сѣть и въ сѣти ядъ, или снѣдь. Онъ видитъ что ли? Онъ видитъ хвостъ, ноги и пяту сего дѣла; главы же и сердца сея твари, будто самыя птицы, не видитъ. Гдѣ же сего дѣла глава? И есть она что-то такое? Ловцово сердце въ тѣлѣ его, утаенномъ за купиною. Итакъ тетервакъ, видя едину пяту въ дѣлѣ семъ, но не видя въ немъ главы его, видя не видитъ, очисть по тѣлу, а слѣпъ по сердцу. Тѣло тѣломъ, а сердце зрится сердцемъ. Се видь оная Евангельская слѣпота, мати всякія злости! Симъ образомъ всѣ безумные читаютъ книгу міра сего. И не пользуются, но увязаютъ въ сѣти его. Источникъ рѣкамъ и морямъ есть главою. Бездна же сердечная есть глава и источникъ во всемъ дѣламъ и всему міру. Ничто же бо есть міръ, точію связь или составъ дѣлъ или тварей. И ничто же есть вѣка сего Богъ, развѣ мірское сердце, источникъ и глава міра. Ты же, сыне мой, читая книгу видимаго и злаго сего міра, возводь сердечное твое око во всякомъ дѣлѣ на самую главу дѣла, на самое сердце его, на самый источникъ его, тогда, узнавъ начало и сѣмя его, будеши правъ судія всякому дѣлу, видя главу дѣла и самую исту, истина же избавить тя отъ всякія напасти. Аще бо два рода тварей и дѣлъ суть, тогда и два сердца. Аще же два сердца, тогда и два духи—благій и злый, истинный и лестчій... По сихъ двоихъ источникахъ суди всякое дѣло. Аще сѣмя и корень благъ, тогда и вѣтви и плоды. Нынѣ, сыне мой, буди судія и суди учинокъ тетерваковъ. Аще право осудиши, тогда по сему образу первый судія будеши всему міру. Суди же тако. Напалъ тетервакъ на снѣдь. Видиши ли сіе? Какъ невидѣть? Сіе и свинія видитъ. Но сіе есть одина точію тѣнь, пята и хвостъ. Тѣнь себѣ ни оправдаетъ, ни осуждаетъ. Она зависить отъ своя главы и исты. Возри на источникъ ея—на сердце, источившее и родившее ее. Отъ избытка бо сердца, сирѣчь, отъ бездны его, глаголють уста, ходять ноги, смотрять очи, творять руки. Зри! Аще сердце тетерваково благо, откуда родилося сіе его дѣло: тогда и дѣло благо и благословенно. Но не видишь ли, яко змінна глава есть у сего дѣла? Сіе дѣло родилося отъ сердца неблагодарнаго, своею долею недовольнаго, алчущаго и похищающаго чуждое... Сія то есть истинная авраамская богословія—прозрѣть во всякомъ дѣлѣ гнѣвдѣющагося духа: благъ ли онъ? или золь? Не судить по лицу, якоже лицемѣры. Часто подъ злобнымъ лицемъ и подъ худою маскою Божественное сіяніе и блаженное таятся сердце, въ лицѣ же свѣтломъ, ангельскомъ—сатана. Сего ради видя неволю и плѣнь тетервакову, жертвующую себе въ пользу чуждую, не лѣнися работати для собственныя твоея пользы и промыслиати нужное, да будеши свободенъ. Аще же не будеши для себе самага рабомъ, при-

нужденъ будещи работати для другихъ и, убѣгая легкихъ трудовъ, попадешъ въ тяжкія и сторичныя. Видиши ли чью либо сіяющую одежду или славный чинъ, или красный домъ, но внутрь исполненный неусыпаемаго червія, вспомни самъ себѣ слова Христовы: „горе вамъ, лицемѣры! Горе вамъ, смѣющимся нынѣ“, разумѣй, снаружи. Видиши ли вышатаго, или престарѣлаго, или больнаго, на Божественныя надежды послатаго, воспой себѣ пѣсенку сію Соломоновскую: „блага ярость паче смѣха, яко въ злбномъ лицѣ ублажается сердце“. Видиши ли разслабленнаго парализемъ, бѣгай печальнаго, ревнистаго и яростнаго сердца. Убѣжиши, аще не будещи завистливъ. Сотрещи главу завистному зміеву, аще будещи за малое благодаренъ и уповающій на Бога живаго. Видиши ли ни драгую, ни сластную, но здравую пищу, воспой: „блага ярость паче смѣха“. Видиши ли кнѣжку, не имущую опрятныхъ словъ, но духа Святаго исполненну, воспой: „блага ярость паче смѣха“. Слышиши совѣтъ, словеснымъ медомъ умащенный, но со утаеннымъ внутрь ядомъ, воспой: „блага ярость паче смѣха. Елей грѣшнаго да не намаститъ главы моея“. Видиши ли убогій домикъ, но невинный и спокойный и безпечный, воспой: „блага ярость паче смѣха...“ Симъ образомъ читай, сыне, мірскую книгу и имѣти будещи купно утѣшеніе и спасеніе. Блаженъ разумѣваяй вину всякаго дѣла! Сердце человѣческое измѣняетъ лице его на добро или на зло. О, милыи мои гости! Наскучилъ я вамъ моимъ многорѣчіемъ. Простите мнѣ. Се столъ уже готовъ: прошу садиться безразборно. Прощу паки простить мнѣ, что и трапеза моя пища (?) ⁷⁶⁰) и созвалъ васъ на убогій пиръ мой въ день безразличный.“—Гости всѣ, воспѣли притчу оную: „что у друга вода есть слаже вражескаго меда.“ — „Какъ же въ день безразличный?“ сказала Алаудинъ братъ Адоній ⁷⁶¹). Ахъ! доброму чловѣкови всякій день праздникъ, беззаконнику же—ни великъ день... Аще всему міру главою и источникомъ есть сердце, не корень ли и празднику? Празднику матеръ есть не время, но чистое сердце. Оно господинъ есть и субботѣ. О, чистое сердце! Ты во истину не боишся ни молніи, ни грому. Ты еси Божіе, а Богъ есть тебѣ твой. Ты ему, а онъ тебѣ есть другъ. Оно Тебѣ, Боже моей, жертвою, ты же ему. Вы двое есте и есте едино. О, сердце чисто! Ты новыи вѣкъ, вѣчная весна, благовидное небо, обѣтованная земля, рай умный, веселіе, тишина, покой Божій, суббота и великій день Пасхи. Ты насъ посѣтило, съ высокихъ обителей свѣтлаго востока, изшедъ отъ солнца, яко женихъ отъ чертога своего. Слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ твой! Сей день Господень: воз-

⁷⁶⁰) У Д. И. Багалѣя „пища“. Въмѣсто слова „пища“—вѣроятно нужно читать—„нища“, т. е. плохая.

Прим. ред.

⁷⁶¹) Адоній, елин. значитъ пѣвца; ода—пѣсня.

Прим. Г. С. Сковороды.

радуемся и возвеселимся братіе!“ „О, возлюбленный брате мой!—воскликнул Алауда. Медомъ каплютъ уста твоя. Воистину ничто же благо, томко сердце чисто, зерно, прорастившее небеса и землю, зеркало, вмѣщающее въ себѣ и живопишущее всю тварь вѣчными красками, твердь, утвердившая мудростію своею чудная небеса, рука, содержащая горстію кругъ земный и прахъ нашея плоти. Что бо есть дивнѣе памяти, вѣчно весь міръ образующія, сѣмена всѣхъ тварей въ нѣдрахъ своихъ хранящія вѣчно, зрящія единымъ окомъ, прошедшая и будущая дѣла, аки настоящая? Скажите мнѣ, гости мои, что ли есть память? Молчите? Я жъ вамъ скажу. Не я же, но благодать Божія во мнѣ. Память есть не дремлющее сердечное око, призирающее всю тварь, незаходимое солнце, просвѣщающее вселенную. О, память утренняя яко нетлѣнная крила! Тобою сердце возлѣтаетъ во высоту, во глубину, въ широту, безконечно, быстрѣе молніи сторично. „Возьму крилѣ мои рано съ Давидомъ...“ Что ли есть память? Есть беззабвеніе. Забвеніе еллинами глаголется лиѳа, беззабвеніе же алиѳа, алиѳа же есть истина. Кая истина? Се сія истина Господня: „Азъ есмь путь, истина и животь.“ Христосъ Господь Богъ нашъ, Ему же слава во вѣки аминь.

По семъ Алауда благодарственною молитвою благословилъ трапезу и всѣ возсѣли. При трапезѣ не была критика, осуждающая чуждую жизнь и приницающая въ тайныя закоулки людскихъ беззаконій. Бесѣда была о дружбѣ, о чистотѣ и спокойствіи сердечномъ, о истинномъ блаженствѣ, о твердой надеждѣ, улаждающей всѣ житейскія горести. Въ срединѣ трапезы объяснялъ Адоній сіе слово: „блажени нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное“. Не на лица, говорилъ онъ, ядуши со сладостію бобы, зрять Богъ. Человѣкъ зрять на лице, а Богъ зрять на сердце... Не тотъ нищъ есть, кто не имѣетъ, но тотъ, кто по уши въ богатствѣ ходитъ, но не прилагаетъ къ нему сердца, сирѣчь, на оное не надѣется; готовъ всегда, аще Господеви угодно, лишитися съ равнодушіемъ. И сіе то значитъ: „нищія духомъ“. Сердце чистое и духъ вѣры есть тожде. Кая польза тебѣ въ полныхъ твоихъ закромахъ, аще душа твоя алчетъ и жаждетъ? Наполни бездну, насыти прежде душу твою. Аще же она алчетъ, нѣси блаженный оный Евангельскій нищій, хотя и богатъ еси у человѣкъ, но не у Бога, хотя и нищій еси у человѣкъ, но не у Бога. Безъ Бога же и нищета и богатство есть окаянное. Нѣсть же бѣдственнѣе, какъ нищета средь богатства, и нѣсть блаженнѣе, какъ средь нищеты богатство. Аще міръ весь приобрѣлъ еси и еще алчещи, о, средѣ богатства страждеши нищету во пламенѣ твоихъ похотѣній! Аще ничто же имаши въ міръ семъ, кромѣ самонужныхъ твоихъ, и благодаренъ еси Господеви твоему, уповая на него, не на сокровища твоя, воспѣвая съ Авваумомъ: праведникъ отъ

вѣры живѣ будетъ, о, воистину нищета твоя есть богатѣйшая царей. Нищета, обрѣтшая нужное, презрѣвшая лишнее, есть истинное богатство и блаженная оная среда, аки мость между блатомъ и блатомъ, между скудостію и лишностію. Что бо есть система міра сего, аще не храмъ Божій и домъ Его? Въ немъ нищета живетъ и священствуетъ. Приноситъ милость мира, жертву хваленія. Довольствуется аки чадо подаваемымъ себѣ отъ Отца Небеснаго, завися отъ промысла его и вселенскія экономіи. И сіе то значить: „яко тѣхъ есть царство небесное“. Сіе есть, они знаютъ промыслъ Божій и на оный надѣются. Сего ради нищета нарицается убожествомъ или, яко аки чадо, живетъ въ домѣ у Бога, или того ради, яко все свое имѣетъ, не во своихъ рукахъ, но у Бога. Не тако нечестивый, не тако, но яко прахъ отъ вихра, тако зависятъ отъ самихъ себе, обожаютъ сокровища своя, уповаютъ на собранія своя, дондеже постыдятся о идолѣхъ своихъ. Сего ради нарицаются богатые, яко сами себѣ суть живыи боги. „Возлюбленный друже и брате мой, сказалъ тогда Алауда, вкусно ты вкушалъ у насъ бобы. Но не безъ вкуса разжевалъ ты намъ и слово Христово. Насыщая тѣло, еще лучше мы насытили сердце. Аще же оно гладно, суетна есть самая сладкая пища. Прошу же еще покушать рѣпы послѣ капусты и послѣ бобовъ. Увѣнчаетъ же трапезу нашу ячменная съ масломъ кутія.“ Въ концѣ трапезы началъ пироначальникъ прищучивать, а гости смѣяться. Адоній, пособляя брату, забавно повѣствовалъ, коимъ образомъ древле Божія дѣва истина первый разъ пришла къ нимъ во Украину. Такъ называется страна ихъ. Первый, де, встрѣтилъ ее, близъ дому своего, старикъ Маной и жена его Каска. Маной узрѣвъ спросилъ суровымъ лицомъ: кое имя твое, о, жено? Имя мое есть, Астрая ⁷⁶²⁾, отвѣчала дѣва. Кто ты еси? Откуда? И почто здѣ пришла еси? Возненавидѣвъ злобу мірскую, пришла къ вамъ водворитися, услышавъ, что во странѣ вашей царствуетъ благочестіе и дружба. Дѣва же была во убогомъ одѣянніи, препоясанна, волосы въ пучкѣ, а въ рукахъ жезлъ. А! а! Не имали здѣ пребывальнаго града, воскликнулъ со гнѣвомъ старецъ. Сія страна нѣсть прибѣжище блудностямъ. Видь твой и одѣянніе обличаетъ тебе быти блудницу. Дѣва сему смѣялася, а старикъ возгорѣлся. Увидѣвъ же, что Каска вынесла на стрѣчу чистый хлѣбъ на деревяномъ блюдѣ во знаменіе страннопріимства, советѣмъ возбѣсилъ. Что ты дѣлаешь, безумная въ женахъ? Не вѣдая, коего духа есть странница сія, спѣшишь страннопріятствовать. Возри на видъ и на одѣянніе ея и просясь! Каска возсмѣялася и молчала. Дѣва же сказала: такъ не похвали челоуѣка въ красотѣ его и не буди тебѣ мерзокъ челоуѣкъ ви-

⁷⁶²⁾ Астраіа слово еллинское, значить звѣздная, сіе есть горяняя, лучезарная.

дѣвнѣмъ своимъ ⁷⁶³). Послѣ сихъ Божіихъ словъ старикъ нѣсколько усомнился. Нечаянно же урѣвъ на главѣ ея вѣнецъ лучезарный и Божества свѣтомъ возсіявшіе очи, вельми удивился. Паче же ужаснулся тогда, когда дивный духъ, превосходящій оиміями, кринь ⁷⁶⁴) и розы, изшедшій изъ устъ дѣвичихъ, коснулся обоняніе его и усладилъ неизрѣченно. Тогда Маной отскочилъ воспяты, поклонился до землѣ и, лежаши ницъ, сказалъ: „госпоже! Аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, не мни мене раба твоего“... Старица, оставивъ лежащаго старца, повела дѣву въ горницу. Омыла ей по обычаю ноги ⁷⁶⁵) и масломъ главу помазала. Тогда вся горница Божественнаго исполнилася благоуханія. Маной, вскочивъ въ горницу, лобызалъ ей руки. Хотѣлъ лобызать и ноги, но дѣва не допустила. „Едину имѣю гуску, закричалъ старикъ, и тую для тебе на обѣдъ зарѣжу“. Дѣва, смотря въ окно, усмѣхалася, видя что старина, господарь и господарка новою формою ловлять гуску. Они бѣгали, шаталися, падали и сварилися. Дѣвѣ смѣшнымъ показалось, что старикъ преткнулся о старуху и покатился. Что ты? Ты выстарѣлъ умъ, что-ли? А у тебе его и не бывало, сказалъ вставая старикъ. Гостья, выскочивъ изъ горницы, сказала, что я прочь иду, если не оставите гуски съ покоемъ. На семь договорѣ вошли всѣ въ горницу. вмѣсто обѣтованныя гуски въ саду, въ простой бесѣдкѣ, приняли и учествовали Небесную гостью и Божественную странницу ячницею и ячменною съ масломъ кутією. Отъ того времени даже доселѣ ячменная кутія нашей сторонѣ есть во обычаѣ.“ Въ семь мѣствъ встали изъ за стола всѣ гости. Алауда же благодарилъ Богу такъ: „очи всѣхъ на Тя уповаютъ и Ты даеши имъ пищу во благо время. Богатая десница Твоя въ сытость и насъ убогихъ Твоихъ исполняетъ Твоего благоволенія, Христе Боже. Буди благословенъ со Отцемъ Твоимъ и Святымъ Духомъ во вѣки!“ Гости всѣ возшумѣли: „Аминь!“ Адоній продолжалъ повѣсть, что Астрая во странѣ ихъ жила уединенно, Маноя и Каску паче прочихъ любила, посѣщала и шутила, дондеже преселилася въ небесныя обители. Алауда пить и пѣть побуждалъ. Онъ наполнялъ стаканище крѣпкаго меда. Да царствуетъ Астрая! Да процвѣтаетъ дружба! Да увидаетъ вражда!

⁷⁶³) Сіе слово есть Сираховское. Оно тотъ же имѣетъ вкусъ со Христовымъ онымъ: „не на лица зряще судите“, и съ онымъ Самуила Пророка, пришедшаго помазать на царство „всѣхъ братій своихъ меньшаго Давида“. Человѣкъ зреть на лице, а Богъ зреть на сердце. *Прим. Г. С. Сковороды.*

⁷⁶⁴) Кринь слово еллинское, римски лилія, крина, кринь сельныя, то есть дикія полевныя. *Прим. Г. С. Сковороды.*

⁷⁶⁵) Этотъ обычай и до сего времени сохраняется въ старинныхъ особо благочестивыхъ семьяхъ русскихъ духовныхъ христіанъ—израильтянъ.

Сіе возгласивъ, изпразднилъ стаканъ. Прочіи послѣдовали. Они пили вѣрпкій медъ, хмѣльное пиво и питье или сикеру ⁷⁶⁶⁾ называемую въ Малороссіи головичникъ, дѣти же воду и квасъ. Изъ гостей большая часть была сродна къ пѣнію. Адоній раздѣлилъ пѣвцовъ на два крила или хоры—на хоръ вопросный и на хоръ отвѣтный, придавъ къ обоимъ по нѣскольку свирѣльщикова. Они первѣе раздѣльно, потомъ спѣвали ликъ совокупши. Пѣснь была такова:

Пѣснь Рождеству Христову, о нищетѣ его.

Изъ Соломонова зерна: „блага ярость паче смѣха, яко въ злобѣ лица ублажится сердце ⁷⁶⁷⁾“.

Изъ Христова: „горе вамъ смѣющимся нынѣ“, тое сть снаружи

Изъ Іереміина: „въ тайнѣ восплачется душа ваша.

В. Пастыри мии!

Гдѣ вы днесь были?

Гдѣ вы бывали?

Что вы видали?

От. Грядемъ днесь изъ Виедеема,

Изъ града уничиженна,

Но днесь блаженна.

В. Кое жъ оттуду несете чудо?

И намъ прорцыте,

Благовѣстите.

От. Видѣли мы вновь рожденно

Отроча свято, блаженно,

Владыку всѣмъ намъ.

В. Кія палаты имѣетъ Тое,

Ахъ! всеблаженно Чадо Царское?

От. Вертепъ выбить подъ скалою

И то простою рукою.

Се чертогъ Его!

В. Мягка постель ли?

Въ красномъ ли ложи

Сей почиваетъ чудный Сынъ Божій?

⁷⁶⁶⁾ Сікера есть слово еллиское, значить всякое питье, упоевающее, пьяное или хмѣльное, кромѣ одинаго грозднаго вина, хлѣбное же (называетъ вино въ томъ же всеродномъ имени заключается, сего ради пишется: вина ■ сікеры не имать пити.

⁷⁶⁷⁾ Экклесіастъ.

Прим. Г. С. Сковороды.

Прим. Г. С. Сковороды

- От. Въ ясляхъ Мати кладеть траву,
Ту жъ перину и подъ главу.
Се Царска кровать!
- В. Кія тамъ слуги отъ домочадцовъ
Имѣеть тое милое Чадцо?
- От. Овцы и мулы съ ослами,
Волю и кони съ козлами.
Се домочадцы!
- В. Кую же той домъ вкушаетъ пищу?
Развѣ имѣеть трапезу нищу?
- От. Пища въ зелѣ, въ млекѣ, въ зернѣ.
Се столь ранній и вечерній,
Въ томъ чудномъ домѣ.
- В. Музыка тамъ ли модна и лестна
Увеселяеть Царя Небесна?
- От. Пастырскій сонмъ на свирѣлкахъ,
Хвалять Его на сопѣлкахъ
Препростымъ хоромъ.
- В. Кія же ризы? Мню, златотканны
У сего Сына Маріи Панны.
- От. Баволна ⁷⁶⁸⁾ и ленъ и волна;
Симъ нищета предовольна
Въ наготѣ своей.
- Лики поютъ совокупно:
О, нището! Блаженна, Святая!
Дверь ⁷⁶⁹⁾ намъ отверзи твоего роя.
Кій бѣсъ сердце укралъ наше?
Кій насъ мракъ ослѣпилъ
Даже чуждатись Тебе!
О, нището! О, даре Небесный!
Любить тебе всякъ мужъ святъ и честный.
Кто съ тобою раздружился,
Тотъ въ ночи токмо родился,
Нѣсть сугубый мужъ.
Міръ сей являеть видъ благолѣпный,
Но въ немъ таится червь неусыпный.

⁷⁶⁸⁾ Баволна значить отъ древа рожденная волна; это есть слово нѣмецкое баумъ-волле; баумъ—дерево, волле—волна. *Прим. Г. С. Сковороды.*

⁷⁶⁹⁾ Отверзи на дверь.

Прим. Г. С. Сковороды.

Се пещера убога
 Таить блаженнаго Бога
 Въ блаженномъ сердцѣ.
 Ахъ! блага ярость есть паче смѣха,
 Яко въ лицѣ зломъ тайна утѣха,
 Се бо нищета святая
 Извнѣ яра внутрѣ златая
 Во мирной душѣ.
 Горе ти міре! Смѣхъ внѣ являешъ,
 Внутрѣ же душею тайно рыдаешъ.
 Украсился ты углами,
 Но облился ты слезами,
 Въ нутрѣ день и ночь.
 Зависть, печаль, страхъ, несыта жажда,
 Ревность, мятежъ, скорбь, тяжба и вражда
 День и ночь тя опаляютъ,
 Какъ сіонскій градъ плѣвняютъ
 Душевный твой домъ.
 Возвеселимся, а не смутимся!
 Днесъ непрестанне всѣ христіане!
 Тамъ, гдѣ Богъ нашъ намъ родися
 И пеленами повися,
 Хвала день и ночь. ⁷⁷⁰⁾

⁷⁷⁰⁾ „Убогій Жайворонокъ“, былъ ранѣе напечатанъ, помимо Вагалъевскаго изданія, въ изданіи И. Т. Лисенкова въ 1861 г. въ книжкѣ „Сочиненія въ стихахъ и прозѣ Григорія Савича Сковороды“. (Спб.). (См. стр. 139—167), а также въ отдѣльномъ изданіи Московскаго Попечительнаго Комитета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества въ 1837 г., подъ заглавіемъ: „Убогій жайворонокъ. Притча Г. С. Сковороды“.

| Діалогъ. Имя ему: Потопъ Зміннъ. ⁷⁷¹⁾ л. 1.

бесѣдуютъ Душа и Нетлѣнный Духъ.

1791 года, Авг. 16.

Любевны Друже

Михаиле!

Древній Монахъ Эпіратусъ, всѣ свои забавныя писульки приносилъ въ даръ другу и господину своему, патриарху Софронію, а я приношу тебѣ.

Ты мнѣ въ другѣ господинъ, а въ господинѣ—другъ.

Я сію книжечку написалъ въ Бурлукѣ, забавляя праздность. Она украдена. Но я, напавъ на списокъ, исправилъ, умножилъ и кончилъ.

Потопъ Зміннъ, Ноевъ, Божій и Библиа, есть тоже.

Аще она море: како и не потопъ? Взгляньте на Назонову картину Потопну.

Nat Lupus int' Oves...

---

⁷⁷¹⁾ Подлинникъ этой рукописи Г. С. Сковороды хранится въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ и значится по описи рукописнаго отдѣленія этого музея подъ № 1488, т. IV. Рукопись эта входитъ въ извѣстное собраніе рукописей Г. С. Сковороды, ранѣе принадлежавшее другу его М. И. Ковалинскому. Въ Сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго Отдѣленія Библиотеки Императорской Академіи Наукъ хранится фотографическій снимокъ съ этого подлинника, который значится по описи: „Сект. 2860“. Эта работа Г. С. Сковороды набиралась по рукописной копій, сдѣланной по порученію Д. И. Багалъя. Въ этой копій переписчикомъ были сдѣланы значительныя пропуски (напримѣръ, нѣтъ всего письма Сковороды къ его другу Ковалинскому, находящемуся въ началѣ рукописи). Корректурa нами дважды прочитана по фотографической копій рукописи „Потопъ Зміннъ“. Сохранилось еще нѣсколько списковъ этой рукописи Г. С. Сковороды, о которыхъ мы даемъ свѣдѣнія въ особой замѣткѣ послѣ текста рукописи.

Не въ семь ли Морѣ обуреваются вся Вселенна?

Ей въ семь! Ей вся! „Погрязоша яко олово во водѣ...“ Единъ мой Израиль сію пучину прелѣтая преходить. Единъ онъ удовлетъ жалостку ревность Варухову.

„Кто преиде на ону страну моря и обрѣте премудрость?

Что есть Библиа, аще не мырѣ? Что есть мырѣ, аще не ідолъ Деиркій? Что есть златая глава ему, аще не сонце? Что есть сонце, аще не огненное море?

л. 2. | Не оно ли заступило нашу намъ гавань тую:

„Се сей стойтъ за стѣною нашею и глаголетъ: Лицемяре! почто усумнѣлся еси?“

Не всѣ ли не преплывши, мучатся въ огненной безднѣ? Не всѣ ли блеютъ о пеклѣ? И кто уразумѣлъ пекло? Не смѣшно ли, что всѣ въ пеклѣ, а боятся, чтобъ не попасть?

Вотъ точна Сѣнксъ! мучащая на рѣшившихъ гадація.

„Возволнуются и почити не возмогутъ.“ „Ходите во пламенѣ огня вашего.“

А мой Ной радугу видигъ и потоць прекращается. Что есть прекрасна радуга? Не радость ли есть радуга? Не сонце ли зрять свой образъ, во зеркаль водѣ облачныхъ? Не сонце ли зрять на сонце? На второе свое сонце?

На образъ образуемый? на радость и на миръ твердый? Не туда ли зрять сей вождь нашъ? не туда ли Волхвы ведеть?

Останься-жь, сонце и луна! Прощай, огненная бездно! ^{772а}).

Мы сотворимъ свѣтъ получшій. Созиждемъ день веселѣйшій.

Да будетъ свѣтъ! и се бысть свѣтъ! Да станетъ сонце и луна!

Да станетъ и утвердится! Да свѣтитъ во вѣки вѣковъ!

И се ста сонце и луна! Новая луна и сонце. Отъ Бога божественное. Воспой же, о, Исаіе! Воспой намъ пѣснь побѣдную. Се Израиль преиде море!

Не зайдетъ бо сонце тебѣ.

И, луна не оскудѣетъ.

Будетъ Господь тебѣ свѣтъ твой.

И совершатся дни твои,

Дни рыданія твоего.

Воспою жъ и я съ тобою, любезный мой Исаіе:

„Дугу мою полагаю во Облацѣ.“

Сіе есть:

Миръ утверждаю внутри себе.

^{772а}) Прости, западное сонце! Мы сотворимъ и протчая. *Прим. Г. С. Сковорода.*

*

Сонце всю тварь презираеть.
 Взоръ дугою утѣшаетъ.
 Бездно сердце, о, проснися!
 Будь себѣ другъ, и влюбися.

Весь тогда потопъ ищезнетъ. Радуга же вѣчна блеснетъ.
 Въ разъ отрешь твои всѣ слезы. Внутри всѣ упокоишь стезы.
 Само будь себѣ дугою. И расстанешься съ тугою.
 Се тварь вся не насыщаетъ! Бездна бездну удовлетяетъ.
 Пустынникъ Григ. Баръ-Сава Сковорода Д. Меингардъ.

*

„Insuperabili Loco stat Anima, qui extra deseruit.
 „Nunc majore, qua ubi Aliena deposuit, et fecit sibi Pace, Nil timen-
 do...“ Seneca. Epist. 79.

Сіе есть тоже:

„Разумливъ праведникъ себѣ другъ будетъ.“

| ГЛАВА I-я.

л. 8.

Притча.

Слѣпый и Очитый.

Два Пришелцы вошли въ Храмъ Соломоновъ: Одинъ Слѣпый, другой Очитый. Слѣпый, безъ ползы возводилъ очи, и водилъ вѣжды свои по стѣнамъ храма. А очитый, видя стѣнь, представляющую чело-вѣка, звѣри, птицы, горы, рѣки, лѣсы, поля, цвѣты, солнце, звѣзды и драгоценныя камни, и приводя во всемъ, безизмѣнную мѣру, называемую живописцами рисунокъ, ненасытно забавлялся веселостю. Паче же, любопытною зѣницею прозиралъ онъ, семилампадный свѣщникъ и сѣнь херувимовъ. Я не вижу веселости въ семъ храмѣ, сказалъ Слѣпый... О бѣдны! вскричалъ Очитый. Пойди домой! и вырой зѣницы твои, погребенныя въ мѣху твоемъ. Принеси оныя сюда. Въ то время обновится тебѣ храмъ сей и почувствуешь, улаждающее тебе твое блаженство.

ГЛАВА 2-я.

Диалогъ или разглаголь.

Особы въ разглаголь: Душа.— Нетлѣнный Духъ.

Всякая невкусность даетъ для мене питательный сокъ, если только благоволишь, о, нетлѣнный Духъ. Скажи мнѣ, что значить: два при-шелцы?

Духъ. Всякъ рожденный есть въ мырѣ семь пришелецъ, слѣпый, или просвѣщенный. Не прекрасный ли храмъ, премудраго Бога: мырѣ сей? Суть же три мыры. Первый есть всеобщій и мырѣ обительный, гдѣ все рожденное обитаетъ. Сей составленъ изъ безчисленныхъ мырѣ мыровъ и есть великій мырѣ. Други два суть частныя и малыя мыры. Первый микро-космъ: сирѣчь—мырикъ, мирокъ, или человекъ. Второй Мырѣ символичный, сирѣчь Библиа. Во обительномъ коемъ либо

л. 4. | мырѣ солнце есть окомя его; и око убо есть солнцемъ. А какъ солнце есть глава мыра, тогда не дивно, что человекъ названъ микрокосмъ, сирѣчь маленький мырѣ. А Библиа есть символичный мырѣ, затѣмъ, что въ ней собранныя небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ тварей фигуры, дабы они были монументами ведущими мысль нашу въ понятіе вѣчныя Натуры, утаенныя въ тѣлной, такъ какъ рисунокъ въ краскахъ своихъ.

Душа. Что значить вырыть погребенныя въ мѣху зѣницы?

Духъ. Начало вѣчнаго чувства зависить оттуду, дабы прежде узнать самага себе, прозрѣть таящуюся въ тѣлѣ своемъ вѣчность; и будто искру въ пепелѣ своемъ вырыть. Сія искра протчія мыры, и сія мысленная зѣница провидитъ въ нихъ вѣчность.

Душа. Развѣ вѣчность и Богъ есть тоже?

Духъ. Конечно. Вѣчность есть твердь, вездѣ всегда во всемъ твердо стоящая, и всю тѣлнѣ, какъ одежду носящая, всякаго раздѣленія и осязанія чуждая. Она-то есть Истина и нетѣлнѣ. Видишь, что свѣтъ премудрости тогда входитъ въ душу, когда человекъ два естества познаваетъ: тѣлное и вѣчное. А о неразумѣющихъ есть половица: „Двоихъ нащитать не умѣеть“.

Душа. Но скажи мнѣ, какъ полза, видѣтъ вездѣ два естества, а не одно? И кое въ семь утѣшеніе?

Духъ. Сіе изобразу тебѣ подобіемъ. Прехитрый живописецъ написалъ на стѣнѣ оленя и павлина весьма живо. Сими образами сынъ его младенецъ несказанно веселился. И старшій сынъ взиралъ со удивленіемъ. Живописецъ современемъ отеръ краски и животины съ виду л. 5. ищезли. О семь мальчикъ | рыдалъ неутѣшно, а старшій смѣялся... Теперь скажи мнѣ вину смѣха и рыданія?

Душа. О! не могу сказать, но отъ тебе слышать жажду.

Духъ. Конечно мальчикъ думаетъ, что погибли животины, того ради плачетъ.

Душа. Какъ же не погибли, если ищезли?

Духъ. Ахъ! не называй краску образомъ. Она есть одна точю тѣлнѣ во образѣ, а сила и сердце есть рисунокъ, сирѣчь невещественная мысль и тайная начертанія, до коихъ то пристаешь, то отстаешь краска, такъ какъ тѣни къ яблонѣ своей, и краска есть какъ плоть, а рисунокъ, какъ кость въ тѣлѣ. Сего ради не разумѣющей рисунка не

приложить краски. Сіе старшій понимаетъ и смѣется. Самыи точныи образы еще прежде явленія своего на стѣнѣ, всегда были во умѣ живописцу. Они не родились и не погибли. А краски, то прильнувъ ко онымъ представляютъ оныя во вещественномъ видѣ, то отставъ отъ нихъ, уносятъ изъ виду видъ ихъ, но не уносятъ вѣчнаго бытія ихъ, такъ какъ исчезающая тѣнь отъ яблони, не рунитъ яблоню. И тогда-то бываетъ прямая піктура, когда она согласна съ вѣчною сущихъ образовъ мѣрою, а со свойствомъ ихъ согласны суть краски.

Душа. Вѣрую, что слово твое не ложное, но для мене нѣсколько темно.

Духъ. Внемли же второму подобію! Напиши цѣруль. Здѣлай изъ дерева или вылѣпи его изъ глины. Потомъ опять его затри, а протчія разори... Теперь скажи мнѣ: погибъ ли Цѣруль?..

Душа. Погибъ писанный, деревянный и глиняный...

Духъ. Правъ судъ твой! Погибъ видно видимый, но невещественный и сущій цѣруль нетлѣнень пребываетъ въ сокровищахъ ума. Сей, какъ не созданы, такъ и | разорится не можетъ. Вещественныи л. 6. же цѣрулы, не цѣрулы суть, но прямѣе сказать ложная тѣнь есть и одежда цѣрулу истинному.

Душа. Къ чему же твоя рѣчь течетъ?

Духъ. Къ тому, чтобъ понять во всемъ два естества: Божіе и вещественное.

Душа. А сіе понятіе куда выходитъ?

Духъ. Туда, что не можетъ ничтоже погибнуть, а только тѣнь свою теряетъ.

Душа. Что же далѣе изъ сего слѣдуетъ?

Духъ. Ничего! Кромѣ неустрашимость, благодущіе, упованіе, куражь, веселіе и благовидное ведро, того сердечнаго мира, который у Павла, всякъ умъ превосходящимъ нарицается. Разсуждай о тлѣ твоёмъ тоже, что о помянутыхъ образахъ и цѣрулѣ. Щитай все мырское естество краскою. Но вѣчная мѣра и присносущныи руки Божія, яко же кости прильнувшую къ нимъ плоть, всю стѣнь поддерживаютъ, пребывая во всемъ Главою, а сверхъ непостоянныя своя сѣни, древомъ вѣчныи жизни. Не на подлѣя видно кости и руки смотритъ Библиа словомъ симъ: „Кость не сокрушится отъ него“. „Не бойся, Іакове!“ „Се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя!...“ И догадался древній Платонъ, когда сказалъ: „Θεος Γεωμετρει“ — „Богъ землемѣритъ.“ Не будь, душа моя, изъ числа тѣхъ, кои вещество за точность почитаютъ. Они не исповѣдуютъ естества Божія. Отнимаютъ силу и честь, бытіе и славу невещественному, и благому Духу, а вмѣсто его воздаютъ мертвымъ и грубымъ стихіямъ. Сіе-то значить: осудить и приговорить ко смерти начальника вѣчныи жизни, и всеобщаго всякія твари живодавца. Бога видно убить нельзя. Но нечестивую мысль

ихъ, правда Божія въ дѣло ставить. Тогда отняли отъ Бога жизнь и силу, какъ только присудили ее тлѣннѣю. И тогда же отдали тлѣнности жизнь, какъ только отняли ее отъ Бога. Вотъ судъ! воцарившій раба вмѣсто господина, испросившій себѣ разбойника Варавву. Сіе отцеубійцы, и слѣпыи стѣнъ осязатели, называются у Платона подлостью, во мрачномъ рвѣ и Адѣ сидящею, одну темную тѣнь видящею, и ничего за сущую истину не почитающею, развѣ одно тое, что ощупать, и въ кулакъ схватить могутъ. Сей есть источникъ безбожія и сердечному граду разоренія. Ползущая сія и ядущая землю подлость, прилѣпився ко брѣннѣю, стала и сама грязью и возметаемымъ отъ вихра прахомъ. Прилѣпившій же сердца свое Господеви суть единого съ нимъ Духа и хвалятся со Исаіею: „Божій есмь“. „Путь благочестивыхъ правъ.“ „Не падемся! Но падутся все живущія на землѣ.“ Все три мыры состоятъ изъ двоихъ, едино составляющихъ естествъ, называемыхъ, матерія и форма. Сіи формы у Платона называются Идеи: сирѣчь видѣнія, виды, образы. Они суть первородныи мыры нерукотворенныя, тайныя веревки, преходящую сѣнь или матерію содержащія. Во великомъ и въ маломъ мырѣ, вещественный видъ даетъ знать о утаенныхъ подъ нимъ формахъ, или вѣчныхъ образахъ. Такжеже и въ Символичномъ, или Библичномъ мырѣ, собраніе тварей составляютъ матерію. Но Божіе естество куда знаменіемъ своимъ ведетъ тварь, есть форма. Убо и въ семъ мырѣ есть матерія и форма, сирѣчь, плоть и духъ, стѣнъ и истина, смерть и жизнь. Напримѣръ: Солнечная фигура есть матерія или стѣнъ. Но понеже она значить положившаго въ сонцѣ селеніе свое, того ради вторая мысль есть форма и духъ. Будь-то второе въ сонцѣ сонце. Какъ изъ двоихъ цвѣтовъ два духи, такъ изъ двоихъ естествъ двѣ мысли, и два сердца: тлѣнное и нетлѣнное, чистое и нечистое, мертвое и живое... О Душа моя! можно ли намъ въ семъ похвалиться и воспѣть: „Христово благоуханіе есмь?..“

Душа. О, Душе мой! Блаженна тая Душа!.. По крайней же мѣрѣ можемъ о насъ сказать: „Въ волю Мура твоего течемъ“. Наконецъ научи мя, что значить седмилампадный свѣтилникъ?

Духъ. Значить седмицу бытейскую, въ которой весь символическій мыръ созданъ.

Душа. Что такое слышу? Ты мнѣ наказывалъ чудное и безвѣстное.

Духъ. Уже сказано, что солнечная фигура есть матерія и стѣнъ. Седмь дней и седмь сонцовъ. Въ каждомъ же сонцѣ есть зѣница: второе прекрасное сонушко. Сіи сонушки изъ своихъ стѣней, блистають вѣчности свѣтомъ, такъ какъ горящій елей сіяетъ изъ лампады своихъ.

Душа. О, божественное! О, любезное! О, сладчайшее сонушко! Еще скажи мнѣ: что-то есмь херувимы?

Духъ. Седмица и херувимы: то есть колесницы и престолы — тоже.

| Душа. О Херувимахъ. Почему же они престолы?

л. 8.

Духъ. Солнце есть храмъ и чертогъ. Вѣчнаго, а въ горницахъ тутже стулья, гдѣ субботствуетъ. Колесница тоже, есть она домъ ходящій. Видь сонце есть огненный шаръ и никогда не стоитъ, а шаръ состоитъ изъ многихъ цѣркульовъ, будьто изъ колесъ. Убо сонце не точію есть чертогъ и вѣчно-бродящая авраамская скинія, но и колесница, служащая нетлѣвному нашему Или, могущая возить вѣчное наше сонушко. Сія сонечныя субботы, сирѣчь чертоги и покои Вѣчнаго, называются тоже седмицею корозъ или юницъ; и седмицею пшеничныхъ колосовъ, а у Захаріи седмицею очей. Слѣпныя и гадательныя сія очи, сидящій на херувимахъ отверзааетъ тогда, когда изъ внутренностей ихъ вѣчныя зѣницы, какъ изъ сонцевъ сонушки, нетлѣннымъ воскресенія свѣтомъ блистать начинаютъ.

Душа. Протчее: херувимска сѣнь, что-ли она есть?

Духъ. Сѣнь, тѣнь, краска, абрисъ, руга, маска, таящая за собою форму свою, идею свою, рисунокъ свой, вѣчность свою, все тое есть херувимъ и сѣнь купно то-есть мертвая виѣшность.

Душа. На что Іезекіиль приправилъ имъ всѣмъ крила, дабы сверхъ орловъ быти и кравы по поднебесной лѣтали?

Духъ. На то, дабы возлѣтали ко единому началу, сирѣчь къ Сонушку. Онъ не приправилъ, но провидѣлъ, что они всѣ крилатыи.

Душа. Что значить крила?

Духъ. Вторыя и вѣчныя мысли, прелѣтающыя отъ смерти въ животь, отъ матеріи къ формѣ. Вотъ тебѣ Пасха, сирѣчь переходъ. О, душа моя! Можешь ли отъ мертвыхъ тварей и отъ сѣни херувимскія перебраться къ Господу твоему, и ко осуществляющей тебе формѣ твоей? „Крѣпка яко смерть любовь“. „Крила ея, крила огня“.

Душа. О, Отче мой! Трудно вырвать сердце изъ клейкія стіхійныя грязи. Ахъ, трудно! Я видѣла написанъ образъ крилатаго юноши. Онъ пылится летѣтъ въ Горняя, но нога прикованна цепью къ земному шару, мѣшаетъ. Сей образъ, мой образъ. Не могу, а только желаю. „Кто дастъ мнѣ криль?..“ для облегченія, Отче мой небесный; горести моя улаждающаго—продолжай бесѣду. Открой мнѣ: для чего Давидъ, желяетъ криль сихъ? Видь Ты сказалъ, что одни только сонцы херувимами.

Духъ. Сонце, есть Архитипосъ, ^{773a)} | сирѣчь первоначална и л. 9. главна фігура, а копія ея и вицефігуры суть безчисленныя, всю Библию исполнившія. Такая фігура называлась Антітупосъ (прообразъ, вицеобразъ), сирѣчь виѣсто главныя фігуры, поставленна иная. Но всѣ

773a) Архитупосъ. Архиобразъ.

они, какъ къ своему источнику, стекаются къ солнцу. Такія вицефігуры суть наримѣръ: Темница и Иосифъ; Коробочка и Моисей; Ровъ и Даниилъ; Авраимова Сѣнь и Гости; Ковчегъ и Ной; Колода и Иеремія; Море и Израиль; Даліда и Сампсонъ сирѣчь Сонушко; Кожа и Иовъ; Плоть и Христокъ; Пещера и Левъ; Китъ и Иона; Яслы и Младенецъ; Гробъ и Воскресшій; Вериги и Петръ; Кошница и Павелъ; Жена и Сѣмя; Голаеъ и Давидъ; Ева и Адамъ... Все сіе тоже есть, что Солнце и Сонушко; Змій и Богъ. Краснѣйшая всѣхъ и мати протчимъ есть фігура Сонечная. Она первая благословляется и освѣщается въ покой Богу. „Благослови Богъ день седмый“. По сей причинѣ, протчихъ тварей вицефігуры, въ силѣ ея поставляемыя, всѣ бытіе свое приѣмлютъ во дняхъ Свѣтлыя Седмицы, яко въ ней вся тварь раждается; сама же прежде всѣхъ созидается: „Да будетъ свѣтъ! и бысть свѣтъ“. Свѣтъ, утро, день, всегда около лучей, а лучи при сонцѣ. И такъ не давно, что Давидъ, находясь Херувимскою копіею, желяетъ криль: имѣя ту же силу и мысли со седмицею. „Помыслихъ, де, дни первыя, и лѣта вѣчная помянухъ и поучахся“. Всѣмъ тварямъ дасть толкъ и свѣтъ Свѣтлая Седмица. „Седьмъ сія очеса Господня суть призирающая на всю землю.“ Когда они слѣсны, тогда вся Библія есть тма и Содома. Отъ нея и Давидъ учится. Тамъ седьмъ сонцы, а у Давида очи. Сонце почивающаго въ Сонцѣ, на себѣ возить. И Давидъ тоже. „Терпя, де, потерпѣхъ“. „Поднимая подъяхъ“. „Вознесу тя, Господи, яко подъялъ мя еси“. Сонце есть заходящая стѣнь, но сила и бытіе его въ сонушкѣ своемъ. И Давидовы очи, есть ищезающій прахъ, но тѣнь ихъ востекаетъ туда, дабы ищезая преобразиться во вѣчную зѣницу, во вторый разумъ и въ животворящее слово Божіе. „Ищезоша очи мои во слово твое.“ Херувимъ есть и Захарія. И сей взираетъ на седмицу и то же, что она мыслить. „Лѣта вѣчная помянухъ... „Видѣхъ! воиетъ Захарія, и се свѣщникъ златъ весь!“ Куда кто смотритъ, туда и идетъ. Къ лѣтамъ вѣчнымъ! Туда ему путь! Къ свѣтлой седмицѣ лѣтитъ Орлими | крилами парить. А гдѣ его крила? Вотъ они! „Рече ко мнѣ Ангелъ глаголяй во мнѣ.“ Во внутренности крила его. Сердце его пернатое. „Крѣпва яко смерть любовь“. „Крила ея, крила огня...“

Херувимъ есть и Предтеча. „Бѣ свѣщникъ горяй и свѣтлый“ Бѣ—значитъ не то, что былъ, но то что здѣланъ и созданъ свѣтилиникомъ. Звѣзды прелестныя и лжеденницы, горять, но не свѣтятъ. Іоаннъ же истинная есть денница.

Душа. Пожалуй, Отче Небесный скажи! Что есть? что значить лжеденница? Горю и воспламеняюся знать?

Духъ. Лжеденницы суть тоже, что лже-херувимы.

Душа. Да гдѣ же они таковы? Я ихъ вовсе не понимаю. Открой!

Духъ. Любезный мой другъ, Іуда апостоль, той тебѣ да от-

кроеть. Вотъ тебѣ лже-херувимы! вотъ и лже-денницы! „Ангелы, не соблюдиши своего начала.“ Звѣзды прелестныя.“ „Тѣлесны, то есть душевны, или скотскіи,“ нетлѣннаго духа не имущи.“ Кратко сказать: заблудившии отъ свѣтлыя седмицы, яже есть гавань воѣмъ. И сіе-то значитъ: „не соблюдиши начала“. Богъ, Начало, Вѣчность, Свѣтъ, есть тожде. Сей свѣтъ освятилъ есть селеніе свое въ седмицѣ: седмица же, есть то главизна книжня. „Во Главизнѣ книжной, писанно есть о мнѣ“ говоритъ Христосъ. Начало и главизна тоже. Сюда-то мой Іуда блистаетъ словомъ симъ и „Ангелы, не соблюди(или) своего начала.“ „Звѣзды прелестныя: имже мракъ тмы во вѣки блюдется“. Вотъ низпадшии съ небесныя седмицы лучиферы! Денница римски—Лучиферь то есть, Свѣтоносець, или день за собою ведущій. Денница бо есть сонцу Прелитеча и предвѣстникъ дню. Взглянь! Се прекрасная тебѣ денница! „Во утріе видѣ Іоаннъ Іисуса грядуща къ себѣ и глагола: Се Агнецъ Божій!“ Гдѣ же твой день намъ, любезная наша деннице? Дай намъ! Видь ты не прелестная, во мракъ влюбившаяся звѣзда. Уже намъ ночь мерзка омерзѣла.

„Сей есть! по мнѣ грядеть Мужъ: иже предомною бысть“... И такъ сынъ Захаріянъ есть свѣтильникомъ или лампадою, горящій и озаряющій елей вмѣщающею и сотворенъ аки окомъ, внутрь зѣницу свою заключающимъ. У древнихъ свѣчою, лампадою и окомъ вселенныя называлося Солнце. „Не бѣ той свѣтъ, но да свидѣтельствуеть о свѣтѣ“. Вотъ тебѣ истинный, дщерь моя, херувимъ! И сего-то ради во храмахъ видишь образъ его крилатый.

Душа. О, дражайшій мой херувиме, Іоанне! Благодарю тя, Отче Небесный, за его. А Лука и Клеопа? Не херувимы ли? Я вчера во храмѣ слушала ихъ пѣтешествіе, и вельми услаждалася. Аще же херувимы, почему | знать, что херувимы? Я бы очень рада...

Духъ. Потому что идуть путемъ субботнымъ. Видно убо, что симъ путникаимъ на умѣ свѣтлая суббота седмица. Суббота имъ голоннымъ раздробляетъ хлѣбъ ихъ. Отверзаетъ омраченныя очи, правдивѣе же сказать: субботствующій въ сонцѣ и исходящій отъ чертога своего. „Онѣма же отверзостѣся очи.“ Сей женихъ воскрилилъ ихъ оними крилами: „крила ея, крила огня“. Далъ симъ невкуснымъ болванамъ пищу и вкусъ, но на пути и на разумѣ субботномъ основанный. А мои пѣшеходцы надѣвъ крила, и сотворився изъ ползущихъ и землю ядущихъ змievъ пернатыми орлами по Исаевскому слову сему: „Терпящии Господа обновлятъ силу, окрилатѣють яко орлы“, всерадостно воскликнули: „Не сердце ли наю горя бѣвъ наю: егда глаголаша нама на пути?“ Сирѣчь не воспламенилъ ли онъ насъ летѣть въ горняя, отъ смерти къ жизни, вдунувъ намъ вкусъ и свѣтъ Свѣтлыя Седмицы?...

Душа. Нынѣ я уразумѣла. Сонушко, какъ отъ пресвѣтлѣйшаго своего чертога, отъ гроба воссіявшее воскрилило ихъ, и отверзло имъ

очи ихъ, дабы сѣнь херувімска не почивала на пути грѣшныхъ, минуя всю тлѣнь, возвышалася бы ко единой свсей невидимой формѣ. „И той невидимъ бысть има.“

Духъ. О душа моя! Не одному Клеопѣ сія милость. Свѣтлая седмица есть-то гора Божія, гдѣ благоволилъ жити. Сюда идетъ со тщаніемъ Маріамъ, цѣлуетъ и дружится со Елисаветою. Туда восходятъ всѣ фамилии и колѣна Израилская. „Тамо възыдоша“... Сюда бѣгутъ слѣпый, хромый, нѣмой. Тутъ дружбу и компанію заводять волки со агвцами, рыси съ козленками, львы съ теленками, аспіды съ отроками, и совидаются очитыми, крилатыми по сеоей всякъ сѣни херувімами, возлѣтающими къ началу, которое одно только есть, яко до Царя всѣхъ подымутъ; да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ... Трудно только симъ горама възыгратись. вскочить выпрѣ, вскапать сладость, въздымиться и породить, какъ тучнымъ ювцамъ, единаго своего юнца. „Прийдите възыдемъ на гору Господню...“

Душа. Я читала нѣкогда, что еленицы и горнія козы не могутъ раждать, развѣ на сихъ горахъ.

Духъ. Сіе, душа моя, въ одномъ разсужденіи о Богѣ возможно, а въ натурѣ тварей недостаточное. Въ символичномъ мырѣ, онже есть Библиа, гдѣ о единомъ Богѣ слово такъ водится, но сіе въ нашемъ великомъ мырѣ, есть небыль. Въ Бозѣ и отъ Бога, все возможное, не л. 12. отъ тварей ни во тваряхъ. | Фигурныя сія горы, суть Сонцы. Они прибѣжище такимъ елениамъ, каковъ есть Давидъ, и о каковыхъ слово сіе: „тогда скочитъ хромый, аки елень“. На сихъ горахъ откидаеть Давидъ ветхія свои роги, а растутъ ему новыи. „Тамо возращу рогъ Давиду.“ Сюда возскакиваетъ испѣлненный Петромъ хромый, и возбужденна словомъ отъ него изшедшимъ Тавіаа, сирѣчь, горняя коза. По сихъ холмахъ скачетъ и прескакиваетъ младый елень, братъ и женихъ Соломоновскія невѣсты. Складажъ течетъ къ брату и она: „Яви мнѣ зракъ твой: гдѣ почиваеши?“ Отвѣтъ: „въ полуднѣ, въ сонцѣ.“ Все воинство Ангелское тоже воспѣваетъ, что во вышнихъ сихъ и горнихъ горахъ вѣчныя мысли и одна слава Божія жительствуетъ. „Слава во вышнихъ Богу!“ и тогда всей обѣтованной библейской землѣ миръ! покой! и вѣчная дружба! якоже пишется въ книгѣ Навина: „Почи земля отъ брани“. Сюда спѣшатъ и пастыри. „Преждемъ до Виеелеема. Тамо родитя Мати Твоя.“ Сюда за звѣздою путешествуютъ и Волхвы. „Видѣхомъ: [вопіють со Захарією: видѣхъ! и се свѣщникъ...] видѣхомъ, де, звѣзду его на Востокѣ.“ Востока безъ сонца нигдѣ нѣтъ. „Ста верху, идѣже бѣ отроча.“ Не только елениамъ, но и звѣздамъ нѣтъ раздоху, кромѣ сея горы. Вся тварь въздыхаетъ, въ жилище небесное облектися, желая и воіа, „Сей покой мой!“ Магдалина тоже: ища радости и утѣшенія своего, зѣло рано приходитъ на гробъ. Нельзя чтобъ сей гробъ не былъ тотъ камень, гдѣ почивалъ Іаковъ и видѣлъ лѣствицу. Внимай и при-

мѣчай, дщерь моя, что при Магдалинѣ воспоминается разсвѣтъ и не боковое утро, а при Іаковѣ Сонце. Чувствуешь ли, что сей какъ будто бы утро, чуть-чуть проникающее изъ мрака: темновато начавать: ваетъ каменную гору Божию, и пресвѣтлый чертогъ его, сонце? Вѣ-то ошибаешься, голубочко моя, когда не думаешь, что гробъ оны есть иное что либо есть, какъ только пещера, въ нѣдрахъ каменные же, высѣченна, гдѣ почилла премудрость. Нынѣ убо научися и вѣдѣнь вѣдай: яко Господня земля и все исполненіе ея, идетъ къ горѣ Бсбли- въ нѣдрахъ своихъ рай сладостный и вѣчную жизнь сокрывающе, взы толѣ: „Дондеже дхнетъ день и двинутся“ (херувимскія) сѣни. И съ свѣтъ и день! „Дунувъ рече: Примите Духъ Святый... Тогда Свѣ- чрезъ сію Божию гору, какъ по лѣсницѣ, восходить къ Богу. „Иеди- сіе! Но домъ Божій, и сія врата небесная.“

Душа. Енохъ, не обрѣтенъ въ живущихъ; Іліа взятъ вихъ Бо- восхищенъ за волоса ангеломъ пророкъ Аввакумъ и Апостолъ видѣ липпъ, Павловъ человекъ, до третяго неба восхищенъ; все сіе каз- рака мѣ жестокимъ и гладнымъ. Нынѣ же въ сей жестокости обрѣла Сампсономъ нѣжную и сладостну пищу. | Усладила мнѣ все сіе. И херувимска рѣчь и гора чудна. Не о сей ли горѣ чудотворно и только Ілію, но и быки и горы скачущія и холмы воскриляющіи древета: не о сей ли матерѣ нашей Сіонской и не ей ли пѣсень пен- Исаина? „Покой дастъ Богъ на горѣ сей.“ „Испіютъ вино, ис- етъ радость на горѣ сей.“ „Помажутся муромъ на горѣ сей.“ ради

Духъ. Угадала ты сампсоново гаданіе его! Сія то есть лица Сіонъ, яже есть мати всѣмъ намъ, вопіющая ко всѣмъ тче „Тамо дамъ тебѣ сосца моя...“ „Блаженъ! иже имать южика своя въ во и племя свое во Іерусалимѣ“. Посмотри-жь теперь, сестрице моя! хе- идуть 12 ученики? Не на гору ли Галилею? Ведетъ ихъ братъ и д прекраснѣйшій Іосифъ, изшедшій, какъ изъ свѣтлыхъ палатъ, изъ что ницы. На горѣ со братією своею веселится, возносится, благословля- го- утѣшаетъ надеждою, хотящаго ихъ утѣшить Святаго Духа. В- ав- валѣ, таинствами и благоуханіемъ безсмертія, дышущая вечера гога мино увѣреніе. Въ сей горницѣ здѣлался вѣтеръ и шумъ изъ ихъ Параклитовыхъ. Въ семъ храмѣ изліаніе странныхъ языковъ, два- дежды совершеніе. „Чада Сіоня, радуйтеся! яко даде вамъ пи- зный. правдъ“... А Стефанъ? Не херувимъ ли? Не въ горы ли взи- млю „Се вижу небеса отверста!“ А Павелъ? Не съ Даніиломъ ли Гер- дить очи въ горы? „Возведохъ“ очи мои въ горы и видѣхъ. тно Мужъ! Тѣло его аки Оарсіс...“ А Павелъ не то же ли? Въмъ тама вѣка. „Горняя мудрствуйте!“ „Яко взятся великол. Его!“ Вотъ тебѣ ная, лое число херувимовъ, окружающихъ Господа славы. А не дыше- бы?... во уши твои, любезная моя, вѣтеръ и шумъ орлиныхъ крилъ, цаго щихъ апокалипсу жену съ прекраснымъ ея сыномъ? Посребр- имъ

крила ея высоко парятъ! И она желаетъ въ горахъ святыхъ укрыться отъ гонящаго Змія. „И полещу и почію“. О, цѣломудрая Мати! Невѣсто ненеѣстная! Нѣтъ тебѣ на землѣ мира! Поспѣшай молю тя, съ любезнымъ чадомъ, къ горнимъ вѣчнаго субботамъ. На томъ седмхолміи вѣрно сыщешь покойное мѣсто, какъ Ноева голубка, или какъ ластовка, убѣгающая зимныя стужи, прелѣтающая отъ сѣверныхъ странъ, чрезъ черный Понтъ ко полудню, воспѣвая пѣсенку сію: „Нѣсть здѣ для мене покоя.“ „Кто преиде на оную страну моря и обрѣте Премудрость?“ „Едина есмь азъ, донде же преиду“.

Свѣтлая седмица есть день Господень, покойный полудень, весна цвѣтоносная, вѣчное лѣто, время благо, всемъ воскресеніе, просвѣщеніе и освященіе. „Очи всехъ на тя уповаютъ, и ты даеши имъ пищу во благовремя.“ „Пріймите Духъ Святы й!“

л. 14.

| ГЛАВА 3-я.

Испытуется Божія сила въ нѣкихъ мѣстахъ библичныхъ.

Душа. Свѣтлая седмица и снѣ херувімска изъ памяти моя не выходитъ, о, любезный отче! Свѣтъ, теплоту, прохладну тѣнь, пищу насыщающую вѣчности сотомъ, живую забаву, твердое надежды утѣшеніе, все сіе нахожу для себѣ во свѣтлыхъ чертогахъ и на прекрасныхъ горахъ ея. Люблю Израиля, что сосетъ камень горы сея. А не сіе ли есть поучатися святитѣ?.. Но милое для мене и жалостное позорище сіе: жена съ прекраснымъ своимъ младенцемъ, по воздуху парящая, убѣгаетъ отъ гонящаго ее змія... О, богомерзкій! На слѣдъ Божественныя невѣсты, водъ горкихъ блевотины своя изблеаетъ скверный... Скажи мнѣ, отче мой! Какъ полза дракону въ томъ, чтобъ потопить младенца?

Духъ. Полза тая, что потопивъ сію невѣсту съ младенцемъ, легко тогда можетъ всю покрыть землю потопомъ, а Богъ отъ водъ очищаетъ.

Душа. Откуда же ему сія злоба и упрямство къ вышнему?

Духъ. На что о семъ спрашивать? Плоть по природѣ враждебна духу.

Душа. Не уже ль сей Сатана отрыгаетъ потопъ, бывшій во днехъ Ноевыхъ?

Духъ. Безъ сумнѣнія бывшій при Ноѣ.

Душа. Почему сія дѣва облеченна въ солнце?

Духъ. Можно догадаться, что она стоитъ на мѣстѣ фігуры солнечныя, и есть копія ея.

Душа. Конечно, сей змій есть тотже, что нашепталъ Евѣ, будто у смертнаго древа добрый плодъ.

Духъ. Сей есть оный самый. Тогда-жь-то онъ задавилъ сѣмя женѣ и потопилъ наслѣдника обѣтованій оныхъ: „тебѣ дамъ оную землю и сѣмени твоему.“ Потомъ легко уже, съ нагрузомъ своимъ, введена земля подъ клятву, и покрылася горкихъ его водъ, а протѣе съ Давидомъ сказать, потопныхъ его глаголовъ и лстиваго языка блевотинами. Тогда вездѣ настало злое время чуждая тма, гниль и растлѣніе плодовъ его смертныхъ, одному только ему вкусныхъ. Не видна же была, ни во облакахъ прекрасно сіяющая радуга, ни веселаго воздуха благовидность, ни пріятность вѣчнаго лѣта благовременна, о коемъ бесѣдуеть безневѣстная Невѣста. „Зима преиде. Дождь отыйде. Цвѣты явися на землѣ. Время обрѣзанія гроздей приспѣ...“

Душа. Желала бы я знать, Отче нашъ небесный, и прошу открытъ не обинуясь, что-ли значить прямо и точно сей Зміѣ? | Ежели л. 15. во фігуралномъ бібличномъ семъ мырѣ всякое дыханіе и вся тварь, собрана для составляющихъ систему его фігуръ находится, по сему и онъ долженъ быть фігурою, значащею нѣчтось точное. Да и написано въ семъ священномъ мырѣ, что съ протчими тварьми и гады Господа хвалятъ. Хвалятъ же его како можетъ тварь безсловесна? Развѣ только можетъ балванѣть фігурою и гадательнымъ молчаніемъ, аки помаваніемъ, давать знать о Бозѣ. Не иначе бо нѣмыи небеса повѣдаютъ славу Божию, тоцію молча. Обаче, аки трубою, премилосердный его промысль, въ мырахъ его закрывшіяся, проповѣдуютъ. Научи убо мя, Владыко святыи, что ли значить Зміѣ сей? При семъ и то мнѣ непонятный вздоръ, чтобъ почитать за одно оба потоцы: Драконовъ и Божій... Не вмѣщаетъ сердце...

Духъ. Ну, душа моя! Дѣй! Станемъ учить и купно тутъ же учиться. Что слаже: какъ по Сірахову совѣту, поучаться святынѣ въ разумѣ своемъ?

„Блаженъ, де, мужъ, иже въ премудрости умреть, и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ...“ Не слѣши только моя любезная. Не будь нагла, и не почитай нестаточнымъ тое, что для тебе непонятно. Помни, что фігуралный мыръ сей есть-то изъ гаданій сплетенна, а запечатлѣнна тайнами книга. Забавляй въ семъ умномъ раѣ мысли твои. Но нигдѣ не суди нагло... Слыхала-ль ты когда, что самыи древнїи вѣчности испытатели создали Змія фігурою ея? Зміѣ же былъ и хитрыя о Богѣ науки иконою.

Душа. Слыхала. Онъ пишется и ползущимъ и въ коло свитымъ, свой же хвостъ во устахъ держащимъ. А почему онъ такою фігурою здѣланъ?

Духъ. Потому что хитръ и вьется въ кольца такъ, что не видно, куда думаетъ, если не примѣтитъ голову его. Такъ и вѣчность вездѣ есть, и нигдѣ ея нѣтъ, тѣмъ что невидна, закрывая свою вло-стасъ. Подобна убо ей и наука о ней. Притомъ свертки и кольца ея

суть іконы вѣчности, и свитковъ таинственныхъ науки божественныя. Кромѣ сего, имѣеть онъ преострый взоръ, какъ видно изъ его имени. Еллинское слово сіе δέρχω значить, зрю; δραχῶ значить узрю; δραχῶν: могущій впредь узрѣть, сирѣчь прзорливый. Нѣтъ труднѣе, какъ прозрѣть вѣчность, грязью засоренному оку. Если ты разжевала и вкусъ почувствовала въ семь: „слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово“, тогда понимай, что Библиа, все свое фігурное слово, во видѣніе вѣчнаго простирая, здѣлалася и сама Богомъ. „И Богъ бѣ слово“, такъ какъ на золотую монету вексель, и самъ сталъ золотомъ... Теперь уже не обинуюся скажу, что Библиа, есть и Богъ и Змій.

л. 16. | Душа. Ахъ Отче!.. Странное и печальное слышу.

Духъ. Глава его есть седмица. Вотъ тебѣ седмиглавыи драконъ Даниловъ... Престань же дивиться помянутымъ потопамъ и не говори: не вмѣщаетъ сердце...

Душа. Убо и сонце, есть Змій?

Духъ. Конечно, голова Зміина, а лице Божіе.

Душа. И всѣ прочія вицефігуры суть Зміи?

Духъ. Безъ сумнѣнія они суть тулубъ и хвостъ его, а Божія ноги и подножіе. Престолъ же его небо и сонце.

Душа. Куда теперь много я вижу Зміевъ!

Духъ. У Бога 1000 лѣтъ, яко день единъ и 1000 вицефігуръ во единопдневной сонечной, а она едина за 1000 ихъ стоитъ. Якоже змій часто вьется, перевиваясь въ разныя свитки на томъ же мѣстѣ, а по виду кажетъ перемѣну, такъ и Библиа представляетъ разнообразныя повѣсти и реченія, но все сіе на томъ же пунктѣ, какъ колесо на своемъ центрѣ, обращается. „Змій же бѣ мудрѣйшій“. Здѣланна же Зміина фігура мудрѣе всѣхъ звѣриныхъ, яко приличнѣе живописущая книгу вѣчности и силу Божію.

„Змій же сей, его же создалъ еси ругатися ему“.

Душа. Какъ же такъ? Библиа есть купно и Богъ и Змій?

Духъ. Какъ же такъ? Она видь плотъ и духъ, буйство и мудрость, Море и гавань, Потопъ и Ковчегъ... Не будь несмысленна и косна! Умствуй проворнѣе... Видь ты уже слыхала, что всѣ мыры состоятъ изъ двохъ естествъ: злаго и добраго. Почему-жь тебѣ сей Змій чрезъ-чуръ страшень? Онъ не всегда вредить и юродствуетъ, но бываетъ и вкусный и полезный. Если нашепталь Евѣ по-сатанинску, можетъ и Маріи возблаговѣстити по архангелску.

Душа. Почему жъ сему Змію во всѣхъ вѣкахъ и народахъ ругаются, плюютъ и презираютъ?

Духъ. Не дивно. Онъ ихъ потопомъ мучить. Онъ на поруганіе созданъ и того достоинъ.

Душа. Ахъ! Онъ того достоинъ?

Духъ. Потому что во многихъ мѣстахъ безетудно и вредно, безъ

всякаго вкуса лжетъ. Также не лѣцья враки и срамныя и небылъ шепчетъ.

Душа. Гдѣ жъ онъ лжетъ? Покажи мнѣ хоть одно мѣсто.

Духъ. Покажу. А чтобъ всю его ложь щистлить къ сему чуть ли довлѣеть полгода. Вотъ онъ тебѣ заразъ, на самомъ порогѣ, лжетъ: „въ началѣ сотвори Богъ небо и землю“.

Душа. Боже мой! Не ужель сіе ложь есть?

Духъ. Самая, главная критская и сіканская ложь. Поколь яблонь, потопъ съ нею и тѣнь ея. Тѣнь значить | мѣстечко, яблонею отъ солнца заступаемое. Но древо вѣчности всегда зеленѣеть. И тѣнь убо ея, ни временемъ ни мѣстомъ есть не ограничена. Мыръ сей и всѣ мыры, если они безчисленны есть-то тѣнь Божія. Она ищетъ изъ виду по части, не стоитъ постоянно, и въ различныя формы преобразуется видъ, однако же никогда не отлучаясь отъ своего живаго древа, и давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сію: „Materia aeterna“. Вещество вѣчно есть. Сирѣчь всѣ мѣста и времена наполнила. Единъ тоцію младенческой разумъ сказать можетъ: Будто мыра великаго сего ідола и Голіааа, когда-то не бывало или не будетъ. Сею младенскою лжею, во исходѣ десятаго послѣ Христа вѣка, всю христіанску вселенну толь поколебаль, что мырокрушенія такъ всѣ трепетали, какъ мореходцы въ чрезвычайную бурю кораблекрушенія! ^{774a)} Представъ убо себѣ, душо моя, тогдашнее душъ христіанскихъ отъ сего змія мученіе! Оно видъ не седмъ дней, какъ на морѣ, продолжалось, но... и вовергнуло Христову філософію въ крайнее презрѣніе и поруганіе, когда, наконецъ, уже открылось, что всѣязычники, достойно и праведно христіанску бѣсность сію осмѣвали и нынѣ осмѣвають. А какъ въ самыхъ дверяхъ, и (по пословицѣ) на первомъ поскокѣ лжетъ, такъ и въ самый первый день непостояненъ: „Да будетъ свѣтъ!“ Откуда же свѣтъ сей, когда всѣ небесныя свѣтила показались въ четвертый день? И какъ день быть можетъ безъ сонца? Блаженная натура постоянна. Все что-ли-то днесъ, то всегда не есть статочное. Такимъ вадоромъ чрезъ всю седмицу рыгаетъ, будто былъ зрителемъ вселенскаго сего чудотворнаго театра, и будто нужна знать, прежде ли цвѣтъ, или родился грибъ? Наконецъ, всю Божию фабрику сію самымъ грубымъ юродствомъ запѣчатлѣлъ: „почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ“. Будто истомленъ, ничево создать не могъ уже больше. А если бы не сіе помѣшало было, непременно у насъ нынѣ показались бы безхвостые львы, крылатыя черепахи и кобылы, хвостатыя зайцы, единорожны волю, гладкогласные крастели, пухо-собольи ежаки, четыреокіе и четыре-ушіе судьи, правдолюбные ябедники и клеветники, пре-

^{774a)} Вотъ слово, потрясшее тогда вселенну: „Связа сатану, на тысящу лѣтъ“. Боялася чтобъ не развязался губитель. *Прим. Г. С. Сковороды.*

мудрые (сказать по Теутоноску) Шицъ-Бубы, по маллороссійску, умные дураки и протчая чудовища и уроды, а за ними бы въ слѣдъ, какъ Елисейское желѣзо, вынырнуло бы (сказать по римску) Mobile perpetum, и филозовскій, все благо европейское преобразующій въ злато, камень... Нынѣ же все сіе засѣло въ Божіей безднѣ. Послушай, душа моя! Отъ

л. 13. сего видѣ лживыхъ водѣ потопъ изблевающего источника | убѣгалъ Іаковъ, какъ пишется: „Изыйде Іаковъ отъ студенца проклятаго и взойшолъ въ Харранъ, тамъ, гдѣ возсѣла и судитъ вѣчная Дружба и Правда. А какъ Божію Богу отнялъ неутомимость, такъ самъ себѣ чуждое и несродное усвоилъ, сирѣчь человѣческой языкъ. „Рече Зміи женѣ“.

Душа. Начала и я чувствовать вздоръ въ сихъ словахъ: „Почи“. „Бысть свѣтъ“. Сіе значитъ: свѣтлое и солнечное время. Потомъ, какъ безпамятенъ, повѣтствуетъ о сонцѣ, будто оно не бывало, а создается новое. Если же перваго дня ведро и свѣтлость созданна безъ сонца, кая нужда созидать Сонце? Не складно лжетъ.

Духъ. О, Душа моя! Знай, что Біблію читать и ложь его щитать, есть то же. „Насади Г. (осподь) Богъ рай во Едемѣ на востоцѣхъ.“ Вотъ болтунъ! Садъ насадилъ въ саду. Еврейское слово Едемъ есть то же, что садъ. Откуда же на сей (такъ сказать) садовый садъ глядѣть, чтобъ онъ казался на востокахъ? Но и видно, что у него какъ сонце, такъ не единъ и востокъ. „Позна Каинъ жену свою.“ О, безстыднѣйшій буесловъ! Забылъ, что по его жъ сказкѣ, не было въ мѣрѣ, кромѣ четырехъ человѣкъ. Гдѣ жъ онъ взялъ жену себѣ, кромѣ матери?

Душа. Мнѣ и то вздоръ кажется: „Бога ходяща въ рай...“ Како перемѣняетъ мѣсто вездѣ сый?

Духъ. Но сей клеветникъ нашепчетъ тебѣ, голубице моя, что Богъ плачетъ, ярится, спитъ, раскаивается... „Помысли Богъ... и размысли яко сотвори человѣка“. Потомъ наскажетъ, что люди преобразуются въ соляные столпы, возносятся къ планетамъ, ѣздятъ колясками по морскомъ днѣ и по воздухѣ, сонце, будто карета, останавливается, и назадъ подается, желѣзо плаваешь, рѣки возвращаются, отъ гласа трубнаго разваливаются городскія стѣны, горы, какъ бараны скачутъ, рѣки плещутъ руками, дубравы и поля радуются, волки съ овцами дружать, волы со львами пасутся, играютъ мальчишки съ аспідами, встаютъ мертвыя кости, падаютъ изъ яблонь небесныя свѣтила, а изъ облабовъ крупяна каша съ перепелками, изъ воды дѣлается вино, а нѣмы напившиися бесѣдуютъ, и прекрасно поютъ и протч. и протч. 775)

775) Мы не можемъ здѣсь не отмѣтить, что всѣ эти главнѣйшія иносказанія Вибліи являются предметомъ „духовнаго“ (символическаго) пониманія и объясненія главнымъ образомъ у Новаго и Стараго Израиля нашихъ дней.

„Рысь почіеть съ козлищемъ“ и „воль и медвѣдь вкупѣ“. Ахъ! „не вѣмъ змія, ползущаго по каменѣ“: вопіеть Соломонъ. Видишь, что Зміи по лжѣ ползеть, ложь жереть, лжею рыгаетъ. Не знай и ты его, о, душа моя! Кая твердость въ слѣдующихъ его рѣчахъ? „Всякаго тука и всякія крови да не ясть.“ Потомъ забываетъ сказанное, говоритъ? „Напита ихъ отъ тука.“ „Пійти отъ нея всё. Сія есть кровь моя...“ Много ли же вкуса | и въ такихъ словахъ? „Да отыметъ жрецъ отъ 19. жертвы память ея.“ „Да возложитъ жрецъ память ея на олтарь.“ „Всякъ даръ жертвы вашей, солю да осолится.“ Кая жь пріятность и въ сихъ не осоленныхъ словахъ?

„Мелзи млеко, и будетъ масло“. „Аще ле ноздри чешеши, изыдетъ кровь.“ „Дадите ей отъ плодовъ устенъ ея и да хвалимъ будетъ во вратѣхъ мужъ ея...“ Что тощѣе, худѣе и невкуснѣе, какъ сіе: „Отъ потока на пути ціеть: сего ради вознесетъ главу“. Что срамнѣе и вреднѣе какъ Лотово въ пещерѣ обхожденіе? А сіе уже паче всякія лжи лживѣе: „вся покорилъ еси подъ ноги его“. Кромѣ звѣрей и гадовъ, сколько тысящъ крошечныхъ, лѣтающихъ и ползущихъ звѣрочковъ сосутъ кровь человѣчу, и поядаютъ кровопотныя труды его? Наконецъ, взглянь, душа моя! Зжалъся и поболи о безчисленныхъ, вѣнца лишенныхъ, мученикахъ: о тѣхъ несчастныхъ страдальцахъ, кси жестію сего мучителя прелщенны, выбодли себѣ соблазняющія очи, вырѣзали для Царствія Небеснаго свои ятра и скопили самоизволью или вдругъ во великомъ числѣ сожгли самыя себе. Богъ вѣрою, онъ же суевѣріемъ въ тайнѣ ловить. Суевѣріе раздражило премилосерднаго кесаря Тита; будто бы Библия не велѣла смиряться предъ царями. А сіе же-то самое съ поломъ земнымъ сравнило Іерусалимскія стѣны. Призри пожалуй на весь сей земный клубъ и на весь бѣднѣйшій родъ человѣчій. Видишь ли? Коль мучительнымъ и бѣдственнымъ ересей, раздоровъ, суевѣрій, многовѣрій и разновѣрій потопомъ волнуется, обуревается, потопляется! А сей же видъ весь потопъ не свышше намъ даннъ, но адская змінна челюсть отрыгая отрыгнула, изблевая изблевала яко же пишется: „Глаголы потопныя, языкъ лстивъ.“ „Сохрани мя, Господи, отъ человѣка лукава...“ Скажи же теперь, душечко моя, не достоинъ ли сей Зміи за такія блеваки, вздоры, язвы, муки, всемирнаго смѣха, мерзвѣнія и руганія?

... Создалъ еси ругатися ему“.

ГЛАВА 4-я.

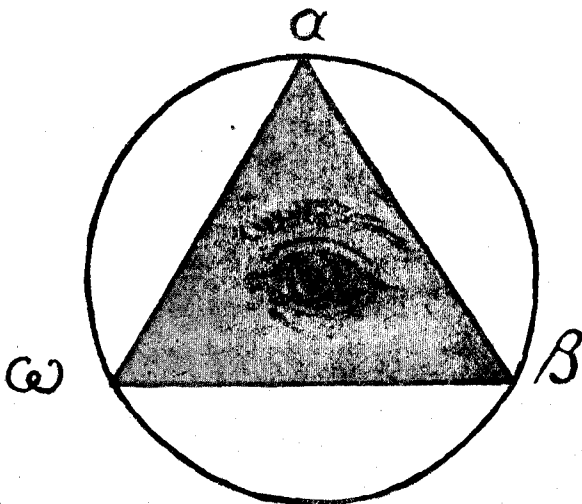
Продолжается судъ надъ Зміемъ.

Душа. Когда сей Зміи подверженъ всемирному суду, тогда можемъ быть и мы надъ нимъ судіями. Не онъ ли есть оный Даніиловъ болванъ: філософскимъ... Скажу лучше, — Израилскимъ камнемъ сотрен-

ный?.. Не-давно я смѣялась тому, что онъ до Авраама привелъ число
 л. 20. троихъ гостей, | а въ Содомѣ отправилъ только двоицу, а третій гдѣ? Изъ
 воза, по пословицѣ, убился?.. Конечно гости стояли на горѣ. „Триѣ мужи
 стояху надъ нимъ“. Однако-жъ не сказалъ: явился ему Богъ у горы, но
 у дуба. Смѣшно и то: „Не мини мене раба твоего“. Потомъ: „и
 омыются ноги ваши“. И такъ у Авраама триѣ, двое, и единъ гость,
 есть тоже. Не сіе ли есть, по германску: Шпѣцъ-бубъ? По Грецку:
 хімера, хімара, а у насъ тоже, что мара?..

Духъ. Пысс-сысс-сысс!.. Тише потише голубко моя! Оглядайся,
 какъ притча учить, на заднія колеса. Не спиши! Ахъ! Да не пожретъ
 тя драконъ и потопъ! Рыдаетъ мати, родившая дерзкаго сына. О! дабы
 не рыдала и тебе! Невѣнчанныя онѣ страдалцы погубилъ кто-ли?
 Судъ наглый. Вселенскій всеродныхъ бѣдъ вѣчно обуревающийъ вся
 роды и вся вѣки и челоуѣки, наводитъ потопъ кто-ли? Судъ наглый.
 Спасительную оную отъ потопа пирамиду совершить въ столпотворе-
 ніи помѣшалъ кто-ли? Языки сіялъ и рѣчи замѣшалъ, источившія
 всѣхъ раздоровъ и разновѣрій ереси: кто-ли? Судъ наглый. Кто-ли
 пресладчайшій мусікійскій Богу органъ, сирѣчь, Біблію, дурногласною
 и несогласною сотворилъ и разстроилъ? Кто научилъ сію Еву пѣть
 пѣсни, не Богу Іяковлю, но бездушному Деирскому ідолу, мыру
 сему? Судъ наглый. Поютъ въ костелахъ въ день Свят.(аго) Духа:
 „Согласная возшумѣ пищальская пѣснь“ и протч. Но лучше было
 такъ пѣть: „Разгласная возшумѣ...“ Сего ради изгнанъ изъ рая
 Адамъ, съ разстроенною своею Псалтырью и съ несличными своими
 гуслими. Эй, душо моя! Бѣгай суда наглаго. Опасно суди Судъ Божій.
 Знаешь ли? Библія есть что-ли? Видь она-то есть древняя оная ΣΦΙΓΕ
 (Сфынксъ). Левъ-Дѣва, или Льво-Дѣва. Купно Левъ и Дѣва. Се сгрѣ-
 таеть тебе, обходяй вселенную, ищущій аки левъ, дабы кого поглотить,
 а кто-то стрѣтаеть? Давідовъ оный проказникъ, срящъ и бѣсъ полу-
 денный. Вотъ тебѣ Сфынксъ! А ты дрѣмаешь и играешь? Не слышишь ли
 Соломона: „Любяй бѣду, достоинъ ея.“ Разумѣши ли, яко нынѣ стрѣ-
 таеть и ожидаетъ тебе, или прѣблаженна побѣда, или совершенная
 бѣда? Аще рѣшишь гаданіе ея, аще достанешь острогорній оный градъ,
 градъ Давіръ, градъ премудрости и грамоты ея премудрыя, градъ
 оный Апокалипсный, градъ драгоцѣнно-каменный, единый, возлюблен-
 ный Давіду градъ оный: „Кто воведетъ мя во градъ утвержень?“
 Се! миръ тебѣ и милость, во вся дни живота твоего! И дѣва и жена
 л. 21. твоя, се! яко лоза виноградная | въ бокахъ тѣлеснаго дому твоего ро-
 дить тебѣ сыны сіонскія и дщери Іерусалимскія: не отъ крове, но отъ
 Бога раждаемыя, якоже пишется: „блаженъ иже имать сродники
 своя въ Сіонѣ, и племя свое во Іерусалимѣ“. Сему то побѣдителю
 вышняго Града, мужъ Божій Халебъ, даетъ въ супружество краснѣй-
 шую всѣхъ плотскихъ мыра сего невѣсть, безневѣстную дщерь свою

Асхань оную: „Сію возлюбихъ отъ юности моя: и възскахъ невѣсту привести себѣ, яко не увядаетъ красота ея“. Аще же по Сампосновску Льва сего, первосрящаго стража и пѣстуна дѣвы сея, аки Дракона златое руно стрегущаго: не раздерешь. О! тогда-то вмѣсто сладкаго Асхани твоя сота онаго: „Гортань ея сладость, втрѣнута тебе песи мухи, изгнояющіи сладость елея, и шершни и горесть оная: „горе глаголющимъ горкое сладкимъ“. „Напитаю ихъ пельнемъ“. „Пошлю въ нихъ звѣри.“ „Зубы ихъ—зубы львовы, убивающіи душу.“ Раздери льва, душо моя! Да не онъ раздереть тя. Раздереши, аще убѣжиши наглаго суда. Убѣжиши, аще будетъ Господь Богъ твой съ тобою. Въ злбномъ благаго челоуѣка лицѣ сердце крыется блаженно. „Уста мудрыхъ, яко же гвозди вонзенны словеса мудрыхъ“. О, опасно ходи около ихъ, душо моя. Каждое библейное слово есть пригвозденно гвоздомъ онымъ: „пригвозди страхомъ твоимъ плоти моя“. И всякій гласъ ея, есть то львиный рыкъ оный: „яко левъ возреветъ Господь“. Тогда раздереши, когда разберешь, найшовъ же сотъ истины, воспоешь со Исаіею: „Въ сокровищахъ спасеніе наше.“ Знаю. Тебе видь соблазнили Авраамовы гости. Прошу не унижать и не ругаться имъ. Видно, что сіе не дурь и не вздоръ, когда сказуютъ, что еврейская Библия симъ же штілемъ начинается: „Въ началѣ сотворилъ Боги сіе небо и сію землю“. Ражжуй! Сотворилъ? Сіе значить един. Боги? Сіе значить не единъ. Подобно пишется и о странникахъ оныхъ: „Сомедь убо (странникъ рече) узрю“. Потомъ: „Мы погубляемъ (говоритъ тотже странникъ) мѣсто сіе“. Я и мы? Видишь, что здѣсь значить тоже. Аще кто съ Пифагоромъ раскусилъ фігурный триголь, образующій истину, той видить, яко въ немъ: 3, 2 и 1 есть тожде.

Тройца во единиць и единица въ Тройцѣ быть не можетъ, развѣ единицы. Ни кто же единъ, токмо единъ Богъ. Вся тварь, есть то плоть, разумѣй: сплетенная плѣтка, склеенный пѣсокъ, слѣпленный прахъ, раздѣляюся во свою безконечность, раздѣленіемъ своимъ и сѣченіемъ отвѣтствуя противостоящему естеству Божию: единицею своею въ нераздѣльную безконечность и въ безконечную нераздѣльность простертому. Убо вся тварь, есть то сѣкомая натура. Нѣсть ей | причастія со всеблаженною оною единицею: „Едино есть на потребу“. И паки со святою Тройцею нѣсть части твари. Сія Агарь есть многая бѣдность и бѣдная оная многость: „Марео! Марео! печешися и мольшиши о многости...“ Едино начало, а началная е д и н о с т ь всю тварь предваряетъ. Се уголь! Создавшая плоть, и вселшася въ ней. Се уголь! Ищезшей плоти пребывающа же. Се уголь! Вотъ тебѣ, горлице моя, египетскій триуголь! Вотъ для чего влюбился въ его мудрецъ Самійскій! Не вѣдущи себѣ и Бога, симъ соблазняются и ругаются. Свѣтлы же ангелы озаряють смыслы, веселящася яко съ нами Богъ. Триуголь, квадратъ, коло, сонце, просфорный хлѣбъ, съ вырѣзаннымъ средѣ его и вынятымъ чрезъ іерея квадратомъ или триуголомъ, преломлень, просто сказать, растолкованъ Лукѣ и Клеопѣ, все сіе е д и н о с т ь образуетъ.

Душа. „Радуйся, ковчеже! Духомъ позлащенный!“ Нынѣ слышу! Нынѣ вижу! Ты мати и домъ... Се! вижу Духа Божія, носящася верху потоппныхъ водъ. Вижу е д и н о, а т о е е с т ь т р о е. Вижу т р о е, а т о е д и н о... Но како двое и е д и н о?... Недоумѣть умъ... Накажи мя Господи и наважуся. Обличи мя и возлюблю тя.

Духъ. О, несмысленна и косна! Отъ лика буйныхъ дѣвъ, дѣво. И сего ли не постигаеши? Положи во е д и н о конецъ и начало. Эй! Будь мнѣ прозорлива, какъ Ноева голубица, да не причтешься къ нещасному оному хору и не погибнешь потопомъ. „Оскудѣша добрыя дѣвы.“ „Погрязоша, яко олово во водахъ.“ Будь же и ты судією, по смотри, праведенъ судъ суди. Не на лицо одно взирай, и не цѣни по угламъ горницы, а по позлащенной скорлупѣ орѣха. Знаешь видь, что змій есть, знай же, что онъ же и Богъ есть. Лживъ, но и истиненъ. Юродъ, но и премудръ. Золь, но онъ же и благъ. „Коль благъ Богъ Израилевъ правымъ и мудрымъ дѣвамъ!“ Буде въ немъ станешь видѣть одну злость и плоть: не престанетъ, тебе уязвлять и питать оною, какъ пишется: „Приложи имъ зла, Господи, приложи“. Кому? „Славнымъ земли“. Како можетъ земля, плоть, гной славиться въ домѣ Божіемъ? Весьма не совѣтуетъ Мойсею взирать на лице свое Богъ. Сіе значитъ, видѣть въ Библии землю и тму, а вкушать ядъ. Содомляне всплошь, юноши и старцы ихъ, предъ сномъ въ вечеръ, бродятъ около Дому Божія. Но алчуть, аки пещь всегда.

Душа. Я рада очень, чтобъ онъ не былъ язвительнымъ. Тогда бы

я не ругалася ему и не боялася бы смертнаго жала его. Но что съ нимъ дѣлать?

Ду х ъ. Произвестъ праведный судъ ему. Вотъ что! и точно узнать силу дѣла его. Тогда малое отроча поведеть его.

Ду ш а. Какъ же сіе дѣлать?

Ду х ъ. Вознестъ и поднять его отъ земли въ гору. Тогда явится | спасительная сила его, какъ самъ онъ признавается. „Егда, де, воз- л. 23. несете сына человѣческаго, тогда уразумѣте, яко Азъ есмь?“ Прав- диво сказать: что-ли я значу? И что-ли-то есмь? Нынѣ же сидите на сѣдалищи губителей моихъ, и незлобivu мою невинность убивайте Сіа-же-то, наконецъ, есть не ложная печать вѣры, чтобъ поднять змія чуднаго сего, какъ пишется: „Знаменія вѣрующимъ. Языками возгла- голютъ новыми. Змія возьмутъ вознесутъ...“

Ду ш а. Кто-же довлѣтъ его поднять?... А поднявши, гдѣ его дѣвать? Развѣ на шею повѣсить?

Ду х ъ. Горы преносить, и змія поднимаетъ кто-ли? Вѣ р а. Под- ними прежде, не зміино, но твое самага сердце, куда? Къ вѣчному, а зміи во слѣдъ твой самовольно вознесется въ гору и повиснетъ на деревѣ, а тебѣ на шею.

Ду ш а. Вотъ бѣда! Загризеть...

Ду х ъ. О, дура! Не бѣда, но спасеніе... Онъ только тогда вре- денъ, когда по землѣ ползаетъ.

Ду ш а. Скажи отче пояснѣе, како-ли повиснетъ на деревѣ? Мы древо разумѣемъ то, что крестъ, виселица...

Ду х ъ. Скажи лучше такъ! Мы ползаемъ по землѣ какъ мла- денцы, а за нами ползеть и зміи. И кто васъ возставитъ? Да не вы- ходитъ изъ памяти тебѣ пресвѣтлая (слыши дщи) Божіихъ горъ Седмица! Они суть семь райскія яблони, семь же какъ едина, раж- дающа плодъ вѣчныя жизни. Теперь почувствуй сладкій сей гласъ невѣсты: „яко яблонь посредѣ древесъ лѣтнихъ, тако братъ мой по- средѣ сыновъ.“ „Положите мя въ яблонѣхъ“. „Подъ яблонею возбудихъ тя“. „Тамъ роди тя мати твоя“. Видишь ли? Куда въ гору взем- лется? И на коемъ деревѣ вѣшается? Такожде Исаіа чрезъ райское древо жизни, разумѣтъ седм и цу. „Яко же дніе древа жизни, будутъ дніе людей моихъ.“ На семь, насажденномъ при исходящихъ водъ, деревѣ повѣшенъ, изъ нечестиваго мужа блаженнымъ: изъ ползущаго Божественнымъ, изъ ядовитаго дѣлается спасителнымъ; изъ мертваго живымъ... Послушай, како Исаіа о всѣхъ Ноевыхъ, или Біблейныхъ скотахъ, звѣряхъ, и о самомъ Зміѣ благовѣститъ? „Не повредятъ ниже погублятъ.“ Но внегли: гдѣ не повредятъ? „На горѣ, де, Свя- той моей.“ „Волцы и агнцы имутъ пастися вкуупъ.“ „Левъ, яко волъ, снѣсть сламу, а змія—землю.“ Если же мнѣ скажешь: онъ и безъ горы

кушалъ землю, и за то отъ Бога проклять, затѣмъ-же-то онъ проклять, что жралъ не на горѣ, безъ горы, не на горахъ святыхъ. Не за то, что ѣлъ землю. Вся система мыра сего, есть земля и прахъ, вода текущая и сѣнь псамъ переходящая. Подобало ему ясти и пить съ Клеопою, а гдѣ? На пути субботномъ, или съ Петромъ, на съ небесъ низпущенной коврѣ или скатертѣ, или съ Павломъ у стола седмистолпнаго дому, или въ горницѣ съ ноги умывающими Апостолами. Сіестъ со Израилемъ. А гдѣ же? Тамо! Предъ Богомъ. Въ то время былъ бы онъ благополученъ, какъ написано: „Отъ потока на пути піеть: сего ради вознесе главу.“ „Вознесу тя Господи, яко подъялъ л. 24. мя еси.“ | Вознеси же главу свою, могъ бы тогда приподнять все свое тулубище, какъ самъ признается: „Аще азъ вознесенъ буду отъ земли, тогда вся привлеку къ себѣ.“

Душа. Почему свѣтлая седмица есть путь и потокъ?

Духъ. Потому, что она есть лѣствица, все возводящая къ Богу. Онъ единъ благъ и единъ высокъ. А потокъ потому, что напаяетъ всю Біблейную землю, устроая къ плодприношенію всю неплодну фігуралныхъ тварей темъ тму. Для того пишется: „Источникъ исхождаше отъ земли и напаяше все лице земли“. Лице есть тоже, что фігура, эмблематъ, образъ. „Лице мое да не явится тебѣ.“ „Просвѣти лице твое, и спасемъ.“

Душа. Скажи же мнѣ: когда просвѣщается лице Божіе? Видь сонце и день есть самъ собою свѣтель.

Духъ. Никакъ! Всякая стихія, есть-то тма. А просвѣщается лице Божіе тогда, когда въ сердцѣ сонечныхъ фігуры является слава Божія. Во время оно свѣтаетъ въ сонцѣ свѣтъ не вечерній: а во днѣ его мрачномъ, зарѣетъ дневное утро незаходимаго вѣка. И сіе-то есть! „Во свѣтѣ твоємъ узримъ свѣтъ“. Изъ седмицы дней 7 проповѣдей выводитъ Давидъ Богу. Такъ мудрствовать и протчимъ совѣтуетъ: „Благовѣстите, де, день отъ дня“. Юилъ же: „Вострубите трубою въ Сіонѣ“. „Проповѣдуйте въ горѣ моей святой.“ А что-ли проповѣдать? Вотъ что! „Яко приходитъ день Господень.“ „Яко близъ день тмы и бури, день облака и мглы.“

Тфу! Какъ же не близко? Онъ закрылся въ нашемъ мрачномъ и бурномъ днѣ. Такъ озъ нашимъ днемъ пожертъ, какъ Іона китомъ. И будто закрыть стѣною: „Се сей стоитъ за стѣною нашею.“ Но стѣны двинутся прочъ, а злой день изблюетъ благаго: „День дню отрыгаетъ глаголь“. Сирѣчь мудрому изъ мрачнаго дня, выходитъ разумъ вѣчнаго дня. Во время оно фігура, таящая во утробѣ своей, одѣющагося свѣтомъ яко ризою, аки роза и крынъ, дышетъ благовонныя Духи: „Дондеже дхнетъ день, и двинутся сѣни.“ „Смурна и стагта и касія отъ ризъ твоихъ.“

Душа. А я не угадаю ли? Нашъ темный день и сонце, есть-то

горестна гора. А день Божій, есть-то изъ горы Маврійскій дубъ. Знать-то онъ высокъ, когда Авраамскій пиръ подъ нимъ...

Духъ. Вотъ тогда-жъ-то просвѣщается лице Божіе, сирѣчь солнце, когда изъ него прорасло древо премудрости. Тутъ то пиръ. „Яко въ сѣни его (то есть сонца) мудрость, якоже скинія посребренна и источникъ разума премудрости, исходящій отъ нея, оживаетъ.“ Въ то время обновляется вся земля. „Дадесе ми всяка власть“... „Дуну, и глагола имъ: пріймите Духъ Святъ!“ „Донде же дхнеть День...“

Душа. Боже мой! Коль я усладилася фігурою сею! Она мнѣ мила. О благолѣпный образе! Прекрасное лице вѣчнаго! Пресвѣтлѣйшее Око! Призирающее | и облістающее всю землю! Кто-ли въ сытость л. 25. насладится тебѣ! О, позлащенная вѣчностію скиніе и ковчеже Божій, спасающій отъ потопа всемырнаго? Ты еси сонце, храмъ тайному сонцу, и селеніе Богу Іаковлю. Пой и воспой возлюбленному твоему, о, прекрасная въ женахъ! День и вечеръ пой! Нощъ и утро пой! Вся тварь спитъ. Ты же и прекрасная сестра твоя луна, не дрѣмлете поюще сію пѣснь: „Братъ мой мнѣ, и азъ ему...“ Мило мнѣ дивиться, что къ верховной сей фігурѣ всѣ протчія стекаются. А сія Царица Царица, ведетъ ко брату своему безчисленное дѣвиць стадо. „Отрокиницы возлюбиша тя“. „Во воню Мура твоего течемъ“. „Приведутся Царю Дѣвы во слѣдъ ея“. Сіи суть парицы и чистыя наложницы Царя Небеснаго. „Возрадуемъ и возвеселимся о тебѣ.“

Духъ. Хвалю твое мудрованіе, любезная моя голубице. Изнемогающій во вѣрѣ, да вкушаетъ оное зеліе и траву: „Всяка плоть, то сѣно“. Но твоего возраста зубамъ стыдно сосать млеко. Раскусивай и ищи въ шкорлупахъ зерно вѣчности. Домъ Божій не всуе нареченъ Луза, разумѣй садъ орѣшный. Въ немъ то Авраамъ и Іаковъ созидаютъ жертвенникъ, и при трапезѣ оной бесѣдуютъ съ Богомъ. Иный въ свѣтлой седмицѣ чрезъ день, разумѣетъ просто день. А иный жуеетъ каждый ея день, дабы почувствовать вкусъ животворящія правды и дня Господня, по оному: „соблуди насъ во твоей святынѣ весь день поучатися правдѣ твоей“. И сіе-то есть: „Овъ убо разсуждаетъ день черезъ день, Овъ же судитъ на всякъ день.“ Да пребываетъ убо вкусъ и премудрость у совершенныхъ каковъ есть оный: „Господи! Очи твои зрятъ на вѣру“. Аще же семи солнечныя очи седмичныя смотрятъ на вѣру, а вѣра облічаетъ невидиму и нову тварь, тогда видно, что Іеремія, ревшій сіе, не былъ изъ числа сихъ: „овъ разсуждаетъ день, чрезъ день“.

Душа. Но гдѣ мои дщери Іерусалимскія? Я скучилася безъ нихъ. Гдѣ крыновъ краснѣйшая, сихъ дѣвиць наставница? Куда она спѣшитъ? То желаетъ прохладиться. Подъ сѣнь, де, его возжелахъ. То проситъ: „Возведите мя въ домъ вина“. То хвалится: „пойду себѣ

къ горѣ Смурнинской“. „Утвердите мя въ мурахъ.“ Зачѣмъ ей въ трактиръ ходить? Захотѣлось вина и благовонныхъ помадь?

Духъ. Она прямо идетъ въ горня къ Отцу своему. Запалали ее любовь. Жаланиемъ желаетъ съ нимъ повеселиться, и напиться приснаго и свѣжаго, нововыдавленнаго вина, называемаго римски мустъ. Погулять ей хочется. Она идетъ къ Лоту.

Душа. Да гдѣ же дѣвался возлюбленный ея? Развѣ уже скучилося ей съ нимъ? Зачемъ ей къ Лоту?

Духъ. Хочетъ поспать съ батюшкою. Такъ какъ дѣвочки съ л. 26. Давидомъ, а Давидъ съ вѣчнымъ покоемъ. | „И полещу и почию.“ Первѣе его безпокоили дѣвочки. „Поспахъ, де, смущень.“ Жалѣется, будто ожелченъ. Потомъ радостно вопіеть: „Се покой мой!“ Вино и покой влекутъ старѣйшую дщерь Лотову, а она и юнѣйшихъ стадо сестеръ влечетъ сюда же. Но не почитай же чистую сію голубицу блудницею. Ея отецъ и братъ и другъ и женихъ и господинъ, есть то же.

Душа. Что значить пещера Лотова?

Духъ. Она есть солнечный чертогъ того: „Азъ цвѣтъ полный (полевой) и крынь удолий“. Лоть—еллински—стакта, есть тукъ и клей изъ ароматныхъ древесъ. Вспомни древо жизни. „Воня Мура твоего паче всѣхъ аромать.“ „Возрадуемся и возвеселимся о тебѣ.“ „Вы друзи мои есте.“ „Пиша же и упишася съ нимъ.“ „Не имамъ пити отъ плода лознаго, донде же пію новое...“ Чувствуй, душа моя, что Исусъ не шіеть вина, но ожидаетъ нѣкоего дня Навинова; каковъ ни былъ, ни будетъ второй во вѣки. Во оный единъ день желаетъ какъ Пасху кушать, такъ и пити мустъ, сирѣчь, нехмельное, но сладкое и новогроздное вино, оприснокамъ приличное.

Душа. Вспомнила я ложь Змінну, будь-то мустъ могъ здѣлать пьянымъ Лота. Но гдѣ было взять ветхаго вина бѣглецамъ? А дикихъ гроздей довольно найти можно.

Духъ. Пожалуй оставь ветхое и новое вино съ оприсноками и Пасхою! Да ищезнетъ, яко дымъ, вся тлѣнь отъ блистанія сладчайшія истинны! Царствіе Божіе нѣсть пища и питіе. Все тлѣнь и лжа кромѣ единыя вѣчности. Она есть истина Божія. Все жуй, вари и преобразуй въ чентръ и въ конецъ біблейный: разумѣй въ сокъ твоего сердца. Вотъ какъ! Печаль сего,мыра подобна пьяному вину. Печальный, будто пьяный, бываетъ разслабленъ, томный и унылый. Вотъ вино умиленія! „Напоилъ еси насъ виномъ умиленія.“ Но вѣчная истина есть-то сладчайшій Мустъ и Нектаръ, не во грусть, но въ куражъ и въ крѣпость приводящій. Вотъ что значить: „Дондеже пію новое“ и прочая. Пяны и слабы суть всѣ фігуры безъ вѣчности. „Укрѣпитесь рупѣ разслабленныя.“ Се Богъ нашъ Судъ воздаеть!“ „Тогда скочить хромый, аки елень...“ Вспомни седмистолпный домъ премудрости. Какъ ли ты понимаешь фігуру дома сего?

Душа. Я доселѣ понимала, что сей домъ на столпахъ облокотился или утверждёнъ на нихъ.

Духъ. Не прелщайся же, и знай, что здѣсь столпъ значить не тое, что у римлянъ Columna, но то что у нихъ turris, а у еллиновъ Πύργος, сирѣчь возвышенное зданіе по образу круглаго или квадратнаго столпа. У насъ называется башня, бойница [Pteropugnaculum] или теремъ, какъ видно изъ малороссійской пѣсни:

По-надъ моремъ глубокимъ
Стоить теремъ высокій.

Таковъ былъ столпъ древній, называемый Φᾶρος, при устѣ | рѣки л. 27. Ніла, надъ моремъ. Глава его дышала пламенемъ, въ ночи изъ великой дальности видимымъ, путеведущимъ мореходцы къ гавани. При семъ столпѣ 70 толковники претолковали еллински Біблію. Тутъ праздновалася ежегодно память толикаго дѣла. Чудо отъ седми древнихъ чудесъ, се, превышше облаковъ, столпъ. Вотъ тебѣ твердыи, утверждающіи домъ вѣчнаго столпы седми дней, седми сонецъ, но едино, и седми очей, но едино, и седми огней, но единъ огонь, и седми столповъ и единъ столпъ. „Столпъ крѣпости отъ лица вражія.“ Сіи седми теремы, главы своя вышше облаковъ возносящіи, суть пресвѣтлыи чертоги вышняго, отъ безчисленныхъ горницъ избранныя горницы, весь премудраго нашего Соломона храмъ, чудо вселенныя, просвѣщающіи и защищающіи. „Седмъ сія очеса Господня суть“... Благослови Богъ день седмый. „Въ той почі отъ всѣхъ дѣлъ своихъ.“ „О, Израилю! Коль великъ домъ Божій! Великъ и не имать конца.“ Но не сонце ли есть нерукотворенный храмъ ему? „Кій домъ созиждете мнѣ?“ глаголетъ Господь. Въ семъ столпѣ снизшедъ, здѣлалъ смѣшеніе, а подувъ въ сей же горницѣ, благоуханною своею бурею, произвелъ раздѣленіе языковъ во всей сей землѣ. Въ сей кушѣ надверхо шелъ росоносный огонь, и огненный хладъ Духа Святаго на Апостолы. Тутъ то пяны стали Ангелы: „Пиша же и упишася съ нимъ“. Напилися они не на то, чтобъ увянуть, падать, ползать и спать на землѣ. Во плоть возбѣшенны не были. Духъ Вѣчнаго согрѣлъ сердце ихъ. Отсюду куражь, новыя мысли, странныя рѣчи, чудная сила, ясенъ языкъ ихъ... Вотъ родъ пьянства или видъ его. А какъ учитель ихъ не пьетъ вина, не дождавъ нѣкоего дня, новому сему питію виновнаго: „До дне того, егда“ и протч. и не ясть пасхи безъ горницы нѣкоего челоуѣка, такъ и ученики пьяными показалися народу вотъ когда: „Есть бо часъ третій дне.“ Третій часъ, третій день, есть-то Воскресенія вѣчность и царствіе.

Душа. Скажи жь, отче мой, для чего тамъ же, кромѣ нѣкоего дня великаго, и кромѣ дому нѣкоего, поминается и о Царствіи Божіи? „Не имамъ ясти—дондеже скончуются во Царствіи Б.(ожіи).“

Духъ. Почто дрѣмлешь? Не слышишь ли, что третій день и царствіе есть тожде. Не забывай, что свѣтлая седмица есть столпъ, градъ, домъ и престолъ митрополскій. Тутъ сидить, судить и началствуетъ племенамъ земнымъ тотъ: „Ты кто еси? И рѣче имъ Иисусъ: начатокъ“. Сонце есть день, столпъ горница. Тутъ Царствіе Божіе сирѣчь правленіе, власть и Начало. „Дастъ ему Господь Богъ престолъ Давіда отца его“. „Се Богъ нашъ судъ воздаеть!“

Душа. Я слыхала, будто лучше читать: „глаголаху, яко Мустомъ исполнены суть“, нежели такъ: „яко виномъ исполнены суть.“

Духъ. Какъ хотишь читай но мудретвуй о Бозѣ. Видь о винѣ можно сказать тоже, что о водѣ, „Сіе же рече о Дусѣ.“

Душа. Не сей ли есть оный столпъ облачный и огненный, ношію и днемъ ведущій Израйля?

Духъ. Сей есть оный самый.

Душа. Для чего же въ Римской Бібліи читають: (in Columna Nubis), сирѣчь, въ столпѣ облачномъ, а не читають: (in Turri Nubis)?

Духъ. Преткнулся толковникъ. Правда и приличность воіетъ, да будетъ столпъ столповиднымъ жилищемъ. Равно претыкаются іконописцы, вмѣщающіи Сумеона Столпника на колумнѣ не на винограднои горничкѣ съ балконцомъ, какъ видно изъ притчи: „Созда точило и столпъ“—сирѣчь горничку въ виноградѣ. Чему ты усмѣхнулась?..

Душа. Вѣдаешъ Господи и тайная моя. Въ катедралномъ Софійскомъ храмѣ, главная ікона, образующая домъ премудрости выставила седмь колумны, поддерживающія стѣну. Нынѣ вижу ихъ обманъ. Сверхъ того смѣхъ мнѣ сотворили книжники безъ-мінервныи. Они Диогена загнали въ бочку. Едино не ражжеванное слово раждаеть смѣшныи вздоры. Какъ можно жить въ бочкѣ или на колумнѣ?

Духъ. Но не вельми будь любопытна во ветошахъ и вретishaхъ. Терминъ или гласъ есть вретisha! Путь Израилскій не къ нимъ, но чрезъ нихъ. Забуди столпы твои. Спѣши ко онымъ нерукотвореннымъ: „Обиліе въ столпостѣнахъ твоихъ“. Тамъ пиръ, трапеза, хлѣбъ, вино и невѣстникъ и невѣста. „Ведите мя въ домъ вина.“ „Пойду себѣ къ горѣ Смѣрской.“ Тамъ Іерусалимъ. Тамо мнѣ миръ. „Возвеселихся о решихъ мнѣ: въ домъ Господень поидемъ.“ „Тамо сѣдоша престолы на судъ.“ Изъ сея горы Девора изнесла судъ на Сисару. Изъ куци Іавиль, вырвавъ колъ, пробила ему сквозь чрезъ око голову. Изъ сего града Юдіеъ выйшлаѣ и отняла главу Олоферну. Изъ сего столпа жена жерновымъ уломкомъ сокрушила Авимелеху тѣмя. Изъ сего дома принесла хлѣбы и вино, мясо и смоквы и муку чистую прекрасная Авігеа Давиду возлюбленному. Видишь, душа моя, въ кой домъ жадаеть невѣста? „Ведите меня въ домъ вина!“

Душа. Хотѣлося бы мнѣ знать жену, сокрушившую тѣмя Авімелеху. Вотъ героиня!

Духъ. Она видь есть невѣста нашего Соломона. „Сверже, де, жена едина уломъ жерновный.“ А не слышишь Соломона? „Едина есть голубица-то моя.“ Смотри, куда сія голубица ведетъ хоръ дочерей Іерусалимскихъ? Къ воротамъ ихъ, куда и Давидъ хочеть прилѣпитися. „Во вратахъ дочере Сіони“. Тутъ игумень сидитъ и кушаетъ хлѣбъ свой. Тутъ праздникъ и торжество. Но гдѣ? Слышь! Въ полуднѣ, въ солнцѣ. „Той есть Богъ нашъ. Той упасеть насъ во вѣки.“ „Внїдохъ во вертоградъ мой, сестро моя.“ „Ядите, ближніи, и пїйте и упїйтеся братія.“

| ГЛАВА 5-я.

л. 29.

О злобѣ змінной.

Пѣснь.

Кто дастъ мнѣ посребренны крила голубины?
Кто дастъ рамена орла великаго нынѣ?
Да лещу сквозѣ присно о Бозѣ, отъ земна края даже до рая,
И почию.

Се ехиднѣ лютой бѣжить! Се мя достизаеть!
Се челюсть адску на мя лютѣ разверзаеть!
Поглотить хочеть. Ядомъ клокошетъ Васіліскъ дивный. Ас-
пїдъ питливый.

Ахъ мнѣ горе!
Водъ горкихъ хлябы студно изблеваеть черный.
Се мразь! Се облакъ покры мя нынѣ вечерній!
Увы, мнѣ нынѣ! Увы, единѣ! Гонить вѣмъ адомъ мене со
чадомъ.

Нѣсть мнѣ мира...

Духъ. Что ты, душа моя, думаешь во уединеніи? Зачемъ ты печальна?

Душа. Амурюся, пою и плачу во пустынѣ, съ возлюбленною дочерію, израилскаго князя Іефеая единокорною, и со другинями ея, на горахъ святыхъ. Плачу со Іереміею надъ Іерусалимомъ. Стражду и болѣзную съ неспрадною, облеченною въ сонце женою, раждающею Сына...

Духъ. Плачь! Но разумѣй и различай время слезъ и время смѣха. Знай, яко есть видь время, но есть же пакы сверхъ того и время временъ, сирѣчь полу-время, и блаженное оно время: „Очи всѣхъ на тя уповають и Ты даеши имъ пищу во благовремя.“ Плачи въ притворѣ и во дверяхъ, да возрадуешься внутрь олтаря. Княжеска дочерь по горахъ святыхъ плачетъ на то, да будетъ Богу радостна жертва. Плачь ведетъ къ смѣху, а смѣхъ въ плачѣ кроется. Приличный

плачь, есть тоже, что благовременный смѣхъ. Сія двѣ половины составляютъ едино. Такъ какъ пищу—гладь и сытость, зима и лѣто плоды. Тма и свѣтъ—день. Смерть и животь—всякую тварь, Добро и зло, нищету и богатство Господь сотворилъ, и слѣпилъ во едино. Но какъ рѣчь тебе побудила къ слезамъ?

Душа. Жалость мене снѣдаетъ о прекрасныхъ дочеряхъ Иерусалимскихъ. Отверженіе отъ жениха, уничтоженіе праздникова, премѣненіе въ плачь торжества и въ пепель превращеніе ликовъ... Боюся, да и мене съ ними не пожретъ водная буря и потопъ...

Духъ. Не бойся же! Глянь въ гору! Что то надъ тобою?

Душа. Ахъ! Боже мой! Вижу двѣ птицы.

Духъ. Не бойся! Они прямо надъ тобою. Къ тебѣ ниспускаются.

Душа. И боюся и радуюся.

Духъ. Не бойся! Се тебѣ небо посылаетъ вѣстники со знаменіями, яко потопъ, погубляющій вселенную, не имать тебѣ повредить. Вмѣсто голубицы съ масличною вѣтвю, се тебѣ дневный вранъ несетъ яблоко, прозорливый же Эродій гроздь виноградный.

Душа. О, Мати Божія!

Духъ. Не касайся ихъ отнюдь... А только прійми отъ нихъ плоды. Если коснешься—во вѣки ихъ не увидишь. Нынѣ же надъ главою твоею, лѣтая и увеселяя, пребудуть до скончанія вѣка. Аминь!

*

л. 80.

| Inveni Portus. Satana, Caro, Munde, valet!
Sat me iocistastis. Nunc mihi certa Quies.

*

Се мнѣ гавань! Прочь бѣжи! Сатана, плоть, мире.
Полно мнѣ волноваться. Здравствуй, святой мире!

ГЛАВА 6-я.

О Преображеніи.

*

Излій на мя, Боже, со Небеси росу.
Да красный плодъ тебѣ принесу какъ розу.

*

Яблоко райское,
Изъ сада Преображенскаго.

*

„Убуждшеся, видѣша славу его.“

*

Весь миръ спить... Да еще не такъ спить, какъ о праведникѣ сказано: „Аще падеть не разбѣтсѣ.“ Спять глубоко, протянувшись,

будьто убитый о землю. А наставники пасущіи Израїля, не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ. Спи! не бойсь! Мѣсто хорошее. Чего опасаться?.. Глаголюще: Миръ! а его не бывало... О, блаженный Петръ съ товарищами своими! Самъ Господь пробуживаетъ ихъ. „Востаните! и не бойтеса! Петръ же и сущи съ нимъ, бяху отягченны сномъ.“ Встанте, говорить имъ, поднимитеса отъ земли! Тогда уже не бойтеса. Колотить сихъ погребенныхъ и Павелъ. „Востани спяй!“ Встань, де, о, мертвецъ! Воскресни отъ мертвыхъ „и освѣтитъ тя Христосъ“. Дотолѣ землю будешь и не преобразишь во Христа, доколѣ не увидишь Свѣтлаго Небеснаго Человѣка. И о немъ-то рѣчь слѣдуетъ:

„Убуждшеса, видѣша славу его.“

Фамарь, невѣстка Іуды сына Іаковля, показалася ему блудницею. Не позналъ ее затѣмъ, что закрыла лице свое. Но по справкѣ узналъ и сказалъ: „оправдася Фамарь паче мене“. Такимъ-же образомъ и сыны Израїлевы не могли смотрѣть на блистающее славою лице Мойсея человѣка Божія. А на что же такое они смотрѣли? На покрывало только одно, затемняющее свѣтлость очей его. Какой же ты Израїль? Худъ воистину! Обрѣзанъ ты по плоти. Да не обрѣзанъ еси по сердцу. Тма твоимъ очамъ сносна. А на истину смотрѣть не терпишь. Лежишь на землѣ. Качаешься съ твоею сею блудницею и доволствуешься ею. Отвращаешь око твое отъ отца твоего, око ругающееся отцу, и досаждающее старости матерней. А не видно орлихъ птенцовъ, чтобъ по Соломонову желанію, выклевали тебѣ нещасное твое око... Такъ и нынѣшняя подлость христіанская, и такимъ | точно окомъ смотреть 31. на своего вожда Христа! Гдѣ онъ родился? Отъ коихъ родителей? Сколько жилъ на свѣтѣ? Какъ давно? Двѣ ли уже тысячи лѣтъ? Или не будетъ?.. О, христіанине! Окрещенъ ты по плоти, да не омытъ еси по смыслу. Зачемъ ты вперилъ твое любопытство въ этакія пліотки? Для чего вышше не поднимаешься? Здѣсь думаешь и заснуть? Тутъ палашъ построить съ Петромъ? „Не вѣдый, еже глаголаше... Не слышишь ли, что такое и твой Мойсей говоритъ: „Покры срамота лице мое.“

Вотъ для чего не могутъ мене братія моя видѣть! „Чуждъ быхъ сынамъ матери моея...“ До сихъ поръ ли ты не смыслишь, что это все плоть и пліотки и тѣнь покрывающая высочайшую премудрости гору? Видь сія завѣса во свое время должна вся раздратись. Не сіе ли есть лицемѣріе, лице небеси рассуждающее? Вотъ родъ лукавый и прелюбодѣйный, плотскаго знаменія ищущій. Вотъ квасъ ученія фарисейскаго! Но послушаймо! Такъ ли учитъ Христосъ на единѣ любезныя своя ученики? Какъ познавать? Что есть истинный человѣкъ? Тоестъ сынъ человѣчь или Христосъ—все то едино. „Кого мя глаголють чловѣцы

быти?“ Слушай Петре! Скажи мнѣ: какъ-ли подлость думаетъ? Что есть человѣкъ? Знаю, что они ошибаются. А ты какъ думаешь? Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго.“ Хорошо, Петръ попалъ. Видно, что онъ, сквозь пустую плотяну завѣсу проницаль голубинымъ окомъ подалѣе. Для того жъ ему и истинный человѣческій сынъ говорить: „Блаженъ еси Симоне, съ твоимъ окомъ!“ Оно не смотритъ на плоть и кровь, какъ подлое понятіе, но минуя плоть и кровь, находитъ другой родъ, родъ истинный, родъ Израилскій, родъ отца моего: „Иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія...“ Слушай, христіанине! Слушай съ твоимъ явическимъ сердцемъ! Долго ли тебѣ лежать на землѣ? Будешь ли ты когда-то человѣкомъ? Не будешь! Почему? Потому что на плотяну завѣсу засмотрѣлся. А на лице истиннаго человѣка Божія смотрѣть никакъ твоему оку нетерпѣливо. Не преобразишься, другъ мой, изъ земнаго въ небснаго потоль, поколь не увидишь Христа. Потоль, поколь не узнаешь, что то есть истинный человекъ? Не продерешь глазъ потоль, поколь плоть и кровь будутъ держать твое сердце. Но долго ли будетъ держаться? Поколь признаешься, что твоя плоть и кровь, есть-то прахъ и ничтожность. Сюда завело тебе твое собственное мнѣніе. Такъ ли? Такъ точно. „Отъ славы своея незриновенны быша.“

Лишенны славы Божія, научилися мы судить братію нашу по плоти. Такимъ образомъ и на самого Христа смотримъ. Одни только м. 32. пустозвонства на немъ примѣчаемъ. | А на самого его, и на славу его не взираемъ. Правда, что Павелъ сказуетъ: „Преобразить, де, тѣло смиренія нашего, во еже быти ему сообразну тѣлу плоти его“. Не спорю. Но такъ ли ты смотришь на Христа, какъ Павелъ? Онъ хвалится: „Не вѣмъ, де, по плоти Христа. Вѣмъ, де, человека, прошедшаго Небеса. Сазданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины.“ Сего-жъ-то Онъ Человѣка и Ефесіанамъ поручаетъ и похваляетъ. Истиною не бывала плоть никогда. Плоть и ложь, одно и тоже. А любящій сего ідола, есть и самъ таковъ-же. А когда плоть есть ложь и пустошь, тогда она не есть Человѣкъ. Слыхаль ли ты книгу родства истиннаго человѣка, сына Давидова, сына Авраамля?

Іаковъ родиль Іуду, Іуда родиль Фареса отъ Фамары и проч. Знай же, что сія книга, есть книга вѣчная, Книга Божія, Книга Небсна, и не содержитъ никого въ себѣ кромѣ Израилскаго рода.

„Не соберу соборовъ ихъ отъ кровей, ниже помяну имень ихъ.“ Сего-же-то рода и нашъ Христосъ есть. Въ прочемъ, что родъ Израилскій не умираетъ, слушай Іоилы: „Яко же утро, разліются по горамъ людіе крѣпцы и мнози. Подобны имъ не быша отъ вѣка. И по нихъ не приложится до лѣтъ въ родъ и родъ.“

Если бы можно до ихъ лѣтъ приложить что либо, тогда бы они имѣли конецъ. Но теперъ они всему-на-всему самы суть концемъ. Не конецъ то, послѣ чего нѣчто еще слѣдуетъ. Но сей родъ всему самъ

есть концемъ. Остатокъ не во языкахъ пребываетъ, ниже хребетъ во тваряхъ. Хребетъ Божій, а останокъ есть Израилевъ. И единъ точію останокъ спасается. А прочее все мимо течеть. „Уничжатся языцы, яко вода мимотекуща.“ „Останки нечестивыхъ потреблятсѣ.“ А что Іоиль точно о родѣ Израилскомъ сіе воспѣваетъ, слушай Мойсея, Человѣка Божія, Христу сродника и со Христомъ на Фаворѣ о исходѣ его, сирѣчь, о останкѣ бесѣдующаго: „Блаженъ еси Израилю.“ „Кто подобенъ тебѣ? Роде спасаемый отъ Господа.“ „Защититъ помощникъ твой. И мечъ, хвала твоя. И солжутъ тебѣ врази твои, (тоестъ ошибутся и не узнають). „И ты на выю ихъ наступиши...“

Видишь, что судящій Израиля по плоти, зрящій на одну внѣшность смиренія Христова, не разумѣющій, яко „во смиреніи его, судъ его взятсѣ: (поднялся высоко, высоко) есть врагъ Христовъ изъ числа оныхъ, коихъ Павелъ называетъ врагами креста Христова, въ Моисеевыхъ словахъ мечемъ наименованнаго. „Мечъ хвала твоя“, который у Іереміи всю плоть, такъ какъ крестъ, сѣчетъ, убиваетъ, умерщвляетъ.

| Продеримъ же, о, мертвая и безсушная тѣнь, глаза наши и зао- л. 33.
быкшее ко плотской тмѣ око наше, возводя потихоньку въ горняя, приобучаймо смотрѣть на Израиля, то есть на истиннаго человѣка, минуя покрывало плоти. Вотъ насъ спящихъ на землѣ пробуживаетъ Павелъ: „Вышнихъ ищите!“ „Горняя мудрствуйте!“ „Почто о стіхіяхъ стязаетесь?“ „Егда же Христосъ явится, животь вашъ, истинный живой Человѣкъ, тогда и вы явитесь во славѣ...“ Пробуживаетъ и Іеремія вотъ какъ! „Почто мы сѣдимъ? Совокупитесь и внідемъ во грады тверды и повержемся тамо предъ Господемъ, сотворшимъ насъ...“ Тамо, а здѣсь во стіхіяхъ, ждахомъ мира и не бяху благая... О истинный, нетлѣнный Израилскій Боже! Блѣсни свѣтомъ твоимъ на насъ столько, сколько можетъ по крайней мѣрѣ око наше стерпѣть. Да пошедь во свѣтѣ лица твоего и нечувствительно въ новое преображаяся достигнемъ во всерадостное и самаго послѣдняго волоса нашего, Воскресеніе. Тебѣ Слава, съ твоимъ человѣкомъ, и со Святымъ Твоимъ Духомъ. Аминь!

„Убуждшесѣ, видѣша славу его.“

Вотъ такъ-то вранѣ надъ головою покракавъ, поднялся въ гору, но не разлучился, исполняя написанное.

„Идѣ же групъ тамо соберутся Орлы.“

„Птицы да умножатся на землѣ!“

ГЛАВА 7-я.

О воскресеніи.

Излій на мя, Боже, со небесе росу,

Да красный гроздь тебѣ принесу какъ розу.

*

Гроздь райскій,
Изъ сада Воскресенскаго.

*

„Да лобжетъ мя отъ лобзаній усть твоихъ!“

*

Любезныи ученики! Не бойтесь! Поднимайтесь дерзновенно къ тому, на котораго лице не могли вы за ужасомъ смотрѣть на Оаворѣ. Слушайте, что говоритъ: „Дерзайте! Миръ вамъ! Радуйтесь!“

Тогда вамъ несносенъ былъ самый взоръ его, а нынѣ и словъ его сладчайшихъ послушаете, и лобзаніемъ утвердить съ вами вѣчную дружбу! Умѣйте только приближаться къ нему. Не забывайте никогда, наставляющаго васъ, просвѣщеннаго ангела словъ: „Нѣсть здѣ!“ „Воста!“ Сии слова простесенько васъ доведутъ къ Славному Истинному Человѣку. Сей есть Воскресеніе и животь вашъ!

л. 34. „Да лобжетъ мя отъ лобзаній усть своихъ.“ | Состарѣлся Авраамовъ сынъ. Захотѣлось ему умереть. Да и не дивно. Уже его очи притупились. Ищезоша очи его, яко Давидовы, во слово Божіе. Не могли ничево видѣть здѣ, въ мырѣ нашемъ суетномъ. Приготовляясь ко блаженной оной смерти: „Блаженны мертвыи, умирающіи отъ нынѣ во Господѣ.“ пожелалъ нищи. Удовлетворилъ душѣ его второй сынъ его. Благодарствую сынъ! „Приблизися ко мнѣ, говоритъ ему, и облобызай мя.“ „И приблизився, лобыза его.“—Щасливъ Ісаакъ! Онъ подъ Исавомъ нашолю Іакова. А мы на-противу-того, подъ пеленами Ізраилскаго младенца, подъ плащеницею Христовою, часто находимъ, не-пріятеля Ізраилева, Исава. Сей-то съ нами витается и лобызается! Что за причина? Не смыслимъ какъ искать... Не смысленно ищемъ... Многіи ищутъ его во единоначалствахъ кесаря Августа, во временахъ Тиверіевыхъ, во владѣніяхъ Пілатовыхъ и протчая. Но всіо-то ищутъ. Гдѣ? Здѣ! Въ мырѣ семъ! Между мертвыми... Пожалуй поищи поискунѣе. „Нѣсть здѣ!“ Многіи волочатся по Іерусалимахъ, по Іорданахъ, по Виеелемахъ, по горахъ Кармилскихъ, по Оаворахъ, по холмахъ Сінайскихъ и Аѳонскихъ; нюхаютъ между Эвфратами и Тиграми рѣками. Тутъ-то онъ конечно! Думаютъ: вотъ! вотъ! Здѣ Христось! Здѣ! Вонъ онъ! Кричатъ и другимъ: Здѣ Христось! Знаю, кричитъ ангель, Іисуса Распятаго ищите. „Нѣсть здѣ! Нѣсть!“ Многіи ищутъ его по высокихъ мырскихъ чествахъ, по великолѣпныхъ домахъ, по церемональныхъ столахъ и протчая. Многіи ищутъ зѣвая по всему голубому звѣздоносному сводѣ, по сонцу, по лунѣ, по всемъ Коперниковымъ мырамъ... „Нѣсть здѣ!“ Ищутъ въ долгихъ моленіяхъ, въ постахъ, въ священныхъ обрядахъ... Ищутъ въ деньгахъ, въ столѣтнемъ здравіи, въ плотскомъ воскресеніи, въ плотскомъ очейсвѣленіи... „Нѣсть здѣ!“

Что за бѣда? Да гдѣ жъ Онъ? Конечно-жъ тутъ онъ, если вѣтывство-
вать въ проповѣдяхъ, знать пророческія тайны, преставлять горы,
воскрешать мертвыхъ, раздать имѣніе, мучить свое тѣло стужею и...
Но молніевидный ангель одно имъ кричитъ: „Нѣсть здѣ!“ Конечно
жъ его нигдѣ нѣтъ, когда и тутъ нѣтъ. Тѣфу! Конечно, другъ мой,
нѣтъ его для тебе. Затѣмъ, что его не знаешь, и не видишь Его...
Изуй же сапогъ твой съ Мойсеемъ. Брось дурное твое (здѣ). Ей!
Именемъ тебѣ ангелскимъ говорю: во мгновение ока същещь. Что жъ
теперь осталось дѣлать? П а с х а! „Востани Господи! да рассыплются
враги твои! И да бѣжать вси ненавидящій тебе!“ Поднимайся | возлюб- л. 35.
ленный Израилю и ступай отъ силы въ лучшую силу!

*

Послѣ побѣды Аморрейскія, поднялися сыны Израилевы противу
западовъ. Не мило стало то Царю Валаку. Вотъ, говоритъ: какіи-то
новыи и дивныи люде изъ Египта выйшли, и по горамъ разливаясь,
вышше горъ поднялися. Что за чудо? Посылаетъ послы къ волшебнику
Валааму, чтобъ истребить родъ Божій. Пришли послы. Объявили Ца-
реву волю. Хорошо! сказалъ Валаамъ. „Препочійте жъ здѣ ночь сію“.

Не напрасно, другъ мой, не велитъ тебѣ ангель искать здѣ.
Видишь что въ семь гнѣздѣ почиваютъ враги рода Божія. П а с х а!
Пришли къ Мойсею потомки Рувимовы и Гадовы. Просятъ, дабы
онъ ихъ не переводилъ на ту сторону Иордана для поселенія.
Весьма, де, по сію сторону земля скотопитательна, а у насъ, де,
видь скоть... Закричалъ на ихъ Мойсей: „Братія ваша пойдутъ на
брань. И вы ли сядете ту? И вскую развращаете сердце сыновъ Израи-
левыхъ, чтобъ не перейшли они на землю, юже даетъ Господь имъ?“
За сіе, что они хотѣли остаться здѣ, такъ разъярился Господь, что за-
влялся, дабы имъ не внійти въ землю, обѣщанную Израилю, кромѣ
Халева да Исуса Навина, называя здѣ остающихся людьми, вѣдущими
д о б р о и з л о, каковъ видно былъ Адамъ изгоняемый изъ рая. Вотъ
что надѣлало проклятое гнѣздо сіе: (здѣ)! П а с х а! Если воведетъ тебе,
говоритъ Божій Мойсей, Господь твой въ находящуюся тамо за Иорданомъ,
за путемъ Западнимъ землю, которая совсѣмъ разнится отъ Египетскія,
потому что она нагорная и равная, а что еще лучше всего, очи Господа
Бога твоего на ней отъ начала лѣта и до конца лѣта: то пожалуй!
пожалуй! Пагубою погубите все языческое и тлѣнное, даже до послѣд-
няго волоса, кромѣ начатковъ и первенцовъ отъ воловъ и овецъ ва-
шихъ. „Да не сотворите, говоритъ, тамо воѣхъ, елика вы творите
здѣ днесъ, кійждо угодное предъ собою. Не прійдете бо до нынѣ въ
покой...“ Такъ пожалуй же, другъ мой, послушай Мойсея: не ищи
здѣ, сирѣчь въ пагубномъ языческомъ тлѣніи, возлюбленнаго чело-
вѣка, истиннаго мужа, друга, брата и ближняго твоего. Ищи его

тамъ! По ту сторону Иордана, за западнымъ, за вечернимъ путемъ: не здѣ, не днесь, не нынѣ... Тамъ-то онъ! Тамъ сей начатокъ умер-

л. 36. шимъ и всему тлѣннѣю. | А иначе обლობызаешься съ какимъ-то язычникомъ. Пасха! Безумный книжникъ Сомнасъ искалъ человѣка по сію сторону Иордана. Что же ему Ангель Господень Исаіа говоритъ? Вотъ что: Что ты здѣ! И что тебѣ здѣ? Яко истесалъ еси здѣ гробъ и сотворилъ еси себѣ на высотѣ гробъ... „Се нынѣ Господь Саваоѣ извержетъ и сотретъ мужа и отыметъ утварь твою, и вѣнецъ твой славный и повержетъ тя въ страну велику и безмѣрну, и тамо умрѣши... „Нечасный книжникъ! Читалъ пророковъ. Искалъ Человѣка, да попалъ на мертвеца и самъ съ нимъ пропалъ. Конечно жъ онъ искалъ межъ посланниками Царя Валака, на сѣдалищи губителей и фѣзическихъ волшебниковъ, все во плоть и кровь обращающихъ. Посему-то вотъ что на такихъ говоритъ блаженный мужъ Іовъ: „Глаголютъ Господеви: отступи отъ насъ. Путей твоихъ видѣти не хотимъ... Будутъ же яко плевы предъ вѣтромъ, или якоже прахъ... Да узрять очи его свое убіеніе... и той во гробъ отнесенъ бысть, и на гробищахъ побдѣ. Усладися ему дробное каменіе потока.“

Кричитъ на таковыхъ и другій ангель Міхеа: „Востани и пойдѣ! Яко нѣсть тебѣ здѣ покой, нечистоты ради. Истлѣсте тлѣннѣемъ...“ Видишь ли ты, говоритъ къ третьему ангелу Іезекіилу Господь, видѣлъ ли еси, что сіи творять? Беззаконія велика домъ Израилевъ творить здѣ, еже удалитися отъ святины моихъ... О, беззаконное ты здѣ! Чего ты надѣлало? Отвело ты насъ отъ живаго человѣка къ мертвецамъ. Отъ святаго мужа ко тлѣннымъ болванамъ и чучеламъ. „Беззаконіе, жалобно говоритъ онъ, пяты моея обиде мя.“ Ахъ! подало ты намъ пяту его проклятую, а не прекрасную его главу, да облабызаетъ насъ. Пяту мы одну видимъ, порожденіе змійно, блюдущее пяту.

„Вселятся, говоритъ Человѣкъ, и скрываютъ...“ Да скажи же! Кто тебѣ скрываетъ, сокровище наше? Ахъ! Развѣ ты, отвѣщаетъ, не видишь? Сколько ихъ въ дому Израилевомъ? Во Священномъ Писаніи? И что они творять? Самы здѣ во гробахъ сидятъ, и мене съ собою туда же отаскиваютъ, а я мертвецомъ никогда не бывалъ. Кромѣ пяты моея. „Мнози борющіи мя съ высоты“. „Попраша мя врази мои.“ „Тѣ пяту мою сохраняютъ. Вселятся (здѣ) и скрываютъ воскресеніе мое.“

л. 37. Пасха! „Востани! Востани Іерусалиме! Азъ есмь! Азъ есмь | утѣшай ты! Разумѣй!“ Кто-то есть Сый?

„Идите враты моими, и путь сотворите людемъ моимъ, и каменіе, еже на пути, разместите...“ „И се трусъ бысть велій! Ангель бо Господень, шедъ со небесе, приступль, отвали каменъ...“

Зачемъ вы тутъ? Ищете Человѣка?.. Нѣсть Здѣ! „Воста!“ Скажи жъ, умилосердись! Гдѣ онъ? Отвѣтъ: Нѣтъ Его въ царствѣ сихъ мертвецовъ! Онъ всегда живъ. Тамъ его ищите! Въ Царствѣ

живыхъ. И нынѣ что Здѣ есте? Пасха! „Востани! Востани! Воскресни Иерусалиме!“ „И бысть егда бяше Исусъ у Іеріхона, возрѣвъ очима своими, видѣ Человѣка стояща предъ нимъ...“

Вотъ видишь! Не напрасно ангель говоритъ: „Тамо его узрите! Да гдѣ жъ тамо? По ту сторону (слышь) Іордана. На святомъ уже мѣстѣ, не на тлѣнномъ. На землѣ нагорней, высокой, обѣтованной... Туда-то онъ возрѣвъ, увидѣлъ Человѣка. Позналъ и поклонился Ему, Владыкѣ своему. Пасха! Востани! Востани, Сіоне! Истрыся прахъ... Возрѣвъ Авраамъ очима своими, видѣ мѣсто издалече и рече отрокамъ своимъ: сидите здѣ со ослятюмъ. Азъ же и отрочищъ пойдемъ до-ондѣ... Видишь, что и Авраамъ, бросивъ все здѣшнее, нашель истиннаго Человѣка на горѣ. Тоже, что тамо: и видѣвъ день его возрадовался. Нелзя имѣть очей лучшихъ, какъ Авраамовы. Они одни видятъ овна, держамаго рогами въ садѣ Савекъ. Пасха! Рогами привязанъ къ саду Савекъ. Что значить Савекъ? Савекъ значить хвастіе. Но можетъ ли хвастіе стоять об-он-поль Іордана, предъ лицомъ Господнимъ? Оно одно сожигается все-сожженіемъ. Яко ничтоже, а Человѣкъ Ісаакъ, цѣль, живъ. Да и какъ ему не быть цѣлому, когда Самъ Богъ защищаетъ его?

„... Ниже да сотвориши ему что...“

Видно жъ, что онъ не есть хворость, за плечима оставшійся, о которомъ Ісаіа:

„Се вси, яко хвастіе, огнемъ погорятъ.“

А о противныхъ симъ хворостянамъ людяхъ, тотже вотъ что: „Яко же, говоритъ, небо ново и земля нова, яже Азъ творю, пребываютъ предо-мною: тако станеть сѣмя ваше и имя ваше...“

Сего жъ-то Человѣка и Навинъ видѣлъ, стояща не падающа, | но л. 88. вѣчно предъ лицомъ Господнимъ пребывающа. Пасха! Востани! Востани Иерусалиме. Далъ Господь чудотворный жезль Мойсею. Посылаеть его на освобожденіе братіи своея изъ Египта. Велить Аарону встрѣтить Мойсея. Гдѣ жъ онъ стрѣчаетъ? Вотъ гдѣ: „Иде и стрѣте его въ горѣ Божіей.“ „И цѣловастася оба.“

По освобожденіи изъ Египта братіи Ізраилскія, желаетъ видѣть Мойсея тестъ его Іоооръ. Взялъ дщерь свою, супругу Мойсееву съ двоима сынами. Поѣхаль въ пустыню. Пріѣхаль. Донесли Мойсею.

О, роде благословенный Богомъ Вышнимъ! Прямо подрались на гору Хоривъ.

„Изыйде же Мойсей въ стрѣтеніе тестю своему, и поклонися ему, и цѣлова его, и привѣтствоваша другъ друга и вовеле ихъ Мойсей въ кушу.“ Пасха! Запрещаетъ найстрожайше Мойсей, дабы мы, идуще отъ здѣ тамо, ничево изъ хворосту не заносили, называя все такое проклятіемъ, ідоломъ, и претеновеніемъ на царскомъ семъ пути.

„Воньми крѣпцѣ, кричить, еже не ясти крове!... да не снѣси ю! Да благо тебѣ будетъ и сынамъ твоимъ по тебѣ во вѣки.“

Однако жъ несмысленный, какъ древній, такъ и нынѣшній Израиль, часто ропщетъ на Господа.

„И слыша Господь и разгнѣвася гнѣвомъ, разгорѣся въ немъ огонь...“ Начали желать Египетскихъ мясъ. Добро намъ, говорятъ, было во Египтѣ... Что вы это плутааете? Развѣ у Господа, кромѣ языческихъ, не сыщется мясъ? „И рече Господь къ Мойсею: Еда рука Господня не довольна будетъ? Нынѣ уразумѣши, аще постигнетъ тя слово мое, или ни?“

Часто и наша несмысленная косность въ сердцѣ говорить и ропшетъ на Господа. Тѣ фу! Можно-ль, чтобъ былъ человекъ безъ плоти, крови и костей? Тѣ фу! Что се?.. Вотъ гордый и нечувствительный хвостъ!..

Востани! Пробудися Сионе! Что ты плетешь? Кто твою землю трогаетъ? Пущай она такъ будетъ, какъ есть! Дай только Господь тебѣ благословенное свое благословеніе, какъ Исаія говоритъ: „а земля твоя вкупѣ съ новою населится“ (гл. 62). Одно только то знай, что ты лжа и суета и пустота съ одною твоею землею, не принявъ во основаніи земли Божія. Для того тамъ же говорится сіе.

„Нѣсть вамъ подобенъ, аще исправиши и сотвориши, Іерусалиме, **л. 39.** | радованіе на землѣ. Ты только старайся, чтобъ изъ твоей живой земли, блеснула правда Божія. Молися, чтобъ постигль тебе блаженный оный третій, пресвѣтлѣйшаго Воскресенія день, въ коемъ земля Богомъ износить быліе травное. Развѣ думаешь, что твоя только земля одна, а другая въ ней быть не можетъ? Такъ оставайся жъ здѣсь при твоей! Кушай ее со змиемъ проклятымъ. Жери вся дни живота твоего, безъ живота Божія, безъ жизни вѣчны: если мнишь и говоришь въ сердцѣ твоемъ, что у Господа нѣтъ своя, ни земли, ни плоти, ни крови, ни кости, ничево... Не услышишь же всеблаженнаго гласа сего: „Се нынѣ кость отъ костей моихъ!“ Востани! Востани, Іерусалиме! Слушай ухомъ другимъ о другой плоти! Слышишь ли? „И проповѣте плоть моя.“ Слышишь ли о другихъ костяхъ? „Возрадуются кости смиренныя.“ „Не утаися кость моя отъ тебе, юже сотворилъ еси въ тайнѣ.“ Слушай Соломона: „Испѣленіе костямъ твоимъ“; во Еврейской Библии: „Приложеніе, разумѣй, новыхъ къ старымъ“. Слушай Исаіи! „Кости твоя прозябнуть, яко трава и разбогѣютъ, и наслѣдятъ роды родовъ...“ Видишь ли? Кости сія не тѣ суть, что рассыпаются при адѣ. Они предъ лицемъ Божиимъ суть. И сіе-то есть, тамо.

„И бысть гласъ, кричить Іезекіиль, вегда ми пророчествовати. И се трусь! И совокупяхуса кости: кость къ кости, каяждо къ составу своему. И видѣхъ, и се быша имъ жилы, и плоть растяше...“

Чти слѣдующее въ главѣ 37-й: Ба! что се за-новый родъ по горамъ твоимъ? По ветхимъ удамъ твоимъ и членамъ? Сверхъ горестныя тлѣнности твоя? Не сіе ли есть приложеніе? Не приложеніе ли живота къ мертвенности твоей? А ко гробу твоему воскресенія? Не новое ли Сотвореніе оное?

„Сотворю и кто превратитъ?“ Не утвержденіе-ли оное? „Се Азъ уготовляю тебѣ Анераксъ, камень твой, и на основаніе твое Сапфиръ... и правдою возградишися...“

Слушай же и разумѣй нынѣ, что не вздоръ тебѣ плететь Іовиль, но благовѣститъ тебѣ сей Орфей Воскресеніе, вотъ: „Якоже утро, разліются по горамъ людіе мнози и крѣпцы“. Подобны имъ не быша отъ вѣка... „Якоже рай сладости, земля предъ лицемъ его. А яже созади, (та) поле пагубы...“ | „Яко же видъ коньскій, видъ ихъ...“ л. 40. „Якоже гласъ колесницъ, на верхи горъ востекуть...“ Якоже борцы потекутъ, и якоже мужи храбры, выйдуть на ограды... И кійждо отъ брата своего не отступитъ.“ Града имутся, и на забрала востекуть, и на храмины взлѣзутъ и оконцами внійдутъ, якоже татіе...“ „Вострубите трубою! Проповѣдите цѣлбу...“ А ты боишься цѣлбы? Такъ пусти жъ ихъ на твою землю сей Божій родъ. Не будь Валакомъ! Пожалуй, не опасайся! Они всякъ у своего брата займутъ квартиру половинную, безъ всякой обиды. „Духъ Господень на мнѣ!“ Дати плачущимъ славу Сіона, на мѣсто пепела. Что жъ се за обида? Прійми, бѣдный, славу вмѣсто грязи!

„И созиждутъ сынове инородныи стѣны твоя...“ „И на мѣсто мѣди, принесу ти злато.“ И на мѣсто желѣза принесу ти сребро. И на мѣсто древесъ, принесу ти мѣдъ. И на мѣсто каменія—желѣзо.

„Отверзу гробы ваши, и изведу васъ...“ „Сиде землю свою вторыцею наслѣдятъ.“ „И веселіе вѣчное надъ главою ихъ.“ „Свѣтися, свѣтися Іерусалиме!“

„Се тма покрыла землю! И мракъ на языкахъ.“ На тебѣ же явился Господь и слава его на тебѣ узрѣся.

*

Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ! Эродій воскресну весну возблаговѣститивъ, поднялся, и совокуплясь съ ворономъ, не престаи цѣть сію пѣснь:

„Се азъ съ вами есмь во вся дни!
До скончанія вѣка! Аминь!“

*

Прочь уступай! прочь!	Свѣтъ вводитъ.
Печальная ночь!	Радость родитъ.
Сонце всходитъ.	Прочь уступай! прочь!
Свѣтъ вводитъ.	Потопная ночь!

КОНЕЦЪ.

Къ рукописи «Потопъ Змінъ».

Кромѣ подлинника этой рукописи, описаннаго у насъ на 493 стр. въ 793 примѣчаніи, еще имѣются слѣдующія ея копіи:

1) Въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи, копія рукописи подъ тѣмъ же названіемъ. Перешла изъ библіотеки С. И. Миропольскаго, при чемъ ранѣе принадлежала Харьковскому епископу Филарету, оттискъ гербовой печати котораго сохранился на нѣкоторыхъ страницахъ рукописи.

Въ рукописи: одинъ форзацъ + сорокъ (1 — 40) нумерованныхъ страницъ. Шифра рукописи: „Рук. Муз. 605, № 6.“ На форзацѣ надпись: „1791 годъ“. „Неизданное соч.“ Рукопись начинается письмомъ Г. С. Сковороды къ М. Ковалинскому. Рукопись переплетена въ обыкновенный бумажный переплетъ съ кожанымъ корешкомъ.

2) Въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи хранится копія рукописи Г. С. Сковороды безъ заглавія. Изъ письма Г. С. къ М. И. Ковалинскому, написаннаго на оборотѣ второго форзаца, видно, что это „Потопъ Змінъ.“ Она въ библіотеку „препровождена изъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ 31 октября 1839 г., № 220.“ На верху второго форзаца надпись: „№ 128. Поступила марта 6 дня 1836 года. Г. цензору Каченовскому.“ На внутренней сторонѣ верхней крышки переплета написано: „Въ сей рукописи два форзаца + семьдесятъ шесть (1—76) нумерованныхъ страницъ + три (1—3) нумерованныхъ писанныхъ листа. Рукопись библіотеки Московской Духовной Академіи. Шифра: „Рукопись фундам. Б-ки № 200 дополнительная“. „Библіотекаръ К. Поповъ.“

На оборотѣ форзаца письмо безъ даты къ М. И. Ковалинскому, подписанное: „пустынный Григ. Баръ-Сава Сковорода. Д. Меингардъ“. Рукопись переплетена въ кожачный переплетъ.

3) Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится тетрадь съ копіями рукописей Г. С. Сковороды, переплетенная въ обыкновенный бумажный переплетъ съ кожанымъ корешкомъ. На внутренней сторонѣ переплета шифра: „Q. III. 55.“ На форзацѣ надпись: „Гр. Савича Сковороды.“ Въ рукописи всего: форзацъ + пятьдесятъ восемь (1—58) нумерованныхъ страницъ. Съ 32 страницы начинается рукопись „Потопъ Змінъ.“

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

105104

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

собственныхъ именъ, условныхъ выраженій, названій книгъ, статей и пр., встрѣчающихся въ пятомъ выпускѣ „Матеріаловъ“. ⁷⁷⁶⁾

А.

- Ааронова борода,—403.
 Ааронъ, библейскій,—37, 58, 351, 403, 405, 531.
 Аваримъ,—186.
 Аввакумовскія слова,—167.
 Аввакумъ, библейскій,—93, 112, 141, 149, 150, 151, 167, 181, 182, 187, 197, 206, 209, 238, 240, 244, 282, 408, 409, 426, 474, 487, 503.
 Августинъ,—393, 394.
 Августова печать,—269.
 Августъ, кесарь,—251, 269, 524.
 Августъ, король,—341.
 Авдій,—137.
 Аведаръ,—301.
 Апель, библейскій,—131, 300, 473.
 Авигеа, библейская,—291, 399, 409, 518.
 Авимелехъ, библейскій,—284, 291, 383, 518.
 Авраамова сѣнь,—280.
 Авраамова лоно,—194.
 Авраамова сѣмя,—101.
 Авраамовъ родъ,—131.
 Авраамовы источники,—227.
 Авраамская скинья,—499.
 Авраамскіе вѣка,—337.
 Авраамскія времена,—305.
 Авраамское богословіе,—485.
 Авраамъ, библейскій,—53, 55, 58, 68, 85, 103, 113, 130, 133, 141, 143, 145, 146, 147, 152, 153, 171, 173, 174, 175, 179, 183, 186, 187, 188, 194, 202, 204, 206, 234, 238, 258, 266, 275, 276, 287, 288, 292, 300, 302, 305, 309, 314, 320, 321, 376, 380, 381, 390, 391, 394, 397, 404, 408, 409, 426, 440, 445, 485, 499, 500, 510, 511, 515, 522, 524, 527.
 Агарь, библейская,—404, 512.
 Агей,—299.
 Адамъ, библейскій,—56, 97, 111, 112, 131, 199, 246, 267, 274, 338, 361, 381, 384, 385, 386, 402, 471, 500, 510, 525.
 Адское царство,—434.
 Адонай-Господь,—145, 146, 186.
 Адоній,—486, 487, 489.
 Аермонскія горы,—403.
 Азарій, библейскій,—16.
 Азіатскія горы,—114.
 Академическіе сборники,—VIII.
 Академія Наукъ,—IX, X, XIV, 191, 336, 247, 303, 391, 416, 441, 459, 491.
 Актеонъ,—355.
 Александрія, городъ,—440.
 Александръ Македонскій,—251.
 Алфавитъ міра,—268.
 Алякринскій, М. И.,—42.
 Амвросій, архимандритъ,—40, 393.
 Америка,—62, 209, 264, 467.
 Аморрей,—138.
 Аморрейская побѣда,—56, 525.
 Амосовъ сынъ,—145.
 Амосъ, пророкъ библейскій,—112, 137, 158, 166, 178, 272, 291.
 Ананія, библейскій,—16.
 Ангель Хранитель Сократовъ, въ книгѣ Плутарха,—331.
 Ангельскія языки,—350.
 Англія,—461.
 Анна, библейская,—238, 291, 399.
 Антихристъ,—439.
 Антоній Египетскій,—206.
 Апокалипсисъ,—322, 386, 392, 435, 440, 503, 510.
 Апокалипсичный градъ,—392.
 Апокалипта,—419, 420.
 Аполлонъ,—318, 329.
 Апостолы,—258, 321, 348, 349, 379, 381, 426, 451, 517.
 Аравія,—146.
 Арарать,—472.
 Арвокъ, библейскій,—126.

⁷⁷⁶⁾ Приносимъ нашу благодарность Вѣрѣ Михайловнѣ Бончъ-Бруевичъ за ея помощь при составленіи „Алфавитнаго указателя“.

Арвонъ, городъ, библейскій,—123.
 Ариадна іерусалимская, царевна,—384.
 Арменіусъ,—8.
 Архивъ И. И. Срезневскаго,—XIV, 51, 54, 55, 60, 455.
 Архивъ Срезневскихъ, — см. Архивъ И. И. Срезневскаго.
 Аса, царь, библейскій,—261.
 Асирь, библейскій,—162, 366.
 Асконченскій,—42, 43.
 Асмодей,—141.
 Аспидъ,—404.
 Астрая,—488, 489.
 Асхань, библейская,—42, 123—190, 291, 511.
 Атласъ,—357.
 Африка,—264.
 Африканскіе пески,—465.
 Африканскія горы,—461.
 Ахиманъ, библейскій,—126.
 Ахса, дочь Халева, библейская,—126.
 Ахтырка, городъ,—30.
 Ахтырка, село,—84.
 Аѳина,—329.
 Аѳинейская республика,—322.
 Аѳинейскія плетени,—286.
 Аѳинейцы,—см. Аѳиняне.
 Аѳинское шляхетство,—333.
 Аѳинское юношество,—332.
 Аѳины,—331.
 Аѳиняне,—263, 332, 333, 334.
 Аѳонъ,—524.

Б.

Бабаи, помѣстье,—32, 416.
 Багалъевскій списокъ рукописи М. И. Ковалинскаго,—48.
 Багалъевскій текстъ,—42.
 Багалъй Д. И., профессоръ,—VIII, IX, X, XIV, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 54, 56, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 75, 76, 86, 96, 101, 102, 104, 105, 110, 116, 118, 119, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 137, 138, 145, 156, 157, 160, 161, 162, 164, 165, 166, 168, 170, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 185, 187, 188, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 222, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 241, 242, 243, 303, 304, 319, 389, 390, 441, 459, 479, 482, 491.
 Бартенева, П. И., составитель указателя къ журналу „Москвитянинъ“,—73.
 Баръ-Сава,—530.
 Баръ-Сава,—см. Варъ-Сава.
 Безбожіе,—370.
 Безбожники,—363.
 Бендерская осада,—481.
 Библейное буйство,—385.
 Библейныя воды,—156.
 Библейное море,—396.
 Библейныя облака,—385.
 Библейная пища,—168.
 Библейная сладость,—385.

Библиотека Императорской Академіи Наукъ,—IX, X, 247, 303, 390, 416, 441, 459, 493.
 Библиотека Кіевской Духовной Академіи,—IX, 121, 125, 190¹, 211, 319, 389, 416, 530.
 Библиотека С. И. Миропольскаго,—190¹, 211.
 Библиотека Московской Духовной Академіи,—IX, 190¹, 303, 530.
 Библиотека Московскаго Румянцевскаго Музея,—123.
 Библиотека Харьковскаго Историко-филологическаго общества.—IX, 359, 388, 389.
 Библиотека Харьковскаго университета,—IX, 73, 121, 442, 452.
 Библия,—15, 32, 37, 123, 125, 152, 156, 157, 160, 167, 169, 172, 176, 179, 180, 183, 184, 202, 208, 209, 216, 227, 230, 235, 243, 245, 248, 256, 260, 261, 262, 263, 265, 267, 268, 269, 270, 272, 273, 277, 281, 284, 285, 286, 287, 289, 290, 298, 299, 317, 319, 320, 321, 322, 323, 331, 338, 345, 349, 351, 353, 354, 355, 356, 361, 362, 363, 371, 373, 377, 379, 384, 385, 386, 387, 388, 391, 392, 394, 399, 403, 404, 405, 406, 407, 409, 410, 413, 416, 432, 435, 440, 445, 493, 494, 496, 497, 498, 499, 500, 502, 504, 505, 506, 508, 509, 510, 511, 512, 514, 516, 517, 518, 528.
 Богословіе,—355, 362, 435.
 Богочеловѣкъ,—67.
 Богъ Израилевъ,—126, 481.
 Божіе писаніе,—143.
 Божія медицина,—478.
 Бончъ-Бруевичъ, Влад. Дмитр.,—VIII, XIII, XIV, XV, 18, 43, 49, 121, 122, 124, 190¹, 388, 389, 441, 530.
 Бончъ-Бруевичъ, Вѣр. Мих.,—XIV, 459.
 Бор., Троицкій священникъ,—17.
 Будда,—XI, XII.
 Бурлуки, помѣстье,—32, 416, 493.
 Букварь Мира,—268.
 Буслаева, О. И., проф.,—358.
 Бытіе, первая книга Моисеева,—59, 81, 88, 124, 131, 270, 272, 283, 294, 300, 301, 371, 384.
 Бѣлгородскій митрополитъ,—390.
 Бѣлгородъ,—11, 12, 14.
 Бѣлградскій епископъ,—26.

В.

Вавилонская блудница,—76.
 Вавилонская пещь,—78.
 Вавилонскій дворъ,—279.
 Вавилонъ,—133, 182, 194, 425, 467.
 Валаамъ, библейскій,—56, 134, 279, 525.
 Валакъ, царь библейскій,—56, 57, 134, 525, 526, 529.
 Варакъ, библейскій,—434, 435.
 Варавва,—494.
 Варахиль,—420, 428, 430, 433, 434.
 Вар-Іона,—455.

Вар-Сава,—425, 426, 441—458, 459, 480, 495.
 Вар-Сава, Даниль,—424, 441.
 Варухъ, библейскій,—79, 182, 253, 296, 385, 396, 494.
 Васанскія пажити,—178.
 Василий Великій,—393.
 Велероссія,—479.
 Великое море,—252.
 Венгрія,—4, 460.
 Венедиктъ, архимандритъ,—30, 31.
 Венера,—212, 428.
 Венеція,—211, 212.
 Вениаминъ,—145, 201, 246, 272, 275, 301, 374, 377.
 Веселелъ,—206, 363.
 Ветхій завѣтъ,—XI, 16, 36.
 Веویلъ,—137, 138, 181.
 Виноградъ Господа Саваоа,—351.
 Виноградъ Садомскій,—141.
 Вино Нового Завѣта,—404.
 Вишневскій, генераль-маіоръ,—4.
 Виелеемскій вертепъ,—403.
 Виелеемскій ровъ,—301.
 Виелеемъ, городъ,—55, 297, 301, 345, 383, 395, 412, 490, 502, 524.
 Владикавказская ж. д.,—XI.
 Владимиръ-на-Клязьмѣ, городъ,—42.
 Вода Божія,—347.
 Волхвы, евангельскіе,—407, 409.
 Вольфъ, Б. М., типографъ,—XIV.
 Воозъ,—208, 301.
 Восемнадцатый вѣкъ,—IX, XIV.
 Воскресеніе мертвыхъ,—346.
 „Во трехъ лицахъ Господь пребываетъ...“, духоборческій псаломъ,—167.
 Врата адовы,—417, 419, 425, 437, 470.
 „Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Истории и Древности Россійскихъ“, кн. XXI, 1885 г.,—73.
 Вселенскіе отцы,—345.
 Вторая книга Царствъ,—297, 301.
 „Вторая книга Моисеева Исходъ“,—127, 136, 138.
 „Второе письмо къ Коринѳянамъ“,—346.
 „Второе посланіе къ Коринѳянамъ“,—16, 53, 93, 138, 346.
 „Второе посланіе Петра“,—79.
 „Второзаконіе“,—54, 59, 104, 139, 140, 148, 154, 161, 178, 266, 273, 274, 286, 296, 297, 301.
 Второй томъ собранія сочиненій Г. С. Сковороды,—VII, X, XIII.
 Вѣна, городъ,—4.

Г.

Гавриилъ, архангелъ,—420, 424, 425, 433.
 Гавриилъ, архимандритъ, писатель,—441.
 Гадаринская земля,—143.
 Гадъ, библейскій,—56, 525.
 Гай, городъ,—301.
 Галилейская гора,—426.
 Галилея,—145, 313, 315, 316, 384, 400, 503.
 Галлаты,—196, 457.
 Гедеонъ,—291, 292, 296.

Гервасій,—см. Якубовичъ.
 Гергесей,—210.
 Гергесинскій вепрь,—419.
 Геркулесово двупутіе,—29.
 Геркулесъ,—29.
 Германикусъ,—8.
 Германикъ,—9.
 Гесемская земля,—133.
 Голаоѣ,—301, 394, 411, 450, 474, 500, 507
 Гоморра,—141.
 Гоморскій царь,—266.
 „Гонимая церковь“, трагедо-комедія, Варлаама Лашевскаго,—435.
 Гора Девора,—518.
 Гора Исавова,—137.
 Горатиусъ,—см. Гораций.
 Горацій, (Горатиусъ),—15, 359, 360.
 Горленко, Юсафъ, святой,—477.
 Господствующая ортодоксія,—VIII.
 Господствующая церковь,—VII.
 Господь Саваоѣ,—146.
 Государственная военная коллегія,—390.
 Государь.—67, 70.
 Гоэонилъ, библейскій,—126.
 Грады Иудины,—144.
 Гражданскіе законы,—342.
 Греческій языкъ,—267.
 Гужвинское, помѣстье,—27.
 Гунгарія см. Венгрія.
 Градоначальникъ,—70.
 Градъ Давидовъ,—147.
 Григорій Великій, папа,—393.
 Григорій Назіанзимъ,—393.
 „Григорій Савичъ Сковорода“, статья Г. П. Данилевскаго,—42.
 Грѣхъ Иудинъ,—149.
 Гусинка, помѣстье,—29, 31, 32.
 Гусинская пустынь,—121.

Д.

Давидова арфа,—115.
 Давидово плясаніе,—258.
 Давидово сердце,—187, 258.
 Давидовъ домъ,—105, 346.
 Давидовы гусли,—112, 118.
 Давидовы пути,—114, 115.
 Давидъ, библейскій,—53, 67, 78, 79, 101, 102, 104, 105, 107, 108, 109, 111, 112, 114, 115, 116, 118, 119, 125, 127, 129, 130, 132, 133, 137, 142, 143, 144, 146, 147, 151, 153, 154, 155, 159, 160, 161, 162, 164, 165, 166, 169, 171, 173, 174, 175, 176, 177, 180, 182, 186, 187, 196, 197, 207, 208, 220, 222, 227, 234, 238, 239, 244, 245, 255, 256, 258, 259, 261, 267, 271, 272, 274, 275, 278, 280, 282, 286, 287, 291, 293, 297, 299, 301, 304, 308, 309, 310, 315, 316, 319, 321, 345, 347, 363, 378, 379, 383, 387, 394, 395, 399, 403, 409, 410, 414, 417, 426, 439, 460, 473, 474, 481, 487, 489, 499, 500, 502, 505, 510, 514, 516, 518, 519, 522, 524.
 Давиръ, градъ,—126, 189, 510.
 Далида,—387, 399, 500.

Дамаскиновъ стихъ,—17.
 Дамаскинъ—280.
 Дамаскъ,—107, 156, 313.
 Даниль, библейскій,—78, 154, 162, 164, 174, 192, 198, 199, 200, 239, 256, 274, 275, 279, 296, 297, 298, 300, 310, 311, 315, 316, 321, 364, 384, 385, 386, 445, 450, 500, 503, 506, 509.
 Давилевскій, Г. П., историкъ,—42, 43, 48, 73.
 Деирова поле,—17, 78, 408.
 Деирскій идолъ,—494, 510.
 Деирскій исполинъ,—412.
 Делфійскій храмъ,—319.
 „De l'origine usage et abus de la raison et de la foi“, книжка—22.
 Денисовъ, Я. А.,—427.
 День Солнца,—370.
 День сошествія св. Духа, праздникъ,—9.
 Десять заповѣдей,—304.
 Дискій, Иоаннъ,—474.
 Дискій, Феодоръ Ивановичъ,—478.
 Діаволь, —232, 422, 431, 432, 434.
 Диана,—329, 333, 335.
 Діева сестра,—355.
 Дій,—199, 333, 420.
 Диогенъ,—518.
 Дионисій Ареопагитскій,—15.
 Двѣбрь, рѣка,—24.
 Добрая Надежда, мысь,—440.
 Донской архимандритъ,—435.
 Дочь Вавилона,—134.
 Дочь Сіона,—133, 166, 197, 208, 256, 519.
 Древняя мудрость,—XIII.
 Духоборцы, сектанты,—10, 18, 22, 30, 31, 159, 167.
 Духовенство господствующей церкви,—VII.
 Духовное христіанство,—VII, X, 22.
 Духовные молокоане, сектанты,—9.
 Духовные христіаніе-израильяне, сектанты,—VII.
 Духовные христіане, сектанты,—VII, VIII, 10, 30, 33, 36, 127, 459, 489, 493.
 Духовный цензоръ,—445.
 Дщерь Иерусалима,—133, 184.
 Дщерь(и) Сіона,—см. Дочь Сіона.
 Дѣва Богоматерь,—18.
 Дѣва Марія,—425.
 „Дѣянія апостоловъ“,—159, 178, 220, 280, 381, 418, 419, 425.
 Дятловъ, Семенъ Никифоровичъ, подпоручикъ,—190¹, 459.

Е.

Еаней, библейскій,—301.
 Ева, библейская,—338, 398, 399, 407, 416, 417, 425, 451, 500, 504, 506, 510.
 Евангелистъ,—364.
 Евангелисты,—442.
 „Евангеліе“,—97, 105, 128, 194, 230, 238, 258, 348, 386, 409, 444, 445, 485, 487.
 „Евангеліе“, Іоанна,—52, 63, 76, 78, 79, 80, 129, 279, 364.

„Евангеліе“, Луки,—62, 77, 109, 129.
 „Евангеліе“, Матѣя,—52, 55, 78, 129.
 Евангелійская жена,—321.
 Евангелійскій глупецъ,—146.
 Евангелійскій змій,—386.
 Евреи,—361, 366, 480.
 Еврейскіе мудрецы,—65.
 Еврейскій отрокъ,—403.
 Еврейскій языкъ,—371, 372, 435.
 Еврейскія книги,—371.
 Европа,—67, 191, 264, 508.
 Европейцы,—249.
 Евхаристія,—445.
 Египетская земля,—56, 133, 292, 314.
 Египетская льво-дѣва сфинксъ,—389.
 Египетская (ія) фигура (ы),—292, 378.
 Египетскіе священники,—371, 379, 385.
 Египетскій триуголь,—512.
 Египетское богословіе,—74.
 Египетское мясо,—163.
 Египеть,—56, 58, 59, 155, 172, 277, 295, 332, 359, 381, 425.
 Египеть,—525, 527, 528.
 Египтяне,—292, 318, 320, 329.
 Египтянинъ,—301.
 Едемъ,—432.
 Езекия, царь іудейскій,—186, 187, 272.
 Екатерина II, императрица,—21, 26.
 Елизавета, библейская, супруга Захарія,—196, 399, 426, 502.
 Елизавета, императрица,—3.
 Елисаветградъ,—42, 44.
 Елисей, пророкъ библейскій,—206, 260, 265, 272, 297, 361, 473, 508.
 Елисейское желѣзо,—77, 194.
 Еллинскій языкъ,—269, 356, 435.
 Еллинскія книги,—390.
 Еллины,—80, 129, 320, 329, 353, 366, 461, 517.
 Енакъ, библейскій,—126.
 Енохъ, библейскій патриархъ,—195, 265, 275, 426, 503.
 Епикуръ, философъ,—359, 360, 361, 433.
 Ересь,—VIII, 349, 509, 510.
 Еретикъ,—361.
 Есевонъ, судія израильскій,—156, 272, 281.
 Есеиръ, библейская, царица персидская,—184, 399.
 Ефесіане,—53, 142, 288, 522.
 Ефратъ, рѣка,—380.
 Ефремиты,—379.
 Ефремовы мужи,—292.
 Ефремъ, библейскій патриархъ,—91, 134, 152, 153, 184, 194, 396.
 Еѳіопская царица,—311.

Ж.

„Животная книга духоборцевъ“,—18.
 Жидовскій вождь,—127.
 Жидовское общество,—68.
 Жиды,—66, 67, 212, 216, 345.

З.

- „Загробная жизнь“, статья В. С. Лубкова,—18.
 Законъ Божій,—73, 171, 430.
 Закхей, мытарь,—272, 378.
 Залъскій, Ѳеодоръ, протоіерей,—416.
 „Записки о Сковородѣ“, статья И. И. Срезневскаго,—75.
 Заповѣди Божія,—422.
 Заповѣди Господни,—140, 429, 430, 471.
 Зара, патріархъ, библейскій,—384.
 Захаржевскій, помѣщикъ,—32.
 Захарія, библейскій пророкъ,—134, 148, 154, 158, 160, 173, 196, 284, 285, 294, 299, 314, 315, 321, 377, 378, 379, 380, 399, 499, 500, 501.
 Звѣрка, Іустинъ, игумень,—390.
 Зевсъ,—199, 420.
 Земборскіе лѣса,—123.
 Земборскій, помѣщикъ,—27.
 Златоустъ,—419.
 Зороастръ,—284, 370.

И.

- Ивановка, деревня,—32, 40.
 Идолопоклонство,—215, 216, 370, 373, 465.
 Идолочтеніе,—см. идолопоклонство.
 Идолы,—181.
 Изложене міросозерцанія духоборцевъ, статья В. Д. Бончъ-Бруевича,—18.
 Измаилъ, библейскій патріархъ,—148.
 Израилевъ домъ,—57, 137, 145, 146, 155, 176, 526.
 Израилевы колѣна,—245.
 Израилевы кущи,—500.
 Израилевы сыны,—51, 56, 132, 133, 155, 259, 525.
 Израиль, библейскій,—51, 52, 54, 56, 57, 58, 59, 79, 98, 99, 100, 117, 124, 125, 128, 129, 131, 134, 138, 139, 141, 143, 145, 149, 151, 157, 161, 162, 166, 173, 175, 176, 177, 181, 183, 186, 192, 194, 196, 200, 201, 202, 204, 207, 209, 210, 224, 234, 244, 245, 253, 256, 261, 264, 272, 275, 276, 277, 278, 282, 284, 288, 291, 292, 295, 298, 300, 311, 315, 316, 322, 347, 348, 354, 356, 363, 374, 383, 384, 385, 386, 394, 396, 397, 405, 407, 408, 416, 424, 425, 426, 432, 436, 441, 444, 473, 483, 494, 500, 502, 504, 509, 512, 514, 517, 518, 519, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528.
 Израиль, русскій,—311, 459.
 Израиль, сектанты,—см. Израильяне, сектанты.
 Израильская башня,—291.
 Израильская жена,—383.
 Израильская земля,—286, 345, 416.
 Израильская церковь,—207.
 Израильскіе отроки,—18.
 Израильскій исходъ,—233, 275, 383, 408.
 Израильскій младенецъ,—55, 128.

- Израильскій путь,—518.
 Израильскій родъ,—53, 54, 134, 136, 282, 522, 523.
 Израильскій судія,—361.
 Израильскій телець,—182.
 Израильскія секты,—306.
 Израильское око,—207, 379.
 Израильяне, сектанты,—10, 30, 36, 127, 258, 420, 489, 493.
 Израильянинъ,—141, 405, 481.
 Исслѣдованія сектанства и старообрядчества,—XII.
 Изюмскій округъ.—28.
 Илія, пророкъ, библейскій,—130, 195, 200, 206, 265, 281, 287, 361, 363, 383, 394, 408, 426, 499, 503.
 Императорская академія Наукъ,—см. Академія Наукъ.
 Императорская Публичная Библиотека,—см. Публичная Библиотека.
 Императорская Россійская Академія, см. Академія Наукъ.
 Императорскій Харьковскій Университетъ,—см. Харьковскій Университетъ.
 Императорское человѣколюбивое общество,—416, 478, 492, 496.
 Имя Христово,—133.
 Индійскій драконъ,—250.
 Индія,—249.
 Иные языки,—352.
 Иродская злоба,—404.
 Иродъ, царь Іудейскій,—196, 404.
 Ирѣ, библейскій,—184.
 Исаакъ, патріархъ библейскій,—55, 58, 141, 145, 148, 155, 171, 183, 227, 266, 270, 281, 291, 296, 402, 403, 414, 422, 426, 445, 524, 527.
 Исааковская вѣра,—402.
 Исааковъ ность,—155.
 Исааковы отроки,—227.
 Исавъ, библейскій патріархъ,—55, 67, 76, 137, 174, 276, 279, 285, 402, 432, 524.
 Исаино колесо,—283.
 Исаія, пророкъ библейскій,—57, 58, 59, 60, 63, 77, 78, 91, 95, 97, 99, 101, 102, 109, 111, 120, 123, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 137, 143, 145, 146, 147, 150, 151, 155, 156, 157, 160, 161, 164, 166, 167, 169, 172, 173, 175, 176, 177, 180, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 192, 193, 194, 195, 201, 206, 209, 216, 217, 233, 239, 243, 252, 253, 258, 261, 271, 272, 273, 275, 279, 282, 283, 284, 285, 294, 301, 311, 314, 315, 316, 321, 344, 347, 352, 355, 356, 364, 383, 396, 399, 400, 403, 407, 409, 410, 411, 417, 424, 460, 471, 491, 498, 501, 503, 511, 513, 526, 527, 528.
 Исидоръ, святой,—468.
 Исторія философіи, архимандрита Гавриила, т. VI,—441.
 „Исходъ“ вторая книга Моисеева,—127, 136, 172, 176, 274, 278, 291, 294, 296.
 Италия,—278.

I.

Иакова лѣстница,—382.
 Иаковъ, апостоль,—338.
 Иаковъ, библейскій патриархъ,—51, 53, 55, 67, 98, 131, 133, 134, 137, 138, 141, 143, 156, 160, 173, 174, 175, 181, 189, 200, 233, 234, 274, 275, 277, 278, 279, 281, 284, 286, 289, 291, 300, 316, 355, 361, 363, 376, 378, 382, 383, 386, 391, 397, 402, 416, 417, 432, 440, 497, 502, 503, 508, 510, 515, 521, 522, 524.
 Идумея,—137.
 Игова,—216.
 Иезекилевскія колеса,—333.
 Иезекилевъ мечъ,—146.
 Иезекиль, пророкъ, библейскій,—57, 59, 60, 135, 145, 146, 179, 180, 182, 184, 187, 197, 198, 199, 261, 262, 271, 272, 273, 278, 280, 287, 288, 299, 314, 315, 316, 333, 377, 378, 383, 384, 394, 406, 419, 451, 495, 526, 528.
 Иерей,—444.
 Иереминъ плачь,—404.
 Иереминъ источники,—283.
 Иеремія, пророкъ, библейскій,—54, 83, 94, 95, 97, 98, 99, 104, 110, 111, 123, 131, 132, 135, 144, 146, 148, 149, 153, 154, 156, 171, 172, 173, 176, 178, 184, 185, 191, 192, 209, 220, 238, 253, 260, 267, 272, 278, 281, 282, 283, 295, 296, 338, 345, 393, 400, 404, 460, 461, 490, 500, 515, 519, 523.
 Иерихонскій нещастливецъ,—235.
 Иерихонскій пациентъ,—259.
 Иерихонскія клятвы,—407.
 Иерихонское глѣбне,—285.
 Иерихонъ библейскій,—35, 58, 177, 285, 301, 379, 383, 384, 394, 407, 527.
 Иероглифика,—269.
 Иеронимъ,—335, 356, 393.
 Иерусалимская кровь,—167.
 Иерусалимская стѣна,—277.
 Иерусалимскіе князья,—146.
 Иерусалимскіе пророки,—97.
 Иерусалимскія дщери,—404, 510, 519, 520.
 Иерусалимскія пустыни,—166.
 Иерусалимъ горній,—399.
 Иерусалимъ, городъ,—55, 57, 58, 59, 60, 62, 111, 112, 133, 143, 144, 167, 228, 233, 258, 301, 313, 314, 344, 356, 362, 384, 399, 425, 429, 444, 503, 509, 510, 515, 518, 519, 520, 524, 526, 527, 528, 529.
 Иесей,—167.
 Иевгай Галадскій, князь Израильскій,—291, 292, 379, 519.
 Иефоннинъ, библейскій,—126.
 Исусовы шпіоны,—384.
 Исусъ,—56, 58, 143, 171, 172, 185, 200, 201, 242, 272, 283, 316, 332, 364, 378, 384, 385, 393, 422, 501, 516, 518, 527.
 Исусъ Навинъ, библейскій.—56, 58, 79, 126, 131, 143, 265, 281, 284, 288, 298, 300, 309, 317, 321, 361, 384, 406, 407, 414, 502, 516, 525, 527.

Исусъ,—см. Исусъ Христось.
 Исусъ, сынъ Сираховъ,—103, 112, 116, 138, 150, 157, 161, 178, 230, 240, 254, 259, 262, 268, 270, 279, 298, 304, 324, 338, 351, 352, 395, 417, 434, 459, 460, 463, 489, 505.
 Исусъ Христось,—91, 92, 107, 112, 129, 132, 156, 159, 173, 202, 203, 207, 306, 312, 314, 357, 384, 385, 411, 460.
 Исусъ Христось Назорей,—см. Исусъ Христось.
 Исусъ Распятый,—524.
 Исусъ Христось,—см. Исусъ.
 Иоаннъ Дамаскинъ,—3.
 Иоаннъ, евангелистъ,—52, 63, 77, 78, 79, 80, 99, 129, 200, 201, 279, 293, 296, 364, 437, 438, 461, 500, 501.
 Иоаннъ Златоустъ,—393.
 Иоаннъ Креститель,—16.
 Иоась, царь библейскій,—260.
 Иовъ, библейскій патриархъ,—16, 57, 131, 133, 149, 155, 159, 161, 162, 163, 169, 172, 174, 236, 242, 255, 271, 272, 275, 277, 281, 282, 284, 287, 288, 292, 298, 300, 308, 321, 338, 357, 363, 373, 381, 394, 399, 408, 500, 526.
 Иодай, первосвященникъ иудейскій, библейскій,—301.
 Иоиль, пророкъ библейскій,—53, 60, 128, 129, 133, 135, 174, 181, 280, 285, 291, 300, 314, 316, 514, 518, 522, 523, 529.
 Иона, пророкъ библейскій,—148, 187, 188, 198, 209, 272, 284, 285, 286, 293, 297, 298, 350, 383, 386, 406, 500, 514.
 Иорданъ, рѣка,—55, 56, 57, 144, 206, 265, 298, 361, 363, 429, 437, 524, 525, 526, 527.
 Иосафъ Миткевичъ, епископъ,—11, 12.
 Иосифова пшеница,—262.
 Иосифово цѣломудріе,—287.
 Иосифъ, библейскій, сынъ патриарха Иакова,—104, 156, 160, 178, 183, 184, 201, 257, 262, 272, 275, 287, 292, 294, 295, 296, 300, 377, 378, 379, 382, 386, 409, 500, 503.
 Иосифовы красоты,—403.
 Иуфоръ, священникъ Мадіамскій,—348, 527.
 Исъсъ, египетское наименованіе,—329, 332.
 Иуда, братъ Исуса Христа, апостоль,—415, 418, 500.
 Иуда, библейскій, сынъ патриарха Иакова,—51, 53, 144, 149, 152, 154, 160, 161, 184, 187, 268, 260, 261, 272, 281, 300, 378, 394, 397, 432, 445, 501, 521, 522.
 Иуда Искаріотскій, предатель,—348, 429.
 Иудей,—41, 129, 227, 328, 329.
 Иудейская земля,—166.
 Иудина невьста,—184.
 Иудино кольцо,—187.
 Иудино сердце,—260.
 Иудинъ домъ,—154.
 Иудины дщери,—281.
 Иудины зубы,—160.
 Иудины потомки,—160.

Иудины сыны,—126.
 Иудины уста,—444.
 Иудинь, библейская, дочь Мерарии,—292, 301, 399, 404.
 Иустинъ, монахъ, соборный печерскій типографъ,—24, 29, 30.
 Иустинъ, святой, митрополитъ Българодскій,—390.
 Яковъ, библейскій,—см. Іаковъ, библейскій.

К.

Кавказскія горы,—209, 397, 403, 465.
 Кавказъ,—400, 440.
 Каврай, деревня,—5, 8.
 Казань,—338, 441.
 Каиновъ путь,—472.
 Каиновы сердца,—472.
 Каинъ, библейскій,—276, 285, 472, 508.
 Калиграфъ, проповѣдникъ,—6.
 Каллистратъ, монахъ,—24.
 Калмыки,—191, 192.
 Кана Галилейская,—400.
 Канарскіе острова,—62.
 Кандакія, царица,—426.
 Кармилскія горы,—524.
 Кармилъ,—271.
 Кармилы,—55.
 Каска, жена старика Маноя,—488, 489.
 Катонъ, Цицероновъ,—321, 335, 360.
 Каченовскій, цензоръ московскаго комитета для цензуры духовныхъ книгъ,—122, 303, 530.
 Квинтилій Варъ,—9.
 Кеназъ, библейскій,—126.
 Кефа,—440.
 Кириллъ, епископъ черниговскій,—6.
 Кириаѳъ-Арбы, мѣстность,—126.
 Кириаѳъ-Сеферъ, мѣстность,—126.
 Китаевская пустынь,—29.
 Китайская столица,—467.
 Кіевская бібліотека,—438.
 Кіевская Духовная Академія,—IX, 121, 125, 129, 130, 190¹, 303, 389, 416, 439, 530.
 „Кіевская старина“; журналъ,—2, 42, 43, 48.
 Кіевское намѣстничество,—3.
 Кіевское училище,—3.
 Кіевъ, городъ,—4, 23, 24, 29, 30, 358, 435.
 Климентъ Александрійскій,—15.
 Книга Д. И. Багалѣя,—IX.
 „Книга Екклесіаста, или проповѣдники“,—78, 86, 87, 456, 486.
 „Книга жизни и положеніе христіанской истины“, В. С. Лубкова,—52.
 „Книга Исуса Навина“,—77, 126.
 „Книга Іова“,—57.
 Книга Премудрости Исуса сына Сираха,—29, 299.
 „Книга Премудрости Соломона“,—8, 255, 364.
 „Книга притчей Соломоновыхъ“,—51, 106, 251, 280, 281, 283, 289, 322, 355, 465

„Книга пророка Авдія“,—137.
 „Книга пророка Амоса“,—137.
 „Книга пророка Даниїла“,—274.
 „Книга пророка Захарія“,—134.
 „Книга пророка Исаи“,—57, 58, 59, 60, 63, 78, 91, 97, 99, 101, 102, 110, 111, 131, 132, 134, 135, 273.
 „Книга пророка Іезекиїля“,—59, 67, 261, 273.
 „Книга пророка Іереміа“,—54, 97, 131, 135.
 „Книга пророка Іоїля“,—53, 60, 128, 135, 136.
 „Книга пророка Михея“,—134.
 „Книга пѣсни пѣсней Соломона“,—125, 190¹, 275, 279, 286, 291, 322, 357, 412.
 „Книга Руѳъ“,—301.
 „Книга Судей Израилевыхъ“,—292, 295, 379.
 „Книга Чисель“,—129, 134, 163, 278, 280, 299.
 Книги Евангельскія,—130.
 Ковалевскій, Андрей Іонновичъ,—32, 40, 359.
 Ковалинскій, М., біографъ Г. С. Сковороды,—X, 1—41, 42, 43, 48, 76, 123, 190¹, 303, 388, 390, 416, 417, 493, 530.
 Колоссяне,—142.
 Колумбъ,—209.
 Колѣна Израилевы,—145, 383.
 Комиссіонеръ харьковскаго университета,—121.
 Коперниканскія системы,—406.
 Коперниковы міры,—56, 86, 89, 95, 205, 357, 406.
 Коперникъ,—205, 524.
 Коринѳяне,—159, 171, 172, 422.
 Корнилій сотникъ,—329, 419.
 Креститель,—183, 188.
 Крещеніе Христово,—345.
 „Критико-бібліографическая статья“, Д. И. Багалѣя,—73.
 Критонъ,—8.
 Ксенофонтъ,—30.
 Купянскъ, городъ,—479.
 Курскъ, городъ,—40, 42, 43, 44.

Л.

Лабиринтъ,—252.
 Лаванъ, библейскій,—189, 275.
 Лазаръ,—214, 394, 440, 452.
 Ламехова жена,—433.
 Ламехъ,—285, 286, 433.
 Лашевскій, Варлаамъ, архимандритъ,—435, 438.
 Левитскіе обряды,—277.
 Левитъ,—178.
 Ливанская пирамида,—404.
 Ливанскій столпъ,—156.
 Ливанскій холмъ,—145.
 Линда, М.,—388.
 Липцы,—319, 322.

Лисенковъ, И. Т., издатель, комиссіонеръ харьковскаго университета, — 131, 416, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 460, 461, 462, 488, 492.
 Лицо Моисеево, — 51.
 Лій, библейскій, — 272.
 Лія библейская жена патріарха Іакова, — 404.
 Логось, — 371.
 Лотова жена, — 380, 390, — 415.
 Лотова пещера, — 516.
 Лотово кадило, — 403.
 Лотово пьянство, — 356.
 Лотовска басня, — 404.
 Лоть, библейскій патріархъ, — 257, 265, 298, 356, 361, 380, 385, 390, 391, 392, 394, 396, 397, 398, 399, 400, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 440, 516.
 Лубенская округа, — 3.
 Лубковъ, В. С., новоизраильтянинъ, сектантъ, — 18, 52.
 Луза, гора, — 137.
 Лука, евангелистъ, — 62, 75, 107, 129, 150, 180, 208, 242, 278, 298, 380, 426.
 Лукіанъ, — 15.
 „Лѣтопись К. Корнелія Тацита“, — 8, 10.
 Любицкій, Иванъ, — 358.
 Любовь Христова, — 142.
 Людовикъ XII, король французскій, — 327.
 Ляхи, — 221.

М.

Магдалина, — 107, 144, 145, 209, 502, 503.
 Магнитная стрѣла, — 462.
 Максимъ исповѣдникъ, — 15.
 Малахіи, библейскій, — 148, 181, 275, 354, 356.
 Малая Россія, — см. Малороссія.
 Малороссійская притча, — 478.
 Малороссійская пѣснь, — 439, 473.
 Малороссійское нарѣчіе, — 42.
 Малороссія, — 3, 6, 24, 31, 205, 425, 479, 486.
 Малороссы, — 517.
 Маврійскій дубъ, — 303, 475, 515.
 Манихей, сектантъ, — 28.
 Манихейская ересь, — 27.
 Манихейскій ученикъ, — 27, 28
 Маной, старикъ, — 488, 489.
 Маріамъ, — 184, 383, 399, 417, 426, 502.
 Марія, евангельская, — 382, 398, 506.
 Марія, мать Іисуса, — 491.
 Марко, — 41.
 Маркъ Аврелій, — 14.
 Маркъ, евангелистъ, — 208.
 Марокскій владѣлецъ, — 476.
 Маронъ, — 364, 416.
 Мартынисты, сектанты, 35.
 Марѳа, евангельская, — 512.
 „Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектанства и старообрядчества“, — VII, XII, 36.
 „Матеріалы къ исторіи и изученію рус-

скаго сектанства и старообрядчества“. Вып. II, — 18.
 „Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектанства и старообрядчества“. Вып. IV, — 18, 22, 33, 52, 66.
 „Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектанства и старообрядчества“. Вып. VII, — 376.
 „Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектанства и старообрядчества“. Вып. X, — 311.
 Матерь Божія, — 425.
 Матѣ, В. художникъ, — X.
 Магѳей, евангелистъ, — 52, 55, 78, 129.
 Маѳусаилова жизнь, — 343.
 Маѳусаиловъ вѣкъ, — 304.
 Меандеръ, рѣка, — 167.
 Мейнгардъ, Данииль, — 31, 303, 304, 417, 495, 530.
 Meingard, Dan. — 384.
 Мельхиседекъ, — 233, 409.
 Мелхола, дочь Саула, — 77, 258, 261.
 Мелхолина улица, — 76.
 Меркурій, — 329.
 Мессія, — 102, 437.
 Мещеряковъ, П., — 1.
 Минерва, богиня, — 21, 29, 31, 322, 323, 399, 332, 341, 357, 444.
 Мирна, библейская, — 433.
 Миропольскій, С. И., — 121, 211, 303, 190¹, 319, 389, 416, 530.
 Мисаиль, библейскій, — 16.
 Мисаиловъ, Ѳеопемпъ, издатель журнала „Сіонскій Вѣстникъ“, — 73.
 Миславскій, Самуиль, митрополитъ кіевскій, — 3.
 Миссіонеры, — VII.
 Михаиле см. Ковалинскій, М. И.
 Михаилъ, архангелъ, — 41, 284, 416.
 Михай, пророкъ, — 57, 133, 134, 158, 165, 166, 194, 255, 256, 279, 526.
 Миръ-городъ, — 214.
 Моисеева жена, — 58.
 Моисеева купина, — 134.
 Моисеево повелѣніе, — 425.
 Моисеево покрывало, — 52, 132.
 Моисеево сердце, — 258.
 Моисеево тѣло, — 418.
 Моисеевскія книги, — 285.
 Моисеевъ жезлъ, — 400.
 Моисей, библейскій, — 37, 51, 52, 54, 56, 57, 58, 59, 68, 123, 126, 127, 128, 129, 130, 132, 133, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 154, 162, 163, 178, 180, 183, 184, 185, 186, 187, 200, 217, 227, 231, 233, 240, 250, 253, 255, 256, 259, 262, 266, 267, 269, 270, 272, 273, 274, 277, 278, 280, 281, 282, 285, 296, 297, 300, 304, 320, 322, 324, 328, 342, 347, 348, 354, 371, 372, 373, 378, 383, 385, 386, 387, 388, 400, 405, 408, 414, 418, 425, 426, 439, 500, 512, 521, 523, 525, 527, 528.
 Моавъ, — 182, 183, 185.
 Моавль рогъ, — 154.
 Молокане, сектанты, — 10, 22 31.

Морфей,—413.
 Москва,—6, 303, 489.
 Московская Духовная Академія,—IX, 6, 122, 190¹, 530.
 „Москвитянинъ“, 1842 г., журналъ.—73.
 Московскій Комитетъ для цензуры духовныхъ книгъ,—122, 190¹, 303, 530.
 Московскій попечительный Комитетъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества,—478, 492, 496.
 Московскій Публичный и Румянцевскій музеи,—см. Румянцевскій музей.

Н.

Наваль, библейскій,—80, 88, 291.
 Назарей,—314.
 Назаретъ,—425.
 Назонъ,—493.
 Наркисъ,—41, 76, 320, 354, 391.
 Народный писатель XVIII вѣка,—IX.
 Народъ Божій,—378.
 Нарциссъ, см. Наркисъ
 Наука,—461.
 Наумъ, библейскій пророкъ,—98, 173, 402, 411, 412.
 „Начало вѣка“, сектанты,—311.
 Нееманъ, полководецъ,—385.
 Нептунъ,—333.
 Никодимскій вопросъ,—400.
 Никодимъ, евангельскій,—400.
 Ниль, рѣка,—252, 380, 440.
 Ниль, святой,—15, 453, 517.
 Ниневія,—350, 386.
 Нитрійскія горы,—206.
 Нитше,—XI, XII.
 Новоизраильтjане, сектанты,—18, 19, 22, 30, 33, 52, 66, 80, 125, 234, 306, 508.
 Новый Заветъ,—XI, 36, 404.
 „Новый Израиль“, книга,—18, 22, 52.
 Ноготь Адамантовъ,—149.
 Ноева голубица,—63, 194, 209, 411, 512.
 Ноева дуга,—270.
 Ноевъ голубь,—198.
 Ноевъ ковчегъ,—123, 195.
 Ноевы птицы,—199.
 Ной, библейскій патриархъ,—63, 131, 141, 195, 198, 199, 209, 257, 270, 282, 298, 299, 411, 438, 449, 475, 493, 494, 500, 504, 512, 513.
 Норвегія,—99, 346.
 „Нощъ“, книга Юнга,—34, 39, 47.

О.

„Образу златому на полѣ Деирѣ служиму...“, стихъ Іоанна Дамаскина,—3.
 Обѣтованная земля,—186, 426.
 Огненные языки,—383.
 Огнь параклитовъ,—203.
 „О жизни Сковороды“, статья издателей „Сюнскаго Вѣстника“,—73.

Олофернъ, ассирійскій полководецъ,—301, 518.
 Омытіе ногъ, обрядъ,—405.
 Орель, городъ,—35.
 Оригенъ,—15.
 Орїонъ,—284.
 Ортодоксія,—VIII.
 Орфей,—196, 529.
 Осія, пророкъ библейскій,—134, 153, 155, 157, 158, 184, 195, 266, 280.
 „О старости“, книга Цицерона,—268.
 Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ,—IX, X, XIV.
 Офень, городъ,—4.

П.

Павель, апостоль,—16, 38, 41, 51, 53, 54, 88, 98, 104, 109, 110, 112, 128, 129, 131, 132, 133, 142, 143, 144, 148, 150, 151, 152, 156, 157, 158, 160, 161, 164, 165, 171, 172, 173, 179, 180, 197, 198, 204, 209, 217, 220, 226, 227, 230, 231, 232, 236, 237, 241, 242, 244, 245, 246, 255, 257, 258, 259, 260, 261, 263, 267, 278, 280, 296, 305, 313, 314, 320, 328, 332, 333, 334, 338, 346, 349, 357, 381, 384, 393, 404, 408, 409, 414, 419, 422, 425, 476, 479, 497, 500, 503, 514, 521, 522, 523.
 Павель Евивейскій,—206.
 Павлово время,—334.
 Панковъ, Аванасій,—443.
 Папа, римскій,—204.
 Папство,—205.
 Параклитовъ духъ,—204.
 Парижъ,—211.
 Пахомій,—206.
 Пентефріева жена,—402.
 „Первая книга Моисеева Бытіе“,—59, 80, 88, 124, 131.
 „Первая книга Паралипоменонъ“,—124.
 „Первая книга Царствъ“,—86.
 „Первое посланіе Петра“,—101.
 „Первое посланіе къ Коринвянамъ“,—124, 278.
 Перевощиковъ, цензоръ,—190¹.
 Переяславъ, городъ,—4, 6, 7, 11.
 Переяславская семинарія,—50.
 Переяславское училище,—4, 5.
 Персіане,—249, 370.
 Персія,—284.
 Петербургъ,—IX, XI, 121, 389, 488.
 Петръ, апостоль,—51, 52, 79, 132, 159, 165, 186, 200, 204, 209, 210, 220, 242, 259, 292, 296, 306, 314, 350, 351, 353, 363, 364, 381, 383, 399, 407, 417, 418, 419, 438, 440, 451, 470, 500, 502, 514, 521, 522.
 Петръ, царь,—439.
 Печерская лавра,—23, 390.
 Пилатъ,—55, 524.
 Пирамиды,—210, 418, 440, 441.
 Письмо апостола Павла къ Тимоѳею,—476.

Пивагоровские бобы,—268.
 Пивагорь,—250, 258, 268, 360, 395, 511.
 Пивея,—8.
 Платонъ,—XI, 15, 30, 250, 360, 368, 369, 497, 498.
 Плутарховы сочинения,—19, 42.
 Плутархъ, писатель,—15, 19, 42, 318, 331, 362, 417.
 Подоль, кварталъ г. Кіева.—30.
 Полтава, городъ,—439.
 Понтъ,—504.
 Поповъ, К., библиотечарь Библиотеки Московской духовной Академіи,—122, 190¹, 303, 530.
 Португальская столица,—467.
 „Посланіе“ апостола Іуды,—418.
 „Посланіе“ Іоанна,—298.
 „Посланіе къ галатамъ“,—80, 313.
 „Посланіе къ евреямъ“,—53, 79.
 „Посланіе къ ефесянамъ“,—53, 142.
 „Посланіе къ колоссянамъ“,—54, 129.
 Посланіе къ филиппійцамъ,—80.
 Потобня, А. А.,—388.
 Православное духовенство—VIII
 Православные.—215.
 Предтеча,—297.
 Презбургъ,—4.
 Президентъ Синода,—439.
 Прокоповичъ, Сеофанъ, писатель,—439
 Прологи—429.
 Пророки,—250.
 „Псалтирь“,—52, 62, 63, 71, 78, 79, 107, 108, 115, 116, 119, 124, 304, 414, 429, 439, 479, 481, 510.
 Публичная библиотека,—IX, 389, 530
 Пути іерусалимскіе,—144.
 Путь Господень,—424.
 „Пятая книга Моисея, Второзаконіе“,—54, 129, 139, 141.
 Пятидесятница,—280.

Р.

Раавина веревка,—384, 385.
 Раавъ, библейскій,—384, 385.
 Рагуиль, библейскій,—156.
 Раздѣловскій, В. Н.,—XI. XII. XIII. XIV.
 Раздѣленіе языковъ,—517.
 Расколь,—67, 362, 370.
 Рафаиль,—141, 393, 398, 414, 420, 424, 425, 426, 427, 428, 433, 478.
 Рахиль,—291, 399, 404.
 Ревекка,—174, 266, 291, 399.
 Редакторъ изданія книги Г. С. Сковороды, И. Т. Лисенкова,—441, 442, 452.
 Ректоръ Киевской Академіи,—439.
 Религиозно-общественное ученіе,—VII.
 Республика,—219, 399.
 Римляне,—212, 213, 408, 517.
 Римскія книги,—390.
 Ровенки, село,—477.
 Родословіе Христово,—129.
 Родось, островъ.—411.
 Рождество Христово,—121, 127, 490.
 Россія,—VII, VIII, XII, 22, 341.

Россіане,—212.
 Россія, современная,—VIII.
 Рувимъ,—56, 525.
 Рукописное отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ,—IX, X, 48, 51, 55, 73, 74, 124, 125, 191, 211, 247, 303, 390, 416, 441, 459, 493.
 Рукописное отдѣленіе Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ,—см. Румянцевскій музей
 Румовскій, Степанъ,—10.
 Румянцевскій музей,—IX, X, XIV, 1, 2, 42, 45, 61, 75, 76, 124, 190¹, 191, 303, 358, 359, 360, 363, 364, 365, 366, 369, 370, 371, 372, 376, 377, 378, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 390, 416, 493.
 Русская наука,—IX.
 Русскіе изральтяне,—VII, VIII
 Русскіе учителя духовнаго христіанства,—VII.
 Русскій языкъ,—XII.
 Русскія секты,—63.
 Рузь,—XII.
 Рузь, библейская,—184, 292, 301, 399.
 Рыцарь духа,—XII.
 Рыцарство духа,—XII.
 Рѣшетниковъ, типографъ,—210.
 Рязань, городъ,—338.

С.

Саваоѡъ,—57, 146, 155.
 Савва освященный,—206.
 Савекъ,—58, 527.
 Савль,—156, 313, 348.
 Савская царица,—127, 409.
 Саддукейство,—36
 Садъ Савека,—58.
 Самійскій мудрецъ,—512
 Самарійская гора,—137.
 Самарія,—194, 350.
 Самарянинъ,—235, 259.
 Самарянка,—208, 403.
 Сампсонъ, библейскій,—281, 282, 286, 296, 297, 301, 364, 367, 381, 382, 386, 387, 395, 399, 416, 438, 449, 500, 503, 511.
 Самуиль, библейскій пророкъ,—79, 171, 291, 399, 489.
 Сарра, библейская,—141, 171, 265, 399, 424.
 Сатана,—401, 415, 416, 417, 479, 484, 504, 506, 507, 520.
 Сатурновы вѣка,—337.
 Сатурнь,—403.
 Саулъ, библейскій,—67, 258, 261, 276, 285, 286.
 Сборникъ Академіи Наукъ,—X.
 „Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго общества“, т. 7,—2, 73.
 Святогорскій монастырь,—32.
 „Святый Боже, святый крѣпкій...“, молитва,—9, 21.
 Священное писаніе,—16, 19, 36, 37, 107, 110, 163, 278, 526.
 Священныя книги,—351.

- Севастьянъ, сынъ Іакинфовъ,—267.
 Седьмой томъ наданій „Харьковского
 „Историко-филологическаго общества“,—
 2, 73.
 Сектантскій отдѣлъ Рукописнаго отдѣленія
 Библиотеки Императорской Академіи
 Наукъ,—IX, X, 48, 75, 76, 124, 191,
 211, 247, 303, 390, 416, 441, 493.
 Сектанаство,—VII, VIII, XII, 18, 22, 33,
 36, 52, 66, 311, 376.
 Сектанты,—10, 22.
 Секты,—30, 35, 36, 63, 127, 306, 361.
 Селла, библейскій,—433.
 Семейный архивъ Срезневскихъ,—51
 Семьдесятъ старцевъ,—280.
 Семьдесятъ толковниковъ,—517.
 Сенека,—360, 491.
 Сигоръ,—392, 452.
 Сидроній,—42.
 Сикимы,—138.
 Силоамская купель,—385.
 Силоамъ,—156, 204, 237, 445, 450.
 Симеонъ,—363.
 Симеонъ столпникъ,—518.
 Симеонъ, сынъ Іакова,—355.
 Симонъ, волхвъ,—317, 348, 350, 413.
 Симонъ, евангельскій,—53, 198, 522.
 Синай,—383, 524.
 Синайская гора,—136, 400.
 Синайскіе холмы,—524.
 Синополь,—439.
 Сираховы слова,—266, 268.
 Сирахъ,—см. Іисусъ сынъ Сираховъ.
 Сисаръ,—291, 300, 383, 434, 518.
 Сиръ, гора,—137.
 Сионскіе сыны,—167, 510.
 „Сионскій Вѣстникъ“, журналъ,—73.
 Сионскій градъ,—492.
 Сионскія врата,—116.
 Сионскія дщери,—167, 404.
 Сионъ, библейскій,—41, 58, 59, 60, 106,
 109, 117, 136, 137, 151, 159, 166, 172,
 175, 197, 206, 208, 210, 233, 256, 258,
 279, 280, 281, 286, 301, 314, 315, 364,
 383, 386, 392, 409, 426, 431, 503, 510,
 514, 519, 527, 528, 529.
 Сионъ, гора,—145.
 Сионъ, небесный,—392.
 Скопцы, сектанты,—10, 154.
 Слово Божее,—248.
 Смирная гора,—145.
 Смирнинская гора,—516, 518.
 Снегиревъ, писатель,—43.
 Собраніе рукописей Г. С. Сковороды,
 М. И. Ковалинскаго,—416.
 Собраніе сектантскихъ рукописей В. Д.
 Бончъ-Вруевича,—124, 441.
 Содомляне,—398, 399, 402, 404, 410, 424,
 512.
 Содомская слѣпота,—402.
 Содомская темница,—404.
 Содомскій царь,—124, 266, 410.
 Содомскій челоуѣкъ,—401.
 Содомское западеніе,—425.
 Содомское поле,—402.
 Содомское сладострастіе,—404.
 Содома, городъ,—260, 298, 379, 392, 396,
 397, 399, 400, 401, 402, 404, 405, 407,
 408, 409, 410, 425, 430, 468, 496, 510,
 Сократъ,—XI, XII, 8, 15, 19, 30, 47, 250,
 331, 359, 482.
 Соломоновская пирамида,—403.
 Соломоновы сады,—284, 300.
 Соломонъ, библейскій, царь,—51, 52, 62,
 77, 125, 127, 131, 141, 142, 153, 154,
 155, 176, 220, 222, 227, 237, 251, 252, 254,
 277, 280, 282, 283, 284, 289, 300, 325,
 352, 377, 378, 385, 386, 388, 400, 402,
 403, 408, 409, 412, 413, 417, 460, 461,
 465, 486, 490, 495, 502, 509, 510, 517,
 519, 521, 528.
 Солонъ,—250, 360.
 Сомнасъ,—57, 80, 85, 88, 185, 187, 526.
 Софіина дщерь,—74.
 Софійскій храмъ,—518.
 Софія,—204.
 Софоніевы львы,—167.
 Софонія, библейскій, пророкъ,—164, 188.
 Софроній, патріархъ,—493.
 Соха, Алексѣй,—267.
 „Сочиненія въ стихахъ и прозѣ Григорія
 Савича Сковороды“ изд. И. Т. Лисен-
 кова,—416, 441, 492.
 „Сочиненія Г. С. Сковороды“—416.
 „Сочиненія Григорія Савича Сковороды“,
 трудъ Д. И. Багалъя,—VIII, IX, 2, 43,
 73, 210, 303, 319, 389, 460, 478.
 Сошальскій, помѣщикъ,—28, 29, 31.
 Спасскій, В. Лукъ,—388.
 Спб.,—см. Петербургъ.
 С-Петербургъ,—см. Петербургъ.
 Списки сочиненій Г. С. Сковороды Д. И.
 Багалъя,—VIII, 129, 130, 131, 132, 134,
 135, 137, 138, 145, 156, 160, 161, 162,
 164, 165, 166, 168, 170, 176, 177, 178,
 179, 180, 181, 182, 185, 187, 188, 302,
 Списокъ Кіевской Духовной Академіи,—
 129, 130.
 Средиземное море,—252.
 Срезневскіе,—XIV, 51, 54, 55, 60.
 Срезневскій, В. И.,—XI, XIV, 51, 55.
 Срезневскій, И. И., профессоръ,—IX, 51,
 73, 459.
 Ставропольская губернія,—16.
 Старица, деревня,—12, 13.
 Старохарьковский монастырь,—32.
 Старый Израиль, секта,—10, 19, 30, 224,
 376, 508.
 Стефанъ святой,—178, 317, 321, 384, 503.
 Студенты,—343.
 Судъ Божій,—69.
 Сумскій монастырь,—32.
 Сумшовъ, Н., профессоръ,—2, 42, 43, 44,
 48, 49.
 Сумы, городъ,—121.
 Сусанна, библейская,—184, 185, 287, 436,
 437.
 Сфинксъ,—292, 359.
 Сынъ Сираховъ,—см. Іисусъ сынъ Сира-
 ховъ.

Сынъ челоѣчскій,—159.
 Сѣверныя страны,—504.
 Сѣннѣанскій монастырь,—32, 390.

Т.

Тайная вечерь,—405.
 Тайны Божіи,—419.
 Тамара, Стефанъ, помѣщикъ,—5, 6, 7, 11, 46, 48.
 Танеость, поле,—314.
 Тацитъ,—9.
 Тевтоны,—80.
 Тевяшовъ, воронежскій помѣщикъ,—32, 247, 319, 359, 388, 389.
 Тиверіевы времена,—55.
 Тиверій,—55, 524.
 Тигръ, рѣка,—55, 524.
 Тимоевъ, апостоль,—476.
 Тить,—14, 326, 362, 509.
 Типографія Б. М. Вольфа,—XIV.
 Товій, библейскій,—141, 298, 393, 414, 425, 427, 476.
 Товить, библейскій,—156, 160, 282, 283, 292, 398, 399, 425, 502.
 Токайскіе сады,—4.
 „Гретья книга Моисеева, Левить“,—140.
 „Гретья книга Царствъ“,—127, 272, 273.
 Троицы Сергія Лавра,—6.
 Троянскій конь,—199.
 „Труды историко-филологическаго общества“,—48, 49.
 Тьма египетская,—379.

У.

„Убогіи Жайворонокъ“, притча Г. С. Сковороды. Изд. Моск. Попеч. Комит. Имп. Челов. О-ва,—478, 492.
 „Указатель Москвитянина“, П. И. Бартевева,—73.
 Украина,—XII, 24, 29, 31, 40.
 „Украинская Старина“, сборникъ Г. П. Данилевскаго,—42, 73.
 Украинскій писатель,—X.
 Украинскій старецъ,—VII.
 Уликъ,—191.
 Унгарія,—208.
 Ураній,—214, 215.
 Уриль,—420, 426, 428, 431, 433, 434.
 Утилитаризмъ,—XI.
 „Утренняя Звѣзда“ 1834 г., журналъ,—73.
 Ученіе русскихъ израильтянъ,—VII.
 Ученіе Сковороды,—VII.

Ф.

Фаэтонь,—355.
 Фазга, гора библейская,—231, 426.
 Фараоновъ сонъ,—396, 402.
 Фараонъ,—378.
 Фаресъ, библейскій патріархъ,—53, 184, 384, 522.

Фарійская пирамида,—440.
 Федоръ,—190¹.
 Физическіе писатели,—165.
 Филаретъ, епископъ,—389, 416, 530.
 Филиппъ, евангельскій,—195, 201, 311, 312, 426, 503.
 Филистимляне,—143, 227, 286, 320, 381, 414.
 Филонъ иудеанинъ,—15, 16.
 Философія,—XI, XIII, 509.
 Филовей,—199.
 Финесъ,—83, 98, 405, 420, 434.
 Флоренція,—212.
 Франція,—31, 222.

Х.

Халевъ, сынъ Іефонніана, Кенезеянина,—56, 100, 123, 126, 131, 185, 270, 291, 300, 510, 525.
 Хамово племя,—143, 161.
 Хамъ,—161.
 Хананейская земля,—184.
 Ханаанъ,—161, 398.
 Харранъ,—417, 508.
 Харьковская губернія,—26, 28, 61.
 Харьковский коллегіумъ,—51.
 Харьковский университетъ,—IX, 73, 121, 388, 389, 441, 452.
 Харьковский училищный монастырь,—32.
 Харьковское историко-филологическое общество,—VIII, IX, 2, 43, 48, 49, 75, 359, 364, 388, 389.
 Харьковское намѣстничество,—390.
 Харьковское училище,—11, 13, 26.
 Харьковъ, городъ,—VIII, IX, 13, 14, 24, 29, 32, 73, 123, 210, 211, 319, 359, 364, 389.
 Хвалынское море,—397.
 Хевронъ,—123, 126, 189, 299.
 Хезронъ,—см. Хевронъ.
 Хермель,—143, 270, 271.
 Хлыстовство,—VII.
 Хлысты,—VII.
 Ховеръ,—291.
 Хоривъ, гора,—58, 527.
 Хотегово, село,—32, 35, 39, 40, 42.
 Храмъ Господній,—158.
 Христиане,—VII, 38, 52, 64, 68, 72, 127, 215, 224, 242, 353, 365, 492, 507, 521, 522.
 Христиане-израильтяне, сектанство,—VII.
 Христианская вселенная,—507.
 Христианскій вождь,—127.
 Христианство,—VII, 355.
 Христова плащеница,—55.
 Христова премудрость,—405.
 Христовая школа,—226.
 Христово благоуханіе,—426, 432.
 Христово сердце,—445.
 Христово ученіе,—227.
 Христовъ духъ,—432.
 Христовъ крестъ,—160, 415, 523.
 Христовъ умъ,—160.
 Христовы заповѣди,—415.
 Христовъ хлѣбъ,—345.

Христось,—XI, 18, 27, 51, 52, 53, 54, 56, 68, 92, 97, 110, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 142, 144, 150, 151, 158, 160, 161, 171, 176, 193, 198, 199, 200, 201, 205, 207, 227, 228, 230, 243, 245, 254, 256, 263, 266, 273, 274, 296, 297, 298, 305, 345, 346, 348, 349, 357, 383, 397, 398, 400, 405, 408, 409, 413, 414, 415, 416, 432, 437, 439, 445, 465, 479, 481, 486, 487, 488, 489, 490, 498, 500, 501, 507, 521, 523, 524.

Христось,—см. Иисусъ Христось.

Ц.

Царство Божіе,—18, 142, 145, 148, 150, 159, 161, 167, 176, 182, 203, 248, 338, 340, 344, 345, 347, 348, 349, 351, 412, 413, 414, 422, 432, 435, 445, 449, 471, 516, 517, 518.

Царство небесное,—445, 488, 509.

Царь израильскій,—128.

Цензурный комитетъ,—125, 128.

Церюлисты,—263.

Цецина,—9.

Цинна,—9.

Цицеронъ,—15, 42, 82, 250, 268, 321, 357, 360.

Цытеріа,—401.

Ч.

Черкескіе верхи,—399.

Черное море,—153, 249, 275.

Чернухи, село,—3.

Черный Понгъ,—504.

„Четвертая книга Моисеева, Числа“,—100, 134, 154.

„Четвертая книга Судей“,—300.

„Четвертая книга Царствъ“,—297, 260, 266, 272.

Ш.

Шахматовъ, А. А., академикъ,—VIII, XI, XIV.

Швейцарія,—31.

Шешай, библейскій,—126.

Щ.

Щербининъ, Евд. Алекс., губернаторъ Харьковскій,—24, 25, 26, 32.

Щетининъ, А. Г. сектантъ, старый израиль, чемрекъ,—376.

Э.

Эвратусъ, монахъ,—473.

Эврипидъ,—427.

Эворратъ, рѣка,—55, 524.

Эдипъ, мудрецъ,—263, 264.

Экономическіе писатели,—165.

Эсѳиръ, библейская,—292.

Ю.

Юдиѳъ,—184, 288, 518.

Южная страна,—427.

Южная губерніи,—XI.

Юзефъ-Марія,—320.

Юнгъ, писатель, философъ,—32, 34, 39, 47.

Юпитеръ,—20, 199, 333, 420.

Юристы—481.

Я.

Языческая грязь,—353.

Языческая дѣва,—332.

Языческая земля,—186.

Языческіе философы,—345.

Языческіе храмы,—227.

Языческій родъ,—136.

Языческій телець,—182.

Языческій ядъ,—356.

Языческія басни,—356.

Языческія фигуры,—380, 382.

Языческое богословіе,—328, 352.

Язычество,—215, 355.

Язычники,—128, 244, 289, 292, 328, 329, 353, 356.

Якубовичъ, Гервасій,—11, 12, 13.

Японскіе острова,—264.

Ярославская мануфактура,—211.

Ястребовъ, В. Н.,—42.

Ю.

Юаворъ,—55, 129, 132, 383, 408, 523, 524.

Юалисъ, мудрецъ,—318, 321, 322.

Юалмай, библейскій,—126.

Юамаръ, библейская,—51, 53, 184, 187, 278, 285, 399, 521, 522.

Юамнаѳъ городъ,—387.

Юарсисъ, городъ,—440.

Юевайдская премудрость,—75.

Юома,—503.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

на ежемѣсячный литературный, научный и политическій журналъ

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

XXI годъ изданія.

XXI годъ изданія.

Журналъ ставитъ своей задачей распространеніе среди читателей идей послѣдовательнаго политическаго и соціальнаго демократизма. Наряду съ вопросами политической и общественной жизни, журналъ удѣляетъ серьезное вниманіе вопросамъ естествознанія, литературы, исторіи и искусства.

Журналъ издается при прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

Постоянные отдѣлы: Литературные отклики, **Вл. Кранихфельда**; Искусство; Наука и жизнь; Политическое обозрѣніе, **Ник. Гюрданскаго**; Вопросы текущей жизни, **І. Ларскаго**; Родныя картинки, **А. Яблоновскаго**; За рубежомъ, **К. Вейдемюллера**; Критика и библиографія.

ВЫШЕЛЪ № 8 (АВГУСТЪ).

Содержаніе: Стихотворенія: **С. Клычкова**, **Б. Садовскаго**, **Вс. Кожевникова**, **С. Головачевскаго** и **Демьяна Бѣднаго**; „Призракъ“ (повѣсть), **С. Гусева-Оренбургскаго**; „Бабушкина смерть“ (разск.), **Н. Олигера**; „Къ широкой дорогѣ“ (романъ), **А. Бибина**; „Патрицій“ (романъ), **Дж. Гэлсуорси**; „Диверсія“ (новелла), **А. Гржимала-Сѣдлецкаго**; „Три красныя розы“ (разск.), **М. М. Синь**; „Карлъ Марксъ и русскіе люди 40-хъ годовъ“, **Н. Рязанова**; „Организація потребителей“, **М. Соболева**; „Смотря по обстоятельствомъ“, **Е. Смирнова**; Поэты-рабочіе“, **В. Фриче**; „Нео-мальтузианцы и моралисты“, **Н. Тасина**; „Откровенныя рѣчи“, **В. Зеленна**; „Третья Дума“, **Л. Мартова**; „Государственная Дума и мѣстныя нужды“, **Б. Веселовскаго**; „Второй актъ“ (По поводу турецкихъ событій), **К. Вейдемюллера**; „Передъ узаконеніемъ“, **І. Ларскаго**; „Въ мірѣ звуковъ“, **В. Львова-Рогачевскаго**; „Памяти Н. Ф. Анненскаго“, **Вл. Кранихфельда**; новыя книги; объявленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ	9 р. — к.	} Съ доставкой и пересылкой во все города имперіи.
полгода	4 „ 50	
4 мѣсяца	3 „ —	
мѣсяць (только для иногор.) —	75 „	

За границу—12 р. за годъ; 6 р. за полгода.

Безъ доставки въ Спб.—8 р. въ годъ; и 4 р. полгода.

Подписка на иные сроки, кромѣ указанныхъ, НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Книжные магазины, принимая подписку на журналъ, могутъ удерживать въ свою пользу: **40 к.** съ годового подписчика и **20 к.** съ полугодового (съ заграничн. подписчиковъ **60 к.** съ годового и **30 к.** съ полугодового).

Подписка на третъ года 1 м. отъ магазиновъ не принимается.

Розничная цѣна отд. № **85 к.**; съ наложеннымъ платежемъ—1 р.

Перемѣна адреса—14 к. (можно марками).

АДРЕСЪ КОНТОРЫ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НАДЕЖДИНСКАЯ УЛ., № 33, КВ. 5. Тел. 470—14.

(Контора открыта отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни, кромѣ праздниковъ).

Издательница *М. К. Гюрданска*

Редакторъ *В. П. Кранихфельдъ.*

НБ ПНУС

256278